39. 35 87

<36605033710015 S

<36605033710015

Bayer. Staatsbibliothek

№ 427 №1074 № 427

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I

И

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

ПРОФЕССОРА

В. К. Надлера.

Томъ V.

Библіотека Радомской
Женской Гимназіи

Изданіе книгопродавца Н. Киммеля
въ Ригѣ.

1892.

бw. 3878 9

Дозволено цензурою. Одесса, Января 21 дня 1892 года.

Харьковъ. Типографія Губернскаго Правленія.

~~№ 1074~~ № 427

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I.

съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ

НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

всеподданнѣйше

ПОСВЯЩАЕТЪ

Авторъ.

39. 3587-5

Bayerische
Staatsbibliothek
München

D

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I. стр. 1—114

Союзный бивуакъ подъ Парижемъ.—Война празднуетъ свою послѣднюю оргію.—Тревожный ночлегъ.—У кирасировъ.—Проѣздъ Коленкура.—Депутаты добраго города Парижа.—Первый взглядъ на новый Вавилонъ.—Разочарованіе.—Москва и Парижъ.—На бивуакахъ второго корпуса.—Приказъ Барклая-де-Толли и отвѣтъ Евгенія.—Первые русскіе въ Парижѣ.—Отборныя войска.—Александръ передъ вступленіемъ въ Парижъ.—Свита монарховъ.—Герцогъ Евгеній и 20-й егерскій полкъ.—Торжественное шествіе.—Первыя впечатлѣнія.—Пролетаріи предмѣстій и ихъ настроеніе.—Парижскіе бульвары и начало шумныхъ овацій.—Парижскія дамы и бурбонскіе кавалеры.—Всеобщій восторгъ при видѣ Александра.—Все тѣснится къ русскому государю.—Привѣтливое обращеніе Александра и возростающій энтузіазмъ. — Удивленіе побѣдителей.—Оправданіе парижанъ.—Смотръ на Елисейскихъ поляхъ и любопытство парижанокъ.—Бурбонскіе агитаторы.—Первая роялистская демонстрація.—Вандомская колонна и тщетныя усилія черни.—Мѣдный Наполеонъ и семеновскіе гвардейцы.—Самодержавный народъ и его ловкіе руководители.—Французскіе политики и Талейранъ.—Реставрація Бурбоновъ.—Талейранъ ловко идетъ къ намѣченной имъ цѣли.—Первые шаги герцога Беневентскаго.—Его совѣщаніе съ Нессельроде.—Мнимая мина подъ Елисейскимъ дворцомъ.—Императоръ Александръ въ отелѣ Талейрана.—Сообщники Талейрана.—Совѣщаніе о судьбѣ Франціи.—Рѣчь императора Александра.—Все высказывается противъ Наполеона.—Регентство Маріи Луизы и рѣчь Талейрана.—Замѣчанія князя Лихтенштейна и Александра.—Талейранъ стоитъ на своемъ мнѣніи.—Онъ вводитъ своихъ помощниковъ. «Мы всѣ роялисты! всѣ французы—роялисты».—Цинизмъ барона Луи.—Рѣшеніе.—Декларація союзниковъ.—Талейранъ созываетъ французскій сенатъ.—Временное правительство и его члены.—Основныя начала будущаго политическаго строя Франціи.—Талейранъ назначаетъ министровъ.—Роялисты теряютъ терпѣніе.—Нессельроде и новый тонъ парижской печати.—Брошюра Шатобріана.—Второстепенные и третьестепенные писаки.—Памфлеты на Наполеона.—Сцены въ театрахъ.—Долой орла! политическая апатія парижанъ и ихъ невѣжество.—Муниципальный совѣтъ города Парижа провозглашаетъ низложеніе Наполеона.—Императоръ Александръ и парижане.—Религіозное настроеніе Александра.—Русская церковь и намѣреніе говѣть.—Дѣятельность Коленкура въ Парижѣ.—Его бесѣды съ Талейраномъ и другими французскими политиками.—Его разговоръ съ Шварценбергомъ.—Аудіенція Коленкура

у Александра.—Безповоротное рѣшеніе русскаго государя.—Онъ предлагаетъ Наполеону островъ Эльбу.—Отъѣздъ Коленкура въ Фонтенебло.—Аудіенція французскаго сената у императора Александра.—Рѣчь государя и его подарокъ Франціи.—Сенатъ низлагаетъ Наполеона.—Страхъ французскихъ политиковъ передъ Наполеономъ и его мнимыми полчищами.—Они возлагаютъ всѣ свои надежды на измѣну наполеоновыхъ маршаловъ.—Талейранъ останавливаетъ свое вниманіе на маршалѣ Мармонѣ.—Характеръ Мармона.—Его бывшій адъютантъ совѣтуетъ ему перейти на сторону временнаго правительства.—Измѣна Мармона.—Наполеонъ въ Фонтенебло.—Его бесѣда съ Коленкуромъ.—Императоръ готовится атаковать союзниковъ.—Его рѣчь гвардейцамъ.—Недовольство въ средѣ генераловъ.—Военный заговоръ.—Маршалы вступаютъ въ объясненіе съ Наполеономъ.—Макдональдъ и письмо Бернонвиля.—Маршалы требуютъ отреченія Наполеона въ пользу короля римскаго.—Наполеонъ даетъ свое согласіе.—Онъ назначаетъ своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ съ союзными государями.—Актъ отреченія.—Безтактное поведеніе маршаловъ.—Тайные разсчеты и надежды Наполеона.—Вѣсть объ измѣнѣ Мармона.—Прибытіе маршаловъ въ Эссону.—Мармонъ сознается имъ въ своемъ поступкѣ.—Онъ отправляется съ ними въ Парижъ.—Свиданіе съ Шварценбергомъ.—Аудіенція маршаловъ у императора Александра.—Рѣчь государя.—Маршалъ Ней произноситъ рѣшительное слово.—Колебаніе Александра; онъ откладываетъ свой отвѣтъ до слѣдующаго дня.—Страшныя вѣсти изъ Эссоны.—Корпусъ Мармона отходитъ за союзныя линіи.—Вторая аудіенція маршаловъ у императора Александра.—Вѣсть о переходѣ корпуса Мармона рѣшаетъ судьбу Наполеона и его сына.—Мятежъ солдатъ Мармона.—Маршалъ возстановляетъ порядокъ.—Возвращеніе Нея въ Фонтенебло и его разговоръ съ Наполеономъ.—Иллюзіи Наполеона.—Долгая бесѣда съ Коленкуромъ.—Безусловное отреченіе Наполеона.—Пророчество Наполеона и восторгъ маршаловъ.—Возвращеніе маршаловъ въ Парижъ.—Ихъ аудіенція у Александра.—Случайное заблужденіе государя.—Онъ ласково принимаетъ маршаловъ и беретъ подъ свою защиту интересы фамиліи Бонапарте.

Глава II. стр. 115—176

Кандидаты на мѣсто Наполеона.—Бернадоттъ, его измѣническіе происки и честолюбивые планы.—Александръ рѣшается проучить Гасконца.—Миссія, возложенная на Поццо-ди-Борго.—Дружескій обѣдъ и неожиданное открытіе.—Сенатъ составляетъ новую конституцію для Франціи.—Публика начинаетъ забывать Наполеона.—Дипломаты возстаютъ противъ условій, дарованныхъ Наполеону Александромъ.—Государь намѣренъ сдержать во что-бы то ни стало данное слово.—Двусмысленное поведеніе Наполеона.—Безпорядки въ Фонтенебло.—Договоръ союзниковъ съ Наполеономъ.—Шифрованное письмо и новыя иллюзіи Наполеона.—Наполеонъ говоритъ о своихъ маршалахъ и министрахъ.—Его страхъ и отчаяніе.—Мысль о самоубійствѣ.—Легенда и дѣйствительность.—Внезапная перемѣна въ настроеніи Наполеона.—Мечты о новой жизни.—Марія Луиза и послѣдняя миссія Коленкура.—Наполеонъ собирается въ изгнаніе.—Союзные коммиссары.—Графъ П. А. Шуваловъ и инструкціи императора Александра.—Наполеонъ принимаетъ коммиссаровъ.—Спутники Наполеона.—

Новыя колебанія Наполеона.—Его бесѣды съ гр. Коллеромъ и Кемпбелемъ.—Прощаніе съ гвардіею, выѣздъ изъ Фонтенебло.—Первые дни путешествія.—Самообольщеніе Наполеона и предостереженіе гр. Коллера.—Первые признаки бури.—Встрѣча съ Ожеро.—Сцены въ Авиньонѣ.—Оргонская висѣлица.—Страхъ Наполеона.—Его одинокое бѣгство.—Корчма въ Ла-Каладѣ.—Страшная хозяйка.—Маскарадъ.—Кламъ и его открытые приказы.—Наполеонъ пробираетъ мѣстнаго подпрефекта.—Свиданіе Наполеона съ сестрою.—Берегъ моря.—Наполеонъ предпочитаетъ ѣхать на англійскомъ фрегатѣ.—Переѣздъ на Эльбу.—Политическія бесѣды на бортѣ 'Undaunted'a.—Корсика.—Встрѣча, устроенная Наполеону на Эльбѣ.—Прощаніе съ комиссарами.—Наполеонъ на Эльбѣ.—Его явная и тайная дѣятельность.

Глава III. стр. 177—223

Легенды и дѣйствительность.—Голосъ современника.—Чѣмъ ниспровергнутъ былъ Наполеонъ?—Великій контрастъ между Наполеономъ и Александромъ.—Отзывъ Штейна.—Великодушіе Александра.—Источникъ, изъ коего черпалъ Александръ свои силы.—Религіозное настроеніе императора.—Страстная седмица и говѣніе.—Молебствіе на площади Согласія.—Свидѣтельство Александра.—Французскіе плѣнные.—Французскіе офицеры.—Ссоры и дуэли.—Прусская ротонда.—Недовольство среди русскихъ военныхъ.—Сакенъ и Рошешуаръ.—Голодные бивуаки на Елисейскихъ поляхъ.—Человѣколюбіе и щедрость Александра.—Популярность русскаго императора.—Уличные куплеты и пасквили.—Оваціи, устраиваемыя Александру въ Парижѣ.—Статуя Наполеона.—Александръ въ домѣ инвалидовъ.—Аустерлицкій мостъ.—Апполонъ Бельведерскій и казаки.—Александръ и французскій институтъ.—Французская лесть.—Медаль въ честь Александра.—Бюстъ императора.—Александръ у императрицы Жозефины.—Признательность Александра.—Генералъ Пфуль.—Александръ и Лагарпъ.—Александръ и Бурбоны.—Перемиріе.—Великодушіе союзниковъ и недовольство французскихъ патріотовъ.—Людовикъ XVIII, его характеръ и судьба.—Прибытіе Людовика во Францію.—Торжественная встрѣча въ Компьенни.—Людовикъ и представители новой Франціи.—Бернадоттъ.—Людовикъ противъ конституціи, составленной сенатомъ.—Александръ ходатайствуетъ за конституцію передъ королемъ.—Свиданіе Александра съ Людовикомъ.—Смѣшная надменность Людовика.—Обѣдъ въ Парижѣ.—Декларація о правахъ.—Торжественный въѣздъ Людовика въ Парижъ.—Первый Парижскій миръ.—Новыя проволочки по поводу обнародованія конституціи.—Отъѣздъ Александра изъ Парижа.—Статья Монитера.

Глава IV стр. 224–250

Задача Александра.—Англія и ея участіе въ борьбѣ съ революціею и Наполеономъ.—Принцъ-регентъ и его приглашеніе.—«Первый джентльменъ въ Европѣ».—Поѣздка союзныхъ государей въ Англію.—Встрѣча въ Луврѣ и Лондонѣ.—Блюхеръ и англійская масса.—Оваціи и празднества.—Скромность Александра.—Почетные доктора.—Банкетъ отъ города Лондона.—Отъѣздъ Государя изъ Англіи.—Александръ въ Нидерландахъ.—Торжественныя встрѣчи въ Антверпенѣ, Амстердамѣ и другихъ городахъ.—Петръ I и Александръ.—Титулъ Благословеннаго.—Прошеніе государственныхъ чиновъ.—Отвѣтъ Александра.

Глава V стр. 251—291

Путешествіе Александра въ южную Германію.—Предстоящая встрѣча.—Семейная жизнь императора. - Бракъ съ Елизаветою Баденскою.—Характеръ Елизаветы, ея образъ жизни и отношенія къ Александру.—Охлажденіе между супругами.—Событія 1812 года.—Поѣздка Елизаветы въ Германію. Жизнь въ Брухзалѣ.- Дѣвица Стурдза и государственный секретарь.—Маркграфиня и строгій этикетъ.—Сентиментальныя настроенія.—Вѣсть о взятіи Парижа.—Энтузіасты.—Мистики и пророки. Шишковъ на молитвѣ у Крицинеръ.—М-me Кридинеръ и Юнгъ-Штиллингъ.—Дѣтство и молодость Штиллинга.—Суровая школа.—Мистическіе порывы.—Гёте и Юнгъ-Штиллингъ. Испытанія и просвѣтленіе.—Сомнѣніе и Кантъ. «Царство духовъ.» «Тоска по родинѣ».—Взглядъ Штиллинга на современныя событія.—Александръ и Наполеонъ.—Штиллингъ благоговѣетъ передъ Александромъ, какъ передъ избранникомъ Провидѣнія.

Глава VI стр. 292—356

Г-жа Кридинеръ, происхожденіе, воспитаніе, характеръ.—Замужество.—Начало бродячей жизни.—Неудачный романъ.—Свѣтскіе успѣхи.—Переходъ на литературное поприще.—«Валерія» и причины ея успѣха.—Наполеонъ Бонапарте и г-жа Кридинеръ.—Сожженіе Валеріи.—Черный ангелъ.—Бѣгство въ Ливонскую глушь. Обращеніе г-жи Криденеръ.—Характеръ ея религіозности.—Моравскіе братья и г-жа Кридинеръ.—Новый пророкъ.—Королева Луиза и г-жа Криденеръ.—Мистики и пророки.—Проповѣди г-жи Криденеръ.—Образчикъ ея созерцаній.—Марія Куммеръ и ея пророчества.—Наполеонъ и Александръ.—Отношенія мистиковъ къ Александру.—Мнимый заговоръ хиліастовъ.—Легендарныя сказанія объ Александрѣ и Криденеръ.—Юнгъ Штиллингъ и Стурдза.—Пріѣздъ императора Александра въ Баденъ.—Встрѣча въ Рөрбахѣ.—Бесѣда Александра съ дѣвицею Стурдза.—Большой пріемъ въ Брухзалѣ.—Второй разговоръ Александра съ Стурдзою.—Тройной союзъ.—Г-жа Свѣчина и ея отношенія къ Криденеръ и мистикамъ.—Шишковъ и императрица Елизавета.—Отъѣздъ Александра.—Прибытіе въ Россію.—Встрѣча государя въ Петербургѣ.—Послѣдствія Отечественной войны.—Русскій народъ и русская знать.—Милостивый манифестъ.—Шишковъ и крѣпостное право.—Гнѣвъ Александра и исправленіе манифеста.—Отъѣздъ государя на конгрессъ въ Вѣну.

Глава VII. стр. 357—479

Подготовленіе къ Вѣнскому конгрессу.—Первые гости. Князья и бароны св. римской имперіи.—Король Виртембергскій Фридрихъ и кронпринцъ Вильгельмъ.—Король Датскій.—Король Баварскій.—Евгеній Богарне и Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій.—Посольства великихъ державъ.—Лордъ Кестльри и его товарищи.—Графъ Мюнстеръ.—Французское посольство.—Талейранъ и его планы.—Помощники Талейрана и его салонъ.—Меттернихъ и его легкомысліе.—Помощники Меттерниха.—Прусское посольство: князь Гарденбергъ и баронъ В. Ф. Гумбольдтъ.—Представители Россіи: князь Разумовскій, графъ Нессельроде, графъ Штакельбергъ.—Другіе представители Россіи.—Баронъ Штейнъ. - Князь Адамъ Чарторижскій и его польскіе планы.—Увлеченія Александра.—Онъ рѣшается возстановить Польшу.—

Соглашеніе съ Пруссіею.—Оппозиція Франціи, Австріи и Англіи.—Письмо Ф. Ф. Генца.—Общественное мнѣніе Россіи.—Александръ въ Пулавахъ.—«Майка ойчизны».—Торжественный въѣздъ Александра и Фридриха-Вильгельма въ Вѣну.—Въѣздъ императрицы Елизаветы.—Гостепріимство австрійскаго двора.—Императрица Марія-Людовика и ея супругъ.—Вѣна во время конгресса.—Уличная жизнь.—Вѣнскіе салоны.—Салонъ императрицы.—Балы и редуты—Царственныя красавицы.—Другія представительницы красоты и граціи.—Дипломатическіе салоны.—Салоны чисто свѣтскаго характера.—Русскій салонъ и русскія красавицы.—Развлеченія и потѣхи: балы, маскарады, концерты, живыя картины, лоттереи, карусели, театральныя представленія, охоты, катанія въ саняхъ.—Торжества особаго рода; празднество годовщины Лейпцигскаго боя.—Обѣдъ во дворцѣ Разумовскаго.—Балъ 24-го Ноября.—Князь де-Линь и его остроты.—Печальные результаты Вѣнскаго веселья.—Намѣренія и планы императора Александра.—Талейранъ и легитимное право.—Первоначальныя намѣренія Меттерниха.—Конференціи «союзныхъ державъ».—Талейранъ и второстепенныя державы.—Приглашеніе Меттерниха и первая конференція шести державъ.—Первые успѣхи Талейрана.—Оффиціальная нота Талейрана и переполохъ въ средѣ Шомонскихъ союзниковъ.—Негодованіе императора Александра.—Первый разговоръ Александра съ Талейраномъ.—«Интересы и право».—Вторая конференція уполномоченныхъ шести державъ.—Открытіе конгресса и правила о допущеніи.—Меттернихъ измѣняетъ свою тактику.—Сдѣлка между Меттернихомъ и Талейраномъ.—Третья конференція уполномоченныхъ.—«Съ объявленіемъ или безъ объявленія».—Разоблаченіе коварства Меттерниха.—Непріятный для Меттерниха разговоръ съ Александромъ.—Александръ пытается разубѣдить императора Франца.—Второй разговоръ Александра съ Талейраномъ.—Бесѣда Александра съ лордомъ Кестльри.—Меморандумъ и препроводительное письмо Кестльри.—Второй разговоръ Александра съ Кестльри.—Записка Штейна по польскому вопросу и недовольство Александра.—Русскій отвѣтъ на англійскій меморандумъ.—Разговоръ Александра съ Штейномъ о Польскомъ вопросѣ.—Александръ вызываетъ въ Вѣну Каподистрію и Поццо-ди-Борго—Мемуаръ Поццо-ди-Борго по Польскому вопросу.—Мнѣніе Каподистріи по тому-же вопросу.—Соглашеніе между Россіею и Пруссіею.—Отвѣтъ Кестльри на русскую ноту.—Уступчивость Александра и его бесѣда съ Штейномъ.—Проэктъ конференціи четырехъ державъ.—Совѣщаніе Кестльри съ Талейраномъ.—Талейранъ даетъ урокъ Лорду Стюарту.—Кестльри требуетъ допущенія Франціи на предварительную конференцію четырехъ державъ.—Первое засѣданіе конференціи и русское предложеніе.—Кестльри получаетъ важныя извѣстія.—Второе засѣданіе и вспышка лорда Кестльри.—Талейранъ беретъ окончательно въ руки англійскаго министра.—Тайный договоръ трехъ державъ.—Неслыханное вѣроломство.—Защитники божественнаго права.—Несостоятельность русско-прусской дипломатіи.—Тройственный союзъ готовится къ войнѣ.—Конгрессъ продолжаетъ веселиться.—Сильныя впечатлѣнія: заупокойная месса по Людовикѣ XVI, похороны австрійскаго фельдмаршала, пожаръ дворца Разумовскаго.—Высокое религіозное настроеніе Александра.—Посланіе императора къ его союзникамъ.—Первый оффиціальный проэктъ «Священнаго союза».—Александръ и послѣдовательность его религіоз-

наго развитія.—Самостоятельность Александра и посторонния влиянія на него.—Мнимое нравственное паденіе Александра въ Вѣнѣ.—Измышленія хиліастовъ и сплетни Меттерниха.—Александръ въ обществѣ вѣнскихъ дамъ.—«Кто будетъ наслѣдникомъ Александра?».—Истинный источникъ и характеръ душевныхъ страданій Александра.—Великодушіе и уступчивость Александра.—Принципы Священнаго союза.—M-me Кридинеръ и ея восторженныя пророческія посланія.—Францъ Баадеръ и его посланіе къ Александру.—Кестльри измѣняетъ свою тактику.—Разрѣшеніе Польско-Саксонскаго вопроса.—Улаженіе остальныхъ дѣлъ.—Прерванный танецъ.—Страшная вѣсть.—Наполеонъ во Франціи.

Глава VIII стр. 480- 562

«Громовой ударъ».—Бонапартовская интрига.—Бурбонскій режимъ, его характеръ и его ошибки.—Французская армія.—Предостереженіе.—Ослѣпленіе французскаго правительства и его представителей.—Легкомысліе Талейрана.—Саксонскій вопросъ.—Отрезвленіе Талейрана.—Декларація восьми державъ.—Наполеонъ внѣ защиты законовъ.—Возобновленіе Шомонскаго союза.—Паденіе Бурбоновъ.—Военныя приготовленія союзниковъ.—Цѣли войны.—Англія намѣрена вновь возстановить Бурбоновъ.—Пассивное отношеніе Австріи и Пруссіи къ Бурбонамъ, и ихъ намѣреніе потребовать земельныхъ вознагражденій отъ Франціи.—Принципіальныя основы политики Александра.—Обвиненія въ непослѣдовательности и перемѣнчивости.—Неосновательность этихъ обвиненій.—Колебанія Александра въ его отношеніяхъ къ Франціи и ихъ истинный источникъ.—Христіанскій характеръ политики Александра.—Либеральныя идеи Александра.—Его внутренняя борьба.—Разговоръ Александра съ лордомъ Кланкарти.—Герцогъ Орлеанскій—кандидатъ на французскую корону.—Отзывы Александра о Людовикѣ XVIII и его приближенныхъ.—Двойственная политика Лондонскаго кабинета.—Тщетныя усилія Наполеона разстроить европейскую коалицію.—Наполеонъ въ роли либерала и поборника мира.—Манифестъ Наполеона.—Наполеонъ дѣлаетъ неожиданную находку въ кабинетѣ Людовика XVIII.—Королева Гортензія пишетъ письмо императору Александру.—Достопамятная сцена въ кабинетѣ Александра.—Меттернихъ и его сообщники пойманы на мѣстѣ преступленія.—Неудачная миссія «домашняго друга».—Вся Европа превращается въ военный лагерь.—Поспѣшная работа дипломатовъ.—Конецъ Вѣнскаго конгресса.—Александръ въ Баваріи.—Грустное настроеніе императора.—Пріѣздъ Александра въ Гейльбронъ.—Таинственная дама и неожиданная аудіенція.—Какъ попала m-me Кридинеръ въ Гейльбронъ?—Велѣніе Свыше или вмѣшательство Баденской полиціи?—Идиллія на мельницѣ.—Проповѣдническая дѣятельность m-me Кридинеръ.—Переписка «пророчицы» съ Стурдзою.—Нетерпѣливое ожиданіе.—Свидѣтельство Александра о его первой бесѣдѣ съ m-me Кридинеръ.—Странное стеченіе обстоятельствъ.—Гейльбронская бесѣда не имѣетъ никакого отношенія къ политикѣ.—Александръ находитъ утѣшеніе и успокоеніе въ словахъ Кридинеръ.—Александръ въ Гейдельбергѣ.—Духовныя бесѣды въ крестьянскомъ домикѣ на берегу Неккара.—M-me Кридинеръ и Ампейтазъ.—Чтеніе Слова Божьяго.—Вѣра во Христа и примиреніе съ Божествомъ.—Сила молитвы.—Увѣренность Александра въ правотѣ своего

дѣла и въ побѣдѣ.—Благотворное вліяніе Кридинеръ на Государя.—Твердое и спокойное настроеніе Александра.—Австрійскіе стратеги и ихъ военные планы.—Несогласіе Александра.—Военный совѣтъ.—Извѣстія изъ Бельгіи.—Битва при Линьи.—Уныніе въ главной квартирѣ союзниковъ.—Твердость. Александра.—Онъ предсказываетъ скорую побѣду.—Побѣда при Ватерлоо. Радость и молитва Александра.—Движеніе союзныхъ войскъ на Парижъ.—Французское посольство въ лагерѣ союзниковъ.—Взятіе Парижа англо-прусскими войсками.—Пріѣздъ Александра въ Парижъ.

Глава IX. стр. 563—643

Союзные монархи въ Парижѣ.—Положеніе дѣлъ.—Вторая реставрація Людовика XVIII.—Политика Веллингтона и Блюхеровская расправа.—Безпомощное положеніе Людовика; онъ рѣшается искать защиты у русскаго императора.—Александръ беретъ подъ свое покровительство Францію.—Принципы, которыми рукородится онъ въ своей политикѣ.—Первыя мѣропріятія союзныхъ государей.—Продовольствіе и содержаніе союзныхъ войскъ.—Возвращеніе награбленныхъ сокровищъ искусства.—Взгляды Александра и Каподистріи на восточный вопросъ.—Орденъ Св. Духа.—Конференція союзныхъ уполномоченныхъ.—Разногласіе между союзниками.—Англія высказывается въ пользу Франціи.—Австрія и Пруссія требуютъ раздѣла Франціи.—Второстепенныя державы противъ Франціи.—Смущеніе Французскихъ министровъ.—Каподистрія и письмо Людовика XVIII къ Александру.—Записка Каподистріи.—Нравственныя и матерьяльныя гарантіи. — Александръ передѣлываетъ записку Каподистріи.—Нота Талейрана.—Записка Меттерниха.—Мнѣніе В. ф. Гумбольдта.—Прусская декларація.—Записка кронъ-принца Виртембергскаго.—Императоръ остается непреклоннымъ.—Александръ вызываетъ въ Парижъ барона Штейна.—Первый разговоръ Александра съ Штейномъ.—Свиданіе Штейна съ Каподистріею. —Штейнъ представляетъ свою записку государю.—Вторая аудіенція Штейна у государя.—Александръ соглашается лишь на второстепенныя уступки. —Великодушіе Александра къ Франціи и его презрѣніе къ французамъ.—Религіозная идея въ основѣ политики Александра.—Отставка Фуше и Талейрана.—Герцогъ Ришелье во главѣ французскаго министерства.—Торжество русской политики.—Австрія, а вслѣдъ за нею и Пруссія склоняются предъ волею Александра.—Ультиматумъ союзниковъ.—Второй Парижскій миръ.—Религіозныя идеи и ихъ представители.—M-me Кридинеръ и ея вліяніе на императора.—Легенды и басни.—M-me Кридинеръ и Стурдза.—Путешествіе Кридинеръ въ Парижъ.—Hotel Monchenû и Елисейскій дворецъ.—Шпіоны и шпіонки.—Разочарованіе и негодованіе высшаго свѣтскаго общества.—Вѣнскія дамы въ Парижѣ.—Александръ избѣгаетъ салоновъ и всякихъ собраній.—Вечера у m-me Кридинеръ.—Молитва и чтеніе Слова Божьяго. — Проповѣди Ампейтаза.—Фантазіи Сенъ-Бева. — Богословская доктрина и евангельская любовь.—Тайна вліянія Кридинеръ на Александра.—Безкорыстіе m-me Кридинеръ.—Фонтенъ и его ясновидящая.—Странная исторія.—M-me Кридинеръ и политика.—Милосердіе и великодушіе Александра.—Басни по поводу смотра при Вертю.—Дѣйствительное значеніе этого событія.—Идея священнаго братскаго союза принадлежитъ всецѣло одному Александру.—Императоръ желаетъ утвердить европейскую

ГЛАВА I.

Союзный бивуакъ подъ Парижемъ.—Война празднуетъ свою послѣднюю оргію.—Тревожный ночлегъ.—У кирасировъ.—Проѣздъ Коленкура.—Депутаты добраго города Парижа.—Первый взглядъ на новый Вавилонъ.—Разочарованіе.—Москва и Парижъ.—На бивуакахъ второго корпуса.—Приказъ Барклая-де-Толли и отвѣтъ Евгенія.—Первые русскіе въ Парижѣ.—Отборныя войска.—Александръ передъ вступленіемъ въ Парижъ.—Свита монарховъ.—Герцогъ Евгеній и 20-й егерскій полкъ.—Торжественное шествіе.—Первыя впечатлѣнія.—Пролетаріи предмѣстій и ихъ настроеніе.—Парижскіе бульвары и начало шумныхъ овацій.—Парижскія дамы и бурбонскіе кавалеры.—Всеобщій восторгъ при видѣ Александра.—Все тѣснится къ русскому государю.—Привѣтливое обращеніе Александра и возростающій энтузіазмъ.—Удивленіе побѣдителей.—Оправданіе парижанъ.—Смотръ на Елисейскихъ поляхъ и любопытство парижанокъ.—Бурбонскіе агитаторы.—Первая роялистская демонстрація.—Вандомская колонна и тщетныя усилія черни.—Мѣдный Наполеонъ и семеновскіе гвардейцы.—Самодержавный народъ и его ловкіе руководители.—Французскіе политики и Талейранъ.—Реставрація Бурбоновъ.—Талейранъ ловко идетъ къ намѣченной имъ цѣли—Первые шаги герцога Беневентскаго.—Его совѣщаніе съ Нессельроде.—Мнимая мина подъ Елисейскимъ дворцомъ.—Императоръ Александръ въ отелѣ Талейрана.—Сообщники Талейрана.—Совѣщаніе о судьбѣ Франціи.—Рѣчь императора Александра.—Все высказывается противъ Наполеона.—Регентство Маріи Луизы и рѣчь Талейрана.—Замѣчанія князя Лихтенштейна и Александра.—Талейранъ стоитъ на своемъ мнѣніи.—Онъ вводитъ своихъ помощниковъ.—Мы всѣ роялисты! всѣ французы—роялисты.—Цинизмъ барона Луи.—Рѣшеніе.—Декларація союзниковъ.—Талейранъ созываетъ французскій сенатъ.—Временное правительство и его члены.—Основныя начала будущаго политическаго строя Франціи.—Талейранъ назначаетъ министровъ.—Роялисты теряютъ терпѣніе.—Нессельроде и новый тонъ парижской печати.—Брошюра Шатобріана.—Второстепенные и третьестепенные писаки.—Памфлеты на Наполеона.—Сцены въ театрахъ.—Долой орла! политическая апатія парижанъ и ихъ невѣжество.—Муниципальный совѣтъ города Парижа провозглашаетъ низложеніе Наполеона.—Императоръ Александръ и парижане.—Религіозное настроеніе Александра.—Русская церковь и намѣреніе говѣть.—Дѣятельность Коленкура въ Парижѣ.—Его бесѣды съ Талейраномъ и другими французскими политиками.—Его разговоръ съ Шварценбергомъ.—Аудіенція Коленкура у Александра.—Безповоротное рѣшеніе русскаго государя.—Онъ предлагаетъ Наполеону островъ Эльбу.—Отъѣздъ Коленкура въ Фонтенебло.—

Аудіенція французскаго сената у императора Александра.—Рѣчь государя и его подарокъ Франціи.—Сенатъ низлагаетъ Наполеона.—Страхъ французскихъ политиковъ передъ Наполеономъ и его мнимыми полчищами.—Они возлагаютъ всѣ свои надежды на измѣну наполеоновыхъ маршаловъ.—Талейранъ останавливаетъ свое вниманіе на маршалѣ Мармонѣ.—Характеръ Мармона.—Его бывшій адъютантъ совѣтуетъ ему перейти на сторону временнаго правительства.—Измѣна Мармона.—Наполеонъ въ Фонтенебло.—Его бесѣда съ Коленкуромъ.—Императоръ готовится атаковать союзниковъ.—Его рѣчь гвардейцамъ.—Недовольство въ средѣ генераловъ.—Военный заговоръ.—Маршалы вступаютъ въ объясненіе съ Наполеономъ.—Макдональдъ и письмо Бернонвиля.—Маршалы требуютъ отреченія Наполеона въ пользу короля римскаго.—Наполеонъ даетъ свое согласіе.—Онъ назначаетъ своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ съ союзными государями.—Актъ отреченія.—Безтактное поведеніе маршаловъ.—Тайные разсчеты и надежды Наполеона.—Вѣсть объ измѣнѣ Мармона.—Прибытіе маршаловъ въ Эссону.—Мармонъ сознается имъ въ своемъ поступкѣ.—Онъ отправляется съ ними въ Парижъ.—Свиданіе съ Шварценбергомъ.—Аудіенція маршаловъ у императора Александра.—Рѣчь государя.—Маршалъ Ней произноситъ рѣшительное слово.—Колебаніе Александра; онъ откладываетъ свой отвѣтъ до слѣдующаго дня.—Страшныя вѣсти изъ Эссоны.—Корпусъ Мармона отходитъ за союзныя линіи.—Вторая аудіенція маршаловъ у императора Александра.—Вѣсть о переходѣ корпуса Мармона рѣшаетъ судьбу Наполеона и его сына.—Мятежъ солдатъ Мармона.—Маршалъ возстановляетъ порядокъ.—Возвращеніе Нея въ Фонтенебло и его разговоръ съ Наполеономъ.—Иллюзіи Наполеона.—Долгая бесѣда съ Коленкуромъ.—Безусловное отреченіе Наполеона.—Пророчество Наполеона и восторгъ маршаловъ.—Возвращеніе маршаловъ въ Парижъ.—Ихъ аудіенція у Александра.—Случайное заблужденіе государя.—Онъ ласково принимаетъ маршаловъ и беретъ подъ свою защиту интересы фамиліи Бонапарте.

Вѣчно памятный день 30 (18) марта, день послѣдней кровавой борьбы и послѣдняго великаго рѣшенія, склонился къ закату. Послѣ короткихъ сумерокъ наступила прохладная ясная ночь, но она не принесла съ собою обычной тишины и спокойствія. Шумъ и движеніе не прерывались до самаго разсвѣта въ окрестностяхъ Парижа, занятыхъ бивуаками союзныхъ войскъ. Повсюду, на всемъ громадномъ пространствѣ, между Сенъ-Дени и Монмартромъ, съ одной стороны, Венсенскимъ лѣсомъ, съ другой, на всѣхъ холмахъ и пригоркахъ, во всѣхъ лощинахъ и углубленіяхъ, пылали громадные бивуачные костры, стояли, лежали, сидѣли самыя разнообразныя пестрыя группы. Давно уже, быть можетъ, съ самаго начала войны, разноплеменные солдаты союзнаго ополченія не чувствовали себя такъ хорошо и привольно на бивуакѣ, не проводили такой веселой, полной надеждъ и ожиданій, ночи. Лишь немногіе, утомленные боевы-

ми трудами и опасностями дня, спали мертвымъ сномъ на землѣ, залитой кровью столькихъ храбрыхъ товарищей, среди разбросанныхъ тамъ и сямъ своихъ и вражескихъ труповъ [1]). Огромное большинство бодрствовало у костровъ, занятое сначала приготовленіемъ пищи, а затѣмъ шумною бесѣдою за полными кружками вина. А въ винѣ не было недостатка. Во всѣхъ селеніяхъ, деревушкахъ и дачахъ, разбросанныхъ по обширному полю битвы, оказались обильные запасы провіанта всякаго рода, и еще большіе запасы вина. Во всѣхъ жилыхъ домахъ и иныхъ постройкахъ не оказалось къ тому-же ни одной живой души, и никто не могъ, слѣдовательно, помѣшать фуражирамъ. Да о помѣхѣ не могло быть и рѣчи. Со стороны начальства не было принято никакихъ мѣръ для охраны жилищъ и имущества бѣжавшихъ обывателей. Солдаты хозяйничали и распоряжались чужимъ добромъ, какъ своею собственностью, какъ настоящею военною добычею [2]). Война праздновала еще разъ, передъ своимъ издыханіемъ, послѣднюю дикую оргію.

Страшный видъ представляли эти мирныя деревушки, эти изящныя виллы и веселые загородные домики, брошенные нѣсколько часовъ тому назадъ своими обычными обитателями и превращенные внезапно въ военные бивуаки. На каждомъ шагу виднѣлись здѣсь слѣды безпощаднаго грабежа, опустошенія, смерти. Тутъ можно было наткнуться на такія сцены, одно воспоминаніе о которыхъ приводило въ невольное со-

[1]) Auf den blutigen Tag folgte keine stielle Nacht. Mancher schwelgte am Bivakfeuer sitzend, wenn der Schlaf den müden Gliedern nicht neben den Leichen der ruhmvoll gefallenen Brûder neue Stärkung brachte, in den Weinvorrathen, die in den erobesten Dörfern gefunden worden waren, durch sie, durch die Siegesfreude und durch die Gewissheit, dass nun alles vorüber, Stärkung Iuchend und findend und harrte rubig der Dinge, welche der kommende Morgen bringen würde oder träumte auf hartem Lager, bereitet auf dem durch das Blut so vieler tapferen erkauften Boden—von den Schätzen der eroberten Hauptstadt und von den Wundern, welche sie in ihren Mauern barg. Doch nur wenigen ward beschieden in feierlichen Zuge geschmückt als Sieger in Ihre Thore einzuziehen, und diese wenigen waren die Garden. Sie hatten tapfer gerungen, wurden aber dennoch um diesen Vorzug beneidet› Helldorf, aus dem Leben d. Prinzen v. Wurtemberg. т. III, стр. 105.

[2]) Denkwürdigkeiten eines Lievländers, т. II, стр. 254.

дроганіе.— «Вечерѣло», разсказываетъ очевидецъ, «и надо было подумать о ночлегѣ. Я поѣхалъ въ Бельвиль, гдѣ солдаты давно уже распоряжались по своему. За отсутствіемъ квартирьеровъ солдаты сами отводили себѣ квартиры и устраивались въ нихъ. Гдѣ двери не стояли отпертыя, тамъ ихъ выбивали. Мои казаки вскорѣ розыскали пустую брошенную дачу. Всѣ окна были въ ней выбиты, во всѣхъ комнатахъ виднѣлись слѣды опустошенія, но все-же домъ могъ считаться обитаемымъ. Казаки развели прежде всего огонь въ каминѣ, а затѣмъ пустились на фуражировку въ домѣ и по погребамъ. Вино оказалось въ изобиліи, отыскались и кое-какіе съѣстные припасы. Для меня было достаточно. Поуживавъ, я расположился на ночлегъ. Пріятно было вытянуться на мягкомъ, удобномъ матрацѣ. Опасаться было нечего! съ французами заключено было перемиріе, а нашихъ мародеровъ я не боялся. Казаки мои бивуакировали въ саду. Среди ночи я былъ однако-же пробужденъ дикимъ болѣзненнымъ крикомъ, раздавшимся какъ разъ около моей постели. Я поспѣшно вскочилъ на ноги, огонь въ каминѣ еще тлѣлъ, и я могъ свободно различать всѣ предметы, находившіеся въ комнатѣ. Все стояло и лежало въ томъ-же порядкѣ или безпорядкѣ, какъ и вечеромъ; нигдѣ не было замѣтно ни одного живого существа. Но мнѣ казалось, что я слышу стонъ, раздававшійся то тише, то громче. Я накинулъ шинель, взялъ саблю и началъ розыскивать виновника страшнаго, ночнаго крика. Вскорѣ я убѣдился, что стоны выходятъ изъ широкаго большаго шкафа, стоявшаго въ углу комнаты. Я растворилъ дверцы шкафа и увидѣлъ въ немъ спрятавшагося французскаго солдата. Пушечное ядро раздробило ему ногу. Принятый сострадательно обитателями дома, онъ остался въ безпомощномъ положеніи послѣ ихъ бѣгства. Заслышавъ шумъ, поднятый моими казаками, раненый забрался отъ страха въ шкафъ и сидѣлъ тамъ такъ смирно, что никто не догадался объ его присутствіи. Неудобное положеніе причиняло ему, однако же, сильное страданіе, онъ захотѣлъ повернуться, но почувствовалъ при этомъ такую страшную боль, что невольно вскрикнулъ. Я приказалъ вынуть бѣднягу изъ его засады, уложить

его на матрацъ и старался облегчить, по возможности, его мученія. Вино и вода подкрѣпили его, а мои увѣренія, что ему не грозитъ никакой опасности успокоили его окончательно и онъ вскорѣ заснулъ. Что сталось потомъ съ раненымъ,— я не знаю, такъ какъ въ пять часовъ утра я сѣлъ на коня и покинулъ домъ, служившій мнѣ ночлегомъ» [1]).

Полковникъ Левенштернъ, герой только что разсказаннаго ночнаго эпизода, отправился изъ своей квартиры по бивуакамъ, разсчитывая найти корпусъ Воронцова, къ которому принадлежалъ онъ первоначально. Но всѣ его поиски оказались тщетными. Послѣ долгихъ блужданій, полковникъ наткнулся, наконецъ, на бивуакъ кирасирскаго полка имени императора Александра, находившійся подъ командою его двоюроднаго брата Карла фонъ-Будберга. Обрадованный неожиданною встрѣчею, Левенштернъ рѣшился остаться пока при полку. Мѣсто, занятое бивуакомъ кирасиръ, было къ тому-же очень удобное для наблюденій, оно находилось у самаго шоссе, ведшаго изъ Бонди къ Парижу. Если гдѣ-либо, то именно здѣсь можно было увидѣть не мало интереснаго.

Не успѣлъ еще обмѣняться Левенштернъ нѣсколькими словами съ собравшимися вокругъ него офицерами, какъ на шоссе со стороны Бонди показалось нѣсколько придворныхъ роскошныхъ экипажей. То были экипажи, нарочно заказанные Наполеономъ для особенно парадныхъ случаевъ. Еще недавно въ нихъ красовались великіе сановники имперіи и прелестныя придворныя дамы; теперь въ нихъ возсѣдали депутаты добраго города Парижа, возвращавшіеся съ аудіенціи отъ императора Александра. Вотъ кареты поравнялись съ кирасирскимъ бивуакомъ. Красное пламя бивуачныхъ костровъ бросило свой отблескъ на мишурную позолоту экипажей, на хрустальныя стекла и освѣтило самодовольныя, почти веселыя физіономіи возсѣдавшихъ въ каретахъ депутатовъ [2]). Очевидно, эти господа остались чрезвычайно довольны результатами

[1]) Denkwürdigkeiten eines Lievländers, т. II, стр. 255—256.

[2]) «Ihre Mienen drükten Zufriedenheit und Freude aus, und Sie hatten volle Ursache dazu». Denkwürdigkeiten eines Lievländers, т. II, стр. 257.

своей поѣздки въ Бонди. На ихъ лицахъ не замѣтно было и тѣни патріотическаго горя, вызваннаго столь неожиданнымъ и полнымъ торжествомъ враговъ Франціи и ея императора. Они находились всецѣло подъ обаяніемъ чарующей личности своего великодушнаго побѣдителя, а вѣрная и скорая перспектива мира и спокойствія заглушала въ ихъ сердцахъ всякія иныя чувства и тяжелыя воспоминанія.

Кареты съ депутатами скрылись въ туманной дали ранняго утра. «Навѣрное будетъ миръ и конецъ войнѣ», подумали невольно русскіе офицеры, «иначе эти господа не высматривали бы такъ весело и самодовольно». Мысль, промелькнувшая разомъ во всѣхъ головахъ, не замедлила выразиться въ массѣ замѣчаній, восклицаній и подходящихъ разсужденій. Въ группахъ офицеровъ шла самая оживленная бесѣда. Близкій миръ, конецъ этой страшной войны придавали всѣмъ и каждому какое-то особое, небывалое, давно не испытанное ощущеніе чего-то радостнаго. Время уходило незамѣтно. Стало совершенно свѣтло. Шумъ и движеніе войскъ въ лагерѣ возрастали съ каждою минутою, --какъ вдругъ вниманіе Левенштерна и его собесѣдниковъ обратилось на небольшую группу всадниковъ, ѣхавшихъ по дорогѣ изъ Бонди. Изъ ихъ среды выдавался какой-то французскій генералъ, ему сопутствовали нѣсколько русскихъ офицеровъ и казаковъ и французскій трубачъ, очевидно, составлявшіе его конвой. Когда всадники поравнялись съ кирасирскимъ бивуакомъ, то Левенштернъ, хорошо знавшій въ лицо Коленкура, не замедлилъ признать въ главномъ изъ нихъ столь хорошо извѣстнаго всѣмъ, хотя по имени, Наполеоновскаго маршала - дипломата. Немедленно сообщилъ онъ свое открытіе стоявшимъ вблизи офицерамъ и глаза всѣхъ устремились на Коленкура. Вся его фигура и выраженіе лица представляли собою полный контрастъ только что промелькнувшимъ передъ бивуакомъ самодовольнымъ физіономіямъ депутатовъ добраго города Парижа. Маршалъ былъ видимо подавленъ тяжестью только что пережитаго имъ момента. На его лицѣ выражалась не столько глубокая скорбь, сколько какая-то растерянность. Видимо, онъ не могъ прійти въ себя отъ гнета не-

слыханныхъ, внезапныхъ впечатлѣній. Разсѣянно, безучастно озирался онъ вокругъ, какъ будто не понимая окружающей его дѣйствительности [1]). «Видно, дѣла Наполеона стоятъ плохо», замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ. «Если и будетъ заключенъ миръ, то во всякомъ случаѣ не съ нимъ, а съ кѣмъ-то другимъ». Никто не могъ возразить на эти слова, но взоры всѣхъ какъ-то невольно остановились на бѣлой повязкѣ, красовавшейся на рукахъ всѣхъ союзныхъ воиновъ. Бѣлый цвѣтъ —-цвѣтъ Бурбоновъ! пришло вдругъ многимъ въ голову [2]). Правда, еще вчера объявлено было чуть не оффиціально, что бѣлая повязка не имѣетъ никакого отношенія къ старой французской династіи, но вѣдь оффиціальныя объявленія не разъ оказывались уже неточными.

Между тѣмъ движеніе среди бивуаковъ усиливалось съ каждою минутою. Части войскъ, предназначенныя къ вступленію въ городъ, спѣшили занять опредѣленныя для нихъ мѣста. Говорили, что вотъ вотъ должны выѣхать изъ Бонди императоръ Александръ и король прусскій съ своею многочисленною свитою. Все было въ напряженномъ ожиданіи этого торжественнаго момента, но время проходило, а государи не показывались. Лица, располагавшія собою и не прикомандированныя къ опредѣленнымъ частямъ войскъ, или случайно отбившіяся отъ своихъ, подобно Левенштерну, спѣшили воспользо-

1) «Er sah neiedergeschlagen und zerstreut aus; offenbar umgab ihn eine Gegenwart die er sich nicht gedacht hatte». Denkwürdigkeiten eines Lievländers, T. II, стр. 257.

2) Бѣлая повязка невольно наводила на подобныя мысли. Въ запискахъ артиллериста мы читаемъ: «я подъѣхалъ къ французскимъ кавалеристамъ, по которымъ только что стрѣлялъ; они были красиво одѣты въ свѣтло-синихъ мундирахъ и въ высокихъ куньихъ шапкахъ. «Здравствуйте, господа!» сказалъ я имъ. Война кончена»—«По несчастью она кончилась», отвѣчалъ офицеръ; «но будетъ-ли это къ лучшему для французовъ?»—«Мы увидимъ это послѣ; скажите, гдѣ вашъ императоръ Наполеонъ?» Такой вопросъ имъ не понравился и другой офицеръ спросилъ меня: «что значитъ эта бѣлая перевязка у васъ на лѣвой рукѣ?»—Это знакъ союза всѣхъ войскъ, воюющихъ противъ Наполеона, и также это цвѣтъ французской лиліи; не правда-ли?» Но французы стали меня окружать, а потому я, опасаясь нечаяннаго плѣна, сказалъ имъ adieu, и ускакалъ къ своимъ». Эта сцена происходила 19-го марта, тотчасъ-же по заключеніи перемирія. Записки артиллериста, Т. III, стр. 120.

ваться этимъ промежуткомъ, чтобы разсмотрѣть поближе распростертую у ногъ ихъ непріятельскую столицу. Удобнѣе всего можно было видѣть Парижъ съ позицій второго русскаго корпуса придвинутыхъ къ самой Пантенской заставѣ и близъ лежащей части городской ограды. Левенштернъ и другіе офицеры немедленно поспѣшили туда. Взобравшись на пригорокъ, они впились глазами въ картину міровово города, залитую яркимъ весеннимъ солнцемъ и лишь слегка подернутую прозрачною синеватою дымкою утренняго тумана.

Нельзя сказать, чтобы зрѣлище новаго Вавилона вызвало порывъ восторга со стороны русскихъ наблюдателей. Первое впечатлѣніе было скорѣе всего похоже на разочарованіе. Передъ глазами открывалась обширная долина Сены, изрѣзанная тамъ и сямъ яркими излучинами рѣки. Почти вся эта долина, насколько можно было окинуть ее взглядомъ, представляла одну сплошную, сѣрую массу зданій. Повсюду виднѣлись однѣ крыши плотно сомкнутыхъ домовъ; нигдѣ не замѣтно было зелени, пестраго разнообразія башенъ, колоколенъ, куполовъ. Надъ грудами нагроможденныхъ зданій возвышались явственно и величественно лишь позлащенный куполъ дома инвалидовъ и двѣ высокія, стройныя готическія башни собора Парижской Богоматери. Было что-то чуждое, неприглядное для русскаго сердца, въ этомъ громадномъ городѣ. «Нѣтъ, наша Москва, выжженная и ограбленная французами, была не меньше этого пресловутаго Парижа», говорили между собою офицеры «и при томъ гораздо красивѣе, величественнѣе его. Что значатъ эти одинокія башни, теряющіяся среди цѣлаго моря зданій, передъ сотнями позлащенныхъ куполовъ, соборныхъ главъ. воздымавшихся надъ нашею древнею столицею, передъ бѣлыми стѣнами и башнями Кремля, уцѣлѣвшими теперь на зло Наполеону и «его минерамъ». «Погодите!» возражали имъ другіе, горѣвшіе очевидно нетерпѣніемъ упиться до дна прославленными чарами столицы Франціи. «Парижъ откроетъ намъ свои чудеса и красоты, когда мы проникнемъ въ его стѣны!» [1]).

[1]) См. Записки артиллериста, Т. III, стр. 123—124.

Отъ картины вражеской столицы вниманіе праздныхъ наблюдателей невольно обращалось къ шумной жизни, кипѣвшей среди бивуаковъ второго армейскаго корпуса. На долю, впрочемъ лишь немногихъ избранныхъ изъ этихъ храбрецовъ, выпала честь перваго вступленія въ Парижъ. Еще на зарѣ герцогъ Евгеній получилъ приказъ отъ Барклая-де-Толли отрядить въ городъ 1000 человѣкъ, и занять зданіе городской ратуши. Такое распоряженіе вызвано было, безъ сомнѣнія, тою выдающеюся, роковою ролью, которую выполняло это зданіе въ эпоху всѣхъ парижскихъ революціонныхъ смутъ, но оно было обусловлено такими формальностями, что всякій другой, на мѣстѣ герцога Евгенія, отказался бы отъ его исполненія. Барклай требовалъ, чтобы всѣ люди, отряжаемые въ Парижъ, были обмундированы прилично и чтобы въ средѣ ихъ отнюдь не было оборванцевъ. Всѣ люди должны были имѣть сапоги, и свои собственные русскіе, а не французскіе, снятые съ убитыхъ непріятельскихъ солдатъ, мундиры. Отдавая подобное приказаніе, Барклай исполнялъ только волю высшей власти, хотя онъ не могъ не знать, что во всемъ второмъ армейскомъ корпусѣ не было ни одной пары цѣлыхъ сапогъ и ни одного мундира. Эти геройскія войска, совершившія весь походъ отъ береговъ Оки до береговъ Сены, принимавшія участіе во всѣхъ безчисленныхъ битвахъ этой безпримѣрной войны, сохранили всецѣло свою бодрую воинственную осанку, но по своей внѣшности они скорѣе походили на шайку разбойниковъ или цыганъ, нежели на дисциплинированное войско. Въ рядахъ второго корпуса можно было встрѣтить людей одѣтыхъ въ французскія крестьянскія блузы, въ женскія кофты, въ капуцинскія рясы: огромное же большинство щеголяло въ французскихъ мундирахъ, снятыхъ съ убитыхъ непріятельскихъ солдатъ на поляхъ сраженій подъ Арсисомъ на Оби, при Ферь-Шампенаузѣ и подъ Парижемъ. Сапогъ во всемъ второмъ корпусѣ не полагалось вовсе. Солдаты ходили по большей части въ деревянныхъ башмакахъ, или плелись босые, обернувъ израненныя ноги въ тряпицы. Это былъ настоящій пестрый маскарадъ, только бѣлыя повязки на рукѣ, да сосновыя вѣтки, воткнутыя въ кивера, по

распоряженію герцога Евгенія, показывали, что эти сожженные солнцемъ и вѣтромъ, закаленные въ столькихъ битвахъ, ветераны принадлежали къ одному и тому же отряду и составляли часть громаднаго союзнаго ополченія [1]).

Евгеній ни мало не затруднился исполненіемъ приказанія главнокомандующаго. Онъ увѣдомилъ Барклая, что изъ второго корпуса вступятъ въ Парижъ только «чистыя русскія сердца» [2]), приказалъ выбрать изъ своего отряда наиболѣе отличившихся солдатъ, совершенно не обращая вниманія на внѣшній видъ. Колонна въ 1000 чел. сформирована была въ теченіи какого нибудь часа; не трудно было выбрать храбрецовъ тамъ, гдѣ всѣ были таковыми. Самъ герцогъ сѣлъ на своего боеваго коня и повелъ отрядъ черезъ Пантенскую заставу въ городъ. Впереди шелъ хоръ музыки Волынскаго полка. Всѣ тротуары, всѣ окна и самыя крыши домовъ были покрыты народомъ. Съ изумленіемъ смотрѣли парижане на эту горсть чужеземцевъ шагавшихъ такъ смѣло по мостовой ихъ великаго города. Общее вниманіе обратилось на герцога, ѣхавшаго впереди своихъ солдатъ. Кто-то шепнулъ, что это самъ императоръ Александръ и толпа, давно уже горѣвшая желаніемъ увидѣть вѣнценоснаго вождя соединенной Европы, вдругъ разразилась шумными восклицаніями удивленія и восторга. Оваціи росли по мѣрѣ того какъ отрядъ подвигался впередъ. Тогда Евгеній, не желая вводить въ заблужденіе парижанъ, повернулъ своего коня и сдавъ команду старшему офицеру, поскакалъ обратно къ Пантенской заставѣ [3]). Герцогъ терпѣть не могъ какихъ-бы то ни было овацій. Къ тому же цѣль его была достигнута. Онъ убѣдился въ мирномъ настроеніи жителей Парижа и хорошо зналъ те-

[1]) Nur unsere unermesslich hohen Fichtenreiser auf den Czakos und die weisen Binden um den rechten Arm unterschieden uns von den Franzosen» Aus d. Leben d. Prinzen Eugen von Wurtemberg, T. III, стр. 115.

[2]) «Der Prinz versicherte: es würden vom 2-te Corps lauter russische Herzen in Paris einrücken, und dieses Wort genügte unserm Feldmarschall Barklay de Tolly, dessen ängstlicher Fürsorge wir die Klausel zu verdanken gehabt hatten». Aus dem Leben d. Prinzeu Eugen von Würtemberg, T. III, стр. 115.

[3]) Aus dem Leben d. Prinzen Eugen von Würtemberg, T. III, стр. 115.

перь, что занятіе городской ратуши обойдется безъ всякаго затрудненія и помѣхи.

Между тѣмъ въ союзномъ лагерѣ окончены были всѣ приготовленія къ торжественному вступленію въ столицу Франціи. Отряды войскъ, долженствовавшіе принять участіе въ церемоніальномъ шествіи, расположились въ указанномъ имъ порядкѣ. То были, говоря сравнительно, немногіе счастливцы. И какъ всегда бываетъ на свѣтѣ, такъ и теперь, парадировали не тѣ, которые вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть кампаніи, а лишь отборныя войска, сбереженныя и выхоленныя по мѣрѣ возможности въ теченіи всего похода. Войска, назначенныя къ вступленію въ городъ, состояли изъ прусской и русской гвардейской кавалеріи, изъ всей русско-прусской гвардіи, гвардейской артиллеріи, изъ шести баталіоновъ австрійскихъ гренадеръ и изъ одного пѣхотнаго виртембергскаго полка [1]). Почти всѣ эти части принимали, правда, участіе въ послѣднихъ битвахъ, а нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, прусская гвардія, понесли даже тяжелыя потери, но за то, благодаря постоянной заботливости начальства, тяжелые труды, невзгоды и лишенія походной и бивуачной жизни почти не коснулись этихъ отборныхъ отрядовъ. Все въ нихъ и люди, и лошади, и аммуниція, и вооруженіе носило праздничный, парадный видъ. Превосходная дисциплина, царствовавшая въ ихъ рядахъ, внѣшняя выправка, доведенная до высшей степени совершенства, красивый подборъ людей и коней, все это должно было производить самое блестящее и притомъ внушительное впечатлѣніе. Людоѣды, татары и санкюлоты, собранные, по словамъ Наполеона, изъ глубины азіатскихъ степей и глухихъ мѣстностей Германіи, должны были поразить парижанъ, избалованныхъ блестящими военными зрѣлищами, не только своимъ геройскимъ, воинственнымъ видомъ, но и своею элегантною внѣшностью.

[1]) По словамъ Плото, въ вступленіи участвовалъ и отрядъ баварцевъ; число всѣхъ войскъ, вошедшихъ въ Парижъ, доходило до 35,000 человѣкъ. Плото, Der Krieg in Deutschland und Frankreich in den Jahren 1813 und 1814, т. III, стр. 418.

Около восьми часовъ утра, императоръ Александръ выѣхалъ изъ Бонди въ сопровожденіи небольшой свиты. Государь ѣхалъ на великолѣпной свѣтло-сѣрой лошади, подаренной ему когда то Коленкуромъ. Роскошный бѣлый султанъ разсыпался по его шляпѣ; онъ былъ одѣтъ въ парадный мундиръ лейбъ-гвардіи казачьяго полка. Проѣхавъ съ версту, государь встрѣтилъ короля прусскаго и, дружески поздоровавшись съ нимъ, направился къ построеннымъ вдоль шоссе войскамъ. Осмотрѣвъ гвардейскую пѣхоту и пропустивъ мимо себя прусскую и русскую легкую гвардейскую кавалерію, назначенную идти въ головѣ шествія, императоръ двинулся впередъ къ Пантенской заставѣ. Онъ ѣхалъ рядомъ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, какъ и въ былые, еще столь недавніе дни торжественнаго вступленія въ Бреславль. А между тѣмъ какая разница между этимъ и тѣмъ временемъ! И тогда вокругъ монарховъ гремѣли шумныя, радостныя восклицанія, но въ этихъ восклицаніяхъ выражались тогда лишь надежды на темное, пока еще будущее. А теперь! Все было достигнуто сверхъ всякихъ надеждъ и ожиданій. Господь услышалъ горячія, слезныя молитвы милліоновъ! Союзныя знамена увѣнчаны были неувядаемыми лаврами. Давно призываемый, столь страстно желанный миръ, готовъ былъ спуститься на измученное, истерзанное человѣчество. Что переживалъ въ эти минуты главный виновникъ столькихъ чудесныхъ побѣдъ, столькихъ неслыханныхъ спасительныхъ переворотовъ? Вспоминалъ ли онъ въ эти минуты позоръ Аустерлица и униженіе Тильзита? Подымался ли передъ его духовными очами образъ пылающей Москвы? Или же душа его полна иными блестящими и свѣтлыми картинами заканчивающейся тяжелой борьбы? Кто можетъ дать отвѣты на подобные вопросы? Указываютъ, правда, на современныя свидѣтельства. характеризующія настроеніе императора Александра въ моментъ величайшаго торжества всей его жизни. Утверждаютъ, что Александръ находился въ этотъ моментъ подъ обаяніемъ своихъ успѣховъ, что онъ кичился своими побѣдами, и что проводя параллель между собою и своимъ падшимъ великимъ противникомъ, онъ говорилъ, самодовольно улыбаясь: «А что скажутъ теперь въ

Петербургѣ? Вѣдь, право, было время, когда у насъ, величая Наполеона, меня считали простачкомъ» [1]).

Оставляемъ эти и подобные имъ разсказы на отвѣтственности ихъ авторовъ. Стоитъ лишь заглянуть въ правдивые и написанные подъ впечатлѣніемъ минуты свидѣтельства очевидцевъ, чтобы убѣдиться въ крайней недостовѣрности такого рода домысловъ. Характеръ Александра былъ слишкомъ возвышенъ, а его мысли слишкомъ поглощены иными предметами, чтобы рисоваться въ такія минуты и подшучивать съ лицами, игравшими тогда во всякомъ случаѣ роль второстепенную.

Медленно подвигались впередъ друзья-монархи, среди бивуаковъ своихъ войскъ. Отовсюду раздавались клики ура! офицеры и солдаты восторженно привѣтствовали своихъ вѣнценосныхъ вождей. Въ груди каждаго воина живо было сознаніе, что единственно, благодаря друзьямъ-монархамъ, соединенныя арміи успѣли, наконецъ, достигнуть конечной цѣли своихъ усилій. Что же удивительнаго, что при видѣ государей всеобщій энтузіазмъ невольно выражался громкими, радостными возгласами? Съ каждымъ шагомъ впередъ свита государей увеличивалась все болѣе и болѣе. Однимъ изъ первыхъ присоединился къ ней князь Шварценбергъ, сопровождаемый своими адъютантами и многочисленными штабными. Какъ представитель отсутствующаго императора австрійскаго, князь долженъ былъ занять въ торжественномъ шествіи первое мѣсто послѣ монарховъ. Затѣмъ къ государямъ примкнули: великій князь Константинъ Павловичъ, кронпринцъ Виртембергскій, принцы Фридрихъ-Вильгельмъ и Вильгельмъ, дѣти короля прусскаго, Барклай-де-Толли, Милорадовичъ, Радецкій, Гнейзенау, Ланжеронъ, Іоркъ, Паленъ, Клейстъ, Воронцовъ, сотни русскихъ и прусскихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, иноземныхъ принцевъ, знатныхъ волонтеровъ.

[1]) Эти слова Александра находимъ мы, къ сожалѣнію, въ такой серьезной книгѣ какъ сочиненіе Богдановича. Правда, авторъ ссылается при этомъ случаѣ на личное свидѣтельство Ермолова, но не обманула ли при этомъ почтеннаго свидѣтеля память? См. Богдановичъ, Т. IV, стр. 507.

Подъ конецъ, кортежъ государей возросъ до 1000 человѣкъ [1]). Это былъ цѣлый потокъ разноцвѣтныхъ султановъ, вышитыхъ золотомъ мундировъ, орденовъ, лентъ. Красивые богато убранные кони, блистающее на солнцѣ оружіе и пестрое убранство, придавали всему кортежу въ высшей степени разнообразный и величавый характеръ.

Далеко, однако-же, не всѣ герои кампаніи принимали участіе въ этомъ незабвенномъ тріумфальномъ шествіи. Не доставало и самаго главнаго изъ нихъ, престарѣлаго фельдмаршала Блюхера. Герой старикъ былъ здоровъ и бодръ до тѣхъ поръ, пока продолжался бой. Но когда Монмартръ былъ взятъ и судьба Парижа рѣшена, старый недугъ, мучившій Блюхера еще со временъ Краона, возвратился съ новою силою. Фельдмаршалъ, правда, надѣлъ свой парадный мундиръ и отправился къ Пантенской заставѣ, но онъ съ трудомъ держался на конѣ и Гнейзенау уговорилъ его воротиться въ лагерь. Лишь спустя нѣсколько дней фельдмаршалъ, сложившій съ себя между тѣмъ команду надъ силезскою арміею, тихо и незамѣтно въѣхалъ въ Парижъ и расположился на отведенной для него заранѣе квартирѣ, въ отелѣ Фуше [2]).

Въ 11 часовъ утра государи и ихъ свита достигли Пантенской заставы. У самыхъ воротъ императора Александра привѣтствовалъ во главѣ 20-го егерскаго полка герцогъ Евгеній виртембергскій. Герцогъ представилъ императору полкъ, какъ покрывшій себя наибольшею славою въ теченіи всей кампаніи. И дѣйствительно, эти герои егеря принимали участіе въ 137 сраженіяхъ. Изъ 7000 нижнихъ чиновъ, поступившихъ въ ихъ ряды, начиная съ апрѣля мѣсяца 1812 года, оставалось теперь на лицо 400 человѣкъ, а изъ 567 офицеровъ, перебывавшихъ за то же время въ полку, уцѣлѣло всего лишь 8 человѣкъ. Потери безпримѣрныя, равно свидѣтельствующія и о героизмѣ полка, и о тяжкихъ кровавыхъ трудахъ этой небывалой войны.

[1]) Denkwürdigkeiten eines Lievländers, T. II, стр. 261.

[2]) Scherr, Blücher, seine Zeit und sein Leben, T. III, стр. 390; Blasendorf, Blücher, стр. 287.

Императоръ принялъ привѣтствія принца самымъ любезнымъ, радушнымъ образомъ. Желая почтить его въ присутствіи представителей всей арміи и наградить его въ то же время хотя чѣмъ нибудь за его великія заслуги, государь обратился къ Евгенію съ такими словами: «Поздравляю васъ съ чиномъ генерала отъ инфантеріи, или лучше сказать, поздравляю себя съ тѣмъ, что могу вамъ дать его». По другимъ извѣстіямъ государь даже прямо далъ понять принцу, что ему и его геройскимъ войскамъ обязанъ онъ болѣе, нежели кому либо другому, взятіемъ Парижа [1]).

Шествіе началось при громкихъ торжественныхъ звукахъ военной музыки [2]). Въ головѣ его шелъ полкъ легкой прусской гвардейской кавалеріи. За нимъ слѣдовали лейбъ-казаки въ своихъ красныхъ мундирахъ. Ихъ статный геройскій командиръ Орловъ-Денисовъ ѣхалъ передъ фронтомъ. Затѣмъ слѣдовали государи съ своею безконечною блестящею свитою. А потомъ тянулись стройные, необозримые ряды русско-прусской гвардіи, австрійскихъ гренадеръ и другихъ войскъ. Все въ союзныхъ рядахъ горѣло нетерпѣніемъ увидѣть какъ можно скорѣе столь прославленный Парижъ. Тщетно объявлено было по всей арміи, что никто, не принадлежащій къ частямъ, назначеннымъ для вступленія въ городъ, не имѣетъ права принимать участіе въ шествіи. Нашлось не мало любопыт-

[1]) Такъ утверждаетъ ф. Гелльдорфъ, адъютантъ Евгенія. По его словамъ, Александръ прямо сказалъ герцогу у Пантенской заставы: Sans vous nous ne serions pas ici. Aus dem Leben d. Prinzen Eugen v. Würtemberg, v. Helldorf. T. I, стр. 41.

[2]) Подробности о вступленіи союзниковъ въ Парижъ разбросаны по многочисленнымъ современнымъ періодическимъ изданіямъ (изъ нихъ особенно важны Русскій Инвалидъ, Сынъ Отечества, St.-Petersburger Zeitung, Allgemeine Zeitung, Moniteur и другіе парижскіе журналы), а равно по безчисленнымъ запискамъ и воспоминаніямъ очевидцевъ и участниковъ событія. Изъ нихъ мы пользовались особенно: записками принца Евгенія, достопамятностями ф. Левенштерна, записками артиллериста, автобіографіею Беранже и многими другими цитируемыми въ своемъ мѣстѣ. Изъ пособій, кромѣ извѣстнаго сочиненія Богдановича, особенное значеніе имѣютъ: Плото, Der Krieg in Deutschland u. Frankreich in den Jahren 1813—1814; Толль, изданіе Бернгарди, Кохъ, Исторія войны 1814 г. Томъ II, и Тьеръ, Исторія консульства и имперіи, T. XVII. Подробный перечень литературы см. у Дубровина: Отечественная война въ письмахъ современниковъ, стр. 648—652.

ныхъ и смѣльчаковъ, которые рискнули на этотъ разъ не обращать вниманіе на строгій запретъ и рискнули безнаказанно. «Даже строгое внушеніе нашего принца» (Евгенія), говоритъ очевидецъ, «безусловно подчиниться армейскому приказу, не произвело на этотъ разъ своего обычнаго дѣйствія. Соблазнъ былъ черезчуръ великъ. Радость, самодовольство, любопытство преодолѣли на этотъ разъ всѣ законы военной дисциплины. Я самъ не составлялъ въ этомъ случаѣ исключенія. По лѣвую руку отъ меня ѣхалъ лейбъ-медикъ принца въ старомъ изношенномъ кителѣ и дырявой-фуражкѣ, по правую, прусскій драгунъ, привѣтствовавшій всѣхъ разряженныхъ парижанокъ неприличными гримасами. Передо мною двигался корпусный аудиторъ съ крестьянскою фуражкою на головѣ, а сзади меня ѣхалъ австрійскій камергеръ въ богатомъ гусарскомъ мундирѣ» [1]).

Первое впечатлѣніе Парижа на вступающихъ побѣдителей было не особенно выгодное; оно равнялось почти полному разочарованію. Да это и не удивительно! Шествіе двигалось вначалѣ черезъ С. Мартенское предмѣстье, одинъ изъ грязнѣйшихъ рабочихъ кварталовъ стараго Парижа. Улицы тутъ были грязныя и тѣсныя, дома старинные, закоптѣлые выпачканные. Повсюду слышался какой-то удушливый, смрадный запахъ [2]). По временамъ казалось, что торжественное шествіе движется по страшнымъ полямъ битвъ, усѣяннымъ разлагающимися трупами и падалью. А публика, тѣснившаяся среди этой грязной, невзрачной обстановки, производила еще болѣе отталкивающее впечатлѣніе. Народу повсюду была бездна. Тысячи глазъ устремлены были отовсюду на блестящій кортежъ, но среди этой массы вовсе не было замѣтно чистой, не говоря уже объ элегантной публикѣ. Все это бы-

[1]) Aus dem Leben d. Prinzen Eugen Y. Würtemberg, Yon Helldorf, 3 B. стр. 116.

[2]) Письма русскаго офицера, Глинки, «Такъ это-то Парижъ! думалъ я, видя тѣсныя, грязныя улицы, высокіе, старинные, запачканные домы, и чувствуя, не знаю отъ чего, такой же несносный запахъ какъ и за городомъ отъ тлѣющихъ труповъ и падали. Это-то хваленный, превозносимый, великолѣпный и прелестный городъ». Т. VIII, стр. 10.

ли блузники, мастеровые, фабричные рабочіе, ихъ жены и дѣти и нахальные уличные мальчишки. На всѣхъ лицахъ выражалось лишь одно чувство тупаго, безсмысленнаго любопытства. Эти парижане, очевидно, вылезли изъ своихъ грязныхъ норъ, чтобы поглазѣть на степныхъ татаръ, гунновъ и людоѣдовъ, о которыхъ разсказывались такіе ужасы въ императорскихъ бюллетеняхъ. Они ожидали увидѣть страшныхъ, оборванныхъ чудовищъ, фантастическихъ пугалъ, они приготовились услышать дикіе, рѣзкіе звуки непонятныхъ варварскихъ языковъ. И что-же? Передъ ихъ глазами проходило стройное, изящное, блестящее войско, передъ которымъ блѣднѣли побѣдоносные легіоны ихъ великаго императора. Они слышали изъ устъ чужеземныхъ офицеровъ такую изящную, правильную французскую рѣчь, къ которой они привыкли лишь въ устахъ высшаго общества [1]. Но всего больше поражались эти простаки невиданною во Франціи выправкою и блестящею внѣшностью русскихъ гвардейскихъ солдатъ. Имъ казалось, что это были не люди, а какіе-то превосходно устроенныя и лично заведенныя автоматическія машины. И въ самомъ дѣлѣ, эти солдаты не шатались туда и сюда, не глазѣли по сторонамъ, не посылали улыбокъ и гримасъ уличнымъ красавицамъ. Они двигались стройно, твердо, они не обращали вниманія ни на что, слова непонятной для французовъ воинской команды видно управляли не только ихъ движеніями, но и ихъ глазами, ихъ мыслями [2].

[1]) «Почти всѣ офицеры этой многочисленной арміи», замѣчаетъ Беранже, «говорили на языкѣ побѣжденныхъ и казалось не знали никакого другого за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда имъ приходилось усмирять рѣдкія, впрочемъ грубыя выходки своихъ солдатъ». Беранже, Ma Biographie, стр. 355.

[2]) См. показанія очевидцевъ у Богдановича, т. IV, примѣч. стр. 58 Кохъ, т. II, стр. 524—525. У одного изъ русскихъ очевидцевъ событія мы читаемъ: «Всѣ были въ изумленіи, видя необыкновенную свѣжесть и совершенное устройство въ нашемъ войскѣ, которое, по увѣренію Наполеона, было все разбито, разсѣяно, и одни остатки онаго скитались по Франціи. Чистота оружія, аммуниціи, одежды и порядокъ въ рядахъ поражали всѣхъ до безумія. Никто не могъ вѣрить, чтобы сія самая чудесная армія изъ предѣловъ Россійскихъ, сражаясь на каждомъ шагу, проходя по трупамъ дерзкихъ враговъ форсированными мар-

Любопытство парижскихъ пролетаріевъ, уличныхъ мальчишекъ и мелкихъ буржуа достигло до своего апогея, когда передъ ихъ глазами потянулся блестящій кортежъ союзныхъ монарховъ. Гдѣ-же они эти чудные монархи и гдѣ этотъ могучій властелинъ сѣвера, этотъ царь страшныхъ людоѣдовъ, по волѣ котораго запылала разомъ на всѣхъ концахъ сказочная Москва? Гдѣ императоръ Александръ, эти слова раздавались все громче и громче, они переходили по временамъ въ настоящій крикъ. Болѣе смѣлые изъ любопытныхъ старались протѣсниться какъ можно ближе къ блестящему кортежу. Они обращались съ своими вопросами къ первому попавшемуся имъ всаднику и отъ всѣхъ получали одинъ и тотъ-же отвѣтъ: бѣлая лошадь! бѣлый султанъ!! Да они и не нуждались въ этомъ отвѣтѣ. Искомое ими лицо выдавалось такъ ярко и наглядно изъ тысячи оружавшихъ его блестящихъ фигуръ; волею, или неволею, а оно приковывало къ себѣ общее вниманіе. Этотъ величественный всадникъ, ѣхавшій по рединѣ между двумя другими, не имѣлъ себѣ равнаго во всемъ союзномъ ополченіи ни по красотѣ своего коня, ни по величію и изяществу своей фигуры, ни по благородной прелести своего лица. Да, это былъ настоящій царь, впервые представшій передъ ихъ изумленными взорами. И какая разница между этимъ чуждымъ владыкою и столь хорошо знакомымъ имъ ихъ солдатскимъ императоромъ! Тотъ могъ внушать одинъ страхъ, а этотъ вызывать невольное уваженіе; передъ тѣмъ все приклонялось ницъ, а этотъ влекъ къ себѣ непобѣдимою силою всѣ сердца [1]).

шами, промчалась орлинымъ полетомъ черезъ все пространство отъ Москвы до Парижа безъ всякаго изнуренія! Можно сказать, что природа сама была участницею въ нашихъ побѣдахъ... На зачинающаго Богъ!» См. взглядъ русскаго офицера на Парижъ въ 1814 г. Краснокутскаго, С.-Петербургъ, 1819 г., стр. 3.

[1]) «Тысяча вопросовъ», говоритъ очевидецъ, «гдѣ россійскій императоръ? заглушали весь городъ. Смиренномудріе и привлекательная кротость были отличительными оттѣнками величества нашаго монарха. Всѣ съ жадностью устремляли глаза на государя, и пожирали взорами умиленность его взглядовъ»... См. взглядъ русскаго офицера etc. стр. 2.

Грязные рабочіе С. Мартенскаго предмѣстья находили въ себѣ, однако-же, силу противостать этому чарующему обаянію, ихъ грубое невѣжество, ихъ національная гордость не дозволяли имъ преклониться передъ побѣдителемъ [1]). Ихъ любопытство, не смотря на всю свою напряженность, не могло перейти въ симпатію и энтузіазмъ къ «побѣдителю великой націи и ея великаго императора». Эти пролетаріи никогда не любили особенно Наполеона, да императоръ никогда и не заискивалъ особенно ихъ расположенія. Онъ давалъ имъ заработокъ и зрѣлища, онъ охранялъ ихъ соціальныя правила, но онъ давилъ и ихъ невыносимою тяжестью своей фискальной и военной системы. Онъ бралъ обильную дань съ ихъ пота и крови, онъ увлекалъ на поля битвы ихъ дѣтей. Они не любили его, они ненавидили его даже, быть

[1]) О настроеніи парижскихъ пролетаріевъ см. чрезвычайно интересныя, хотя и преувеличенныя свидѣтельства у Беранже, въ его мемуарахъ. Между прочимъ, онъ говоритъ: «Рабочій народъ, стоявшій толпами за оборонительными линіями, весь день ожидалъ прибытія императора, который былъ лишь въ нѣсколькихъ лье отъ Парижа, онъ готовился созерцать зрѣлище побѣды. Стоило показаться вдали генералу на бѣлой лошади въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ и толпа начинала кричать: вотъ онъ! вотъ онъ! Никто изъ народа не предполагалъ даже, что Парижу можетъ грозить серьёзная опасность. Когда разнеслась вѣсть о капитуляціи, то нужно было видѣть смущеніе и ярость, овладѣвшія этою массою преисполненною боевою отвагою и непрестанно требовавшею оружія въ теченіе цѣлаго дня, которое, однакоже, не было имъ дано. Я самъ тщетно требовалъ себѣ ружье у лицъ, которыя обязаны были раздавать оружіе». Что воинственный азартъ толпы не былъ особенно опасенъ для союзниковъ, и что Наполеонъ самъ убилъ въ народѣ всякую способность къ самозащитѣ, въ этомъ сознается и самъ Беранже: «Въ толпѣ распространяли во время вступленія союзниковъ безыменные плакаты, призывавшіе народъ къ сопротивленію. Тщетная попытка! Императоръ такъ пріучилъ народъ вѣрить лишь ему одному, что лишь одинъ его голосъ могъ разсѣять всѣ сомнѣнія, поднять мужество всѣхъ и дать умамъ соотвѣтствующее направленіе». Что и масса народа заинтересована была миромъ гораздо болѣе, нежели Наполеономъ, видно изъ слѣдующихъ словъ Беранже: «Saisi d'abord d'une indignation patriotique la classe des ouvriers fut longtemps a se rendre compte d'un changement aussi imprevu. Comme cette classe, plus que toute autre, avait besoin de la paix, ce fut ce mot qui seul put y faire des conversions favorables au regime, qu'on nous preparait chez M. de Talleyrand». См. Beranger, Ma biographie, стр. 352—356.

можетъ, въ глубинѣ души; но все же онъ былъ въ ихъ глазахъ представителемъ новой революціонной Франціи, національныхъ героемъ, побѣдителемъ міра. Онъ охранялъ ихъ отъ возвращенія старыхъ порядковъ, одно воспоминаніе о которыхъ приводило ихъ въ содроганіе. Они не хотѣли и слышать о реставраціи Бурбоновъ, уже потому, что съ Бурбонами связывалось для нихъ представленіе о вѣковомъ соціальномъ и экономическомъ рабствѣ. А что самое главное, не смотря на свою грубость, они были полны сознаніемъ своего національнаго достоинства. Они смутно сознавали позоръ, причиненный великой націи, они не хотѣли брать изъ рукъ чужеземцевъ даже такихъ лакомыхъ для нихъ подарковъ, какъ освобожденіе отъ невыносимыхъ налоговъ, отъ убійственной конскрипціи. Вотъ почему всѣ эти блузники держали себя такъ сдержано въ виду торжественнаго шествія побѣдителей Франціи. Вотъ почему на ихъ лицахъ можно было прочесть только одно лыбопытство, смѣшанное съ затаенными чувствами страха и злобы. Вотъ почему многіе изъ этихъ оборванцевъ сжимали кулаки и скрежетали зубами при видѣ монарховъ и ихъ блестящей свиты. Вотъ почему изъ ихъ толпы не раздавалось никакихъ одобрительныхъ возгласовъ, а слышалось лишь порою обычное восклицаніе: Vive l'empereur! Имъ казалось по временамъ, что вотъ, вотъ долженъ появиться, какъ изъ подъ земли, маленькій капралъ и погнать передъ собою эту иноземную блестящую рать. Да, они, эти представители великой націи, слѣпо вѣрили еще и теперь въ непобѣдимость своего императора, несмотря на все, что случилось.

Но рабочіе, поденщики и уличные мальчишки не составляли преобладающаго элемента въ населеніи Парижа. За рабочими предмѣстіями не замедлили потянуться другіе городскіе кварталы, занятые болѣе зажиточными и интеллигентными классами населенія. Шествіе вступило на сѣверный бульваръ и физіономія Парижа начала быстро измѣняться. Все приняло вдругъ парадный праздничный видъ. По обѣимъ сторонамъ улицы потянулись дома, одинъ громаднѣе и изящ-

нѣе другаго. Пестрыя и разнообразныя вывѣски, великолѣпные магазины, богато разукрашенные балконы и колонны, широкіе каменные тротуары, затѣйливыя архитектурныя и скульптурныя изображенія замелькали передъ изумленными глазами иноземцевъ [1]). Они сразу поняли, что только теперь вступили они въ настоящій Парижъ, что только теперь сказочная столица міра начала разоблачать свои красоты. И среди этой блестящей обстановки, подъ этимъ яркимъ, ослѣпительнымъ солнцемъ, среди этихъ, только что покрывающихся нѣжною зеленью деревьевъ, тѣснились толпы публики, не имѣвшей ничего общаго съ оставшимися позади пролетаріями и гаменами. Тутъ вѣяло другимъ духомъ, тутъ все дышало если и не изяществомъ, то по крайней мѣрѣ приличіемь, элегантностью, щеголеватостью. Массы этой публики наполняли всѣ тротуары и пространства, остававшіеся свободными отъ войска. Онѣ унизывали собою всѣ окна, балконы и даже крыши. Среди пестрой толпы зрителей особенно выдавались женщины, поражавшія не столько своею красотою, сколько природною, или поддѣльною граціею, изяществомъ своихъ туалетовъ, кокетливостью своего поведенія. Въ числѣ этихъ женщинъ были и знатныя, изящныя аристократки, и мѣщанки, и болѣе зажиточныя буржуа, но всѣ онѣ держали себя одинаково свободно, даже вызывающе, всѣ тѣснились впередъ и увлекали своимъ примѣромъ мужчинъ.

[1]) См. Записки артиллериста, т. III, стр. 124; записки русскаго офицера т. 8 стр. 11; Взглядъ русскаго офицера et., гдѣ, между прочимъ, читаемъ: «Ог ромныя, высокія строенія связываются не разрывною цѣпью, какъ будто однимъ паденіемъ должны всѣ обрушиться! При всѣхъ почти домахъ находятся богатыя лавки съ разными товарами. Серебранные и галантерейные ряды блестятъ на каждой улицѣ. Художники и всякаго рода промышленники означаются безчисленными вывѣсками, пестрѣющимися на всѣхъ домахъ. Всѣ улицы въ Парижѣ вымощены камнемъ, нѣкоторыя довольно широки, другія весьма узки. Въ послѣднихъ мало наблюдается чистоты, даже воздухъ иногда стѣсняется отъ безпрерывно волнующагося многолюдства. На каждомъ шагу встрѣчаешь раскошествующее богатство и обнаруживающуюся бѣдность. По улицамъ толпятся слѣпые, кривые, хромые, безрукіе и другіе несчастные уроды» etc. стр. 8—9.

Видно было тотчасъ-же, что въ этомъ мірѣ царствовала женщина, что она задавала здѣсь тонъ.

И настроеніе этой публики было далеко не такое, какъ въ рабочихъ предмѣстіяхъ. Уже при первыхъ шагахъ на бульваръ на встрѣчу союзникамъ выѣхала странная процессія, бросившая совершенно новый свѣтъ на образъ мыслей извѣстной части столичной публики. То была кавалькада, состоявшая по крайней мѣрѣ изъ сотни парижскихъ щеголей, принадлежавшихъ къ самому высшему слою общества. Всѣ они ѣхали верхами на прекрасныхъ и богато убранныхъ лошадяхъ. Всѣ были одѣты какъ одинъ человѣкъ въ черные фраки. На всѣхъ красовались бѣлыя перчатки, у всѣхъ правая рука была перевязана бѣлою повязкою. Это была настоящая политическая демонстрація въ пользу Бурбоновъ, устроенная ловкими агентами Талейрана. Щеголи подъѣхали къ свитѣ монарховъ и втерлись въ ряды ея съ развязностью настоящихъ свѣтскихъ кавалеровъ. Они осыпали всѣхъ союзныхъ офицеровъ любезностями, старались обратить на себя вниманіе государей, принцевъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Они произносили панегирики союзникамъ и ихъ геройскимъ вождямъ и разражались бранью на императора Наполеона [1]).

Было ясно, что тутъ работаютъ піонеры бурбонской реставраціи. Какъ-же держала себя масса публики? И ея настроеніе было, повидимому, самое оживленное, радостное, почти восторженное. Къ крикамъ изумленія, къ возгласамъ любопытства стали присоединяться все чаще и чаще восклицанія симпатіи и сочувствія. Уже при первомъ появленіи союзниковъ женщины начали махать бѣлыми платками и крики: да здравствуютъ союзники! да здравствуетъ миръ! дайте намъ миръ! начали оглашать воздухъ. Энтузіазмъ возросъ, крики усилились еще болѣе, когда парижане увидѣли союзныхъ государей. Бѣлыя ленты, букеты цвѣтовъ посыпа-

[1]) См. v. Helldorf Aus d. Leben des Prinzen Eugen v. Würtemberg, т. III, стран. 116.

лись со всѣхъ балконовъ. Крики: да здравствуетъ Александръ! да здравствуетъ Фридрихъ-Вильгельмъ! усиливаясь все болѣе и болѣе, перешли въ настоящую бурю. Всеобщее вниманіе сосредоточилось и тутъ на императорѣ Александрѣ. Его величественная, изящная фигура, его глубоко-симпатическое лицо, покорили ему и здѣсь при первомъ-же взглядѣ всѣ сердца. Привѣтливое обращеніе Александра, ласковыя слова, съ котороми обращался онъ къ народу, дѣйствовали на французовъ какъ-бы опьяняющимъ образомъ. «Вотъ онъ! Вотъ Александръ!» кричали они въ восторгѣ, указывая его другъ другу. «Смотрите! какъ милостиво онъ кланяется, какъ хорошо говоритъ! Да здравствуетъ Александръ!» «Да здравствуетъ миръ, отвѣчалъ государь. «Я вступаю не врагомъ, а чтобы возвратить вамъ спокойствіе и свободу торговли!» «Мы уже давно ждали прибытія Вашего Величества, сказалъ одинъ французъ, успѣвшій протискаться до самого государя». — «Я пришелъ-бы къ вамъ ранѣе, но меня задержала храбрость вашихъ войскъ», отвѣтствовалъ ему государь, съ неподражаемою, одному ему свойственною граціею [1]).

Слова Александра, передаваемыя изъ устъ въ уста, быстро разнеслись по всей многотысячной толпѣ. Съ этого момента энтузіазмъ народа перешелъ послѣднія границы. Съ изумленіемъ оглядывались вокругъ люди, мыслящіе и серьезные въ средѣ союзниковъ. Они отказывались вѣрить своимъ глазамъ и ушамъ. Имъ казалось, что они видятъ несбыточное фантастическое сновидѣніе. «Неужели», спрашивали они себя, «вся эта буря восторговъ вызвана дѣйствительно нашимъ появленіемъ. Неужели легкомысліе французовъ дошло до того, что они забыли въ одинъ моментъ все свое славное прошлое? Неужели желаніе мира, спокойствія во что-бы то ни стало заглушило въ нихъ всѣ чувства патріотизма,

[1]) См. показанія очевидцевъ у Богдановича, т. IV, стр. 508.

славолюбія, оскорбленной народной гордости? Неужели привѣтливыя слова и улыбки побѣдителя заставили забыть ихъ въ одинъ моментъ все то, чѣмъ былъ для нихъ до сихъ поръ Наполеонъ?» Парижъ встрѣчаетъ побѣдителей Франціи такъ, какъ можетъ лишь встрѣчать отчизна своихъ побѣдоносныхъ сыновъ. Ничего подобнаго не видѣли до сихъ поръ союзники на своемъ пути черезъ Францію. Даже въ пограничныхъ рейнскихъ земляхъ, населенныхъ почти сплошь нѣмцами, народъ держалъ себя несравненно сдержаннѣе. Тамъ не было и рѣчи о какихъ-бы то ни было оваціяхъ союзникамъ; а здѣсь все населеніе ликовало при ихъ появленіи, какъ безумное [1]).

Такія и подобныя мысли приходили въ голову многимъ и очень многимъ участникамъ торжества; но буря энтузіазма была такъ сильна, всеобщій потокъ такъ стремителенъ, что увлекли подъ конецъ за собою ихъ самихъ. Къ тому-же на сторонѣ парижанъ было одно, въ высшей степени важное и смягчающее обстоятельство. Среди бурныхъ восторженныхъ возгласовъ чаще и громче всего повторялся кличъ: «Дайте намъ миръ! Дайте миръ свѣту!» Въ этихъ словахъ выражался весь внутренній смыслъ движенія, въ нихъ крылась причина восторженнаго настроенія парижанъ. Парижъ тяготился, подобно всей Франціи, военнымъ деспотизмомъ Наполеона. Изнывая подъ тяжестью имущественныхъ и кровавыхъ жертвъ, онъ привѣтствовалъ теперь побѣдителей, какъ вѣстниковъ мира; на колѣняхъ, забывая все свое прошлое, молилъ онъ ихъ теперь объ этомъ великомъ, незамѣнимомъ для человѣчества благѣ.

[1]) Helldorf, Aus d. Leben d. Prinzen Eugen von Würtemberg, т. III, стр. 116. Въ запискахъ другаго очевидца мы читаемъ: «Сіе неограниченное изступленіе едва-ли свойственно великому народу. Давно-ли Бонапарте, чтимый ими за Бога, подобными восклицаніями былъ встрѣчаемъ, во время наглаго побѣга своего изъ Россіи?—Необдуманные переходы изъ одной чрезвычайности въ другую означаютъ вѣтренность характера». См. взглядъ русскаго офицера на Парижъ въ 1814, Краснокутскаго, С.-Петербургъ, 1819 г.

Инстинктъ никогда не обманываетъ толпу, какъ не обманываетъ онъ и стадо животныхъ. Далеко не всѣ парижане имѣли ясное и точное представленіе о личности и характерѣ Александра. Они знали хорошо лишь одно, что этотъ государь далеко могущественнѣе всѣхъ остальныхъ, что онъ, а не кто либо другой, стоитъ во главѣ коалиціи. До сего момента они знали его какъ виновника московскаго пожара, какъ истребителя великой арміи и трепетали при одной мысли о немъ и его страшныхъ полчищахъ. Но вотъ этотъ страшный властитель явился передъ ними. Его чарующая внѣшность, его изящное обращеніе, его слова, полныя гуманности и любви, поразили ихъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неожиданнѣе они были. Они моментально поняли, что передъ ними явился не только ихъ побѣдитель, но и ихъ освободитель. И они бросилиль къ нему на встрѣчу, они пали передъ нимъ со всѣмъ увлеченіемъ, свойственнымъ ихъ горячей легкомысленной натурѣ.

«Никогда въ жизни», повѣствуетъ очевидецъ, «не видѣлъ я болѣе странныхъ сценъ, какъ въ этотъ замѣчательнѣйшій изъ дней. Все было увлечено настоящимъ потокомъ восторга и не было конца этому восторгу. Среди постоянно возрастающихъ кликовъ безчисленной массы народа, среди безпримѣрной толкотни, кипѣвшей вокругъ насъ, медленно подвигались мы впередъ къ Елисейскимъ полямъ. До сихъ поръ не могу понять, какимъ образомъ уцѣлѣлъ на государѣ его красный, кавалергардскій мундиръ. Сотни людей тѣснились вокругъ него, цѣловали его коня, его одежду, его ботфорты. И тутъ женщины подавали примѣръ, цѣлыми десятками хватались онѣ за сапоги и шпоры государя, были и такія, которыя цѣплялись за хвостъ его лошади. Государь терпѣлъ все, дозволялъ все. Среди страшной давки какой-то портной успѣлъ подать ему свой адресъ. Александръ принялъ его съ милостивою улыбкою. Этотъ первый примѣръ увлекъ за собою другихъ. Со всѣхъ сторонъ потянулись къ государю руки съ адресами, съ прошеніями. Вскорѣ онъ не въ состояніи

былъ принимать ихъ всѣ и поручилъ это дѣло одному изъ своихъ адъютантовъ» [1]).

Среди такихъ-то сценъ достигло, наконецъ, шествіе Елисейскихъ полей. Тутъ государи остановились и пропустили мимо себя всѣ войска, вступившія въ Парижъ. Величественное военное зрѣлище привлекло еще большія массы народа. Вся громадная площадь, всѣ сосѣднія улицы, всѣ крыши домовъ были переполнены сотнями тысячъ зрителей. Сравнительно лишь немногіе успѣли протѣсниться впередъ и насладиться небывалымъ зрѣлищемъ. Женщины и здѣсь дѣйствовали съ наибольшею отвагою и съ наибольшимъ успѣхомъ. Разсчитывая на любезность непріятельскихъ кавалеровъ, онѣ смѣло пробирались впередъ, и ни мало не стѣсняясь, обращались къ свитскимъ офицерамъ съ просьбою дозволить имъ взлѣсть на ихъ лошадей, чтобы удобнѣе посмотрѣть церемоніальный маршъ войскъ. Такъ какъ почти всѣ просительницы были молоды и граціозны, а многія даже прелестны, то не удивительно, что ихъ просьбы увѣнчались успѣхомъ. Полковникъ Левенштернъ былъ первый, подавшій другимъ союзнымъ офицерамъ примѣръ рыцарской услужливости. «Я скоро вступилъ въ бесѣду, расказываетъ онъ», съ одною молодою очень хорошенькою и прелестно одѣтою дамою. Она сама пробралася ко мнѣ и смѣло ухватилась своими миніатюрными ручками за узду моей лошади. Она просила меня показать ей Монарховъ, князя Шварценберга и другихъ знатныхъ лицъ. Ея положеніе между лошадьми казалось мнѣ крайне неудобнымъ и я предложилъ ей подняться ко мнѣ на сѣдло. Безъ малѣйшихъ околичностей приняла она мое предложеніе, смѣло и ловко взлѣзла на коня и все время смотра сидѣла передо мною на сѣдлѣ, держась за гриву лошади. Примѣръ моей амазонки быстро нашелъ себѣ послѣдователей. Вскорѣ нѣсколько десятковъ элегантно одѣтыхъ дамъ очутились верхомъ на коняхъ. Многіе всадни-

[1]) См. Helldorf, Aus d. Leben d. Prinzen Eugen von Würtemberg, т. III, стран. 117.

ки уступили своихъ лошадей дамамъ, другіе взяли ихъ къ себѣ на сѣдла. Императоръ Александръ, замѣтивъ этихъ амазонокъ, съ улыбкою указалъ на нихъ королю Прусскому и князю Шварценбергу. «Какъ бы не вышло изъ этого новое похищеніе сабинянокъ», сказалъ смѣясь фельдмаршалъ [1]).

Между тѣмъ навязчивость Парижскихъ дамъ возрастала съ каждою минутою. Даже самыя серьезныя и высокопоставленныя лица изъ свиты Государей не въ состояніи были противостоять просьбамъ этихъ новыхъ сиренъ. Даже принцъ Евгеній Виртембергскій принужденъ былъ уступить своего коня какой то очень молоденькой и хорошенькой дѣвушкѣ.

«Молодой господинъ, обратилась она къ нему, будьте такъ милостивы возьмите меня на сѣдло, я умираю отъ любопытства».

«Мадемуазель! я состою на службѣ».

«А что это значитъ?».

«А то, что мнѣ можетъ прійтись стать во главѣ отряда и обнажить шпагу».

«О! въ такомъ случаѣ, я буду держать ее вамъ».

«Вы слишкомъ обязательны, мадемуазель! Могу ли я узнать ваше имя?».

«Меня зовутъ Луизою.—Отецъ мой торгуетъ сукнами.— Онъ будетъ крайне доволенъ видѣть васъ у себя».

«А въ такомъ случаѣ просьба ваша должна быть исполнена».

Другая, не менѣе бойкая и красивая француженка пробралась къ кронпринцу Виртембергскому. Увидѣвъ его прекраснаго коня, она вдругъ разразилась восклицаніемъ:

«Ахъ какая прелестная лошадь!»

Принцъ отвѣчалъ ей съ улыбкою: «мадемуазель, вы, кажется,

1) Denkwürdigkeiten eines Lievländer's, T. II, стр. 262.

обращаете болѣе вниманія на росинанта, нежели на самого рыцаря?»

«Ахъ! месье, отвѣчала парижанка съ неподражаемою наивностью, вы дѣйствительно очень красивый молодецъ, но красивые мужчины не такъ рѣдки въ Парижѣ, какъ красивыя животныя».

Еще болѣе забавный случай случился съ Шварценбергомъ. Замѣтивъ какого то толстаго генерала, покрытаго орденами и звѣздами, одна парижанка обратилась къ нему съ такими вопросами.

«Месье! Не можете ли Вы показать мнѣ короля Прусскаго?»

— Не угодно ли вамъ взглянуть на лѣво, на моего сосѣда.

«А! Блюхеръ!» продолжала спрашивать француженка.

— Его нѣтъ здѣсь.

«А! Веллингтонъ?»

— Онъ пока еще сражается.

«А Шварценбергъ?»

— Онъ имѣетъ честь говоритъ съ вами.

«Ахъ, Боже мой, князь, какъ я счастлива познакомиться съ такимъ знаменитымъ человѣкомъ! Теперь я не сомнѣваюсь, что онъ несетъ на плечахъ своихъ всю Европу».

Прохожденіе войскъ мимо монарховъ продолжалось очень долго, до самыхъ пяти часовъ вечера, и все это время энтузіазмъ публики не только не ослабѣвалъ, а, напротивъ, возросталъ еще болѣе. Піонеры Бурбоновъ, изящные кавалеры Сенъ-Жерменскаго предмѣстья, видимо старались обратить на себя всеобщее вниманіе и придать всему народному энтузіазму характеръ роялистской манифестаціи. Суетливо толклись они среди толпы, разъѣзжая взадъ и впередъ на своихъ изящныхъ лошадяхъ, выставляя на видъ свои колоссальныя бѣлыя кокарды, раздавая подобныя же кокарды всѣмъ желающимъ. Они прочитывали прокламацію князя Шварценберга и кричали до хрипоты: Да здравствуютъ Бурбоны! Да здравствуетъ Людовикъ XVIII! Долой тирана! Никто изъ толпы не обращалъ, однакоже, особеннаго вниманія на всю эту суету. Лишь очень немногіе относились съ сочувствіемъ къ

бурбонскимъ манифестантамъ, и вторили ихъ кликамъ. Публика была видимо поглощена иными чувствами и другими интересами. Крики: да здравствуютъ союзники! Да здравствуетъ Александръ! Да здравствуетъ Фридрихъ-Вильгельмъ! Дайте намъ миръ! заглушали и покрывали все остальное. Не трудно было замѣтить, что парижане радовались паденію Наполеона, но что они относились съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, какъ къ давно забытымъ Бурбонамъ, такъ и ко всякимъ другимъ претендентамъ. Для нихъ важно было не лицо, не форма; они желали лишь такого порядка вещей, который гарантировалъ-бы имъ спокойствіе и миръ.

Роялисты, дѣйствовавшіе по заранѣе установленному плану, и руководимые въ тайнѣ такимъ мастеромъ интриги, какъ Талейранъ, не могли, разумѣется, удовлетвориться такимъ холоднымъ и индифферентнымъ отношеніемъ публики. Во что бы то ни стало, должны были они дать союзнымъ монархамъ и ихъ министрамъ болѣе ясное и наглядное доказательство настроенія парижскаго населенія, его пламенной ненависти къ Наполеону и его внезапно пробудившейся любви къ старой королевской династіи. Для достиженія этой цѣли, имъ необходимо было устроить какую-нибудь грандіозную демонстрацію, и они смѣло принялись за это дѣло, разсчитывая совершенно основательно на дѣятельную поддержку пьяныхъ пролетаріевъ, подкупленныхъ буржуа, торговокъ, буйныхъ уличныхъ мальчишекъ, а еще болѣе на полнѣйшее равнодушіе массы парижской публики къ великому императору и памятникамъ его славныхъ побѣдъ.

Уже вечерѣло, и смотръ на Елисейскихъ поляхъ давно уже окончился, когда два изъ наиболѣе пламенныхъ роялистовъ, Состенъ-де-ля Рошфуко и Монбрель, отправились на Вандомскую площадь въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ своихъ агентовъ и небольшой толпы уличной сволочи. Тутъ на этой площади возвышался одинъ изъ величественнѣйшихъ памятниковъ побѣжденнаго императора. То была Вандомская колонна, пріобрѣтшая себѣ столь печальную из-

вѣстность и въ болѣе близкіе къ намъ дни. «Колонна», повѣствуетъ русскій очевидецъ, «имѣла около 15 сажень высоты. Внутри ея была лѣстница, а на самой вершинѣ колоссальная статуя Наполеона въ мундирѣ и шляпѣ, имѣющая въ правой рукѣ державу міра. Вся эта колонна, говорили намъ, сдѣлана по подобію Траянова столпа въ Римѣ и вылита изъ пушекъ, отнятыхъ у непріятелей прежними побѣдами французовъ. Отъ пьедестала до самаго верха украшена она спиральною полосою съ барельефами. На пьедесталѣ воинская арматура новѣйшихъ временъ: мундиры съ эполетами Павловскаго гренадерскаго полка, каски, русскія знамена, пушки, а по угламъ одноглавые французскіе орлы. Колонна сооружена въ 1805 году; памятникъ рѣдкій и примѣчательный по своей работѣ» [1]).

Явившись на площадь, бурбонскіе кавалеры застали уже тутъ не мало веселаго, подгулявшаго народа. Ихъ крики: a bàs Napoleon (долой Наполеона), и предложеніе немедленно же сбросить статую съ верху, были встрѣчены всеобщимъ одобреніемъ. Въ этотъ моментъ явились на площадь нѣсколько русскихъ офицеровъ. «Не Наполеонъ ли это на верху?» спросилъ одинъ изъ нихъ. «Да онъ!» отвѣчали изъ толпы. «Высоко взошелъ», замѣтилъ со смѣхомъ офицеръ, «не пора ли сойти внизъ!» «Сейчасъ сойдетъ», закричали французы. Еще офицеры не успѣли опомниться, какъ какой то проказникъ уже взобрался на плечи мѣднаго Наполеона и обматывалъ вокругъ его шеи толстый канатъ, концы котораго висѣли до низу. Толпы стоявшей внизу черни, въ томъ числѣ множество женщинъ, тотчасъ же ухватились за концы каната и съ громкимъ крикомъ и хохотомъ принялись тащить своего прежде бывшаго идола. «Вотъ превратность судьбы великихъ людей!» восклицаетъ русскій очевидецъ, «эта чернь, которую Наполеонъ едва ли удостоивалъ когда-нибудь косвеннымъ взглядомъ, бывши занятъ своими завоеваніями и

[1]) Записки артиллериста, т. III, стр. 125.

судьбою Европы, эта чернь, теперь издѣваясь, тянетъ его съ высоты побѣдъ, но онъ стоялъ твердо, и не знаю чѣмъ окончились ничтожныя усилія черни, потому что въ негодованіи на вѣтренный характеръ французовъ поѣхалъ далѣе» [1]). Усилія черни, подстрекаемой изящными кавалерами, продолжались очень долго, но не имѣли желаннаго успѣха. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда полковникъ Левенштернъ и его спутники, другіе русскіе офицеры, возвращаясь съ поздняго обѣда въ одномъ изъ парижскихъ ресторановъ, случайно проѣзжали черезъ Вандомскую площадь. Они застали тутъ громадныя толпы народа. Множество мужчинъ и женщинъ, ухватившись за концы канатовъ, тянули изо всѣхъ силъ истукана. Толпа вокругъ кричала какъ безумная: «Долой тирана! долой узурпатора!» Мѣдный Наполеонъ не поддавался, однако же, никакимъ усиліямъ. Угрюмо и величественно стоялъ онъ на своей вышинѣ, какъ бы съ презрѣніемъ озирась на бѣснующуюся внизу толпу. И что всего страннѣе. Съ низу казалось, что колоссальная статуя держитъ веревки въ рукахъ подобно вожжамъ и правитъ ими народомъ. Это оригинальное открытіе сдѣлали не только русскіе офицеры, но и нѣкоторые изъ французовъ. Какой то усачъ, стоявшій въ сторонѣ, очевидно старый унтеръ-офицеръ, громко крикнулъ народу: «Смотрите! Смотрите! Этотъ чертовъ молодецъ держитъ насъ и теперь въ своихъ сильныхъ рукахъ!» [2]) Неизвѣстно, чѣмъ окончилась бы вся эта комедія, если бы на площадь не явился внезапно сильный караулъ отъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Караулъ былъ высланъ, по личному распоряженію императора Александра. Молча обступили колонну русскіе гвардейцы, и чернь только что столь яростная тотчасъ же присмирѣла, и поспѣшила оставить въ покоѣ мѣднаго Наполеона. Не прошло и получаса, какъ пло-

[1]) Записки артиллериста, т. III, стр. 126.

[2]) Denkwürdigkeiten eines Lievländers, T. II, стр. 266.

щадь уже совершенно опустѣла [1]). Во всѣхъ кварталахъ Парижа начала водворяться глубокая тишина. Только на Елисейскихъ поляхъ и другихъ площадяхъ пылали яркіе костры бивуакировавшихъ союзныхъ войскъ. По всѣмъ улицамъ Парижа ходили военные патрули и стояли пикеты и караулы. Непривычные крики: «Кто идетъ? и Wer da?» смущали еще парижанъ. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ они могли быть совершенно спокойны. Они убѣдились, что великодушіе ихъ побѣдителей дѣйствительно не знало границъ.

Самодержавный французскій народъ, и въ особенности парижане, о правѣ и всемогуществѣ которыхъ было такъ много рѣчи во всѣхъ прокламаціяхъ и дипломатическихъ заявленіяхъ, сдѣлали свое дѣло въ достопамятный день 31 марта. Цѣлымъ рядомъ самыхъ шумныхъ манифестацій выразили они свое отвращеніе къ кровавому деспотизму Наполеона и свое страстное желаніе къ утвержденію мирнаго и прочнаго порядка вещей. Народъ не высказалъ, правда, никакихъ опредѣленныхъ симпатій въ пользу той или другой формы правленія, того или другаго претендента, но уже изъ одной этой неопредѣленности можно было вывести смѣло заключеніе, что Парижъ и Франція заинтересованы не въ формѣ и не въ лицѣ, а лишь въ одномъ мирѣ и спокойствіи. Люди, считавшіе себя справедливо или несправедливо представителями національной воли, вершителями судебъ Франціи, свободно могли взяться за устройство страны и избранія будущаго монарха. Для полнаго успѣха своего предпріятія имъ оставалось лишь заручиться согласіемъ и поддержкою союзныхъ государей. Что-же касается до народа, т. е. до легкомысленной и забитой невзгодами по-

[1]) «Der Auftritt, wohl von weissen Kokarden trägern veranlasst, nahm dadurch ein Ende, dass ein Zug der Semenowschen Garde heranrückte und schweigend, ohne irgend eine Angriffsbewegung die Säule umstellte, worauf das Volk, ohne Zeichen des Unmuths, sich verlief und es auf dem Platze ruhig wurde» Denkwürdigkeiten eines Lievländers, т. II, стр. 266.

слѣдняго времени толпы, то они могли быть увѣрены, что она слѣпо и покорно пойдетъ за ними [1]).

Политическихъ партій въ настоящемъ смыслѣ слова не существовало вовсе въ тогдашней Франціи: онѣ были разсѣяны страшными бурями революціи и тяжелымъ гнетомъ наполеоновскаго деспотизма. У побѣжденнаго императора не было другихъ приверженцевъ кромѣ солдатъ; что-же касается до политиковъ, то они давно уже относились къ нему съ ненавистью. Наполеоновская династія не пустила также никакихъ корней во французскомъ обществѣ и ни одинъ изъ ея членовъ, не исключая и малолѣтнаго короля Римскаго, не могъ удержаться на престолѣ безъ поддержки могучаго императора. Республика была для массы лишь однимъ смутнымъ и страшнымъ воспоминаніемъ. О ней мечтали лишь немногіе энтузіасты, ея возврата желали лишь нищіе и оборванные пролетаріи предмѣстій, хорошо помнившіе разгульное, жирное время максимальной таксы и гильотины. Всѣ остальные претенденты, не исключая и самого Бернадотта, были совершенно неизвѣстны и не имѣли сочувствій со стороны большинства французовъ. При такомъ положеніи дѣлъ лишь одни Бурбоны представлялись единственно возможною политическою комбинаціею; тогда какъ все остальное должно было оказаться или рискованною авантюрою, или интригою.

Лишь одинъ человѣкъ во всей Франціи вѣрно понялъ и оцѣнилъ это положеніе дѣлъ. Человѣкъ этотъ былъ Талейранъ. Его влекли къ Бурбонамъ не какія бы то ни было симпатіи, онъ задумалъ реставрацію стараго королевскаго дома не подъ

[1]) Даже такіе писатели патріоты, какъ Беранже, принуждены сознаться, что легкомысліе и индифферентизмъ французовъ дошли въ это время до своего апогея. «Замѣчательная вещь», говоритъ Беранже, эта сдача Парижа нисколько не измѣнила жизни его обитателей. Въ самый день атаки спектакли были объявлены какъ всегда и если вечеромъ представленія не состоялись, то, я полагаю, единственно потому, что какъ актеры, такъ и зрители хотѣли видѣть и слышать, что происходило за стѣнами. Вступленіе непріятелей явилось также своего рода развлеченіемъ; на него бѣжали глазѣть многіе, патріотизмъ коихъ былъ столь-же не сомнѣненъ, какъ и мой собственный. На дѣлаемые имъ упреки, они отвѣчали такъ: «А что мы можемъ сдѣлать? Зачѣмъ императоръ не прибылъ во-время? Зачѣмъ Марія-Луиза и Іосифъ оставили насъ?» Беранже Ma biographie, стр. 357—358.

вліяніемъ какого либо общественнаго давленія, а потому, что видѣлъ въ этой реставраціи единственно возможный исходъ изъ крайне запутаннаго, почти безвыходнаго положенія дѣлъ. Владычество Наполеона было немыслимо для Талейрана уже потому, что противъ него высказались такъ категорически союзные государи и, главнымъ образомъ, императоръ Александръ. Регентство Маріи Луизы и провозглашеніе ея сына, короля Римскаго, означали-бы, по мнѣнію Талейрана, лишь продолженіе наполеоновскаго владычества и были, слѣдовательно, такъ-же невозможны. О республикѣ, по мнѣнію стараго дипломата, не могло быть серьезно и рѣчи; а касательно другихъ претендентовъ, взятыхъ изъ рядовъ французскихъ маршаловъ, можно было утверждать напередъ, что ни одинъ изъ нихъ не могъ замѣнить Наполеона. Такую замѣну можно было найти въ однихъ Бурбонахъ. Забытые народомъ, они имѣли, однакоже, одно огромное преимущество—славное историческое прошлое; если отъ кого либо, то только отъ нихъ можно было ожидать, что имъ удастся стать выше интригъ и партійныхъ страстей и удовлетворить хотя до нѣкоторой степени насущнымъ потребностямъ націи.

Талейранъ, служившій когда-то столь дѣятельно Наполеону, разошелся уже давно съ своимъ повелителемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ властелинъ Франціи превратился во властелина Европы, съ тѣхъ поръ, какъ онъ потерялъ всякую мѣру и открыто началъ стремиться къ владычеству надъ міромъ, Талейранъ понялъ, что дни гордаго корсиканца сочтены, и что его господство должно рушиться при первыхъ-же рѣшительныхъ военныхъ неудачахъ. Уже съ 1808 года Талейранъ сдѣлался тайнымъ врагомъ Наполеона, а послѣ катастрофъ въ Россіи и Германіи, послѣ вступленія союзниковъ во Францію, онъ дѣятельно началъ подкапывать наполеоновское правительство и подготовлять реставрацію Бурбоновъ. Сначала затѣя Талейрана могла показаться невыполнимою, почти фантастическою, тѣмъ болѣе, что у него вовсе не было ловкихъ помощниковъ и дѣятельныхъ агентовъ. Въ то время, какъ Талейранъ подготовлялъ почву въ Парижѣ и дѣйствовалъ, по преимуществу, въ салонахъ и въ средѣ такъ называемаго высшаго общества, эмис-

сары, разосланные графомъ д'Артуа, силились пробудить роялистскія симпатіи въ провинціяхъ и склонить на сторону Бурбоновъ союзныхъ государей. Вся эта агитація оставалась долгое время безплодною. Въ провинціяхъ, за весьма немногими исключеніями, не обнаруживалось ни малѣйшаго движенія въ пользу Бурбоновъ. Парижскіе роялисты, трепетавшіе передъ императорскою полиціею, рѣшались выражать свое недовольство и свои надежды только шопотомъ. Союзные государи не обнаруживали ни малѣйшей склонности мѣшаться во внутреннія дѣла Франціи, и говорили о Бурбонахъ не иначе какъ съ полнымъ равнодушіемъ. Дѣло реставраціи стояло совершенно безнадежно до тѣхъ поръ, пока неожиданный поворотъ счастія на театрѣ войны и взятіе Парижа союзниками не измѣнили почти внезапно всего положенія дѣлъ. Сановники и столпы наполеоновскаго режима, объятые паническимъ страхомъ, безусловно повиновались безумному распоряженію своего властелина. Они бѣжали изъ города и предоставили Талейрану свободное поле для дѣйствій. Правда, въ распоряженіи князя Беневентскаго было очень мало времени, всего лишь нѣсколько часовъ, но онъ съумѣлъ воспользоваться этимъ временемъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ онъ успѣлъ сдѣлать то, чего не удалось-бы сдѣлать другимъ въ теченіи многихъ дней. Талейранъ успѣлъ организовать небольшую партію роялистовъ, успѣлъ найти агитаторовъ и распредѣлить между ними роли; онъ успѣлъ вступить въ непосредственныя сношенія съ Нессельроде, заинтересовать императора Александра и привлечь на себя его вниманіе.

Чтобы понять дальнѣйшіе неимовѣрные успѣхи Талейрана, необходимо имѣть въ виду то крайне затруднительное положеніе, въ которомъ находились главы коалиціи, въ особенности-же императоръ Александръ. Какъ ни важно было само по себѣ такое событіе, какъ взятіе Парижа, но вопросъ о томъ, что-же должно слѣдовать дальше, невольно возбуждалъ самыя серьезныя сомнѣнія и опасенія. Война не была еще окончена, Наполеонъ не былъ окончательно пораженъ; онъ занималъ угрожающее положеніе вблизи Парижа и стоустая молва преувеличивала, по обыкновенію, его силы и припи-

сывала ему самыя отчаянныя намѣренія. На легкомысленное населеніе Парижа нельзя было возлагать особенныхъ надеждъ; сегодня оно ликовало при вступленіи Александра, завтра оно можетъ будетъ ликовать возврату Наполеона.—Необходимо было отдѣлить какъ можно скорѣе дѣло Наполеона отъ дѣла Франціи; надо было создать во что бы то ни стало какое нибудь временное правительство, которое носило-бы на себѣ хотя признакъ законности, и прійти съ этимъ правительствомъ къ какому нибудь соглашенію. Но какъ приступить къ подобному дѣлу въ моментъ всеобщей дезорганизаціи и паники, гдѣ найти хотя сколько нибудь достойныхъ представителей націи и Парижа, гдѣ отыскать людей, способныхъ и годныхъ къ тяжелому дѣлу правленія? Подобная задача должна была показаться неразрѣшимою, когда сдѣлалось извѣстно, что въ Парижѣ господствуетъ полнѣйшее безначаліе, что всѣ члены бывшаго правительства и законодательныхъ собраній, всѣ выдающіеся нотабли оставили столицу. Не съ кѣмъ было, слѣдовательно, договариваться и устанавливать какую либо временную форму правительства, необходимо было много времени, чтобы оріентироваться въ этомъ хаосѣ, чтобы найти какой нибудь выходъ. Въ этотъ моментъ является Талейранъ, онъ самъ черезъ Орлова предлагаетъ свои услуги Александру и само собою понятно, что Александръ съ радостью принимаетъ это предложеніе. По порученію государя, Нессельроде спѣшитъ въ Парижъ и вступаетъ въ тайныя совѣщанія съ княземъ Беневентскимъ [1]).

Талейрану не стоило большаго труда очаровать въ короткое время русскаго министра, убѣдить его въ своемъ всесиліи и указать затѣмъ ему легкій, скорый и почетный выходъ изъ всѣхъ затрудненій. Теперь оставалось позаботиться еще объ одномъ. Для Талейрана было крайне необходимо, чтобы Александръ не попалъ подъ какое нибудь чуждое вліяніе, а для этого надо было завлечь русскаго императора туда-же, гдѣ находился уже его министръ, т. е. въ отель Талейрана,

[1]) Подробности см. у Тьера, Histoire du consulat et de l'empire, T. XVII, стр. 638.

и притомъ завлечь какъ можно скорѣе, не теряя ни минуты времени, тотчасъ-же по окончаніи смотра на Елисейской площади.

Для достиженія этой цѣли Талейранъ пустилъ въ ходъ одну изъ тѣхъ ловкихъ махинацій, въ изобрѣтеніи которыхъ онъ былъ такой великій мастеръ. Всѣ ожидали, что Александръ, слѣдуя надменному примѣру Наполеона, остановится въ Парижѣ, не иначе какъ въ Тюльирійскомъ дворцѣ, но императоръ, слѣдуя своей обычной скромности, изъявилъ желаніе квартировать въ Елисейскомъ дворцѣ. Уже во дворцѣ сдѣланы были нѣкоторыя приготовленія для пріема высокаго гостя, какъ вдругъ государь получилъ во время смотра анонимную записку, въ которой его извѣщали, что подъ Елисейскимъ дворцемъ устроены мины. Государь, не говоря никому ни слова, отправилъ тотчасъ-же къ Нессельроде нарочнаго съ порученіемъ разузнать насколько основателенъ доносъ. Нессельроде показалъ записку Талейрану [1]). Великій мастеръ интриги принялъ важный таинственный видъ; онъ не сказалъ ничего положительнаго о достовѣрности доноса, но онъ замѣтилъ, что, во избѣжаніе всякихъ сомнѣній и опасеній, будетъ гораздо лучше, если императоръ Всероссійскій соблаговолитъ остановиться въ его отелѣ. Онъ, князь Беневентскій, почтетъ за величайшую милость подобную честь; его отель снабженъ къ тому-же всѣмъ необходимымъ для пріема высокаго посѣтителя. Наконецъ, онъ, князь, не приминетъ воспользоваться такимъ случаемъ, дабы представить императору нѣкоторыхъ лицъ, отъ которыхъ онъ можетъ получить самыя достовѣрныя данныя о дѣйствительномъ настроеніи французской націи. Нессельроде поспѣшилъ увѣдомить государя о приглашеніи Талейрана, и Александръ, горѣвшій нетерпѣніемъ лично увидѣться съ княземъ Беневентскимъ и посовѣтоваться съ нимъ, не колеблясь ни минуты, принялъ его.

Какъ только окончился смотръ и войска двинулись къ назначеннымъ имъ мѣстамъ, императоръ въ сопровожденіи, лишь

[1]) Неизвѣстно кто прислалъ записку, но принимая во вниманіе какъ искусно воспользовался ею Талейранъ, надо думать, что и это дѣло не миновало его рукъ. Левенштернъ, какъ и другіе свидѣтели, считаетъ всю эту исторію дѣломъ случая. Denkwürdigkeiten eines Lievländers, T. II, стр. 263—264.

немногихъ лицъ свиты, отправился пѣшкомъ въ отель Талейрана. Здѣсь все было уже готово къ его пріему. Самъ князь встрѣтилъ императора у подъѣзда и почтительно привѣтствовалъ его. Александръ дружески пожалъ руку Талейрану и вмѣстѣ съ нимъ прошелъ въ салоны. Тутъ толпилось уже нѣсколько десятковъ роялистскихъ кавалеровъ. Тутъ были и ближайшіе помощники Талейрана, его друзья и единомышленники. Изъ нихъ выдавались особенно герцогъ Дальбергъ и епископъ де-Прадтъ, еще недавно ревностные слуги Наполеона, теперь его злѣйшіе враги. Тутъ-же былъ и баронъ Луи, одинъ изъ крупныхъ парижскихъ финансистовъ и представителей высшей буржуазіи. Александръ любезно раскланялся со всѣми этими лицами и прошелъ вслѣдъ за тѣмъ въ кабинетъ въ сопровожденіи князя Беневентскаго [1]).

Прошло около получаса въ интимной бесѣдѣ русскаго императора съ бывшимъ министромъ Наполеона, когда въ отель начали съѣзжаться лица, долженствовавшія принять участіе въ совѣщаніи, предметомъ котораго была участь Франціи. Одинъ изъ первыхъ прибылъ король прусскій. Лишь на минуту заѣхалъ онъ въ отведенный для него отель Виллеруа на Бурбонской улицѣ и поспѣшилъ вслѣдъ за тѣмъ на зовъ императора Александра. За нимъ пріѣхали, также по приглашенію русскаго государя, князь Шварценбергъ, князь Лихтенштейнъ и генералъ Поццо-ди-Борго. Кромѣ ихъ и самого Талейрана, въ совѣщаніи принимали участіе герцогъ Дальбергъ и Нессельроде.

Императоръ Александръ открылъ собраніе краткою рѣчью, въ которой онъ заявилъ, что союзники преслѣдуютъ лишь одну цѣль: прочный миръ, что, не будучи въ состояніи заключить его въ Шатильонѣ съ уполномоченнымъ Наполеона, они пришли искать его въ Парижѣ. Они готовы, добавилъ госу-

[1]) Важнѣйшія подробности о совѣщаніи въ Hotel de Taleyrand, заключаются въ извѣстномъ сочиненіи де-Прадта Rewelations de l'abbè de Pradt, одного изъ участниковъ конференціи и притомъ человѣка, очень близкаго къ Талейрану и посвященнаго во всѣ интриги. См. также Богдановичъ, Т. IV, 510, гдѣ нѣкоторыя черты заимствованы изъ оффиціальныхъ русскихъ источниковъ. Волабель, Histoire de deux Restauvrations, T, I, стр. 282 и слѣд. Люби, Histoire de la restauvration, T, I, стр. 168; Тьеръ, Histoire du consulat et de l'empire, T. XVII, стр. 639—648.

дарь, заключить миръ съ тѣми лицами, которыя могутъ считать себя представителями французской націи, которымъ извѣстно дѣйствительное настроеніе умовъ во Франціи. «Ни я, ни мои союзники», — заключилъ свою рѣчь государь, — «не имѣемъ ни малѣйшаго притязанія вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, давать ей то или другое правительство. Мы готовы признать какое угодно правительство, только-бы оно признано было всѣми французами и дало-бы намъ гарантіи въ прочности мира».

Государь, окончивъ свою рѣчь, предложилъ обсудить прежде всего возможность оставленія Наполеона и заключенія съ нимъ мира. Какъ и слѣдовало ожидать, противъ этой комбинаціи высказались единогласно всѣ присутствующіе. Даже князь Шварценбергъ и Лихтенштейнъ не рѣшились сказать ни единаго слова въ пользу зятя своего государя. Затѣмъ поставлено было на очередь провозглашеніе сына Наполеона и регентства Маріи-Луизы. Герцогъ Дальбергъ произнесъ длинную рѣчь въ защиту этой комбинаціи, но Талейранъ, видимо одобряемый всѣми присутствующими, безъ труда опровергъ его доводы. «Если самъ Наполеонъ», — сказалъ онъ, — «невозможенъ, то столь-же невозможны его жена и сынъ. Развѣ можно утверждать, что Наполеонъ не будетъ стоять за Маріею-Луизою и королемъ Римскимъ, что онъ не будетъ управлять ихъ именемъ? Да это будетъ тотъ-же Наполеонъ со всѣми его неудобствами и немыслимостями. Необходимо, слѣдовательно, отказаться отъ подобной комбинаціи, и если, августѣйшій государь, отдавшій свою дочь за Наполеона, приноситъ для Европы эту тяжелую жертву, то необходимо принять ее, возблагодаривъ императора австрійскаго за такое вѣрное пониманіе положенія дѣлъ». При этихъ словахъ Талейранъ взглянулъ на лица Шварценберга и Лихтенштейна и прочелъ на нихъ лишь полное равнодушіе къ участи Маріи-Луизы и ея сына. Опаснѣйшая комбинація была такимъ образомъ устранена и Талейранъ могъ смѣло поставить на очередь кандидатуру Бурбоновъ. «Разъ», — замѣтилъ онъ, — «мы согласны въ томъ, что республика невозможна для поколѣнія, пережившаго ужасы 1793 года, разъ мы считаемъ монархію единственно возможною формою правленія, то намъ придется согласиться, что бурбонская

фамилія лишь одна способна занять тронъ Франціи, ибо мы не можемъ произвольно и искусственно создать условія, которыя придали-бы такую способность какой-нибудь другой фамиліи. Геній, игра революцій могутъ возвысить на извѣстный моментъ человѣка, но подобный феноменъ исчезаетъ быстро, какъ видимъ мы этому доказательство, и народы вновь возвращаются къ порядкамъ, освященнымъ вѣками и долгими національными симпатіями. Къ тому-же, я глубоко убѣжденъ, что и въ настоящую минуту громадное большинство французовъ предпочтетъ возстановленіе древней законной династіи всему остальному».

Это послѣднее замѣчаніе Талейрана вызвало, однако-же, противорѣчіе въ собраніи. Князь Лихтенштейнъ заговорилъ первый. «Я сомнѣваюсь»,—сказалъ онъ,— «чтобы Франція желала возвращенія Бурбоновъ. Нигдѣ, на всемъ своемъ пути, ни на одной дорогѣ, ни въ одной деревнѣ, ни въ одномъ городѣ, союзники не могли усмотрѣть и тѣни подобнаго желанія. Наоборотъ, населеніе повсюду держало себя сдержанно и враждебно, а въ арміи всѣ, начиная отъ ветерановъ и оканчивая рекрутами, оказывали слѣпое повиновеніе императору, безусловную преданность его дѣлу».

Императоръ Александръ поспѣшилъ подтвердить замѣчанія Лихтенштейна. Онъ напомнилъ о битвѣ при Ла-феръ-Шампенаузѣ, случившейся лишь нѣсколько дней тому назадъ, гдѣ только-что набранные рекруты, крестьяне, взятые прямо отъ плуга, не принимали упорно предлагаемой имъ пощады и умирали съ крикомъ: «да здравствуетъ императоръ».

Талейранъ стоялъ, однако-же, на своемъ мнѣніи. «Я убѣжденъ, что я не ошибаюсь»,—сказалъ онъ, обращаясь къ императору Александру. «Во всякомъ случаѣ, мое заблужденіе раздѣляется тѣми, которые лучше кого либо другого знаютъ Францію и настроеніе общественнаго мнѣнія. Позвольте мнѣ, государь, ввести сюда нѣсколько такихъ лицъ». Съ этими словами Талейранъ отворилъ дверь и ввелъ въ кабинетъ, стоявшихъ уже наготовѣ, своихъ помощниковъ: епископа де-Прадта, барона Луи и генерала Дессоля [1]).

[1]) M. de Talleyrand nous introduisit dans la salle ou se trouvait le conseil on se, trouva rangé de maniere à ce que du côte droit le roi de Prusse et le prince

Всѣ приглашенные, какъ одинъ человѣкъ, высказались въ пользу Бурбоновъ. Де-Прадтъ говорилъ съ свойственною ему дерзостью, баронъ Луи съ обычнымъ своимъ апломбомъ дѣловаго человѣка, генералъ Дессоль съ тонкою разсудительностью, но сущность ихъ рѣчей сводилась къ одному и тому-же. Они утверждали, всякій на свой ладъ, что владычество Наполеона немыслимо, что ни одинъ человѣкъ не желаетъ возвращенія этого бѣшенаго готоваго растерзать Францію и Европу, гоняясь за своими кровавыми химерами, что въ его женѣ и въ его сынѣ, всѣ будутъ усматривать опять-таки его самого, что весь французскій народъ, желая возстановленія монархіи, не имѣетъ иного выбора кромѣ Бурбоновъ. «Правда», —добавляли они, - «о Бурбонахъ не думали до сихъ поръ, но лишь потому, что не было для этого времени. Но стоитъ лишь разъ свободно произнести ихъ имя и весь свѣтъ пойметъ, что нѣтъ никого болѣе способнаго занять престолъ Франціи кромѣ этихъ принцевъ. Необходимо только принять законныя гарантіи противъ ихъ предразсудковъ, и тогда возможно будетъ воспользоваться всѣми ихъ преимуществами и избѣжать всѣхъ ихъ неудобствъ». «Мы всѣ роялисты», сказалъ въ заключеніе де-Прадтъ,— «всѣ французы—роялисты» [1]). «Да, повторилъ баронъ Луи, «вся Франція» роялистъ! Она отталкиваетъ отъ себя Бонапарте, она не хочетъ знать его болѣе. Этотъ человѣкъ трупъ, хотя отъ него пока еще нѣтъ смраду» [2]).

Не безъ отвращенія выслушалъ Александръ это послѣднее циническое замѣчаніе. Еще разъ обратился онъ къ Талейрану

Schwarzenberg se trouvassent les plus rapproches du meuble d'ornement qui est au milieu de l'appartement; M. le duc Dalberg etait a la droite du prince Shwarzenberg; M. M. de Nesselrode, Pozzo-di-Borgo, le prince de Lichtenstein suivaient; M. de Talleyrand se trouvait à la gauche du roi de Prusse, M. le baron Louis et moi placés aupres de lui. L'empereur Alexandre, faisant face à la assemblée, allait et venait. Въ этомъ разсказѣ мы не находимъ, такимъ образомъ, ни слова о присутствіи Дессоля, что противорѣчитъ, однако-же, другимъ свидѣтельствамъ. См. Тьеръ, т. XVII, стр. 645.

[1]) «J'eclatai par la declaration que nous etions tous royalistes et que la France etait comme nous» De-Pradt, стр. 62.

[2]) «Cet homme n'est plus qu'un cadavre, seulment il ne pue pas encore». Vaulabelle, T. I, стр. 286.

и сказалъ ему въ полголоса: Еще не исчерпаны всѣ возможности. Что скажете вы о Бернадоттѣ? Талейранъ возразилъ съ живостью: «Возможны лишь двѣ комбинаціи: Наполеонъ или Людовикъ XVIII. Возможно-ли предложить кого-нибудь иного на мѣсто императора помимо Людовика? Солдата? Но если-бы мы желали таковаго, то мы удержали-бы того, кого имѣемъ. Вѣдь это первый солдатъ въ мірѣ. Всякій другой не потянетъ за собою и десяти человѣкъ. Однимъ словомъ,—республика—невозможность, Бернадоттъ, регентство -интрига, одни только Бурбоны—принципъ».

Никто не противорѣчилъ на этотъ разъ Талейрану. Съ минуту въ кабинетѣ царствовало глубокое молчаніе. Александръ прервалъ его. «Хорошо»,—сказалъ онъ,— «если вы всѣ дѣйствительно такого мнѣнія, то значитъ рѣшено». При этихъ словахъ Александръ взглянулъ на Фридриха-Вильгельма и Шварценберга; оба они одобрительно кивнули головами. «Мы не будемъ вести переговоровъ съ Наполеономъ»,—продолжалъ государь,— «мы не будемъ противиться и реставраціи Бурбоновъ! Но не намъ, чужеземцамъ, подобаетъ провозглашать низложеніе Наполеона, еще менѣе того, можемъ мы призывать Бурбоновъ на престолъ Франціи. Кто-же возьметъ на себя починъ въ этихъ двухъ великихъ актахъ?»

Талейранъ подумалъ съ минуту. «Существующія, законныя учрежденія, государь»,—отвѣчалъ онъ. «Я беру на себя подвинуть къ этому дѣлу сенатъ» [1]). Александръ кивнулъ одобрительно головою, но Талейранъ продолжалъ. «Для этого я нуждаюсь, однако-же, въ содѣйствіи вашего величества и вашихъ союзниковъ. Необходимо, чтобы соединенная Европа разъ и навсегда отреклась формально и торжественно отъ всякаго общенія съ Наполеономъ, чтобы союзные монархи объявили всенародно, что они никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не вступятъ въ переговоры съ побѣжденнымъ императоромъ, что они ни за что не признаютъ властелиномъ Франціи ни самого Бонапарте, ни кого либо изъ членовъ его семейства. «Только въ виду подобнаго заявленія»,— «за-

[1]) См. Онкенъ, Geschichte der Revolution, etc. Т. II, стр. 800.

ключилъ не безъ ироніи Талейранъ»,— «члены сената обрѣтутъ въ себѣ смѣлость свободно высказать свое мнѣніе».

Ни императоръ Александръ, ни его союзники не могли возражать противъ предложенія Талейрана, уже потому, что оно соотвѣтствовало какъ нельзя болѣе ихъ собственнымъ желаніямъ. Для Александра было въ высшей степени важно отдѣлить, какъ можно скорѣе, дѣло Наполеона отъ дѣла Франціи, а король прусскій и князь Шварценбергъ пришли въ послѣднее время также къ убѣжденію въ невозможности какого бы то ни было мирнаго соглашенія съ Наполеономъ. Быть можетъ, князь Шварценбергъ и не сочувствовалъ въ душѣ такимъ быстрымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ противъ зятя своего государя, но оставленный въ послѣднее время безъ всякихъ инструкцій, удаленный отъ своего императора и князя Меттерниха, волнуемый опасеніями въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій со стороны Наполеона, онъ не отважился противорѣчить императору Александру и поспѣшилъ отречься отъ Наполеона вмѣстѣ съ другими союзниками. Талейранъ, пользуясь минутою, тотчасъ-же набросалъ текстъ прокламаціи, обращаемой отъ имени союзныхъ государей къ французскому народу. Александръ, пробѣжавъ бумагу, скрѣпилъ ее своею подписью, и уже на разсвѣтѣ слѣдующаго дня 1-го апрѣля (20-го марта), прокламація была напечатана и распространена по всему Парижу. Она была составлена въ такихъ выраженіяхъ:

«Арміи союзныхъ державъ заняли столицу Франціи. Союзные монархи, исполняя желаніе французской націи, объявляютъ:

«Что мирныя условія, долженствовавшія заключать въ себѣ самыя прочныя ручательства, пока шло дѣло объ ограниченіи властолюбія Бонапарта, могутъ быть болѣе умѣрены, когда Франція подъ мудрымъ правленіемъ явитъ удостовѣренія общаго спокойствія.

«Сообразно съ тѣмъ союзные государи объявляютъ:

«Что они не станутъ вести переговоровъ ни съ Наполеономъ Бонапарте, ни съ кѣмъ либо изъ членовъ его фамиліи.

«Что, признавая неприкосновенность древней Франціи въ тѣхъ предѣлахъ, какіе она имѣла при своихъ законныхъ го-

сударяхъ, они готовы сдѣлать еще болѣе, держась начала, что, для счастья Европы, Францiя должна быть велика и могущественна.

«Что они признаютъ и утвердятъ своимъ ручательствомъ конституцiю, которую дастъ себѣ Францiя, и потому приглашаютъ сенатъ немедленно назначить временное правительство для завѣдыванiя дѣлами управленiя и для составленiя конституцiи, сообразной съ желанiями французскаго народа.

Союзныя державы изъявили согласiе на всѣ выраженныя мною мнѣнiя.

Александръ» [1]).

Рѣшительное слово было произнесено. Владычество Наполеона опиралось въ послѣднее время лишь на одномъ страхѣ; этотъ страхъ долженъ былъ исчезнуть съ того момента, когда рушилась военная сила императора и когда побѣдоносная Европа торжественно отреклась отъ всякихъ сношенiй съ нимъ. Народная масса относилась съ холоднымъ равнодушiемъ къ своему недавнему идолу, а имперскiе сановники, министры и сенаторы, поднятые Наполеономъ изъ грязи, осыпанные почестями и богатствами, поспѣшили отречься отъ своего благодѣтеля, какъ только пришли къ убѣжденiю, что дѣло его проиграно безповоротно и окончательно. Далеко не всѣ сенаторы удалились изъ Парижа вслѣдъ за императрицею и Iосифомъ Бонапарте; многiе изъ нихъ остались въ городѣ, готовые на всякую подлость и измѣну, только-бы выйти сухими изъ воды и обезпечить свое будущее благосостоянiе и политическую карьеру. Iосифъ Бонапарте, уѣзжая изъ Парижа, строго запретилъ сенаторамъ собираться въ какое бы то ни было собранiе, но когда агенты и разсыльные Талейрана отправились по квартирамъ сенаторовъ, то все-же имъ удалось пригласить въ засѣданiе 70 человѣкъ, въ томъ числѣ очень многихъ лицъ, извѣстныхъ за рьяныхъ приверженцевъ императора. Правда, далеко не всѣ сенаторы, изъ оставшихся въ Парижѣ, откликнулись на зовъ, многiе изъ нихъ уклонились отъ участiя въ незаконномъ засѣданiи, но

[1]) Текстъ прокламацiи см. между прочимъ у Тьера, Т. XVII, стр. 647—648.

уклонились единственно изъ трусости. Въ три часа пополудни 1-го апрѣля, Талейранъ, окруженный своими сателитами, могъ торжественно открыть чрезвычайное засѣданіе сената. Ничто не могло сравниться съ пошлостью этой комедіи. Все дѣло было рѣшено и обусловлено заранѣе; программа дѣйствій и рѣшеній установлена напередъ. Раболѣпные сановники имперіи, презрѣнные трусы и эгоисты, привыкшіе преклоняться передъ волею деспота, слѣпо и покорно слѣдовали теперь указаніямъ Талейрана. До сихъ поръ они декретировали «съ легкимъ сердцемъ» налогъ за налогомъ, конскрипцію за конскрипціею; теперь съ такимъ-же легкимъ сердцемъ они готовы были декретировать все, что имъ ни прикажутъ, не исключая и низложенія самого императора. Среди мертвой тишины Талейранъ прочелъ рѣчь, составленную де-Прадтомъ. Рѣчь написана была второпяхъ, она не отличалась даже столь обычными въ подобныхъ случаяхъ громкими фразами и общими мѣстами. Талейранъ читалъ ее вяло съ своею обычною флегмою. Казалось, что онъ самъ ни мало не интересуется ея содержаніемъ, что онъ относится ко всему этому дѣлу крайне небрежно, какъ къ вопросу, давно уже рѣшенному. Въ рѣчи заявлялось, что сенаторы призваны на помощь къ народу, оставленному своимъ правительствомъ, что они должны удовлетворить первой и существеннѣйшей потребности всякаго общества, что ихъ приглашаютъ избрать временное правительство, которое могло-бы взять въ свои руки брошенныя бразды правленія. Когда рѣчь была прочитана, то ни одинъ изъ сенаторовъ не отважился сдѣлать какое либо возраженіе. Порѣшено было единогласно учредить временное правительство и установить въ то же время основныя черты будущаго государственнаго устройства Франціи [1]).

Избраніе членовъ временнаго правительства не представило никакихъ затрудненій. Сенаторамъ не пришлось ломать голову надъ этимъ вопросомъ. И тутъ все рѣшено было заранѣе, помимо ихъ. Списокъ правителей Франціи былъ изготов

[1]) Подробности объ этомъ засѣданіи сената см. въ цитированныхъ уже выше сочиненіяхъ Волабеля, Люби и Тьера.

ленъ заранѣе Талейраномъ и сенату оставалось лишь утвердить его. Во главѣ списка стоялъ, какъ и слѣдовало ожидать, самъ Талейранъ, за нимъ слѣдовали: герцогъ Дальбергъ, Бернонвиль, Жокуръ и аббатъ Монтескью. Выборъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ удачный. Онъ соотвѣтствовалъ какъ нельзя болѣе и обстоятельствамъ времени, и цѣлямъ Талейрана. Герцогъ Дальбергъ, родомъ нѣмецъ, мало извѣстный во Франціи, но пользовавшійся большою репутаціею въ дипломатическихъ кружкахъ, извѣстный лично многимъ государямъ, назначенъ былъ не столько для Франціи, сколько для Европы. Его имя должно было придать большую солидность и авторитетъ временному правительству въ глазахъ союзныхъ монарховъ и ихъ министровъ. Избраніе Бернонвиля должно было привлечь къ временному правительству симпатіи французской арміи. Самъ онъ былъ, правда, человѣкъ ничтожный, легкомысленный, лишенный всякихъ крѣпкихъ убѣжденій. Онъ способенъ былъ оплакивать вмѣстѣ съ Лавалетомъ паденіе великаго Наполеона и ораторствовать черезъ часъ послѣ того въ отелѣ Талейрана противъ деспотизма того-же Наполеона; но онъ служилъ когда-то въ республиканскихъ войскахъ и имѣлъ большія связи съ лицами недовольными Наполеономъ въ арміи. Совершенно иного рода человѣкъ былъ Жокуръ. Ловкій и свѣтскій человѣкъ, старый членъ учредительнаго собранія, умѣренный либералъ, мягкій, сладкорѣчивый вольтеріанецъ, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя мечтали о сочетаніи Бурбоновъ съ гражданскою свободою и долженъ былъ прійтись, слѣдовательно, по масти къ той довольно многочисленной группѣ наивныхъ людей, которые, не смотря на всѣ тяжелые опыты прошлаго, горѣли нетерпѣніемъ облагодѣтельствовать Францію новою бумажною конституціею. Опять совершенно иного пошиба былъ пятый членъ временнаго правительства, аббатъ де-Монтескью. Онъ игралъ видную роль въ революціонную эпоху, былъ даже одно время предсѣдателемъ учредительнаго собранія, но оставался всегда въ душѣ роялистомъ, состоялъ даже въ постоянной тайной перепискѣ съ Людовикомъ XVIII. Монтескью принадлежалъ къ числу тѣхъ изящныхъ, широкообразованныхъ и свѣтскихъ

французскихъ аббе, конца XVIII вѣка, которые, не смотря на свой духовный санъ, съумѣли завоевать себѣ видное мѣсто и въ политикѣ, и въ салонѣ. Онъ никогда не читалъ мессы и чуждъ былъ, по собственнымъ словамъ, всякихъ религіозныхъ предразсудковъ. Подвижной, образованный, независимый, высокомѣрный и подчасъ раздражительный, онъ былъ силенъ и необходимъ въ данную минуту уже потому, что не скрывалъ своихъ роялистскихъ убѣжденій и дѣйствовалъ смѣло и прямо въ пользу Бурбоновъ [1]).

Составивъ временное правительство, сенатъ, по предложенію того-же Талейрана, постановилъ и тѣ начала, которыя должны были лечь въ основу будущей конституціи Франціи. Начала эти были такого рода, что каждый сенаторъ могъ съ удовольствіемъ подписать подъ ними свое имя. Они гарантировали существенные интересы и настоятельнѣйшія желанія Франціи и, что было еще важнѣе для господъ сенаторовъ, они упрочивали ихъ собственное личное положеніе. Сенатъ постановилъ: во-первыхъ, сенатъ и законодательный корпусъ должны оставаться неизмѣнными государственными учрежденіями Франціи; во-вторыхъ, войска и всѣ отставные сохранятъ чины, знаки отличія и получаемое ими содержаніе; въ третьихъ, государственный долгъ долженъ быть признанъ будущимъ законнымъ правительствомъ; въ четвертыхъ, проданныя государственныя имущества останутся неотъемлемою собственностью своихъ настоящихъ владѣльцевъ: въ пятыхъ, никто не подвергается преслѣдованію за свои прежнія политическія дѣйствія; въ шестыхъ, будетъ объявлена полная свобода вѣроисповѣданій и свобода печати.

Талейранъ не давалъ себѣ отдыха въ достопамятный день 1-го апрѣля. Закрывъ засѣданіе сената, глава временнаго правительства поспѣшилъ изъ Люксенбургскаго дворца въ свой отель и занялся здѣсь вмѣстѣ съ своими товарищами составленіемъ министерства. И при выборѣ министровъ, Талейранъ обнаружилъ столь-же много такта, ловкости, знанія людей и настоящаго положенія Франціи, какъ и при составленіи вре-

1) Характеристика членовъ временнаго правительства. См. у Тьера, Т. XVII, стр. 658—659.

меннаго правительства. Лишь въ одномъ случаѣ, онъ дозволилъ себѣ можетъ быть увлечься страстью, и сдѣлалъ трудно объяснимое назначеніе. Военнымъ министромъ былъ назначенъ генералъ Дюпонъ, быть можетъ, самое непопулярное лице въ глазахъ французской арміи. Это былъ тотъ самый Дюпонъ, который подписалъ постыдную Байгенскую капитуляцію и положилъ оружіе передъ испанскими инсургентами съ 20.000 солдатъ. Дюпонъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за свой проступокъ; теперь, по мановенію Талейрана, бывшаго когда-то въ числѣ его судей, онъ былъ поставленъ во главѣ французской арміи. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Бенью, бывшій наполеоновскій администраторъ, человѣкъ, привыкшій рабски исполнять волю своего повелителя, но писавшій въ тайнѣ эпиграммы на великаго человѣка. Министерство юстиціи было ввѣрено Анріону-де-Пансе, почтенному и либеральному представителю судебной магистратуры. Морскимъ министромъ назначено было лицо, въ сущности не имѣвшее ничего общаго съ этимъ департаментомъ, но вообще весьма почтенное и честное, нѣкто Малуэ, членъ государственнаго совѣта, находившійся въ немилости у Наполеона. Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ былъ Лафоре, опытный дипломатъ, скромный и чуждый партіямъ человѣкъ. Важный департаментъ полиціи предоставленъ былъ одному изъ видныхъ чиновниковъ парижской префектуры, на ловкость и усердіе котораго можно было положиться безусловно; тогда какъ почты попали въ руки бывшаго секретаря Наполеона, а теперь его затаеннаго врага, Бурьеня.

Если во всѣхъ этихъ назначеніяхъ Талейранъ принималъ во вниманіе не столько политическія убѣжденія, сколько таланты и знаніе дѣла, то при замѣщеніи двухъ, едва-ли не важнѣйшихъ постовъ, министра финансовъ и начальника національной гвардіи, князь Беневентскій руководился исключительно государственными соображеніями. На первый постъ призванъ былъ по всѣмъ правиламъ опытнѣйшій финансистъ Франціи, человѣкъ энергическій, разумный и осторожный, способный болѣе кого либо другого возстановить потрясенный кредитъ Франціи и наполнить казну, опустошенную послѣд-

ними неудачными войнами Наполеона, человѣкъ къ тому-же ненавидѣвшій Наполеона, какъ своего личнаго врага, баронъ Луи. Щекотливая и опасная должность начальника національной гвардіи была предоставлена генералу Дессолю, бывшему начальнику штаба генерала Моро. Человѣкъ серьезный, умный, когда-то республиканецъ, а теперь сторонникъ конституціонной монархіи, Дессоль былъ столько-же военный, сколько и гражданинъ и пользовался большою популярностью въ средѣ парижскаго населенія [1]).

Какъ ни энергически, какъ ни торопливо работалъ Талейранъ, но все же пламенные роялисты, тайные агенты графа д'Артуа и изящные кавалеры Сенъ-Жерменскаго предмѣстія, съ Монморенси во главѣ, не могли удовлетвориться результатами его дѣятельности. По ихъ мнѣнію, дѣла шли все-таки слишкомъ медленно и вяло. Они не довольствовались провозглашеніемъ временнаго правительства, они требовали немедленнаго низложенія Наполеона и провозглашенія Бурбоновъ. Господа эти досаждали своими просьбами въ теченіи всего 1-го апрѣля и князю Беневентскому и министру внутреннихъ дѣлъ, но они встрѣтили и тутъ и тамъ неожиданный отпоръ. Идти такъ быстро и очертя голову, какъ желалось это горячимъ роялистамъ, вовсе не входило въ разсчеты Талейрана, да и не соотвѣтствовало его характеру и привычкамъ. Старый дипломатъ, пережившій всѣ бури революціи и тяжелыя испытанія имперіи, былъ твердо намѣренъ не призывать Бурбоновъ на престолъ Франціи иначе, какъ подъ извѣстными гарантіями. Къ тому-же Талейранъ не любилъ дѣлать ничего зря, а имѣлъ обыкновеніе тщательно обдумывать и подготовлять каждый свой шагъ.

Потерпѣвъ неудачу у Талейрана, пламенные роялисты избрали изъ среды своей депутацію и отправили ее къ императору Александру. Депутація должна была умолять Россійскаго монарха возвратить Франціи столь пламенно любимыхъ и желаемыхъ ею Бурбоновъ. Государь, желавшій из-

[1]) Подробную характеристику министровъ временнаго правительства мы находимъ какъ у Тьера, такъ и у другихъ авторовъ, трактующихъ объ этой эпохѣ. Много указаній находится также въ современныхъ запискахъ и мемуарахъ.

бѣгать всякаго личнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи, не принялъ, однако, депутатовъ. Роялисты должны были ограничиться аудіенціею у графа Нессельроде. Слова, сказанныя имъ при этомъ случаѣ русскимъ министромъ, должны были, впрочемъ, поднять ихъ надежды. «Я только что отъ императора», сказалъ имъ Нессельроде, «и могу поручиться вамъ за его намѣренія. Возвратитесь къ вашимъ друзьямъ и объявите всѣмъ французамъ, что его императорское величество глубоко тронутъ восклицаніями, услышанными имъ сегодня, а равно желаніями возвратить корону Франціи тому, кому подобаетъ она. Людовикъ XVIII будетъ возвращенъ на престолъ Франціи» [1]).

Слова русскаго канцлера привели въ восторгъ роялистовъ, но они не думали довольствоваться однѣми обѣщаніями. Они отлично понимали, что въ дѣлѣ затѣянномъ ими, необходимо пускать постоянно въ ходъ призракъ общественнаго мнѣнія и вліять посредствомъ его на рѣшенія союзныхъ государей. А между тѣмъ масса народа оставалась крайне вяла и индифферентна и за немногими исключеніями требовала лишь спокойствія и мира, относясь съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ реставраціи Бурбоновъ. Необходимо было для успѣха роялистской ажитаціи вызвать цѣлый рядъ шумныхъ манифестацій, необходимо было прежде всего захватить въ свои руки прессу и создать при ея содѣйствіи новое общественное мнѣніе. И вотъ, роялисты энергически берутся за дѣло, не обращая при этомъ вниманія на Талейрана, и дѣйствуя помимо созданнаго имъ временнаго правительства.

Согласно заранѣе заключенному условію, военнымъ губернаторомъ города Парижа былъ назначенъ генералъ Сакенъ, одинъ изъ выдающихся русскихъ вождей въ только что закончившейся славной кампаніи. Едва только Сакенъ вступилъ въ исполненіе своей обязанности, какъ къ нему явился нѣкто маркизъ де-Лагранжъ съ громадною бѣлою кокардою на шляпѣ. Онъ объяснилъ Сакену всю важность и все громадное вліяніе парижской прессы, указалъ на то обстоятельство,

[1]) Люби, Т. I, стр. 469.

что вся парижская періодическая печать находится и по сію пору подъ строгимъ режимомъ императорскихъ цензоровъ и настойчиво совѣтовалъ губернатору принять немедленно самыя энергическія мѣры для приведенія парижской прессы въ такое направленіе, которое соотвѣтствовало-бы видамъ и намѣреніямъ союзныхъ государей. Вмѣстѣ съ тѣмъ маркизъ де-Лагранжъ представилъ Сакену нѣкоего г-на де-Морена, человѣка опытнаго, по его словамъ, въ дѣлахъ такого рода и способнаго какъ нельзя лучше руководить парижскою журналистикою. Сакенъ, хорошо знакомый съ настроеніемъ и желаніемъ императора Александра, немедленно издалъ приказъ, въ силу котораго вся парижская періодическая печать подчинялась цензурѣ г-на Морена и тѣхъ лицъ, которыя будутъ назначены имъ въ качествѣ цензоровъ [1]).

Приказъ этотъ имѣлъ чудодѣйственныя послѣдствія. Смыслъ его, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ этой эпохи [2]), былъ таковъ: «императорская пресса скончалась! Да здравствуетъ королевская пресса!» Моренъ тотчасъ-же смѣнилъ старыхъ цензоровъ и назначилъ новыхъ. Газетамъ велѣно было напечатать, что союзники были встрѣчены въ Парижѣ тысячекратными возгласами: Да здравствуетъ король! да здравствуютъ Бурбоны! Повелѣніе было исполнено въ точности. Этого мало. Весь тонъ столичной прессы измѣнился какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла. Еще 30-го марта столичные журналы и газеты дышали безграничною преданностью къ императору и его династіи; 31-го числа они хранили глубокое молчаніе, ограничиваясь лишь сообщеніемъ однихъ фактическихъ свѣдѣній, а 1-го апрѣля они вдругъ разразились громомъ и молніею на узурпатора и тиранна. Было что-то странное, почти комическое въ этомъ дѣланномъ негодованіи, въ этихъ нападкахъ на бывшаго полубога, въ этихъ напыщенныхъ похвалахъ новымъ, чаемымъ властителямъ. Люди, не знавшіе до того дня иной славы и счастія для Франціи, какъ только подъ скипетромъ великаго, единственнаго Наполеона, вдругъ на-

[1]) Люби, Т. I, стр. 469—470.

[2]) Онкенъ, Т. II, стр. 802.

чали призывать проклятія Франціи, Европы, человѣчества на голову того-же Наполеона, печатать длинные списки его преступленій и злодѣяній, клеймить его именами деспота, тиранна, похитителя законной власти. Бурбоны, совершенно неизвѣстные этимъ невѣжественнымъ писакамъ, давнымъ давно забытые націею, поставлены были вдругъ на пьедесталъ, объявлены кумирами народа, единственными представителями свободы, мира и всяческихъ благъ. Наглость этихъ газетчиковъ, ихъ пошлая продажность равнялась ихъ невѣжеству и ихъ слабой изобрѣтательности. Они не въ состояніи были сфабриковать собственными силами сколько нибудь сносную сатиру или порядочный панегирикъ и принуждены были искать помощи у человѣка, говорившаго дѣйствительно искренно и отъ глубины сердца, хотя и облекавшаго свои мысли въ напыщенныя реторическія фразы. Человѣкъ этотъ былъ никто иной, какъ геніальный и экзальтированный романтикъ Виконтъ-де-Шатобріанъ.

Уже 1-го апрѣля во всѣхъ парижскихъ журналахъ, безъ изъятія, появились длинныя выдержки изъ знаменитой брошюры Шатобріана «О Бонапарте и Бурбонахъ». «Нѣтъ», восклицалъ во введеніи къ этой брошюрѣ поэтъ-риторъ, «никогда я не повѣрю, что я пишу на могилѣ Франціи. Я не могу разубѣдить себя, чтобы за днемъ суда не послѣдовалъ день милосердія. Старое наслѣдіе христіаннѣйшихъ королей не можетъ быть подвергнуто раздѣлу; не можетъ погибнуть королевство, рожденное умирающимъ Римомъ, это послѣднее созданіе его величія. Не одна только рука человѣческая руководила событіями, свидѣтелями которыхъ были мы; во всѣхъ ихъ видна десница Провидѣнія. Самъ Богъ шествуетъ во главѣ армій и возсѣдаетъ въ совѣтѣ царей. Какимъ способомъ безъ вмѣшательства силы Божественной можемъ мы объяснить чудесное паденіе человѣка, только что попиравшаго міръ своими ногами? Пятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ онъ былъ въ Москвѣ, а теперь русскіе стоятъ подъ Парижемъ. Еще такъ недавно вся земля отъ столповъ Геркулеса до Кавказа дрожала передъ его державною волею, а нынѣ онъ бѣглецъ, безъ родины, безъ пристанища. Подобно морскому при-

ливу нахлынуло и затопило всѣ плотины его могущества, и подобно отливу отступило оно назадъ» [1]).

Не слѣдуетъ думать, чтобы вся брошюра Шатобріана выдержана была въ этомъ высокомъ, благородномъ тонѣ. Нѣтъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи поэтъ-риторъ даетъ полную волю своей страсти, своей ненависти. Онъ изображаетъ Наполеона чудовищемъ зараженнымъ всевозможными пороками, совершившимъ самыя вопіющія злодѣянія, чуждымъ всякихъ добродѣтелей, всякихъ человѣческихъ достоинствъ. Но какъ ни ужасенъ, какъ ни отвратителенъ былъ образъ Наполеона, начертанный геніальнымъ поэтомъ, все-же онъ не былъ еще достаточно грязенъ для писакъ второго и третьяго разряда, смѣло взявшихъ теперь на себя роль руководителей общественнаго мнѣнія. Они поспѣшили дополнить характеристику Наполеона своими собственными добавленіями и изобрѣтеніями. Если Шатобріанъ рисовалъ въ Наполеонѣ демона зла и разрушенія, то журналисты, курившіе еще два дня тому назадъ ѳиміамъ великому императору, начали отнимать у сокрушеннаго гиганта то, что принадлежало ему по неотъемлемому праву, его несравненный военный геній, его высокій администраторскій талантъ. Изъ великаго полководца, затмившаго своими подвигами дѣянія баснословныхъ героевъ древности, Наполеонъ превратился подъ перомъ этихъ продажныхъ писакъ въ презрѣннаго труса, посредственнаго генерала и безжалостнаго мясника. Единственно подъ вліяніемъ страха, по ихъ словамъ изъ одной подлой трусости, бросалъ онъ два раза свои геройскія войска на произволъ судьбы въ началѣ и въ концѣ своей военной карьеры, въ Египтѣ въ 1799 и въ Россіи въ 1812 г. Ни одна изъ кампаній Наполеона не носитъ на себѣ отпечатка дѣйствительнаго генія. Своими успѣхами онъ былъ обязанъ единственно счастливымъ случайностямъ. Военное искусство въ его рукахъ превратилось въ чистую бойню. Его администрація была не что иное какъ изысканный фискализмъ, придуманный для того, чтобы выжать изъ страны послѣдній экю и послѣдняго рекрута. А эта послѣд-

[1]) Chateanbriand, Mèlanges politiques et literaires. T. I, стр. 225—226.

няя кампанія, этотъ рядъ безумствъ, внушенныхъ отчаяніемъ? А этотъ адскій приказъ поднять на воздухъ всю столицу! Это чудовище хотѣло разрушить Парижъ, подобно тому, какъ корсаръ разрушаетъ свой корабль, съ той только разницею, что самъ онъ не находился на этомъ кораблѣ! Да развѣ Наполеонъ могъ любить и жалѣть Францію. Вѣдь онъ самъ былъ чуждъ ей, будучи иноземцемъ, итальянцемъ [1]). Тщетно старался онъ скрыть этотъ фактъ, тщетно передѣлывалъ онъ свою фамилію изъ Буонапарте въ Бонапарте; его дѣла изобличали на каждомъ шагу его настоящее происхожденіе. Безчеловѣчный этотъ извергъ былъ къ тому-же чудовищемъ разврата и невѣрія. Въ одинъ и тотъ-же день онъ слушалъ мессу въ своей часовнѣ или Нотръ-дамѣ, а вслѣдъ затѣмъ проповѣдывалъ атеизъ въ своемъ интимномъ кружкѣ въ сообществѣ Моржа, Вольнея и другихъ безбожниковъ. Не было ни одного человѣческаго достоинства, не одного свѣтлаго качества въ этомъ человѣкѣ. Грубый, жестокій, онъ колотилъ своихъ генераловъ, оскорблялъ и насиловалъ женщинъ, а на полѣ битвы держалъ себя какъ подлый трусъ. И Франція могла повиноваться подобному человѣку? Чѣмъ можно объяснить подобное явленіе, какъ не страшнымъ поголовнымъ ослѣпленіемъ, этимъ обычнымъ послѣдствіемъ революцій?

Декламаціи газетъ не оставались безъ вліянія на настроеніе парижской черни высшаго и низшаго разбора, этой толпы, привыкшей слѣпо слѣдовать вѣяніямъ минуты. Если уже въ первый вечеръ послѣ вступленія союзниковъ буйная толпа пыталась сбросить статую Наполеона съ Вандомской колонны, то на слѣдующіе дни антинаполеоновскія демонстраціи приняли еще большіе размѣры. Орлы и другія эмблемы императорскаго режима, красовавшіеся на различныхъ общественныхъ зданіяхъ, подвергались повсемѣстно поруганію и истребленію. Въ театрахъ происходили самыя шумныя и скандальныя сцены. Всякій разъ зачинщиками являлись роялист-

[1]) Настоящее имя Бонапарте было вовсе не Наполеонъ, утверждали, между прочимъ, газетчики, а Николай. Чернь на югѣ Франціи не замедлила подхватить это новое имя «тиранна», и въ ея устахъ оно не замедлило превратиться въ бранную кличку.

скіе кавалеры и всякій разъ имъ удавалось увлечь за собою массу публики. Агитаторы умѣли при этомъ прятаться за спину союзныхъ офицеровъ. Какъ устраивались подобныя демонстраціи видно изъ слѣдующаго разсказа русскаго очевидца [1]).

«Вечеръ мы провели въ Theatre Française, гдѣ намъ удалось захватить ложу третьяго яруса. Играли Тальма и Дюшенуа. Въ началѣ представленія нѣсколько молодыхъ французовъ, хорошо намъ извѣстныхъ, въ томъ числѣ: Моденъ, Монморъ и Рошфуко вошли къ намъ въ ложу и убѣдительно просили насъ дозволить имъ устроить маленькую засаду за нашими мѣстами и выбросить оттуда на сцену бумагу при поднятіи занавѣса второго акта. Мы пытались возражать, но молодые люди указали намъ на нѣсколько прекрасныхъ глазъ, обращавшихся къ намъ съ тою-же просьбою. И въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли какъ изъ нѣсколькихъ ложъ устремлялись на насъ просящіе взоры прелестныхъ женщинъ; изъ выраженія ихъ глазъ, изъ наклоненія головокъ мы могли усмотрѣть, какъ сильно заинтересованы онѣ были въ просьбѣ кавалеровъ. Возможно ли было противостать этому? Мы маскировали бурбонское метательное орудіе и допустили совершиться тому, что не противорѣчило, впрочемъ, перемирію».

«Едва только взвился занавѣсъ, какъ бумага, брошенная ловкою рукою, полетѣла на сцену и упала какъ разъ по серединѣ ея. Въ тоже время съ нѣсколькихъ сторонъ раздался крикъ: читать! читать! Какой то актеръ хотѣлъ поднять бумагу, но былъ остановленъ громкими криками: «Тальма! Тальма!» Знаменитый бонапартовскій артистъ заставилъ, однакоже, ждать себя. Какой-то другой актеръ протянулъ было руку къ бумагѣ. «Нѣтъ! нѣтъ! кричали сотни голосовъ, Тальма! Тальма!» Крикуны горячились все болѣе и болѣе, ихъ бѣшенство возрасло, когда раздались противоположные голоса; крики слились въ какой-то дикій ревъ. Наконецъ явился Тальма, встрѣченный бурею рукоплесканій. Читать! читать! кричали ему со всѣхъ сторонъ. Онъ развернулъ бумагу, взглянулъ

[1]) Барона Ф. Левенштерна. См. Denkwürdigkeiten eines Lievländers, Т. II, стр. 269—272.

на нее, но какъ будто не рѣшался читать. Читать! читать! ревѣли ему съ удвоенною силою. Наконецъ, онъ началъ читать и прочелъ съ выраженіемъ. То были стихи въ честь Людовика XVIII и Бурбоновъ. Впервые, послѣ цѣлой четверти вѣка, произнесены были и произнесены съ похвалою эти имена и на этомъ мѣстѣ. Раздались громкія рукоплесканія, но на ряду съ ними слышались крики неодобренія и свистки. То было масло, подливаемое въ огонь. Съ неистовымъ ревомъ требовала толпа повторенія чтенія. Тальма, въ эту минуту только великій актеръ, вошелъ, наконецъ въ свою роль. Онъ прочелъ стихи во второй разъ, и на этотъ разъ съ пламеннымъ одушевленіемъ. Громкія, повторенныя рукоплесканія были ему наградою. Въ числѣ рукоплещущихъ были на этотъ разъ и наполеонисты. Они вѣроятно оправдывали себя тѣмъ, что ихъ одобреніе относилось къ декламаціи, а не къ содержанію стихотворенія».

«Едва только этотъ случай доказалъ численный перевѣсъ бурбонистовъ въ театрѣ, какъ было приступлено къ исполненію второго замысла. Надъ просценіумомъ красовался большой позолоченный орелъ. Вдругъ раздался крикъ: Долой орла! Прочь птицу! И вслѣдъ за тѣмъ другой крикъ: Лиліи! Лиліи на его мѣсто! Лиліи навсегда! Крикъ возросталъ съ каждою минутою и перешелъ, наконецъ, въ такой адскій ревъ и шумъ, что невозможно было и думать о продолженіи представленія. Наконецъ, явился на сцену актеръ. Униженно кланяясь, заявилъ онъ публикѣ, что въ настоящее время нѣтъ никакой возможности снять птицу, такъ какъ не имѣется для этого никакого приспособленія, но что на завтрашній день орелъ будетъ удаленъ непремѣнно. Смиренный тонъ и поклоны актера успокоили крикуновъ и представленіе могло быть возобновлено. Въ слѣдующемъ за тѣмъ антрактѣ бурбонскіе агитаторы—Монморъ и Моденъ появились вновь въ нашей ложѣ и просили насъ зайти по окончаніи театра въ café de Foi и попробовать тамъ съ ними мороженаго. «Тамъ будетъ и нѣсколько дамъ», добавили они, «онѣ считаютъ себя обязанными вамъ и очень желали-бы познакомиться съ вами». Я поспѣшилъ воспользоваться этимъ предложеніемъ; въ café я познакомился съ графинею де-Монморъ и тремя другими лю-

безными дамами. Онѣ много разспрашивали меня объ императорѣ Александрѣ, въ особенности-же, о его взглядахъ на Бурбоновъ. Ихъ образъ мыслей былъ роялистскій, враждебный Наполеону. Одна изъ дамъ, замѣтивъ на эфесѣ моей сабли наполеоновскій шифръ, съ ужасомъ всплеснула руками. «Ахъ Боже мой!» воскликнула она, «какъ можете носить вы эту адскую букву». «Это случай», возразилъ я, «военная добыча; мой эфесъ затерялся и я замѣнилъ его другимъ. Къ тому-же у меня не было еще и времени привести въ порядокъ всѣ эти мелочи» [1]).

Далеко впрочемъ не всѣ парижскія дамы заражены были такимъ партійнымъ духомъ и такою ненавистью къ Наполеону. Даже въ высшихъ кругахъ общества было еще не мало поклонницъ «императора», но увлекаемыя господствующимъ теченіемъ, онѣ принуждены были скрывать свои настоящія симпатіи. Женщины болѣе низшаго круга, даже изъ среды зажиточной буржуазіи, чужды были всякихъ политическихъ мнѣній, относились съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ Наполеону, Бурбонамъ, самимъ союзникамъ и ихъ государямъ, хотя готовы были кричать при каждомъ удобномъ случаѣ: да здравствуютъ Бурбоны! да здравствуютъ союзники! и восхищаться изящною фигурою и любезнымъ обращеніемъ императора Александра. Невѣжество этихъ, иногда прелестныхъ элегантныхъ по своей внѣшности дамъ, было по-истинѣ изумительно. Одна изъ нихъ, слушая въ театрѣ, постоянно повторяемый въ то время бурбонскій маршъ, Henri-Quatre, обратилась къ сидѣвшему подлѣ нея русскому полковнику Левенштерну съ вопросомъ: «скажите пожалуйста, кто такой этотъ король Henri?» Еще не успѣлъ полковникъ дать отвѣтъ, какъ одна изъ подругъ прелестной дамы воскликнула: «Ахъ Боже мой! Какъ можно предлагать подобные вопросы. Да вѣдь это король прусскій! Смотрите, вонъ онъ сидитъ въ своей ложѣ и слушаетъ съ такимъ удовольствіемъ».

[1]) Левенштернъ добавляетъ: «Она, казалось, успокоилась, но взяла съ меня обѣщаніе уничтожить при первомъ-же случаѣ ненавистную букву и достать другой эфесъ. Такъ страшно исключителенъ духъ партіи. Невиннѣйшая мелочь, приведенная въ связь съ нимъ, превращается въ преступленіе, которому нѣтъ прощенія». Т. II, стр. 272.

Мужская половина парижскаго общества если и не могла сравниться съ дамами въ политическомъ невѣжествѣ [1]), то за то смѣло могла соперничать съ ними въ политическомъ индифферентизмѣ. Даже люди, проникнутые, повидимому, наполеоновскими симпатіями, готовы были аплодировать при случаѣ и Бурбонамъ. Очень немногіе, относясь съ равнодушіемъ къ императору, не скрывали въ тоже время своего презрѣнія къ старой династіи. Какой-то французъ, судя по внѣшности еще недавно военный, замѣтивъ, что орелъ въ театрѣ былъ снятъ, обратился къ сидѣвшему около него русскому офицеру съ такими словами: «Ага птица исчезла! ну чортъ съ нею. А все-же у нея были клювъ и когти. Но скажите, что будемъ мы дѣлать съ этими проклятыми капустными листьями?» [2]).

Среди подобнаго общества, среди толпы равнодушныхъ, продажныхъ рабовъ, возможно было дѣлать все! Горсть ловкихъ агитаторовъ умѣла пользоваться съ неподражаемымъ искусствомъ всеобщимъ утомленіемъ, желаніемъ покончить во что бы то ни стало съ этими вѣчными бурями и невзгодами, съ этою невыносимою тяжестью войны и усиленной фискальной эк-

[1]) Впрочемъ, всѣ французы, не только женщины, но и мужчины отличались поразительнымъ невѣжествомъ. Въ запискахъ Н. М. Муравьева мы читаемъ между прочимъ слѣдующее: «Я бывалъ довольно часто по вечерамъ въ Тюльирійскомъ саду и не нашелъ въ немъ десятой доли того великолѣпія и той красоты, которыми сей садъ славится. Французы удивлялись, что мы не дивились сему гулянью. Много было между ними пустыхъ головъ. Люди, хорошо одѣтые, видя, что я остановился передъ лебедемъ, спрашивали меня, «есть-ли въ Россіи лебеди?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ я имъ, «какъ у насъ быть лебедямъ, когда воды цѣлый годъ во льду и покрыты снѣгомъ».— «Какъ-же у васъ пашутъ и сѣютъ?» «Пашутъ снѣгъ, сѣютъ въ снѣгу и хлѣбъ родится на снѣгу». «Ah!» mon Dien, quel pays!» —Они не имѣютъ понятія о томъ, что за Парижемъ находится. Нѣкоторые, желая объяснить мнѣ географію Европы, (потому что они считали насъ непросвѣщенными) говорили, что за Парижемъ течетъ Рейнъ, а тамъ находится Австрія, потомъ рѣка Эльба, послѣ того море, а тамъ есть песчаная земля, называющаяся Пруссіею, которая граничитъ съ Россіею лѣсами. Вотъ образчикъ понятій парижанъ и ихъ просвѣщенія!» См. Русскій Архивъ, 1886 г., № 2, стр. 111.

[2]) Denkwürdigkeiten eines Lievländers, T. II, стр. 273. Тотъ-же очевидецъ передаетъ слѣдующій анекдотъ: «Французъ сидѣвшій подлѣ меня въ оперѣ, услышавъ рукоплесканія и крики, съ которыми былъ встрѣченъ при входѣ въ ложу герцогъ Беррійскій, обратился ко мнѣ съ вопросомъ»: «Кто это, этотъ маленькій человѣкъ?» Я сказалъ ему.— «Чортъ его побери», отвѣчалъ онъ; «но и я готовъ ему хлопать, въ немъ есть что-то наполеоновское». Тамъ-же, стр. 273.

сплуатаціи. Хорошо понимая, какое магическое вліяніе имѣетъ на толпу слово, исходящее отъ лицъ, стоящихъ во главѣ общественнаго управленія, роялисты поспѣшили обратить въ орудіе своей агитаціи муниципальный совѣтъ города Парижа, учрежденіе, наполненное сторонниками императорскаго режима и пользовавшееся въ тоже время большою популярностью среди городскаго населенія. Уже 1-го апрѣля, нѣкто Белляръ, адвокатъ по профессіи, громкій фразеръ, но плохой дѣлецъ, выступилъ съ громовою рѣчью противъ деспота и узурпатора. Перечисливъ всѣ великія и малыя злодѣянія Наполеона, онъ предложилъ совѣту высказаться за низложеніе императора и мотивировать такое свое рѣшеніе въ особомъ адресѣ, обращенномъ къ парижскому народу. Нѣкоторые изъ членовъ муниципальнаго совѣта громогласно одобрили предложеніе адвоката, другіе молчали, а городскій префектъ, Шаброль, обязанный Наполеону всею своею карьерою, переведенный имъ еще недавно изъ захолустной Монтенотской префектуры на префектуру Сенскую, объявилъ, что его убѣжденія вполнѣ согласны съ мнѣніями, высказанными г-мъ Белляромъ, но что онъ не можетъ подписать адреса изъ чувства признательности къ Наполеону. Курьезное заявленіе префекта такъ искусно умѣвшаго согласить свои бурбонскія симпатіи съ чувствомъ преданности къ Наполеону, разсѣяло послѣднія сомнѣнія членовъ совѣта [1]). Адресъ былъ вотированъ единодушно. Онъ былъ составленъ въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ.

«Жители Парижа,» говорилось въ немъ, «ваши представители были-бы измѣнниками васъ и отечества, если-бы они подавляли въ себѣ еще долѣе изъ жалкихъ личныхъ побужденій голосъ своей совѣсти. Нѣтъ, онъ громогласно взываетъ къ вамъ: всѣми бѣдствіями, гнетущими васъ, вы обязаны одному, единственному человѣку. Онъ десятинитъ ваши семейства! Кто изъ васъ не потерялъ сына, брата, родственниковъ, или друзей? За кого умерли эти храбрецы? За него, одного, но не за страну! А зачѣмъ? Они зарѣзаны, они принесены въ жертву безумному желанію увѣковѣчить воспоминаніе объ ужас-

[1]) См. Тьеръ Histoire du consulat et de l'empire, T. XVII, стр. 663.

нѣйшемъ изъ деспотовъ, когда-либо угнетавшихъ родъ человѣческій. Онъ обременилъ насъ, платившихъ при нашихъ добрыхъ старыхъ короляхъ 400 милліоновъ податей и покупавшихъ этою цѣною свободу, счастіе и спокойствіе, 1500 милліонами налоговъ и грозилъ увеличить еще болѣе ихъ тяжесть. Онъ закрылъ для насъ всѣ океаны и моря, онъ засыпалъ всѣ источники нашего національнаго благосостоянія, онъ отнялъ у нашихъ фабрикъ ихъ рабочихъ. Ему обязаны мы ненавистью всѣхъ народовъ! Нѣтъ въ нашей средѣ ни одного, который не гнушался-бы его въ глубинѣ своей души, какъ общаго врага, ни одного, который не питалъ бы желанія положить, наконецъ, предѣлы столькимъ безцѣльнымъ жестокостямъ. Мы бы продали дѣло общественное, если-бы медлили еще высказать это желаніе нашихъ сердецъ. Этого требуетъ вооруженная Европа, нѣтъ, она молитъ насъ о семъ, какъ о величайшемъ благодѣяніи для всего человѣчества, какъ о необходимой гарантіи всеобщаго и прочнаго мира. А посему генеральный совѣтъ Сенскаго департамента и общинный совѣтъ города Парижа, добровольно собравшійся въ засѣданіе, постановляютъ единогласно: что они формально отрекаются отъ всякаго дальнѣйшаго повиновенія Наполеону Бонапарте, выражаютъ пламеннѣйшее желаніе, дабы монархическое правленіе было возстановлено въ лицѣ Людовика XVIII и его законныхъ преемниковъ и постановляютъ, чтобы это рѣшеніе, вмѣстѣ съ сопровождающимъ его воззваніемъ, немедленно-же было напечатано, расклеено и распространено по всему Парижу, предъявлено всѣмъ существующимъ властямъ въ Парижѣ и въ департаментахъ и разослано всѣмъ генеральнымъ совѣтамъ департаментовъ» [1]).

Уже вечеромъ 1-го апрѣля, въ то самое время, когда Талейранъ устраивалъ свое временное правительство, прокламація муниципальнаго совѣта была распространена въ тысячахъ экземпляровъ по всему Парижу, наклеена на всѣхъ улицахъ и переулкахъ столицы. То былъ революціонный актъ въ настоящемъ значеніи этого слова. Парижскій общинный совѣтъ

[1]) Онкенъ, Geschichte der Revolütion, des Kaiserreiches und der Befreiungskrige, T. II, стр. 802—803.

не имѣлъ и тѣни права сводить съ престола Франціи человѣка, призваннаго на него въ свое время милліонами голосовъ французскаго народа; но онъ смѣло присвоилъ себѣ это право и его дерзкая инціатива, немыслимая въ иной средѣ и среди иного народа, не вызвала въ этомъ очагѣ революціи, среди этой легкомысленной массы никакого протеста, а напротивъ была встрѣчена шумными одобреніями. Талейранъ понялъ, что теперь настала минута и для него дѣйствовать рѣшительно. Онъ боялся, чтобы безусловные, горячіе роялисты не оставили его за флагомъ, чтобы они не призвали на престолъ Франціи Бурбоновъ безъ всякихъ гарантій и ограниченій. Желая избѣгнуть этой опасности, онъ рѣшился заставить раболѣпный сенатъ утвердить революціонное постановленіе муниципальнаго совѣта и провозгласить съ своей стороны низложеніе Наполеона. Но прежде чѣмъ приступить къ такому рѣшительному шагу, Талейранъ задумалъ возвысить и уполномочить, по мѣрѣ возможности, собраніе, носившее во всякомъ случаѣ не совсѣмъ правильно громкое названіе сената. Для этого онъ не могъ избрать лучшаго средства, какъ поставить обломокъ сената подъ высокое покровительство того, кто пользовался въ настоящій моментъ величайшею популярностью среди парижскаго населенія и въ рукахъ котораго находилась тогда судьба всей Франціи. Талейранъ задумалъ представить «свой сенатъ» императору Александру.

Можно было разсчитывать напередъ на полный успѣхъ этого маневра. Нельзя было сомнѣваться ни на минуту, что Александръ милостиво приметъ собраніе, что онъ возьметъ его подъ свое покровительство, что онъ изыщетъ средства поднять его авторитетъ въ глазахъ всѣхъ французовъ. По разсказамъ Тьера и другихъ французскихъ писателей, Александръ чуть не сгоралъ отъ нетерпѣнія увидѣть передъ собою какъ можно скорѣе членовъ наполеоновскаго сената. Россійскій монархъ занятъ былъ, по ихъ словамъ [1]), единственно желаніемъ понравиться парижанамъ. Для этой цѣли онъ будто-бы

[1]) «Ce monarque, uniquement occupé de plaire aux Parisiens s'etait dejà promene» à pied au milicu d'eux, les caressant du regard, leur arrachant de

пускалъ въ ходъ самыя вѣрныя средства. Онъ прогуливался по улицамъ пѣшкомъ, среди парижанъ, онъ искалъ ихъ расположеніе своимъ милостивымъ взглядомъ, онъ льстилъ имъ минами и жестами, онъ бросалъ кругомъ себя такія фразы, отъ которыхъ парижскіе буржуа невольно приходили въ восторгъ. Онъ объявлялъ всѣмъ и каждому, что онъ любитъ французовъ, что онъ удивляется имъ, что онъ вовсе не приписываетъ имъ бѣдствій, постигшихъ Россію, что онъ не желаетъ мстить имъ, но, наоборотъ, осыпать ихъ всевозможными благодѣяніями. Онъ объявлялъ имъ, что онъ не считаетъ себя ихъ побѣдителемъ, а только ихъ освободителемъ, онъ хорошо понимаетъ, что онъ лишь потому восторжествовалъ надъ ихъ сопротивленіемъ, что они думали и чувствовали также, какъ и онъ, и что они относились съ ненавистью къ игу, которое пришелъ онъ свергнуть съ нихъ. «Эти идеи», замѣчаетъ Тьеръ, «воспроизводимыя на тысячу ладовъ, тонко, граціозно, изящно, возымѣли свое дѣйствіе. Національная гордость была обезоружена передъ побѣдителемъ, такъ стремившимся понравиться побѣжденнымъ. Парижане принимали его любезности, они возвращали ихъ ему, и не подлежитъ сомнѣнію, что Александръ сдѣлался вдругъ самымъ популярнымъ лицемъ въ Парижѣ». Тьеръ полагаетъ даже, что Александръ былъ до такой степени упоенъ ласками и энтузіазмомъ парижанъ, что готовъ былъ отплатить Франціи всѣмъ, что было совмѣстимо съ русскою гордостью.

saluts par sa bonne miene et une affabilite seduisant, prodiguant çà et lá les mots heureux, disant à tout venant qu'il admirait les Français, qu'il les aimait, qu'il ne leur imputait aucunement les malheurs de la Russie, qu'il ne voulait pas se venger d'eux, mais au contraire leur faire tout le bien possible, qu'il ne se regardait pas comme leur vainqueur, mais comme leur libérateur, et qu'il savait bien que s'il avait triomphé de leur résistance, c'est parce qu'ils sentaient et pensaient comme lui, et avaient horreur du joug qu'on ètait venu briser. Ces idees, reproduites en cent manieres, fines, delicates, gracieuses, avaient produit leur effet, et l'orgueil national de'sinteressè devant un vainqueur si presse de plaire aux vaincus, on s'etait prètè à se carresses, on les lui avait rendues et il est vrai qu'Alexandre ètait de venu tout à coup le personage le plus populaire de Paris. Seul regardè, seul comptè, seul recherchè par ces Parisiens, dispensateurs de la gloire dans les temps modernes (!), il etait enivrè de son succès et disposé à le payer en rendant à la France tous les services compatibles avec l'ambition russe». Тьеръ, Histoire du consulat et de l'empire, T. XVII, стр. 671—672.

И въ этомъ объясненіи Тьеръ и остальные французы остались вѣрны самимъ себѣ и своему національному характеру. Тщеславные, суетливые, легкомысленные, увлекающіеся, они не могли себѣ объяснить великодушнаго образа дѣйствій по отношенію къ ихъ отечеству иначе какъ въ сущности пустымъ и мелочнымъ желаніемъ Александра понравиться парижанамъ, этой эссенціи великой націи и пріобрѣсти популярность и славу въ ихъ глазахъ. Мы уже знаемъ, что весь образъ дѣйствій Россійскаго императора, по отношенію къ побѣжденной Франціи, вытекалъ изъ совершенно иного, болѣе чистаго и возвышеннаго источника. Мы знаемъ, что въ моментъ покоренія Парижа, равно какъ и во всю предшествующую кампанію, Александръ былъ преисполненъ высокою христіанскою идеею всепрощающей, милосердой любви. Именно этою идеею руководился императоръ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, а не пустымъ тщеславіемъ, приписываемымъ ему историками, панегиристами Наполеона. Носитель идей христіанства и человѣколюбія Александръ при первомъ-же своемъ появленіи побѣждалъ и плѣнялъ сердца всѣхъ, друзей и враговъ. Духъ христіанской любви, наполнявшій его, одухотворялъ и возвышалъ его природную красоту и неподражаемую грацію. Парижане пришли въ неописанный энтузіазмъ при первомъ-же его появленіи. Они привѣтствовали въ Александрѣ своего освободителя отъ страшнаго гнета, возстановителя давно желаннаго мира; Александру не было никакой надобности заискивать ихъ расположенія; они сами заискивали его, рвались къ нему, старались прикоснуться къ его одеждѣ. Такъ было впрочемъ не въ одномъ Парижѣ, и не въ одной Франціи, а повсюду, гдѣ ни появлялся вѣнценосный вождь Европы, ополченный за свободу и миръ.

Въ основѣ образа дѣйствій императора Александра, помимо высокой идеи религіозной, лежала и не менѣе высокая идея политическая. Обнажая мечъ за независимость Россіи и Европы, положивши твердо въ сердцѣ своемъ не влагать его въ ножны до тѣхъ поръ, пока владычество Наполеона не будетъ сокрушено окончательно, Александръ вовсе не имѣлъ при этомъ въ виду унижать Францію, мстить француз-

скому народу за разореніе Россіи, или дать ему почувствовать во всей ея тяжести участь побѣжденныхъ. Напротивъ, съ самаго начала войны, въ особенности-же послѣ вступленія во Францію, онъ постоянно старался отдѣлить французовъ отъ Наполеона. Поражая всѣми силами послѣдняго, онъ по возможности старался щадить первыхъ. Франція, въ его глазахъ, была также порабощена Наполеономъ, какъ и остальная Европа. Цѣль войны заключалась, слѣдовательно, не въ покореніи Франціи, а въ ея освобожденіи. Поставляя такую цѣль, Александръ не могъ дѣйствовать иначе послѣ взятія Парижа, какъ дѣйствовалъ онъ на дѣлѣ. Только послѣ этого рѣшающаго событія явилась, наконецъ, возможность вызвать въ средѣ самихъ французовъ движеніе противъ Наполеона, и если это движеніе приняло вскорѣ такіе широкіе размѣры и повело къ паденію деспота, то это случилось лишь потому, что Александръ умѣлъ внушить къ себѣ съ самаго начала безграничное довѣріе французскаго народа, что побѣдивъ французовъ силою оружія, онъ побѣдилъ ихъ вслѣдъ за тѣмъ своимъ великодушіемъ и своимъ истинно христіанскимъ образомъ дѣйствій.

Свидѣтельства, переданныя намъ изъ устъ самого государя, ясно показываютъ насколько далекъ былъ Александръ во время своего пребыванія въ Парижѣ отъ тѣхъ тщеславныхъ и недостойныхъ стремленій, которыя приписываются ему французскими писателями. Что происходило въ душѣ государя въ эти вѣчно памятные дни, объ этомъ узнаемъ мы, къ великому счастью, изъ его собственныхъ словъ.

«Наше вхожденіе въ Парижъ», разсказывалъ впослѣдствіи Александръ князю А. Н. Голицыну, «было великолѣпное. Все спѣшило обнимать мои колѣна, все стремилось прикасаться ко мнѣ; народъ бросался цѣловать мои руки, ноги; хватались даже за стремена лошади, оглашали воздухъ радостными криками, поздравленіями. Но душа моя сознавала тогда въ себѣ другую радость. Она, такъ сказать, таяла въ безпредѣльной благодарности къ Господу, сотворившему чудо своего милосердія; она, эта душа жаждала уединенія, желала субботствованія; сердце мое порывалось пролить передъ Господомъ всѣ

чувствованія мои. Словомъ, мнѣ хотѣлось говѣть и пріобщиться Святыхъ Таинъ; но въ Парижѣ не было русской церкви. Милующій Промыслъ, когда начнетъ благодѣтельствовать, всегда бываетъ безграниченъ въ своей попечительности, и вотъ, къ крайнему моему изумленію, вдругъ приходятъ ко мнѣ съ донесеніемъ, что столь желанная мною русская церковь нашлась въ Парижѣ: послѣдній нашъ посолъ, выѣзжая изъ столицы Франціи, передалъ свою посольскую церковь на сохраненіе въ домъ американскаго посланника. И вотъ, сейчасъ-же, насупротивъ меня, французы наняли чей-то домъ, и церковь русская была въ тоже время устроена, а отъ дома моего, въ которомъ я жилъ уединенно, въ тотъ-же разъ французы сдѣлали переходъ для удобнаго посѣщенія церкви. Французское правительство, узнавши о моемъ намѣреніи исполнить свою религіозную обязанность, немедленно распорядилось, чтобы по той улицѣ никакіе экипажи не ѣздили. И вотъ ничто уже не мѣшало мнѣ исполнить мой долгъ передъ Господомъ. Бывало, всякій день хожу въ церковь... Но идучи туда и возвращаясь обратно въ домъ, трудно, однакожъ, мнѣ было сохранять чувствованіе своего ничтожества, котораго требуетъ святая наша Церковь въ подвигѣ покаянія; какъ бывало только покажусь на улицу, такъ густѣйшая толпа, что есть только лучшаго въ парижскомъ обществѣ, толпа, составленная изъ кавалеровъ и дамъ, тѣсно обступятъ и смотрятъ на меня съ тѣмъ одушевленіемъ признательнаго чувства, съ тѣмъ доброжелательствомъ, которыя для лицъ нашего сана такъ сладко и обаятельно видѣть въ людяхъ. Съ трудомъ каждый разъ пробирался я на уединенную свою квартиру» [1]).

Александръ не могъ, однакоже, отдаться вполнѣ своему религіозному долгу. Первые дни послѣ взятія Парижа душа его не была еще совершенно спокойна. Онъ самъ свидѣтельствуетъ намъ по этому поводу: «Прежде чѣмъ я приступилъ къ исполненію моего священнаго долга, душа моя была, однакожъ, не безъ смущенія; мнѣ совершенно извѣстно было, что грозныя своимъ отчаяніемъ Наполеоновы полчища стягива-

[1]) Записки Бартенева, Русскій Архивъ 1886 г. кн. 5, стр. 98.

лись въ самомъ близкомъ разстоянiи отъ Фонтенебло; слѣдовательно, союзныя армiи, такъ недавно вступившiя въ стѣны столицы, должны были готовиться не для одного отдыха и наслажденiя; мнѣ скоро надлежало выводить ихъ для новаго боя, можетъ быть отчаяннѣйшаго, чѣмъ всѣ прежнiе, мнѣ надлежало также принять всевозможныя мѣры, чтобы сдерживать и буйную чернь парижскую, могущую удобно воспламеняться и волноваться даже и отъ наималѣйшаго успѣха Наполеона» [1]). Понятно, что въ виду такихъ опасенiй и тревогъ, Александръ спѣшилъ какъ можно скорѣе покончить съ Наполеономъ.

Выдвигая массы союзныхъ войскъ по направленiю къ Фонтенебло и принимая мѣры для окончательнаго истребленiя остатковъ Наполеоновыхъ армiй, Александръ поощрялъ въ то же время всѣми зависящими отъ него средствами начавшееся противъ императора движенiе въ Парижѣ. Въ этихъ обстоятельствахъ Россiйскiй монархъ дѣйствовалъ съ необыкновеннымъ прямодушiемъ и высокимъ политическимъ тактомъ. Согласно съ неоднократно повтореннымъ имъ заявленiемъ, онъ избѣгалъ всякаго вмѣшательства во внутреннiя дѣла Францiи, не навязывалъ французамъ ни того, ни другаго правительства, но стоялъ твердо и непоколебимо лишь на томъ, что съ Наполеономъ немыслимы какiя-бы то ни было соглашенiя, и что бывшему властелину Францiи и Европы не остается иного исхода, какъ удалиться въ частную жизнь и отречься отъ престола. Эту горькую для Наполеона волю Александра долженъ былъ выслушать между прочимъ изъ его собственныхъ устъ и уполномоченный посолъ французскаго императора,—герцогъ Виченцкiй, Коленкуръ.

Коленкуръ, пользуясь дозволенiемъ императора Александра, оставался, первые три дня послѣ вступленiя союзниковъ, въ Парижѣ. Нельзя сказать, чтобы онъ держалъ себя только какъ парламентеръ, какъ требовалъ этого отъ него Александръ. Нѣтъ, онъ посвящалъ свои силы и свое время на совершенно неудачныя попытки задержать съ одной стороны начинающiйся

[1]) Записки Бартенева, Русскiй Архивъ, тамъ-же.

внутренній переворотъ, а съ другой, примирить своего повелителя съ союзными государями и спасти для него тронъ Франціи. Преслѣдуя эту двоякую цѣль, Коленкуръ велъ одновременно переговоры, съ одной стороны, съ Талейраномъ и другими парижскими политиками, а съ другой, съ представителями союзной Европы, но потерпѣлъ полнѣйшую неудачу и тутъ и тамъ. Талейранъ, къ которому Коленкуръ явился еще утромъ 1-го апрѣля, уже съ первыхъ словъ объявилъ ему, что участь Наполеона рѣшена окончательно и безповоротно. «Теперь уже слишкомъ поздно», сказалъ онъ съ своею обычною холодною ироніею. «Для Наполеона можно сдѣлать лишь одно— доставить ему отдаленное убѣжище. Не стоитъ говорить объ этомъ безумцѣ, который погубилъ все и долженъ былъ потерять все. Оставьте его и подумайте о самомъ себѣ. Ваша почетная извѣстность, дружба императора Александра обезпечиваютъ ваше положеніе, при какомъ-бы то ни было правительствѣ. Похлопочите о самомъ себѣ и забудьте господина, для котораго прямота ваша сдѣлалась давно уже неудобною». Коленкуръ попробовалъ было заговорить о королѣ Римскомъ и о регентствѣ Маріи-Луизы. «Поздно», прервалъ его Талейранъ. «Я хотѣлъ спасти Марію-Луизу и ея сына, задержавъ ихъ въ Парижѣ, но письмо этого человѣка, назначеннаго погубить все, рѣшило отъѣздъ ихъ въ Блуа и создало ту пустоту, которую силимся мы теперь наполнить. Откажитесь отъ вашихъ надеждъ. Все кончено для Наполеона и для его семейства. Подумайте о вашихъ дѣтяхъ и предоставьте намъ спасти Францію тѣми единственными средствами, которыя можно еще теперь пустить въ ходъ» [1]).

Коленкуръ оставилъ Талейрана и попытался дѣйствовать на другихъ вліятельныхъ лицъ, но ото всѣхъ онъ слышалъ одни и тѣ-же то рѣзкіе и рѣшительные, то мягкіе и уклончивые отвѣты [2]). Убѣдившись, что всѣ парижскіе политики,

[1]) Тьеръ, Histoire du consulat et de l'empire, T. XVII, стр. 653.

[2]) Объ этихъ попыткахъ Коленкура мы читаемъ у Тьера: „Mais sa tournée non interrompue pendant vingt-quatre heures, le consterna, l'indigna, le remplit de mépris pour les hommes, qu'il ne connaissait pas assez pour s'attendre à ce qui lui arrivait. Droit, rude, sensé, M. de Caulaincourt n'avait pas cette profonde sci-

бывшіе слуги и креатуры Наполеона, покончили счеты съ своимъ господиномъ, и окончательно отвергнулись отъ него, Коленкуръ рѣшился попытать счастья у союзныхъ государей. Онъ разсчитывалъ на хорошо извѣстное ему великодушіе императора Александра, онъ надѣялся также найти сочувствіе и поддержку у князя Шварценберга, какъ человѣка, лично обязаннаго Наполеону, и какъ у представителя монарха, связаннаго съ императоромъ французовъ узами близкаго родства. Александръ нѣсколько разъ принималъ Коленкура, онъ бесѣдовалъ съ нимъ долго и любезно, но каждый разъ онъ отвергалъ прямо и рѣшительно всякій намекъ герцога на возможность мира съ Наполеономъ. Менѣе рѣшительно высказывался императоръ относительно будущей судьбы Франціи. Обсуждая въ числѣ другихъ комбинацій регентство Маріи-Луизы, онъ не отрицалъ, повидимому, и этой возможности и этимъ, самъ не подозрѣвая того, поддерживалъ слабую надежду въ душѣ Коленкура. Отъ Александра герцогъ поспѣшилъ къ князю Шварценбергу. Въ продолжительной бесѣдѣ съ австрійскимъ фельдмаршаломъ онъ истощилъ все свое краснорѣчіе, пытался дѣйствовать на него какъ общими, такъ и личными доводами. Отвѣтъ князя, мягкій и деликатный по формѣ, былъ крайне неутѣшителенъ для Коленкура. Шварценбергъ отвѣчалъ, что онъ никогда не забудетъ, какъ много онъ обязанъ лично Наполеону, но что есть лицо, которое стоитъ для него выше всѣхъ въ мірѣ,—это его монархъ. Князь замѣтилъ, что онъ самъ желалъ, даже требовалъ брака Маріи-Луизы, усматривая въ немъ связь, а не цѣпь, что вслѣдствіе этой связи

ence des hommes, qui ôte touté colère en ôtant toute surprise. Il. passa ces deux jours à s'etonner et a s'emporter..... Il avait vu bien peu des portes ne pas rester fermées, mème devant son nom autrefois si honore, si accueilli. Céux ci etaient absents, ceux—là feignaient de l'etre. Quelques uns, cependant, pris au de pourvu, etaient demeurés accessibles. Parmi ces derniers, les uns paraissaient embarrassés, consternés, et cherchaient à cacher sous des profonds gemissements la résolution visible de faire tout ce qu'on leur demanderait. Les autres plus osés, èlevant tout à coup la voix, disaient qu'il etait temps de penser à la France, trop oubliée, trop sacrifiè le à un homme qui avait gravement compromise, et qui allait achever de la perdre si on ne se hatait de l'arracher de ses mains". Histoire du consulat et de l'empire. T. XVII, стр. 654—655.

Австрія сдѣлала все какъ въ 1813 и въ 1814 гг., чтобы открыть глаза Наполеону и склонить его къ болѣе умѣреннымъ воззрѣніямъ, но что потерпѣвъ неудачу во всѣхъ своихъ попыткахъ, она принуждена была пренебречь всѣмъ, даже и родственными связями. Коленкуръ говорилъ о тѣхъ отчаянныхъ рѣшеніяхъ, къ которымъ можетъ прибѣгнуть Наполеонъ. «Мы это предвидѣли», возразилъ Шварценбергъ, «мы знаемъ чего можно ожидать отъ геніальнаго мужа, стоящаго во главѣ французской арміи, но мы готовы ко всему и будемъ биться съ такимъ-же отчаяніемъ, какъ и онъ. Если французы хотятъ вырвать свое отечество изъ рукъ иноземцевъ, то союзныя державы хотятъ вырвать свою независимость изъ рукъ безпощаднаго повелителя. Мы долго были рабами и не желаемъ оставаться ими долѣе. Если намъ придется выйти изъ Парижа, мы выйдемъ, но мы возвратимся въ него» [1]).

Смущенный такимъ необычнымъ тономъ князя Шварценберга, Коленкуръ рѣшился попытать еще разъ счастія у императора Александра. Онъ поспѣшилъ своимъ визитомъ къ нему, такъ какъ до него дошли слухи, что вечеромъ 2-го апрѣля императоръ будетъ принимать членовъ сената съ Талейраномъ во главѣ. Опасаясь, что эта аудіенція можетъ имѣть рѣшающія послѣдствія, Коленкуръ поспѣшилъ предупредить ее, и ему удалось добиться доступа къ государю нѣсколькими часами ранѣе. Александръ принялъ герцога съ прежнею любезностью, но на его повторенныя просьбы оставить престолъ Франціи за Наполеономъ онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. «Вамъ остается теперь лишь одно», добавилъ онъ, «отправиться въ Фонтенебло и убѣдить Наполеона принести неизбѣжную жертву. Поѣзжайте скорѣе! Отъ меня требуютъ каждую минуту вашей высылки изъ Парижа; мнѣ говорятъ, что ваше пребываніе здѣсь наводитъ страхъ на всѣхъ, что оно возбуждаетъ опасенія о возможности нашего возвращенія къ Наполеону. Мнѣ придется удалить васъ, ибо ни мои союзники, ни я не желаемъ поддерживать подобныя предположенія. Я не питаю никакой ненависти къ Наполеону. Онъ нес-

1) См. Тьеръ, Histoire du consulat et de l'empire, Т. XVII, стр. 684—687.

частенъ и я прощаю ему то зло, которое причинилъ онъ Россіи. Но Франція и Европа нуждаются въ спокойствіи, а съ нимъ они никогда не будутъ имѣть его. Рѣшимость наша въ этомъ отношеніи непреклонна. Пусть Наполеонъ требуетъ для себя лично, чего хочетъ; нѣтъ того убѣжища, въ которомъ мы отказали бы ему. Пусть онъ приметъ руку, которую я предлагаю ему; пусть онъ удалится въ мои владѣнія и онъ найдетъ тамъ не только щедрое, но и сердечное гостепріимство. Мы дали бы великій примѣръ свѣту, я предложивъ, а онъ принявъ такое убѣжище. Но мы не можемъ вести съ нимъ переговоровъ на иномъ основаніи, кромѣ его отреченія. Поѣзжайте же скорѣе и убѣдите Наполеона дать свое согласіе на неизбѣжное».

Коленкуръ пытался узнать, не сохранитъ ли Наполеонъ престолъ Франціи для своего сына, отрекаясь отъ него лично. Александръ отвѣчалъ ему уклончиво, объявилъ, что реставрація Бурбоновъ не рѣшена еще безповоротно, хотя, повидимому, все клонится къ ней, что онъ лично относится равнодушно къ этой комбинаціи, а затѣмъ вновь и настоятельно посовѣтовалъ Коленкуру ѣхать какъ можно скорѣе въ Фонтенебло.

— «Необходимо», замѣтилъ онъ, «прежде всего устроить личную судьбу Наполеона».

— «Но отнимая у Наполеона Францію», возразилъ Коленкуръ, «не согласятся ли союзники дать ему Тоскану?»

— «Тоскану», отвѣчалъ государь, «конечно она ничего не значитъ въ сравненіи съ французскою имперіею; но неужели, вы полагаете, что державы согласятся оставить Наполеона на материкѣ, и что Австрія потерпитъ его пребываніе въ Италіи».

— «Но быть можетъ державы согласятся предоставить ему Парму или Лукку?» продолжалъ настаивать Коленкуръ.

— «Нѣтъ! Нѣтъ! На материкѣ ничего. Островъ—пожалуй. Быть можетъ Корсику», повторилъ Александръ.

— «Но Корсика—это часть Франціи», возразилъ Коленкуръ, «Наполеонъ не согласится принять ее».

— «Нутакъ островъ Эльбу», сказалъ государь. «Но только поѣзжайте скорѣе и побудите вашего господина покориться необходимости, а за тѣмъ мы посмотримъ. Все, что только воз-

можно, будетъ сдѣлано для него. Я не забуду, что подобаетъ человѣку, столь великому и столь несчастному» [1]).

Коленкуръ вышелъ отъ Александра, твердо убѣжденный, что все кончено для Наполеона, и что только одно чудо можетъ спасти его. Оставался еще одинъ лучъ надежды спасти престолъ Франціи для короля Римскаго. Окрыляемый этою надеждою, Коленкуръ поспѣшилъ тотчасъ-же въ Фонтенебло; онъ прибылъ туда въ два часа ночи, но за эти немногіе часы въ Парижѣ произошли событія рѣшающія.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Коленкура, государю доложили о прибытіи членовъ французскаго сената съ княземъ Талейраномъ во главѣ. Александръ тотчасъ-же вышелъ къ представителямъ Франціи и обратился къ нимъ съ такими словами: «Человѣкъ, называвшій себя моимъ союзникомъ, несправедливо вторгнулся въ мои владѣнія. Я велъ войну съ нимъ, а не съ Франціею. Я другъ французовъ. Настоящій вашъ образъ дѣйствій усугубляетъ эти мои чувства. Справедливость и благоразуміе требуютъ дать Франціи учрежденія прочныя и свободныя, соотвѣтствующія современному просвѣщенію. Союзники мои и я самъ беремъ подъ свое покровительство свободу вашихъ совѣщаній». Государь остановился на минуту и затѣмъ продолжалъ: «Въ доказательство моего желанія заключить съ вашимъ народомъ постоянный союзъ возвращаю всѣхъ французскихъ плѣнныхъ, находящихся въ Россіи. Временное правительство уже просило меня объ этомъ; уступаю плѣнныхъ сенату въ уваженіе сдѣланныхъ имъ постановленій» [2]).

Слова государя покрылись громкими, радостными восклицаніями сенаторовъ. Они не ожидали такого великодушія, они сознавали, что поступокъ Александра снималъ съ нихъ ту непопулярность, которая могла быть вызвана ихъ дѣйствіями, они не боялись уже теперь произнести съ своей стороны послѣднее рѣшающее слово. Вечеромъ того-же 2-го апрѣля сенатъ собрался въ чрезвычайное засѣданіе [3]). На очереди по-

[1]) Тьеръ, Histoire du consulat et de l'empire, T. XVII, стр. 689—690.

[2]) Рѣчь государя напечатана была въ Монитерѣ отъ 6-го апрѣля 1814 г. См. также Тьеръ, T. XVII, стр. 672.

[3]) Въ этомъ засѣданіи участвовали всего лишь 63 сенатора изъ 142.

ставленъ былъ вопросъ о низложеніи Наполеона. Вопросъ рѣшенъ былъ единогласно. Постановленіе сената облечено было въ форму декрета, состоявшаго изъ двухъ пунктовъ. Первый пунктъ отмѣнялъ верховную власть, установленную въ лицѣ Наполеона и его преемниковъ; второй пунктъ освобождалъ всѣхъ французовъ отъ присяги, данной ими Наполеону. Составленіе декрета поручено было сенатору Ламбрехту; онъ заключалъ въ себѣ, какъ и слѣдовало ожидать, перечисленіе всѣхъ преступленій, совершенныхъ Наполеономъ. Правда, каждое слово этого постановленія поражало наравнѣ съ Наполеономъ и сенатъ, ибо этотъ послѣдній принималъ самое прямое участіе во всѣхъ дѣйствіяхъ Наполеона и легализировалъ ихъ своимъ авторитетомъ; но сенаторы, прошедшіе съ успѣхомъ убійственную школу деморализаціи, разъѣдавшей политическую Францію, нимало не стѣснялись этимъ страннымъ совпаденіемъ, да никто и не думалъ напоминать имъ о немъ. Сенатъ взводилъ на своего бывшаго властелина нижеслѣдующія обвиненія: Наполеонъ нарушилъ всѣ законы, въ силу которыхъ онъ призванъ былъ на престолъ; онъ угнеталъ частную и общественную свободу, запиралъ по произволу въ тюрьмы гражданъ, наложилъ молчаніе на печать, собиралъ налоги и бралъ рекрутъ, нарушая всѣ законныя формы, проливалъ кровь Франціи въ безумныхъ и безполезныхъ войнахъ, покрылъ всю Европу трупами, усѣялъ всѣ дороги брошенными французскими ранеными; въ своей смѣлости онъ дошелъ, наконецъ, до того, что началъ взимать подати безъ разрѣшенія законодательныхъ собраній и сталъ отмѣнять своею собственною властью рѣшенія, постановленныя судебными трибунами [1]).

Издавая свой декретъ, сенатъ очень хорошо понималъ, что словами и бумагами, какъ бы оффиціальны и торжественны онѣ ни были, невозможно устранить Наполеона. Императоръ оставался попрежнему страшенъ до тѣхъ поръ, пока армія про-

[1]) Декретъ сената, равно какъ и другіе акты этой эпохи, напечатаны у Helie Les constitutions de la France, стр. 873.

Къ рѣшенію сената присоединились 3-го Апрѣля 77 членовъ законодательнаго корпуса изъ числа 303.

должала слѣдовать за нимъ и пока онъ самъ не отказался еще отъ надежды удержать корону въ своихъ рукахъ. Необходимо было лишить Наполеона его послѣдней опоры, надо было вырвать изъ рукъ его армію. Но какъ достигнуть этой цѣли? Всѣ вѣсти, приходившія въ Парижъ изъ Фонтенебло, показывали, что тамъ господствуетъ самое рѣшительное и воинственное настроеніе, что Наполеонъ вовсе не считаетъ своего дѣла окончательно проиграннымъ, что онъ собирается идти на Парижъ и что его солдаты съ энтузіазмомъ готовы слѣдовать за нимъ. Эти слухи, въ вѣрности которыхъ сомнѣваться было невозможно, бросали въ холодный потъ сенаторовъ и сановниковъ имперіи, такъ позорно измѣнившихъ своему властелину. Они трепетали при одной мысли о появленіи Наполеона подъ стѣнами Парижа, имъ казалось, что столичная чернь возстанетъ поголовно по его призыву и устроитъ съ ними страшную, кровавую расправу. Пораженные страхомъ, воспитанные на лжи наполеоновскихъ бюлетеней, глубоко увѣренные въ неизмѣримомъ превосходствѣ французскаго солдата передъ иноземцами, они вѣрили на слово всѣмъ баснямъ, распространяемымъ изъ Фонтенебло и утратили всякую способность считать и взвѣшивать дѣйствительныя обстоятельства и силы обѣихъ сторонъ. Имъ говорили, что въ распоряженіи Наполеона находится болѣе 70,000 ч. и что въ короткое время онъ можетъ увеличить свои массы до 120,000 ч., присоединивъ къ нимъ войска Сульта и Ожеро, и они вѣрили этой нелѣпости, хотя въ дѣйствительности армія Наполеона состояла въ этотъ моментъ всего лишь изъ 36,000 и никоимъ образомъ не могла соединиться ни съ Ожеро, тѣснимымъ австрійцами, ни съ Сультомъ, преслѣдуемымъ Велингтономъ. Съ другой стороны, они знали отлично, что между Парижемъ и Фонтенебло сосредоточено 180,000 союзныхъ войскъ, но эти страшныя массы казались имъ малозначущими въ сравненіи съ военнымъ геніемъ «этого человѣка» и бѣшеною отвагою его ветерановъ. Лишь одно обстоятельство поддерживало въ нихъ при такихъ обстоятельствахъ надежды на спасеніе. Имъ было хорошо извѣстно, что въ средѣ наполеоновскихъ маршаловъ, генераловъ и высшаго офицерства распространено сильное недовольство

противъ императора, что всѣ эти люди, возвышенные и облагодѣтельствованные Наполеономъ, осыпанные почестями и богатствами, давно уже тяготятся вѣчными тяжелыми походами и убійственными войнами, что они давно уже горятъ нетерпѣніемъ насладиться въ мирѣ и покоѣ плодами своихъ подвиговъ, что не связанные съ императоромъ никакою личною связью, они готовы измѣнить ему точно также, какъ измѣнили они сами, сенаторы, бывшіе законодатели и помощники Наполеона.

Талейранъ, руководившій всѣми нитями враждебнаго Наполеону движенія, лучше кого либо другого былъ знакомъ какъ съ общимъ настроеніемъ наполеоновскихъ маршаловъ, такъ и съ характеромъ каждаго изъ нихъ. Онъ зналъ, что всѣ они, безъ исключенія, одинаково тяготятся войною, и готовы при первомъ удобномъ случаѣ оставить своего повелителя, но лишь одного изъ нихъ онъ считалъ способнымъ къ измѣнѣ. Этотъ одинъ былъ никто иной, какъ маршалъ Мармонъ. Мармонъ не принадлежалъ къ числу выдающихся наполеоновскихъ маршаловъ, хотя императоръ осыпалъ его почестями и возвелъ въ санъ герцога Рагузскаго. Злые языки утверждали, что своимъ возвышеніемъ Мармонъ былъ обязанъ не заслугамъ, а лишь тому обстоятельству, что онъ былъ когда-то соученикомъ Наполеона въ Бріенской школѣ, а затѣмъ товарищемъ его по службѣ. Мармонъ былъ впрочемъ храбръ, разсудителенъ, довольно образованъ, хотя и далеко уступалъ въ беззавѣтной отвагѣ Нею, въ военныхъ талантахъ Сульту, въ прямотѣ и честности Ланну. Онъ былъ человѣкъ въ высшей степени самолюбивый, тщеславный и большой резонеръ. Совершая нерѣдко крупныя ошибки, даже на второстепенныхъ постахъ, онъ силился, однакоже, играть повсюду первую роль, критиковать дѣйствія другихъ и высказывать при каждомъ удобномъ случаѣ свои мнѣнія. Онъ гонялся за популярностью, любилъ вмѣшиваться въ политику и угождать общественному мнѣнію, т. е. другими словами, плыть съ господствующимъ теченіемъ. Судьба, какъ нарочно, выдвинула въ послѣднее время Мармона на самый выдающійся постъ, привела его въ непосредственное соприкосновеніе съ политикою. Храбрая оборона Парижа и

почетная капитуляція, заключенная имъ съ союзниками, обратили на него всеобщее вниманіе, а теперь, когда должна была рѣшиться участь Наполеона и Франціи, онъ командовалъ передовымъ корпусомъ французской арміи и занималъ позицію на Ессонскомъ ручьѣ, какъ-разъ въ виду союзныхъ форпостовъ. Онъ прикрывалъ, слѣдовательно, главныя силы Наполеона, собравшіяся вокругъ Фонтенебло, онъ долженъ былъ идти въ авангардѣ французской арміи въ случаѣ движенія ея на Парижъ.

Талейранъ, успѣвшій узнать образъ мыслей Мармона въ ночь передъ сдачею Парижа, посовѣтовалъ князю Шварценбергу [1]) обратиться съ письмомъ къ маршалу и пригласить его отказаться отъ окончательно проиграннаго дѣла Наполеона. Шварценбергъ послѣдовалъ этому совѣту. Онъ препроводилъ къ маршалу декретъ сената объ низложеніи Наполеона и приглашалъ его стать подъ знамя добраго дѣла Франціи. «Прошу васъ отъ имени вашего отечества и человѣчества внять предложеніямъ, долженствующимъ положить предѣлъ кровопролитію и гибели храбрыхъ, состоящихъ подъ вашею командою», говорилъ, между прочимъ, князь въ своемъ посланіи [2]). По внушенію Талейрана, письмо отправлено было къ Мармону съ его бывшимъ адъютантомъ Шарлемъ-де-Монсюи. Господинъ этотъ, находившійся когда-то въ очень близкихъ отношеніяхъ къ маршалу, давно уже покинулъ военную службу, и поселившись въ Парижѣ, занялся различными промышленными и финансовыми спекуляціями. Онъ нажилъ себѣ большое состояніе и превратился въ настоящаго буржуа. Какъ таковый, онъ проникся всецѣло либеральными убѣжденіями и принадлежалъ къ числу заклятыхъ враговъ солдатскаго императора и ярыхъ пар-

[1]) Важнѣйшія подробности объ измѣнѣ Мармона заключаются въ его собственныхъ мемуарахъ (Т. VI, стр. 255—269), но само собою понятно, что показаніями маршала слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностью. Мармонъ не только старается выставить все дѣло въ наиболѣе благопріятномъ для себя свѣтѣ, но и съ намѣреніемъ умалчиваетъ о нѣкоторыхъ существенныхъ подробностяхъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ свидѣтельства маршала легко могутъ быть провѣрены и дополнены изъ другихъ современныхъ источниковъ.

[2]) Письмо Шварценберга, у Vaulabelle, Histoire de la restauration, T. I, стр. 325.

тизановъ бурбонской реставраціи [1]). Мармонъ принялъ стараго друга и адъютанта съ распростертыми объятіями, вступилъ съ нимъ въ долгій политическій разговоръ и въ концѣ концовъ согласился вполнѣ съ его доводами. Въ своихъ мемуарахъ, написанныхъ много времени спустя, маршалъ много говоритъ о той жестокой, внутренней борьбѣ, которая происходила въ немъ въ это время [2]), но не подлежитъ сомнѣнію, что борьба эта окончилась очень скоро. Монсюи прочелъ ему множество писемъ, привезенныхъ имъ изъ Парижа отъ всевозможныхъ лицъ, друзей и знакомыхъ маршала; онъ сообщилъ ему, что все парижское населеніе ликуетъ при одномъ имени Бурбоновъ и проклинаетъ императора; онъ доказалъ ему, что общественное мнѣніе настоятельно требуетъ отъ него «великой жертвы» и Мармонъ, послѣ короткаго раздумья, рѣшился оставить «своего друга и благодѣтеля Наполеона» и выступить въ роли спасителя страны.

Но Мармонъ былъ человѣкъ осторожный. Предпринимая шагъ, во всякомъ случаѣ сомнительный, онъ поспѣшилъ заручиться прежде всего согласіемъ подчиненныхъ ему генераловъ. Онъ собралъ ихъ на совѣщаніе, сообщилъ имъ новости, полученныя имъ изъ Парижа и спрашивалъ ихъ мнѣнія. Генералы, какъ и слѣдовало ожидать, согласились съ мнѣніемъ своего начальника. Рѣшено было признать временное правительство и предоставить въ его распоряженіе шестой армейскій корпусъ. Тотчасъ же послѣ совѣта Мармонъ увѣдомилъ князя Шварценберга о своемъ рѣшеніи. «Общественное мнѣніе», писалъ онъ князю, «всегда руководило моими дѣйствіями. Такъ какъ армія и народъ освобождены рѣшеніемъ сената отъ присяги, данной ими императору Наполеону, то я съ своей стороны склоненъ содѣйствовать сближенію между населеніемъ и арміею, долженствующему предупредить всякую возможность междоусобной войны и положить предѣлъ кровопролитію» [3]). Результатомъ этой склонности

[1]) Подробности о Монсюи и его миссіи см. у самого Мармона, Memoires, T. VI, стр. 255.

[2]) См. Memoires de Marmont, T. VI, стр. 256—259.

[3]) См. Vaulabelle Histoire de la restauration, T. I, стр. 325.

Мармона къ сближенію явилась пресловутая его конвенція съ Шварценбергомъ, заключенная уже 4 апрѣля. Конвенція эта состояла всего лишь изъ двухъ пунктовъ. Первый пунктъ предоставлялъ войскамъ шестого корпуса право отступить свободно въ Нормандію съ оружіемъ, багажемъ и со всѣми военными почестями. Второй пунктъ былъ въ высшей степени курьезенъ. Онъ постановлялъ, что если Наполеонъ вслѣдствіе случайностей войны будетъ взятъ въ плѣнъ, то союзныя державы обязываются гарантировать ему жизнь и свободу въ мѣстности, которая опредѣлена будетъ для его жительства, по соглашенію между союзниками и французскимъ правительствомъ [1]). Странная, можно сказать, смѣшная заботливость! Неужели Мармонъ не зналъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло; неужели онъ могъ забыть, что во главѣ коалиціи стоялъ государь, давно уже удивлявшій весь міръ своимъ неслыханнымъ великодушіемъ? Неужели онъ могъ опасаться серьезно за жизнь и свободу Наполеона. Понятно, что всѣ эти вопросы не нуждаются въ отвѣтѣ. Очевидно, что маршалъ хотѣлъ только оправдать и вмѣстѣ съ тѣмъ выставить себя какъ рѣшителя судебъ [2]). Но онъ жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ. Судьбы Франціи и Наполеона рѣшены были не имъ, а другими лицами; на него же одного выпала вся ненавистность измѣны!

Коленкуръ засталъ Наполеона въ спокойномъ и твердомъ настроеніи духа. Онъ ласково принялъ герцога и выслушалъ его разсказъ, не выражая ни однимъ словомъ, или жестомъ

1) «Sa vie et sa liberte lui seraient garanties dans un espace de terrain et dans un pays circonscrit au choix des Puissances Allies et du gouvernement français“, сказано въ подлинномъ текстѣ конвенціи.

2) Мармонъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что вступивъ въ переговоры съ Шварценбергомъ, онъ написалъ письмо Наполеону, которое должно было быть отправлено императору—тотчасъ же по подписаніи конвенціи. «Въ этомъ письмѣ я извѣщалъ его, что исполнивъ долгъ требуемый отъ меня спасеніемъ отечества, я иду къ нему принести ему мою голову и посвятить ему, если онъ пожелаетъ, остатокъ моей жизни». Мармонъ не рѣшился, однако-же, отправиться къ Наполеону и не послалъ ему даже своего письма. Во всемъ этомъ виновны были, разумѣется, обстоятельства, а не самъ маршалъ. См. Мемуары, T. VI, стр. 260.

своего негодованія или удивленія [1]). Онъ относился легко даже къ такимъ фактамъ, какъ къ его низложенію, провозглашенному сенатомъ; только покушенія черни на его статую вызвали съ его стороны нѣсколько горькихъ, ироническихъ замѣчаній. «Это хорошо», сказалъ онъ между прочимъ, «я получилъ то, что заслужилъ. Я не хотѣлъ статуй, ибо я зналъ, что только потомство можетъ оставить ихъ въ покоѣ [2]). Чтобы сохранить ихъ при жизни, надо быть всегда счастливымъ. Денонъ хотѣлъ польстить мнѣ, и я имѣлъ слабость уступить ему. Но перейдемъ къ болѣе важнымъ предметамъ. Въ вашемъ разсказѣ ничто не удивляетъ меня. Талейранъ мнѣ мститъ, это очень понятно... Бурбоны отомстятъ ему за меня... Но всѣ эти люди революціи, наполняющіе сенатъ, между коими есть и нѣсколько цареубійцъ, поступаютъ очень глупо, бросаясь въ руки иностранцевъ, которые выдадутъ ихъ Бурбонамъ. Но они напуганы, они ищутъ себѣ убѣжища, гдѣ попало. Что касается до союзныхъ государей, то они стремятся унизить Францію. Они ведутъ себя недостойно по отношенію ко мнѣ. Я могъ бы свергнуть съ престоловъ императора Франца и короля Фридриха-Вильгельма, я могъ бы поднять противъ императора Александра русскихъ крестьянъ [3]), но я не сдѣлалъ ни того, ни другаго. Я велъ себя по отношенію къ нимъ, какъ государь; они ведутъ себя по отношенію ко мнѣ, какъ якобинцы. Они даютъ этимъ дурной примѣръ. Наименѣе враждебенъ изъ нихъ Александръ. Онъ отомщенъ, да къ тому-же онъ добръ, хотя и коваренъ. Австрійцы остались такими-же, какими я ихъ зналъ всегда: униженные въ несчастіи, они дерзки и безсердечны въ счастіи. Они навязали мнѣ почти что силою свою эрцгерцогиню, а теперь даютъ видъ, какъ будто она чужая для нихъ. Шварценбергъ всецѣло преданъ эмигрантамъ, Меттер-

[1]) Вся послѣдующая бесѣда Наполеона съ Коленкуромъ, или лучше сказать весь монологъ императора, изложена нами по Тьеру. См. Тьеръ, Т. XVII, стр. 697—700.

[2]) Наполеонъ ошибался и въ этомъ отношеніи. И потомство не оставило въ покоѣ его статуй.

[3]) Наполеонъ не возмутилъ русскихъ крестьянъ не потому, что не хотѣлъ этого, а потому, что не могъ.

нихъ англичанамъ. Мой тесть даетъ имъ волю. Посмотримъ, дозволитъ ли онъ имъ дойти до послѣднихъ предѣловъ. Императрица надѣется, что этого не случится. Что касается до англичанъ и пруссаковъ, то они хотятъ униженія Франціи. Но вѣдь еще не все кончено! Меня хотятъ устранить, ибо понимаютъ, что я одинъ могу повернуть колесо фортуны. Вѣрьте мнѣ, я не дорожу трономъ! [1]). Рожденный солдатомъ, я могу превратиться въ простого гражданина. Вы знаете мои привычки: что мнѣ нужно? Не много хлѣба, пока я живу; шесть футовъ земли, когда я умру. Правда, я любилъ и люблю славу... Но моя слава обезпечена отъ всякихъ человѣческихъ посягательствъ. Если я хочу командовать еще нѣсколько дней, то лишь для того, чтобы поднять наше оружіе и вырвать Францію изъ рукъ ея безпощадныхъ враговъ. Вы хорошо сдѣлали, что не подписали ничего. Я не могъ бы утвердить условій, предложенныхъ вамъ. Бурбоны могутъ принять ихъ съ честью; имъ предлагаютъ ту самую Францію, которую создали они. Я не могу принять ихъ. Мы солдаты, Коленкуръ! Развѣ намъ трудно умереть, да еще за такое дѣло! Къ тому же, не думайте, чтобы счастіе окончательно отвернулось отъ насъ. Если бы у меня была вся моя армія, то я давно бы атаковалъ, и все было бы кончено въ теченіи двухъ часовъ, ибо непріятель занимаетъ такую позицію, въ которой онъ можетъ потерять все. Какая слава для насъ, если мы выгонимъ ихъ! Какая слава для парижанъ, если они выбросятъ этихъ казаковъ и отдадутъ ихъ на убой бургонскимъ и лотарингскимъ мужикамъ. Погодите, дайте срокъ! Послѣ-завтра у меня будутъ корпуса Макдональда, Удино, Жерара; пусть только все послѣдуетъ за мною и я измѣню разомъ положеніе вещей. Вожди арміи утомлены, но масса пойдетъ за мною. Мои старые усачи, гвардейцы подадутъ примѣръ и послѣдній солдатъ послѣдуетъ за ними. Все можетъ перемѣниться въ нѣсколько часовъ, дорогой мой Коленкуръ! Какое удовлетвореніе! какая слава!»

[1]) Какъ Наполеонъ дорожилъ трономъ, это онъ доказалъ всему свѣту спустя годъ.

Молча, пораженный изумленіемъ, слушалъ Коленкуръ эти странныя рѣчи. Онъ видѣлъ въ какомъ возбужденномъ состояніи находился императоръ и понималъ безполезность какихъ бы то ни было возраженій. Окончивъ свою рѣчь, Наполеонъ пожелалъ Коленкуру доброй ночи и удалился въ свои покои.

Весь слѣдующій день, 3 апрѣля, прошелъ для Наполеона въ напряженной, лихорадочной дѣятельности. Онъ то погружался въ глубокое раздумье и сидѣлъ надъ своими планами и картами; то быстро спускался во дворъ, осматривалъ войска и обращался съ пламенными рѣчами къ своимъ солдатамъ. И солдаты не обманули его ожиданій. Измученные послѣдними небывалыми событіями, они приходили въ восторгъ, завидѣвъ своего обожаемаго вождя. При его видѣ, при его словахъ, они забывали всѣ неудачи, лишенія и страданія этой страшной кампаніи. Онъ говорилъ имъ, что чужеземцы хитростью и измѣною завладѣли Парижемъ, и они вѣрили ему на слово. Онъ объявилъ, что онъ поведетъ ихъ на Парижъ, онъ обѣщалъ имъ месть и славу, и они кричали ему какъ безумные: «Да здравствуетъ императоръ!» Съ такимъ же энтузіазмомъ относились къ его словамъ и офицеры, но совершенно иное настроеніе господствовало въ средѣ генералитета, въ средѣ этого блестящаго сонма князей, герцоговъ, маршаловъ, выведенныхъ Наполеономъ изъ ничтожества, осыпанныхъ милліонами, взятыми изъ добычи, собранной со всей Европы. Эти лица лучше солдатъ понимали положеніе дѣлъ. Они не сомнѣвались въ совершенной безнадежности дальнѣйшей борьбы, и не чувствовали ни малѣйшаго желанія раздѣлять участь Наполеона. Они знали, что оставаясь при Наполеонѣ, они неизбѣжно потеряютъ все, но что оставивъ его, они могутъ сохранить и свое положеніе, и свои богатства, и свою карьеру [1]).

[1]) Тьеръ утверждаетъ, что послѣдніе отчаянные планы Наполеона имѣли шансы на успѣхъ; онъ обвиняетъ маршаловъ Наполеона не только въ вѣроломствѣ и измѣнѣ, но и въ отсутствіи патріотизма и въ невѣрномъ пониманіи положенія дѣлъ. Такая аргументація почтеннаго историка построена, однако-же, на совершенно ложномъ основаніи. У Наполеона вовсе не было тѣхъ 70,000 войска, о которыхъ говоритъ Тьеръ, а всего лишь 36,000.

Мыслима-ли была для него борьба съ 200,000 арміею союзниковъ? Понятно, что нѣтъ!

Вѣсти изъ Парижа произвели въ средѣ этихъ господъ сильнѣйшее волненіе. Они начали совѣщаться, передавать другъ другу свои опасенія и надежды. Ни одинъ изъ нихъ не касался внутренней, нравственной стороны вопроса; вопросъ обсуждался исключительно съ точки зрѣнія личнаго удобства и личныхъ выгодъ. Общественное мнѣніе, общественное благо, спасеніе отечества, служили прекраснымъ покровомъ для эгоизма. Маршалы заручились согласіемъ остальныхъ генераловъ, они посвятили въ свое намѣреніе многихъ адъютантовъ и штабъ-офицеровъ и составили, такимъ образомъ, настоящій заговоръ противъ императора. Положено было открыто отказаться отъ дальнѣйшаго повиновенія Наполеону и потребовать его отреченія отъ престола въ пользу короля Римскаго. Иниціатива должна была исходить отъ маршаловъ; остальные же должны были поддержать ихъ требованіе, не останавливаясь въ случаѣ необходимости даже передъ насиліемъ.

Между тѣмъ наступательные планы Наполеона созрѣли окончательно. Утромъ 4-го апрѣля, онъ объявилъ Коленкуру, что время дѣйствовать наступило. «Завтра», сказалъ онъ, «должны прибыть корпуса Макдональда, Удино, Жерара; я дамъ имъ одинъ день роздыха, а затѣмъ 6-го числа двину ихъ впередъ. Въ моемъ распоряженіи будетъ 70,000 ч. Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобы вся гвардія выступила изъ Фонтенебло и расположилась у Ессоны, позади корпуса Мармона. Онъ хотѣлъ напутствовать гвардейцевъ одною изъ тѣхъ рѣчей, которыя производили всегда такое магическое дѣйствіе на солдатъ. Передъ выступленіемъ въ походъ весь гвардейскій корпусъ былъ собранъ на обширной площади передъ дворцомъ и построенъ тамъ въ густыхъ колоннахъ. Наполеонъ вышелъ къ войскамъ въ сопровожденіи маршаловъ, генераловъ и адъютантовъ. Онъ приказалъ вызвать изъ всѣхъ полковъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и нѣсколько рядовыхъ и окруживъ ими себя, обратился къ нимъ съ такими словами: «Солдаты! непріятель, опередивъ насъ на три перехода, завладѣлъ Парижемъ. Мы должны выгнать его оттуда. Недостойные французы, эмигранты, пощаженные нами, соединились съ иностранцами и водрузили бѣлое знамя. Мало-

душные! они будутъ наказаны за это новое преступленіе. Поклянемся побѣдить или умереть и заставимъ уважать трехцвѣтную кокарду, уже двадцать лѣтъ носимую нами на поприщѣ чести и славы. Отомстимъ обиду, нанесенную отечеству и нашему оружію!» [1]).

Громкіе, восторженные крики покрыли послѣднія слова Наполеона. «Клянемся! Да здравствуетъ императоръ!» кричали гвардейцы, объятые воинственнымъ энтузіазмомъ. Вслѣдъ затѣмъ гвардія выступила изъ воротъ замка и двинулась по направленію къ Ессонѣ. Наполеонъ, видимо довольный результатами своей рѣчи, быстро поднялся по дворцовой лѣстницѣ, не удостаивая ни однимъ взглядомъ блестящую, двигавшуюся за нимъ толпу [2]). Глубокое молчаніе царствовало въ этой толпѣ; энтузіазмъ, пылавшій въ средѣ простыхъ солдатъ, былъ видимо чуждъ ея. Мрачное недовольство, страхъ и озлобленіе выражались на всѣхъ лицахъ, но Наполеонъ, привыкшій игнорировать мнѣнія и настроенія своихъ окружающихъ, давалъ видъ, какъ будто онъ не замѣчаетъ ничего. Скорыми шагами прошелъ онъ въ свой кабинетъ, сопровождаемый лишь тремя лицами: Бертье, Коленкуромъ и Маре. Толпа военныхъ наполнила всѣ смежные залы. Прошло нѣсколько минутъ въ совѣщаніяхъ между маршалами и ихъ ближайшими сообщни-

[1]) См. Koch, Т. II, 566—571. Тьеръ, Т. XVII, 702—703.

[2]) Вся послѣдующая сцена между Наполеономъ и маршалами изложена нами по Тьеру. Знаменитый историкъ пользовался въ этомъ отдѣлѣ своего труда богатымъ и, повидимому, вполнѣ достовѣрнымъ матеріаломъ. Между прочимъ въ его распоряженіи были рукописные мемуары двухъ въ высшей степени почтенныхъ свидѣтелей этой сцены и нѣсколько устныхъ разсказовъ очевидцевъ, заслуживающихъ полнаго вѣроятія. Изъ всего этого матеріала Тьеръ вынесъ убѣжденіе, что разсказы о насиліяхъ, къ которымъ прибѣгли тогда маршалы, крайне недостовѣрны и во всякомъ случаѣ преувеличены. Тьеръ не отрицаетъ, что противъ Наполеона образовался настоящій заговоръ, и что нѣкоторые изъ заговорщиковъ готовы были на все, не исключая даже посягательства на самую жизнь Наполеона, но что на дѣлѣ все ограничилось одними разговорами. Впослѣдствіе нѣкоторые изъ участниковъ этого событія, желая выслужиться передъ новымъ правительствомъ, приписали себѣ такіе поступки, которые никогда не были совершены ими въ дѣйствительности. «Они выставили себя болѣе виновными противъ Наполеона, нежели они были на дѣлѣ, и уже годъ спустя имъ пришлось горько раскаяваться за свои выдумки». Тьеръ, Т. XVII, стр. 709.

ками. Наконецъ, вожаки движенія порѣшили, что минута дѣйствовать наступила. Маршалы: Лефевръ, Удино, Ней, Макдональдъ, приказавъ доложить о себѣ, вошли въ кабинетъ. При видѣ грознаго властелина, они вдругъ забыли заученную ими роль. Ни одинъ не рѣшался открыть рта; всѣ молчали, потупивъ глаза въ землю. Наполеонъ съ своей стороны какъ будто не замѣчалъ маршаловъ. Всецѣло объятый впечатлѣніемъ только что пережитой имъ сцены, занятый своими думами, онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Вдругъ онъ остановился передъ вошедшими маршалами.

— «Что новаго изъ Парижа?» сказалъ онъ, смотря имъ прямо въ глаза.

— «Новостей много, государь», отвѣчалъ одинъ изъ маршаловъ, «и одна изъ нихъ печальнѣе другой».

— «Знаю», возразилъ Наполеонъ. «Ну, а что вы думаете обо всемъ этомъ?»

— «Печальнѣе всего», отвѣчалъ одинъ изъ маршаловъ, «что не видно даже конца этого печальнаго положенія».

— «Конца?» прервалъ Наполеонъ съ живостью. «Солдаты знаютъ и видятъ этотъ конецъ. Они знаютъ, что надо или умереть, или вырвать Францію изъ рукъ иноземцевъ. Послѣдуемъ за ними. Союзники стоятъ по обѣимъ берегамъ Сены, мы владѣемъ всѣми мостами, успѣхъ нашъ несомнѣненъ. Парижское населеніе подымется за насъ. Мы выбьемъ ихъ изъ города. Пусть они попытаются возвратиться. Я не боюсь. Черезъ нѣсколько дней наши силы удвоятся. Евгеній ведетъ къ намъ изъ Италіи 36000 ч., Ожеро приведетъ намъ 30,000, Сюше 20,000, Сультъ 40,000. У меня здѣсь 70,000 ч. Съ такими массами я брошу въ Рейнъ все, что выйдетъ изъ Парижа и что попытается возвратиться туда. Мы спасемъ Францію, мы отомстимъ за честь нашу и тогда я заключу умѣренный миръ. Еще одно послѣднее усиліе и для васъ настанетъ время отдыха послѣ двадцати пятилѣтнихъ трудовъ!» [1])

[1]) Приведя эту странную рѣчь Наполеона, Тьеръ замѣчаетъ: «Какъ не убѣдительны были эти доводы, но они не пришлись по вкусу присутствующихъ». Замѣчательное ослѣпленіе почтеннаго историка. Неужели онъ могъ считать серьезными

Маршалы не отважились указать Наполеону на преувеличенія и ложь, лежавшія въ основѣ его плана. Они предпочли возражать на иной почвѣ. «Сраженіе, которое намѣревается дать Наполеонъ», замѣтили они, «быть можетъ, окончится побѣдоносно, но оно обречетъ на погибель Парижъ и его милліонное населеніе. Послѣдній отчаянный бой будетъ происходить на улицахъ столицы Франціи. Мыслимо-ли приносить въ жертву Парижъ, наполненный беззащитнымъ населеніемъ, подобно тому какъ принесена была въ жертву Москва, покинутая своими обитателями».

При этихъ словахъ Наполеонъ вспыхнулъ. «Говорятъ, что я хочу отомстить парижанамъ за ихъ измѣну. Это ложь. Я вовсе не намѣренъ искать поля битвы въ Парижѣ. Я дамъ сраженіе тамъ, гдѣ назначитъ это Провидѣніе! Но не въ этомъ дѣло. Я вижу господа, что вы предпочитаете жить подъ властью Бурбоновъ; не такъ ли?» спросилъ Наполеонъ, обращаясь по очередно къ Лефевру, Нею и Удино. Маршалы отвѣчали съ живостью, что ихъ желанія далеки отъ этого [1]).

— «Мы желаемъ лишь одного государя, короля Римскаго», добавилъ Ней.

— «Такъ значитъ дѣло идетъ о моемъ отреченіи», сказалъ Наполеонъ. «Но неужели вы полагаете, что покидая престолъ, я гарантирую вамъ возможность жить спокойно подъ скипетромъ моего сына. Моя жена, мой сынъ не продержатся и часу. Затѣмъ настанетъ анархія, а черезъ пятнадцать дней будутъ Бурбоны. Къ тому-же есть фамильныя тайны, разоблачать которыя я не могу [2]). Регентство моей жены невозможно».

рѣчами бравады Наполеона и вѣрить приводимымъ имъ цыфрамъ; неужели ему, изучившему всѣ подробности этой эпохи, могло показаться, хотя на минуту, что въ рѣчи императора было что нибудь иное, кромѣ хвастовства и самообольщенія.

[1]) «При этихъ словахъ они разразились громкими восклицаніями. Лефевръ съ жесткостью стараго якобинца отвѣчалъ, что онъ не желаетъ Бурбоновъ и онъ былъ искрененъ въ своихъ словахъ. Ней съ неслыханною горячностью заявлялъ, что ни онъ, ни его дѣти никогда не будутъ пользоваться при Бурбонахъ ни счастьемъ, ни даже безопасностью, и что единственный государь, желательный для нихъ, это король Римскій. Тьеръ, Т. XVII, стр. 707.

[2]) Тьеръ, передающій эти слова императора, не нашелъ съ своей стороны возможнымъ объяснить, въ чемъ заключались эти тайны; онъ указываетъ лишь на слабость Маріи-Луизы, обстоятельство, извѣстное очень многимъ.

Сказавъ эти слова, Наполеонъ случайно взглянулъ на Макдональда и замѣтилъ въ его рукахъ письмо. «Это что такое?» спросилъ Наполеонъ—«письмо отъ Бернонвиля, государь», отвѣчалъ Макдональдъ, «оно содержитъ въ себѣ крайне печальныя новости. Я не скрываю отъ васъ ничего.—Угодно вамъ, прочитать?» «Не для меня одного, а для всѣхъ назначается это письмо», сказалъ Наполеонъ. «Пусть читаютъ его въ слухъ». Ѳнъ кивнулъ Маре и покорный министръ, взявъ письмо изъ рукъ маршала, началъ громко читать его. Письмо заключало въ себѣ открытое воззванiе къ измѣнѣ, оно написано было въ рѣзкомъ задорномъ тонѣ. Бернонвиль заклиналъ Макдональда во имя дружбы, во имя его семейства, обреченнаго погибнуть вмѣстѣ съ другими въ пламени столицы, покинуть тиранна, превратившагося въ настоящее время въ бунтовщика и перейти къ законному правительству Бурбоновъ, возвращающихся во Францiю съ миромъ въ одной рукѣ, съ свободою въ другой [1]).

Спокойно выслушалъ Наполеонъ это письмо. «Бернонвиль и ему подобные», сказалъ онъ, «не что иное какъ интриганы. Соединившись съ иноземцами, они пытаются произвести контръреволюцiю. Они ослабятъ и разорятъ Францiю. А Бурбоны, развѣ они могутъ умиротворить страну? они приведутъ все лишь въ окончательное разстройство».

—«Быть можетъ государь», возразилъ Макдональдъ. «Но сражаясь на развалинахъ Парижа, мы будемъ сражаться и на трупахъ нашихъ дѣтей. Къ тому же я не увѣренъ, что мои солдаты послѣдуютъ за мною».

—«Да», подхватилъ Ней, «солдаты не пойдутъ за нами».

—«Если солдаты не пойдутъ за вами, то они пойдутъ за мною. Довольно одного моего слова и я поведу ихъ куда хочу», воскликнулъ Наполеонъ.

—«Нѣтъ, государь», отвѣчалъ Ней съ возростающею смѣлостью. «Теперь уже поздно думать о битвахъ, теперь надо подумать объ иныхъ средствахъ».

[1]) Бернонвиль сообщалъ кромѣ того маршалу декретъ сената о низложенiи Наполеона и извѣстную уже намъ декларацiю союзниковъ отъ 1 апрѣля, см. Онкенъ, Das Zeialter der Revolution etc. T. II, стр. 805.

— «А какія это средства? спросилъ Наполеонъ.

— «Ваше отреченіе, государь! лишь оно одно можетъ спасти насъ» [1]).

Наполеонъ стоялъ пораженный какъ громомъ. Всѣ ожидали страшнаго припадка ярости, но императоръ съумѣлъ овладѣть собою въ эту тяжелѣйшую минуту своей жизни. Помолчавъ съ минуту, онъ обратился къ маршаламъ въ повелительномъ тонѣ: «Удалитесь господа! мнѣ нужно подумать. Я сообщу вамъ мое рѣшеніе». Маршалы не отважились ослушаться; молча, вышли они изъ кабинета.

Оставшись наединѣ съ Коленкуромъ, Бертье и Маре, Наполеонъ долго и спокойно обсуждалъ свое положеніе и терпѣливо выслушивалъ замѣчанія своихъ собесѣдниковъ. Ему не трудно было убѣдиться, что и эти вѣрнѣйшіе изъ вѣрныхъ раздѣляютъ въ душѣ мнѣніе непокорныхъ маршаловъ о безполезности и невозможности всякой дальнѣйшей борьбы. Коленкуръ замѣтилъ ему между прочимъ, что идея отреченія въ пользу короля Римскаго сильно распространена въ рядахъ арміи и что Наполеону не слѣдовало бы отвергать безусловно эту комбинацію.

— «Хорошо», сказалъ наконецъ императоръ, видимо подавленный судьбою, но все еще не отказавшійся отъ своихъ обманчивыхъ надеждъ, «я вижу, что эта идея господствуетъ въ настоящій моментъ. Я готовъ дать удовлетвореніе этимъ трусамъ. Отправляйтесь въ Парижъ и ведите переговоры на этомъ основаніи. Захватите съ собою маршаловъ, наиболѣе заинтересованныхъ этимъ проектомъ. Вы избавите меня отъ ихъ присутствія и это будетъ для меня не малая выгода. Я найду кѣмъ замѣнить ихъ здѣсь, а пока вы будете занимать союзниковъ этимъ новымъ предложеніемъ, я двинусь впередъ и покончу все съ мечемъ въ рукахъ».

Коленкуръ замѣтилъ, что лучше и удобнѣе всего ему было бы взять съ собою маршала Бертье и Маре, какъ лицъ наиболѣе близкихъ къ Наполеону и способныхъ къ подобной

[1]) Эти рѣшительныя слова произнесены были, по показанію нѣкоторыхъ очевидцевъ, Неемъ. Тьеръ умалчиваетъ о нихъ совершенно. См. Онкенъ, Т. II, стр. 806.

миссіи, но Наполеонъ не хотѣлъ и слышать о такомъ выборѣ [1]).

— «Возьмите съ собою Нея», повторилъ онъ настойчиво, «и избавьте меня отъ него. Но смотрите за нимъ, вѣдь это ребенокъ. Если онъ попадетъ въ руки Талейрана или Александра — все погибнетъ. Можете взять и Мармона. Онъ преданъ мнѣ и будетъ отстаивать права моего сына». — «Нѣтъ, не берите Мармона», добавилъ онъ затѣмъ, подумавъ съ минуту, «онъ слишкомъ нуженъ на Эссонѣ. Возьмите лучше Макдональда. Я довѣряю ему, онъ честенъ и прямъ». Наполеонъ остановился окончательно на этомъ выборѣ и приказалъ позвать маршаловъ.

— «Я обдумалъ», сказалъ онъ имъ торжественно, «наше положеніе, высказанныя вами мнѣнія и рѣшаюсь испытать искренность союзныхъ государей. Они объявляютъ, что я одинъ являюсь препятствіемъ для мира и счастія вселенной. Хорошо, я готовъ принести себя въ жертву, я готовъ оставить престолъ, но подъ условіемъ перехода его къ моему сыну, за малолѣтствомъ котораго должна будетъ управлять императрица. Довольны-ли вы этимъ предложеніемъ?» Маршалы, видимо не ожидавшіе ничего подобнаго, пришли чуть не въ восторгъ. Они спѣшили выразить свою признательность, свое удивленіе. Они восклицали, что Наполеонъ никогда не былъ такъ великъ, какъ въ этотъ моментъ своей жизни. Спокойно, не шевеля ни однимъ мускуломъ, принялъ императоръ эти оваціи. Глубокое презрѣніе наполняло его душу, но онъ продолжалъ владѣть собою. «Я уступаю вашимъ желаніямъ», сказалъ онъ, когда все стихло, «но помните, что вы обязаны защищать права моего сына, какъ ваши собственныя, и защищать ихъ не только мечемъ, но и вашимъ нравственнымъ авторитетомъ».

Наполеонъ объявилъ вслѣдъ за тѣмъ, что онъ назначаетъ своими уполномоченными для переговоровъ съ союзными государями: Коленкура, Нея и Макдональда. «Я былъ преду-

[1]) «Бертье», замѣтилъ онъ, «нуженъ ему для распоряженій по арміи. Что-же касается до Маре, то хотя онъ и совершенно неповиненъ въ послѣднихъ войнахъ, однако-же онъ отвѣтственъ за нихъ въ глазахъ публики и государей». Тьеръ, Т. XVIII стр. 712. Изъ этихъ словъ видно, что Наполеонъ самъ сознавалъ всю преступность своихъ послѣднихъ войнъ.

бѣжденъ противъ васъ, маршалъ», сказалъ онъ, обращаясь къ этому послѣднему, «но вы знаете, что теперь все это кончено. Я знаю вашу честность; я убѣжденъ, что вы явитесь самымъ солиднымъ защитникомъ интересовъ моего сына». Онъ подалъ руку маршалу и Макдональдъ, видимо тронутый, обѣщалъ ему оправдать его довѣріе.

— «Если найдете необходимымъ», продолжалъ Наполеонъ, обращаясь ко всѣмъ уполномоченнымъ, «то проѣзжая черезъ Ессону, возьмите съ собою Мармона. Въ такомъ случаѣ я назначу кого нибудь другаго на его постъ. А теперь послушайте эту бумагу».

Наполеонъ прочелъ актъ своего отреченія; онъ былъ составленъ въ такихъ выраженіяхъ: «союзныя державы объявили, что императоръ Наполеонъ составляетъ единственное препятствіе къ возстановленію мира въ Европѣ. Императоръ Наполеонъ, исполняя данный имъ обѣтъ, объявляетъ, что онъ готовъ низойти съ престола, удалиться изъ Франціи и даже пожертвовать жизнью для блага отечества, тѣсно связаннаго съ правами его сына и регентства императрицы и постановленіями имперіи».

Прочитавъ актъ отреченія, Наполеонъ обратился къ присутствующимъ съ вопросомъ: «одобряютъ-ли они его редакцію?» Никто не противорѣчилъ. Наполеонъ взялъ перо, чтобы подписать бумагу, но въ этотъ моментъ на него напало еще разъ раздумье [1]). Правда, онъ вовсе не придавалъ этому акту серьезнаго значенія и смотрѣлъ на него лишь какъ на средство выиграть время и обмануть враговъ, но все же ему стало жутко, когда онъ собирался снабдить его своею подписью. Въ глубинѣ души его зашевелилась мысль, что все кончено для него и онъ готовится самъ подписать свой смертный при-

[1]) «Avant d'y apposer son nom, sentant la gravite de cette demarche malgre les projets secrets qu'il nourissait, il fut saisi d'un regret douloureux, non pour le trone, mais pour les chances auxquelles on allait peut etre renoncer, et songeant encore à la position si imprudente prise par les allies, il s'ecria...». Мы полагаемъ, что въ эту минуту Наполеонъ сожалѣлъ именно о своемъ тронѣ, а вовсе не о тѣхъ мнимыхъ шансахъ на побѣду, которымъ не могъ придавать серьезнаго значенія онъ самъ. См. Тьеръ, Т. XVII, стр. 715.

говоръ. Наполеонъ взглянулъ на маршаловъ, стоявшихъ вокругъ него съ поникшими головами; онъ видимо ожидалъ, что они не допустятъ его до этого самоубійства, что они вырвутъ перо изъ его рукъ въ послѣднюю минуту. Но все было нѣмо и неподвижно вокругъ него. Озлобленіе, досада омрачили лицо императора. «Вѣдь мы могли бы побить ихъ, если-бы только захотѣли!» воскликнулъ онъ съ горечью. Но никто не отозвался на этотъ возгласъ; только головы маршаловъ склонились еще ниже; никто изъ нихъ не рѣшался взглянуть прямо въ глаза своему властелину. Наполеонъ подписалъ бумагу и вручилъ ее Коленкуру. Уполномоченные раскланялись. Императоръ остался одинъ, всецѣло занятый своими воинственными замыслами.

Истый сангвиникъ, онъ не терялъ надежды до послѣдней минуты. Оставленный всѣми, окруженный измѣнниками, онъ воображалъ себя попрежнему властелиномъ. Грубый реалистъ, не допускавшій въ людяхъ иныхъ мотивовъ дѣйствія кромѣ эгоизма, онъ вдругъ началъ требовать и ожидать благодарности и безусловной преданности отъ тѣхъ лицъ, въ которыхъ онъ самъ подавлялъ систематически все идеальное и человѣчное. Измѣнническій поступокъ маршаловъ взволновалъ до глубины души человѣка, всю жизнь свою игравшаго клятвами и обѣщаніями, человѣка, запятнавшаго себя на высотѣ трона неслыханнымъ Байонскимъ вѣроломствомъ. Онъ не могъ видѣть этихъ презрѣнныхъ людей, которыхъ еще такъ недавно онъ считалъ своими вѣрнѣйшими слугами; онъ былъ доволенъ, что Коленкуръ убралъ съ его глазъ этого наглеца Нея. Онъ готовилъ въ душѣ примѣрное наказаніе всѣмъ этимъ негодяямъ; но онъ продолжалъ еще вѣрить тѣмъ изъ нихъ, которые не принимали участія въ только что закончившейся возмутительной сценѣ. Онъ не подозрѣвалъ, что духъ крамолы овладѣлъ всѣми его приверженцами; онъ не предчувствовалъ какой страшный ударъ готовъ былъ обрушиться на него.

Было уже далеко за полночь, когда Наполеону доложили о пріѣздѣ полковника Гурго изъ Ессоны. Онъ требовалъ немедленной аудіенціи, ссылаясь на чрезвычайно важныя извѣстія, привезенныя имъ. Наполеонъ тотчасъ-же принялъ его. Гурго сообщилъ ему, что герцогъ Рагузскій оставилъ свой

постъ, что онъ уѣхалъ въ Парижъ, что онъ заключилъ договоръ съ непріятелемъ. Наполеонъ былъ такъ ошеломленъ этою вѣстью, что не хотѣлъ вѣрить ей. «А войска герцога?» спросилъ онъ съ недовѣріемъ полковника, «гдѣ они?» «Войска шестого корпуса», отвѣчалъ Гурго, «снялись неизвѣстно, по чьему приказу съ своихъ позицій; въ эти минуты они проходятъ черезъ русскія линіи. Фонтенебло открыто теперь непріятелю». Наполеонъ продолжалъ еще разспрашивать, но вскорѣ онъ убѣдился въ несомнѣнности донесенія Гурго. Его отчаяніе не знало границъ. Какъ безпомощный опустился онъ на кресло. Взоръ его сдѣлался неподвиженъ, онъ впалъ въ глубокое, продолжительное молчаніе. Лишь по временамъ изъ груди его вырывались стоны и отрывочныя фразы. «Неблагодарный!» повторялъ онъ почти шопотомъ. «Его участь будетъ печальнѣе моей» [1]).

Уполномоченные Наполеона, выѣхавъ изъ Фонтенебло, направились въ Ессону. Отсюда намѣревались они испросить у князя Шварценберга дозволенія на проѣздъ черезъ союзныя линіи. По пріѣздѣ въ Ессону маршалы отправились тотчасъже къ Мармону, сообщили о всемъ случившемся въ Фонтенебло и предложили ему ѣхать вмѣстѣ съ ними въ Парижъ и принять участіе въ переговорахъ. Появленіе маршаловъ и ихъ сообщенія повергли Мармона въ страшное смущеніе. Первыя минуты онъ не въ состояніи былъ разсказать товарищамъ о своемъ поступкѣ. Онъ началъ вилять, отказываться

[1]) О впечатлѣніи, произведенномъ на Наполеона измѣною Мармона, см. Fain, Manuscrit de Mil Huit cent quatorze, стр. 237. Тамъ-же помѣщенъ приказъ Наполеона по арміи отъ 5-го апрѣля. Въ немъ императоръ высказываетъ свое негодованіе по поводу поступковъ герцога Рагузскаго и сената. Въ заключеніе онъ говоритъ: Il tenait sa dignite de Dieu et de la nation; eux seuls pouviaient l'en priver; il l'a toujours considerée comme un fardeau, et loroqu'il accepta, ce fut dans la conviction que lui seul ètait à meme de la porter dignement. Le bonheur de la France paraissait, etre dans la destinée de l'émpereur; aujourd'hui que la fortune s'est decidèe contre lui, la volonté de la nation seule pourait le persuader de rester plus longtemps sur le trone. S'il se doit consider comme le seul obstacle à la paix, il fait volontiers le dernier sacrifice à la France. Il e n consequence envoyè le prince de la Moscowa et les ducs de Virence et de Tarente à Paris pour entamer la negociation. L'armèe peut etre certaine, que l'honneur de l'empereur ne jera jamais en contradition avec le bonheur de la France»

подъ разными предлогами отъ поѣздки въ Парижъ, но подъ конецъ сознался во всемъ [1]). Маршалы не имѣли ни основанія, ни права особенно порицать поступокъ Мармона, уже потому, что и ихъ собственный образъ дѣйствія вытекалъ изъ того-же самого источника. Одинъ только Макдональдъ отважился указать Мармону на всю неблаговидность его поступка, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ ему и средство загладить свою ошибку. Онъ совѣтовалъ Мармону немедленно отправиться къ князю Шварценбергу, сообщить ему объ условномъ отреченіи Наполеона и просить фельдмаршала освободить его отъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ въ виду совершенно измѣнившихся обстоятельствъ. «Князь навѣрное уважитъ вашу просьбу», добавилъ Макдональдъ. «Онъ развяжетъ вамъ руки, и вы получите тогда возможность принять участіе въ нашей миссіи. Но уѣзжая отсюда, вы должны принять мѣры, чтобы не случилось чего нибудь въ ваше отсутствіе, чтобы ваши войска отнюдь не покидали занимаемыхъ ими позицій».

Мармонъ обѣщался послѣдовать данному ему совѣту. Немедленно созвалъ онъ своихъ генераловъ, сообщилъ имъ о всемъ случившемся и строго предписалъ имъ не предпринимать ни малѣйшаго движенія впредь до возвращенія его изъ Парижа. Спустя немного времени пришло разрѣшеніе отъ Шварценберга на проѣздъ черезъ форпосты, и маршалы тронулись въ путь. Въ Птибурѣ, гдѣ находилась главная квартира союзни-

[1]) Такъ оказывается изъ свидѣтельствъ Макдональда и Коленкура (см. Тьеръ, Histoire du consulat et de l'empire T. 17, стр. 720—721); что-же касается до самого Мармона, то онъ, разумѣется, постарался представить въ своихъ мемуарахъ все дѣло въ иномъ, болѣе выгодномъ для себя свѣтѣ: «Cet evenement, говоритъ онъ, т. е. отреченіе Наполеона, changeait la fâce des choses. Isolé à Essone, je n'avais pu consulter, sur le cas present, les autres chefs de l'armee. I'avaisfait au salut de la patrie le sacrifice de mes affections; mais un sacrifice plus grand que le mien, celui de Napoleon, venait de le sanctionner. De lors mon but étais rempli, et je devais cesser de m'immoler. Mes devoirs me commandaient impériesement de me reunir à mes camerades. Je serais devenu coupable en continuant à agir seul. En consequence, j'appris aux plénipotentiaires de l'Empereur mes pourpalers avec Schwarzenberg, en ajoutant que je rompais à l'instant toute négociation personnelle et que je ne me séparerais ja mais d'eux. Мемуары Мармона, Т. 6, стр. 261.

ковъ, Шварценбергъ принялъ уполномоченныхъ съ свойственною ему любезностью; но когда Коленкуръ попытался завести политическій разговоръ, то князь отвѣчалъ ему уклончиво и далъ понять, что рѣшеніе вопроса зависитъ исключительно отъ союзныхъ государей. Коленкуръ и остальные уполномоченные поспѣшили раскланяться, но Мармонъ остался, объявляя, что онъ долженъ переговорить съ глазу на глазъ съ фельдмаршаломъ. Разговоръ этотъ длился, впрочемъ, очень не долго. Уже на пути герцогъ Рагузскій нагналъ своихъ товарищей. Онъ былъ въ веселомъ настроеніи духа. «Я не ошибся въ прямотѣ князя», объявилъ онъ. «Теперь все улажено, я свободенъ отъ моихъ обязательствъ». На дѣлѣ было не совсѣмъ такъ. Что обѣщалъ союзный главнокомандующій Мармону на словахъ, мы не знаемъ, но въ дѣйствительности, онъ вовсе не думалъ освобождать маршала отъ принятыхъ имъ обязательствъ. Уже на другой день текстъ конвенціи былъ напечатанъ въ парижскихъ журналахъ. Имя Мармона было скомпрометировано окончательно и безповоротно [1]).

По пріѣздѣ въ Парижъ уполномоченнымъ не пришлось долго ожидать аудіенціи: уже черезъ нѣсколько часовъ они были приняты императоромъ Александромъ. На аудіенціи, съ разрѣшенія государя, присутствовалъ генералъ Дессоль, человѣкъ уважаемый всѣми, сторонникъ Бурбоновъ, по убѣжденію, а не изъ личныхъ разсчетовъ, подобно другимъ. Онъ явился въ качествѣ представителя временнаго правительства, какъ увѣряютъ по настоянію Талейрана, смотрѣвшаго не безъ тревоги на эти переговоры. Александръ согласился на его

[1]) Мармонъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ: Il me comprit parfaitement et donna son assentiment le plus complet à ma resolution. Такое свидѣтельство Мармона во всякомъ случаѣ не вполнѣ вѣрно. Тьеръ совершенно основательно замѣчаетъ по этому поводу: «Malgré cette assertion, tout porte à croire que le prince ne lui avait rendu sa parole que temporairement, pour la durée seule d'une negociation dont à ses yeux le succès etait impossible, et à la condition d'exiger l'execution de l'engagement pris si cette negociation etait rompue. Ce qui le prouve, c'est la publicité, que les coalisés donnèrent immediatement à la convention signée avec le marechal Marmont. Histoire du consulat et de i'empire, T. XVII, стр. 722.

присутствіе уже потому, что желалъ дать обѣимъ партіямъ полную возможность отстаивать свои мнѣнія [1]).

Государь принялъ маршаловъ съ изысканною любезностью. Онъ осыпалъ ихъ похвалами за ихъ подвиги въ истекшую кампанію, онъ воздалъ должную дань ихъ героической преданности своему знамени и добавилъ затѣмъ, что теперь наступило для нихъ время выбирать между однимъ человѣкомъ и страною и не жертвовать далѣе интересами отечества въ пользу одного честолюбца. Затѣмъ государь распространился о своихъ отношеніяхъ къ Наполеону и Франціи. Онъ напомнилъ о цѣломъ рядѣ обидъ, оскорбленій и дерзкихъ посягательствъ на честь и интересы Россіи, результатомъ которыхъ явилась, наконецъ, кампанія 1812 г.

«Завоеватель былъ отраженъ», продолжалъ государь; «его великая армія погибла, благодаря героизму моей арміи и моего народа и суровости нашего климата. Прибывъ на берега Вислы, я бы остановился тамъ, если-бы угнетенная Европа не взывала ко мнѣ о помощи. Послѣ Люцена и Бауцена союзные государи хотѣли примириться съ Наполеономъ, они оставляли ему большую часть колоссальныхъ его завоеваній; они желали лишь облегчить тяжесть ига, лежавшаго на нихъ, но онъ отвергъ ихъ предложенія. На берегахъ Рейна мы остановились вновь, предлагая ему границею эту рѣку, но онъ даже не отвѣтилъ на наше предложеніе. Въ Шатильонѣ мы предлагали ему Францію Людовика XIV и Людовика XV, но онъ отвергъ и это послѣднее слово. Не находя мира нигдѣ, мы вынуждены были идти искать его въ Парижѣ. Завладѣвъ Парижемъ, союзные государи не желали унижать Франціи и навязывать ей правительство; они старались найти такую комбинацію, которая, обезпечивая благосостояніе Франціи, обезпечила бы въ тоже время и спокойствіе Европы. У насъ нѣтъ никакого договора съ Бурбонами, и если мы склоняемся въ ихъ пользу, то единственно въ силу необхо-

[1]) Подробности этой аудіенціи, рѣчь Александра, возраженія маршаловъ изложены съ особенною подробностью у Тьера, который воспользовался при этомъ самымъ богатымъ и вполнѣ достовѣрнымъ матеріаломъ. См. Histoire du consulat et de l'empire, T. XVII, стр. 725—731.

мости, а не по добровольному выбору. Мы готовы признать, столь велико наше уваженіе къ мнѣнію Франціи, правительство, которое будетъ предложено депутатами арміи, присутствующими здѣсь, подъ единственнымъ условіемъ, чтобы правительство это не заключало въ себѣ ничего угрожающаго для Европы. Согласитесь между собою, господа, признайте конституцію, которая кажется вамъ наиболѣе удобною, изберите правителя, который подходилъ бы болѣе другихъ къ этой конституціи, и если придется избрать главу Франціи изъ вашей среды, соединяющей въ себѣ столько заслугъ и славы, то мы охотно признаемъ и его, лишь бы только онъ не угрожалъ ни нашему спокойствію, ни нашей независимости».

Государь окончилъ свою рѣчь.

Коленкуръ, стоявшій во главѣ посольства, долженъ бы былъ отвѣчать на рѣчь государя, но маршалъ Ней, нетерпѣливый и страстный, предупредилъ герцога. Онъ заговорилъ, и заговорилъ въ тонѣ, озадачившимъ его собственныхъ товарищей. «Мы», сказалъ онъ, «страдали болѣе нежели кто либо отъ этихъ непрерывныхъ войнъ, опустошавшихъ Европу. Мы не желаемъ признавать долѣе этого абсолютнаго владыку; мы были всегда его первыми жертвами, трупами нашихъ товарищей по оружію покрылъ онъ весь материкъ. Если кто либо, то именно мы желаемъ устранить его отъ престола. Но нѣтъ возможности замѣнить этого человѣка, осужденнаго самою судьбою, отрекшагося отъ престола, кѣмъ либо изъ среды военныхъ. Никто изъ насъ не достигъ до такой высоты, съ которой онъ могъ бы властвовать надъ народомъ. Развѣ одинъ, но онъ невозможенъ, онъ обрызганъ французскою кровью, его возвышеніе возмутитъ всѣ сердца. Только одинъ сынъ Наполеона подъ регентствомъ своей матери, представляетъ собою правительство, наиболѣе подходящее для Франціи и для арміи».

Рѣшительное слово было произнесено и уполномоченные Наполеона одинъ за другимъ выступили на защиту правъ короля Римскаго. Они говорили съ убѣжденіемъ и не безъ краснорѣчія. Въ одинъ голосъ протестовали они противъ возвращенія Бурбоновъ, чуждыхъ для этой новой Франціи, созданной революціею и императоромъ. Бурбоны не въ состо-

янiи понять истинныхъ интересовъ и дѣйствительныхъ нуждъ французскаго народа; ихъ правленiе поведетъ неизбѣжно къ глубокому разладу между династiею и народомъ и создаетъ новыя смуты, могущiя нарушить вновь спокойствiе Европы. Несравненно лучше дать возможность новой Францiи жить подъ властью правительства, однороднаго съ нею по своей натурѣ, правительства, составленнаго изъ лицъ, завѣдующихъ уже въ теченiи 20 лѣтъ общественными дѣлами, лицъ, порицающихъ не менѣе остальной Европы, систему постоянныхъ войнъ, лицъ, имѣющихъ во главѣ своей принцессу, которой не могутъ не довѣрять союзные государи, ибо она есть родная дочь одного изъ нихъ. Нельзя же, наконецъ, добавили маршалы, не обратить хотя нѣкоторое вниманiе на желанiя армiи, на желанiя этихъ воиновъ, проливавшихъ столько разъ свою кровь за Францiю и готовыхъ проливать ее вновь, если этого потребуетъ необходимость. Они одни сдерживаютъ теперь безумное отчаянiе Наполеона. Невозможно навязывать армiи принцевъ, которые будутъ оскорблять ее, даже желая угодить ей. Необходимо дать ей удовлетворенiе, поставивъ во главѣ Францiи сына того генерала, который въ теченiи 20 лѣтъ водилъ ее отъ побѣды къ побѣдамъ.

Доводы маршаловъ, высказанные со всею силою и горячностью убѣжденiя, произвели замѣтное впечатлѣнiе на императора Александра. Но государь, желая оставаться вполнѣ безпристрастнымъ, не могъ опускать изъ виду и другой стороны. Желанiя маршаловъ и армiи видимо противорѣчили желанiямъ значительной и притомъ наиболѣе влiятельной части парижскаго населенiя, и Александръ не замедлилъ указать уполномоченнымъ Наполеона на это противорѣчiе. Онъ напомнилъ имъ, что сенатъ высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ императора и имперiи, что вопросъ о возстановленiи Бурбоновъ поставленъ уже на очередь, и что выдающiеся представители революцiи и имперiи не замедлили подать свои голоса за старую династiю [1]).

[1]) Тьеръ полагаетъ, что Александръ противорѣчилъ маршаламъ лишь для того, чтобы побудить ихъ высказать всѣ свои доводы въ пользу регентства; но съ такимъ мнѣнiемъ едва ли возможно согласиться, если имѣть въ виду всѣ пред-

Едва только Александръ упомянулъ о сенатѣ, какъ маршалъ Ней, не помня себя отъ гнѣва, разразился такими словами. «Этотъ презрѣнный сенатъ! Какое право имѣетъ онъ теперь выражать свое мнѣніе! Онъ могъ бы оградить насъ отъ великихъ несчастій, если бы противоставилъ въ свое время хотя какое нибудь сопротивленіе страсти Наполеона къ завоеваніямъ, но онъ спѣшилъ всегда преклониться предъ волею того самого человѣка, котораго именуетъ онъ теперь тираномъ. Онъ молчалъ, когда ему слѣдовало говорить; какъ же осмѣливается онъ говорить теперь, когда все повелѣваетъ ему безмолствовать. Большинство гг. сенаторовъ наслаждались спокойно своими богатствами въ то время, когда мы орошали Европу своею кровью. Не они а мы солдаты, вынесшіе на себѣ всю тяжесть имперіи, имѣемъ теперь право жаловаться на нее! А если сенаторы забываются настолько, что осмѣливаются подымать свой голосъ, то поставьте ихъ, государь, лицемъ къ лицу съ нами, и вы увидите, осмѣлится ли ихъ низость говорить въ нашемъ присутствіи».

Слова маршала задѣли за живое генерала Дессоля, единственнаго представителя провизорнаго правительства при этой аудіенціи. Онъ пытался возражать маршаламъ и, обращаясь къ императору Александру, замѣтилъ, что теперь поздно отказываться отъ возстановленія Бурбоновъ, въ пользу которыхъ сдѣлано уже такъ много; что это значило бы принести въ жертву массу честныхъ людей, высказавшихъ свое мнѣніе въ надеждѣ на слово союзныхъ государей [1]).

Это не совсѣмъ умѣстное замѣчаніе Дессоля имѣло неожиданныя послѣдствія. Государь, видимо оскорбленный словами генерала, возразилъ ему съ живостью; «Ваши опасенія напрасны. Знайте, что никто изъ ввѣрившихъ себя мнѣ и моимъ союзникамъ, не будетъ раскаяваться. Да впрочемъ, до-

шествующія дѣйствія императора. См. Histoire du consulat et de l'empire. T. XVII, стр. 729.

[1]) «Cet argument vrai, mais un peu égoiste, et déjà allègué par M. de Talleyrand, n'allait guere au noble caractère du général Dessoles, qui n'etait conduit en ceci que par des convictions dèsintéeressées; il finit aussi par blesser l'empereur Alexandre». Histoire du consulat et de l'empire, T. XVII, стр. 731.

бавилъ государь, дѣло идетъ здѣсь вовсе не о частныхъ, а объ общихъ интересахъ, при разрѣшеніи которыхъ подобаетъ руководиться самыми возвышенными воззрѣніями». Сказавъ эти слова, государь обратился къ маршаламъ и объявилъ имъ, что въ настоящее время онъ не можетъ дать имъ окончательнаго отвѣта, что ему необходимо посовѣтоваться предварительно съ королемъ прусскимъ, но что завтра утромъ они могутъ услышать отъ него послѣднее рѣшительное слово. Вслѣдъ за тѣмъ Александръ ласково распрощался съ уполномоченными. Они возвратились на свою квартиру совершенно очарованные любезностью русскаго монарха, полные надеждъ на успѣхъ своей миссіи.

На квартирѣ маршаловъ ожидала страшная новость. Не успѣли еще они войти въ комнату, какъ вбѣжалъ полковникъ Фавье, одинъ изъ адъютантовъ Мармона. Съ видомъ совершенно растеряннаго человѣка, онъ объявилъ, что случилось большое несчастіе, что войска шестого корпуса покинули свои позиціи на Ессонѣ и идутъ на Версаль черезъ линіи союзниковъ. На дальнѣйшіе разспросы, Фавье объяснилъ, что виновниками этого движенія были никто иные какъ старшій дивизіонный генералъ Сугамъ и его товарищи, и что одинъ лишь генералъ Люкоттъ отказался послѣдовать ихъ примѣру и остался съ своею дивизіею на Ессонѣ.

«Что же побудило генераловъ», спросилъ одинъ изъ маршаловъ, «принять такое роковое рѣшеніе?».

«Страхъ за себя, боязнь передъ страшною местью Наполеона».

«А чѣмъ была вызвана эта боязнь, этотъ страхъ», продолжалъ спрашивать маршалъ.

«Дѣло происходило такимъ образомъ», отвѣчалъ Фавье. «Вскорѣ послѣ отъѣзда маршала Мармона въ Парижъ, въ Ессону явился полковникъ Гурго съ личными приказаніями императора. Узнавъ, что маршалъ не находился на своемъ посту, полковникъ въ удивленномъ, почти въ угрожающемъ тонѣ, спросилъ, кто заступаетъ его мѣсто, и получивъ отвѣтъ, что маршалъ сдалъ команду генералу Сугаму, отправился къ этому послѣднему. Не входя ни въ какія объясне-

Bayerische Staatsbibliothek München

нія, Гурго объявилъ Сугаму, что онъ долженъ тотчасъ-же отправиться въ Фонтенебло. Сугамъ былъ крайне смущенъ и озадаченъ какъ самимъ приказомъ, такъ и тономъ, въ которомъ онъ былъ переданъ. Ему представилось, что Наполеонъ узналъ о тайныхъ переговорахъ Мармона съ Шварценбергомъ, объ участіи, которое принимали въ этихъ переговорахъ генералы маршала и что онъ собирается теперь расправиться по своему съ измѣнниками. Смущеніе и страхъ Сугама возросли еще болѣе, когда спустя полчаса изъ Фонтенебло прискакалъ новый ординарецъ, съ письменнымъ приказаніемъ Наполеона, адресованнымъ на этотъ разъ на имя генерала Сугама, прибыть немедленно въ императорскую главную квартиру. Сугамъ никогда не отличался особенною проницательностью. Старый солдатъ, пережившій всѣ ужасы и насилія революціи, не преданный лично Наполеону, онъ считалъ императора способнымъ на самыя крайнія, насильственныя мѣры. Онъ поспѣшилъ сообщить свои опасенія остальнымъ дивизіоннымъ генераламъ, онъ сказалъ имъ, что Наполеонъ требуетъ его въ Фонтенебло лишь для того, чтобы предать его позорному наказанію, быть можетъ, смертной казни и что такая же участь ожидаетъ, безъ сомнѣнія, и ихъ, принимавшихъ такое же участіе въ рѣшеніяхъ маршала Мармона, какое принималъ и онъ самъ. Генералы, объятые страхомъ, не противорѣчили Сугаму. «Лучше убить дьявола», объявили они единодушно, «нежели дожидаться, пока онъ убьетъ насъ самихъ». Рѣшено было тотчасъ отвести войска къ Версали за линіи союзниковъ и предоставить себя въ распоряженіе временнаго правительства. Я прибылъ, закончилъ Фавье свой разсказъ, въ Ессону, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда было принято это роковое рѣшеніе. Я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ генералъ Сугамъ отдалъ приказъ аванпостамъ, расположеннымъ по дорогѣ въ Фонтенебло, хватать всѣхъ ординарцевъ, ѣдущихъ изъ императорской главной квартиры. Тщетно старался я убѣдить Сугама измѣнить свои рѣшенія, не предпринимать такого шага, который можетъ дѣйствительно навлечь на него ту страшную кару, предъ призракомъ которой трепещетъ онъ теперь безъ всякого разумнаго основанія.

Старый генералъ остался непоколебимъ. Страхъ окончательно ослѣпилъ его. На моихъ глазахъ войска шестого корпуса снялись съ своихъ позицій и двинулись по направленію къ Версали» [1]).

Разсказъ Фавье крайне изумилъ и озадачилъ всѣхъ маршаловъ. Они поняли, что поступокъ генераловъ шестого корпуса можетъ оказать самое гибельное вліяніе на исходъ ихъ миссіи. Они только что заявили императору Александру о единодушномъ желаніи всей арміи не признавать другаго государя, кромѣ короля Римскаго, а тутъ цѣлый корпусъ становится подъ знамена временнаго правительства, открыто и торжественно отрекается отъ имперіи и династіи Наполеона. Взоры всѣхъ уполномоченныхъ невольно обратились на Мармона, перваго виновника этого неожиданнаго инциндента. Маршалъ былъ, повидимому, глубоко потрясенъ страшною новостью. «Я погибъ», восклицалъ онъ ломая руки, «я обезчещенъ навсегда». Но его дѣйствія очевидно противорѣчили его словамъ. Вмѣсто того, чтобы поспѣшить тотчасъ же къ своимъ войскамъ и во-время остановить начатое ими движеніе, онъ терялъ время въ громкихъ, дѣланныхъ жалобахъ и въ совѣщаніяхъ съ своими товарищами [2]). Часы проходили и настало, наконецъ, утро. Отъ императора Александра явился адъютантъ; онъ пригласилъ маршаловъ прибыть немедленно къ государю. Мармонъ отправился съ своими товарищами. По дорогѣ онъ продолжалъ горько сѣтовать на свою судьбу, онъ повторялъ, что теперь все кончено, что все погибло какъ для него, такъ и для Наполеона и его династіи.

[1]) Подробности этого важнаго событія см., во-первыхъ, въ мемуарахъ маршала Мармона, который въ данномъ случаѣ отличается, впрочемъ, большою сдержанностью, а затѣмъ у Коха и Тьера, пользовавшихся всѣми доступными матеріалами.

[2]) Мармонъ не говоритъ въ своихъ мемуарахъ ни слова о впечатлѣніи, произведенномъ на него разсказомъ Фавье; но онъ утверждаетъ, что онъ хотѣлъ тотчасъ же отправиться къ своимъ войскамъ, когда явился иностранный (?) офицеръ, посланный къ императору Александру, съ извѣстіемъ, что въ эту минуту шестой корпусъ долженъ прибыть уже въ Версаль. Этотъ разсказъ Мармона совершенно опровергается показаніями его товарищей, какъ это видно изъ дальнѣйшаго изложенія нашего въ текстѣ.

Императоръ Александръ, окруженный королемъ прусскимъ и министрами коалиціи, принялъ маршаловъ и на этотъ разъ съ такою же изысканною любезностью, какъ и въ минувшій вечеръ. Государь говорилъ отъ имени всѣхъ своихъ союзниковъ. Онъ объявилъ, что объ оставленіи Наполеона на престолѣ Франціи не можетъ быть и рѣчи, но онъ не отрицалъ возможности признанія короля римскаго и регентства Маріи-Луизы. Маршалы, обрадованные словами государя, поспѣшили повторить всѣ свои вчерашніе доводы. Они вновь высказались самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ реставраціи Бурбоновъ, говорили о тѣхъ значительныхъ силахъ, кои находятся въ распоряженіи Наполеона и еще разъ заявили о своей готовности отстаивать всѣми силами права короля Римскаго. Доводы маршаловъ не остались и на этотъ разъ безъ впечатлѣнія. Александръ видимо колебался въ своихъ рѣшеніяхъ. Онъ медлилъ отвѣтомъ и посматривалъ вопросительно то на своихъ союзниковъ, то на уполномоченныхъ Наполеона. Въ эту минуту государю доложили о прибытіи адъютанта изъ Версали съ важными донесеніями. То былъ русскій офицеръ, прибывшій съ депешею отъ князя Шварценберга. Подойдя къ государю, офицеръ подалъ ему письмо и сказалъ въ полголоса нѣсколько словъ. Государь пробѣжалъ депешу. «Весь корпусъ?» спросилъ онъ офицера по-русски. «Да, государь!» отвѣчалъ тотъ. Коленкуръ, понимавшій немного по-русски, понялъ, что рѣчь идетъ объ отложеніи корпуса Мармона. «Теперь все погибло», сказалъ онъ шопотомъ своимъ товарищамъ. Александръ помолчалъ съ минуту. «Господа, я долженъ оставить васъ на короткое время», сказалъ онъ маршаламъ. «Мнѣ необходимо переговорить съ моими союзниками». Съ этими словами Александръ вышелъ изъ залы, сопровождаемый королемъ прусскимъ и министрами.

Уже черезъ нѣсколько минутъ государь возвратился къ уполномоченнымъ. Твердая рѣшимость виднѣлась на челѣ его. «Слѣдуетъ отказаться отъ регентства», сказалъ онъ твердымъ голосомъ. «Одни Бурбоны могутъ удовлетворить рѣшеніямъ Франціи и Европы. Къ тому же настроеніе арміи вовсе не такъ единодушно, какъ вы только что утверждали. Одна часть

ея не хочетъ знать Наполеона. Я сейчасъ получилъ извѣстіе, что весь корпусъ герцога Рагузскаго оставилъ императорское знамя и перешелъ на сторону временнаго правительства. Въ эту минуту, когда я говорю эти слова, войска шестого корпуса переходятъ черезъ нашу линію. По всей вѣроятности и прочія войска послѣдуютъ этому примѣру. Мы озаботимся о соблюденіи чести и выгодъ вашей арміи. Что же касается до Наполеона, то пусть онъ будетъ увѣренъ, что съ нимъ и съ его семействомъ поступятъ сообразно его высокому сану». Кто-то изъ маршаловъ отважился высказать сомнѣніе въ возможности измѣны корпуса Мармона, хотя каждому изъ нихъ извѣстна была уже истина изъ разсказа Фавье. «Прочитайте же сами господа!» сказалъ государь маршаламъ, передавая имъ депешу князя Шварценберга. Въ депешѣ значилось, что всѣ полки корпуса Мармона покинули свои позиціи и идутъ поспѣшно къ Версали. Маршалы молчали. Они поняли, что всѣ дальнѣйшія возраженія невозможны; судьба Наполеонидовъ была рѣшена безповоротно [1]).

Александръ спѣшилъ смягчить для уполномоченныхъ тяжесть только что пережитаго ими момента. Онъ обратился къ маршаламъ съ лестными для каждаго изъ нихъ замѣчаніями. Онъ выразилъ свое глубокое уваженіе къ Макдональду и осыпалъ похвалами храбрѣйшаго изъ храбрыхъ. Ней былъ окончательно очарованъ любезностью Александра. Его преданность Наполеонидамъ, его готовность защищать права короля Римскаго растаяли какъ снѣгъ подъ лучами полуденнаго солнца. Забывъ все, только что сказанное имъ, онъ объявилъ, что онъ беретъ на себя объявить Наполеону рѣшеніе союзныхъ государей и убѣдить его отречься безусловно отъ престола. Отпустивъ остальныхъ маршаловъ, Александръ задержалъ на нѣсколько времени Коленкура. Въ откровенной бесѣдѣ съ

[1]) Подробности всей этой сцены засвидѣтельствованы документально не только показаніями Наполеоновскихъ маршаловъ (см. Тьеръ, T. XVII, стр. 739—740, при чемъ авторъ замѣчаетъ: Je parle d'aprês le temoignage écrit des hommes les plus dignes de foi, et les moins hostiles au marechal Marmont et aux Bourbons), но и показаніями оффиціальнаго свойства съ русской стороны. См. Apercu de la politique du cabinet de Russie, стр. 408.

нимъ государь повторилъ еще разъ свои обѣщанія относительно Наполеона и его семейства. «Я поступилъ, быть можетъ, нѣсколько опрометчиво», сказалъ онъ, «обѣщавъ Наполеону островъ Эльбу, но теперь я долженъ сдержать свое обѣщаніе. Что касается до Маріи-Луизы и ея сына, то имъ предоставлено будетъ владѣтельное княжество въ Италіи. Французское правительство должно будетъ ассигновать на содержаніе Наполеона нѣсколько милліоновъ франковъ ежегодно». Прощаясь съ Коленкуромъ, государь просилъ его употребить все свое личное вліяніе на Наполеона и убѣдить его какъ можно скорѣе покориться необходимости [1]).

По выходѣ отъ императора Александра Коленкуръ, Макдональдъ и Ней поспѣшили возвратиться къ Наполеону. Мармонъ же отправился къ Талейрану, гдѣ его ожидало самое отборное общество. Маршалъ явился, видимо смущенный, онъ ожидалъ встрѣтить здѣсь если и не упреки, то сомнительныя, колкія замѣчанія на счетъ своего образа дѣйствія. Онъ самъ не понималъ, какую громадную услугу оказалъ онъ сторонникамъ бурбонской реставраціи. Пріемъ, сдѣланный ему въ салонѣ Талейрана, раскрылъ ему, наконецъ, глаза. Его встрѣтили какъ героя, какъ спасителя Франціи. Всѣ спѣшили протѣсниться къ нему, пожать его руку, поздравить его съ его спасительнымъ рѣшеніемъ. Мармонъ въ началѣ стѣснялся принимать эти поздравленія, эти комплименты; онъ готовъ былъ даже протестовать противъ заслугъ, приписываемыхъ ему; но мало по-малу онъ началъ входить въ свою новую роль. Онъ сталъ выслушивать сыпавшіяся на него со всѣхъ сторонъ льстивыя хвалы какъ должную дань, подобающую человѣку, принесшему въ жертву за спасеніе отечества всего себя, не исключая личной чести.

Веселое, праздничное настроеніе возрастало съ минуты на

[1]) «Puis il congedia M. de Caulaincourt en le pressant de revenir au plus tôt avec les pouvoirs de son maitre afin d'achever cette négociation, car d'heure en heure la situation de Napoleon perdait ce que gagnait celle des Bourbons, et les dédommagements, qu'on etait disposè à lui accorder devaient en être fort amòindris» Тьеръ, T. XVII, стр. 741—742.

минуту въ пестрой толпѣ, наполнявшей салоны Талейрана, когда внезапно распространилось извѣстіе, омрачившее радость новыхъ и старыхъ роялистовъ. Разнесся слухъ, что въ средѣ шестого корпуса вспыхнуло возмущеніе, что солдаты отказались повиноваться далѣе своимъ генераламъ, что они хотятъ возвратиться къ Наполеону. Слухъ этотъ не замедлилъ подтвердиться. Едва только солдаты увидѣли, что союзники пропустили ихъ безъ выстрѣла черезъ свои линіи, какъ въ средѣ ихъ поднялся сильный ропотъ, перешедшій вскорѣ въ открытый бунтъ. Солдаты кричали, что ихъ продали, что ихъ выдали непріятелямъ, они обвиняли въ измѣнѣ своихъ генераловъ и хотѣли расправиться съ ними по своему. Пораженные страхомъ, Сугамъ и его товарищи спѣшили спастись бѣгствомъ. Движеніе охватило моментально всѣ полки; младшіе офицеры увлечены были всеобщимъ потокомъ мятежа. Войска повернули назадъ отъ Версали и устремились безпорядочными толпами по направленію къ Ессонѣ.

Самъ по себѣ этотъ военный мятежъ не имѣлъ особеннаго значенія и не могъ оказать ни малѣйшаго вліянія на общій ходъ событій. Что могъ сдѣлать 12000 отрядъ, окруженный со всѣхъ сторонъ большими массами союзныхъ войскъ? Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что солдаты Мармона были бы истреблены до послѣдняго человѣка при первой же попыткѣ прорваться через союзныя линіи. Князь Шварценбергъ принялъ уже на этотъ случай всѣ необходимыя мѣры. Корпусъ Мармона окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ страшнымъ желѣзнымъ кольцемъ, разорвать которое не было никакой возможности. Не было, слѣдовательно, надобности бояться мятежныхъ солдатъ 6-го корпуса и придавать ихъ безумной попыткѣ какое бы то ни было значеніе. Но не даромъ же говоритъ пословица, что у страха глаза велики и что на ворѣ шапка горитъ. Салонные политики и продажныя души, собравшіяся вокругъ Талейрана, перепугались до смерти, услыхавъ о солдатскомъ бунтѣ въ Версали. Имъ вдругъ начали представляться всевозможные ужасы. Они не сомнѣвались, что мятежники успѣютъ пробиться черезъ ряды союзныхъ войскъ, что они увлекутъ своимъ примѣромъ всю наполеоновскую

армію, что они поднимутъ населеніе Парижа и погребутъ ихъ всѣхъ подъ развалинами столицы.

Ослѣпляемые такими нелѣпыми фантазіями, политики и роялисты обратились съ настоятельными просьбами къ Мармону спасти ихъ отъ неминуемой катастрофы и достойно завершить новымъ актомъ самоотверженія свои геройскіе гражданскіе подвиги. Мармонъ, какъ испытанный вождь, не раздѣлялъ преувеличенныхъ опасеній политиковъ [1]), но онъ тотчасъ-же понялъ, что судьба посылаетъ ему неожиданный случай оказать дѣйствительную услугу Франціи и старой королевской династіи. Если кто либо, то только онъ одинъ могъ возстановить порядокъ и дисциплину въ рядахъ мятежныхъ солдатъ и тѣмъ самымъ спасти ихъ отъ вѣрной гибели. Не теряя ни минуты времени, маршалъ поспѣшилъ въ Версаль. У городской заставы онъ встрѣтилъ всѣхъ своихъ генераловъ, но войска уже были на походѣ по направленію къ Рамбулье. Мармонъ объявилъ генераламъ, что онъ намѣренъ догнать войска и возвратить ихъ къ порядку. Генералы предостерегали маршала. «Берегитесь», сказалъ ему генералъ Компанъ, «солдаты будутъ стрѣлять въ васъ». «Поступайте, какъ знаете», отвѣчалъ имъ маршалъ, «оставайтесь здѣсь, если находите это удобнымъ. Что же касается до меня, то мое рѣшеніе принято. Черезъ часъ, я или не буду существовать, или возстановлю мой авторитетъ».

Мармонъ дѣйствовалъ, однакоже, чрезвычайно осторожно. Онъ слѣдовалъ за колонною на почтительномъ разстояніи. «Я встрѣчалъ», говоритъ онъ, «по дорогѣ множество отсталыхъ, пьяныхъ солдатъ. Видно было, что войска находились въ крайне возбужденномъ состояніи; надо было дать имъ время одуматься». Черезъ нѣсколько времени Мармонъ послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ съ приказаніемъ развѣдать настроеніе солдатъ. Адъютантъ возвратился съ донесеніемъ, что сол-

[1]) Мармонъ боялся только за свой корпусъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ его словъ: La demarche, faite etait irrèparable, et le mal d'autant plus grand, que, aucune convention n'avait ète arrètee, avec le général ennemi. Les troupes se trouvaient ainsi a la merci des etrangers, et non—seulment celles qui s'étaient detàchées, mais encore celles qui entouraient l'empereur, qui n'etaient plus convertes». Marmont, Memoires, T. 6, стр. 265.

даты видимо успокоились, что въ средѣ ихъ не слышно болѣе мятежныхъ криковъ, что они идутъ впередъ, молча. Мармонъ отправилъ второго адъютанта, приказавъ ему объявлять повсюду о его скоромъ прибытіи. Спустя полчаса поскакалъ третій адъютантъ. Онъ привезъ войскамъ приказаніе Мармона немедленно остановиться, а офицерамъ собраться на лѣвомъ флангѣ. Войска повиновались. Подъѣхавъ къ колоннѣ, маршалъ собралъ вокругъ себя офицеровъ и обратился къ нимъ съ рѣчью. Онъ спросилъ ихъ, съ которыхъ поръ они перестали довѣрять ему? «Развѣ я не переносилъ вмѣстѣ съ вами всѣхъ лишеній и нуждъ, развѣ вы не видѣли меня впереди васъ всѣхъ въ бояхъ и опасностяхъ?» сказалъ онъ имъ. Онъ напомнилъ имъ о тѣхъ доказательствахъ взаимной преданности, которыя даны были ими другъ другу. Онъ говорилъ съ чувствомъ, съ одушевленіемъ. «Вамъ сказали, что вы преданы непріятелю, что васъ обезоружатъ. Но развѣ честь ваша и жизнь ваша не были для меня всегда столь-же дороги, какъ моя собственная честь и жизнь? Развѣ вы не составляли всегда мою семью, мою любимую семью?»

Слова Мармона произвели сильное впечатлѣніе на офицеровъ. Мармонъ пользовался дѣйствительно большою популярностью среди своего корпуса. Солдаты и офицеры довѣряли ему безусловно. Уже одно его появленіе произвело успокоивающее впечатлѣніе, а его слова, повторенныя нѣсколько разъ, сначала передъ различными группами офицеровъ, а потомъ и передъ рядами солдатъ, быстро измѣнили настроеніе всего корпуса. Съ криками: «да здравствуетъ маршалъ, да здравствуетъ герцогъ Рагузскій!» прошли всѣ полки передъ Мармономъ. Маршалъ тотчасъ же лично отвелъ ихъ на мѣста, назначенныя для ихъ расквартированія и довольный своимъ быстрымъ и полнымъ успѣхомъ, возвратился обратно въ Парижъ [1]). Онъ проѣхалъ прямо въ отель Талейрана, гдѣ его ожидали самыя восторженныя оваціи. «Всѣ поздравляли, всѣ превозносили меня», разсказываетъ онъ въ своихъ мемуарахъ, «всякій разспраши-

[1]) Всѣ подробности объ усмиреніи мятежа см. въ мемуарахъ Мармона, T. VI, стр. 266—268.

валъ меня о подробностяхъ случившагося» [1]). Однимъ словомъ восторгъ роялистовъ не зналъ предѣловъ. Мармонъ былъ въ ихъ глазахъ величайшимъ героемъ дня.

Уполномоченные Наполеона спѣшили между тѣмъ въ Фонтенебло съ роковою вѣстью. Императоръ не былъ окончательно подавленъ извѣстіемъ объ отложеніи корпуса Мармона, какъ казалось это въ первыя минуты. Онъ вскорѣ вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія и началъ составлять новые планы. Ему должно было быть хорошо извѣстно, что въ его распоряженіи находится теперь всего лишь 22,000 ч., но онъ преувеличивалъ эти силы до 50 тысячъ, обманывалъ самого себя, толковалъ по прежнему о соединеніи съ Ожеро, Сюше, Сультомъ, о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Утромъ 5-го апрѣля онъ вдругъ остановился на новой мысли. Ему пришло въ голову броситься съ своими войсками въ Италію и соединиться тамъ съ вице-королемъ Евгеніемъ, на вѣрность котораго онъ полагался безусловно. «Если я только захочу и явлюсь туда», говорилъ онъ, обращаясь къ герцогу Басіано, «то вся Италія признаетъ меня и послѣдуетъ за мною». Но явиться одному въ Италію Наполеонъ находилъ неудобнымъ, онъ хотѣлъ увлечь туда за собою и свои войска. «Позовите мнѣ маршала Удино», сказалъ онъ послѣ долгаго раздумья. Удино явился. «Какъ вы думаете, маршалъ», спросилъ его Наполеонъ, «послѣдуютъ ли за мною войска?» «Нѣтъ государь», отвѣчалъ маршалъ, «вѣдь вы отреклись отъ престола».— «Но я отрекся лишь подъ извѣстными условіями», возразилъ Наполеонъ. «Солдаты не дѣлаютъ такихъ различій», замѣтилъ маршалъ, «они полагаютъ, что вы не можете командовать ими болѣе». «Тогда здѣсь значитъ все кончено», сказалъ Наполеонъ, видимо смущенный. «Посмотримъ какія новости придутъ изъ Парижа» [2]).

Новости эти не заставили ждать себя. Маршалъ Ней, уѣзжая изъ Парижа, далъ Талейрану слово, что онъ вернется изъ Фонтенебло на слѣдующій же день съ полнымъ и безу-

[1]) Мармонъ, Мемуары, Т. VI, стр. 269.
[2]) Онкенъ, Т. II, стр. 808.

словнымъ отреченіемъ Наполеона. Горя нетерпѣніемъ сдержать какъ можно скорѣе обѣщаніе, Ней опередилъ на пути своихъ товарищей и первый явился въ Фонтенебло.

Наполеонъ принялъ маршала крайне холодно. «Что новаго», сказалъ онъ ему. «Имѣли ли вы успѣхъ?»

«Отчасти государь», отвѣчалъ Ней, «но только не по вопросу о регентствѣ. Революціи никогда не текутъ обратно; а эта пошла своимъ путемъ. Мы явились поздно; завтра сенатъ превозгласитъ Бурбоновъ».—И Ней распространился подробно о переговорахъ съ союзными государями, упомянулъ о блеснувшей было одно время надеждѣ на полный успѣхъ и добавилъ, что неожиданная измѣна шестого корпуса дала совершенно иной оборотъ дѣлу.

Наполеонъ какъ будто не слушалъ разсказа маршала. Лицо его оставалось спокойнымъ и неподвижнымъ, какъ мраморъ. Онъ сумѣлъ вполнѣ овладѣть собою въ эти минуты. Онъ не выдалъ себя ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ, въ присутствіи человѣка, къ которому онъ питалъ въ душѣ безграничное презрѣніе.

«А гдѣ же буду жить я съ моимъ семействомъ?» спросилъ онъ маршала съ тономъ холодной ироніи.

«Гдѣ вамъ будетъ угодно, государь», отвѣчалъ Ней, «напримѣръ на островѣ Эльбѣ. Вы будете получать шесть милліоновъ франковъ ежегодно».

«Шесть милліоновъ», возразилъ Наполеонъ, «о это слишкомъ много. Что я буду съ ними дѣлать? Я не издерживаю и луидора въ день. Я опять простой солдатъ. Я прощаюсь съ моими товарищами по оружію. Желаю имъ всевозможнаго счастья. Я хотѣлъ сдѣлать Францію счастливою. Я вижу, что я ошибался» [1]). Сказавъ эти послѣднія слова, Наполеонъ далъ Нею

[1]) Этотъ разговоръ Наполеона съ Неемъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ онъ засвидѣтельствованъ источникомъ, вполнѣ достовѣрнымъ, почти оффиціальнымъ. См. Apercu de la politique du cabinet de la Russie, стр. 408. Тьеръ въ этомъ случаѣ довольствуется общими фразами и замѣчаетъ о поведеніи Нея: «Однакоже онъ не удалился отъ уваженія, къ которому онъ былъ обязанъ предъ повелителемъ, предъ коимъ онъ и его товарищи по оружію привыкли склонять голову». Тотчасъ же по уходѣ отъ Наполеона, Ней написалъ письмо Талей-

знакъ рукою, чтобы онъ оставилъ его одного. Маршалъ поспѣшилъ удалиться.

Отославъ Нея, Наполеонъ, утомленный страшными потрясеніями истекшаго дня, погрузился въ глубокій сонъ, но уже черезъ часъ его разбудили извѣстіемъ о пріѣздѣ Макдональда и Коленкура. Наполеонъ тотчасъ-же принялъ обоихъ маршаловъ. Въ почтительныхъ, мягкихъ выраженіяхъ сообщили они ему о результатахъ своей миссіи. Отреченіе и отреченіе безусловное было теперь, по ихъ словамъ, единственнымъ средствомъ обезпечить будущность какъ самого императора, такъ и его семейства.

«Но у меня остается еще такъ много «средствъ», возразилъ Наполеонъ, «неужели я долженъ принять это крайнее предложеніе? А Евгеній, продолжалъ онъ, возвышая голосъ, Ожеро, Сюше, Сультъ, а пятьдесятъ тысячъ здѣсь, неужели, по вашему, все это ничего не значитъ? А впрочемъ, мы увидимъ, до завтра, господа. Теперь уже поздно».

Маршалы удалились, но уже черезъ нѣсколько минутъ Наполеонъ потребовалъ къ себѣ вновь Коленкура. Въ разговорѣ съ этимъ человѣкомъ, наиболѣе ему близкимъ, онъ далъ полную волю чувствамъ, накипѣвшимъ въ его груди. Онъ разсыпался въ рѣзкихъ укоризнахъ противъ своихъ маршаловъ. «О люди, люди», воскликнулъ онъ съ горечью. «Маршалы краснѣютъ, говоря о поступкѣ Мармона, а развѣ они поступили лучше?—Если бы эти презрѣнные не оставили меня, я измѣнилъ бы положеніе дѣлъ въ теченіи четырехъ часовъ, я поднялъ бы падшее величіе Франціи... А теперь что дѣлать? У меня остается еще 150,000 ч., но мнѣ пришлось бы отступить за Луару, увлечь за собою непріятеля, продлить до безконечности страданія и разореніе Франціи, испытать вѣрность многихъ, которые можетъ быть выдержатъ испы-

рану, въ которомъ выражался слѣдующимъ образомъ: «L'empereur Napoleon, convaincu de la position critique où il avait placé la France, et de l'impossibilite, ou il se trouvait de la sauver lui même, paraissait dècidé à donner son abdication pure et simple». Нельзя отрицать, что маршалъ имѣлъ право говорить такъ послѣ своей бесѣды съ Наполеономъ.

таніе не лучше Мармона, и все это для того, чтобы продлить царствованіе, которое приблизилось къ своему концу. Нѣтъ; у меня нѣтъ болѣе силъ для этого! Есть, правда, возможность продлить борьбу. Я имѣю извѣстія, что крестьяне въ Лотарингіи, Шампани, Бургони избиваютъ мелкіе отряды союзниковъ. Еще нѣсколько дней и весь народъ возстанетъ противъ иноземцевъ. Парижанамъ надоѣстъ великодушіе Александра. Государь этотъ мастеръ соблазнять, онъ нравится женщинамъ, но столько милостей изъ рукъ побѣдителя возмутитъ, наконецъ, національное чувство. А затѣмъ придутъ Бурбоны и съ ними Богъ знаетъ что. Они принесутъ съ собою внѣшній миръ и внутреннюю войну. Посмотрите, что они сдѣлаютъ съ страною черезъ годъ. Они не продержатъ Талейрана и шести мѣсяцевъ. Но въ настоящую минуту—мое имя, мой мечъ наводятъ на всѣхъ страхъ. Уступимъ необходимости. Я велю сейчасъ позвать маршаловъ. Посмотрите, какъ они обрадуются, узнавъ о моемъ отреченіи, узнавъ, что они получатъ теперь возможность поступить подобно Мармону, не рискуя при этомъ своею честью».

Наполеонъ началъ говорить спокойнѣе. Онъ объявилъ, что для себя лично онъ готовъ принять островъ Эльбу, но что онъ желалъ бы, чтобы его сынъ и его жена получили, по крайней мѣрѣ, Тоскану. Коленкуръ возразилъ, что о Тосканѣ не можетъ быть и рѣчи, но что, благодаря великодушію Александра, король Римскій получитъ Парму. «Какъ?» прервалъ его Наполеонъ. «Неужели въ обмѣнъ за французскую имперію ему не дадутъ даже Тоскану?» —Но онъ не настаивалъ далѣе на этомъ требованіи. Онъ заговорилъ объ императрицѣ Іозефинѣ, Евгеніи Богарне, королевѣ Гортензіи и выразилъ надежду, что участь ихъ будетъ обезпечена. Затѣмъ Наполеонъ обратился къ болѣе общимъ вопросамъ. Онъ замѣтилъ, что ему хотѣлось бы сдѣлать что нибудь для Франціи и для арміи. «Нельзя ли исправить, напримѣръ, хотя сколько нибудь границы Франціи» сказалъ онъ. «Нельзя ли гарантировать для арміи всѣ ея преимущества, какъ то чины, титулы, пожалованія?» Коленкуръ возразилъ почтительно, что Наполеонъ, отрекаясь отъ престола, теряетъ съ тѣмъ вмѣстѣ

право вести переговоры объ этихъ предметахъ, что онъ долженъ предоставить это дѣло временному правительству и Бурбонамъ.

«Но», замѣтилъ Наполеонъ, «развѣ это временное правительство располагаетъ какою нибудь иною силою кромѣ той, которую предоставляю я ему, удерживаясь здѣсь, въ Фонтенебло, съ остатками моей арміи? Если бы я сдался съ моею арміею, то правительство было бы осуждено на полнѣйшее безсиліе. Его не стали бы слушать; оно принуждено бы было покориться безусловно».

«Все это вѣрно, государь», отвѣчалъ Коленкуръ, «но положеніе ваше таково, что вамъ остается лишь хлопотать о самомъ себѣ и о своемъ семействѣ».

Наполеонъ вспыхнулъ! «И такъ, мнѣ предоставляютъ трактовать только о жалкихъ денежныхъ интересахъ», воскликнулъ онъ съ горечью.— «Но это недостойно меня! Коленкуръ, займитесь обезпеченіемъ моего семейства. Мнѣ лично, не нужно ничего! Пусть мнѣ назначутъ пенсію инвалида, этого будетъ достаточно!» [1])

Покончивъ бесѣду съ Коленкуромъ, Наполеонъ занялся составленіемъ акта своего безусловнаго отреченія, вслѣдъ за тѣмъ онъ велѣлъ позвать всѣхъ маршаловъ, находившихся въ Фонтенебло. Они явились, не подозрѣвая, что все уже кончено, что цѣль ихъ желаній достигнута. Наполеонъ не спѣшилъ вывести ихъ изъ заблужденія. Онъ далъ имъ высказать еще разъ свои столько разъ повторенные доводы и не безъ злорадства выслушивалъ ихъ заявленія объ утомленіи арміи, о не желаніи ея проливать далѣе кровь за дѣло погибшее безповоротно, о необходимости кончить и т. д.

«Успокойтесь господа», прервалъ ихъ вдругъ Наполеонъ. «Ни вамъ, ни арміи не придется болѣе проливать крови. Я согласенъ на безусловное отреченіе. Я хотѣлъ обезпечить престолъ за моимъ сыномъ столько же ради васъ, сколько и

[1]) Весь этотъ разговоръ по Тьеру, который въ данномъ случаѣ пользовался не только рукописными замѣтками Коленкура, но и свидѣтельствами другихъ лицъ, стоявшихъ въ это время очень близко, къ Наполеону. См. Тьеръ, Т. XVII, стр. 750—756.

ради моей семьи. Я полагалъ, что такое рѣшеніе было бы выгоднѣе для васъ, нежели для меня самого. Вамъ пришлось бы жить подъ властью правительства, вполнѣ соотвѣтствующаго и вашему происхожденію, и вашимъ чувствамъ и вашимъ интересамъ. Это было возможно, но недостойная измѣна лишила васъ положенія, которое стремился я предоставить вамъ. Безъ отложенія 6-го корпуса мы добились бы этого, добились бы и многаго другого, мы подняли бы Францію. Но суждено было иначе. Я покоряюсь моей судьбѣ, покоритесь вы своей. Примиритесь съ мыслью жить подъ властью Бурбоновъ и служите имъ вѣрно. Вы добивались покоя—вы будете имѣть его. Но смотрите! Дай Богъ, чтобы мои предчувствія обманывали меня. Наше поколѣніе не создано для отдыха! Миръ, котораго добиваетесь вы такъ страшно, можетъ оказаться для васъ гибельнѣе войны. Онъ будетъ пожирать васъ на мягкихъ пуховыхъ постеляхъ скорѣе и безпощаднѣе, нежели пожирала васъ война на нашихъ бивуакахъ».

Произнесши эти послѣднія слова печальнымъ, торжественнымъ тономъ, Наполеонъ твердымъ голосомъ прочелъ актъ своего безусловнаго отреченія. Онъ былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Союзныя державы объявили, что императоръ Наполеонъ составляетъ единственное препятствіе къ возстановленію мира въ Европѣ. Императоръ Наполеонъ, вѣрный даннымъ имъ обѣтамъ, объявляетъ, что онъ отрекается за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ престоловъ Франціи и Италіи, ибо нѣтъ той личной жертвы, не исключая и самой жизни, которую онъ не готовъ бы былъ принести для блага Франціи» [1]).

Маршалы держали себя также безтактно при прочтеніи этого акта, какъ и въ первый разъ, когда Наполеонъ сообщилъ имъ о своемъ отреченіи въ пользу сына. И теперь зала огласилась шумными восклицаніями съ достаточною долею поддѣльнаго энтузіазма. И теперь люди, оставившіе съ такимъ

[1]) Рѣчь Наполеона маршаламъ, и актъ безусловнаго отреченія у Тьера, Т. XVII, стр. 757.

легкимъ сердцемъ своего повелителя и благодѣтеля, люди. чуждые всякихъ нравственныхъ, чистыхъ побужденій, осмѣливались превозносить великодушіе Наполеона и объявлять ему въ глаза, что никогда не былъ онъ такъ великъ, какъ въ эту минуту своей жизни. Наполеонъ выслушалъ молча эти заявленія, хорошо понимая ихъ настоящій источникъ. Быть можетъ, онъ понялъ въ этотъ моментъ, что онъ не имѣлъ права ожидать чего либо лучшаго отъ своихъ слугъ. Величайшій эгоистъ въ мірѣ, онъ самъ воспиталъ этихъ людей въ низкомъ чувствѣ ограниченнаго себялюбія, онъ самъ своимъ примѣромъ искоренилъ въ нихъ всѣ зародыши болѣе чистаго, возвышеннаго чувства.

Наполеонъ превосходно выдержалъ до конца свою роль въ этотъ тяжелый для него день. Спокойно и холодно, не давая воли своему чувству, воздерживаясь отъ излишнихъ и недостойныхъ жалобъ или упрековъ, простился онъ съ маршалами, спокойно распорядился на счетъ дальнѣйшаго веденія переговоровъ и вручилъ актъ своего отреченія Коленкуру. Герцогъ долженъ былъ немедленно отправиться въ Парижъ въ сопровожденіи маршаловъ Макдональда и Нея. Онъ долженъ былъ явиться къ императору Александру, но не передавать ему акта до тѣхъ поръ, пока не будетъ составленъ и подписанъ трактатъ, обезпечивающій какъ личную судьбу самого императора, такъ и участь его семейства. При прощаньи Наполеонъ дружески пожалъ руку Коленкуру, онъ просилъ его еще разъ не щадить усилій только бы добиться лучшихъ условій для его сына, и для его близкихъ.

Въ Парижѣ Коленкура и Макдональда ожидалъ странный сюрпризъ. Едва только уполномоченные вошли къ императору Александру, какъ государь быстрыми шагами подошелъ къ маршалу Нею, пожалъ ему руку и объявилъ ему, что услуга, оказанная имъ теперь отечеству, не менѣе велика, какъ и всѣ другіе подвиги его жизни [1]). Коленкуръ и Макдональдъ поражены были изумленіемъ. Они не подозрѣвали, что Ней успѣлъ уже написать письмо Талейрану тотчасъ же

[1]) Тьеръ, Т. XVII, стр. 760.

послѣ своей первой аудіенціи въ Фонтенебло, въ которомъ извѣщалъ, что онъ одинъ, безъ содѣйствія своихъ товарищей, успѣлъ добиться полнаго и безусловнаго отреченія Наполеона. Въ первый моментъ Коленкуръ и Макдональдъ рѣшительно не могли понять почему государь обратился прежде всего къ Нею, а не къ Коленкуру, первому уполномоченному Наполеона. Дѣло разъяснилось для нихъ лишь послѣ аудіенціи, когда они потребовали объясненій отъ Нея. Теперь въ присутствіи императора всероссійскаго было не время улаживать личныя недоразумѣнія. Государь съ своей стороны замѣтилъ смущеніе Коленкура и Макдональда. Онъ подошелъ къ нимъ и въ сердечныхъ выраженіяхъ благодарилъ ихъ за содѣйствіе, оказанное ими въ такомъ великомъ и серьёзномъ вопросѣ. Ознакомившись съ актомъ отреченія и выслушавъ объясненія Коленкура объ условіяхъ, предъявленныхъ Наполеономъ, Александръ объявилъ, что ни одно изъ этихъ условій не можетъ возбудить серьёзныхъ затрудненій. Что касается острова Эльбы, то союзники его, правда, возстаютъ противъ такой уступки, но онъ считаетъ себя связаннымъ словомъ, даннымъ Коленкуру и во всякомъ случаѣ настоитъ на исполненіи своего обѣщанія. Королю римскому и его матери представлено будетъ самостоятельное княжество въ Италіи, тѣмъ болѣе, что Австрія пріобрѣтетъ такъ много земель въ Италіи, что навѣрное не станетъ торговаться съ своею собственною эрцгерцогинею. Братья Наполеона, его первая супруга, его пріемныя дѣти, принцъ Евгеній и королева Гортензія и вообще всѣ члены фамиліи Бонапарте будутъ обезпечены соотвѣтственно своему сану. «Я поручаю защиту интересовъ фамиліи Бонапарте, добавилъ государь, моему министру Нессельроде, а во всѣхъ важныхъ случаяхъ разрѣшаю обращаться лично ко мнѣ».

Отпустивъ маршаловъ, Александръ удержалъ у себя Коленкура и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ распространился о положеніи Наполеона, говорилъ съ видимымъ участіемъ о его несчастіи и замѣтилъ, что слѣдуетъ поспѣшить заключеніемъ трактата, ибо ничто не возрастаетъ такъ быстро въ эти дни, какъ низость бывшихъ слугъ Наполеона и самозабвеніе роя-

листовъ. Коснувшись этой послѣдней темы, Александръ заговорилъ о Бурбонахъ. Онъ выражалъ свое изумленіе по поводу недостойныхъ выходокъ роялистовъ и не скрывалъ своихъ опасеній на счетъ будущаго спокойствія Франціи и Европы. «До сихъ поръ», замѣтилъ онъ, «намъ приходилось бороться съ безумными завоевательными стремленіями Наполеона, теперь намъ предстоитъ новая тяжелая борьба съ сумасшедшими реакціонными стремленіями роялистовъ». Прощаясь съ Коленкуромъ, государь еще разъ увѣрилъ его въ своемъ неизмѣнномъ, личномъ расположеніи и вновь подтвердилъ обѣщаніе сдѣлать съ своей стороны все для облегченія участи Наполеона [1]).

[1]) Тьеръ, Т. XVII, стр. 761.

ГЛАВА II.

Кандидаты на мѣсто Наполеона.—Бернадоттъ, его измѣннические происки и честолюбивые планы.—Александръ рѣшается проучить Гасконца.—Миссія, возложенная на Поццо-ди-Борго.—Дружескій обѣдъ и неожиданное открытие.—Сенатъ составляетъ новую конституцію для Франціи.—Публика начинаетъ забывать Наполеона.—Дипломаты возстаютъ противъ условій, дарованныхъ Наполеону Александромъ.—Государь намѣренъ сдержать во что-бы то ни стало данное слово.—Двусмысленное поведеніе Наполеона.—Безпорядки въ Фонтенебло.—Договоръ союзниковъ съ Наполеономъ.—Шифрованное письмо и новыя иллюзіи Наполеона.—Наполеонъ говоритъ о своихъ маршалахъ и министрахъ.—Его страхъ и отчаяніе.—Мысль о самоубійствѣ.—Легенда и дѣйствительность.—Внезапная перемѣна въ настроеніи Наполеона.—Мечты о новой жизни.—Марія Луиза и послѣдняя миссія Коленкура.—Наполеонъ собирается въ изгнаніе.—Союзные коммиссары.—Графъ П. А. Шуваловъ и инструкціи императора Александра.—Наполеонъ принимаетъ коммиссаровъ.—Спутники Наполеона.—Новыя колебанія Наполеона.—Его бесѣды съ гр. Коллеромъ и Кемпбелемъ.—Прощаніе съ гвардіею, выѣздъ изъ Фонтенебло.—Первые дни путешествія.—Самообольщеніе Наполеона и предостереженіе гр. Коллера.—Первые признаки бури.—Встрѣча съ Ожеро.—Сцены въ Авиньонѣ.—Оргонская висилица.—Страхъ Наполеона.—Его одинокое бѣгство.—Корчма въ Ла-Каладѣ.—Страшная хозяйка.—Маскарадъ.—Кламъ и его открытые приказы.—Наполеонъ пробираетъ мѣстнаго подпрефекта.—Свиданіе Наполеона съ сестрою.—Берегъ моря.—Наполеонъ предпочитаетъ ѣхать на англійскомъ фрегатѣ.—Переѣздъ на Эльбу.—Политическія бесѣды на бортѣ 'Undaunted'а.—Корсика.—Встрѣча устроенная Наполеону на Эльбѣ.—Прощаніе съ коммиссарами.—Наполеонъ на Эльбѣ.—Его явная и тайная дѣятельность.

Великій завоеватель заканчивалъ, повидимому, навсегда свое славное и страшное поприще. Престолъ Франціи былъ свободенъ, но послѣднее слово въ пользу Бурбоновъ не было еще произнесено ни союзными государями, ни французскимъ сенатомъ. Этимъ моментомъ задумалъ воспользоваться «герой сѣвера», какъ называлъ себя самъ знаменитый гасконецъ, Бернадоттъ. Поведеніе этого авантюриста сдѣлалось за послѣднее время окончательно подозрительнымъ. Перехвачены были документы, изъ которыхъ оказалось, что кронпринцъ шведскій ведетъ измѣнническіе переговоры съ агентами На-

полеона, что онъ разсылаетъ своихъ эмиссаровъ по областямъ Франціи съ тайными порученіями: интриговать повсемѣстно противъ Бурбоновъ и распускать слухъ, что Бернадоттъ будетъ назначенъ намѣстникомъ и правителемъ французскаго королевства. Одинъ изъ адъютантовъ кронпринца, графъ Вьелькастель, пробрался на югъ Франціи въ Беарнъ и распространилъ тамъ прокламацію, въ которой разсказывалъ самыя невѣроятныя вещи. По его словамъ, союзники вступили въ Парижъ подъ предводительствомъ Бернадотта, при чемъ жители кричали: да здравствуютъ наши освободители! да здравствуетъ кронпринцъ шведскій! Городъ Парижъ будто бы поднесъ сему послѣднему адресъ, въ коемъ изъявлялъ свою признательность великому и великодушному воину, даровавшему миръ Франціи. «Ликуйте жители сего города (прокламація была издана въ городѣ По, родинѣ Бернадотта). Сей великій мужъ рожденъ былъ среди васъ. Да здравствуетъ король!»

Еще менѣе стѣснялся въ своихъ выраженіяхъ и дѣйствіяхъ самъ Бернадоттъ. Отпуская плѣнныхъ французскихъ офицеровъ, онъ взялъ съ нихъ обѣщаніе, что они скорѣе умрутъ за императора, нежели потерпятъ возвращеніе опозоренной фамиліи Бурбоновъ на тронъ Франціи. Онъ совѣтовалъ плѣннымъ поспѣшить на мѣста своихъ жительствъ и поднять населеніе провинцій противъ Бурбоновъ [1]).

Бернадоттъ старался, впрочемъ, прикрыть, по возможности, свои измѣнническіе происки. По своему обыкновенію, онъ говорилъ одному одно, другому другое. Встрѣтившись въ Люттихѣ [2]) съ адъютантомъ Людовика XVIII, онъ обратился къ нему съ длинною рѣчью, наполненною невѣроятными гасконнадами. Рѣчь начиналась такими словами: «Я расположенъ къ Бурбонамъ, и я одинъ обладаю средствами упрочить ихъ

[1]) Онкенъ, Т. II, стр. 809. Самое любопытное свидѣтельство объ интригахъ Бернадотта въ мартѣ 1814 г. заключается въ донесеніи генерала Мезона маршалу Бертье отъ 20 марта. Любопытный этотъ документъ приложенъ къ одной изъ депешъ лорда Кестльри.

[2]) Т. е. какъ разъ въ томъ-же мѣстѣ и чуть не въ тотъ-же самый день, гдѣ и когда онъ говорилъ свою рѣчь французскимъ офицерамъ.

торжество. Союзники не могутъ сдѣлать безъ меня ничего, ибо народъ французскій довѣряетъ мнѣ и не довѣряетъ союзникамъ» [1]). Какъ ни ловко дѣйствовалъ Бернадоттъ, но доказательства его измѣны во-время попали въ руки англійскаго министра Кестльри и сообщены были императору Александру [2]). Государь, не подозрѣвавшій подобнаго коварства, былъ крайне раздраженъ противъ Бернадотта. Не желая объясняться съ нимъ лично, онъ поручилъ одному изъ своихъ министровъ, извѣстному корсиканцу Поццо-ди-Борго, дать хорошій урокъ кронпринцу и разсѣять разъ навсегда его эфемерныя надежды на престолъ Франціи.

Бернадоттъ явился въ Парижъ уже на другой день послѣ вступленія союзниковъ. Онъ прибылъ въ сопровожденіи двухъ знаменитостей, которыя должны были снискать ему популярность въ средѣ высшаго общества и проложить ему путь къ престолу. Одна изъ этихъ знаменитостей была мадамъ де-Сталь, снискавшая себѣ громкую извѣстность и даже славу не столько своими дѣйствительно оригинальными литературными трудами, сколько тѣми мелочными и недостойными преслѣдованіями, которымъ подверглась она со стороны Наполеона. М-мъ Сталь принуждена была бѣжать изъ Франціи, гдѣ при Наполеонѣ не полагалось мѣста ни для какихъ идеологовъ, и нашла себѣ убѣжище въ Швеціи. Въ 1812 г. предпріимчивая дама посѣтила Петербургъ, блистала тамъ въ средѣ высшаго общества, появлялась при дворѣ, была представлена государю, но вскорѣ покинула сѣверную Пальмиру, испуганная грубыми протестами русской массы противъ всего французскаго, не исключая самого Расина и его божественной Федры. Съ того времени она оставалась въ Стокгольмѣ до тѣхъ поръ, пока торжество союзниковъ не доставило ей возможности возвратиться въ Парижъ.

М-мъ Сталь могла съ успѣхомъ вести пропаганду въ пользу Бернадотта въ великосвѣтскихъ салонахъ. Другая знамени-

[1]) Онкенъ, Т. II, стр. 810.

[2]) По другимъ разсказамъ, документы эти представлены были государю самимъ Наполеономъ. См. мемуары Мармона, Т. 7, гл. I.

тость, привезенная Бернадоттомъ, должна была снискать ему друзей въ средѣ парижскихъ политиковъ и резонеровъ, сдѣлавшихся теперь нежданно-негаданно вершителями судебъ Франціи. Эта вторая знаменитость — былъ Бенжаменъ-Констанъ, первый въ средѣ тѣхъ безчисленныхъ теоретиковъ-либераловъ, которые явились такою массою во Франціи послѣ паденія Наполеона, точно грибы на почвѣ, увлаженной сильными дождями. Бенжаменъ-Констанъ былъ дѣйствительно человѣкъ талантливый, бойкій, смѣлый ораторъ и замѣчательный стилистъ, но по своему характеру онъ могъ считаться образцемъ крайней подвижности и полнѣйшей непослѣдовательности [1]). Твердо убѣжденный въ непреложности своихъ либеральныхъ доктринъ, онъ готовъ былъ пристать ко всякому, кто одобрялъ эти доктрины. Ему ничего не стоило перемѣнить партію, перейти отъ одного знамени къ другому. Въ началѣ апрѣля 1814 г. Бенжаменъ-Констанъ называлъ Наполеона не иначе какъ тираномъ, говорилъ съ пренебреженіемъ о Бурбонахъ и отстаивалъ кандидатуру Бернадотта; въ маѣ того же года онъ превратился въ ревностнаго роялиста и сторонника «древней славной династіи», а въ слѣдующемъ году, когда Наполеонъ вновь завладѣлъ престоломъ Франціи и сказалъ нѣсколько лестныхъ словъ тщеславному доктрине-

[1]) Беранже, находившійся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ къ Констану, характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: «Ie veux parler de cet illustre publiciste, qui a offert dans sa conduite autant d'inconsèquence et de mobilité qu'il a montrè a la tribune et dans ces écrits, à peu d'exceptions près, de talent, de courage et de perseverance dans les principes d'une sage liberte. Malheureusement, peut-étre, la dextérité de son elocution etait telle, que, pourvu qu'il eût une tribune abordable et une presse tant soit peu libre, il se fut, je crois, arrangè, de tous les régimes; mais ce n'etait là que le tort d'une intelligence qui aime à se jouer des difficultès et regarde les applaudissements q'elle obtient comme des triomphes pour sa cause. J'ai cru m'apercevoir que les obstacles opposés à l'expression de la pensée par les lois restreintes ètaient un stimulaut, necessaire à ce écrivain, le plus finement spirituel des hommes d'esprit que j'ai connus. Jamais conversation ne m'a paru avoir autant de grace, d'enjouement, de flexibilité et d'apparente bonhommie que la sienne. Elle devenait brillant et forte par la contradiction. Je ne m'en faisais pas faute avec lui, et il était loin de m'en savoir, mauvais gré“. Beranger, Ma Biographie, стр. 365.

ру, онъ вдругъ выступилъ горячимъ сторонникомъ «великаго Императора».

Предоставивъ привезеннымъ имъ знаменитостямъ пропагандировать въ салонахъ идею «Гасконскаго Императорства», Бернадоттъ пустился самъ на развѣдки. Онъ не рѣшился обратиться непосредственно къ императору Александру, а хотѣлъ сначала собрать свѣдѣнія въ кругу лицъ, близкихъ къ государю. Зная, что императоръ охотно совѣтуется о внутреннихъ дѣлахъ Франціи съ Поццо-ди-Борго и не скрываетъ отъ него своихъ взглядовъ и намѣреній, Бернадоттъ рѣшился «взяться прежде всего за этого корсиканца» и позондировать его основательнымъ образомъ. Кронпринцъ устроилъ роскошный обѣдъ въ своемъ отелѣ и пригласилъ «генерала». Поццо явился и въ дружеской бесѣдѣ за стаканомъ вина совершенно очаровалъ «героя сѣвера». Бесѣда приняла вскорѣ самый откровенный и притомъ чисто политическій характеръ [1]).

«Скажите, пожалуйста», сказалъ между прочимъ кронпринцъ, «вопросъ о будущемъ устройствѣ Франціи рѣшенъ ли уже окончательно союзными государями?»

«Сколько мнѣ извѣстно принцъ, нѣтъ!» отвѣчалъ ловкій

[1]) Бесѣда эта сохранена для потомства извѣстнымъ поэтомъ Беранже. Беранже уже въ это время пользовался большою популярностью и имѣлъ большія связи въ Парижѣ. Человѣкъ, передавшій ему этотъ анекдотъ, если и не былъ очевидцемъ, то, во всякомъ случаѣ могъ заимствовать его изъ самаго вѣрнаго источника. (Quant à cet ancien rèpublicain (т. е. Бернадоттъ), voici une anecdote, qui m'a ete racontée par un homme qui avait pu la puiser à bonne source, si même il n'avait ètè temoin du fait). Быть можетъ Беранже и прикрасилъ нѣсколько разсказъ о пораженіи ненавистнаго ему гасконца; быть можетъ и его пріятель добавилъ съ своей стороны нѣсколько пикантныхъ подробностей; но не смотря на всѣ таковыя возможности, мы рѣшились цѣликомъ занести разсказъ въ текстъ, уже по той причинѣ, что, если гдѣ либо, то именно въ этомъ діалогѣ, переданномъ намъ мастерскою рукою поэта, выразились во всей полнотѣ характеры дѣйствующихъ лицъ: наглая заносчивость и легковѣріе гасконца, съ одной стороны, ядовитый, безпощадный сарказмъ корсиканца, съ другой. Только одинъ Поццо, другъ Штейна и злѣйшій врагъ Наполеона и всѣхъ его креатуръ, только онъ, посвященный во всѣ интриги и продѣлки Бернадотта, могъ сыграть съ нимъ эту злую шутку. «En rapportant cette anecdote», замѣчаетъ Беранже, «embellie peut—etre par l'homme d'esprit de qui je la tiens, mais qu'au fond, je crois vraie... etc». См. Beranger, Ma Biographie, стр. 371—373.

корсиканецъ. «Государи находятся въ большомъ затрудненіи. Я полагаю, что совѣты вашего высочества, такъ превосходно знающаго эту страну, могутъ оказать большое вліяніе на ихъ рѣшеніе. Какъ должны поступить, по вашему мнѣнію, державы? Кого слѣдуетъ поставить во главѣ націи, способной затруднить самого искуснаго и мудраго правителя?»

Бернадоттъ, вовсе не желавшій получать вопросы, а только отвѣты, замѣтилъ: «Такъ значитъ выборъ еще предстоитъ. Вы должны знать это».

«Да выборъ еще не сдѣланъ, не смотря на всѣ настоянія Бурбонской фамиліи».

Бернадоттъ вздохнулъ свободно.

«Мнѣ кажется, графъ», сказалъ онъ съ разстановкою, «что эта фамилія сдѣлалась совершенно чуждою Франціи. Для Франціи необходимъ человѣкъ, природный французъ, и притомъ такой, который ни въ чемъ не могъ бы упрекнуть революцію».

«Это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, принцъ» подхватилъ Поццо.

«Человѣкъ, который обладалъ бы достаточными военными свѣдѣніями», продолжалъ Бернадоттъ.

«Я совершенно одинаковаго мнѣнія съ вашимъ высочествомъ».

«Человѣкъ, который понимаетъ вопросы высшей администраціи, который знакомъ съ интересами Европы».

«Вѣрно! вѣрно! принцъ, продолжайте, прошу васъ».

«Человѣкъ, наконецъ, извѣстный хорошо государямъ и оцѣненный ими по достоинству, человѣкъ, характеръ котораго долженъ служить гарантіею умѣренности и довѣрія».

«Совершенно такъ, принцъ. Я имѣлъ смѣлость высказать словесно и письменно все то, что я имѣлъ честь только что выслушать отъ васъ. Я сдѣлалъ болѣе, я отважился указать лицо, на которое можетъ быть возложено бремя управленія нашимъ общимъ отечествомъ».

Произнося эти слова, Поццо смотрѣлъ съ почтительнымъ подобострастіемъ на своего собесѣдника. Бернадоттъ сіялъ отъ радости.

«Надѣюсь», сказалъ онъ, что вы не сочтете нескромностью

съ моей стороны, если я предложу вамъ вопросъ: на какое же лицо указала государямъ ваша опытность?»

«Ваше высочество догадались уже сами. Я готовъ держать пари».

«Я могу ошибаться, графъ; прошу васъ назвать вашего избранника».

«Вы требуете этого, принцъ. Хорошо, извольте. Я указалъ на самого себя. И въ самомъ дѣлѣ, чего вы хотите больше? Я французъ, я генералъ, я администраторъ, интересы Европы знакомы мнѣ достаточно, я друженъ со всѣми государями. Развѣ я не удовлетворяю всѣмъ условіямъ, предъявленнымъ вашимъ высочествомъ».

Бернадоттъ, не ожидавшій подобной злой мистификаціи, въ бѣшенствѣ вскочилъ изъ за стола. Онъ понялъ, что его политическая роль во Франціи окончена, что его императорскія мечты разсѣялись какъ дымъ. Съ этихъ поръ кронпринцъ шведскій не показывался ни въ одномъ изъ салоновъ. Уже черезъ нѣсколько дней онъ покинулъ навсегда Парижъ, а за тѣмъ предѣлы Франціи.

Почва для Бурбонской реставраціи была расчищена окончательно. Безусловное отреченіе Наполеона было достигнуто; кандидатура Бернадотта, никогда не имѣвшая серьезнаго значенія, погребена среди всеобщаго смѣха парижанъ; оставалось пригласить лишь формально и торжественно Бурбоновъ на осиротѣлый престолъ Франціи. Эту послѣднюю задачу взяло на себя, съ одобренія союзныхъ государей, то самое учрежденіе, которое провозгласило уже низложеніе Наполеона и избрало своею властью временное правительство. Бывшій императорскій сенатъ не думалъ, однако же, приглашать Бурбоновъ безусловно; онъ не хотѣлъ стать на точку зрѣнія настоящихъ роялистовъ, онъ отрицалъ неотъемлемое, божественное право Бурбоновъ, онъ смотрѣлъ на Людовика XVIII какъ на добровольнаго избранника французскаго народа и намѣревался потребовать отъ него извѣстныхъ гарантій. Какъ ни странно было подобное притязаніе со стороны учрежденія, не имѣвшаго ни малѣйшаго права считать себя законнымъ и полноправнымъ представителемъ французской націи, однако же,

императоръ Александръ и его союзники не думали протестовать противъ такого начинанія, уже по той простой причинѣ, что помимо сената они не усматривали никого, кто могъ бы взять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ и, что самое главное они сами считали необходимыми какія бы то ни было гарантіи противъ безумія крайнихъ легитимистовъ.

Сенатъ не заставилъ долго ждать своихъ рѣшеній. Въ теченіи одного засѣданія, 6 апрѣля, онъ составилъ новую конституцію для Франціи. Предполагалось само собою, что французскій народъ утвердитъ эту конституцію всеобщимъ голосованіемъ, а Людовикъ XVIII принесетъ присягу въ ея соблюденіи. Первый параграфъ конституціи гласилъ слѣдующее: Людовикъ-Станиславъ-Ксаверій будетъ провозглашенъ королемъ Франціи, какъ только онъ подпишетъ и подтвердитъ клятвенно нижеслѣдующій актъ: «Я принимаю конституцію, я клянусь соблюдать ее и заставить другихъ соблюдать ее». Эта клятва будетъ повторена королемъ въ тотъ день, когда онъ будетъ принимать отъ французовъ присягу вѣрности Изъ остальныхъ параграфовъ конституціи особенно обращали на себя вниманія два: третій и шестой. Третій параграфъ постановлялъ: старое дворянство получаетъ обратно свои титулы; новое дворянство удерживаетъ свои наслѣдственно. Орденъ почетнаго легіона долженъ существовать и впредь со всѣми своими привиллегіями. Право установленія формы наградъ будетъ принадлежать королю. Шестой параграфъ говорилъ о сенаторахъ и ихъ правахъ. Число сенаторовъ не должно быть менѣе 150 и болѣе 200. Достоинство сенаторовъ неотъемлемо и потомственно, оно переходитъ изъ рода въ родъ, по праву первородства. Настоящіе сенаторы остаются въ своемъ санѣ и пользуются своими дотаціями [1]).

Позаботившись такимъ образомъ болѣе нежели отечески о самихъ себѣ и наполнивъ сверхъ того конституцію перечисленіемъ различныхъ общихъ правъ, сенатъ поспѣшилъ обнародовать какъ можно скорѣе свое издѣліе. Уже 6 числа, ве-

[1]) Текстъ конституціи у Helie, стр. 880 и слѣдующія.

черомъ, утверждены были всѣ статьи конституціи, 7 конституція сдана была въ печать, а 8 опубликована и расклеена во всѣхъ кварталахъ Парижа. Произведеніе бывшихъ Наполеоновскихъ рабовъ и прислужниковъ было встрѣчено, какъ и слѣдовало ожидать, всеобщимъ недовольствомъ и, что еще гораздо хуже, смѣхомъ. Всѣ партіи, начиная отъ наполеонистовъ и оканчивая роялистами, слились въ одномъ возгласѣ презрительнаго порицанія. Отовсюду сыпались печатные и непечатные памфлеты, вездѣ, во всѣхъ слояхъ общества, повторялись одни и тѣ же слова: «сенатъ, назначенный для охраненія интересовъ и законовъ имперіи, блистательно оправдалъ свое назначеніе: онъ охранилъ, какъ нельзя лучше, свои дотаціи»[1]. Слышались и другія болѣе рѣзкія выраженія. «Казалось, замѣчаетъ Тьеръ, что вся публика говорила сенаторамъ: исчезните вмѣстѣ съ вашимъ господиномъ, котораго вы не умѣли ни сдерживать, ни защищать[2].

Поглощенная всецѣло своими новыми интересами, французская публика начала забывать въ эти дни о самомъ существованіи Наполеона. Бывшіе министры, сановники и даже люди, лично близкіе императору, спѣшили оставить своего повелителя. Маршалы Удино, Лефевръ, Викторъ и множество генераловъ прислали временному правительству изъявленія своей покорности. Министры, находившіеся въ Блуа, вокругъ императрицы Маріи-Луизы и во главѣ ихъ князь архиканцлеръ Камбассаресъ, послѣдовали ихъ примѣру. Съ каждымъ днемъ вокругъ Наполеона становилось все пустѣе и глуше. Все спѣшило преклониться передъ новымъ свѣтиломъ, и си-

[1]) «Les bonapartistes, говоритъ Тьеръ, reprochaient à senate d'avoir leve sur son fondateur une maine parricide; les amis de la liberte, a peine réveillés d'un long sommeil, ne voyaient en lui que le servil instrument d'un insupportable despotisme; enfin, les royalistes systématiques, détestant en lui la Révolution et l'Empire, ètaient indignès de ce qu'il osait surgir du milieu de sa honte pour dicter des conditions au roi legitime; et quelles conditions! celles qu'il empruntait à une Revolution abhorrèe». Тьеръ, т. 17, стр. 781—82.

[2]) «Le public tout entier, unissant sa voix á celle de royalistes, sembla dire aux sènateurs: Disparaissez avec le maitre que vous n'avez su ni contenir, ni defendre». Тьеръ, Т. 17, стр. 782.

лы временнаго правительства росли не по днямъ, а по часамъ. Императоръ Александръ бдительно слѣдилъ за этимъ быстрымъ поворотомъ; онъ опасался, и не безъ основанія, что условія, гарантированныя имъ Наполеону, встрѣтятъ сильное противодѣйствіе какъ со стороны его собственныхъ союзниковъ, такъ и со стороны самихъ французовъ. Онъ требовалъ, чтобы Коленкуръ и его товарищи поторопились, какъ можно болѣе заключеніемъ договора съ Наполеономъ и самъ съ своей стороны принималъ всѣ мѣры для ускоренія переговоровъ. Дѣло, однако же, затягивалось и встрѣчало на каждомъ шагу все новыя и новыя препятствія. Уполномоченные Наполеона, желая отстоять, по возможности, интересы своего господина, защищали упорно каждый пунктъ проектированнаго соглашенія, а между тѣмъ, за исключеніемъ Александра, все возставало противъ нихъ. Особенно сильное противодѣйствіе вызывала какъ со стороны французскихъ политиковъ, такъ и со стороны многихъ союзныхъ министровъ, обѣщанная Наполеону уступка острова Эльбы. Какъ разъ въ это время явился въ Парижъ герцогъ Отрантскій, Фуше, бывшій якобинецъ и террористъ, затѣмъ наполеоновскій министръ полиціи, а теперь злѣйшій врагъ падшаго императора. Въ короткое время онъ началъ играть въ средѣ парижскихъ политиковъ чуть не первую роль. Онъ гремѣлъ во всѣхъ салонахъ противъ Наполеона, и не стѣсняясь въ выраженіяхъ, говорилъ, что предоставлять Наполеону островъ Эльбу, можетъ только безуміе, а не великодушіе [1]). Самъ Талейранъ и члены временнаго правительства говорили, правда, съ большею осторожностью, но и они порицали, гдѣ только могли, опрометчивость Александра и высказывались противъ всѣхъ пунктовъ договора, не исключая и чисто денежныхъ.

Столь же сильно было противодѣйствіе со стороны европейской дипломатіи. Англійскіе и австрійскіе министры усматривали въ поселеніи Наполеона на островѣ Эльбы величайшія опасности для спокойствія Франціи и мира Европы. Британскій уполномоченный, лордъ Стевартъ, братъ лорда

[1]) Il qualifiait de foliè la genereuse imprudence d'Alexandre. Тьеръ, Т. 17, стр. 785.

Кестльри, писалъ въ Лондонъ, что обѣщаніе императора Александра, относительно острова Эльбы, вызвало всеобщую тревогу въ Парижѣ. Всѣ убѣждены, что исполненіе этого обѣщанія можетъ повлечь за собою самыя опасныя усложненія, ибо Эльба лежитъ слишкомъ близко отъ береговъ Италіи, гдѣ Бонапарте пользуется такою силою и вліяніемъ, гдѣ Евгеній Богарне едва ли не самый популярный человѣкъ, гдѣ можно ожидать отпаденія Мюрата и гдѣ, наконецъ, такъ легко могутъ собраться всѣ недовольные французы. «Если свѣтъ долженъ уже свести счеты съ ниспровергнутымъ деспотомъ, то необходимо, по крайней мѣрѣ, посадить его въ такомъ мѣстѣ», писалъ благородный лордъ, «откуда онъ не будетъ въ состояніи нарушить всеобщее спокойствіе. Если нельзя отрицать, что Наполеонъ можетъ уйти съ острова Эльбы во Францію, что онъ можетъ захватить Италію, которая во всякомъ случаѣ предпочтетъ жить подъ его властью, нежели въ раздробленности, на которую она будетъ осуждена, по всей вѣроятности; если онъ можетъ отправить французскихъ солдатъ и своихъ приверженцевъ въ одну изъ этихъ странъ, если, наконецъ, не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ перечисленныя возможности будутъ существовать особенно въ томъ случаѣ, когда ему будетъ уплачиваться обѣщанная громадная пенсія, то не слѣдовало ли бы прежде нежели рѣшать окончательно это дѣло, подумать хорошенько, нельзя ли будетъ найти для Наполеона менѣе опасное мѣстопребываніе, и не привезетъ ли Наполеонъ порохъ въ желѣзные рудники, которыми, такъ славится Эльба. Въ высочайшей степени важно взвѣсить все это, какъ слѣдуетъ, и не удивительно, что я жду съ такимъ нетерпѣніемъ прибытія лорда Кестльри и князя Меттерниха» [1]).

Нельзя сказать, чтобы доводы британскаго министра были лишены серьезнаго основанія. Близкое будущее не замедлило оправдать опасенія, высказанныя европейскою дипломатіею и французскими политиками. Самъ императоръ Александръ не былъ настолько близорукъ, чтобы не оцѣнить основатель-

[1]) См. корреспонденція лорда Кестльри, Т. IX, стр. 450—51.

ности представляемыхъ ему возраженій и слишкомъ заинтересованъ будущимъ миромъ Европы, чтобы отнестись легкомысленно къ возможности его нарушенія, но онъ былъ связанъ своимъ царскимъ словомъ, отступить отъ котораго не было никакой возможности. Къ тому же великодушный Государь былъ крайне тронутъ несчастіемъ своего падшаго врага, а его идеальныя представленія о человѣчествѣ были еще на столько высоки и чисты, что онъ не считалъ себя въ правѣ напередъ и безъ всякихъ видимыхъ доказательствъ считать Наполеона способнымъ къ коварству и измѣнѣ. Правда, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, Наполеонъ не замедлилъ разочаровать своего великодушнаго побѣдителя. Александру доносили ежедневно, что поведеніе падшаго завоевателя способно возбудить самыя живѣйшія опасенія. Онъ узналъ, что Наполеонъ держитъ себя въ несчастіи также недостойно, какъ и въ счастіи, что онъ остался тѣмъ же страшнымъ и безсердечнымъ эгоистомъ, какимъ онъ былъ въ теченіи всей своей жизни. Поглощенный исключительно своими интересами, смертельно оскорбленный въ своей гордости, Наполеонъ горько раскаивался въ своемъ отреченіи и былъ на столько нетерпѣливъ, что уже на другой день требовалъ отъ Коленкура прекращенія переговоровъ и возвращенія акта объ отреченіи. У него вдругъ явились прежнія фантастическія мысли о возможности дальнѣйшей борьбы. Ежедневно являлся онъ на площади замка, дѣлалъ смотры своей гвардіи, говорилъ съ солдатами и высказывался, по временамъ, что еще не все кончено, что еще не все потеряно. Съ энтузіазмомъ прислушивались старые гвардейцы къ такимъ намекамъ боготворимаго ими императора. Они не могли представить себѣ иной жизни, какъ подъ знаменами своего любимаго вождя, какъ среди его походовъ, лагерей и бивуаковъ. Молодые офицеры далеки были, разумѣется, отъ безусловной преданности старыхъ ветерановъ, но и они смотрѣли съ энтузіазмомъ на великаго императора, и отнюдь не могли примириться съ мыслью, что и для нихъ все кончено, что ихъ славная военная карьера должна прерваться въ самомъ своемъ началѣ. Что же удивительнаго, если каждое появленіе Наполеона передъ рядами

гвардіи вызывало восторженные клики и трогательныя заявленія вѣрности, что офицеры махали своими саблями и клялись умереть за него, что старые гвардейцы собирались расправиться по своему съ измѣнниками императора. Вскорѣ эти оваціи не замедлили принять серьезный, почти мятежный характеръ. Въ ночь съ 7 на 8 апрѣля, на улицахъ городка Фонтенебло, поднялась страшная тревога [1]). Шассеры и гренадеры гвардіи бѣгали по улицамъ съ оружіемъ въ рукахъ; дикіе вопли: да здравствуетъ императоръ! долой измѣнниковъ! оглашали воздухъ; жители, пораженные страхомъ, прятались въ своихъ домахъ. Пьяные солдаты неистово требовали, чтобы Императоръ велъ ихъ тотчасъ же на Парижъ. Наполеонъ смотрѣлъ не безъ удовольствія на эти шумныя заявленія своихъ приверженцевъ. Одинъ моментъ, онъ готовъ былъ воспользоваться этою вспышкою, но взвѣсивъ благоразумно всѣ шансы, онъ счелъ за лучшее пріостановить пока это движеніе.

Въ средѣ вѣрныхъ Наполеону оказались, однако же, и измѣнники. Какой то офицеръ прискакалъ въ Парижъ съ донесеніемъ [2]), что въ Фонтенебло бунтъ, что самъ Наполеонъ удалился изъ замка, намѣреваясь стать во главѣ своихъ армій. Императоръ Александръ, услыхавъ объ этомъ донесеніи, немедленно потребовалъ къ себѣ уполномоченныхъ Наполеона. Онъ сообщилъ имъ о полученныхъ извѣстіяхъ, выразилъ имъ свое негодованіе на образъ дѣйствій Наполеона и добавилъ, что въ первомъ пылу гнѣва онъ готовъ былъ отдать приказъ арестовать уполномоченныхъ, которые, быть можетъ, дѣйствуютъ за одно съ своимъ коварнымъ господиномъ. «Такъ совѣтовали мнѣ и мои союзники», добавилъ государь съ видимымъ раздраженіемъ. Коленкуръ и его товарищи съ негодованіемъ протестовали противъ взведенныхъ на нихъ подозрѣній; они старались убѣдить государя, что извѣстія изъ Фон-

[1]) См. Тьеръ, Т. 17, стр. 787.

[2]) Имя этого офицера осталось неизвѣстнымъ. «M. de Caulaincourt, замѣчаетъ Тьеръ, qui avait connu l'auter de la denonciation, n'a pas voulu le livrer au mepris de la posterite, et a refusé d'en consigner le nom dans ses souvenirs». Т. 17, стр. 788.

тенебло, по всей вѣроятности, преувеличены, быть можетъ, даже совершенно ложны. Ихъ увѣренія не замедлили подтвердиться. Союзные офицеры, посланные въ Фонтенебло, возвратились вскорѣ съ извѣстіемъ, что тамъ все спокойно, что Наполеонъ находится, по прежнему, во дворцѣ и что ночная тревога не имѣла особеннаго значенія.

Государь успокоился, но этотъ случай побудилъ его торопить еще болѣе окончаніемъ переговоровъ. Проэктъ трактата былъ составленъ окончательно; остановка была только за княземъ Меттернихомъ, представителемъ императора Франца, безъ согласія коего, какъ лица наиболѣе заинтересованнаго и въ личной судьбѣ Наполеона, и его семейства, и въ распредѣленіи итальянскихъ земель, немыслимо было заключеніе договора. Наконецъ, Меттернихъ прибылъ въ Парижъ 10 апрѣля. Не безъ намѣренія откладывалъ онъ до послѣдней возможности свой пріѣздъ. Ни ему, ни его императору не хотѣлось быть свидѣтелями, а тѣмъ болѣе участниками тѣхъ во всякомъ случаѣ непріятныхъ и крайне щекотливыхъ для австрійскаго двора событій, которыя происходили тогда въ Парижѣ. Политика безсердечнаго Франца и его коварнаго министра круто измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ паденіе Наполеона сдѣлалось совершившимся фактомъ. Если Францъ и его министръ старались спасти Наполеона во времена шатильонскаго конгресса, то они дѣлали это вовсе не изъ какихъ-либо родственныхъ чувствъ, а подъ вліяніемъ страха и политическаго разсчета; теперь же, когда все было кончено, когда могущество Наполеона исчезло, они тотчасъ же стали на точку зрѣнія англійскихъ торіевъ, и ни мало не колеблясь, дали свое согласіе и на возстановленіе Бурбоновъ, и на устраненіе Маріи-Луизы и ея сына. Подобно Стеварту и Кестльри, они опасались новыхъ покушеній со стороны падшаго императора и были крайне недовольны великодушнымъ образомъ дѣйствій Александра по отношенію къ Наполеону [1]).

[1]) Какъ относился императоръ Францъ къ участи своего зятя, видно изъ слѣдующаго отрывка письма его къ Меттерниху изъ Труа отъ 12 апрѣля: «Die Hauptsache ist, den Napoleon aus Frankreich, und wollte Gott weit weg zu bringen,

Меттернихъ высказалъ эти свои опасенія на первой же аудіенціи у Императора Александра. На предложеніе Государя подписать договоръ съ Наполеономъ онъ отвѣчалъ пространнымъ изложеніемъ тѣхъ крайнихъ неудобствъ, которыя неизбѣжно повлечетъ за собою уступка острова Эльбы Наполеону. Въ заключеніе Меттернихъ просилъ отложить подпись договора до прибытія императора Франца, съ которымъ онъ долженъ посовѣтоваться непремѣнно о такомъ важномъ дѣлѣ. Александръ, рѣшившій покончить во что бы то ни стало съ этимъ дѣломъ, возразилъ Меттерниху съ живостью.

«Это невозможно! Я и то уже отложилъ на нѣсколько дней подписаніе трактата, въ ожиданіи пріѣзда вашего и лорда Кестльри. Необходимо кончить это сегодня же вечеромъ, дабы еще ночью маршалы могли доставить актъ договора Наполеону. Если подписаніе не состоится, то военныя дѣйствія начнутся завтра же и, Богъ знаетъ, чѣмъ все это тогда кончится. Наполеонъ находится съ своею арміею въ Фонтенебло; ему не безъизвѣстно, что я и король прусскій согласны на условія договора; я не могу взять назадъ моего слова». Меттернихъ принужденъ былъ уступить. Послѣ краткаго совѣщанія съ княземъ Шварценбергомъ и лордомъ Кестльри, онъ изъявилъ свою готовность подписать трактатъ, но лишь въ виду того обстоятельства, что дѣло соглашенія съ Наполеономъ подвинулось такъ далеко впередъ, что не можетъ быть задержано его противорѣчіемъ. «Князь Шварценбергъ», писалъ въ этотъ день Меттернихъ, «принималъ участіе въ предварительныхъ переговорахъ; конференція, въ которой долженъ быть подписанъ трактатъ, уже собралась. Я отправляюсь туда, чтобы подписать договоръ, который не позже, какъ черезъ два года, приведетъ насъ вновь на поле битвы» [1]).

daher haben sie Recht gehabt, den Abschluss des Traktats nicht bis auf meine Ankunft zu verschieben, denn nur dadurch kann dem Krieg ein Ende gemacht werden. Die Insel Elba ist mir nicht recht, denn sie ist für Toscona ein Schaden (!) man disponirt mit Gegenständen für Andere, die meiner Familie taugen, was man in Hinkunft nicht angehen lassen kann und Napoleon bleibt zu nahe an Frankreich und Europa». Metternich, Papiere, T. I, стр. 472.

[1]) Metternich, Papiere, T. I, стр. 199—200.

Конференція состоялась вечеромъ 10-го апрѣля. На ней присутствовали: Коленкуръ, Ней, Макдональдъ, Меттернихъ, Кестльри, Нессельроде, Гарденбергъ. Меттернихъ еще разъ высказалъ свои сомнѣнія и опасенія. Никто не возражалъ ему, даже маршалы согласились отчасти съ тревожными предсказаніями канцлера, но дѣлать было нечего. Договоръ былъ подписанъ всѣми присутствующими и вслѣдъ затѣмъ маршалы выѣхали въ Фонтенебло.

Наполеонъ могъ быть вполнѣ доволенъ дарованными ему условіями. Если когда-либо, то именно въ этомъ дѣлѣ великодушіе Императора Александра обнаружилось во всемъ своемъ блескѣ. Наполеонъ сохранялъ, на основаніи этого договора, свой императорскій титулъ и получалъ въ полное пожизненное владѣніе и притомъ со всѣми верховными правами островъ Эльбу. Ему назначена была пенсія въ два милліона франковъ, которую обязано было выплачивать ему ежегодно французское правительство [1]). Его супруга и сынъ получили въ потомственное владѣніе герцогства Парму, Піаченцу и Гвасталу. Всѣ члены его семейства обезпечены были пожизненными рентами. Его первая супруга, императрица Жозефина, должна была получать ежегодно одинъ милліонъ франковъ [2]). Его пасынку, Евгенію Богарне, гарантировано было, соотвѣтствующее его сану, обезпеченіе внѣ предѣловъ Франціи. Всѣмъ выдающимся генераламъ Наполеоновой арміи предоставлены были весьма значительныя денежныя награды, причемъ выборъ лицъ и размѣръ вознагражденія предоставлены были, исключительно, императору Наполеону [3]). Наполеону дозволено было взять на островъ Эльбу 400 человѣкъ

[1]) 2-я статья договора.

[2]) Статья 8-я договора. Въ статьѣ говорилось кромѣ того: Она (т. е. Жозефина) продолжаетъ пользоваться всѣмъ своимъ частнымъ имуществомъ какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ и располагать имъ, согласно съ французскими законами.

[3]) Наполеонъ назначилъ по 50,000 франковъ 13 генераламъ своей гвардіи, семи своимъ адъютантамъ, оруженосцу своему, генералу Фуле, двумъ своимъ секретарямъ, своему лейбъ-медику Корвизару и старшему ординарцу Гурго. Chevalier Iouanne, premier commis du cabinet, и баронъ Иванъ, придворный хирургъ,

изъ своей старой гвардіи, солдатъ, унтеръ-офицеровъ и офицеровъ. Польскимъ войскамъ, находившимся на службѣ у Наполеона, предоставлено было право возвратиться на свою родину съ оружіемъ и имуществомъ. Солдатамъ и офицерамъ этихъ войскъ оставлены были заслуженныя ими пенсіи, ордена и другія награды. Союзные монархи обязались назначить особыхъ коммисаровъ, которые должны были сопровождать Наполеона въ его путешествіи на островъ Эльбу и принимать всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія его личной безопасности. Французское временное правительство не только признало всѣ статьи договора, но и приняло на себя формальное обязательство уплачивать всѣ денежныя суммы, опредѣленныя различными его статьями какъ для самого императора и членовъ его семейства, такъ и для его генераловъ и офицеровъ. Наконецъ Талейранъ долженъ былъ выдать письменное заявленіе отъ имени короля Людовика XVIII, въ которомъ заключалось торжественное обѣщаніе свято исполнить всѣ условія договора, насколько они касались Франціи [1]).

Будущность Наполеона и его семейства была обезпечена самымъ солиднымъ образомъ, но самъ онъ никакъ не могъ разстаться окончательно съ своимъ прошлымъ. Честолюбивыя мечты не давали ему покоя. Подобно утопающему, хватался онъ за каждую соломинку; всякій, самъ по себѣ малозначущій, случай возбуждалъ его надежды и заставлялъ его горько раскаяваться въ сдѣланной уступкѣ. Еще 10 апрѣля, онъ вновь далъ знать Коленкуру, что онъ ни за что не подпишетъ договора и требовалъ, чтобы актъ отреченія возвращенъ ему былъ обратно [2]). Причиною такого поступка Наполеона было, какъ оказалось впослѣдствіи, шифрованное письмо, получен-

получили каждый по 40,000 франк. 13 офицерамъ гвардіи выдано было 170,000 франк., а различнымъ категоріямъ придворной прислуги назначено было 500,000 франковъ.

[1]) Весь договоръ состоялъ изъ 21-й статьи; текстъ его, равно какъ и текстъ декларацій временнаго правительства и Талейрана отъ имени Людовика XVIII, напечатанъ у Фена, Manuscrit de l'anne 1814, стр. 269—281.

[2]) Тьеръ, т. XVII, стр. 793.

ное имъ отъ Маріи-Луизы. Императрица извѣщала его о своей неизмѣнной преданности, сообщала, что ей удалось вступить въ письменныя сношенія съ императоромъ Францомъ, что она получила уже отъ него доказательства его отеческой нѣжности и что она разсчитываетъ добиться, при содѣйствіи отца, болѣе лучшихъ и достойныхъ условій какъ для самого Наполеона, такъ и для своего сына. На основаніи этого письма, Наполеонъ началъ строить цѣлые воздушные замки. Ему вдругъ представилось, что Францъ не только предоставитъ его сыну Тоскану, но, быть можетъ, удержитъ его на престолѣ Франціи. Коленкуръ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ поспѣшилъ разрушить всѣ эти иллюзіи императора, да и самъ Наполеонъ убѣдился, уже по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, въ неосновательности своихъ надеждъ.

Казалось, что онъ началъ, наконецъ, примиряться съ своею судьбою и съ своимъ новымъ положеніемъ. Когда утромъ 11 апрѣля Коленкуръ и Макдональдъ явились въ Фонтенебло съ готовымъ и подписаннымъ договоромъ, то Наполеонъ принялъ своихъ уполномоченныхъ ласково, почти сердечно. Спокойно, не обнаруживая никакого волненія, выслушалъ онъ ихъ разсказъ, принялъ изъ рукъ Коленкура трактатъ, прочелъ его внимательно, изъявилъ свое полное одобреніе, жалѣлъ только, что сыну его не дана была Тоскана и послѣ короткой бесѣды отпустилъ обоихъ уполномоченныхъ.

Не прошло, однакоже, и получаса, какъ Наполеонъ, по своей привычкѣ, потребовалъ къ себѣ Коленкура и вступилъ съ нимъ въ долгій разговоръ. Неоднократно благодарилъ онъ Коленкура за послѣднія оказанныя имъ услуги, повторилъ, что онъ доволенъ договоромъ, что статьи его вполнѣ удовлетворительны для его семейства, а что для него лично не нужно ничего. Затѣмъ Наполеонъ заговорилъ о Тосканѣ. Онъ горько жаловался, что не нашли возможнымъ дать его женѣ и сыну эту область. «Но оставимъ это», добавилъ онъ печальнымъ тономъ. «Вы сдѣлали все, что вы могли. Благодарю еще разъ. О, эти австрійцы, у нихъ нѣтъ внутренностей» [1]).

[1]) Тьеръ, т. XVII, стр. 795.

Мѣняя, по своему всегдашнему обычаю, совершенно неожиданно тему разговора, Наполеонъ обратился къ прошлому и началъ говорить о своихъ колоссальныхъ, теперь окончательно разрушенныхъ планахъ. «Я хотѣлъ», сказалъ онъ, «поднять Францію на недосягаемую высоту, я хотѣлъ создать изъ нея колоссальную имперію, отъ которой зависѣли бы всѣ остальныя государства. Я былъ близокъ къ осуществленію этой прекрасной мечты, но я не съумѣлъ во-время остановиться на предѣлахъ, положенныхъ самою природою вещей». Подумавъ нѣсколько минутъ, Наполеонъ началъ говорить о своихъ генералахъ. Онъ упомянулъ добрымъ словомъ Массену, назвавъ его самымъ достойнымъ изъ своихъ помощниковъ, онъ отозвался съ большою похвалою о Сюше, о его военныхъ и административныхъ талантахъ, сказалъ нѣсколько словъ о Сультѣ и его непомѣрномъ честолюбіи, но не упомянулъ ни единымъ звукомъ ни о Даву [1]), ни объ остальныхъ своихъ маршалахъ. «А Бертье», продолжалъ онъ съ замѣтнымъ оживленіемъ, «онъ такъ здравомыслящъ и честенъ, онъ обладаетъ такими несравненными талантами, какъ начальникъ штаба. Я такъ любилъ его, а онъ причиняетъ мнѣ теперь такое горе. Я просилъ его провести со мною нѣкоторое время на островѣ Эльбѣ, и онъ, казалось, соглашался, тѣмъ болѣе, что я не задержалъ бы его надолго. Неужели вы думаете, что я хочу продлить до безконечности праздную и безполезную жизнь? Это доказательство преданности не стоило бы ему многаго; но его душа надломлена, онъ отецъ, онъ думаетъ о своихъ дѣтяхъ; онъ воображаетъ, что за нимъ оставятъ княжество Невшательское, онъ ошибается, но это извинительно! Я люблю Бертье, я не перестану любить его».

Тонъ Наполеона становился все сердечнѣе. Онъ говорилъ

[1]) О томъ самомъ Даву, замѣчаетъ Тьеръ, который совершалъ въ Гамбургѣ des prodiges d'energie. Въ числѣ этихъ чудесъ заключался, какъ извѣстно, и грабежъ Гамбургскаго банка, за который пришлось потомъ расплачиваться Франціи. Даву былъ, впрочемъ, однимъ изъ самыхъ безсердечныхъ и бездушныхъ маршаловъ Наполеона; не удивительно, слѣдовательно, что императоръ не упомянулъ объ немъ въ эти минуты глубочайшаго своего горя.

съ увлеченіемъ. «Ахъ Коленкуръ», воскликнулъ онъ, «безъ снисходительности невозможно судить о людяхъ, а тѣмъ болѣе управлять ими. Печально видѣть, какъ многіе изъ моихъ офицеровъ спѣшатъ покинуть меня. Но почему не дѣлаютъ они это прямо? Я понимаю ихъ желанія, я вхожу въ ихъ затруднительное положеніе, я прихожу къ нимъ на помощь; я говорю имъ, что имъ не остается иного исхода, какъ служить Бурбонамъ, а они вмѣсто того, чтобы воспользоваться моимъ указаніемъ, истощаются въ заявленіяхъ преданности ко мнѣ и вслѣдъ за тѣмъ посылаютъ тайкомъ заявленіе своей покорности въ Парижъ и измышляютъ какой нибудь предлогъ, дабы оставить меня. Ничто не ненавистно для меня такъ, какъ притворство! Понятно, что старые военные, покрытые ранами, стараются обезпечить себя подъ властью новаго правительства. Но для чего эта игра въ прятки? Но люди никогда не умѣютъ смотрѣть прямо на свой долгъ, не умѣютъ говорить и дѣйствовать сообразно съ нимъ. Мой молодецъ, Друо, тотъ не таковъ. Онъ недоволенъ, я знаю, но не за себя, а за нашу бѣдную Францію. Онъ не увѣряетъ меня въ своей преданности, но я знаю, что онъ останется, и не столько изъ любви ко мнѣ, сколько изъ уваженія къ самому себѣ. Друо, Друо! это сама добродѣтель!» [1]).

Наполеонъ перешелъ къ своимъ министрамъ. Онъ отозвался съ презрѣніемъ о Кларке; о Талейранѣ онъ говорилъ безъ особенной горечи. «Онъ нашелъ себѣ подходящую роль», замѣтилъ онъ, «и тотчасъ же ухватился за нее. Надо желать, чтобы Бурбоны управляли въ его духѣ. Онъ будетъ для нихъ превосходнымъ совѣтникомъ, но они не будутъ въ состояніи удержать его болѣе шести мѣсяцевъ, да и онъ не уживется съ ними долѣе. Фуше, это мерзавецъ! Онъ ненавидитъ меня также глубоко, какъ и боится. Онъ бы готовъ былъ сослать меня на окраины океана».

Наполеонъ былъ въ самомъ пылу своихъ разсужденій, когда ему доложили о пріѣздѣ полковника М. Орлова. Онъ пріѣ-

[1]) Съ большою похвалою отозвался также Наполеонъ о генералахъ Жерарѣ и Клозелѣ; онъ назвалъ ихъ надеждою французской арміи. Тьеръ, т. XVII, стр. 797.

халъ по личному распоряженію императора Александра и привезъ съ собою ратификацію договора съ союзниками. Эта изысканная любезность русскаго государя произвела на Наполеона самое неожиданное впечатлѣніе. Онъ почувствовалъ всю тяжесть предстоящей ему судьбы. Онъ объявилъ, что онъ не хочетъ видѣть русскаго посланца, что для него безконечно тяжело скрѣплять своею подписью этотъ договоръ. «Страданія мои велики», обратился онъ къ Коленкуру, «но они ничего не значатъ въ сравненіи съ тѣмъ, что предстоитъ мнѣ теперь. Окончить свое поприще, подписать договоръ, не гарантирующій ни одинъ изъ нашихъ общихъ интересовъ, даже интересовъ чисто нравственныхъ, напр. орденъ почетнаго легіона, сохраненіе нашихъ національныхъ цвѣтовъ, подписать договоръ, который даетъ мнѣ только деньги! О! Коленкуръ, если бы не мой сынъ, моя жена, мои сестры, мои братья, я разорвалъ бы этотъ трактатъ на тысячи кусковъ! О! если бы мои генералы, выказавшіе прежде столько мужества, сохранили его еще часа на два, я измѣнилъ бы эту судьбу. Если бы этотъ презрѣнный сенатъ не занялъ моего мѣста, если-бы онъ предоставилъ мнѣ заключить миръ; то съ силами, которыя оставались еще въ моемъ распоряженіи, съ страхомъ, который я продолжалъ еще внушать, я съумѣлъ бы извлечь иные результаты изъ нашего пораженія. Я добился бы чего-нибудь для Франціи, а затѣмъ похоронилъ бы себя въ забвеніи. Но оставить Францію столь малою, получивъ ее столь великою — какое несчастіе! И эти униженія еще не послѣднія. Мнѣ прійдется ѣхать черезъ южныя провинціи, гдѣ страсти такъ разыгрались противъ меня. Пусть бы меня зарѣзали Бурбоны, я бы простилъ имъ, но быть можетъ, я буду отданъ въ жертву этой гнусной черни юга. Умереть на полѣ битвы, — это не значитъ ничего; но умереть въ грязи и отъ такихъ рукъ!» [1]).

Наполеонъ переживалъ жесточайшій кризисъ своей жизни. Онъ отпустилъ Коленкура и наединѣ предался своему отчаянію. Цѣлую ночь сонъ не смыкалъ его глазъ. Страшныя мысли тѣснились въ его головѣ. Онъ хотѣлъ покончить съ

[1]) Тьеръ, т. XVII, стр. 800.

собою. Смерть, добровольная смерть, казалась ему единственнымъ спасеніемъ отъ безъисходнаго позора, отъ неслыханнаго униженія. Онъ вдругъ вспомнилъ о ядѣ, который онъ постоянно носилъ при себѣ со времени отступленія изъ Москвы, но у него не хватило ни рѣшимости, ни силы покончить съ собою. Его воля была парализована въ рѣшительный моментъ не страхомъ передъ неизвѣстностью, ожидающею насъ за могилою, не покорною преданностью волѣ провидѣнія, а слѣпою, инстнинктивною привязанностью къ жизни. Онъ никогда не былъ христіаниномъ, но у него не было и тѣни героизма тѣхъ римскихъ язычниковъ, о которомъ онъ такъ любилъ толковать. Чуждый истинной вѣры, онъ чуждъ былъ и истиннаго величія. Съ легкимъ сердцемъ посылалъ онъ на смерть тысячи людей, гоняясь за призракомъ славы, а теперь, когда отнято у него было все, купленное кровью и слезами милліоновъ, когда самъ онъ былъ униженъ, уничтоженъ нравственно, онъ послѣ страшной борьбы между жизнью и смертью, избралъ первую и не посмѣлъ наложить на себя руки [1]).

[1]) Весь разсказъ о попыткѣ Наполеона на самоубійство заслуживаетъ очень мало вѣроятія по той причинѣ, что главнѣйшимъ, почти единственнымъ свидѣтелемъ, является въ данномъ случаѣ, камердинеръ императора, Констанъ, мемуары котораго составлены, какъ извѣстно, не имъ самимъ, а другими лицами и отличаются весьма малою степенью достовѣрности. Самъ Наполеонъ во время своего путешествія на островъ Эльбу въ своихъ разговорахъ съ австрійскимъ коммиссаромъ Ф. Коллеромъ прямо говорилъ: «Меня упрекаютъ, что я могъ пережить мое паденіе. Совершенно несправедливо! Я не вижу ничего великаго въ томъ, чтобы покончить съ собою, подобно тому какъ поканчиваетъ съ собою игрокъ, спустившій все свое состояніе за карточнымъ столомъ. Гораздо больше мужества требуется для того, чтобы пережить свое незаслуженное несчастіе. Я не боюсь смерти». Въ разговорѣ своемъ съ Лелюкскимъ префектомъ, во время той же поѣздки, Наполеонъ выразился такимъ образомъ: «Я понимаю, что для моихъ друзей было бы гораздо удобнѣе, если бы я убилъ себя; но это противорѣчитъ моимъ принципамъ; я всегда считалъ трусостью—неумѣнье переносить несчастіе». Англійскій коммиссаръ Кемпбель разсказываетъ между прочимъ, что Наполеонъ обратился послѣ послѣднихъ рѣшительныхъ для него событій къ одному изъ своихъ приближенныхъ съ вопросомъ, какъ бы онъ поступилъ на его мѣстѣ. «Я бы пустилъ себѣ пулю въ лобъ», отвѣчалъ тотъ. Наполеонъ, подумавъ съ минуту, отвѣчалъ: «Да, я могъ бы поступить такимъ образомъ, но мои приверженцы не извлекли бы изъ подобнаго поступка никакой пользы, а моимъ врагамъ я бы доставилъ большое удовольствіе». См. A. v. Helfert, Napoleon's I Fahrt von Fontainebleau nach Elba. Вѣна, 1874, стр. 80—82.

Ночь съ 11 на 12 апрѣля прошла крайне безспокойно въ Фонтенеблскомъ дворцѣ. Послѣ полуночи Наполеонъ почувствовалъ себя очень дурно. У него открылись сильныя желудочныя спазмы, сопровождавшіяся рвотою. Императоръ потребовалъ къ себѣ Коленкура и своего лейбъ-медика Ивана. Онъ жаловался на боли и требовалъ, чтобы Иванъ далъ ему сильную дозу опіума, которая могла бы покончить его страданія. Испуганный этимъ требованіемъ Иванъ бѣжалъ изъ дворца и въ ту же ночь скрылся изъ Фонтенебло. Къ утру Наполеону стало легче. Страданія прекратились, осталась одна слабость. Его усадили на креслѣ подлѣ открытаго окна и онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ. Вмѣстѣ съ физическою болью затихла и страшная внутренняя борьба. Настроеніе Наполеона сдѣлалось совершенно спокойное. Онъ не говорилъ уже болѣе о своихъ страданіяхъ, о предстоящемъ ему позорѣ, о смерти. Онъ выразилъ желаніе попрощаться съ маршаломъ Макдональдомъ и подарилъ ему при разставаніи саблю Мурадъ-бея, одинъ изъ трофеевъ Абукирской побѣды. Онъ принялъ Бертье. пришедшаго проститься съ нимъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Парижъ. Бывшій любимецъ императора объявилъ ему, что онъ въ скоромъ времени возвратится въ Фонтенебло. Наполеонъ не сказалъ ему на это ни слова, но когда Бертье вышелъ за двери, онъ замѣтилъ, обращаясь къ Коленкуру: «посмотрите! онъ не возвратится». Слова эти сказаны были безъ всякой горечи. Наполеонъ видимо покончилъ счеты съ прошлымъ. Онъ потребовалъ актъ договора, снабдилъ его своею подписью и приказалъ передать его полковнику Орлову.

Исполнивъ это порученіе, Коленкуръ возвратился къ Наполеону и, къ удивленію своему, нашелъ его почти въ веселомъ настроеніи духа. «Я получилъ письмо отъ императрицы», воскликнулъ онъ на встрѣчу входящему. «Хорошія новости! Мой сынъ здоровъ, жена моя выражаетъ мнѣ свою полнѣйшую преданность, она горитъ нетерпѣніемъ соединиться со мною, какъ можно скорѣе. О Коленкуръ! Провидѣніе рѣшило, я буду жить! кто можетъ прозрѣть въ будущее? Моя жена, мой сынъ, этого довольно для меня. Я ихъ

увижу. я надѣюсь, что я ихъ буду видѣть часто. Когда убѣдятся, что я не намѣренъ болѣе выходить изъ моего уединенія, то мнѣ разрѣшатъ, навѣрное, принимать ихъ у себя, ѣздить къ нимъ. А затѣмъ, я буду писать исторію всего сдѣланнаго нами. Коленкуръ, я сдѣлаю безсмертными ваши имена! Да! есть еще основаніе жить».

Какъ истый сангвиникъ, Наполеонъ всецѣло увлекся этими новыми мечтами. Тихія семейныя радости, литературный трудъ, міръ воспоминаній, предстали предъ нимъ въ неизвѣданной, чарующей прелести. Онъ спѣшилъ покончить, какъ можно скорѣе, съ этимъ шумнымъ поприщемъ, гдѣ онъ былъ такъ великъ и такъ несчастливъ. Желаніе увидѣть жену и сына наполняло все его существо. По его порученію, Коленкуръ долженъ былъ отправиться немедленно къ союзнымъ государямъ и Маріи-Луизѣ и устроить такъ, чтобы императрица могла соединиться съ нимъ уже въ ближайшемъ будущемъ. Коленкуръ долженъ былъ посовѣтовать Маріи-Луизѣ увидѣться, какъ можно скорѣе, съ своимъ отцомъ и попытаться выпросить у него Тоскану.

«Впрочемъ», добавилъ Наполеонъ «не торопите мою жену, не уговаривайте ее ѣхать ко мнѣ. Пусть рѣшеніе ея будетъ самостоятельное, пусть поступитъ она такъ, какъ подскажетъ ей ея сердце. Я хорошо знаю женщинъ и особенно мою жену. Предлагать ей вмѣсто французскаго двора, какимъ онъ былъ при мнѣ, тюрьму — это значитъ требовать тяжелаго испытанія. Мнѣ будетъ крайне непріятно, если она явится ко мнѣ съ печальнымъ или скучнымъ лицемъ. Я предпочитаю одиночество зрѣлищу печали или скуки. Если собственное побужденіе влечетъ ее ко мнѣ, я пріиму ее съ отверзстыми объятіями. Если нѣтъ, пусть она ѣдетъ въ Парму, во Флоренцію, гдѣ ожидаетъ ее царство. Я потребую отъ нея только моего сына». Покончивъ съ этими сомнѣніями, Наполеонъ началъ говорить о предстоящемъ ему путешествіи. Вспомнивъ о союзныхъ коммиссарахъ, онъ замѣтилъ, что изъ всѣхъ ихъ онъ придаетъ наибольшее значеніе англійскому. «Англичане свободный народъ», сказалъ онъ, «они уважаютъ самихъ себя» [1]).

[1]) См. Тьеръ, т. XVII, стр. 809.

Последняя миссія, возложенная Наполеономъ на вѣрнаго Коленкура, не увѣнчалась успѣхомъ. Судьба готовила Наполеону новое, тяжелое испытаніе. Его супруга Марія-Луиза добилась дѣйствительно свиданія съ своимъ отцомъ, но результатъ этого свиданія былъ самый неожиданный. Безъ особеннаго труда, Францъ уговорилъ свою дочь отказаться пока отъ мысли сопровождать своего супруга на островъ Эльбу, и переѣхать на-время въ Вѣну. Марія-Луиза, женщина добрая, но слабая и легкомысленная, уступила доводамъ отца, тѣмъ болѣе, что она вовсе не теряла надежды увидѣться съ супругомъ въ близкомъ будущемъ. Она просила Коленкура передать императору, что она любитъ его по прежнему, что она останется навсегда вѣрна ему, что она, во всякомъ случаѣ, постарается съѣхаться съ нимъ при первой же возможности и привезетъ съ собою непремѣнно сына.

Наполеонъ былъ крайне раздраженъ на своего тестя за его коварные совѣты, но онъ не сердился особенно на Марію-Луизу, хорошо зная ея безхарактерность. Къ тому же влеченіе Наполеона къ женѣ и сыну вовсе не было такъ глубоко и сильно, какъ могло показаться это на первый разъ. Великій эгоистъ никогда не былъ хорошимъ семьяниномъ, да и не могъ быть таковымъ. Когда онъ былъ у власти, вниманіе его постоянно отвлекалось вопросами общими, теперь когда онъ превратился въ человѣка частнаго, не смотря на удержанный имъ императорскій титулъ, онъ погрузился всецѣло въ мелочныя заботы о самомъ себѣ, о своей безопасности, о своихъ удобствахъ и объ оставшемся ему имуществѣ. Какъ это ни странно, но экономическіе вопросы особенно поглощали вниманіе и время Наполеона за послѣдніе дни пребыванія его въ Фонтенебло. Онъ порѣшилъ захватить съ собою на островъ Эльбу все, что только можно было увезти изъ роскошно-убраннаго Фонтенеблскаго дворца. Цѣлая сотня фургоновъ и громадныхъ телѣгъ нагружены были, по его распоряженію, мебелью, зеркалами, бронзою, картинами, статуями, книгами и другими предметами. Наполеонъ, видимо, хотѣлъ устроиться на Эльбѣ со всевозможнымъ комфортомъ, даже роскошью. Въ деньгахъ онъ не нуждался. Помимо ожидаемой

пенсіи, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи еще нѣсколько милліоновъ франковъ звонкой монеты. Цѣлый фургонъ нагруженъ былъ этими деньгами [1]).

Между тѣмъ въ Фонтенебло начали прибывать одинъ за другимъ коммиссары союзныхъ державъ, долженствовавшіе сопровождать Наполеона на его пути черезъ Францію. Выборъ коммиссаровъ произведенъ былъ самымъ тщательнымъ образомъ. Онъ палъ на такихъ лицъ, общественное положеніе которыхъ, личныя заслуги и характеръ, должны были льстить самолюбію падшаго властелина Европы. Особенно деликатно поступилъ, и при этомъ случаѣ, императоръ Александръ. Какъ всегда, такъ и теперь, онъ подавалъ примѣръ великодушія и изысканной любезности. Сначала государь предполагалъ назначить коммиссаромъ генерала Чернышева, бывшаго одно время чрезвычайнымъ посломъ при дворѣ Наполеона, но затѣмъ измѣнилъ свое намѣреніе, сказавъ при этомъ: «Наполеону прискорбно будетъ видѣть въ несчастіи того, кто состоялъ при немъ въ эпоху его величія». Послѣ нѣкотораго раздумья, государь остановился на графѣ П. А. Шуваловѣ. Призвавъ его къ себѣ въ кабинетъ, Александръ сказалъ ему: «Я возлагаю на васъ важную обязанность. Вы будете строго отвѣчать за каждый волосъ, который упадетъ съ головы Наполеона» [2]).

Императоръ Францъ назначилъ своимъ коммиссаромъ фельдмаршала-лейтенанта барона Ф. Коллера; выборъ короля прусскаго палъ на полковника графа Трухзесъ-Вальдбурга, британскимъ коммиссаромъ назначенъ былъ полковникъ Нейль Кемпбель. Всѣ коммиссары принимали дѣятельное участіе въ послѣднихъ войнахъ, всѣ ознаменовали себя геройскими подвигами, всѣ отличались истинно благородными, рыцарскими качествами характера. Наполеонъ могъ быть вполнѣ доволенъ выборомъ своихъ спутниковъ.

[1]) См. донесеніе австрійскаго коммиссара Ф. Коллера у Гельферта въ его Napoleon's Fahrt von Fontainebleau nach Elba, стр. 15.

[2]) См. Богдановичъ, исторія Александра I, Т. IV, стр. 525—526; тамъ же ссылка на архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Campagne de 1814 года, № 471 и 478—488.

Коммиссары собрались въ Фонтенебло къ 16 апрѣля [1]). На другой день, тотчасъ-же послѣ мессы, Наполеонъ принималъ ихъ каждаго отдѣльно въ особой аудіенціи. На императорѣ былъ старый зеленый мундиръ, синіе панталоны и сапоги съ красными отворотами. Видъ его былъ крайне неряшливый. Видно, онъ не занимался собою въ послѣдніе дни. Волосы его были растрепанные, борода не бритая, грудь и верхняя губа выпачканы нюхательнымъ табакомъ. Вѣжливѣе всего Наполеонъ отнесся къ русскому коммиссару. Онъ освѣдомился даже у графа Шувалова о здоровьи императора Александра и сказалъ при этомъ нѣсколько любезныхъ фразъ. Съ барономъ Коллеромъ Наполеонъ бесѣдовалъ въ теченіи пяти минутъ о посторонних предметахъ. Особенно холодно держалъ онъ себя по отношенію къ прусскому уполномоченному. «Развѣ на нашемъ пути расположены и прусскія войска?» спросилъ онъ графа Вальдбурга. Графъ отвѣчалъ отрицательно. «Въ такомъ случаѣ вы не брали бы на себя труда провожать меня», замѣтилъ ѣдко Наполеонъ. «Это не трудъ, а честь!» возразилъ графъ. Наполеонъ поморщился и отпустилъ графа. Едва ли не самымъ сердечнымъ образомъ обошелся императоръ съ уполномоченнымъ англійскимъ. Онъ бесѣдовалъ съ полковникомъ Кемпебелемъ около часа. Онъ распрашивалъ его объ его орденахъ и ранахъ, распространился объ испанской войнѣ, отзывался съ похвалою о Веллингтонѣ, говорилъ объ экспедиціи англичанъ на Бергенъ-оп-сомъ и хвалилъ мужество ихъ войскъ. Узнавъ, что Кемпбель шотландецъ, Наполеонъ началъ говорить о поэмахъ Оссіана. «Въ нихъ вѣетъ геройскій воинственный духъ», замѣтилъ онъ.

[1]) Главнѣйшимъ матеріаломъ для исторіи путешествія Наполеона на островъ Эльбу должны считаться подлинныя донесенія австрійскаго коммиссара Ф. Коллера, стоявшаго ближе всѣхъ къ Наполеону и пользовавшагося его особеннымъ довѣріемъ. Донесеніями этими воспользовался Ф. Гельфертъ въ своей, неоднократно цитируемой нами, брошюрѣ, Napoleon's Fahrt von Fontainebleau nach Elba, Wien, 1874. Кромѣ того имѣютъ еще значеніе: Napoleons Reise von Fontainebleau nach Frejus vom 17 bis 29 April, брошюра, написанная прусскимъ коммиссаромъ Ф. Вальдбургомъ и Napoleon at Fontainebleau and Elba, beinga journal of occurences in 1814—15 by the late Major-General Sir Neil Campbell London, 1869 г.

Затѣмъ императоръ сталъ говорить объ Англіи и о своихъ отношеніяхъ къ ней. «Ваша нація», сказалъ онъ, «самая великая изъ всѣхъ; она стоитъ въ моихъ глазахъ выше всѣхъ остальныхъ. Я былъ вашъ величайшій врагъ, теперь уже нѣтъ. Я хотѣлъ поднять французскую націю на такую же высоту, но планы мои рушились. Это судьба!» На этихъ словахъ Наполеонъ остановился. На лицѣ его было замѣтно сильное душевное движеніе, глаза его были влажны. Онъ перемѣнилъ тему разговора и началъ говорить о своемъ переѣздѣ на островъ Эльбу. Онъ выразилъ желаніе, чтобы англійскій военный корабль сопровождалъ его на пути для защиты отъ корсаровъ. «Быть можетъ, я самъ поѣду на вашемъ кораблѣ», сказалъ онъ Кемпебелю, ласково прощаясь съ нимъ [1]).

Начались приготовленія къ отъѣзду; сдѣланъ былъ вызовъ офицерамъ и солдатамъ старой гвардіи, кто изъ нихъ желаетъ сопровождать императора на Эльбу. Желающихъ оказалось много; изъ нихъ выбрано было, по личному усмотрѣнію Наполеона, 800 человѣкъ. Все это были старые, заслуженные солдаты, украшенные орденами, покрытые ранами. Изъ нихъ былъ составленъ батальонъ, во главѣ коего стали генералъ Камбронъ и полковникъ Малле. Батальонъ выступилъ изъ Фонтенебло 18 апрѣля, онъ направился на Бріаръ и Оксеръ, а оттуда на Ліонъ и Савону, гдѣ должна была воспослѣдовать посадка на суда. Нѣсколько лицъ изъ свиты Наполеона рѣшились также сопровождать своего властелина въ изгнаніе. Графъ Анри Бертранъ взялся исполнять при особѣ императора должность придворнаго маршала. Генералъ-лейтенантъ Антуанъ Друо, неразлучный спутникъ Наполеона во всѣхъ походахъ, начиная съ испанской войны 1808 года, сопровождалъ его теперь въ качествѣ самого приближеннаго лица. Полковникъ Ермановскій ѣхалъ въ качествѣ флигель-адъютанта Наполеона. Кромѣ этихъ выдающихся лицъ, императора сопровождали еще: капитаны-адъютанты Дешампъ и Байллонъ, императорскій казначей Ла-Перузъ, кабинетный секретарь Ратери и врачъ Фуро.

[1]) Подробности о пріемѣ коммиссаровъ см. у Гельферта, стр. 1—4.

Нельзя сказать, чтобы всѣ эти лица ѣхали на Эльбу особенно охотно. Многіе изъ нихъ терзались предстоящею имъ скукою и трепетали передъ грозящими имъ опасностями. Особенно тревожился графъ Бертранъ. «Я знаю Эльбу», говорилъ онъ англійскому коммиссару. «Это маленькій, безплодный островъ, въ добавокъ еще нездоровый отъ болотныхъ испареній. Тамъ очень мало растительности; вода тамъ плохая. Къ тому же какія опасности грозятъ намъ во время переѣзда! Бури могутъ занести насъ Богъ знаетъ куда, да и на самомъ островѣ могутъ насъ навѣстить алжирскіе пираты». Кемпбель старался успокоить по возможности трусливаго гофмаршала. Онъ объявилъ, что англійскимъ правительствомъ приняты всѣ мѣры для защиты острова, и что ему самому предписано оставаться на Эльбѣ до тѣхъ поръ, пока пожелаетъ этого императоръ Наполеонъ [1]).

Все было, повидимому, готово, но отъѣздъ откладывался со дня на день. Наполеону было тяжело разставаться съ Фонтенебло и съ послѣдними призрачными надеждами на внезапный поворотъ счастія. Онъ былъ неистощимъ въ изобрѣтеніи все новыхъ и новыхъ предлоговъ, только бы отложить ненавистное ему путешествіе. Онъ вдругъ началъ настаивать на свиданіи съ Маріею-Луизою, хотя и зналъ хорошо, что изъ этихъ настояній не можетъ выйти ровно ничего, такъ какъ безхарактерная императрица находилась уже въ это время всецѣло подъ вліяніемъ своего отца. Потомъ онъ начиналъ спорить съ коммиссарами о маршрутѣ и заявлялъ при этомъ такія требованія, на которыя никоимъ образомъ не могли согласиться союзные государи. При этомъ Наполеонъ видимо сторонился отъ коммиссаровъ и старался избѣжать всякой встрѣчи и объясненій съ ними. По цѣлымъ днямъ онъ не выходилъ изъ замка и даже изъ своего кабинета. Почти ежечасно прибывали къ нему офицеры и ординарцы изъ арміи, изъ Парижа, изъ Рамбулье. Наполеонъ принималъ лично каждаго изъ нихъ, выслушивалъ ихъ донесенія и отпускалъ ихъ

[1]) См. Campbell, стр. 157.

съ своими отвѣтами и порученіями. Привыкнувъ къ неутомимой дѣятельности, онъ и теперь старался найти себѣ какъ можно больше дѣла. У него явилось понятное желаніе надѣлить каждаго изъ своихъ приближенныхъ и довѣренныхъ лицъ на память какою-нибудь вещью и онъ всецѣло предался этому занятію. По цѣлымъ днямъ онъ упаковывалъ и разсылалъ во всѣ стороны: книги, манускрипты, сабли, пистолеты, монеты, медали [1]). Съ жадностью вчитывался онъ въ многочисленныя заявленія преданности и вѣрности, получаемыя имъ отъ разныхъ лицъ, преимущественно военныхъ. Какъ истый сангвиникъ, онъ принималъ за звонкую монету каждое громкое слово, въ выраженіяхъ вѣжливости и личной пріязни онъ усматривалъ симптомы самоотверженія и готовности содѣйствовать его возстановленію. Онъ началъ вновь строить воздушные замки и увлекаться несбыточными мечтами. Ему показалось, что онъ готовъ совершить величайшую ошибку своей жизни, и онъ сдѣлалъ еще одну безсильную попытку возстать противъ своей судьбы.

Уже отъѣздъ назначенъ былъ окончательно на 20 апрѣля, въ девять часовъ утра, когда Наполеонъ потребовалъ къ себѣ австрійскаго коммиссара Ф. Коллера и объявилъ ему, что онъ не поѣдетъ. Императоръ былъ при этомъ въ страшно возбужденномъ состояніи. «Я не могу ѣхать», говорилъ онъ, «союзники не сдержали данныхъ мнѣ обѣщаній, они дали мнѣ этимъ право взять назадъ мое отреченіе. Я получилъ въ эту ночь болѣе тысячи депешъ. Всѣ умоляютъ меня взять въ мои руки бразды правленія. Я обращусь къ моей старой гвардіи и тогда увидите, что значутъ старые солдаты. Меня хотятъ заманутъ въ ловушку, моей женѣ мѣшаютъ ѣхать со мною. Императоръ австрійскій человѣкъ безчестный: онъ хочетъ расторгнуть бракъ своей дочери. Императоръ Александръ отнялъ у императрицы регентство, а потомъ, какъ бы въ насмѣшку, сдѣлалъ ей визитъ въ Рамбулье, да еще потащилъ съ собою короля прусскаго» [2]). Наполеонъ горячился все бо-

[1]) См. Гельфертъ, стр. 11—12.

[2]) Къ этимъ грубымъ словамъ Наполеонъ добавилъ еще нѣсколько другихъ: «Pourquoi l'Empereur à-t-il amenè le Roi de Prusse? Est-ce pour avoir un roi

лѣе и болѣе, онъ началъ вспоминать о прошломъ и горько жаловался на свою судьбу. Коллеръ напомнилъ ему, что еще три четверти года тому назадъ онъ могъ иначе устроить свою судьбу, что ему стоило лишь принять предложенія, сдѣланныя ему въ Прагѣ. Наполеонъ задумался. «Да! сказалъ онъ, я убаюкивалъ себя тогда мечтами. Развѣ, нельзя, хотя разъ въ жизни увлечься мечтами? Теперь я далекъ отъ нихъ. Къ тому же мнѣ дали тогда всего лишь 12 дней времени». Коллеръ возразилъ, что опытъ прежнихъ временъ наглядно показалъ союзникамъ, что Наполеонъ пользовался переговорами лишь для того, чтобы собрать новыя силы для продолженія войны. «Если хитрость допускается на войнѣ», прервалъ его Наполеонъ, «то почему же нельзя пользоваться ею при переговорахъ? Впрочемъ, что касается пражскаго конгресса, то сознаюсь, что я обманулся на счетъ васъ. Я считалъ васъ такими же, какими зналъ васъ прежде, но вы перемѣнились между тѣмъ въ вашу пользу».

Мало по-малу Наполеонъ началъ успокаиваться. Онъ понялъ безплодность дальнѣйшей борьбы. «Хорошо», сказалъ онъ, «я останусь еще разъ вѣренъ моему обѣщанію. Но если мнѣ подадутъ опять поводъ къ жалобамъ, то я буду считать себя свободнымъ отъ всѣхъ обязательствъ».

Въ этотъ моментъ въ комнату вошелъ флигель-адъютантъ графъ Буши, онъ доложилъ отъ имени гофмаршала, что все готово къ отъѣзду и что скоро будетъ 11 часовъ. Наполеонъ вспыхнулъ. «Ого!» закричалъ онъ. «Развѣ господинъ маршалъ не знаетъ меня. Съ которыхъ это поръ долженъ я жить по его часамъ? Я поѣду, когда мнѣ будетъ угодно, а можетъ быть, мнѣ не будетъ угодно и вовсе ѣхать!» [1]). Не обращая затѣмъ вниманія на адъютанта, Наполеонъ продолжалъ прерванный разговоръ. Онъ старался доказать Коллеру, что Австрія

á sa suite? Que est que le roi peut avoir dit à ma femme? De grossieretes? Ce n'est que l'homme d'esprit qui a le droit den dire puis—qu'il sait choisir le moment. Moi je me sens encore trop de dignite pour avoir le reçu, ce roi la s'il avait voulu venir me voir». См. Гельфертъ примѣчаніе 12, стр. 76.

[1]) См. Гельфертъ, стр. 19.

поставила себя въ крайне опасное положеніе, заключивъ союзъ съ Россіею и Пруссіею. «Францiя», замѣтилъ онъ, «вотъ естественный союзникъ Австріи, тогда какъ Россія задушитъ ее въ своихъ объятіяхъ». «Государь», прервалъ его при этихъ словахъ Коллеръ, «всегда болѣе имѣются въ виду непосредственныя опасности, нежели отдаленныя опасенія». Наполеонъ былъ озадаченъ этимъ замѣчаніемъ. «Я уважаю васъ за свободу вашей рѣчи», сказалъ онъ Коллеру. «Если вы говорите также откровенно и смѣло съ вашимъ монархомъ, то онъ имѣетъ въ васъ неоцѣненнаго слугу. Я не былъ на столько счастливъ!»

Наполеонъ началъ говорить о переговорахъ во Франкфуртѣ и Шатильонѣ, о Бурбонахъ. Коснувшись этой послѣдней темы, онъ вновь пришелъ въ сильное возбужденіе.

«Графъ Артуа присвоилъ себѣ отнятые у меня милліоны», сказалъ онъ. «Этимъ страшно недовольны войска, особенно гвардія; они были убѣждены, что я опредѣлилъ эти деньги на жалованье имъ. А теперь графъ захватываетъ ихъ, даже противъ воли временнаго правительства. Говорю вамъ, что при такомъ образѣ дѣйствія, Бурбоны долго не продержутся» [1]).

Разговоръ продолжался около полутора часа. Наполеонъ, по своему обыкновенію, говорилъ почти самъ все время, лишь изрѣдка дозволяя своему собесѣднику вставлять свои замѣчанія; онъ переходилъ отъ одного предмета къ другому, онъ неоднократно давалъ понять, что все зависитъ и теперь отъ его личнаго усмотрѣнія, что онъ можетъ ѣхать или не ѣхать, какъ ему вздумается. Коллеръ предостерегалъ его, онъ напоминалъ ему печальные опыты Шатильона и Праги. «Если вы будете упорствовать, государь, если вы будете откладывать вашъ отъѣздъ подъ разными предлогами», сказалъ онъ ему наконецъ въ рѣшительномъ тонѣ, «то вы можете погубить все. Союзники не будутъ считать себя связанными данными обѣщаніями; вы лишитесь всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ вами по договору 11 апрѣля». Смѣлая рѣчь коммис-

[1]) «Vous verrez, qu' avec ces dispositions la, les Bourbons ne se soutiendront pas!». Гельфертъ, стр. 20.

сара произвела на Наполеона желанное дѣйствіе. «Вы знаете», сказалъ онъ, «что я никогда не нарушалъ даннаго мною слова».

Отпустивъ Коллера, Наполеонъ приказалъ позвать полковника Кемпебеля. «Если державы начнутъ поступать со мною слишкомъ круто», сказалъ онъ британскому коммиссару, «то имѣйте въ виду, что я брошусь въ объятія Англіи. Вы великая нація! Я ѣду на Эльбу лишь потому, что буду чувствовать себя тамъ, какъ бы въ предмѣстіи Лондона». Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ велѣлъ пригласить Шувалова и Вальдбурга; онъ сказалъ каждому изъ нихъ по нѣсколько ласковыхъ фразъ, изъявилъ свое полное довѣріе союзнымъ коммиссарамъ и окончилъ словами, что онъ готовъ ѣхать.

Наступила послѣдняя, торжественная минута. Наполеону предстояло сказать послѣднее прости своей старой гвардіи. Онъ съумѣлъ придать этому моменту незабвенное, глубоко потрясшее всѣхъ очевидцевъ, впечатлѣніе. Пробило 12 часовъ дня, когда императоръ, сопровождаемый немногими лицами своей свиты, спустился по большой мраморной лѣстницѣ дворца въ обширный дворъ Фонтенеблоскаго замка. Тутъ все было готово въ ожиданіи его. Вся старая гвардія выстроена была на дворѣ въ боевомъ порядкѣ; всѣ ворота и выходы заняты были толпами народа, сбѣжавшагося изъ окрестностей. Императоръ приказалъ ударить сборъ. Всѣ генералы и офицеры выступили впередъ, и стали полукругомъ вокругъ него. Наполеонъ началъ говорить и его голосъ дрожалъ отъ волненія:

«Солдаты моей старой гвардіи, я говорю вамъ мое прости! Въ теченіи двадцати лѣтъ я неизмѣнно видѣлъ васъ на пути чести и славы. И послѣднее несчастное время, какъ и во времена счастія, вы не переставали служить образцами мужества и вѣрности. Съ такими людьми, какъ вы, дѣло наше не было бы проиграно никогда! Но часть арміи оказалась невѣрна своему долгу, союзники вооружили противъ меня всю Европу, освобожденіе столицы сдѣлалось невозможнымъ. Правда я могъ бы продолжать войну еще цѣлыхъ три года съ войсками, оставшимися вѣрными мнѣ; но война эта превратила бы въ пустыню наше прекрасное отечество; да и этою цѣною

нельзя было надѣяться устоять противъ соединенной Европы. Тогда, принимая къ сердцу благо Франціи, я рѣшился принести всѣ мои права и личные интересы въ жертву на алтарь отечества, счастье и слава котораго составляли всю цѣль моей жизни. Я могъ бы покончить съ своею жизнью, но я хочу жить и жить для васъ. Я хочу увѣковѣчить на скрижаляхъ исторіи все то, что совершено нами! Я оставляю васъ! А вы, мои дѣти, продолжайте служить Франціи!»

Сказавъ эти послѣднія слова, Наполеонъ подозвалъ къ себѣ генерала Жанъ-Мартина Пти, и велѣлъ поднести къ себѣ всѣ орлы гвардіи. «Я не могу обнять васъ всѣхъ», вскричалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, «Но я цѣлую вашего генерала и прижимаю къ сердцу орлы, водившіе васъ въ дни опасности и славы!» Говоря эти слова, Наполеонъ поцѣловалъ въ обѣ щеки генерала Мартина и горячо прижималъ къ сердцу поданныя ему знамена. «Прощайте всѣ! закончилъ онъ свою рѣчь. Мои лучшія пожеланія будутъ всегда сопровождать васъ. Храните меня въ вашемъ воспоминаніи!» [1])

Рѣчь Наполеона произвела потрясающее впечатлѣніе. Неизгладимыми чертами врѣзалась эта сцена въ воспоминаніи всѣхъ присутствовавшихъ. Старые, закаленные ветераны рыдали какъ дѣти; генералы, офицеры тѣснились вокругъ императора; каждый изъ нихъ старался пожать его руку, поцѣловать край его одежды. Союзные коммиссары были тронуты до

[1]) Текстъ знаменитой прощальной рѣчи Наполеона сохранился въ нѣсколькихъ отличныхъ одна отъ другой, редакціяхъ. Одна изъ этихъ редакцій, помѣщенная у Фена въ его Manuscrit de l'annèe 1814, считается у французовъ какъ бы офиціальною, и была перепечатана буквально въ Correspondance de Napoleon I; но въ дѣйствительности она не можетъ заслуживать никакого предпочтенія передъ тремя другими редакціями, сохранившимися въ донесеніи Коллера, и въ разсказахъ Вальдбурга и Кемпбеля. Дѣло въ томъ, что Наполеонъ говорилъ свою рѣчь ex promptu и что всѣ свидѣтели, передавшіе намъ ея текстъ, записали ее по памяти, при чемъ, разумѣется, получилась значительная разница, если и не по существу дѣла, то по формѣ, и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Принимая во вниманіе это обстоятельство, мы старались воспользоваться всѣми дошедшими до насъ редакціями и удержать изъ всѣхъ ихъ то, что кажется намъ наиболѣе соотвѣтствующимъ и характеру Наполеона, и тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ пришлось ему говорить свою рѣчь.

слезъ. «Какая трогательная сцена», воскликнулъ полковникъ Кемпебель, «и какъ достойна она такого великаго человѣка».

Наполеонъ покончилъ дѣла свои во Франціи, и печальный кортежъ его тронулся въ изгнаніе. Поѣздъ императора носилъ на себѣ торжественный характеръ. Впереди ѣхалъ небольшой отрядъ гвардейской кавалеріи. За нимъ слѣдовалъ генералъ Друо въ четырехъ-мѣстной закрытой каретѣ съ своими офицерами. Затѣмъ ѣхалъ самъ Наполеонъ съ маршаломъ Бертраномъ, также въ закрытой каретѣ. За императоромъ слѣдовалъ второй отрядъ гвардейской кавалеріи, далѣе ѣхали Шуваловъ, Коллеръ, Кемпебель, Вальдбургъ, адъютантъ Шувалова, каждый въ особой каретѣ, затѣмъ потянулась свита императора.

Офицеры старой гвардіи сопровождали нѣкоторое время отъѣзжающихъ. Многіе изъ нихъ обращались къ союзнымъ коммиссарамъ съ трогательными словами, въ которыхъ высказывалась вся ихъ привязанность къ падшему властелину. «Прощайте товарищи!» [1]) кричали они имъ. «Заботьтесь о нашемъ дорогомъ императорѣ! Проводите его благополучно въ изгнаніе! Мы вѣчно будемъ за это благодарны!» Преданность этихъ людей бросалась тѣмъ болѣе въ глаза, что лица, самыя близкія къ Наполеону, думали лишь о самихъ себѣ и о своемъ благополучіи. Министръ Маре, генералы Белляръ, Корсаковскій, Орнано, полковники Буши-де-ла-Пласъ, камергеръ Тюреннь, попрощавшись съ императоромъ, спѣшили, сломя голову въ Парижъ, чтобы обдѣлать тамъ поскорѣе свои дѣла. Даже мамелюкъ Наполеона, Рустанъ, даже личный его камердинеръ, Констанъ, отказались сопровождать его въ изгнаніе. Они потребовали себѣ уплаты всего слѣдующаго имъ жалованья, и съ туго набитыми карманами поскакали въ Парижъ въ тотъ самый моментъ, когда императорскій поѣздъ выѣхалъ со двора Фонтенеблоскаго замка [2]).

Первые дни путешествія прошли совершенно благополучно.

[1]) Съ этими словами французскіе офицеры обращались, главнымъ образомъ, къ Коллеру; его, какъ земляка своей императрицы, они называли товарищемъ, по преимуществу. См. Гельфертъ, стр. 22.

[2]) См. Гельфертъ, стр. 22.

Наполеонъ ѣхалъ подъ прикрытіемъ своей конной гвардіи, и населеніе по пути встрѣчало его не только привѣтливо, но даже восторженно. Въ Бріарѣ, Неверѣ и другихъ городкахъ и мѣстечкахъ, толпа, собиравшаяся на дорогѣ, встрѣчала Наполеона громкими криками: да здравствуетъ императоръ! и осыпала насмѣшками и ругательствомъ союзныхъ офицеровъ. Наполеонъ былъ видимо доволенъ этими шумными оваціями. Его прежняя надменность возвратилась къ нему. Онъ началъ вести себя не какъ изгнанникъ, а какъ повелитель. Онъ держалъ себя вдали отъ союзныхъ коммиссаровъ, обѣдалъ и ужиналъ одинъ и дѣлалъ при каждомъ удобномъ случаѣ колкія замѣчанія на счетъ своихъ спутниковъ. Въ Неверѣ, когда толпы народа неумолкаемо кричали подъ окнами квартиры, занятой Наполеонъ, «да здравствуетъ императоръ!» и когда нѣкоторые изъ горожанъ обращались даже съ рѣчами къ нему, въ которыхъ жаловались, что непріятели силою навязываютъ имъ короля, увозятъ ихъ любимаго императора и силою отдѣляютъ отъ него императрицу и сына, Наполеонъ обратился съ злорадствомъ къ Коллеру: «А что? Слышите, какъ высказывается желаніе націи. Что-жъ, и теперь будете повторять фразы офиціальныхъ газетъ, что французы ненавидятъ меня?» [1]) Коллеръ возразилъ съ обычною своею смѣлостью. «Государь, не придавайте этому шуму большого значенія. Не далѣе какъ двадцать дней тому назадъ, вся страна вопила противъ васъ. Теперь настроеніе измѣнилось, тѣмъ болѣе, что вы ѣдете въ сопровожденіи вашей гвардіи. Но будьте увѣрены, эти люди будутъ встрѣчать черезъ недѣлю и своего новаго короля съ такимъ-же восторгомъ». Наполеонъ былъ видимо пораженъ вѣрностью этого замѣчанія. «Вы правы», сказалъ онъ Коллеру. «Французы легкомысленный, безхарактерный и капризный народъ».

Какъ много значили въ глазахъ толпы внѣшняя помпа и конвой изъ императорской гвардіи, не замедлило обнаружиться

[1]) «Ueus voyez comme la volonte de la nation se prononce. Suis-je aussi abhorre en France que les papiers publics le font à croire?» Гельфертъ, стр. 25.

вскорѣ во-очію. За Неверомъ Наполеонъ долженъ былъ распрощаться съ своимъ военнымъ конвоемъ и вслѣдъ затѣмъ измѣнилось, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, настроеніе населенія. Не слышно было болѣе восторженныхъ восклицаній; повсюду, встрѣчались молчаливыя, иногда даже угрюмыя лица, вездѣ красовались бѣлыя кокарды и знамена. Въ Муленѣ Наполеона ожидала большая толпа народа, но она держала себя такъ холодно, почти враждебно, что императоръ не рѣшился остановиться здѣсь и поспѣшно проѣхалъ далѣе въ Ла-Покадьеръ. И тутъ ожидалъ его такой же пріемъ. Повсюду, бѣлыя кокарды, вездѣ мрачныя, нахмуренныя лица. Наполеонъ не отважился обѣдать въ городкѣ, какъ предполагалось это по маршруту. Онъ началъ трепетать за свою безопасность и приказалъ ѣхать дальше въ Роаннъ. Поѣздъ прибылъ сюда къ 12 часамъ ночи. Наполеонъ вздохнулъ свободнѣе. Онъ видѣлъ, что городъ занятъ отрядомъ австрійскихъ войскъ и спокойно расположился на ночлегъ подъ прикрытіемъ вражескихъ штыковъ. Любовь и преданность французской націи начали представляться ему теперь въ своемъ настоящемъ видѣ.

На слѣдующій день поѣздъ началъ приближаться къ Ліону и вмѣстѣ съ тѣмъ стало возростать безпокойство Наполеона. Съ изумленіемъ замѣчали союзные коммиссары, что императоръ всецѣло поглощенъ теперь лишь одною мыслью о сохраненіи своей особы [1]). Они перестали теперь вѣрить разсказамъ о покушеніи Наполеона на самоубійство и съ разу поняли, что задача ихъ теперь значительно облегчается, что имъ нѣтъ надобности наблюдать за самимъ императоромъ, а заботиться лишь объ огражденіи его особы отъ насилій со стороны черни. Впрочемъ, эта послѣдняя задача становилась съ каждымъ днемъ и часомъ все затруднительнѣе. 23 апрѣля поѣздъ выѣхалъ изъ Роанна. Въ Тарарѣ, промышленномъ городкѣ, Наполеона ожидали послѣднія сочувственныя оваціи. Толпы народа привѣтствовали его криками: да здравствуетъ

[1]) «Die Besorgnis für seine Selbsterhaltung ist jezt gewiss das einzige und herschende Motiw aller Handlungen des Kaisers», писалъ въ этотъ день Коллеръ Меттерниху, см. Гельфертъ, стр. 26.

императоръ! «Что будетъ съ нами!» раздавались отдѣльные голоса, «подъ властью правительства, находящагося подъ вліяніемъ Англіи!» [1]). Призракъ свободной торговли видимо пугалъ этихъ буржуа, разжирѣвшихъ, благодаря покровительственной системѣ Наполеона. Они питали надежды на возвращеніе императора. «Берегите себя для насъ»; кричали они ему. «Не пройдетъ и года, и вы возвратитесь во Францію». Эти привѣтливыя манифестаціи не могли, однакоже, успокоить Наполеона. Онъ ни за что не хотѣлъ проѣзжать черезъ Ліонъ днемъ и остановился обѣдать за два часа пути отъ него въ небольшомъ деревенскомъ трактирѣ. Наполеонъ обѣдалъ на этотъ разъ не одинъ, а вмѣстѣ съ союзными коммиссарами и всею своею свитою. Его поведеніе совершенно измѣнилось. О недавней надменной гордости не было и помину. Онъ сдѣлался крайне любезенъ со всѣми и особенно съ союзными коммиссарами.

Была уже темная ночь, когда путники достигли Ліона. Принцъ Гессенъ Гомбургскій, командиръ австрійскихъ войскъ въ южной Франціи, заранѣе принялъ всѣ мѣры для обезпеченія безопасности Наполеона. Весь австрійскій гарнизонъ стоялъ подъ ружьемъ, сильныя патрули ходили по улицамъ, гдѣ долженъ былъ проѣзжать поѣздъ. Безъ скандала дѣло, однако же, не обошлось. На пути собрались порядочныя толпы народа. Едва только показался экипажъ Наполеона, какъ раздались яростные крики; «да здравствуетъ король! Долой Наполеона!» Лишь изрѣдка раздавались отдѣльные возгласы «да здравствуетъ императоръ!» Экипажи поспѣшно проѣхали черезъ городъ. Наполеонъ требовалъ ускорить путешествіе черезъ эти опасныя мѣста, и коммиссары спѣшили исполнить его желаніе. Всю ночь ѣхали, не останавливаясь, перемѣняя только лошадей. Утромъ 24 апрѣля сдѣланъ былъ короткій роздыхъ въ деревушкѣ Пеажъ-де-Руссильонъ. Въ теченіе все-

[1]) Это извѣстіе встрѣчается, впрочемъ, лишь въ Мемуарахъ de st. Helene, источникѣ, крайне сомнительной вѣрности. Ни Коллеръ, ни Вальдбургъ, ни Кемпбель, не говорятъ ни слова объ этихъ дружественныхъ Наполеону манифестаціяхъ. См. Гельфертъ, примѣч. 21, стр. 77.

го слѣдующаго дня путешествіе продолжалось непрерывно. Наполеонъ былъ все еще въ возбужденномъ состояніи. Онъ не могъ оставаться одинъ съ Бертраномъ и приглашалъ въ свою карету то одного, то другого изъ союзныхъ коммиссаровъ. Онъ обращался съ ними теперь просто, какъ съ товарищами. Онъ бесѣдовалъ съ ними по цѣлымъ часамъ, а иногда даже шутилъ. Однажды онъ началъ припоминать важнѣйшіе моменты своей жизни и, смѣясь, замѣтилъ: «Въ концѣ концовъ я вышелъ изъ всей этой исторіи не дурно. Я началъ партію, имѣя въ карманѣ всего лишь шесть франковъ, а теперь я ухожу со сцены съ порядочнымъ кушемъ» [1]).

Неподалеку отъ Изеры падшаго императора ожидала оригинальная встрѣча. Маршалъ Ожеро, главнокомандующій южной французской арміи, заблагоразсудилъ полюбоваться на бывшаго своего властелина и выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ великолѣпномъ экипажѣ, запряженномъ шестернею и съ двумя форейторами. Ожеро принадлежалъ къ числу самыхъ безнравственныхъ и грязныхъ креатуръ Наполеона. Не обладая выдающимися военными талантами, онъ достигъ, однако же, благодаря крайней снисходительности Наполеона къ бывшему товарищу, высшихъ военныхъ чиновъ и герцогскаго титула. Всю свою жизнь Ожеро думалъ только о личномъ обогащеніи; въ развратѣ и пьянствѣ усматривалъ онъ высшее наслажденіе жизни. Въ послѣднюю кампанію Ожеро держалъ себя крайне двусмысленно. Видя неизбѣжность паденія Наполеона, онъ старался компрометировать себя какъ можно менѣе въ глазахъ будущихъ правителей Франціи. и намѣренно избѣгалъ всякихъ серьезныхъ встрѣчъ съ непріятелемъ. Повсюду отступалъ онъ безъ боя передъ австрійцами и, узнавъ о паденіи Парижа и учрежденіи временнаго правительства, заключилъ съ ними договоръ, въ силу котораго предоставилъ въ ихъ распоряженіе Ліонъ со всею его областью.

[1]) Этотъ, во всякомъ случаѣ, весьма характерный для Наполеона анекдотъ находится въ французскомъ переводѣ брошюры графа Вальдбурга. Онъ былъ сообщенъ переводчику, равно какъ и многіе другіе факты, самимъ графомъ. Гельфертъ прим. 23, стр. 77.

Не дожидаясь извѣстія объ отреченіи Наполеона, Ожеро спѣшилъ самъ отречься отъ императора и увлечь за собою свою армію. Онъ имѣлъ безстыдство обратиться къ своимъ солдатамъ съ прокламаціею, въ которой были между прочимъ слѣдующія фразы: «Солдаты, вы свободны отъ вашей присяги, вы освобождены отъ нея самою націею, которой присуща самодержавная власть; вы освобождены отъ нея, наконецъ, и отреченіемъ человѣка, который, принеся въ жертву своему честолюбію столько милліоновъ жизней, не съумѣлъ умереть самъ, какъ солдатъ».

Наполеонъ, хорошо знавшій Ожеро и негодовавшій столько разъ по поводу его послѣднихъ военныхъ операцій, не слыхалъ, однако же, ничего о послѣднихъ выходкахъ маршала и объ его пресловутой прокламаціи. Онъ вообразилъ, что Ожеро поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, какъ бывшій другъ и товарищъ, влекомый чувствами преданности и сожалѣнія. Завидѣвъ карету маршала, Наполеонъ приказалъ остановить свой экипажъ, вышелъ на дорогу, дружески поздоровался съ Ожеро, взялъ его подъ руку и отвелъ въ сторону. «Куда это ты ѣдешь, спросилъ онъ бывшаго товарища, не ко двору ли?» «Нѣтъ, пока только въ Ліонъ!» отвѣчалъ маршалъ, давая понять Наполеону, что онъ вовсе не думалъ выѣзжать къ нему на встрѣчу [1]). Въ теченіи четверти часа императоръ и маршалъ прогуливались рука объ руку по шоссе. Коммиссары наблюдали за ними, но они не могли разслышать ихъ бесѣды. Они замѣтили только, что Наполеонъ говорилъ много и горячо, тогда какъ маршалъ изрѣдка отвѣчалъ ему отрывистыми фразами. Ожеро держалъ себя надменно и холодно, тогда какъ

[1]) О встрѣчѣ Наполеона съ Ожеро всѣ наши источники свидѣтельствуютъ почти тождественно. Полковникъ Кемпбель разсказываетъ, что Ожеро, встрѣтившись съ нимъ, не подалеку отъ Валанса, сначала нѣсколько смутился, узнавъ, что ему предстоитъ встрѣча съ Наполеономъ, но затѣмъ, прійдя очень скоро въ себя, распространился о ненасытномъ честолюбіи и кровожадности императора, порицалъ въ самыхъ рѣзкихъ словахъ поведеніе Наполеона за послѣднее время и замѣтилъ между прочимъ: C'est un lâche! Je l'ai cru toujours tel Il aurait du marche sur une batterie et se faire tuer. Въ заключеніе, Ожеро объявилъ, что онъ выскажетъ это свое мнѣніе въ глаза самому Наполеону, если представится къ этому случай. См. Campbell, стр. 189.

Наполеонъ чуть не заискивалъ у своего бывшаго слуги. Наконецъ разговоръ окончился. Наполеонъ шелъ уже къ своему экипажу, но вдругъ обернулся назадъ, какъ бы увлекаемый невольнымъ порывомъ чувства, обнялъ крѣпко маршала, снялъ шляпу и сѣлъ въ свой экипажъ. Ожеро, заложивъ назадъ руки, даже не прикоснулся рукою къ околышу своей фуражки. Онъ подошелъ къ каретѣ Наполеона, когда тотъ уже сѣлъ въ нее, и какъ бы не хотя, подалъ ему руку. Вслѣдъ затѣмъ маршалъ вѣжливо раскланялся съ коммиссарами и отправился по дорогѣ въ Ліонъ.

Коммиссары были страшно возмущены поведеніемъ Ожеро. Когда спустя четверть часа экипажи остановились на берегу Изеры, баронъ Ф. Коллеръ подошелъ къ Наполеону и выразилъ ему свое крайнее удивленіе, по поводу его сердечнаго отношенія къ маршалу, отрекшемуся отъ него такимъ постыднымъ образомъ. При этомъ Ф. Коллеръ вынулъ изъ кармана экземпляръ прокламаціи Ожеро и подалъ ее Наполеону. Императоръ, пробѣжавъ бумагу, замѣтилъ съ горечью: «Да, люди дурны, но я могу выдать себѣ свидѣтельство, что я поступалъ съ ними, какъ съ таковыми» [1]).

Наполеона ожидали еще болѣе тяжелыя испытанія. По мѣрѣ приближенія къ Авиньону настроеніе населенія становилось все враждебнѣе. Уже въ первой провансальской деревушкѣ, Морна, толпа встрѣтила императорскій поѣздъ криками: «долой тирана! да здравствуетъ король!» Такая же встрѣча приготовлена была изгнаннику во всѣхъ другихъ мѣстечкахъ и деревняхъ по пути. Въ шесть часовъ утра, 25 апрѣля, путешественники прибыли къ Авиньону. Почтовыя лошади стояли наготовѣ за полъ-версты отъ города, но вокругъ нихъ успѣли уже собраться большія толпы народа. Едва только показались экипажи, какъ толпа разразилась дикими, неистовыми криками: «Долой тирана! долой разбойника, долой сволочь!» ревѣли тысячи голосовъ [2]). «Да здравствуетъ король! да здрав-

[1]) См. Гельфертъ, стр. 31.

[2]) Среди приведенныхъ въ текстѣ возгласовъ раздавались еще крики: à bas Nicolas. Этимъ послѣднимъ эпитетомъ Наполеонъ былъ обязанъ изобрѣтательной

ствуютъ союзники, наши освободители!» вторили имъ тысячи другихъ голосовъ. Разъяренная толпа, впереди всѣхъ пьяныя бѣшеныя бабы, хлынула къ экипажу Наполеона. Многіе лѣзли на подножки, грозили императору кулаками, кричали ему въ уши самыя площадныя ругательства. Другіе бросали каменьями въ карету. Особенно жестоко досталось императорскому егерю, сидѣвшему на козлахъ. Толпа хотѣла заставить его кричать: да здравствуетъ король! одинъ безумецъ бросился на него съ саблею. Нѣсколько человѣкъ изъ свиты Наполеона успѣли, однако же, схватить его за руки. Между тѣмъ лошади были запряжены и экипажи понеслись по объѣздной дорогѣ вокругъ города, сопровождаемые крикомъ, ругательствами и свистками толпы.

И на большой дорогѣ Наполеону не давали покою. Всѣ прохожіе считали своимъ долгомъ послать ему въ слѣдъ какое-нибудь площадное ругательство, или громовое виватъ Людовику XVIII. Въ Оргонѣ, небольшой деревушкѣ, гдѣ надо было перемѣнить лошадей, Наполеона ожидала пьяная и буйная толпа мужиковъ. Подлѣ самой почтовой станціи висѣло на висилицѣ соломенное чучело, забрызганное кровью и грязью. Чучело долженствовало изображать императора, сама висилица покрыта была всевозможными ругательными надписями. Вокругъ станціи стояло около сотни мужиковъ и бабъ, украшенныхъ бѣлыми кокардами. Долой вора! долой убійцу! заревѣла толпа при видѣ кареты Наполеона. Мгновенно крестьяне окружили экипажъ; они лѣзли другъ другу на плечи, совались въ карету, осыпали Наполеона грубою бранью и плевками. Императоръ, блѣдный, полумертвый отъ страха, прижался въ уголъ кареты, пытаясь спрятаться за Бертрана. То была страшная минута для изгнанника. Сотни рукъ готовились вытащить его изъ экипажа и разорвать на клочки. Коммиссары спѣшили на помощь къ несчастному. Шуваловъ, одинъ изъ первыхъ, протѣснился черезъ бѣснующуюся толпу, и стоя у самого экипажа, грудью своею старался прикрыть Наполеона. Другіе

фантазіи парижскихъ публицистовъ, утверждавшихъ, что настоящее имя кровожаднаго Бонапарте было вовсе не Наполеонъ, а Николай. См. Тьеръ, т. 17, стр. 764.

коммиссары и свита Наполеона послѣдовала его примѣру. Шуваловъ пытался успокоить народъ. Онъ взывалъ къ чувству великодушія и жалости; онъ говорилъ, что стыдно и позорно оскорблять беззащитнаго плѣнника. Его слова, произнесенныя на чистомъ французскомъ языкѣ, не произвели особеннаго впечатлѣнія на мужиковъ, понимавшихъ только свой мѣстный жаргонъ; но за то его рѣшительный видъ, а болѣе его русскій мундиръ образумили, хотя нѣсколько, разгулявшуюся толпу [1]). Всеобщее вниманіе обратилось на смѣлаго русскаго офицера, а тѣмъ временемъ ямщики успѣли заложить лошадей въ карету Наполеона и умчали его во весь карьеръ изъ деревни.

Наполеонъ далеко опередилъ своихъ спутниковъ. Страшно взволнованный, онъ пытливо всматривался въ даль и распрашивалъ каждаго путника, попадавшагося ему по дорогѣ. Отъ одного изъ нихъ онъ узналъ, что вездѣ по пути, въ Марсели, Э, Ламбекѣ народъ страшно раздраженъ противъ него, что агенты, разосланные временнымъ правительствомъ, намѣренно волнуютъ населеніе, что многіе фанатики поклялись не выпустить его живого изъ Франціи. Наполеонъ былъ пораженъ страхомъ. Онъ не полагался уже болѣе на защиту коммиссаровъ и рѣшился искать спасенія въ другихъ средствахъ. Онъ снялъ съ себя свой обычный костюмъ, надѣлъ простую синюю блузу и круглую шляпу, украшенную большою бѣлою кокардою [2]), сѣлъ на отпряженную почтовую лошадь и поскакалъ впередъ въ сопровожденіи одного изъ форейторовъ. Не давая себѣ ни минуты отдыха, онъ доскакалъ до города Э, но не рѣшился въѣхать въ него, вернулся назадъ и остановился въ дрянномъ деревенскомъ трактирѣ, въ небольшомъ селеніи Ла-Каладъ. Тутъ Наполеона нагналъ его вѣрный камердинеръ Пеларъ. Посовѣтовавшись другъ съ другомъ, они порѣшили, что Наполеонъ будетъ выдавать себя за полковника

[1]) См. Тьеръ, т. XVII, стр. 835.

[2]) Что Наполеонъ искалъ спасенія въ бѣлой кокардѣ объ этомъ свидѣтельствуютъ единогласно и Коллеръ, и Вальдбургъ, и Кемпбель. Въ виду такого единогласія теряютъ всякое значеніе слова извѣстнаго бонапартистскаго автора Бурьеня, утверждающаго, что: «On voulait y mettre une cocarde blanche, Napoleon n'en voulait pas». См. Гельфертъ, примѣчаніе 28, стр. 78.

Кемпбеля, уѣхавшаго за два дня передъ тѣмъ впередъ къ морскому берегу, чтобы подготовить все къ переѣзду Наполеона на Эльбу. Войдя въ корчму [1]), Наполеонъ заказалъ обѣдъ для себя и для ѣдущихъ вслѣдъ за нимъ и разговорился съ хозяевами. Трактирщикъ оказался человѣкомъ спокойнымъ, умѣреннымъ, даже расположеннымъ къ падшему императору, но за то его жена, очевидно ворочавшая всѣмъ домомъ, маленькая, живая болтливая, любопытная провансалка, не могла слышать равнодушно даже имени Наполеона. Она тотчасъ же вступила въ бесѣду съ господиномъ полковникомъ. «Я знаю, что вы принадлежите къ свитѣ императора», сказала она ему въ довѣрчивомъ тонѣ. «Вчера обѣдали у насъ нѣсколько господъ, они не могли надивиться, какъ это могли отдать Наполеону островъ, столь близкій къ берегамъ Франціи. Я сама точно такого же мнѣнія. Не даромъ же говорятъ про него, что у него больше ума, нежели у всей Европы. Надо надѣяться, что народъ покончитъ съ нимъ, прежде нежели онъ успѣетъ добраться до моря. Если же этотъ проклятый доберется съ цѣлою шкурою до берега, то совѣтую вамъ, господинъ полковникъ, не ѣхать съ нимъ на кораблѣ; я твердо убѣждена, что найдутъ средства утопить его въ морѣ. Не правда ли?» приставала неотвязчивая провансалка, глядя прямо въ глаза Наполеону. «Правда, правда!» отвѣчалъ ей императоръ, стараясь по возможности выдержать свою роль.

Болтливая хозяйка отправилась, наконецъ, въ кухню. На смѣну ей явился трактирщикъ. Видимо недовольный болтовнею жены, онъ подсѣлъ къ Наполеону и старался успокоить его. «Моя жена вовсе не такъ зла, какъ можетъ показаться

[1]) Всѣ послѣдующія, странныя сцены въ корчмѣ изложены въ текстѣ, по Гельферту (стр. 35—41), который исчерпалъ въ данномъ случаѣ весь существующій матеріалъ. Онъ сообщаетъ между прочимъ слѣдующую весьма характерную выписку изъ донесенія Клама: «Ihm selbst liess die Angst die ungereimtesten Vorschläge ersinnen... Er war bleich und entstellt von Schreken, seine Stimme war gebrochen er hatte nicht Haltung genug, um auch nur einen Funken von Energie von Kraft, auch nur einen Schein von Verachtung der gefahr blicken zu lassen. Er war so zu Boden gedrükt, das er nicht einmal vor seiner Dienerschaft, nicht vor dem Adjutanten des Grafen Schuwalow, den er nie gekannt hatte, auch nur ruhig scheinen konnte». Helfert, стр. 79, примѣч. 30.

на первый взглядъ», говорилъ онъ мнимому полковнику. «Въ сущности, она добрая женщина, только немножко взбаломошная. На бѣду, она побывала на дняхъ въ Э, и тамъ ей вскружили окончательно голову. Будьте увѣрены, что если императоръ дѣйствительно пріѣдетъ сюда, то никто не тронетъ его». Слова трактирщика не могли, однако же, успокоить Наполеона; онъ вѣрилъ больше разсказамъ его жены. Терзаемый страхомъ, измученный голодомъ и безсонницею, онъ потерялъ способность спокойно обсудить свое положеніе. Какъ ребенокъ, искалъ онъ убѣжища у своего камердинера и задремалъ, наконецъ, склонившись къ нему на плечо. Минутъ черезъ пять онъ проснулся и прежній ужасъ овладѣлъ имъ. Онъ проклиналъ все свое прошлое, онъ давалъ обѣтъ никогда не увлекаться впередъ честолюбивыми мечтами. «Я навсегда откажусь отъ политической жизни», говорилъ онъ со слезами на глазахъ, «я не буду заботиться ни о чемъ. Я буду счастливъ на Эльбѣ, счастливѣе нежели когда либо прежде; я буду заниматься наукою. Пусть предлагаютъ мнѣ корону Европы, я отвергну ее. Ты видѣлъ, что такое этотъ народъ? Да, я имѣлъ право презирать людей. И, однако же, эта Францiя! Какая неблагодарность! Мнѣ противно мое властолюбіе, я не хочу болѣе царствовать!»

Въ этотъ моментъ раздался стукъ подъѣзжавшихъ экипажей. Наполеонъ вздрогнулъ; ему казалось, что пріѣхали его убійцы. Но то были коммиссары, успѣвшіе нагнать, наконецъ, бѣглеца. На дорогѣ въ Сенъ-Кана, гдѣ мѣняли лошадей, съ ними чуть не произошла катастрофа. Едва только остановились экипажи, какъ градъ камней посыпался на карету, гдѣ за отсутствіемъ Наполеона сидѣлъ лишь одинъ несчастный Бертранъ! Коммиссары, ничего не знавшіе о бѣгствѣ Наполеона, тщетно пытались успокоить толпу. Женщины, какъ и вездѣ, отличались особенною яростью. Какъ безумныя лѣзли они къ экипажу Наполеона. «Ради милосердія Божія, выдайте его намъ, кричали они коммиссарамъ. Вѣдь и вамъ онъ надѣлалъ не меньше зла, какъ намъ. Предоставьте же его нашей мести!» Съ трудомъ удалось, наконецъ, ускакать со станціи. Теперь, по пріѣздѣ въ Ла-Каладъ, коммиссары уз-

нали, наконецъ, что Наполеонъ находится въ трактирѣ. Пеларъ выбѣжалъ къ нимъ на встрѣчу. Онъ просилъ ихъ не выдавать инкогнито его господина и обращаться съ нимъ какъ съ полковникомъ Кемпбелемъ.

Графъ Вальдбургъ, первый, вошелъ въ трактиръ. Онъ замѣтилъ въ углу комнаты человѣка въ простой синей блузѣ. Онъ сидѣлъ за столомъ, оперши голову на руки, погруженный, повидимому, въ глубокія думы. Графъ быстро подошелъ къ нему. Шумъ его шаговъ пробудилъ незнакомца. Онъ поднялъ голову и быстро, испуганно, взглянулъ на вошедшаго. Лицо его было искажено страхомъ и скорбью; по щекамъ его текли слезы. Вальдбургъ взглянулъ на него и сразу узналъ въ немъ императора. Наполеонъ далъ ему знакъ не выдавать его, такъ какъ въ эту самую минуту въ комнату вошла хозяйка. Вальдбургъ усѣлся рядомъ съ императоромъ и заговорилъ съ нимъ о постороннихъ предметахъ. Между тѣмъ вошли остальные коммиссары. Замѣтивъ, что Наполеонъ впалъ въ глубокое раздумье, тотчасъ же какъ хозяйка вышла изъ комнаты, они хотѣли оставить его одного, но онъ упрашивалъ ихъ не дѣлать этого, вести себя совершенно свободно, входить и выходить и держать себя какъ съ равнымъ. Онъ сообщилъ имъ о принятой на себя роли полковника Кемпбеля, но коммиссары замѣтили ему, что люди могутъ узнать, что Кемпбель проѣхалъ уже давно и совѣтовали ему выдавать себя за лорда Боргерша. Наполеонъ согласился. Подъ вліяніемъ страха за свою жизнь, онъ готовъ былъ надѣть какую угодно маску, играть какую угодно роль.

Подали обѣдъ. Хозяйка разливала кушанье. Наполеонъ усѣлся вмѣстѣ съ другими, но онъ не могъ ѣсть. Ему казалось, что кушанья отравлены и онъ не рѣшался проглотить ни кусочка. Видя, что его товарищи ѣдятъ съ аппетитомъ и опасаясь возбудить подозрѣніе, онъ накладывалъ себѣ на тарелку изъ каждаго блюда, бралъ даже въ ротъ, но затѣмъ выплевывалъ все незамѣтно на полъ. За все это время онъ питался однимъ хлѣбомъ и виномъ, которые тайкомъ приносилъ ему изъ экипажа вѣрный Пеларъ. Первымъ и самымъ страшнымъ лицемъ была теперь для Наполеона болтливая

хозяйка. Бывшій властелинъ Европы дрожалъ теперь, какъ рабъ передъ простою провансальскою кабатчицею. Она управляла всѣми его движеніями, отъ нея зависѣло его настроеніе. Она входила въ комнату,—и Наполеонъ вдругъ дѣлался живымъ и веселымъ. Онъ начиналъ болтать, шутить и смѣяться съ своими спутниками. Она уходила,—и онъ погружался въ прежнее апатическое состояніе. Послѣ обѣда Наполеонъ началъ ломать голову, какъ бы спастись имъ изъ этой берлоги. Онъ освѣдомлялся, нѣтъ ли въ корчмѣ задней двери, черезъ которую можно бы было ускользнуть въ случаѣ опасности. Онъ велѣлъ посмотрѣть высоко ли отъ окошка до земли и можно ли будетъ выпрыгнуть изъ него въ случаѣ надобности. Коммиссары исполняли всѣ его желанія. Узнавъ отъ нихъ, что окошко задѣлано рѣшеткою, онъ поблѣднѣлъ какъ полотно. При малѣйшемъ шумѣ, даже шорохѣ, онъ вздрагивалъ и измѣнялся въ лицѣ. Если коммиссары оставляли его случайно одного, хотя на нѣсколько минутъ, то онъ всецѣло предавался своему отчаянію и плакалъ какъ ребенокъ.

Между тѣмъ въ другихъ комнатахъ трактира собралось довольно много посѣтителей. Коммиссары вступили въ разговоръ съ нѣкоторыми изъ нихъ, надѣясь вывѣдать отъ нихъ что нибудь о настроеніи мѣстнаго населенія. Они пытались увѣрить поселянъ, что императоръ уѣхалъ уже далеко впередъ, но никто не хотѣлъ вѣрить имъ. «Вѣдь мы не хотимъ его жизни», говорили трактирные гости, «мы даже не прикоснемся къ нему; мы только желаемъ взглянуть на него, посмотрѣть каковъ онъ въ несчастіи и высказать ему нѣсколько истинъ, которыхъ онъ никогда не хотѣлъ слушать прежде». Въ числѣ гостей были нѣкоторые, только что возвратившіеся изъ Э; они передали коммиссарамъ самыя тревожныя свѣдѣнія о настроеніи городскаго населенія. Коммиссары, посовѣтовавшись между собою и съ Наполеономъ, рѣшили отправить въ городъ графа Клама, адъютанта Ф. Коллера, съ открытымъ приказомъ, въ которомъ начальство города и выдающіеся горожане приглашались именемъ правительства принять мѣры, дабы императоръ могъ безопасно и спокойно прослѣдовать черезъ Э. Кламъ отправился тотчасъ же. Уже за

полчаса пути онъ встрѣтилъ большія толпы народа. Не смотря на наступившую темноту, почти все городское населеніе было на ногахъ. Возбужденное состояніе народа, рѣчи и возгласы, слышавшіеся среди толпы, должны были вызывать самыя живѣйшія опасенія. Нѣкоторые изъ жителей приняли австрійскаго маіора за гонца Наполеона, но узнавъ свою ошибку, тотчасъ же пропустили его. Кламъ отправился прямо къ меру, собралъ тамъ знатнѣйшихъ жителей, предъявилъ имъ свое полномочіе и требовалъ, чтобы къ 11 часамъ ночи заперты были городскіе ворота и чтобы на дорогѣ были выставлены для охраненія порядка жандармы и національная гвардія. Послѣ долгихъ переговоровъ ему удалось добиться своей цѣли. Городскія власти и горожане обязались выполнить его требованія.

Кламъ возвратился немедленно въ Ла-Каладъ съ донесеніемъ, что путь свободенъ, но Наполеонъ, въ своемъ страхѣ, считалъ всѣ принятыя мѣры недостаточными и рѣшился обезпечить себя на всякій случай новымъ переодѣваніемъ. По его просьбѣ, адъютантъ графа Шувалова долженъ былъ облечься въ костюмъ Наполеона, «дабы», какъ замѣчаетъ Ф. Коллеръ, «въ случаѣ опасности быть принятымъ за императора подвергнуться оскорбленіямъ, быть можетъ, даже смерти». Самъ Наполеонъ надѣлъ на себя австрійскій генеральскій мундиръ Ф. Коллера съ крестомъ Маріи-Терезіи, накрылъ голову полевою фуражкою графа Вальдбурга и накинулъ на плечи шинель Шувалова. Окончивъ благополучно этотъ маскарадъ, Наполеонъ занялся установленіемъ порядка, въ которомъ должно было двинуться шествіе черезъ трактиръ. Послѣ долгихъ совѣщаній и нѣсколькихъ пробъ, принятъ былъ такой порядокъ: впереди всѣхъ Друо, за тѣмъ мнимый Наполеонъ, потомъ Ф. Коллеръ, потомъ Наполеонъ настоящій, Шуваловъ, Вальдбургъ и свита. Шествіе совершилось благополучно. Народъ, тѣснившійся вокругъ трактира и наполнявшій всѣ переднія комнаты, никоимъ образомъ не могъ догадаться,—кто изъ проходившихъ былъ настоящій Наполеонъ. Тщетно прибѣгали нѣкоторые къ помощи пятифранковыхъ монетъ, стараясь сличить находившееся на нихъ изображе-

ніе съ физіономіями проходившихъ мимо нихъ путешественниковъ. Къ тому же изъ Э явились, какъ-разъ во-время, нѣсколько жандармовъ и успѣли оттѣснить черезчуръ любопытныхъ отъ экипажей. Кареты тронулись и Наполеонъ ускользнулъ, наконецъ, изъ ненавистнаго трактира, гдѣ онъ провелъ столько мучительныхъ часовъ.

Была уже глубокая ночь, когда путешественники приблизились къ Э, но на старинныхъ городскихъ валахъ оказалось еще достаточно публики. Обычные крики: долой тирана! да здравствуетъ король! встрѣтили и здѣсь Наполеона. Блѣдный отъ страха, сидѣлъ онъ въ углу своей кареты, но все обошлось на этотъ разъ одними ругательствами, проклятіями и свистками. Мѣра, принятая коммиссарами, оказалась вполнѣ цѣлесообразною. Жандармы и національная гвардія удержала чернь отъ явнаго и открытаго насилія. Съ этихъ поръ коммиссары посылали въ каждый городъ и мѣстечко по пути маіора Клама съ открытымъ приказомъ, и повсюду появленіе австрійскаго графа съ его «ордеромъ» имѣло однѣ и тѣ же умиротворяющія послѣдствія. Наполеонъ не могъ, однако же, успокоиться и неутомимо изощрялъ свою находчивость въ изобрѣтеніи все новыхъ и новыхъ фокусовъ, только бы скрыть отъ взоровъ толпы свою особу. Онъ оставилъ свою карету и переселился окончательно въ экипажъ Ф. Коллера. Онъ распорядился, чтобы камердинеръ Ф. Коллера, сидѣвшій на козлахъ, курилъ постоянно простой табакъ и окружалъ карету цѣлыми облаками дыма. Онъ просилъ, чтобы самъ Ф. Коллеръ напѣвалъ какую-нибудь пѣсенку, при въѣздѣ въ деревни и мѣстечки. Баронъ замѣтилъ, что, къ сожалѣнію, онъ совершенно незнакомъ съ искусствомъ пѣнія. «Ну въ такомъ случаѣ, насвистывайте что нибудь», упрашивалъ его Наполеонъ. Коммиссаръ долженъ былъ согласиться, и съ этихъ поръ карета Наполеона въѣзжала въ селенія и города, окутанная клубами табачнаго дыма и оглашаемая громкимъ посвистываніемъ австрійскаго генерала [1]).

Постыдная трусость Наполеона переходила, впрочемъ, при

[1]) См. Helfert, стр. 42.

первомъ же удобномъ случаѣ, въ столь свойственный его натурѣ высокомѣрный и повелительный тонъ. Коммиссары могли убѣдиться въ этомъ наглядно уже 26 апрѣля, по прибытіи въ городокъ Сенъ-Максиминъ. За завтракомъ Наполеонъ узналъ случайно, что въ городѣ находится подпрефектъ изъ Э, и тотчасъ распорядился позвать его къ себѣ. «Вы вѣроятно покраснѣете», обратился онъ къ входящему чиновнику, «увидѣвъ меня въ австрійскомъ мундирѣ, но я долженъ былъ надѣть его, чтобы оградить себя отъ насилій и оскорбленій этихъ провансаловъ. Я предпринималъ съ довѣріемъ мое путешествіе, я могъ бы взять для моей защиты конвой изъ 6000 человѣкъ, но я пренебрегъ этою предосторожностью. О эти провансалы, они способны ко всякой низости, тамъ, гдѣ не грозитъ имъ опасность, а если дѣло дойдетъ до боя, то за нихъ нельзя дать и заряда пороха». Бѣдный чиновникъ не зналъ, что ему отвѣчать, смущенный грознымъ тономъ императора и присутствіемъ иностранныхъ офицеровъ. Подъ конецъ онъ попробовалъ было раскрыть ротъ, но Наполеонъ не далъ ему говорить, разразился новыми укоризнами на неблагодарность провансаловъ и отпустилъ подпрефекта крайне не милостиво. «Я хорошо знаю этихъ провансаловъ», обратился онъ затѣмъ къ своимъ спутникамъ. «Лѣтъ 18 тому назадъ я былъ посланъ въ эту самую мѣстность съ небольшимъ вооруженнымъ отрядомъ, чтобы спасти двухъ роялистовъ, повѣсить которыхъ собиралась толпа за то, что они надѣли бѣлую кокарду. Съ большими усиліями вырвалъ я тогда несчастныхъ изъ рукъ этихъ бѣшеныхъ, а теперь эти же самые люди устраиваютъ охоту на меня. О французское легкомысліе!» [1]).

Испытанія Наполеона приближались къ концу. Берегъ моря былъ уже недалеко. 26 апрѣля, въ три часа по-полудни, путники прибыли въ Ле-Люкъ, гдѣ Наполеона ожидала любимая сестра его Полина. Она хотѣла сопровождать брата на Эльбу и нарочно поспѣшила къ нему на встрѣчу, подъ прикрытіемъ двухъ эскадроновъ австрійскихъ гусаръ. Свиданіе было тро-

[1]) См. Helfert, стр. 43.

гательное [1]). Сердце Наполеона раскрылось при видѣ любимой сестры, убитой горемъ, измученной опасною болѣзнью. Полина схватила его за руки и покрывала ихъ поцѣлуями и слезами. Наполеонъ прослезился. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ, что сестра хочетъ раздѣлять съ нимъ изгнаніе, но надеждамъ его не суждено было осуществиться. Уже въ слѣдующую ночь страданія принцессы такъ усилились, что она принуждена была отказаться на-время отъ поѣздки и остановиться на нѣсколько дней въ Ле-Люкѣ.

Наполеонъ продолжалъ свой путь къ морю подъ прикрытіемъ австрійскихъ гусаръ. Онъ былъ крайне доволенъ этимъ конвоемъ [2]), и его тревожное настроеніе разсѣялось окончательно. Въ Фрежюсѣ Наполеонъ увидѣлъ, наконецъ, море. То было мѣсто, хорошо знакомое и памятное для него. Здѣсь увидѣлъ онъ 14 лѣтъ тому назадъ Францію, по возвращеніи своемъ изъ Египта. Тогда онъ стоялъ лишь въ началѣ своей баснословной карьеры, теперь онъ явился сюда въ качествѣ изгнанника. И тогда, и теперь, онъ прибылъ въ сопровожденіи немногихъ лицъ, но тогда его окружали вѣрные товарищи и слуги, а теперь онъ ѣхалъ, какъ арестантъ, подъ защитою иностранныхъ коммиссаровъ, представителей, сокрушившихъ его могущество, европейскихъ державъ. Наполеонъ, казалось, не тяготился этими воспоминаніями. Съ намѣреніемъ остановился онъ въ той самой маленькой гостинницѣ, гдѣ пріютился онъ, по возвращеніи изъ Египта. Мысли о славномъ прошломъ и темномъ, ожидающемъ его будущемъ, были одинаково далеки отъ него. Онъ весь былъ поглощенъ настоящимъ, своимъ удобствомъ, безопасностью, охраненіемъ своего достоинства. Его прежнее высокомѣріе вернулось къ нему во всей силѣ. Императору донесли, что въ гавани на-

[1]) Свиданіе Наполеона съ сестрою происходило въ загородномъ домѣ, отстоявшемъ около лье отъ Ле-Люка. Владѣлецъ этого дома, по однимъ свидѣтельствамъ, г. Шарль, членъ законодательнаго корпуса, а по другимъ, М. Аппе, самъ пригласилъ къ себѣ принцессу. См. Гельфертъ, стр. 79.

[2]) Впослѣдствіи на островѣ Св. Елены, диктуя свои мемуары, Наполеонъ счелъ за нужное передѣлать этихъ гусаровъ въ «compagnie des vétérans, tous vieux soldats», разумѣется, французовъ.

ходятся англійскій фрегатъ Undaunted (Неукротимый), французскій фрегатъ La Dryade и бригъ l'Inconstant. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему сообщили, что для переѣзда его на островъ Эльбу французское правительство назначило бригъ L'Inconstant. Наполеонъ усмотрѣлъ въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ личное оскорбленіе. «Что это означаетъ?» воскликнулъ онъ съ досадою. «Мнѣ присылаютъ какой то жалкій бригъ? Они должны были дать мнѣ линейный корабль! Я создалъ для Франціи военный флотъ, а правительство присылаетъ мнѣ маленькій жалкій бригъ! Это низость! C'est cochon ça!» Императоръ приказалъ подать себѣ какую то большую книгу и прочелъ изъ нея коммиссарамъ всѣ подробности, касавшіяся злополучнаго брига. «Англичане», замѣтилъ онъ съ самодовольствомъ, «дали бы милліоны за эти книги, таблицы и свѣдѣнія, находящіяся въ моемъ распоряженіи; въ нихъ заключается вся Франція!»

Досада Наполеона по поводу брига была, впрочемъ, болѣе притворная, нежели дѣйствительная. Онъ глубоко не довѣрялъ всему французскому, начиная отъ правительства и оканчивая капитанами и матросами. Онъ воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы отклонить услуги французовъ и имѣть возможность отправиться на англійскомъ кораблѣ. Коммиссары не только не противорѣчили Наполеону, но старались, напротивъ, утвердить его въ его намѣреніи. Они сами не довѣряли французамъ и предпочитали перевести Наполеона на островъ на англійскомъ фрегатѣ [1]). Дѣло было улажено безъ всякихъ затрудненій. Уже вечеромъ въ тотъ же день, капитанъ Undaunted'а Ушеръ лично представился Наполеону и предложилъ къ его услугамъ свой фрегатъ.

Наполеонъ принялъ капитана какъ настоящій повелитель. Въ эти немногіе послѣдніе часы онъ преобразился совершен-

[1]) Коллеръ доносилъ по этому поводу Меттерниху: «Ich erweckte einige Besorgnisse uber den Geist des französischen Schiffvolkes bei Ihm, und da der um vier Uhr von Sain-Tropez eingelangte Major Clam dies noch bestärkte und der Kaiser überdies beleidigt war, dass man Ihm nur eine schlecthe Brigg zur Fahrt angewiesen hatte, so entschloss Er sich sogleich die englische Fregatte zu wählen und sich von der französischen begleiten zu lassen». Гельфертъ, стр. 48.

но. Онъ забылъ совершенно печальныя событія только-что минувшихъ дней, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго стѣсненія при видѣ людей, бывшихъ свидѣтелями его постыдной трусости, его недостойнаго поведенія. «Какъ только миновала опасность, какъ только достигъ онъ гавани, какъ онъ опять принялъ на себя тонъ правителя» [1]). Наполеонъ пригласилъ къ обѣду всѣхъ коммиссаровъ и англійскаго капитана, онъ держалъ себя за столомъ весело, развязно, но давалъ въ то же время чувствовать всѣмъ и каждому свое превосходство. Съ жаромъ и увлеченіемъ говорилъ онъ о своихъ планахъ, объяснялъ, какъ много великаго хотѣлъ онъ сдѣлать для Франціи, и что въ концѣ концовъ онъ успѣлъ бы покорить и Англію. Онъ принялъ такой положительный, не терпящій возраженій тонъ, что его собесѣдникамъ казалось, что передъ ними стоитъ дѣйствительный и настоящій, а не свергнутый императоръ Франціи. Въ пылу бесѣды онъ говорилъ «о своихъ» флотахъ въ Тулонѣ, Брестѣ, Антверпенѣ, «о своей» арміи въ Гамбургѣ, «о своихъ» мортирахъ въ Гіерѣ, какъ бы забывая, что все это не принадлежитъ ему уже теперь.

Капитанъ французскаго фрегата, la Dryade, чувствовалъ себя оскорбленнымъ предпочтеніемъ, отданнымъ Наполеономъ британскому флагу. Онъ испросилъ аудіенцію у императора и предложилъ къ его услугамъ свой корабль. «Безъ сомнѣнія, я предпочелъ бы французское судно», отвѣчалъ ему Наполеонъ въ тонѣ оскорбленнаго самолюбія, «но не могутъ же требовать отъ меня, чтобы я ѣхалъ на кораблѣ, вывѣсившемъ бѣлый флагъ, хотя я и убѣжденъ, что какъ капитанъ, такъ и экипажъ носятъ въ сердцѣ трехъ-цвѣтное знамя». «Но, государь, препятствіе это легко устранить. Я пойду безъ всякаго флага и ваше величество можете быть увѣрены, что вы будете приняты на фрегатъ со всѣми подобающими вамъ почестями». «Не могу», отвѣчалъ Наполеонъ сухо. «Я далъ вчера слово капитану Ушеру и не могу взять его назадъ, не оскорбивъ его!» Оскорбленный капитанъ ушелъ отъ импе-

[1]) Изъ донесенія Коллера у Гельферта, стр. 48.

ратора. Въ тотъ же день онъ вышелъ въ море съ своимъ фрегатомъ и бригомъ.

Наполеонъ окончилъ всѣ свои приготовленія къ переѣзду. Онъ написалъ еще два письма къ Маріи-Луизѣ и императору Францу [1]) и, вручивъ ихъ барону Коллеру, отправился вечеромъ 28 апрѣля на бортъ Undaunted. На фрегатѣ его приняли со всѣми почестями, подобающими его сану, Шуваловъ и Вальдбургъ явились проститься съ нимъ. Наполеонъ былъ одинаково любезенъ съ обоими, благодарилъ за всѣ оказанныя ему на пути услуги и пожелалъ счастливаго пути. Онъ вспомнилъ также объ императорѣ Александрѣ и просилъ Шувалова передать ему выраженіе своей искренней признательности, но не упомянулъ ни единымъ словомъ о королѣ прусскомъ [2]). Баронъ Ф. Коллеръ и полковникъ Кемпебель остались при императорѣ. Въ тотъ же вечеръ Undaunted снялся съ якоря и вышелъ въ море. 30 апрѣля фрегатъ находился уже на высотѣ Ниццы. Наполеонъ былъ въ отличномъ настроеніи духа. Радостное сознаніе, что онъ избѣгъ, наконецъ, опасностей, грозившихъ его жизни, видимо оживляло и ободряло его. Онъ обращался со всѣми совершенно непринужденно, то и дѣло говорилъ, что онъ никогда не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ теперь въ открытомъ морѣ. Наполеонъ обѣдалъ во все время переѣзда въ обществѣ Коллера, Клама, Кемпебеля, капитана Ушера и кого-нибудь и офицеровъ фрегата. За столомъ онъ говорилъ всегда много, смѣялся и шутилъ. Его любимымъ собесѣдникомъ былъ полковникъ Кемпебель; онъ долженъ былъ переводить его слова капитану Ушеру, не понимавшему французскаго языка. Любимымъ предметомъ разговора была Англія и ея отношенія къ Франціи. Наполеонъ говорилъ о морскомъ владычествѣ англичанъ, о континентальной системѣ, называя ее актомъ самозащиты, утверждалъ, что англичане оказали ему большую услугу бомбардированіемъ Копенгагена, превративъ этимъ поступкомъ Данію въ своего злѣйшаго врага, говорилъ, что

[1]) Оба письма напечатаны у Гельферта, стр. 50, 56.
[2]) См. Гельфертъ, стр. 52.

Испанія покрываетъ себя позоромъ, оставляя Гибралтаръ въ рукахъ Великобританіи и на замѣчаніе Кемпебеля, что Гибралтаръ неприступенъ, возразилъ съ живостью: «какіе пустяки! пушками можно взять все!» Иногда Наполеонъ останавливался на внутреннемъ состояніи Франціи, при чемъ особенно напиралъ на экономическую сторону вопроса. Онъ утверждалъ, что Францiя,—государство чисто земледѣльческое и промышленное, что торговля можетъ имѣть для нея лишь второстепенное значеніе. «Я никакъ не могъ добиться», сказалъ онъ, «чтобы англійскіе товары не привозились вовсе во Францію. Парижанка ни какъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи нацѣпить тряпку, привезенную изъ Лондона, тогда какъ англичанка ставитъ себѣ за честь не носить ничего французскаго». Наполеонъ выражалъ опасеніе, что англичане навяжутъ теперь Франціи невыгодный для нея торговый договоръ. «Бурбоны, это жалкіе люди. Отъ радости, что имъ есть теперь чѣмъ жить, что имъ достались опять ихъ дворцы и парки, они подпишутъ договоръ, который вы имъ предложите,—и Францiя будетъ уничтожена. Если Бурбоновъ опять выгонятъ изъ Франціи, то это случится непремѣнно изъ за этого договора» [1]. Наполеонъ страшно горячился при этомъ разговорѣ. Кемпебель, пытаясь успокоить его, замѣтилъ: «Въ то время, какъ Англія пріобрѣтала владычество на морѣ, Францiя въ такой же мѣрѣ усиливалась на сушѣ». «Перестаньте толковать мнѣ о французахъ», возразилъ Наполеонъ съ живостью. «Что такое были они до меня? Подъ Росбахомъ они бѣжали передъ пруссаками какъ зайцы!» Иногда Наполеонъ распространялся о своей будущей жизни на островѣ Эльбѣ. Однажды, онъ разсказывалъ графу Кламу, какъ онъ примется тамъ опять за свои математическія занятія. «Вы должны знать», добавилъ онъ при этомъ, «что я человѣкъ совершенно особаго покроя, я могу вести жизнь чрезвычайно дѣятельную, но я способенъ и къ жизни сидячей». «Это происходитъ отъ того, замѣтилъ графъ, что ваше величество обладаете слишкомъ большою силою воображенія».

[1]) См. Гельфертъ, стр. 54 и Campbell, стр. 204.

«Да это правда!» сказалъ Наполеонъ. «У меня слишкомъ много воображенія, а по временамъ у меня было его и черезчуръ много» [1]).

Среди такихъ бесѣдъ фрегатъ быстро подвигался впередъ. 1 мая показался берегъ Корсики и вслѣдъ затѣмъ Undaunted сталъ на якорь въ гавани Кальви. Наполеонъ былъ крайне заинтересованъ своимъ роднымъ островомъ. Ему сообщили, что нѣсколько дней тому назадъ, депутація изъ города Бастіи являлась къ англійскому адмиралу, лорду Бентинку и просила его принять островъ подъ покровительство Англіи и что вслѣдствіе этой просьбы англичане поставили уже свои гарнизоны въ Кальви, С. Фіоренцо и другихъ мѣстахъ. Далѣе, Наполеонъ узналъ, что французскій комендантъ въ Аяччіо, генералъ Бертье, узнавъ о происшествіяхъ въ Парижѣ, присягнулъ вмѣстѣ съ гарнизономъ временному правительству. Въ самой гавани Кальви стояло нѣсколько англійскихъ военныхъ судовъ. Нѣкоторые изъ офицеровъ этихъ судовъ явились на бортъ Undaunted засвидѣтельствовать свое почтеніе императору. Наполеонъ вступилъ съ ними въ разговоръ. Дѣла Корсики видимо интересовали его. Особенно добивался онъ узнать, кѣмъ была выбрана депутація, просившая объ англійскомъ протекторатѣ: одними ли жителями Бастіи, или же всѣмъ островомъ. Среди разговора Наполеонъ не сходилъ съ палубы. Онъ впивался глазами въ родной островъ и указывалъ своимъ спутникамъ на замѣчательные въ томъ или другомъ отношеніи пункты его.

Undaunted двинулся въ путь; 2 мая онъ былъ уже на высотѣ С. Фіоренцо. Наполеонъ горѣлъ нетерпѣніемъ узнать что-либо о положеніи дѣлъ на Корсикѣ; онъ готовъ былъ задержать каждую встрѣчную рыбачью барку, но капитанъ Ушеръ не счелъ возможнымъ удовлетворить его желаніе [2]). Наконецъ,

[1]) См. Гельфертъ, стр. 55.

[2]) Англійскій капитанъ выразилъ при этомъ свое удивленіе, что Наполеонъ требуетъ такихъ вещей, которыя совершенно противорѣчатъ обычаямъ, установившимся у моряковъ. Наполеонъ потребовалъ, чтобы ему перевели замѣчаніе Ушера, разсмѣялся и потрепавъ капитана по спинѣ сказалъ: «Ah capitaine!» Коллеръ, бывшій свидѣтелемъ этой сцены, замѣтилъ Кемпебелю, отведя его въ сторону:

3 мая Корсика начала скрываться изъ виду. Наполеонъ снялъ шляпу, какъ бы навсегда прощаясь съ родиною и вся его свита послѣдовала его примѣру. Фрегатъ прошелъ мимо Капраии, и вслѣдъ затѣмъ показалась на горизонтѣ Эльба. Друо и Кламъ отправлены были впередъ на шлюпкѣ, чтобы приготовить все къ пріему императора. Въ десять часовъ Undaunted сталъ на якорь въ гавани Порто-Феррайо, главнаго городка острова. Раздались обычные салюты съ фрегата и форта; свита Наполеона приписывала это привѣтствіе своему повелителю.

Друо и Кламъ успѣли уже исполнить свое порученіе. На укрѣпленіяхъ Порто-Феррайо развѣвался императорскій флагъ. Въ 4 часа по-полудни Наполеонъ ступилъ на берегъ Эльбы. Пушки форта гремѣли, весь французскій гарнизонъ стоялъ въ парадѣ подъ ружьемъ. Комендантъ, генералъ Далемъ, почтительно встрѣтилъ Наполеона на берегу. Бѣдное населеніе острова, ожидавшее отъ новаго повелителя всевозможныхъ благъ въ мірѣ, встрѣтило его съ шумнымъ восторгомъ. Обстановка торжества была, впрочемъ, крайне жалкая и напоминала немножко деревенскую свадьбу. Власти острова, члены общиннаго совѣта, мѣстное духовенство, явились въ парадномъ, старомодномъ одѣяніи. Три скрыпки и два контръ-баса наигрывали веселый маршъ. Для Наполеона приготовленъ былъ даже балдахинъ изъ стараго, полинявшаго бархата, но за то украшенный новыми вѣнками и гирляндами изъ цвѣтной и золотой бумаги. Бертранъ и Друо были внѣ себя отъ негодованія при видѣ этихъ жалкихъ аксессуаровъ пріемнаго торжества, но Наполеонъ принималъ всѣ предлагаемыя ему почести съ видомъ совершенно серьезнымъ, съ величавымъ свойственнымъ ему во всѣхъ парадныхъ случаяхъ достоинствомъ [1]). Послѣ встрѣчи, вся процессія направилась въ цер-

«Онъ такъ привыкъ къ захватамъ, что и теперь никакъ не можетъ отказаться отъ нихъ».

[1]) Кламъ дѣлаетъ по этому поводу слѣдующее замѣчаніе: «Ob er sich wirklich so ganz in der Gewalt hat um diese Rolle spielen zu können, oder ob er überhaupt den Grundsatz hat sich blos des gegenwärtigen Augenblik's zu fersichern und die Sachen, wie sie einmal stehen, anzuschauen, kann ich zu entscheiden mir nicht erlauben». Гельфертъ, примѣч. 45, стр. 85.

ковъ, гдѣ былъ совершенъ Te Deum. Изъ церкви Наполеонъ отправился въ ратушу, гдѣ представлялись ему члены мѣстной администраціи и духовенство. По выходѣ изъ ратуши Наполеонъ сѣлъ на коня и отправился въ сопровожденіи своей свиты осматривать укрѣпленія острова.

Новый монархъ крошечнаго государства предался уже въ первые дни неутомимымъ заботамъ. Казалось, что Эльба замѣнила для него вполнѣ потерянную колоссальную имперію, что потерявъ дѣйствительное могущество, онъ забавлялся тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ призракомъ власти и кипучей правительственной дѣятельности. Наполеонъ спѣшилъ прежде всего вступить во владѣніе всею своею «монархіею». Островки Пальмаіола, Піаноза и Монтекристо переданы были ему со всѣми подобающими формальностями. Протоколъ, составленный по этому случаю, подписанъ былъ барономъ Коллеромъ и полковникомъ Кемпебелемъ, въ качествѣ представителей союзныхъ державъ. Придуманы были самимъ Наполеономъ гербъ и знамя новаго государства, на томъ и на другомъ виднѣлось изображеніе трехъ пчелъ; коммиссары союзныхъ державъ взяли на себя обязанность увѣдомить объ этомъ обстоятельствѣ консуловъ всѣхъ государствъ по берегамъ Средиземнаго моря. Наполеонъ особенно хлопоталъ объ организаціи своей военной силы. Ожидая скораго прибытія своей гвардіи, онъ обратился съ воззваніемъ къ французскому гарнизону, долженствовавшему отплыть во Францію, въ которомъ предлагалъ желающимъ офицерамъ и солдатамъ перейти въ его службу. Ф. Коллеръ счелъ своимъ долгомъ замѣтить императору, что союзные государи посмотрятъ на этотъ его поступокъ какъ на враждебный актъ. «А мнѣ что за дѣло», возразилъ Наполеонъ. «Я запрусь въ моихъ крѣпостяхъ и буду сопротивляться блокадѣ». «Осмѣлюсь замѣтить вашему величеству», отвѣчалъ Ф. Коллеръ, «что ваши противники найдутъ въ такомъ случаѣ вѣрное средство, положить конецъ вашему сопротивленію». «А какое?!» «Да они просто прекратятъ выдачу обѣщанной вамъ пенсіи». «Parbleu», сказалъ Наполеонъ, «это не входитъ въ мои выгоды. Но что же дѣлать въ такомъ случаѣ?» Ф. Коллеръ совѣтовалъ истолковать прокламацію въ томъ

смыслѣ, что приглашеніе Наполеона относится только къ уроженцамъ острова Эльбы, находящимся на военной французской службѣ. Императоръ не замедлилъ послѣдовать его совѣту [1]).

Австрійскій коммиссаръ оставался на островѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней. За все это время Наполеонъ относился къ нему чрезвычайно дружелюбно. Онъ не предпринималъ ничего, не посовѣтовавшись предварительно съ нимъ; неоднократно хвалилъ онъ его за прямодушіе и смѣлость и говорилъ съ горечью, что самъ онъ не имѣлъ никогда такихъ слугъ. Нерѣдко Наполеонъ возвращался къ событіямъ только что минувшаго времени. Онъ старался воздать должное каждому изъ своихъ противниковъ, но съ особеннымъ уваженіемъ относился онъ къ императору Александру. «Лишь онъ одинъ былъ на столько великодушенъ, что предложилъ мнѣ убѣжище въ своихъ владѣніяхъ», сказалъ онъ однажды. «Гораздо съ большимъ правомъ могъ я ожидать таковаго предложенія отъ моего тестя, но онъ и не подумалъ объ этомъ» [2]). Разставаясь съ Коллеромъ, Наполеонъ былъ видимо тронутъ, онъ просилъ его навѣщать его отъ времени до времени на островѣ и вручилъ ему письмо на имя Маріи-Луизы, въ которомъ отзывался самымъ лестнымъ образомъ объ австрійскомъ генералѣ и объ услугахъ оказанныхъ имъ.

Страшное паденіе съ высоты міроваго трона, тяжелыя испытанія, неслыханныя униженія ни сколько не повліяли на Наполеона, не создали изъ него иного человѣка. И на Эльбѣ онъ оставался тѣмъ-же, какимъ онъ былъ на престолѣ Франціи. Кипучая дѣятельность, эта первѣйшая потребность его на-

[1]) Гельфертъ, стр. 59.

[2]) Наполеонъ вспоминалъ и о своемъ путешествіи на Эльбу и выражалъ при этомъ свое горькое сожалѣніе, что его трусость была наблюдаема столькими свидѣтелями. «Что касается до васъ, генералъ, то вы видѣли меня во всей моей наготѣ (je me suis montre tout nu), но подумайте, развѣ могло бы случиться что либо подобное, если бы во всемъ не было замѣшано временное правительство, оно хотѣло предать меня среди этой сумятицы въ жертву черни». Коллеръ старался доказать ему неосновательность подобнаго предположенія. «Правители Франціи», замѣтилъ онъ, «никогда бы не отважились на поступокъ, находящійся въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ взглядами и намѣреніями союзныхъ монарховъ». Гельфертъ, стр. 60.

туры, искала себѣ выхода, во что бы то ни стало. По прежнему его дни проходили въ неутомимой, хотя иногда безцѣльной, а подчасъ и смѣшной работѣ. Предписанія, инструкціи сыпались изъ его кабинета, его окружающіе и подчиненные не имѣли отъ него покоя. Онъ устраивалъ и украшалъ свой дворецъ, онъ ремонтировалъ форты, строилъ шоссейныя дороги, занимался осушкою болотъ, копалъ цистерны, составлялъ бюджетъ, заключалъ торговые договоры съ сосѣдними государствами, устраивалъ миніатюрный флотъ и съ особеннымъ рвеніемъ и увлеченіемъ возился съ своимъ маленькимъ войскомъ. Смотры, парады, ученья, слѣдовали одни за другими; принимались всевозможныя мѣры для увеличенія личнаго состава «арміи»; привлекались на службу поляки и французскіе авантюристы; щедрою рукою раздавались награды офицерамъ и солдатамъ [1]).

Но не эта шумная, бросавшаяся въ глаза дѣятельность, составляла главную заботу Наполеона, и не она поглащала большую часть его времени. Честолюбивыя мечты не покидали его ни на минуту. Ни за что не хотѣлъ онъ разстаться съ своимъ славнымъ и ужаснымъ прошлымъ. Ненасытное властолюбіе не давало ему покоя. Чувства глубоко-оскорбленнаго самолюбія, злобы и мести кипѣли въ его душѣ. Химерическіе, чудовищные планы роились въ его головѣ. Онъ былъ твердо намѣренъ возвратиться во Францію при первомъ-же удобномъ случаѣ, захватить вновь въ свои руки бразды правленія и бросить перчатку всѣмъ своимъ врагамъ. О, онъ хорошо зналъ этихъ легкомысленныхъ, тщеславныхъ французовъ; если кто либо, то именно онъ изучилъ до мозга костей эту великую націю! Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ и французамъ опротивѣютъ эти жалкіе Бурбоны. Къ тому времени измѣнятся и отношенія между державами. Великая коалиція распадется тотчасъ-же по минованіи опасности, по исчезновеніи общаго врага. Благороднымъ мечтамъ его великаго противника, импе-

[1]) Памятникомъ неутомимой дѣятельности Наполеона на островѣ Эльбѣ можетъ служить его обширная переписка, относящаяся къ этому времени, переписка, вошедшая лишь отчасти въ его Correspondance. См. Т. 27 и 28.

ратора Александра, не суждено осуществиться. Развѣ мыслимо построить этотъ міръ зла, лжи, интригъ на началахъ гуманности, на принципахъ самоотверженія и христіанской любви? Развѣ Кестльри, Меттернихъ и Талейранъ не съумѣютъ разстроить въ наискорѣйшемъ времени европейскій концертъ, развѣ они не проложатъ ему сами, не вѣдая того, пути къ престолу и мести? Да, и онъ теперь уже иной, нежели до своего паденія. Его противники выучились отъ него кое-чему по части военнаго искусства, но и онъ въ свою очередь научился кое-чему отъ своихъ и чужихъ политиковъ и дипломатовъ. Онъ разыграетъ теперь свою роль съ большимъ искусствомъ, чѣмъ прежде. Онъ не будетъ дѣйствовать только на проломъ, одною грубою силою. Онъ надѣнетъ маску либерализма и миролюбія, онъ устроитъ конституціонную и популярную комедію, онъ одурачитъ французовъ, онъ перессоритъ державы и возсоздастъ свою имперію въ ея прежнемъ величіи и могуществѣ.

Но Наполеонъ не довольствовался одними мечтами и планами. Сидя на своей Эльбѣ, отдаваясь для отвода глазъ кропотливой, мелочной дѣятельности, называя себя въ шутку новымъ Санхо-Панчо, императоръ въ тайнѣ работалъ для осуществленія своихъ властолюбивыхъ замысловъ. Его противники сами дали ему превосходную позицію. Отъ Эльбы не далеко до Франціи и подать рукою до Италіи. И въ той и другой странѣ у него нѣтъ недостатка въ сообщникахъ, агентахъ, шпіонахъ. Вся французская армія наполнена его явными приверженцами и тайными эммиссарами. Въ администраціи, почтѣ, полиціи, служатъ его вѣрные агенты. Они поддерживаютъ съ нимъ дѣятельную переписку, они увѣдомляютъ его о каждомъ промахѣ новаго правительства, они вербуютъ ему легіоны приверженцевъ, они раздуваютъ недовольство. Еще лучше идутъ дѣла его въ Италіи. Тутъ разсѣяны повсюду члены его семейства, его братья, сестры, тутъ сидитъ на тронѣ Мюратъ, готовый къ новой измѣнѣ, тутъ разсѣяны повсемѣстно его тайные агенты. Со всѣми своими родственниками онъ ведетъ тайную шифрованную переписку. Они могутъ сообщить ему самыя драгоцѣнныя свѣдѣнія, благодаря

своему общественному положенію, своимъ обширнымъ связямъ. Они могутъ разузнать для него даже тайны европейскихъ кабинетовъ; да для этой цѣли имѣются въ распоряженіи и другіе ловкіе люди. Недостатка въ деньгахъ у него нѣтъ. Островъ Эльба даетъ ему порядочные доходы, онъ захватилъ съ собою на островъ нѣсколько милліоновъ, а его бывшіе враги присылаютъ ему другіе милліоны. Зерно его будущей арміи готово, его сѣти раскинуты по всей Европѣ. Онъ лежитъ въ засадѣ какъ тигръ, готовый броситься на свою добычу.

ГЛАВА III.

Легенда и дѣйствительность.—Голосъ современника.—Чѣмъ ниспровергнутъ былъ Наполеонъ?—Великій контрастъ между Наполеономъ и Александромъ.—Отзывъ Штейна.—Великодушіе Александра.—Источникъ, изъ коего черпалъ Александръ свои силы.—Религіозное настроеніе императора.—Страстная седмица и говѣніе. —Молебствіе на площади Согласія.—Свидѣтельство Александра.—Французскіе плѣнные.—Французскіе офицеры.—Ссоры и дуэли.—Прусская ротонда.—Недовольство среди русскихъ военныхъ.—Сакенъ и Рошешуаръ.—Голодные бивуаки на Елисейскихъ поляхъ.—Человѣколюбіе и щедрость Александра.—Популярность русскаго императора.—Уличные куплеты и пасквили.—Оваціи, устраиваемыя Александру въ Парижѣ.—Статуя Наполеона.—Александръ въ домѣ инвалидовъ.—Аустерлицкій мостъ.—Апполонъ Бельведерскій и казаки.—Александръ и французскій институтъ.—Французская лесть.—Медаль въ честь Александра.—Бюстъ императора.—Александръ у императрицы Жозефины.—Признательность Александра.—Генералъ Поруль.—Александръ и Лагарпъ.—Александръ и Бурбоны.—Перемиріе. —Великодушіе союзниковъ и недовольство французскихъ патріотовъ.—Людовикъ XVIII, его характеръ и судьба.—Прибытіе Людовика во Францію.—Торжественная встрѣча въ Компьенни.—Людовикъ и представители новой Франціи.—Бернадоттъ. —Людовикъ противъ конституціи, составленной сенатомъ.—Александръ ходатайствуетъ за конституцію передъ королемъ.—Свиданіе Александра съ Людовикомъ.—Смѣшная надменность Людовика.—Обѣдъ въ Парижѣ.—Декларація о правахъ.—Торжественный въѣздъ Людовика въ Парижъ.—Первый Парижскій миръ.—Новыя проволоки по поводу обнародованія конституціи.—Отъѣздъ Александра изъ Парижа.—Статья Монитера.

Позднѣйшая легенда, выдаваемая потомъ за исторію, съумѣла окружить ореоломъ величія и эти во всѣхъ отношеніяхъ постыдные и мрачные дни въ жизни Наполеона. Она начертала намъ величавый образъ героя-мученика, она разсказала намъ съ какимъ достоинствомъ съ какою твердостью вынесъ Наполеонъ тяжелыя испытанія своего паденія и перваго изгнанія. Она хотѣла увѣрить насъ, что даже и тогда симпатіи европейскихъ народовъ возвратились къ Наполеону, что народное негодованіе готово было уже тогда обрушиться на голову его враговъ. Въ дѣйствительности, тогдашнее обществен-

ное мнѣніе Европы, не исключая и самой Франціи, было крайне далеко отъ подобнаго страннаго заблужденія. Наполеонъ являлся тогда въ глазахъ народовъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Врагъ человѣчества, ненасытный завоеватель, напоившій кровью милліоновъ поля всей Европы, онъ внушалъ лишь одно чувство ненависти. Свѣтъ ликовалъ при видѣ его страшнаго паденія. Никто не выражалъ сожалѣнія къ его участи, да и участь эта вовсе не была такова, чтобы могла внушить чувство сожалѣнія. Въ глазахъ современниковъ Наполеонъ ни чѣмъ не искупилъ своихъ злодѣяній. За всю пролитую имъ кровь, за всѣ разрушенія и опустошенія, онъ получилъ самостоятельное княжество; милліонную пенсію, царскую обстановку и удержалъ свой императорскій титулъ. Что же удивительнаго, что народная совѣсть считала его не наказаннымъ, а награжденнымъ, что со всѣхъ сторонъ на него сыпались злобные упреки, ядовитыя насмѣшки. Европейская литература была наводнена памфлетами, направленными противъ Наполеона; проклятіе племенъ неслось вслѣдъ за изгнанникомъ; ему не было другаго имени, кромѣ злодѣя, тирана. И во всѣхъ этихъ изліяніяхъ народнаго чувства поборникъ тьмы былъ противоставляемъ поборнику свѣта, тиранъ Наполеонъ—освободителю Александру.

«Умы», читаемъ мы въ одной изъ тогдашнихъ брошюръ [1]),

[1]) См. «Островъ Эльба и новый Санхо-Панса», Москва, 1814. Тамъ же читаемъ: «читая въ Зрителѣ выписки изъ трикратнаго путешествія Тьебо-де Берно на островъ Эльбу, столь занимательный съ извѣстной эпохи, нахожу между прочимъ, что туда ссылаютъ изъ Тосканы и другихъ сосѣдственныхъ странъ воровъ и убійцъ на работу въ рудникахъ и думаю: и такъ это настоящее мѣсто ссылки для величайшаго изъ воровъ и убійцъ, которые когда либо существовали на земномъ шарѣ, увы! — обагренномъ первою человѣческою кровью — братнею!... Но ужасный Каинъ нашего времени гораздо виновнѣе древняго Каина—безчисленностію кровныхъ жертвъ, закланныхъ имъ въ тукъ ненасытной своей зависти! И при какихъ обстоятельствахъ? Когда отъ него только зависѣло быть любимѣйшимъ сыномъ своего новаго отечества и даже истиннымъ благодѣтелемъ всего человѣческаго рода; ибо сей примѣрный наперстникъ своенравной фортуны имѣлъ къ тому и другому средства, единственныя въ мірѣ, гораздо благопріятнѣйшія тѣхъ, которыя обращены въ спасительныя дѣйства для вселенной безсмертнымъ противникомъ умершаго уже при жизни—смѣшнаго владѣтеля острова Эльбы». Стр. 9—11.

«наименѣе отчаянные не могли возвыситься до идеи о возможности происшедшей перемѣны, или ожидали ее только отъ неба. Самые смѣлые говорили: все кончится съ Бонапартомъ, но продолжится, пока продолжается жизнь его. Физическая жизнь Бонапарта не прекратилась. Но огромный колоссъ его могущества исчезъ,—и исчезъ на-вѣки. Какъ совершилось чудо? Какою превосходною силою ниспровергнута сила чрезвычайнѣйшая? Силою самою простою, предъ которой долженствуютъ остановиться навсегда всѣ тріумфы,—силою умѣренности и божественными добродѣтелями Александра перваго. Провидѣніе оправдало пути свои въ новомъ выборѣ достойнѣйшаго возстановителя царствъ и народовъ, который рекъ: Тиранъ сойди съ трона и уступи мѣсто твоему господину. И все измѣнилось на лицѣ земномъ! Грозные Аквилоны удалились съ лона ея и кроткіе зефиры повѣяли на ея весеннія прелести».

Воображеніе современниковъ поражалось болѣе всего великимъ контрастомъ между Наполеономъ и его побѣдителемъ. И въ самомъ дѣлѣ, напрасно стали бы мы искать во всей всемірной исторіи такой полной и совершенной противоположности. И Наполеонъ и Александръ были каждый въ своемъ родѣ феноменами, никогда во взаимномъ противоположеніи не встрѣчавшимися ни прежде, ни послѣ въ теченіи безконечнаго ряда вѣковъ. Наполеонъ превосходилъ по тонкости и обширности своего ума всѣхъ извѣстныхъ намъ въ исторіи властителей, но онъ находился всецѣло въ рукахъ темныхъ, демоническихъ силъ. Онъ пролилъ болѣе крови, нежели всѣ извѣстные завоеватели древности; призванный разрушать и уничтожать, онъ оставилъ за собою однѣ развалины. Александръ былъ прежде всего героемъ сердца, человѣчности, возвышенной, чистой христіанской любви. Онъ не былъ геніемъ подобно Наполеону, но онъ былъ въ сравненіи съ нимъ нравственнымъ гигантомъ.

Волнуемый уже съ самой ранней юности могучими, но неопредѣленными стремленіями, направленными къ благу человѣчества, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишенный истиннаго свѣта вѣры, онъ долгое время блуждалъ въ потемкахъ, искалъ и не

находилъ выхода. Провидѣніе избрало его своимъ орудіемъ, оно очистило, просвѣтило его путемъ тяжелыхъ испытаній, оно ополчило десницу его несокрушимою силою, оно преисполнило его такою мощью, предъ которою разсыпались въ прахъ и геніальная личная сила Наполеона, и его колоссальныя средства.

Александръ побѣдилъ своихъ враговъ не одною силою оружія, но и силою великодушія и любви. Велика была ненависть, вызванная Наполеономъ, но не менѣе велика была восторженная любовь, вызванная Александромъ. Въ этихъ двухъ противоположныхъ чувствахъ сходились тогда одинаково и сильные и обычные умы, и люди выдающіеся и народныя массы [1]).

«Я здѣсь въ Парижѣ», писалъ Штейнъ своей женѣ отъ 10-го апрѣля. «Прошелъ ровно годъ послѣ моего прибытія въ Дрезденъ, и какая масса событій пронеслась за это время, изъ какой бездны спасены мы! Благодарность Провидѣнію, императору Александру, и его храбрымъ товарищамъ, по оружію, русскимъ и германцамъ! До какой высоты счастія, независимости, спокойствія достигли мы! Мы осмѣливаемся, наконецъ, всецѣло отдаться наслажденію тѣми чувствами, которыя внушаетъ намъ великая, спасительная перемѣна. Съ

[1]) Изъ приведенныхъ въ текстѣ писемъ Штейна видно ясно, кого считалъ великій германскій патріотъ главнымъ, если не единственнымъ виновникомъ паденія Наполеона, освободителемъ и умиротворителемъ какъ всей Европы, такъ и Франціи. Въ другомъ своемъ письмѣ, отправленномъ еще изъ Дижона, Штейнъ писалъ женѣ: «Милый другъ! Только что отправленные курьеры увѣдомятъ васъ о взятіи Парижа. Возблагодаримъ Небо за сіе великое и счастливое событіе и принесемъ императору Александру, вождю сего великаго предпріятія, отъ благополучнаго исхода коего начнется возрожденіе Европы, выраженіе нашей глубокой и вѣчной благодарности». Письмо отъ 5 апрѣля, см. Перцъ, Stein's Leben, т. III, стр. 576. Письмо приведенное въ текстѣ, обозначено 10 апрѣлемъ, оно оканчивается слѣдующими словами: «Наполеонъ былъ 9-го числа на охотѣ. Онъ занятъ лишь своими обычными развлеченіями. То же отсутствіе истиннаго величія духа, которое внушило ему мысль бѣжать изъ Россіи и отдать свое войско на жертву всѣмъ ужасамъ холода и голода, дѣлаетъ для него теперь сноснымъ постыдное существованіе.—Эрцгерцогиня возвращается къ своему отцу, Жеромъ ѣдетъ въ Штутгардъ, Іосифъ въ Швейцарію, и такъ, вся эта сволочь ниспровергнута, наконецъ, въ прахъ». См. Перцъ, Stein's Leben, т. III, стр. 578.

миромъ можемъ возвратиться мы въ нѣдра семействъ нашихъ; жизнь нашихъ близкихъ обезпечена отъ истребленія, грозившаго имъ. Только, когда я сравниваю чувство, овладѣвающее нынѣ всѣмъ существомъ моимъ, съ тѣмъ гнетомъ, съ тѣмъ страданіемъ, подъ которыми томился я въ теченіи девяти лѣтъ; — только тогда начинаю постигать весь объемъ моего теперешняго счастія, всю великость моего минувшаго страданія».

«Тиранъ окончилъ какъ трусъ. Онъ былъ расточителенъ до тѣхъ поръ, пока дѣло шло о пролитіи крови другихъ, но онъ не рѣшается умереть самъ, чтобы окончить, по крайней мѣрѣ, мужественно. Онъ принимаетъ пенсію, онъ возвращается въ ничтожество, онъ торгуется за свою жизнь, онъ хлопочетъ продлить свое позорное существованіе. Увѣряютъ, что онъ проводитъ дни свои въ слезахъ и вздохахъ. Какое чудовище и какая презрѣнная тварь! Уваровъ писалъ мнѣ недавно, что въ исторіи Бонапарте замѣчается какая то смѣсь странности и величія, Тамерлана и Жильблаза. Но есть еще третья составная часть въ ужасномъ уродливомъ сочетаніи, образующемъ его характеръ — это низость. Она обнаруживается въ бѣгствѣ его отъ своей арміи въ Россіи, въ его обращеніи съ преслѣдуемыми и давимыми имъ, во всемъ его обхожденіи, рѣчахъ и въ его поведеніи въ несчастіи. Она доводитъ его до подлости, до страха за свою жизнь, до трусости».

«Благородный, возвышенный, великодушный образъ дѣйствій императора Александра покоряетъ всѣ сердца, силою отрываетъ ихъ отъ тирана, заставляетъ французовъ забыть, что въ ихъ столицѣ распоряжаются иноземцы».

«Они чувствуютъ, однако, все свое униженіе. И въ самомъ дѣлѣ! Послѣднія двадцать лѣтъ ихъ исторіи наполнены одними мерзостями, непослѣдовательностями, ложью. Отъ ужасовъ революціи они перешли къ беззаконію самовластія. Они побѣждены чужеземцами, и эти чужеземцы являются теперь ихъ освободителями, а не мстителями за причиненный позоръ».

«Императоръ велъ переговоры о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, руководясь самыми чистѣйшими, возвышеннѣйшими прин-

ципами. Онъ предоставилъ дѣйствовать высшимъ государственнымъ учрежденіямъ, онъ ничего не предписывалъ, не принуждалъ ни къ чему, —онъ давалъ свободу дѣйствія, онъ охранялъ, но не говорилъ какъ владыка. Ты должна усмотрѣть въ этомъ поведеніи рѣдкое сочетаніе мудрости, благородства, мужества и возвышенности души. Эта нечистая, безстыдная, развращенная французская раса злоупотребляетъ уже его великодушіемъ. Она, привыкшая быть подъ управленіемъ желѣзнаго скипетра, начинаетъ уже теперь толковать о своемъ прямодушіи, о своей добротѣ, о своемъ великодушіи, какъ будто бы не она покрыла всю Европу кровью и трауромъ, не она убила въ теченіи двухъ столѣтій трехъ королей и обнаружила во всѣхъ отношеніяхъ отвратительнѣйшую жадность».

Штейнъ не указываетъ намъ въ своемъ письмѣ на тотъ источникъ, изъ котораго черпалъ Александръ и свою силу, и свое великодушіе, и свою чистоту. Этимъ источникомъ была для него живая вѣра во Христа-Спасителя. Болѣе кого либо другаго сознавалъ онъ свою слабость, свое ничтожество передъ Царемъ всякой твари. Всѣ свои дивные успѣхи онъ приписывалъ не самому себѣ, а Ему Единому, Господу силъ, Подателю всякихъ благъ и всяческой жизни. Онъ спѣшилъ излить свою благодарность передъ милующимъ его Промыслителемъ. Его первымъ душевнымъ движеніемъ по занятіи Парижа было стремленіе къ молитвѣ, къ покаянію. Онъ хотѣлъ говѣть, но неопредѣленное положеніе дѣлъ, возможность новой отчаянной борьбы съ Наполеономъ мѣшали ему нѣкоторое время исполнить свое желаніе. «Но и здѣсь», свидѣтельствуетъ онъ самъ, «повторю то же, что если кого милующій Промыслъ начнетъ миловать, тогда бываетъ безмѣренъ въ божественной своей изобрѣтательности. И вотъ, въ самомъ началѣ моего говѣнія, добровольное отреченіе Наполеона, какъ будто нарочно поспѣшило въ радостномъ для меня благовѣстіи, чтобъ совершенно уже успокоить меня и доставить всѣ средства начать и продолжать мое хожденіе въ церковь» [1]).

[1]) Записки Ю. Н. Бартенева, Русскій Архивъ, 1886 г., кн. 5, стр. 99.

Наступила страстная седмица. Государь желалъ, чтобы все его вѣрное воинство преклонилось благодарственно вмѣстѣ съ нимъ передъ щедротами Всемогущаго, чтобы все вокругъ него слилось въ единомъ чувствѣ покаянія и любви. По арміи отданъ былъ Высочайшій приказъ, чтобы всѣ офицеры, а равно и солдаты воздержались на это время отъ хожденія по театрамъ, посѣщенія шумныхъ народныхъ собраній, присутствованія при публичныхъ увеселеніяхъ. «Это», свидѣтельствуетъ князь Голицынъ, «сдѣлано было государемъ по троякому побужденію: первое для удержанія своихъ отъ буйства и безчинствъ; второе, почтить святыню великаго поста, столь значительнаго для православія русскаго и третье, освятить столь славную эпоху времени, дни великихъ событій, время благоволенія Господня къ народу русскому» [1]).

И другая мысль явилась тогда у императора Александра. Онъ и его побѣдоносное воинство находились теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ праздновала въ теченіи столькихъ лѣтъ свои дикія оргіи революція, гдѣ былъ принесенъ въ жертву безумнаго фанатизма несчастный Людовикъ XVI, гдѣ пролилась кровь его супруги, Маріи Антуанеты, гдѣ пало на гильотинѣ столько благородныхъ жертвъ. Невинная кровь, пролитая здѣсь, долго вопіяла къ небу объ отомщеніи, и отомщеніе со-

[1]) Записки Ю. Н. Бартенева, Русскій Архивъ, 1886 г. кн. 5, стр. 99. Въ запискахъ русскаго артиллериста, мы находимъ слѣдующія подробности о праздновaніи Св. Пасхи. «29-го марта. Христосъ воскресъ! Кстати случилось, что мы святую недѣлю Пасхи подъ Парижемъ: врагъ человѣчества сокрушенъ, милосердіе воскресло, кровопролитіе кончилось—вѣютъ лавры мира. Императоръ нашъ говѣлъ, и съ нимъ говѣло все войско. На праздникъ было строго подтверждено, никому не уѣзжать съ биваковъ въ Парижъ, и смотрѣть за солдатами, чтобы они не отлучались. Мѣсто и обстоятельство не позволяли намъ встрѣтить праздникъ какъ слѣдуетъ. Однако заутреня совершена была въ церкви католической м. Лонжюмо, гдѣ находился только графъ Ланжеронъ съ генералитетомъ; сверхъ того во всѣхъ полкахъ происходила служба въ походныхъ церквахъ, которыя уцѣлѣли. Для разговѣнія выдали нижнимъ чинамъ мясную порцію. Я также выписалъ изъ Парижа окорокъ ветчины и пирогъ. Яичекъ красныхъ нигдѣ не было, а потому и не христосовались. Качелей также не было, и солдаты, въ первый день праздника Св. Пасхи, провалялись въ своихъ балаганахъ, вспоминая о матушкѣ Россіи, которая въ этотъ день ликовала съ красными яичками». Записки артиллериста, т. III, стр. 145—46.

вершено было теперь рукою Александра, его воиновъ и его союзниковъ. Исчадіе революціи, Наполеонъ, разносившій по всей Европѣ разрушеніе и смерть, былъ ниспровергнутъ. Надлежало очистить и освятить теперь мѣсто, оскверненное величайшими и позорнѣйшими преступленіями вѣка. Для этой цѣли Александръ избралъ величайшій и святѣйшій для всѣхъ христіанъ день, день Свѣтлаго Воскресенія Христова, выпавшій въ тотъ годъ на 10-е апрѣля (29-го марта ст. ст.) [1].

На площади Согласія, гдѣ пала голова короля-мученика, воздвигнутъ былъ возвышенный алтарь. Вокругъ него стали въ богатомъ облаченіи семь русскихъ священниковъ, выбранные изъ полковаго духовенства. Съ ранняго утра, на площади, на всѣхъ сосѣднихъ бульварахъ и улицахъ расположились въ парадѣ союзныя войска около 80,000 ч. и парижская національная гвардія. Безчисленныя толпы народа толпились на террасахъ Тюльирійскаго дворца и по набережнымъ рѣки Сены. Императоръ Александръ, сопровождаемый королемъ прусскимъ, княземъ Шварценбергомъ и громадною свитою, прибылъ около 12 часовъ къ войскамъ. По окончаніи смотра государь отправился на площадь Согласія. Началось торжественное молебствіе. Среди безчисленнаго множества парижанъ всѣхъ состояній и возрастовъ, въ виду грозныхъ силъ союзнаго ополченія, мѣсто величайшаго безумія и несчастія огласилось громкимъ и стройнымъ русскимъ пѣніемъ. «Все замолкло, все внимало!» «Торжественна была эта минута для моего сердца», говорилъ впослѣдствіи Александръ, «умилителенъ, но и страшенъ былъ для меня моментъ этотъ. Вотъ, думалъ я, по неисповѣдимой волѣ Провидѣнія, изъ холодной отчизны сѣвера привелъ я православное мое русское воинство для того, чтобы въ землѣ иноплеменниковъ, столь недавно еще нагло наступавшихъ на Россію, въ ихъ знаменитой столицѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пала царственная жертва отъ буйства народнаго, принести совокупную, очистительную и вмѣстѣ торжественную молитву Господу. Сыны сѣвера совершали какъ бы тризну по королѣ французскомъ.

[1]) Подробности объ этомъ торжествѣ см. Русскій Инвалидъ, 1814, № 33.

Русскій царь по ритуалу православному всенародно молился вмѣстѣ со своимъ народомъ, и тѣмъ какъ бы очищалъ окровавленное мѣсто пораженія невинной царственной жертвы. Духовное наше торжество въ полнотѣ достигло своей цѣли; оно невольно возбудило благоговѣніе въ сердцахъ французовъ».

«Не могу не сказать тебѣ, Голицынъ, хотя это и неумѣстно въ теперешнемъ разсказѣ, что мнѣ даже забавно было тогда видѣть, какъ французскіе маршалы, какъ многочисленная фаланга генераловъ французскихъ, тѣснилась возлѣ русскаго креста и другъ друга толкала, чтобъ имѣть возможность скорѣе къ нему приложиться. Такъ обояніе было повсемѣстно; такъ оторопѣли французы отъ духовнаго торжества русскихъ». «Я живо ощущалъ тогда апоѳеозъ русской славы между иноплеменниками, я даже самъ увлекъ ихъ и заставлялъ ихъ раздѣлять съ нами національное торжество наше» [1]). Молебствіе окончилось провозглашеніемъ многолѣтія союзнымъ государямъ и ихъ храброму воинству. Раздались сто пушечныхъ выстрѣловъ, площадь огласилась громовымъ «ура». Народъ пришелъ въ неописанный восторгъ. Громадныя толпы сопровождали Александра и Фридриха-Вильгельма шумными, радостными восклицаніями [2]).

Преисполненный чувствами высокой христіанской любви, Александръ въ буквальномъ смыслѣ слова осуществлялъ въ Парижѣ великую заповѣдь Спасителя. Онъ воздалъ французамъ за все зло, причиненное ими Россіи, великими милостями и щедротами; своимъ неслыханнымъ великодушіемъ, онъ заставлялъ краснѣть сыновъ великой націи, опозорившихъ и ограбившихъ всю Европу съ своимъ императоромъ во главѣ. Едва только сенатъ превозгласилъ низложеніе Наполеона и общественное мнѣніе начало высказываться противъ бывшаго властелина Франціи, какъ Александръ тотчасъ же приказалъ привести въ Парижъ всѣхъ французскихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ послѣднихъ сраженіяхъ. Такихъ плѣнниковъ оказалось огромное количество. Толпами пригоняли ихъ

[1]) Записки Ю. Н. Бартенева, Русскій Архивъ, 1886 г. кн. 5, стр. 99—100.

[2]) Русскій Инвалидъ, 1814 г. № 34.

каждый день изъ Мо. Всѣмъ имъ даны были отпуски, а болѣе старымъ отставка. Съ радостью разбрелись они по своимъ домамъ, благословляя имя Александра. Въ толпахъ ихъ не слышно было другихъ криковъ, кромѣ: да здравствуетъ король, да здравствуетъ Александръ! Кого именно понимали эти люди подъ своимъ королемъ,—сказать трудно. Огромное большинство ихъ имѣло о Бурбонахъ лишь самое смутное понятіе. Многіе въ простотѣ души своей полагали, что мѣсто свергнутаго Наполеона займетъ самъ Александръ и отъ всего сердца радовались такой преспективѣ [1]).

Переговоры объ отреченіи Наполеона не были приведены еще къ концу, военныя дѣйствія могли еще возобновиться, когда многіе французскіе офицеры начали пробираться въ Парижъ и проживать тамъ, скрываясь въ партикулярномъ платьѣ и не смѣя показаться нигдѣ на публичныхъ собраніяхъ въ своей военной формѣ. Узнавъ объ этомъ обстоятельствѣ, Александръ приказалъ обнародовать слѣдующее объявленіе: «Его Величество императоръ всероссійскій, узнавъ, что многіе изъ французскихъ военныхъ находятся въ Парижѣ, по разнымъ обстоя-

[1]) Н. Н. Муравьевъ говоритъ въ своихъ запискахъ: «Всѣ плѣнные, которые захвачены были въ сраженіи подъ Парижемъ, были возвращены: ихъ пригоняли толпами изъ Мо; иные изъ нихъ кричали: vive la republique! другіе: vive la roi! третіе: vive Alexandre! Простой народъ полагалъ и желалъ, чтобы государь назвался королемъ французскимъ». Русскій Архивъ 1886, кн. 2, стр. 106.

Въ запискахъ другого русскаго очевидца читаемъ: «Всѣхъ плѣнныхъ французовъ распускали по домамъ. Я видѣлъ премилую сцену. На длинной фурѣ, ѣхавшей изъ Парижа, сидѣло трое французскихъ солдатъ; подлѣ одного изъ нихъ была женщина съ мальчикомъ, а другого ребенка онъ держалъ на колѣняхъ. Этотъ малютка, развалившись, не спускалъ глазъ съ отца, также какъ и мать его. Самъ отецъ взглядывалъ то на дѣтей, то на жену, то на товарищей... Французскіе солдаты неохотно вступали въ бесѣду съ нашими, какъ будто стыдясь того, что были непріятелями столь великодушныхъ побѣдителей, которые, подходя къ нимъ, подчивали табакомъ и заводили разговоръ по пальцамъ. Между распускаемыми солдатами были мальчики лѣтъ 18; они кажется изнемогали подъ тяжестью ружья и ранца и были безполезною цѣлью для нашихъ пушекъ. Пріятно было также смотрѣть въ мѣстечкѣ на жителей, которые спокойно сидѣли въ улицахъ, за воротами своихъ домовъ, и глазѣли на нашихъ солдатъ, какъ среди глубокаго мира, забывая о Наполеонѣ! Сколько ни говорятъ о ихъ любезности, но нельзя не осуждать ихъ за непостоянство. Это дѣти съ одною чувсгвенностью, крахмальные пѣтушки. Ни къ какому народу нельзя лучше примѣнить басню о лягушкахъ, просящихъ царя». Походныя записки артиллериста, т. III, стр. 144—145.

тельствамъ, и чтобы возстановить здоровье, разстроенное походами и ранами, полученными на полѣ чести, полагаетъ, что имъ не нужно скрываться. Во всякомъ случаѣ, Его Величество съ удовольствіемъ объявляетъ отъ своего и своихъ союзниковъ имени, что эти офицеры свободны, совершенно свободны, и что имъ, какъ и всѣмъ прочимъ французскимъ гражданамъ, предстоитъ обязанность способствовать мѣрамъ, которыя надлежитъ принять для благоденствія Франціи и всего свѣта» [1]).

Великодушное распоряженіе россійскаго монарха повлекло, однако, за собою довольно печальныя послѣдствія. Французскіе офицеры начали пользоваться въ широкомъ размѣрѣ данною имъ льготою. Толпами приливали они отовсюду въ Парижъ, шатались въ своихъ мундирахъ по улицамъ и публичнымъ мѣстамъ, намѣренно затѣвали ссоры съ союзными офицерами и вели себя съ необычайною наглостью. Въ скоромъ времени между ними и союзными офицерами установились самыя враждебныя отношенія. Поединки слѣдовали за поединками.

Особенно сильна была вражда между французскими и прусскими офицерами. Пруссаки присвоили себѣ извѣстную часть Палерояля, гдѣ они проводили время за кутежемъ, картами и гуляньемъ съ парижскими куртизанками. Примѣръ разгула подавалъ всѣмъ старый Блюхеръ. По цѣлымъ днямъ проводилъ онъ въ Палероялѣ за карточнымъ столомъ. Онъ велъ самую высокую игру въ банкъ и ставилъ разомъ цѣлыя кучи золота. Разгоряченный игрою и виномъ, старый фельдмаршалъ велъ себя въ Палероялѣ, какъ дома, снималъ сюртукъ, засучивалъ рукава рубашки и сидѣлъ, покуривая изъ своей походной маленькой трубки [2]). Прусскіе офицеры не допу-

[1]) Богдановичъ, Исторія Александра I, т. IV, стр. 526.

[2]) Французы смотрѣли не безъ ужаса на такое поведеніе стараго рубаки; но за то англичане, нарочно пріѣзжавшіе въ Парижъ, посмотрѣть на the old Blücher, the conqueror of the tyrann, приходили въ неописанный восторгъ при видѣ безцеремоннаго поведенія фельдмаршала. По цѣлымъ часамъ просиживали они въ ресторанѣ Вири, гдѣ обѣдалъ обыкновенно Блюхеръ, погруженные въ нѣмое, восторженное созерцаніе героя Кацбаха и Ла-Ротьера. См. J. Scherr, Blücher, seine Zeit und sein Leben, т. III, стр. 393.

скали французскихъ въ это свое святилище, но многіе изъ этихъ послѣднихъ съ намѣреніемъ проникали въ «прусскую ротонду» и вызывали пруссаковъ на дуэли. Дѣло дошло, наконецъ, до того, что пруссаки составили между собою общество [1]) съ особенными статутами, опредѣлявшими правила такихъ дуэлей и ходили въ свою ротонду не иначе, какъ съ заряженными пистолетами.

Къ русскимъ офицерамъ французы также относились съ ненавистью. Бывшіе сподвижники Наполеона не могли равнодушно видѣть своихъ побѣдителей въ стѣнахъ Парижа. Намѣренно тѣснились они вокругъ русскихъ офицеровъ, въ театрахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, всячески стараясь задѣть и оскорбить ихъ тѣмъ, или инымъ способомъ. Само собою понятно, что русскіе никогда не уклонялись отъ вызова и всегда умѣли постоять за свою честь. Наоборотъ, между французами попадались иногда настоящіе трусы и негодяи. Сдѣлавъ сами вызовъ русскимъ, они уклонялись затѣмъ отъ дуэли, тѣмъ болѣе, что русскіе дрались не иначе, какъ на пистолетахъ, и тайкомъ бѣжали изъ Парижа [2]). Наглость

[1]) «Бывая въ Палероялѣ, я съ любопытствомъ проходилъ мимо небольшой колоннады, расположенной полукругомъ и вдавшейся нѣсколько во дворъ зданія. Мѣсто это называлось прусскою ротондою и было всегда наполнено прусскими офицерами, которые не давали прохода французскимъ. Были молодцы изъ послѣднихъ, которые нарочно мимо ходили и не миновали поединка. Говорили, что пруссаки составили на сей предметъ между собою общество со статутомъ. Они ходили по галлереямъ Палерояля не иначе какъ съ заряженными пистолетами въ карманахъ, когда замѣтили, что французскіе офицеры также стали собираться. Прусскій гвардейскій поручикъ Кнобельсдорфъ, сынъ бывшаго прусскаго посла при турецкомъ дворѣ, считался въ этомъ обществѣ, и такъ какъ я съ нимъ былъ знакомъ, то, встрѣтивъ его однажды на улицѣ, просилъ его принять меня въ это общество. Сперва онъ соглашался, потомъ сталъ затрудняться и, наконецъ, рѣшительно сказалъ, что это сдѣлать будетъ можно, но что мы о томъ въ другой разъ поговоримъ. Я полагалъ, что у нихъ была тутъ какая нибудь тайная цѣль, особые законы и знаки, какъ то водится въ студенческихъ обществахъ нѣмецкихъ университетовъ. Послѣ того я Кнобельсдорфа болѣе не видалъ». Н. Н. Муравьевъ, Записки, Русскій архивъ, 1886, кн. 2, стр. 112.

[2]) См. между прочимъ разсказъ о русскомъ офицерѣ Грибовскомъ и французскомъ Паренсѣ, вызвавшемъ его на дуэль и затѣмъ скрывшемся неизвѣстно куда, у Н. Н. Муравьева. Само собою понятно, что далеко не всѣ французскіе офицеры походили на этого негодяя.

этихъ господъ не замедлила перейти и на національную гвардію. Бывали случаи столкновенія между національными гвардейцами и русскими, при чемъ первымъ приходилось, однакоже, плохо [1]).

Императоръ Александръ и русскія военныя власти старались положить конецъ этимъ скандаламъ, но мѣры, принимаемыя ими, не всегда оказывались удачными. Между прочимъ запрещено было русскимъ офицерамъ, посѣщавшимъ Парижъ, ходить въ форменной одеждѣ, и приказано парижской національной гвардіи брать подъ арестъ нашихъ солдатъ, шатающихся безъ дѣла по улицамъ города [2]). И та и другая мѣра вызвала крайнее недовольство въ рядахъ побѣдоносной арміи. Поединки между офицерами сдѣлались еще чаще, а наши солдаты жестоко колотили національныхъ гвардейцевъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Отвѣтственность за всѣ эти мѣропріятія падала въ глазахъ войскъ, главнымъ образомъ, на генерала Сакена, парижскаго военнаго генералъ-губернатора. Желая угодить государю, Сакенъ заботился только о поддержаніи дисциплины въ русскихъ войскахъ, но во всемъ потворствовалъ французамъ, не унималъ и не наказывалъ ихъ буйствъ [3]).

Еще болѣе ненависти возбудилъ противъ себя помощникъ Сакена, флигель-адъютантъ государя, Рошешуаръ, назначенный комендантомъ Парижа. «Онъ былъ родомъ французъ»

[1]) См. Записки Н. Н. Муравьева, стр. 113.

[2]) «Государь былъ пристрастенъ къ французамъ и до такой степени, что приказалъ парижской національной гвардіи брать нашихъ солдатъ подъ арестъ, когда ихъ встрѣчали на улицахъ, отъ чего произошло много дракъ, въ которыхъ большею частью наши оставались побѣдителями». Н. Н. Муравьевъ, Записки, стр. 106.

[3]) Офицеры имѣли также своихъ притѣснителей. Первый былъ генералъ Сакенъ, который былъ назначенъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Парижа и всегда держалъ сторону французовъ: въ благодарность за сіе получилъ онъ отъ города, при выѣздѣ своемъ, разныя драгоцѣнныя вещи, между прочимъ ружье и пару пистолетовъ, оправленныхъ въ золото". Н. Н. Муравьевъ, стр. 106. Городъ Парижъ имѣлъ, впрочемъ, и другія причины благодарить генерала Сакена, съумѣвшаго поддержать порядокъ при тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ. См. опредѣленіе генеральнаго совѣта Сенскаго департамента у Богдановича, Исторія Александра I, т. IV, примѣчаніе 42 къ главѣ 51, стр. 60.

говоритъ Муравьевъ, «и изъ числа тѣхъ, которые во время революціи оставили отечество свое подъ предлогомъ преданности къ своему изгнанному и неспособному королю, но въ сущности, какъ многіе думали, съ единственною цѣлью избѣжать бѣдствій и трудовъ, которыя соотечественники ихъ переносили для спасенія Франціи. Рошешуаръ дѣлалъ всякія непріятности русскимъ офицерамъ, почему и не терпѣли его. Онъ окружилъ себя французами, которыхъ поддерживалъ и которымъ давалъ всегда преимущество надъ нашими» [1]).

Всячески стараясь угодить французамъ, Сакенъ и его помощникъ заботились очень мало даже о матеріальныхъ потребностяхъ нашихъ войскъ. Городскія власти Парижа, трепетавшія сначала при одной мысли о взятіи города дикими татарами и людоѣдами, вскорѣ совершенно успокоились, убѣдившись воочію въ крайнемъ добродушіи и непритязательности своихъ побѣдителей. Уже черезъ день они забыли объ ихъ существованіи и начали морить голодомъ союзныхъ солдатъ. Дня черезъ два, по занятіи города, государь былъ вечеромъ въ театрѣ, когда ему доложили, что войска, расположенныя биваками на Елисейскихъ поляхъ, не получаютъ вовсе раціоновъ, и что въ средѣ солдатъ начинается сильный ропотъ. Государь немедленно вышелъ изъ ложи, потребовалъ къ себѣ муниципальныхъ чиновниковъ и объявилъ имъ, что онъ не беретъ на себя отвѣтственности за могущіе произойти безпорядки въ томъ случаѣ, если солдатъ его будутъ оставлять безъ пищи. Чиновники поняли намекъ государя; тотчасъ же взяли они массу извощиковъ и отправили на Елисейскія поля огромное количество припасовъ всякаго рода. «Эти русскіе солдаты», говоритъ по этому поводу современникъ, «видѣвшіе опустошеніе своей страны французами, явившіеся въ свою очередь побѣдителями во Францію, не позволили себѣ никакого насилія, не смотря на то, что ихъ, изнуренныхъ трудами и голодомъ, оставляли цѣлый день безъ пищи. Какіе люди! какая армія! и какъ великъ былъ государь, съумѣв-

[1]) Записки Н. Н. Муравьева, стр. 106.

шій превратить своихъ солдатъ въ людей, съ которыми онъ могъ бы, если бы только пожелалъ, покорить весь міръ»[1]).

Побѣдители должны были, впрочемъ, и впослѣдствіи довольствоваться однѣми нравственными наградами. Правда, они не долго бивакировали подъ открытымъ небомъ и вскорѣ ихъ размѣстили по казармамъ, но участь ихъ мало чѣмъ улучшилась и послѣ этого. По прежнему, ихъ морили голодомъ и держали въ казармахъ, какъ подъ арестомъ. Ихъ наказывали безпощадно за малѣйшее нарушеніе дисциплины и утомляли почти ежедневными парадами и смотрами. Не удивительно, что въ рядахъ войскъ распространилось сильное недовольство, и что армія наша потеряла во время стоянки въ Парижѣ и его окрестностяхъ не мало людей бѣглыми[2]).

Императоръ Александръ, постоянно отвлекаемый самыми важными политическими заботами, не имѣлъ даже возможности знать о положеніи своихъ вѣрныхъ войскъ, о лишеніяхъ и нуждахъ, претерпѣваемыхъ ими. Люди, самые близкіе къ нему, обращали также очень мало вниманія на этотъ существенный вопросъ и старались скрыть отъ императора истину. Влекомый своими человѣколюбивыми чувствами, Александръ спѣшилъ помочь тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, настояла въ этомъ наибольшая нужда. Опуская изъ виду, что французы имѣютъ полную возможность и средства помочь своимъ раненымъ, гораздо лучше нежели могли сдѣлать это мы, онъ, какъ когда то въ Вильнѣ, бралъ подъ свое покровительство всѣхъ раненыхъ и больныхъ, безъ различія національности и тѣмъ самымъ, невольно лишалъ своихъ страждущихъ воиновъ, быть можетъ, нѣкоторой части подобавшаго имъ ухода. Какъ въ Вильнѣ, такъ и теперь, государь поручалъ иногда надзоръ за гошпиталями, гдѣ лежали вмѣстѣ съ нашими солдатами и французскіе, французамъ, состоявшимъ въ нашей

[1]) Choiseul-Goufier, Memoires Historiques sur l'empereur Alexandre, изданіе 1829 г., стр. 193—194.

[2]) См. Н. Н. Муравьевъ, Записки, стр. 106. «Но такое обращеніе съ солдатами отчасти склонило ихъ къ побѣгамъ, такъ что при выступленіи нашемъ изъ Парижа множество изъ нихъ осталось во Франціи».

службѣ, а эти господа въ большинствѣ случаевъ, плохо оправдывали довѣріе государя, отличаясь крайнимъ пристрастіемъ, а иногда небрежностью и легкомысленнымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Однажды парижскіе банкиры пожертвовали въ пользу нашихъ раненыхъ 8600 франковъ, вырученныхъ ими отъ промѣна русскихъ ассигнацій. Государь, изъявивъ свое благоволеніе банкирамъ, приказалъ раздать эти деньги по-ровну русскимъ, австрійскимъ, прусскимъ и французскимъ раненымъ [1]). Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и всегда, Александръ систематически не дѣлалъ различія между своими и чужими. Его благотворительность и щедрость не знали предѣловъ. Парижане не знали чему удивляться имъ болѣе; скромности ли и простотѣ жизни, которую велъ государь нашъ въ Парижѣ, или же его щедротамъ, изливавшимся на всѣ стороны, преимущественно же на нихъ самихъ. Сотни и тысячи просителей [2]) прибѣгали ежедневно къ милосердію россійскаго монарха, и ни одинъ изъ нихъ не уходилъ отъ него неудовлетворенный въ своихъ нуждахъ. Не имѣя возможности собирать свѣдѣнія о положеніи каждаго изъ просителей, государь приказалъ, наконецъ, разослать довольно значительную сумму денегъ приходскимъ священникамъ для раздачи, по ихъ усмотрѣнію, не имущимъ жителямъ столицы.

Понятно, что такая безпредѣльная, истинно-христіанская благотворительность могла лишь усилить обаяніе, произведенное и безъ того уже на французовъ великодушною личностью ихъ побѣдителя. Признательность, восторженная благодарность парижанъ выражалась самыми различными, подъчасъ, довольно своеобразными способами. Генералъ Сакенъ безпрестанно получалъ письма, въ которыхъ парижане предупреждали его на счетъ покушеній, готовящихся противъ жизни

[1]) См. Богдановичъ, Исторія царствованія Александра I, т. IV, стр. 527.

[2]) Кромѣ просителей множество парижанъ не давали Александру покоя и по дѣламъ другого рода. Ихъ безграничное довѣріе къ русскому императору и ихъ наивность были такъ велики, что они не задумывались избирать государя посредникомъ въ своихъ частныхъ и домашнихъ дѣлахъ. См. Choiseul-Gouffier, стр. 191.

государя. Большая часть такихъ писемъ были анонимные и составители ихъ не имѣли, слѣдовательно, въ виду никакихъ корыстныхъ цѣлей [1]). Вездѣ, гдѣ только ни показывался Александръ, населеніе встрѣчало его восторженными криками. Мальчишки бѣгали по улицамъ, распѣвая куплеты, сочиненные въ честь русскаго государя. Французы сравнивали Александра съ своимъ любимымъ національнымъ героемъ, Генрихомъ IV. Извѣстный гимнъ, Henri Quatre, передѣланъ былъ тотчасъ же по вступленіи союзниковъ въ Парижъ, и уже черезъ два дня шарманки наигрывали по всѣмъ улицамъ давно забытый парижанами напѣвъ. Вообще, замѣчаетъ очевидецъ, куплеты передѣлывались на счетъ кого угодно; между прочими пѣли:

Que le bon Dieu maintienne
Alexander et ses descendents
Jusqu'a ce qu'on ne prenne
La lune avec les dents [2]) и т. д.

Настроеніе уличной публики мѣнялось, впрочемъ, очень быстро. Легкомысленный національный характеръ французовъ остался и тутъ вѣренъ самому себѣ. Прошло нѣсколько дней и куплеты начали передѣлываться въ пародіи, направленныя противъ союзныхъ государей. Вскорѣ появились каррикатуры и памфлеты, которыя разносились по улицамъ и продавались съ крикомъ. На ряду съ этими враждебными манифестаціями не прерывались, впрочемъ, и шумныя заявленія симпатіи къ «освободителямъ». Однимъ словомъ, все шло, какъ подобало идти ему въ новомъ Вавилонѣ [3]).

Само собою понятно, что съ наибольшимъ сочувствіемъ относилась къ государю болѣе развитая и зажиточная часть

[1]) См. Богдановичъ, т. IV, стр. 528, и стр. 59, прим. 25, гдѣ ссылка на бумаги Сакена.

[2]) Т. е. «Да сохранитъ Богъ Александра и его наслѣдниковъ до тѣхъ поръ, пока не начнутъ хватать луну зубами». Записки Н. Н. Муравьева, стр. 105.

[3]) Записки Н. Н. Муравьева, гдѣ авторъ замѣчаетъ между прочимъ: «Но все сіе также скоро измѣнилось, когда въ 1815 году Наполеонъ явился въ Парижъ, и опять пошло на прежній ладъ, когда его разбили въ сраженіи подъ Ватерлоо». Стр. 105.

парижскаго населенія, такъ называемое высшее общество и богатая буржуазія. Лица этихъ двухъ классовъ отлично сознавали, чѣмъ они были обязаны императору Александру. Лишь немногіе нахалы изъ этой среды отваживались утверждать, что союзники и ихъ вожди и не могли себя вести иначе въ Парижѣ, что являясь въ великую столицу міра они невольно должны были снять шляпы и преклониться передъ избраннымъ обществомъ великой націи. Большинство образованныхъ и богатыхъ парижанъ далеко было, по крайней мѣрѣ, въ то время, отъ подобнаго нелѣпаго самообольщенія. Оно сознавало очень хорошо, что только великодушіе Александра, неслыханное во всей исторіи, спасло Францію отъ разъяренной мести народовъ, а Парижъ отъ участи, постигшей Москву. Это сознаніе проявлялось невольно и со всею силою повсюду, гдѣ только ни появлялся вѣнценосный вождь соединенной Европы. Салоны и въ особенности театры служили главными поприщами восторженныхъ овацій въ честь Александра и его вѣрнаго союзника Фридриха-Вильгельма.

Повсюду, гдѣ ни появлялся Александръ, онъ производилъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе. Во всѣхъ его словахъ и дѣйствіяхъ выражалось самое высокое, гуманное, истинно-человѣческое міросозерцаніе. Чуждый всякаго тщеславія, онъ разливалъ повсюду любовь и благодѣянія, поражалъ всѣхъ своимъ великодушіемъ и высокимъ образомъ мыслей. Александръ не гонялся, подобно Наполеону, за призракомъ славы. Увидѣвъ статую Наполеона на Вандомской колоннѣ, онъ замѣтилъ, улыбаясь: «У меня закружилась бы голова на такой высотѣ» [1]). За то къ чужимъ заслугамъ и славѣ Александръ относился съ глубокимъ уваженіемъ. Вскорѣ послѣ своего прибытія въ Парижъ, императоръ посѣтилъ знаменитый домъ инвалидовъ, гдѣ проводили въ тишинѣ и довольствѣ свои послѣдніе дни искалѣченные герои революціонныхъ и Наполеоновскихъ войнъ. «Въ величественномъ зданіи семъ», го-

[1]) S'adressant aux personnes qui l'entouraient, Alexandre leur dit en souriant: «Si j'avais ète place si haut la tetê m'aurait turné». Choiseul-Gouffier, стр. 190. I. Golowine, Histoire d'Alexandre I, стр. 160.

ворит русскій очевидецъ, «инвалиды живутъ гораздо лучше нашего брата. Дворы, коихъ много, именуются по названіямъ сраженій и побѣдъ Наполеона, что видно по доскамъ съ надписанными названіями, прибитыми къ воротамъ. Помѣщеніе подъ большимъ куполомъ, который отовсюду видѣнъ, раздѣлено на двѣ части; въ одной половинѣ находится церковь инвалидовъ, въ другой же—большая зала, посвященная всѣмъ убитымъ генераламъ, прославившимся въ французской арміи. Посѣтитель съ уваженіемъ вступаетъ въ сію залу, гдѣ совершенная тишина прерывается только раздающимся стукомъ отъ шаговъ идущаго. Направо въ стѣнахъ, видна съ изваяніями гробница маршала Тюрення, гдѣ изображенъ онъ самъ, лежащимъ подъ осѣняющими его знаменами, и со всѣхъ сторонъ видны гробницы бывшихъ предводителей. Въ самой глубинѣ залы видна небольшая дверь, у которой сидитъ часовой, инвалидный солдатъ безъ ноги, или безъ руки. Войдя въ эту дверь, я очутился въ маленькой комнатѣ, сплошь обтянутой чернымъ бархатомъ и обитой серебряными галунами. Въ срединѣ сей комнаты стоялъ гробъ на подножіи. Комната освѣщалась только двумя лампами, которыя темно горѣли. Невыразимо впечатлѣніе, производимое симъ зрѣлищемъ. Какъ бы опасаешься громко говорить, дабы не потревожить покойника. Тутъ похороненъ маршалъ Дюрокъ, который былъ убитъ подлѣ Наполеона въ сраженіи подъ Бауценомъ».

Съ благоговѣніемъ вступилъ Александръ подъ величественные своды этого пріюта воинской славы. Онъ засталъ жителей инвалиднаго дома въ глубокой печали. Слухъ, разнесшійся по городу, что побѣдители намѣрены отобрать у нихъ всѣ трофеи ихъ славныхъ побѣдъ, всѣ пушки, взятыя при Аустерлицѣ, Іенѣ, Ваграмѣ, достигъ до нихъ и повергъ ихъ въ глубокое уныніе. Государь спѣшилъ успокоить ихъ. «Утѣшьтесь, мои храбрые», сказалъ онъ имъ. «Я явлюсь за васъ ходатаемъ предъ государями, моими союзниками; я попрошу ихъ оставить вамъ нѣсколько воспоминаній вашихъ славныхъ

[1]) Н. Н. Муравьевъ, Записки, стр. III. «Говорятъ, однако, что этотъ человѣкъ, (т. е. Дюрокъ), не былъ достоинъ такихъ почестей».

подвиговъ» [1]). Александръ спѣшилъ подать примѣръ благороднаго великодушія своимъ союзникамъ: оставляя домъ инвалидовъ, онъ отдалъ приказъ оставить въ немъ двѣнадцать русскихъ пушекъ, взятыхъ при Аустерлицѣ.

Пораженные безпримѣрнымъ великодушіемъ русскаго государя, французы осыпали его при всякомъ удобномъ случаѣ самыми лестными выраженіями своей признательности. Представители города Парижа предложили, между прочимъ, императору измѣнить названіе Аустерлицкаго моста. «Нѣтъ» отвѣчалъ Александръ. «Достаточно уже и того, что императоръ Александръ перешелъ этотъ мостъ съ своею арміею» [2]).

Ученыя и художественныя учрежденія города Парижа возбуждали особый интересъ императора и пользовались его особымъ покровительствомъ. Въ средѣ союзниковъ родилась естественная мысль возвратить на прежнія мѣста, прежнимъ законнымъ владѣльцамъ, драгоцѣнныя произведенія искусства, награбленныя Наполеономъ во всѣхъ столицахъ Европы. Мысль эта была оставлена по настоянію Александра. Онъ убѣдилъ своихъ союзниковъ, что не слѣдуетъ касаться коллекцій, сосредоточенныхъ въ Парижѣ, такъ какъ именно здѣсь онѣ будутъ наиболѣе доступны для всей Европы. Государь самъ неоднократно посѣщалъ галлереи Лувра и проводилъ по нѣсколько часовъ въ созерцаніи безсмертныхъ произведеній древняго и новаго искусства. Въ первое изъ такихъ посѣщеній государь замѣтилъ, что на нѣкоторыхъ подножіяхъ не было статуй. Указавъ сопровождавшему его директору музея, знаменитому Денону, на одно изъ такихъ пустыхъ подножій, государь спросилъ:

«Что здѣсь прежде стояло?»

«Аполлонъ Бельведерскій», отвѣчалъ Денонъ.

«Гдѣ онъ теперь?» продолжалъ Александръ.

«Опасность, угрожавшая Парижу», отвѣчалъ Денонъ, «заставила насъ отправить нѣкоторые предметы въ Орлеанъ».

«Если бы вы оставили Аполлона въ Парижѣ», возразилъ

[1]) Choiseul-Gouffier, стр. 196.

[2]) Choiseul-Gouffier, стр. 196.

государь, то, увѣряю васъ, никто бы не прикоснулся къ нему, но теперь, если казаки возьмутъ его на дорогѣ, онъ будетъ законною добычею» [1]).

Французскій институтъ, не пользовавшійся подъ желѣзнымъ режимомъ Наполеона, свободою въ научныхъ изслѣдованіяхъ, спѣшилъ заявить свое глубокое уваженіе побѣдителю, даровавшему Франціи свободу и миръ. На привѣтственную рѣчь президента института, Александръ отвѣчалъ такими словами: «Я всегда воздавалъ должную справедливость работамъ и успѣхамъ французовъ въ области наукъ и изящныхъ искусствъ, Я не приписываю сословію ученыхъ бѣдствій, обрушившихся на Францію и Европу. Я радуюсь вмѣстѣ съ вами, что вамъ возвращена, наконецъ, свобода мысли. Мое счастье, мое единственное желаніе быть полезнымъ человѣчеству. Вотъ мотивъ который привелъ меня во Францію» [2]).

За депутаціею института явилась депутація отъ общества поощренія искусствъ и ремеслъ съ извѣстнымъ Шапталемъ во главѣ. Онъ изъявилъ государю отъ имени всѣхъ своихъ товарищей благодарность за покровительство, оказанное Его Величествомъ всѣмъ художественнымъ и ремесленнымъ учрежденіямъ города Парижа. Александръ отвѣчалъ Шапталю: «Я желаю, чтобы искусства и полезныя ремесла распространились по всей поверхности земнаго шара. Я глубоко уважаю всѣхъ тѣхъ, кои способствуютъ достиженію этой благородной цѣли своими усиліями и талантами» [3]).

Въ современныхъ запискахъ мы читаемъ: «Александръ посѣщалъ всѣ учрежденія Парижа, посвященныя наукамъ, искусствамъ, индустріи, гуманности не изъ любопытства, а влекомый дѣйствительнымъ интересомъ. Его появленіе, его привѣтливость, его слова, возбуждали повсюду удивленіе, смѣшанное съ уваженіемъ, внушали теплое, благоговѣйное чувство любви къ его великой личности. Ученые всѣхъ отраслей зна-

[1]) **Богдановичъ, Исторія царствованія Александра I, т. IV, стр. 540.**

[2]) Choiseul-Gouffier, стр. 197.

[3]) Choiseul-Gouffier, стр. 198.

нія, знаменитѣйшіе литераторы, не могли достаточно надивиться его тонкому, наблюдательному уму, его вѣрнымъ сужденіямъ, выражавшимся въ каждомъ его отвѣтѣ и замѣчаніи. Но болѣе всего изумлялись они тому благородному, изящному и естественному краснорѣчію, которое обнаружилъ государь въ языкѣ, служившемъ предметомъ ихъ постоянныхъ изслѣдованій и занятій»[1]).

Французская лесть выражалась во всѣхъ возможныхъ формахъ; она способна была вскружить голову самому спокойному и твердому человѣку, она могла заставить покраснѣть любого свѣтскаго человѣка. Когда императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ посѣтили торжественное засѣданіе французскаго института, то президентъ Лакретель привѣтствовалъ государей панегирикомъ, въ которомъ онъ прославлялъ великія дѣянія Петра Великаго и Фридриха II, но при этомъ превозносилъ еще болѣе ихъ августѣйшихъ преемниковъ. Александръ отвѣчалъ немногими, искренними словами. Онъ видимо тяготился оффиціальною обстановкою собранія и по окончаніи засѣданія поспѣшилъ отвести душу въ интимной бесѣдѣ съ выдающимися членами ученой корпораціи [2]).

Въ другихъ учрежденіяхъ лесть выражалась въ иной, болѣе осязательной формѣ. На монетномъ парижскомъ дворѣ выбита была въ присутствіи Александра въ честь его медаль. На лицевой сторонѣ медали красовался вензель императора, а вокругъ ея виднѣлась надпись: «возстановителю мира въ Европѣ». На обратной сторонѣ медали изображено было оружіе Франціи, съ надписью вокругъ: «въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1814 г., Франція возвратилась въ великій союзъ европейскихъ державъ» [3]).

Художники города Парижа не отставали отъ ученыхъ въ изъявленіяхъ глубокаго уваженія и удивленія къ возстанови-

[1]) Choiseul-Gouffier, стр. 198—199.

[2]) Choiseul-Gouffier, стр. 197, «Sa majestè s'en tretint avec plusieurs membres de l'Intitut, M. Suard, M. Villemain, qui n'appartenait pas encore à ce corps illustre, mais qui dejá faisait admirer son jeune et beau talent».

[3]) Choiseul-Gouffier, стр. 199.

телю европейскаго міра. Они соперничали другъ съ другомъ въ воспроизведеніи чертъ лица того, кого вся Франція именовала тогда своимъ добрымъ геніемъ. Особенное вниманіе обратилъ на себя, превосходно сдѣланный, бюстъ императора съ слѣдующею латинской надписью: Alexandro Russiarum omnium imperatori memores Galliarum populi. На подножьи бюста начертаны были кромѣ того слѣдующіе стихи:

Jura pater populo, diademata regibus ultor
Europeae pacem, templis sua numina reddit» [1]).

Напыщенная и подчасъ назойливая лесть, облака ѳиміама, которыми окружали Александра французы, не могли нарушить нравственнаго равновѣсія свѣтлой души государя, равновѣсія, покоившагося на незыблемомъ основаніи христіанской вѣры и любви. Александръ не искалъ, подобно другимъ великимъ міра сего, удовлетворенія своему тщеславію, онъ не принималъ, какъ должную дань, льстивыхъ и восторженныхъ заявленій, а, напротивъ, по возможности, уклонялся отъ нихъ. Его сердце, преисполненное любви и состраданія къ несчастному человѣчеству, влекло его прежде и болѣе всего къ дѣламъ благотворительности. Онъ посѣщалъ больницы, сиротскія училища, филантропическія учрежденія всякаго рода; словомъ и дѣломъ ободрялъ онъ повсюду труждающихся и страждущихъ и оставлялъ по себѣ въ сердцахъ всѣхъ неизгладимое впечатлѣніе. Несчастіе и падшее величіе возбуждали его живѣйшее сочувствіе. Онъ посѣтилъ въ Мальмезонѣ императрицу Жозефину въ сопровожденіи короля прусскаго и обошелся съ нею, какъ съ настоящею императрицею. Оба монарха обѣдали въ Мальмезонѣ за парcaptain столомъ; ихъ деликатное, истинно рыцарское обращеніе тронули до глубины души женщину, принесенную бездушнымъ Наполеономъ въ жертву своему тщеславію и чисто плебейскому высокомѣрію. Жозефина не долго пережила этотъ послѣдній свѣтлый моментъ своей жизни. Вскорѣ послѣ визита монарховъ она

[1]) Choiseul-Gouffier, стр. 200—201.

скончалась отъ простудной болѣзни, оставивъ по себѣ самое теплое воспоминаніе во всѣхъ лицахъ, знавшихъ ее близко [1]).

Великодушный по отношенію къ своимъ недавнимъ врагамъ, Александръ не забывалъ на высотѣ достигнутой имъ славы тѣхъ лицъ, которымъ онъ былъ обязанъ своими успѣхами, которыя принимали болѣе или менѣе выдающееся участіе въ его воспитаніи, въ его правительственной и военной дѣятельности. Раздавая щедрыя награды своимъ сподвижникамъ въ минувшую войну, Александръ вспомнилъ и такихъ людей, которые оказали ему несомнѣнныя заслуги въ прежнее время, хотя и не состояли теперь уже у дѣлъ, проводя свою жизнь вдали отъ совершающихся великихъ событій. Еще во Франкфуртѣ тотчасъ послѣ изгнанія Наполеона изъ Германіи, Александръ вспомнилъ съ признательностью о забытомъ и осмѣянномъ всѣми Пфулѣ.

«Достигнувъ отъ береговъ Москвы, береговъ Рейна, я думаю исполнить мой долгъ», писалъ государь Пфулю, «обращаясь къ вамъ, генералъ, съ нижеслѣдующими строками: Если я пріобрѣлъ кое-какія свѣдѣнія въ военномъ ремеслѣ, то я обязанъ этимъ вамъ одному. Но я обязанъ вамъ еще большимъ: вы составили тотъ планъ, который, при содѣйствіи Провидѣнія, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ спасеніе Россіи, а затѣмъ и Европы. Примите же, генералъ, выраженіе признательности, подобающей вамъ на столь справедливомъ основаніи. Я прилагаю при семъ знаки ордена Св. Владиміра первой степени и прошу васъ возложить ихъ на себя» [2]).

Почитая ф. Пфуля, какъ своего учителя въ военномъ искусствѣ, Александръ относился еще съ большимъ уваженіемъ къ воспитателю своего дѣтства Лагарпу. Мы уже видѣли съ какимъ безграничнымъ довѣріемъ относился государь къ Лагарпу въ швейцарскомъ вопросѣ и какую важную задачу готовъ онъ былъ возложить на него при устройствѣ внутреннихъ дѣлъ Франціи. Обстоятельства сложились, однако, такимъ образомъ, что участіе Лагарпа въ устроеніи Франціи не по-

[1]) Жозефина скончалась 30 мая, н. с.

[2]) См. Перцъ, Steins Leben. T. III, стр. 711.

надобилось. Все было устроено и обдѣлано не благороднымъ идеалистомъ, а ловкимъ интриганомъ, дипломатомъ Талейраномъ. Александръ, по прибытіи въ Парижъ, убѣдился самъ, что тутъ нѣтъ мѣста чистымъ рукамъ и возвышенному паренію и, скрѣпя сердце, предоставилъ Францію тѣмъ лицамъ, которыя одни только и могли управлять ею. Понятно, однако-же, что его отношенія къ другу и воспитателю нисколько не измѣнились вслѣдствіе этого новаго разочарованія, что онъ любилъ и уважалъ Лагарпа попрежнему и спѣшилъ засвидѣтельствовать передъ всѣмъ свѣтомъ свои чувства къ нему. 10 апрѣля въ тотъ самый день, когда Александръ, окруженный всѣмъ своимъ воинствомъ, совершалъ благодарственное молебствіе на площади Согласія, онъ даровалъ Лагарпу орденъ св. Андрея Первозваннаго и лично посѣтилъ его жену, находившуюся въ то время въ Парижѣ. Государь взобрался на четвертый этажъ, въ скромный уголокъ, занимаемый г-жею Лагарпъ. Побѣдитель Наполеона, вершитель судебъ Франціи и Европы, предсталъ передъ женою своего бывшаго учителя, какъ добрый, старый знакомый, какъ благодарный памятливый ученикъ. M-me Лагарпъ, не ожидавшая такой высокой чести, оторопѣла при видѣ входящаго государя. Не смотря на всѣ его приглашенія сѣсть, она почтительно стояла передъ нимъ. «Вы очень перемѣнились», сказалъ ей государь, «Ваше Величество, я, какъ и всѣ, терпѣла горе». «Вы меня не поняли», возразилъ государь. «Бывало вы сидѣли подлѣ воспитанника вашего супруга и дружески разговаривали съ нимъ, а теперь стоите передъ нимъ» [1]).

Всесторонность и крайняя подвижность Александра изумляли французовъ не менѣе его великодушія и щедрости. Государь провелъ въ столицѣ Франціи около двухъ мѣсяцевъ, и все это время онъ былъ занятъ самыми различными и важными дѣлами. Не давая себѣ ни минуты отдыха, онъ находилъ время для всего. Постороннему наблюдателю могло показаться, что Александръ былъ поглощенъ всецѣло дѣлами

[1]) См. Богдановичъ, T. IV, стр. 522—30, см. также J. Golovin, Histoire d'Alexandre I, Leipzig, 1859, стр. 161.

благотворительности; другіе могли подумать, что государь занятъ и увлеченъ исключительно осмотромъ достопримѣчательностей Парижа, посѣщеніемъ театровъ, салоновъ, военными смотрами и парадами, визитами и пріемами. Въ дѣйствительности, Александръ находилъ время для всего этого, но его вниманіе и заботы поглощены были иными, первостепенными, по своей важности, дѣлами. Въ кабинетѣ русскаго государя сосредоточивались тогда политическія дѣла всей Европы, цѣлаго міра, здѣсь, при его непосредственномъ участіи, при его преоблацающемъ вліяніи и руководительствѣ, рѣшались судьбы Франціи и полагались основы будущаго устройства освобожденной Европы.

Мы видѣли съ какимъ глубокимъ недовѣріемъ относился государь къ Бурбонамъ, и какъ неохотно далъ онъ, наконецъ, свое согласіе на ихъ возстановленіе на престолѣ Франціи. Теперь вопросъ этотъ рѣшенъ былъ безповоротно, но Александръ твердо былъ намѣренъ обставить Бурбонскую реставрацію такими условіями, при которыхъ она должна была повлечь за собою какъ можно менѣе опасностей для спокойствія Франціи и мира Европы. Проникнутый либеральными идеями вѣка, Александръ былъ глубоко убѣжденъ, что Бурбоны успѣютъ утвердиться на престолѣ Франціи лишь въ томъ случаѣ, если они обставятъ свой тронъ широкими конституціонными учрежденіями, если за потерянную славу и могущество они вознаградятъ Францію политическою и общественною свободою. Въ этомъ вопросѣ государь всецѣло стоялъ на точкѣ зрѣнія Талейрана и другихъ наиболѣе дальновидныхъ французскихъ политиковъ; онъ одобрялъ конституцію, составленную французскимъ сенатомъ и съ своей стороны готовъ былъ настаивать самымъ энергическимъ образомъ, чтобы Людовикъ XVIII формально утвердилъ ее еще до вступленія своего въ Парижъ.

Императоръ Александръ старался, съ своей стороны, облегчить, по мѣрѣ возможности, положеніе, возвращающейся на престолъ своихъ предковъ, древней династіи. Великодушіе русскаго государя, руководившаго всѣми рѣшеніями коалиціи, выразилось самымъ нагляднымъ образомъ въ условіяхъ

перемирія, заключеннаго и подписаннаго 23 апрѣля между Франціею, съ одной стороны, Россіею, Австріею, Пруссіею и Англіею съ другой. По этимъ условіямъ, Франція вводилась въ свои старыя границы 1792 года, при чемъ, однакоже, ей было обѣщано нѣкоторое расширеніе территоріи на счетъ сосѣдей. Союзныя войска должны были очистить французскую территорію, по мѣрѣ того, какъ будутъ сданы французами крѣпости, занимаемыя ими въ Италіи, Германіи, Польшѣ и другихъ европейскихъ странахъ. Французскимъ гарнизонамъ разрѣшалось выйдти изъ крѣпостей съ оружіемъ и обозами, взявъ съ собою по одному орудію на каждую тысячу человѣкъ. Все остальное имущество, какъ то: артиллерія, военные и провіантскіе запасы, архивы, планы, карты, должно было быть сдано въ цѣлости союзникамъ. Наконецъ, обѣ стороны должны были освободить взятыхъ ими плѣнныхъ, а французское правительство обязалось сверхъ того возвратить въ Гамбургскій банкъ всѣ суммы, похищенныя изъ него маршаломъ Даву.

Условія этой конвенціи были во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно выгодны для побѣжденной Франціи. Они не только гарантировали великой націи ея старые предѣлы, но сулили ей значительную прирѣзку земли и возвращали ей изъ плѣна 300,000 ея сыновъ. Тѣмъ не менѣе французы, избалованные великодушіемъ своихъ побѣдителей, остались, какъ и слѣдовало ожидать, недовольны условіями конвенціи. Нашлись люди, которые восклицали, что Франція, побѣжденная 30 марта, была обезоружена и опозорена 23 апрѣля, что она принуждена была отдать своимъ врагамъ все то, что пріобрѣтено было ею въ теченіи двадцатилѣтней войны путемъ стольких трудовъ, жертвъ и славныхъ побѣдъ. Составлена была даже подробная опись всего утраченнаго Франціею, изъ которой оказалось, что она уступила союзникамъ 53 крѣпости, 12,600 орудій, въ томъ числѣ 11,300 бронзовыхъ, множество арсеналовъ, наполненныхъ оружіемъ, порохомъ и другими военными запасами, нѣсколько литейныхъ заводовъ съ громаднымъ матерьяломъ, множество гаваней, военныхъ кораблей, предметовъ и припасовъ всякаго рода [1]). Господа, составляв-

1) См. Vaulabelle II, стр. 40, Тьеръ, Т. XVIII, стр. 72.

шіе всѣ эти описи, упустили, впрочемъ, изъ виду одно маловажное, по ихъ мнѣнію, обстоятельство. Все перечисленное ими имущество не принадлежало первоначально Франціи; всѣ эти крѣпости, пушки, корабли и т. д. были присвоены французами въ качествѣ военной добычи, теперь эта добыча возвращалась прежнимъ законнымъ владѣльцамъ. Что могло быть, повидимому, проще и естественнѣе такого факта? Но французы привыкли мѣрять себя и другихъ двумя совершенно различными масштабами. Примѣняя въ теченіи 20 лѣтъ ко всѣмъ европейскимъ націямъ право сильнаго и притомъ въ самой безпощадной формѣ, они начали кричать и жаловаться, какъ только черезчуръ великодушные побѣдители отважились взять у нихъ обратно часть ихъ военной добычи.

Вскорѣ ожидали прибытія новаго короля Франціи. Людовикъ XVIII провелъ большую часть своей жизни въ изгнаніи. Онъ пользовался одно время гостепріимствомъ императора Александра и проживалъ, окруженный царскою пышностью, въ громадномъ дворцѣ, сооруженномъ въ Митавѣ извѣстнымъ временщикомъ и герцогомъ курляндскимъ, Бирономъ. Тильзитскій миръ и его роковыя послѣдствія принудили Людовика оставить Курляндію и искать убѣжища въ Англіи. Здѣсь ему удалось снискать расположеніе торіевъ, правившихъ тогда Великобританіею, и съ того времени онъ началъ возлагать всѣ свои надежды на симпатіи и поддержку вѣковыхъ враговъ своей родины. Людовику XVIII исполнилось 60 лѣтъ, когда неожиданный поворотъ судебъ призвалъ его на тронъ Франціи. Во многихъ отношеніяхъ онъ былъ человѣкъ не дюжинный и въ высшей степени типичный. Старая до-революціонная Франція отразилась въ немъ со всѣми своими свѣтлыми и темными сторонами. Онъ былъ одаренъ тонкимъ проницательнымъ умомъ и получилъ воспитаніе въ духѣ своего времени. Онъ выросъ среди бездушной и развратной атмосферы стараго французскаго двора, онъ развился подъ вліяніемъ философовъ, энциклопедистовъ и вольнодумцевъ старой Франціи. Подъ вліяніемъ такихъ наставниковъ, Людовикъ еще въ ранней молодости отдѣлался отъ всѣхъ воззрѣній, предразсудковъ и суевѣрій старины, а вмѣстѣ съ ними

и отъ всѣхъ идеальныхъ міровоззрѣній, отъ всякой религіи и отъ всякой глубокой философіи. Безбожникъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, ученикъ и почитатель Вольтера, онъ глумился въ интимномъ кружкѣ своихъ приближенныхъ надъ христіанствомъ и религіею вообще, презиралъ и не любилъ католическое духовенство, хотя и боялся въ глубинѣ души ловкихъ и неразборчивыхъ на средства патеровъ. Отрицая всякую религію и мораль, Людовикъ, подобно Вольтеру, считалъ, однакоже, церковь необходимымъ учрежденіемъ, уже потому что лишь она одна могла сдерживать, хотя нѣсколько, грубые инстинкты массы. Въ силу такого убѣжденія Людовикъ являлся во всѣхъ оффиціальныхъ случаяхъ вѣрующимъ католикомъ, носилъ маску лицемѣрія, хотя и былъ далекъ отъ ханжества. У Людовика, какъ и у всякаго человѣка, была, впрочемъ, своя собственная религія. Онъ слѣпо вѣрилъ въ свое легитимное, божественное право. Говоря о Божественномъ провидѣніи, возвратившемъ его на престолъ предковъ, онъ подразумѣвалъ подъ нимъ не что иное, какъ только это право. Помимо этого пункта, Людовикъ былъ человѣкъ чисто свѣтскій, хорошо понимавшій людей, умѣвшій держать себя въ обществѣ, тонкій, вѣжливый, но въ то же время простой и общительный. Его внѣшность не могла произвести особенно благопріятнаго впечатлѣнія. Правда, его физіономія не лишена была своего рода красоты, или лучше сказать, величаваго достоинства. Проницательный умъ свѣтился въ его выразительныхъ глазахъ, тонкая ироническая улыбка облагораживала его уста, его осанка была полна достоинства и сознанія своего величія. Вообще, Людовикъ производилъ не дурное впечатлѣніе до тѣхъ поръ, пока онъ сидѣлъ неподвижно въ своемъ креслѣ, но впечатлѣніе это терялось, когда королю приходилось встать съ мѣста и сдѣлать хотя нѣсколько шаговъ. Его тучная и дряхлая фигура, едва державшаяся на ногахъ, искалѣченныхъ подагрою, неизмѣнно одѣтыхъ въ бархатные сапоги, его мѣшковатый и старомодный костюмъ, могли вызвать лишь смѣхъ, или въ самомъ лучшемъ случаѣ, сожалѣніе. Само собою понятно, что Людовикъ передвигался съ мѣста на мѣсто лишь съ величайшимъ трудомъ, что

онъ вовсе не могъ ѣздить верхомъ и представлялъ въ этомъ отношеніи полную противоположность своему брату графу Д'Артуа [1]).

Отправляясь обратно во Францію послѣ столькихъ лѣтъ изгнанія, король пожелалъ заявить торжественно кому именно обязанъ онъ былъ своимъ возстановленіемъ на престолѣ предковъ. Изъ Гартвеля, своей постоянной резиденціи, Людовикъ поспѣшилъ въ Лондонъ, жители котораго встрѣтили его съ шумнымъ восторгомъ. Принцъ-регентъ выѣхалъ на встрѣчу королю, сопровождаемый своими министрами и многочисленною свитою. Онъ поздравилъ Людовика «съ событіемъ, счастливымъ не только для Франціи, но и для Англіи, Европы и всего свѣта, съ событіемъ, доставившимъ англичанамъ семейную радость». Король отвѣчалъ изъявленіями своей глубокой и искренной признательности. «Я знаю», сказалъ онъ между прочимъ, «что королевскій домъ нашъ обязанъ своимъ возстановленіемъ на престолѣ предковъ послѣ Всевышняго Промысла, болѣе всего мудрымъ совѣтамъ Вашего Королевскаго Высочества, вашимъ благороднымъ усиліямъ и непоколебимому постоянству англійской націи» [2]). Людовикъ, произнося эти слова, съ намѣреніемъ умолчалъ объ остальныхъ членахъ европейской коалиціи, умолчалъ и объ императорѣ Александрѣ, главномъ, если не единственномъ виновникѣ низложенія Наполеона. На это у короля эмигранта была, впрочемъ, своя основательная причина. Онъ зналъ, что всѣ союзные государи и въ особенности императоръ Александръ, относились съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ правамъ и притязаніямъ Бурбоновъ, и что одни только англійскіе торіи, съ своимъ принцемъ-регентомъ во главѣ, отстаивали отъ начала до конца легитимныя права его дома.

[1]) Характеръ Людовика XVIII рисуется въ безчисленныхъ свидѣтельствахъ современниковъ болѣе или менѣе одинаковыми чертами, при чемъ, однакоже, каждый авторъ выдвигаетъ на первый планъ именно тѣ свойства Людовика, которыя соотвѣтствуютъ наиболѣе его личнымъ симпатіямъ или антипатіямъ. Стоитъ, напримѣръ, сравнить восторженные отзывы Шатобріана съ сарказмами Беранже, чтобы понять на сколько расходились современники въ своихъ воззрѣніяхъ на личность Людовика, не отступая при этомъ совершенно отъ истины.

[2]) Thibaudeau, Histoire du consulat et de l'Empire, T. X, стр. 82.

23-го апрѣля Людовикъ, сопровождаемый принцемъ-регентомъ и знатнѣйшими представителями британской аристократіи, прибылъ въ Дувръ. Повсюду его встрѣчали какъ побѣдителя, какъ перваго, испытаннѣйшаго друга англійской націи. 24-го апрѣля король взошелъ на англійскій корабль и въ сопровожденіи цѣлаго флота двинулся къ берегамъ Франціи. Братъ принца-регента, герцогъ Кларенскій, провожалъ его до самаго Кале. Когда флотъ приблизился къ Кале, то весь берегъ моря усѣянъ былъ безчисленными толпами народа, сбѣжавшагося изъ окрестностей. Людовикъ распрощался съ герцогомъ Кларенскимъ и вступилъ на французскую землю при громѣ артиллеріи, при радостныхъ восклицаніяхъ народа. На берегу его встрѣчали маршалъ Монсей и генералъ Мезонъ. Они привѣтствовали его отъ имени временнаго правительства и всей французской націи. Сопровождаемый на пути народными оваціями, Людовикъ прибылъ 29-го апрѣля въ Компьеннь [1]), гдѣ приготовлена была ему торжественная встрѣча. Всѣ представители новой Франціи, всѣ люди, возвышенные Наполеономъ изъ ничтожества, спѣшили на встрѣчу восходящему свѣтилу. Забыты были стыдъ и приличіе. Наполеоновскіе маршалы съ маршаломъ Бертье во главѣ раболѣпно преклонились передъ дряхлымъ Бурбонскимъ величествомъ. Бертье, этотъ первый любимецъ падшаго императора, не устыдился обратиться къ королю съ рѣчью, въ которой привѣтствовалъ Людовика, какъ отца и благодѣтеля и утверждалъ, что вся Франція, изнывавшая въ теченіи цѣлой четверти вѣка подъ гнетомъ невыносимыхъ бѣдствій, съ восторгомъ встрѣчаетъ свѣтлый день возвращенія законнаго монарха [2]). Остальные маршалы, въ особенности Ней и Мармонъ, соперничали съ Бертье въ отреченіи отъ прежняго кумира и въ поклоненіи новому владыкѣ. Людовикъ былъ настолько уменъ, что тотчасъ-же понялъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Онъ обошелся съ маршалами, какъ обращается съ своей двор-

[1]) О встрѣчѣ Людовика въ Компьенни см. восторженное описаніе Шатобріана въ его Melanges Politiques, стр. 42—45.

[2]) Memoires de dùc de Rovigo, т. VII, стр. 267.

ней важный, но добродушный владѣлецъ. Его отвѣтъ преисполненъ былъ, по словамъ очевидца, граціи и благосклонности. Онъ былъ ласковъ съ маршалами и наговорилъ каждому изъ нихъ нѣсколько любезностей. Лефевру онъ выразилъ сожалѣніе по поводу мучившей его подагры. Замѣтивъ, что Мармонъ носитъ руку въ повязкѣ, Людовикъ выразилъ надежду, что маршалъ не замедлитъ оправиться вполнѣ, дабы служить ему [1]). Поговоривъ съ каждымъ изъ маршаловъ, Людовикъ счелъ, однакоже, необходимымъ напомнить имъ о своемъ божественномъ правѣ. Онъ вдругъ заговорилъ о своемъ великомъ предкѣ, Генрихѣ IV, и указывая на небольшое цаплиное перо, бывшее на его шляпѣ, замѣтилъ; «Вотъ султанъ Генриха IV-го; онъ будетъ всегда на моей шляпѣ». При этихъ словахъ короля, маршалы съ недоумѣніемъ взглянули другъ на друга; они порѣшили, что перо, до тѣхъ поръ незамѣченное ими, принадлежитъ, вѣроятно, къ числу особенно священныхъ реликвій, хранимыхъ Бурбонами [2]).

Людовика ожидалъ въ Компьенни сюрпризъ совершенно особеннаго рода. Въ числѣ лицъ, привѣтствовавшихъ его, король встрѣтилъ съ удивленіемъ и кронпринца шведскаго Бернадотта. Коварный гасконецъ закончилъ въ это время свою постыдную роль двойного измѣнника и съ позоромъ удалялся изъ Франціи, занять престолъ которой онъ имѣлъ дерзость мечтать. Императору Александру представлены были въ послѣднее время несомнѣнныя доказательства измѣнническихъ сношеній Бернадотта съ Наполеономъ [3]). Съ негодованіемъ узналъ государь, что человѣкъ, котораго ставилъ онъ одно время такъ высоко, въ тайнѣ предлагалъ Наполеону обезоружить пруссаковъ и русскихъ и перейти съ своими шведами на сторону непріятеля. Разсказывали, что Александръ самъ показалъ измѣннику уличавшія его бумаги, и замѣтилъ при этомъ, что не желая забывать услуги, оказанной имъ въ 1812 г., онъ готовъ изгладить изъ своей памяти совершенные имъ

[1]) Chatanbriand Melanges politiques, 44.

[2]) Marmont, Memoires, т. VII, стр. 18.

[3]) Утверждаютъ, что эти доказательства были представлены Александру самимъ Наполеономъ. См. Мармонъ. Мемуары, т. 7, стр. 27.

проступки, но что онъ проситъ его въ то же время сократить по возможности свое пребываніе въ Парижѣ и оставить безъ замедленія Францію [1]). Бернадоттъ повиновался, но уѣзжая изъ Франціи, онъ счелъ почему-то необходимымъ повидаться съ своимъ счастливымъ соперникомъ и поѣхалъ въ Компьеннь на встрѣчу Людовику XVIII. Король принялъ его ласково и разговорился съ нимъ о трудностяхъ предстоящей ему задачи, о затруднительныхъ обстоятельствахъ, ожидающихъ его въ Парижѣ, о легкомысліи и непостоянствѣ французовъ. Бернадоттъ съ своею обычною развязностью тотчасъ-же предложилъ королю средство, при помощи котораго онъ легко могъ выйти, по его мнѣнію, изъ всѣхъ затрудненій. «Чтобы управлять французами», сказалъ онъ, пародируя Наполеона, «надо имѣть стальную руку, только надѣвъ на нее предварительно бархатную перчатку» [2]).

Людовикъ не нуждался, однакоже, ни въ этихъ, ни въ другихъ какихъ-либо совѣтахъ. Онъ самъ опредѣлилъ себѣ заранѣе линію, по которой онъ намѣренъ былъ итти, и никакія силы міра не въ состояніи были заставить его уклониться отъ нея. Въ противоположность эмигрантамъ, тѣснившимся къ нему со всѣхъ сторонъ и настойчиво требовавшихъ возстановленія старыхъ порядковъ, Людовикъ XVIII былъ глубоко убѣжденъ въ необходимости уступокъ духу времени. Онъ одобрялъ въ душѣ основныя черты конституціи, составленной сенатомъ, онъ готовъ былъ гарантировать Франціи всѣ учрежденія и вольности, добытыя революціею; но онъ считалъ въ то же время несовмѣстнымъ съ своимъ божественнымъ правомъ вступать въ какую бы то ни было сдѣлку съ сенатомъ, принять чьи бы то ни было условія. Онъ порѣшилъ отвергнуть конституцію, составленную сенаторами, и даровать Франціи такую хартію, которая гарантировала бы французамъ всѣ желанныя права и вольности, но являлась бы въ то же время совершенно свободнымъ и самостоятельнымъ проявленіемъ его самодержавной, легитимной власти.

[1]) Мармонъ, Мемуары, т. 7, стр. 28.

[2]) Мармонъ, Мемуары, т. 7, стр. 26.

Талейранъ, поспѣшившій вмѣстѣ съ членами временнаго правительства въ Компьеннъ, попытался убѣдить короля стать на иную точку зрѣнія, но всѣ его доводы разбились предъ непреклоннымъ рѣшеніемъ Людовика [1]). Раздоры. господствовавшіе въ средѣ французскихъ политиковъ, способствовали, какъ нельзя болѣе, намѣреніямъ короля. Законодательный корпусъ, отодвинутый на второй планъ сенатомъ, устраненный отъ всякаго участія въ составленной конституціи, не желалъ довольствоваться второстепенною ролью и рѣшился искать сближенія съ королемъ. Въ то время, какъ сенатъ не рѣшился отправиться въ Компьеннъ и ожидалъ въ Парижѣ утвержденія своей конституціи, законодательный корпусъ поспѣшилъ in corpore на встрѣчу королю и поднесъ ему вѣрноподданническій адресъ, въ которомъ не упоминалъ ни единымъ словомъ о конституціи. Людовикъ отлично воспользовался этимъ обстоятельствомъ. Онъ ласково и величественно принялъ членовъ законодательнаго корпуса, назвалъ ихъ въ своемъ отвѣтѣ на адресъ представителями народа и не сказалъ ни слова о сенатѣ. Талейранъ и всѣ французскіе либералы были крайне смущены такимъ оборотомъ дѣла. Имъ оставалась теперь одна надежда на заступничество императора Александра. Они были твердо увѣрены, что Людовикъ не рѣшится противорѣчить совѣтамъ, исходящимъ отъ главы вооруженной Европы, отъ главнаго виновника и паденія Наполеона и возстановленія Бурбоновъ.

Александръ съ своей стороны готовъ былъ охотно протянуть руку помощи лицамъ, которыхъ онъ не безъ основанія считалъ выразителями общественнаго мнѣнія французскаго народа. Государь полагалъ вмѣстѣ съ этими лицами, что Франція вполнѣ созрѣла для свободныхъ и парламентарныхъ учрежденій, что она не можетъ ни въ какомъ отношеніи воз-

[1]) Беньо разсказываетъ, что Людовикъ сразу подлилъ Талейрану чистаго вина, обратившись къ нему съ словами: «князь Беневентскій, я въ восторгѣ, что вижу васъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, многое перемѣнилось. Вы видите, мы оказались болѣе ловкими, нежели вы. Если бы вы оказались таковыми, то вы сказали бы теперь мнѣ: сядемъ-те ка и поболтаемъ; а вмѣсто того, я говорю вамъ, «садитесь-ка и поболтаемъ». Беньо, Мемуары, Т. II, стр. 147.

вратиться къ старымъ до-революціоннымъ порядкамъ, что только одна широкая политическая, общественная, религіозная и умственная свобода можетъ успокоить французскую націю и заставить ее забыть потерянную военную славу и утраченное владычество надъ Европою. Исходя изъ такихъ убѣжденій, и не имѣя никакого понятія о непобѣдимомъ упрямствѣ Людовика XVIII, Александръ взялъ на себя неблагодарный трудъ явиться ходатаемъ передъ надменнымъ Бурбономъ за права и вольности французской націи.

Узнавъ о прибытіи Людовика въ Кале, императоръ отправилъ къ нему навстрѣчу съ собственноручнымъ письмомъ графа Поццо-ди-Борго. «Ваше величество», писалъ, между прочимъ, государь, «покоритъ сердца своихъ подданныхъ, сочувствуя либеральнымъ идеямъ, клонящимся къ упроченію органическихъ учрежденій Франціи» [1]). Эта первая попытка не имѣла, однакоже, ни малѣйшаго успѣха. Король принялъ очень холодно посланца русскаго императора и не далъ никакого отвѣта на письмо. Александръ, придававшій этому дѣлу большое значеніе и пренебрегавшій правилами этикета, рѣшился пустить въ ходъ всю силу личнаго своего вліянія. Онъ самъ поѣхалъ въ Компьеннь и лично посѣтилъ короля [2]). Людовикъ, не ожидавшій такой высокой чести, былъ видимо взволнованъ и тронутъ, но остался тѣмъ не менѣе вѣренъ себѣ и своему божественному праву; онъ встрѣтилъ Александра съ распростертыми объятіями, онъ благодарилъ главу коалиціи за помощь, оказанную ему, законному королю Франціи, но онъ повторилъ въ то же время—неоднократно и съ особеннымъ удареніемъ, что причиною великихъ событій, совершившихся въ послѣднее время, была рука Всевышняго промысла, а равно могущество великаго и незыблемаго начала законности, представителемъ котораго является онъ самъ.

Не безъ изумленія слушалъ императоръ громкія фразы,

[1]) «Votre Majesté subguera tous les coeurs, si elle manifeste des idées liberales tendantes à maintenir et à raffermir les institutions organiques de la France».

[2]) Объ этомъ свиданіи см. Тьеръ, Т. XVIII, стр. 98—103; Choiseul-Goffier, стр. 202. Александръ прибылъ въ Компьеннь, безъ всякой свиты, лишь въ сопровожденіи своего адъютанта, Чернышева.

исходившія изъ устъ короля. Хорошо знакомый съ настоящимъ образомъ мыслей Людовика, онъ возмущался въ глубинѣ души дерзостью вольтеріанца, осмѣлившагося говорить о Всевышнемъ промыслѣ. Замѣчаніе короля о помощи, поданной ему Александромъ и его союзниками, могло вызвать только улыбку на устахъ героя, вынесшаго на своихъ плечахъ страшную борьбу съ Наполеономъ, борьбу, въ теченіе которой не было и помину о жалкихъ Бурбонахъ и объ ихъ легитимномъ правѣ. Но каковы бы ни были чувства, вызванныя въ душѣ императора странною рѣчью короля, Александръ сумѣлъ овладѣть собою. Онъ ничего не возразилъ Людовику и тотчасъ же свелъ разговоръ на вопросъ, исключительно его занимавшій. Обрисовавъ королю положеніе дѣлъ во Франціи и настроеніе общественнаго мнѣнія, государь замѣтилъ, что Людовику слѣдуетъ сдѣлать уступки духу времени и что онъ, съ своей стороны, совѣтуетъ ему принять конституцію, составленную сенатомъ. Людовикъ выслушалъ замѣчаніе государя разсѣянно, какъ бы не-хотя, онъ видимо уклонялся отъ всякаго положительнаго отвѣта и сказалъ, наконецъ, что онъ намѣренъ дать народу основныя права отъ своего имени.

Александръ вышелъ отъ короля съ самымъ тяжелымъ впечатлѣніемъ. Этотъ упрямый и хитрый старикъ, очевидно, былъ всецѣло поглощенъ двумя предметами: охраненіемъ своего права и соблюденіемъ своего личнаго достоинства. Возвратившись, по милости императора Александра, на престолъ своихъ предковъ, Людовикъ XVIII тотчасъ же постарался доказать союзнымъ государямъ, что ему, преемнику великаго короля, а не кому-либо другому, подобаетъ первое мѣсто въ ряду коронованныхъ особъ Европы. На каждомъ шагу заботился онъ о сохраненіи своего первенства и тщательно соблюдалъ правила этикета, оскорбляя при этомъ на каждомъ шагу лицъ, которымъ онъ обязанъ былъ всѣмъ. Уже на первомъ свиданіи въ Компьеннѣ король усѣлся самъ на кресло, а августѣйшему гостю своему предложилъ стулъ. Александръ замѣтилъ, что это было сдѣлано съ умысломъ, но какъ человѣкъ, стоявшій выше подобныхъ пошлыхъ мелочей, ничѣмъ не выразилъ своего неудовольствія. Только вечеромъ

того же дня императоръ разсказалъ о случившемся князю Волконскому и замѣтилъ, смѣясь: «Весьма естественно, что король, больной и дряхлый, сидѣлъ въ креслѣ, но я, въ такомъ случаѣ, приказалъ бы подать для гостя другое» [1]).

Нахальство и смѣшная притязательность Людовика возросли еще болѣе послѣ въѣзда въ Парижъ. Казалось, что онъ приглашалъ къ себѣ своихъ гостей и союзниковъ, лишь для того, чтобы осыпать ихъ мелочными оскорбленіями и играть передъ ними роль перваго монарха Европы. Онъ давалъ видъ, какъ будто онъ однимъ своимъ прибытіемъ въ Парижъ возстановилъ монархію Людовика XIV. Подражая этому великому деспоту старыхъ временъ, онъ возобновилъ всѣ его притязанія на преимущество и первенство и доходилъ при этомъ до смѣшныхъ и невѣжливыхъ выходокъ. Вскорѣ послѣ своего прибытія въ Парижъ, король пригласилъ къ себѣ на обѣдъ императора Александра и короля Фридриха-Вильгельма. Обѣдъ былъ сервированъ и обставленъ во вкусѣ до-революціонной эпохи. Когда гости двинулись въ обѣденную залу, то Людовикъ, не желая уронить своего первенства, спѣша и задыхаясь, обогналъ ихъ и первый усѣлся за столъ [2]). Официанты, воспитанные на новыхъ нравахъ, никакъ не могли угодить требованіямъ короля, и то и дѣло нарушали установленный имъ этикетъ. Одинъ изъ нихъ осмѣлился подать одно изъ блюдъ первому императору Александру; Людовикъ тотчасъ же замѣтилъ это уклоненіе отъ этикета и остановилъ слугу. Махая повелительно рукою и грозно возвышая голосъ, онъ крикнулъ официанту черезъ столъ: «à moi, s'il vous plait» [3]).

Завзятые роялисты, люди, подобные знаменитому ритору Шатобріану, восхищались подобными выходками Людовика; имъ казалось, что именно этими способами онъ сумѣлъ возстановить и поддержать старый блескъ французской короны. «Неизвѣстный, забытый, дряхлый старикъ», восклицаетъ Шатобріанъ, «человѣкъ, не ознаменовавшій себя никакими дѣ-

[1]) Богдановичъ, Т. IV, стр. 535.

[2]) Choiseul-Gouffier, стр. 203.

[3]) Bernhardi, T. IV, 2-я половина стр. 387.

лами и славою, только что возвратившійся изъ далекаго и долгаго изгнанія, занялъ безъ всякихъ околичностей, какъ и подобаетъ это потомку Людовика святого, первое мѣсто въ Европѣ». Къ счастію для Людовика и его панегиристовъ, императоръ Александръ стоялъ высоко надъ всѣми предразсудками и мелочами этикета. Онъ не жилъ, подобно Бурбонамъ идеями и нравами прошлаго столѣтія и всѣ выходки Бурбонскаго величества, обязаннаго ему всѣмъ, могли вызвать, съ его стороны, лишь одинъ презрительный смѣхъ. Возвращаясь съ обѣда, императоръ, смѣясь, сказалъ своимъ окружающимъ: «Ну, мы сѣверные варвары, у себя дома гораздо учтивѣе» [1]).

Александръ имѣлъ, впрочемъ, болѣе серьезныя побужденія быть недовольнымъ на Людовика XVIII. Не смотря на обѣщаніе, данное имъ въ Компьеннѣ, упрямый старикъ не думалъ о дарованіи основныхъ правъ французскому народу. Онъ находилъ время для всего, только не для составленія требуемой отъ него декларацiи. Прибывъ 2-го мая въ Сентъ-Уэнъ король принималъ въ торжественной аудiенцiи членовъ сената законодательнаго корпуса и высшихъ государственныхъ учрежденій, объявилъ, что онъ не принимаетъ предложенной ему конституціи, но не упомянулъ ни единымъ словомъ объ основныхъ правахъ. Тогда императоръ Александръ потерялъ, наконецъ, терпѣніе и приказалъ прямо объявить Людовику, что онъ не въѣдетъ въ Парижъ до тѣхъ поръ, пока не исполнитъ принятаго на себя обязательства [2]). Доведенный до крайности, Людовикъ поручилъ составить декларацію о правахъ любимцу своему Блака. Время терять было нечего, такъ какъ король во что бы то ни стало желалъ въѣхать въ Парижъ на слѣдующій же день. Блака принялся за работу, пригласивъ къ себѣ на помощь извѣстнаго роялиста Витролля. Уже къ вечеру декларація была готова, но такъ какъ Людовикъ улегся спать, то не желая нарушать его покоя, Блака приказалъ напечатать и разсѣять во множествѣ экземпляровъ этотъ важ-

[1]) Choiseul-Gouffier, стр. 203.
[2]) Богдановичъ, Т. IV, стр. 536.

ный документъ, не показывая его даже королю. Ловкій эмигрантъ, безъ сомнѣнія, держался вполнѣ основательнаго мнѣнія, что не слѣдуетъ придавать никакого значенія никакимъ письменнымъ обязательствамъ, хотя бы они исходили даже отъ королевскаго имени [1]).

Декларація составлена была, впрочемъ, въ довольно либеральномъ духѣ и удовлетворяла всѣмъ существеннымъ требованіямъ образованной части французскаго общества. Она установляла прежде всего парламентарный образъ правленія и учреждала двѣ палаты, между которыми дѣлилась законодательная власть. Палатамъ предоставлены были самыя широкія полномочія, и прежде всего назначеніе налоговъ. Общественная и личная свобода были гарантированы вполнѣ. Печать должна была пользоваться также полною свободою, подъ условіемъ ненарушенія общественнаго спокойствія. Всѣмъ религіознымъ исповѣданіямъ обѣщана была полная терпимость. Права собственности объявлены были неприкосновенными и священными, и продажа національныхъ имѣній признана совершившимся, безповоротнымъ фактомъ. Далѣе, декларація установляла отвѣтственность министровъ: нижняя палата получила право обвинять ихъ, а верхняя судить. Суды были провозглашены свободными, а судьи несмѣняемыми. Король объявилъ, что онъ признаетъ государственный долгъ и подтверждаетъ всѣ военныя пенсіи, награды и чины, а равно старое и новое дворянство. Декларація оканчивалась такими словами: «Орденъ Почетнаго Легіона, форма раздачи котораго будетъ нами установлена, продолжаетъ существовать. Каждому французу будетъ открытъ свободный доступъ ко всѣмъ должностямъ въ государственной службѣ и въ арміи. Никто не будетъ подвергнутъ преслѣдованію за высказываемыя имъ мнѣнія или за голосованіе» [2]).

Декларація вызвала живѣйшій восторгъ среди парижской публики. Никто, впрочемъ, не зналъ тайной исторіи этого документа. Никому не приходило въ голову, что Франція по-

[1]) Витролль, Мемуары, Т. II, стр. 171.

[2]) Vaulabelle, Т. II, стр. 57—58.

лучила такія полныя гарантіи своей свободы, единственно благодаря великодушному и неустанному ходатайству императора Александра. Лишь очень немногіе, посвященные въ тайную исторію послѣднихъ событій, могли оцѣнить, по достоинству, дѣйствительное значеніе благодѣяній, дарованныхъ Франціи Людовикомъ XVIII. Толпа была, разумѣется, въ восторгѣ. Короля встрѣчали съ неописаннымъ энтузіазмомъ. «Невозможно описать радость, наполнявшую всѣ сердца», говоритъ очевидецъ, «она была столь же велика, какъ и восторгъ 12 апрѣля при въѣздѣ Д'Артуа, но она была болѣе спокойна. Тогда умы волновались ожиданіемъ и надеждою, теперь они были преисполнены чувствомъ удовлетворенія» [1]).

Людовикъ XVIII въѣхалъ въ Парижъ 3 мая. Прекрасная погода, громадныя ликующія массы народа, военный блескъ, все напоминало незабвенный день 30 марта. Король ѣхалъ въ коляскѣ, запряженной цугомъ въ восемь лошадей, рядомъ съ нимъ сидѣла герцогиня Ангулемская; противъ нихъ принцъ Конде и сынъ его герцогъ Бурбонъ. По бокамъ экипажа ѣхали верхами: графъ Д'Артуа и герцогъ Беррійскій, за коляскою слѣдовалъ блестящій кортежъ Наполеоновскихъ маршаловъ, а за ними шли отряды изъ національной гвардіи и гвардейской пѣхоты [2]). Появленіе королевскаго кортежа приводило повсюду народъ въ восторгъ. Всѣ восхищались величественною осанкою Людовика XVIII; всѣ приходили въ умиле-

[1]) Мармонъ, Мемуары, Т. 7, стр. 38.

[2]) Если вѣрить Шатобріану, то Наполеоновскіе гвардейцы таяли отъ восторга при видѣ возвращающагося Бурбонскаго короля и принцевъ Конде. (I'ai v u, et tout le monde a vu, comme moi, ces braves soldats couverts de blessures, portant la décoration de la Legion d'Honneur, une large cocarde blanche dans leurs bonnets de peau d'ours, pleurer en rendant le salut des armes, aux deux Conde, etc). Chataubriand, Melanges politiques, стр. 42. Совершенно иначе держали себя старые гвардейцы, по разсказамъ другихъ очевидцевъ. Беранже, напр., говоритъ, что гвардейцы имѣли печальный, мрачный видъ, что они стыдились навязанныхъ имъ бѣлыхъ кокардъ. Народъ, завидѣвъ старыхъ героевъ, забылъ про короля и началъ кричать: да здравствуетъ императорская гвардія! Солдаты отвѣчали криками: «да здравствуетъ національная гвардія!» Беранже, Ma biographie, стр. 363.

ніе при видѣ страдальческаго лица герцогини Ангулемской и ея красныхъ отъ вѣчныхъ слезъ глазъ [1]).

Задача императора Александра была, повидимому, закончена, но онъ не могъ покинуть Парижа до тѣхъ поръ, пока не были рѣшены два вопроса первостепенной важности. Необходимо было заключить мирный договоръ съ новымъ французскимъ правительствомъ, и надлежало убѣдиться на дѣлѣ, какимъ образомъ намѣренъ осуществить Людовикъ обѣщанія, данныя имъ въ декларацiи отъ 3 мая. На первый взглядъ, казалось, что разрѣшеніе того и другого вопроса не можетъ представить никакихъ затрудненій. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи, французское правительство было связано формальными и торжественными обязательствами; но Александръ, хорошо изучившій за это короткое время характеръ Бурбоновъ и ихъ совѣтниковъ, имѣлъ полное право опасаться новыхъ уловокъ и проволочекъ съ ихъ стороны. Въ виду этихъ опасеній онъ рѣшился оставаться въ Парижѣ до того времени, когда будетъ подписанъ мирный трактатъ и обнародована обѣщанная конституція.

Опасенія государя не замедлили оправдаться: составленіе мирнаго договора возбудило совершенно неожиданныя разногласія и пререканія, не смотря на то, что всѣ его условія были уже установлены въ актѣ перемирія. Великодушіе русскаго государя, по отношенію къ побѣжденной Франціи, поистинѣ, не знало границъ. Благодаря Александру, Франція, не знавшая по отношенію къ побѣжденнымъ ни пощады, ни снисхожденія, освобождена была отъ всякихъ контрибуцій и платежей, удержала за собою всѣ награбленныя Наполеономъ произведенія искусства [2]), получила обратно большую часть

[1]) Беранже говоритъ: «Весь народъ зналъ ея исторію; каждый оплакивалъ ея несчастіе и каждый желалъ ей болѣе счастливой будущности. Всѣ глаза искали ее, какъ ангела-утѣшителя среди столькихъ бѣдствій». Ma biographie, стр. 362.

[2]) См. Тьеръ, Т. XVIII, стр. 159, гдѣ говорится, что государи оставили сокровища искусства въ Парижѣ, во-первыхъ, потому, что «ils se faisaient presque un devoir de respecter des collections la où ils avaient eté reçus avec beaucoup d'empressement, et ou ils avaient t'emoigne une vive admiration, а во-вторыхъ, и потому, что большая часть этихъ сокровищъ взяты были изъ Италіи и Испаніи,

своихъ колоній и должна была получить значительную прирѣзку къ своимъ старымъ предѣламъ 1792 г. Людовикъ XVIII и его правительство приняли всѣ эти благодѣянія, какъ нѣчто подобающее имъ по праву, и въ концѣ концовъ вовсе не думали довольствоваться ими. Они твердо были намѣрены эксплуатировать до безконечности великодушіе русскаго императора и снабдили своихъ уполномоченныхъ въ высшей степени оригинальными инструкціями. Союзные министры остолбенѣли отъ изумленія, когда въ первомъ засѣданіи конференціи 9 мая Лафоре и Осмондъ потребовали исправленія французской границы, понимая подъ этимъ исправленіемъ присоединеніе къ Франціи цѣлыхъ пограничныхъ округовъ Бельгіи и Германіи съ рядомъ сильныхъ крѣпостей, съ богатыми каменноугольными копями и съ милліоннымъ населеніемъ. Французы настаивали на этой, какъ утверждали они, незначительной прирѣзкѣ, ссылаясь на обѣщаніе, данное союзными государями—сдѣлать Францію болѣе великою и могущественною, нежели какою была она при своихъ старыхъ короляхъ. Союзные министры объявили, что о подобныхъ уступкахъ не можетъ быть и рѣчи, что они не намѣрены входить въ обсужденіе заявленныхъ требованій, что имъ остается лишь выразить по этому поводу свое крайнее удивленіе. Талейранъ, руководившій всею этою интригою, не думалъ, однакоже, сдаваться. Въ теченіе нѣсколькихъ дней досаждалъ онъ своими визитами Нессельроде, Меттерниху и Кестльри, пытался повліять различными способами на императора Александра, но всѣ его усилія оказались на этотъ разъ тщетными. Мѣра великодушія русскаго государя была, наконецъ, исчерпана. Франція должна была удовлетвориться незначительными прирѣзками на четырехъ различныхъ, далеко отстоявшихъ другъ отъ друга, пунктахъ своей границы. Она получила отъ Бельгіи Филепевиль и Маріенбургъ, отъ Германіи Саарлуи и Ландау, отъ

т. е. такихъ странъ, интересами которыхъ союзные государи интересовались очень мало. Изъ писемъ В. Ф. Гумбольдта мы узнаемъ, что Людовикъ XVIII обѣщался возвратить Пруссіи всѣ взятыя у нея произведенія искусства, но что дѣло такъ и ограничилось однимъ обѣщаніемъ». См. Онкенъ, Т. II, стр. 826.

Швейцаріи небольшую часть Женевской области и со стороны Италіи западную часть Савойи. Всѣ эти земли не входили въ составъ старой Франціи; населенныя нѣсколькими сотнями тысячъ жителей, онѣ составляли сами по себѣ прекрасное пріобрѣтеніе, не говоря уже о томъ, что онѣ значительно улучшали границы королевства въ стратегическомъ отношеніи [1]).

Великодушіе побѣдителей выразилось и во всѣхъ другихъ статьяхъ договора. Король прусскій требовалъ отъ Франціи возвращенія 169,000,000 франковъ, издержанныхъ частью на содержаніе французскихъ войскъ, частью отнятыхъ въ видѣ принудительныхъ займовъ отъ городовъ и частныхъ лицъ: императоръ Александръ уговорилъ своего друга отказаться отъ этого требованія [2]). Великобританія согласилась отдать обратно Франціи всѣ ея колоніи, факторіи и рыбныя ловли, за исключеніемъ: острововъ Табаго, Сенъ-Люси и Иль-де-Франса. Что значили въ сравненіи съ такими льготными условіями нѣкоторыя обязательства, принятыя на себя Франціею по другимъ статьямъ договора? Могло ли обременить французскую казну обѣщаніе уплатить около 25 милліоновъ франковъ какъ нѣкоторымъ изъ союзныхъ державъ, такъ ихъ подданнымъ и уплатить при томъ на основаніи законныхъ документовъ? Заключало ли въ себѣ что-либо постыдное или обременительное для Франціи условіе, постановленное по поводу Гамбургскаго банка, ограбленнаго Даву и его сообщниками? Могла ли претендовать Франція на то, что союзники

[1]) Подробности см. у Тьера, Т. XVIII, стр. 137—149.

[2]) По поводу этого требованія Пруссіи Бурбоны подняли настоящую бурю. Людовикъ XVIII объявилъ, что онъ скорѣе употребитъ 300 милліоновъ франковъ на войну съ пруссаками, нежели заплатитъ имъ 100 мил. Герцогъ Беррійскій кричалъ, что надо броситься съ 300,000 солдатъ, которые должны возвратиться въ скоромъ времени изъ плѣна, на союзниковъ, которыхъ всего лишь 200,000 и выбросить ихъ изъ Франціи. Всѣ министры вторили подобнымъ возгласамъ; со всѣхъ сторонъ сыпались проклятія на подлую конвенцію 23 апрѣля. Одинъ только Талейранъ оставался спокойнымъ и сдержаннымъ. «300,000 солдатъ, съ которыми вы хотите броситься на союзниковъ, замѣтилъ онъ сухо, если и возвратятся, то единственно благодаря проклинаемой вами конвенціи». См. Тьеръ, Т. XVIII, стр. 156.

заставили ее напередъ признать всѣ свои распоряженія относительно владѣній, уступленныхъ ею? Не заключалось ли новое доказательство великодушія побѣдителей въ томъ, что они согласились допустить Францію къ участію въ совѣщаніяхъ конгресса, долженствовавшаго возстановить порядокъ въ Европѣ, разрушенный бурями революціи и насиліями Наполеона? По-истинѣ, никогда, ни прежде, ни послѣ, въ теченіе всей всемірной исторіи, великодушіе побѣдителей не было такъ велико, какъ при заключеніи международнаго акта, извѣстнаго подъ именемъ перваго Парижскаго мира. Въ этомъ великодушіи выразилась не политическая мудрость императора Александра, не его тонкій разсчетъ, а единственно та высокая и чистая идея, которой онъ служилъ въ это время, идея евангельской, всепрощающей любви.

Переговоры окончились 30 мая подписаніемъ трактата, но обнародованіе конституціи, возвѣщенной въ декларацiи 3-го мая, откладывалось подъ разными предлогами со дня-на-день. Александръ не считалъ себя въ правѣ покинуть столицу Франціи до тѣхъ поръ, пока Людовикъ XVIII не исполнитъ взятаго имъ на себя обязательства. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало обезпечить судьбу тѣхъ лицъ, которыя стали на сторону союзниковъ, разсчитывая, что они гарантируютъ французское общество отъ безумныхъ посягательствъ эмигрантовъ. Съ своей стороны, Людовикъ XVIII намѣренъ былъ, правда, исполнить данное имъ обѣщаніе, но онъ хотѣлъ сохранить при этомъ видъ, что онъ дѣйствуетъ вполнѣ свободно, по собственной иниціативѣ. Присутствіе союзныхъ государей и ихъ армій, видимо, стѣсняло его и онъ старался отложить обнародованіе конституціи до того времени, когда они оставятъ предѣлы Франціи. Александръ, незнакомый съ дѣйствительными намѣреніями короля и мало довѣрявшій Бурбонамъ, не намѣренъ былъ, однакоже, уступать въ этомъ пунктѣ. Онъ объявилъ, что ни союзные государи, ни ихъ войска не оставятъ Франціи до тѣхъ поръ, пока правительство Людовика не исполнитъ своего обязательства. Король принужденъ былъ уступить. Онъ не только поторопилъ составленіе конституціи, но и назначилъ 4-е іюня днемъ торжественнаго ея обнародо-

ванія. Но вскорѣ на стараго короля напалъ новый припадокъ упрямства. Онъ отсрочилъ обнародованіе конституціи до 8 числа, разсчитывая, что за эти дни союзные государи выѣдутъ изъ Парижа. Александръ не намѣренъ былъ, однакоже, уступать этимъ новымъ щепетильнымъ притязаніямъ Бурбоновъ. Прусскій министръ ф. Бюловъ явился внезапно къ министру Беньо и сообщилъ ему, что отъѣздъ государей назначенъ черезъ три дня. Беньо, крайне смущенный, замѣтилъ, что конституція, до обнародованія которой государи намѣрены были оставаться въ Парижѣ, будетъ готова не ранѣе, какъ черезъ пять дней.

«Вы должны быть готовы завтра», возразилъ ему холодно Бюловъ.—«Конституція должна быть обнародована 4-го числа, какъ обѣщано это королемъ. 5-го мы уѣзжаемъ; распоряженія уже сдѣланы».

«Но вы начинаете говорить чисто Наполеоновскимъ языкомъ» — «вы должны», «распоряженія отданы».

«Это правда, но какъ вы полагаете, развѣ всѣ союзные государи вмѣстѣ не значутъ болѣе одного Наполеона. Шутки въ сторону, не забывайте сказаннаго вамъ мною» [1]). И шутки были устранены. Конституція была обнародована 4-го іюня. Александръ могъ съ легкимъ сердцемъ выѣхать изъ Парижа. Вслѣдъ за императоромъ двинулись изъ предѣловъ Франціи и союзныя войска.

Близорукіе Бурбоны и ихъ совѣтники радовались отъѣзду русскаго государя, но населеніе Парижа провожало Александра съ чувствами живѣйшей признательности и глубокаго сожалѣнія. Не было ни одного парижанина, который не повторялъ бы въ этотъ моментъ слова, произнесенныя къ честь Александра въ главномъ уголовномъ судѣ извѣстнымъ Белланомъ. «Герой, почти баснословный, отличный плѣнительнымъ обращеніемъ столько же, сколько и доблестью рыцаря, тотъ, чье имя отъ глубокой древности увѣнчано другого рода славою, нынѣ украшается новою, единственною въ исторіи сла-

[1]) Беньо, Мемуары, т. II, стр. 246.

вою, показавъ Европѣ, что сила оружія, покровительствуя и милуя, можетъ исторгать слезы умоленія» [1]).

Наканунѣ отъѣзда государя, въ Парижскомъ Мониторѣ напечатана была слѣдующая статья: «Его Величество Императоръ Всероссійскій оставляетъ завтра нашу столицу. Сей государь, стяжавшій уваженіе всего свѣта, ознаменовалъ всѣ свои поступки, каждый шагъ свой среди насъ, неизгладимыми чертами благороднѣйшаго характера. Неусыпныя попеченія его о заключеніи мира не помѣшали ему заниматься другимъ для пользы его народа нужнымъ дѣломъ: не проходило ни одного дня, чтобы онъ не осмотрѣлъ съ величайшимъ вниманіемъ какое-либо изъ общественныхъ заведеній, изъявляя свое благоволеніе и предполагая ввести въ своемъ государствѣ все, что находилъ наиболѣе полезнымъ. Наши ученые не разъ имѣли случай удивляться его свѣдѣніямъ; художники его превосходному вкусу; люди всѣхъ состояній могли его видѣть, говорить съ нимъ; никто не отходилъ отъ него,—не услышавъ изъ устъ его заслуженной похвалы, или благосклоннаго одобренія; многіе имѣли счастіе получить лестные знаки Его Высочайшаго благоволенія. Повсюду сопровождали его восторгъ и глубокое уваженіе здѣшней публики, принимаемыя имъ съ признательностью, достойною откровенности и благородства нашихъ соотечественниковъ. Отъѣзжая отъ насъ, сей великій монархъ оставляетъ между нами, равно какъ и въ лѣтописяхъ міра, незабвенную память своихъ высокихъ качествъ и достославное имя» [2]).

Покидая Парижъ и предѣлы Франціи, Александръ не считалъ своего дѣла законченнымъ. За низверженіемъ завоевателя и всеобщимъ умиротвореніемъ, должно было воспослѣдовать утвержденіе новаго порядка, порядка, основаннаго не на однихъ только началахъ человѣческой законности и цѣлесообразности, но и на началахъ заповѣди Христовой, возвѣщенной въ Его Божественномъ Евангеліи. Александръ не

1) Богдановичъ, т. IV, стр. 530.
2) См. Богдановичъ, т. IV, стр. 541—542.

скрывалъ отъ себя всѣхъ трудностей этой новой, предстоящей ему задачи. Опыты прошлаго достаточно убѣдили его съ какими темными силами придется ему вести борьбу, но онъ не сомнѣвался, что Божественный промыселъ, повергнувшій къ стопамъ его властелина полуміра, поможетъ ему возсоздать разрушенный порядокъ вселенной на основаніяхъ возвышенной христіанской любви и Евангельскаго братства.

ГЛАВА IV.

Задача Александра.—Англія и ея участіе въ борьбѣ съ революціею и Наполеономъ.—Принцъ-регентъ и его приглашеніе.—«Первый джентельменъ въ Европѣ».—Поѣздка союзныхъ государей въ Англію.—Встрѣча въ Дуврѣ и Лондонѣ.—Блюхеръ и англійская масса.—Оваціи и празднества.—Скромность Александра.—Почетные доктора.—Банкетъ отъ города Лондона.—Отъѣздъ Государя изъ Англіи.—Александръ въ Нидерландахъ.—Торжественныя встрѣчи въ Антверпенѣ, Амстердамѣ и другихъ городахъ. Петръ I и Александръ.—Титулъ Благословеннаго.—Прошеніе государственныхъ чиновъ.—Отвѣтъ Александра.

Императоръ Александръ не считалъ своей задачи законченною и послѣ заключенія Парижскаго мира и возстановленія старой королевской династіи на престолѣ Франціи. Онъ полагалъ, что великіе результаты, достигнутые до сихъ поръ неимовѣрными усиліями соединенныхъ народовъ Европы, должны послужить лишь основаніемъ для установленія прочнаго порядка въ Европѣ, порядка, основаннаго не на одних только формальныхъ и скоро преходящихъ дипломатическихъ соглашеніяхъ, а на идеѣ взаимнаго братства христіанскихъ народовъ, обнаружившейся съ такою силою въ только что закончившейся гигантской борьбѣ. Самъ Александръ былъ всецѣло проникнутъ этой идеей. Онъ рѣшился сдѣлаться ея апостоломъ. Имѣя въ виду интересы всего европейскаго человѣчества, Императоръ не находилъ возможнымъ возвратиться изъ Парижа прямо въ Россію, гдѣ всѣ ожидали его съ такимъ нетерпѣніемъ и энтузіазмомъ, а вознамѣрился посѣтить предварительно тѣ страны, которыя принимали особенно выдающееся участіе въ борьбѣ съ Наполеономъ.

Въ числѣ такихъ странъ первое мѣсто безспорно занимала Великобританія. Нигдѣ побѣды союзниковъ не вызывали такого сильнаго и всеобщаго энтузіазма, какъ въ Англіи, и нигдѣ императоръ Александръ и его геройскіе сподвижники не пользовались такою громадною популярностью, какъ въ ней. Если принцъ-регентъ и его торрійскіе министры нашли имен-

но въ это время необходимымъ пригласить въ Англію союзныхъ государей, то они дѣйствовали въ этомъ случаѣ не столько изъ личныхъ побужденій, сколько подъ всесильнымъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія.

Сами по себѣ ни принцъ-регентъ, ни его министры не могли питать особыхъ симпатій къ русскому императору, да и самъ Александръ не могъ относиться съ особымъ довѣріемъ или уваженіемъ къ этимъ своимъ союзникамъ. Императоръ не могъ, разумѣется, забыть той двусмысленной и нерѣдко коварной роли, которую играло Британское министерство въ только что закончившейся кровавой драмѣ, не могъ онъ забыть также и тѣхъ плохихъ услугъ, которыя оказывалъ ему во время Шатиліонскаго конгресса лордъ Кестльри, являвшійся тогда скорѣе покорнымъ орудіемъ Меттерниха, нежели представителемъ могущественной Британской націи. Что же касается до самого принца-регента, то личность этого перваго европейскаго джентельмена могла внушать Александру лишь чувство глубокаго презрѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ болѣе рѣзкій контрастъ, какъ великодушный, нерѣдко восторженный, увлекающійся самыми высокими идеями императоръ Александръ, и какъ этотъ преждевременно отжившій, истощенный развратомъ и буйными оргіями, чуждый всякихъ идеальныхъ стремленій, неспособный къ какой бы то ни было практической дѣятельности, номинальный правитель Англіи [1]), Извѣстно, какую ничтожную роль игралъ принцъ-регентъ, заступавшій мѣсто своего безумнаго отца, въ великихъ событіяхъ этой эпохи. Поглощенный мелочными и, притомъ, чисто личными интересами, онъ не въ состояніи былъ даже принимать къ сердцу великихъ, національныхъ интересовъ и заботился всю свою жизнь лишь объ однихъ развлеченіяхъ и объ удовлетвореніи своихъ страстей. Въ молодости онъ окружалъ себя развратными женщинами, шутами и скоморохами, проводилъ дни и ночи въ попойкахъ и грубыхъ увеселеніяхъ;

[1]) Личность и характеръ принца-регента изображаются совершенно тождественно въ самыхъ разнообразныхъ свидѣтельствахъ современниковъ. Можно было-бы цитировать въ данномъ случаѣ цѣлую массу современныхъ мемуаровъ и документовъ.

теперь, въ преклонныхъ уже годахъ, онъ устраивалъ время отъ времени интимные обѣды съ своими метрессами и приближенными, пренебрегалъ даже внѣшнимъ представительствомъ, не умѣлъ, да и не хотѣлъ привлечь къ себѣ симпатій народныхъ массъ. «Онъ представлялъ изъ себя», замѣчаетъ герцогъ Веллингтонъ, «самую странную смѣсь таланта, остроумія, шутовства, упрямства и доброты, короче сказать, я никогда не встрѣчалъ человѣка, одареннаго такими противоположными качествами, какъ онъ» [1]). Онъ былъ одаренъ большими природными способностями, но дурное воспитаніе и грязная среда, въ которую онъ попалъ чуть не съ самаго дѣтства, совершенно извратили всю его нравственную натуру, развили въ немъ дурныя привычки и сдѣлали изъ него въ концѣ концовъ совершеннѣйшаго эгоиста. Онъ былъ дурнымъ сыномъ, супругомъ и отцомъ, невѣрнымъ другомъ и, достигнувъ верховной власти, оказался несостоятельнымъ правителемъ. Его личное вліяніе на общественныя и политическія дѣла было ничтожно; не онъ, а его министры и вожаки партіи торріевъ являлись представителями реакціонной системы внутри государства; не онъ, а тѣ же министры, поддерживаемые, въ этомъ случаѣ, народными симпатіями, вели упорную борьбу съ революціонною Франціею. У принца-правителя были въ это время другія болѣе существенныя и важныя для него заботы. У него шла своя собственная, домашняя война съ своею супругою, принцессою Каролиною Брауншвейгскою, на которой онъ женился по собственному желанію, но разошелся уже съ первыхъ дней свадьбы; онъ удалилъ ее отъ двора, отнялъ у нея ея единственную дочь и преслѣдовалъ ее всяческимъ образомъ, желая добиться во что бы то ни стало развода съ нею.

Таковъ-то былъ человѣкъ, отъ имени котораго получили теперь императоръ Александръ и его союзники приглашеніе посѣтить столицу Англіи, и легко понять, что если это предложеніе было принято, то лишь потому, что въ данномъ слу-

[1]) См Pauli, Geschichte Englands seit den Friedens Ichlüssen von 1814 und 1815. T. I, стр. 515.

чаѣ принцъ-регентъ являлся выразителемъ искреннѣйшихъ желаній той европейской націи, безъ энергическихъ усилій которой борьба съ великимъ завоевателемъ, быть можетъ, не закончилась бы такъ скоро и такимъ блестящимъ торжествомъ праваго дѣла. Впрочемъ, не всѣ союзные монархи приняли любезное приглашеніе принца-регента. Императоръ Францъ, очевидно, не желавшій играть въ Лондонѣ той второстепенной роли, въ которой ему пришлось выступать и во Франкфуртѣ и въ Парижѣ, отклонилъ предложенную ему честь и предпочелъ поскорѣе возвратиться въ Вѣну, гдѣ ожидало его, впрочемъ, не мало хлопотъ по случаю скораго открытія предстоящаго европейскаго конгресса. Наоборотъ, императоръ Александръ и король Фридрихъ Вильгельмъ III приняли приглашеніе и уже 26 мая (7 іюня новаго стиля) отплыли изъ Булони на англійскихъ королевскихъ яхтахъ въ Дувръ. Государей сопровождала блестящая свита, состоявшая изъ принцевъ, принцессъ, генераловъ и дипломатовъ. Тутъ были всѣ выдающіеся герои окончившейся войны, но никто изъ нихъ не приковывалъ такъ всеобщаго вниманія, какъ казацкій атаманъ Платовъ и престарѣлый Блюхеръ, о подвигахъ которыхъ ходила тогда повсюду самая громкая слава. Многочисленная, состоявшая изъ самыхъ отборныхъ кораблей англійскаго флота, эскадра сопровождала яхты государей. Во все время переѣзда почти не умолкали громовые залпы тяжелыхъ артиллерійскихъ орудій. Когда яхты приблизились къ Дувру, то весь берегъ на громадномъ протяженіи былъ покрытъ безчисленными толпами народа. Восторженные клики толпы заглушали грохотъ артиллеріи. Наступилъ отливъ, и государямъ и ихъ свитѣ пришлось переѣзжать съ кораблей на берегъ въ шлюпкахъ. Толпа получила такимъ образомъ возможность насмотрѣться вдоволь на дорогихъ гостей, и ее энтузіазмъ достигъ до высшей степени. При этомъ дѣло не обошлось безъ комическаго эпизода [1]. Толпа подмѣтила въ одной изъ шлюпокъ высокаго офицера въ парадной формѣ и

[1] О встрѣчѣ государей въ Дуврѣ см. различныя повременныя изданія, напр. «Сынъ Отечества» 1814 г. № 25. См. также Богдановичъ, Исторія Александра I т. IV, стр. 543—544; Blasendorff, G. L. von Blücher, стр. 295.

приняла его почему-то за Блюхера. Не думая долго, сотни энтузіастовъ бросились въ воду, схватили изъ шлюпки воображаемаго Блюхера и не смотря на все его сопротивленіе, понесли его къ берегу съ громкими и радостными криками. Но въ это самое время на берегу раздались еще болѣе громкіе и восторженные клики: оказалось, что настоящій Блюхеръ былъ уже тамъ, и что онъ, равно какъ и сами государи, былъ одѣтъ въ статское платье. Увидѣвъ свою ошибку, толпа несшая офицера, тотчасъ же бросила своего героя въ воду, и поспѣшила присоединиться къ другой толпѣ, успѣвшей разыскать настоящаго Блюхера.

Между тѣмъ государи, выйдя на берегъ, сѣли въ приготовленныя для нихъ кареты, но народъ тотчасъ же отпрягъ лошадей и повезъ на себѣ монарховъ въ Дувръ, оглашая воздухъ восторженными восклицаніями: «да здравствуетъ императоръ Александръ! да здравствуетъ король Фридрихъ-Вильгельмъ!». Блюхера народъ поднялъ на руки и съ торжествомъ понесъ въ городъ. Здѣсь стараго фельдмаршала ожидали молодыя дѣвушки почетнѣйшихъ семействъ; наперерывъ тѣснились онѣ къ Блюхеру, чтобы поцѣловать его. Дуврскіе обыватели, съ своей стороны, умоляли фельдмаршала, чтобы онъ позволилъ имъ отрѣзать себѣ на память по кусочку отъ его сюртука. Блюхеръ охотно согласился, но число желающихъ получить такой необычайный сувениръ оказалось такъ велико что фельдмаршалу пришлось наконецъ остаться въ костюмѣ, похожемъ на короткую куртку [1]).

Императоръ Александръ былъ встрѣченъ при въѣздѣ въ Дувръ несмѣтными толпами народа. Едва только показалась карета государя, какъ раздались торжественныя звуки британскаго народнаго гимна: got save the king (Боже, спаси короля). На привѣтственную рѣчь депутатовъ городского управленія, государь сказалъ въ отвѣтъ по-англійски: «Радуюсь, слыша, что оказанныя моей арміей въ великомъ дѣлѣ услуги вполнѣ оцѣнены англійскимъ народомъ. Не менѣе мнѣ пріятны обстоятельства, подавшія мнѣ случай посѣтить Ан-

[1]) См. Богдановичъ, Исторія Александра I, т. IV, стр. 544.

глію, къ которой издавна питаю особенное уваженіе. Прошу васъ принять мою благодарность за ваше ко мнѣ вниманіе и мои желанія благосостоянія вашему городу. Увѣряю васъ, что буду стараться о всегдашнемъ сохраненіи дружбы между Англіей и Россіей».

На слѣдующій день, 26 мая, уже съ самаго ранняго утра вся дорога изъ Дувра въ Лондонъ была покрыта безчисленными экипажами, всадниками и пѣшеходами, спѣшившими на встрѣчу государямъ. Всѣ дома и другія зданія по пути были богато украшены флагами союзныхъ державъ. Многіе изъ зрителей явились въ шляпахъ, украшенныхъ лаврами и зелеными кокардами [1]) Но тщетно ожидали толпы народа проѣзда монарховъ. Ни Александръ, ни Фридрихъ-Вильгельмъ не были, какъ извѣстно, любителями парадныхъ встрѣчъ. Желая избѣгнуть ожидавшихъ ихъ шумныхъ овацій, оба государя нарочно выѣхали изъ Дувра въ 4 часа утра, двумя часами ранѣе назначеннаго времени, и выѣхали не въ блестящихъ приготовленныхъ для нихъ придворныхъ экипажахъ, а въ обыкновенныхъ почтовыхъ каретахъ [2]). Неподалеку отъ Лондона императоръ Александръ пересѣлъ въ нарочно высланную ему навстрѣчу карету русскаго посла, графа Ливена. Въ два часа по-полудни государь, не будучи никѣмъ узнанъ на пути, прибылъ въ Пультенейскій отель, гдѣ жила тогда великая княгиня Екатерина Павловна [3]). Встрѣченный съ восторгомъ обожавшею его сестрою, императоръ предполагалъ отдохнуть полъ-часа, но былъ обманутъ въ этомъ ожиданіи. Съ быстротою молніи разнеслось уже по городу извѣстіе о прибытіи русскаго монарха; со всѣхъ концовъ Лондона устремились къ Пультенейскому отелю несмѣтныя массы народа, горѣвшіе желаніемъ увидѣть какъ можно скорѣе освободителя Европы. Народъ запрудилъ всѣ улицы, ведшія съ различныхъ сторонъ къ отелю; громовые возгласы сотни

1) См. «Сынъ Отечества» 1814 г., № 25.

2) См. Богдановичъ, Исторія Александра I, т. IV, стр. № 545.

3) В. К. Екатерина Павловна, сильно тосковавшая послѣ смерти своего супруга В. Г. Ольденбургскаго выѣхала уже въ концѣ 1813 г. въ Германію, а оттуда проѣхала въ Англію, гдѣ и проживала въ полномъ инкогнито.

тысячъ голосовъ: да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ Александръ! потрясали воздухъ. Крики эти слились въ какой-то оглушительный гулъ, когда государь, уступая желанію толпы, вышелъ на балконъ и ласково раскланялся съ народомъ.

Принцъ - регентъ былъ захваченъ совершенно врасплохъ пріѣздомъ союзныхъ государей [1]). Онъ только что садился въ карету, чтобы выѣхать на встрѣчу къ своимъ высокимъ гостямъ, когда пріѣхалъ къ нему въ Карлтонъ-Гоузъ (дворецъ принца-регента), сначала король Прусскій, а вслѣдъ за нимъ императоръ Александръ. Оба монарха привѣтствовали самымъ дружнымъ образомъ своего хозяина, какъ верховнаго представителя могущественной британской націи. Принцъ-регентъ разсыпался въ любезностяхъ и предложилъ императору Александру занять покои во дворцѣ герцога Кумбергландскаго, но государь отвѣчалъ съ свойственной ему деликатностью, что онъ можетъ воспользоваться этимъ роскошнымъ помѣщеніемъ лишь для церемоніальныхъ пріемовъ, и что онъ проситъ принца-регента разрѣшить ему остаться въ домѣ, занимаемомъ его сестрою, великою княгинею. Королю Прусскому отведено было помѣщеніе во дворцѣ герцога Кларенскаго.

Раскланявшись съ государями, принцъ-регентъ поспѣшилъ обратно въ Карлтонъ-Гаузъ, гдѣ ожидали съ минуты на минуту пріѣзда фельдмаршала Блюхера. Старому гусару не удалось сохранить свое инкогнито, подобно государямъ. Еще на пути въ Лондонъ онъ былъ узнанъ народомъ и его карета съ трудомъ лишь могла подвигаться впередъ среди тѣснившейся отовсюду толпы. Давка усиливалась по мѣрѣ приближенія къ столицѣ; только въ шесть часовъ вечера карета Блюхера прибыла, наконецъ, въ Лондонъ. Здѣсь въ Сенъ-Джемскомъ паркѣ фельдмаршала ожидалъ въ полномъ парадѣ драгунскій гвардейскій полкъ; Блюхеръ снялъ шляпу и поднялся изъ экипажа, привѣтствуя эти отборныя войска. Когда вслѣдъ за тѣмъ карета фельдмаршала въѣхала въ дворцовые ворота, то толпа ринулась вслѣдъ за нею и смяла часовыхъ

[1]) См. «Сынъ Отечества», 1814 г. № 25.

стоявшихъ у подъѣзда. Казалось, что народъ хотѣлъ штурмовать дворецъ. Тысячи любопытныхъ перелѣзали черезъ высокія рѣшетки ограды дворца и силою врывались во дворъ [1]). Пришлось, наконецъ, отворить всѣ ворота и открыть свободный доступъ народу. Между тѣмъ Блюхеръ былъ встрѣченъ у подъѣзда двумя полковниками гвардіи и торжественно введенъ въ большую залу дворца. Вся зала была наполнена знатнѣйшими представителями англійской аристократіи; спустя нѣсколько минутъ въ залу вошелъ принцъ-регентъ, и, послѣ обычныхъ привѣтствій, надѣлъ на шею герою свой портретъ, богато украшенный брилліантами [2]). Послѣдовало представленіе фельдмаршалу собравшейся знати. Затѣмъ принцъ-регентъ и Блюхеръ удалились во внутренніе покои, гдѣ и провели около получаса въ дружеской бесѣдѣ.

Утомленный продолжительнымъ церемоніаломъ, старый фельдмаршалъ искалъ отдыха въ отведенной для него квартирѣ, но ему не пришлось много отдыхать въ Лондонѣ. Несмѣтныя толпы народа собирались обыкновенно съ самаго ранняго утра передъ его квартирой и не переставали кричать «ура» до тѣхъ поръ, пока фельдмаршалъ не показывался у окна. Затѣмъ, являлись обыкновенно съ визитомъ лица самыхъ высшихъ сословій. Нѣкоторые лорды дошли до того, что предлагали домашнимъ служителямъ Блюхера большія деньги, только бы они дозволили имъ исправлять свои обязанности у фельдмаршала. Живописцы также не давали ему покоя; десятками осаждали они добродушнаго старика. Одинъ желалъ снять его въ то время, когда онъ курилъ свою классическую трубку, другой хотѣлъ увѣковѣчить тотъ моментъ, когда онъ гладилъ свою любимую собаку. Особенною назойливостью отличались женщины. Нѣкоторыя изъ нихъ требовали, чтобы фельдмаршалъ непремѣнно обнялъ ихъ и поцѣловалъ; другія желали получить отъ него что-либо на память, хотя одинъ волосокъ съ его головы, или даже хотя одно перо съ его султана. Деньщикъ Блюхера разсказывалъ впослѣдствіи, что

[1]) См. Blassndorff, G. L. v. Blücher, стр. 296.

[2]) См. Colomb, Blücher in Briefen aus den Feldzügen 1813—1815, письмо отъ 1 Іюня, стр. 131.

ему пришлось купить въ Лондонѣ не одинъ султанъ, и что онъ выручилъ въ концѣ концовъ порядочную сумму за проданныя перья [1]).

Еще болѣе тяжкая участь ожидала фельдмаршала, когда онъ показывался на улицахъ. «Народъ, писалъ онъ женѣ, носитъ меня здѣсь на рукахъ; стоитъ лишь мнѣ показаться, какъ тотчасъ же подымается крикъ и неизвѣстно откуда сбѣжится разомъ тысячъ десять человѣкъ. Ходить въ мундирѣ нѣтъ для меня никакой возможности» [2]). Но и статскій костюмъ не могъ спасти Блюхера отъ его почитателей. Оригинальная фигура фельдмаршала, его типичная физіономія повсюду выдавали его. Вездѣ—и на улицахъ, и въ театрѣ, и на скачкахъ, толпы народа узнавали фельдмаршала, тѣснились къ нему со всѣхъ сторонъ, привѣтствовали его оглушительными криками. Нерѣдко толпа выпрягала лошадей изъ его экипажа и везла его на рукахъ до мѣста назначенія. Любопытные и неотвязчивые его почитатели влѣзали на подножчу экипажа или вкарабкивались на козла, чтобы увидѣть его поближе или пожать ему руку. Случалось, что экипажъ Блюхера долженъ былъ остановиться въ толпѣ; тогда поклонники его отворяли дверца кареты и одинъ за другимъ старались пожать ему руку.

Донской атаманъ, графъ Платовъ, пользовался также громадною популярностью среди англичанъ. Привлеченные слухами о сказочныхъ подвигахъ донцовъ и объ геройской отвагѣ ихъ атамана, лондонцы спѣшили наперерывъ увидѣть Платова или даже познакомиться поближе съ нимъ. Особенно симпатично относилась къ атаману британская аристократія. Знатнѣйшіе лорды наперерывъ приглашали его въ свои дворцы и загородныя помѣстья и старались угостить на славу. Платовъ оказывался на этихъ угощеніяхъ такимъ же непобѣди-

[1]) См. Blasendorff, g. l. Blücher, стр. 298. Деньщикъ этотъ купилъ себѣ даже впослѣдствіи, маленькій хуторокъ.

[2]) См. Colomb, Blücher in Briefen aus den Feldzügen 1813—14 г. Письмо изъ Лондона отъ 6 Іюня 1814 г., стр. 131—132. Въ письмѣ отъ 12 Іюня Блюхеръ пишетъ: «Невозможно описать, что происходитъ здѣсь со мною. Если бы не мои постоянные спутники, то меня, навѣрное бы, разорвали. Лошадей моихъ выпрягаютъ каждый разъ и везутъ на рукахъ; меня мучатъ безчеловѣчно; три живописца разомъ снимаютъ меня» стр. 133.

мымъ, какъ и на полѣ битвы. Онъ истреблялъ на устраиваемыхъ для него попойкахъ такое огромное количество всевозможныхъ напитковъ, что приводилъ въ изумленіе самыхъ опытныхъ кутилъ. Знатнѣйшіе аристократы ставили себѣ за высокую честь прислуживать атаману, а одинъ изъ нихъ, графъ Перси, повезъ Платова на скачки въ Аскотъ, причемъ атаманъ сидѣлъ въ фаэтонѣ, а Перси сидѣлъ вмѣсто кучера. Лордъ Лоутеръ устроилъ роскошный обѣдъ для атамана и въ заключеніе угостилъ его зрѣлищемъ кулачнаго боя, въ которомъ принимали участіе искуснѣйшіе боксеры [1]).

Между тѣмъ императоръ Александръ принужденъ былъ удѣлять очень много времени на столь нелюбимые имъ церемоніальные пріемы, представленія и встрѣчи. Государь держалъ себя при этомъ не только съ свойственной ему чарующей любезностью, но и съ необычайною простотою и естественностью. Онъ всегда умѣлъ обратить вниманіе на лицъ, выдававшихся не своею знатностью, или высокимъ положеніемъ, а своими выдающимися заслугами, и своими благородными качествами. Такъ, на торжественномъ пріемѣ въ Сенъ-Джемскомъ дворцѣ, гдѣ представлялись ему принцъ-регентъ, братъ его герцогъ Іорскій, лордъ Кестльри и цѣлая масса знати, государь замѣтилъ въ толпѣ лорда Эрскина, друга и почитателя Лагарпа. Онъ вручилъ ему письмо отъ Лагарпа, сказавъ при этомъ: «Я обѣщалъ передать вамъ лично письмо моего друга и наставника, которому я обязанъ правилами, руководящими мой умъ и мое сердце» [2]).

На третій день по прибытіи въ Лондонъ, императоръ Александръ присутствовалъ, въ качествѣ кавалера ордена Подвязки, на торжественномъ капитулѣ ордена, происходившемъ во дворцѣ принца-регента. Капитулъ былъ обставленъ всей той торжественною помпой, до которой такіе большіе охотники англичане. Верховный герольдъ вводилъ поочередно въ залу собранія кавалеровъ ордена, громко провозглашая при этомъ ихъ имена. Принцъ-регентъ вошелъ въ залу рука объ руку

[1]) См. Богдановичъ, Исторія царствованія Александра I, т. IV, стр. 546; Varnhagen von Ense, Biographische Denkmale, т. III, 389—390.

[2]) См. Богдановичъ, Исторія Александра I, т. IV, стр. 546.

съ императоромъ Александромъ, оба они были одѣты въ великолѣпныя орденскія мантіи. Принцъ сѣлъ на кресло, стоявшее у самаго подножія трона; императоръ занялъ мѣсто на правой сторонѣ его, тогда какъ третье кресло было приготовлено для короля Прусскаго, который долженъ былъ быть избранъ кавалеромъ ордена въ этотъ день. Епископъ Салисбюрійскій, канцлеръ ордена, прочелъ статутъ, которымъ король Прусскій избирался кавалеромъ, причемъ сказалъ краткое слово, въ которомъ провозносилъ великія качества короля, его благородное постоянство и его личное мужество. Какъ только епископъ окончилъ свою рѣчь, король былъ введенъ въ залу герцогами Іорскимъ и Кентскимъ, принятъ принцемъ-регентомъ въ кавалеры ордена и усаженъ на приготовленномъ для него мѣстѣ. Вслѣдъ за симъ, прочтенъ былъ статутъ, которымъ избирался въ кавалеры ордена императоръ Австрійскій съ освобожденіемъ отъ пріемныхъ обрядовъ. Такой же чести удостоились два важнѣйшихъ министра Англіи: графъ Ливерпуль и виконтъ Кестльри [1]).

Отдохнувъ нѣсколько отъ этой утомительной церемоніи, императоръ Александръ отправился послѣ обѣда верхомъ, въ сопровожденіи лорда Ярмута и полковника Блюмфильда, осматривать улицы и важнѣйшія зданія Лондона. Онъ былъ, какъ и всегда, въ обыкновенномъ армейскомъ мундирѣ. Повсюду сопровождали его несмѣтныя толпы народа, оглашавшія воздухъ радостными восклицаніями. Величественная осанка государя, его прекрасное, благородное лицо, его изящныя манеры и его изумительная простота невольно приводили въ восторгъ англичанъ. Въ толпѣ разсказывали, что оба союзные монарха пренебрегаютъ всякою роскошью и предпочитаютъ жить, какъ на бивуакѣ. Разсказывали, что въ комнатахъ Сенъ-Джемскаго дворца приготовлены были для нихъ великолѣпныя постели, но монархи приказали тотчасъ вынести ихъ. Императоръ спалъ на соломенномъ тюфякѣ, а король Прусскій на походной кровати, покрытой кожанымъ матрацомъ. Вмѣсто атласныхъ креселъ, они приказали поставить себѣ со-

[1]) См. подробное описаніе всей этой церемоніи въ повременномъ изданіи Сынъ Отечества, 1814 г. № 25.

ломенные стулья. Да и теперь, во время прогулки, государь держалъ себя, къ великому удивленію толпы, какъ простой смертный, пренебрегающій всякими излишними услугами. Замѣтивъ, что подпруга подъ сѣдломъ его ослабла, императоръ сошелъ съ лошади и подтянулъ ее самъ, не принимая услугъ сопровождавшаго его верхового [1]). Государь продолжалъ свою прогулку за городъ и возвратился въ Лондонъ только вечеромъ. Всѣ улицы, по которымъ онъ проѣзжалъ, были великолѣпно иллюминованы, повсюду тѣснились массы народа. Среди непрерывающихся шумныхъ овацій, государь достигъ наконецъ Пультенейскаго отеля. Здѣсь обратилъ на себя его вниманіе громадный огненный щитъ, на которомъ горѣли слова: «Господу Богу подобаетъ благодареніе» [2]).

Слѣдующій день, 29 мая, былъ посвященъ поѣздкѣ въ Аскотъ на конскія скачки, и здѣсь повторились тѣ же сцены восторженнаго пріема, которыя сопровождали каждый шагъ союзныхъ монарховъ на англійской почвѣ. 30 мая императоръ, въ сопровожденіи сестры своей, великой княгини, осматривалъ зданіе Великобританскаго банка. При этомъ онъ замѣтилъ, что все видѣнное имъ до сихъ поръ вполнѣ оправдываетъ ту славу, которою пользуется Англія, по отношенію къ торговлѣ, богатству и образцовой честности населенія [3]).

Едва только государь прибылъ изъ банка въ Сенъ-Джемскій дворецъ, какъ къ нему явился лордъ-меръ города Лондона, въ сопровожденіи альдермэновъ. Лордъ-меръ поднесъ государю адресъ, заканчивающійся такими словами: «Позвольте, Всемилостивѣйшій Государь, заявить Вамъ, сколь лестна честь, оказанная Англіи посѣщеніемъ Императора, который одинаково высокъ и своимъ саномъ, и сердцемъ своимъ, вмѣщающемъ въ себѣ всѣ благородныя, добрыя, великія и привлекательныя качества». Государь отвѣчалъ на адресъ слѣдующими словами, произнесенными на англійскомъ языкѣ: «Благодарю васъ за столь лестный для меня адресъ. Я уже давно желалъ посѣтить вашу страну и нынѣ радуюсь, что мнѣ

1) См. Сынъ Отечества, 1814 г. № 25.

2) См. Сынъ Отечества, 1814 г., № 25.

3) См. Сынъ Отечества, 1814 г. № 25.

удалось исполнить мое намѣреніе. Европа пріобрѣла послѣ великой войны миръ, который, надѣюсь, утвердитъ на долгое время счастіе рода человѣческаго. Увѣрьте согражданъ своихъ, что британская нація пользовалась всегда моимъ уваженіемъ. Ваши подвиги въ теченіе только что окончившейся тяжелой и долговременной войны возбуждаютъ удивленіе мое и всего свѣта. Въ войнѣ я былъ вѣрнымъ союзникомъ Великобританіи, въ мирѣ буду твердымъ ея другомъ» [1]).

Вечеромъ того же дня союзные государи присутствовали вмѣстѣ съ регентомъ на представленіи италіанской оперы. Громадный залъ театра, всѣ ложи и мѣста въ партерѣ были переполнены зрителями. У кассъ давка была такъ велика, что невозможно было продавать билетовъ. При входѣ монарховъ, всѣ зрители встали со своихъ мѣстъ и музыка, по требованію публики, заиграла національный гимнъ: «Боже, спаси короля». Всѣ зрители повторяли слова гимна, всеобщее вниманіе было устремлено на государей, какъ вдругъ появилась въ своей ложѣ принцесса Валійская, отвергнутая супруга принца-регента, въ великолѣпномъ одѣяніи и брилліантовой коронѣ. Народъ, всегда принимавшій сторону несчастной принцессы, привѣтствовалъ ее громкими восклицаніями. Принцъ-регентъ, нарочно устранявшій до сихъ поръ свою супругу отъ всякаго участія въ торжественномъ пріемѣ высокихъ гостей, былъ поставленъ въ крайне неловкое положеніе. Смущенный и растерянный, онъ трижды низко поклонился принцессѣ, къ немалому удовольствію всей публики. Эта странная сцена совершенно отвлекла вниманіе зрителей отъ начавшагося уже представленія. Легко себѣ представить, какъ подѣйствовала она на столь деликатнаго императора Александра [2]).

Воскресенье 31 мая прошло по англійскому обычаю въ тишинѣ и спокойствіи. Утромъ государь былъ у обѣдни въ домовой церкви русскаго посольства, а король Прусскій присутствовалъ на богослуженіи въ Вестминстерской церкви. По-

[1]) См. «Сынъ Отечества», 1814 г. № 25. У Богдановича рѣчь государя отнесена къ другому случаю, см. т. IV, стр. 549.

[2]) См. «Сынъ Отечества», 1814 г. № 25 и другія періодическія изданія того вр мени.

слѣ обѣда союзные монархи прогуливались въ экипажахъ въ Гайдъ-паркѣ, гдѣ тѣснилась въ этотъ день большая часть населенія Лондона. 1 іюня государи отправились на адмиралтейскихъ яхтахъ въ Вуличъ, гдѣ осматривали арсеналъ, верфи и новый 125 пушечный корабль «Нельсонъ». Здѣсь же въ ихъ присутствіи произведены были опыты спусковъ конгревовыхъ ракетъ самимъ изобрѣтателемъ [1]).

2 іюня назначено было для поѣздки въ старый университетскій городъ, Оксфордъ. Императоръ Александръ поѣхалъ въ Оксфордъ съ великой княгиней Екатериной Павловной, король Прусскій—съ обоими своими сыновьями. Въ свитѣ государей были всѣ выдающіеся генералы и герои минувшей войны, въ томъ числѣ Блюхеръ. 3 іюня назначено было торжественное собраніе въ главной залѣ университета. Императоръ Александръ и король Прусскій вошли въ залу въ докторскихъ мантіяхъ и заняли мѣста по обѣимъ сторонамъ принца-регента. Затѣмъ лордъ Гренвиль, канцлеръ университета, поднесъ обоимъ монархамъ дипломы на званіе доктора правъ. Императоръ Александръ, обратясь къ ректору, сказалъ: «Какъ мнѣ принять дипломъ? Я не держалъ диспута»—«Государь, возразилъ ректоръ, вы выдержали такой диспутъ противъ утѣснителя народовъ, какого не выдержалъ ни одинъ докторъ правъ во всемъ свѣтѣ». Лордъ Гренвиль предложилъ наградить тѣмъ же самымъ званіемъ и знаменитаго англійскаго полководца, герцога Велингтона. Само собою понятно, что предложеніе это было принято единогласно; при баллотировкѣ герцога, союзные монархи подавали голоса въ качествѣ докторовъ университета. Возведены были также въ степень доктора правъ: русскій посолъ графъ Ливенъ, князь Меттернихъ и князь Блюхеръ. Старому фельдмаршалу награда эта ученою степенью показалась шуткою. «Кстати, замѣтилъ онъ на приносимое ему поздравленіе, «было бы пожаловать моего сотрудника Гнейзенау, по крайней мѣрѣ, въ аптекари» [2]). За раздачею почетныхъ дипломовъ послѣдовали

[1]) См. «Сынъ Отечества», 1814 г. № 25.

[2]) Слова, сказанныя Блюхеромъ, передаются, впрочемъ, различно. У Блачендорфа мы читаемъ: Na, wenn ich Doctor werden soll, so müssen sie den Gnei-

торжественныя рѣчи и произнесены были стихотворенія: «На пожаръ Москвы», «На низверженіе Бонапарте», «Въ честь подвиговъ совершенныхъ русскими и прусскими генералами» и т. д. Изъ университета союзные монархи поѣхали въ ратушу, гдѣ поднесены имъ были въ золотыхъ шкатулкахъ патенты на званіе почетныхъ гражданъ города Оксфорда.

По возвращеніи въ Лондонъ, высокіе гости были приглашены на обѣдъ, данный въ честь ихъ городомъ Лондономъ. Обѣдъ происходилъ въ городской ратушѣ, при обстановкѣ, по истинѣ, сказочной. Огромная зала ратуши была убрана съ неслыханнымъ великолѣпіемъ и необыкновеннымъ вкусомъ. Обѣденный столъ былъ приготовленъ на 470 кувертовъ: весь сервизъ былъ изъ чистаго золота, стоющаго до полутора милліона рублей. Лордъ-меръ верхомъ, съ городскимъ мечемъ въ рукѣ, безъ шляпы, ѣхалъ впереди коляски принца-регента и проводивъ его въ залу, отправился къ подъѣзду ратуши, для встрѣчи высокихъ гостей. Въ 5 часовъ по-полудни императоръ Александръ съ великой княгиней выѣхалъ изъ Пультенейскаго отеля въ парадной каретѣ принца-регента, запряженной шестью бѣлыми лошадьми. Императоръ, въ генеральскомъ англійскомъ мундирѣ, съ открытой головой, привѣтливо кланялся народу, толпившемуся по всѣмъ улицамъ, гдѣ пролегалъ его путь и встрѣчавшаго его радостными криками. Король Прусскій также прибылъ въ каретѣ принца-регента въ сопровожденіи обоихъ своихъ сыновей. Великая княгиня была встрѣчена у подъѣзда ратуши супругою лорда-мера; самъ же лордъ-меръ встрѣтилъ обоихъ государей, привѣтствовалъ ихъ краткой рѣчью отъ имени города Лондона и торжественно, въ сопровожденіи своихъ альдермэновъ, ввелъ ихъ въ обѣденную залу. Едва только государи вступили въ залу, какъ музыка заиграла арію: «See the conquering Hero comes» (Идетъ побѣдоносный герой!) Обѣдъ начался въ 7 часовъ при звукахъ старинной пѣсни: «Oh the Roast-Beef of

senau wenigstens zum Apotheker machen, denn wir gehören einmal zusammen».
Во всякомъ случаѣ городъ Лондонъ придумалъ болѣе подходящую награду, когда
поднесъ въ эти же дни почетныя шпаги Блюхеру, Барклаю-де-Толли и Платову.
См. Сынъ Отечества, 1814 г. № 25.

old England» (o Ростъ-бифъ древней Англіи!) Въ обѣдѣ участвовало самое блестящее общество. Наряду съ принцами, министрами и дипломатами, тутъ можно было встрѣтить почти всѣхъ выдающихся героевъ только что окончившейся безпримѣрной войны. Изъ русскихъ генераловъ и сановниковъ здѣсь присутствовали: фельдмаршалъ Барклай-де-Толли, флигель-адъютантъ государя князь Волконскій, графъ Ливенъ, русскій посолъ въ Лондонѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде, оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, графъ Воронцовъ, графъ Платовъ, князь Чарторыскій, генералъ-адъютанты: Уваровъ, Чернышевъ и графъ Ожаровскій, лейбъ-медикъ Вилье и священникъ русскаго посольства Смирновъ. Изъ свиты короля Прусскаго кромѣ Блюхера обращали на себя вниманіе генералы Іоркъ и Бюловъ. На галлереяхъ присутствовала отборная аристократическая публика, въ томъ числѣ около шести сотъ великолѣпно разодѣтыхъ дамъ. Обѣдъ продолжался до 11 часовъ вечера. Послѣ отъѣзда государей, Блюхеръ, Платовъ и нѣкоторые другіе гости остались за столомъ по англійскому обычаю вмѣстѣ съ лордомъ Кестльри и лордомъ-меромъ; оживленная бесѣда и пиршество продолжались далеко за полночь [1]).

Спустя нѣсколько дней послѣ этого пышнаго обѣда, императоръ Александръ и король Прусскій присутствовали въ Портсмутѣ на большомъ смотру Британскаго военнаго флота. Въ смотрѣ принимали участіе 80 линейныхъ кораблей; число же всѣхъ судовъ, толпившихся на обширномъ Спитгейдскомъ рейдѣ, доходило до тысячи. Генералъ-адмиралъ герцогъ Кларенскій, окруженный 89 адмиралами, встрѣтилъ брата своего принца-регента и союзныхъ государей на кораблѣ «Импренебль». Едва только государи вступили на бортъ корабля, какъ раздались оглушительные залпы всего флота. И при этомъ случаѣ русскій государь изумилъ всѣхъ присутствующихъ своей необычайной любезностью, неслыханною простотою и истинно царскою щедростью. По окончаніи смотра онъ вмѣстѣ съ сестрою своею отправился на то мѣсто, гдѣ раз-

[1]) См. Богдановичъ, т. IV, стр. 549—550.

давалась матросамъ обѣденная порція. Государь ласково говорилъ съ матросами и, положивъ имъ на столъ горсть червонцевъ, пожелалъ имъ хорошаго аппетита.

Между тѣмъ приближалось время отъѣзда изъ Англіи. Не безъ внутренняго сожалѣнія покидали государи и ихъ спутники гостепріимную страну и народъ, встрѣчавшій ихъ съ такимъ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ. Даже самъ Блюхеръ замѣтилъ, что если бы у него не было жены и дѣтей, то онъ никогда бы не покинулъ этой прекрасной страны [1]). Оставляя Англію, государь намѣренъ былъ посѣтить прежде всего Голландію, страну только что освобожденную отъ ненавистнаго французскаго ига побѣдоноснымъ оружіемъ союзниковъ. Изъ Голландіи государь разсчитывалъ проѣхать на Рейнъ, въ великое герцогство Баденское, гдѣ ожидала его августѣйшая его супруга, императрица Елисавета Алексѣевна. 14 Іюня государь съ великой княгиней прибылъ въ Дувръ, а оттуда въ $6^1/_2$ часовъ вечера отплылъ въ Кале, сопровождаемый какъ и при встрѣчѣ англійской военной эскадрой. Въ Кале государь прибылъ 15 іюня въ 7 часовъ утра. Его сопровождала лишь небольшая свита, въ коей состояли: графъ Толстой, князь Волконскій, флигель-адъютантъ полковникъ Брозинъ и лейбъ-медикъ Вилье [2]). Не останавливаясь въ Кале, государь выѣхалъ въ дальнѣйшій путь на Дюнкирхенъ, Остенде и Антверпенъ. Уже при первыхъ шагахъ по Нидерландской землѣ, государь встрѣтилъ самый восторженный и радушный пріемъ со стороны населенія. Все его путешествіе походило на тріумфальное шествіе и, при всей своей скромности, государь не въ состояніи былъ уклониться отъ повсюду ожидавшихъ его не только офиціальныхъ пріемовъ, но и отъ чисто популярныхъ овацій. Уже въ Антверпенѣ, куда государь прибылъ 17 іюня, обнаружилось ясно, что нидерландскій народъ смотрѣлъ на него, какъ на своего единственнаго освободителя [3]). У самаго въѣзда въ городъ сооружена была трі-

[1]) См. Блачендорфъ, стр. 298.

[2]) См. Богдановичъ, Т. IV. стр. 550—551.

[3]) Всѣ подробности о путешествіи Александра въ Нидерландахъ заимствованы у Богдановича, который пользовался, въ данномъ случаѣ, рукописью Якова Шельтемы, хранящеюся въ архивѣ главнаго штаба. Т. IV, стр. 551—559.

умфальная арка съ слѣдующею латинской надписью: «Alexandro Benedicto. Liberavit orbem. Nobis reddidit patriam» (Александру Благословенному. Онъ освободилъ человѣчество. Онъ возвратилъ намъ отечество). Огромная толпа народа и всѣ мѣстныя власти встрѣтили государя. Антверпенскій губернаторъ Гальтманъ привѣтствовалъ Александра, какъ освободителя нидерландцевъ. Императоръ, вѣрный всецѣло проникавшему его тогда высокому религіозному чувству, отвѣчалъ такими славами: «Радушіе, съ которымъ вы принимаете меня, глубоко меня трогаетъ. Не мнѣ, но единому Богу, рѣшителю судебъ человѣчества, обязаны вы благодарностью за ваше счастливое освобожденіе. Я всегда съ сердечнымъ удовольствіемъ буду видѣть счастіе и благоденствіе голландцевъ». Рѣчь государя вызвала цѣлую бурю восторга; она была покрыта громовымъ восклицаніемъ народа: «Да здравствуетъ императоръ Александръ»!

Изъ Антверпена государь выѣхалъ въ Бреду, гдѣ его встрѣтили со всевозможными почестями. Ему приходилось проѣзжать черезъ нѣсколько тріумфальныхъ арокъ, украшенныхъ русскими, англійскими и прусскими флагами; громъ пушекъ, колокольный звонъ, военная музыка и радостныя восклицанія народа сопровождали его на пути. Жители встрѣчали его, по свидѣтельству очевидца, какъ встрѣчаютъ дѣти отца; они тѣснились вокругъ него и старались прикоснуться къ его одеждѣ. Государь ласково разговаривалъ съ тѣми счастливцами, которымъ удавалось протѣсниться поближе къ нему. Онъ спрашивалъ ихъ довольны ли они своимъ теперешнимъ положеніемъ и, получая отъ всѣхъ утвердительные отвѣты, радовался вмѣстѣ съ ними ихъ счастію.

Чѣмъ далѣе Александръ проникалъ въ глубь старой голландской страны, тѣмъ сильнѣе и искреннѣе проявлялся энтузіазмъ населенія. Повсюду, въ Роттердамѣ, Гагѣ, Гаарлемѣ и Амстердамѣ повторялись тѣ же восторженныя сцены народнаго пріема, и повсюду государь однимъ своимъ появленіемъ и своею чарующею любезностью, простотою и естественною манерою, привлекалъ къ себѣ всѣ сердца. И здѣсь, въ Голландіи, точно также какъ въ Англіи, народъ не могъ достаточно

надивиться простому образу жизни государя, его отвращенію ко всякой пышности, его ласковому обращенію со всѣми, начиная отъ знатнаго вельможи и оканчивая простымъ крестьяниномъ, и его рыцарской вѣжливости въ обращеніи съ женщинами, не только съ знатными дамами, но и съ простыми поселянками. Государь не брезгалъ ни чьими приглашеніями, онъ охотно посѣщалъ балы, устраиваемые для него магистратами голландскихъ городовъ, всегда танцовалъ со многими изъ дамъ и держалъ себя такъ, что никто не чувствовалъ стѣсненія въ его присутствіи. Осматривая достопримѣчательности городовъ, государь предпочиталъ ходить пѣшкомъ и въ партикулярномъ платьѣ. Всегда и вездѣ старался онъ отклонить отъ себя какъ офиціальныя встрѣчи и почести, такъ и всякую офиціальную лесть. Въ Гаарлемѣ, гдѣ государь осматривалъ университетъ и его богатыя научныя коллекціи, профессоръ Ланге обратился къ нему съ такими словами: «Государь! Наше общество гордится, видя въ средѣ своей героя, которому человѣчество даетъ названіе Марка-Аврелія, а религія—Благословеннаго». Александръ отвѣчалъ: «Маркъ-Аврелій можетъ служить хорошимъ примѣромъ властителямъ, но я не могу съ нимъ равняться, я только стараюсь подражать ему».

Неутомимость, съ которою государь посѣщалъ всевозможныя ученыя, художественныя, благотворительныя и торговыя учрежденія, приводила всѣхъ въ изумленіе. Въ Амстердамѣ, на другой день послѣ пріѣзда, онъ осматривалъ съ ранняго утра городъ и въ 9 часу зашелъ къ Кесвельту, одному изъ членовъ извѣстнаго торговаго дома Гопе и К°. Государь хотѣлъ видѣть здѣсь знаменитую картинную галлерею. Одинъ изъ сопровождавшихъ государя мѣстныхъ жителей замѣтилъ ему, что онъ встаетъ очень рано и не даетъ себѣ даже достаточнаго отдыха. «Я привыкъ къ такому образу жизни, отвѣчалъ ему съ улыбкою Александръ, въ военное время. Правда, я купилъ эту привычку дорогою цѣною и надѣюсь впередъ не имѣть въ томъ нужды, но продолжаю вставать рано, потому что выигрываю такимъ образомъ нѣсколько часовъ времени».

Съ особенной любовью посѣщалъ государь мѣста и учрежденія, освященныя пребываніемъ его великаго предка, Петра I-го. Прибывъ въ Саардамъ 22 іюня, государь сказалъ встрѣтившему его губернатору округа: «Передайте добрымъ Саардамцамъ, что я хочу провести съ ними весь день». Все населеніе города и безчисленныя толпы народа, стекшагося изъ окрестностей, сопровождали императора въ его прогулкахъ по городу. Александръ посѣтилъ прежде всего карабельную верфь, гдѣ трудился великій преобразователь Россіи. Отсюда онъ отправился въ домъ, гдѣ жилъ Петръ Великій. Здѣсь принцъ Оранскій предложилъ государю оставить постоянный памятникъ своего пребыванія въ Саардамѣ. Государь изъявилъ свое согласіе. Въ нѣсколько минутъ принесены были необходимые матеріалы и самъ государь, съ помощью серебряной кирки, вставилъ въ трубу камина камень изъ бѣлаго мрамора, съ надписью золотыми буквами: «Петру Великому—Александръ. 1814 годъ». Принцъ Оранскій изъявилъ вслѣдъ за тѣмъ желаніе вставить другой камень въ честь Императора Александра. Государь прервалъ его съ живостью: «Все и вся Петру Великому; мнѣ ничего. Мое имя не можетъ стоять на ряду съ именемъ Петра».—«Но мы обязаны воздать должное Вашему Величеству»--возразилъ принцъ. Губернаторъ и другіе присутствующіе лица присоединились къ просьбамъ принца и умоляли государя уступить общему желанію. Александръ, не желая обижать своихъ радушныхъ хозяевъ, вынужденъ былъ, наконецъ, согласиться. Уже по отъѣздѣ его изъ Голландіи, вставленъ былъ въ каминъ другой камень съ надписью: «Александру Благословенному».

Александръ покидалъ Голландію съ душою полною самыхъ пріятныхъ воспоминаній. Нигдѣ, даже въ самой Англіи, его не встрѣчали съ такимъ теплымъ радушіемъ, съ такимъ неподдѣльнымъ и искреннимъ чувствомъ благодарности, какъ въ этой странѣ. Видно было, что всѣ голландцы, отъ мала до велика, хорошо сознавали, что единственно благодаря великодушной иниціативѣ Русскаго императора, возвращена была имъ и ихъ національная независимость и ихъ славное прошлое. Народъ встрѣчалъ великаго властелина сѣвера, какъ

встрѣчаютъ дѣти отца, онъ украшалъ, по мѣткому выраженію одного изъ очевидцевъ, въ ожиданіи дорогого гостя, свои дома и общественныя зданія, какъ украшаетъ женихъ свое жилище въ ожиданіи любимой невѣсты.

И еще одна черта въ этомъ пріемѣ должна была особенно глубоко растрогать Александра. Народъ повсюду, какъ бы сговорясь, привѣтствовалъ его именами «Благословеннаго» и «Миротворца». Эти имена раздавались въ радостныхъ восклицаніяхъ народа, они повторялись въ офиціальныхъ рѣчахъ и привѣтствіяхъ, они блистали въ тѣхъ надписяхъ, которыя виднѣлись и на тріумфальныхъ аркахъ и на общественныхъ зданіяхъ. Имя Александра повсюду сопоставлялось съ именемъ Петра Великаго. Но если отъ Петра Великаго голландцы удостоились лишь великаго почета, какъ трудолюбивѣйшій народъ во всей Европѣ, то отъ Александра они получили неоцѣненныя блага возрожденной національной независимости и мира. Особенно ясно выразилось это сопоставленіе въ тѣхъ надписяхъ, которыми саардамцы украсили домикъ Петра Великаго и воздвигнутыя ими тріумфальныя ворота. Одна изъ этихъ надписей гласила: «Александру Миротворцу—радостный Саардамъ», въ другой виднѣлись слова: «Отъ Петра Великаго—честь; отъ Александра Благословеннаго—миръ», тогда какъ третья говорила: «Сей домъ, посѣщенный Петромъ Великимъ немедленно по прибытіи въ Саардамъ, нынѣ радостно открываетъ врата свои Александру Великодушному, освободителю Европы, благодѣтелю человѣчества».

Естественно, какъ сильно должны были подѣйствовать на государя, и безъ того уже преисполненнаго глубокимъ религіознымъ чувствомъ, эти слова, въ которыхъ цѣлый народъ выражалъ свое глубокое убѣжденіе, что его, помазанника Господня сопровождаетъ повсюду благословеніе Божіе; но слова эти не могли подѣйствовать на Александра такъ, какъ они, быть можетъ, подѣйствовали бы на другого болѣе тщеславнаго и мнящаго о себѣ человѣка. И въ эти величайшіе моменты своей жизни, равно какъ и въ моменты тяжелыхъ испытаній, Александръ былъ крайне далекъ отъ надменной мысли считать себя избранникомъ Провидѣнія и совершителемъ ве-

лѣній свыше. Преклоняясь въ смиреніи предъ неизреченными милостями, излитыми и изливаемыми на него Творцомъ, онъ считалъ себя въ то же время лишь слабымъ и недостойнымъ орудіемъ Божественной Воли. Стремясь всѣми силами души своей служить одушевлявшей его идеѣ Божественнаго призванія, онъ полагалъ въ то же время, что онъ не можетъ ни коимъ образомъ считать себя вѣрнымъ исполнителемъ Божественныхъ предначертаній, направленныхъ къ спасенію страждущаго человѣчества. Имя «Благословеннаго» казалось ему слишкомъ высокимъ и недосягаемымъ, онъ могъ смотрѣть на него лишь, какъ на конечную трудно достижимую цѣль всей борьбы и всѣхъ подвиговъ своей жизни.

А между тѣмъ мысль, высказанная и въ Голландіи и въ другихъ странахъ западной Европы, охватила именно въ это время съ особенною силою и сердца вѣрнаго народа русскаго. И въ Россіи всѣ, начиная отъ людей простыхъ и оканчивая представителями высшихъ государственныхъ учрежденій, не могли найти болѣе подходящаго имени для своего великодушнаго государя, спасителя отечества и освободителя міра, какъ имя Благословеннаго. По полученіи извѣстій о взятіи Парижа, окончательномъ низложеніи Наполеона и заключеніи мира съ Франціею, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, государственный совѣтъ и правительствующій сенатъ, движимые, какъ сказано въ подлинномъ актѣ [1]), не раболѣпнымъ рвеніемъ, но сердечными чувствами, воспламеняющими всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества, постановили единодушно: 1) принести Государю Императору отъ лица торжествующей Россіи всеподданнѣйшее поздравленіе и живѣйшую благодарность за всѣ великіе труды, подъятые Имъ для усугубленія славы и благоденствія державы Его. 2) Приложить къ священному имени Его титулъ Благословеннаго, тѣмъ болѣе приличный скромности и благочестивому смиренію Государя Императора, что великіе подвиги Его очевидно ознаменованы покровительствомъ Вышняго Промысла. 3) Для пре-

[1]) См. текстъ этого знаменательнаго акта въ полномъ собраніи законоръ, а также въ приложеніи къ первому тому записокъ Шишкова, стр. 467—471.

данія позднѣйшему потомству настоящей славы Россіи и сердечной благодарности къ виновнику оной, выбить медаль и воздвигнуть въ престольномъ градѣ памятникъ съ надписью: «Александру Благословенному, Императору Всероссійскому, Великодушному державъ Возстановителю отъ признательныя Россіи». Дабы привести въ дѣйствіе таковое предположеніе, открыть путь безъ изъятія всѣмъ сословіямъ и состояніямъ въ государствѣ къ добровольнымъ изъ имущества своего пожертвованіямъ, по мѣрѣ усердія и возможности каждаго. Для исходатайствованія на все сіе Высокомонаршаго соизволенія, государственныя сословія избрали изъ среды своей трехъ депутатовъ, членовъ государственнаго совѣта: сенатора князя А. Б. Куракина, генерала отъ кавалеріи А. П. Тормасова и гофмейстера, графа А. Н. Салтыкова. Депутаты должны были немедленно же отправиться за границу въ мѣстопребываніе Государя и повергнуть къ стопамъ его слѣдующее всеподданнѣйшее прошеніе, утвержденное подписями всѣхъ присутствовавшихъ въ чрезвычайномъ собраніи:

«Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь, Императоръ, Самодержецъ Всероссійскій!

Воздавъ хвалу, честь, славу и благодареніе Всевышнему Богу, удивившему надъ Тобою милости свои, Россія о Тебѣ радующаяся, славою Твоею надъ всѣми державами превознесенная, Тобою благоденствующая, обращается днесь къ Тебѣ, Помазанникъ Божій! и въ лицѣ Святѣйшаго Сѵнода Государственнаго Совѣта и Сената Твоего, совокупно передъ Тобою колѣна преклоняющихъ, приноситъ общую Твоихъ вѣрноподданныхъ жертву, жертву сердецъ, восхищенныхъ великими Твоими подвигами, въ лѣтописяхъ міра примѣра не имущими. Услыши, Всемилостивѣйшій Государь, воззваніе усердныхъ чадъ Твоихъ, и милостиво пріими возсылаемое изъ глубины душъ ихъ благодареніе. Но какъ достойно возблагодаримъ Тебѣ за ту нопоколебимую твердость, съ какою положась на любовь и преданность Твоихъ подданныхъ, и тѣмъ ихъ возвелича, не усумнился Ты отвергнуть мира съ коварнымъ врагомъ, вторженіемъ въ предѣлы наши возгордившимся? Что воздадимъ Тебѣ, оградившему безопасность отечества наше-

го возстановленіемъ независимости державъ ему сопредѣльныхъ? Какія хвалы могутъ довлѣть Тебѣ, отомстившему за насъ дерзкому врагу, не токмо Твоимъ въ столицу его побѣдоносным вшествіемъ, но и совершеннымъ низложеніемъ сего страшнаго угнетателя Европы, престолы поколебавшаго и желѣзному скипетру своему всѣ племена и царства подвергнуть возмнившаго! Превознося Тебя, яко побѣдителя, благословляемъ мы и милосердіе Твое, ознаменованное передъ лицемъ свѣта великодушнымъ прощеніемъ побѣжденныхъ и избавленіемъ ихъ отъ тиранскаго ига. Кто изъ владыкъ земныхъ уподобится Тебѣ, Великій? Кто изъ нихъ, подъявъ оружіе въ оборону Отечества, пронесъ его изъ края въ край Европы, не ради пріобрѣтенія личныя славы, но для спасенія чуждыхъ народовъ, ярмомъ ненасытнаго властолюбія беззащитно подавляемыхъ, и для возвращенія законныхъ имъ владѣтелей? Кто мудростію своею и кроткимъ среди самаго могущества убѣжденіемъ возмогъ враждебные народы обратить въ союзниковъ себѣ, назидая тѣмъ собственное ихъ благо?— Дѣла Твои, Государь, совѣчны пребудутъ имени Твоему, имени Александра Великаго, великодушнаго защитителя Егропы, возстановителя законныхъ правительствъ. Вселенная, величію Твоему чудящаяся, упреждая гласъ безпристрастнаго потомства, присвояетъ уже Тебѣ всѣ сія титла. Ты же, достойный избранникъ Вышняго, восписуя всѣ великія дѣянія Твои единому всеблагому Его Промыслу, жертвы хваленія не благоволишь и смиренномудріемъ Твоимъ заграждаешь уста наши. Покорствуя Тебѣ, Государь, мы не оскорбимъ громкими хвалами кротости Твоея, но всеобщія благословенія и Твоихъ и чуждыхъ народовъ, и благодать Господня, Тебѣ всегда соприсущная, и во всѣхъ твоихъ предназначеніяхъ знаменующаяся да оправдаютъ дерзновеніе преданныхъ Тебѣ чадъ Твоихъ, поднести Тебѣ титло единодушно всѣми утвержденное, благости сердца Твоего, нашимъ къ Тебѣ чувствованіямъ соотвѣтсвующее, и безъ стяжанія коего нѣтъ истиннаго величія—титло: Благословенный. Усердно Тебя молимъ! не отрини сего Тебѣ отъ сыновъ Твоихъ приношенія. Но дабы чувствованія нашей признательности, симъ Тебѣ изъявляемыя, не были безмолвны

предъ потомствомъ, мы возжелали увѣковѣчить ихъ видимымъ знаменіемъ, хотя мало достойнымъ Тебя, Государь безсмертный! И потому дерзаемъ умолять Тебя, Благословенный! не возбрани намъ воздвигнуть въ престольномъ градѣ Твоемъ для грядущихъ вѣковъ памятникъ, гласящій о великихъ Твоихъ доблестяхъ: не да приложитъ оный что-либо ко славѣ незабвеннаго Твоего имени: но да оправдимся мы передъ потомками нашими. Да не укорятъ насъ нѣкогда нечувствительностью къ изліяннымъ Тобою на насъ благодѣяніямъ, и да сынамъ сыновъ нашихъ до позднѣйшихъ временъ памятникъ сей пребудетъ свидѣтельствомъ нашея къ Тебѣ любви и безпредѣльныя преданности».

Александръ давно уже оставилъ Голландію и прибылъ въ замокъ Брухзалъ въ Баденѣ на среднемъ Рейнѣ, когда 30 іюня предстала предъ нимъ депутація государственныхъ чиновъ и повергла на усмотрѣніе его всеподданѣйшее прошеніе. Государь принялъ депутатовъ съ свойственною ему любезностью. Съ умиленіемъ выслушалъ онъ актъ, въ которомъ нашли себѣ такое краснорѣчивое выраженіе чувства всего его вѣрнаго народа, всего человѣчества; глубоко растроганный, онъ благодарилъ депутатовъ, но заявилъ имъ въ то же время, что онъ не считаетъ себя достойнымъ предлагаемыхъ ему титула и пямятника и никоимъ образомъ не можетъ дать имъ на сей предметъ своего соизволенія. На слѣдующій день государь потребовалъ къ себѣ государственнаго секретаря Шишкова и повелѣлъ написать ему въ отвѣтъ на прошеніе государственныхъ чиновъ указъ, въ которомъ было бы изъяснено, что Его Величество, благодаря за ихъ къ нему любовь и усердіе, отъ воздвигнутія ему памятника и принятія наименованія «Благословенный» отрицается и не соизволяетъ. Старикъ, выслушавъ приказаніе государя, не отвѣчалъ ни слова и видимо впалъ въ большое раздумье. Смущеніе государственнаго секретаря не скрылось отъ вниманія императора. «Что съ тобою, спросилъ государь своего секретаря, о чемъ ты такъ призадумался? «Государь!» отвѣчалъ Шишковъ, мнѣ кажется, что вы по скромности мыслей вашихъ и чувствъ, можете отрещись отъ воздвигнутія вамъ памятника; но отказаться отъ

наименованія Благословеннымъ требуетъ нѣкотораго особеннаго размышленія, потому что словомъ симъ не иное что испрашивается, какъ называть васъ благимъ, добрымъ государемъ: какъ же можно не желать сего и еще воспрещать, чтобы народъ вашъ не называлъ васъ симъ именемъ? Поистинѣ я въ недоумѣніи, какимъ образомъ объяснить это. Позвольте мнѣ хорошенько объ этомъ подумать и написать такъ, чтобъ не видно было ни явнаго въ томъ утвержденія, ни совершеннаго отрицанія вашего. Государь подумалъ съ минуту. «Хорошо, сказалъ онъ, напиши какъ лучше придумаешь; это не требуетъ поспѣшности» [1]).

На слѣдующій день Шишковъ явился къ государю съ изготовленнымъ имъ текстомъ высочайшаго указа. Государь внимательно выслушалъ бумагу, онъ прочелъ ее нѣсколько разъ самъ и вынесъ убѣжденіе, что если когда-либо, то именно въ данномъ случаѣ, Шишковъ сумѣлъ выразить вполнѣ одушевлявшія его чувства. Отвѣтъ государя на прошеніе государственныхъ сословій заключалъ въ себѣ въ сущности отказъ, но отказъ этотъ былъ облеченъ въ такую форму, что никоимъ образомъ не могъ оскорбить вѣрноподданныя и глубоко искреннія чувства просящихъ. Государь не только заявлялъ свое величайшее удовольствіе по поводу предлагаемаго ему наименованія Благословенный, не только соглашался, что такое наименованіе вытекаетъ само собою и изъ чудесныхъ событій послѣдняго времени и изъ чувствованій одушевляющихъ Россійскія государственныя сословія, но и сознавался даже, что наименованіе это есть «верхъ его собственныхъ желаній и благополучія». Но допуская и сознавая все это, Александръ находилъ въ то же время, что онъ какъ человѣкъ, а слѣдовательно и существо грѣховное и недостойное, не можетъ и помышлять о принятіи и ношеніи сего званія, что подобнымъ актомъ онъ поступилъ бы вопреки своимъ внутреннѣйшимъ убѣжденіямъ и подалъ самъ своимъ подданнымъ примѣръ, крайне противоположный тому духу смиренія и кротости, который онъ всегда старался насадить

[1]) Записки Шишкова, т. I, стр. 301—302.

и развить въ нихъ. Убѣдившись, что текстъ указа соотвѣтствовалъ, какъ нельзя болѣе его собственнымъ мыслямъ, Александръ тотчасъ же скрѣпилъ его своею подписью и отдалъ повелѣнія какъ о его врученіи депутаціи, такъ и о немедленномъ же обнародованіи. Подлинный текстъ этого высокознаменательнаго акта гласилъ такъ: [1])

«Внимая посланному ко мнѣ отъ святѣйшаго сѵнода, государственнаго совѣта и правительствующаго сената прошенію, о воздвигнутіи мнѣ въ престольномъ градѣ памятника и принятіи прооименованія Благословенный, не могъ я во глубинѣ души моей не почувствовать величайшаго удовольствія, видя съ одной стороны дѣйствительно совершившееся надъ нами благословеніе Божеское, а съ другой чувствованія россійскихъ государственныхъ сословій, подносящихъ мнѣ имя, самое для меня лестнѣйшее: ибо всѣ старанія и помышленія души моей стремятся къ тому, чтобъ теплыми молитвами призывать на себя и на ввѣренный мнѣ народъ Божеское благословеніе, и чтобы быть благословляему отъ любезныхъ мнѣ вѣрноподданныхъ моихъ и, вообще, отъ всего рода человѣческаго. Сіе самое есть верхъ моихъ желаній и моего благополучія! Но, при всемъ тщаніи моемъ достигнуть до сего, не позволю себя, яко человѣкъ, дерзновеніе мыслить, что я уже достигъ до того, и могу смѣло званіе сіе принять и носить. Тѣмъ паче почитаю я оное съ правилами и образомъ мыслей моихъ несогласнымъ, что всегда и вездѣ преклонняя вѣрноподданныхъ моихъ къ чувствамъ скромности и смиренія духа, самъ первый покажу несоотвѣтствующій тому примѣръ. Сего ради, изъявляя совершенную мою признательность, убѣждаю государственныя сословія оставить оное безъ всякаго исполненія. Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ! Да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ сердцѣ моемъ благословляю оный! Да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надомною и надъ нею благословеніе Божіе!»

[1]) Записки Шишкова, т. I, стр. 301.

ГЛАВА V.

Путешествіе Александра въ южную Германію. Предстоящая встрѣча. Семейная жизнь императора. Бракъ съ Елизаветою Баденскою.—Характеръ Елизаветы, ея образъ жизни и отношенія къ Александру.—Охлажденіе между супругами.—Событія 1812 года. Поѣздка Елизаветы въ Германію. Жизнь въ Брухзалѣ.—Дѣвица Стурдзга и государственный секретарь. Маркграфиня и строгій этикетъ. Сентиментальныя настроенія.—Вѣсть о взятіи Парижа.—Энтузіасты. Мистики и пророки. Шишковъ на молитвѣ у Криденеръ.—М-me Криденеръ и Юнгъ-Штиллингъ. Дѣтство и молодость Штиллинга.—Суровая школа.—Мистическіе порывы.—Гёте и Юнгъ-Штиллингъ. Испытанія и просвѣтленіе. Сомнѣніе и Кантъ. Царство духовъ.—«Тоска по родинѣ». Взглядъ Штиллинга на современныя событія.—Александръ и Наполеонъ.—Штиллингъ благоговѣетъ передъ Александромъ, какъ передъ избранникомъ провидѣнія.

Изъ Голландіи императоръ Александръ спѣшилъ на средній Рейнъ, гдѣ во владѣніяхъ маркграфини Баденской, его тещи, нетерпѣливо ожидала встрѣчи съ нимъ его супруга, императрица Елизавета Алексѣевна.

Извѣстно, что семейная жизнь Александра не принадлежала къ числу образцовыхъ, и что бракъ его съ дочерью баденскаго маркграфа далеко не могъ быть названъ счастливымъ. А между тѣмъ оба супруга обладали самыми выдающимися внѣшними и внутренними качествами и ничто, повидимому, не могло мѣшать счастливой совмѣстной жизни. Личность императора Александра намъ уже достаточно извѣстна. Мы знаемъ, какое чарующее обаяніе распространялъ онъ вокругъ себя, какою магическою силою привлекалъ онъ къ себѣ всѣ сердца. Императрица Елизавета [1]) казалась вполнѣ до-

[1]) Для характеристики Елизаветы едва ли не самымъ важнымъ источникомъ являются мемуары ея придворной дамы, А. С. Стурдзы, впослѣдствіи графини Эдлингъ. Мемуары эти изданы въ недавнее время, въ 1888 г., П. Бартеневымъ въ подлинникѣ, а въ русскомъ переводѣ напечатаны имъ же въ «Русскомъ Архивѣ».

стойною такого супруга. Прелестная какъ Психея, одаренная замѣчательнымъ умомъ, пламеннымъ воображеніемъ, чудесною граціею, она способна была увлекаться въ то же время самыми возвышенными идеями. Ея фигура, выраженіе лица, манера держать себя, манера въ которой соединялись самымъ непринужденнымъ образомъ величіе и простота, дѣлали ея предметомъ обожанія толпы. Повсюду, и при торжественныхъ парадныхъ пріемахъ, и въ салонѣ, и на улицѣ среди народа, и въ уединенной прогулкѣ, она производила одинаково сильное впечатлѣніе на всѣхъ, имѣвшихъ счастіе приблизиться къ ней. Лица, видѣвшія ее въ первый разъ въ большомъ обществѣ, приходили въ неописанный восторгъ отъ ея ума, граціи и красоты и называли ее не иначе, какъ «ангельская императрица». Полная сознанія своего личнаго превосходства, гордая древностью и знатностью своего рода, она умѣла вездѣ и повсюду поддержать свое достоинство, но умѣла въ то же время быть одинаково любезною какъ съ придворными дамами и кавалерами, такъ и съ людьми низшаго званія и простыми поселянами. Подобно своему супругу, Елизавета пренебрегала внѣшнимъ блескомъ и роскошною обстановкою. Она предпочитала вести скромный и по возможности простой образъ жизни. Подобно Александру, она избѣгала роскошныхъ дворцовъ и предпочитала жить въ загородномъ домѣ, на Каменномъ островѣ [1]), гдѣ ничто изъ всей обстановки не могло привести на мысль о пребываніи Высочайшихъ особъ. И въ стилѣ самой постройки, и въ убранствѣ комнатъ господствовала величайшая простота. Прелестная рѣка, по берегамъ которой виднѣлись многочисленныя дачи, утопавшія въ зелени, была главнымъ, можно сказать, единственнымъ украшеніемъ этого мѣста. Главный фасадъ дворца былъ окруженъ высокими, тѣнистыми деревьями; ворота парка были всегда открыты для прохожихъ. Никогда у входовъ не стояли часовые и только роскошные цвѣтники, окаймлявшіе дворецъ, составляли единственную преграду для любопытныхъ,

[1]) Объ образѣ жизни и о времяпрепровожденіи императрицы на Каменномъ островѣ см. Mémoires de la comtesse Edling, стр. 53 и слѣдующія.

желавшихъ подойти поближе къ окнамъ. Императрица Елисавета занимала въ этомъ скромномъ дворцѣ лишь нѣсколько небольшихъ покоевъ. Ея образъ жизни, особенно въ отсутствіе супруга, былъ самый регулярный. Она вставала очень рано и гуляла пѣшкомъ въ сопровожденіи одной или двухъ изъ своихъ дамъ нѣсколько часовъ, обыкновенно до самаго полдня. Въ пять часовъ происходилъ обѣдъ, на который собиралось отборное и нерѣдко многочисленное общество. Тутъ можно было встрѣтить и выдающихся государственныхъ сановниковъ и знатныхъ дамъ и иностранныхъ пословъ. Обѣдъ оканчивался въ семь часовъ и вслѣдъ затѣмъ императрица предпринимала прогулку въ экипажѣ, длившуюся обыкновенно нѣсколько часовъ. И зимою, императрица вела почти такую же однообразную жизнь, лишь изрѣдка прерываемую парадными пріемами и балами. Въ натурѣ Елизаветы было нѣчто, напоминавшее Александра и по способности къ увлеченію съ тою лишь разницею, что у нея было гораздо менѣе постоянства и болѣе гоньбы за внѣшнимъ успѣхамъ, нежели у него. Она увлекалась поочередно то чтеніемъ, то тѣмъ или другимъ искусствомъ, но обыкновенно все надоѣдало ей очень скоро. Она бросалась отъ одного занятія къ другому, оставляла одно увлеченіе для другого, но очень скоро разочаровывалась во всемъ и ни въ чемъ не могла найти настоящаго, полнаго удовлетворенія [1]).

У Елизаветы былъ, однакоже, и другой болѣе существенный недостатокъ, явившійся главнымъ источникомъ ея страданій, отравившій всѣ ея отношенія къ супругу. При всѣхъ своихъ блестящихъ качествахъ, она обладала холоднымъ сердцемъ, не способнымъ къ истинной горячей любви. Разсудокъ всегда господствовалъ въ ней надъ чувствомъ. Она благоговѣла передъ своимъ супругомъ, она высоко цѣнила его выдающіяся качества, она преклонялась предъ его героически-

1) Toujours entrainée par des prestiges, elle s'attacha tour—à—tour aux arts à l'étude, aux sentimens les plus passionnés, et toujours dégoutée et detrompée de tout, elle n'enrevit le bonheur qu'au moment ou la vie «allait lui échapper». Memoires de la comtesse Edling, стр. 57.

ми подвигами, но она не умѣла любить его. Извѣстно, что Елизавета отправилась къ Русскому двору помимо своихъ личныхъ желаній, повинуясь единственно волѣ своихъ родителей. Она не имѣла никакого понятія о той странѣ и народѣ, куда влекла ее ея судьба. Она трепетала при мысли, что ея ожидаетъ замужество съ полудикимъ варваромъ и горько рыдала, покидая свою прелестную родину. Она ѣхала наугадъ, такъ какъ никто не зналъ, на комъ остановится выборъ мператрицы Екатерины и юнаго Александра, на ней ли, или же на ея сестрѣ. И вотъ, она прибыла въ Россію, въ воображаемую страну варваровъ и уже одно ея появленіе вызвало всеобщую бурю восторга. Все преклонялось передъ нею, всѣ были въ восхищеніи отъ нея; императрица Екатерина остановила на ней свой выборъ, а юный Александръ влюбился въ нее до безумія. Она скоро освоилась съ новою средою, но не съумѣла поставить себя по отношенію къ своему юному супругу. Она смотрѣла на семнадцати-лѣтняго Александра, какъ на ребенка, она лишь снисходила къ нему съ высоты своего величія, но не любила его какъ мужа.

Проходили годы. Александръ возмужалъ, онъ прошелъ тяжелую школу испытаній и страданій при дворѣ своего отца; онъ вступилъ на престолъ при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Обремененный безчисленными дѣлами, окруженный тайными врагами и пошлыми льстецами, онъ искалъ людей, близкихъ къ нему и по натурѣ, и по убѣжденіямъ, людей, способныхъ войти въ его внутренній міръ, готовыхъ поддержать его въ его тяжелыхъ сомнѣніяхъ и страшныхъ колебаніяхъ. Онъ сошелся еще ближе съ товарищемъ своей ранней юности, кн. Чарторыжскимъ, онъ приблизилъ къ себѣ Новосильцева, Воронцова, Кочубея, но никто изъ этихъ лицъ не въ состояніи былъ дать ему того, что могла дать ему только подруга жизни. Императоръ долго и упорно искалъ такой подруги въ своей супругѣ, но Елизавета могла дать, по своей натурѣ, только ласку и дружбу, но не могла дать любви. И вотъ, Александръ, утомленный ея холодностью, ищетъ себѣ удовлетворенія на сторонѣ. Судьба сводитъ его съ женщиною

идеальной красоты [1]), она притворяется что любитъ его и онъ отдаетъ ей всецѣло свое сердце. Эта связь не укрывается отъ наблюденія двора, она дѣлается достояніемъ всего такъ называемаго высшаго общества. Какъ ни осторожно ведетъ себя императоръ, какъ ни деликатно продолжаетъ онъ относиться къ своей супругѣ, но все же симпатіи общества рѣшительно склоняются на сторону Елизаветы. Ее боготворятъ еще болѣе, нежели прежде, о ней сожалѣютъ повсюду; всѣ смотрятъ на нее, какъ на несчастную жертву, всѣ рѣзко порицаютъ Александра [2]). Императрица сама сознаетъ свое препревосходство передъ соперницей; но она не въ состояніи измѣнить разъ принятаго ею образа дѣйствій; она не можетъ внести нѣсколько болѣе кротости и естественности въ свои отношенія къ мужу. Она привыкла поражать и изумлять всѣхъ и она не можетъ примириться съ мыслью ухаживать за своимъ супругомъ. А тутъ еще вмѣшивается на бѣду третье лицо: принцесса Амалія Баденская, сестра императрицы, салонъ которой служитъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ кумушекъ высшаго круга. Сплетни, стекавшіяся въ этомъ салонѣ, обнаруживали самое гибельное вліяніе на императрицу [3]); ея сдержанность и холодность возростали постоянно и бездна, раздѣлявшая супруговъ, становилась съ каждымъ днемъ все глубже и глубже. Императоръ и безъ того не могъ уже забыть, какъ безучастно отнеслась къ нему Елизавета въ самый тяжелый моментъ его жизни, въ моментъ вступленія его на престолъ [4]), когда онъ такъ нуждался въ утѣшеніи и нравственной поддержкѣ. А тутъ начались еще

[1]) «M-me N., dont la beautè idèale ne se retrouvera jamais que daus les table aux de Raphael captivait alos l'Empereur, au grande chagrin de la nation qui aurait dèsiré voir l'Emperatrice Elisabeth heureuse épouse, heureuse mère». Memoires de la comtesse Edling. стр. 60.

[2]) «On l'aimait, on la plaignait; on blâmait l'Empereur, et la manie du public de Peterebourg d'en faire une victime augmentait encore le mal». Memoires de la comtesse Edling, стр. 61.

[3]) См. Memoires de la comtesse Edling, стр. 61.

[4]) «L'Empereur ne pouvait oublier qu'il avait été repoussé, au moment où son coeur avait le plus besoin de consolations, à l'èpoque de son avenement au trône». Memoires di la comtesse Edling, стр. 61.

эти мелочныя дрязги, эти вывѣдыванія и сплетни, способныя отравить и болѣе правильную семейную жизнь.

Отношенія между супругами не измѣнились и въ ту эпоху, когда для императора Александра наступила година самыхъ тяжелыхъ и страшныхъ испытаній. Мы знаемъ, что среди ужасовъ отечественной войны Александръ стоялъ въ сущности совершенно одиноко. Онъ одинъ на своихъ плечахъ долженъ былъ вынести тогда всю подавляющую тяжесть страшной задачи, возложенной на него Провидѣніемъ. И въ то время, когда вся нація объята была восторженнымъ чувствомъ патріотизма, государь видѣлъ вокругъ себя только малодушіе и постыдную трусость. Лица самыя близкія къ нему: его мать и братъ его, наслѣдникъ престола, дрожали при одномъ имени Наполеона и умоляли его заключить во что бы то ни стало миръ съ грознымъ завоевателемъ. Весь дворъ, за немногимъ исключеніемъ, слѣдовалъ ихъ примѣру. Государь видѣлъ вокругъ себя только опечаленныя лица и слышалъ только однѣ трусливыя и безнадежныя рѣчи. Императрица Елизавета держала себя по прежнему холодно и безучастно. Поглощенная своими мелочными интересами, она не принимала внутренняго участія въ великихъ и потрясающихъ событіяхъ, совершавшихся на ея глазахъ. Тяжелый внутренній кризисъ, переживаемый тогда Александромъ, остался для нея чуждымъ и незамѣтнымъ. Она не облегчила своимъ сердечнымъ участіемъ того гнетущаго горя, которое едва не довело его до отчаянія. Она не приняла никакого участія въ его религіозно-нравственномъ возрожденіи, и самый источникъ, изъ котораго почерпнулъ онъ, наконецъ, столь несвойственныя первоначально его натурѣ, непоколебимую твердость и гигантскую мощь духа, остался для нея невѣдомымъ и закрытымъ.

Императоръ уѣхалъ въ армію, онъ вступилъ на поприще чудесныхъ успѣховъ, неслыханной славы. Само собою понятно, что лучи этой славы должны были озарить своимъ сіяніемъ и ту, которая въ глазахъ всего свѣта считалась подругою его жизни. Народъ, упоенный великими и радостными вѣстями о побѣдахъ своего обожаемаго государя, спѣшилъ излить свой восторгъ прежде всего передъ императрицей. Ея

популярность, и безъ того уже громадная, возросла еще болѣе; повсюду ея встрѣчали самыми восторженными оваціями, а ея заботливое, чисто человѣчное, отношеніе къ несчастнымъ жертвамъ войны, къ раненымъ, усиливали еще болѣе всеобщія симпатіи къ ней [1]). Елизавета всецѣло поддалася этому новому для нея чувству. Она хорошо сознавала, что усиленный притокъ народной любви былъ на этотъ разъ прямымъ послѣдствіемъ великихъ подвиговъ, совершаемыхъ ея супругомъ. Она чувствовала, что народъ чтитъ теперь въ ней прежде всего императрицу, царственную супругу своего вѣнценоснаго вождя и естественно, что душа ея, способная искони къ самымъ возвышеннымъ и благороднымъ порывамъ, начала проникаться теперь до самой глубины своей чувствами восторженнаго удивленія къ человѣку, котораго знала она до сихъ поръ совсѣмъ съ другой стороны. Мелочныя чувства оскорбленнаго самолюбія и ревность отодвинулись далеко на второй планъ. То не была еще настоящая любовь, но во всякомъ случаѣ что-то близкое къ ней, что-то родственное съ ней. Ея прежняя однообразная жизнь, съ которою такъ свыклась она, вдругъ опротивѣла ей, ее начало тянуть туда, на поприще столькихъ страданій, побѣдъ и славы; въ ней вдругъ загорѣлось желаніе увидѣть того, чье имя было теперь на устахъ у всѣхъ, кого благословляли теперь всѣ народы Европы, какъ своего освободителя. Но ея порывамъ, ея желаніямъ не суждено было осуществиться на этотъ разъ такъ скоро. Весь 1813 годъ прошелъ въ томительномъ ожиданіи и только въ самомъ концѣ его императрица получила, наконецъ, отъ своего супруга давно ожидаемое разрѣшеніе ѣхать въ Германію и ожидать во владѣніяхъ своей матери его возвращенія изъ Франціи. Но и въ этотъ рѣшительный моментъ ея жизни обнаружилась вся странная двойственность ея натуры. Повидимому, она была всецѣло поглощена ожидавшимъ ея счастіемъ, но въ то же время она совершенно терялась въ мелочныхъ заботахъ и хлопотахъ, неизбѣжно сопряженныхъ

[1]) См. Memoires de la comtesse Edling, ст. 96, 97, гдѣ говорится между прочимъ и о ея романтическомъ пристрастіи къ испанцамъ.

со всякой отдаленной поѣздкой, особенно въ тѣ времена. Казалось, что ей было тяжело разстаться съ своимъ старымъ гнѣздомъ и со своими повседневными привычками. Она суетилась и входила въ такія подробности, которыя должны были оставаться для нея совершенно чуждыми. Суровое время года, былъ конецъ декабря и стояли лютые морозы, и неудачный выборъ лица, распоряжавшагося всѣмъ поѣздомъ, увеличивали еще болѣе ея затрудненія и портили настроеніе духа. Оберъ камергеръ А. Л. Нарышкинъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ образцовый придворный, но въ то же время человѣкъ крайне непрактическій и безтолковый. Своими распоряженіями онъ создавалъ только путаницу и сбивалъ всѣхъ только съ толку. Императрица никакъ не могла отнестись спокойно ко всѣмъ этимъ мелочамъ; она волновалась, даже выходила изъ себя отъ всякаго противорѣчія, отъ всякой, въ сущности ничтожной, непріятности. Ея настроеніе духа было самое тяжелое и всѣ лица, стоявшіе болѣе къ ней близко, находились во все время этой поѣздки подъ самымъ тяжелымъ гнетомъ. Императрица овладѣвала собою вполнѣ, только тогда, когда ей приходилось бывать въ большомъ обществѣ. Тутъ ея природный умъ, и ея неподражаемая грація и ея умѣнье управлять даже самымъ большимъ кругомъ разнообразныхъ людей, обнаруживались во всемъ своемъ блескѣ [1]).

На пути императрицу ожидалъ повсюду самый сердечный и восторженный пріемъ. Уже въ Ригѣ и другихъ городахъ, лежавшихъ на пути, народъ встрѣчалъ ея съ неслыханнымъ восторгомъ. Повсюду устраивались въ честь ея парадныя встрѣчи, иллюминаціи, балы; вездѣ носили ее на рукахъ, вездѣ встрѣчали, какъ встрѣчаютъ дѣти свою родную мать. Энтузіазмъ населенія нисколько не ослабѣлъ, когда императрица въѣхала въ предѣлъ прусскаго королевства. «Мы», пишетъ очевидица, «были встрѣчены всеобщимъ энтузіазмомъ и благословеніями. Вся нація всецѣло отдавалась чувству глубокой признательности, одушевлявшей ее по отношенію къ Россіи. Позже этотъ благородный порывъ былъ отравленъ

[1]) См. Memoires de la comtesse Edling, стр. 108 и слѣдующія.

боязнію и завистью, но тогда мы видѣли вокругъ себя только счастливыя, радостныя лица и имя Александра было у всѣхъ на устахъ» [1]). Лица, сопровождавшія императрицу, вполнѣ упивались этой восторженною встрѣчею, но очень многія изъ нихъ совершенно опускали изъ виду, какъ много горечи примѣшивалось во всемъ этомъ лично для императрицы. Ни на минуту не покидало ее тяжелое сознаніе, что она была, правда, законная супруга Александра, но супруга почти покинутая и забытая. Это тяжелое чувство грызло ея днемъ и ночью, омрачало ея душевный покой, дѣлало ея раздражительной и подчасъ крайне тяжелою для людей наиболѣе близкихъ къ ней. Неудивительно, что она тяготилась этими вѣчными, то восторженными, то офиціально натянутыми пріемами и торжествами и спѣшила добраться какъ можно скорѣе до своего роднаго Бадена, гдѣ ожидали ее свиданіе съ матерью и съ родными и гдѣ было на каждомъ шагу столько дорогихъ для нея воспоминаній дѣтства [2]).

Императрица поселилась по выбору своей матери въ Брухзалѣ, въ старомъ готическомъ замкѣ, бывшей резиденціи Шпейрскихъ епископовъ, и лишь по временамъ пріѣзжала въ Карлсруэ, резиденцію великаго герцога, гдѣ всегда было, разумѣется, болѣе шумно и беспокойно, нежели въ старомъ епископскомъ гнѣздѣ. Замокъ отдѣланъ былъ, впрочемъ, внутри почти за ново и, по возможности, убранъ въ ожиданіи высокой гостьи [3]). Многочисленная родня императрицы стеклась сюда на время ея пріѣзда со всѣхъ концовъ Германіи. Среди блестящаго общества выдавались особенно сестра императрицы, королева Шведская, прибывшая сюда съ своимъ четырнадцатилѣтнимъ сыномъ и великая герцогиня Стефанія Баденская, родственница Наполеона. Обѣ эти женщины находились въ крайне тяжеломъ и ненормальномъ положеніи. Одна изъ нихъ, королева Шведская, была лишь по имени короле-

[1]) См. Memoires de la comtesse Edling, стр. 114.

[2]) См. Memoires de la comtesse Edling, стр. 115 и слѣдующія. Тамъ же см. подробности о пребываніи императрицы въ Берлинѣ и Веймарѣ.

[3]) См. Memoires de la comtesse Edling, стр. 126.

вой, а въ дѣйствительности изгнаницей; другая, герцогиня Стефанія страдала, съ одной стороны, подъ гнетомъ тяжелаго несчастія, обрушившагося на всю фамилію Бонапарте, а съ другой, вынуждена была бороться съ антипатіями, своего супруга, великаго герцога Баденскаго. И обѣ эти женщины держали себя совершенно различно. Герцогиня Стефанія вела себя крайне скромно и сумѣла привлечь къ себѣ всеобщую любовь; тогда какъ королева Шведская поражала всякаго наблюдателя своею крайне пикантною красотою и злою своею улыбкою. Казалось, что всѣ страшныя несчастія, постигшія эту женщину, прошли для нея совершенно безслѣдно, не оставивъ никакихъ слѣдовъ ни на ея внѣшности, ни на ея поведеніи [1]).

Въ замкѣ не было впрочемъ недостатка въ самомъ разнообразномъ обществѣ. Изъ царственныхъ особъ чаще всего посѣщали Брухзалъ великій герцогъ Баденскій, наслѣдный принцъ Дармштадтскій, женатый на младшей сестрѣ императрицы, а также и король Баварскій съ своею супругою, старшею сестрою императрицы [2]) и, наконецъ, впрочемъ, лишь на самое короткое время, великая княгиня Анна Ѳеодоровна, супруга великаго князя Константина Павловича. Понятно, что за всѣми такими лицами ѣхало обыкновенно не мало придворныхъ обоего пола. Съ самой императрицею прибыли изъ Россіи, кромѣ оберъ-камергера А. Л. Нарышкина, «главнаго, по выраженію Шишкова, надъ театральными зрѣлищами и музыкою директора, извѣстнаго остряка, богача, оставившаго своимъ сыновьямъ нѣсколько милліоновъ долгу» [3]), князь А. М. Голицынъ камергеръ и гофмейстеръ, секретарь императрицы Н. М. Лонгиновъ, лейбъ-медикъ Штофрегенъ [4]), княгиня Прозоровская, вдова извѣстнаго фельдмаршала, простая

[1]) См. Memoires de la comtesse Edling, стр. 127.

[2]) См. Записки А. С. Шишкова, гдѣ говорится, между прочимъ: «Король Баварскій веселъ и шутливъ, а она, хотя и не очень хороша лицомъ, но ловкая и престатная собою женщина». Стр. 282.

[3]) См. Записки А. С. Шишкова, т. I, стр. 280.

[4]) Къ этому Штофрегену немедленно отправился Шишковъ, дабы представить ему на провѣрку рецепты, прописанные нѣмецкими докторами. Записки, т. I, стр. 280.

русская, какъ замѣчаетъ Шишковъ, но предобрая и предпочтенная барыня и фрейлины: Е. П. Валуева [1]) и А. С. Стурдза. Изъ всѣхъ названныхъ лицъ едвали не самая выдающаяся была послѣдняя. По происхожденію гречанка изъ знатной фанаріотской фамиліи, но попавшая съ самаго ранняго дѣтства въ Россію, превосходно образованная, одаренная пламеннымъ воображеніемъ, глубоко религіозная и, при всемъ своемъ идеализмѣ, скромная и не притязательная, она была, по замѣчанію Вигеля, одна изъ умнѣйшихъ и любезнѣйшихъ женщинъ, которыхъ онъ когда-либо знавалъ [2]).

Полнѣйшую противоположность дѣвицѣ Стурдза представлялъ другой выдающійся русскій, также прибывшій въ скоромъ времени въ Брухзаль, старый знакомый нашъ, адмиралъ Шишковъ. Шишковъ былъ также искренно религіозный человѣкъ, но у него не было и тѣни того энтузіазма, того мистическаго настроенія, которыми проникнута была насквозь молодая фрейлина императрицы. Вѣрный сынъ православной церкви, Шишковъ, подобно другимъ своимъ современникамъ, видѣлъ во всѣхъ совершающихся на его глазахъ великихъ событіяхъ непосредственныя проявленія Божественнаго Промысла, правящаго судьбами царствъ и народовъ. Онъ благоговѣлъ, онъ преклонялся передъ высшею волею Творца, но онъ не стремился проникнуть въ сокровенныя тайны Божественнаго міроправленія. Мистическое міровоззрѣніе было ему совершенно чуждо, а религіозный экстазъ, проявлявшійся тогда вокругъ него и притомъ нерѣдко въ самыхъ странныхъ, чтобы не сказать, причудливыхъ формахъ, былъ ему въ высокой степени антипатиченъ. Его трезвый, простой взглядъ на жизнь, его чисто русская натура, не лишенная, впрочемъ, весьма значительной доли барской спѣси, заставляли его относиться съ презрѣніемъ къ этимъ пророкамъ и пророчицамъ, къ этимъ истолкователямъ Божественнаго Промысла, къ этимъ

[1]) Это та самая Валуева, которая никакъ не могла простить Стурдзѣ то предпочтеніе, которое оказывали ей императоръ и императрица. См. Memoires de la comtesse Edling, 111.

[2]) См. Воспоминанія Вигеля, часть V, стр. 66.

новомоднымъ аскетамъ и мистикамъ. Всѣ они казались ему или просто ханжами, или полоумными фанатиками.

Шишковъ не могъ, по случаю своей болѣзни, сопровождать государя во Францію. Волею или неволею, а ему пришлось оставаться въ Баденѣ, ожидая пріѣзда императрицы. Старикъ страшно скучалъ за Россіею, за своею семьею, а извѣстія, приходившія изъ Франціи, то радостныя, то сомнительныя и тревожныя, глубоко волновали его, а подчасъ выводили изъ себя. Его ненависть къ Наполеону, къ французамъ и ко всему французскому достигли въ это время до своего апогея. Либеральныя идеи, столь распространенныя тогда и среди русскаго общества, казались ему однимъ изъ зловреднѣйшихъ порожденій французскаго якобинизма. Онъ глубоко скорбѣлъ, что и самъ Александръ поддался вліянію этихъ тлетворныхъ ученій, и ненавидѣлъ въ душѣ Лагарпа, котораго онъ считалъ извратителемъ государя [1]).

Мучимый своими мыслями, Шишковъ былъ крайне обрадованъ пріѣздомъ императрицы и сопровождавшихъ ея русскихъ. Нѣмцы надоѣли ему и онъ спѣшилъ отдохнуть въ родномъ для него обществѣ. «Всѣ мы, русскіе, съѣхавшись съ разныхъ сторонъ», говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, «обрадованы были свиданіемъ другъ съ другомъ. Въ чужой землѣ встрѣчающіеся одноземцы обыкновенно скорѣе познакомливаются и дружнѣе бываютъ, чѣмъ въ своей». Нельзя,

[1]) До чего доходила ненависть Шишкова къ Лагарпу видно изъ слѣдующаго отрывка его воспоминаній: «Но были и досаждавшія меня извѣстія. Однажды, передъ самымъ обѣдомъ въ маркграфининыхъ покояхъ, увидя лежащія на столикѣ вѣдомости, взялъ я ихъ и между прочимъ прочиталъ въ нихъ слѣдующее: «Россійскій императоръ пожаловалъ Лагарпу Андреевскій орденъ, и возлагая на него оный сказалъ, что онъ обязанъ ему воспитаніемъ своимъ, и безъ него не былъ бы то, что онъ есть». Я бросилъ съ негодованіемъ вѣдомости и оборотясь къ стоявшему подлѣ меня А. Л. Нарышкину, сказалъ: «Не могу безъ огорченія слышать о подобныхъ наградахъ и еще сопровождаемыхъ такими неприличными выраженіями». Въ это самое время, въ непримѣту мнѣ, вошла императрица, и услыша слова мои, усмѣхнувшись сказала: «Мнѣ очень хочется узнать, что такое васъ растревожило». Промолвя сіе, взяла вѣдомости и стала читать. Я былъ въ великомъ смущеніи, воображая, что она догадается; но по счастью вслѣдъ за нею вышла маркграфиня, и она должна была, оставя вѣдомости, идти съ нею къ столу». См. записки, т. I, стр. 292.

впрочемъ, сказать, чтобы полу-русское, полу-иноземное общество, собравшееся теперь въ Брухзалѣ, вело особенно задушевную или оживленную жизнь. Напротивъ, въ этомъ кружку господствовала довольно монотонная, чтобы не сказать, скучная повседневность. «Упражненія наши», говоритъ Шишковъ, «были весьма однообразны; въ три часа обѣдъ, а потомъ по крайней мѣрѣ цѣлый часъ разговоровъ, стоя на ногахъ; въ семь часовъ чай, и послѣ того игра по 12 крейцеровъ въ бостонъ до самаго ужина». Шишковъ, впрочемъ, умѣлъ составить себѣ довольно подходящую партію: онъ игралъ обыкновенно съ принцемъ Дармштадтскимъ, Нарышкинымъ, или, за его отсутствіемъ, съ княгинею Прозоровскою и съ гофмаршаломъ велико-герцогскаго двора. «Цѣна недорогая, замѣчаетъ Шишковъ, но за то презабавная партія, по причинѣ учтивой торопливости принца и скупости гофмаршала» [1]).

Жизнь при мелкихъ нѣмецкихъ дворахъ отличалась въ тѣ времена какою-то странною смѣсью простоты и патріархальности съ чопорною натянутостью и напыщеннымъ этикетомъ. «О маркграфининомъ образѣ жизни, замѣчаетъ Шишковъ, хотя и нельзя сказать того, что императрица Екатерина Великая говаривала о нѣмецкихъ владѣтельныхъ князьяхъ: чѣмъ богаче мундиръ и ливрея, тѣмъ меньше дворъ, однакожъ это совершенно справедливо: въ Баденскомъ герцогствѣ считаютъ семнадцать дворцевъ, а вся земля «меньше одной нашей губерніи» [2]). Количеству дворцевъ соотвѣтствовалъ, вполнѣ, строгій этикетъ и величавая внѣшность придворной жизни. Маркграфиня, породнившаяся благодаря своему многочисленному семейству съ столькими выдающимися династіями (у нея было семь дочерей), была женщина вполнѣ поглощенная внѣшностью и представительствомъ. Натура холодная, флегматическая, но въ то же время суетливая, она была чужда всякой сердечности. Она состарѣлась въ атмосферѣ этикета и высоко-аристократическихъ предразсудковъ: малѣйшее уклоненіе отъ такъ называемыхъ правилъ и приличій

[1]) См. Записки А. С. Шишкова, т. I, стр. 282.

[2]) См. Записки А. С. Шишкова, стр. 282.

казалось ей чуть не преступленіемъ. Она задавала тонъ при этомъ дворѣ, и всѣ, не исключая самой императрицы, должны были подчиниться ей. Къ обѣду всѣ должны были являться en grande tenue (т. е. въ большомъ туалетѣ). Ихъ величества, ихъ высочества и ихъ придворные обмѣнивались при этомъ изо дня въ день одними и тѣми же поклонами и реверансами, одними и тѣми же вопросами и отвѣтами. Послѣ обѣда слѣдовали монотонные разговоры, и счастливъ былъ тотъ, кто могъ отдохнуть послѣ нихъ въ маленькомъ салонѣ А. С. Стурдзы, гдѣ собирались, по преимуществу, молодые и менѣе высокопоставленные члены придворнаго кружка, и гдѣ господствовали искренная веселость, взаимная уступчивость и непринужденность. Въ семь часовъ новый парадный сборъ къ чаю. Всѣ величества и высочества помѣщались при этомъ въ большомъ кабинетѣ, двери котораго открывались въ салонъ, гдѣ собиралась свита. Въ кабинетѣ царствовали скука и натянутость; въ салонѣ раздавались оживленные разговоры и смѣхъ. Это послѣднее обстоятельство нерѣдко выводило изъ себя маркграфиню. «Наша веселость, говоритъ Стурдза, вызывала видимо зависть въ большомъ кабинетѣ и производила не малый соблазнъ» [1]).

Еще труднѣе было поддержать маркграфинѣ правила своего священнаго этикета въ особыхъ экстренныхъ случаяхъ. Пріѣхалъ, напримѣръ, какой-то англичанинъ, путешествовавшій въ Камчаткѣ и Китаѣ и привезъ съ собою «двухъ тамошнихъ уроженцевъ». Они представляли Китайскую драму въ присутствіи всего двора. На потѣху сбѣжались глазѣть не только дворня, но и множество сосѣднихъ поселянъ. Безъ церемоніи обступили они весь дворецъ, лезли смотрѣть въ окна, тѣснились у отворенныхъ дверей. О какомъ бы то ни было порядкѣ, или полицейскомъ надзорѣ не было, разумѣется, и рѣчи. Черезъ нѣсколько дней новая потѣха. Охотники нашли въ сосѣднемъ лѣсу молодого оленя съ восемью

[1]) См. Memoires de la comtesse Edling, стр. 127 и слѣд. Тамъ же характеристика маркграфини.

ногами и принесли его показывать въ замокъ. Смотрѣлъ на диковинку весь дворъ, сбѣжалась смотрѣть и вся дворня [1]).

Иногда маркграфиня вмѣстѣ съ своими высокими гостями предпринимала небольшія прогулки пѣшкомъ въ окрестности замка. На такихъ прогулкахъ все отличалось полною свободою, и о какомъ бы то ни было чинномъ этикетѣ не было и помину. Отправлялись, напримѣръ, пить кофе въ сосѣднюю деревушку. Тамъ въ крестьянскомъ огородѣ ставились два стола, накрытые скатертями. За одинъ столъ садилась вся маркграфинина семья, за другимъ помѣщалась свита. «Вся деревня», говоритъ очевидецъ, «собиралась отъ стараго до малаго вокругъ насъ» [2]). Или предпринимали поѣздку по Неккару на лодкахъ. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, по полученіи извѣстія о взятіи Парижа, брали съ собою музыкантовъ, палили изъ пушекъ. Народъ сбѣгался изъ окрестностей безчисленными толпами. Весь Неккаръ покрывался большими и маленькими лодками. Отовсюду раздавались радостныя восклицанія: да здравствуетъ русская императрица Елизавета Алексѣевна! На каждой пристани императрицѣ подносятъ подарки крестьянскія дѣвочки. Одна приноситъ букетъ цвѣтовъ, другая корзину съ цвѣтами; та барашка, сдѣланнаго изъ масла, та приводитъ живую овечку, убранную лентами, а та подноситъ на блюдечкѣ пару живыхъ горлинокъ. «Пріятно, говоритъ очевидецъ, было смотрѣть на сіе простое, но искреннее изъявленіе любви и усердія» [3]).

Случалось, что на маркграфиню находило сентиментальное настроеніе. Она начинала вспоминать о тѣхъ прежнихъ счастливыхъ временахъ, когда ея дочери только что подростали

[1]) См. записки А. С. Шишкова, т. I, стр. 300.

[2]) Записки А. С. Шишкова т. I, стр. 294—295

[3]) См. Записки А. С. Шишкова, т. I, стр. 295 и слѣдующія. «Странно было для русскаго уха, замѣчаетъ онъ между прочимъ, и нельзя было не разсмѣяться, когда народъ кричалъ: ура Алексѣевна! виватъ Алексѣевна! Они думали поддѣлаться этимъ подъ русскій языкъ, потому что у насъ отечественное имя въ употребленіи, но того не могли знать, что безъ приложенія къ нему собственнаго имени оно дико, и только о простыхъ и пожилыхъ женщинахъ говорится».

и когда положено было начало тѣмъ брачнымъ союзамъ, которые такъ подняли значеніе ея дома. «Однажды», разсказываетъ Шишковъ, «Императрица съ матерью поѣхали прогуливаться и меня взяли съ собою. Маркграфиня предувѣдомила меня, что она, не сказывая императрицѣ, везетъ ее въ то мѣстечко и рощицу, гдѣ она въ первый разъ объявила ей о присланномъ за нее отъ Россійскаго двора сватовствѣ. По пріѣздѣ туда я съ любопытствомъ смотрѣлъ на императрицу, но не примѣтилъ въ лицѣ ея никакой перемѣны; она ни слова о томъ не говорила, и, казалось, съ равнодушіемъ вошла и гуляла по сей рощицѣ» [1]). Очевидно, что маркграфиня дѣйствовала и въ этомъ случаѣ не безъ разсчета. Она желала возбудить въ своей дочери сладостныя воспоминанія о томъ времени ея жизни, когда она вся еще была полна надеждъ, когда она, быть можетъ, мечтала найти въ Россіи не только высшія земныя почести, но и высшее земное счастіе. Маркграфиня знала, разумѣется, лучше кого-либо о полномъ отчужденіи между своею дочерью и ея мужемъ, но императоръ Александръ въ свой послѣдній проѣздъ черезъ Карлсруэ, обнаружилъ столько любезности по отношенію къ своей тещѣ, былъ такъ ласковъ и нѣженъ съ нею, что въ ней невольно возродилась надежда примирить и соединить вновь супруговъ. Она рѣшилась взять на себя роль посредницы, но эта роль оказалась ей не по силамъ. Для этого ей не доставало самаго важнаго: теплоты чувства и умѣнія. Холодная, погрязшая во внѣшности, она хлопотала болѣе о сохраненіи достоинства своей дочери, о соблюденіи правилъ этикета, нежели о достиженіи настоящей своей цѣли. Своими совѣтами она могла скорѣе удалить Елизавету отъ супруга, нежели сблизить съ нимъ [2]).

А между тѣмъ, Александръ именно теперь долженъ былъ

[1]) Записки А. С. Шишкова, т. I, стр. 283.

[2]) Mais jamais personne ne fut moins faite pour le rôle aimable de conciliateur: toujours froide, embarrassée, de mauvaise humeur, la margrave ne connaissait point le langage du coeur. Elle avait vielli dans une atmosphère d'etiquette et d'orgueilleux préjugés qui la rendait souvent injuste, toujours malheureuse». См. Memoires de la comtesse Edling, стр. 131.

предстать передъ императрицею во всемъ чарующемъ блескѣ несравненнаго героя, затмившаго своими сказочными подвигами всѣхъ великихъ людей древности. Послѣ нѣсколькихъ томительно долгихъ мѣсяцевъ ожиданія, неизвѣстности, сомнѣній, страха грянула по всей Европѣ несказанно радостная вѣсть о низложеніи Наполеона, о взятіи Парижа. Въ Брухзаль великая вѣсть пришла совершенно неожиданно. Былъ уже вечеръ, и все общество собралось за чаемъ, когда внезапно явился курьеръ. Восторгъ былъ всеобщій. Большой кабинетъ опустѣлъ, этикетъ былъ забытъ совершенно. Всѣ смѣшались въ одну оживленную, радостную группу; всѣ обнимали, поздравляли другъ друга; у всѣхъ на глазахъ блистали слезы радости. Какое торжество! какое вступленіе! раздавалось отовсюду. Свѣтъ не видалъ до сихъ поръ ничего подобнаго. Какой контрастъ съ побѣднымъ вступленіемъ Наполеона въ Москву! Тамъ гробовое молчаніе смерти, тамъ ужасы пожара, разрушенія и кровопролитія. А здѣсь! Народъ бѣжитъ несмѣтною толпою за императоромъ; цѣлуютъ у него ноги, называютъ своимъ избавителемъ... Женщины выпрашиваютъ у нашихъ офицеровъ лошадей, чтобы взглянуть на него поближе. Сто тысячъ рукъ изъ оконъ машутъ бѣлыми, платками; повсюду крики: миръ! миръ! какой хотите! [1]).

«Можно себѣ представить здѣшнюю радость» пишетъ Шишковъ, «по полученіи сего извѣстія. Но, что я говорю здѣшнюю? она вездѣ была одинакова. Вотъ до какой степени могъ возмутить одинъ человѣкъ спокойствіе всѣхъ державъ! Между тѣмъ не явно ли видна здѣсь рука Божія! Никто не думалъ о взятіи Парижа, о низверженіи Наполеона и еще меньше о возведеніи Людовика XVIII на прародительскій престолъ, и все это само собою сдѣлалось!» [2]) И эти мысли приходили тогда въ голову всѣмъ и каждому, и имя, Алек-

[1]) См. Записки А. С. Шишкова, стр. 284; Memoires de la comtesse Edling, стр. 129.

[2]) Записки А. С. Шишкова. Тамъ же читаемъ: «Такимъ образомъ простолюдинъ сей (т. е. Наполеонъ), вознесшійся изъ ничего выше всѣхъ и надувавшійся какъ пузырь, вдругъ лопнулъ, и всѣ отъ него отказались. Дѣльно, люблю видѣть гордость въ униженіи, невѣжество въ презрѣніи и злодѣя въ поруганіи» стр. 284.

сандра, свершителя этихъ чудныхъ подвиговъ, повсюду приводилось въ связь съ именемъ Всевышняго Творца. Вездѣ, и люди высокообразованные, и люди простые смотрѣли на Александра какъ на избранника Провидѣнія, какъ на свершителя Его предначертаній!

Такая мысль нашла себѣ особенно ясное и полное выраженіе въ средѣ тѣхъ высоко религіозно-настроенныхъ лицъ, съ которыми судьба свела въ это время императрицу. Но нальзя сказать, чтобы встрѣча съ этими лицами произвела на Елизавету какое-нибудь замѣтное впечатлѣніе. Занятая исключительно своимъ личнымъ, всецѣло поглощавшимъ ее, дѣломъ; чуждая еще въ это время жизни внутренней, религіозной, она могла отнестись лишь съ любопытствомъ къ такимъ страннымъ по внѣшности энтузіазстамъ, какими были проживавшіе тогда въ сосѣднемъ Баденѣ Лифляндская баронесса Ю. Ф. Кридинеръ и извѣстный мистикъ Юнгъ-Штиллингъ. Не на одну, врочемъ, только императрицу, но и на совершенно противоположныхъ ей, по своей натурѣ, людей, лица эти не только не обнаруживали никакого обаянія, а напротивъ казались скорѣе антипатичными. Къ числу такихъ людей, относившихся къ мистикамъ и пророкамъ съ крайнимъ недовѣріемъ, чтобы не сказать, отвращеніемъ, принадлежалъ и Шишковъ. Восторженные энтузіасты и энтузіастки казались ему прежде всего ханжами, а у него было, по собственнымъ словамъ его, отвращеніе отъ всякаго рода ханжества. Вдохновенныя рѣчи мистиковъ казались ему высокопарными умствованіями, и онъ никоимъ образомъ не могъ понять, въ чемъ же заключалось смиренномудріе этихъ людей, о которомъ они любили толковать такъ много. «Посѣтилъ меня, разсказываетъ Шишковъ въ своихъ запискахъ, и нѣкто господинъ Штиллингъ, человѣкъ уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, и хотя мнѣ сказывали, что государь въ проѣздъ свой неоднократно принималъ его и охотно съ нимъ бесѣдовалъ, однакожъ видъ его и нѣкоторая открывающаяся иногда странность въ мысляхъ не понравились мнѣ, такъ что сухимъ моимъ пріемомъ отнялъ я у него охоту впредь посѣщать меня» [1]).

[1]) См. записки А. С. Шишкова, Т. I, стр. 281.

Столь же неблагопріятное впечатлѣніе, хотя и нѣсколько въ иномъ родѣ произвела на Шишкова и Криднерша, какъ называетъ онъ ее, «извѣстная своими особенными о вѣрѣ и набожности умствованіями и дѣлами». Государственный секретарь увидѣлъ ее впервые въ Раштатѣ у графини Витгенштейнъ и «баронша» произвела на него всѣмъ своимъ видомъ и рѣчами такое сильное впечатлѣніе, что онъ возъимѣлъ желаніе познакомиться съ нею поближе. Спустя нѣсколько дней Шишковъ отправился къ Криденеръ и бесѣдовалъ съ нею довольно долго, разумѣется, о религіозныхъ вопросахъ. «Сперва, говоритъ онъ, показалась она мнѣ остроумною женщиною, но скоро примѣтилъ я, что она, возносясь иногда выше предѣловъ ума, терялась въ высокопарныхъ умствованіяхъ и вмѣсто смиренномудрія тщеславилась показать себя вдохновенною». Шишковъ, однакоже видимо былъ заинтересованъ Криденеръ и желая узнать ее покороче, онъ через нѣкоторое время посѣтилъ ее вторично. И на этотъ разъ государственный секретарь долго бесѣдовалъ съ «бароншею», но, къ сожалѣнію, онъ не передалъ намъ содержаніе этой бесѣды. Разговоръ продолжался уже довольно долго, когда въ комнату вошла дочь г-жи Криденеръ и шепнула что-то на ухо матери. Шишковъ уже слышалъ, что къ баронессѣ собираются въ извѣстные часы вѣрующіе на поученіе или молитву, и догадался «о чемъ было сіе шептаніе», но онъ притворился, какъ будто ничего не знаетъ и продолжалъ спокойно сидѣть на мѣстѣ. Криденеръ видимо была смущена и недоумѣвала, какъ ей отдѣлаться отъ Шишкова. Наконецъ, она объяснила ему въ чемъ дѣло. «Я также христіанинъ, возразилъ ей Шишковъ, отчего же мнѣ не помолиться съ вами». «Пожалуйте, ежели это вамъ угодно», отвѣчала Криденеръ. Вслѣдъ за тѣмъ она повела своего гостя внизъ. Они очутились въ довольно большой комнатѣ; здѣсь, на скамьяхъ сидѣло много людей обоего пола и самыхъ различныхъ состояній. Въ концѣ комнаты сидѣлъ за столикомъ съ бумагами какой-то человѣкъ, ничѣмъ не отличавшійся по своей внѣшности, или одѣянію. Онъ началъ читать одинъ изъ псалмовъ Давида и по прочтеніи каждаго стиха дѣлалъ небольшую па-

узу. Тогда все собраніе тихимъ пѣніемъ повторяло прочитанный стихъ. «Окончa такимъ образомъ псаломъ», говоритъ Шишковъ, «началъ онъ читать довольно длинную, но весьма нравоучительную проповѣдь». Собраніе внимало проповѣди съ величайшимъ вниманіемъ и въ глубокой тишинѣ. Затѣмъ послѣдовало чтеніе и пѣніе другого псалма, чѣмъ и закончилась молитва. «Прощаясь съ Криднершею, говоритъ Шишковъ, я поблагодарилъ ее за доставленное мнѣ удовольствіе, и подумалъ: если только одно это въ собраніяхъ ея происходитъ, то хотя хочется ей прослыть у легковѣрныхъ людей посланною отъ небесъ жрицею, и хотя такое суетное въ ней тщеславіе предосудительно, однакожъ, дѣйствіе, мною видѣнное, ничего въ себѣ худого не заключаетъ» [1]).

Очевидно, что г-жа Криденеръ держала себя на свиданіяхъ съ Шишковымъ съ большимъ тактомъ и сдержанностью. Она тотчасъ же поняла, что у этого умнаго, но въ то же время крайне сухого и трезваго человѣка не можетъ быть ничего общаго съ нею. Она нашла возможнымъ познакомить его только съ внѣшнимъ культомъ своей религіи, но она не отважилась ввести его въ тотъ странный внутренній міръ, въ который тогда она начала уже погружаться. Совершенно иначе отнеслась баронесса къ другому гостю, посѣтившему ее въ это же время. То была извѣстная намъ дѣвица Стурдза, воспользовавшаяся первою же поѣздкою двора въ Баденъ, чтобы познакомиться поближе съ женщиною, разсказы о которой ходили тогда уже по всей южной Германіи. Восторженная, проникнутая глубокимъ и искреннимъ религіознымъ чувствомъ, Стурдза искала сближенія съ баронессою Криденеръ и съ Юнгъ-Штиллингомъ, такъ какъ смутно сознавала, что въ этихъ людяхъ есть что-то родственное, тождественное съ нею. Въ своихъ мемуарахъ, написанныхъ гораздо позже этой первой встрѣчи съ ними, она говоритъ о нихъ тѣмъ не менѣе въ какомъ-то восторженномъ тонѣ. «Въ Баденѣ», замѣчаетъ она, «я сошлась близко съ двумя существами, отдавшимися созерцанію высшихъ, божественныхъ предметовъ, съ жа-

[1]) См. Шишковъ, Записки, т. I, стр. 281—82.

ромъ и вѣрою, достойными особаго вниманія. M-me Криденеръ и Юнгъ-Штиллингъ отнеслись ко мнѣ съ истинно-христіанскою любовью, вдвойнѣ для меня цѣнною, вращавшеюся въ пустой средѣ. Я пользовалась каждою свободною минутою, чтобы бѣжать къ нимъ отъ царствовавшей при дворѣ скуки. М-мъ Криденеръ обитала тогда въ небольшомъ домикѣ. Сюда стекались къ ней бѣдняки, несчастные, дѣти, а иногда и люди свѣтскіе, приходившіе, подобно мнѣ, подышать въ болѣе чистой атмосферѣ любви и мира. Въ эту эпоху своей жизни она искала Бога въ дѣлахъ нѣжной благотворительности, добровольной бѣдности и восторженнаго религіознаго созерцанія. Лишь впослѣдствіи эта восторженность подѣйствовала потрясающимъ образомъ на всю ея внутреннюю организацію. Тогда весь свѣтъ вокругъ нея подернулся таинственнымъ мистическимъ покровомъ; и физическая и нравственная природа населились для нея призраками, не дававшими ей покоя. Но и среди своихъ заблужденій она оставалась всегда тою же доброю, глубоко симпатичною женщиною. Ея душа всегда была открыта для всѣхъ несчастныхъ и никогда не отказывала она въ слезѣ сочувствія къ страданіямъ и ошибкамъ себѣ подобныхъ» [1]).

Не меньше впечатлѣніе произвелъ на Стурдзу и Юнгъ-Штиллингъ, «эта пламенная, какъ говоритъ она, и чистая душа, это существо, способное идти по стопамъ Фенелона, если бы только его вѣра руководилась положительною религіею. Но Юнгъ родился въ средѣ протестантской церкви, а протестантизмъ не могъ предохранить его отъ увлеченія фантастическими теоріями. Впрочемъ, эти теоріи не въ силахъ были извратить его чистаго сердца. Юнгъ-Штиллингъ жилъ какъ истинный христіанинъ, съ покорностью несъ онъ свой крестъ, съ любовью исполнялъ онъ свой долгъ». Стурдза посѣтила его въ его болѣе нежели скромномъ жилищѣ. Окруженный своимъ многочисленнымъ семействомъ, онъ разсказывалъ о тяжкихъ испытаніяхъ своей жизни, и ей псказалось, что она видитъ передъ собою патріарха, повѣствующаго своимъ по-

[1]) См. Memoires de la comtesse Edling, стр. 132—33.

томкамъ о чудесахъ Господнихъ. Матеріальное положеніе Штиллинга было въ это время самое тяжелое, почти критическое, но его вѣра оставалась непоколебимою, и онъ былъ глубоко убѣжденъ, что Провидѣніе, выводившее его столько разъ изъ еще болѣе тяжелыхъ обстоятельствъ, не оставитъ его и на этотъ разъ своею божественною помощью. И не однократно посѣщала послѣ этого Стурдза Штиллинга, и каждый разъ онъ производилъ на нее то же успокоивающее впечатлѣніе тишины, мира и небеснаго спокойствія. Неизгладимыми чертами врѣзались въ ея памяти эти лѣтніе вечера, когда она заставала Штиллинга за клавессиномъ, среди его дѣтей. Онъ игралъ обыкновенно какую-нибудь религіозную мелодію, и чистые, дѣтскіе голоса, сопровождавшіе его игру своимъ пѣніемъ, сливались тогда съ торжественными аккордами инструмента въ какую-то чудную неземную гармонію. Божественная любовь была разлита въ этой гармоніи, и сердце отдавалось всецѣло ея обаянію [1]).

Такое-то впечатлѣніе произвели на Стурдзу лица, казавшіяся сухому и трезвому Шишкову ханжами и полоумными мечтателями. Но спрашивается, кто же изъ приведенныхъ нами свидѣтелей былъ ближе къ истинѣ? Спрашивается, что за лица были Юнгъ-Штиллингъ и Криденеръ, въ чемъ коренилась причина того чарующаго обаянія, которое производили они на однихъ, и того отталкивающаго впечатлѣнія, которое обнаруживали они на другихъ? Отвѣтъ на эти вопросы имѣетъ громадное значеніе для всего нашего изслѣдованія, въ виду того вліянія, которое такъ упорно приписывается большинствомъ историковъ и Криденеръ и Штиллингу, какъ на все религіозное развитіе императора Александра, такъ и на возникновеніе самой идеи священнаго союза.

На первый взглядъ между Юнгъ-Штиллингомъ и г-жею Криденеръ не было, да и не могло быть много общаго. Оба они родились въ совершенно различной средѣ, жизнь ихъ протекала въ діаметрально противоположныхъ условіяхъ, а въ ихъ характерахъ обнаруживались ясно самыя разнородныя

[1]) См. Memoires de la comtesse Edling, стр. 133—135.

направленія. Юнгъ-Штиллингъ происходилъ изъ бѣдной, крестьянской семьи, Криденеръ изъ богатаго и знатнаго рода. Юнгъ-Штиллингъ провелъ свое дѣтство въ лѣсной глуши, въ обществѣ поселянъ, рудокоповъ и угольщиковъ, Криденеръ—среди барской обстановки, въ средѣ людей, считавшихъ себя образцами утонченной свѣтскости. Юнгъ-Штиллингъ позналъ нужду и трудъ съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ, Криденеръ утопала въ богатствѣ, а бѣдность и горе извѣстны были ей лишь по наслышкѣ. Вся юность Штиллинга прошла въ непрерывной тяжелой борьбѣ съ жизнью, тогда какъ молодость Криденеръ протекла въ салонѣ, среди суеты и блеска. Штиллингъ былъ обязанъ всѣмъ одному себѣ, онъ былъ человѣкъ активный въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ перерабатывалъ въ себѣ чуждыя вліянія, но создавалъ самъ и свой внутренній міръ и свою матеріальную обстановку. Тяжелый опытъ жизни былъ его главнымъ, если не единственнымъ наставникомъ и учителемъ. Подъ руководствомъ этого суроваго учителя развилось все его міросозерцаніе, подъ его вліяніемъ сложились его глубокія и искренныя религіозныя идеи, при его помощи завоевалъ онъ себѣ и душевный миръ, и твердую вѣру въ Бога, и пламенную любовь къ ближнему. Обязанный всѣмъ: и положеніемъ, и знаніемъ, и крѣпкою нравственною силою самому себѣ, Штиллингъ не искалъ ничьего покровительства, не въ состояніи былъ пресмыкаться у ногъ сильныхъ міра сего, хотя и относился ко всѣмъ и каждому съ одинаковыми чувствами всему снисходящей, всепрощающей любви. Криденеръ, наоборотъ, никогда не знала нужды и всѣ ея испытанія были лишь результатомъ неудовлетворенности, столь свойственной людямъ свѣтскимъ, окруженнымъ съ самой колыбели такъ называемыми удобствами и радостями жизни. Натуры не глубокія, люди ограниченные, дюжинные находятъ себѣ полное удовлетвореніе, чуть не блаженство въ мелочахъ и пустыхъ блесткахъ жизни; натуры болѣе глубокія, воспріимчивыя, страстныя проникаются вскорѣ непобѣдимымъ отвращеніемъ къ прелестямъ свѣтской жизни. Онѣ силятся сбросить съ себя цѣпи, наложенныя на нихъ средою, онѣ отворачиваются отъ мишуры, онѣ ищутъ чего-то иного, высшаго, и въ ихъ жиз-

ни наступаетъ наконецъ, тотъ роковой моментъ, когда онѣ разрываютъ рѣшительно связь со свѣтомъ и вступаютъ на новый жизненный путь. Такой моментъ наступилъ и для Криденеръ, но онъ наступилъ сравнительно поздно, въ такую эпоху жизни, когда внѣшнія прелести бытія начинаютъ терять значительную долю своего обаянія, когда человѣкъ пресыщается и внѣшнимъ блескомъ, и чувственностью, когда, однимъ словомъ, наступаетъ пора разочарованія, а для другихъ пора самоуглубленія и духовнаго подъема. Но и въ этотъ рѣшительный моментъ своей жизни, натуры, подобныя Криденеръ, натуры въ сущности слабыя, способныя лишь къ воспринятію, а не къ творчеству, одаренныя скорѣе воображеніемъ, нежели умомъ положительнымъ, не способны подняться и воспрянуть собственными силами. Онѣ ищутъ себѣ опоры и руководителей, легко поддаются чуждымъ вліяніямъ, бродятъ какъ въ потьмахъ, пока судьба не сталкиваетъ ихъ, наконецъ, съ человѣкомъ, который выводитъ ихъ на путь, кажущійся имъ путемъ истины. Таковы въ общихъ чертахъ смыслъ и исторія сближенія и взаимодѣйствія Юнгъ-Штиллинга и Криденеръ. Но обратимся къ самимъ фактамъ, посмотримъ, чего искала Криденеръ у Юнгъ-Штиллинга и что могъ онъ дать ей.

Іоаннъ Генрихъ Юнгъ [1]), получившій впослѣдствіи прозваніе Штиллинга, родился 12 сентября 1740 г., въ глухой нѣмецкой деревушкѣ Грундъ, въ княжествѣ Нассау-Зигенскомъ. Грундъ лежала въ очаровательной мѣстности, въ глубокой лѣсной долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими горами, унизанными развалинами средневѣковыхъ замковъ и

[1]) Входя въ нѣкоторыя біографическія подробности о Ю. Штиллингѣ, считаю своимъ долгомъ замѣтить, что подробности эти отнюдь не могутъ считаться лишними, или неимѣющими прямого отношенія къ главной темѣ нашего изслѣдованія. Если почти всѣ историки приписываютъ такое выдающееся значеніе вліянію Криденеръ на религіозное развитіе Александра и на возникновеніе священнаго союза, и если тѣ же историки согласны между собою, что идеи и все направленіе Криденеръ не имѣли въ сущности ничего самостоятельнаго, а были цѣликомъ заимствованы отъ Ю. Штиллинга, то отсюда вытекаетъ само собою, какое значеніе должна имѣть для изслѣдователя занимающаго насъ вопроса жизнь Ю. Штиллинга, ибо его ученіе, или лучше сказать, его религіозныя идеи были прямымъ

монастырей. Тихая, величественная природа, богатыя историческія воспоминанія окружали колыбель Юнга и съ первыхъ моментовъ сознанія обнаружили сильнѣйшее вліяніе на его мягкую и воспріимчивую душу. Многочисленный родъ Юнговъ искони жилъ въ Грундѣ и его окрестностяхъ. То были люди простые, патріархальные, почти никогда не покидавшіе своей родины, добывавшіе себѣ хлѣбъ тяжелымъ трудомъ, по ремеслу угольщики, дровосѣки, рудокопы. Новыя вѣянія времени не проникали въ эти забытыя лѣсныя долины. Юнги, равно какъ и всѣ ихъ сосѣди, были люди вѣрующіе, глубоко религіозные, но въ то же время предпріимчивые, и нерѣдко одаренные отъ природы большими способностями. Особенно въ родѣ Юнговъ даровитость и изобрѣтательность были явленіями далеко не рѣдкими. Одинъ изъ нихъ Г. Юнгъ, родившійся въ 1711 г. былъ замѣчательный математикъ и механикъ и притомъ самоучка. Еще будучи мальчикомъ, онъ сдѣлалъ изъ деревянной тарелки астролябію, а изъ буковой масляницы компасъ. Сдѣлавшись сельскимъ учителемъ, онъ занимался, безъ всякой посторонней помощи, изготовленіемъ механическихъ и астрономическихъ инструментовъ. Впослѣдствіи, онъ сумѣлъ примѣнить свои знанія на горныхъ заводахъ и достигъ, наконецъ, почетной и выдающейся должности оберъ-бергмейстера. Его сынъ, ровесникъ занимающаго насъ Штиллинга, отличался также своими математическими способностями; подобно отцу, онъ также достигъ должности оберъ-бергмейстера и занималъ въ княжеской коммиссіи, завѣдывавшей рудниками и горными заводами, видное мѣсто.

Дѣдъ нашего Штиллинга, Эбергардъ Юнгъ, былъ также

и непосредственнымъ результатомъ его жизненнаго опыта, и могутъ быть оцѣнены только въ связи съ нимъ. Матеріалами для біографіи Ю. Штиллинга должны служить его собственныя сочиненія, изданныя въ 1841—42 гг. подъ заглавіемъ: Jung Stilling's Werke, 12 томовъ. Далѣе должны быть принимаемы въ соображеніе: Lebensgeschichte J. Stilling's (автобіографія) съ предисловіемъ Капфа 1857 (важнѣйшій источникъ); лекція Фроммеля о Ю. Штиллингѣ, помѣщенная въ журналѣ Grenzboten за 1858; и въ особенности, Гете, Dichtung und Wahrheit. См. также жизнеописаніе Ю. Штиллинга въ Allgemeine Deutsche Biographie, т. 14-й, стр. 697 и слѣдующія.

человѣкъ далеко не дюжинный. Честный, неутомимый труженикъ, благочестивый, простой, онъ выдавался впрочемъ не столько своими способностями и знаніями, сколько силою своего характера. Далеко не въ него пошелъ сынъ его Вильгельмъ, отецъ нашего Штиллинга. Слабый, болѣзненный горбачъ, не особенно способный и при томъ раздражительно-нервный, онъ добывалъ себѣ хлѣбъ то въ качествѣ сельскаго учителя, то портного, то, наконецъ, землемѣра. Его первая жена Доротея, урожденная Фишеръ, дочь какого-то изгнаннаго проповѣдника, представляла рѣзкую противоположность своему мужу. То была нѣжная, глубоко-набожная женщина, натура мягкая, мечтательная. Съ покорностью несла она свой тяжелый крестъ; небо, а не земля была ея настоящая родина. Туда, къ Небесному Отцу стремилась она всѣми силами своей души. Единственное существо, привязывавшее ее къ жизни, былъ ея единственный сынъ, Іоаннъ Генрихъ. Она разсталась съ нимъ навсегда, для лучшей жизни, въ то время, когда ему исполнилось всего лишь два года отъ роду, но она передала всецѣло своему сыну и свою мечтательную, воспріимчивую натуру, и свое мягкое, любящее сердце. Юнгъ росъ безъ своей матери подъ надзоромъ своего взбалмошнаго и подчасъ суроваго отца. Онъ былъ живой, бойкій мальчикъ, способный и на проказы, но въ то же время мечтательный и чувствительный. Суровая, неприглядная домашняя обстановка начала тяготить его уже съ первыхъ моментовъ сознательной жизни. Онъ бѣжалъ отъ людей къ природѣ, а природа открыла ему доступъ въ сверхъчувственный міръ. Образъ матери, извѣстный ему лишь съ чужихъ словъ, занялъ вскорѣ главное мѣсто въ его воображеніи. Усопшая сдѣлалась его идеаломъ, олицетвореніемъ всѣхъ добродѣтелей, и прежде всего самоотверженной любви и безпредѣльной покорности неисповѣдимой волѣ Небеснаго Отца. Юнгъ создалъ себѣ цѣлый фантастическій міръ, а постоянное одиночество среди величавой природы придало этому міру своеобразный печально-таинственный оттѣнокъ. Онъ избѣгалъ отцовскаго дома и проводилъ цѣлые дни и недѣли въ лѣсу у своего дѣда угольщика. Тутъ онъ помогалъ выжигать уголь, а еще болѣе

мечталъ и работалъ надъ сооруженіемъ своего внутренняго, фантастическаго мірка. Развалины сосѣднихъ замковъ и церкви св. Антонія, привлекавшей когда-то массы пилигримовъ, манили его не только своею фантастическою внѣшностью, но и еще болѣе тѣми безчисленными сагами, которые ходили о нихъ у сосѣднихъ поселянъ. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ среди этихъ развалинъ, предавался своимъ думамъ и зачитывался такими произведеніями, какъ сказанія о дѣтяхъ Гаймона, о прекрасной Мелюзинѣ, объ Азіатской Банизѣ. Но любимымъ его чтеніемъ сдѣлалась уже въ это время библія. Онъ зналъ ее почти наизусть и чувство безпредѣльной, безотчетной вѣры и любви къ Творцу овладѣло уже тогда всецѣло его дѣтскою душою.

Жажда знанія проявлялась въ немъ съ теченіемъ времени все съ большею и большею силою. На десятомъ году отецъ отдалъ его въ латинскую школу въ сосѣднемъ мѣстечкѣ Гильшенбахѣ. Своимъ прилежаніемъ и любознательностію онъ обратилъ здѣсь на себя вниманіе ректора, и тотъ позволилъ ему пользоваться своею библіотекою. Латынь далась ему очень легко. Уже черезъ два года онъ не только свободно читалъ и понималъ «латинскія исторіи», но уже выучился писать и говорить по латыни. Исторія и математика были также его любимыми предметами, и онъ пріобрѣлъ въ нихъ довольно обширныя познанія. Любимѣйшимъ предметомъ чтенія и изученія оставалась для него, однакоже, книга книгъ. Его библейскія познанія произвели такое сильное впечатлѣніе на мѣстнаго пастора Зельбаха, что онъ назначилъ его на мѣсто школьнаго учителя, какъ только ему исполнилось 15 лѣтъ отъ роду. Школа, въ которую попалъ Юнгъ, находилась въ деревнѣ Люцель, какъ разъ въ той романтической долинѣ, гдѣ жилъ и работалъ его дѣдъ угольщикъ, гдѣ протекли мечтательные годы его дѣтства. Тутъ онъ могъ свободно предаваться своимъ думамъ, въ любимой обстановкѣ, въ свободное отъ школьныхъ занятій время. Здѣсь же случай свелъ его близко съ какимъ-то старымъ лѣсничимъ, человѣкомъ образованнымъ, и не дюжиннымъ. Лѣсничій былъ, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, сепаратистъ и мистикъ и пришелся,

какъ нельзя болѣе, по душѣ молодому Юнгу. У него была небольшая библіотека и между его книгами попался въ руки Юнгу переводъ Иліады Гомера. Съ жаромъ ухватился онъ за эту книгу и за ея чтеніемъ онъ забывалъ все остальное. «Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Иліада», писалъ онъ впослѣдствіи въ своихъ воспоминаніяхъ. «никто навѣрное не читалъ ее съ такимъ восторгомъ и съ такимъ чувствомъ, какъ я». Но на ряду съ Гомеромъ его увлекали и другія книги, найденныя имъ въ библіотекѣ стараго лѣсничаго. Онъ читалъ сочиненія Парацельза, а глубокомысленныя и нерѣдко темныя творенія знаменитаго мистика XVI столѣтія, Якова Бёме, укрѣпляли его еще болѣе въ его религіозно-мистическихъ убѣжденіяхъ. Уже въ этотъ ранній періодъ его жизни развились въ немъ та непоколебимая вѣра въ Бога и то твердое убѣжденіе въ возможности непосредственнаго, духовнаго единенія съ Нимъ, которая сдѣлалась навсегда незыблемымъ основаніемъ его міровоззрѣнія, которая помогла ему перенести впослѣдствіи самыя тяжелыя жизненныя испытанія. Уже тогда привыкъ онъ искать просвѣтленія, спасенія и помощи въ молитвѣ; уже тогда выработалось въ немъ убѣжденіе, что Небесный Отецъ неустанно печется о благѣ и спасеніи Своихъ дѣтей, что Онъ блюдетъ за каждымъ ихъ шагомъ, что Его помощь всегда близка, что она поспѣваетъ именно въ тѣ моменты земного существованія, когда исчерпываются, повидимому, всѣ исходы и возможности, и когда человѣкъ, погрязшій въ суетѣ и невѣріи, склоненъ впасть въ отчаяніе. А молодой Юнгъ нерѣдко попадалъ именно въ такое положеніе.

Его испытанія начались очень рано, можно сказать, съ первыхъ шаговъ на жизненномъ пути. Недолго пришлось ему занимать мѣсто школьнаго учителя въ родномъ Люцелѣ. Какъ ни добросовѣстно работалъ онъ въ своей школѣ, какъ ни велики были успѣхи, дѣлаемые его учениками, однакоже, пасторъ Зельбахъ, принадлежавшій къ строго ортодаксальному направленію, и заклятый врагъ всякихъ мистиковъ, началъ относиться съ недовѣріемъ и подозрительностью къ молодому учителю. Ему не нравились связи Юнга съ сепаратистами, онъ не могъ переварить его чисто-сердечнаго мистическаго

отношенія ко всѣмъ религіознымъ вопросамъ, и не думая долго, онъ отказалъ отъ мѣста своему бывшему любимцу.

Не легко было юному энтузіасту разстаться съ пришедшеюся ему по душѣ дѣятельностью и промѣнять сравнительно свободную обстановку на тяжелыя условія, ожидавшія его подъ родительскимъ кровомъ. Здѣсь некогда было заниматься любимыми книгами. Тутъ охватила его сразу пошлая, будничная проза жизни. Онъ долженъ былъ взяться за иглу и помогать отцу въ его портняжномъ ремеслѣ. Спустя немного времени, отецъ его вступилъ во второй бракъ съ молодою вдовою и нашему Юнгу пришлось удалиться изъ родительскаго дома. Онъ думалъ примѣнить къ дѣлу свои механическія познанія и способности и поступилъ на фабрику стальныхъ издѣлій въ Плеттенбергѣ. Его хозяинъ оказался, однакоже, человѣкомъ крайне грубымъ, несправедливымъ и жестокимъ. Онъ смотрѣлъ на бѣдного Юнга какъ на простого работника и наконецъ избилъ его за какую-то неважную провинность. Тогда Юнгъ принужденъ былъ опять возвратиться къ отцу; съ тяжелымъ сердцемъ принялся онъ вновь за ненавистное ремесло и помогалъ кромѣ того отцу въ домашнихъ и полевыхъ работахъ. Онъ трудился изо всѣхъ силъ, но душа его изнывала подъ тяжестью грубаго матеріальнаго труда. Онъ рвался изъ этой жизни, по цѣлымъ ночамъ онъ молился и плакалъ, и какой-то тайный голосъ говорилъ ему, что помощь близка и что часъ избавленія его настанетъ скоро. И дѣйствительно, уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ получилъ неожиданно приглашеніе отъ пастора Гебеля, своего дальняго родственника съ материнской стороны, занять мѣсто школьнаго учителя въ Дрейсбахѣ. Юнгъ поспѣшилъ съ восторгомъ на зовъ. Съ ревностью принялся онъ за исполненіе любимой обязанности и за свое дальнѣйшее образованіе. Въ Дрейсбахѣ онъ занялся съ увлеченіемъ философіею Вольфа, но и тутъ ему не суждено было оставаться долго. Казалось, какой-то злой рокъ шелъ по пятамъ за нимъ и безжалостно разрушалъ всѣ его надежды. Его мистическое направленіе, его своеобразное школьное обученіе не понравились вліятельнымъ обывателямъ, и по совѣту самого пас-

тора, онъ долженъ былъ сложить съ себя въ скоромъ времени должность учителя. Онъ возвратился домой, и отецъ встрѣтилъ его горькими упреками. Юнгъ отвѣчалъ печально: «Было бы ужасно, если бы Богъ вложилъ мнѣ въ душу влеченія и склонности, а его Провидѣніе навсегда отказало бы мнѣ въ ихъ удовлетвореніи». Но и теперь онъ былъ далекъ отъ отчаянія; по прежнему продолжалъ онъ молиться и надѣяться. Отецъ относился къ нему все хуже и хуже, и наконецъ дѣло дошло до открытаго разрыва между ними.

«Однажды», разсказываетъ Юнгъ въ своей автобіографіи: «Штиллингъ возвратился домой съ работы въ сосѣдней деревнѣ и, не имѣя никакихъ дурныхъ мыслей, вошелъ въ комнату. Едва только увидѣлъ его отецъ, какъ вскочилъ съ мѣста, бросился на него и пытался свалить его на землю. Но Штиллингъ схватилъ своего отца, держалъ его такъ крѣпко, что онъ не могъ пошевельнуться и смотрѣлъ на него съ такимъ выраженіемъ, отъ котораго могъ бы треснуть даже утесъ. И дѣйствительно, если когда-либо, то именно въ этотъ моментъ, вся тяжесть страданій обрушилась съ страшною силою на его сердце. Вильгельмъ не въ состояніи былъ перенести этотъ взглядъ, онъ пытался вырваться изъ рукъ сына, но Штиллингъ держалъ его въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ. «Отецъ», сказалъ онъ кроткимъ, но внушительнымъ голосомъ, «ваша кровь и кровь блаженнаго ангела течетъ въ моихъ жилахъ,—не доводите меня до изступленія! Я люблю, я почитаю васъ, «но», при этомъ словѣ онъ пустилъ отца, бросился къ окну и крикнулъ дикимъ голосомъ, «я буду вопить и вопить такъ, что земля поколеблется на своей оси и задрожатъ звѣзды!» Но вдругъ онъ затихъ, приблизился къ отцу и сказалъ ему кроткимъ голосомъ: «отецъ, что я сдѣлалъ тебѣ, въ чемъ согрѣшилъ я передъ тобою?» Вильгельмъ не отвѣчалъ, онъ закрылъ лицо руками и рыдалъ, а Генрихъ отошелъ въ уголъ и завопилъ громко».

Понятно, что послѣ этой сцены Генрихъ не могъ оставаться далѣе подъ родительскою кровлею. Онъ примирился съ отцомъ, испросилъ его благословеніе, попрощался съ своею старою, слѣпою бабушкою и съ своими родными горами и

пустился въ путь въ качествѣ странствующаго портного. Съ четырьмя талерами въ карманѣ, и съ багажемъ, состоявшимъ изъ трехъ сорочекъ, пары старыхъ чулокъ, ножницъ и наперстка, направился онъ черезъ Зигенъ и Эльберфельдъ, въ Золингенъ. Здѣсь ему удалось пріютиться у стараго, честнаго мастера и онъ принялся усердно за работу. Но въ то время, какъ рука его была за иглою, голова его работала надъ высшими вопросами бытія, а сердце его было переполнено любовью къ Создателю.

Въ Золингенѣ онъ попалъ въ кружокъ піэтистовъ, послѣдователей Шпенера и Терстегена. Подъ ихъ вліяніемъ, его религіозное чувство укрѣпилось и развилось еще болѣе, и что самое важное, оно приняло чисто мистическій характеръ. Для него настала пора вдохновенія и восторженнаго экстаза. Наставали моменты, когда казалось, что небо разверзалось передъ его внутренними очами, когда ему казалось, что онъ бесѣдуетъ съ самимъ Богомъ, что онъ заключаетъ съ Нимъ свой личный завѣтъ и отдается всецѣло Его благому, всевидящему Промыслу. Все, что случилось съ нимъ до сихъ поръ, казалось ему лишь испытаніемъ, очищеніемъ его внутренняго существа и подготовленіемъ къ лучшей жизни. Надежда на полное и совершенное избавленіе отъ оковъ, связывавшихъ полетъ его души, мѣшавшихъ его самоусовершенствованію, возрасла въ немъ теперь до твердой увѣренности. Онъ ожидалъ полнаго поворота въ своей жизни и поворотъ этотъ не замедлилъ наступить.

Послѣ нѣкоторыхъ странствованій и неудачныхъ попытокъ найти себѣ подходящее занятіе, Юнгу удалось, наконецъ, поступить на службу къ богатому купцу и землевладѣльцу, Флендеру. Новый его хозяинъ оказался въ высшей степени гуманнымъ и высокоразвитымъ. Онъ сразу замѣтилъ и оцѣнилъ выдающіяся способности Юнга и взялъ его подъ свое особое покровительство. Онъ не только далъ возможность Юнгу ознакомиться основательно съ торговыми, промышленными дѣлами и съ раціональнымъ сельскимъ хозяйствомъ, но и предоставилъ ему время и досугъ для дальнѣйшаго образованія. Юнгъ нашелъ себѣ средства и учителей для изуче-

нія греческаго, еврейскаго и французскаго языковъ. Его громадный лингвистическій талантъ, его изумительная способность усвоивать себѣ въ самое короткое время чужіе языки, обнаружились при этомъ во всемъ блескѣ. Но онъ не ограничивался одними языками; на ряду съ ними онъ продолжалъ изучать логику и метафизику, и неутомимо изучалъ сочиненія Вольфа и Лейбница. Его хозяинъ посовѣтовалъ ему заняться медициною, и онъ усмотрѣлъ въ этомъ совѣтѣ указаніе свыше. Съ жаромъ занялся онъ изученіемъ естественныхъ наукъ. Во время поѣздки на родину, онъ познакомился съ католическимъ священникомъ Молиторомъ, пользовавшимся среди окрестнаго населенія, репутаціею искуснаго глазного врача. Уже послѣ первой бесѣды, Молиторъ полюбилъ восторженнаго, набожнаго юношу и тотчасъ же посвятилъ его во всѣ тайны своего врачебнаго искусства. Благочестивый старецъ отпустилъ Юнга со словами: «Господь, святый, вездѣсущій, да создастъ изъ васъ лучшаго человѣка, совершеннаго христіанина и хорошаго врача». Испытавъ на практикѣ рецепты Молитора и убѣдившись въ ихъ пользѣ, Юнгъ рѣшился отправиться въ Страсбургъ и поступилъ тамъ на медицинскій факультетъ (1770 г.). Передъ отъѣздомъ, онъ обручился съ Христиною Гейдеръ, слабою, болѣзненною дѣвушкою, не изъ плотскихъ побужденій, а по указанію свыше, какъ говорилъ онъ впослѣдствіи самъ.

Въ Страсбургѣ Юнгу посчастливилось во всѣхъ отношеніяхъ. Ему удалось найти средства къ жизни и сойтись близко съ такими выдающимися людьми, какъ Гердеръ и Гете. Съ восторгомъ говорилъ онъ впослѣдствіи объ этихъ геніяхъ; въ общеніи съ ними для него открылся новый міръ. «У Гердера», писалъ онъ тогда, «есть только одна мысль, но эта мысль вмѣщаетъ въ себѣ весь міръ». Съ своей стороны Юнгъ произвелъ сильное впечатлѣніе на своихъ новыхъ знакомцевъ. Его старое, изношенное платье, его грубоватыя манеры, его застѣнчивость, не помѣшали геніальному Гете заглянуть въ глубину его души и оцѣнить, по достоинству, его самобытную, даровитую натуру и его чистый, возвышенный характеръ. Гете тотчасъ же замѣтилъ, что подъ грубою оболоч-

кою скрывалась тутъ безконечно нѣжная, истинно добрая душа. «Его физіономія выразительная и пріятная», говоритъ Гете, «нисколько не обезображивалась парикомъ, который онъ носилъ по тогдашней модѣ. Его кроткій, нѣжный голосъ принималъ благозвучный и сильный оттѣнокъ, когда онъ говорилъ съ увлеченіемъ, а это случалось съ нимъ очень нерѣдко. Онъ обладалъ здравымъ, свѣтлымъ умомъ, но этотъ умъ опирался у него на чувство, а отсюда проистекало его увлеченіе склонностями и страстями, но въ то же время его энтузіазмъ ко всему доброму, истинному, справедливому. Основнымъ элементомъ его энергіи была непоколебимая вѣра въ Бога и въ непосредственно исходящую отъ Него помощь. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что Богъ неустанно печется о немъ, что Онъ спасаетъ и спасетъ его отъ всякой нужды и отъ всякаго зла. Это убѣжденіе создалось въ немъ путемъ всей его жизни. И здѣсь, въ Страсбургѣ, онъ жилъ, какъ истинный христіанинъ. Его матеріальное положеніе было далеко не обезпечено, онъ жилъ изо дня въ день, но при всемъ томъ, онъ былъ всегда веселъ, беззаботенъ, трудолюбивъ и умѣренъ во всемъ. Онъ разсказалъ мнѣ всю свою жизнь и я уговорилъ его составить свою автобіографію. Ничто не поражало въ немъ такъ, какъ его вѣра. Эта вѣра не терпѣла никакихъ сомнѣній, а его убѣжденіе никакихъ насмѣшекъ» [1]).

Тогда медицинскій курсъ ученія продолжался не такъ долго, какъ въ наши времена. Уже въ 1772 г., черезъ два года послѣ своего прибытія въ Страсбургъ, Юнгъ получилъ и степень доктора и право медицинской практики. Онъ покинулъ Страсбургъ не только съ солидными специальными познаніями, но и съ значительно расширеннымъ общимъ образованіемъ. Здѣсь изучилъ онъ между прочимъ англійскій языкъ и открылъ себѣ тѣмъ доступъ къ новымъ литературнымъ сокровищамъ. Въ Страсбургѣ же началъ онъ писать свою автобіографію и вѣроятно окончилъ ее въ скоромъ времени.

[1]) См. Гете, Dichtung und Warheit, кн. IX, стр. 362 и слѣдующія, изданіе K. Tëdeke.

Юнгъ поселился въ Эльберфельдѣ, онъ женился и открылъ медицинскую практику. Все, повидимому, начало улыбаться ему въ жизни. Онъ сошелся близко съ такими выдающимися свѣтилами тогдашняго литературнаго міра Германіи, какъ: Лафатеръ и братья Якоби, а въ іюлѣ 1774 г. его посѣтилъ Гете. Великій поэтъ, умѣвшій войти въ каждую, повидимому, совершенно далекую и чуждую ему индивидуальность, очаровалъ на этотъ разъ окончательно Юнга, и разставаясь съ нимъ, взялъ съ собою законченную рукопись его автобіографіи. Между тѣмъ нужда начала стучаться въ двери къ неутомимому труженику. Его медицинская практика шла въ разрѣзъ съ его широкою благотворительностью и не могла поэтому доставить ему необходимыхъ средствъ къ жизни. Онъ отдавалъ одною рукою то, что получалъ другою. Онъ не только лѣчилъ безплатно, но и помогалъ выше силъ своихъ бѣднымъ больнымъ. Вскорѣ средства его истощились и онъ вынужденъ былъ войти въ долги. Къ матеріальной нуждѣ присоединились нравственныя страданія. Его старые друзья, піетисты, относились къ нему съ завистью и недоброжелательствомъ. Юнгъ и молодая жена его страдали по временамъ невыносимо, но твердая вѣра въ Бога и надежда на Его скорую помощь не покидали ихъ ни на минуту. День и ночь призывали Юнги со слезами помощь свыше, и помощь явилась въ тотъ моментъ, когда нужда достигла высшей степени. Супруги были на молитвѣ, когда въ комнату вошелъ почталіонъ и вручилъ Юнгу тяжелый пакетъ съ 150 золотыми рейхсталерами. Адресъ былъ написанъ рукою Гете. Поэтъ напечаталъ безъ вѣдома автора его автобіографію и выслалъ теперь ему гонораръ. То былъ рѣшающій моментъ въ жизни Юнга. Его книга сразу завоевала себѣ выдающееся мѣсто въ литературѣ. Она вызвала восторженное одобреніе во всѣхъ сферахъ общества. Самъ не сознавая того, повѣствуя только правду, только испытанное и пережитое, Юнгъ создалъ въ ней настоящій перлъ народной поэзіи. Юнгъ выступилъ въ своей автобіографіи подъ именемъ Штиллинга; онъ назвалъ себя такъ, какъ члена той тихой христіанской общины, которой присвоено было въ свѣтѣ полунасмѣшливое, полупре-

зрительное названіе «піетистовъ». Но теперь имя это пріобрѣло чисто индивидуальный характеръ и заставило совершенно забыть настоящую родовую фамилію нашего героя.

Помощь, оказанная Гете, неожиданный успѣхъ автобіографіи, не могли, однакоже, избавить Ю. Штиллинга отъ новой нужды и отъ новыхъ испытаній. Разочаровавшись окончательно въ своихъ прежнихъ друзьяхъ, піетистахъ, онъ оставилъ Эльберфельдъ, и переселился въ Кайзерслаутернъ, гдѣ возникло въ это время общество камеральныхъ наукъ, превратившееся въ скоромъ времени въ академію. Штиллингъ, занимавшійся уже въ Страсбургѣ экономическими вопросами и обнародовавшій уже тогда трактатъ по части лѣсного хозяйства, успѣлъ получить здѣсь мѣсто профессора и по своему обычаю занялся съ увлеченіемъ новымъ дѣломъ. Онъ усвоилъ себѣ вполнѣ экономическія воззрѣнія Адама Смита, но старался провести и въ этой сферѣ свою религіозную точку зрѣнія. И въ области чисто матеріальныхъ интересовъ, тамъ гдѣ другіе умы усматривали лишь одну борьбу, онъ видѣлъ смягчающую и направляющую все къ конечной, благой цѣли, руку Творца. А между тѣмъ рука эта продолжала испытывать страдальца и тѣмъ самымъ очищать и возвышать его нравственное существо. Его матеріальное положеніе оставалось, по прежнему, шаткимъ. Долги росли, и къ довершенію несчастія, скончалась его жена, оставивъ послѣ себя двухъ малолѣтнихъ дѣтей. Положеніе Штиллинга было безвыходное. Обремененный многочисленными занятіями, онъ не могъ удѣлять достаточно времени для дѣтей, и они должны были рости безъ всякаго призора. Тогда Штиллингъ рѣшился вступить во второй бракъ и его выборъ былъ на этотъ разъ чрезвычайно удаченъ. Его вторая жена, Сельма Флорентинъ была не только умная и задушевная женщина, но и превосходная хозяйка. Она сумѣла завести порядокъ и строй въ семьѣ и при ея поддержкѣ Штиллингъ могъ начать новую жизнь. Его общественное и служебное положеніе пріобрѣло около этого же времени болѣе прочный характеръ. Въ 1784 г. онъ перешелъ на профессуру камеральныхъ наукъ въ Гейдельбергъ, а черезъ три года занялъ такое же мѣсто въ Тю-

бингенскомъ университетѣ. Здѣсь въ веселомъ, маленькомъ городкѣ, въ кругу любимой семьи, среди излюбленныхъ занятій, онъ чувствовалъ себя привольнѣе, нежели гдѣ-либо. Онъ взялъ къ себѣ въ домъ своего престарѣлаго, болѣзненнаго отца, и его жена ухаживала за старикомъ съ истинно христіанскимъ самоотверженіемъ. Его ученая извѣстность привлекала къ нему отовсюду слушателей, и въ числѣ его студентовъ были не только лица изъ самыхъ знатныхъ фамилій, но и многіе, пріобрѣтшіе себѣ потомъ почетную извѣстность въ качествѣ выдающихся общественныхъ дѣятелей.

Но счастіе Штиллинга было непродолжительно и на этотъ разъ. Уже въ 1789 г. скончалась его обожаемая Сельма и только твердая вѣра въ Божественное Провидѣніе спасла его отъ конечнаго отчаянія. Но и самой вѣрѣ его, недоступной до сихъ поръ никакимъ колебаніямъ и сомнѣніямъ, начала грозить въ это же время страшная опасность. Его философскія занятія не остались безъ вліянія на его внутреннѣйшія и святѣйшія убѣжденія. Изучая философскія системы Вольфа и Лейбница, онъ, самъ не замѣчая того, попалъ въ «тяжелый плѣнъ детерминизма». Ядъ сомнѣнія закрался въ его душу. Тщетно пытался изгнать онъ его молитвою. Къ ужасу своему, онъ замѣчалъ, что онъ не въ состояніи молиться и чувство отчаянія, до сихъ поръ невѣдомое ему, овладѣвало имъ съ неодолимою силою. Трудно сказать, чѣмъ окончилась бы эта страшная, внутренняя борьба, если бы Провидѣніе не подало и на этотъ разъ Штиллингу свою спасающую десницу. Именно въ это время явилась въ свѣтъ «Критика чистаго разума» Канта. Чтеніе этой книги раскрыло глаза Штиллингу. Онъ вынесъ изъ нея убѣжденіе, что человѣческій разумъ способенъ постигать лишь то, что лежитъ въ сферѣ его пониманія. Но какъ скоро разумъ выходитъ изъ этой области, обращается къ міру сверхчувственному и начинаетъ судить о немъ на основаніи своихъ собственныхъ принциповъ, онъ тотчасъ же и неизбѣжно наталкивается на противорѣчія, или выражаясь словами Апостола Павла: «человѣкъ естественный не постигаетъ дѣлъ, исходящихъ изъ духа Божія; они кажутся ему безуміемъ». Штиллингъ не могъ успокоиться, однакоже, на

этомъ столь утѣшительномъ для него положеніи. Онъ рѣшился повергнуть свои сомнѣнія на судъ самого великаго философа и лично обратился къ Канту съ обширнымъ посланіемъ. Отвѣтъ Кенигсбергскаго мудреца окончательно успокоилъ Штиллинга и помогъ ему возвратиться всецѣло на прежнюю точку зрѣнія. «Вы поступаете хорошо и правильно», писалъ ему между прочимъ Кантъ, «если ищете утѣшенія единственно въ Евангеліи, ибо оно есть единственный неизсякаемый источникъ всякой истины, и разумъ измѣривъ все свое поприще, нигдѣ не въ состояніи найти иного».

Авторитетъ Канта и его сердечное отношеніе къ Штиллингу являются, можно сказать, послѣднимъ рѣшительнымъ моментомъ и въ жизни Штиллинга, и въ исторіи его внутренняго духовнаго развитія. Гармонія и миръ его души, разстроенные на время наплывомъ сомнѣній, устанавливаются теперь вновь и навсегда. Вмѣстѣ съ сомнѣніями прерываются и тяжелыя жизненныя испытанія. Провидѣніе вводитъ Штиллинга въ тихое пристанище и даетъ ему возможность предаться всецѣло своимъ любимымъ занятіямъ и высокимъ истинно-христіанскимъ влеченіямъ своей души. Внѣшнее положеніе Штиллинга упрочилось въ это время окончательно. Онъ пріобрѣлъ громкую репутацію не только какъ профессоръ, но и какъ глазной врачъ. Онъ былъ назначенъ проректоромъ университета и пользовался большою популярностью среди всей ученой корпораціи. Только въ семьѣ его господствовалъ настоящій хаосъ. Самъ Штиллингъ былъ плохой хозяинъ, а частыя поѣздки, предпринимаемыя имъ въ качествѣ практикующаго врача, не давали ему возможности обращать должное вниманіе ни на домашнія дѣла, вообще, ни на воспитаніе своихъ пятерыхъ дѣтей. Тогда Штиллингъ вспомнилъ, что его Сельма совѣтовала ему, на смертномъ одрѣ, вступить въ третій бракъ и указывала ему какъ на его будущую жену, на свою подругу, Елизу Коингъ. Штиллингъ рѣшился теперь послѣдовать этому совѣту и на 51 году жизни женился на указанной ему Сельмою дѣвицѣ. Этотъ послѣдній бракъ былъ едва ли не самымъ счастливѣйшимъ. Въ Элизѣ Коингъ Штиллингъ обрѣлъ не только душевную под-

ругу, но и спутницу одинаково вѣрную какъ въ жизни, такъ и въ смерти. Она казалась ему идеаломъ женственности, онъ называлъ ее вѣнцомъ всѣхъ женщинъ.

Тихо и мирно потекла теперь жизнь Штиллинга. Не покидая своихъ экономическихъ и медицинскихъ занятій, онъ пришелъ теперь, однакоже, къ убѣжденію, что его истинное призваніе должно заключаться въ неуклонномъ и неустанномъ служеніи Христу Спасителю. Первоначально онъ былъ піетистомъ, затѣмъ превратился въ мистика, теперь онъ вступилъ въ третію фазу своего внутренняго развитія, въ фазу спиритуализма. Вопросъ объ участи безсмертной души за предѣлами земной жизни сдѣлался главнымъ предметомъ его мышленія. Онъ создалъ себѣ особую теорію по этому вопросу, теорію отличавшуюся не столько философскимъ, сколько идеально-фантастическимъ характеромъ. Онъ полагалъ, что души усопшихъ витаютъ въ особомъ царствѣ духовъ, что въ этомъ царствѣ нѣтъ самыхъ основныхъ элементовъ земного существованія, нѣтъ даже пространства, и что именно здѣсь въ этомъ непостижимомъ для человѣческаго ума мірѣ, ожидаютъ онѣ рѣшенія своей участи.

Само собою понятно, что это странное ученіе Штиллинга подверглось рѣзкому осужденію со стороны ортодоксальной теологіи и вызвало противъ него цѣлую бурю опроверженій и насмѣшекъ. Но Штиллингъ, глубоко убѣжденный въ основательности своихъ мнѣній, ни мало не смутился посыпавшимися на него со всѣхъ сторонъ нападками, и неуклонно продолжалъ идти по разъ открытому имъ пути. За «Сценами изъ царства духовъ», гдѣ онъ впервые высказалъ свои оригинальные взгляды, послѣдовало его «Духовидѣніе», въ которомъ онъ старался придать своей теоріи болѣе научное, философское основаніе. Понятно, что и этотъ трактатъ былъ встрѣченъ богословскою и философскою критикою крайне недружелюбно. Зато другой трудъ Штиллинга, его «Тоска по родинѣ», гдѣ онъ излагалъ въ чисто популярной формѣ свои воззрѣнія на жизнь, на отношенія человѣка къ Богу и ближнему, гдѣ онъ училъ, что человѣкъ долженъ бѣжать отъ мірской суеты и господствующаго нечестія во внутренній міръ

своей души, что онъ долженъ жить въ Богѣ идля Бога, былъ написанъ съ такимъ теплымъ чувствомъ, съ такою силою внутренняго религіознаго убѣжденія, и въ такой изящной поэтической формѣ, что вызвалъ всеобщее сочувствіе и одобреніе. Эта книга проложила себѣ путь повсюду, начиная отъ царскихъ дворцовъ и оканчивая хижинами нищеты, она была переведена на всѣ европейскіе языки, она повела къ возникновенію Штиллинговскихъ общинъ во всѣхъ христіанскихъ странахъ.

Штиллингъ проповѣдывалъ, впрочемъ, свою религію сердца не одними только книгами и брошюрами, но прежде. и больше всего своимъ словомъ. Путешествуя то въ качествѣ врача, то миссіонера, онъ приносилъ повсюду не только тѣлесное излеченіе, но и врачеваніе духовное. Въ тысячахъ посѣщаемыхъ имъ семействъ онъ являлся возвѣстителемъ Христа и Его всеобъемлющей, всепрощающей любви. Личное знакомство съ курфюрстомъ Баденскимъ, Карломъ Фридрихомъ, человѣкомъ глубоко религіознымъ, дало ему полную возможность отдаться всецѣло дѣлу христіанской миссіи По собственнымъ словамъ Штиллинга, курфюрстъ освободилъ его отъ всѣхъ другихъ обязанностей и поручилъ ему заботиться исключительно, путемъ письменной переписки, литературныхъ изданій и личной проповѣди, о развитіи и поддержаніи религіи и практическаго христіанства, и Штиллингъ неутомимо и до конца жизни своей работалъ на указанномъ ему поприщѣ. Широкая благотворительность, издержки по дѣлу миссіи (одна переписка по почтѣ стоила ему ежегодно тысячу гульденовъ), содержаніе многочисленной семьи, истощали нерѣдко всѣ его средства и ставили въ положенія критическія, но какъ настоящій христіанинъ, какъ человѣкъ не отъ міра сего, онъ никогда не падалъ духомъ и не мучилъ себя заботами о завтрашнемъ днѣ. Онъ жилъ скорѣе въ сверхчувственномъ, а не въ земномъ мірѣ, и вѣра въ непосредственное участіе высшихъ духовныхъ силъ въ жизни человѣческой, была однимъ изъ крѣпчайшихъ пунктовъ его религіознаго убѣжденія.

Многія и притомъ важнѣйшія черты въ религіозномъ міросозерцаніи Штиллинга, развились подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ той страшной эпохи, которую пришлось ему пе-

режить въ лучшіе годы своей жизни. Ужасы французской революціи, кровавое владычество Наполеона, всеобщее нравственное разложеніе, исчезновеніе всѣхъ добродѣтелей, торжество грубой силы, оргіи тираніи, безпутства и нравственнаго уничиженія, приводили въ отчаяніе всѣхъ лучшихъ людей тогдашняго вѣка. У однихъ являлось непреодолимое желаніе бѣжать отъ этого погибающаго, разлагающагося міра, тогда какъ у другихъ, умовъ болѣе сильныхъ, естественно возникалъ вопросъ: какъ и чѣмъ можно спасти общество? И повсюду, люди самыхъ разнообразныхъ направленій и характеровъ, приходили къ одному и тому же отвѣту на этотъ вопросъ: нѣтъ иного спасенія, кромѣ пробужденія и углубленія религіознаго сознанія, кромѣ распространенія царства Божія на землѣ.

Штиллингъ съ своею нѣжною и любящею душею принималъ болѣе нежели кто-либо къ сердцу страданія современнаго ему человѣчества. День и ночь скорбѣлъ онъ о бѣдствіяхъ своихъ собратій, и основной, первоначальный источникъ всѣхъ золъ, страданій и извращенія не остался сокрытымъ для него. Онъ усматривалъ этотъ источникъ въ повсемѣстномъ паденіи вѣры, въ преобладаніи матеріалистическихъ воззрѣній и грубаго раціонализма, въ религіозномъ и философскомъ индифферентизмѣ, въ нетерпимости и враждѣ между различными исповѣданіями. Религія сердца, возвѣщаемая имъ, должна была, по его глубокому убѣжденію, поставить надежныя преграды распространенію пагубныхъ мнѣній и страстей; она должна была закрыть источникъ нечестія, безбожія и безнравственности. Торжество этой религіи должно было наступить, когда настанетъ моментъ великаго испытанія. Только посредствомъ этого испытанія будетъ возстановлено единство ученія, вѣры и духа въ церкви Христовой. Тогда не станутъ спрашивать никого, къ какой сектѣ принадлежитъ онъ, католикъ ли онъ, лютеранинъ, реформатъ, геренгутеръ, меннонитъ, ибо любовь соединитъ тогда всѣхъ связью совершенства, и горячая любовь къ Богу, подобная небесному огню, сольетъ всѣхъ въ одно вѣчное единство. Тогда будетъ лишь одна христіанская община».

И великій часъ испытанія наступилъ. Представитель насилія, безбожія, зла повелъ свои безчисленные легіоны въ

Россію, но вся его мощь распалась въ прахъ предъ несо крушимымъ поборникомъ Провидѣнія, возставшимъ въ лицѣ Александра. И еще разъ напрягаетъ міръ зла и нечестія всѣ свои силы. Новыя безчисленныя полчища собираются подъ знаменами тирана, и еще разъ возгорается борьба между царствомъ свѣта и царства тьмы. Но вокругъ Александра собираются всѣ народы Европы. Могущественнѣйшій государь міра католическаго и первый властитель міра протестантскаго вступаютъ въ братскій союзъ съ Александромъ, представителемъ міра православнаго. Предъ ихъ соединенными силами рушится владычество Наполеона, царство нечестія, злобы, невѣрія. Ихъ торжество есть вмѣстѣ съ тѣмъ и торжество истинной вѣры. «Чей образъ долженъ стоять», восклицаетъ Штиллингъ, «передъ глазами каждаго христіанина, какъ не образъ Александра Освободителя, но онъ долженъ стоять какъ знаменіе божественной любви и божественнаго состр745данія. Не долженъ ли испытывать каждый человѣкъ, а тѣмъ болѣе христіанинъ, при первомъ взглядѣ на это выразительное и прекрасное лицо, чувство живѣйшей и сердечнѣйшей благодарности къ Господу, пославшему сіе великое и избранное свое орудіе? При каждомъ созерцаніи портрета Александра, нашъ внутренній взоръ долженъ обращаться къ Тому, Которому одному приписываетъ Александръ побѣду, и приписываетъ не одними только словами, но и священнѣйшимъ ненарушимѣйшимъ намѣреніемъ посвятить служенію Господа всю свою дальнѣйшую жизнь» [1]).

Эти слова вылились изъ подъ пера Штиллинга, послѣ того великаго момента въ его жизни, когда ему пришлось предстать самому передъ лицо благословеннаго освободителя Европы, но еще ранѣе судьба свела его съ тою женщиною, которой приписываютъ такое вліяніе на императора Александра. Посмотримъ же, кто такая была Криденеръ, что могло сблизить ее съ Штиллингомъ и что заимствовала она отъ него.

[1]) См. Taschenbuch für Freunde des Christenthum's von J. Stilling, за 1814 г. стр. 3.

ГЛАВА VI.

Г-жа Криденеръ, происхожденіе, воспитаніе, характеръ.—Замужество.—Начало бродячей жизни. — Неудачный романъ.—Свѣтскіе успѣхи.—Переходъ на литературное поприще.— «Валерія» и причины ея успѣха.—Наполеонъ Бонапарте и г-жа Криденеръ.—Сожженіе Валеріи.—Черный ангелъ.—Бѣгство въ Ливонскую глушь.— Обращеніе г-жи Криденеръ.—Характеръ ея религіозности.—Моравскіе братья и г-жа Криденеръ.—Новый пророкъ.—Королева Луиза и г-жа Криденеръ.—Мистики и пророки.—Проповѣди г-жи Криденеръ.—Образчикъ ея созерцаній.—Марія Куммеръ и ея пророчества.—Наполеонъ и Александръ.—Отношенія мистиковъ къ Александру.—Мнимый заговоръ хиліастовъ.—Легендарныя сказанія объ Александрѣ и Криденеръ.—Юнгъ Штиллингъ и Стурдза.—Пріѣздъ императора Александра въ Баденъ.—Встрѣча въ Рорбахѣ.—Бесѣда Александра съ дѣвицею Стурдза.—Большой пріемъ въ Брухзалѣ.—Второй разговоръ Александра съ Стурдзою.—Тройной союзъ.—Г-жа Свѣчина и ея отношенія къ Криденеръ и мистикамъ.—Шишковъ и императрица Елизавета.—Отъѣздъ Александра.—Прибытіе въ Россію.—Встрѣча государя въ Петербургѣ.—Послѣдствія отечественной войны.—Русскій народъ и русская знать.—Милостивый манифестъ.—Шишковъ и крѣпостное право.—Гнѣвъ Александра и исправленіе манифеста.—Отъѣздъ государя на конгрессъ въ Вѣну.

Религіозное настроеніе, пробужденное и усиленное великими и потрясающими событіями эпохи, охватывало съ одинаковою силою людей всѣхъ состояній и половъ. Смотря по индивидуальности, оно принимало, однакоже, самыя разнообразныя формы, и если у однихъ божественная любовь горѣла тихимъ и яркимъ свѣтомъ, то у другихъ она прорывалась всепожирающимъ пламенемъ. Юнгъ-Штиллингъ и Юлія ф. Криденеръ [1])

[1]) Литература по вопросу о m-me Криденеръ и объ ея отношеніяхъ къ императору Александру чрезвычайно обширна. Источниками этой литературы являются, во-первыхъ, письма и произведенія самой Криденеръ, а во-вторыхъ, письма и мемуары ея современниковъ. Криденеръ вела чрезвычайно обширную переписку, но едва ли не самая важная часть этой переписки остается, по различнымъ причинамъ, неизданною и по сію пору. Изъ литературныхъ произведеній

могутъ считаться двумя наиболѣе характерными типами этой своеобразной мистической религіи. Основы ихъ вѣрованій, ихъ настроеній, ихъ порывовъ, повидимому, однѣ и тѣ же, но онѣ проявляются у каждаго изъ нихъ совершенно особымъ образомъ и приводятъ въ концѣ концевъ къ совершенно различнымъ результатамъ. Юнгъ-Штиллингъ является апостоломъ божественной любви и индивидуальнаго откровенія; Ю. ф. Криденеръ идетъ далѣе своего мистическаго учителя, она выступаетъ, наконецъ, въ роли пророчицы.

Юлія ф. Криденеръ, урожденная ф. Фитингофъ, родилась [1]) въ высшемъ сословіи. Знатность, богатство и роскошь окружали ея колыбель. Дочь Ливонскаго магната и богача [2]), внучка знаменитаго фельдмаршала Миниха, она получила воспитаніе чисто свѣтское, другими словами, совершенно пустое. Ее учили французскому языку, манерамъ, танцамъ, а на раз-

Криденеръ имѣетъ особенно важное значеніе романъ ея: Valerie ou Lettres de Gustaw de Linar à Ernest de G...., появившійся въ декабрѣ 1803 г., выдержавшій въ короткое время нѣсколько изданій, но теперь совершенно забытый. Въ 1837 г. извѣстный французскій критикъ Сенъ-Бевъ издалъ вновь Валерію, снабдивъ ее большимъ предисловіемъ, въ которомъ онъ далъ не только блестящую, но и во многихъ отношеніяхъ совершенно вѣрную характеристику Криденеръ и ея романа. M-me Криденеръ обрѣла себѣ массу біографовъ, произведенія которыхъ переполнены, къ сожалѣнію, вымыслами и баснями. Къ числу такихъ біографій можно отнести слѣдующія: біографію, помѣщенную въ Biographie universelle et portative des Contemporains; біографію, изданную на нѣмецкомъ языкѣ въ Бернѣ, въ 1868 г. какимъ-то анонимомъ; произведеніе извѣстнаго историка баснописца Капефига: La baronne de Krüdener etc; трудъ Lacroix или библіофила Жакоба, подъ заглавіемъ «m-me Krudener» и многія другія. Самымъ солиднымъ жизнеописаніемъ Криденеръ остается и по сію пору сочиненіе Эйнара: Vie de madame Krudener, изданное въ Парижѣ, въ 1849 г., въ двухъ объемистыхъ томахъ. Книга Эйнара, написанная въ духѣ религіозномъ, даетъ массу самаго цѣннаго матеріала, хотя и не отличается при этомъ строгою критикою. Въ послѣднее время жизнь m-me Криденеръ послужила предметомъ изысканій для Мюленбека, книга котораго Etude sur les origines de la sainte-Alliance является однимъ изъ важнѣйшихъ пособій для изученія жизни и вліянія m-me Криденеръ. Изъ русскихъ сочиненій о Криденеръ можно указать на извѣстныя статьи Пыпина.

[1]) Ю. Криденеръ родилась 11 ноября 1764 г. Вопреки утвержденію нѣкоторыхъ ея біографовъ, она была крещена по лютеранскому обряду, какъ видно это изъ оффиціальнаго документа, сообщеннаго Мюленбеку пасторомъ Гахргендомъ, см. Мюленбекъ, Etude sur les origines de la Sainte Alliance, стр. 42.

[2]) Оттонъ Германъ ф. Фитингофъ игралъ въ свое время большую роль въ провинціальной ливонской жизни. Подробности о немъ см. у Еккарта: Die Baltischen Prowinzen Russland's, 2-е изданіе, стр. 299 и слѣд.

витіе ея ума и сердца не обращали никакого вниманія [1]). Ея главными воспитателями были танцмейстеръ и французская гувернантка. Ее выдали замужъ, не спрашивая о ея желаніи, за образованнаго и почтеннаго человѣка, барона ф. Криденера, занимавшаго важные дипломатическіе посты, бывшаго русскимъ посломъ сначала въ Митавѣ, потомъ въ Венеціи, въ Копенгагенѣ и, наконецъ, въ Берлинѣ. Ф. Криденеръ думалъ сдѣлать хорошую партію, вступая въ бракъ съ дочерью богача Фитингофа, но онъ жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ. Его молодая жена отличалась крайнимъ легкомысліемъ и невѣроятною пустотою. Она смотрѣла на жизнь какъ на веселую шутку, и не ожидала отъ нея ничего иного кромѣ наслажденій и развлеченій. Ея супругъ существовалъ, по ея мнѣнію, лишь для того, чтобы неустанно ласкать ее, преклоняться передъ нею, удовлетворять всѣмъ ея причудамъ и капризамъ. Ф. Криденеръ, человѣкъ съ широкимъ образованіемъ, знатокъ философіи и поклонникъ Ж. Ж. Руссо, старался перевоспитать свою жену, обогатить познаніями ея умъ, развить и облагородить ея вкусъ, пробудить въ ней охоту къ серьезнымъ занятіямъ, но потерпѣлъ въ этихъ своихъ попыткахъ полнѣйшую неудачу [2]).

Онъ пріучилъ ее лишь къ чтенію сентиментальныхъ романовъ, внушилъ ей самое высокое понятіе объ ея красотѣ и умѣ, но не успѣлъ сдѣлать изъ нея ни любящей матери, ни хорошей хозяйки, ни даже настоящей салонной дамы. M-me Криденеръ привыкла обращать вниманіе лишь на тѣхъ, кто нравился ей, или кто ухаживалъ за нею. Весь остальной свѣтъ положительно не существовалъ для нея. Ея жизнь проходила въ одной погонѣ за удовольствіями и развлеченіями. Сначала она

[1]) О воспитаніи Ю. ф. Криденеръ мы имѣемъ, строго говоря, мало обстоятельныхъ свѣдѣній. Не подлежитъ сомнѣнію лишь то, что оно было чисто свѣтское и поверхностное.

[2]) Объ отношеніяхъ Ю. ф. Криденеръ къ ея супругу см. соотвѣтствующіе отдѣлы во всѣхъ біографіяхъ, названныхъ нами въ прим. 1-мъ. Что Юлія требовала отъ своего супруга очень многаго, видно изъ слѣдующихъ словъ: «Пусть меня отдадутъ за такого, котораго бы я любила, или могла бы любить, или же, если не обратятъ вниманія на мое сердце, то пусть я найду въ моемъ мужѣ все, что могло бы занять мою голову и удовлетворить мое тщеславіе на счетъ моего сердца». Изъ письма къ Бернардину де С. Пьеру, у Эйнара. Т. I, стр. 10.

пыталась возбудить ревность своего мужа, разсчитывая оживить этимъ способомъ его замирающую любовь [1]), но убѣдившись въ его холодности, начала искать себѣ развлеченій на сторонѣ. Подъ предлогомъ болѣзни, она покинула своего мужа, занимавшаго въ то время постъ русскаго посла въ Копенгагенѣ, и отправилась для излѣченія и подкрѣпленія своихъ нервовъ въ Парижъ и Южную Францію. Наступалъ революціонный 1789 г. и вся Франція находилась въ состояніи лихорадочнаго возбужденія. Все элегантное общество было помѣшано на идеяхъ свободы и равенства, на правахъ человѣка, на раздѣленіи властей. Классическія воспоминанія республиканской древности были у всѣхъ на языкѣ. Г-жа Криденеръ никогда не занималась до сихъ поръ политикою, но теперь, увлекаемая всеобщимъ потокомъ, она изучила путешествіе молодаго Анахарзиса, прониклась республиканскимъ духомъ Греціи и Рима и попыталась играть роль въ либеральныхъ салонахъ Парижа [2]). Ея попытки не имѣли, однакоже, особеннаго успѣха. Для того, чтобы играть роль въ Парижскомъ салонѣ недостаточно было одной красивой внѣшности и умѣнья поддерживать веселый, свѣтскій разговоръ съ республиканскимъ оттѣнкомъ. Для этого требовалось нѣчто иное, и прежде всего-болѣе широкія и солидныя свѣдѣніи, нежели тѣ, коими обладала Ливонская баронесса. Сдѣлавъ это не совсѣмъ пріятное для себя открытіе, г-жа Криденеръ оставила Парижъ, гдѣ она надѣлала 20,000 фран. долгу, и поспѣшила на югъ Франціи въ сопровожденіи какого то ученаго, хотя и пожилаго аббе... Въ Монпеллье, и особенно на водахъ въ Барежѣ, баронесса нашла для себя болѣе подходящее общество и болѣе доступное для нея развлеченіе. Тутъ же встрѣтилась она съ молодымъ драгунскимъ офицеромъ, маркизомъ де Фрегевилемъ, и, по собственнымъ ея словамъ, обрѣла въ немъ то счастье, котораго искала она до сихъ поръ напрасно въ обществѣ своего мужа.

[1]) Одно время m-me Криденеръ старалась увѣрить другихъ, а можетъ быть и самое себя, что она любитъ своего мужа. См. ея письма къ Бернардину де С. Пьеру у Эйнара, стр. 17—18.

[2]) Путешествіе молодаго Анахарзиса соотвѣтствовало какъ нельзя болѣе потребностямъ и вкусамъ той, въ сущности, извращенной и избалованной среды, къ которой принадлежала и m-me Криденеръ. См. Эйнаръ. Т. I, стр. 31.

Ослѣпленная своей страстью окончательно, m-me Криденеръ рѣшила добиваться развода, но баронъ, супругъ ея, придававшій особенное значеніе своей сословной и семейной чести, отказалъ ей наотрѣзъ и предложилъ ей отправиться къ матери въ Лифляндію. M-me Криденеръ послѣдовала, повидимому, этому совѣту, но она отправилась въ путь въ сопровожденіи своего возлюбленнаго, мечтая провести съ нимъ „остатокъ своей жизни". Маркизъ де-Фрегевиль смотрѣлъ, однакоже, на дѣло иными глазами. Экзальтированная любовь баронессы успѣла уже ему надоѣсть. Въ одинъ прекрасный день онъ объявилъ своей спутницѣ, что онъ не можетъ сопровождать ее далѣе, такъ какъ долгъ чести и патріотизма предписываетъ ему возвратиться на родину. M-me Криденеръ принуждена была подчиниться „своей судьбѣ" [1]). Но и ея любовь не отличалась, какъ видно, ни особенною силою, ни глубиною. По крайней мѣрѣ, она примирилась очень скоро съ потерею своего друга и съумѣла найти себѣ иныя развлеченія. Основныя свойства ея натуры: легкомысліе и подвижность выступили теперь окончательно на первый планъ. Бродячая жизнь, веселое общество, пріобрѣли теперь въ ея глазахъ исключительное значеніе. Воля родителей, а еще болѣе денежныя затрудненія побуждали ее неодкратно сойтись вновь съ покинутымъ супругомъ, но каждая такая попытка оканчивалась новымъ разъѣздомъ и усиленнымъ охлажденіемъ. Демонъ тщеславія овладѣлъ окончательно душою m-me Криденеръ. Всякая зависимость отъ кого бы то ни было, всякое второстепенное положеніе, казались ей невыносимыми. Вездѣ и повсюду хотѣла она занимать первое мѣсто, приковывать къ себѣ всеобщее вниманіе. Она считала себя не только самою обворожительною, но и самою умною женщиною въ свѣтѣ. Пока она сохраняла свѣжесть молодости, пока толпились вокругъ нея поклонники, она предавалась всецѣло шумной, свѣтской жизни. Любовь стояла для нея на первомъ планѣ; во всѣхъ ея личныхъ связяхъ и отношеніяхъ лю-

[1]) Подробности этой романической исторіи см. у Эйнара. Т. I стр. 42—50, гдѣ все дѣло выставлено, по возможности, въ снисходительномъ для баронессы видѣ, а также у Мюленбека, стр. 49—52, гдѣ, наоборотъ, вещи называются ихъ собственными именами.

бовь играла первую роль, являлась основнымъ фономъ всѣхъ ея треволненій, горя и радости. Желаніе блистать въ свѣтѣ, затмѣвать всѣхъ своихъ соперницъ своими преимуществами было вторымъ основнымъ мотивомъ ея жизни. Все должно было преклоняться передъ ея красотою и граціею; всѣ должны были признавать ее первою и на балу, и въ салонѣ. Она была убѣждена, что ни одна женщина не можетъ одѣваться такъ изящно и съ такимъ вкусомъ, какъ она; что ни одна женщина не можетъ соперничать съ нею ни въ танцахъ, ни въ изобрѣтеніи все новыхъ и новыхъ развлеченій, ни въ остроумной свѣтской болтовнѣ. И дѣйствительно, нельзя не сознаться, что m-me Криденеръ умѣла долгое время занимать выдающееся мѣсто въ такъ называемомъ свѣтскомъ обществѣ, считаться одною изъ первыхъ звѣздъ на горизонтѣ большаго свѣта. Повсюду, гдѣ ни появлялась она, на водахъ ли въ Теплицѣ, въ Лозаннѣ въ кружкѣ французскихъ эмигрантовъ, въ Женевѣ, въ средѣ литераторовъ и ученыхъ дамъ, въ Лейпцигѣ, среди чопорныхъ нѣмецкихъ гелертеровъ, въ Берлинѣ, гдѣ все, начиная отъ королевскаго двора, дышало монотоностью и скукою, въ Парижѣ ли, наконецъ, этомъ центрѣ свѣта, вездѣ она умѣла привлечь къ себѣ вниманіе свѣтской толпы. Только въ Ливоніи, въ своемъ отцовскомъ помѣстьѣ, Коссѣ, она испытывала невыносимую скуку одиночества, только здѣсь, среди невѣжественыхъ полудикихъ крестьянъ и грубыхъ ландюнкеровъ, нападало на нее по временамъ вмѣстѣ съ чувствомъ одиночества и другое болѣе тяжелое чувство. Сознаніе собственнаго ничтожества и внутренной пустоты закрадывалось по временамъ въ ея душу. Потребность болѣе высшей и духовной жизни пробуждалась во внутреннѣйшей глубинѣ ея существа. Въ такія минуты она вспоминала о Богѣ, пыталась искать утѣшенія въ молитвѣ, стремилась заняться дѣлами благотворительности [1]). Но подобное настроеніе проходило тотчасъ же, какъ только денежныя обстоятельства давали баронессѣ возможность выбраться изъ Ливонскаго захолустья и броситься вновь въ омутъ свѣтской жизни.

[1]) Въ такія минуты она была способна и на восторженныя религіозныя изліянія, образцомъ которыхъ можетъ служить, напр., ея письмо къ m-me Армандъ, помѣщенное у Эйнара, Т. I, стр. 93—95.

Такъ проходили годы и время начало брать свое. Семейное положеніе m-me Криденеръ измѣнилось. 14-го іюня 1802 г. скончался ея мужъ. Еще ранѣе сошелъ въ могилу отецъ ея, старый баронъ Фитингофъ. Заботы о семьѣ, о дѣтяхъ должны были лечь всецѣло на m-me Криденеръ, но ея душа занята была совершенно иными заботами и инымъ горемъ. Съ ужасомъ замѣчала она, что время начало перерождать ее саму, что ея молодость и красота начали блекнуть и увядать. Она вступала въ тридцать шестой годъ своей жизни. А между тѣмъ страсть нравиться, желаніе обращать на себя вниманіе, ни какъ не могли улечься въ ней. Лишь постепенно зарождалась у нея мысль перейти на иное поприще, искать удовлетворенія своему тщеславію на поприщѣ литературной славы.

Такая жизнь естественно явилась у нея, благодаря тому литературному кружку, въ которомъ приходилось вращаться ей отъ времени до времени. Лавры, пожинаемые m-me Сталь, не давали ей покоя. Она взялась сама за перо и начала писать романъ. И въ этой затѣѣ она искала прежде всего удовлетворенія своему тщеславію. Она задумала писать свою Валерію, какъ разъ въ то время, когда вѣсть о смерти мужа должна была, повидимому, навести ее на болѣе серьезныя мысли. Но горе ея не могло быть продолжительно. „Искушенія міра", говоритъ ея набожный біографъ, не замедлили взять надъ нею свою прежнюю власть. [1]) Она пустила вновь въ ходъ тотъ соблазнительный танецъ шали, который придумала когда-то пресловутая леди Гамильтонъ и въ которомъ она сама производила такой эффектъ. Несмотря на здоровье и свѣжесть, возвращенныя ей заботами д-ра Бутини, она знала, что ей не придется уже долго располагать преимуществами юности и она вознамѣрилась искать себѣ болѣе прочнаго удовлетворенія, составивъ себѣ громкое имя въ литературѣ" [2]).

[1]) Правда, самъ Эйнаръ описываетъ яркими красками ея горе, ея раскаяніе, но въ концѣ концовъ онъ замѣчаетъ: «Mais le souvenir qui la désolait et la poursuiviait avec acharnement n'etait pas encore le marteau qui devait briser son orgueil et la forcer à demander grâce. Elle n'etait point prêt a accepter le remède qu'elle aurait dû recevoir de la douleur même, elle foula aux pieds cette nouvelle grâce et repoussa la main que Dieu lui tendait». Эйнаръ. Т. I, стр. 118.

[2]) Эйнаръ. Т. I, стр. 123.

Романъ, состряпанный, наконецъ, m-me Криденеръ, забытъ неблагодарнымъ потомствомъ. Современный читатель соскучился бы уже на первыхъ страницахъ Валеріи, но въ началѣ XIX столѣтія въ обществѣ, проникнутомъ по крайней мѣрѣ на поверхности сентиментально сладкимъ и плаксивымъ настроеніемъ временъ новой Ѳлоизы и Вертера, подобная книга могла имѣть значительный успѣхъ и вызвать своего рода сенсацію. Что такое Валерія? Прежде всего романъ въ письмахъ, т. е. именно въ той формѣ, которая такъ претитъ теперешнему вкусу, но которая имѣла такой успѣхъ въ концѣ XVIII столѣтія. Во вторыхъ, это романъ, наполненный съ начала до конца сентиментальными изліяніями, это исторія странной платонической любви, въ основѣ которой таится однако изысканная, противная, по самой натурѣ своей, чувственность Авторъ, видимо, старается прикрыть эту основную струю своего произведенія при помощи громкихъ, нравственныхъ фразъ, въ которыхъ слова: добродѣтель, стыдливость, чистота—повторяются до приторности, но усилія его остаются тщетными, и догадливый читатель „Валеріи" очень скоро приходитъ къ убѣжденію, что вся эта высоко нравственная книга написана съ заднею мыслью раздражать чувственность и возбуждать переутомленные нервы свѣтскаго читателя и особенно читательницы [1]).

[1]) Содержаніе «Валеріи» слѣдующее: Нѣкто Густавъ де Линаръ, разумѣется, изящный аристократъ, влюбляется до безумія въ изящную и прелестную аристократку, жену своего друга, графа М., но онъ любитъ ее любовью чисто платоническою и воздерживается даже отъ всякаго признанія. Спустя нѣкоторое время, послѣ потери своего единственнаго ребенка, графиня отправляется путешествовать съ своимъ супругомъ. Возлюбленный ея остается въ Венеціи, гдѣ, сказать мимоходомъ, происходитъ все дѣйствіе романа. Отъ нечего дѣлать, онъ изливаетъ свою любовную тоску въ безконечно длинныхъ и невѣроятно скучныхъ письмахъ къ своему пріятелю Эрнесту de G... Кромѣ того онъ начинаетъ ухаживать за какою то простенькою дѣвицею, наряжаетъ ее точно такъ же, какъ одѣвалась его возлюбленная и забывается, наконецъ, до того, что начинаетъ припимать ее за свою «настоящую Валерію». Въ самый рѣшительный моментъ, является, однакоже, Валерія настоящая. Въ ночь, слѣдующую за ея пріѣздомъ, загораются оконныя занавѣски въ комнатѣ, сосѣдней съ ея спальнею. Густавъ тушитъ пожаръ и пользуясь случаемъ, проникаетъ въ комнату, гдѣ почиваетъ сномъ невинности его Валерія. Увлекаемый страстью, онъ бросается къ ней, хватаетъ ее за руку, но замѣчаетъ въ этотъ моментъ на ея пальцѣ обручальное кольцо. Прикосновеніе этого кольца возвращаетъ ему разсудокъ. Онъ удаляется съ восклицаніемъ: «Я могу

Какъ-бы то ни было, но „Валерія" имѣла на первыхъ порахъ большой успѣхъ и выдержала нѣсколько изданій. Эти внѣшніе успѣхи книги объяснялись, впрочемъ, не столько ея собственными достоинствами, сколько тою искусною и безцеремонною рекламою, которая при ея появленіи въ свѣтъ была пущена въ ходъ отчасти самою баронессою Криденеръ, отчасти ея друзьями и знакомыми. Между прочимъ г-жа Криденеръ объѣзжала самолично всѣ модные магазины Парижа, разумѣется incognito, и спрашивала повсюду: шляпы, перья, гирлянды, ленты à la Valerie. Поддерживаемая въ этихъ стараніяхъ нѣкоторыми изъ своихъ друзей, она достигла самыхъ невѣроятныхъ результатовъ. Не прошло и недѣли, и вся парижская модная коммерція помѣшалась окончательно на Valerie; всѣ articles de Paris дѣлались не иначе, какъ à la Valerie и требованія на книгу возрасли, разумѣется, въ громадной прогрессіи [1]).

Не только подкупленная критика, находившаяся въ рукахъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ писакъ, но даже и такія литературныя свѣтила тогдашняго общества, какъ m-me Сталь, какъ виконтъ Шатобріанъ, отзывались одобрительно о „Валеріи", если и не въ печати, то по крайней мѣрѣ въ салонѣ. M-me Криденеръ имѣла основаніе торжествовать, но она считала торжество это неполнымъ до тѣхъ поръ, пока ея „Валерія" не удостоится милостиваго отзыва изъ устъ того человѣка, предъ которымъ преклонялась вся Франція, изъ устъ Наполеона Бонапарте. Что подобная мысль могла сдѣлаться завѣтною мечтою баронессы указываетъ намъ нагляднѣе всего на ея колоссальное тщеславіе и невѣроятное самомнѣніе. Обстоятельство это на первый взглядъ мелочное, имѣетъ для насъ еще особое значеніе. Оно показываетъ намъ какъ падка была лифляндская баронесса до знакомства съ великими міра сего, и какъ не стѣснялась она въ средствахъ лишь бы обратить на себя вниманіе тѣхъ лицъ, кои казались ей героями и вершителями судебъ.

удалиться отъ тебя! Я уважаю тебя, о Валерія! Не забудь этого моего высшаго мужества! Оно заглаживаетъ всѣ мои ошибки». Вскорѣ послѣ этой сцены Густавъ умираетъ, разумѣется, отъ любви, а его Валерія и ея супругъ оплакиваютъ его.

[1]) Объ этихъ продѣлкахъ m-me Криденеръ говорятъ подробно всѣ ея біографы, не исключая и набожнаго Эйнара.

Рѣшившись проложить своей „Валеріи“ путь къ великому властелину Франціи, m-me Криденеръ пустила въ ходъ самыя вѣрныя средства. Ей было хорошо извѣстно, что первый консулъ любитъ просматривать въ часы досуга всѣ вновь выходящіе романы и что библіотекарь государственнаго совѣта, Антуанъ Барбье, обязанъ доставлять ежедневно своему властелину, какъ всѣ литературныя новости по части белетристики, такъ и книги, присылаемыя самими авторами. М-me Криденеръ заручилась расположеніемъ библіотекаря и упросила его положить на читальный столикъ Наполеона „ея Валерію“. Первый консулъ дѣйствительно обратилъ вниманіе на книгу, но пробѣжавъ нѣсколько страницъ, отбросилъ ее въ сторону, не поинтересовавшись даже узнать имя автора. На другой день Бонопарте съ досадою замѣтилъ библіотекарю: „Вы кажется забыли, Барбье, что я не люблю романовъ въ письмахъ. Подобныя книги годятся только для женщинъ, которыя не знаютъ на что терять свое время.“ Эта первая неудача нисколько не обезкуражила m-me Криденеръ, и ея друга библіотекаря. Она взяла другой экземпляръ Валеріи, заказала великолѣпный переплетъ и передала его Барбье. Къ книгѣ баронесса приложила письмо на имя Наполеона, въ которомъ она просила его принять милостиво твореніе иностранки, избравшей Францію родиною своего сердца. Барьбе положилъ роскошный экзепмпляръ „Валерію“ на столъ и Наполеонъ, привлеченный изящною внѣшностью книги, тотчасъ-же взялъ ее въ руки. Пробѣжавъ двѣ, три страницы, первый консулъ убѣдился, что онъ имѣлъ уже случай познакомиться съ этою скучною книгою и съ досадою швырнулъ ее подъ столъ. Въ этотъ моментъ бросилось ему въ глаза письмо m-me Криденеръ, но его досада усилилась еще болѣе, когда онъ ознакомился съ содержаніемъ посланія баронессы. Съ негодованіемъ позвонилъ онъ своего библіотекаря и обратился къ нему съ такими словами: „Мнѣ кажется, что баронесса Сталь обрѣла наконецъ своего Созія: [1]) послѣ Дельфи-

[1]) Т. е. своего вѣрнаго рабскаго подражателя, ибо имя Созія встрѣчается въ произведеніяхъ римскихъ комиковъ, какъ имя вѣрнаго и исполнительнаго раба. Слѣдуетъ замѣтить, что Криденеръ дѣйствительно подражала въ своей Валеріи извѣстному роману m-me Сталь «Дельфина».

ны-Валерія! Одна стоитъ другой: тотъ же пафосъ, та-же пустая болтовня. Женщины будутъ падать съ наслажденіемъ въ обморокъ при чтеніи этой сентиментальной чепухи. Посовѣтуйте отъ меня этой сумасшедшей Криденеръ, чтобы она писала впредь свои сочиненія по-русски или по-нѣмецки, дабы мы избавились въ будущемъ отъ этой невыносимой литературы." Барбье, какъ человѣкъ вполнѣ свѣтскій не передалъ, разумѣется, лично баронессѣ Криденеръ мнѣнія и совѣта своего повелителя, но онъ позаботился сообщить ей эту непріятную новость черезъ посредство другихъ лицъ. Негодованіе „Криднерши" было велико, но она съумѣла побороть его въ себѣ, и рѣшилась предпринять еще одну, послѣднюю попытку. Барбье и на этотъ разъ оказался „самоотверженнымъ ея ковалеромъ".—Третій, еще болѣе великолѣпный экземпляръ „Валеріи" появился вновь на читальномъ столѣ грознаго властелина Франціи, но и Наполеонъ съ своей стороны принялъ на этотъ разъ рѣшительныя мѣры. Замѣтивъ опять ненавистную книгу на своемъ столѣ онъ тотчасъ же схватилъ ее и бросилъ въ огонь. „Вы черезъ чуръ снисходительны къ печатной бумагѣ," сказалъ онъ на другое утро своему библіотекарю, „отнынѣ я буду жечь безъ пощады все, что не стоитъ труда читать. Пусть женщины писательницы освободятъ меня отъ этой работы и бросаютъ сами въ огонь свои сочиненія вмѣстѣ съ своими старыми любовными письмами" [1]).

Легко себѣ представить, какъ подѣйствовала на тщеславную баронессу вѣсть объ этомъ автодафе! До сихъ поръ она преклонялась предъ Бонапартомъ вмѣстѣ съ толпою; теперь она возненавидѣла его всѣми силами своей души. Геній и избранникъ провидѣнія, благодѣтель человѣчества, превратился теперъ для нея въ адскаго демона, въ „Чернаго ангела," пос-

[1]) Вся эта исторія находится въ извѣстномъ сочиненіи библіофила Жакоба (La-Croix), стр. 29—34. Жакобъ относился, правда, крайне легкомысленно къ своимъ источникамъ, пренебрегалъ самыми основными правилами критики и наполнялъ свою книгу вымыслами и баснями, но въ данномъ случаѣ, разсказъ его не лишенъ большой доли вѣроятности, такъ какъ онъ находится въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ характеромъ дѣйствующихъ лицъ, особенно Наполеона. Жакобъ увѣряетъ, впрочемъ, что онъ получилъ это свидѣтельство отъ современника, человѣка вполнѣ безпристрастнаго, чуждаго de toute malveillance.

ланнаго для наказанія людей. Она не могла оставаться долѣе въ резиденціи этого демона зла. Парижская почва, столь воспріимчивая ко всякаго рода сплетнѣ, горѣла у нея подъ ногами. Она убѣжала изъ родины своего сердца, по справедливому опасенію сдѣлаться—смѣшною и бѣжала на свою настоящую родину, въ Лифляндію. Только здѣсь, въ ливонской глуши, въ отцовскомъ имѣніи Коссѣ, среди еловыхъ лѣсовъ и въ обществѣ „полуварваровъ" могла забыть баронесса, хотя на время, свое горе, только здѣсь могло успокоиться хотя нѣсколько ея оскорбленное самолюбіе. M-me Криденеръ вела теперь совершенно уединенную жизнь, она избѣгала даже мѣстнаго общества и проводила время почти исключительно съ своею дочерью. Молоденькая Жюльета, по случаю своей конфирмаціи, занималась усердно закономъ Божіимъ подъ руководствомъ мѣстнаго проповѣдника. M-me Криденеръ подъ вліяніемъ томившей ея тоски, а можетъ быть, просто отъ бездѣлья, принимала дѣятельное участіе въ ея занятіяхъ. Она повторяла вмѣстѣ съ нею катихизисъ, прочитывала различныя религіозныя книги и брошюры, и находила даже по временамъ удовольствіе въ набожныхъ бесѣдахъ съ пасторомъ. Причины чисто внѣшнія, не имѣвшія, очевидно, ничего общаго съ настоящимъ религіознымъ пробужденіемъ, играли большую роль въ подготовлявшемся въ ней переворотѣ. И съ нею начинало повторяться то, что совершалось уже столько разъ съ другими блестящими дамами большого свѣта. И для нея наступила пора, когда принужденная отказаться отъ любви земной, она начала искать занятій и спасенія въ любви небесной. У подобныхъ дамъ любовь небесная представляетъ впрочемъ не мало аналогій съ любовью земной. „Галантныя дамы", замѣчаетъ Saint-Evremond, посвящающія себя „милому Богу", приносятъ Ему обыкновенно изношенную душу, ищущую занятій. Ихъ набожность можно назвать новою страстью, и ихъ нѣжное сердце, въ порывѣ самаго покаянія, мѣняетъ лишь предметъ своей любви" [1]). Несомнѣнно, что и m-me Криденеръ пришла

[1]) S.-Evremond, «Que la devotion est le dernier de nos amours» См. A. Fournier, Historische Studien und Skizzen, стр. 340.

къ религіозному настроенію, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ тѣхъ неудачъ, которыя постигли ее сначала на галантномъ, а затѣмъ и на литературномъ поприщѣ. Ея набожность начала проявляться все съ большею и большею силою съ того момента, когда она потерпѣла поочередно fiasco и въ любви и въ поэзіи. Ей начало вдругъ представляться, что она любила и прежде „милаго Бога", что она написала свою „Валерію", главнымъ образомъ, для того, чтобы развить и въ другихъ тѣ религіозныя чувства, которыя внушало ей само небо. Да, впрочемъ, нельзя отрицать, что извѣстнаго рода набожность проявлялась въ m-me Криденеръ очень давно, чуть не съ дѣтскаго возраста. Еще въ ранней молодости она сошлась съ какою-то католическою монахинею, и проводила вмѣстѣ съ нею цѣлые часы въ набожныхъ упражненіяхъ. Занятая своими любовными успѣхами, она возсылала предъ алтаремъ такія молитвы. „Благій Боже! даровавшій мнѣ мою сестру и моего возлюбленнаго, я люблю, я почитаю Тебя" [1]).

Спрашивается, чѣмъ-же отличалась новая набожность баронессы, обнаруживавшаяся послѣ ея такъ называемаго обращенія, отъ набожности прежней? Намъ кажется, что все различіе сводится въ данномъ случаѣ не къ качеству, а къ количеству. Если въ прежнія эпохи жизни m-me Криденеръ религіозность прорывалась лишь по временамъ и подавлялась иными аффектами и страстями, то теперь она взяла окончательно верхъ надъ всѣми иными движеніями души и сдѣлалась настроеніемъ господствующимъ. Но характеръ этой религіозности не измѣнился ни мало и продолжалъ носить на себѣ тотъ же чисто субъективный и страстный характеръ. „Обращенная", „просвѣщенная" Юлія Криденеръ говоритъ съ своимъ Богомъ тѣмъ же языкомъ любви, которымъ говорила она и прежде. „Какъ могу выразить я", восклицаетъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ, относящихся къ эпохѣ „просвѣщенія", „нѣжность моего сердца, какъ изобразить потокъ моихъ слезъ, какъ высказать то, чѣмъ проникнуто все мое существо, когда я несчастный земной червь, чувствую себя столь любимымъ. Надняхъ я говорила

[1]) См. A. Fournier, Historische Studien und Skizzen, стр. 340.

своему Господу: что могу сказать я Тебѣ, мой возлюбленный. Ѳ, еслибы я могла превозгласить по всему свѣту, по всѣмъ небесамъ, какъ горячо я люблю Тебя!" [1]).

Въ чемъ состояло, однакоже, обращеніе m-me Криденеръ, которому нѣкоторые изъ ея біографовъ придаютъ такое особенное значеніе [2]). Строго говоря, и это обращеніе представляетъ собою явленіе самое заурядное. Основнымъ мотивомъ является и тутъ, какъ въ сотняхъ и тысячахъ подобныхъ же исторій,—страхъ передъ смертью. Разсказываютъ, что баронесса была случайною свидѣтельницею внезапной смерти одного изъ своихъ знакомыхъ, а нѣкоторые прибавляютъ даже, что этотъ знакомый былъ послѣднимъ предметомъ ея земной любви [3]). Какъ бы то ни было, но этотъ случай произвелъ на баронессу впечатлѣніе потрясающее. Пораженная ужасомъ, она вдругъ проникласъ сознаніемъ своей грѣховности. Свѣтъ и люди, и всѣ прежніе кумиры ея страсти сдѣлались для нея ненавистными. Всецѣло отдалась она своимъ размышленіямъ и чувству глубокаго раскаянія. Она заперлась въ своей комнатѣ и въ теченіе долгаго времени не хотѣла видѣть никого, не исключая и своей дочери [4]). По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, баронесса порѣшила, однакоже, выйти на свѣжій воздухъ. При этомъ случаѣ ей понадобились башмаки, но говорятъ набожные біографы, таковыхъ не оказалось (?). Пришлось послать за башмачникомъ. Пока онъ снималъ мѣрку, баронесса не хотѣла даже смотрѣть на него и закрыла себѣ лицо руками. Но вдругъ башмачникъ обращается къ ней съ какимъ

[1]) См. A. Fournier, Historische Studien und Skizzen, стр. 341.

[2]) Подробности объ обращеніи m-me Криденеръ см. въ особенности у Ch. Eynard, Vie de madame Krudener. T. I, стр. 149—150.

[3]) Eynard замѣчаетъ по этому поводу: C'etait un de ces hommes dans la foule de ses adorateurs, que sa coquetterie agaçant avait distingué. Eynard, Vie de M. m. Krudener, T. I, стр. 151.

[4]) «Судъ Божій вступилъ въ ея душу и наполнилъ ее несказаннымъ ужасомъ. Ей казалось, что ей грозитъ каждую минуту внезапная смерть, безъ покаянія, безъ причащенія. Дневной свѣтъ наводилъ на нее страхъ. Она заперлась въ своей комнатѣ, она тщательно закрыла всѣ отверстія, чрезъ которыя могъ бы проникнуть свѣтъ. Опасаясь, что смерть сразитъ ее на порогѣ ея дверей, она не рѣшалась переступить черезъ него. Такъ прошло нѣсколько недѣль. «Son cerveau etait affecté et sa santé cruelement èbranlée». Eynard, T. I, стр. 151.

то вопросомъ. Чтобы отвѣтить ему, баронесса, должна открыть лице. Она смотритъ на мастера и поражается невольно, какимъ то радостнымъ, сіяющимъ выраженіемъ его физіономіи. „Другъ мой! вы счастливы“ спрашиваетъ его баронесса. „Да я счастливъ, отвѣчаетъ башмачникъ, ибо я сознаю, что я искупленъ кровью І. Христа.“ Баронесса была поражена этими словами [1]).

Вдумываясь въ ихъ смыслъ, она пришла къ убѣжденію въ ничтожествѣ своихъ собственныхъ силъ, въ суетности и тщетѣ всѣхъ своихъ дѣяній и стремленій, и въ необходимости полнаго возрожденія своего внутреннѣйшаго существа. Она старается теперь прежде всего проникнуться тою же самою безпредѣльною вѣрою въ Божественнаго ходатая І. Христа, которая впервые предстала передъ нею въ лицѣ простаго ремесленника. Она узнаетъ, что ея башмачникъ принадлежитъ къ небольшой общинѣ герентутеровъ, образовавшейся первоначально въ Ригѣ и распространившейся отсюда въ различныхъ мѣстностяхъ Ливоніи. Оказалось между прочимъ, что герентутеры пользовались покровительствомъ пастора Шварца, домашняго друга семьи Фитингофовъ [2]). Г-жа Криденеръ сдѣлалась немедленно ревностною сторонницею герентутерскихъ мнѣній. Она начала посѣщать братскія собранія [3]) и бесѣды, изучила сочиненія гр. Цинцендорфа и съ пламеннымъ рвеніемъ предавалась то чтенію библіи, то внутреннему религіозному созерцанію. Любовь ко Христу всецѣло заполонила ея существо. Подобно всѣмъ другимъ братьямъ, она подвизалась не въ одной только молитвѣ и созерцаніи, но и въ добрыхъ дѣлахъ, хорошо памятуя при этомъ, что всякое внѣшнее благо-

[1]) Вся эта нѣсколько комическая исторія, снабженная набожными комментаріями, находится у Эйнара, Т. І., стр. 152.

[2]) См. Mühlenbeck, Les origines de la Sainte-Alliance, стр. 76.

[3]) Особенно близко сошлась m-me Криденеръ съ нѣкоею m-me Блау, о коей она выражается такимъ образомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Никогда, въ теченіи всей моей жизни не встрѣчала я такого счастливаго существа, какъ она. Она съ жаромъ желаетъ смерти, но лишь для того, чтобы освободиться отъ грѣха; она убѣждена, что она будетъ наслаждаться невыразимымъ небеснымъ счастіемъ съ своимъ Спасителемъ и Богомъ, но она подчиняется его волѣ и не требуетъ смерти». Эйнаръ. Т. І, стр. 154.

честіе и добрыя дѣла, содѣлываемыя въ смыслѣ плоти, не ведутъ ко спасенію, ибо не достаетъ имъ духа. Постоянное сосредоточеніе на однѣхъ и тѣхъ же мысляхъ и страстная экзальтированность ея натуры, довели ее вскорѣ до того состоянія, къ которому стремились такъ неустанно всѣ мистики. И она начала ощущать въ себѣ способность къ тѣмъ внутреннимъ откровеніямъ, при наступленіи которыхъ она забывала весь міръ, когда она могла прозрѣвать въ будущее и приходить въ общеніе съ самимъ Божествомъ.

Очевидно, что экзальтированная баронесса не могла удержаться на той сравнительно низменной почвѣ, на которой пребывало большинство моравскихъ братьевъ и гернгутеровъ. Ей казалось, что она достигла высшей степени просвѣтленія, что она должна занять выдающееся мѣсто въ сонмѣ вѣрующихъ, и что если другіе могутъ только молиться и вѣрить, то она можетъ прозрѣвать и пророчествовать. Сама не замѣчая того, она поддавалась вновь тому духу суетнаго тщеславія, который руководилъ и всѣми ея прежними дѣйствіями и стремленіями. Этотъ духъ не давалъ ей покоя и теперь, точно такъ же какъ не давалъ и прежде. Подстрекаемая этимъ духомъ, она не могла оставаться долго въ той скромной средѣ, гдѣ, по собственному ея признанію, она впервые познала Христа. Странствующая жизнь сдѣлалась ея привычкою. Она вновь возвратилась къ ней, правда, съ иными цѣлями, но въ сущности въ силу тѣхъ же основныхъ побужденій своей натуры. Если прежде она бродила по свѣту, разыскивая сначала все новыхъ и новыхъ поклонниковъ своей красотѣ, а затѣмъ почитателей своего литературнаго таланта, то теперь она ѣдетъ въ Германію [1]), во-первыхъ, для того, чтобы ознакомиться лично съ столпами и представителями новой мистической церкви, а вовторыхъ и для того, чтобы заставить говорить о себѣ въ большомъ и маломъ свѣтѣ, чтобы испытать свои силы на новомъ для нея поприщѣ религіозной экзальтаціи и восторженнаго мистицизма.

[1]) Предлогомъ къ поѣздкѣ послужили и на этотъ разъ разстроенные нервы См. Эйнаръ. Т. I, стр. 159.

Имѣя постоянно въ виду эти основные мотивы, мы легко поймемъ всѣ дальнѣйшія перипетіи какъ во внѣшней, такъ и во внутренней жизни г-жи Криденеръ. Мы поймемъ прежде всего это вѣчное безпокойство, эту неискоренимую склонность къ перемѣнѣ мѣста и общества, это стараніе проникнуть во всѣ глубины и высоты жизни, заставить говорить о себѣ повсемѣстно, привлечь вниманіе и самой высшей и самой низшей общественной среды. Прежде всего мы встрѣчаемъ баронессу среди общинъ Моравскихъ братьевъ и гернгутеровъ въ Силезіи и Лузаціи. Она попадаетъ и тутъ въ небольшой аристократическій кружокъ, преимущественно дамскій [1]), проникнутый идеями Цинцендорфа и Юнга Штиллинга. Встрѣченная сначала съ недовѣріемъ вслѣдствіе своей крайней экзальтаціи, она успѣваетъ, однакоже, пріобрѣсти всеобщія симпатіи подвигами истинно христіанской любви, неусыпными заботами и уходомъ за больными и страждущими [2]). Гораздо вѣрнѣе аристократическихъ дамъ отнеслись къ m-me Криденеръ главы и апостолы гернгутерской общины. Они опасались ея стремленій сдѣлаться во что бы то ни стало, чѣмъ то особеннымъ, какою то выдающеюся христіанкою; они даже предостерегали ее отъ подобныхъ стремленій. «Отправляйтесь къ Юнгу», сказалъ ей одинъ изъ апостоловъ секты, Баумейстеръ, «но скажите ему отъ моего имени, чтобы онъ не стремился сдѣлать изъ васъ чрезвычайной христіанки» [3]).

Совѣтъ во всякомъ случаѣ неудачный, и крайне нежелательный для самой Криденеръ. Тщеславная женщина только и стремилась ко всему особенному, чрезвычайному, необычному. Уже въ этотъ первый періодъ своего просвѣтленія она сходилась по преимуществу съ людьми крайними, съ экзальтированными фанатиками, полусумасшедшими, визіонерами,

[1]) Между прочимъ, мы встрѣчаемъ тутъ графиню ф. Вертеръ, графиню ф. Гогенталь и двухъ ея племянницъ. Mühlenbeck, стр. 91.

[2]) Особенно заботливо ухаживала m-me Криденеръ за молодою русскою дамою, внезапно потерявшей своего супруга. Mühlenbeck, стр. 91.

[3]) Dites bien à Jung, de la part de moi Baumeister, qu'il se garde de faire de vous une chrétienne extraordinaire. Mühlenbeck. стр. 92.

самозванными пророками. Она не могла даже найти полнаго удовлетворенія въ обществѣ Юнга-Штиллинга. Правда, она относилась къ нему съ величайшимъ уваженіемъ и горячимъ почитаніемъ, какъ къ своему наставнику, усердно внимала его поученіямъ, но она не въ состояніи была заимствовать отъ него то, что составляло главную и важнѣйшую сущность и его натуры, и его религіознаго міросозерцанія. Пламенная любовь Юнга, чуждая всякаго тщеславія, была недоступна для нея. Его спокойное, твердое и ровное настроеніе, его непоколебимая вѣра въ верховнаго божественнаго ходатая І. Христа, не могла также привиться всецѣло къ ея крайне подвижной, экзальтированной, суетливой натурѣ. Ее привлекала къ Юнгу только одна. чисто мистическая сторона его міросозерцанія. Если Юнгъ считалъ себя способнымъ къ созерцанію высшаго міра, если онъ приходилъ по временамъ въ экстазъ, если для него наступали, по его мнѣнію, моменты окровенія, то именно только эти стороны его внутренней жизни и дѣлали его въ глазахъ Криденеръ, «человѣкомъ чрезвычайнымъ, достойнымъ изученія и послѣдованія» [1]). Но такъ какъ этими свойствами далеко не исчерпывался внутренній міръ Юнга, то неудивительно, что въ концѣ концевъ m-me Криденеръ могла сдѣлаться лишь крайне одностороннею ученицею знаменитаго филантропа и мистика, усвоить себѣ лишь одни крайнія увлеченія изъ его міросозерцанія. Юнгъ Штиллингъ, кроткій, глубоко вѣрующій, смиренный христіанинъ и самоотверженный филантропъ, остался чуждъ для Криденеръ, она знала лишь Юнга какъ мистика и духовидца.

На ряду съ Штиллингомъ и помимо его, m-me Криденеръ искала общенія и съ людьми иного рода. Экзальтированные визіонеры и субъекты, смѣло выдававшіе себя за пророковъ, особенно привлекали ее. Она розыскивала такихъ пророковъ повсюду, готова была спуститься, ради ихъ, въ самые низшіе слои общества. Уже весною 1807 г. m-me Криденеръ сблизилась въ Кенигсбергѣ съ однимъ изъ такихъ субъектовъ,

[1]) Что именно эта, а не какая либо другая сторона Юнга особенно привлекала Криденеръ,—въ этомъ согласенъ и Эйнаръ. T. I, 174—175.

простымъ крестьяниномъ, по имени Адамомъ Мюллеромъ [1]). Мюллеръ сообщилъ баронессѣ, что онъ пришелъ издалека, что онъ бросилъ свою жену и дѣтей и явился въ Кенигсбергъ для того, чтобы возвѣстить волю Бога никому иному, какъ королю прусскому. Видѣнія Мюллера начались, по его словамъ, еще въ 1805 г. за пять дней до Рождества Христова. Какая то особа, вся въ бѣломъ, явилась ему и возвѣстила ему, что въ скоромъ времени должна вспыхнуть война между Россіей, Пруссіей и Франціей. «Не говори никому, объ этомъ!» сказало видѣніе. Черезъ годъ новая галлюцинація. Явился тотъ же бѣлый образъ, но на этотъ разъ онъ держалъ иную рѣчь. «Иди, Мюллеръ», говорилъ онъ, «къ королю, да обратится онъ самъ на путь истины и да обратитъ свой народъ! да ищетъ онъ милости у Всемогущаго и да покается въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Скажи ему, чтобы онъ не полагался ни на мужество своихъ солдатъ, ни на множество своихъ союзниковъ. Возвѣсти ему, что онъ долженъ ожидать помощи ни отъ кого иного, кромѣ Бога живаго». Спустя пятнадцать дней послѣдовало новое видѣніе, какой-то сѣдовласый, величественный старецъ предсталъ передъ Мюллеромъ, онъ держалъ въ рукахъ книги ветхаго и новаго Завѣта. Старецъ раскрылъ книгу ветхаго Завѣта и прочелъ громкимъ голосомъ изъ пророчества Исаіи главы 52—65. Затѣмъ онъ сказалъ: «Иди, повтори королю все, что слышалъ сейчасъ. Передай ему отъ имени Предвѣчнаго, чтобы онъ поступалъ впредь, согласно Писанію. Да освятитъ онъ субботу и да возвратится къ Богу своему. Пусть онъ покорится волѣ Всемогущаго и французы будутъ разсѣяны, подобно тому, какъ разсѣеваетъ вѣтеръ легкую солому. Предвѣчный проявитъ чудеса свои, король увидитъ бѣгство своихъ враговъ и Франція будетъ раздѣлена между царями народовъ. Если-же король не подчинится велѣніямъ Господа, то возвѣсти ему, что къ бичу войны присоединятся бичъ чумы и бичъ голода». Мюллеръ не довѣрялъ своимъ слабымъ силамъ. Объятый недоумѣніемъ и страхомъ,

[1]) Объ Адамѣ Мюллерѣ, его видѣніяхъ и пророчествахъ см. Mühlenbeck, Etude sur les origines de la Sainte Alliance, стр. 89—90.

онъ медлилъ повиноваться велѣнію свыше. Тогда явился къ нему черезъ нѣсколько дней какой-то чудесный юноша, гнѣвный и грозный. «Пролитая кровь падетъ на главу твою», сказалъ онъ ему. «Иди же, и явись къ королю! Чего боишься? Предвѣчный будетъ руководить шагами твоими! Ты пройдешь невредимый среди сражающихся полчищъ, и само море во всей своей ярости безсильно будетъ причинить тебѣ какой либо вредъ. Ступай же! не бери съ собою денегъ! возьми лишь одинъ хлѣбъ для твоего пропитанія! Господь блюдетъ надъ тобою!» И Мюллеръ отправился въ путь. Онъ добрался до Кенигсберга и сообщилъ здѣсь о своихъ видѣніяхъ г-жѣ Криденеръ. «Я буду говорить съ королемъ», объявилъ онъ въ заключеніе своего разсказа, «буду навѣрное. Я не страшусь тѣхъ, кои могутъ убить только тѣло мое. Да познаютъ всѣ, что Бонапартъ—кара, посланная на людей самимъ Предвѣчнымъ».

Насъ не интересуетъ въ данномъ случаѣ исходъ миссіи Мюллера и намъ неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвели его рѣчи на короля. Мы отмѣчаемъ лишь тотъ фактъ, что откровенія «Пророка» не остались безъ вліянія на впечатлительную m-me Криденеръ, что подъ вліяніемъ Мюллера, она сама прониклась духомъ пророчества. Этотъ духъ сказался несомнѣнно при ея свиданіи съ королевою прусскою Луизою, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того-же злополучнаго для несчастной королевы 1807 года. Луиза, давно знавшая m-me Криденеръ, приняла ее не только любезно, но и сердечно. «Ахъ, какъ много перенесла я съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ», сказала она, обнимая m-me Криденеръ.— «О, кто не страдалъ за это время, Ваше Величество, отвѣчала Криденеръ, но часто страданія приносятъ намъ великое благо.» Королева заговорила о Валеріи, расхвалила достоинства романа, рѣчь перешла затѣмъ на войну и на будущій миръ. М-me Криденеръ свободно высказывала свои мнѣнія по всѣмъ затрогиваемымъ вопросамъ. Она замѣтила, что королева, подобная по своей внѣшности ангелу, не должна быть доступна чувствамъ ненависти, что подобныя чувства ужаснѣе самихъ бѣдствій, причиняемыхъ Бонапартомъ. Она ска-

зала далѣе, что и самъ Наполеонъ достоинъ сожалѣнія. «Онъ не можетъ считаться счастливымъ, и онъ въ свою очередь будетъ униженъ». «Какъ, со своими двумя стами тысячъ человѣкъ?» замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ. «Именно, со своими двумя стами тысячъ! отвѣчала m-me Криденеръ, до сихъ поръ его арміи не сдѣлали еще ничего особеннаго!» «Ничто такъ не желательно, какъ миръ, но только миръ прочный» замѣтила королева.— «Увѣряю Васъ, мадамъ, сказала Криденеръ, что мы слишкомъ ограничены для того, чтобы предвидѣть то, что случится черезъ два года». Королева, передаетъ очевидица, была сильно взволнована. Она не могла слышать равнодушно о Бонапарте и французахъ. M-me Криденеръ старалась успокоить ее, хотя и неоднократно противорѣчила ей. «Простите меня, Ваше Величество, сказала она, но когда топоръ занесенъ уже сюда, при этомъ она показала на свою шею, тогда правда для меня дороже всего на свѣтѣ» [1]).

Мы придали бы слишкомъ большое значеніе m-me Криденеръ и ея полупророческимъ полуутѣшительнымъ словамъ, еслибы стали утверждать, что ея рѣчи произвели сильное впечатлѣніе на Луизу, что онѣ помогли королевѣ перенести тяжелыя испытанія, обрушившіяся на нее. Не смотря на свою искреннюю религіозность, королева Луиза стояла во всѣхъ отношеніяхъ на почвѣ религіи положительной и уже по одному этому не могла поддаться вполнѣ вліянію m-me Криденеръ. Королева была вѣрная послѣдовательница евангелической церкви и пламенная прусская патріотка. M-me Криденеръ, послѣ своего просвѣщенія, оторвалась отъ всякой положительной церкви, и ея новая мистическая религія отли-

[1]) Всѣ подробности объ этомъ свиданіи Криденеръ съ королевою Луизою находятся въ дневникѣ дочери m-me Криденеръ, бывшей свидѣтельницею свиданія. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что вопросъ объ отношеніяхъ Криденеръ къ королевѣ остается и по сіе время довольно темнымъ, такъ какъ важнѣйшій памятникъ этихъ отношеній остается до сихъ поръ неизданнымъ. Мюленбекъ говоритъ: „La correspondance de la reine Louise avec la baronne de Krüdener a eté conservée. Elle est dèposé au ministère russe des affaires ètrangères». См. Mühlenbeck, стр. 85. Сколько намъ извѣстно, ни одинъ изъ изслѣдователей не воспользовался до сихъ поръ этою корреспонденціею.

чалась прежде всего характеромъ чисто индивидуальнымъ. Королева вѣрила въ Бога Евангелія, она не пыталась постигнуть то, что по самой сущности своей не доступно разуму человѣческому; Криденеръ вѣровала только въ Бога своихъ личныхъ откровеній, она воображала что все сверхъестественное и сверхъ-чувственное доступно и понятно ей, и, опираясь на свое мнимое всевѣдѣніе, отваживалась пророчествовать о будущемъ. Луиза была убѣждена, что пора бѣдствій и испытаній должна миновать съ теченіемъ времени, что все должно измѣниться къ лучшему, и эта ея надежда основывалась исключительно на ея вѣрѣ въ Всеблагаго Творца [1]). Она полагала далѣе, что улучшеніе въ дѣлахъ земныхъ должно произойти посредствамъ общихъ усилій вѣрующихъ, добрыхъ людей. Криденеръ вмѣстѣ съ другими хиліастами и фанатиками ожидала какого-то вмѣшательства высшей силы въ дѣла земныя, она занималась толкованіемъ темныхъ мѣстъ Откровенія Іоанна Богослова и опредѣляла съ математическою точностью срокъ наступленія тысячелѣтняго царства Божія на землѣ. Королева ненавидѣла Наполеона, какъ патріотка, Криденеръ относилась къ нему съ ненавистью въ силу своего оскорбленнаго самолюбія. Королева была убѣждена въ непрочности Наполеонова владычества,

[1]) Весною 1808 г. Луиза писала своему отцу: «Gewiss wird es besser werden: das verbürgt der Glaube an das vollkommenste Wesen. Aber es kann nur gut werden in der Welt durch die Guten. Deshalb glaube ich auch nicht, dass der Kaiser Napoleon Bonaparte fest und sicher auf seinem, jezt freilich glänzendem Thron ist. Fest und ruhig ist nur allein Wahrheit und Gerechtigkeit, und er ist nur politisch, dass heisst klug, und er richtet sich nicht nach ewigen Gesetzen, sondern nach Umständen. Sie sehen wenigstens... dass sie auch im Ungluk eine romme ergebene Tochter haben und dass die Grundsätze christlicher Gottesfurcht, die ich Ihren Belehrungen und Ihrem frommen Beispiel verdanke, ihre Früchte getragen haben». См. Mühlenbeck, стр. 85. Изъ этихъ подлинныхъ словъ королевы видно ясно, что ея религіозность, коренившаяся на почвѣ положительныхъ церковныхъ вѣрованій, не имѣла ничего общаго съ мистическими и экзальтированными порывами г-жи Криденеръ. Понятно послѣ этого, что религіозность Луизы развилась вовсе не подъ вліяніемъ Криденеръ. Луиза, воспитанная въ духѣ христіанства, была всегда вѣрующею женщиною; ей не было надобности каяться и обращаться на путь истины. Она была всегда превосходною матерью, любящею, вѣрною женою, доброю королевою, и m-me Криденеръ не могла слѣдовательно наставлять ее на путь истины и спасенія.

главнымъ образомъ потому, что оно было основано не на началахъ истины и справедливости, а на началахъ политическаго оппортунизма и насилія. Криденеръ считала Наполеона воплощеніемъ зла, чернымъ ангеломъ, апокалипсическимъ звѣремъ и предсказывала единственно на этомъ основаніи его близкое и страшное паденіе. Такія мнѣнія, не смотря на всѣ точки соприкосновенія между ними, представляли въ сущности очень мало общаго. Во всякомъ случаѣ, вліяніе m-me Криденеръ на королеву прусскую Луизу могло быть лишь временное, случайное и скоропреходящее.

Съ тѣхъ поръ, какъ Ю. ф. Криденеръ ступила на скользкій путь мистицизма и индивидуальнаго откровенія, поступки ея и рѣчи все болѣе выходили за предѣлы здраваго разума. Она начала вращаться въ кружкахъ, проникнутыхъ піэтизмомъ и полоумными хиліастическими идеями. Шарлатаны фанатики, самозванные пророки, пророчицы сдѣлались ея любимымъ обществомъ [1]). Она вѣрила на слово этимъ людямъ и чудесамъ, совершаемымъ ими; сама не замѣчая того, она поддавалась ихъ вліянію—и покорно слѣдовала за ними, воображая, что она руководитъ ими. Потерпѣвъ неудачу въ высшихъ сферахъ общества, замѣтивъ, что люди свѣта относятся къ «ея новой вѣрѣ» съ недовѣріемъ и снисходительною улыбкою, она рѣшила спуститься въ болѣе низшія сферы жиз-

[1]) Въ числѣ такихъ шарлатановъ—фанатиковъ не послѣднюю роль въ жизни m-me Криденеръ, разыгралъ извѣстный Іоаннъ Фридрихъ Фонтень, сначала революціонеръ и санкюлотъ, а затѣмъ набожный пасторъ, восторженный мистикъ и пророкъ. Человѣкъ этотъ дошелъ въ своемъ шарлатанизмѣ, а можетъ быть, и ослѣпленіи до того, что началъ приписывать себѣ даже даръ чудесъ. Онъ нашелъ себѣ достойную помощницу въ лицѣ невѣжественной, но при томъ крайне нервной и въ высшей степени экзальтированной крестьянки, Маріи Куммеръ. Она была родомъ изъ Клеебронна, въ Виртембергѣ, вела скитальческую жизнь, вращалась въ средѣ фанатиковъ и ханжей и вообразила себя, наконецъ, пророчицею. По временамъ она приходила въ экстазъ и разсказывала, что въ такія минуты, ангелы нисходили къ ней и отдавали ей приказанія. Говорили, что иногда она предсказывала событія, которыя и происходили потомъ въ дѣйствительности. Она обладала также способностію дальновидѣнія. Всего изумительнѣе, что во время своихъ экстазовъ она говорила правильнымъ и изящнымъ языкомъ, тогда какъ въ обычное время она объяснялась на провинціальномъ жаргонѣ. Подробности о Маріи Куммеръ см. у Мюленбека, стр. 12—36.

ни, отвернуться отъ дворцевъ и обратиться къ хижинамъ. Она превратилась въ народную праповѣдницу, и вся ея дѣятельность пріобрѣла вслѣдствіе этого своеобразный демократическій оттѣнокъ. Высокіе, знатные, богатые, отказывались вѣрить въ близкій конецъ свѣта, возвѣщаемый m-me Криденеръ, именно потому, что имъ жилось очень хорошо въ этомъ свѣтѣ. Тѣмъ охотнѣе прислушивались къ ея проповѣдямъ бѣдняки, люди обиженные судьбою и счастіемъ. Для пролетаріевъ языкъ новой пророчицы былъ и доступенъ и убѣдителенъ. Въ своихъ проповѣдяхъ и посланіяхъ она льстила самолюбію бѣдныхъ, разражалась грозными тирадами противъ богачей и въ пламенныхъ выраженіяхъ говорила о христіанскомъ братствѣ и равенствѣ. «То было, выражается одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Криденеръ, настоящее провозглашеніе соціализма, умѣреннаго христіанскою вѣрою и окутаннаго облаками мистической любви» [1]).

Въ чемъ состояла, однакоже, новая религія, это усовершенствованное христіанство m-me Криденеръ? Прямой отвѣтъ на подобный вопросъ, едвали возможенъ, уже по той простой причинѣ, что въ религіи Криденеръ не было ничего точнаго и строго формулированнаго. Ея нравственныя и религіозныя идеи поражаютъ именно прежде всего своею неопредѣленностью, темнотою и фантастичностью [2]). Первородный грѣхъ и грѣхопаденіе перваго человѣка, противоположность между силою Божественною и силою демоническою, таинство искупленія и торжество всепрощающей, Божественной любви, вотъ, повидимому, тѣ пункты вѣроученія, которые являются и у нея исходными точками, основами, на которыхъ она пытается построить свои фантастическія пророчества. Въ какую форму облекала она свои поученія и свои изліянія, объ этомъ можно судить по слѣдующему образцу:

[1]) Jacob, Bibliophile, M-me de Krudener, Ses Lettres et ses ouvrages inedits, 3 idition, 1881 г., стр. 50.

[2]) Авторъ біографіи Криденеръ въ Biographie des Contemporains такимъ образомъ опредѣляетъ сущность вѣрованій Криденеръ: «Sa doctrine fondomentale etait, à quelques egards, celle des methodistes, savoir: la necessité d'une Regeneration, opérée par la grâce efficace, sans secours humaine». Намъ кажется, что это опредѣленіе не выясняетъ всей своеобразности «религіи» Криденеръ.

«О бездна паденія![1]) ночь бѣдствія и ужаса! Кто отважится поднять съ васъ покровъ, наброшенный Всемогущимъ? Смерть и грѣхъ соткали его, отъ ихъ объятій родились печаль, страданіе и ужасное отчаяніе. Не было болѣе дня: свѣтъ, жизнь и любовь не бросали болѣе своихъ лучей на человѣка. Любимецъ Бога сдѣлался рабомъ демона; осужденный бѣглецъ, брошенный на землю, низвергнутый въ міръ преступленій безуміемъ грѣхопаденія. Но, развѣ милосердіе можетъ перестать быть имъ самимъ? Нѣтъ, неутомимая, изобрѣтательная любовь наказываетъ лишь для того, чтобы исправлять, изгоняетъ лишь для того, чтобы призвать къ себѣ вновь изгнанныхъ. Что говорю я? Она не изгоняетъ вовсе. Рабъ грѣха низвергъ самого себя. Самымъ тяжелымъ страданіемъ для него явилось обладаніе жизнью; онъ не въ состояніи былъ вынести ея вида; порча охватила его; онъ нуждался въ убѣжищѣ, гдѣ прахъ могъ смѣшаться съ прахомъ, въ гробницѣ, дабы воспріять смерть, носимую уже имъ въ своихъ нѣдрахъ. Онъ не могъ оставаться тамъ, гдѣ все было любовь и живое слово. Какъ море выбрасываетъ трупы, такъ горячее дыханіе жизни гнало предъ собою того, кто превра-

[1]) Образецъ того, что сама Криденеръ называла meditation, мы беремъ изъ цитированнаго нами выше сочиненія библіофила Жакоба, стр. 51—55. Замѣтимъ при этомъ, что всѣ meditations Криденеръ написаны по французски. Въ переводѣ на другой языкъ, эти оригинальныя изліянія теряютъ, по справедливому замѣчанію Фурніе, стр. 341, свое главное достоинство, блестящую дикцію.

Приводимъ часть отрывка въ оригиналѣ: O abîme de la chute! Nuit de désastres et d'horreur! Qui ose soulever votre voile redoutable! Il est entre Dieu et nous. La mort l'a tissé, et le Péche en est l'artisan qui a travaillé à sa funeste trame. Sous ces arides mains, sont nés la douleur, la souffrance, l'horrible désespoir. Il n'y avait plus de jour: la clarté, la vie et l'Amour ne jetaient plus leur rayons sur l'homme.

Le favori de son Dieu était devenu l'esclave du démon, un proscrit errant, fugitif, lancé sur la terre des crimes, ou l'avait précipité le delire de la chute. Mais la miséricorde peut elle cesser d'étre elle même? Non: l'industrieuse charité d'un Dieu ne punit que pour corriger, n'exile que pour pouvoir ramener un jour l'exilè. Que dis-je? elle n'exile point: l'esclave du peché s'est précipité lui même; sa plus terrible souffrance eut eté la domaine de la vie: il n'en pouvait supporter la vision; la corruption l'avait atteint: il lui fallait un asile où la poudre pût se mèler avec la poudre, et un sépulcre pour recevoir la mort qu'il portait en son sein. Tout le rejettait, là ou tout etait Amour, Parole vivant qui le consumait» и т. д.

тился въ преступника, лишеннаго своего званія, утратившаго органы высшей жизни, жизни божественной, дарованной ему непосредственно его Богомъ, неспособнаго созерцать болѣе свѣтъ сверхъестественный. Сынъ грѣха, жертва грѣхопаденія, не могъ обитать долѣе въ раю, не могъ сохранить легкое прозрачное тѣло, гармонировавшее со всѣмъ окружавшимъ его твореніемъ. Богъ далъ ему и его спутницѣ одежды изъ звѣриныхъ шкуръ и земля, проклятая грѣхопаденіемъ, приняла отвергнутаго. Въ потѣ лица своего долженъ былъ добывать себѣ пропитаніе изъ этой земли тотъ, кто былъ царемъ творенія. Стихіи, окружавшія его, сдѣлались озлобленными свидѣтелями его неповиновенія. Хаосъ, опустошенный ангеломъ мрака, сдѣлался его темницею. Но, о, Божественное милосердіе! Эта самая темница, назначенная Тобою для человѣка, должна была тысячью голосовъ утѣшать, наставлять и возвращать его къ Тебѣ. Ты ниспослало дыханіе жизни и прелесть красоты въ мертвыя письмена окаменѣвшаго міра, бывшаго лишь тѣнью міра, окружавшаго его прежде, ниспослало для того, чтобы обратить его взоръ къ Тому, Кого оскорбилъ онъ».

Само собою понятно, что не въ такихъ риторическихъ и притомъ темныхъ изліяніяхъ заключалась та притягательная сила, которую обнаруживала, несомнѣнно, m-me Криденеръ на многихъ изъ своихъ современниковъ. Ея созерцанія, отрывокъ которыхъ только что приведенъ нами, назначались лишь для избранныхъ; въ нихъ заключалась, такъ сказать, внутренняя, философская сторона ея ученія. На людей обычныхъ, на толпу, m-me Криденеръ дѣйствовала иными способами: во первыхъ, своею, чтобы тамъ ни говорили, дѣйствительно, истинною христіанскою жизнію, своими подвигами безкорыстнаго христіанскаго милосердія и, наконецъ, своими пророчествами. Эти пророчества носили на себѣ характеръ универсальный и не имѣли ничего общаго съ предсказаніями, касающимися лишь отдѣльныхъ лицъ и ихъ индивидуальной судьбы. Подобно, впрочемъ, многимъ изъ своихъ экзальтированныхъ современниковъ, m-me Криденеръ предрекала скорое наступленіе міровой катастрофы, предвозвѣщенной

еще въ Откровеніи Іоанна Богослова. Царство зла, представителемъ и главою котораго являлся для нея, подобно тысячамъ другихъ современниковъ, никто иной, какъ Наполеонъ Бонапарте, должно было рушиться, по ея словамъ, въ скоромъ времени и тысячелѣтнее царство добра должно было водвориться на очищенной землѣ. Сыны Израиля должны были возвратиться со всѣхъ концовъ свѣта въ обѣтованную землю, храмъ Бога живаго долженъ былъ быть возстановленъ во всемъ своемъ блескѣ, всякое различіе между отдѣльными христіанскими исповѣданіями должно было исчезнуть, все должно было слиться въ одномъ чувствѣ божественной любви; новый Божественный Іерусалимъ долженъ былъ возникнуть на мѣстѣ стараго, земнаго [1]).

M-me Криденеръ, а вмѣстѣ съ нею и другіе прорицатели отваживались даже съ точностью обозначать годъ, когда должно было рушиться царство зла. Основываясь на своеобразныхъ толкованіяхъ извѣстныхъ мѣстъ апокалипсиса, они съ увѣренностью ожидали «конца» въ 1809, а затѣмъ въ 1810 г., подобно тому, какъ ихъ предшественники ожидали его въ 1800 г. Но 1809 г. прошелъ точно такъ же, какъ прошелъ въ свое время 1800 г. Царство насилія и зла продолжало шириться и рости на землѣ. Наполеонъ шелъ отъ одной побѣды къ другой, его тираннія принимала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ненавистный характеръ, ничто не указывало

[1]) Что подобныя пророчества не принадлежали исключительно Криденеръ, что они высказывались многими, что они носились, такъ сказать, въ воздухѣ и что толкованія откровенія св. Іоанна и ихъ примѣненія къ событіямъ современнымъ были въ большомъ ходу уже съ самого начала французской революціи, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго свидѣтельства Юнга Штиллинга: «Die wichtigen Folgen, welche die französische Revolution hatte, und die Erreignisse, welche hin und wieder zum Vorschein kamen, machten allenthalben auf die wahren Verehrer des Herrn, die auf die Zeichen der Zeit merkten, einen tiefen Eindruck. Verschiedene fingen nun an, gewisse Stücke aus der Offenbarung Johannis auf diese Zeiten anzuwenden... Sehr Verständige Männer helten schon die fränzösische Kokarde für das Zeichen des Thiers und glaubten also, das Thier aus dem Abgrund sei schon aufgestiegen und der Mensch der Sünden sei wirklich da... Diese Ziemlich allgemeine Sensation unter den waahren Christen kam Stilling bedenklich vor.».

на приближающійся конецъ его владычества [1]). Цари и князья земли покорно слѣдовали за нимъ и предоставляли въ его безусловное распоряженіе кровь и имущество своихъ подданныхъ. Новыя страшныя событія, долженствовавшія завершить господство зла на землѣ, подготовлялись на глазахъ измученнаго, истерзаннаго человѣчества. Насталъ 1812 г. и безчисленныя полчища, собранныя со всего запада властелиномъ полуміра, двинулись на востокъ для покоренія Россіи, этого послѣдняго оплота европейской независимости. Свѣтъ замеръ въ томительномъ ожиданіи. Но спрашивается, какъ смотрѣли хиліасты и мистики въ этотъ моментъ на Россію и на ея царственнаго вождя? Усматривали ли они въ нихъ уже въ этотъ моментъ поборниковъ спасенія и сокрушителей зла? казался ли имъ императоръ Александръ уже тогда ангеломъ свѣта, долженствовавшимъ низложить ангела зла? На подобный вопросъ трудно дать отвѣтъ вполнѣ опредѣленный и ясный. Не подлежитъ сомнѣнію, что хиліасты и мистики пришли въ немалое волненіе по поводу великихъ событій, совершавшихся на востокѣ Европы, и что походъ Наполеона на Россію вызвалъ въ ихъ средѣ надежды на скорое паденіе чернаго ангела. Утверждаютъ даже, что одна изъ пророчицъ мистической церкви, Марія Куммеръ, женщина простаго происхожденія, суцество въ высшей степени нервное и экзальтированное, дѣвица, впрочемъ, крайне сомнительнаго поведенія, что не помѣшало ей, однакоже, пользоваться самыми горячими симпатіями г-жи Криденеръ, возвѣстила еще въ 1811 г., «что пройдетъ немного времени и явится бѣлый ангелъ, долженствующій побѣдить чернаго» [2]). Для подтвер-

[1]) Въ Германіи, особенно сѣверной, народъ произносилъ слово Napoleon какъ Apollyon. Повсемѣстно императора французовъ считали за антихриста и относили къ нему извѣстныя слова Исаіи: «человѣкъ, который колебалъ землю, потрясалъ царства». Отнимая отъ имени Napoleon одну букву за другою получали слѣдующую греческую фразу: «Napoleon, opoleon, poleon, oleon, leon, eon, on», фразу, имѣвшую приблизительно такой-же смыслъ, какъ и слова пророка. См. Пальмерсъ, «die Secten Würtembergs; Guers Jsrael aux derniers jours и другія сочиненія, цитируемыя у Мюленбека, стр. 12 и въ другихъ мѣстахъ».

[2]) Mühlenbeck, p. 167. Тамъ же читаемъ: «Штауденмейеръ утверждаетъ, что Марія Куммеръ предсказала въ одномъ изъ своихъ пророчествъ пожаръ Москвы».

жденія своего пророчества, Марія Куммеръ ссылалась на слѣдующія мѣста пророчествъ Іереміи. «Ибо отъ сѣвера поднялся противъ него народъ, который сдѣлаетъ землю его пустынею [1]). «Ибо вотъ я подниму и приведу на Вавилонъ сборищс великихъ народовъ, и расположатся противъ него и онъ будетъ взятъ» [2]), «И вотъ идетъ народъ отъ сѣвера, и народъ великій и многіе цари поднимаются отъ краевъ земли. Держатъ въ рукахъ лукъ и копье» и т. ц. [3]) Не менѣе ясныя указанія на появленіе великаго освободителя съ сѣвера находила Марія Куммеръ въ пророчествахъ Исаіи: «Я воззвалъ орла отъ востока, изъ дальней страны исполнителя опредѣленія моего. Господь возлюбилъ его и онъ исполнитъ волю его надъ Вавилономъ» [4]).

Изъ современныхъ свидѣтельствъ мы узнаемъ, что пророчества Маріи Куммеръ вызвали не малую сенсацію въ средѣ вѣрующихъ и суевѣрныхъ кружковъ взволнованной и безъ того уже Германіи. Весьма многіе спѣшили отправиться въ Лихтенталь, мѣстопребываніе пророчицы, и ея восторженныя рѣчи укрѣпили ихъ еще болѣе въ надеждѣ на скорое избавленіе. Надежды эти, впрочемъ, не замедлили оправдаться самими событіями. Остатки великой арміи, остатки жалкіе, ничтожные, появились въ предѣлахъ Германіи, а вслѣдъ за ними шли полки великаго «орла», призваннаго съ востока. Легко понять, что возбужденіе, вызванное въ средѣ мистиковъ страшною борьбою, послѣдовавшею затѣмъ въ Германіи, пораженіемъ и бѣгствомъ Наполеона, его попыткою удержаться во Франціи и, наконецъ, его паденіемъ и ссылкою на островъ Эльбу, породили новыя пророчества и твердыя надежды на скорое наступленіе царства Божія на землѣ. Съ торжествомъ указывали теперь вѣрующіе просвѣтленные на слѣдующее мѣсто въ пророческихъ книгахъ Исаіи. «Какъ упалъ ты съ неба, денница, сынъ зари! разбился объ землю, попиравшій народы. А говорилъ въ сердцѣ своемъ: взойду

[1]) Пророчества Іереміи, глава 50, ст. 3.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же, стихи—41—24.

[4]) Пророчества Исаіи, гл. 46, ст. 11; гл. 48, ст. 14.

на небо, выше звѣздъ Божіихъ, вознесу престолъ мой, и сяду на горѣ въ сонмѣ боговъ, на краю сѣвера, взойду на высоты облачныя, буду подобенъ Всевышнему. Но ты низверженъ въ адъ, въ глубины преисподней. Видящіе тебя, всматриваются въ тебя, размышляютъ о тебѣ: тотъ ли это человѣкъ, который колебалъ землю, потрясалъ царства, вселенную сдѣлалъ пустынею и разрушалъ города ея» [1]).

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что съ конца 1812 года, подобныя изреченія пророковъ, мистики начали относить къ Наполеону и къ его побѣдителю, Александру, и что съ теченіемъ времени, они начали усматривать въ русскомъ императорѣ того великаго избавителя и вождя, того вѣнценоснаго главу новаго Израиля, появленіе котораго было предсказано еще пророками Ветхаго завѣта. Само собою понятно, что вѣрующіе и просвѣтленные горѣли нетерпѣніемъ узрѣть своими земными очами великаго освободителя, но мы можемъ сказать положительно, что ни одному изъ нихъ не удалось вступить въ непосредственныя сношенія съ Александромъ, а тѣмъ болѣе пріобрѣсти на него какое бы то ни было вліяніе до того самаго момента, пока императоръ не возвратился въ Германію послѣ низложенія Наполеона. Г-жа Криденеръ не составляетъ въ данномъ случаѣ исключенія. О личномъ знакомствѣ пророчицы съ императоромъ, о какомъ-бы то ни было вліяніи ея на великія событія первой половины 1814 г., не можетъ быть и рѣчи.

Правда, въ исторической литературѣ встрѣчаются на этотъ счетъ совершенно противоположныя представленія, имѣющія подъ собою, какъ это мы сейчасъ увидимъ, не дѣйствительные факты, а заранѣе установившуюся теорію. Въ западной литературѣ давно уже установилось мнѣніе, что никто иной, какъ m-me Криденеръ, была настоящимъ основателемъ священнаго союза. Подобное мнѣніе основывается прежде всего на совершенно неправильномъ представленіи о характерѣ Александра [2]). Александръ, говорятъ намъ, обладалъ

[1]) Пророчества Исаіи, гл. 14, ст. 12—17.

[2]) Въ этомъ отношеніи едва ли не далѣе всѣхъ пошелъ Мюленбекъ въ своемъ Etude sur les origines de la Sainte-Alliance. Опираясь на свидѣтельства Массо-

многими прекрасными качествами, но у него не было ни энергіи, ни характера. Онъ былъ легкомысленъ, предпріимчевъ, но въ то же время слабъ и непостояненъ. Онъ вышелъ, правда, побѣдителемъ изъ такого страшнаго испытанія, какъ кампанія 1812 г., но вышелъ лишь потому, что нашелъ себѣ незыблемую опору въ такомъ желѣзномъ человѣкѣ, какъ баронъ Штейнъ. Давая подобныя, во всякомъ случаѣ, одностороннія характеристики Александра, писатели извѣстнаго направленія никакъ не могли допустить въ императорѣ, что либо самостоятельное. Основываясь на свидѣтельствахъ пристрастнаго и сомнительнаго свойства, они утверждали, что и христіанское настроеніе Александра навѣяно было на него исключительно чужими вліяніями, и прежде всего вліяніемъ, исходившимъ отъ m-me Криденеръ и ея кружка. Несомнѣнные источники показываютъ намъ, правда, что вліяніе Криденеръ на императора могло начаться никакъ не ранѣе начала 1815 года, и что, слѣдовательно, всѣ предъидущія настроенія и дѣйствія Александра никоимъ образомъ не могутъ быть разсматриваемы, какъ результаты внушеній Криденеръ, но на ряду съ источниками, несомнѣнными для исторіи m-me Криденеръ, существуютъ, какъ извѣстно, и источники не только крайне сомнительнаго, но чисто легендарнаго свойства. Вотъ, на основаніи этихъ то источниковъ и пущены были въ ходъ разсказы, изъ которыхъ оказывается, что личное знакомство Александра съ m-me Криденеръ началось уже съ 1813 г., что вліяніе пророчицы на императора было уже тогда всесильно, а что даже такія великія событія, какъ первое низложеніе Наполеона и превозглашеніе Бурбоновъ, были прежде и болѣе всего дѣломъ рукъ ливонской баронессы.

на въ его Memoires secrets sur la Russie, m-me Фоссъ, и Меттерниха, Мюленбекъ даетъ самую пристрастную характеристику Александра, изъ которой оказывается, что императоръ былъ человѣкъ слабый, совершенно безхарактерный, вѣчно искавшій себѣ точки опоры, легко подпадавшій чуждому вліянію. При этомъ авторъ впадаетъ то и дѣло самъ въ грубѣйшія ошибки и доходитъ, наконецъ, до того, что смѣшиваетъ Чичагова съ Шишковымъ, приписываетъ первому изъ нихъ то, что могло быть сдѣлано и дѣйствительно было сдѣлано вторымъ. См. Мюленбекъ, стр. 197—202.

Мы не станемъ опровергать такія нелѣпости. какъ бредни о вліяніи m-me Криденеръ на Штейна, Гарденберга, Стадіона, какъ мелодраматическіе разсказы о появленіи пророчицы на полѣ битвы при Лейпцигѣ, [1]) мы коснемся лишь разсказа о пребываніи m-me Криденеръ въ Парижѣ весною 1814 г., разсказа помѣщеннаго, между прочимъ, въ извѣстномъ сочиненіи библіофила Жакоба, m-me de Krudener, ses lettres et ses ouvrages inèdits, появившагося въ 1881 г. [2]) и выдержавшаго въ короткое время нѣсколько изданій. Не указывая на свои источники, библіофилъ повѣствуетъ, между прочимъ, слѣдующее: m-me Криденеръ встрѣтилась впервые съ Александромъ [3]) осенью 1813 г. не задолго до вступленія союзниковъ во Францію. Короткое свиданіе между ними, происходившее безъ свидѣтелей, дало ей полную возможность пріобрѣсти полное довѣріе Александра. Узнавъ о капитуляціи Парижа и о вступленіи союзныхъ государей въ столицу Франціи, m-me Криденеръ тотчасъ же отправилась туда-же. Нельзя отрицать, что здѣсь она обнаружила самое роковое вліяніе на судьбу императора Наполеона, она первая провозгласила

[1]) Всѣ эти басни мы находимъ, между прочимъ, въ извѣстномъ сочиненіи извѣстнаго Capefigue: La baronne de Krudener, l'empereur Alexandre I au congres de Vienne etc., стр. 69 и слѣд.

[2]) См. Jacob, стр. 56 и слѣд.

[3]) Вліяніе Криденеръ на Александра началось, впрочемъ, по словамъ библіофила, гораздо ранѣе личнаго свиданія. Вліяла она на императора черезъ посредство одной придворной дамы. Письма Криденеръ къ этой дамѣ переходили черезъ руки императрицы въ руки императора. Между прочимъ, Криденеръ предсказала за три года впередъ всѣ великія событія и точное, буквальное исполненіе ея пророчества поработило императора окончательно ея вліянію. Александръ посылалъ ей великолѣпные подарки, онъ нерѣдко писалъ ей собственноручно, то спрашивая у нея совѣта въ важнѣйшихъ дѣлахъ, то прося ее помолиться за него, «ибо ея молитвамъ онъ придавалъ большее значеніе, нежели молитвамъ всѣхъ вѣрующихъ въ своей имперіи». M-me Криденеръ не искала, однакоже, личнаго знакомства съ императоромъ, а скорѣе избѣгала его. Казалось, что она боялась потерять свой престижъ, являясь предъ императоромъ въ своемъ тѣлесномъ видѣ. Императоръ подарилъ ей дорогой браслетъ съ медальономъ, на которомъ виднѣлось изображеніе открытаго глаза. То былъ его собственный лѣвый глазъ, снятый съ натуры, въ силу стараго русскаго предразсудка, этимъ способомъ заставить другое лице постоянно думать о себѣ (?!) M-me Криденеръ и носила этотъ браслетъ, какъ талисманъ, до тѣхъ поръ, пока она находилась въ полномъ согласіи съ тѣмъ, кого называла она всемірнымъ спасителемъ.

низложеніе Бонапарта, какъ называла она императора, она, говоря именемъ Бога (?), объявила торжественно, что Наполеонъ пересталъ царствовать, что его постигаетъ опала народовъ; она же, наконецъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на Александра, разстроила переговоры съ Фонтенебло и рѣшила возстановленіе Бурбоновъ. Но m-me Криденеръ не оставалась долго въ Парижѣ, гдѣ она наняла великолѣпный отель въ предмѣстіи St.-Honoré [1]); она уѣхала уже черезъ нѣсколько дней, недовольная и раздраженная тѣмъ, что ея вліяніе не господствовало болѣе въ совѣтѣ союзныхъ государей» (?!). Изъ дальнѣйшаго, чисто фантастическаго разсказа Жакоба оказывается, что вмѣстѣ съ Криденеръ потерпѣлъ тогда пораженіе въ Парижѣ и императоръ Александръ. По внушенію Криденеръ, Александръ предложилъ сослать Наполеона на далекій, океаническій островъ, но другіе союзные государи не приняли этого предложенія и предпочли дать Наполеону островъ Эльбу. «Тогда, m-me Криденеръ», говоритъ библіофилъ, «провозгласила публично, на своемъ библейскомъ языкѣ (??), что изъ острова Эльбы выйдутъ вскорѣ революція, война и всѣ бѣдствія, вмѣстѣ съ чернымъ ангеломъ, который направитъ эти бичи на Европу».

Трудно себѣ представить болѣе наглое извращеніе фактовъ, какъ только что приведенный разсказъ. Здѣсь, можно сказать, что ни слово, то ложь. М-me Криденеръ не видѣлась съ Александромъ ни осенью 1813 г., ни весною 1814 г.; она не была лично знакома съ императоромъ за все это время и не могла имѣть на него вліяніе черезъ посредство другихъ лицъ. Разсказъ о пребываніи m-me Криденеръ въ Парижѣ въ апрѣлѣ 1814 г. чистѣйшая басня, такъ какъ изъ писемъ самой баронессы и изъ свидѣтельствъ лицъ, находившихся съ нею въ это время въ непосредственныхъ сношеніяхъ, оказывается, что она находилась все это время въ Баденѣ, гдѣ посѣщали ее, между прочимъ, и государственный секретарь

[1]) Capifigue говоритъ, что m-me Криденеръ, toute remplie des superstitions de l'esprit grec, recevait l'empereur dans sa retraite, entourée de croix d'amèthyste et d'images, illuminées de mille bougies et trempées de parfum. стр. 77.

Шишковъ, и извѣстная намъ придворная дама императрицы Елизаветы, дѣвица Роксандра Стурдза, и многія другія лица [1]). Мысль о низложеніи Наполеона родилась, помимо всякихъ постороннихъ вліяній, у императора Александра прежде, нежели у кого либо другого. Что-же касается до идеи реставраціи Бурбоновъ, то мы уже знаемъ, что идея эта принадлежитъ всецѣло Талейрану. Нечего и говорить, что русскому императору никогда не приходила въ голову мысль требовать весною 1814 г. ссылки Наполеона на далекій океаническій островъ, и что, наоборотъ, никто другой, какъ именно онъ явился тогда великодушнымъ защитникомъ падшаго властелина Франціи.

Устраняя нелѣпую исторію о вмѣшательствѣ m-me Криденеръ въ великія событія 1814 г., мы должны остановиться на другихъ разсказахъ, связанныхъ съ кратковременнымъ пребываніемъ императора Александра въ маркграфствѣ Баденскомъ, по пріѣздѣ его изъ Голландіи. Въ разсказахъ этихъ главное мѣсто занимаетъ уже не m-me Криденеръ, а тотъ мистическій кружокъ, среди котораго вращалась тогда пророчица. Изъ этихъ разсказовъ оказывается, что мистики и хиліасты составили въ это время между собою настоящій заговоръ [2]), имѣвшій своею цѣлью подчинить русскаго императора вліянію «вѣрующихъ», сдѣлать его главою «Новаго Израиля» и воспользоваться имъ для конечнаго осуществленія своихъ фантастическихъ цѣлей. Прійдя къ такому рѣшенію, «вѣрующіе» постарались прежде всего подчинить своему вліянію супругу Александра, императрицу Елизавету. Этой цѣли они достигли въ скоромъ времени черезъ посредство придворныхъ дамъ императрицы: подъ которыми въ данномъ случаѣ, впрочемъ, слѣдуетъ понимать одну даму Роксандру Стурдзу. Далѣе, та-же m-lle Стурдза завербовала въ союзъ святыхъ своего брата, одного изъ секретарей Александра.

[1]) Замѣчательно, что Жакобъ рѣшился повторять легендарные разсказы о Криденеръ послѣ того, какъ настоящій ходъ дѣла уясненъ былъ на основаніи подлинныхъ документовъ уже Эйнаромъ въ концѣ сороковыхъ годовъ.

[2]) Слава изобрѣтенія этого заговора принадлежитъ, если не ошибаемся, Мюленбеку. Въ своемъ Etude sur les origines de la Sainte-Alliance, онъ посвящаетъ этому предмету нѣсколько страницъ. См. стр. 194 и слѣд.

По ея внушенію, молодой Стурдза [1]) сдѣлался теперь однимъ изъ интимнѣйшихъ друзей Юнга Штиллинга. Каждый вечеръ являлся онъ къ великому «учителю», гдѣ собирались также извѣстный Максъ ф. Шенкендорфъ, поэтъ Берлихенгенъ и французскій эмигрантъ Гремберъ де Белло. На этихъ собраніяхъ Стурдза, маленькій, невзрачный человѣкъ съ чисто восточною физіономіею, одѣтый въ ярко-красный, шитый золотомъ придворный костюмъ, являлся однимъ изъ главныхъ представителей элемента богословскаго. И въ то время, какъ М. ф. Шенкендорфъ гремѣлъ противъ тираніи и деспотизма, и доходилъ въ своемъ энтузіазмѣ до того, что билъ неистово кулакомъ по столу, Стурдза съ глубокомысленнымъ лицемъ разсуждалъ о таинствѣ Святой Троицы и всегда умѣлъ, по свидѣтельству очевидицы, придать этой трудной темѣ двойной интересъ ясностью своихъ доводовъ. На этихъ-то совѣщаніяхъ маговъ порѣшено было «толкнуть Александра въ объятія Юнга» [2]). Планъ приведенъ былъ въ исполненіе. Великій понтифексъ хиліазма и русскій царь встрѣтились въ Брухзалѣ въ 1814 г. Юнгъ не оказался, однакоже, на высотѣ поставленной ему задачи. Произошло это оттого, что Юнгъ не былъ проникнутъ ясными и простыми воззрѣніями Евангелія. Онъ говорилъ съ императоромъ только о верховной власти Бога, о правахъ, кои имѣетъ онъ надъ всѣми людьми, объ обязанности сихъ послѣднихъ исполнять всѣ божественныя велѣнія и съ этой цѣлью удвоять свои усилія, направленныя къ искорененію зла и къ распространенію добра; но онъ не сказалъ ему ни единаго слова о великомъ и вѣчномъ спасеніи, совершенномъ Іисусомъ Христомъ, и по сему его бесѣда не произвела особеннаго вліянія на Александра и не

[1]) Александръ Скарлатовичъ Стурдза, извѣстный своимъ широкимъ гуманистическимъ и богословскимъ образованіемъ, своимъ эллинскимъ патріотизмомъ, а впослѣдствіи и своимъ рвеніемъ къ православію.

[2]) Разсказывая объ этомъ рѣшеніи заговорщиковъ, Мюленбекъ не можетъ привести, однакоже, ни одного свидѣтельства современниковъ или участниковъ и ограничивается одною ссылкою на воспоминанія дочери Юнга, гдѣ рѣчь идетъ лишь о простыхъ бесѣдахъ, а вовсе не о таинственныхъ совѣщаніяхъ и заговорахъ. См. стр. 194, прим. I.

водворила миръ въ душѣ императора [1]). Свиданіе имѣло для Юнга ощутительный практическій результатъ, такъ какъ онъ получилъ отъ императора 1000 червонцевъ [2]), но «святые» убѣдились въ неспособности стараго мистика къ возложенной на него роли и порѣшили измѣнить свою тактику и поставить на мѣсто Юнга ни кого иного, какъ баронессу Криденеръ. Криденеръ должна была достигнуть у Александра того, чего добивались напрасно Демаре-де-Сенъ-Сорленъ у Людовика XV и Маргарита Фрелихъ у Карла XI шведскаго [3]). Все было пущено въ ходъ, дабы добиться конечной цѣли, поставить Александра во главѣ дѣтей Израиля. И на этотъ разъ начало великаго дѣла должна была положить Роксандра Стурдза. Она должна была взять на себя роль посредницы между императоромъ и пророчицею, подготовить Александра къ воспріятію великаго откровенія.

Такова въ общихъ чертахъ легенда, которую находимъ мы, снабженную, впрочемъ, тяжеловѣснымъ ученымъ аппаратомъ и ссылками на различные подлинные документы, въ новѣйшемъ сочиненіи А. Мюленбека о происхожденіи священнаго союза. Посмотримъ-же, на сколько оправдывается вся эта фантастическая исторія ближайшими и неподлежащими сомнѣнію

1) Весь этотъ разсказъ о мнимой неудачѣ Юнга Мюленбекъ заимствовалъ у Ампейтаза въ его Notice sur Alexandre I, 2-е изданіе, стр 7. По Ампейтазу дѣло выходитъ такъ, что императоръ самъ пожелалъ видѣть почтеннаго старца, надѣясь найти въ его бесѣдѣ совѣты необходимые ему для успокоенія своей совѣсти.

2) Юнгъ дѣйствительно получилъ 1000 червонцевъ отъ императора, но вовсе не вслѣдствіе «свиданія». Вотъ что говоритъ объ этомъ графиня Эдлингъ въ своихъ мемуарахъ: «Я выхлопотала для него отъ императрицы пенсію, не говоря ему объ этомъ ни слова. Я знала кромѣ того, что у него были долги, что онъ не въ состояніи былъ уплатить ихъ и что это обстоятельство сильно мучило его. Не говоря ему, какъ всегда ничего, такъ какъ онъ никогда не говорилъ со мною о своихъ дѣлахъ, я обратилась къ князю Голицыну, доброта котораго была мнѣ извѣстна. Голицынъ сказалъ объ этомъ государю, и Александръ повелѣлъ доставить старику, отъ имени неизвѣстнаго лица, тысячу дукатовъ, сумму, вполнѣ достаточную для покрытія его долговъ». Мемуары гр. Эдлингъ, стр. 134.

3) Демаре предлагала Людовику XV армію въ 144,000 чел., въ томъ случаѣ, если онъ рѣшится стать во главѣ «братьевъ». Маргарита Фрелихъ, вдова шведскаго полковника, настаивала передъ Карломъ XI, чтобы онъ принялъ начальство надъ «братьями» и отправился съ ними въ святую землю. Мюленбекъ, стр. 195, примѣч. 2-е.

свидѣтельствами, и прежде всего, мемуарами того лица, которое, по словамъ самого Мюленбека, принимало такое выдающееся, чуть не рѣшающее участіе, во всей этой исторіи. Мы не станемъ придавать значенія тому обстоятельству, что въ запискахъ графини Эдлингъ, урожденной Стурдзы, не встрѣчается никакихъ указаній на совѣщанія «маговъ», происходившія будто-бы въ домѣ Юнга Штиллинга, ни на рѣшенія, состоявшіяся здѣсь. Что въ квартирѣ Юнга происходили по вечерамъ бесѣды, и что въ бесѣдахъ этихъ принималъ участіе и молодой Стурдза, братъ Роксандры, объ этомъ мы знаемъ изъ источника, близкаго и несомнѣннаго,—записокъ одной изъ дочерей самого Юнга, но въ источникѣ этомъ нѣтъ никакихъ указаній на совѣщанія маговъ, результатомъ которыхъ явилась миссія Юнга Штиллинга предъ Александромъ. Да и спрашивается, наконецъ, кто же были эти маги, о которыхъ говоритъ Мюлленбекъ? Неужели мы можемъ признать магами, т. е. вождями хиліастовъ и мистиковъ, такихъ лицъ, какъ Шенкендорфъ или поэтъ Берлихенгенъ, лицъ, очевидно, второстепенныхъ въ сонмѣ вѣрующихъ? Разъ въ этихъ собраніяхъ не участвовали такіе представители мистической церкви, какъ Оберлинъ [1]), какъ Ампейтазъ [2]), какъ Вегелинъ [3]), подъ прямымъ воздѣйствіемъ которыхъ находилась и сама m-me Криденеръ, и мы теряемъ всякое право придавать имъ какое бы то ни было значеніе. Изъ записокъ

[1]) Фридрихъ Оберлинъ пасторъ въ Вальдбахѣ (въ Эльзасѣ), личность во всѣхъ отношеніяхъ почтенная, даже выдающаяся. У Оберлина мистическія идеи соединялись съ истинными христіанскими добродѣтелями. Безкорыстный филантропъ, превосходный хозяинъ, цивилизаторъ полудикихъ крестьянъ, онъ раздавалъ, по словамъ Эйнара, своимъ прихожанамъ хлѣбъ для тѣла и хлѣбъ для души. Его мистическія воззрѣнія никогда не вводили его въ разладъ съ его христіанскою и пастырскою дѣятельностью.

[2]) Ампейтазъ, молодой Женевскій богословъ и мистикъ, восторженный почитатель m-me Криденеръ и отчасти ея ученикъ.

[3]) Вегелинъ, родомъ швейцарецъ, служилъ сначала въ швейцарской гвардіи французскаго короля, затѣмъ превратился въ мирнаго приказчика, а потомъ вслѣдствіе женитьбы на дочери своего принципала, въ самостоятельнаго торговца красным товаромъ, въ Страсбургѣ. Его мистицизмъ не отличался ни особенною глубиною, ни восторженностью, но благодаря своему практическому смыслу, онъ имѣлъ большое вліяніе на m-me Криденеръ. Подробности объ Оберлинѣ, Ампейтазѣ и Вегелинѣ см. у Мюлленбека, Эйнара и другихъ.

гр. Эдлингъ мы можемъ вывести, кромѣ того, прямое заключеніе, что участники мнимаго хиліастическаго заговора не могли имѣть никакого интереса привлекать на свою сторону императрицу Елизавету, во первыхъ, потому что сама императрица далека была въ это время отъ всякаго предрасположенія къ мистицизму и поглощена всецѣло своими личными отношеніями къ Александру, а во-вторыхъ и потому, что «святые» не могли же не знать отъ самой Р. Стурдзы, что императрица не пользовалась въ это время такимъ вліяніемъ на императора, которое могло бы проложить имъ доступъ не только къ его особѣ, но и къ его сердцу. Еще несостоятельнѣе, чтобы не сказать, смѣшнѣе то, что Роксандра начинаетъ возложенное на нее дѣло съ того, что привлекаетъ въ лагерь хиліастовъ своего брата, который не пользуется въ это время никакимъ вліяніемъ, да и самое имя котораго упоминается лишь вскользъ въ мемуарахъ его сестры. Но обратимся къ самому разсказу Р. Стурдзы, и посмотримъ насколько подтверждаются имъ смѣлыя измышленія автора «Происхожденія священнаго союза».

Послѣ долгихъ ожиданій и отсрочекъ, вызванныхъ поѣздками Александра въ Англію и Голландію, получено было, наконецъ, отъ самого императора извѣстіе о его предстоящемъ прибытіи [1]). Тотчасъ же императрица, ея родня и свита поспѣшили возвратиться изъ Карлсруэ въ Брухзаль. Тутъ, на фамильномъ совѣтѣ, порѣшено было послѣ продолжительныхъ совѣщаній, что императрица выѣдетъ на встрѣчу своему супругу въ Рорбахъ, небольшой загородный домъ, принадлежавшій маркграфинѣ [2]). Государыню сопровождали ея сестра и одна изъ ея придворныхъ дамъ, дѣвица Р. Стурдза. Ее избрали потому, что государь всегда предпочиталъ ее другимъ [3]).

[1]) Императоръ выѣхалъ изъ Нимвегена 24 іюня, а на слѣдующій день прибылъ въ Мангеймъ.

[2]) См. Шишковъ, Записки, т. I, стр. 303, гдѣ сказано, что государыня выѣхала на встрѣчу государю въ худую весьма погоду. Въ мемуарахъ гр. Эдлингъ говорится: «La famille de l'Imperatrice discuta avec elle pour savoir si elle irait à la rencontre de son époux, et il fut decidé après maints dèbats, q'elle l'attendrait dans une petite maison de campagne à quatre heures de Brouchsal». стр. 138.

[3]) «Le choix tomba sur moi, parce q'on savait que l'Empereur me prefe-

«Мы выѣхали рано», разсказываетъ Роксандра. «Императрица была сильно взволнована, и я замѣчала, что ея гордость страдала отъ этого въ своемъ родѣ аванса съ ея стороны. Волненіе это усиливалось по мѣрѣ того, какъ день склонялся къ вечеру, а о пріѣздѣ государя не было слышно. Я дѣлала съ своей стороны всевозможное, чтобы занять и разсѣять ее, но ночь наступила и императоръ не пріѣзжалъ. Уже мы собирались возратиться въ Брухзаль, когда намъ дали знать, что экипажъ императора показался въ концѣ аллеи, ведшей къ дому. Императрица стала въ дверяхъ, рядомъ съ нею ея сестра. Императоръ вошелъ, онъ нѣжно обнялъ свою супругу и съ очаровательною простотою, ему свойственною, спросилъ ее, узнаетъ ли она его старое лице. Тронутый порывомъ, побуждавшимъ ее выѣхать къ нему на встрѣчу, онъ осыпалъ ее тысячью вопросовъ, любезно привѣтствовалъ сестру государыни, и спросилъ, кто изъ придворныхъ дамъ сопутствуетъ имъ. Услыхавъ мое имя, государь направился въ комнату, куда удалилась я. Я была такъ взволнована, что утратила способность сказать что либо подходящее; я могла только пожать его руку, обливаясь слезами радости. Все, что исходило отъ сердца, нравилось ему. «Я уже знаю, что Вы хотѣли сказать мнѣ», замѣтилъ онъ, и мы поспѣшили возвратиться къ императрицѣ» [1]).

На другой день послѣдовалъ большой пріемъ въ Брухзалѣ. Уже съ утра старый замокъ наполнился самыми разнообразными лицами, давно уже ожидавшими прибытія императора. Повсюду пестрѣли мундиры и ленты всевозможныхъ цвѣтовъ, вездѣ господствовало необычайное оживленіе, суетливое любопытство, приправленное тою низкопоклонностью, которая была такъ противна Александру, но которая, по мнѣнію гр. Эдлингъ, является неизбѣжнымъ составнымъ элементомъ атмосферы, окружающей королей [2]).

rait». Предпочтеніе, которое отдавалъ императоръ дѣвицѣ Стурдзѣ, основывалось не на какихъ либо ея внѣшнихъ преимуществахъ, такъ какъ Стурдза была некрасива собою и къ тому же горбатая, а, единственно, на ея рѣдкихъ душевныхъ качествахъ.

[1]) Мемуары графини Эдлингъ, стр. 139—140.

[2]) Une agitation extrême, une curiosité inquiete assaisonnées d'une bassesse

Среди толпы обращали на себя вниманіе нѣсколько лицъ, очевидно не подходившихъ къ общему типу, и попавшихъ сюда, какъ будто по ошибкѣ. Изъ нихъ можно было отмѣтить прежде всего Лагарпа. Его простота, его буржуазныя манеры не согласовались совершенно съ украшавшею его орденскою лентою. Своею искренностью и чистосердечіемъ онъ обезоруживалъ всякую ненависть и зависть, и самыя сильныя предубѣжденія противъ него сглаживались невольно во время бесѣды съ нимъ [1]). Совершенно иного рода впечатлѣніе производилъ бывшій тутъ же баронъ Штейнъ. И если многочисленные нѣмецкіе князья и князьки, толпившіеся въ залѣ, относились къ воспитателю императора съ высокомѣрною снисходительностью, то на желѣзнаго барона они смотрѣли, наоборотъ, съ чувствомъ страха и затаенной ненависти. Они знали очень хорошо, что они видятъ передъ собою не только смертельнаго врага Наполеона, но и всѣхъ его бывшихъ вассаловъ, что передъ ними стоитъ человѣкъ, не знавшій иного дѣла, кромѣ дѣла народовъ, неспособный ни на какія сдѣлки съ своею совѣстью [2]). Но едва-ли не самое оригинальное впечатлѣніе среди этого блестящаго кружка производилъ патріархъ мистиковъ, Юнгъ-Штиллингъ. Онъ видимо терялся среди окружавшаго его мишурнаго блеска и суеты, и только заботливая и внимательная любезность дѣвицы Стурдзы дала ему возможность сохранить хотя нѣсколько свое самообладаніе [3]).

Весь день прошелъ въ представленіяхъ и церемоніяхъ, одна утомительнѣе другой. За безконечнымъ обѣденнымъ столомъ царствовала натянутость и скука, и если вѣрить свидѣтельству Р. Стурдзы, то она одна изъ всѣхъ присутствующихъ не поддавалась общему тону. Ея непринужденное

qui semble malheuresement devoir être l'atmosphère des rois; mais ce n'est point à eux qu'il faut s'en prendre, mais bien à cette triste espèce humaine qui doit toujours ramper ou menacer. Мемуары гр. Эдлингъ, стр. 141.

[1]) Мемуары гр. Эдлингъ, стр. 141.

[2]) Мемуары гр. Эдлингъ, стр. 142.

[3]) Jung-Stilling, que l'Empereur ne connaissait pas encore, se trouvait aussi dans ce cercle si hétérogene, et les soins que je lui prodiguai l'aiderent à le supporter. Мемуары, стр. 142.

поведенiе, ея веселый разговоръ невольно обратили на нее вниманiе императора Александра. Государь, ненавидѣвшiй всякую чопорность и неестественность, оставилъ салонъ, наполненный принцами, принцессами и сановниками, прошелъ въ сосѣднюю комнату и, встрѣтивъ здѣсь въ амбразурѣ окна дѣвицу Стурдзу, вступилъ съ нею въ продолжительный и оживленный разговоръ. Бесѣда коснулась вскорѣ самыхъ задушевныхъ убѣжденiй и взглядовъ. Стурдза отдалась всецѣло теченiю своихъ мыслей, а императоръ, увлеченный ея откровенностью, отвѣчалъ ей съ такимъ довѣрiемъ, на которое онъ былъ способенъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. «Вы говорите со мною такъ милостиво, государь», замѣтила между прочимъ Стурдза, «что я считаю своимъ долгомъ представить Вамъ исповѣдь моихъ убѣжденiй. Я республиканка въ глубинѣ души, я ненавижу дворы, я не придаю никакого значенiя всѣмъ этимъ различiямъ сана и рожденiя; весь этотъ этикетъ, всѣ эти церемонiи леденятъ мою душу, наводятъ на меня смертельную тоску. Но прошу Васъ, не выдавайте моей тайны въ этой странѣ, я могу дорого поплатиться за мою откровенность».

«Нѣтъ, нѣтъ!» отвѣчалъ государь съ улыбкою своей собесѣдницѣ; «будьте спокойны на этотъ счетъ. И откровенность за откровенность: я думаю совершенно такъ же, какъ вы; согласимся, однако-же, что въ Россiи эти предразсудки далеко не такъ сильны, какъ въ другихъ странахъ».

«Да, подъ управленiемъ Вашего Величества», отвѣчала Стурдза, «и я смертельно боюсь пережить Ваше Величество».

«Вотъ, это любезность!» возразилъ государь, «но надо надѣяться, что просвѣщенiе сдѣлало уже настолько успѣха, что предразсудки окажутся безсильными и послѣ меня. Я чувствую большое утѣшенiе при взглядѣ на наше юношество; оно подаетъ прекрасныя надежды и я надѣюсь, что время оправдаетъ ихъ. Никогда не чувствовалъ я такъ живо, какъ теперь, недостатокъ въ истинныхъ заслугахъ и необходимость поощрять ихъ» [1]).

[1]) «Jamais je n'ai plus vivement senti qu'à cette èpoque la pènurie et le besoin du meritè.» Мемуары гр. Эдлингъ, стр. 145.

Стурдза воспользовалась этими послѣдними словами государя, чтобы навести рѣчь на человѣка, имѣвшаго за собою, по ея мнѣнію, не мало заслугъ, на графа Каподистрію. Государь въ свою очередь отозвался съ большою похвалою о графѣ, и замѣтилъ между прочимъ, что онъ намѣренъ приблизить его къ себѣ и взять его съ собою на предстоящій конгрессъ въ Вѣну, гдѣ онъ будетъ нуждаться въ человѣкѣ, способномъ бороться съ Меттернихомъ.

Александръ обратился вслѣдъ затѣмъ къ Стурдзѣ съ вопросомъ и Штиллингѣ, очевидно произведшемъ на него уже во время общаго пріема сильное впечатлѣніе и всею своею фигурою и рѣчами. Стурдза только и ожидала этого вопроса. Съ энтузіазмомъ заговорила она о Штиллингѣ и его религіозныхъ убѣжденіяхъ. «Этотъ случай, говоритъ она въ своихъ запискахъ, и далъ намъ возможность обмѣняться нашими мыслями на счетъ религіи. Мы чувствовали, подобно большому количеству нашихъ современниковъ, потребность опереться на религію положительную, которая обнаруживала бы вліяніе на всю нашу жизнь. То была новая точка соприкосновенія между мною и императоромъ. Я была глубоко тронута, убѣдившись, какое сокровище вѣры и любви скрывается въ его, по истинѣ, царскомъ сердцѣ» [1]).

Къ сожалѣнію, Стурдза не нашла возможнымъ передать намъ болѣе подробно о своей религіозной бесѣдѣ съ императоромъ, но что слова ея о Юнгѣ Штиллингѣ произвели на Александра большое впечатлѣніе, видно уже изъ того, что на слѣдующее утро онъ позвалъ къ себѣ Юнга и бесѣдовалъ съ нимъ. Ни самъ Юнгъ, ни Стурдза не передали намъ никакихъ подробностей объ этой бесѣдѣ, но тѣмъ не менѣе,

[1]) Nous eprouvions avec une grande partie de nos contemporains le besoin de nous appuyer sur une croyance positive, mais tolérante, dont l'action se melât à tous les sentimens de la vie. Ce fut un nouveau point de contact entre l'Empereur et moi, et je fus profondemen touchèe en apprenant à connaitre le tresor de foi et d'amour cachè dans ce coeur vraiment royale. Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на это мѣсто Мемуаровъ Стурдзы. Изъ него оказывается несомнѣнно, что Стурдза не имѣла до сихъ поръ никакого точнаго представленія о глубокой религіозности императора Александра.

мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что рѣчи Юнга о всемогуществѣ Бога, о его правахъ на человѣка и объ обязанностяхъ этого послѣдняго въ отношеніяхъ къ своему Творцу и къ ближнимъ, не остались безъ сильнаго впечатлѣнія на императора, и взгляды Юнга не могли пройти безслѣдно уже потому, что они соотвѣтствовали, какъ нельзя болѣе, собственнымъ убѣжденіямъ Александра. Мы только, что слышали изъ устъ Стурдзы, что императоръ чувствовалъ необходимость въ религіи, положительной, въ такой религіи, которая была бы чужда духа нетерпимости и преслѣдованія, но которая проникала бы все существо человѣка, являлась его опорою во всѣхъ жизненныхъ испытаніяхъ, источникомъ всѣхъ его чувствованій и дѣяній. Изъ всего предшествующаго нашего изложенія выходитъ также, несомнѣнно, что, начиная съ достопамятной годины испытанія 1812 года, Александръ смотрѣлъ на всю свою дальнѣйшую жизнь, какъ на непрерывное служеніе Господу, что всѣ великіе подвиги, совершенные имъ, не могли поколебать его христіанскаго смиренія и что ему удалось на высотѣ трона и неслыханнаго торжества побороть въ себѣ тотъ духъ тщеславія и самомнѣнія, который такъ присущъ натурѣ человѣка, которымъ заражаются такъ легко, именно всѣ тѣ, на долю которыхъ выпадаетъ много успѣховъ и много славы. Въ виду такой солидарности вѣрованій и убѣжденій Александра съ рѣчами, приписываемыми Штиллингу, не можетъ быть и рѣчи о неудачѣ, постигшей этого послѣдняго при его свиданіи съ императоромъ; что неудачи этой не было и не могло быть, на это ясно указываетъ, впрочемъ, и свидѣтельство самого императора, переданное намъ въ запискахъ Стурдзы, а также и одно изъ писемъ Стурдзы къ Юнгу Штиллингу.

На другой день, послѣ продолжительной аудіенціи, данной Юнгу, государь имѣлъ вновь разговоръ съ дѣвицею Стурдза. На этотъ разъ Александръ былъ еще болѣе сердеченъ и откровененъ, нежели прежде. «Я считаю себя счастливымъ, что узналъ васъ ближе, сказалъ онъ между прочимъ, я горжусь тѣмъ, что заслужилъ ваше довѣріе. Мнѣ доставила бы больше удовольствіе возможность сдѣлать для васъ, что либо

пріятное; нѣтъ-ли у васъ желанія, которое я могъ бы удовлетворить»?

«Государь, я не нахожу словъ выразить вамъ мою признательность, но я придаю такъ мало значенія дѣламъ внѣшности, отвѣчала Стурдза. Я довольна своею судьбою, своимъ положеніемъ, мнѣ нечего желать».

«Но неужели на свѣтѣ нѣтъ ничего, что я могъ бы сдѣлать для васъ, развѣ нѣтъ такото существа, которымъ бы вы особенно интересовались», спросилъ государь.

«Нѣтъ, государь, я не желаю ничего. Я живо интересуюсь моимъ братомъ, но онъ молодъ и я могу разсчитывать на его способности. Ваше Величество сами оцѣните его впослѣдствіи, я не безпокоюсь о немъ».

«Итакъ, я не могу сдѣлать для васъ ничего?»

«Ничего, государь, кромѣ продолженія той доброты, которою такъ живо тронута я».

«Это выраженіе неправильно; оно не соотвѣтствуетъ тому интересу, съ которымъ я отношусь къ вамъ. Сегодня утромъ я видѣлся съ Юнгомъ Штиллингомъ. Мы объяснились съ нимъ, какъ могли, на половину по нѣмецки, на половину по французски. Я понялъ, что вы заключили съ нимъ во имя Бога союзъ любви и милосердія, союзъ, долженствующій остаться неразрывнымъ. Я просилъ его принять меня, какъ третьяго, въ этотъ союзъ и мы дали другъ другу въ знакъ нашего единенія руку. Согласны ли и вы на такой союзъ [1]).

«Государь!» отвѣчала Стурдза, «союзъ этотъ уже существуетъ между нами!»

«При этихъ словахъ», – повѣствуетъ авторъ мемуаровъ, «императоръ взялъ съ нѣжностью мою руку и я замѣтила, какъ слезы катились изъ его глазъ. Въ этотъ моментъ часы пробили время обѣда, я поспѣшила въ мою комнату, а спустя нѣсколько минутъ, была уже въ салонѣ маркграфини, среди толпы, и шума».

[1]) J'ai bien compris pourtant que vous aviez formé avec lui en Dieu un lien d'amour et de charité qui devait etre indissoluble. Je l'ai prié de moi recevoir en tiers dans cette alliance, et nous nous sommes donnés la main la dessus. Y consentez-vous aussi? Мемуары, стр. 151.

Приведенный только что разсказъ самого императора о бесѣдѣ его съ Юнгомъ при всей своей краткости и общности не оставляетъ, однакоже, сомнѣнія въ томъ, что рѣчи Юнга касались и многихъ другихъ пунктовъ, помимо указываемыхъ въ свидѣтельствѣ Ампейтаза, свидѣтельствѣ очевидно одностороннемъ и пристрастномъ. Что разговоръ отличался большою сердечностью, видно уже изъ того, что онъ окончился тѣмъ союзомъ любви и милосердія, въ который принята была дѣвица Стурдза, или къ которому, выражаясь точнѣе, принадлежала она уже ранѣе. До насъ дошло, впрочемъ, и другое свидѣтельство, указывающее ясно, что Юнгъ не ограничился въ своей бесѣдѣ съ императоромъ одними богословскими вопросами, что онъ коснулся и иной темы, темы, занимавшей немало всѣхъ мистиковъ, не исключая и m-me Криденеръ. Свидѣтельство это находится въ письмѣ Стурдзы къ Юнгу Штиллингу отъ 15 апрѣля 1815 года. «Я боюсь, что Европѣ грозитъ новая война», пишетъ Стурдза. «Императоръ, котораго я видѣла наканунѣ моего отъѣзда, опасается того же самаго. Онъ вспомнилъ при этомъ случаѣ все то, что вы говорили ему въ Брухзалѣ: ваше мнѣніе его мнѣніе. Я была сильно тронута, прощаясь съ нимъ, и я благословила его именемъ Господа!» [1]).

Итакъ, Юнгъ Штиллингъ отнюдь не потерпѣлъ той неудачи, о которой говорятъ Ампетайзъ и другіе приближенные m-me Криденеръ. Этого мало. Уже въ Брухзалѣ, т. е. въ то время, когда миръ Европы казался вполнѣ обезпеченнымъ, онъ отважился предречь Александру новую страшную войну, т. е. именно то пророчество, которое приписывается потомъ m-me Криденеръ, и съ которымъ она выступила го-

[1]) Je crains de voir l'Europe embrassée par une nouvelle guerre. L'Empereur, que j'ai vu la veille de mon depart, craint la même chose; il s'est rappelé à cette occasion tout ce que vous avez lui dit a Brouchsal: *votre opinion et la sienne*». Мюленбекъ, цитирующій это письмо, принужденъ сознаться, что изъ него видно нѣкоторая неточность разсказа Ампейтаза. «Au moins, говоритъ онъ, n'est il pas complet, car il passe sous silence les indications chiliastes de Jung». Но если такъ, то что же сказать послѣ того о фантастическихъ разсказахъ самого Мюленбека? Очевидо, что они страдаютъ не только неточностью и неполнотою, но и еще чѣмъ то другимъ.

раздо позже Юнга, и притомъ въ такое время, когда опасенія на счетъ прочности мира Европы возникали уже и помимо мистиковъ и ихъ предсказаній, когда согласіе между союзниками было уже нарушено и новая грозная туча явственно начала подниматься на политическомъ горизонтѣ. Въ виду всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ фактовъ, приходится согласиться, что Юнгъ Штиллингъ сказалъ Александру при личномъ свиданіи въ Брухзалѣ все то, что повторяла потомъ г-жа Криденеръ, и что мистическому заговору, о которомъ говоритъ съ такою увѣренностью Мюленбекъ, не было никакой надобности давать отставку Юнгу и передавать возложенную на него первоначально миссію Криденеръ.

Просматривая тщательно всѣ свидѣтельства, относящіяся ко времени пребыванія Александра въ Брухзалѣ, мы приходимъ къ заключенію, что о какомъ бы то ни было заговорѣ мистиковъ, имѣвшихъ своею цѣлію завлеченіе императора Александра въ свои сѣти, не можетъ быть и рѣчи. Да и какой смыслъ могла имѣть подобная интрига? Если въ средѣ хиліастовъ и были восторженные, полубезумные фанатики, мечтавшіе о наступленіи апокалипсическаго тысячелѣтія, о водвореніи царства Божія на землѣ, если въ средѣ ихъ находились даже люди, мечтавшіе поставить Александра во главѣ новаго израиля, то къ числу этихъ фанатиковъ ни коимъ образомъ не принадлежали ни Юнгъ Штиллингъ, ни Роксандра Стурдза, т. е. именно тѣ лица, которыя, по полномочію мнимаго заговора, должны были взять на себя дѣло миссіи предъ русскимъ императоромъ. Если они и говорили съ Александромъ о вопросахъ религіозныхъ, если они изливали передъ нимъ свою душу, если они даже вступили съ нимъ въ союзъ любви и милосердія, то они говорили и дѣйствовали въ данномъ случаѣ отъ самихъ себя, повинуясь внутреннему влеченію своего сердца, а вовсе не въ силу данныхъ имъ какихъ-то порученій и инструкцій. И на этотъ разъ, въ дѣйствительности, дѣло происходило гораздо проще и естественнѣе, нежели, какъ представляется оно въ головѣ кабинетныхъ историковъ, приступающихъ къ своимъ трудамъ съ предвзятою мыслію и заранѣе составленною теоріею, историковъ,

сыплющихъ безчисленными цитатами, но рисующихъ тѣмъ не менѣе не настоящее, а фантастическое прошлое.

Замѣчательно, что ни въ мемуарахъ Стурдзы, ни въ ея письмахъ, относящихся къ этой эпохѣ, нѣтъ никакахъ указаній на какія-либо отношенія m-me Криденеръ къ Александру. Если мы припомнимъ, что m-me Криденеръ проживала въ это время въ Карлсруэ, въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Брухзаля, что при извѣстной доступности Александра, она легко могла получить доступъ къ императору, то придется согласиться, что m-me Криденеръ не стояла еще въ это время на высотѣ своей пророческой миссіи [1]), или быть можетъ не имѣла еще надеждъ расчитывать на какой бы то ни было успѣхъ у Александра. Послѣднее предположеніе кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ. Вѣра въ пророческій даръ г-жи Криденеръ, преклоненіе предъ ея нравственнымъ авторитетомъ не укоренились въ это время окончательно даже въ кружкѣ ея ближайшихъ друзей и почитателей. Сама Роксандра Стурдза при всемъ своемъ благоговѣніи къ христіанскимъ добродѣтелямъ баронессы, не могла безусловно вѣрить въ ея пророческую миссію. Лица, близкія къ ней, предостерегали ее даже какъ отъ г-жи Криденеръ, такъ и отъ мистической общины, къ которой принадлежа она. Въ числѣ такихъ предостерегателей мы встрѣчаемъ и извѣстную m-me Свѣчину, урожденную Соймонову, благочестивую свѣтскую даму, обрѣтшую себѣ, подъ конецъ, утѣшеніе въ лонѣ всеспасающей римско-

[1]) По словамъ Эйнара, m-me Криденеръ имѣла въ Баденѣ громадный успѣхъ. «Событія, тѣснившіяся одно за другимъ, казалось, предсказывали новыя бѣдствія и новые перевороты. Голосъ m-me Криденеръ, говорившій о мирѣ среди шума войны, призывавшій къ успокоенію среди бурь, обѣщавшій сокровища неисчерпаемыя среди стольких развалинъ и указывавшій пристань спасенія столькимъ, потерпѣвшимъ крушеніе, соотвѣтствовалъ, какъ нельзя болѣе, потребностямъ сердца. Она обращалась ко всѣмъ съ своею симпатическою рѣчью, и каждый прислушивался со вниманіемъ къ ея словамъ. Всякій приходившій съ заднею мыслью разоблачить ее и насмѣяться надъ нею, изумлялся, не находя въ ней ожидаемыхъ странностей и чувствовалъ себя въ скоромъ времени обезоруженнымъ. Всѣ сердца невольно преклонялись предъ непобѣдимою прелестью ея доброты. Бѣдные и богатые, большіе и малые наперерывъ стремились къ ней, довѣряли ей свои тайныя мученія и находили у нея утѣшеніе».

католической церкви [1]). Г-жа Свѣчина, при всей своей экзальтаціи, смотрѣла на мистиковъ и на Криденеръ менѣе предубѣжденными глазами, нежели сама Стурдза. По собственному своему сознанію, она интересовалась безконечно и Юліею Криденеръ и ея дочерью, но этотъ интересъ вовсе не совпадалъ у нея съ безусловною вѣрою, а тѣмъ менѣе: съ энтузіазмомъ. Она не имѣла обыкновенія принимать на вѣру чужія готовыя мнѣнія и старалась прежде собрать достовѣрныя свѣдѣнія, а затѣмъ уже судить. Г-жа Свѣчина находилась въ постоянной и довольно интимной перепискѣ съ дѣвицею Стурдза. Въ первой половинѣ 1814 г., т. е. какъ разъ во то время, когда началось близкое знакомство Стурдзы съ Криденеръ, когда въ Брухзалѣ ожидали скораго пріѣзда императора Александра, и когда, по словамъ Мюленбека, хиліасты составляли свой заговоръ, Свѣчина постоянно возвращается въ своихъ письмахъ къ Стурдзѣ къ нѣмецкимъ теософамъ и мистикамъ, вообще, и къ Криденеръ, въ частности. Мнѣнія, высказываемыя ею по этому вопросу, не отличаются особенною опредѣленностью, но во всѣхъ ихъ ясно звучитъ нота сомнѣнія, скептицизма. «Мое мнѣніе о нѣмецкихъ теософахъ,» читаемъ мы въ письмѣ ея отъ 6-го апрѣля 1814 г. [2]), «находится въ такой стадіи недоумѣнія, что всѣ правовѣрные, навѣрное, пришли бы отъ него въ негодованіе и ужасъ. Я чувствую въ себѣ достаточно вѣротерпимости но я всегда находила послѣ тщательнаго обдумыванія, что гораздо лучше слѣдовать религіи во всей ея простотѣ, нежели превращать ее въ науку, искуснѣйшіе ревнители коей не всегда бываютъ христіанами, принимающими къ сердцу и исполняющими на дѣлѣ заповѣди христіанства. Когда люди теряются въ отвлеченностяхъ и порывахъ божественной любви, то при этомъ ихъ гордость не всегда рискуетъ умереть отъ изнеможенія. Это священное

1) Г-жа Свѣчина была, въ этомъ отношеніи, подобно другимъ своимъ соотечественницамъ, жертвою своего воспитанія и той пустой, извращенной среды, въ которой вращалась она, благодаря своему происхожденію и положенію въ такъ называемомъ свѣтѣ.

2) Текстъ письма у Мюленбека, стр. 203—204.

ополченіе (т. е. нѣмецкіе теософы) вѣчно восклицаетъ о простотѣ, объ отреченіи отъ воли, о внутреннемъ удовлетвореніи, но эта прекрасная медаль имѣетъ, къ сожалѣнію, и свою обратную сторону, на которой начертаны пороки, противоположные превозглашаемымъ добродѣтелямъ. Помимо этихъ наблюденій, сдѣланныхъ мною надъ извѣстной вамъ общиною, есть еще нѣчто, гарантирующее меня отъ всякаго подчиненія ей, это мое рѣшительное отвращеніе ко всевозможнымъ ассоціаціямъ. Я никогда не понимала, какъ это можно связывать себя чужими мнѣніями, а если я когда нибудь пристала-бы къ сектѣ, то ни къ какой другой, какъ къ сектѣ индепендентовъ. Мое довѣріе и мое уваженіе могутъ относиться только къ характеру, и даже романы Радклифъ не привели бы меня въ такой ужасъ, какъ сознаніе, что я нахожусь въ когтяхъ религіозной общины, являющейся обособленнымъ цѣлымъ въ лонѣ церкви христіанской. Старайтесь, другъ мой, высвободиться изъ этихъ когтей. Это не такъ легко, какъ вы думаете: эти люди, какъ ни почтенны они въ иныхъ отношеніяхъ, всегда носятъ въ себѣ заднюю мысль пропаганды; слушайте ихъ, если они интересуютъ васъ, но не принимайте ихъ мнѣній; берите отъ нихъ то, что согрѣваетъ душу, но не порабощаетъ умъ. Вашъ братъ прочелъ мнѣ письмо m-me Криденеръ, копію котораго вы прислали ему; оно восхитительно, но я совѣтую вамъ тѣмъ не менѣе держаться той вѣры угольщиковъ, къ которой возвратилась я».

Само собою понятно, что эти совѣты и предостереженія далекой подруги не могли предохранить Стурдзу отъ близкаго и повседневнаго вліянія ея восторженныхъ мистическихъ друзей. Вліяніе это оказалось, между прочимъ, и въ томъ, что дѣвица Стурдза, придворная дама русской императрицы, начала мечтать въ это время объ удаленіи изъ міра, объ основаніи на собственныя средства какого-то религіозно-филантропическаго учрежденія, чего то въ родѣ монастыря для лицъ всѣхъ трехъ христіанскихъ исповѣданій. Она сообщила объ этомъ своемъ замыслѣ Свѣчиной, но послѣдовательница вѣры угольщиковъ отнеслась скептически и къ этой иллюзіи.

«Для того, чтобы руководить подобнымъ учрежденіемъ, необходимо обладать бо́льшими способностями къ примиренію и соглашенію,» писала Свѣчина Стурдзѣ, нежели обладатель гарема, держащій въ повиновеніи и согласіи нѣсколькихъ соперницъ [1])». Стурдза продолжала наполнять свои письма восторженными отзывами о Криденеръ, Штиллингѣ и другихъ мистикахъ; Свѣчина старалась въ своихъ отвѣтахъ умѣрить ея восторги и противопоставляла мистикамъ и ихъ экзальтаціи какъ нѣчто болѣе высшее, простое исполненіе долга. «Изъ вашихъ посланій», писала она въ іюлѣ мѣсяцѣ 1814 г., я уже знаю такъ хорошо Криденеръ и Юнга, какъ будто я видѣла ихъ самихъ. Но изъ всѣхъ вашихъ знакомыхъ, для меня интереснѣе всѣхъ М. Полье, воспитатель сына короля Шведскаго, сохранившій всецѣло преданность къ своему ученику и послѣ того, какъ отецъ его былъ свергнутъ съ престола. Я чувствую не малую склонность къ метафизикѣ, даже къ мистикѣ, но одинъ такой поступокъ, вызванный простымъ движеніемъ сердца, имѣетъ въ глазахъ моихъ болѣе цѣны, нежели самыя возвышенныя мысли и вознесенія на третье небо» [2]).

Изъ приведенныхъ нами отрывковъ писемъ Свѣчиной видно, что старанія Стурдзы выставить Криденеръ и ея кружокт какъ что-то высшее, совершенное, идеальное, не достигло своей цѣли даже въ глазахъ женщины, способной къ религіозному энтузіазму. Намъ кажется, что въ виду такой неудачи, Стурдза не рѣшалась пока говорить о Криденеръ и ея пророчествахъ императору Александру и ограничилась лишь тѣми успѣхами, которые достигнуты были въ этомъ направленіи Штиллингомъ и притомъ достигнуты при ея прямомъ содѣйствіи и участіи. Она могла гордиться, по справедливости, этими успѣхами. Идеальный союзъ любви и милосердія, заключенный первоначально между ею и Штиллингомъ, неизмѣримо расширился и принялъ несравненно болѣе

[1]) Мюленбекъ, стр. 205.

[2]) См. текстъ письма у Мюленбека, стр. 205.

высокое значеніе въ ея глазахъ съ тѣхъ поръ, какъ въ союзъ этотъ вступилъ, въ качествѣ третьяго участника, никто иной, какъ освободитель народовъ, императоръ Александръ. Ей казалось, что отъ этого событія слѣдуетъ ожидать самыхъ великихъ и благихъ результатовъ, и притомъ не въ далекомъ, а въ близкомъ будущемъ.

Обстоятельство чисто внѣшнее, а именно короткій срокъ времени, быть можетъ, помѣшалъ Стурдзѣ открыть m-me Криденеръ доступъ къ государю. Александръ оставался въ Брухзалѣ всего лишь нѣсколько дней, и эти немногіе дни онъ былъ заваленъ такою массою дѣлъ и пріемовъ, что немыслимо было и думать о какихъ бы то ни было бесѣдахъ между нимъ и пророчицею. Какъ ни сильно было религіозное возбужденіе, вызванное въ императорѣ не столько посторонними внушеніями и вліяніями, сколько самимъ ходомъ событій, но Александръ, уже вслѣдствіе занимаемаго имъ положенія, не могъ отдаваться всецѣло внутреннимъ созерцаніямъ и благочестивымъ бесѣдамъ. Сознаніе высокихъ и разносторонних обязанностей, возложенныхъ на него его высокимъ саномъ, не покидало его ни на минуту. Онъ не могъ терять времени уже и потому, что конечною цѣлью путешествія его была на этотъ разъ Россія, куда призывали его самыя важныя, правительственныя заботы, и гдѣ вѣрный народъ его сгоралъ отъ нетерпѣнія узрѣть, наконецъ, своего побѣдоноснаго монарха. Александръ могъ посвятить и на этотъ разъ дѣламъ внутреннимъ лишь малую долю времени, такъ какъ важнѣйшие интересы Россіи и Европы заставляли его во время поспѣть въ Вѣну, гдѣ уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ долженъ былъ собраться тотъ конгрессъ, которому предстояло рѣшеніе задачи, по истинѣ колоссальной: устроеніе системы европейскихъ государствъ, потрясенной въ самыхъ основаніяхъ своихъ неслыханными переворотами революціонной эпохи.

Императоръ порѣшилъ возвратиться въ Россію одинъ; императрица должна была, согласно его волѣ, остаться пока въ Баденѣ, а затѣмъ прибыть ко времени его пріѣзда въ Вѣну. Такое рѣшеніе Александра вызывалось, безъ сомнѣнія,

многими и различными соображеніями, не имѣвшими ничего общаго съ его личными отношеніями къ императрицѣ. Тогдашнія путешествія и въ особенности такія поспѣшныя, какъ предстоявшія императору, сопряжены были даже для высочайшихъ особъ съ такими неудобствами, лишеніями и трудами, что Александръ естественно могъ желать не подвергать имъ свою супругу. Но оставляя императрицу за границею, Александръ лишалъ ее тѣмъ самымъ того, что было въ глазахъ ея дороже всего на свѣтѣ; онъ лишалъ ее участія въ той славѣ, въ томъ восторженномъ пріемѣ, которые ожидали его въ Россіи. Императрица видимо сознавала это. Подчиняясь безропотно волѣ своего супруга, она скорбѣла душевно о своей участи и ея горе прорывалось наружу даже при лицахъ постороннихъ.

«Наконецъ», читаемъ мы въ запискахъ Шишкова [1]), «настало давно ожидаемое мною время возвратиться въ Россію. Я просилъ государя отпустить меня напередъ, для того, что по слабости здоровья моего не могъ съ такою же, какъ онъ, скоростію за нимъ ѣхать. Онъ позволилъ, и я, собравшись въ дорогу, пошелъ откланяться императрицѣ. Она была одна въ своемъ кабинетѣ и показалась мнѣ очень скучною. Когда я увѣдомилъ ее о причинѣ моего прихода къ ней, то она сказала мнѣ со слезами: «я завидую вашей участи: вы ѣдете въ Россію и я желала бы того-же, но государь хочетъ, чтобы я оставалась еще здѣсь». Слова сіи удивили и разстроили меня: я также не могъ удержаться отъ слезъ и сказалъ ей съ чувствомъ усердія и состраданія: «Какой, государыня, россіянинъ, слыша о сей вашей привязанности къ Россіи, не почувствуетъ въ глубинѣ сердца своего живѣйшей къ вамъ благодарности». Она пожаловала мнѣ поцѣловать руку свою и отпустила меня, пожелавъ мнѣ счастливаго пути».

Каковы бы ни были причины, побудившія императора оставить свою супругу въ Германіи, но только что приведен-

[1]) См. Шишковъ, Записки, томъ I, стр. 302—303, а также краткія записки Шишкова.

ное свидѣтельство Шишкова ясно говоритъ о той сердечной привязанности, которую питала къ своему супругу, Елизавета Алексѣевна. Вся сила этой привязанности сказалась уже при свиданіи въ Рорбахѣ, вопреки всѣмъ правиламъ этикета, вопреки неумѣлымъ внушеніямъ матери и сестры. «Какъ тронуло меня то, что вы пишите о свиданіи царственныхъ супруговъ, читаемъ мы въ письмѣ Свѣчиной къ Стурдзѣ [1]). «Мнѣ кажется, что въ семъ, столь желанномъ соединеніи, мы должны усматривать послѣднюю побѣду, которую оставалось еще одержать добродѣтели. Зло побѣждено въ своемъ послѣднемъ оплотѣ и въ своей послѣдней формѣ. Заря новаго дня, дня милосердія и благословенія загорается для Россіи. Небо завершаетъ свое дѣло и возобновляетъ симъ новымъ благодѣяніемъ, въ средѣ всѣхъ насъ, сіе торжественное прощеніе, которое провозглашается Божественнымъ милосердіемъ во всей вселенной. Что говорятъ сіи счастливыя событія, слѣдующія одно за другимъ, какъ ни то, что Европа страждущая искупила вину Европы грѣховной и что время прощенія наступило. Покажемъ же себя достойными сего времени и да послужитъ наше собственное внутреннее возрожденіе первымъ залогомъ того союза, къ которому ощутительнѣе, нежели когда-либо призываетъ Богъ всѣхъ людей. Другъ мой, сердце мое полно торжества и радости».

Глубоко-религіозное настроеніе императора Александра, обнаруживавшееся такими ясными чертами и во время его побѣдоноснаго шествія во главѣ союзныхъ армій, и во время его путешествія по Англіи и Голландіи, сказались съ особенною силою и при его возвращеніи въ Россію. Александръ ѣхалъ въ Россію съ обычною своею быстротою, 4 іюля онъ прибылъ въ Лейпцигъ, а уже 12 былъ въ Павловскѣ, гдѣ его встрѣтила мать его, вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна. Въ Петербургѣ дѣлались громадныя приготовленія для встрѣчи государя. Сооружались по главнымъ ули-

[1]) Письмо Свѣчиной отъ 2-го августа н. ст. 1814 г. См. Mühlenbeck, стр. 205—206.

цамъ тріумфальныя арки и различныя приспособленія для иллюминаціи. На каждомъ шагу виднѣлись щиты и транспаранты съ вензелями и изображеніями императора; повсюду красовались надписи: «Отцу отечества, Побѣдителю—возстановителю царствъ; за раззореніе Москвы—благодѣянія Парижу». Предполагалось, между прочимъ, поднести императору хлѣбъ-соль въ огромныхъ золотыхъ вазахъ, стоимость которыхъ доходила до 60,000 рублей. Узнавъ обо всѣхъ этихъ приготовленіяхъ, Александръ, руководствуясь тѣмъ же духомъ смиренія, который побудилъ его отклонить предложенія государственныхъ чиновъ на счетъ памятника и титула Благословеннаго, немедленно далъ знать с.-петербургскому главнокомандующему, генералу Вязмитинову, что онъ отказывается отъ торжественной встрѣчи и отъ какихъ бы то ни было празднествъ и возлагаетъ отвѣтственность за точное исполненіе сего своего желанія на самого главнокомандующаго.

Воля государя должна была быть исполнена, но она была исполнена лишь на столько, на сколько это зависило отъ административныхъ властей. По распоряженію главнокомандующаго, разобраны были всѣ приспособленія къ иллюминаціи. Но Вязмитиновъ не въ состояніи былъ запретить населенію столицы устроить трехдневное великолѣпное освѣщеніе города, точно такъ же какъ не могъ онъ запретить народу собираться массами повсюду, гдѣ ожидался проѣздъ государя и устраивать освободителю народовъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, восторженныя оваціи. 13 іюля, на другой день послѣ прибытія въ Павловскъ, императоръ отправился въ Петербургъ рано утромъ и уже въ 7 часовъ остановился у Казанскаго собора. Вѣсть о его прибытіи въ столицу распространилась только во время молебствія. Тѣмъ не менѣе вокругъ собора и на прилегающихъ улицахъ, въ особенности же на соборной площади и на невскомъ проспектѣ, собрались почти моментально громадныя толпы народа. Радостные клики огласили воздухъ, едва только государь вышелъ изъ церкви; массами бѣжалъ народъ за царскимъ экипажемъ вплоть до самаго дворца. Около часу пополудни, государь, на парныхъ дрожкахъ, безъ свиты, отправился въ любимое

свое мѣстопребываніе, каменноостровскій дворецъ. Здѣсь императора ожидали: герцогъ Александръ Виртембергскій и многіе генералы. Избѣгая всякой торжественной встрѣчи, императоръ прошелъ въ кабинетъ, гдѣ принималъ министровъ и высшихъ сановниковъ. На слѣдующее утро, 14 іюля, въ Казанскомъ соборѣ назначено было торжественное молебствіе. Императоръ и великій князь Константинъ Павловичъ ѣхали верхами передъ парадною каретою, въ которой сидѣли императрица Марія Ѳеодоровна и великая княжна Анна Павловна. Весь путь отъ Каменнаго острова, до Казанскаго собора занятъ былъ массами народа; неумолкающее «ура» сотенъ тысячъ голосовъ потрясало воздухъ. Многіе бросались на колѣни, завидѣвъ государя и благословляли его крестнымъ знаменіемъ. У входа въ соборъ императоръ Александръ былъ встрѣченъ митрополитомъ Амвросіемъ, привѣтствовавшимъ государя краткою рѣчью. По окончаніи обѣдни и молебствія происходило церемоніальное шествіе изъ собора во дворецъ, при громѣ орудій и восклицаніяхъ народа [1]).

Императоръ, сторонившійся систематически отъ всего, что носило на себѣ характеръ торжественнаго прославленія его личности, смотрѣлъ на свое участіе въ церемоніальномъ молебствіи, какъ на неизбѣжную дань, возлагаемую на него его высокимъ саномъ и его обязанностями по отношенію къ своему государству и къ своему народу. Не было, быть можетъ, во всей его обширной имперіи человѣка болѣе преданнаго Богу, болѣе любившаго народъ, какъ онъ, но онъ привыкъ молиться Богу наединѣ, а свои обязанности къ народу онъ понималъ не во внѣшнемъ и формальномъ, а во внутреннемъ и глубокомъ смыслѣ. Александръ понималъ лучше кого либо все величіе и все громадное значеніе одержанныхъ имъ успѣховъ, но онъ не опускалъ ни на минуту изъ виду, какими жертвами были куплены это величіе и эти успѣхи. Страшное разореніе, причиненное непріятельскимъ

[1]) Всѣ внѣшнія подробности о пребываніи Александра въ Петербургѣ мы заимствуемъ у Богдановича, Исторія царствованія Александра I, т. I, стр. 583—85.

нашествіемъ 1812 г., оставило послѣ себя глубокіе слѣды, а между тѣмъ государство, истощенное заграничными войнами 1813 и 1814 г., не въ состояніи было прійти на помощь населенію въ томъ размѣрѣ, въ какомъ долженствовало оно это сдѣлать. Мы не въ состояніи опредѣлить даже съ точностью тѣхъ убытковъ людьми и имуществомъ, которые понесла Россія въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Изъ свидѣтельствъ, не подлежащихъ сомнѣнію, мы узнаемъ, напримѣръ, что потери частныхъ лицъ въ одной Московской губерніи доходили до 270 милліоновъ руб. ассигнаціями, что Смоленская губернія опустошена была въ конецъ вражескимъ нашествіемъ и что въ 1815 г. населеніе мужскаго пола было въ ней на 57,000 менѣе, нежели въ 1811 г. Не менѣе страшное опустошеніе постигло всѣ западныя губерніи Россіи [1]).

Что же касается до герцогства Варшавскаго, завоеваннаго русскими войсками и долженствовавшаго, по мысли государя, послужить вознагражденіемъ для Россіи, то эта страна до такой степени истощена Наполеоновскою эксплоатаціею и опустошена затѣмъ войною, что населеніе не въ состояніи было платить налоговъ, а чиновники давно уже не получали слѣдующаго имъ жалованья.

Финансовое положеніе русскаго государства, потрясенное и ослабленное непрерывными войнами и подорванное окончательно континентальною системою, не могло быть возстановлено одними блестящими успѣхами нашего оружія. Не смотря на значительную субсидію, полученную отъ Англіи (около 20 милліоновъ руб. сер.), не смотря на колоссальныя пожертвованія частныхъ лицъ, доходившія до 100 милліоновъ руб., пришлось еще въ 1813 г. прибѣгнуть къ новому выпуску ассигнацій въ размѣрѣ 70 милліоновъ руб., а кампанія 1814 г. потребовала новыхъ громадныхъ затратъ. При такомъ положеніи дѣлъ правительство, не смотря на всѣ желанія императора, не въ состояніи было оказать серьезной матерьяльной поддержки населенію разоренныхъ провинцій, и если народъ русскій безропотно несъ всѣ обрушившіяся на него

[1]) Богдановичъ, Исторія царствованія Александра I, т. IV, стр. 570.

тяжести и несчастія, если онъ оправился, говоря сравнительно, довольно скоро отъ послѣдствій Наполеоновскаго погрома, то этимъ онъ былъ обязанъ прежде всего той нравственной силѣ, которую черпалъ онъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и въ сознаніи неразрывной связи, соединявшей его съ его вѣнценоснымъ вождемъ. Говоря о народѣ русскомъ, мы понимаемъ, въ данномъ случаѣ, всю массу населенія, начиная отъ простаго сѣраго люда и оканчивая сословіемъ дворянскимъ. Исключеніе составляли лишь немногіе аристократическіе кружки, тѣ самые салоны, гдѣ господствовали уныніе и страхъ въ годину нашествія Наполеона, гдѣ духъ недовольства вошелъ въ моду уже съ давнихъ поръ, гдѣ мелочная, систематическая критика порицала всѣ дѣйствія императора, начиная отъ его непоколебимой стойкости въ 1812 г. и оканчивая его непреклонною рѣшимостью положить во что бы то ни стало конецъ владычеству Наполеона надъ Франціею и Европою. Изъ такихъ оппозиціонныхъ салоновъ современныя свидѣтельства указываютъ, между прочимъ, на салоны: княгини Елены Никитичны Вяземской, графа Платона Зубова и сенатора Тамары; тогда какъ, по тѣмъ же свидѣтельствамъ, въ другихъ аристократическихъ кружкахъ, собиравшихся у князя Петра Вас. Лопухина, Кочубея, Уварова, преобладало совершенно противоположное, патріотическое настроеніе [1]). Салонная болтовня не могла, разумѣется, оказать ни малѣйшаго вліянія ни на ходъ событій, ни на настроеніе русскаго народа. Современныя письма, случайно уцѣлѣвшія отъ этой эпохи, письма, не предназначавшіяся для публикаціи, могутъ служить еще и теперь свидѣтельствомъ тѣхъ чувствъ, коими исполнены были тогда всѣ сословія народа русскаго. Во всѣхъ этихъ письмахъ трудно найти сожалѣніе о понесенныхъ потеряхъ; но во всѣхъ ихъ выражается полнѣйшая солидарность съ стремленіями императора Александра, единодушное желаніе довершить торжество Россіи—освобожденіемъ Европы и низложеніемъ Наполеона.

[1]) См. Богдановичъ, т. IV, стр. 577.

Такое настроеніе русскаго общества хорошо было извѣстно императору. Возвратившись теперь въ Россію послѣ стольких побѣдъ, Александръ спѣшилъ прежде всего торжественно засвидѣтельствовать свою признательность всѣмъ сословіямъ народа русскаго, даровать каждому изъ нихъ знаки своего монаршего благоволенія. Съ этою цѣлью онъ поручилъ государственному секретарю Шишкову составить милостивый манифестъ. Получивъ отъ государя всѣ необходимыя указанія, Шишковъ поднесъ государю слѣдующую редакцію манифеста: [1])

«Божіею милостью, мы, Александръ Первый, объявляемъ всенародно:

«Долговременное отсутствіе изъ отечественной страны наводило сердцу нашему тяжелую скорбь, которая при всѣхъ успѣхахъ и благополучныхъ дѣлахъ не преставала намъ сопутствовать. Единое то служило намъ утѣшеніемъ, что мы многотрудное и громоносное оружіе свое не для тщетной славы столь далеко отъ предѣловъ земли нашея несли, но какъ для ея собственной чести и безопасности, такъ и для спокойствія всей Европы. Богъ неизреченною своею милостью вознаградилъ наше терпѣніе и труды. Онъ сокрушающуюся о чадахъ своихъ Россію обрадовалъ возвращеніемъ ихъ въ нѣдра ея съ миромъ и славою. Никогда не чувствовали мы толь великаго блаженства, какъ при вступленіи въ предѣлы благословенной области нашей, куда несли мы сердце, исполненное любовью къ достойному народу нашему, и гдѣ встрѣчены были всеобщимъ усердіемъ и радостью. Нынѣ хотя постановленіе и устроеніе дѣлъ въ Европѣ для общаго всѣхъ народовъ успокоенія и требуетъ отбытія нашего изъ Россіи, но сіе отбытіе, уповаемъ на милость Божескую, будетъ уже недолговременное и съ полнымъ окончаніемъ внѣшнихъ дѣлъ возвратитъ насъ къ безпрепятственному попеченію о внутреннемъ государства нашего благѣ. Между тѣмъ въ ознаменованіе всѣхъ взаим-

[1]) Мы заимствуемъ текстъ манифеста въ его первоначальной редакціи изъ записокъ Шишкова, т. I. стр. 303—307.

ныхъ чувствованій, на любви, благодарности и благополучіи основанныхъ, которыя мы днесь вкушаемъ, и въ сохраненіе памяти безпримѣрнаго единодушія и ревности, увѣнчанныхъ отъ руки Всевышняго толь знаменитыми происшествіями, возжелали мы учредить и постановить слѣдующее:

1. «Для принесенія всемогущему Богу теплыхъ и усердныхъ молитвъ за избавленіе державы нашей отъ лютаго и сильнаго врага, и въ прославленіе въ роды родовъ сего совершившагося надъ нами промысла и милости Божіей, постановляемъ мы ежегодное празднованіе въ день Рождества Христова: о чемъ съ подробнѣйшими объясненіями данъ будетъ святѣйшему сѵноду особый указъ.

2. «Священнѣйшее духовенство наше, призывавшее предъ алтаремъ Всевышнаго теплыми молитвами своими благословеніе Божіе на всероссійское оружіе и воинство, и примѣрами благочестія ободрявшее народъ къ единодушію и твердости, въ знакъ благоговѣнія въ вѣрѣ и любви къ отечеству, да носитъ на персяхъ своихъ, начиная отъ верховнаго пастыря включительно до священника, нарочно учрежденный для сего крестъ съ подписью 1812 года.

3. «Благородное дворянство наше, вѣрная и крѣпкая ограда престола, умъ и душа народа, издревле благочестивое, издревле храброе, издревле многократными опытами доказавшее ничѣмъ ненарушимую преданность и любовь къ царю и отечеству, наипаче же нынѣ изъявившее безпримѣрную ревность щедрымъ пожертвованіемъ не токмо имуществъ, но и самой крови и жизни своей, да украсится бронзовою на владимірской лентѣ медалью съ тѣмъ самымъ изображеніемъ, каковое находится уже на медали учрежденной на 1812 годъ. Сію бронзовую, крѣпости духа ихъ сообразную медаль, да возложатъ на себя отцы или старѣйшины семействъ, въ которыхъ, по смерти носившихъ оную, остается она въ сохраненіи у потомковъ ихъ, яко знакъ оказанныхъ въ семъ году предками ихъ незабвенныхъ заслугъ отечеству. Впрочемъ мы несомнѣнно увѣрены, что хотя дворянство въ необычайную нынѣшнюю войну сильно пострадало и претерпѣло великіе убытки, но пріобрѣтенная имъ истинная и неувядаемая сла-

ва исцѣлитъ раны его, утѣшитъ въ скорби, умножитъ еще болѣе должную и справедливую гордостъ быть россіяниномъ; и увеличитъ заботу и попеченіе его о благосостояніи ввѣренныхъ ему Богомъ и законами достойныхъ любви его домочадцевъ; воздержность отъ роскоши, матери пороковъ, и хозяйственное домостроительство, источникъ изобилія, спокойствія и чистоты нравовъ, вознаградитъ сторицею всѣ претерпѣнныя разстройства и убытки.

4. «Побѣдоносное воинство наше, котораго храбрость и прежде, даже и въ самыя отдаленнѣйшія времена, всему свѣту была извѣстна, и которое нынѣ новыми подвигами не токмо отечество свое, но и всю Европу спасло и удивило, да вкуситъ сладкую награду въ душѣ и совѣсти своей. Всякое иное возмездіе не сравнится съ дѣлами его и доблестью. Но мы однакожъ, въ знакъ памяти содѣланнаго имъ великаго происшествія, желаемъ ознаменовать оное особою учрежденною для него медалью съ изображеніемъ на оной года и числа вступленія въ Парижъ. Такожъ надѣемся, что продолженіе мира и тишины подастъ намъ способъ не токмо содержаніе воиновъ привесть въ лучшее и обильнѣйшее прежняго, но даже дать имъ осѣдлость и присоединить къ нимъ ихъ семейства [1]).

5. «Именитое купечество, принимавшее во всеобщей ревности и рвеніи знатное участіе, да пріиметъ изъ устъ нашихъ благоволеніе и благодарность. Въ ознаменованіе же тѣхъ изъ нихъ, которые принесли отличныя и важныя за-

[1]) Подъ симъ обѣщаніемъ, замѣчаетъ Шишковъ, нѣсколько разъ поправляемымъ, и наконецъ по точнымъ словамъ государя императора написаннымъ, разумѣлось военное поселеніе, тогда еще въ мысляхъ только предначертываемое, и потомъ уже приведенное въ исполненіе. Нѣкто, довольно долго жившій здѣсь, французъ, въ сочиненной имъ книгѣ (L'Hermite en Russie) говоритъ о семъ поселеніи слѣдующее: Rien ne me parait plus dissonnant que le melange du bruit des armes et de la paix des champs. Laboureur le matin et faire exercice le soir, passer subitement de l'etable au corps-de-garde, apprendre en même temps l'art de nourrir des hommes et l'art de les tuer voilà de ces alliances que le coeur et la raison semblent repousser egalement. Je ne voudrais pas jurer que de tant d'efforts il ne résultàt ni bons soldats, ni braves laboureurs. «Чуть ли не походитъ это на правду». Записки Шишкова, т. I, стр. 305.

слуги, повелимъ мы разсмотрѣть оныя, и по представленіи вознаградимъ ихъ тою же бронзовою, о каковой выше упомянуто, медалью на лентѣ ордена св. Анны.

6. «Почтенное мѣщанство и крестьяне, которые трудолюбіемъ своимъ извлекаютъ изъ земли первоначальную для всѣхъ пищу, изъ среды коихъ исходитъ воинъ на защиту отечества, и которые въ самое грозное время самолютѣйшей войны показали духъ православія, вѣрности и мужества, едва ли когда имѣвшій примѣръ въ бытописаніяхъ,—крестьяне, вѣрный нашъ народъ, да получитъ мзду свою отъ Бога. Мы же, въ отраду понесенныхъ ими трудовъ и претерпѣній, извѣщаемъ, что какъ войска наши изъ запасовъ достаточно пополнены, такъ что состоятъ нынѣ въ сугубомъ противъ прежняго числѣ людей, въ какомъ состояли при началѣ войны, то не только на нынѣшній годъ, но уповательно и на предбудущій, или болѣе, останутся они безъ набора рекрутъ. Между тѣмъ мы предполагаемъ и ожидаемъ несомнѣнно, что они въ наставшее послѣ жестокой брани мирное и спокойное время, пребывая вѣрны долгу и званію своему, умножатъ прилежаніе свое къ сельскимъ трудамъ и ремесленнымъ промысламъ, и тѣмъ исправятъ нанесенныя непріятелемъ разоренія. Господи! молю Тя, да сбудутся съ ними словеса пророка Твоего Давида: бразды твоя упоятся и жита твоя умножатся; поля твоя исполнятся тука; овцы будутъ многоплодни и волове твои толсти; удолія умножатъ пщеницу, пустыни возвеселятся и холмы радостію препояшутся. Тако да взыщетъ ихъ милость Твоя. Со стороны же человѣческаго попеченія въ удовлетвореніе всякой нуждѣ и недостатку ихъ, правительство о казенныхъ крестьянахъ приложитъ стараніе доставлять имъ всевозможныя пособія; что-жъ принадлежитъ до помѣщичьихъ крестьянъ, то мы увѣрены, что забота наша о ихъ благосостояніи предупредится попеченіемъ о нихъ господъ ихъ. Существующая издавна между ими, *на обоюдной пользѣ основанная*, русскимъ нравамъ и добродѣтелямъ свойственная связь, прежде и нынѣ многими опытами взаимнаго ихъ другъ къ другу усердія и общей къ отечеству любви ознаменованная, не оставляетъ въ насъ ни малаго сомнѣнія, что съ одной

стороны помѣщики отеческою о нихъ, яко о чадахъ своихъ, заботою, а съ другой они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга, приведутъ себя въ то счастливое состояніе, въ какомъ процвѣтаютъ добронравныя и благополучныя семейства.

Наконецъ сколь не велики были въ толь огромную и тяжкую войну государственные расходы, однакожъ мы при толико радостномъ и благополучномъ окончаніи дѣлъ не можемъ удержаться отъ поспѣшенія изъявить народу нашему не исходящую никогда изъ мыслей нашихъ готовность ко всевозможному тягостей его облегченію; почему и даруемъ ему разныя льготы и милости, въ нижеслѣдующихъ статьяхъ состоящія» [1]).

При докладѣ манифеста присутствовалъ графъ Аракчеевъ. [2]) Когда чтеніе было окончено, то государь «съ нѣкоторою суровостью» спросилъ Шишкова: для чего поставилъ онъ дворянство выше воинства? Шишковъ отвѣчалъ, что по его убѣжденію, дворянство есть первое государственное сословіе, снабжающее войско изъ своей среды полководцами, военачальниками, ратниками, и словомъ всѣми потребными силами, а потому какъ цѣлое должно преимуществовать передъ частью самого себя. Эта, во всякомъ случаѣ, оригинальная теорія государственнаго секретаря вызвала презрительную усмѣшку государя. «Вотъ еще», сказалъ онъ, «стану я равнять такого то съ такимъ то!» (при этомъ, государь назвалъ два лица по именамъ). «Государь! отвѣчалъ Шишковъ, сравненіе двухъ частныхъ лицъ не даетъ справедливаго заключенія о двухъ сословіяхъ, происходящихъ одно отъ другаго». Шишковъ намѣревался продолжать свою аргументацію, но государь повелительнымъ голосомъ прервалъ его и повелѣлъ поставить статью о воинствѣ выше статьи о дворянствѣ. Никогда еще государственный секретарь не видѣлъ государя въ такомъ гнѣвѣ. Принужденный замолчать, онъ исправилъ манифестъ, переписалъ его и на слѣдующій день явился къ

[1]) Затѣмъ слѣдуютъ 12 статей, заключающія въ себѣ различныя облегченія и льготы для населенія.

[2]) «Чего при прежнихъ чтеніяхъ, писанныхъ мною бумагъ, никогда не бывало», говорить Шишковъ.

государю. Выслушавъ манифестъ, Александръ взялъ перо, какъ бы собираясь подписать его, но вдругъ онъ остановился, оттолкнулъ отъ себя бумагу и сказалъ: «Я не могу подписать того, что противно моей совѣсти, и съ чѣмъ я нимало не согласенъ». Съ удивленіемъ взглянулъ Шишковъ на государя; онъ увидѣлъ, что лице его, столь кроткое и милостивое, пылало отъ гнѣва. «Государь!» сказалъ онъ съ твердостью, «вы нигдѣ при чтеніяхъ моихъ не изволилй сдѣлать замѣчанія вашего, и потому я не знаю, какое мѣсто или слова мои противны мнѣнію и волѣ вашего величества». Тогда указалъ государь Шишкову на статью о помѣщикахъ и крестьянахъ, гдѣ было сказано о существующей между ними связи: «на обоюдной пользѣ основанная». Вотъ именно это-то выраженіе находилъ Александръ несправедливымъ и несогласнымъ съ его собственнымъ мнѣніемъ. Упрямый Шишковъ пытался, однакоже, настоять на своемъ мнѣніи. Съ свойственною ему смѣлостью, онъ началъ доказывать государю, что всякая связь между людьми, изъ которыхъ одни повелѣваютъ, а другіе повинуются, на семъ токмо основаніи нравственна и благотворна; что самая вѣра и законы предписываютъ сіе правило, и что помѣщики, не наблюдающіе онаго, лишаются власти управлять своими подчиненными. Императоръ не намѣренъ былъ, однакоже, на этотъ разъ слушать возраженія и объясненія своего секретаря. «Не допустивъ меня ни до какихъ объясненій», разсказываетъ самъ Шишковъ, «онъ вычеркнулъ одно только сіе выраженіе, оставя все прочее, тожъ самое подтверждающее и отдалъ мнѣ назадъ бумагу для переписанія. При выходѣ моемъ отъ государя, не могъ я удержаться, чтобы графу Аракчееву, наблюдавшему во всѣ сіи споры глубокое молчаніе, не сказать: «Я думаю, ваше сіятельство находите меня правымъ, и еслибы государю угодно было выслушать меня, безъ гнѣва, то я увѣренъ, что и онъ согласился бы со мною. На это графъ ни слова не отвѣчалъ мнѣ и мы разсталися безъ всякихъ объясненій» [1]).

[1]) Записки Шишкова, т. I, стр. 308—309.

Случай съ манифестомъ имѣетъ, по нашему мнѣнію, не малое значеніе для характеристики внутренняго настроенія Александра въ тотъ самый моментъ, когда онъ готовился выѣхать въ Вѣну. Онъ ясно указываетъ намъ, что въ душѣ Александра, наряду съ религіозно-мистическимъ возбужденіемъ, господствовало и либеральное теченіе мыслей, внушенное ему еще съ дѣтства его воспитателемъ [1]). Понятно, что освободитель народовъ никоимъ образомъ не могъ примириться съ крѣпостнымъ рабствомъ цѣлой половины того самаго народа, интересы котораго были такъ близки его сердцу, народа, который далъ ему силы и средства для ниспроверженія Наполеона. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ религіозныя убѣжденія государя вовсе не сталкивались съ его либеральными политическими убѣжденіями.

Религія Христа Спасителя и апостоловъ проповѣдывала, правда, подчиненіе властямъ предержащимъ, она требовала, чтобы рабы повиновались господамъ своимъ, не только кроткимъ и милостивымъ, но и строптивымъ; но императоръ Александръ былъ глубоко убѣжденъ, что религія любви, кротости и милосердія столь же несогласима, по самому существу своему, съ угнетеніемъ и произвольною эксплоатаціею цѣлыхъ классовъ населенія, какъ несогласимы съ ними и либерально-философскія доктрины, внушенныя ему первоначально Лагарпомъ, развитыя и поддерживаемыя въ немъ такими людьми, какъ Новосильцевъ, Чарторыжскій, Кочубей, Уваровъ, Штейнъ. Александръ горѣлъ желаніемъ нанести такой-же рѣшительный ударъ крѣпостному праву, какой былъ уже имъ нанесенъ всесвѣтной тираніи Наполеона, но онъ думалъ совершить дѣло народнаго освобожденія путемъ мирной и постепенной реформы. Упорство Шишкова показало, однакоже, ему всю силу предубѣжденія въ пользу стараго крѣпостнаго

[1]) «Сіе несчастное въ государѣ предубѣжденіе», говоритъ Шишковъ, «противъ крѣпостнаго права, противъ дворянства и противъ всего прежняго устройства и порядка, внушено въ него было находившимся при немъ французомъ Лагарпомъ и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французовъ, отвращавшихъ глаза и сердце свое отъ одежды, отъ языка, отъ нравовъ и словомъ отъ всего русскаго». Записки, т. I, стр. 309, примѣч.

порядка въ томъ самомъ слоѣ общества, безъ добровольнаго содѣйствія котораго, дѣло освобожденія должно было встрѣтить, если и не непреодолимыя, то во всякомъ случаѣ, серьезныя препятствія. Этимъ-то сознаніемъ и объясняется та вспышка гнѣва у императора, столь несвойственная его мягкой, сердечной натурѣ, о которой говоритъ Шишковъ. Государь видимо понималъ, что ему придется отложить на время мысль объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, но онъ не въ состояніи былъ преодолѣть чувства досады, овладѣвшаго имъ при этомъ. Пока, впрочемъ, на первомъ планѣ стояли иныя дѣла, другія заботы. 30 августа 1814 г. подписанъ былъ милостивый манифестъ, подавшій неожиданный поводъ къ столкновенію между Александромъ, представителемъ Россіи новой, и Шишковымъ, представителемъ Россіи старой, а уже 1-го сентября императоръ выѣхалъ въ Вѣну, гдѣ на общемъ конгрессѣ всѣхъ европейскихъ государствъ должны были быть подведены итоги только что завершившихся великихъ событій, порѣшены всѣ тѣ вопросы, отъ которыхъ зависѣло будущее спокойствіе и благоденствіе Европы. Александръ разсчитывалъ, что дѣла пойдутъ на конгрессѣ скоро и успѣшно и надѣялся, что его отсутствіе изъ Россіи будетъ на этотъ разъ, лишь кратковременное. Но Провидѣніе рѣшило иначе. Новыя тяжелыя испытанія, новая борьба и съ врагами открытыми, и съ коварными друзьями, ожидали въ Вѣнѣ великодушнаго освободителя Европы.

ГЛАВА VII.

Подготовленіе къ Вѣнскому конгрессу —Первые гости.—Князья и бароны св.
римской имперіи.—Король Виртембергскій Фридрихъ и кронпринцъ Вильгельмъ.—
Король Датскій.—Король Баварскій.—Евгеній Богарне и Леопольдъ Саксенъ-
Кобургскій.—Посольства великихъ державъ.—Лордъ Кестльри и его товарищи.—
Графъ Мюнстеръ.—Французское посольство.—Талейранъ и его планы.—Помощ-
ники Талейрана и его салонъ.—Меттернихъ и его легкомысліе.—Помощники Мет-
терниха.—Прусское посольство: князь Гарденбергъ и баронъ В. Ф. Гумбольдтъ.—
Представители Россіи: князь Разумовскій, графъ Нессельроде, графъ Штакель-
бергъ.—Другіе представители Россіи. Баронъ Штейнъ.—Князь Адамъ Чарториж-
скій и его польскіе планы.—Увлеченія Александра.—Онъ рѣшается возстановить
Польшу.—Соглашеніе съ Пруссіею.—Оппозиція Франціи Австріи и Англіи.—Пись-
мо Ф. Ф. Генца.—Общественное мнѣніе Россіи.—Александръ въ Пулавахъ.—
«Майка ойчизны».—Торжественный въѣздъ Александра и Фридриха-Вильгель-
ма въ Вѣну.—Въѣздъ императрицы Елизаветы.—Гостепріимство австрійскаго дво-
ра.—Императрица Марія-Людовика и ея супругъ.—Вѣна во время конгресса.—
Уличная жизнь.—Вѣнскіе салоны.—Салонъ императрицы.—Балы и редуты —Цар-
ственныя красавицы.—Другія представительницы красоты и граціи.—Дипломати-
ческіе салоны.—Салоны чисто свѣтскаго характера.—Русскій салонъ и русскія
красавицы.—Развлеченія и потѣхи: балы, маскарады, концерты, живыя картины,
лоттереи, карусели, театральныя представленія, охоты, катанія въ саняхъ.—Тор-
жества особаго рода: празднество годовщины Лейпцигскаго боя.—Обѣдъ во дворцѣ
Разумовскаго.—Балъ 24-го Ноября.—Князь де-Линь и его остроты.—Печальные
результаты Вѣнскаго веселья.—Намѣренія и планы императора Александра.—
Талейранъ и легитимное право.—Первоначальныя намѣренія Меттерниха Кон-
ференціи «союзныхъ державъ».—Талейранъ и второстепенныя державы.—Пригла-
шеніе Меттерниха и первая конференція шести державъ.—Первые успѣхи Та-
лейрана.—Оффиціальная нота Талейрана и переполохъ въ средѣ Шомонскихъ со-
юзниковъ.—Негодованіе императора Александра.—Первый разговоръ Александра
съ Талейраномъ.—«Интересы и право».—Вторая конференція уполномоченныхъ
шести державъ.—Открытіе конгресса и правила о допущеніи.—Меттернихъ измѣ-
няетъ свою тактику.—Сдѣлка между Меттернихомъ и Талейраномъ.—Третья кон-
ференція уполномоченныхъ.—«Съ объявленіемъ или безъ объявленія».—Разобла-
ченіе коварства Меттерниха.—Непріятный для Меттерниха разговоръ съ Алек-
сандромъ.—Александръ пытается разубѣдить императора Франца.—Второй раз-
говоръ Александра съ Талейраномъ.—Бесѣда Александра съ лордомъ Кестльри.—
Меморандумъ и препроводительное письмо Кестльри.—Второй разговоръ Александ-

ра съ Кестльри.—Записка Штейна по польскому вопросу и недовольство Александра.—Русскій отвѣтъ на англійскій меморандумъ.—Разговоръ Александра съ Штейномъ о Польскомъ вопросѣ.—Александръ вызываетъ въ Вѣну Каподистрію и Поццо-ди Борго.—Мемуаръ Поццо-ди Борго по Польскому вопросу.—Мнѣніе Каподистріи по тому-же вопросу.—Соглашеніе между Россіею и Пруссіею.—Отвѣтъ Кестльри на русскую ноту.—Уступчивость Александра и его бесѣда съ Штейномъ.—Проэктъ конференцій четырехъ державъ.—Совѣщаніе Кестльри съ Талейраномъ.—Талейранъ даетъ урокъ Лорду Стюарту.—Кестльри требуетъ допущенія Франціи на предварительную конференцію четырехъ державъ.—Первое засѣданіе конференціи и русское предложеніе.—Кестльри получаетъ важныя извѣстія.—Второе засѣданіе и вспышка лорда Кестльри.—Талейранъ беретъ окончательно въ руки англійскаго министра.—Тайный договоръ трехъ державъ.—Неслыханное вѣроломство.—Защитники божественнаго права.—Несостоятельность русско-прусской дипломатіи.—Тройственный союзъ готовится къ войнѣ.—Конгрессъ продолжаетъ веселиться.—Сильныя впечатлѣнія: заупокойная месса по Людовикѣ XVIII, похороны австрійскаго фельдмаршала, пожаръ дворца Разумовскаго.—Высокое религіозное настроеніе Александра.—Посланіе императора къ его союзникамъ.—Первый оффиціальный проэктъ «священнаго союза».—Александръ и послѣдовательность его религіознаго развитія.—Самостоятельность Александра и постороннія вліянія на него.—Мнимое нравственное паденіе Александра въ Вѣнѣ.—Измышленія хиліастовъ и сплетни Меттерниха.—Александръ въ обществѣ вѣнскихъ дамъ.—«Кто будетъ наслѣдникомъ Александра?»—Истинный источникъ и характеръ душевныхъ страданій Александра.—Великодушіе и уступчивость Александра.—Принципы священнаго союза.—M-me Кридинеръ и ея восторженныя пророческія посланія.—Францъ Бадеръ и его посланіе къ Александру.—Кестльри измѣняетъ свою тактику.—Разрѣшеніе Польско-Саксонскаго вопроса.—Улаженіе остальныхъ дѣлъ.—Прерванный танецъ.—Страшная вѣсть.—Наполеонъ во Франціи.

13-го сентября 1814 г., древняя столица Габсбурговъ готовилась къ торжественному пріему высокихъ гостей. Въ этотъ день должны были вступить въ Вѣну монархи Россіи и Пруссіи, настоящіе побѣдители Наполеона и умиротворители Европы. Конгрессъ еще не былъ открытъ [1]), но Вѣна бы-

[1]) Говоря о Вѣнскомъ конгрессѣ, мы, согласно общему плану нашей работы, не намѣрены писать подробной дипломатической исторіи этого достопамятнаго собранія. Мы не думаемъ также останавливаться на внѣшней исторіи конгресса, давать подробную характеристику общественной и салонной жизни, развернувшейся тогда въ Вѣнѣ во всемъ своемъ блескѣ. Всякая попытка нарисовать хотя въ общихъ чертахъ ту или другую сторону картины завела бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей главной цѣли. Мы коснемся Вѣнскаго конгресса, его совѣщаній и его блестящей, шумной обстановки, лишь на столько, на сколько они могутъ характеризовать тогдашнее настроеніе императора Александра, его политическіе планы и стремленія и въ особенности его религіозно-нравственное развитіе. Мы увидимъ, что религіозно-мистическое настроеніе, обнаружившееся такъ ясно и такъ своеобразно во время послѣдняго пребыванія Александра въ Баденѣ, не толь-

ла уже переполнена знатными и не знатными гостями, стекшимися въ нее со всѣхъ концевъ цивилизованнаго міра. Крупные и мелкіе нѣмецкіе князья, креатуры и бывшіе вассалы Наполеона, одни изъ первыхъ поспѣшили на конгрессъ, отлично сознавая, что здѣсь будетъ рѣшена окончательно ихъ участь. Одновременно съ ними потянулись въ Вѣну бывшіе самостоятельные князья, графы и бароны священной Римской имперіи, сметенные съ своихъ миніатюрныхъ престоловъ сокрушительнымъ потокомъ революціи, или прогнанные державною волею падшаго властелина Франціи и Европы. Изъ коронованныхъ особъ первыми прибыли въ Вѣну: извѣстный Виртембергскій тиранъ, король Фридрихъ, поражавшій всѣхъ своею колоссальною фигурою и необъятною толщиною, и король Датскій, по имени также Фридрихъ, чело-

ко не заглохло въ Вѣнѣ подъ вліяніемъ шумной политической дѣятельности и суетливой свѣтской жизни, но усилилось и окрѣпло еще болѣе. Если гдѣ либо, то именно, въ Вѣнѣ, Александръ могъ убѣдиться еще разъ, какъ въ ненадежности отношеній, повидимому, самыхъ прочныхъ и солидныхъ, такъ и въ суетности и тщетѣ всѣхъ человѣческихъ стремленій и разсчетовъ. Новыя разочарованія, постигшія его именно вслѣдствіе его благородной, высокой натуры, новыя тяжелыя испытанія, обрушившіяся на него совершенно внезапно, раскрыли его сердце еще болѣе тѣмъ внушеніямъ, которыя шли къ нему изъ лагеря мистиковъ хиліастовъ и подготовили его совершенное и конечное нравственное перерожденіе.

Матерьялами и пособіями въ этомъ отдѣлѣ нашего труда намъ будутъ служить слѣдующія изданія: «Мемуары и корреспонденція князя Меттерниха», изданные въ недавнее время; «Дневники и политическая корреспонденція Генца, въ особенности же его переписка съ Дунайскими господарями»; «Жизнь и переписка князя А. К. Разумовскаго, изданная кн. Васильчиковымъ»; «Письма Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову, помѣщенныя въ 23-й книгѣ архива кн. Воронцова»; «Жизнь барона Штейна, Перца, томъ 4-й»; Pallain, Correspondance inédite du prince de Talleyrand avec le roi Louis XVIII (источникъ, изданный въ самое недавнее время и имѣющій особенно важное значеніе для тайной дипломатической исторіи конгресса); «Мемуары князя Гарденберга», изданные Л. ф. Ранке; «Жизнь Вильгельма ф. Гумбольдта, Гайма; Дубровинъ, отечественная война въ письмахъ современниковъ (г. 1812—1815 г.); Бернгарди, Исторія Россіи, томъ I (посвященъ почти исключительно Вѣнскому конгрессу); Письма и депеши графа Каподистріи; Дипломатическая переписка лорда Кестльри и герцога Велингтона; Богдановичъ, царствованіе императора Александра I, томъ V; Thiers, Histoire du consulat et de l'empire, T. XVIII-й (посвященъ исключительно Вѣнскому конгрессу).; Comte d'Angeberg, Le congrès de Vienne 2 тома, (самая подробная и документальная исторія Вѣнскихъ совѣщаній); Comte de la Garde, Fetes et souvenirs du congrès de Vienne (3 тома). Мемуары гр. Эдлингъ, біографія m-me Криденеръ, Эйнара и многія другія, на которыя будетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

вѣкъ невзрачной, хотя и въ высшей степени оригинальной наружности, подвижной, остроумный и благороднаго характера. Вмѣстѣ съ королемъ Виртембергскимъ пріѣхалъ въ Вѣну и его старшій сынъ, кронъ-принцъ Вильгельмъ, представлявшій во всѣхъ отношеніяхъ полный контрастъ своему отцу. Молодой, изящный и талантливый принцъ на столько-же ненавидѣлъ Наполеона, на сколько преклонялся передъ нимъ его отецъ. Онъ примкнулъ къ коалиціи душою и тѣломъ и принялъ самое дѣятельное участіе въ послѣдней борьбѣ съ Наполеономъ. Своимъ благороднымъ образомъ мыслей, своими рыцарскими качествами и своими несомнѣнными военными талантами, кронъ-принцъ Вильгельмъ не только заслужилъ расположеніе императора Александра, но сдѣлался въ короткое время однимъ изъ любимцевъ, можно сказать, даже друзей государя. Вильгельмъ прибылъ въ Вѣну съ цѣлями чисто личными, не имѣвшими ничего общаго съ вопросами высшей политики. Увлеченный красотою, умомъ и высокими душевными качествами сестры Александра, великой герцогини Ольденбургской Екатерины Павловны, кронъ-принцъ горѣлъ желаніемъ вступить съ нею въ бракъ. Онъ зналъ, что герцогиня прибудетъ въ Вѣну одновременно съ своимъ царственнымъ братомъ, и единственно это обстоятельство побудило его сопровождать на конгрессъ своего отца. Король Баварскій, Максимиліанъ, супругъ родной сестры императрицы Елисаветы Алексѣевны, одинъ изъ вѣрнѣйшихъ вассаловъ Наполеона, съумѣвшій, однакоже, во время разорвать свои связи съ властелиномъ Франціи и тѣмъ самымъ упрочить свое выдающееся политическое положеніе въ южной Германіи, прибылъ на конгрессъ съ чисто политическими цѣлями. Руководимый своимъ ловкимъ министромъ, Монжеласомъ и подстрекаемый своимъ воинственнымъ и хвастливымъ фельдмаршаломъ Вреде, Максимиліанъ пріѣхалъ въ Вѣну, чтобы поддерживать своимъ личнымъ авторитетомъ политическое положеніе Баваріи и противодѣйствовать всѣми силами и средствами властолюбивымъ замысламъ и стремленіямъ Пруссіи. Вокругъ этихъ важнѣйшихъ представителей нѣмецкаго партикуляризма группировались и всѣ остальные германскіе

князья, бывшіе члены Рейнскаго союза, создавшіе свое положеніе на счетъ своихъ собратій, низложенныхъ Наполеономъ... Понятно, что всѣ эти господа относились съ крайнимъ недовѣріемъ и ненавистью къ Пруссіи, что они смотрѣли также съ большимъ недовѣріемъ и на императора Александра, какъ на личнаго друга короля Фридриха-Вильгельма и барона Штейна. Одни изъ нихъ поспѣшили на конгрессъ лично, другіе прислали своихъ уполномоченныхъ и агентовъ.

Совершенно въ сторонѣ отъ этой клики, равно какъ и отъ толпы медіатизированныхъ князей, графовъ и бароновъ священной римской имперіи, мечтавшихъ возвратить въ Вѣнѣ свои старыя права и владѣнія, стояли два члена царственныхъ династій, бывшій Италійскій вицекороль, принцъ Евгеній Богарне, и принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій, генералъ-маіоръ русской службы, впослѣдствіи король Бельгійцевъ. Принцъ Евгеній привлекалъ къ себѣ общія симпатіи своимъ благороднымъ рыцарскимъ характеромъ и своею несчастною судьбою [1]); тогда какъ принцъ Леопольдъ обращалъ на себя вниманіе своими выдающимися политическими дарованіями. Оба принца находились въ близкихъ отношеніяхъ къ императору Александру, но уже въ силу своего положенія они не могли играть на конгрессѣ никакой выдающейся роли.

Одновременно съ государями начали стекаться въ Вѣну представители какъ великихъ, такъ и второстепенныхъ европейскихъ государствъ. Великобританское посольство состояло изъ хорошо извѣстныхъ уже намъ членовъ торійской партіи, заправлявшихъ тогда какъ внѣшнею, такъ и внутреннею политикою Англіи. Во главѣ его стоялъ лордъ Кестльри, его помощниками являлись лордъ Кланкарти, лордъ Каткартъ и лордъ Стюартъ. Всѣ эти благородные лорды могли вполнѣ поддержать на конгрессѣ внѣшнее достоинство Великобританіи, такъ какъ всѣ они располагали громадными матеріаль-

[1]) Евгеній Богарне не былъ человѣкомъ великимъ, или даже блестящимъ, но онъ былъ человѣкомъ честнымъ, а это значило много въ той шайкѣ негодяевъ и выскочекъ, которые окружали Наполеона. Для личной характеристики Евгенія имѣютъ большое значеніе мѣста, относящіяся къ нему въ мемуарахъ графини Эдлингъ (Стурдзы). См. въ особенности стр. 156—158; 159—161; 190—197.

ными средствами, но въ дипломатическомъ искусствѣ ни одинъ изъ нихъ не могъ соперничить съ выдающимися представителями другихъ европейскихъ державъ [1]). Великобританская миссія въ Вѣнѣ очевидно нуждалась въ болѣе выдающихся талантахъ, а потому и неудивительно, что на ряду съ первыми представителями С. Джемскаго кабинета въ Вѣнѣ началъ играть вскорѣ одну изъ первыхъ ролей, извѣстный нѣмецкій аристократъ, графъ Мюнстеръ, явившійся представителемъ Георга III, какъ короля Ганноверскаго. Графъ Мюнстеръ былъ, безъ сомнѣнія, человѣкъ талантливый и въ своемъ родѣ германскій патріотъ, но его патріотизмъ носилъ на себѣ своеобразный партикуляристическій оттѣнокъ. Мюнстеръ былъ прежде всего Ганноверецъ, династическіе интересы Вельфовъ стояли для него на первомъ планѣ; ради этихъ интересовъ онъ относился враждебно къ Пруссіи и являлся ревностнымъ сторонникомъ Англійскаго вліянія въ Германіи [2]).

Особенно удачно составлено было французское посольство. Во главѣ его стоялъ первый дипломатъ въ мірѣ, Талейранъ, этотъ величайшій мастеръ въ интригѣ. Бывшій епископъ, а затѣмъ принцъ Беневентскій, главнѣйшій виновникъ Бурбонской реставраціи, явился теперь въ Вѣну въ качествѣ князя Талейрана, перваго полномочнаго министра, созданнаго имъ самимъ Бурбонскаго величества [3]). Талейранъ прекрасно сознавалъ всю громадную трудность принятой имъ на себя миссіи. Онъ зналъ, что ему придется выступить на конгрессѣ въ качествѣ представителя побѣжденной Франціи, онъ могъ опасаться, что ему придется стать лицемъ къ лицу съ предста-

[1]) Что лордъ Кестльри былъ человѣкъ въ высшей степени безтактный и крайне непослѣдовательный, чтобы не сказать бездарный, это доказалъ онъ уже всѣми своими дѣйствіями во время войны. На Вѣнскомъ конгрессѣ онъ игралъ роль крайне незавидную, являясь простою пѣшкою въ рукахъ такихъ интригановъ, какъ Талейранъ и Меттернихъ. Лордъ Стюартъ, родной братъ Кестльри, былъ воплощенное ничтожество, надъ которымъ открыто потѣшалось все высшее Вѣнское общество. Лордъ Кланкарти и Каткартъ были люди, ничѣмъ не выдававшіеся.

[2]) О Мюнстерѣ и его отношеніяхъ къ Штейну, см. Перцъ, Stein's Leben, T. 3 и 4.

[3]) Вся дѣятельность Талейрана на конгрессѣ рисуется вполнѣ ясно и отчетливо въ его тайной перепискѣ съ Людовикомъ XVIII; въ сравненіи съ этою документальною перепискою теряютъ значеніе всѣ остальные источники.

вителями Шомонскаго союза и удовлетвориться ролью вполнѣ второстепенною. Но Талейранъ былъ совершенно далекъ отъ всѣхъ подобныхъ опасеній. Его надежды на успѣхъ основывались не только на его личныхъ качествахъ, но и на тонкомъ знаніи международныхъ отношеній. Талейранъ зналъ, что между бывшими союзниками господствовала въ это время глубокая внутренняя рознь, что всѣ они шли на конгрессъ съ цѣлями чисто эгоистическими и противоположными. Ему было также хорошо извѣстно, что всѣ второстепенныя и третьестепенныя европейскія государства относятся съ недовѣріемъ и враждою къ великимъ державамъ, что всѣ они готовы будутъ сгруппироваться вокругъ Франціи въ томъ случаѣ, если ея представитель отважится выступить въ роли ихъ покровителя и защитника. У Талейрана никогда не было недостатка въ смѣлости, а теперь его отвага была тѣмъ сильнѣе, что онъ явился въ Вѣну съ такимъ оружіемъ, которое должно было доставить ему сразу совершенно выдающееся и неодолимое положеніе. Онъ рѣшился выступить поборникомъ принципа легитимнаго, божественнаго права и противопоставить его тому праву сильнаго, которое рухнуло въ лицѣ Наполеона, но преемниками котораго очевидно считали себя теперь союзныя державы, собиравшіяся рѣшать на конгрессѣ судьбу монарховъ и народовъ, руководясь при этомъ исключительно одними эгоистическими интересами и соображеніями. Отправляясь въ Вѣну, Талейранъ избралъ себѣ искуснаго и опытнаго помощника въ лицѣ герцога Дальберга, знатнаго нѣмецкаго аристократа, но по образу мыслей и характеру настоящаго француза [1]). Его сопровождали кромѣ того и другіе дипломаты и кавалеры, въ числѣ коихъ особенно выдавался

[1]) Понятно, что къ Дальбергу, какъ перебѣжчику и измѣннику, относились съ презрѣніемъ не одни только германскіе патріоты, но и честные люди всѣхъ національностей безъ различія. Когда бывшій императорскій рыцарь, а затѣмъ французскій герцогъ и министръ заявилъ о желаніи своемъ сдѣлать визитъ Штейну, то баронъ приказалъ ему сказать: «Если герцогъ явится въ качествѣ французскаго посла, то онъ будетъ принятъ; если же онъ придетъ какъ г-нъ фонъ Дальбергъ, то я прикажу сбросить его съ лѣстницы». См. Перцъ, Stein's Leben, T. IV, стр. 114.

графъ де-ла Туръ-дю-Пепъ. Князь позаботился и о другой сторонѣ предстоявшей ему вѣнской жизни. Въ противоположность другимъ недальновиднымъ дипломатамъ, разсчитывавшимъ на скорое теченіе дѣлъ [1]), Талейранъ зналъ, что совѣщанія конгресса затянутся на продолжительное время, что важнѣйшіе вопросы будутъ рѣшаться не на официальныхъ собраніяхъ дипломатовъ, а въ частныхъ, интимныхъ совѣщаніяхъ монарховъ и ихъ приближенныхъ лицъ, среди шума и свѣтской суеты салона. Князь ни мало не сомнѣвался, что салонная жизнь будетъ стоять въ Вѣнѣ на первомъ планѣ и что одна изъ первыхъ ролей въ этой жизни будетъ принадлежать знатнымъ и красивымъ дамамъ. И вотъ, Талейранъ хлопочетъ заблаговременно объ организаціи своего вѣнскаго салона. Онъ не жалѣетъ на это дѣло ни какихъ издержекъ. Хозяйкою его салона должна была явиться жена его племянника и наслѣдника, герцога Эдмунда Перигоръ-Талейрана, герцогиня Доротея. Она была дочь послѣдняго герцога Курляндскаго—Петра и внучка знаменитаго Бирона. «Она играла свою роль, замѣчаетъ современникъ очевидецъ, съ неподражаемою граціею. Ея блестящій умъ, казалось, былъ созданъ для того, чтобы умѣрять время отъ времени тяжесть дипломатическихъ разговоровъ, господствовавшихъ въ салонѣ Талейрана» [2]).

Представитель Франціи прибылъ въ Вѣну въ полной увѣренности, что именно онъ, а не кто либо другой, будетъ играть первую роль на предстоящемъ конгрессѣ. И въ самомъ дѣлѣ, кто изъ европейскихъ дипломатовъ могъ явиться на конгрессѣ достойнымъ и равносильнымъ противникомъ Талейрана? Не говоря уже объ Англійскихъ представителяхъ, не имѣвшихъ достаточныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ на

[1]) Такого мнѣнія были, между прочимъ, и многіе русскіе дипломаты. Самъ императоръ Александръ, относившійся съ слишкомъ большимъ довѣріемъ къ своимъ союзникамъ, полагалъ, что совѣщанія конгресса должны окончиться въ короткое время, въ какихъ нибудь три недѣли.

[2]) См. Comte A. de la Garde, Fetes et souvenirs du congrès de Vienne T. I, стр. 116. Графъ, какъ настоящій французъ и свѣтскій кавалеръ, могъ оцѣнить, разумѣется, лучше кого либо другого, подобныя качества дамъ высшаго круга.

Европейскомъ континентѣ, не отличавшихся ни послѣдовательностію, ни энергіею и терявшихъ на каждомъ шагу вслѣдствіе отсутствія такта и свѣтскаго лоска, и представители другихъ великихъ державъ ни коимъ образомъ не могли бороться успѣшно съ Талейраномъ. Главнымъ представителемъ Австріи на конгрессѣ являлся, разумѣется, имперскій канцлеръ, князь Меттернихъ, человѣкъ безспорно ловкій, свѣтскій, но и только. Самъ Меттернихъ считалъ себя, правда, величайшимъ дипломатомъ въ мірѣ, но въ дѣйствительности онъ былъ лишь лжецемъ и фанфарономъ [1]). Отличаясь невѣроятнымъ самомнѣніемъ, приписывая себѣ успѣхи и результаты, достигнутые другими лицами, Меттернихъ отличался въ то же время необычайнымъ легкомысліемъ. Преданный такъ называемымъ удовольствіямъ жизни, поглощенный всецѣло самыми пустыми свѣтскими развлеченіями, австрійскій канцлеръ занимался серіозными дѣлами лишь мимоходомъ и урывками. Онъ рѣшительно не могъ и не хотѣлъ думать о завтрашнемъ днѣ; поглощенный всецѣло интересами минуты и при томъ интересами мелочными, онъ полагался въ дѣлахъ исключительно на свою изворотливость и умѣнье лгать. Неожиданные и незаслуженные успѣхи послѣдняго времени вскружили окончательно его голову. Онъ серьезно началъ считать себя вершителемъ судебъ міра и виновникомъ величайшихъ событій. Онъ ни на минуту не сомнѣвался, что ему удастся присвоить себѣ руководительство всѣми дѣлами; да, по правдѣ сказать, онъ не ломалъ себѣ особенно голову этими дѣлами и воображалъ не на шутку, что случай и лов-

1) Источникомъ для описанія дѣятельности Меттерниха на конгрессѣ отнюдь не могутъ служить его мемуары, изданные его внукомъ. Дѣло въ томъ, что въ составъ этого изданія вошли лишь такіе документы, которые, по мнѣнію издателей, отнюдь не могли омрачить славы ихъ предка (!). Цѣль эта не была, однакоже, достигнута вполнѣ, такъ какъ все, что вышло изъ подъ пера Меттерниха было проникнуто ложью, самохвальствомъ и клеветою. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть ту главу мемуаровъ, которая посвящена характеристикѣ Александра и его личнымъ отношеніямъ къ Меттерниху. Впрочемъ, значеніе Меттерниха характеризуется лучше всего его дѣлами и тѣми презрительными отзывами, которые давали о немъ люди такихъ противоположныхъ лагерей и нравственныхъ свойствъ, какъ Талейранъ и Штейнъ.

кость въ интригѣ помогутъ ему въ концѣ одурачить всѣхъ противниковъ и выйти побѣдителемъ изъ великаго дипломатическаго состязанія. «Легкомысліе Меттерниха», замѣчаетъ Штейнъ [1]), «ни мало не уменьшилось среди небывалаго кризиса, въ виду столькихъ неразрѣшенныхъ жизненныхъ вопросовъ: онъ по прежнему занимается устройствомъ всѣхъ придворныхъ праздниковъ, живыхъ картинъ, слѣдитъ за всѣми танцами своихъ дочерей, и въ то время, когда его нетерпѣливо ждутъ на конференцію Кастльри или Гумбольдтъ, занимается нарумяниваніемъ дамъ, выступающихъ на сцену. Меттернихъ уменъ, ловокъ, любезенъ, но въ немъ нѣтъ глубины, нѣтъ серіозныхъ познаній, нѣтъ привычки къ труду, а главное нѣтъ правды» [2]).

Помощники, избранные Меттернихомъ для предстоящей работы на конгрессѣ, ни коимъ образомъ не могли возмѣстить недостатковъ своего патрона. Помощниковъ этихъ было два, баронъ Вессенбергъ и хорошо извѣстный намъ Ф. фонъ Генцъ. Оба они были люди умные, а Генцъ отличался даже широкими и солидными познаніями, но ни у того, ни у другого не было самостоятельности, не было твердыхъ политическихъ убѣжденій, а было лишь одно желаніе угодить во что бы то ни стало своему повелителю. Къ тому же роль Вессенберга и Генца была чисто второстепенная и ни коимъ образомъ не могла сказаться на общемъ ходѣ вѣнскихъ совѣщаній.

Представителями Пруссіи на конгрессѣ явились два человѣка, пользовавшіеся громкою репутаціею въ дипломатическомъ мірѣ, но едвали способные вести борьбу съ такими

[1]) См. Перцъ, Steins Leben, T. IV, стр. 257—58.

[2]) Подобнаго же мнѣнія о Меттернихѣ былъ и Талейранъ. «Большимъ несчастіемъ слѣдуетъ считать», писалъ онъ королю Людовику въ своемъ донесеніи отъ 17 сентября, «что тотъ, кто въ Австріи поставленъ во главѣ всего, и при этомъ еще мечтаетъ руководить судьбами Европы, считаетъ неоспоримымъ доказательствомъ своего генія легкомысліе, доходящее иногда до комизма, но составляющее для министра великой державы и при теперешнихъ обстоятельствахъ несчастіе». См. Pallain, Переписка Талейрана съ Людовикомъ XVIII, нѣмецкое изданіе, № 2, стр. 7—8.

людьми, какъ Талейранъ и даже Меттернихъ. Первый уполномоченный Пруссіи, государственный канцлеръ, князь Гарденбергъ [1]) никогда не отличался ни глубиною своихъ взглядовъ, ни послѣдовательностью въ своихъ дѣйствіяхъ, ни стойкостью и мужествомъ, столь необходимыми государственному человѣку. По образу мыслей, онъ былъ человѣкъ новаго времени и либералъ, но, поставленный во главѣ управленія Прусскаго государства, онъ не съумѣлъ довести до конца ни одной изъ великихъ реформъ, начатыхъ Штейномъ. Во внѣшней политикѣ, какъ и во внутренней, онъ отличался крайнею непослѣдовательностью и слабостью, доходившею нерѣдко до трусости. Онъ никогда не съумѣлъ настоять на своемъ мнѣніи, легко поддавался чуждымъ вліяніямъ и отступалъ въ недоумѣніи передъ упорствомъ, или неожиданнымъ нападеніемъ противника. Несчастный физическій недостатокъ, глухота, крайне мѣшалъ ему на конференціяхъ и ставилъ его нерѣдко въ неловкое и двусмысленное положеніе. Король Фридрихъ-Вильгельмъ хорошо понималъ недостатки своего канцлера, а потому придалъ ему на помощь въ качествѣ второго уполномоченнаго, барона ф. Гумбольдта. Вильгельмъ ф. Гумбольдтъ былъ прежде всего ученый и идеалистъ. У него не было и тѣни того легкомыслія, которымъ проникнуты были почти всѣ его товарищи по профессіи. Онъ не былъ дипломатомъ по призванію, всѣ его симпатіи влекли его къ тихимъ литературнымъ занятіямъ и ученымъ трудамъ; но проникнутый до мозга костей чувствомъ долга, онъ предался въ Вѣнѣ всецѣло политической дѣятельности. Онъ работалъ неустанно, его невозможно было встрѣтить ни на балахъ, ни на прогулкахъ, но за то онъ не пропустилъ ни одного изъ многочисленныхъ засѣданій конгресса и еще болѣе многочисленныхъ совѣщаній представителей великихъ европейскихъ державъ. Съ рѣдкимъ самоотверженіемъ старался онъ исправить ошибки и промахи своего канцлера. Всегда готовый къ бою, онъ никогда не затруднялся въ от-

[1]) Для характеристики Гарденберга особенное значеніе имѣютъ его мемуары изданные Л. ф. Ранке.

вѣтахъ на дерзкія выходки Талейрана. Своею прямотою и правдивостью, своимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ онъ приводилъ даже нерѣдко въ смущеніе и безстыднаго Талейрана и легкомысленнаго, безсовѣстнаго Меттерниха. Врагъ всякой интриги, онъ считалъ обманъ и ложь средствами, несовмѣстимыми съ своимъ достоинствомъ. Онъ никогда не выходилъ изъ себя. Превосходный діалектикъ, онъ поражалъ своихъ противниковъ неотразимыми логическими доводами и ѣдкими насмѣшками, оставаясь при этомъ ясенъ и холоденъ, какъ «декабрьское солнце» [1]).

Къ сожалѣнію, всѣхъ этихъ блестящихъ качествъ было еще далеко не достаточно для борьбы съ такими безцеремонными противниками, какъ Талейранъ, Меттернихъ и компанія. Тамъ, гдѣ все основывалось на интригѣ, обманѣ и лжи, положеніе человѣка правдиваго и прямого оказывалось нерѣдко безвыходнымъ... Къ тому же Гумбольдтъ не имѣлъ вполнѣ самостоятельнаго значенія, и, уже въ силу одного этого обстоятельства, не въ состояніи былъ исправить тѣхъ ошибокъ, въ которыя впадалъ то и дѣло его старшій и руководящій товарищъ, князь Гарденбергъ.

Изъ представителей Россіи первыми явились на конгрессъ, графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде и графъ Стакельбергъ, русскій резидентъ при Вѣнскомъ дворѣ. Изъ всѣхъ этихъ трехъ лицъ, одинъ только Разумовскій обращалъ на себя вниманіе выдающимися и дѣйствительно солидными качествами. Дипломатъ старой школы, магнатъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова и русскій патріотъ, графъ Андрей Кирилловичъ всегда умѣлъ поддержать достоинство Россіи и своего государя. Въ дѣлахъ внѣшняго представительства, тамъ гдѣ нужно было показать блескъ, богатство, величіе, Разумовскій не останавливался ни предъ какими издержками, не щадилъ никогда своего личнаго достоянія. Одаренный проницательнымъ умомъ, имѣя за собою громадную дипломатическую опытность, Разумовскій понялъ съ самаго начала козни Талейрана, оцѣ-

[1]) Богдановичъ, Александръ I, т. V, стр. 9; Förster, т. III, стр. 327—333.

нилъ по достоинству легкомысліе и коварство Меттерниха и по мѣрѣ силъ своихъ пытался отстоять въ борьбѣ съ ними достоинство своего государя и интересы Россіи [1]).

Борьба, къ сожалѣнію, была неравная. Разумовскій не обладалъ главнымъ орудіемъ своихъ противниковъ, искусствомъ въ интригѣ и не находилъ себѣ достаточной поддержки у своихъ товарищей. Къ тому же главная роль на конгрессѣ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ его совѣщаній, принадлежала не престарѣлому Разумовскому, а графу Нессельроде. Нессельроде былъ прежде всего не русскій [2]). Чуждый Россіи, по происхожденію, по воспитанію, по языку, баловень счастья и человѣкъ случая, онъ не понималъ настоящихъ интересовъ Россіи и не въ состояніи былъ принимать ихъ къ сердцу. Осторожный до боязливости, какъ въ своихъ частныхъ, такъ и въ государственныхъ дѣлахъ, отличный хозяинъ, человѣкъ вполнѣ свѣтскій, живой, веселый, онъ не обладалъ, однакоже, ни достаточными свѣдѣніями, ни самостоятельностью характера, ни ловкостью настоящаго дипломата. Его честность была весьма сомнительнаго свойства. Онъ находилъ вполнѣ совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ принимать денежные подарки отъ иностранныхъ дворовъ [3]), и основаніемъ его весьма значительнаго состоянія послужили тѣ 500 тысячъ рублей, которые получилъ онъ во время Вѣнскаго конгресса, за различныя услуги, оказанныя имъ, разумѣется, не Россіи и не русскимъ интересамъ. Какъ въ этомъ,

[1]) Для характеристики графа Разумовскаго и Нессельроде вполнѣ достаточна слѣдующая черта, сообщаемая Штейномъ: Разумовскій и Каподистрія, отправляясь по важному дипломатическому дѣлу къ Меттерниху, столкнулись нечаянно съ Нессельроде, тихонько пробиравшимся по лѣстницѣ дома австрійскаго канцлера. «Ого, господинъ графъ! крикнулъ ему Разумовскій, опуская руку на его плечо. Вы ведете, кажется, переговоры изъ-подтишка; вернитесь, пойдемте съ нами на верхъ, помогайте намъ въ бою». Перцъ, Stein's Leben, стр. 278.

[2]) О Нессельроде см. Богдановичъ, Александръ I, т. V, стр. 5 и слѣдующія; Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, т. IV, 7. 2, гл. о Вѣнскомъ конгрессѣ, а также Перцъ Stein's Leben, т. 4.

[3]) Справедливость требуетъ замѣтить, что взглядъ на подобные подарки былъ тогда нѣсколько иной, нежели въ настоящее время, хотя и тогда люди дѣйствительно честные возмущались подобными продѣлками и называли ихъ настоящими именами.

такъ и въ другихъ отношеніяхъ Нессельроде былъ, впрочемъ, вѣрнымъ ученикомъ и послѣдователемъ Меттерниха. До самаго конца своей долгой жизни онъ слѣпо вѣрилъ въ безошибочность и геніальность Меттерниха какъ политическаго дѣятеля и всегда преклонялся предъ его непогрѣшимымъ авторитетомъ. Выдвинутый первоначально Сперанскимъ, Нессельроде сошелся съ Меттернихомъ еще въ Парижѣ, въ эпоху русско-французскаго согласія и сразу обрѣлъ въ немъ свой политическій идеалъ. Подъ вліяніемъ своей безусловной преданности Меттерниху и въ силу своей природной неспособности, Нессельроде уже во время борьбы съ Наполеономъ дѣйствовалъ нерѣдко вопреки приказаніямъ своего государя, или же исполнялъ ихъ съ крайнею вялостью. Въ 1814 г. онъ окончательно усвоилъ себѣ взгляды Меттерниха, хотя взгляды эти шли прямо въ разрѣзъ и съ интересами Россіи, и съ требованіями государя. На Вѣнскомъ конгрессѣ Нессельроде дошелъ до того, что сталъ, наконецъ, въ самыхъ важнѣйшихъ вопросахъ, на точку зрѣнія, явно враждебную интересамъ Россіи. Его посредственность, незначительность его познаній, холодность и узкость въ воззрѣніяхъ и чувствахъ, крайнее малодушіе въ опасности, обнаружились тогда во всемъ своемъ блескѣ, и государь вынужденъ былъ, наконецъ, устранить его отъ той первенствующей роли, которую игралъ онъ въ началѣ Вѣнскихъ совѣщаній [1]).

Третій уполномоченный Россіи, графъ Стакельбергъ, былъ, даже въ сравненіи съ Нессельроде, полнымъ ничтожествомъ.

[1]) Штейнъ писалъ о Нессельроде: «Всѣ переговоры ведутся теперь безъ участія Нессельроде, глубоко сознающаго, что онъ потерялъ всякое вліяніе. Онъ утратилъ это вліяніе, вслѣдствіе своей неспособности и слѣпой преданности Меттерниху, ради которыхъ онъ часто дѣйствовалъ или вопреки приказаніямъ своего государя, или исполнялъ ихъ неохотно. Это обнаружилось, впервые, въ швейцарскихъ дѣлахъ, гдѣ онъ дѣйствовалъ совершенно въ духѣ Меттерниха, затѣмъ во Франціи, гдѣ онъ усвоилъ себѣ вполнѣ взгляды Меттерниха на миръ. Онъ дѣйствуетъ теперь прямо противъ государя въ вопросѣ саксонскомъ и особенно польскомъ. Вотъ почему императоръ Александръ относился къ нему съ недовѣріемъ уже въ Фрейбургѣ; недовѣріе это возросло въ Шомонѣ и Труа и окончательно вышло наружу въ Вѣнѣ». Перцъ, Steins Leben. T. IV, стр. 257.

Иностранецъ по происхожденію и по образу мыслей. онъ былъ исключительно человѣкъ свѣтскій и только. Въ салонахъ его считали человѣкомъ умнымъ и образованнымъ, большимъ острякомъ и большимъ дамскимъ угодникомъ, но посмѣивались въ то же время надъ его поразительною безхарактерностью и совершенною неспособностью къ какимъ бы то ни было серіознымъ занятіямъ. Впрочемъ, самъ графъ видимо сознавалъ эту свою послѣднюю отличительную черту и не только не вмѣшивался въ политическія совѣщанія, а напротивъ, по возможности, сторонился отъ нихъ. Вся его дѣятельность на этомъ поприщѣ ограничивалась однѣми остротами, впрочемъ не всегда удачными [1]).

Помимо трехъ охарактеризованныхъ лицъ, представителями Россіи на конгрессѣ и совѣтниками императора Александра явились и многія другія лица, частью прибывшія въ Вѣну въ свитѣ государя, частью вызванныя имъ туда впослѣдствіи. Всматриваясь въ длинный списокъ этихъ лицъ, мы поражаемся прежде всего его разнообразіемъ, чтобы не сказать, пестротою. Тутъ были и природные русскіе, какъ напримѣръ: князь В. С. Трубецкой, А. И. Чернышевъ, П. В. Голенищевъ-Кутузовъ, Брозинъ, Панкратьевъ, графъ Толстой, П. Д. Киселевъ; и польскіе магнаты, первое мѣсто въ числѣ которыхъ занималъ старый, коварный другъ Александра, князь Адамъ Чарторижскій, и Іонійскій грекъ, графъ Каподистрія, и корсиканецъ, графъ Поццо ди-Борго [2]), и французскій эмигрантъ, герцогъ де-Ришелье и знаменитый германскій патріотъ, баронъ Штейнъ. Изъ людей чисто русскихъ, сопровождавшихъ государя въ Вѣну, не было недостатка ни въ личностяхъ даровитыхъ, ни въ настоящихъ русскихъ патріотахъ. Стоитъ лишь указать въ этомъ отношеніи на Уварова и Черныше-

[1]) Къ числу такихъ остротъ относилась и слѣдующая, пущенная Стакельбергомъ, по поводу польскаго вопроса: «Насъ хотѣли обратить въ Азіатское государство, но Польша сдѣлаетъ насъ европейцами». Талейранъ видѣлъ въ этихъ словахъ Стакельберга ясное доказательство, что голосъ здраваго смысла и умѣренности не сталъ еще общимъ достояніемъ уполномоченныхъ въ Вѣнѣ. См. Pallain, стр. 2.

[2]) Каподистрія и Поццо ди Борго прибыли въ Вѣну позже государя.

ва [1]), но къ сожалѣнію, такія лица не занимали первенствующаго положенія и не пользовались большимъ вліяніемъ на дѣла. Что-же касается до иностранцевъ, то изъ нихъ только два, Штейнъ и Каподистрія относились вполнѣ искренно къ Россіи и ея государю, и оказывались нерѣдко болѣе русскими, нежели самъ государь и его остальные совѣтники. Понятно, что участіе, которое принимали въ интересахъ Россіи, такіе выдающіеся умы и характеры, не могло не оказать самаго благотворнаго вліянія на совѣщанія конгресса и на рѣшеніе самого императора. Поццо-ди-Борго также высказывалъ Александру смѣлые и благоразумные совѣты и вмѣстѣ съ Штейномъ и Каподистріею удерживалъ его отъ опасныхъ увлеченій въ польскомъ вопросѣ. За то князь Адамъ Чарторижскій явился, именно въ этомъ вопросѣ, злымъ геніемъ государя, косвеннымъ виновникомъ самыхъ крупныхъ политическихъ ошибокъ, сдѣланныхъ Россіею въ эпоху Вѣнскаго конгресса.

Какъ это ни странно, но двусмысленный, а подъ конецъ прямо враждебный образъ дѣйствій князя Адама по отношенію къ Россіи и ея императору въ эпоху отечественной войны, не въ состояніи были окончательно искоренить прежняго сердечнаго расположенія Александра къ другу юности. Мы уже знаемъ, какъ въ силу событій Чарторижскій вынужденъ былъ отказаться отъ своихъ надеждъ на Наполеона и прибѣгнуть вновь къ покровительству Александра. Едва только рѣшена была участь великой арміи и бывшее Варшавское герцогство занято русскими войсками, какъ князь Адамъ вновь принялся за старую пѣсню, вновь началъ напоминать Алек-

[1]) О Чернышевѣ мы читаемъ у Васильчикова: «считавшійся однимъ изъ первыхъ кавалеровъ въ Вѣнѣ и бывшій однимъ изъ любимцевъ тѣхъ красавицъ и щеголихъ, которыя съѣхались на конгрессъ. Рядомъ съ своими успѣхами въ высшемъ свѣтѣ, Чернышевъ дѣлалъ блистательную военную карьеру и отличился на войнѣ. Но среди Вѣнскихъ баловъ онъ, какъ видно, съ горестью наблюдалъ и съумѣлъ понять, какъ мало дипломаты наши поддерживали значеніе Россіи на конгрессѣ, на которое она имѣла такое право, послѣ всего сдѣланнаго ею для Европы». Свои взгляды на политическое положеніе дѣлъ Чернышевъ высказалъ въ письмѣ къ Аракчееву.

сандру о Польшѣ и о тѣхъ обѣщаніяхъ, которыя дѣлалъ ему, когда-то императоръ на счетъ ея возстановленія. Не полагаясь на одни письма, Чарторижскій поспѣшилъ вслѣдъ за государемъ въ Парижъ. Принятый Александромъ, какъ старый другъ, Чарторижскій имѣлъ полную возможность неоднократно проводить здѣсь съ императоромъ цѣлые часы въ интимныхъ бесѣдахъ. Само собою понятно, что главнымъ предметомъ этихъ бесѣдъ была Польша, или лучше сказать, вопросъ о ея возстановленіи. Чарторижскій съумѣлъ подойти къ этому вопросу очень ловко. Александръ сильно увлекался въ это время либеральными идеями и готовъ былъ облагодѣтельствовать всѣ государства Европы свободными конституціонными учрежденіями. Князь Адамъ искусно воспользовался этимъ увлеченіемъ государя. Онъ доказывалъ ему, что необходимо отказаться отъ устарѣлыхъ греческихъ и восточныхъ вопросовъ, сосредоточить все вниманіе на Польшѣ, освободить ее отъ ига Пруссаковъ и Австрійцевъ, образовать изъ нея особое государство, соединенное съ Россіею лишь одною личною связью, и даровать ей либеральную конституцію. Такой актъ великодушія и политической мудрости, доказывалъ князь, будетъ имѣть самыя благотворныя послѣдствія не только для Польши, но и для Россіи. Чарторижскій напоминалъ государю о томъ печальномъ, по его мнѣнію, фактѣ, который былъ констатированъ уже въ первые годы правленія Александра. Всѣ либеральныя начинанія государя не встрѣтили тогда въ русскомъ обществѣ ни малѣйшаго сочувствія. Отсюда ясно, что русское общество нуждается въ подготовкѣ къ воспринятію идей либерализма. Надо создать для Россіи либеральную школу, надо поставить на ряду съ нею образецъ конституціоннаго государства. Такою школою, такимъ образцемъ можетъ быть для нея только Польша, возстановленная, по возможности, въ старыхъ предѣлахъ, надѣленная истинно свободными учрежденіями, такими учрежденіями, которыя получила теперь Франція отъ возстановленнаго Бурбона, благодаря предстательству Александра. Примѣръ и воздѣйствіе Польши не замедлитъ оказать свое благодѣтельное вліяніе и на Россію. Пройдетъ извѣстное время,

и русское общество созрѣетъ вполнѣ для воспринятія либеральнаго правленія. Да и вообще, какая блестящая будущность ожидаетъ императора въ томъ случаѣ, если онъ рѣшится загладить тройное преступленіе раздѣла и возстановить Польшу въ ея старомъ величіи. Сдѣлавшись одновременно императоромъ и королемъ, Александръ соединитъ подъ своимъ скипетромъ всѣ славянскія земли вплоть до рѣки Одера. Ему будетъ принадлежать Данцигъ, а съ нимъ и вся торговля на Балтійскомъ морѣ; его государство будетъ отдѣляться отъ Австріи линіею Карпатовъ, въ составъ его владѣній войдутъ Варшава, Краковъ, Торнъ и все теченіе Вислы. Александръ сдѣлается самымъ могущественнымъ и вліятельнымъ монархомъ во всей Европѣ, а Россія получитъ вполнѣ достойное вознагражденіе за всѣ жертвы, принесенныя ею для освобожденія міра отъ тиранскаго владычества Наполеона [1]).

Такъ говорилъ ловкій польскій магнатъ, и его рѣчи пали на хорошо подготовленную почву. Настроеніе, въ которомъ находился тогда императоръ Александръ, его прирожденный идеализмъ, воспоминанія юности, его горячее сочувствіе ко всему, что казалось ему несправедливо угнетаемымъ, его стремленіе искоренить повсюду неправду и возмѣстить зло добромъ, взяли въ немъ и на этотъ разъ верхъ надъ соображеніями холоднаго разсудка и требованіями истинно политической мудрости. Проектъ князя Адама казался ему не только вполнѣ справедливымъ и гуманнымъ, но и удобоисполнимымъ. Возстановляя Польшу и соединяя ее на вѣчныя времена подъ своимъ скипетромъ съ Россіею, Александръ воображалъ, что онъ искупитъ, съ одной стороны, неправду, совершенную его предшественниками, а съ другой, доставитъ Россіи не только богатое земельное вознагражденіе, но и блестящее нравственное удовлетвореніе. Александръ не могъ, однакоже скрыть отъ себя, что планъ возстановленія Польши и ея либеральнаго объединенія съ Россіею, не можетъ вызвать ни малѣйшаго сочувствія со стороны мыслящей и обра-

[1]) Васильчиковъ, семейство Разумовскихъ, Т. IV, ч. 2, стр. 512—513.

зованной части русскаго общества. Онъ помнилъ, съ какимъ жаромъ высказывались противъ его польскихъ проектовъ какъ его ближайшіе русскіе совѣтники, такъ и вполнѣ независимые русскіе люди, подобные Карамзину, онъ припомнилъ какъ настойчиво предостерегалъ его отъ его польскихъ увлеченій, такой вполнѣ независимый человѣкъ, какъ Штейнъ, человѣкъ, обладавшій рѣдкою способностью отречься въ данный моментъ отъ своего пламеннаго германскаго патріотизма и стать на чуждую, въ сущности, ему русскую точку зрѣнія. Но эти воспоминанія не въ силахъ были отклонить императора отъ того ошибочнаго шага, который готовился онъ сдѣлать, увлекаемый своимъ идеализмомъ. Императоръ твердо рѣшился осуществить свою польскую идею, и уже въ Парижѣ началъ онъ работать въ этомъ направленіи. Прежде всего онъ сообщилъ свой планъ другу своему, королю прусскому. Безъ труда убѣдилъ онъ Фридриха-Вильгельма, что Пруссіи не слѣдуетъ настаивать на притязаніяхъ, основывающихся на постановленіяхъ Калишскаго и Рейхенбахскаго договоровъ, что ей слѣдуетъ искать вознагражденіе не въ Польшѣ, а въ Германіи, и что онъ, Александръ, готовъ поддерживать всѣми своими силами желанія короля на счетъ присоединенія къ Пруссіи всего Саксонскаго королевства. Король тѣмъ охотнѣе согласился съ доводами своего царственнаго друга, чѣмъ болѣе убѣдился онъ въ послѣднее время въ непрочности польскихъ пріобрѣтеній своихъ предшественниковъ. Онъ пришелъ уже тогда къ убѣжденію, что Пруссія должна сдѣлаться чисто нѣмецкимъ государствомъ, что она должна стремиться къ пріобрѣтенію гегемоніи въ Германіи, и что польскія территоріи могутъ оказаться для нея въ будущемъ не только тяжелымъ балластомъ, но и элементомъ слабости и разложенія. «Я буду благодарить Бога, если мнѣ удастся освободиться отъ моихъ польскихъ подданныхъ!» говаривалъ уже тогда Фридрихъ-Вильгельмъ. Охотно согласился онъ на предложеніе Александра. и оба монарха порѣшили уже въ Парижѣ связать неразрывно польскій и саксонскій вопросы, настаивать единодушно на предстоящемъ конгрессѣ, съ одной стороны, на присоединеніи къ Россіи всего герцогства Варшав-

скаго, а съ другой, на присоединенiи королевства Саксонскаго къ Пруссiи.

Первое препятствiе къ осуществленiю польской идеи было, такимъ образомъ, устранено, но нетрудно было предвидѣть, что планы Чарторижскаго вызовутъ противодѣйствiе и съ другихъ сторонъ. Уже первые слухи о намѣренiяхъ Россiи и Пруссiи не замедлили вызвать повсемѣстную тревогу. Французскiе политики, съ Талейраномъ во главѣ, рѣшительно высказались противъ поглощенiя Саксонiи Пруссiею и противъ возстановленiя Польши подъ скипетромъ русскаго императора. «Мы не можемъ согласиться на попранiе легитимнаго права въ лицѣ короля саксонскаго», говорили они. «Мы не можемъ, забыть, что Саксонiя обречена на уничтоженiе, единственно за свою вѣрность союзу съ Францiею. А что сказать о возстановленiи Польши? Никто не можетъ сочувствовать въ такой мѣрѣ этому возстановленiю, какъ Францiя, но возстановленiе Польши должно быть дѣйствительное, а не фиктивное. Польша можетъ быть возстановлена только въ видѣ особаго, вполнѣ самостоятельнаго государства, она должна служить оплотомъ европейскаго запада противъ завоевательныхъ стремленiй Россiи. Соединенiе же Польши съ Россiею удвоитъ лишь силы Московскаго колосса и проложитъ ему путь къ порабощенiю всей Европы» [1]). Людовикъ XVIII сочувствовалъ какъ нельзя болѣе такимъ идеямъ французскихъ политиковъ. Отправляя Талейрана своимъ полномочнымъ министромъ въ Вѣну, онъ поручилъ ему противодѣйствовать всѣми силами властолюбивымъ планамъ Рос-

[1]) Послѣдующiя событiя показали, какъ ошибочна была вся эта аргументацiя французскихъ политиковъ. Выступая рѣшительно противъ Россiи, принимая на себя защиту Саксонiи и возставая противъ присоединенiя герцогства Варшавскаго къ Россiи, французскiе политики, сами не сознавая того, дѣйствовали вопреки собственнымъ интересамъ Францiи и сами создавали для своего отечества страшныя опасности въ будущемъ. Какъ сильно вкоренены были, однакоже, эти ошибочные взгляды на франко-русскiя отношенiя въ средѣ французскихъ политиковъ, видно изъ того, что еще въ началѣ 80-хъ годовъ нашего столѣтiя, извѣстный издатель дипломатической переписки Талейрана, Паленъ, нашелъ возможнымъ прославлять Талейрана за его образъ дѣйствiй на Вѣнскомъ конгрессѣ. См. Pallain, предисловiе, стр. I—XXXII.

сіи и Пруссіи, отстоять, во что бы то ни стало, самостоятельность Саксоніи и соглашаться на возстановленіе Польши не иначе, какъ подъ условіемъ ея полной самостоятельности.

Александръ могъ не придавать особеннаго значенія угрозамъ и оппозиціи Франціи. Да эта оппозиція могла оказаться безсильною въ томъ случаѣ, если бы остальныя державы остались вѣрны своимъ обязательствамъ. Къ сожалѣнію, разсчитывать на эту вѣрность, — не было ни малѣйшаго основанія. Тревога и смущеніе распространились въ Вѣнѣ тотчасъ-же, какъ только сдѣлались тамъ извѣстны русско-прусскіе проекты. Австрійскіе политики начали объявлять во всеуслышаніе, что Австрія отнюдь не намѣрена слѣдовать примѣру Пруссіи, что она никоимъ образомъ не можетъ отказаться отъ правъ, утвержденныхъ за нею Рейхенбахскимъ договоромъ и что возстановленіе Польши подъ скипетромъ Россіи столь же мало входитъ въ ея интересы [1]), какъ и присоединеніе цѣлаго королевства Саксонскаго къ Пруссіи. Легкомысленный австрійскій канцлеръ остался, впрочемъ, и въ этомъ случаѣ вполнѣ вѣренъ самому себѣ. Онъ полагалъ, что дѣло уладится само собою на предстоящемъ конгрессѣ и что ему удастся тѣмъ или инымъ способомъ поддержать согласіе между союзниками. Гораздо серіознѣе можно было предвидѣть оппозицію со стороны Англіи. Александръ долженъ былъ знать, что между Талейраномъ и лордомъ Кестльри состоялось, если и не соглашеніе, то во всякомъ случаѣ сближеніе уже въ Парижѣ. Императору должно было быть извѣстно, что торійское министерство могло примириться въ крайнемъ случаѣ съ присоединеніемъ Саксоніи къ Пруссіи, но что оно будетъ возставать всѣми силами противъ присоединенія герцогства Варшавскаго къ Россіи. Восторженный пріемъ, оказанный союзнымъ монархамъ въ Англіи, повидимому, не долженъ былъ вводить Александра въ заблужденіе на счетъ

[1]) Особенную тревогу вызвали въ Вѣнѣ слухи о намѣреніи Александра возстановить Польшу подъ скипетромъ брата своего Константина. Слухи эти распространены были, разумѣется, самими поляками.

дѣйствительныхъ намѣреній С. Джемскаго кабинета. То, что ясно видѣли и понимали другіе, не должно было оставаться тайною для него. «Не обращайте вниманія на необыкновенный энтузіазмъ въ Лондонѣ, о которомъ говорятъ всѣ газеты», писалъ ф. Генцъ уже 9-го іюля 1814 г. господарю Молдавскому [1]). «Чернь лондонская такъ же криклива, какъ и во всѣхъ городахъ, но за то она гораздо необузданнѣе другихъ. Она кричала въ изступленіи, это правда, передъ императоромъ Александромъ, королемъ прусскимъ и княземъ Платовымъ (?), (котораго она считаетъ первымъ генераломъ нашего вѣка), но не слѣдуетъ при этомъ забывать неудовольствія народа англійскаго противъ принца-регента и то, что лондонская чернь рукоплескала иноземнымъ государямъ и генераламъ ему на зло. Высшее сословіе [2]) гораздо трезвѣе, и въ то время, когда народъ рукоплескалъ сѣвернымъ героямъ, принцъ-регентъ и кабинетъ его искали сближенія съ Австріею. Князь Меттернихъ мастерски ведетъ дѣла въ Англіи. Ему помогаетъ охлажденіе принца-регента къ императору Александру вслѣдствіе вмѣшательства послѣдняго и сопровождавшей его въ Лондонъ сестры, великой княгини Екатерины Павловны, принцессы, обладающей большимъ умомъ, но въ то же время гордаго и безпокойнаго характера, въ семейныя его дѣла, въ отношенія принца-регента къ принцессѣ Валлійской, и въ отказѣ дочери его, принцессы Шарлотты, принцу Оранскому, брака, съ которымъ такъ желалъ и отецъ ея, и теперешній англійскій кабинетъ [3]). Доселѣ у Англійскаго правительства существовало самое сильное пристрастіе къ Россіи [4]). Теперь уже не то. Англія будетъ несомнѣнно дѣйствовать на конгрессѣ въ союзѣ съ Австріею.

Интрига противъ Россіи и Пруссіи была такимъ образомъ въ полномъ ходу, о согласіи въ средѣ великой коалиціи не

[1]) Прокешъ-Остенъ, Depêches inedites de Gentz. T. I, стр. 88—91.

[2]) Подъ высшимъ сословіемъ Генцъ понималъ, разумѣется, одну торійскую аристократію.

[3]) Принцъ Оранскій (впослѣдствіи Вильгельмъ II, король нидерландскій) женился въ 1816 г. на великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ.

[4]) Это пристрастіе существовало только въ воображеніи Генца.

было уже и рѣчи, въ то время, когда императоръ Александръ возвратился на короткое время въ Петербургъ и только что собирался ѣхать въ Вѣну. Александръ уже при первыхъ шагахъ въ Россіи пораженъ былъ тѣмъ несочувствіемъ, которое встрѣчалъ повсемѣстно его польскій проектъ. Всѣ выдающіеся русскіе люди, съ которыми заводилъ императоръ рѣчь о Польшѣ, высказывались съ большею или меньшею опредѣленностью и противъ возстановленія Польши въ ея старыхъ предѣлахъ, и противъ введенія въ ней либеральныхъ конституціонныхъ учрежденій. Александръ могъ убѣдиться, что въ польскомъ вопросѣ не существуетъ никакого разногласія въ средѣ русскаго общества, способнаго понимать истинные интересы своего отечества. Противъ польскаго проекта князя Чарторижскаго возставали одинаково и государственные люди старой эпохи, хорошо помнившіе вѣковую борьбу Россіи съ Польшею, и преклонявшіеся передъ политическимъ геніемъ Екатерины II, съумѣвшей, наконецъ, стереть съ лица земли эту непримиримую соперницу Россіи, и люди новаго времени, съумѣвшіе опредѣлить по достоинству всю цѣну польской вѣрности въ тяжелую годину отечественной войны. Противъ польскихъ увлеченій государя говорили и такіе независимые люди, какъ Карамзинъ, и такіе во всемъ угодливые царедворцы, какъ графъ Аракчеевъ, и такіе опытные политики, какъ Новосильцевъ и Кочубей [1]). Александръ былъ видимо озадаченъ и смущенъ этимъ единодушнымъ противодѣйствіемъ. Сомнѣнія, подтверждаемыя собственными тяжелыми испытаніями, начали волновать его душу. Идеальныя стремленія и иллюзіи, фантастическіе обѣты юношества столкнулись въ его сознаніи съ суровыми требованіями дѣйствительности. Ему было тяжело, почти невозможно отказаться отъ мечты, взлелеяной въ немъ съ самаго дѣтства, но онъ все еще надѣялся примирить свои польскіе планы съ интересами Россіи, удовлетворить до извѣстной степени желанія

[1]) Васильчиковъ, Т. IV, ч. 2. стр. 514.

поляковъ и русскихъ и тѣмъ или инымъ способомъ положить предѣлъ вѣковой враждѣ двухъ родственныхъ народовъ.

Волнуемый такими мыслями, Александръ остановился на пути въ Вѣну въ Пулавахъ, родовомъ имѣніи Чарторижскихъ, куда пригласилъ его князь Чарторижскій. Государя здѣсь ожидалъ самый восторженный, хотя и дѣланный пріемъ. Здѣсь встрѣтилъ его цвѣтъ польской знати, здѣсь ожидали его первыя польскія красавицы, тутъ привѣтствовала его знаменитая «матка отчизны», княгиня Изабелла Чарторижская, мать князя Адама, первая польская патріотка, женщина, когда то блиставшая ослѣпительною красотою и никогда нестѣснявшаяся правилами нравственности [1]). Въ Пулавахъ было пущено въ ходъ все, что могло очаровать и плѣнить русскаго императора: и чарующая въ прелестныхъ женскихъ устахъ лесть, и тонкая угодливость, недоходившая, однако, до низкопоклонства, и заявленія самой горячей и беззавѣтной преданности. Александръ былъ видимо тронутъ и увлеченъ, но тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ удержаться на извѣстной высотѣ. Онъ повторилъ еще разъ свое обѣщаніе возстановить Польшу, но повторилъ его въ формѣ условной, съ извѣстными территоріальными ограниченіями. Онъ даже прямо отказался разрушить окончательно то дѣло, которое было создано мудростью его предшественницы и указалъ польскимъ патріотамъ на невозможность полнаго осуществленія ихъ желаній. Образъ дѣйствій государя въ Пулавахъ произвелъ успокоительное впечатлѣніе на русскихъ людей, находившихся въ его свитѣ [2]). «Все, что сдѣлаетъ императоръ», писалъ

[1]) Патріотизмъ «матки отчизны» не помѣшалъ ей сдѣлаться въ свое время любовницею русскаго посла, фельдмаршала князя Н. В. Репнина. Плодомъ этой незаконной связи былъ князь Адамъ Чарторижскій.

[2]) Въ виду важности этого письма, напечатаннаго у Богдановича (Т. V, примѣчаніе I къ главѣ 54) приводимъ его въ подлинникѣ: Quelque chose, que L'Empereur fasse, cela ne pourra tourner q'au profit de notre pays. La conviction que j'ai à cet egard est fondée sur les raisonnemens que je l'ai enteudu faire et sur la manière dont il s'est ennoncé en ma presence vis-à-vis des délegués que le Duche lui a envoyé à Pulawy, lors de son passage par cet endroit. Le discours qu'il leur a tenu etait si fort de raison, si logique, et en même temps si mésuré et si adroit que les bras me sont tombés d'etonnement. Il n'a rien promis, il ne

тогда Н. Н. Новосильцевъ графу П. А. Строганову, «послужитъ въ пользу Россіи. Я убѣжденъ въ томъ, на основаніи слышанныхъ мною его сужденій и всего сказаннаго имъ при мнѣ депутатамъ герцогства, присланнымъ въ Пулавы во время пребыванія тамъ государя. Его рѣчь была такъ убѣдительна, такъ разумна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ осторожна и ловка, что у меня опустились руки отъ удивленія. Онъ не обѣщалъ ничего, не принялъ на себя никакихъ обязательствъ, а всего требовалъ, и не смотря на то, всѣ и даже Матушевичъ и князь Сулковскій, столь достойные люди, были восхищены его пріемомъ и въ высшей степени удивлялись вѣрности и ясности его взглядовъ».

Изъ Пулавъ императоръ Александръ проѣхалъ прямо въ Вѣну. Не смотря на серіозныя опасенія, волновавшія его въ послѣднее время, государь все еще былъ полонъ свѣтлыми надеждами на будущее. По прежнему, не смотря на грустный опытъ только что окончившейся войны, онъ продолжалъ вѣрить въ возможность дальнѣйшаго существованія великой европейской коалиціи. Преисполненный высокими благородными чувствами, онъ предполагалъ эти чувства и въ другихъ. Ему казалось, что онъ имѣетъ право разсчитывать на дружбу и на признательность освобожденныхъ и возстановленныхъ имъ монарховъ. Онъ полагалъ, что ему будетъ принадлежать руководительство на конгрессѣ и думалъ вести совѣщанія въ духѣ согласія и примиренія. Но Александръ, котораго Наполеонъ называлъ великимъ актеромъ, былъ плохимъ знатокомъ человѣческаго сердца. Всѣ его ожиданія и разсчеты оказались неправильными: тяжелое разочарованіе ожидало его въ Вѣнѣ.

Александръ пожелалъ вступить въ австрійскую столицу рука объ руку съ своимъ вѣрнѣйшимъ союзникомъ и личнымъ другомъ, королемъ прусскимъ. Оба монарха прибыли въ окрест-

s'est engagè à rien et à tout demamdè. Malgré cela tout le monde et des personnes telles que Matoussevitch, le prince Soulkowsky, tous gens de merite, en sont sortis enthousiasmès de lui et etonnès au plus haut degrè de la clartè et de la justesse de ses idèes».

ности Вѣны и остановились на лѣвомъ берегу Дуная, у Таборскаго моста. Здѣсь ихъ ожидала блестящая встрѣча. Съ ранняго утра всѣ австрійскія войска, расположенныя въ Вѣнѣ и ея окрестностяхъ, стояли подъ ружьемъ. Императоръ Францъ, сопровождаемый всѣми эрцгерцогами, иностранными принцами, генералами, прибылъ къ Таборскому мосту, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда коляски союзныхъ государей остановились у него. Встрѣча была самая радушная. Оба императора и король прусскій вышли изъ экипажей, дружески обнялись и сѣли на приготовленныхъ для нихъ коней. Торжественное шествіе двинулось черезъ мостъ въ городъ. Вся Вѣна высыпала на встрѣчу высокимъ гостямъ. Сотни тысячъ зрителей покрывали оба берега Дуная. Безчисленная свита, двигавшаяся за государями, пестрота и разнообразіе мундировъ, ярко блиставшихъ на солнцѣ, приводили въ восторгъ и въ изумленіе толпу. Сознаніе, что союзные монархи собираются въ Вѣну для окончательнаго утвержденія столь желаннаго мира, усиливало всеобщій энтузіазмъ. Радостныя восклицанія сотенъ тысячъ голосовъ, торжественный звонъ колоколовъ, громовые залпы артиллеріи смѣшивались въ одинъ потрясающій гулъ. Среди возрастающихъ, бурныхъ овацій населенія монархи вступили, наконецъ, въ ворота гостепріимнаго бурга, гдѣ приготовлены были для нихъ особые апартаменты [1]).

Черезъ нѣсколько дней новая торжественная встрѣча. Императрица Елизавета Алексѣевна, ожидавшая прибытія своего супруга въ Мюнхенѣ, приблизилась къ Вѣнѣ въ сопровожденіи блестящей свиты. Императрица Австрійская со всѣмъ своимъ дворомъ выѣхала далеко къ ней на встрѣчу.

[1]) Подробности торжественнаго въѣзда государей въ Вѣну см. у Comte de la Garde, Fetes et souvenirs du congrès de Vienne, T. I, стр. 17—18. Талейранъ доносилъ Людовику XVIII: «Императоръ русскій и король прусскій прибыли сегодня. Въѣздъ былъ великолѣпный. Монархи ѣхали верхомъ, императоръ австрійскій по серединѣ. Лошади причинили маленькій безпорядокъ, такъ что король прусскій вынужденъ былъ ѣхать нѣкоторое разстояніе по правую руку императора Франца. Порядокъ былъ возстановленъ лишь не задолго до прибытія ко дворцу». Pallain, стр. 4.

Вслѣдъ за нею поѣхали оба императора. Встрѣча произошла у церкви Марія-Брунъ. Здѣсь соединились оба кортежа. Открытая четырехъ-мѣстная коляска, съ лошадьми въ парадной сбруѣ, ожидала у церкви прибытія высочайшихъ особъ. Обѣ императрицы, послѣ дружественныхъ привѣтствій, сѣли въ нее; на переднихъ мѣстахъ расположились оба императора. Отряды залитыхъ золотомъ венгерскихъ гусаръ, улановъ и пажей верхами окружили экипажъ. Все населеніе Вѣны было вновь на ногахъ, и возгласы стотысячной толпы опять потрясали воздухъ. На дворѣ бурга россійскую императрицу привѣтствовали дѣвицы знатнѣйшихъ австрійскихъ фамилій, одѣтыя въ бѣлыя платья, съ корзинами цвѣтовъ въ рукахъ. Безчисленныя массы народа наводняли всѣ подъѣзды ко дворцу. Зрители всѣхъ сословій и разнообразнѣйшихъ народностей не могли надивиться сердечности и элегантной простотѣ, обнаруживавшихся въ каждомъ движеніи и словѣ августѣйшихъ особъ [1]).

Австрійскій дворъ не жалѣлъ никакихъ издержекъ на пріемъ и содержаніе высокихъ гостей, съѣхавшихся со всѣхъ сторонъ въ Вѣну. Всѣ государи и принцы заняли квартиры въ бургѣ, по личному и настоятельному желанію императора Франца. Австрійскій дворъ принялъ на себя всѣ заботы и расходы по ихъ содержанію [2]). Организованъ былъ особый комитетъ изъ эрцгерцоговъ и знатныхъ особъ, на обязанности котораго лежали заботы объ устройствѣ все новыхъ и новыхъ праздниковъ, торжествъ, развлеченій. Помѣщенія бурга, отведенныя для царственныхъ гостей, не отличались осо-

[1]) Comte de la Garde, T. I, стр. 19.

[2]) Въ Бургѣ жили такимъ образомъ, одновременно, два императора, двѣ императрицы, четыре короля, два наслѣдныхъ принца, двѣ великія княгини и два принца. Угощеніе гостей обходилось каждый день въ 50,000 флориновъ; а всѣ расходы австрійскаго правительства по поводу конгресса дошли до 40 милліоновъ флориновъ. Представители великихъ державъ, не говоря уже о монархахъ, тратили въ Вѣнѣ также громадныя деньги. Лордъ Кестльри, напримѣръ, платилъ за свою квартиру 1,500 фунтовъ стерлинговъ въ мѣсяцъ. Цѣнность многихъ домовъ въ Вѣнѣ окупилась одною квартирною платою въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Всѣ предметы первой необходимости, въ особенности топливо, страшно поднялись въ цѣнѣ. См. Comte de la Garde, T. I, стр. 21, 59.

бенною роскошью, или просторомъ, но снабжены были зато всевозможными удобствами. Отсутствіе всякихъ претензій и излишняго этикета дѣлало жизнь въ Бургѣ особенно пріятной [1]). Гости тяготились лишь безконечными представленіями и визитами, но и это неизбѣжное зло высшей свѣтской жизни смягчалось и сглаживалось до нѣкоторой степени появленіемъ все новыхъ и новыхъ, иногда въ высшей степени оригинальныхъ личностей [2]).

Императрица Австрійская, Марія-Людовика, урожденная принцесса д'Есте, третья супруга императора Франца, своимъ умомъ и своею граціею, вносила движеніе и жизнь въ обыкновенно скучную и монотонную придворную сферу. «Рожденная въ Италіи, говоритъ графиня Эдлингъ, она соединяла въ себѣ всю живость и тонкость своей націи. Ея сильная и возвышенная душа, казалось, подавляла ея маленькое тѣло, тѣло столь слабое и хрупкое, какъ будто оно было одушевлено лишь однимъ дуновеніемъ жизни. Но душа эта выражалась со всею энергіею въ ея прелестныхъ, черныхъ глазахъ и въ ея очаровательной улыбкѣ, проскальзывавшей, подобно молніи, по ея истомленнымъ страданіями чертамъ лица» [3]). Она играла роль августѣйшей хозяйки съ тонкостью и прелестью, свойственными ей исключительно, тогда какъ ея супругъ, совершенно чуждый всего, что происходило вокругъ него, сохранялъ среди всего этого шума то флегматическое спокойствіе и добродушіе, которыя доставляли ему такую популярность въ глазахъ его народовъ. Популярность эта не изсякла еще и въ эпоху конгресса, и трудно было смотрѣть безъ

[1]) «Nous y fûmes à la vèrité très mesquinement logées, mais comme il ne regnait en général aucune espèce de prétention à la cour de Vienne, on s'accommodait tant bien que mal de cette mesquinerie, rachetée d'ailleurs par une grande abondance pour tous autres détails de la vie materielle». Мемуары графини Эдлингъ, стр. 163.

[2]) Мемуары графини Эдлингъ, стр. 164.

[3]) Таковъ отзывъ гр. Эдлингъ. Не менѣе восторженно говоритъ объ императрицѣ австрійской де-ла-Гардъ. Талейранъ замѣчаетъ: «не смотря на кашель и на худобу, она обладаетъ способностью нравиться и граціею, которую я назвалъ бы вполнѣ французскою, еслибы черезъ чуръ строгій взглядъ не подмѣчалъ въ ней нѣчто искусственное». Pallain, стр. 5.

улыбки на взрывъ восторга вѣнскаго населенія, проявлявшагося каждый разъ при появленіи въ средѣ публики этой печальной фигуры. Но какъ ни странна была эта фигура, но все же нельзя было не согласиться, что императоръ Францъ сохранялъ въ своей внѣшности черты, свидѣтельствовавшія, что онъ былъ внукъ Маріи-Терезіи. «Простота и естественность всегда служатъ отпечаткомъ высокаго происхожденія, равно какъ все дѣланное, театральное, суетливое, напыщенное, изобличаютъ выскочку» [1]).

Не одно только гостепріимство двора, но и другія обстоятельства превратили собраніе конгресса, этого высшаго европейскаго ареопага, въ безконечный, шумный и радостный карнавалъ. Огромное количество иностранцевъ, стекшееся отовсюду въ Вѣну, вносило оживленіе и въ безъ того уже веселую Австрійскую столицу. Насчитывали, что число пріѣзжихъ достигало до нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ, утверждали безъ всякаго преувеличенія, что среди этой массы можно было встрѣтить всѣхъ знаменитостей тогдашняго европейскаго міра, начиная отъ героевъ только что завершившейся, безпримѣрной борьбы, и оканчивая блестящими красавицами высшаго свѣтскаго круга. И все это стеклось на неожиданное, радостное торжество всеобщаго міра; все стремилось упиться наслажденіями и радостями жизни, забыться, освободиться отъ ужасовъ только что пережитой грозной эпохи. Стоило лишь взглянуть на улицы тогдашней Вѣны [2]), чтобы убѣдиться, что здѣсь, въ столицѣ Габсбурговъ, въ этомъ центрѣ культурнаго европейскаго міра, назначило себѣ свиданіе все то, что имѣло притязаніе на дѣйствительныя, или мнимыя заслуги, на знатность, блескъ, элегантность. Безчисленное количество экипажей всѣхъ возможныхъ видовъ наполняли съ утра до вечера улицы Вѣны. Впереди многихъ изъ нихъ бѣжали легкіе, изящные, богато одѣтые скороходы. На гуляньяхъ, на площадяхъ, можно было встрѣтить безчисленное количество военныхъ всевозможныхъ чиновъ, пѣшихъ

[1]) Мемуары гр. Эдлингъ, стр. 164—165.

[2]) Картины уличной жизни, см. у де-ла-Гарда, Т. I, стр. 20 и въ другихъ мѣстахъ

и конныхъ, одѣтыхъ въ разнообразнѣйшіе мундиры всѣхъ европейскихъ армій. Присоединимъ къ этому тысячи лакеевъ, одѣтыхъ въ пестрыя ливреи, громадныя толпы зѣвакъ, вѣчно толкавшихся на улицахъ, чтобы высмотрѣть ту или другую знаменитость, того или другаго монарха, министра, посла, или полководца, и мы будемъ имѣть хотя нѣкоторое представленіе объ уличной жизни, кипѣвшей тогда въ Вѣнѣ. При наступленіи ночной темноты жизнь эта принимала еще болѣе своеобразный, фантастическій оттѣнокъ. Театры, кофейни и другія публичныя мѣста наполнялись тогда пестрыми толпами людей, искавшихъ развлеченія и отдыха, послѣ дневныхъ занятій и суеты. Щегольскіе экипажи катились въ удвоенномъ количествѣ по улицамъ. Лакеи, стоявшіе на запяткахъ, скороходы, бѣжавшіе впереди, держали въ рукахъ пылающіе факелы. Со всѣхъ сторонъ раздавались мелодіи, наигрываемыя на самыхъ различныхъ инструментахъ. Отовсюду раздавался оглушающій шумъ, но среди всего этого ликованія и суетливой жизни царствовалъ образцовый порядокъ, почти никогда не нарушавшійся какими бы то ни было эксцезами.

Но улица съ ея вѣчно мѣняющимися, но тѣмъ не менѣе монотонными картинами, могла дать лишь слабое понятіе о вѣнской жизни въ эпоху конгресса. Чтобы получить болѣе ясное и полное представленіе о ней, необходимо было заглянуть въ одинъ изъ тѣхъ салоновъ, гдѣ собиралась ежедневно отборная конгрессная публика, гдѣ царила женская красота, грація и болтливость, гдѣ воскресали, казалось, до революціонные салоны старой веселой и чопорной Франціи, гдѣ великіе міра сего, монархи, ихъ министры и полководцы, забывали на время этикетъ и преимущества своего сана, гдѣ пальма первенства принадлежала не высокому происхожденію, не блестящей заслугѣ, не глубокому уму, а свѣтскому такту, игривой остротѣ и чарующей женской граціи.

Изъ всѣхъ Вѣнскихъ салоновъ на первомъ планѣ стоялъ, разумѣется, салонъ императрицы австрійской, царственной хозяйки конгресса. Трудно было представить себѣ болѣе изящное и изысканное и въ то же время болѣе оживленное

и разнообразное общество, какъ то, которое собиралось въ грандіозныхъ, хотя и нѣсколько мрачныхъ залахъ бурга, въ тѣ вечера, когда назначались придворные балы, концерты и въ особенности характерные маскарады, такъ называемые редуты. «Здѣсь», говоритъ очевидецъ, «подъ покровомъ домино или характерной маски создавались нерѣдко сложныя политическія комбинаціи, возникали и разрѣшались ловкія интриги». Главная зала бурга, окруженная со всѣхъ сторонъ хорами, залитая тысячами огней, представляла въ такіе вечера по истинѣ волшебный видъ. Корридоры и арки, роскошно убранные тропическими растеніями, вели въ сосѣднія помѣщенія, назначавшіяся для отдыха, для карточной игры, для ужина. Такъ называемая зала редутовъ убиралась роскошно цвѣтами, представлявшими дивное сочетаніе красокъ и тончайшаго аромата. Шелковые обои съ серебряными бордюрами, бархатная съ богатою позолотою мебель и 8,000 горящихъ свѣчей превращали эту залу въ какой то колоссальный, блистающій тысячами цвѣтовъ драгоцѣнный камень. Оркестры, составленные изъ лучшихъ Вѣнскихъ исполнителей и искусно скрытые за массами зелени, наигрывали самыя очаровательныя мелодіи, чередовавшіяся, то съ торжественными мотивами полонеза, то съ граціозными и легкими звуками вальса [1]).

Для царственныхъ особъ устраивалась на такихъ вечерахъ особая эстрада, убранная знаменами и штандартами, обитая бѣлою шелковою матеріею, обшитою по краямъ серебряною бахромою. Но несравненно интереснѣе этого сказочнаго убранства была та масса людей, которая собиралась на этихъ вечерахъ. «Какое неисчерпаемое разнообразіе мундировъ, какая подавляющая масса орденовъ, звѣздъ, лентъ! И прежде всего какое собраніе прелестныхъ женщинъ! И если Вѣна кипила въ эти мѣсяцы всевозможными, а подчасъ и невозможными знаменитостями, если въ этихъ салонахъ можно было встрѣтить все, что имѣло хотя нѣкоторое притязаніе на извѣстность, то и красота имѣла здѣсь массу самыхъ изысканныхъ

1) Comte де-ла-Гардъ, T. I, стр. 34 и слѣдующія.

представительницъ [1]). Трудно было оріентироваться въ этомъ морѣ красоты, а еще труднѣе присудить пальму первенства. Среди царственныхъ особъ блистали какъ звѣзды первой величины: императрица Австрійская, императрица Всероссійская, королева Баварская, великая герцогиня Ольденбургская, эрцгерцогиня Беатриса и великая герцогиня Саксенъ-Веймарская. Совершенно особаго рода впечатлѣніе производила императрица Елизавета. «Это былъ ангелъ, ниспосланный съ неба», восклицаетъ восторженный очевидецъ, французъ. «Въ ея глазахъ отражалась вся чистота ея души. Ея прелестные пепельнаго цвѣта волосы разсыпались роскошными локонами по ея плечамъ. Ея высокій, стройный ростъ, ея царственная походка выдавали ее подъ покровомъ маски. Если къ кому-либо, то именно къ ней были вполнѣ приложимы слова Виргилія: Incessu patuit Dea [2]).

Вокругъ царственныхъ красавицъ группировались изящныя и прелестныя представительницы высшихъ слоевъ европейскаго общества, собранныя какъ бы по мановенію волшебнаго жезла въ Вѣну со всѣхъ концевъ материка. Пальма граціи и красоты оспаривалась тутъ такими звѣздами, какъ: княгиня Турнъ-и-Таксисъ, графиня Бернсторфъ, принцесса Гессенъ-Филипсталь съ ея величественною и строгою красотою, графиня Тереза Апоньи, стройная и высокая, съ живыми, выразительными глазами, княгини Сапѣга и Лихтенштейнъ, съ правильными и невыразимо нѣжными чертами лица, графиня Когари, княгини Естергази и Багратіонъ, дочери ад-

1) Comte de-la Garde. Тамъ же читаемъ: «Въ этихъ залахъ я встрѣчалъ всѣхъ тѣхъ лицъ, съ которыми познакомился я въ теченіе моихъ долгихъ странствованій отъ Неаполя до Петербурга, отъ Стокгольма до Константинополя. Какое разнообразіе костюмовъ и языковъ! Мнѣ казалось, что я попалъ на всенародный базаръ. Увѣряю, что я испытывалъ такое упоеніе, какъ будто я въ первый разъ попалъ на маскированный балъ. Эта непрерывающаяся музыка, эта таинственная откровенность, эти интриги, окружавшія меня, это всеобщее инкогнито, эта необузданная и безмѣрная веселость, это стеченіе обстоятельствъ и искушеній, однимъ словомъ, волшебство всей этой картины, вскружили мнѣ голову. Да и болѣе старыя и болѣе крѣпкія головы не устояли бы противъ такого очарованія». Т. I, стр. 38—39.

2) Comte de-la Garde, стр. 283—284.

мирала Сиднея-Смита, передъ поразительною красотою которыхъ преклонялась вся Вѣна, и графиня Замойская, урожденная Чарторижская, высокая, стройная блондинка, предъ утонченною бѣлизною которой тускнѣли и мраморъ и лилея [1]).

Волшебное зрѣлище представляли всѣ эти красавицы и сотни другихъ, подобныхъ имъ, когда всѣ, усыпанныя цвѣтами и брилліантами, увлекаемыя гармоніею вальса, неслись, подобно сверкающимъ метеорамъ, въ вихрѣ вальса, или когда онѣ выступали въ живыхъ картинахъ, изображавшихъ то сцены изъ трагедій Расина, то изъ придворной жизни временъ Людовика XIV; или когда съ изяществомъ и достоинствомъ, недоступнымъ актерамъ по ремеслу, исполняли онѣ тѣ высоко-трагическія роли, созданныя геніемъ Шиллера и Расина, или являлись въ видѣ наивныхъ пастушекъ и крестьянокъ, или когда, наконецъ, одѣтыя амазонками, на стройныхъ коняхъ тѣснились онѣ вокругъ императрицы Австрійской на блестящихъ придворныхъ охотахъ, въ Лаксенбургскомъ паркѣ, гдѣ все, начиная отъ костюмовъ и обстановки и оканчивая охотниками соколами и массами убитой дичи, наноминало давно минувшее романтическое время рыцарства [2]).

[1]) Comte de-la Garde, T. I, стр. 74. См. также T. I, стр. 301, гдѣ востор-
женный французъ говоритъ: «здѣсь можно было видѣть всѣ роды красоты; княж-
на Марія Меттернихъ, графиня Батіаніи съ ихъ меланхолическимъ взглядомъ, съ
ихъ тонкою, гибкою тальею; двѣ прелестныя сестры Шварценбергъ, Елеонора и
Паулина, блиставшія молодостью и свѣжестью, княжна Яблоновская, графини Со-
фія Война и Луиза Тюркгеймъ, обѣ нѣсколько мечтательныя, графиня Юлія Цишы
съ твоею волшебною граціею и т. д.

[2]) Подробности обо всѣхъ этихъ празднествахъ см. у де-ла-Гарда. Графиня
Эдлингъ говоритъ также объ этихъ торжествахъ, хотя и не въ томъ востор-
женномъ тонѣ, какъ де-ла-Гардъ. «Les femmes de Vienne, говоритъ она между
прочимъ, sont en general fort jolies; elles charment surtout par un naturel et
un abandon, qni va quelquefois jusqu'a l'originalite. Douées d'uns ètermele jeunes-
se par leurs goùts pour le plaisir, elles brillent particulièrement dans les gran-
des réunions, grace a leur parure, leur dance et leur gaite». Неудивительно, что
веселый французъ доходилъ до самозабвенія въ обществѣ этихъ женщинъ, для ко-
торыхъ балъ былъ ихъ стихіею, которыя только и дѣлали что танцовали. Забы-
вались и не такіе люди, какъ де-ла-Гардъ. Лордъ Кестльри говорилъ мало, смѣ-
ялся еще меньше и вся его важная фигура гармонировала вполнѣ съ его поло-
женіемъ, и однакоже, этотъ самый лордъ иногда выходилъ изъ своей роли и бро-
сался къ общему удивленію въ вихръ вальса. Мемуары Эдлингъ, стр. 178—179.

На ряду съ салономъ императрицы австрійской, блистали и другія собранія, куда стекались время отъ времени государи и ихъ министры. Повинуясь внушеніямъ свыше, всѣ австрійскія знаменитости устраивали у себя въ опредѣленные дни болѣе или менѣе многочисленныя и блестящія собранія, смотря по своему положенію и по средствамъ. Такъ, по понедѣльникамъ, весь beau-monde конгресса собирался у мадамъ Меттернихъ, по четвергамъ у князя Траутмансдорфа, по субботамъ у красавицы, графини Циши. Каждая нація имѣла кромѣ того свой особый салонъ. Такъ салонъ французскій собирался у графини Едмонъ Перигоръ: у княгини Турнъ-и-Таксисъ собирался салонъ прусскій; леди Эмилія Кестльри была хозяйкою Великобританскаго салона, тогда, какъ графиня Бернсторфъ была царицею салона Датскаго. Помимо этихъ салоновъ, носившихъ на себѣ характеръ чисто дипломатическихъ салоновъ и превращавшихся иногда чуть не въ политическія конференціи, были и другія собранія, отличавшіяся чисто свѣтскимъ и въ высшей степени оживленнымъ характеромъ. Такъ на собраніяхъ у княгини Маріи Эстергази, у графини Коллоредо, у княгини Лихтенштейнъ и у графини Циши господствовали простой, веселый тонъ, роскошное гостепріимство, мелочная, трогательная предупредительность. Особенно интимнымъ задушевнымъ характеромъ отличались вечеринки у графини Фуксъ, гдѣ можно было встрѣтить на ряду съ владѣтельными нѣмецкими князьями, аристократами и аристократками всѣхъ европейскихъ странъ, и такихъ выдающихся лицъ: какъ герцогъ Дальбергъ, фельдмаршалъ Вальмоденъ, принцъ Евгеній Богарне, венгерскій магнатъ и милліонеръ, князь Павелъ Эстергази, Генцъ, генералъ Ностицъ, извѣстный публицистъ, Варнгагекъ, поэтъ Карпани, докторъ Коревъ и баронъ Омитеда, бывшій министръ бывшаго Вестфальскаго королевства. На блестящихъ вечерахъ княгини Фюрстенбергъ господствовалъ строгій, почти натянутый этикетъ. Эта высоко свѣтская дама любила собирать у себя самую высшую знать. Въ домѣ красавицы, графини Саганъ, царилъ самый утонченный вкусъ и изысканный блескъ. Графиня на ряду съ красотою отличалась

тонкимъ и возвышеннымъ умомъ. Ея сужденія принимались какъ авторитетъ. Она могла бы пользоваться большимъ вліяніемъ на дѣла, но она никогда не злоупотребляла своимъ положеніемъ [1]).

Въ числѣ иностранныхъ салоновъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ русскій салонъ, собиравшійся у княгини Багратіонъ. Эта дама являлась въ свѣтскомъ отношеніи представительницею своего отечества. Необычайная красота, изящныя и тонкія, чисто аристократическія манеры, задушевная простота, граціозное гостепріимство, отсутствіе всякой натянутости доставили ей необычайную популярность въ высшей средѣ конгресса. На ряду съ императоромъ Александромъ, королемъ Прусскимъ, Баварскимъ и другими коронованными лицами, на ряду съ представителями дипломатіи большихъ и малыхъ государствъ, тутъ можно было встрѣтить и весь цвѣтъ русской аристократіи, собравшейся въ Вѣнѣ и среди ихъ такихъ лицъ: какъ Нессельроде, Поццо-ди Борго, графъ Разумовскій, князь Волконскій и члены фамиліи Нарышкиныхъ, въ числѣ ихъ знаменитая красавица, княгиня Марія Антоновна, урожденная княжна Четвертинская [2]).

Блестящія дамы, царствовавшія въ салонахъ, и члены увеселительнаго комитета, учрежденнаго по волѣ императора австрійскаго, соперничали въ изобрѣтеніи все новыхъ и новыхъ развлеченій. На ряду съ парадными обѣдами, ужинами, балами и маскарадами, концертами и литературными собраніями, театрами, на которые приглашены были первыя знаменитости французской и нѣмецкой сцены, операми, на которыхъ подвизались первые пѣвцы и блистательнѣйшія

[1]) Подробности обо всѣхъ этихъ салонахъ см. у де-ла-Гарда, Т. I, глава VIII, стр. 183—213, и въ другихъ мѣстахъ.

[2]) De-la-Garde, T. I, стр. 185 и слѣдующія. У Васильчикова мы читаемъ: «На конгрессъ съѣхалось очень много красавицъ, которыя вмѣстѣ съ извѣстными своею любезностью и щеголеватостью вѣнскими княжнами и графинями составляли блестящій кругъ, героемъ котораго, немедленно послѣ своего пріѣзда, сдѣлался императоръ Александръ. Изъ русскихъ особенно привлекали общее вниманіе: княгиня Е. А. Суворова, рожденная Нарышнина, отецъ которой состоялъ оберъ-камергеромъ при императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ; княжна Багратіонъ, графиня Штабергъ, графиня Мусина—Пушкина и многія другія». стр. 520.

примадонны тогдашняго міра, любительскими спектаклями и живыми картинами, въ которыхъ фигурировали представители и представительницы высшаго свѣтскаго общества, устраивались еще по временамъ и особыя, чрезвычайныя увеселенія, въ родѣ грандіозныхъ лоттерей, гдѣ разыгрывались вещи, подаренныя государями и высшею знатью и гдѣ каждый кавалеръ подносилъ свой выигрышъ избранной имъ дамѣ сердца, или гигантскихъ каруселей, на устройство которыхъ затрачивались сотни тысячъ рублей, эти копіи средневѣковыхъ турнировъ, гдѣ все, начиная отъ обстановки и костюмовъ и оканчивая вооруженіями и эволюціями, переносило зрителя въ эпоху рыцарства, гдѣ изящные австрійскіе и иностранные кавалеры превращались въ феодальныхъ паладиновъ, а первыя красавицы конгресса, одѣтыя въ богатѣйшіе средневѣковые костюмы, раздавали награды счастливымъ побѣдителямъ, гдѣ глаза ослѣплялись отъ неслыханнаго блеска, гдѣ проявлялась сказочная ловкость всадниковъ и ихъ дорогихъ коней, гдѣ соединялись, однимъ словомъ, какъ въ фокусѣ, богатство, красота, роскошь, сила, ловкость и высшая свѣтская утонченность; или загородныхъ пикниковъ и колоссальныхъ охотъ, или, наконецъ, по наступленіи зимы, катаній въ золоченныхъ саняхъ въ Шенбруннъ и возвращенія оттуда съ массою всадниковъ, державшихъ въ рукахъ зажженные факелы [1]).

Совершенно особое значеніе имѣли тѣ торжества, которыя находились въ непосредственной связи съ только что пережитою великою и страшною эпохою, которыя должны были служить живымъ воспоминаніемъ о важнѣйшихъ ея моментахъ. Едва-ли не самымъ знаменитымъ и самымъ блестящимъ торжествомъ въ такомъ родѣ было празднество, устроенное 6-го октября въ годовщину великой Лейпцигской битвы народовъ. Празднество носило на себѣ, какъ и подобало, военный и въ то же время религіозный характеръ. Весь Вѣнскій гарнизонъ, въ числѣ 17,000 чел., собранъ былъ на парадъ

[1]) Подробности у де-ла-Гарда. См. также мемуары графини Эдлингъ, стр. 183—184.

въ Пратерѣ. Войска построились въ громадное, двойное карре. Въ центрѣ четырехугольника возвышался алтарь, богато украшенный знаменами и трофеями; вся земля вокругъ была усыпана травою и цвѣтами. У алтаря расположились союзные государи верхомъ на коняхъ, окруженные безчисленною и блестящею свитою. Для императрицъ, королевъ, принцессъ и знатныхъ дамъ устроены были особыя сидѣнья, обитыя бархатомъ. Сотни тысячъ народу присутствовали въ качествѣ зрителей. Престарѣлый Вѣнскій архіепископъ, окруженный всѣмъ духовенствомъ, совершалъ торжественное, благодарственное богослуженіе. Въ моментъ освященія даровъ страшный, артиллерійскій залпъ потрясъ воздухъ. Государи и принцы, императрицы, королевы, принцессы и придворныя дамы, генералы и солдаты преклонили колѣна, распростерлись въ прахъ передъ Тѣмъ, Кто держитъ въ десницѣ Своей и побѣду и пораженіе. Ихъ примѣру слѣдуютъ сотни тысячъ зрителей. Пушечный громъ умолкаетъ, водворяется глубокая, торжественная тишина. Архіепископъ, подъемля въ рукахъ великій символъ спасенія, благословляетъ войска и всѣхъ присутствующихъ. Молящіеся подымаются, стукъ и бряцанье оружія вновь наполняютъ воздухъ. Хоръ музыкантовъ начинаетъ играть гимнъ въ честь мира и сотни тысячъ голосовъ аккомпанируютъ ему. По окончаніи пѣнія войска проходятъ церемоніальнымъ маршемъ мимо государей. Великій князь Константинъ и другіе царственные шефы ѣдутъ во главѣ полковъ своего имени. Громкое ура солдатъ, радостные возгласы безчисленныхъ зрителей наполняютъ воздухъ. Послѣ молебна и парада былъ обѣдъ для солдатъ [1]), а вечеромъ у

[1]) De-la-Garde, T. I, стр. 51—56. Графиня Эдлингъ говоритъ объ этомъ праздествѣ. «Празднества слѣдовали одно за другимъ съ невѣроятною быстротою. Первое изъ нихъ было вполнѣ національное и интересное; ибо оно должно было ознаменовать годовщину Лейпцигскаго боя. Оно происходило въ Пратерѣ и сопровождалось довольно странною сценою. Происходило торжественное богослуженіе подъ открытымъ небомъ, провозглашался Te Deum, когда явился князь Шварценбергъ съ видомъ скромнаго героя дня. Тотчасъ же государи начали поздравлять его, какъ будто бы они приписывали ему въ самомъ дѣлѣ успѣхъ этого дня. Всякій считалъ своимъ долгомъ послѣдовать ихъ примѣру. Князь Шварценбергъ былъ окруженъ, подавленъ, почти задушенъ комплиментами, одинъ лживѣе

князя Меттерниха былъ балъ, на которомъ со всѣхъ сторонъ виднѣлось иллюминованное имя «Лейпцигъ», «гдѣ, замѣчаетъ очевидецъ, Меттернихъ и компанія принимали такъ мало участья» [1]).

Императоръ Александръ, съ своей стороны, желалъ также отпраздновать годовщину Лейпцигскаго боя. На другой день, послѣ парада, онъ пригласилъ на обѣдъ всѣхъ генераловъ и офицеровъ союзныхъ войскъ, принимавшихъ участіе въ Лейпцигской битвѣ. Обѣдъ происходилъ въ великолѣпномъ домѣ графа Разумовскаго, славившемся во всей Вѣнѣ своими громадными помѣщеніями, своею сказочною роскошью и богатѣйшимъ собраніемъ произведеній искусства. Приглашенныхъ на банкетъ оказалось 360 человѣкъ и не было возможности помѣстить ихъ всѣхъ ни въ одной изъ залъ дворца Разумовскаго. Пришлось обратить въ столовую большой манежъ, находившійся при домѣ. Это громадное помѣщеніе убрано было съ большимъ вкусомъ цвѣтами и знаменами союзныхъ державъ. На столахъ поставлены были военные трофеи, украшенные трехцвѣтными французскими знаменами съ наполеоновскими орлами. Между знаменами виднѣлись щиты съ именами всѣхъ тѣхъ сраженій, которыя были выиграны союзниками въ послѣднюю войну. Обѣдъ былъ, разумѣется,

другаго. То была настоящая мистификація и люди серіозные пожимали плечами, находя ее неумѣстною въ такой торжественный моментъ. Вокругъ павильона, назначеннаго для государей, накрыты были столы. За ними обѣдали солдаты, окруженные народомъ и иностранцами. Чистое и свободное веселіе господствовало въ средѣ обѣдающихъ и видъ этихъ длинныхъ столовъ, унизанныхъ сіяющими физіономіями, производилъ прелестный эффектъ. Подъ конецъ обѣда, на эстрадѣ, окружавшей павильонъ, показались государи. Императоръ Александръ, блиставшій радостью и граціею, взялъ стаканъ съ виномъ, подошелъ къ краю балкона и провозгласилъ тостъ за народъ и за армію. Этотъ внезапный порывъ благороднаго сердца, эта восхитительная фигура, каждое движеніе которой было преисполнено граціи, вызвали всеобщій энтузіазмъ. Радостные крики толпы потрясли воздухъ, тогда какъ у русскихъ показались на глазахъ слёзы горделивой радости.

[1]) Изъ письма Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову. «Замѣтимъ, что на этомъ балѣ отсутствовалъ князь Шварценбергъ, который, какъ говорятъ, не опускаетъ ни одного случая, чтобы показать свое глубокое презрѣніе къ Меттерниху». Это послѣднее сообщеніе Лонгинова крайне недостовѣрно; по крайней мѣрѣ оно прямо противорѣчитъ всему тому, что извѣстно намъ изъ другихъ источниковъ объ отношеніяхъ Меттерниха и Шварценберга.

великолѣпный и стоимость его обошлась, какъ говорили, въ 200,000 флориновъ [1]).

Еще большимъ эффектомъ, богатствомъ и великолѣпіемъ отличался балъ, данный императоромъ Александромъ также во дворцѣ Разумовскаго, 24 ноября, въ день св. великомученницы Екатерины. Государь желалъ отпраздновать достойнымъ образомъ тезоименитство своей сестры, великой княгини Екатерины Павловны и угостить на славу всѣхъ членовъ конгресса. Всѣ государи и принцы и все, что было въ Вѣнѣ великаго и знатнаго, собрались въ этотъ день въ роскошныхъ помѣщеніяхъ графа Разумовскаго. Гостей было такъ много, что опять пришлось превратить манежъ на этотъ разъ въ бальную залу. Въ концѣ манежа устроена была изящная декорація, изображавшая русскій видъ. Оперные танцоры и танцовщицы протанцовали при входѣ высочайшихъ особъ русскія пляски. Самый балъ открылся, по обыкновенію, церемоніальнымъ польскимъ. По окончаніи польскаго, княгиня В. А. Репнина и графъ Ожаровскій, одѣтые въ великолѣпные національные костюмы, протанцовали русскую пляску. Какъ костюмы, такъ и самая пляска привели въ восторгъ всѣхъ зрителей. Въ два часа ночи открылись двери въ колоссальную залу, гдѣ были сервированы для ужина 50 столовъ. Исполинскіе канделябры съ тысячами зажженныхъ свѣчей, гигантскія тропическія растенія, массы благоухащихъ цвѣтовъ придавали залѣ волшебный видъ. Самый ужинъ поражалъ своею изысканностью и невѣроятною дороговизною. «На немъ фигурировали всѣ гастрономическія рѣдкости Италіи, Германіи, Франціи, Россіи и другихъ странъ: волжскія стерляди, остендскія устрицы, перигорскія трюфли, сицилійскіе апельсины. Особенное вниманіе обращали на себя ананасы, доставленные въ громадномъ количествѣ изъ царскихъ оранжерей въ Москвѣ; клубника, привезенная изъ Англіи, виноградъ изъ Франціи, казалось, только-что сорванный съ лозъ, и что всего изумительнѣе, у каждаго прибора стояла

[1]) Письмо Лонгинова къ Воронцову, архивъ князя Воронцова, Т. XXXII, стр. 303.

тарелка, полная свѣжихъ вишень, привезенныхъ, не смотря на зимніе холода, изъ Петербурга, вишень, стоимость коихъ обходилась по рублю серебромъ за штуку.

Послѣ ужина танцы возобновились. И въ то время, когда молодежь упивалась веселіемъ, люди болѣе пожилые и солидные размѣстились за карточными столами, тогда какъ любители искусства имѣли полную возможность налюбоваться вдоволь художественными коллекціями, собранными во дворцѣ графа Разумовскаго. Да и было чѣмъ любоваться. Разумовскій истратилъ громадныя суммы на пріобрѣтеніе различныхъ мастерскихъ произведеній искусства. Въ его салонахъ можно было видѣть картины всѣхъ школъ, писанныя величайшими художниками, въ томъ числѣ Рафаэлемъ, Корреджіо, Рубенсомъ, Фань-Дикомъ. Въ его библіотекѣ, занимавшей особое отдѣльное помѣщеніе, собраны были самыя роскошныя изданія и рѣдкія, драгоцѣнныя рукописи. Въ особомъ кабинетѣ можно было любоваться миніатюрными произведеніями, вышедшими изъ подъ рѣзца замѣчательнѣйшихъ мастеровъ древности и новаго времени. Но ничто не привлекало такъ зрителя среди этого моря художественной красоты, какъ галлерея, посвященная произведеніямъ ваянія, въ числѣ коихъ красовалось не мало лучшихъ произведеній Кановы. Эта галлерея освящена была алебастровыми лампами; отражаемый свѣтъ ихъ обнаруживалъ во всей рельефности неподражаемыя красоты этихъ, какъ бы дышащихъ мраморовъ [1]).

Графъ Анд. Кир. Разумовскій, настоящій русскій магнатъ добраго стараго времени, ставилъ себѣ за высокую честь предоставлять свои роскошныя помѣщенія въ распоряженія своего обожаемаго государя. Не задумываясь, бралъ онъ въ такихъ случаяхъ на себя большую часть расходовъ. Исключительно на свой счетъ устроилъ онъ кромѣ того два блестящихъ бала. На послѣднемъ изъ этихъ баловъ танцовали для разнообразія въ малой залѣ, освѣщенной одною громадною люстрою, занимавшей почти весь потолокъ. Горѣвшія

[1]) Подробности о балѣ въ домѣ Разумовскаго см. Comte de-la Garde, T. I, стр. 441 и слѣдующія.

въ ней тысячи восковыхъ свѣчей начали таять и черное платье мужчинъ покрывалось бѣлыми пятнами. На балу присутствовалъ, между прочимъ, и престарѣлый фельдмаршалъ князь де-Линь, едва ли не самая характерная фигура на всемъ конгрессѣ. Не смотря на свои преклонные годы, князь де-Линь поражалъ всѣхъ своею необыкновенною живостью, своею утонченною внѣшностью, своимъ неистощимымъ остроуміемъ и своими, по истинѣ, рыцарскими качествами. Храбрый воинъ, первый кавалеръ въ мірѣ, поэтъ и художникъ, герой безчисленныхъ романовъ, любимецъ великой Екатерины и гуманнаго Іосифа II, собесѣдникъ Вольтера, тончайшій знатокъ изящной французской литературы XVIII столѣтія, князь де-Линь являлся на конгрессѣ блистательнѣйшимъ типомъ того добраго стараго времени, того, правда, нѣсколько пустаго, но въ то же время въ высшей степени элегантнаго общества, которое погребено было на вѣкъ ужасами французской революціи. Никто не умѣлъ соблюдать такъ всѣ правила стараго придворнаго этикета, никто не относился съ такою утонченною вѣжливостью къ великимъ міра сего, но никто не умѣлъ сохранить въ то же время такъ свое собственное достоинство, какъ онъ. Его остроты и шутки, переходившія изъ устъ въ уста, не щадили никого, не исключая и самихъ государей, но онѣ были облечены въ такую изящную форму, отличались такимъ тонкимъ букетомъ, что не могли оскорблять никого. На балѣ у Разумовскаго князь произнесъ одну изъ своихъ послѣднихъ остротъ. Увидавъ капающій воскъ и указывая въ то же время на окружавшихъ его монарховъ, онъ замѣтилъ: C'est une pluie de cire (sires) [1] (т. е. вотъ дождь воску, или государей).

Подъ веселыми и безобидными остротами князя де-Линь скрывались, однакоже, иногда и крупинки горькой правды. «Вы пріѣхали», сказалъ онъ какъ-то одному изъ своихъ молодыхъ друзей, «кстати. Вы увидите чудеса. Вся Европа со-

[1]) О князѣ де-Линь кромѣ его собственныхъ мемуаровъ см. массу пикантныхъ подробностей у де-ла-Гарда, большаго почитателя князя. Т. I, стр. 25 и сл., стр. 125 и слѣд., стр. 183, 411, 457 и вся 20-й 1-го тома.

бралась въ Вѣну. Въ ваши годы любятъ веселье, балы, наслажденія; ручаюсь, что все это вы найдете въ избыткѣ, ибо конгрессъ не подвигается впередъ, а только танцуетъ. Это настоящая царская сумятица. Со всѣхъ сторонъ кричатъ: «миръ, справедливость, равновѣсіе, вознагражденіе, легитимность, это новое слово, внесенное въ дипломатическій словарь княземъ Беневентскимъ. Кто въ состояніи разобраться въ этомъ хаосѣ, кто можетъ положить предѣлъ этому потоку притязаній? Что касается до меня, благосклоннаго и безучастнаго зрителя, то я требую только новой шляпы, ибо моя старая истрепалась, благодаря постояннымъ встрѣчамъ съ монархами. Чѣмъ же все это кончится? Я думаю, все таки общимъ и прочнымъ миромъ, на зло Робинзону Крузе [1]). Согласіе соединитъ, наконецъ, народовъ, столь много враждовавшихъ между собою: ихъ вѣнчанные представители подаютъ уже въ этомъ отношеніи примѣръ. Здѣсь совершается, по-истинѣ, небывалое дѣло: путемъ удовольствій добывается тутъ миръ» [2]).

Князь де-Линь былъ не вполнѣ правъ, возлагая такія большія надежды на конечные результаты Вѣнскаго веселья. Несомнѣнно, что конгрессъ и всѣ его великіе и малые представители занимались больше всего развлеченіями, и менѣе всего дѣлами. Въ чаду удовольствій, въ этой вѣчной погонѣ за все новыми и новыми празднествами, притуплялись умы и всѣ высшія способности души, разстраивались нервы, изнемогало самое тѣло. И, что всего хуже: эти вѣчныя торжества и развлеченія не въ силахъ были сблизить сердца и примирить противоположные интересы. Важнѣйшіе вопросы рѣшались путемъ интриги и подкупа; судьба царствъ и народовъ рѣшалась на маскарадахъ и балахъ; величайшіе умы и благороднѣйшіе характеры оказывались въ концѣ концовъ обманутыми и обойденными. Оставленные своими мнимыми друзьями, обманутые вѣроломными союзниками, они оставались побѣжден-

[1]) Такъ называлъ князь де-Линь Наполеона, находившагося въ это время на о-вѣ Эльбѣ.

[2]) Comte de-la-Garde, T. I, стр. 29—30.

ными уже потому, что не въ силахъ были бороться съ своими противниками ихъ оружіемъ.

Императоръ Александръ прибылъ на конгрессъ съ самыми возвышенными и благородными цѣлями [1]). Интересы европейскаго мира и благо народовъ стояли для него на первомъ планѣ. Онъ готовъ былъ удовлетворить законнымъ, по его мнѣнію, стремленіямъ европейскихъ народовъ къ національному единству и внутренней свободѣ. Онъ былъ непрочь содѣйствовать въ этомъ отношеніи и германскимъ, и итальянскимъ, и польскимъ патріотамъ. Проникнутый, съ одной стороны, идеями новаго либерализма, а съ другой, восторженными христіанскими порывами, Александръ намѣренъ былъ предоставить всѣмъ и каждому подобающее ему. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго притязанія противодѣйствовать законнымъ требованіямъ своихъ союзниковъ на вознагражденіе за тяжелыя утраты и жертвы, понесенныя ими въ общей борьбѣ за освобожденіе. Онъ явился въ Вѣну съ извѣстною политическою программою, и, находя, что эта программа не заключала въ себѣ ничего опаснаго, а тѣмъ менѣе угрожающаго для другихъ, былъ твердо намѣренъ настаивать на ея осуществленіи. Императоръ полагалъ, что всѣ главные, общеевропейскіе вопросы должны быть рѣшаемы на конгрессѣ тѣми великими державами, предъ соединенными усиліями которыхъ рушилось военное могущество Наполеона. Онъ считалъ не только неудобнымъ, но и не умѣстнымъ допускать къ участію въ совѣщаніяхъ представителей второстепенныхъ и третьестепенныхъ государствъ. Россія, Великобританія, Австрія, Пруссія и до извѣстной степени Испанія должны были составлять, по его идеѣ, высшій европейскій ареопагъ. Представители остальныхъ государствъ могли принимать участіе въ конференціяхъ лишь на столько, на сколько это касалось ихъ частныхъ интересовъ. Побѣжденная Франція не должна была принимать участія въ капитальномъ вопросѣ о вознагражденіяхъ. Ей не могло быть предоставлено никакого

[1]) О намѣреніяхъ и цѣляхъ императора Александра свидѣтельствуютъ инструкціи, данныя имъ русскимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ. См. Богдановичъ, Т. V, стр. 4—5, Васильчиковъ, Т. IV, ч. 2, стр. 548—557.

участія въ распредѣленіи тѣхъ территорій [1]), которыя были отторгнуты отъ нея, вслѣдствіе паденія Наполеона, и предоставлены, на основаніи Парижскаго мира, въ полное и безусловное распоряженіе союзныхъ державъ. Для рѣшенія такого сложнаго и запутаннаго вопроса, какъ вопросъ объ организаціи Германіи, Александръ находилъ наиболѣе подходящимъ учредить особый комитетъ изъ представителей нѣмецкихъ дворовъ и предоставить руководительство въ этомъ комитетѣ Австріи и Пруссіи. Рѣшенія этого комитета должны были быть представлены на усмотрѣніе великихъ державъ. Этому же усмотрѣнію должны были быть подвергнуты и такіе общеевропейскіе вопросы, какъ вопросъ греческій, или какъ вопросъ объ отмѣнѣ невольничьяго торга.

Александръ держалъ себя въ Вѣнѣ, какъ и всегда, въ высшей степени просто. По возможности, старался онъ избѣгать всякой офиціальности. Онъ выѣзжалъ и выходилъ почти всегда одинъ, безъ всякой свиты, иногда вдвоемъ съ императрицею. Больше всего онъ любилъ ходить одинъ, пѣшкомъ. Встрѣтивъ на улицѣ кого либо изъ знакомыхъ, онъ останавливалъ его, вступалъ съ нимъ въ разговоръ и иногда продолжалъ прогулку въ его обществѣ. Утромъ онъ отдавалъ визиты государямъ, принцамъ, дамамъ, или-же присутствовалъ на парадахъ и маневрахъ; по вечерамъ онъ ѣздилъ во всѣ знакомые ему дома, гдѣ любилъ проводить время въ непринужденной бесѣдѣ. Императоръ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ публичныхъ празднествахъ и увеселеніяхъ. Его утонченная вѣжливость, его красивая и изящная внѣшность, его тонкія манеры, его щедрость и деликатность, его доступность и ласковость сдѣлали его съ первыхъ же дней пріѣзда любимцемъ Вѣнской публики. Вездѣ, во всѣхъ слояхъ общества, только и говорили о немъ [2]).

[1]) Территоріи, отторгнутыя отъ Франціи, считая въ томъ числѣ королевство Саксонское и герцогство Варшавское, представляли массу земель, населенную 31.751,639 душъ. См. 1-е приложеніе къ IV тому Перца, жизнь Штейна.

[2]) Васильчиковъ, T. IV, 2 ч., стр. 519—520. Одни только мелкіе нѣмецкіе короли и князья находили, что императоръ Александръ не оказывалъ имъ подобающаго вниманія. Графиня Эдлингъ замѣчаетъ по этому поводу: «Прохожу молчаніемъ многихъ другихъ государей, пріѣхавшихъ на конгрессъ, смѣшавшихся съ

Общественная жизнь съ ея безчисленными развлеченіями и соблазнами не поглощала собою всецѣло Александра. И среди шума свѣтской жизни онъ зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ. Ничто не занимало такъ и не безпокоило государя, какъ то положеніе, которое старался занять на Вѣнскомъ конгрессѣ ловкій представитель Франціи, князь Талейранъ. Александръ не могъ не замѣтить, что изъ всѣхъ членовъ конгресса одинъ только Талейранъ явился въ Вѣну не только съ заранѣе выработанною программою, но и съ хорошо обдуманнымъ образомъ дѣйствія. Государь ни мало не сомнѣвался, что программа Талейрана идетъ прямо въ разрѣзъ всѣмъ его собственнымъ воззрѣніямъ и требованіямъ. Александръ желалъ, чтобы совѣщанія конгресса происходили въ духѣ согласія и единенія; Талейранъ явился въ Вѣну съ цѣлью поссорить союзниковъ и разрушить ту великую лигу, которая положила предѣлъ тиранскому владычеству Наполеона. Александръ находилъ, что Франція должна была довольствоваться скромною ролью побѣжденной державы; Талейранъ хотѣлъ предоставить Франціи первенствующее значеніе на конгрессѣ. Еще на пути въ Вѣну, еще до открытія конгресса ловкій интриганъ успѣлъ подготовить почву для осуществленія своихъ плановъ. Еще въ Парижѣ онъ съумѣлъ взять въ руки недальновиднаго и флегматическаго лорда Кестльри и убѣдить его, что слѣдуетъ опасаться прежде всего властолюбивыхъ замысловъ Россіи. По дорогѣ черезъ южную Германію, Талейранъ съумѣлъ склонить на свою сторону выдающихся представителей бывшаго рейнскаго союза, усилить и

толпою и игравшихъ роль крайне печальную. Достаточно было одного момента размышленія, чтобы удержать дома всѣхъ этихъ государей и дать имъ понять, какъ много потеряютъ они въ глазахъ своихъ подданныхъ, принимая на себя роль куртизановъ. Въ дѣйствительности, они и не могли играть иной роли, особенно въ присутствіи императора Русскаго. Александръ, никогда не придававшій особаго значенія этикету, показывалъ гораздо больше вниманія Швейцарскому ландаману, красивой Вѣнской дамѣ, или Евгенію Богарне, нежели всѣмъ нѣмецкимъ государямъ въ совокупности. Я не думаю одобрять въ этомъ отношеніи образъ дѣйствія императора. Безъ сомнѣнія, онъ дѣлалъ ошибку, ибо народы имѣютъ право требовать уваженія къ своимъ правителямъ. Этимъ необдуманнымъ поведеніемъ онъ нажилъ себѣ не мало враговъ. Скрывая истинную причину своей ненависти, они выдвигали впередъ тотъ страхъ, который долженъ былъ внушать всѣмъ могущество и властолюбіе Россіи». Мемуары Эдлингъ, стр. 166—167.

раздуть ихъ опасенія на счетъ замысловъ Россіи и Пруссіи и убѣдить ихъ, что лишь одна, возстановленная на основахъ легитимнаго права, Франція можетъ спасти ихъ отъ полной потери самостоятельности [1]). Въ Вѣнѣ Талейранъ выступилъ съ самаго начала, какъ покровитель всѣхъ второстепенныхъ державъ. Весь его образъ дѣйствій, его гордая осанка, апломбъ, съ которымъ выступалъ онъ повсюду, докторальный тонъ, который онъ принималъ при каждомъ удобномъ случаѣ, все указывало ясно на ту роль, которую намѣренъ былъ играть въ Вѣнѣ Талейранъ, на то значеніе, которое хотѣлъ онъ доставить Франціи на конгрессѣ. Всѣ должны были понимать, что Франція стоитъ по прежнему во главѣ Европы, и что если прежде она господствовала силою меча, то теперь она должна первенствовать надъ всѣми, какъ представительница легитимнаго права, какъ защитница всѣхъ угнетенныхъ.

Обстоятельства способствовали какъ нельзя болѣе замысламъ Талейрана. Глубокая рознь, господствовавшая между союзниками, неопытность и неумѣлость большинства уполномоченныхъ великихъ державъ, дали ему возможность сразу занять въ Вѣнѣ положеніе, въ высшей степени выдающееся. Нужно замѣтить, что Меттернихъ раздѣлялъ въ началѣ до извѣстной степени взгляды императора Александра на организацію и характеръ предстоящихъ совѣщаній. Подобно Александру, австрійскій канцлеръ не намѣренъ былъ допускать Францію къ обсужденію вопроса «о вознагражденіяхъ», т. е. о распредѣленіи тѣхъ территорій, которыя отторгнуты были отъ нея по Парижскому миру. Точно также Меттернихъ находилъ невозможнымъ приглашать къ участію въ совѣщаніяхъ представителей второстепенныхъ государствъ. Еще до пріѣзда государей Россіи и Пруссіи, канцлеръ началъ соби-

[1]) Талейранъ доносилъ Людовику въ первомъ своемъ письмѣ: «Въ Мюнхенѣ король говорилъ мнѣ о своей привязанности къ В. в—у и объ опасеніяхъ, внушаемыхъ ему честолюбіемъ Пруссіи. Онъ сказалъ мнѣ крайне милостиво и любезно: «Я служилъ Франціи 21 годъ; это не забывается. Двухчасовой разговоръ съ г. Монжеласомъ (первымъ баварскимъ министромъ) убѣдилъ меня достаточно, что мы должны слѣдовать принципамъ, положеннымъ В. В. въ основу Французской политики, и что въ такомъ случаѣ всѣ второстепенныя державы опять примкнутъ къ намъ съ полнымъ довѣріемъ». Pallain, стр. 1—2.

рать у себя, на дому, кромѣ Генца, которому было поручено веденіе протоколовъ, лорда Кестльри, князя Гарденберга и графа Нессельроде. Этотъ комитетъ представителей союзныхъ державъ долженъ былъ обсудить, по его плану, всѣ предварительные вопросы, касавшіеся организаціи конгресса, и порѣшить въ общихъ чертахъ вопросъ о вознагражденіяхъ. Меттернихъ разсчитывалъ, что всѣ его предложенія пройдутъ безпрепятственно въ этомъ комитетѣ, но разсчетъ его оказался не совсѣмъ вѣрнымъ. Лордъ Кестльри, успѣвшій сговориться съ Талейраномъ еще въ Парижѣ, объявилъ уже на первомъ совѣщаніи, что справедливость и приличіе требуютъ, чтобы Франція была допущена къ предварительному обсужденію и рѣшенію всѣхъ тѣхъ важныхъ вопросовъ, которые предлагаются теперь лишь на усмотрѣніе однѣхъ союзныхъ державъ. Меттернихъ принужденъ былъ согласиться съ мнѣніемъ Кестльри [1]) уже по той простой причинѣ, что онъ не желалъ ссориться съ первымъ представителемъ Великобританіи, содѣйствіе коего было столь необходимо ему для отпора притязаній, ожидаемыхъ имъ со стороны Россіи и Пруссіи. Вслѣдъ за тѣмъ Кестльри настоялъ, чтобы и Испанія, въ качествѣ шестой великой державы, была приглашена на эти приготовительныя совѣщанія. Тогда же былъ составленъ четырьмя уполномоченными проектъ протокола о порядкѣ совѣщаній конгресса. По этому проекту рѣшено было допускать на совѣщанія конгресса только представителей Россіи, Англіи, Пруссіи, Австріи, Франціи и Испаніи, какъ первостепенныхъ европейскихъ державъ. Предсѣдательство поручалось австрійскому канцлеру, такъ какъ конгрессъ происходилъ въ Вѣнѣ, а императоръ Францъ былъ старшій по лѣтамъ изъ всѣхъ союзныхъ государей. Уполномоченныхъ второстепенныхъ державъ положено было приглашать лишь на тѣ совѣщанія, гдѣ будутъ обсуждаться вопросы, касающіеся ихъ.

[1]) Соглашаясь съ мнѣніемъ Кестльри, Меттернихъ предполагалъ, однакоже, что роль Французскаго уполномоченнаго въ конференціи великихъ державъ должна быть чисто пассивная, что онъ можетъ только присутствовать, а не участвовать въ совѣщаніяхъ о вознагражденіяхъ. Это странное измышленіе австрійскаго канцлера не могло, разумѣется, имѣть ни малѣйшаго практическаго успѣха.

Кромѣ того предполагалось учредить особую коммиссію для обсужденія всѣхъ вопросовъ, касающихся устройства Германіи и распредѣленія германскихъ территорій [1]).

Хотя уполномоченные четырехъ державъ постановили держать въ тайнѣ свои совѣщанія, однако-же, содержаніе проекта ихъ протокола не замедлило сдѣлаться извѣстнымъ. Въ средѣ второстепенныхъ королей, князей, герцоговъ, принцевъ, а равно и безчисленныхъ дипломатовъ второстепенныхъ государствъ поднялся страшный шумъ. Всѣ они и больше всѣхъ уполномоченный Баваріи, фельдмаршалъ Вреде, вопили о нарушеніи права и громко жаловались на рѣшеніе самозванной коммиссіи. Въ этотъ-же самый моментъ прибылъ въ Вѣну князь Талейранъ, и вся компанія угнетенныхъ и обиженныхъ привѣтствовала его, какъ своего покровителя и защитника.

Талейранъ тотчасъ-же вступилъ въ свою роль и началъ играть ее съ неподражаемымъ искусствомъ. Онъ отлично зналъ всѣхъ этихъ маленькихъ государей и ихъ дипломатовъ, еще такъ недавно ползавшихъ у его ногъ и искавшихъ его ходатайства предъ великимъ императоромъ. И теперь, когда уполномоченные второстепенныхъ государствъ, съ княземъ Вреде во главѣ, явились къ нему на поклонъ и начали умолять его принять ихъ подъ свою защиту и не дозволить четыремъ союзнымъ державамъ распоряжаться, по своему произволу, ихъ судьбою, Талейранъ принялъ ихъ съ осанкою покровителя и объявилъ каждому изъ нихъ, что онъ беретъ ихъ дѣло въ свои руки, чтобы они были совершенно спокойны, такъ какъ безъ участія Франціи ни что не можетъ быть обсуждаемо, а тѣмъ менѣе рѣшаемо на конгрессѣ. Дипломаты и ихъ государи пришли въ восторгъ отъ этого заявленія Талейрана. Они не сомнѣвались ни на минуту, что ихъ высокій покровитель сдержитъ свое слово, что онъ съумѣетъ отстоять ихъ интересы на конгрессѣ. И Талейранъ не обманулъ ихъ ожиданія [2]).

[1]) Всѣ эти рѣшенія были приняты и по совѣту Штейна, предостерегавшаго однако въ особой запискѣ отъ допущенія Франціи къ участію въ обсужденіи вопроса о вознагражденіяхъ. См. Перцъ, Жизнь Штейна, стр. 110—111.

[2]) Васильчиковъ. Т. IV, часть 2, стр. 517—518; Перцъ, жизнь Штейна, Т. IV, стр. 112—114.

Утромъ, 18-го сентября, первый уполномоченный Франціи получилъ отъ австрійскаго канцлера записку, въ которой Меттернихъ приглашалъ его, только отъ своего имени, присутствовать на конференціи, въ которой будутъ участвовать подъ его предсѣдательствомъ уполномоченные Россіи, Пруссіи и Англіи. Въ заключеніе князь извѣщалъ, что онъ обратился съ такимъ же предложеніемъ къ представителю Испаніи, г-ну Лабрадору. Талейранъ тотчасъ же понялъ, что выраженія присутствовать и участвовать были употреблены канцлеромъ съ намѣреніемъ. Онъ отвѣчалъ, что онъ охотно будетъ у него съ представителями Россіи, Англіи, Пруссіи и Испаніи. Талейранъ посовѣтовалъ Лабрадору отвѣчать Меттерниху точно такимъ же образомъ. По его внушенію, уполномоченный Испаніи поставилъ въ своемъ отвѣтѣ Францію на первомъ мѣстѣ, прежде другихъ державъ. «Такъ смѣшали мы, замѣчаетъ Талейранъ, я и Лабрадоръ, то, что другіе хотѣли раздѣлить и раздѣлили то, что хотѣли соединить другіе особою связью» [1]).

Къ назначенному часу Талейранъ прибылъ къ Меттерниху. Представители четырехъ державъ сидѣли уже вокругъ длиннаго стола. На одномъ концѣ его засѣдалъ лордъ Кестльри, игравшій, казалось, роль предсѣдателя, на другомъ—Генцъ. Между Кестльри и Меттернихомъ оставлено было свободное мѣсто и Талейранъ тотчасъ же занялъ его. «Почему изъ всего французскаго посольства приглашенъ только я одинъ?» обратился онъ съ вопросомъ къ австрійскому канцлеру. «Потому, что рѣшено было соединить на подготовительныхъ конференціяхъ только однихъ главныхъ уполномоченныхъ», отвѣчалъ ему Меттернихъ. «Господинъ Лабрадоръ вовсе не первый министръ и однакоже онъ приглашенъ», замѣтилъ Талейранъ. «Онъ приглашенъ потому, что испанскій статсъ-секретарь не прибылъ въ Вѣну», возразилъ Меттернихъ. «Но кромѣ князя Гарденберга, продолжалъ Талейранъ, я вижу здѣсь еще г. Гумбольдта, который также не статсъ-секретарь». «Это необходимое исключеніе, отвѣчалъ Меттернихъ, оно сдѣлано

[1]) Pallain, письмо 3-е отъ 4-го октября, стр. 8—9.

вслѣдствіе извѣстнаго вамъ недостатка князя Гарденберга». «У каждаго есть свои недостатки», замѣтилъ язвительно Талейранъ, «и каждый имѣетъ одинаковое право ссылаться на нихъ». Замѣтивъ, что уполномоченные не прочь допустить въ конференцію и вторыхъ представителей, Талейранъ прекратилъ вызванный имъ споръ, и собраніе обратилось, наконецъ, къ обсужденію дѣловыхъ вопросовъ. Лордъ Кестльри объявилъ, что онъ получилъ заявленіе отъ уполномоченнаго Португаліи, графа Пальмеллы, въ которомъ онъ «рекламировалъ» противъ исключенія изъ подготовительной конференціи Португаліи и усматривалъ въ немъ униженіе Португальской короны. «Доказательства, приведенныя въ его заявленіи, замѣчаетъ Талейранъ, были вполнѣ основательны и прекрасно изложены». Пальмелла требовалъ, чтобы въ конференціи приняли участіе не шесть, а всѣ тѣ восемь державъ, которыя подписали парижскій трактатъ. Лордъ Кестльри и Талейранъ находили требованіе Пальмеллы вполнѣ справедливымъ, а остальные уполномоченные, допустившіе уже участіе Испаніи, не въ состояніи были возражать противъ него. Желая прекратить безполезныя пренія, Меттернихъ предложилъ отложить рѣшеніе этого вопроса до слѣдующаго засѣданія. Предложеніе было принято, но не трудно было предвидѣть, въ какомъ смыслѣ должно послѣдовать рѣшеніе. Талейранъ одержалъ свою первую побѣду. Ареопагъ четырехъ великихъ державъ превратился, благодаря ему, въ коммиссію восьми державъ, такъ какъ вслѣдъ за Португаліею должна была быть допущена и Швеція, бывшая также въ числѣ контрагентовъ парижскаго мира.

За первымъ успѣхомъ не замедлили послѣдовать и другіе. По обсужденіи заявленій Пальмеллы, Талейрану представлены были протоколы прежнихъ засѣданій конференціи. Талейранъ тотчасъ же обратилъ вниманіе собравшихся на выраженіе «союзники», встрѣчавшееся чуть не въ каждомъ параграфѣ этихъ протоколовъ. «Я не понимаю этого слова, замѣтилъ онъ, я спрашиваю, гдѣ находимся мы, въ Шомонѣ или Лаонѣ? Заключенъ уже миръ, или же продолжается еще война и противъ кого?» Уполномоченные были крайне сму-

щены этимъ неожиданнымъ оборотомъ. Они отвѣчали, что съ словомъ «союзники» они вовсе не думали соединять какого либо особаго смысла, что они избрали его просто, ради краткости. «Краткость хорошая вещь, возразилъ Талейранъ, но не слѣдуетъ злоупотреблять ею на счетъ точности» [1]).

Талейранъ продолжалъ играть импровизированную имъ комедію. Обращаясь къ содержанію протоколовъ, онъ принялъ видъ, что онъ не въ состояніи понять ихъ. Онъ прочелъ въ слухъ нѣсколько параграфовъ и замѣтилъ: «ничего не понимаю!» Онъ прочелъ ихъ еще разъ медленно, съ разстановкою, какъ бы стараясь проникнуть въ ихъ сокровенный смыслъ. «И все-таки ничего не понимаю!» сказалъ онъ. «Для меня, добавилъ онъ, существуютъ два числа, между которыми нѣтъ ничего: это 30 мая, день, въ который порѣшено было собрать конгрессъ, и 1 октября, въ которое долженъ былъ открыться онъ. Все, что произошло между этими двумя числами, мнѣ неизвѣстно и не существуетъ для меня». Перемѣняя затѣмъ тонъ, Талейранъ продолжалъ: «Мы собрались сюда для того, чтобы утвердить за каждымъ его право; было бы крайне печально, если бы мы начали съ нарушенія этихъ правъ. Предложеніе порѣшить все до собранія конгресса для меня ново; тутъ предлагаютъ закончить тѣмъ, съ чего, по моему мнѣнію, слѣдовало бы начать. Полномочіе, которое желаютъ предоставить шести державамъ, можетъ принадлежать лишь одному конгрессу. Есть кромѣ того мѣры, которыя могутъ быть приняты безотвѣтственными министрами, но на которыя не можемъ согласиться ни я, ни лордъ Кестльри». «Всѣ доводы только что приведенные вами», замѣтилъ при этихъ словахъ Талейрана Кестльри, «приходили въ голову и мнѣ. Я хорошо понимаю ихъ значеніе, но какъ же иначе поступить, чтобы не попасть въ лабиринтъ безконечныхъ

[1]) Всѣ эти подробности сообщаются однимъ Талейраномъ въ его тайномъ донесеніи королю Людовику XVIII. Сомнѣваться въ ихъ достовѣрности нѣтъ ни какого основанія. Никто не могъ сравниться съ Талейраномъ въ находчивости, ѣдкости и наглости. Быть можетъ, онъ и преувеличилъ кое-что въ своемъ донесеніи, но въ общемъ его разсказъ вполнѣ потверждается и другими свидѣтельствами.

переговоровъ?» «Но для чего-же было тогда собирать конгрессъ, если дѣло совѣщаній сопряжено съ такими трудностями», отвѣчалъ Талейранъ.— «Къ тому же всѣ эти трудности, быть можетъ, вовсе не такъ велики, какъ воображаютъ; мнѣ кажется, что можно найти средства для преодолѣнія ихъ». «Найдите какое угодно средство для избѣжанія трудности», сказалъ при этихъ словахъ Талейрана Гарденбергъ. «Но только устройте такъ, чтобы въ совѣщаніяхъ объ общихъ дѣлахъ Европы не принимали участія князь фонъ-Лейенъ и князь фонъ Лиштенштейнъ».

Конференція принимала все болѣе оживленный характеръ [1]) и Меттернихъ не нашелъ подъ конецъ лучшаго исхода, какъ закрыть ее и отложить рѣшеніе всѣхъ поднятыхъ вопросовъ до слѣдующаго засѣданія. Дипломаты разъѣхались въ полномъ убѣжденіи, что все происходившее между ними останется въ тайнѣ, но Талейранъ не замедлилъ вывести ихъ изъ этого пріятнаго заблужденія. Уже на слѣдующій день, 1 октября, онъ обратился къ представителямъ пяти державъ съ оффиціальною нотою, въ которой излагалъ, что, по его мнѣнію, восемь державъ, подписавшихъ договоръ 30 мая, въ силу этого обстоятельства и за отсутствіемъ посредника, вполнѣ правоспособны составить коммиссію, долженствующую подготовить всѣ вопросы, подлежащіе рѣшенію конгресса. Эта коммиссія можетъ предложить организацію тѣхъ комитетовъ, кои найдены будутъ необходимыми, а равно и указать имена членовъ, кои будутъ засѣдать въ нихъ, но далѣе этого не должна идти компетенція восьми державъ, ибо онѣ не составляютъ конгресса, а только часть его. Еслибы восемь державъ вздумали присвоить себѣ право, принадлежащее лишь конгрессу, то онѣ совер-

[1]) «Каждый», разсказываетъ Талейранъ, «указывалъ на ту или другую трудность, сопряженную съ немедленнымъ собраніемъ конгресса. Завязался общій разговоръ. Когда кто-то вспомнилъ при этомъ о королѣ Неаполитанскомъ, то Лабрадоръ высказалъ свое мнѣніе, безъ всякаго стѣсненія. Я съ своей стороны ограничился замѣчаніемъ: «О какомъ неаполитанскомъ королѣ идетъ здѣсь рѣчь? Такое лице намъ не извѣстно». На это г. Гумбольдтъ замѣтилъ, что нѣкоторыя державы признали его и гарантировали ему его владѣнія. Я отвѣчалъ съ твердостью и холодно: «Тѣ, которые позволили себѣ такую гарантію, не должны были, а слѣдовательно и не могли поступать такъ». Pallain, стр. 13.

шили бы этимъ узурпацію, принять участіе въ которой онъ, Талейранъ, нашелъ бы несовмѣстимымъ съ своею отвѣтственностью. Трудности, соединяющіяся съ собраніемъ конгресса, не могутъ считаться непреоборимыми; къ тому же ихъ невозможно устранить откладываніемъ конгресса. Не подлежитъ сомнѣнію, что второстепенныя державы не могутъ принимать участія въ совѣщаніяхъ объ общеевропейскихъ дѣлахъ, но онѣ вовсе не желаютъ этого, онѣ требуютъ лишь признанія своего права. «Въ силу всѣхъ приведенныхъ соображеній, я предлагаю», такъ заканчивалась нота Талейрана, «чтобы восемь державъ немедленно приступили къ подготовкѣ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію конгресса, чтобы самый конгрессъ собранъ былъ какъ можно скорѣе и чтобы на его усмотрѣніе повергнуто было все то, къ чему приведутъ совѣщанія предварительной конференціи» ... [1]).

Нота Талейрана произвела настоящій переполохъ въ средѣ представителей великихъ державъ. Гумбольдтъ назвалъ ее брандеромъ, пущеннымъ въ союзныя державы; Нессельроде усматривалъ въ ней явное намѣреніе разъединить союзниковъ, и даже лордъ Кестльри упрекалъ Талейрана, что онъ задумалъ придать своей нотѣ оффиціальный характеръ [2]). Меттернихъ чувствовалъ себя совершенно побѣжденнымъ и предпочиталъ хранить, по поводу всей этой исторіи, глубокое молчаніе. Зато всѣ представители второстепенныхъ державъ ликовали, они чувствовали, что дѣло ихъ находится въ хорошихъ рукахъ.

Императоръ Александръ былъ крайне возмущенъ неслыханною наглостью Талейрана. Негодуя на неумѣлость и трусость союзныхъ дипломатовъ, онъ рѣшился лично вмѣшаться

[1])«Я не могъ, доносилъ Талейранъ своему королю, отложить выраженіе моего взгляда до слѣдующей конференціи: сначала я составилъ мой отвѣтъ въ формѣ словесной ноты, но затѣмъ я сообразилъ, что уполномоченные четырехъ державъ составляли между собою конференціи, что они вели и подписывали при этомъ протоколы и пришелъ къ убѣжденію, что переговоры между ними и уполномоченнымъ вашего величества не должны быть бѣглыми и пустыми разговорами, что они должны быть открыты оффиціальною нотою». Pallain, стр. 14.

[2]) Упреки эти сдѣланы были, впрочемъ, въ умѣренномъ и кроткомъ тонѣ, какъ выражается самъ Талейранъ, Pallain, стр. 21, 22.

въ дѣло и дать хорошій урокъ Талейрану [1]). Представитель Франціи получилъ черезъ графа Нессельроде приглашеніе явиться на аудіенцію къ императору. «Александръ, разсказываетъ Талейранъ, принялъ меня ласково и пожалъ мнѣ руку; но выраженіе лица его не было такъ любезно, какъ всегда. Его слова были коротки, его осанка серіозна, почти торжественна».

«Прежде всего», сказалъ онъ, «какъ идутъ дѣла въ вашей странѣ?»

— Такъ хорошо, какъ только можетъ желать ваше величество, и лучше, нежли можно было надѣяться.

«Общественный духъ?»

— Онъ улучшается съ каждымъ днемъ.

«Либеральныя идеи?»

— Нигдѣ не процвѣтаютъ онѣ такъ, какъ во Франціи.

«А свобода печати?»

— Она возстанавливается съ нѣкоторыми ограниченіями, требуемыми обстоятельствами. Они будутъ устранены черезъ два года, а до тѣхъ поръ они не помѣшаютъ публиковать все, что можетъ считаться добрымъ и полезнымъ.

«А армія?»

— Она вся на сторонѣ короля. 150,000 стоятъ подъ знаменами; 300,000 присоединятся къ нимъ, по первому зову.

«Маршалы?»

— Какіе, государь?

«Удино?»

— Онъ преданъ королю.

«Сультъ?»

— Онъ былъ сначала нѣсколько не доволенъ, но ему дали намѣстничество въ Вандеѣ; онъ велъ себя тамъ превосходно и заслужилъ всеобщее уваженіе и любовь.

«А Ней?»

[1]) Понятно, что такое рѣшеніе Александра было въ сущности большою политическою ошибкою. Ему отнюдь не слѣдовало вступать въ личныя пререканія съ уполномоченнымъ Франціи, и предоставить это дѣло своимъ министрамъ. Оправданіемъ Александру можетъ служить лишь то недовѣріе, съ которымъ онъ относился, и при томъ не безъ основанія, къ своимъ дипломатамъ.

— Онъ сожалѣетъ о своихъ дотаціяхъ. Ваше Величество можете уменьшить это сожалѣніе.

«А палаты? Кажется, оппозиція начинаетъ шевелиться въ нихъ».

— Какъ вездѣ, гдѣ существуютъ совѣщательныя собранія. Расходятся въ мнѣніяхъ, но въ склонностяхъ господствуетъ полное единодушіе. Впрочемъ, во всѣхъ вопросахъ правительство всегда имѣетъ на своей сторонѣ значительное большинство.

«Однакоже, нѣтъ единодушія».

— Кто могъ сказать это Вашему Величеству. Послѣ 25 лѣтъ постояннаго переворота, положеніе короля въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ окрѣпло такъ, какъ будто онъ никогда не покидалъ страны. Можетъ ли быть лучшее доказательство, что все стремится къ одной, общей цѣли.

«Ваше личное положеніе?»

— Довѣріе и доброта короля превосходятъ мои ожиданія.

«Поговоримъ теперь о нашихъ дѣлахъ; мы должны рѣшить ихъ здѣсь».

— Это зависитъ отъ Вашего Величества. Они будутъ порѣшены скоро и счастливо, если Ваше Величество приступите къ разрѣшенію ихъ съ тѣмъ же благородствомъ и тѣмъ же величіемъ души, съ которыми порѣшили вы французскія дѣла.

«Да, но каждый долженъ получить при этомъ свою выгоду».

— И каждый свое право.

«Я удержу за собою то, что я занялъ».

— Ваше Величество пожелаете удержать лишь то, что принадлежитъ вамъ по праву.

«Я нахожусь въ соглашеніи съ великими державами».

— Не знаю, причисляете ли, Ваше Величество, къ таковымъ Францію.

«Да, разумѣется, но если вы не хотите, чтобы каждый получилъ свое право, то чего-же хотите вы здѣсь».

— Я ставлю впереди право, а затѣмъ уже выгоду.

«Выгода Европы и есть право».

— Этотъ языкъ, государь, не вашъ языкъ. Онъ чуждъ вамъ и ваше сердце порицаетъ его.

«Нѣтъ, повторяю: интересъ Европы и есть право».

При этихъ словахъ Александра, Талейранъ поворотился къ стѣнѣ, около которой онъ стоялъ, ударилъ въ нее нѣсколько разъ головою и воскликнулъ: «Европа! бѣдная Европа!» Вслѣдъ затѣмъ онъ оборотился лицемъ къ Александру. «Государь!» сказалъ онъ голосомъ, въ которомъ звучало дѣланное отчаяніе, «неужели о васъ будутъ говорить впослѣдствіи, что вы низринули насъ въ бездну».—Александръ остался непоколебимъ. «Скорѣе война», сказалъ онъ съ твердостью, «нежели отказъ отъ того, что занято мною». «Тогда», разсказываетъ Талейранъ, «я опустилъ руки и принялъ положеніе глубоко огорченнаго, но тѣмъ не менѣе рѣшившагося на все человѣка. Мое молчаніе, казалось, говорило ему: «вина падетъ не на насъ». Прошло нѣсколько моментовъ молчанія, оно было прервано Александромъ. «Да скорѣе война!» сказалъ онъ еще разъ. «Мнѣ пора идти въ театръ», добавилъ онъ болѣе мягкимъ голосомъ, «я далъ слово императору, меня ожидаютъ». Аудіенція окончилась, Талейранъ раскланялся [1]).

Итакъ, если вѣрить Талейрану, разговоръ его съ императоромъ констатировалъ лишь глубокое принципіальное различіе во взглядахъ, различіе, исключавшее, повидимому, всякую возможность соглашенія [2]). Представитель Бурбонской Франціи услышалъ теперь изъ высочайшихъ устъ все то, что было ему извѣстно изъ другихъ источниковъ. Хотя въ теченіе всего разговора не было упомянуто ни единымъ словомъ ни о Польшѣ, ни о Саксоніи, но тѣмъ не менѣе Талейранъ услышалъ, что императоръ скорѣе рѣшится вести новую войну, нежели уступить то, что было занято имъ, т. е. герцогство Варшавское. Что-же касается до Саксоніи, то Александръ употребилъ въ разговорѣ выраженіе: измѣнники дѣлу Европы,

[1]) Pallain, стр. 15—20.

[2]) Талейранъ самъ замѣчаетъ, что онъ сообщаетъ королю лишь выдающуюся часть разговора своего съ Александромъ. Если Талейранъ счелъ такимъ образомъ удобнымъ молчать о многомъ, то кто рѣшится утверждать, что онъ передалъ остальное съ буквальною точностью.

и Талейранъ понялъ къ кому относится это выраженіе. Впрочемъ, рѣшимость русскаго государя ни мало не испугала ловкаго интригана. Онъ полагалъ, что Александръ никогда не отважится на войну въ томъ случаѣ, если онъ окажется въ положеніи изолированномъ. Поставить его въ это положеніе, лишить Россію всѣхъ ея союзниковъ, вотъ была цѣль, къ которой порѣшилъ теперь стремиться всѣми силами Талейранъ [1]).

Вторая конференція уполномоченныхъ семи державъ происходила 3-го октября. Талейранъ держалъ себя съ возрастающимъ нахальствомъ. На замѣчаніе Меттерниха, «что было-бы гораздо лучше, если бы мы сами устроили свои дѣла», онъ отвѣчалъ: «Если такъ, то я совершенно согласенъ съ вами». «Въ какомъ смыслѣ?» спросилъ Меттернихъ. «Въ самомъ простомъ», возразилъ Талейранъ, «я не буду принимать болѣе участія въ вашихъ конференціяхъ, я останусь здѣсь въ качествѣ члена конгресса и буду ожидать его открытія».— «Но какъ же можно будетъ собрать конгрессъ, если не будетъ ничего подготовлено для его совѣщаній», продолжалъ возражать Меттернихъ. «Ну, хорошо», замѣтилъ Талейранъ, «я докажу, что я вовсе не желаю создавать однѣ трудности, что я готовъ на все, что можетъ быть соглашено съ моими принципами, отказаться отъ которыхъ я не могу. Такъ какъ собраніе конгресса еще не подготовлено, такъ какъ вы желаете отложить его, то отложите его на двѣ, на три недѣли, я согласенъ, но подъ двумя условіями: во-первыхъ, назначьте теперь же день созванія, и во-вторыхъ, установите правило о допущеніи на конгрессъ. Я изложилъ это правило въ томъ видѣ, какъ предписываютъ мнѣ инструкціи Его Величества, короля моего. Оно гласитъ, что участвовать въ конгрессѣ могутъ лишь тѣ монархи, верховныя права которыхъ признаны всѣ-

[1]) «Я убѣжденъ», писалъ между прочимъ Талейранъ Людовику XVIII, «что Пруссія и Россія дѣлаютъ такъ много шуму и говорятъ съ такимъ высокомѣріемъ лишь потому, что хотятъ вывѣдать, что думаютъ другіе, и что они дважды передумаютъ прежде, нежели рѣшатся довести дѣла до крайности». Pallain, стр. 7.

ми». Уполномоченные приняли къ свѣдѣнію сообщеніе Талейрана, и конференція разошлась безъ всякаго результата [1]).

Между тѣмъ Меттернихъ рѣшился измѣнить всю свою тактику. До сихъ поръ онъ выступалъ въ качествѣ противника Талейрана, но выступалъ совершенно неискренно, частью по своей обычной нерѣшимости и легкомыслію, частью изъ опасенія оттолкнуть окончательно отъ Австріи ея союзниковъ. Теперь, убѣдившись, что Талейранъ вполнѣ раздѣляетъ его собственные взгляды на Польско-Саксонскій вопросъ и что лордъ Кестльри становится также на точку зрѣнія французскаго уполномоченнаго, онъ рѣшился сбросить маску и вступить въ соглашеніе съ Талейраномъ. Меттернихъ зналъ прекрасно, что французскій министръ, заявившій съ такою настойчивостью и апломбомъ о своихъ принципахъ, руководится во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ далеко не одними этими принципами и даже не одними интересами Франціи, а также и своими собственными личными выгодами. Австрійскому канцлеру сдѣлалось извѣстнымъ, что Талейранъ получилъ отъ Мюрата 300,000 дукатовъ и обязался поддерживать за эту сумму его права на Неаполь; что вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ такую же сумму отъ Фердинанда Сицилійскаго и далъ слово его уполномоченному добиваться въ Вѣнѣ всѣми силами сверженія Мюрата [2]). Далѣе, Меттернихъ узналъ, черезъ своихъ секретныхъ агентовъ, что французскій министръ получилъ отъ Саксонскаго короля 3 милліона флориновъ и укрѣпился съ тѣхъ поръ еще болѣе въ своихъ легитимныхъ воззрѣніяхъ на Саксонскій вопросъ [3]). Изъ всѣхъ этихъ свѣ-

[1]) Pallain, стр. 24—25.

[2]) Перцъ, жизнь Штейна, Т. IV, стр. 113, гдѣ ссылка на Савари, Мемуары, Т. 8, наилучшаго знатока во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ.

[3]) «Il (т. е. король Саксонскій) a pris un bien meilleur parti. Dans la crainte de quelque fâcheux evenement, le bon prince avait eu soin d'amasser une petite rèserve. Il en dètaché quelques millions en faveur de deux personnages forts influents à Vienne. Le clè d'or lui ouvrira les portes de son royaume, bien plus promptement que tous les protocoles du Congrès». Comte de la Garde, T. I, стр. 429. Шатобріанъ въ своихъ замогильныхъ запискахъ говоритъ, что Талейранъ получилъ отъ саксонскаго короля три милліона франковъ. «Memoires d'outre tombe, T. 6, стр. 441.

дѣній, австрійскій канцлеръ могъ вынести убѣжденіе, что если кто либо, то именно Талейранъ можетъ и долженъ поддерживать его въ Польско-Саксонскомъ вопросѣ и рѣшился вступить въ тайную сдѣлку съ французскимъ министромъ.

Сдѣлка состоялась на тайномъ совѣщаніи между Меттернихомъ и Талейраномъ [1]). Съ самаго начала разговора Меттернихъ заявилъ, что отнынѣ не должно быть болѣе рѣчи о союзникахъ, что союза болѣе не существуетъ. «Есть здѣсь люди», возразилъ Талейранъ, «которые могли бы быть союзниками, не заключая между собою формальнаго договора, единственно въ силу своихъ одинаковыхъ воззрѣній и одинаковыхъ интересовъ. Откуда берется у васъ мужество окружать ваши важнѣйшія владѣнія: Венгрію и Богемію, русскимъ поясомъ? Какъ можете вы потерпѣть, чтобы законное достояніе вашего стараго, добраго сосѣда, сосѣда, въ семейство котораго вышла замужъ одна изъ вашихъ эрцъ-герцогинь [2]), перешло въ руки вашего наслѣдственнаго врага? Удивительно, что всему этому сопротивляемся мы, а не вы». Меттернихъ возразилъ, что князь напрасно относится къ нему съ такимъ недовѣріемъ. «Какъ могу я довѣриться человѣку», отвѣчалъ Талейранъ, «облекающемуся въ тайну по отношенію къ тѣмъ, которые готовы отстаивать его дѣло какъ свое собственное? Я, съ своей стороны, чуждъ всякой таинственности; я не нуждаюсь въ ней; такова выгода того, кто ведетъ переговоры на основаніи однихъ принциповъ. Вотъ перо и бумага; напишите, что Франція ничего не требуетъ и ничего не приметъ. Я готовъ подписать ее». «Но, возразилъ Меттернихъ, и у васъ есть свое особое, исключительно вамъ принадлежащее дѣло, дѣло Неаполитанское». «Оно столько же наше, сколько и всѣхъ другихъ», отвѣчалъ Талейранъ. «Для меня это вопросъ принципа; я требую, что-

[1]) «Я получилъ отъ Меттерниха записку», доносилъ Талейранъ королю, «въ которой онъ извѣщалъ, что въ восемь часовъ будетъ конференція, но что если я прійду къ нему немного ранѣе, то онъ будетъ говорить со мною объ очень важныхъ дѣлахъ. Я пошелъ къ нему въ 7 часовъ» и т. д. Pallain, стр. 28.

[2]) Эрцъ-герцогиня Марія Терезія, сестра императора Франца, вышла за принца Антона Саксонскаго, впослѣдствіи (съ 1827 г.) короля Саксоніи.

бы въ Неаполѣ царствовалъ тотъ, кто имѣетъ на это право, и больше ничего. Этого должны требовать и всѣ другіе. Пусть лишь слѣдуютъ принципамъ, и я окажусь уступчивымъ во всемъ. Я понимаю, что Саксонскій король, въ своемъ положеніи, вынужденъ будетъ принести жертвы; я полагаю, что онъ согласится на нихъ, ибо онъ человѣкъ разумный; но я никогда не соглашусь, чтобы у него отняли всѣ его земли и отдали все Саксонское королевство Пруссіи. Точно также, я никогда не соглашусь, чтобы Люксембургъ и Майнцъ были отданы Пруссіи. Я не дозволю также, чтобы Россія распространилась за Вислу, чтобы она увеличила число своихъ подданныхъ въ Европѣ до 44 милліоновъ, чтобы она поставила своею границею Одеръ. Но если Люксембургъ будетъ предоставленъ Голландіи, Майнцъ Баваріи, если сохранены будутъ король и королевство Саксонское, и если Россія не перейдетъ черезъ Вислу, тогда я не буду имѣть никакихъ возраженій относительно этой части Европы». При этихъ словахъ, Меттернихъ схватилъ руку Талейрана. «Князь», сказалъ онъ ему, «мы стоимъ вовсе не такъ далеко другъ отъ друга, какъ вы думаете. Обѣщаюсь вамъ, что Пруссія не получитъ ни Люксембурга, ни Майнца; мы заинтересованы столь-же мало, какъ и вы, въ непомѣрномъ увеличеніи Россіи, что-же касается Саксоніи, то мы сдѣлаемъ все, что въ нашихъ силахъ, дабы сохранить, хотя часть ея». Затѣмъ Меттернихъ перешелъ къ формальному вопросу о конгрессѣ. Онъ просилъ Талейрана не настаивать на предложенномъ имъ правилѣ. «Оно можетъ всѣхъ напугать, оно неудобно и для меня въ настоящую минуту. Мюратъ сочтетъ свое дѣло потеряннымъ, какъ только его уполномоченный не будетъ допущенъ на конгрессъ, и кто можетъ сказать, куда увлечетъ его страсть. Онъ готовъ къ войнѣ въ Италіи, а мы нѣтъ». Талейранъ, довольный результатами соглашенія, обѣщался не настаивать пока на своемъ условіи [1]).

Въ тотъ же вечеръ состоялась третья конференція уполномоченныхъ. На этотъ разъ присутствовали представители

[1]) Pallain, стр. 28—30.

всѣхъ восьми державъ, подписавшихъ Парижскій договоръ. Въ качествѣ шведскаго министра былъ графъ Левенгельмъ. Меттернихъ прочелъ два проекта ноты о созваніи конгресса, проэктъ Талейрана и свой собственный. Его проектъ не заключалъ въ себѣ никакихъ правилъ о допущеніи и ограничивался тѣмъ, что назначалъ днемъ открытія конгресса 1-е ноября. Уполномоченные Россіи, Пруссіи и Швеціи согласились съ проектомъ Меттерниха. Талейранъ объявилъ, что онъ беретъ назадъ свой проектъ, но подъ условіемъ, чтобы въ австрійскій проектъ вставлена была фраза: «и открытіе конгресса воспослѣдуетъ въ согласіи съ основными постановленіями международнаго права». При этихъ словахъ поднялся страшный шумъ. Гарденбергъ всталъ съ мѣста и крикнулъ почти угрожающимъ голосомъ. «Международное право? это лишнее. Къ чему объявлять, что мы будемъ дѣйствовать на основаніи общественнаго права? Это понятно само собою, безъ всякаго объявленія». Талейранъ возразилъ, что если это понятно безъ объявленія, то будетъ еще понятнѣе съ объявленіемъ. Гумбольдтъ воскликнулъ: «къ чему тутъ общественное право». «Въ силу этого права, вы находитесь здѣсь», отвѣчалъ ему Талейранъ. Лордъ Кестльри понялъ, что дѣло можетъ зайти слишкомъ далеко и взялъ на себя роль посредника [1]). Онъ и Генцъ успѣли въ концѣ концевъ уладить дѣло. Фраза объ общественномъ правѣ была вставлена въ проектъ ноты, только не на томъ мѣстѣ, гдѣ требовалъ этого первоначально Талейранъ. Тѣмъ не менѣе побѣда, одержанная уполномоченнымъ Франціи, была полная. Присутствовавшіе не могли скрыть отъ самихъ себя фактъ понесеннаго ими

[1]) «Кестльри отвелъ меня въ сторону и спросилъ меня, окажусь ли я уступчивѣе, если въ этомъ пунктѣ желаніе мое будетъ исполнено. Въ свою очередь я спросилъ его, чего могу ожидать я отъ него въ неаполитанскомъ вопросѣ въ случаѣ моей уступчивости. Онъ обѣщалъ поддерживать меня всѣмъ своимъ вліяніемъ. «Я поговорю объ этомъ съ Меттернихомъ», добавилъ онъ, «я имѣю право имѣть объ этомъ вопросѣ свое мнѣніе». «Вы даете мнѣ ваше честное слово»? спросилъ я «да, я даю его вамъ», отвѣтилъ онъ. «А я», отвѣчалъ я ему, «даю вамъ честное слово, что я буду непреклоннымъ лишь тамъ, гдѣ дѣло будетъ идти о принципахъ». Pallain, стр. 31.

тяжелаго пораженія. Генцъ замѣтилъ во время самой конференціи: «Исторія этого вечера, господа, принадлежитъ исторіи конгресса. Не я буду разсказывать ее, ибо мнѣ запрещаетъ это мой догъ, но тѣмъ не менѣе она будетъ внесена въ нее [1].

Можно сказать, ни мало не ошибаясь, что на этой конференціи порѣшенъ былъ весь дальнѣйшій ходъ и направленіе Вѣнскихъ совѣщаній. Если до сихъ поръ можно еще было говорить о союзникахъ и противопоставлять имъ Францію; то теперь сдѣлалось очевиднымъ, что бывшая великая коалиція распалась окончательно и что на мѣсто бывшей группировки державъ сложилась совершенно новая комбинація. Побѣжденная Франція не стояла уже теперь особнякомъ; Австрія и Великобританія сблизились съ нею и намѣревались отстаивать сообща одни и тѣ-же интересы.

Настроеніе и планы трехъ державъ направлялись, главнымъ образомъ, противъ Россіи, и лишь во второй линіи противъ Пруссіи. Всѣ трое согласны были въ томъ, что слѣдуетъ противиться всѣми силами властолюбивымъ планамъ императора Александра, не дозволять Россіи распространять свои границы до Вислы и осуществлять возстановленіе Польши подъ русскимъ скипетромъ. Относительно Пруссіи взгляды трехъ кабинетовъ значительно расходились. Одинъ только Талейранъ обнаруживалъ одинаковую неуступчивость, какъ по отношенію къ Польскому, такъ и Саксонскому вопросамъ; одинъ только онъ возставалъ съ одинаковою энергіею, какъ противъ присоединенія герцогства Варшавскаго къ Россіи, такъ и противъ поглощенія Саксоніи Пруссіею. Наоборотъ, лордъ Кестльри считалъ единственнымъ серіознымъ вопросомъ, вопросъ Польскій; что же касается до Саксоніи, то онъ далекъ былъ первоначально отъ всякой мысли о сохраненіи ея независимости. Лордъ Кестльри находилъ даже полезнымъ и желательнымъ возможно большее усиленіе Пруссіи; онъ говорилъ, что необходимо создать изъ Пруссіи на-

[1]) Pallain. стр. 32.

дежный оплотъ противъ завоевательныхъ стремленій Россіи, что для достиженія этой цѣли слѣдуетъ отдать ей не только Саксонію, но и ея бывшія Польскія земли, и что необходимо вообще отклонить Пруссію во что бы то ни стало отъ Россіи и привлечь ее на сторону трехъ державъ. Намѣренія Талейрана и Кестльри отличались такимъ образомъ извѣстнаго рода прямотою, они были ясны и очевидны для всѣхъ. Совсѣмъ иное дѣло Меттернихъ. «Полный», по выраженію Штейна, «неправды», легкомысленный, не серіозный, онъ не имѣлъ въ сущности никакой серіозной политической программы. У него была лишь одна цѣль: возможно большее земельное увеличеніе Австріи на счетъ кого-бы то ни было; а единственнымъ вѣрнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли онъ считалъ ловкую интригу и возмутительный обманъ. Онъ давалъ слово Талейрану, что будетъ отстаивать Саксонскаго короля и цѣлость его владѣній, князю Гарденбергу онъ обѣщалъ всю Саксонію, подъ условіемъ, чтобы Пруссія возстала противъ властолюбивыхъ плановъ Россіи и требовала вмѣстѣ съ остальными державами раздѣла Варшавскаго герцогства, на основаніи Рейхенбергскаго договора, а императору Александру онъ сулилъ Варшавское герцогство, подъ условіемъ, чтобы Саксонія сохранила свою самостоятельность. Понятно, что такое неслыханное коварство не могло оставаться долгое время въ тайнѣ. Въ скоромъ времени князь Гарденбергъ представилъ императору Александру письменное обязательство Меттерниха уступить Пруссіи всю Саксонію, обязательство, писанное рукою самого австрійскаго канцлера. Александръ былъ внѣ себя отъ гнѣва. Онъ потребовалъ къ себѣ Меттерниха и осыпалъ его самыми горькими упреками. Въ Вѣнѣ разсказывали, что государь обошелся съ Меттернихомъ такъ рѣзко, употреблялъ въ разговорѣ съ нимъ такія выраженія, которыя были немыслимы даже по отношенію къ лакею. Когда Меттернихъ замѣтилъ, что если дѣло идетъ о возстановленіи Польши, то дѣло это можетъ быть сдѣлано такъ же хорошо Австріею, какъ и Россіею, то императоръ не только назвалъ это замѣчаніе неприличнымъ и дерзкимъ, но и выразился прямо, что во всей Австріи только одинъ Меттернихъ осмѣливается

принимать подобный, возмутительный тонъ. Дѣло дошло наконецъ до того, что Меттернихъ объявилъ Александру, что онъ будетъ просить своего императора о назначенiи вмѣсто него другаго уполномоченнаго на конгрессѣ. Меттернихъ вышелъ послѣ этого разговора изъ кабинета государя въ такомъ возбужденномъ состоянiи, въ какомъ никто не видывалъ его прежде. «Онъ», говоритъ Талейранъ, «который еще нѣсколько дней назадъ увѣрялъ, что онъ укрѣпится на времени и изберетъ своимъ оружiемъ терпѣнiе, легко можетъ потерять это послѣднее, въ томъ случаѣ, если онъ будетъ подвергнутъ еще разъ подобному же испытанiю» [1]).

Какъ бы то ни было, но всѣ честные и приличные люди въ Вѣнѣ были одинаково возмущены двуличiемъ и низостью австрiйскаго канцлера. Исключенiе составлялъ только одинъ императоръ Францъ. Въ своей ограниченности, доходившей по временамъ до тупоумiя, Францъ считалъ Меттерниха величайшимъ политикомъ въ мiрѣ, а лживость и коварство казались ему, воспитанному въ маккiавелистическихъ прiемахъ мелкихъ итальянскихъ дворовъ, необходимыми и вѣрнѣйшими орудiями дипломатическаго искусства. Тщетно пытался Александръ разубѣдить Франца на счетъ Меттерниха; тщетно старался онъ выставить ему образъ дѣйствiй канцлера въ его надлежащемъ свѣтѣ. Францъ всегда отвѣчалъ ему, что онъ довѣряетъ Меттерниху, какъ своему вѣрнѣйшему слугѣ и что онъ не намѣренъ замѣнять его кѣмъ бы то ни было другимъ. На совѣтъ Александра полагаться менѣе на министровъ и вникать въ дѣло самому, Францъ возражалъ, что онъ находитъ болѣе удобнымъ поручать веденiе дѣлъ министрамъ и что только въ такомъ случаѣ сохраняться будетъ послѣдовательность и безпристрастiе, столь необходимыя въ такихъ важныхъ переговорахъ, какъ настоящiе. «Я никогда не управляю самъ моими дѣлами», заявлялъ онъ обыкновенно въ та-

[1]) Pallain, стр. 75. Меттернихъ въ своихъ мемуарахъ не счелъ, разумѣется, нужнымъ сообщить что-нибудь объ этомъ крайне непрiятномъ для него эпизодѣ. Вмѣсто того онъ разсказываетъ странную исторiю о вызовѣ, сдѣланномъ ему со стороны Александра. См. Metternich, Memoires, т. I, стр. 326—327.

кихъ случаяхъ; «но мои министры дѣйствуютъ всегда по моимъ указаніямъ». Александръ пытался убѣдить Франца, что справедливость требуетъ удовлетворенія требованій Россіи и Пруссіи и что требованія эти никоимъ образомъ не могутъ угрожать интересамъ и безопасности Австріи. Францъ возражалъ ему на это, что его собственные подданные смотрятъ на это дѣло совершенно иначе и что они крайне обезпокоены притязаніями Россіи и Пруссіи [1]) и что онъ считаетъ своимъ долгомъ сдѣлать все для успокоенія ихъ, хорошо помня, что они никогда не покидали его, дѣлали для него все и жертвовали за него всѣмъ. На вопросъ Александра, неужели ему не извѣстны его характеръ и его правдивость и развѣ онъ не считаетъ ихъ достаточными для предупрежденія и устраненія всякихъ опасеній, Францъ отвѣчалъ, что лучшими ручательствами мира могутъ служить только однѣ хорошія границы [2]). Вообще послѣ всѣхъ подобныхъ объясненій, императоръ Александръ могъ придти только къ одному убѣжденію, что его союзникъ вполнѣ солидаренъ съ своимъ министромъ и что нѣтъ ни малѣйшей надежды преодолѣть его упорство.

Къ такимъ же отрицательнымъ результатамъ привела и вторичная попытка Александра повліять путемъ личнаго объясненія на Талейрана. Императоръ указалъ прежде всего уполномоченному Франціи на его собственную непослѣдовательность.

«Въ Парижѣ», замѣтилъ онъ ему, «вы были за возстановленіе польскаго королевства; почему же вашъ взглядъ на это дѣло такъ измѣнился теперь?»

— Мой взглядъ, государь, остался неизмѣннымъ: въ Парижѣ дѣло шло о возстановленіи всей Польши. Я желалъ

[1]) Извѣстно, что въ Австріи строго воспрещалось кому бы то ни было изъ подданныхъ высказывать свои мнѣнія или опасенія по какимъ бы то ни было политическимъ вопросамъ.

[2]) Разговоръ между императорами происходилъ, по свидѣтельству Талейрана, на обратномъ пути изъ Венгріи, куда ѣздилъ Александръ помолиться на могилѣ своей сестры. Подробности разговора были переданы Талейрану Меттернихомъ. Pallain. стр. 76.

тогда, желаю и теперь независимости Польши. Но теперь дѣло идетъ совсѣмъ о другомъ: вопросъ этотъ связанъ съ опредѣленiемъ границъ, отъ котораго зависитъ безопасность Австрiи и Пруссiи.

«Этимъ государствамъ нѣтъ надобности безпокоиться. Впрочемъ, у меня стоятъ въ герцогствѣ Варшавскомъ 200,000 ч., пусть попробуютъ прогнать меня изъ него. Я отдаю Пруссiи Саксонiю, и Австрiя согласна на это».

— Не знаю, какъ можетъ согласиться на это Австрiя. Не могу этому вѣрить, на столько противорѣчитъ это ея интересамъ. Къ тому-же, развѣ согласiе Австрiи можетъ сдѣлать Пруссiю собственникомъ того, что принадлежитъ королю Саксонскому?

«Если король Саксонскiй не отречется добровольно, его отвезутъ въ Россiю и онъ останется тамъ до конца своей жизни. Уже раньше его умеръ въ Россiи другой король».

— Позвольте, Ваше Величество, не вѣрить этому. Неужели конгрессъ собранъ для того, чтобы быть свидѣтелемъ такого насилiя?

«Какъ насилiя? Развѣ Станиславъ не отправился въ Россiю? Почему же король Саксонскiй не можетъ отправиться туда же? Одинъ изъ нихъ находится въ такомъ же положенiи, какъ и другой. На мой взглядъ, между ними нѣтъ разницы. Я полагалъ, что Францiя кое-чѣмъ обязана мнѣ. Вы все толкуете о вашихъ принципахъ; ваше общественное право не существуетъ для меня; я не знаю, что это такое. Какое значенiе могутъ имѣть для меня всѣ ваши пергаменты и договоры. Для меня есть нѣчто, что стоитъ выше всего: это мое слово. Я обѣщалъ королю прусскому Саксонiю въ тотъ моментъ, когда мы заключили съ нимъ союзъ».

— Ваше Величество обѣщали королю прусскому 9 или 10 миллiоновъ душъ; вы можете дать ихъ ему, не разрушая Саксонiю.

«Король Саксонскiй измѣнникъ».

— Государь, слово измѣнникъ никогда не должно быть прилагаемо къ какому бы то ни было королю, и въ высшей степени важно, чтобы оно никогда не прилагалось къ нему.—

Талейранъ произнесъ эти последнія слова свои съ особеннымъ удареніемъ; очевидно, онъ думалъ произвести ими сильное впечатлѣніе на Александра, но онъ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Послѣ минутнаго молчанія императоръ сказалъ съ твердостью: «Король прусскій будетъ королемъ Пруссіи и Саксоніи, точно такъ же, какъ я буду императоромъ русскимъ и королемъ польскимъ. Услуги, которыя окажетъ мнѣ въ этомъ пунктѣ Франція, послужатъ для меня мѣриломъ того, что могу я сдѣлать для нея въ другихъ, интересующихъ ее вопросахъ» [1]).

Надежды, которыя возлагалъ Александръ на какую бы то ни было уступчивость со стороны Франціи, оказались столь же обманчивыми, какъ и разсчеты на союзную вѣрность и на признательность со стороны Австріи. Столь же мало могъ полагаться императоръ на Великобританію. Не полагаясь на своихъ дипломатовъ, Александръ пытался расположить въ пользу своихъ польскихъ плановъ лорда Кестльри въ личной бесѣдѣ съ нимъ. Желая оказать особую любезность британскому министру, государь посѣтилъ его на его квартирѣ и въ продолжительномъ разговорѣ съ нимъ пытался оправдать свои намѣренія и разсѣять опасенія, возникавшія по поводу ихъ. Онъ объявилъ, что онъ не понимаетъ и не въ состояніи понять, какъ могутъ возставать Англія и Франція противъ возстановленія Польши. Такое возстановленіе явится удовлетвореніемъ общественной нравственности, оскорбленной раздѣломъ, своего рода покаяніемъ. Правда, дѣло идетъ пока не о полномъ возстановленіи Польши, но ничто не препятствуетъ возстановить и все польское королевство, если пожелаетъ того Европа. Пока подобная реставрація еще преждевременна: необходимо прежде всего подготовить къ ней страну, а для этого нельзя придумать лучшаго способа, какъ возстановивъ предварительно часть Польши въ видѣ особо организованнаго королевства. Новому государству даны будутъ

[1]) Александръ намекалъ, главнымъ образомъ, на вопросъ неаполитанскій,— которымъ крайне было заинтересовано Бурбонское правительство Франціи. Второй разговоръ Александра съ Талейраномъ, см. Pallain, стр. 64—67.

учрежденія, которыя утвердятъ въ немъ цивилизацію и принесутъ благіе плоды; отсюда, какъ изъ центра, новыя идеи распространятся на всю массу польскаго населенія и подготовятъ его къ полному возстановленію. Исполненіе его плана потребуетъ жертвъ лишь отъ него одного, такъ какъ новое королевство образовано будетъ лишь изъ тѣхъ частей Польши, на которыя даны ему безспорныя права завоеваніемъ, съ присоединеніемъ тѣхъ территорій, которыя пріобрѣтены были имъ послѣ послѣдняго раздѣла и до послѣдней войны. Никто не будетъ, такимъ образомъ, имѣть права жаловаться на приносимыя имъ жертвы; онъ одинъ съ удовольствіемъ принесетъ ихъ; онъ считаетъ дѣломъ своей совѣсти доставить утѣшеніе несчастной націи и содѣйствовать дѣлу цивилизаціи; онъ усматриваетъ въ этомъ свою честь и свою славу» [1]).

Выслушавъ длинную рѣчь императора, лордъ Кестльри представилъ съ своей стороны цѣлый рядъ возраженій. Рѣшившись перенести дѣло на чисто формальную почву, онъ изложилъ тотчасъ-же послѣ свиданія всѣ свои замѣчанія въ формѣ оффиціальнаго меморандума и препроводилъ его на другой же день Александру вмѣстѣ съ частнымъ, конфиденціальнымъ письмомъ [2]). Въ меморандумѣ Кестльри напоминалъ прежде всего Александру, что въ силу своихъ собственныхъ, неоднократно повторенныхъ заявленій, а равно и договоровъ, заключенныхъ имъ въ Калишѣ, Рейхенбахѣ и Теплицѣ, онъ обязанъ теперь дать свое согласіе на раздѣлъ герцогства Варшавскаго между Россіею, Австріею и Пруссіею. Если императоръ согласенъ въ настоящее время уступить Пруссіи только Данцигъ и небольшую полосу земли, необходимую для территоріальнаго соединенія Восточной Пруссіи съ Силезіею, если онъ желаетъ удержать въ своихъ рукахъ все остальное герцогство Варшавское съ крѣпостями и четырьмя милліонами жителей, то этимъ онъ угрожаетъ безопасности

[1]) Подробности о разговорѣ Александра съ Кестльри сообщаются Талейраномъ въ его донесеніи королю отъ 17-го окт. 1814 г. Pallain, стр. 42—43.

[2]) Меморандумъ лорда Кестльри и препроводительное письмо напечатаны въ подлинникѣ у d'Angeberg'a, стр. 283—288, стр. 280—283. Подробный анализъ мормеандума и письма см. также у Перца, Жизнь Штейна VI, стр. 169—172.

своихъ сосѣдей, Австріи и Пруссіи, лишаетъ всякаго прикрытія ихъ столицы, наводитъ смущеніе на всѣ кабинеты. Лордъ Кестльри не усматриваетъ, чтобы императоръ былъ связанъ по отношенію къ полякамъ какимъ бы то ни было нравственнымъ долгомъ. Если императоръ свободенъ отъ всякаго стремленія къ территоріальному расширенію своей державы, если онъ дѣйствительно проникнутъ необходимостью улучшить положеніе поляковъ, то для этого онъ можетъ вполнѣ удовлетвориться Русскою Польшею и той частью герцогства Варшавскаго, которая должна достаться ему на основаніи договоровъ. Для осуществленія его польскаго плана вовсе нѣтъ надобности увеличивать его владѣнія на счетъ его союзниковъ, дѣйствовать вопреки своимъ собственнымъ обязательствамъ и тѣмъ принципамъ справедливости и умѣренности, которые выдавалъ онъ такъ часто за единственные мотивы своихъ дѣйствій и которыми руководился онъ, дѣйствительно, по отношенію къ Франціи при заключеніи послѣдняго мира. Нѣтъ надобности увеличивать такимъ непомѣрнымъ и угрожающимъ образомъ его государство, и безъ того уже вполнѣ удовлетворительное для честолюбія и болѣе нежели достаточное для цѣлей мудраго правленія. Соединимо ли съ нравственнымъ долгомъ бросаться, очертя голову въ дѣло, способное вызвать страхъ и недовольство въ сосѣднихъ государствахъ и политическое броженіе въ собственныхъ владѣніяхъ? Если нравственный долгъ дѣйствительно требуетъ такого рѣшительнаго шага, какъ возстановленіе польскаго королевства, то слѣдуетъ осуществить этотъ долгъ не посредствомъ соединенія двухъ третей Польши въ рукахъ одной и безъ того уже могущественной державы, а на иномъ, болѣе широкомъ и свободномъ основаніи, т. е. дѣйствительнымъ, національнымъ освобожденіемъ поляковъ. Вся Европа отнесется съ сочувствіемъ къ такой мѣрѣ, а Австрія и Пруссія съ радостью согласятся на нее. По обычнымъ государственнымъ соображеніямъ, такая мѣра будетъ соединена съ жертвами для Россіи, но если императоръ не считаетъ возможнымъ приносить, ради нравственнаго долга, такія жертвы на счетъ своего собственнаго государства, то откуда-же беретъ онъ нравственное право со-

вершать подобные эксперименты на счетъ своихъ сосѣдей? Пока императоръ будетъ настаивать на подобныхъ требованіяхъ, невозможно будетъ предложить конгрессу какой бы то ни было планъ для возстановленія Европы. Какимъ образомъ могутъ согласиться Австрія и Пруссія съ такою мѣрою, которая лишаетъ ихъ всякой военной границы, которая находится въ такомъ противорѣчіи съ основною цѣлью парижскаго договора: положить конецъ долгимъ безпокойствамъ въ Европѣ и несчастіямъ народовъ прочнымъ миромъ, основаннымъ на справедливомъ и носящемъ въ самомъ себѣ ручательство долговременности, распредѣленіи силы между державами. Уполномоченные Англіи, Франціи, Испаніи и, безъ сомнѣнія, всѣхъ остальныхъ государствъ Европы, какъ большихъ, такъ и малыхъ, смотрятъ совершенно одинаково на это дѣло. Если императоръ будетъ настаивать на военномъ занятіи Варшавскаго герцогства, тогда прійдется объявить всѣмъ собраннымъ въ Вѣнѣ уполномоченнымъ, что образъ дѣйствій Россіи уничтожаетъ всѣ надежды на установленіе прочнаго порядка, обѣщаннаго въ Парижѣ. Пусть же императоръ еще разъ обдумаетъ серіозно всѣ эти неизбѣжныя послѣдствія своего плана.

Нѣсколько инымъ языкомъ говорилъ Кестльри въ конфиденціальномъ письмѣ, приложенномъ къ его меморандуму. Если въ меморандумѣ первый представитель Великобританіи основывалъ всѣ свои доводы на договорахъ и формальныхъ обязательствахъ, если онъ говорилъ въ немъ лишь съ точки зрѣнія интересовъ, то въ письмѣ онъ старался подѣйствовать на хорошо извѣстный ему характеръ Александра и аппелировалъ къ его высокому безпристрастію и извѣстному всему свѣту великодушію. Онъ напоминалъ императору, что онъ стоитъ теперь у заключительнаго акта того великаго дѣла, которое совершалось до сихъ поръ, главнымъ образомъ, благодаря тому духу терпимости, умѣренности, великодушія, въ которомъ велъ онъ до сихъ поръ борьбу за спокойствіе Европы. Неужели онъ думаетъ измѣнить этому духу въ тотъ моментъ, когда остается лишь увѣнчать великое дѣло? Англія причастна польскому вопросу лишь на столько, на сколько ея интересы

соприкасаются съ общими интересами Европы. Англія готова предоставить императору щедрое вознагражденіе на его польской границѣ; ея возраженія касаются лишь мѣры и способа вознагражденія. Пусть императоръ приметъ подобающій ему залогъ благодарности Европы, не предъявляя своимъ союзникамъ и сосѣдямъ требованія, несогласныя съ взаимными отношеніями независимыхъ государствъ. Англія содѣйствовала увеличенію Россіи и въ вопросѣ норвежскомъ, и при заключеніи мира съ Турками и Персіянами; если она возражаетъ теперь противъ новаго расширенія Россіи, то возражаетъ, какъ подобаетъ это союзнику. Ссылаясь затѣмъ на великодушіе государя, Кестльри заявляетъ, что исходъ конгресса зависитъ исключительно отъ того способа, съ которымъ будетъ разсматривать Александръ вопросъ, касающійся его государства. «Положеніе, которое занимаетъ въ Европѣ, Ваше Императорское Величество, даетъ вамъ возможность порѣшить къ общему счастью всѣ вопросы, если вы согласуете вашу волю съ принципами справедливости, предъ которыми должна преклониться Европа. Если-же, къ великому несчастію, Ваше Величество пренебрежете общественнымъ мнѣніемъ, то я потеряю всякую надежду на водвореніе справедливаго и прочнаго порядка въ Европѣ, и къ великому прискорбію моему, Ваше Императорское Величество сдѣлаетесь сами предметомъ опасенія, а не довѣрія, для государствъ, освобожденныхъ вами-же». Но этого не должно быть: императоръ возвысится надъ всѣми мелочными соображеніями и даруетъ Европѣ миръ, который она ожидаетъ изъ его рукъ. Такое благое дѣло соединимо и съ благосклонными намѣреніями императора по отношенію къ Польшѣ, если императоръ не ограничитъ свою верховную власть въ Польшѣ, а преобразуетъ постепенно управленіе страны. Такая мѣра, какъ предполагаемое возстановленіе Польши можетъ удовлетворить лишь честолюбіе нѣсколькихъ польскихъ магнатовъ, но народу она принесетъ гораздо менѣе свободы и счастія, нежели постепенное и незамѣтное улучшеніе административной системы. По разрѣшеніи этого вопроса, императоръ можетъ уговориться съ своими союзниками, на основаніи трактатовъ, о раздѣлѣ польскихъ земель и удержать за собою да-

же большую часть герцогства Варшавскаго подъ единственнымъ условіемъ, чтобы Австрія и Пруссія получили необходимыя имъ военныя границы.

Меморандумъ и нота Кестльри не могли не произвести на Александра самаго тяжелаго впечатлѣнія [1]). Императоръ былъ глубоко возмущенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что только вопросъ о вознагражденіи Россіи вызвалъ такія опасенія и осложненія, тогда какъ Франція, виновница всѣхъ послѣднихъ переворотовъ и войнъ, отдѣлалась такъ дешево по Парижскому миру отъ всѣхъ притязаній своихъ сосѣдей, Великобританія удержала за собою почти цѣликомъ всю колоссальную добычу, захваченную ею во время революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ, а Австрія предъявила на конгрессѣ неоспориваемыя никѣмъ требованія на богатое вознагражденіе въ Италіи и Германіи. Александръ полагалъ, что Россія имѣетъ наибольшее право на земельное вознагражденіе, какъ въ виду великихъ жертвъ, принесенныхъ ею, такъ и въ виду той первенствующей роли, которую играла она въ теченіе всей борьбы. Александръ не видѣлъ возможности получить иное вознагражденіе, кромѣ того, которое онъ намѣтилъ съ самаго начала, т. е. герцогство Варшавское. Подобное вознагражденіе удовлетворяло, по его мнѣнію, вполнѣ достоинству и интересамъ Россіи и давало ему сверхъ того возможность исполнить свои либеральныя намѣренія по отношенію къ Польшѣ, намѣренія, отказаться отъ которыхъ было для него немыслимо.

Ознакомившись съ содержаніемъ меморандума и письма Кестльри, императоръ имѣлъ второе, продолжительное совѣщаніе съ первымъ уполномоченнымъ Великобританіи. Разговоръ отличался самымъ оживленнымъ характеромъ. Александръ обнаружилъ готовность къ уступкѣ только по одному пункту. «Я не отказываюсь», сказалъ онъ между прочимъ, «отъ исполненія извѣстныхъ статей Рейхенбахскаго договора. Я отдамъ Австріи соляныя копи Велички». Что-же касается до главнаго пункта, т. е. до присоединенія герцогства Варшав-

[1]) См. Перцъ, Steins Leben, т. IV, стр 173.

скаго и Польской конституціи, то въ немъ Александръ остался, какъ и слѣдовало ожидать, непреклоннымъ [1]).

Дипломатическая кампанія была, однакоже, открыта. Нота Кестльри, ставившая во многихъ отношеніяхъ вопросъ такъ круто и рѣшительно и отличавшаяся мѣстами такимъ неделикатнымъ тономъ, требовала отвѣта и опроверженія съ Русской стороны. Но кому слѣдовало поручить редакцію отвѣта? Этотъ вопросъ сопряженъ былъ для Александра съ немалыми затрудненіями. У императора не было въ Вѣнѣ недостатка ни въ министрахъ, ни въ совѣтникахъ, но однихъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Нессельроде и Разумовскаго онъ находилъ, разумѣется, по совершенно различнымъ причинамъ, неспособными воспроизвести съ точностью и достоинствомъ его мысли и доводы, тогда какъ другіе, притомъ ближайшіе и любимѣйшіе его совѣтники, смотрѣли на Польскій вопросъ совершенно иными глазами, нежели онъ самъ, усматривали въ его польскихъ планахъ великую опасность для самой Россіи.

Въ числѣ лицъ, предостерегавшихъ императора отъ его польскихъ увлеченій, слѣдуетъ упомянуть на первомъ планѣ барона Штейна. Еще въ прежнее время Штейнъ высказывался неоднократно противъ соединенія Польскихъ земель въ одно королевство и противъ дарованія Польшѣ либеральной конституціи. Теперь, когда польскій вопросъ выступилъ на конгрессѣ въ такой обостренной формѣ, когда онъ связался съ вопросомъ о границахъ Австріи и Пруссіи, когда требованія Александра вызвали столько дѣйствительной и фальшивой тревоги, Штейнъ не счелъ возможнымъ хранить молчаніе и подалъ императору особое мнѣніе по Польскому вопросу.

«В. И. В., писалъ онъ, требуете въ Польшѣ границу, которая угрожаетъ Австріи и Пруссіи, а равно согласіе вашихъ союзниковъ на дарованіе Польшѣ конституціи.

Граница отъ Торна черезъ Калишъ на Краковъ дѣйствительно угрожаетъ Австріи и Пруссіи; по отношенію къ послѣдней она отличается кромѣ того столькими странностями и неправильностями, такою массою вдающихся въ восточную и

[1]) Перцъ, Stein's Leben, T. IV, стр. 173.

западную Пруссію угловъ, что можетъ парализовать всякую административную мѣру даже въ мирное время.

Конституція, долженствующая соединить всю Русскую Польшу подъ именемъ королевства въ особое политическое цѣлое, соединенное съ Россіею лишь одною личною уніею, разрушитъ внутреннее единство правительства, парализуетъ его ходъ, поддержитъ въ русской Польшѣ стремленіе къ независимости и разовьетъ духъ броженія и стремленіе къ отпаденію въ тѣхъ польскихъ областяхъ, которыя останутся подъ властью сосѣднихъ державъ. Такое положеніе вещей заключаетъ въ себѣ элементы несогласія между неограниченно-управляемою Россіею и свободно-конституціонною Польшею. Россія найдетъ въ этомъ различіи поводъ къ недовольству, она всегда будетъ стремиться къ превращенію единства въ подчиненіе. Польша будетъ безпокоиться о сохраненіи своихъ правъ и ея безпокойство не замедлитъ принять беззаконный и мятежный характеръ, свойственный націи. Соединеніе поведетъ, такимъ образомъ, или къ порабощенію, или къ окончательному раздѣленію, но та и другая перемѣна не можетъ совершиться безъ новыхъ потрясеній. Несомнѣнно, что подобное положеніе противорѣчитъ общему благу Европы, столь нуждающейся въ мирѣ, великодушнымъ и благодѣтельнымъ намѣреніямъ самого императора и истинному смыслу обязательствъ, въ которыя вступилъ онъ съ своими вѣрными союзниками.

Государь, очевидно, имѣетъ прежде всего въ виду обезпечить счастіе поляковъ, искупить политическую неправду, совершенную его предшественниками. Онъ руководится благородными и чистыми побужденіями, и всѣ, принимавшіе участіе въ этомъ актѣ насилія, должны способствовать ему теперь въ исправленіи его гибельныхъ послѣдствій. Вопросъ заключается лишь въ выборѣ средствъ. Возвращаясь по отношенію къ полякамъ къ принципамъ справедливости, необходимо остерегаться, чтобы не нарушить въ другихъ отношеніяхъ важнѣйшія правила государственной мудрости и нравственности.

Пусть предоставятъ русскимъ полякамъ общественныя учрежденія, гарантирующія имъ необходимое участіе въ управленіи, предохраняющія ихъ отъ притѣсненія и фальшивыхъ мѣропрі-

ятій, поддерживающія духъ общенія, открывающія поле для ихъ дѣятельности. Учрежденіе провинціальныхъ, сословныхъ представительствъ въ польскихъ областяхъ обезпечитъ полякамъ свободу личности, собственности, участіе во внутреннемъ управленіи и дастъ имъ средства развить свои нравственныя и духовныя способности. Если они не пріобрѣтутъ въ настоящій моментъ выгодъ, доставляемыхъ конституціею, то они принесутъ эту жертву великимъ интересамъ Европы, благодарности союзникамъ, освободившимъ ихъ отъ цѣпей, наложенныхъ на нихъ Наполеономъ и той великой винѣ въ своемъ собственномъ несчастіи, винѣ, заключающейся въ трехсотълѣтнемъ беззаконіи и испорченности ихъ вельможъ, имѣвшихъ своимъ послѣдствіемъ ихъ политическую смерть. Уже Стефанъ Баторій, одинъ изъ величайшихъ королей ихъ, сказалъ имъ въ XVI столѣтіи: «Поляки, вы обязаны вашимъ существованіемъ ни законамъ, ибо вы не признаете ихъ, ни правительству, ибо вы не уважаете его, вы обязаны этимъ лишь одному случаю».

Поляки долго испытывали этотъ случай или, лучше сказать, это провидѣніе, и они были покорены [1]).

Мемуаръ Штейна произвелъ на Александра непріятное впечатлѣніе. Смѣлые совѣты и предостереженія барона не поколебали его убѣжденій, а только раздражили его. Все тѣснѣе и тѣснѣе сходился онъ съ Чарторижскимъ и утверждался все болѣе въ своихъ польскихъ планахъ. Хитрый польскій магнатъ льстилъ всѣми способами государю, раздувалъ его оскорбленное самолюбіе, поддерживалъ его фантастическія иллюзіи на счетъ Польши. Чарторижскій былъ крайне недоволенъ на Штейна и показывалъ это при каждомъ удобномъ случаѣ. Встрѣтившись на придворномъ концертѣ съ барономъ, онъ сказалъ громко, обращаясь къ Анштету: «На императора ведутъ атаку со всѣхъ сторонъ: необходимо поддерживать его и защищаться» [2]). Чарторижскій дѣйствительно принялъ на

[1]) Мемуаръ Штейна напечатанъ дословно у Перца, Т. IV, стр. 164—166. Тамъ-же напечатана записка Штейна по Польскому вопросу, поданная Гарденбергу, стр. 166—168.

[2]) Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 173.

себя эту защиту. По порученію государя, онъ взялся составить отвѣтъ на меморандумъ Кестльри, причемъ въ помощники ему былъ приданъ Анштетъ. Отвѣтъ отличался, какъ и слѣдовало ожидать, возбужденнымъ характеромъ. Онъ шелъ отъ имени самого императора: «И для меня, говорилъ въ немъ Александръ, трудно было понять ваши мотивы и ихъ изложеніе. И я не въ состояніи согласить ваши дѣйствія съ чувствами, выраженными вами мнѣ, ваши первые шаги на конгрессѣ съ прежнимъ образомъ дѣйствія Великобританіи. Я избираю ту же форму, которую угодно было принять вамъ; отвѣтъ на вашъ меморандумъ содержитъ въ себѣ формальное опроверженіе записки, которая, судя по рѣшеніямъ, коими грозитъ она, можетъ быть разсматриваема, какъ актъ полуоффиціальнаго свойства; сверхъ сего, я счелъ необходимымъ высказаться въ особомъ письмѣ по поводу содержанія вашего конфиденціальнаго посланія».

Русскій меморандумъ избиралъ, подобно англійскому, своею исходною точкою калишскій договоръ. Этотъ договоръ выказалъ въ настоящемъ свѣтѣ, говорилось въ немъ, государственные и личные принципы императора; онъ явился первымъ звеномъ въ независимости европейскихъ государствъ. По уничтоженіи французскаго могущества Россія отнеслась предупредительно къ желаніямъ державъ, предложила своимъ старымъ союзникамъ возвратить все потерянное ими. Императоръ не остановился для достиженія этой цѣли ни предъ какими средствами: ни пожаръ Москвы, ни опустошеніе его городовъ и областей не могли поколебать его въ этомъ великомъ и благородномъ предпріятіи. Утвержденіе, что императоръ уклонился теперь отъ своихъ принциповъ,—неосновательно. Рейхенбахскія постановленія на счетъ раздѣла герцогства варшавскаго составляютъ лишь часть предварительнаго договора, заключеннаго на извѣстный случай. Не въ силу этого договора, а единственно вслѣдствіе исхода войны, повлекшаго за собою болѣе обширныя завоеванія, получаютъ теперь Австрія и Пруссія свои громадныя вознагражденія. Первоначальныя постановленія оказались непримѣнимыми послѣ достигнутыхъ успѣховъ. По мѣрѣ того, какъ открывались

для Австріи и Пруссіи виды на громадныя пріобрѣтенія, пріобрѣтала право и Россія настаивать на болѣе значительномъ вознагражденіи. Согласно этому, державы говорили въ Теплицкомъ трактатѣ лишь о дружественномъ соглашеніи на счетъ будущей судьбы герцогства Варшавскаго согласно этому-же, императоръ отдалъ Пруссіи Данцигъ, тотчасъ же послѣ его покоренія, и уступилъ Австріи соляныя копи въ Величкѣ и краковскія предмѣстія; согласно этому-же, императоръ готовъ уступить Пруссіи полосу земли, необходимую для связи ея провинцій, и составляющую одинъ изъ богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ округовъ герцогства. Россія отдаетъ, такимъ образомъ, четверть населенія и треть доходовъ герцогства, и всѣ ея требованія ограничиваются территоріею, населенною 2.200,000 душъ, территоріею, опустошенною къ тому-же войною, голодомъ, повальными болѣзнями и выселеніемъ. Какое значеніе имѣетъ эта территорія въ сравненіи съ пріобрѣтеніями Австріи и Пруссіи, на долю которыхъ достаются страны, благодѣтельствуемыя самою природою, надѣленныя всѣми источниками производства и богатства? Пріобрѣтенія Россіи въ Финляндіи, Бессарабіи, Персіи имѣютъ въ военномъ отношеніи значеніе лишь оборонительное. Положеніе, занимаемое герцогствомъ Варшавскимъ, не только не способствуетъ наступательнымъ цѣлямъ, а наоборотъ, въ случаѣ нападенія на Россію Австріи и Пруссіи, можетъ считаться отрѣзаннымъ. Тайное обязательство послѣдняго раздѣльнаго трактата не возстановлять имени Польскаго королевства устранено наступательною войною Австріи и Пруссіи противъ Россіи въ 1812 году. Россія вынуждена была завоевать вновь страну и теперь вопросъ идетъ о четвертомъ раздѣлѣ, для котораго не могутъ быть принимаемы во вниманіе постановленія прежнихъ договоровъ. Отъ возстановленія имени королевства Польскаго и соединенія части герцогства Варшавскаго съ Россіею нечего ожидать какой-либо опасности для Австріи и Пруссіи, такъ какъ императоръ предлагаетъ имъ обѣимъ гарантію ихъ польскихъ владѣній и такъ какъ при малѣйшемъ поводѣ къ опасенію Австрія, Пруссія, Франція, Великобританія и даже Турція могутъ соединиться противъ изолированной Россіи. Политическое равновѣсіе основы-

вается не на большемъ или меньшемъ количествѣ пространства, не на крѣпостяхъ, а на одинаковости интересовъ, направляющихъ въ моментъ опасности усилія всѣхъ къ одной цѣли. Если конгрессъ разстроится по поводу польскаго вопроса, тогда какъ ему предстоитъ рѣшить столько другихъ важныхъ дѣлъ, то не на императора падетъ упрекъ въ этомъ, онъ предъявитъ Англіи и Европѣ размѣръ своихъ требованій. Народы, видѣвшіе его впереди всѣхъ въ борьбѣ за ихъ свободу и бывшіе свидѣтелями его умѣренности, поймутъ, какая причина противостала возстановленію общаго порядка, счастія, спокойствія, за которое пролито было столько крови. Въ отношеніи же къ государямъ, его друзьямъ, его союзникамъ, его собратамъ по оружію, ничто не можетъ ослабить его дружбы; ибо она покоится на чувствахъ совершеннѣйшаго уваженія и довѣрія, съ которыми будутъ согласоваться всегда всѣ его политическія предпріятія».

Въ препроводительномъ письмѣ на имя Кестльри императоръ объявляетъ, что онъ раздѣляетъ вполнѣ мнѣнія, высказанныя лордомъ по вопросу о расширеніи Россіи; онъ выражаетъ надежду, что русскій отвѣтъ на меморандумъ долженъ разсѣять всѣ опасенія на счетъ сосѣдей Россіи и удивляется, какимъ образомъ могъ Кестльри явиться выразителемъ этихъ опасеній. «Перехожу затѣмъ къ пункту», говорится далѣе въ письмѣ, «въ коемъ вы ссылаетесь на событія, которыя никогда не изгладятся изъ моей памяти, а именно, къ тому открытому и сердечному содѣйствію, которое нашелъ я со стороны Англіи въ то время, когда я одинъ боролся со всѣмъ материкомъ, предводимымъ Наполеономъ. Извѣстно, что всегда оказываешься неправымъ, когда пытаешься напомнить кому-либо оказанныя прежде услуги. Если бы я усмотрѣлъ это намѣреніе въ вашемъ замѣчаніи, или же увидѣлъ въ немъ несправедливое подозрѣніе, что я недостаточно цѣню величіе британскаго народа и просвѣщенной и дружественной политики Великобританскаго кабинета, высказавшіяся въ теченіе войны, то я бы не отвѣчалъ вамъ ничего. Но мы совѣщаемся о будущемъ, а потому и вполнѣ естественно высказаться откровенно о прошедшемъ». Сославшись затѣмъ на свой

оффиціальный отвѣтъ, императоръ продолжаетъ: «Совмѣстимо ли съ подобными принципами утверждать, что настоящій конгрессъ является очагомъ происковъ и ненависти, поприщемъ несправедливыхъ стремленій къ могуществу? Я не позволяю себѣ обращать подобное обвиненіе противъ кого-либо изъ моихъ союзниковъ, хотя для меня было чрезвычайно странно встрѣтить его въ вашемъ письмѣ. Міру извѣстны правила, руководившія мною, отъ перехода черезъ Вислу до Сены, пусть же онъ видитъ: можетъ ли одушевлять меня или руководить какимъ-либо моимъ усиліемъ желаніе пріобрѣсти лишній милліонъ жителей, или доставить себѣ какое-либо матеріальное преимущество.

«Чистота моихъ намѣреній составляетъ мою силу; стрѣлы подозрѣнія не достигнутъ меня, милордъ. И если я твердо держусь порядка вещей, который намѣренъ я возстановить въ Польшѣ, то я поступаю такъ лишь потому, что я ношу въ моей совѣсти глубокое убѣжденіе, что мои дѣйствія клонятся не къ моей личной выгодѣ, а къ пользѣ выгоды всеобщей.

«Эта нравственная политика будетъ, быть можетъ, оцѣнена по достоинству народами, пріемлющими все безкорыстное и благодѣтельное, какую бы тѣнь ни пытались набросить на него».

Лордъ безпокоится напрасно по поводу печальной будущности государствъ, съ которыми связываетъ императора неразрывная дружба и довѣріе; при такихъ условіяхъ результатомъ совѣщаній конгресса явится почетное и успокоительное для всѣхъ упорядоченіе европейскихъ дѣлъ, не смотря на всѣ попытки возжечь недовѣріе и вражду между державами.

«Что же касается до заботы о моихъ подданныхъ и до моего долга, по отношенію къ нимъ, то это мое собственное дѣло, и лишь прямота вашихъ побужденій могла сгладить во мнѣ впечатлѣніе, вызванное первымъ чтеніемъ этого мѣста въ вашемъ письмѣ» [1]).

Раздраженіе императора, высказывавшееся такъ ясно въ этомъ письмѣ, прорывалось и при многихъ другихъ случаяхъ.

[1]) Этотъ отвѣтъ Россіи, равно какъ и препроводительное письмо, напечатаны у d'Ангеберга. См. также Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 191—195.

Штейнъ, посѣтившій въ это время Александра по дѣламъ нашелъ императора противъ обыкновенія замкнутымъ и сдержаннымъ. Поговоривъ съ барономъ объ устройствѣ Саксонскихъ дѣлъ, государь обратился затѣмъ къ нему съ такими словами:

«Вы писали мнѣ, по поводу Польши. Почему же вы, высказывавшій всегда либеральные идеи, предлагаете въ настоящемъ случаѣ нѣчто, совершенно противоположное имъ?»

«Мнѣ кажется, государь, отвѣчалъ Штейнъ, что примѣненіе принциповъ опредѣляется характеромъ самого объекта. Я опасаюсь, что эта Польша явится для васъ лишь источникомъ огорченій и непріятностей. Ей не достаетъ третьяго сословія, являющагося во всѣхъ образованныхъ странахъ хранителемъ національныхъ воззрѣній, нравовъ, богатствъ народа. Въ Польшѣ третье сословіе состоитъ изъ невѣжественной, буйной шляхты и изъ жидовъ. А между тѣмъ, что-же, какъ не недостатокъ третьяго сословія, мѣшаетъ вамъ провести ваши реформы въ Россіи».

«Это правда», замѣтилъ государь, «но въ бывшемъ герцогствѣ Варшавскомъ дѣла шли совершенно иначе».

«Не совсѣмъ хорошо, возразилъ Штейнъ. Наполеонъ держалъ ихъ въ рукахъ, онъ не позволялъ имъ выходить изъ извѣстнаго предѣла».

«И я съумѣю держать ихъ въ порядкѣ; къ тому же я еще не высказался относительно тѣхъ учрежденій, которыя я хочу дать народу, сдѣлавшему такъ много для сохраненія своей національности».

«Все соединилось противъ меня, продолжалъ императоръ. Талейранъ интригуетъ, но онъ не достигнетъ своей цѣли, возбуждая всѣхъ противъ всѣхъ. Онъ заподозриваетъ Пруссію изъ-за Саксоніи, меня изъ-за Польши, Австрію изъ-за Италіи. Онъ навлечетъ, наконецъ, на себя всеобщее недовѣріе».

Государь былъ сильно взволнованъ. Штейнъ старался успокоить его. Онъ доказывалъ, что ни одинъ изъ министровъ союзныхъ государствъ не можетъ быть въ стачкѣ съ Талейраномъ. Государь соглашался съ нимъ въ этомъ отношеніи, но объявилъ, что Меттерниху онъ не вѣритъ ни въ чемъ. «Впро-

чемъ, замѣтилъ онъ, прощаясь съ барономъ, я не теряю надежды сохранить миръ и согласіе» [1]).

Сознавая свою изолированность, негодуя на неспособность однихъ изъ своихъ совѣтниковъ и расходясь въ мнѣніяхъ съ другими, Александръ чувствовалъ въ то же время, что для успѣшной борьбы съ такими противниками, какъ Талейранъ, Меттернихъ и Кестльри, онъ нуждается въ болѣе опытныхъ, искусныхъ и безпристрастныхъ совѣтникахъ, нежели увлекающійся, страстный Чарторижскій и флегматическій Анштетъ, способный лишь на одни сарказмы и злостныя шутки. Государь вспомнилъ въ это время о двухъ своихъ дипломатахъ, отличавшихся, по его мнѣнію, способностями выдающимися. То были корсиканецъ Поццо-ди-Борго, и іонійскій грекъ, Іоаннъ Каподистрія. Оба они были чужестранцы, но оба были одинаково преданы государю и могли, повидимому, отнестись къ польскому вопросу гораздо спокойнѣе и безпристрастнѣе, нежели природные русскіе, въ родѣ Разумовскаго, или германскіе патріоты, въ родѣ Штейна. Оба они были вызваны теперь государемъ въ Вѣну и обоимъ имъ было предложено: высказать свое откровенное мнѣніе по польскому вопросу.

Къ удивленію государя, мнѣніе, представленное корсиканцемъ и злѣйшимъ врагомъ Наполеона, сходилось почти во всѣхъ пунктахъ съ мемуаромъ, представленнымъ Штейномъ. Поццо высказался одинаково рѣшительно и противъ образованія особаго Польскаго королевства, и противъ дарованія ему либеральной конституціи. Подобно Штейну, онъ указывалъ на тѣ опасности, которыя проистекутъ изъ такихъ актовъ для Австріи и Пруссіи, для Россіи и для самой Польши. При постоянномъ стремленіи поляковъ привлечь къ себѣ своихъ земляковъ, остающихся подъ властью сосѣднихъ державъ, существованіе особаго Польскаго королевства, польскаго сейма и войска, вызоветъ сильное волненіе въ польскихъ областяхъ Австріи и Пруссіи и принудитъ эти государства тѣсно соединиться другъ съ другомъ. Къ ихъ союзу примкнетъ вся остальная Европа, и Россіи придется вступить въ неравную борь-

[1]) Разговоръ Александра съ Штейномъ у Перца, т. IV, стр. 175—176.

бу. Но еще опаснѣе будутъ послѣдствія для Россіи въ иныхъ отношеніяхъ. Вся новѣйшая исторія Россіи заключается, главнымъ образомъ, въ разрушеніи Польши. Разрушеніе это имѣло своею цѣлью поставить Россію въ непосредственное общеніе съ другими европейскими народами, открыть болѣе обширное поприще для примѣненія ея могущества, ея талантовъ, для удовлетворенія ея гордости, ея страстей, ея интересовъ. Уничтожать всѣ великія послѣдствія такого дѣла, значитъ нарушать единство правленія. Императоръ Всероссійскій и король Польскій—титулы несовмѣстимые; никакой государь не можетъ соединять ихъ въ своей особѣ, не возбуждая недовольство одного изъ двухъ, или обоихъ народовъ. Необходимо удерживать во что бы то ни стало завоеванія, всѣми признанныя, завоеванія, по своей сущности и важности, безусловно необходимыя для государства. Отказываться отъ нихъ внезапно—значитъ вносить несчастныя измѣненія въ составъ и внутреннее хозяйство государства, возбуждать въ народахъ вредныя и опасныя разногласія, вызывать нравственное противодѣйствіе. Невозможно оторвать столько областей отъ имперіи, образовать изъ нихъ особое независимое на дѣлѣ государство, съ свободною конституціею, съ собственною арміею, не вызывая злоупотребленія у освобожденныхъ, недовольство у старыхъ подданныхъ. Если русскіе съ сознаніемъ своего дѣйствительнаго могущества будутъ осуждены на положеніе страдательное, тогда какъ поляки, не довольствуясь представленною имъ свободою, будутъ стремиться къ пріобрѣтенію еще большихъ правъ, то изъ всего этого проистекутъ самыя печальныя послѣдствія. Невозможно ставить на одну доску уравненіе завоеванной Польши съ завоевавшею ее Россіею—съ принятіемъ титуловъ, полученныхъ по наслѣдству австрійскимъ эрцгерцомъ королевствъ Чешскаго и Венгерскаго. Принимая титулъ короля Польскаго, императоръ откажется тѣмъ самымъ отъ завоеванныхъ областей, возобновитъ между собою и Европою преграду, вредную для Россіи. Новыя учрежденія крайне опасны для самихъ поляковъ. У поляковъ любовь къ независимости основывается не столько на любви къ отечеству, сколько на ненависти къ иноземцамъ; иначе, какъ

могли бы они торговать такъ безстыдно своею независимостію въ теченіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ? Гдѣ ручательства за ихъ мудрость и неподкупность въ будущемъ!. Если они были подготовлены къ свободной конституціи, почему же они не хлопотали о ней предъ Бонапартомъ и согласились фигурировать въ качествѣ французскаго военнаго департамента. Почему, вмѣсто того, чтобы обнаружить хотя нѣкоторое отвращеніе, когда ихъ отправляли избивать Испанцевъ, они устраивали празднества и пирушки по случаю отправки каждаго полка за Пиренеи?.. Опустошивши Мадридъ и сжегши Москву, поляки требуютъ теперь не освобожденія, а владычества. Они декламируютъ драмы по поводу своего несчастія, а между тѣмъ, участь, постигшая ихъ, ни чѣмъ не хуже участи другихъ народовъ, дѣйствовавшихъ, подобно имъ.

Такъ какъ возстановленіе польской независимости могло повести лишь къ опаснѣйшимъ осложненіямъ и истребительной войнѣ, то Поццо совѣтовалъ низвести Польскій вопросъ на степень простого вопроса о границахъ, обозначить въ договорахъ новое пріобрѣтеніе, какъ собственность Россіи, ограничить введеніе новыхъ учрежденій предѣлами вновь пріобрѣтаемой территоріи; назначить въ Варшаву особаго намѣстника, который, однакоже подобно ирландскому вице-королю, подчиненъ былъ бы центральному министерству; выбрать подчиненныхъ ему чиновниковъ, преимущественно изъ поляковъ, но назначить и нѣкоторыхъ русскихъ; прокламировать предполагаемыя реформы въ формѣ обыкновеннаго императорскаго указа, ибо въ данномъ случаѣ, когда правительство нуждается въ большой силѣ для проведенія своихъ благихъ намѣреній, всякая договорная форма можетъ лишь уменьшить его авторитетъ, не оказывая въ то же время ни малѣйшаго вліянія ни на достоинство, ни на прочность учрежденій. Поццо заканчиваетъ свой мемуаръ слѣдующими пророческими словами. «Поляки ошибаются, полагая, что ихъ благополучіе заключается въ отдѣленіи отъ Россіи; если они будутъ настаивать упорно на отдѣленіи, то добьются, наконецъ, несчастія и рабства» [1]).

[1]) Мнѣніе Поццо-ди-Борго у Перца Stein's Leben. T. IV, стр. 177—180.

Каподистрія еще до конгресса предсказывалъ государю тѣ опасности, которыя ожидаютъ Россію въ Вѣнѣ. Изъ всѣхъ великихъ державъ, говорилъ онъ еще тогда, только тѣ могутъ оказать наибольшее вліяніе и силу на конгрессѣ, которыя явятся туда безъ всякихъ требованій. Въ такомъ положеніи находятся только Франція и Англія. Не слѣдуетъ забывать также, что Англія не можетъ забыть тѣхъ громадныхъ расходовъ, которые принесла она для великой коалиціи, а Франція тѣхъ потерь, которыя понесла она вслѣдствіе своего пораженія. Между обѣими державами завязались уже дружественныя отношенія. Стоитъ вспомнить лесть, которую расточалъ Людовикъ XVIII въ Лондонѣ передъ отъѣздомъ своимъ въ Парижъ, а равно пріемъ и проводы, устроенные ему принцемъ регентомъ. Достаточно при такихъ условіяхъ какой нибудь великой державѣ сблизиться на конгрессѣ съ Англіею и Франціею, чтобы составить на конгрессѣ большинство, крайне опасное для Россіи. Есть основаніе предполагать, что Австрія примкнетъ при первомъ же удобномъ случаѣ къ западнымъ державамъ, и что Россія и Пруссія останутся въ меньшинствѣ. Таковы были предостереженія Каподистріи, но Александръ отнесся тогда къ нимъ съ недовѣріемъ. «Все это доктрина», замѣтилъ онъ графу, не безпокойтесь, я съумѣю выйти изъ затрудненій [1]).

Теперь по пріѣздѣ въ Вѣну Каподистрія получилъ полное личное удовлетвореніе. Изъ устъ самого государя услышалъ онъ, что всѣ его предположенія оправдались. Относительно Польши, Каподистрія прямо объявилъ императору, что онъ находитъ необходимымъ настаивать на присоединеніи герцогства Варшавскаго къ имперіи, но что онъ совѣтуетъ императору согласиться на нѣкоторыя уступки по отношенію къ своимъ сосѣдямъ. По вопросу о дарованіи Польшѣ отдѣльнаго устройства и либеральной конституціи, Каподистрія высказался почти въ такомъ же смыслѣ, какъ Штейнъ и Поццо-ди-Борго. Подобно имъ, и онъ находилъ, что такое мѣропріятіе можетъ

[1]) Богдановичъ, Александръ I, т. V, стр. 7.

вызвать въ Россіи недовольство и зависть, подстрекнуть въ то же время поляковъ добиваться полной независимости, и вызвать въ Европѣ опасенія и тревогу [1]).

Такое единодушіе всѣхъ его преданнѣйшихъ и способнѣйшихъ совѣтниковъ не могло остаться безъ вліянія на Александра. Государь началъ вдумываться въ свое дѣйствительно изолированное и опасное положеніе. Въ частыхъ совѣщаніяхъ съ Поццо-ди-Борго, Штейномъ, а впослѣдствіи и съ Каподистріею, онъ началъ высказывать свою готовность къ нѣкоторымъ территоріальнымъ уступкамъ, но по прежнему твердо стоялъ на своемъ намѣреніи даровать Польшѣ либеральныя учрежденія. Убѣдившись окончательно въ враждебномъ настроеніи Англіи и Франціи и въ двоедушіи Австріи, императоръ рѣшился употребить всѣ усилія, чтобы какъ возможно тѣснѣе соединиться съ Пруссіею и избѣжать такимъ образомъ полнаго изолированія Россіи. И въ отношеніяхъ къ Пруссіи можно было опасаться колебаній и охлажденія. Государю было извѣстно, что Кестльри и Меттернихъ употребляютъ всѣ усилія, чтобы склонить на свою сторону прусскихъ уполномоченныхъ. Ему доносили, что Меттернихъ вновь предлагаетъ Пруссіи всю Саксонію, но подъ условіемъ, чтобы она рѣшительно отдѣлилась отъ Россіи. Александръ хорошо зналъ податливость и недальновидность князя Гарденберга. Опасаясь, чтобы онъ не перевелъ Пруссію въ враждебный лагерь, императоръ изложилъ сначала въ разговорѣ съ Штейномъ все, что было ему извѣстно объ интригахъ Меттерниха, а затѣмъ устроилъ интимное совѣщаніе съ королемъ прусскимъ, на которомъ присутствовалъ и Гарденбергъ. Государь аппеллировалъ къ личнымъ дружественнымъ чувствамъ короля и доказалъ ему, что всѣ интриги Талейрана и Меттерниха клонятся къ тому, что бы разъединить во что бы то ни стало Россію и Пруссію. Онъ заявилъ, что Меттернихъ предлагалъ ему втайнѣ полную уступчивость по польскому вопросу, но подъ условіемъ возстановленія Саксонской независимости. Ко-

[1]) Васильчиковъ, т. IV, ч. 2. стр. 526; Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 176. О Каподистріи и его отношеніяхъ къ Александру въ Вѣнѣ см. также: Мемуары графини Эдлингъ, стр. 175 и слѣдующія.

роль былъ глубоко возмущенъ двуличіемъ австрійскаго канцлера. Онъ повторилъ императору, что Пруссія никогда не отдѣлится отъ Россіи и тутъ же повелѣлъ своему канцлеру прекратить всякіе отдѣльные переговоры съ Австріею и Англіею и дѣйствовать отнынѣ за одно съ Россіею [1]).

Гарденбергъ долженъ былъ повиноваться. Въ тотъ же день онъ сообщилъ о рѣшеніи короля министрамъ Англіи и Австріи. Онъ предпринялъ даже попытку уговорить лорда Кестльри воздержаться отъ отвѣта на русскій меморандумъ, но потерпѣлъ въ этой попыткѣ, какъ и слѣдовало ожидать, полнѣйшую неудачу [2]). Упрямый Кестльри, какъ будто нарочно, старался раздуть духъ недовѣрія и вражды между державами. Не сознавая, что онъ работаетъ лишь для тайныхъ цѣлей Талейрана и что интересы Великобританіи отнюдь не замѣшаны ни въ польскомъ, ни въ саксонскомъ вопросѣ, Кестльри представилъ свои возраженія на русскую ноту, и не задумался придать имъ тонъ во всѣхъ отношеніяхъ оскорбительный для русскаго императора. Кестльри утверждалъ между прочимъ, что Александръ провозглашаетъ новыя правила международнаго права, способныя лишь подкопать всякое взаимное довѣріе между державами. Теплицкій договоръ не могъ, по его мнѣнію, ни коимъ образомъ устранить договоръ Рейхенбахскій, а могъ только подтвердить и скрѣпить его. Никакіе военные успѣхи не могли точно также освободить Россію отъ обязательствъ, принятыхъ ею на себя. Напрасно ссылается также императоръ на свой личный характеръ. Свобода и безопасность государствъ не можетъ быть основана ни на личномъ довѣріи, ни на жизни отдѣльнаго человѣка, она нуждается въ иныхъ, болѣе прочныхъ гарантіяхъ. Ничтожныя территоріальныя уступки, предлагаемыя Александромъ въ Польшѣ Австріи и Пруссіи, не согласуются ни съ великодушіемъ императора, ни съ правилами справедливости. Россія не имѣетъ права измѣнять существующихъ договоровъ, военные успѣхи не могутъ измѣнить формальныя международныя постановленія, территоріаль-

[1]) Перцъ, Steisn's Leben, т. IV, стр. 197.
[2]) Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 197.

ное увеличеніе не можетъ быть требуемо въ возмѣщеніе военныхъ расходовъ; великія державы должны подавать примѣръ всѣмъ остальнымъ въ умѣренности и справедливости [1]).

Препирательства были такимъ образомъ въ полномъ ходу. 1-е ноября прошло, а о формальномъ открытіи конгресса не было и рѣчи. Все ограничилось учрежденіемъ нѣсколькихъ новыхъ комитетовъ, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ заниматься провѣркою полномочій, другой подготовить рѣшеніе швейцарскихъ дѣлъ, третій выработать военную организацію будущаго германскаго союза. Понятно, что дѣятельность всѣхъ этихъ комитетовъ, имѣвшая или чисто формальное, или второстепенное значеніе, не могла подвинуть ни на шагъ впередъ вопросъ объ общемъ умиротвореніи Европы. Вопросъ этотъ зависѣлъ всецѣло отъ разрѣшенія вопроса Польско-Саксонскаго, или, выражаясь иначе, отъ вопроса о вознагражденіи Россіи и Пруссіи. Вокругъ этого вопроса вращались всѣ переговоры между великими державами. Всѣ дѣйствія Россіи и Пруссіи носили на себѣ характеръ прямоты и послѣдовательности, тогда какъ ихъ противники истощались по прежнему въ двоедушіи и постыдныхъ интригахъ. Императоръ Александръ, отстаивая свои требованія, имѣлъ тѣмъ не менѣе въ виду интересы общаго согласія и мира. Въ разговорѣ съ Штейномъ, происходившемъ 20-го ноября н. с., онъ вновь заявилъ свою готовность къ уступкамъ. «Меттернихъ, да, кажется, и англичане», замѣтилъ онъ при этомъ, «стараются все запутать».—Я не думаю, возразилъ Штейнъ, чтобы англичане желали войны. Тяжести, лежащія на англійскомъ народѣ, слишкомъ велики; онѣ требуютъ уменьшенія. Вопросы, о которыхъ идетъ теперь рѣчь, не имѣютъ особаго значенія ни для Россіи, ни для Австріи. Краковъ не на столько важенъ, чтобы можно было вести изъ за него войну при теперешнихъ обстоятельствахъ. Россія можетъ обойтись и безъ него.— «Очистить Краковъ», возразилъ императоръ, было бы для меня без-

[1]) Отвѣтъ Кестльри на русскую ноту, у Перца, Stein's Leben, т. IV, стр. 198—201.

славно, разъ я занялъ его».—Если Ваше Величество, имѣя въ своемъ распоряженіи 400,000 чел., пожертвуете ради спокойствія Европы Краковомъ, то всѣ усмотрятъ въ этомъ поступкѣ доказательство вашего благородства, а не слабости. Теперешнее натянутое положеніе всеобщаго вооруженія и переговоровъ не можетъ продолжаться долго». Императоръ заявилъ, что онъ не думаетъ угрожать никому, что онъ желаетъ лишь мира, что онъ намѣренъ посвятить всю свою дальнѣйшую жизнь распространенію и поддержанію либеральныхъ идей. «Необходимо», замѣтилъ онъ въ заключеніе, «соединить всѣ три спорные вопроса относительно Польши, Саксоніи и Майнца и рѣшить ихъ на особой конференціи четырехъ великихъ державъ» [1]). Штейнъ вполнѣ одобрилъ этотъ планъ императора и всѣ усилія русско-прусской дипломатіи направлены были съ этого дня на его осуществленіе.

Прошло, однакоже, много времени въ новыхъ безплодныхъ переговорахъ, препирательствахъ и интригахъ, пока Англія и Австрія дали, наконецъ, свое согласіе на созваніе особой конференціи уполномоченныхъ четырехъ державъ. Лордъ Кестльри счелъ, однакоже, необходимымъ поставить въ извѣстность представителя Франціи о своемъ рѣшеніи. Онъ нарочно отправился къ Талейрану и въ разговорѣ съ нимъ упомянулъ о предполагаемой конференціи четырехъ державъ. Талейранъ замѣтилъ, что онъ не имѣетъ ничего противъ такой конференціи, но что онъ считаетъ ее унизительною для Англіи и для Австріи. «Выше всего», сказалъ онъ далѣе, «я ставлю законность, и нахожу, что прежде всякихъ переговоровъ, слѣдуетъ оградить законныя права Саксонскаго короля. Я, Меттернихъ и вы могли бы заключить на этотъ счетъ особую маленькую конвенцію»? «Конвенцію», возразилъ Кестльри, «такъ вы предлагаете союзъ?» «Такая конвенція», замѣтилъ Талейранъ, «можетъ быть заключена и безъ союза. Впрочемъ, можно заключить, если желаете и союзъ; я ничего не имѣю противъ него». «Но союзъ предполагаетъ войну, или можетъ

[1]) Перцъ, Stein's Leben, стр. 208—210.

повести къ ней, а мы должны сдѣлать все, чтобы избѣжать войны», отвѣчалъ Кестльри. «Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе», возразилъ Талейранъ, «должно сдѣлать все, но не жертвовать честью, справедливостью и будущностью Европы». Въ моемъ отечествѣ посмотрятъ на войну съ большимъ недовольствомъ», замѣтилъ Кестльри. «Война была бы популярна и у васъ, если бы вы поставили ей великую и истинно европейскую цѣль», сказалъ Талейранъ. «А въ чемъ заключалась бы эта цѣль?» спросилъ Кестльри. «Въ возстановленіи Польши!» воскликнулъ Талейранъ. «Пока эта цѣль не можетъ быть поставлена», замѣтилъ Кестльри послѣ минутнаго молчанія. Талейранъ понялъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко. «Все равно», замѣтилъ онъ съ своею обычною саркастическою улыбкою, «дѣло не въ названіи. Назовите наше соглашеніе, какъ угодно: нотою, конвенціею, протоколомъ, но мы должны признать право Саксонскаго короля, безразлично въ какой бы то ни было формѣ». Кестльри возразилъ: «Австрія признала оффиціально право Саксонскаго короля, вы также признали его оффиціально, и я также «громогласно» признаю ихъ. Неужели и послѣ этого, различіе между нами такъ велико, что нуждается въ томъ актѣ, на которомъ настаиваете вы». Талейранъ принужденъ былъ сдаться. Онъ объявилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ конференцій, но что онъ требуетъ, чтобы на нихъ допущенъ былъ и представитель Франціи. Кестльри былъ настолько безтактенъ, или коваренъ, что далъ ему слово требовать участія Франціи въ конференціи. Цѣль Талейрана была достигнута вполнѣ: русско-прусскій планъ отдѣльныхъ конференцій между четырьмя союзными державами былъ совершенно разстроенъ [1]).

Императоръ Александръ устранилъ въ это время Нессельроде отъ всякаго участія въ серьезныхъ переговорахъ. Уполномоченными Россіи на предположенныхъ конференціяхъ онъ назначилъ Разумовскаго и Каподистрію, тогда какъ въ качествѣ представителя Пруссіи долженъ былъ присутствовать князь Гарденбергъ. На другой же день, послѣ своего свида-

[1]) Pallain, стр. 175, 176.

нія съ Талейраномъ, лордъ Кестльри увѣдомилъ всѣхъ своихъ товарищей по конференціи, что онъ далъ Талейрану слово допустить на совѣщанія четырехъ державъ и представителя Франціи. Заявленіе лорда произвело, какъ и слѣдовало ожидать, громадную сенсацію. Одинъ только Меттернихъ п-спѣшилъ заявить свое удовольствіе по поводу одностороння го и произвольнаго поступка Кестльри, что же касается до представителей Россіи и Пруссіи, то они были внѣ себя отъ негодованія. Разумовскій, Каподистрія и Гарденбергъ упрекали Кестльри и Меттерниха, что они не только не съумѣли поддержать одно изъ главныхъ секретныхъ постановленій Парижскаго договора, въ силу котораго положено было не допускать участія Франціи въ переговорахъ, но и продолжаютъ сообщать всѣ тайны переговоровъ Талейрану. Уполномоченные Россіи и Пруссіи объявили въ заключеніе, что они ни за что не согласятся на допущеніе французскаго представителя [1]). Кестльри былъ въ большомъ затрудненіи. Ему было крайне неловко лично увѣдомлять Талейрана, и онъ предпочелъ возложить эту деликатную миссію на своего брата, лорда Стюарта. Трудно было сдѣлать болѣе неудачный выборъ. Крайне неловкій и далеко некраснорѣчивый Стюартъ, явившись къ Талейрану, сообщилъ ему съ растеряннымъ видомъ, что всѣ согласны на созваніе отдѣльной конференціи, но что участіе французскаго уполномоченнаго отклоняется. «А кто его отклоняетъ?» спросилъ Талейранъ Стюарта въ гордомъ, ироническомъ тонѣ. «Только не мой братъ», отвѣчалъ Стюартъ съ видомъ еще большей растерянности. «Но кто-же?» продолжалъ настаивать Талейранъ. «Ну, да они, союзники, пролепеталъ, наконецъ, Стюартъ». «Тогда, разсказываетъ Талейранъ, «терпѣніе мое лопнуло, и я началъ говорить съ нимъ горячо, почти страстно. Я охарактеризовалъ тотъ образъ дѣйствій, который въ правѣ были ожидать отъ лорда Кестльри, при теперешнихъ обстоятельствахъ, и Англія и Европа. Затѣмъ, я повелъ рѣчь о настоящихъ дѣй-

[1]) См. Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 263—264; Васильчиковъ, т. IV, г. 2 стр. 541.

ствіяхъ Кестльри въ Вѣнѣ, далъ понять, что они не останутся безизвѣстными въ Англіи, и что послѣдствія, могущія проистечь отсюда, не могутъ быть для него пріятны. Столь же строго отнесся я и къ лорду Стюарту за его преданность Пруссіи. Въ заключеніи я объявилъ, что если они остаются «людьми Шомона», и намѣрены продолжать и впредь свою коалиціонную политику, то Франція, охраняя свое достоинство, не намѣрена принимать дальнѣйшее участіе въ конгрессѣ. Знайте, что посольство его величества короля французскаго не останется въ Вѣнѣ ни одного дня, если только представителю Франціи не предоставленъ будетъ голосъ въ совѣщаніяхъ четырехъ державъ»[1]). Лордъ Стюартъ выслушалъ всю эту нотацію съ видомъ униженной покорности. Немедленно сообщилъ онъ своему брату объ угрозахъ Талейрана. Кестльри ничего такъ не боялся, какъ публичнаго порицанія своихъ дѣйствій въ парламентѣ; онъ считалъ Талейрана способнымъ оклеветать его въ своихъ секретныхъ депешахъ и предъ принцемъ регентомъ, и предъ министерствомъ, и предъ парламентомъ. Во что бы то ни стало, спѣшилъ онъ разсѣять собирающуюся грозу. Отъ имени Великобританіи потребовалъ онъ допущенія на конференцію уполномоченнаго Франціи, доказывая, что отказъ со стороны четырехъ державъ можетъ воспламенить всю Европу. Меттернихъ принялъ, разумѣется, его сторону. Послѣ долгихъ споровъ, Разумовскій, Каподистрія, а за ними и Гарденбергъ принуждены были, наконецъ, уступить. Кестльри поспѣшилъ извѣстить Талейрана собственноручнымъ письмомъ, что, узнавъ отъ своего брата о желаніи перваго министра Франціи, онъ тотчасъ же сообщилъ его своимъ коллегамъ и что всѣ они съ великимъ удовольствіемъ поспѣшили дать свое согласіе[2]). Талейранъ смѣялся, разумѣется, въ душѣ надъ услужливостью «благороднаго лорда».. Онъ былъ въ восторгѣ, что его неслыханное нахальство увѣнчалось такимъ блестящимъ успѣхомъ.

31-го декабря н. с. собрались, наконецъ, на первое совѣ-

[1]) Pallain, стр. 177.

[2]) Pallain, стр. 177.

щаніе представители пяти великихъ державъ. Въ качествѣ уполномоченнаго Франціи фигурировалъ, назначенный для этой цѣли Талейраномъ герцогъ Дальбергъ. Разумовскій изложилъ планъ вознагражденій, требуемыхъ Россіею и Пруссіею. По этому плану Россія отказывалась отъ Тарнопольскаго округа, пріобрѣтеннаго ею по Вѣнскому миру 1809 г., въ пользу Австріи. Кромѣ того она отдавала ей соляныя копи въ Величкѣ и подгородный районъ Кракова. Далѣе Россія изъявляла свое согласіе на присоединеніе къ Австріи Галиціи. Пруссія должна была получить герцогство Познанское и всю Саксонію. Торнъ и Краковъ объявлялись вольными городами. Королю Саксонскому предполагалось назначить владѣнія на Рейнѣ съ 700,000 жителей [1]). Уполномоченные приняли къ свѣдѣнію предложенный проектъ и положили собраться для его обсужденія черезъ два дня. Въ теченіи этихъ двухъ дней лордъ Кестльри получилъ два, въ высшей степени важныхъ для него, извѣстія. Онъ узналъ, что Англія заключила миръ съ Американскими Соединенными Штатами и получилъ предписаніе отъ принца-регента отстаивать всѣми силами независимость Саксоніи. Кестльри понялъ, что Англія можетъ говорить теперь съ своими бывшими союзниками совершенно въ иномъ тонѣ. Онъ явился на конференцію въ крайне возбужденномъ состояніи и ждалъ только случая, чтобы обрушиться на представителей Россіи и Пруссіи. Случай не замедлилъ представиться. Князь Гарденбергъ началъ поддерживать планъ вознагражденій, представленный Разумовскимъ. Онъ говорилъ съ большимъ увлеченіемъ, почти со страстью. Замѣтя, что представители Англіи, Австріи и Франціи слушаютъ его съ явнымъ недоброжелательствомъ, онъ объявилъ съ горячностью, что Пруссія будетъ отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ занятую ею Саксонію. При этихъ словахъ Гарденберга, Кестльри вспыхнулъ. Онъ объявилъ съ запальчивостью, что Англія не подчинится ничьимъ повелѣніямъ и что противъ оружія она будетъ дѣйствовать также оружіемъ [2]).

[1]) Богдановичъ, Т. V, стр. 36—37.

[2]) Pallain, стр. 186, Thiers, Histoire du Consulat et de l'Empire, T, VI, стр. 180 и слѣд.

Внѣ себя отъ гнѣва, лордъ Кестльри оставилъ засѣданіе конференціи и поспѣшилъ къ Талейрану. Онъ излилъ свое сердце передъ французскимъ министромъ и добавилъ, что Англія никогда не потерпитъ, чтобы Россія и подстрекаемая ею Пруссія осмѣливались предписывать законы всей Европѣ. Талейранъ былъ въ восторгѣ отъ несдержанныхъ выходокъ благороднаго лорда. Онъ понималъ теперь, что онъ достигъ своей цѣли и что Кестльри находится въ его рукахъ. Но по обыкновенію, онъ превосходно владѣлъ собою. Онъ принялъ на себя тонъ сочувствующаго друга и всѣми силами старался раздуть гнѣвъ и безъ того уже раздраженнаго англичанина. Онъ напомнилъ ему ихъ прежніе разговоры и замѣтилъ, что ему остается лишь повторить то, что сказано было имъ уже нѣсколько разъ прежде, а именно: достаточно двухъ или трехъ словъ, подписанныхъ Англіею, Франціею и Австріею, чтобы положить предѣлъ гордой наглости Русскихъ и Пруссаковъ. Вслѣдъ за тѣмъ Талейранъ взялъ перо и набросалъ проектъ союзной конвенціи между тремя державами. Кестльри былъ чрезвычайно доволенъ. Въ этотъ моментъ онъ забылъ даже объ общественномъ мнѣніи Англіи и объ его отвращеніи отъ всякой новой войны. Онъ ухватился за набросокъ Талейрана, какъ за якорь спасенія, взялъ его съ собою, обѣщался придать ему окончательньную форму и на слѣдующій же день зайти къ Талейрану. На другой день Кестльри явился въ назначенный часъ къ Талейрану. Онъ передалъ ему вполнѣ формулированный актъ союзнаго договора трехъ державъ и добавилъ, что Меттернихъ вполнѣ одобряетъ его редакцію. Талейранъ сознается, что онъ былъ пріятно удивленъ поспѣшностью лорда. «Я наговорилъ ему», расказываетъ онъ въ своемъ донесеніи королю Людовику XVIII: «кучу любезностей, и онъ не избалованный до сихъ поръ моими похвалами, былъ крайне польщенъ ими»[1]). Въ тотъ же вечеръ (3-го января 1815 г.) оба дипломата отправились къ австрійскому канцлеру, прочли еще разъ втроемъ пректъ договора, сдѣлали въ немъ нѣкоторыя, формальныя измѣненія и вслѣдъ

[1]) Pallain, стр. 186.

29

за тѣмъ снабдили его своими подписями. Актъ вѣроломства, неслыханный во всей новой исторіи совершился: Англія и Австрія въ тайнѣ измѣнили своимъ союзникамъ, которымъ они были обязаны всѣми своими успѣхами и спасеніемъ, и заключили секретный союзъ съ тою самою Франціею, которую они не имѣли даже права допускать къ участію въ совѣщаніяхъ великихъ державъ. Издѣваясь надъ всѣми правилами приличія, онѣ осмѣлились поставить свой союзъ подъ покровительство Пресвятой Троицы. Заручившись предварительно сами всевозможными объектами вознагражденія, они не задумались объявить главною цѣлію своего союза справедливую защиту отъ непомѣрныхъ требованій Россіи и Пруссіи. Такъ дѣйствовали представители Англіи и Австріи, руководимые безсовѣстнымъ интриганомъ, втайнѣ смѣявшимся надъ ихъ ослѣпленіемъ. А императоръ Францъ, столько разъ клявшійся въ союзной вѣрности друзьямъ своимъ Александру и Фридриху-Вильгельму, поспѣшилъ одобрить возмутительное вѣроломство своего безчестнаго и легкомысленнаго министра. Не колеблясь ни минуты, чуждый всякимъ нравственнымъ принципамъ и забывая, что онъ нарушаетъ этимъ священныя права гостепріимства, онъ скрѣпилъ въ глубокой тайнѣ своею подписью договоръ, направленный противъ его союзниковъ и гостей. Безчестная интрига восторжествовала въ тотъ самый моментъ, когда Россія и Пруссія не имѣли въ дѣйствительности ни малѣйшаго намѣренія поддерживать свои справедливыя требованія съ оружіемъ въ рукахъ, и когда, великій примиритель Европы, императоръ Александръ, руководимый самыми идеальными и возвышенными воззрѣніями, готовъ былъ трактовать всѣ международные вопросы въ духѣ истинно христіанской любви и взаимной уступчивости.

Тайный договоръ, заключенный Франціею, Австріею и Англіею, составленъ былъ въ обычныхъ дипломатическихъ выраженіяхъ той эпохи [1]). Онъ носилъ на себѣ характеръ оборонительный. Три договаривающіяся державы обязывались въ

[1]) Текстъ договора напечатанъ у Клюбера, Гагерна d'Ангеберга и въ другихъ сочиненіяхъ, касающихся Вѣнскаго конгресса.

немъ защищать и поддерживать другъ друга всѣми силами въ томъ случаѣ, если вслѣдствіе предложеній, которыя онѣ будутъ дѣлать или поддерживать вмѣстѣ, владѣнія одной изъ нихъ подвергнутся нападенію. Для достиженія этой цѣли каждая изъ трехъ державъ обязывалась держать на готовѣ 150,000 войска и выступать съ ними не позже шести недѣль послѣ перваго требованія. Англія выговорила себѣ право выставить наемное войско или уплачивать субсидіи своимъ союзникамъ. Наконецъ, всѣ договаривающіяся стороны имѣли право пригласить къ участію въ союзѣ и другія государства.

Торжество Талейрана было полное. Еще такъ недавно онъ явился въ Вѣну съ опасеніемъ играть роль, второстепенную и унизительную для достоинства Франціи, какъ великой державы. А теперь онъ стоялъ, торжествуя на развалинахъ Шомонскаго союза, являлся творцемъ новой политической комбинаціи, призванной защищать принципъ легитимности и предоставлявшей Бурбонской Франціи почетное, первенствующее положеніе между державами Европы. «Отнынѣ, государь», доносилъ онъ Людовику XVI: «коалиція разрушена и разрушена навсегда. Франція не только не изолирована болѣе въ Европѣ, но Ваше Величество располагаете теперь такою союзною системою, которую не могли бы доставить и 50 лѣтъ переговоровъ. Франція идетъ теперь въ согласіи съ двумя великими державами, съ тремя второстепенными государствами, а въ скоромъ времени вокругъ нея должны соединиться всѣ державы, слѣдующія инымъ принципамъ и правиламъ, нежели принципы и правила революціонеровъ. Она является истинною главою и душою союза, основаннаго для защиты принциповъ, впервые провозглашенныхъ ею». Кто же былъ, по мнѣнію бывшаго якобинца и разстриги, виновникомъ такихъ великихъ и спасительныхъ перемѣнъ? Во первыхъ Провидѣніе, на которое имѣлъ наглость ссылаться человѣкъ, проникнутый до мозга костей духомъ атеизма и невѣрія. Затѣмъ послѣ Бога дѣйствительными причинами счастливаго поворота были: «Письма Талейрана къ Меттерниху и Кестльри» и впечатлѣніе, произведенное ими; намеки, данные Талейраномъ Кестльри на счетъ союза съ Франціею; заботы Та-

лейрана разсѣять недовѣріе Кестльри и убѣдить его въ полнѣйшемъ безкорыстіи Франціи; миръ съ Америкою, освободившій Кестльри отъ всякихъ опасеній съ этой стороны, возвратившій ему свободу дѣйствій и поднявшій его мужество, наконецъ, притязанія Россіи и Пруссіи, изложенныя въ русскомъ предложеніи, прочитанномъ на послѣдней конференціи, и въ особенности возмутительный тонъ, въ которомъ были изложены и защищаемы эти предложенія. «Этотъ тонъ такъ раздражилъ лорда Кестльри, что онъ утратилъ свое обычное спокойствіе и объявилъ, что если Русскіе намѣрены предписывать законы, то Англія никогда не подчинится имъ» [1]).

Министры трехъ союзныхъ державъ положили держать въ тайнѣ свое соглашеніе, но эта тайна не помѣшала имъ привлечь къ участію въ великомъ и спасительномъ дѣлѣ и нѣсколькихъ второстепенныхъ государей, спѣшившихъ заявить себя также защитниками божественнаго, легитимнаго принципа. Въ высшей степени интересно, что сторонниками права явились въ данномъ случаѣ, во первыхъ: король Баварскій, обязанный своимъ титуломъ и владѣніями величайшему изъ революціонеровъ и нарушителей божескаго и человѣческаго права, Наполеону; во-вторыхъ, король Ганноверскій, въ качествѣ котораго былъ признанъ съумасшедшій англійскій король, Георгъ III; въ третьихъ, король Нидерландскій, получившій свои владѣнія и свой титулъ по милости Шомонскихъ союзниковъ; въ четвертыхъ, король Сардинскій, права и владѣнія котораго спасены были на конгрессѣ единственно Россіею, и наконецъ, въ пятыхъ, гросс-герцогъ Дармштадтскій, одинъ изъ бывшихъ вассаловъ и лакеевъ Наполеона.

Подпольная интрига разбрасывала, такимъ образомъ, свои развѣтвленія по всей Европѣ, а между тѣмъ русскіе дипломаты, и въ томъ числѣ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде, стоявшій лично такъ близко къ Меттерниху, ничего не подозрѣвали о ея существованіи. Одинъ только графъ Каподистрія чувствовалъ, что происходитъ что-то недоброе и сообщилъ о своихъ подозрѣніяхъ Штейну. Оба

[1]) Pallain, донесеніе Талейрана отъ 4-го января 1815 г. № 19, стр. 184—187.

они навели справки и убѣдились въ существованіи тайнаго договора, направленнаго противъ Россіи и Пруссіи. Они донесли государю о заключеніи тайнаго договора, но Александръ, не способный даже понять подобной низости, отнесся къ ихъ сообщенію съ полнымъ недовѣріемъ [1]). Такое же недовѣріе встрѣтилъ Штейнъ какъ у Прусскихъ дипломатовъ, такъ и у самого короля, Фридриха-Вильгельма. А между тѣмъ секретъ видимо переставалъ быть таковымъ и грозилъ сдѣлаться вскорѣ общимъ достояніемъ. Существованіе тайной политической комбинаціи, направленной противъ двухъ сѣверныхъ державъ, обнаруживалось во множествѣ признаковъ. Оно сказывалось въ томъ единодушіи, съ которымъ начали дѣйствовать теперь на конференціяхъ представители Австріи, Англіи и Франціи. Оно обнаруживалось въ томъ неслыханно нагломъ тонѣ, съ которымъ заговорили теперь представители второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ. Особенно дерзко держалъ себя представитель Баварскаго короля, печальный герой Гайнау, высокомѣрный, бранчивый, фельдмаршалъ Вреде. Публично высказывалъ онъ свою ненависть противъ русскихъ и пруссаковъ, брянчалъ саблею и грозилъ истребительною войною. Въ Вѣнскихъ салонахъ сначала шептались, а потомъ начали открыто говорить о разрывѣ между великими державами, о предстоящей войнѣ. Военныя приготовленія тайныхъ

[1]) См. Correspondance du comte I. Capodistrias, т. I, p. 31. «И такъ, писалъ Штейнъ еще въ концѣ 1814 года, Германія должна сдѣлаться вновь поприщемъ междоусобной и французской войны ради одного изъ приверженцевъ Наполеона и для рѣшенія вопроса: слѣдуетъ ли перевести его на лѣвый берегъ Рейна, или разорвать Саксонію и отдать ему кусокъ ея. Какое ослѣпленіе»!

«Прошелъ опять годъ», писалъ онъ тогда же своей женѣ, «въ трудахъ и безпокойствахъ всякаго рода. Богъ видимо и могущественно охранялъ насъ, но страсти людей остаются по прежнему озлобленными и преобладающими надъ всѣмъ. Умѣренныя желанія тѣхъ, кои желаютъ добра, далеки отъ исполненія. Мелочное и дурно направленное честолюбіе, духъ ничтожества, находящій себѣ удовлетвореніе въ сплетеніи интригъ, мелочныя соображенія мѣстнаго и личнаго свойства, руководятъ великими дѣлами, повергаютъ насъ въ крайне безпокойное состояніе и доводятъ до края пропасти. Каковы бы ни были, однакоже, послѣдствія всего этого, необходимо оставаться вѣрнымъ своимъ принципамъ и своему долгу и подчиняться рѣшеніямъ Провидѣнія, которое приводило до сихъ поръ все къ доброму концу». Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 267—268.

союзниковъ не могли, разумѣется, остаться въ тайнѣ. Австрійцы собирали большую армію въ Богеміи, къ ней должны были присоединиться Баварцы, подъ начальствомъ Вреде; другая армія австрійцевъ сосредоточивалась въ Тешенѣ для защиты Вѣны отъ русскихъ. Англійское правительство усиливало свою армію въ Нидерландахъ и отдало приказъ всѣмъ офицерамъ, находившимся въ отпуску, возвратиться къ своимъ полкамъ. Французское правительство, принимавшее до тѣхъ поръ мѣры къ облегченію изнуренной страны и сокращавшее по мѣрѣ возможности постоянную армію, начало вдругъ вооружаться. Военный министръ, генералъ Дюпонъ, увѣдомилъ Талейрана, что 75,000 т. будутъ готовы къ выступленію въ самый день объявленія войны и что другія 75,000 могутъ послѣдовать за ними черезъ шесть недѣлъ. Ослѣпленное Бурбонское правительство призывало къ знаменамъ отпускныхъ солдатъ и уволенныхъ офицеровъ, проникнутыхъ фанатическою преданностью къ Наполеону. Само не сознавая того, копало оно себѣ яму, собирало собственными руками массу горючаго матеріала, ожидавшаго лишь одной искры съ острова Эльбы, чтобы поднять на воздухъ эфемерное Бурбонское величіе [1]).

Талейранъ, находившійся самъ въ непонятномъ ослѣпленіи на счетъ истинныхъ интересовъ Франціи, вооружившій весь міръ на защиту Саксонской независимости, уступавшій Пруссіи области на Рейнѣ и толкавшій эту державу на путь возсоединенія подъ своею властью всей Германіи, не довольствовался одними подстрекательствами къ войнѣ и одними военными приготовленіями. Разыскивая повсюду враговъ Россіи, онъ возъимѣлъ мысль возбудить смуту въ Польшѣ. Его тайные агенты дѣятельно распространяли между поляками слухи, что императоръ Александръ не думаетъ исполнять своихъ обѣщаній по отношенію къ Польшѣ, что онъ собирается окончательно поработить ее и раздѣлить съ своимъ союзникомъ, королемъ прусскимъ. Легкомысліе поляковъ осталось и

[1]) О приготовленіяхъ членовъ тайнаго союза къ войнѣ см. Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 266, 67, а также тайныя донесенія Талейрана Людовику XVIII въ сборникѣ Паллена.

на этотъ разъ вѣрно себѣ. Французская партія въ герцогствѣ Варшавскомъ, совершенно стушевавшаяся послѣ грозныхъ событій 1812 г., обнаружила вновь признаки жизни. Поляки дошли въ своей наглости до того, что открыто начали заявлять, что они принудятъ императора Александра сдержать свое слово, соединить всѣ польскія земли въ одно самостоятельное государство. Князь Адамъ Чарторижскій былъ внѣ себя отъ гнѣва при слухахъ объ этихъ новыхъ продѣлкахъ своихъ земляковъ. Всѣми силами старался онъ успокоить Александра, и государь, остававшійся вѣрнымъ своимъ польскимъ симпатіямъ, вѣрилъ ему» [1]).

При такихъ грозныхъ симптомахъ оканчивался 1814 и начинался 1815 годъ. По наружности, казалось ничто не измѣнилось въ Вѣнѣ. Конгрессъ продолжалъ «танцовать». Увеселенія, одно изысканнѣе, одно дороже другаго, смѣняли другъ друга. Балы, маскарады, пикники, охоты, карусели собирали, по прежнему, цвѣтъ конгреснаго общества. Высочайшіе особы и министры, втайнѣ точившіе оружіе другъ противъ друга, продолжали встрѣчаться съ прежнею утонченною любезностью и притворною вѣжливостью. Одинъ только императоръ Александръ не посѣщалъ собраній и баловъ, устраивавшихся у Меттерниха и встрѣчаясь въ другихъ мѣстахъ съ австрійскимъ канцлеромъ, поворачивался къ нему спиною. «Комитетъ развлеченій», придуманный императоромъ Францомъ, истощался въ изобрѣтеніи новыхъ parties des plaisirs, но притупленные нервы высокихъ и малыхъ гостей не довольствовались уже обычнымъ весельемъ, а требовали новыхъ, болѣе сильныхъ впечатлѣній. Талейранъ пытался доставить имъ эти впечатлѣнія, устроивъ въ день казни Людовика XVI торжественную заупокойную мессу въ Вѣнскомъ соборѣ. Всѣ монархи и высочайшія особы, а равно всѣ министры и уполномоченные, присутствовали на печальной церемоніи. Всѣ государи были въ полной парадной формѣ, за исключеніемъ

[1]) Талейранъ хлопоталъ также о привлеченіи къ тройственному союзу Турціи. Онъ полагалъ, что въ случаѣ войны, Турки могутъ произвести важную диверсію и отвлечь значительную часть русскихъ военныхъ силъ.

императора Франца, явившагося, въ знакъ своего особаго соболѣзнованія, въ черномъ траурномъ платьѣ. По краямъ катафалка поставлены были четыре статуи: Францiя, погруженная въ глубокое горе, плачущая Европа, религiя съ завѣщанiемъ Людовика XVI въ рукахъ и надежда, устремляющая свои взоры къ небу. Священникъ церкви св. Анны говорилъ проповѣдь, или, выражаясь словами Талейрана, рѣчь, вполнѣ соотвѣтствовавшую и цѣли торжества, и обстоятельствамъ, и высокому сану главнѣйшихъ изъ присутствовавшихъ. Надо думать, что рѣчь была, если и не вполнѣ составлена, то во всякомъ случаѣ просмотрѣна и передѣлана самимъ Талейраномъ. Французы-легитимисты были въ восторгѣ какъ отъ рѣчи, такъ и отъ празднества. Въ соединенiи всѣхъ монарховъ на богослуженiи въ память казненнаго Людовика XVI усматривали они первый, великiй результатъ конгресса. Талейрана, возъимѣвшаго эту великую, европейскую мысль, они провозглашали теперь царемъ дипломатовъ [1]).

Другое, особаго рода, впечатлѣнiе доставилъ членамъ конгресса знаменитый острякъ и образцовый свѣтскiй кавалеръ добраго, стараго времени, князь де-Линь. Чувствуя свою слабость, онъ обѣщалъ дать прiѣзжимъ гостямъ новое и интересное зрѣлище, способное придать нѣкоторое разнообразiе ихъ впечатлѣнiямъ, зрѣлище торжественныхъ похоронъ австрiйскаго фельдмаршала. Пророчество это не замедлило сбыться, къ истинной скорби всѣхъ, лично знавшихъ князя. Вся Вѣна слѣдовала за погребальною колесницею стараго фельдмаршала; его кончина, воспоминанiе о его остротахъ составляли въ теченiи нѣсколькихъ дней главный предметъ бесѣды въ высокосвѣтскихъ салонахъ Вѣны [2]).

Судьба поспѣшила вслѣдъ затѣмъ доставить всей Вѣнѣ еще одно чрезвычайное впечатлѣнiе. Въ первыхъ числахъ января, въ темную ночь, когда по какому-то чуду нигдѣ не

[1]) Pallain, донесенiе Талейрана отъ 4 и 21 января за № 19 и 23, стр. 184, 208—210.

[2]) О кончинѣ и похоронахъ князя де-Линь см. Comte de-la-Garde. T. I, стр. 505—532.

было бала, все небо вдругъ озарилось яркимъ заревомъ пожара. Разнесся слухъ, что горитъ дворецъ князя Разумовскаго, русскаго посла. Вся Вѣна кинулась смотрѣть интересное зрѣлище. Однимъ изъ первыхъ прибылъ на пожаръ императоръ Австрійскій. Ни усилія пожарныхъ командъ, ни энергическое содѣйствіе нѣсколькихъ тысячъ пѣхотныхъ солдатъ не въ состояніи были спасти великолѣпнаго зданія. Пламя пожирало на глазахъ зрителей роскошныя гостинныя Разумовскаго со всѣми собранными въ нихъ сокровищами искусства. Пожарные выбрасывали изъ оконъ рѣдчайшія произведенія художества. Великолѣпныя картины, статуи, бронзы, падая на мостовую, или разбивались въ дребезги, или утопали въ потокахъ грязи. Не могли отстоять даже великолѣпной залы, украшенной статуями Кановы. Невольный крикъ ужаса раздался въ толпѣ, когда рухнулъ потолокъ этой залы, и милліоны поднявшихся искръ освѣтили въ послѣдній разъ произведенія высочайшаго скульптора новаго времени. Въ теченіи нѣсколькихъ дней вся Вѣна не могла прійти въ въ себя отъ впечатлѣній этой ночи. Повсюду толковали о несчастіи, постигшемъ Разумовскаго, и о щедрой поддержкѣ, оказанной ему при этомъ случаѣ императоромъ Александромъ [1]).

Но Александръ явился въ этотъ моментъ не только благодѣтелемъ частнаго лица, пострадавшаго отъ стихійной силы, но и спасителемъ Европы отъ ужасовъ вновь угрожавшей ей войны. Въ то время, какъ представители великихъ и мелкихъ державъ Европы составляли въ тайнѣ грозную коалицію, направленную противъ дѣйствительныхъ побѣдителей Наполеона и освободителей народовъ, императоръ Россіи, преисполненный по прежнему духомъ истинной христіанской любви и безпристрастнаго миролюбія, направлялъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы сблизить вновь членовъ великаго, разрозненнаго союза и тѣмъ самымъ предупредить самую возможность какихъ бы то ни было разногласій и осложненій. Въ послѣдній день истекающаго 1814 года императоръ обратился съ особымъ посланіемъ къ своимъ союзни-

[1]) См. Кн. Васильчиковъ, т. IV, ч. 2, стр. 545—547.

камъ [1]): императору Австрійскому, королю Прусскому и принцу-регенту Англійскому. Онъ напоминалъ имъ въ немъ о тѣхъ принципахъ полной откровенности и безграничнаго довѣрія, которымъ обязаны были они своими успѣхами въ минувшей войнѣ, и убѣждалъ ихъ держаться и впредь во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ этихъ принциповъ. Союзные государи должны были утвердиться, по его мнѣнію, на незыблемыхъ основахъ общей имъ всѣмъ христіанской религіи, на этомъ единственномъ прочномъ основаніи какъ государства, такъ и общественнаго строя. Лишь при этомъ въ состояніи будутъ братья монархи очистить и возвысить правила своей государственной мудрости, утвердить взаимныя отношенія и счастіе народовъ, ввѣренныхъ имъ Провидѣніемъ. Императоръ указывалъ вслѣдъ затѣмъ на тѣ условія, слѣдуя которымъ, возможно было, по его мнѣнію, укрѣпить взаимныя отношенія между государствами, упрочить связи объединенія, завершить дѣло общаго умиротворенія, доставить народамъ спасительное утвержденіе ихъ религіи, ихъ мнѣній и ихъ національности. Не трудно догадаться, изъ какого источника черпалъ императоръ эти условія. Этимъ источникомъ являлось для него божественное откровеніе. Александръ предполагалъ, что международныя отношенія, равно какъ и внутренняя политика государствъ, должны руководствоваться одними и тѣми же принципами евангельской любви и братства.

Всматриваясь въ содержаніе этого замѣчательнаго документа, мы не можемъ признавать его чѣмъ-либо инымъ, какъ прямымъ и естественнымъ проявленіемъ тѣхъ религіозно-нравственныхъ началъ, за развитіемъ которыхъ въ императорѣ Александрѣ мы слѣдили въ теченіе всего нашего труда. Мы видѣли, что эти начала возникли въ душѣ Александра, помимо всякихъ постороннихъ вліяній, единственно подъ воздѣйствіемъ тѣхъ великихъ и грозныхъ событій, которыми испытывало, возвышало и очищало его Божественное Провидѣніе, начиная съ того момента, когда безчисленныя полчища Наполеона нахлынули на Россію. Мы видѣли, что Алек-

[1]) Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 269—270.

сандръ почерпнулъ въ годину тягчайшаго испытанія ту внутреннюю силу, которой никто не отваживался предполагать въ немъ, которая изумила и спасла міръ, изъ того вѣчно живаго источника спасенія, который прежде оставался для него чуждымъ, вслѣдствіе его воспитанія, изъ той книги книгъ, которую впервые взялъ онъ въ руки въ тотъ ужасный моментъ, когда торжествующій непріятель стоялъ въ центрѣ его имперіи, когда пламя пожирало древнюю столицу его предковъ. Въ этомъ источникѣ Божественной Премудрости почерпнулъ Александръ ту гигантскую мощь духа, которая спасла Россію и Европу, поставила его самого на верхъ величія и славы. Мы видѣли, что императоръ остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и среди торжествъ побѣды, неслыханной въ лѣтописяхъ міра. Великіе успѣхи ни мало не поколебали равновѣсія его духа, упоеніе славы, ѳиміамъ лести, воскуриваемый ему со всѣхъ сторонъ, не развили въ немъ духа самомнѣнія и суетнаго тщеславія. По прежнему дѣйствовалъ онъ въ духѣ христіанской любви и прощенія, по прежнему смотрѣлъ на себя лишь какъ на орудіе Провидѣнія и, не задумываясь ни на минуту, отклонялъ всѣ предложенія, льстившія его самолюбію, выставлявшія его спасителемъ и благодѣтелемъ человѣчества. Въ Парижѣ государь явился ходатаемъ и защитникомъ побѣжденной Франціи, онъ положилъ предѣлъ непомѣрнымъ требованіямъ своихъ союзниковъ и показалъ имъ, что несправедливо отождествлять націю съ ея тираномъ. Наконецъ, въ Вѣнѣ, когда державы, собранныя для дѣла мира, готовились возжечь новую, братоубійственную войну, Александръ одинъ напоминалъ имъ о великихъ принципахъ взаимнаго довѣрія и, убѣждая ихъ утвердить свой союзъ на основахъ христіанской любви, показывалъ тѣмъ самымъ, что онъ остается незыблимо твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, что, освободивъ Европу отъ тираніи Наполеона, онъ стремился къ возсозданію европейскаго общества на основаніяхъ высокой евангельской нравственности.

Другіе историки [1]) не допускаютъ, какъ извѣстно, этой не-

[1]) Было бы безполезно перечислять имена ихъ, такъ какъ такое перечисленіе потребовало бы слишкомъ много мѣста.

уклонной послѣдовательности въ дѣйствіяхъ императора. Основываясь на слабохарактерности Александра, на впечатлительности его натуры, на его податливости посторроннимъ вліяніямъ, они усматриваютъ въ его дѣятельности лишь цѣлый рядъ колебаній, подъемовъ и пониженій духа, вызываемыхъ каждый разъ какимъ-нибудь личнымъ, случайнымъ вліяніемъ. Александръ, утверждаютъ они, нуждался постоянно въ крѣпкой опорѣ; предоставленный самому себѣ, онъ впадалъ въ малодушіе, поддавался искушеніямъ и становился въ противорѣчіе съ самимъ собою и съ своими руководящими идеями. Онъ близокъ былъ къ паденію, говорятъ намъ, въ 1812 г., и только могучая рука Штейна удержала его тогда на краю пропасти. Въ Парижѣ онъ попалъ подъ вліяніе Талейрана и, опутанный его интригами, далъ свое согласіе на необдуманную реставрацію Бурбоновъ, осуждаемую въ душѣ имъ самимъ, гибельную для Франціи и крайне опасную для Европы. Въ Германіи императоръ подпалъ, повидимому, окончательно подъ вліяніе мистиковъ. Въ Пулавахъ онъ былъ обойденъ и обманутъ польскими интриганами и обольщенъ польскими красавицами. И если въ Баденѣ онъ мечталъ о возсоединеніи всѣхъ христіанскихъ народовъ на основахъ евангельскаго ученія, освобожденнаго отъ всякаго конфессіональнаго различія, то въ Пулавахъ онъ далъ необдуманное обѣщаніе возстановить Польшу, это старое гнѣздо католицизма, ограниченнаго аристократизма и фанатической нетерпимости. Наконецъ, въ Вѣнѣ, гдѣ все по наружности преклонялось предъ императоромъ, гдѣ лесть, интрига, искушенія окружали его на каждомъ шагу, Александръ увлекся вихремъ окружавшаго его потока, измѣнилъ самому себѣ и своимъ убѣжденіямъ, отдался всецѣло чарующему обаянію красоты и чувственнаго наслажденія. Въ погонѣ за удовольствіями, въ стремленіяхъ удовлетворить свое тщеславіе и властолюбіе, онъ подчинился злому генію своей юности, князю Чарторижскому и, преслѣдуя подъ его вліяніемъ свои польскія иллюзіи, не хотѣлъ слушать предостереженій своихъ мудрѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ совѣтниковъ. Однимъ словомъ, Александръ былъ близокъ къ новому паденію, но онъ былъ

удержанъ и спасенъ отъ него могущественными вліяніями, пришедшими къ нему на помощь изъ лагеря тѣхъ религіозныхъ энтузіастовъ, представителями которыхъ являлись нѣмецкій философъ Францъ Бадеръ и восторженная пророчица ф. Кридинеръ, дѣйствовавшая на государя черезъ посредство дѣвицы Роксандры Стурдзы.

Не будемъ останавливаться на всѣхъ этихъ обвиненіяхъ. Предшествующее наше изложеніе достаточно показало уже намъ всю ихъ односторонность и преувеличенность. Мы знаемъ, что вліяніе Штейна далеко не имѣло того значенія въ 1812 г., которое склонны приписывать ему нѣмецкіе историки. Намъ извѣстно также, что не Александръ былъ главнымъ виновникомъ Бурбонской реставраціи и что не однѣ интриги Талейрана, а скорѣе общее положеніе дѣлъ были ея основными причинами. Далѣе мы убѣдились, что въ теченіе всего 1814 г. не могло быть и рѣчи о преобладающемъ вліяніи фанатическихъ мистиковъ на Александра, и что обѣщанія, данныя императоромъ въ Пулавахъ полякамъ, не отличались, во первыхъ, такимъ широкимъ характеромъ, какой приписывали имъ впослѣдствіи, и не находились, во вторыхъ, въ такомъ не примиримомъ противорѣчіи съ основными религіозными и политическими убѣжденіями императора, какъ можетъ показаться это на первый взглядъ.

Что же сказать о томъ мнимомъ нравственномъ паденіи Александра въ Вѣнѣ, о которомъ любятъ такъ толковать писатели извѣстнаго лагеря? Если вѣрить на слово извѣстному біографу и панегиристу m-me Кридинеръ, Эйнару, то Александръ прибылъ въ Вѣну, уже подготовленный къ этому паденію. «Онъ не сознавалъ еще вполнѣ искренно и глубоко», говоритъ намъ этотъ историкъ-піитистъ, «своего собственнаго ничтожества; напрасно говорилъ онъ о своей внутренней борьбѣ, о своихъ попыткахъ и стремленіяхъ; напрасно искалъ поддержки и утѣшенія у своихъ друзей. Ему не доставало еще прочной точки опоры въ самомъ себѣ. Онъ смѣшивалъ еще свое дѣло съ дѣломъ Бога; присваивая себѣ Его милости, онъ ставилъ ихъ въ заслугу самому себѣ и тѣмъ лишалъ ихъ, ихъ спасительнаго значенія... Онъ увидѣлъ себя пред-

метомъ обожанія и оказался беззащитнымъ въ виду ихъ. Искушенія красоты поразили его въ той части его сердца, которая всегда была наиболѣе доступною уязвленію. Пребываніе въ Вѣнѣ лишило его всѣхъ плодовъ суровыхъ уроковъ несчастія. Поддавшись разъ увлеченіямъ сердца, столь доступнаго искушенію, безоружный противъ внушеній лести и упоенія своею славою, онъ утратилъ миръ своей души въ непрерывной и безплодной борьбѣ. Онъ продолжалъ вѣрить въ верховную власть Бога, онъ падалъ, хорошо сознавая свои ошибки. Всякое нарушеніе священнаго закона влекло для него за собою раскаяніе и столь же мучительное, сколько и унизительное возвращеніе въ самого себя; но изъ этихъ порывовъ, жестокихъ и мучительныхъ въ каждомъ частномъ случаѣ, являлось въ результатѣ лишь одно мрачное недовольство и общее безпокойство, не имѣвшее никакого отношенія къ его возрожденію. Онъ смотрѣлъ на каждое свое паденіе, какъ на случайность, не понимая, что эта слабость проистекала изъ его кореннаго недостатка, не рѣшаясь сознаться, что сластолюбіе, этотъ обычный порокъ его, заражаетъ всю его душу. Однимъ словомъ, онъ каялся въ своихъ отдѣльныхъ проступкахъ, но не во всемъ существѣ своемъ. Переходя отъ однихъ благихъ намѣреній къ другимъ, стремясь отъ одной реформы къ другой, онъ не могъ никакъ подойти къ той реформѣ, которая лишь одна можетъ преобразовать всѣ дворы и самую основу жизни. Душа его, подвергаемая столькимъ униженіямъ и лишаемая утѣшенія, утратила часть своей вѣры. Переходя отъ одного пораженія къ другому, она не находила успокоенія въ самой себѣ. Реакція ослабѣвала съ каждымъ разомъ, каждая безплодная попытка поглощала часть его энергіи, оставляла пустоту, расширяемую каждою нововою ошибкою. Такое печальное положеніе влекло за собою великія опасности. Голосъ совѣсти ослабѣваетъ, онъ не находитъ отголоска въ сердцѣ, неспособномъ къ мужественной рѣшимости стать выше самого себя, противопоставить свое будущее своему прошлому. Душа привыкаетъ къ его упрекамъ, она выслушиваетъ ихъ безъ содраганія, она впадаетъ, наконецъ, въ то пассивное состояніе безнадежности, которое

является страшнымъ предшественникомъ смерти душевной, смерти внѣ Бога. Такова была опасность, угрожавшая Александру. Тяжкія цѣпи грѣха давили его сердце, исполненное суетностью и похотью. Чтобы разбить эти цѣпи, необходимо было чудо, вмѣшательство высшей божественной силы» [1]).

Таковы были характеръ и свойство того нравственнаго паденія, которые усматриваетъ въ Александрѣ Эйнаръ, а вслѣдъ за нимъ и другіе писатели извѣстныхъ направленій. Если вѣрить этимъ господамъ, то окажется, что Александръ утопалъ въ Вѣнѣ въ волнахъ наслажденія, что онъ переходилъ отъ одного увлеченія къ другому, затѣмъ, что онъ впадалъ то и дѣло въ раскаяніе по поводу своихъ грѣховныхъ поступковъ и что именно эта смѣна чисто личныхъ впечатлѣній являлась источникомъ его внутреннихъ волненій, его недовольства самимъ собою. Разсказывая подобныя исторійки, Эйнаръ, самъ не сознавая того, повторяетъ пошлыя сплетни и выдумки, пущенныя въ ходъ Меттернихомъ и его адептами и думаетъ объяснить великія событія пошлыми мелочными мотивами. Изъ свидѣтельствъ, вполнѣ безпристрастныхъ, мы знаемъ положительно, что Меттернихъ пускалъ съ своей стороны въ ходъ всѣ средства, чтобы подчинить своему вліянію Александра. Разсчитывая на слабость государя, онъ пытался пріобрѣсти на него вліяніе черезъ посредство красивыхъ женщинъ, получавшихъ отъ него свои инструкціи. Но Александръ былъ слишкомъ остороженъ и тщательно избѣгалъ кружка, находившагося подъ вліяніемъ австрійскаго канцлера. «Убѣдившись, что женщины его школы», читаемъ мы въ мемуарахъ Стурдзы, «не успѣвали привлечь къ себѣ ни на одинъ моментъ вниманіе государя, Меттернихъ въ тайнѣ сближался съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ вращался Александръ, но не будучи въ силахъ пріобрѣсти въ немъ дѣй-

[1]) Все это чисто фантастическое повѣствованіе о душевномъ настроеніи Александра въ Вѣнѣ лишено всякаго другаго основанія, кромѣ разсказовъ m-me Кридинеръ и другихъ мистиковъ, принадлежавшихъ къ ея кружку. Эйнаръ, Vie de m-me Кридинеръ, т. I, стр. 337—338. Конечнымъ же основаніемъ для подобныхъ выдумокъ могли послужить сплетни и измышленія Меттерниха и его адептовъ.

ствительное вліяніе, онъ старался, по крайней мѣрѣ, унизить императора въ общественномъ мнѣніи, распространяя про него сплетни, которыя, переходя изъ устъ въ уста, могли повредить его славѣ» [1]). Понятно, что источникомъ подобныхъ разсказовъ являлась любезность Александра по отношенію къ дамамъ, любезность, не заключавшая въ себѣ ничего предосудительнаго, никогда не выходившая изъ предѣловъ приличія. Въ этомъ отношеніи, равно какъ и во всѣхъ другихъ, императоръ Александръ держалъ себя съ большимъ тактомъ, нежели всѣ остальные великіе и малые государи, съѣхавшіеся со всѣхъ сторонъ въ Вѣну. И въ то время, какъ вся Вѣна потѣшалась надъ сентиментальною страстью короля прусскаго къ прелестной Юліи Циши, «страстью, которая не соотвѣтствовала ни его сану, ни лѣтамъ, ни фигурѣ», про Александра злые языки могли сказать только, что онъ любезенъ со всѣми дамами и что кажется онъ отдаетъ предпочтеніе княгинѣ Ауэрспергъ, молодой вдовѣ, вызывавшей всеобщее удивленіе своею граціею, своими добродѣтелями и невинностью [2]). Въ отношеніяхъ Александра къ княгинѣ Ауэрспергъ не было, разумѣется, ничего серіознаго, похожаго на увлеченіе, а тѣмъ менѣе, на страсть. Такія чисто свѣтскія отношенія никоимъ образомъ не могли являться причиною внутреннихъ душевныхъ страданій, переходовъ отъ упоенія страстью къ упрекамъ совѣсти и къ сознанію своей грѣховности. Изъ записокъ графини Эдлингъ мы узнаемъ, что душевное настроеніе Александра въ Вѣнѣ было далеко не такъ безотрадно, какъ рисуетъ его Эйнаръ. «Императоръ», говоритъ между прочимъ графиня, «относился ко мнѣ и среди вихря удовольствій и дѣлъ, окружавшаго его, съ прежнею добротою. Какъ трогало меня, когда среди блеска и шума бала онъ подходилъ ко мнѣ и напоминалъ мнѣ о сходствѣ нашихъ вкусовъ и нашихъ идей. Иногда онъ удѣлялъ на разговоры со мною цѣлые часы, и тогда мы бесѣдовали съ нимъ въ моемъ маленькомъ

1) «Surtout à une èpoque ou l'esprit humaine, devenu plus serieux, exige que les chefs de nations le soient egalement». Мемуары графини Эдлингъ, стр. 180.

2) Мемуары графини Эдлингъ, стр. 179.–180.

кабинетѣ такъ же непринужденно, какъ когда-то въ Брухзалѣ. Въ такіе моменты, забывая свое величіе, онъ изливалъ свою душу, столь склонную къ откровенности и свободѣ»[1]).

Однажды въ такіе часы откровенности Стурдза завела разговоръ объ отношеніяхъ Александра къ императрицѣ. Она замѣтила, что слава и счастіе императора выиграли бы не мало, если бы онъ примирился вполнѣ съ своею августѣйшею супругою. Александръ не уклонился отъ этой деликатной темы. Онъ далъ понять Стурдзѣ, что вина во всемъ этомъ печальномъ дѣлѣ отнюдь не падаетъ исключительно на него, что о полномъ возстановленіи отношеній не можетъ быть и рѣчи. Стурдза замѣтила, что императоръ долженъ искать облегченія своего личнаго горя въ заботахъ о счастіи своихъ народовъ. «Да, я люблю мою націю», воскликнулъ Александръ при этихъ словахъ, «хотя я могъ сдѣлать пока такъ мало для нея. Я люблю больше всего этотъ добрый народъ! Я не показываю моего предпочтенія къ нему, но чувства скрыть нельзя, и я убѣжденъ, что народъ знаетъ о моей любви. Мнѣ предстоитъ еще исполнить великую задачу: я долженъ дать свободу народу, которую онъ заслужилъ такъ хорошо. Я не обманываю себя на счетъ трудностей, соединенныхъ съ разрѣшеніемъ этого вопроса, но, вѣрьте мнѣ, я не буду въ состояніи умереть спокойно, если не успѣю разрѣшить его до моей смерти».

«Но, государь, замѣтила Стурдза, кому же думаете вы ввѣрить заботу о завершеніи столь благородныхъ намѣреній послѣ васъ?»

— «Я васъ понимаю», отвѣчалъ Александръ, «вы повторяете то обвиненіе, которое такъ часто бросаютъ молча на меня, но на которое я не отвѣчалъ никогда. Но съ вами я не буду молчать, перейдемъ прямо къ дѣлу. Вы хотите сказать, что я обязанъ позаботиться оставить для имперіи наслѣдника послѣ себя, но наслѣдникъ есть и безъ того».

— Безъ сомнѣнія, государь! но, не говоря уже о томъ, что народы ваши желали бы, чтобы правленіе ваше продолжалъ

[1]) Мемуары графини Эдлингъ, стр. 197—198.

сынъ вашъ, подобный вамъ, я не могу скрыть, что на великаго князя Константина смотрятъ со страхомъ. Да и я сама не могу не раздѣлять въ этомъ отношеніи чувствъ массы.—

Это послѣднее замѣчаніе, казалось, непріятно поразило императора, но тѣмъ не менѣе онъ отвѣчалъ съ своею обычною мягкостью:

«Быть можетъ, въ этомъ отношеніи и ошибаются. Годы умѣряютъ страсти, и онъ уже много измѣнился въ свою пользу». «Впрочемъ», продолжалъ императоръ послѣ минутнаго молчанія, «онъ лишь немногимъ моложе меня; не въ немъ дѣло, ибо, по закону природы, мы оба должны умереть въ скоромъ времени другъ, послѣ друга; но есть еще братъ мой, Николай. Развѣ можно считать и его не подходящимъ?»

— Великій князь Николай подаетъ прекрасныя надежды, но онъ не вашъ сынъ.—

«Но кто-же рѣшится вамъ сказать, что мой сынъ, если бы я имѣлъ его, стоилъ бы брата моего, Николая? Это человѣкъ взрослый и всѣмъ извѣстно, съ кѣмъ будутъ имѣть дѣло. Во всякомъ случаѣ я могъ бы оставить послѣ себя лишь ребенка, малолѣтство котораго подвергло бы имперію тысячѣ опасностей. Нѣтъ, вѣрьте мнѣ, я не обманываюсь на этотъ счетъ; все дѣлается къ лучшему. Въ наши лѣта достаточно дружбы и взаимнаго довѣрія для счастья жизни. Мы обязаны забыть прошлое, и я, съ своей стороны, думаю лишь о томъ, чтобы провести мои послѣдніе дни въ покоѣ, безъ страстей, въ мирномъ согласіи» [1]).

Достаточно прочесть эти строки, чтобы убѣдиться, насколько основательны разглагольствованія Эйнара по поводу страшнаго душевнаго состоянія Александра въ Вѣнѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что настроеніе духа государя въ эпоху вѣнскаго конгресса было далеко не свѣтлое, что душа его терзалась въ это время самыми тяжелыми чувствами, но источ-

[1]) Мемуары графини Эдлингъ, стр. 198—203. Графиня прибавляетъ съ своей стороны: «Cette conversation me rassura sur l'avenir. Je pensais avec une douceur inexprimable au bonheur qui attendait encore l'Imperatrice, et il me semblait que son ame s'ouvrant alors à tous les genres d'affection apprécierait aussi le dévouement, que je n'avais cessé de lui porter».

никъ его страданій заключался не въ его личной жизни и мелочныхъ отношеніяхъ къ женщинамъ, какъ старается увѣрить насъ пошлая ограниченность и лицемѣрное ханжество, а въ тѣхъ тяжелыхъ испытаніяхъ, которыя постигли его на столь славномъ и трудномъ его политическомъ поприщѣ.

Преисполненный самыми благими, возвышенными, идеальными намѣреніями, императоръ долженъ былъ убѣждаться въ Вѣнѣ на каждомъ шагу, что никто не въ состояніи былъ не только оцѣнить по достоинству, но даже понять его побужденій и дѣйствій. Онъ видѣлъ, что каждый его шагъ подвергался самому неправильному и злостному толкованію, онъ замѣчалъ, что ему приписываются такія намѣренія и замыслы, отъ которыхъ была совершенно свободна его чистая душа. Съ глубокою горестью вынужденъ онъ былъ сознаться, что всѣ его надежды на вѣрность его союзниковъ, на благодарность людей, спасенныхъ имъ отъ гибели, оказались пустыми и обманчивыми. Онъ видѣлъ, что интрига и коварство мнимыхъ друзей опутывали его со всѣхъ сторонъ и что безчестный интриганъ Талейранъ и безсовѣстный лжецъ Меттернихъ съ успѣхомъ вооружали противъ него спасенную имъ Европу.

Чувства негодованія и мести овладѣли бы быть можетъ при такихъ условіяхъ всякимъ другимъ человѣкомъ, на мѣстѣ императора Александра. Но императоръ остался вѣренъ себѣ и своимъ возвышеннымъ идеямъ и въ эту новую, столь тяжелую для него годину испытаній. Помня высшую заповѣдь христіанства, онъ былъ далекъ отъ мысли воздавать зломъ за зло, противопоставлять интригѣ и коварству ихъ же оружіе. Съ негодованіемъ отвергъ онъ предложеніе смирить оппозицію Талейрана посредствомъ подкупа, или прибѣгнуть къ тому же средству въ отношеніи къ Меттерниху. Онъ предпочиталъ идти прямымъ, честнымъ путемъ, избѣгая всякаго двоедушія и коварства, аппелируя не къ силѣ, которая была въ его рукахъ, а къ идеѣ справедливости, на которой основывались, по его глубокому убѣжденію, всѣ его требованія. Онъ заявлялъ, что онъ готовъ съ своей стороны на всѣ возможныя и примиримыя съ его основною идеею уступки, и склонялъ къ таковымъ же уступкамъ своего единственнаго союзника, короля Прусскаго.

Заявляя о своей готовности къ уступкамъ, императоръ прекрасно сознавалъ, что онъ поступаетъ такъ не изъ опасенія и страха, а единственно изъ желанія сохранить тотъ миръ между державами, который былъ купленъ такою дорогою цѣною. Но само собою понятно, что каждая изъ уступокъ стоила ему очень дорого, что ни одна изъ нихъ не обходилась для него безъ тяжелой внутренней борьбы. Въ этой борьбѣ, въ разочарованіяхъ, въ ѣдкихъ, обидныхъ чувствахъ, вызываемыхъ ею, а не въ борьбѣ съ чувственными увлеченіями и порывами плотской страсти, должны мы искать причины того душевнаго безпокойства, того глубокаго недовольства, которое овладѣвало, по временамъ, Александромъ въ Вѣнѣ. Въ такія тяжелыя минуты императоръ искалъ и находилъ себѣ утѣшеніе въ той книгѣ книгъ, которую онъ постоянно носилъ при себѣ. Идеалъ христіанскаго единенія между державами, союза, основаннаго на заповѣдяхъ евангельской любви, созрѣлъ теперь окончательно въ немъ. Государи должны относиться другъ къ другу, какъ братья, а къ своимъ народамъ, какъ отцы. Во всей своей политической дѣятельности и въ своемъ внутреннемъ управленіи, они должны руководиться прежде и больше всего тою заповѣдью Спасителя, въ которой заключается весь законъ и всѣ пророки: «возлюбите ближняго, какъ самого себя, а Бога больше себя». Вотъ каковы были основные пункты этого новаго священнаго союза, которые возвѣщались теперь императоромъ не въ частной, интимной бесѣдѣ, а въ открытомъ, оффиціальномъ посланіи къ его союзникамъ [1]).

Мы видѣли, что императоръ пришелъ къ своимъ идеямъ вполнѣ самостоятельно, и не можемъ потому придавать осо-

[1]) Замѣчательный документъ, въ которомъ впервые выразилась вполнѣ оффиціально идея священнаго союза, напечатанъ у Клюбера «Вѣнскій Конгрессъ», т. 7, стр. 69, Гагернъ, т. 2, стр. 301. См. также извлеченіе у Штейна и Бернгарди. Важнѣйшій пунктъ гласитъ въ подлинникѣ такъ: «Pénétré egalment des principes immuables de la religion chretienne commune à tous, c'est sur cette base unique de l'ordre politique comme de l'ordre social, que les Souverains, fraternisant entr'eux, épureront leurs maximes d'etat et garantiront les rapports entre les peuples que la providence leur a confiés».

баго значенія тѣмъ внушеніямъ, которыя приходили къ нему со стороны. Если идея священнаго союза созрѣла окончательно въ Вѣнѣ, если она выразилась уже тамъ въ самомъ концѣ 1814 г. и выразилась оффиціально, то причемъ могло быть тутъ вліяніе Кридинеръ. Извѣстно, что Александръ не былъ лично знакомъ въ это время съ экзальтированною пророчицею, что онъ зналъ о ней лишь по наслышкѣ. Извѣстно также, что Кридинеръ добивалась въ эпоху конгресса обратить на себя всѣми силами вниманіе Александра, что съ этою цѣлью вела она переписку съ дѣвицею Стурдза, и что нѣкоторыя изъ ея восторженныхъ посланій были переданы императору. Александръ прочелъ, безъ сомнѣнія, съ большимъ интересомъ эти посланія, быть можетъ, былъ даже увлеченъ и пораженъ ими, но стоитъ прочесть лишь тѣ изъ этихъ посланій, которыя относятся частью къ осени 1814 г., частью къ веснѣ 1815 г., чтобы убѣдиться, что не въ нихъ слѣдуетъ искать причины, побудившей императора обратиться съ посланіемъ къ своимъ союзникамъ въ послѣдній день истекающаго 1814 года.

27-го октября 1814 года m-me Кридинеръ писала дѣвицѣ Стурдзѣ: «Ваше письмо доставило мнѣ большое удовольствіе, оно доставило великое удовлетвореніе, раскрывъ предо мною состояніе вашей души. Какое счастіе даетъ мнѣ мысль видѣть васъ, стремящеюся къ той цѣли, которая лишь одна можетъ привлекать васъ! Не останавливайтесь ни передъ чѣмъ въ вашемъ стремленіи! Всходите на гору, съ которой сходятъ всѣ, поклоняющіеся идоламъ. Самъ Богъ живый призываетъ васъ, и алтарь, къ коему переноситъ Онъ васъ, есть тотъ крестъ, который не можетъ быть соединимъ съ наслажденіями испорченнаго міра. И съ какими наслажденіями! Нѣтъ! отравленный кубокъ, изъ коего упивается толпа, не можетъ привлечь васъ! Нѣтъ, вы познали океанъ истины, и вы отвернетесь съ ужасомъ отъ пиршества враговъ Бога нашего. Нѣтъ, безграничная любовь, призывающая васъ, не обрѣтетъ въ васъ неблагодарной, ибо вы возвышены, дабы принадлежать къ сему народу дѣтей и героевъ, долженствующему побѣдить любя, въ подготовляющейся страшной борьбѣ. Событія тѣ-

снятъ другъ друга, видѣнія, совершающіяся нынѣ, гласъ апостоловъ, чудеса, являемыя Богомъ своимъ людямъ и мнѣ, недостойной твари, говорящей съ вами, все возбуждаетъ мою совѣсть говорить вамъ съ такою силою. Нѣтъ болѣе времени колебаться. Пусть потѣшается толпа безумцевъ, у нея нѣтъ ничего кромѣ ея жалкихъ удовольствій. Удовольствія эти соблазняютъ и безчестятъ ее, но христіане пусть бодрствуютъ и молятся! Ангелъ, намѣчающій кровью предохранителя врата избранныхъ, проходитъ, свѣтъ не видитъ его; онъ считаетъ главы, судъ приближается, онъ готовъ, а свѣтъ танцуетъ на волканѣ. Мы увидимъ виновную Францію, осужденную волею Предвѣчнаго на наказаніе тѣмъ самымъ крестомъ, который былъ попранъ ею; мы узримъ ея наказаніе. Христіане не должны наказывать, и мужъ,избранный и благословенный Предвѣчнымъ, мужъ, коего мы имѣемъ счастье любить, какъ нашего государя, можетъ приносить съ собою лишь миръ. Но ураганъ приближается: эти лиліи, сохраненныя Предвѣчнымъ, эта эмблема чистаго и хрупкаго цвѣтка, сокрушившая скипетръ, выкованный изъ желѣза, ибо такъ угодно было Предвѣчному, эти лиліи, долженствовавшія призывать къ чистотѣ, къ любви Бога, къ покаянію, появились для того, чтобы исчезнуть; урокъ былъ данъ, а люди ожесточенные болѣе, нежели когда-либо, думаютъ лишь о новомъ смятеніи. Ахъ! пожалѣемъ объ этихъ людяхъ увлеченія; они обрѣтаются въ безплодныхъ пустыняхъ, они брошены своими страстями на бурный океанъ, гдѣ взираютъ на крушенія другихъ, не желая избѣжать и собственнаго крушенія. Помолимся за нихъ, мы должны молиться, ибо иначе мы не будемъ христіанами. Содрогнемся при приближеніи сихъ страшныхъ временъ, предчувствуемыхъ болѣе или менѣе каждымъ, хотя никто не можетъ предсказать ихъ съ точностью. Мыслимо ли плясать и облекаться въ драгоцѣнныя одежды, когда стонутъ милліоны, когда мрачная ненависть раздираетъ родъ человѣческій? О, эти дерзновенныя празднества, исходящія изъ несчастія народовъ и повергающія ихъ въ новое бѣдствіе, неужели они не страшатъ васъ? Неужели, не содрогнемся мы при одной мысли оскорблять Бога, столь великаго, столь милосерднаго,

взирающаго, какъ позоримъ мы жизнь, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на нее, какъ на призваніе священное, какъ на культъ любви и счастія? Для насъ не должно быть иныхъ празднествъ, кромѣ хвалебныхъ гимновъ Богу Спасителю, иныхъ приношеній, кромѣ великихъ и святыхъ приношеній сердца. Когда развитіе всѣхъ способностей создастъ чудеса мышленія и благородныя удовольствія, тогда мы познаемъ наши празднества и наши торжества, ангелы примутъ въ нихъ участіе, а не демоны, какъ въ этихъ грубыхъ торжествахъ толпы и въ этихъ болѣе изысканныхъ увеселеніяхъ...

Вы хотѣли говорить со мною о столькихъ глубокихъ и великихъ красотахъ души императора. Я полагаю, что многое уже извѣстно мнѣ о немъ. Я знаю давно, что Господь дастъ мнѣ радость увидѣть его. Нѣтъ болѣе сладостнаго земнаго долга, какъ любить и уважать того, кого должны мы любить и уважать по волѣ Самого Бога. Я имѣю сказать ему такъ безконечно много, ибо я испытала многое за него. Господь единъ можетъ приготовить его сердце къ воспринятію словъ моихъ; мое дѣло быть безъ страха и упрека; его дѣло быть у ногъ Христа, истины. Да направитъ и благословитъ Предвѣчный его, избраннаго для столь великаго дѣла. Да воспріиметъ онъ на колѣняхъ отъ Христа сіи великіе уроки, всегда изумлявшіе и изумляющіе народы, да наполнятъ они святою радостью его сердце, преисполненное святыми заботами. Что касается до ничтожной служительницы Господа, говорящей вамъ, то вы знаете, что для себя лично она не желаетъ ничего. Единственно слава Христа воспламеняетъ ее; все, что не отъ Христа, да умретъ въ ней; Его кровь вотъ единственное великое дѣло моей жизни, кровь, которая спасла и возродила меня. Все остальное сокрылось отъ глазъ моихъ. Моя душа жаждетъ лишь Бога живаго и никакой позоръ не страшитъ меня. Мой долгъ отдать мое сердце. Христосъ укрѣпитъ, просвѣтитъ его. Да будетъ такъ» [1]).

[1]) См. Эйнаръ, Vie de m-me Krudener, т. I, стр. 296—304. Мы ограничились лишь передачею той части этого обширнаго посланія, которая представляетъ болѣе общій интересъ.

Таково было первое длинное посланіе m-me Кридинеръ, сообщенное, какъ и слѣдовало ожидать, императору. Пророческій и притомъ темный смыслъ этого посланія не могъ не возбудить вниманія императора. Онъ прослушалъ съ интересомъ посланіе и поручилъ Стурдзѣ передать баронессѣ, что онъ съ удовольствіемъ ждетъ времени, когда узнаетъ ее лично [1]). Но этимъ и ограничилось пока все впечатлѣніе. Что Александръ не думалъ приглашать Кридинеръ въ Вѣну, что онъ не горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть ее, какъ можно скорѣе и узнать отъ нея лично тайный смыслъ ея темныхъ пророчествъ, видно изъ того, что m-me Кридинеръ повторяла свое страстное желаніе увидѣть императора въ письмѣ своемъ къ Стурдзѣ отъ 15 декабря [2]), и что, наконецъ, въ письмѣ отъ 4 февраля она говорила еще съ большею настойчивостью о великихъ откровеніяхъ, кои обязана она передать императору. «Я знаю, говорила она, между прочимъ, въ этомъ послѣднемъ письмѣ, что князь тьмы напрягаетъ всѣ силы свои, дабы удалить отъ императора тѣхъ, кои могутъ говорить ему о дѣлахъ божественныхъ, но Предвѣчный окажется сильнѣе его. Богу угодно избирать для своего служенія того, кто въ глазахъ свѣта можетъ служить лишь предметомъ насмѣшки. Мое сердце уготовано Господомъ къ сему смиренію и я не ищу одобренія людей. Сама по себѣ я ничтожество. Господь все, цари земные дрожатъ передъ Нимъ, они прахъ передъ Нимъ. Я не желаю ничего, я отказалась отъ всего; ни милость, ни гнѣвъ не могутъ устрашить меня» [3]).

Но и этотъ новый страстный призывъ остался безъ всякаго отвѣта. Пророчества m-me Кридинеръ могли занимать императора, но они не въ состояніи были отвлечь его отъ тѣхъ въ высшей степени сложныхъ и серьезныхъ дѣлъ, которыя поглощали все его вниманіе въ Вѣнѣ. Императору до-

[1]) Мемуары графини Эдлингъ, стр. 217, 218. Изъ словъ графини можно вывести заключеніе, что она сообщила письмо Кридинеръ императору уже послѣ бѣгства Наполеона съ острова Эльбы.

[2]) Эйнаръ, Vie de M-me Krudener, т. I, стр. 308—309; 316.

[3]) Письмо Кридинеръ отъ 4 февраля 1815 помѣщено у Эйнара, Vie de M-me Krudener, т. I, стр. 317—318.

ставлено было въ это время и другое оригинальное посланіе, имѣвшее болѣе близкое отношеніе къ вопросу о прочномъ союзѣ между державами, союзу, основанному на заповѣдяхъ евангелія. Авторомъ этого посланія былъ нѣмецкій ученый философъ францъ ф. Бадеръ. Бадеръ былъ большой оригиналъ по крайней мѣрѣ въ своей философіи. Онъ относился съ презрѣніемъ къ Канту, отрицалъ всю новую философію и основывалъ все свое собственное ученіе исключительно на отцахъ церкви и на соборныхъ постановленіяхъ. Бадеръ былъ ожесточеннымъ врагомъ папства, онъ отрицалъ приматъ римскаго епископа, но былъ въ то же время ярымъ сторонникомъ католической догмы, выработанной на Тридентскомъ соборѣ. Въ этой догмѣ усматривалъ онъ самую сущность христіанства, что же касается до реформаціи, то онъ считалъ ее извращеніемъ христіанства и называлъ ее: дифформація.

Въ своемъ посланіи къ императору Александру, Бадеръ исходилъ отъ извѣстнаго текста апостола Павла и доказывалъ, опираясь на него, что грѣховность человѣка и человѣчества проистекаетъ исключительно изъ отсутствія любви (т. е. изъ ненависти). Любовь ведетъ къ истинному богопочитанію, ненависть къ безбожію. Любовь соединяетъ людей, ненависть разъединяетъ ихъ. Любовь создаетъ истинную свободу, тогда какъ ненависть влечетъ за собою деспотизмъ и рабство. Духъ ненависти и безбожія достигъ своего крайняго развитія въ французской революціи. Вожаки революціи старались прежде всего искоренить христіанство. Вмѣстѣ съ христіанствомъ они искореняли духъ истиннаго величія и истиннаго смиренія и ставили на его мѣсто духъ надменнѣйшаго высокомѣрія и унизительнѣйшей подлости. И въ то время, какъ политика всѣхъ остальныхъ государствъ преслѣдовала цѣли чисто земныя и суетныя, въ революціонномъ правительствѣ Франціи впервые сказался открыто, громогласно, дерзновенно, тотъ адскій духъ, который не только отрицается отъ всякой религіи, но и объявляетъ ей открытую войну. Наконецъ духъ революціи, т. е. деспотіи и грѣха, воплощается въ лицѣ одного человѣка.

Воплощеніе революціи ниспровергнуто силою оружія, но

для дѣйствительнаго искоренения революціи, необходимо поднять духъ истиннаго христіанства и оживить имъ все общество и государство. Принципъ любви и свободы долженъ проникать не одну частную, но и общественную и политическую жизнь. Истинная теократія должна заступить мѣсто демократіи. Элементъ языческій долженъ быть устраненъ изъ жизни общественной. На основахъ евангельскаго ученія должно быть создано новое народное право.

Таковы были мысли, развитыя Бадеромъ въ его посланіи къ императору Александру и кто станетъ отрицать, что мысли эти могли укрѣпить Александра въ его намѣреніи внести принципъ любви въ область эгоизма, пересоздать всю политическую систему на основаніи христіанской этики? Но, съ другой стороны, кто отважится утверждать, что въ этихъ мысляхъ заключалось что-либо новое, что посланіе Бадера открыло глаза Александру и впервые заронило въ его душу идею священнаго союза? Намъ извѣстно, что идея эта возникла и развилась у Александра вполнѣ самостоятельно, что она выразилась въ цѣломъ рядѣ актовъ, исходившихъ изъ личной иниціативы императора, а потому мы и не можемъ приписывать какого-либо существеннаго значенія и посланію Бадера [1]).

Предлагая своимъ бывшимъ союзникамъ вступить съ нимъ въ новое соглашеніе, основанное на принципахъ христіанской любви и евангельскаго безкорыстія, Александръ не ограничивался одними словами, а подавалъ самъ на каждомъ шагу примѣръ уступчивости и истиннаго миролюбія. Единственно, благодаря его усиліямъ, переговоры по польско-саксонскому вопросу начали принимать болѣе благопріятный оборотъ съ тѣхъ поръ, какъ государь заявилъ о своей готов-

[1]) Извѣстный нѣмецкій историкъ Бернгарди въ своемъ сочиненіи Geschichte Russland's seit den Wiener Verträgen придаетъ посланію Бадера большое значеніе; но достаточно ознакомиться съ мыслями Бадера, хотя бы въ изложеніи самого Бернгарди, чтобы убѣдиться, что темноватое и затѣйливое посланіе нѣмецкаго кабинетнаго ученаго не могло произвести особенно сильное впечатлѣніе на императора Александра. См. Бернгарди, Geschichte Russlands etc., т. I, стр 486—492.

ности на значительныя территоріальныя уступки въ пользу Австріи и Пруссіи и главная трудность сосредоточилась теперь на вопросѣ о вознагражденіяхъ Пруссіи. Лордъ Кестльри пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію, что было бы крайне неосторожно доводить дѣло до крайности и подвергать Европу ужасамъ новой войны изъ-за польской конституціи и изъ за цѣлости владѣній короля Саксонскаго. Чисто личныя обстоятельства повліяли также на образъ дѣйствій лорда. Въ началѣ февраля долженъ былъ открытьсл англійскій парламентъ, и товарищи Кестльри по министерству вызывали его въ Лондонъ, гдѣ онъ долженъ былъ объяснить свой образъ дѣйствій на конгрессѣ, вызвавшій сильныя порицанія въ Англійской оппозиціонной печати. Мѣсто Кестльри въ Вѣнѣ долженъ былъ занять герцогъ Веллингтонъ, пользовавшійся, благодаря своимъ успѣхамъ въ Испанской войнѣ, громадной популярностью въ Англіи. Естественно, что Кестльри не желалъ оставить Вѣну, не доведя до благополучнаго конца хотя польско-саксонскаго дѣла, что онъ желалъ заручиться передъ парламентомъ, хотя какимъ-нибудь успѣхомъ, что онъ не хотѣлъ, чтобы Веллингтонъ присвоилъ себѣ всю славу Вѣнскаго примиренія. Кестльри задумалъ теперь предложить новый способъ рѣшенія саксонскаго вопроса, способъ, находившійся, правда, въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣми его предшествовавшими дѣйствіями. Но первый представитель Англіи давно уже пріучился къ перемѣнамъ фронта, давно уже отрекся отъ всякой послѣдовательности въ своихъ дипломатическихъ дѣйствіяхъ. Если прежде онъ считалъ единственно важнымъ вопросомъ—вопросъ Польскій, то теперь онъ началъ считать таковымъ вопросъ Саксонскій. Если прежде онъ не задумывался предложить всю Саксонію Пруссіи, а затѣмъ превратился въ защитника саксонской независимости, то теперь онъ выступилъ съ проектомъ раздѣла Саксоніи [1]). Онъ предлагалъ отдать Пруссіи половину Саксонской территоріи съ городами Торгау, Витенбергъ, Бауценъ и Циттау, а за

[1]) См. Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 287 и слѣд. Васильчиковъ, Тверь, соотвѣтствующія мѣста.

королемъ Саксонскимъ оставить самую богатую часть страны съ Дрезденомъ и Лейпцигомъ. Предложеніе Кестльри вызвало сначала сильную оппозицію со стороны Меттерниха и Талейрана, но благородный лордъ обнаружилъ на этотъ разъ такое непобѣдимое упорство, что его союзники, опасаясь, чтобы Англія не отреклась отъ нихъ, принуждены были, наконецъ, уступить. Теперь оставалось уговорить Пруссію. Склоняемый къ уступчивости императоромъ Александромъ, Фридрихъ Вильгельмъ далъ свое согласіе на раздѣлъ, но онъ требовалъ, чтобы къ долѣ Пруссіи присоединенъ былъ Лейпцигъ, на что въ свою очередь ни за что не соглашались Австрія и Франція. Упорство и рѣшимость короля прусскаго казались непреклонными. «Безъ Лейпцига я не могу возвратиться въ Берлинъ!» объявилъ Фридрихъ-Вильгельмъ. Кестльри думалъ уладить дѣло, предложивъ Пруссіи въ замѣнъ Лейпцига часть германскихъ земель, предназначенныхъ первоначально въ пользу Ганновера, но король остался непоколебимъ. Дѣло соглашенія встрѣтило, такимъ образомъ, новое, повидимому, неодолимое препятствіе, когда императоръ Александръ рѣшился положить конечный предѣлъ пререканіямъ новою великодушною уступкою съ своей стороны. До сихъ поръ государь требовалъ, чтобы Торнъ и Краковъ были объявлены вольными городами, теперь онъ предложилъ Пруссіи, взамѣнъ Лейппига, Торнъ со всѣмъ его округомъ. Понятно, что въ виду такой уступки, Фридрихъ-Вильгельмъ вынужденъ былъ признать себя вполнѣ удовлетвореннымъ [1]).

Неразрѣшимый Польско-Саксонскій вопросъ былъ такимъ образомъ улаженъ окончательно. Пруссія, благодаря близорукости Талейрана, получила, кромѣ половины Саксоніи, богатыя земли на Рейнѣ, сдѣлалась непосредственною сосѣдкою Франціи и превратилась въ державу чисто нѣмецкую. Россія пріобрѣла большую часть бывшаго герцогства Варшавскаго, и императоръ Александръ удержалъ за собою право даровать, по своему усмотрѣнію, полякамъ особую конституцію. Краковъ объявленъ былъ вольнымъ городомъ, а чисто русская

[1]) Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 295—296.

область, Галиція, предоставлена была Австріи [1]). За рѣшеніемъ этихъ основныхъ вопросовъ, совѣщанія конгресса приняли самый благопріятный оборотъ. Комитетъ изъ пяти великихъ державъ рѣшалъ безаппеляціонно всѣ дѣла, не обращая вниманія на требованія второстепенныхъ державъ. Комитетъ этотъ порѣшилъ такіе существенные вопросы, какъ образованіе новаго Нидерландскаго королевства изъ Голландскихъ и Бельгійскихъ земель, какъ раздѣленіе германскихъ земель, отнятыхъ у Наполеона, между Пруссіею и мелкими нѣмецкими владѣтелями, какъ возстановленіе старыхъ Итальянскихъ государей. Всѣ эти вопросы рѣшались, впрочемъ, не только съ крайнею поспѣшностью, но и въ духѣ чисто реакціонномъ. Стремленія и желанія народностей не принимались въ разсчетъ, высчитывались лишь однѣ квадратныя мили и души, имѣлись въ виду лишь одни предметы вознагражденія. Властолюбивый духъ Наполеона, его чисто механическое воззрѣніе на народы и на ихъ судьбу перешли, казалось, всецѣло на его побѣдителей. Европейская пенторхія распоряжалась, по своему усмотрѣнію, участью европейскихъ націй съ такимъ же произволомъ, какъ и падшій властелинъ Франціи. Придерживаясь чисто механическихъ воззрѣній, имѣя въ виду лишь одни интересы политическаго равновѣсія, великія державы, казалось, забыли окончательно, что желанія народовъ не могутъ быть пренебрегаемы безнаказно и что съ теченіемъ времени они могутъ вызвать новые безпорядки и потрясенія. Одинъ только императоръ Александръ подымалъ свой голосъ въ пользу удовлетворенія законныхъ національныхъ стремленій. Графъ Каподистрія предложилъ, между прочимъ, по его инціативѣ, возстановить подъ скипетромъ Габсбурговъ старую Римскую имперію нѣмецкой націи, какъ въ

[1]) Территоріальное вознагражденіе, полученное Россіею, равнялось 2,100 кв. мил. съ населеніемъ около трехъ милліоновъ душъ; тогда какъ Австрія пріобрѣла 2,330 кв. м. съ 10 милліонами душъ, а Пруссія 2,217 кв. в. съ 5,362,000 жителей. Такимъ образомъ, вознагражденіе Россіи, разсматриваемое даже съ чисто матеріальной точки зрѣнія, далеко уступало вознагражденію, полученному ея сосѣдями, и совершенно не соотвѣтствовало тѣмъ усиліямъ и тѣмъ жертвамъ, которыя принесла она за дѣло освобожденія Европы.

интересахъ европейскаго равновѣсія, такъ и для удовлетворенія стремленій Германскаго народа къ національному объединенію, но предложеніе Россіи встрѣтило сильную оппозицію со стороны Пруссіи и было отклонено остальными державами [1]).

Въ началѣ марта 1815 г. конгрессъ порѣшилъ уже всѣ вопросы. Государи и ихъ министры собирались уже покинуть Вѣну; устраивались послѣднія, прощальныя празднества. 7-го марта все высшее общество собралось въ императорскій дворецъ на любительскій спектакль. Давали комедію Бомарше «Севильскій Цирульникъ» и французскій водевиль «Прерванный танецъ». Общество было, по обыкновенію, отборное, блестящее, но обычное оживленіе отсутствовало. Тревожные слухи распространились въ салонахъ и шопотомъ передавались отъ одного лица другому. Разсказывали, что еще наканунѣ получено было извѣстіе отъ австрійскаго консула въ Ливорнѣ о внезапномъ исчезновеніи Наполеона съ острова Эльбы, но что князь Меттернихъ съ своимъ обычнымъ легкомысліемъ не потрудился даже вскрыть депешу, адресованную на его имя. Передавали, кромѣ того, что на слѣдующее затѣмъ утро прибылъ съ подтвержденіемъ поразительной новости англійскій курьеръ изъ Ливорно. Государи, министры и дипломаты хранили, однакоже, молчаніе, и лишь по ихъ озабоченнымъ лицамъ можно было догадаться, что произошло нѣчто необыкновенное. Прошло пять дней въ томительномъ ожиданіи, безъ всякихъ новостей. Никто не могъ сказать, куда направился страшный бѣглецъ. Въ Вѣнѣ ходили самые разнорѣчивые слухи. Одни увѣряли, что Наполеонъ высадился въ Италіи, другіе высказывали опасенія, что онъ направился къ берегамъ Франціи. Меттернихъ старался увѣрить всѣхъ и каждаго, что бѣгство Наполеона не должно возбуждать опасеній, а французскіе дипломаты, съ Талейраномъ во главѣ, вторили ему и предсказывали Наполеону вѣрную гибель, все равно, куда бы ни направился онъ: въ Италію, или во Францію [2]).

[1]) Подробности по этому вопросу см. у Перца Stein's Leben, т. IV, стр. 318 и слѣд., гдѣ помѣщены, между прочимъ, въ извлеченіи: записка Каподистріи, отзывы Штейна и Гумбольдта.

[2]) См. Comte de-la-Garde, т. III, стр. 269—273.

Австрійскій канцлеръ дошелъ въ своей странной самоувѣренности до того, что пригласилъ высшее общество къ себѣ на балъ. Приглашенія, разосланныя обычнымъ порядкомъ, должны были успокоить, по его мнѣнію, окончательно взволнованное «общественное мнѣніе». И дѣйствительно, въ назначенный вечеръ залы австрійскаго канцлера наполнились многочисленною публикою. Танцы начались, какъ вдругъ среди разгара веселія пришла грозная вѣсть, что Наполеонъ высадился на берегу ю. Франціи, между Антибомъ и Канномъ, что онъ идетъ на сѣверъ и что отряды королевскихъ войскъ, высланные противъ него, перешли на его сторону. Вѣсть эта упала, какъ бомба, на блестящее и безпечное собраніе. Танцы мгновенно прекратились, салонъ Меттерниха опустѣлъ въ нѣсколько минутъ [1]). Темное пророчество Кридинеръ пріобрѣло вдругъ смыслъ, ясный для всѣхъ. Лиліи явились лишь для того, чтобы исчезнуть вновь. Кровавый призракъ новой, страшной войны появился на горизонтѣ Европы.

[1]) См. Comte de-la-Garde, т. III, стр. 275.

ГЛАВА VIII.

«Громовой ударъ».—Бонапартовская интрига.—Бурбонскій режимъ, его характеръ и его ошибки.—Французская армія.—Предостереженіе.—Ослѣпленіе французскаго правительства и его представителей.—Легкомысліе Талейрана.—Саксонскій вопросъ.—Отрезвленіе Талейрана.—Декларація восьми державъ.—Наполеонъ внѣ защиты законовъ.—Возобновленіе Шомонскаго союза.—Паденіе Бурбоновъ.—Военныя приготовленія союзниковъ.—Цѣли войны.—Англія намѣрена вновь возстановить Бурбоновъ.—Пассивное отношеніе Австріи и Пруссіи къ Бурбонамъ, и ихъ намѣреніе потребовать земельныхъ вознагражденій отъ Франціи.—Принципіальныя основы политики Александра.—Обвиненія въ непослѣдовательности и перемѣнчивости.—Неосновательность этихъ обвиненій.—Колебанія Александра въ его отношеніяхъ къ Франціи и ихъ истинный источникъ.—Христіанскій характеръ политики Александра.—Либеральныя идеи Александра.—Его внутренняя борьба.—Разговоръ Александра съ лордомъ Кланкарти.—Герцогъ Орлеанскій—кандидатъ на французскую корону.—Отзывы Александра о Людовикѣ XVIII и его приближенныхъ.—Двойственная политика Лондонскаго кабинета.—Тщетныя усилія Наполеона разстроить европейскую коалицію.—Наполеонъ въ роли либерала и поборника мира.—Манифестъ Наполеона.—Наполеонъ дѣлаетъ неожиданную находку въ кабинетѣ Людовика XVIII.—Королева Гортензія пишетъ письмо императору Александру.—Достопамятная сцена въ кабинетѣ Александра.—Меттернихъ и его сообщники пойманы на мѣстѣ преступленія.—Неудачная миссія «домашняго друга».—Вся Европа превращается въ военный лагерь.—Поспѣшная работа дипломатовъ.—Конецъ Вѣнскаго конгресса.—Александръ въ Баваріи.—Грустное настроеніе императора.—Пріѣздъ Александра въ Гейльбронъ.—Таинственная дама и неожиданная аудіенція.—Какъ попала m-me. Кридинеръ въ Гейльбронъ?—Велѣніе Свыше или вмѣшательство Баденской полиціи?—Идиллія на мельницѣ.—Проповѣдническая дѣятельность m-me Кридинеръ.—Переписка «пророчицы» съ Стурдзою.—Нетерпѣливое ожиданіе.—Свидѣтельство Александра о его первой бесѣдѣ съ m-me Кридинеръ.—Странное стеченіе обстоятельствъ.—Гейльбронская бесѣда не имѣетъ никакого отношенія къ политикѣ.—Александръ находитъ утѣшеніе и успокоеніе въ словахъ Кридинеръ.—Александръ въ Гейдельбергѣ.—Духовныя бесѣды въ крестьянскомъ домикѣ на берегу Неккара.—M-me Кридинеръ и Ампейтазъ.—Чтеніе Слова Божьяго.—Вѣра во Христа и примиреніе съ Божествомъ.—Сила молитвы.—Увѣренность Александра въ правотѣ своего дѣла и въ побѣдѣ.—Благотворное вліяніе Кридинеръ на Государя.—Твердое и спокойное настроеніе Александра.—Австрійскіе стратеги и ихъ военные

планы.—Несогласіе Александра.—Военный совѣтъ.—Извѣстія изъ Бельгіи.—Битва при Линьи.—Унынiе въ главной квартирѣ союзниковъ.—Твердость Александра.—Онъ предсказываетъ скорую побѣду.—Побѣда при Ватерлоо. Радость и молитва Александра.—Движенiе союзныхъ войскъ на Парижъ.—Французское посольство въ лагерѣ союзниковъ.—Взятіе Парижа англо-прусскими войсками.—Пріѣздъ Александра въ Парижъ.

Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы, его высадка на берегу Южной Франціи и его первые успѣхи поразили, какъ громомъ, блестящее общество, устраивавшее среди баловъ и пикниковъ дѣла Европы на Вѣнскомъ конгрессѣ. А между тѣмъ эти событія никоимъ образомъ не могли считаться неожиданными. Съ тѣхъ поръ, какъ европейскіе государи, увлекаемые своимъ великодушіемъ, предоставили во владѣніе падшаго императора островъ Эльбу и установили во Франціи бездарный Бурбонскій режимъ, они создали сами всѣ условія для скораго возстановленія Наполеоновской имперіи. Наполеону были не только оставлены его титулъ и верховныя права, но и дана полная, ни чѣмъ не стѣсняемая свобода дѣйствій. Англійскій коммиссаръ, Кемпбель, назначенный резидентомъ при особѣ императора, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія слѣдить за его дѣйствіями, да онъ и не имѣлъ на это въ сущности никакого права и полномочія [1]). Командиры англійскихъ военныхъ судовъ, крейсировавшихъ вокругъ острова Эльбы, оставлены были безъ всякихъ инструкцій, даже на такой чрезвычайный случай, какъ отплытіе Наполеона

[1]) Въ засѣданіи англійской палаты общинъ, 7 апрѣля, лордъ Кестльри сказалъ: «Спрашиваютъ, почему Наполеона не охраняли бдительнѣе на островѣ Эльбѣ. Причина была та, что Наполеонъ находился тамъ не въ качествѣ плѣнника. Островъ былъ переданъ ему въ качествѣ независимаго владѣнія. Если бы его подвергли на Эльбѣ какому бы то ни было надзору, то этимъ самымъ нарушили бы договоръ, заключенный съ нимъ. Что же касается до возможности наблюдать за островомъ, то я полагаю, что всякій морякъ согласится со мною, что всѣ морскія силы Англіи не въ состояніи были бы воспрепятствовать бѣгству единичнаго человѣка съ Эльбы... Впрочемъ изъ договора явствуетъ, что въ намѣренія союзниковъ вовсе не входило держать Наполеона на островѣ Эльбѣ въ качествѣ плѣнника. Третій пунктъ парижскаго мира гласитъ такъ: «Островъ Эльба, принятый его величествомъ императоромъ Наполеономъ мѣстомъ его пребыванія, будетъ составлять при его жизни особое княжество, принадлежащее императору со всѣми верховными и владѣтельными правами». См. Pallain, стр. 283, 284, примѣчаніе 3-е.

со всею его маленькою арміею. Ни одна великая европейская держава не имѣла своего агента на островѣ. Наполеонъ имѣлъ полную возможность не только организовать свою вооруженную силу и собирать всѣ необходимыя средства для своего предпріятія, но и поддерживать непрерывныя сообщенія съ своими многочисленными приверженцами какъ въ Италіи и Франціи, такъ и въ другихъ странахъ Европы. Члены Бонапартовской фамиліи, располагавшіе громадными денежными средствами, и за немногими исключеніями, преданные душою и тѣломъ Наполеону, оставлены были также безъ всякаго контроля со стороны державъ. Одни изъ нихъ интриговали и подготовляли «великое событіе» въ Италіи, другіе во Франціи, третіе въ Швейцаріи. Всѣ они разъѣзжали свободно и безпрепятственно по Европѣ, поддерживали черезъ своихъ агентовъ сношенія съ Эльбою и могли даже посѣщать лично Наполеона. Пользуясь слабостью и непонятнымъ ослѣпленіемъ французскаго правительства, королева Гортензія осталась въ Парижѣ послѣ низложенія императора и держала здѣсь великолѣпный салонъ. Само собою понятно, что она дѣлала это не ради удовольствія или изъ какихъ-нибудь личныхъ, мелочныхъ побужденій. Оставаясь въ Парижѣ и поддерживая здѣсь прежнія связи, она дѣлала великое дѣло, собирала вокругъ себя старыхъ и новыхъ друзей и поддерживала возраставшій и безъ того уже съ каждымъ днемъ духъ общаго недовольства и ненависти къ Бурбонскому правительству. Мать императора, Летиція, братья его, Люціанъ и Іеронимъ, и кардиналъ Фешъ работали въ Италіи. Главными центрами ихъ дѣятельности были здѣсь Римъ и Неаполь. Кардиналъ Фешъ, пользуясь своимъ положеніемъ въ «священной коллегіи», разсылалъ своихъ агентовъ по всей Италіи и подготовлялъ умы къ возвращенію великаго человѣка. Веселый король Жеромъ, проживая при дворѣ Мюрата, не только подстрекалъ этого послѣдняго къ возстанію, но и поддерживалъ сношенія съ Эльбою. Эксъ-король Испанскій, Іосифъ, волновалъ Швейцарскихъ якобинцевъ и собиралъ вооруженныя шайки на самой французской границѣ, тогда какъ красивая и легкомысленная сестра Наполеона, Полина Боргезе,

неутомимо разъѣзжала изъ Рима на Эльбу, съ Эльбы въ Неаполь и обратно. Въ этихъ поѣздкахъ принимала неоднократно участіе и мать Наполеона, Летиція. И все это дѣлалось совершенно явно, такъ сказать, на глазахъ европейскаго ареопага, засѣдавшаго въ Вѣнѣ [1]).

Бурбонское правительство дѣлало съ своей стороны все-возможное, чтобы подготовить возвращеніе Наполена во Францію и облегчить его побѣду. Революція и военное владычество Наполеона уничтожили радикально старый порядокъ вещей и создали совершенно новыя условія и отношенія, примириться съ которыми были не въ состояніи возвратившіеся Бурбоны. Всѣ классы французскаго общества смотрѣли на паденіе Наполеоновой диктатуры какъ на освобожденіе отъ невыносимаго гнета, они привѣтствовали возстановленіе Бурбоновъ, ожидая отъ нихъ примиренія стараго и новаго порядковъ, но Бурбоны оказались неспособными къ такому великому и трудному дѣлу. Людовикъ XVIII былъ человѣкъ не безъ способностей и не безъ такта, но ему совершенно недоставало тѣхъ внѣшнихъ качествъ, безъ которыхъ немыслимо было завоевать симпатіи французской массы. Онъ былъ дряхлый, хилый старикъ, обремененный непомѣрною толщиною и мучительною подагрою. Онъ умѣлъ поддержать свое наружное королевское достоинство, но болѣзнь и старость приковали его къ мягкому креслу и дѣлали для него каждый оффиціальный выходъ настоящимъ мученіемъ. Онъ могъ еще въ случаѣ крайней надобности открыть торжественное собраніе палатъ, возсѣсть съ достоинствомъ на тронъ и прочесть съ подобающимъ апломбомъ тронную рѣчь, составленную его министрами, но онъ не въ состояніи былъ сѣсть на коня и стать во главѣ французской арміи. Онъ былъ преисполненъ наилучшими намѣреніями, онъ былъ твердо намѣренъ заботиться прежде и больше всего о примиреніи стараго, реставрированнаго порядка съ новымъ революціоннымъ обществомъ,

[1]) Подробности объ интригахъ Бонапартистовъ заключаются во многихъ мемуарахъ современниковъ, а также въ различныхъ дипломатическихъ документахъ, относящихся къ этой эпохѣ. См. также Viel-Castell, Histoire de la Restauration, т. II, d'Angeberg Le congres de Vienne, t. II и другія, относящіяся сюда изданія.

но ему не доставало для проведенія своей системы ни знаній, ни твердости характера. Воспитанный въ духѣ вольнодумной философіи конца XVIII вѣка, Людовикъ не имѣлъ, однакоже, точнаго и правильнаго представленія о настроеніяхъ, нуждахъ и потребностяхъ новаго французскаго общества. Благодаря своей безхарактерности, онъ никогда не былъ въ состояніи настоять на своемъ, и то и дѣло подпадалъ подъ вліяніе своихъ родственниковъ и эмигрантовъ, возвратившихся вслѣдъ за нимъ во Францію. Всѣ младшіе члены фамиліи Бурбоновъ и эмигранты принадлежали къ числу людей, ничего не забывшихъ и ни чему не выучившихся въ теченіе своего долгаго изгнанія. Новая Францція съ ея демократическимъ равенствомъ была для нихъ ненавистна и они думали лишь о возстановленіи своихъ старыхъ привиллегій и своего прежняго владычества надъ обществомъ. Они толковали открыто о необходимости матеріальнаго вознагражденія для эмигрантовъ и возбуждали тѣмъ страхъ и негодованіе среди многочисленнаго и вліятельнаго класса крупныхъ и мелкихъ собственниковъ, основавшихъ все свое благосостояніе на покупкѣ, такъ называемыхъ, національныхъ имуществъ. Они настаивали на возстановленіи стараго авторитета и исключительнаго господства католической церкви и вызывали тѣмъ опасеніе и ненависть среди всего образованнаго слоя общества, проникнутаго духомъ индиферентизма и невѣрія. Они относились съ презрѣніемъ къ славнымъ, военнымъ воспоминаніямъ Наполеоновской эпохи, третировали императорскую армію и ея вождей и вводили старыя военныя учрежденія, утратившія всякій смыслъ и возбуждавшія однимъ своимъ именемъ всеобщее негодованіе. Они держали себя въ высшей степени надменно, и, забывая свое недавнее ничтожество, не давали покоя королю своими завоевательными планами, имѣвшими въ виду возстановленіе прежняго престижа королевской Францiи.

Недовольство французскаго общества не грозило само по себѣ серіозными послѣдствіями, такъ какъ желаніе мира и спокойствія во что бы то ни стало пересиливало въ немъ всѣ остальныя стремленія и заглушало даже самыя серіозныя опа-

сенія; но правительство Людовика XVIII, руководимое частію своими подозрѣніями и антипатіями, а частію вынуждаемое къ тому силою обстоятельствъ и крайнею нуждою, оттолкнуло отъ себя армію, т. е. именно ту силу, которая одна только имѣла въ тогдашней Франціи дѣйствительное, реальное значеніе.

Французская армія, благодаря системѣ консприпцій, поглотила въ себѣ въ Наполеоновскія времена всю націю. Она привыкла смотрѣть на себя, какъ на первенствующее, господствующее сословіе въ государствѣ, а на свои потребности и нужды, какъ на нѣчто безотлагательное. Тяжелыя пораженія, понесенныя этою арміею въ послѣдніе годы, нисколько не поколебали ея самомнѣнія и нимало не ослабили ея притязательности. Подобно своему падшему вождю, армія объясняла свои послѣднія неудачи или случайными обстоятельствами, или измѣною. Страшно уменьшенная въ своемъ числѣ, лишенная своей славы непобѣдимости, оторванная отъ своего великаго вождя, поруганная, оскорбленная во всѣхъ своихъ симпатіяхъ и воспоминаніяхъ, но оставленная въ то же время въ своей прежней организаціи и подъ командою тѣхъ же начальниковъ, она относилась съ ненавистью къ Бурбонскому правительству, питала фанатическую любовь къ изгнанному императору, горѣла желаніемъ мести и возстановленія своего прежняго исключительнаго положенія. Правительство Людовика XVIII не рѣшилось, да и не имѣло ни силы, ни умѣнья раскассировать совершенно императорскую армію и создать на ея мѣсто совершенно новую, вооруженную силу; оно ограничилось по отношенію къ арміи однѣми полумѣрами, способными вызвать лишь только недовольство. Ненавистное бѣлое знамя съ своими забытыми лиліями заступило мѣсто старой триколоры и императорскихъ орловъ, прославленныхъ въ столькихъ походахъ и битвахъ. Императорская гвардія была уничтожена и ея мѣсто заступила гвардія королевская, составленная, по преимуществу, изъ эмигрантовъ, годная въ самомъ лучшемъ случаѣ лишь для парада, возбуждавшая удивленіе и смѣхъ своими старомодными мундирами. Заведены были вновь наемные швейцарскіе полки, возбуждавшіе столь-

ко горькихъ и обидныхъ воспоминаній для революціонной Франціи. Наконецъ, въ видахъ экономіи уволены были десятки тысячъ унтеръ-офицеровъ и старыхъ солдатъ, людей, отвыкшихъ отъ всякаго мирнаго занятія, свыкшихся съ военною службою, боготворившихъ своего императора и способныхъ разнести духъ ненависти къ Бурбонамъ среди массы населенія.

При такомъ положеніи дѣлъ бонапартовская интрига, руководимая сотнями опытныхъ и искусныхъ агентовъ, нашла для себя во Франціи почву вполнѣ подготовленную. Ей не было даже никакой надобности составлять частные заговоры [1]), а только подготовлять умы въ скорому возвращенію императора. Бонапартисты были вполнѣ убѣждены, что вся армія съ восторгомъ встрѣтитъ Наполеона, что всѣ маршалы и генералы перейдутъ, за немногими исключеніями, на его сторону, что старые якобинцы и революціонеры подадутъ руку императору, что префекты и чиновники измѣнятъ правительству, а большинство націи отнесется къ предстоящему перевороту, уже вслѣдствіе своей разрозненности и апатичности, вполнѣ пассивно, что оно поспѣшитъ преклониться передъ человѣкомъ, одно имя котораго вызывало страхъ и чувство безусловнаго повиновенія [2]).

Французское правительство и европейскіе государи, собравшіеся съ своими министрами въ Вѣнѣ, повидимому, должны были сознавать крайне шаткое положеніе дѣлъ и предвидѣть всю неизбѣжность приближающагося переворота. Недостатка въ предостереженіяхъ и въ болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣніяхъ о броженіи умовъ во Франціи, о роковыхъ ошибкахъ Бурбоновъ, объ интригахъ и приготовленіяхъ бонапартистовъ, не было. Напротивъ, они приходили въ избыткѣ—съ самыхъ различныхъ сторонъ и изъ разнообразныхъ источниковъ. Послы и дипломатическіе агенты великихъ европейскихъ державъ въ Парижѣ присылали съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе

[1]) Недостатка въ такихъ заговорахъ, впрочемъ, не было, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ большаго значенія.

[2]) Подробности о положеніи дѣлъ во Франціи см. между прочимъ у Тьера, Histoire du consulat et de l'empire, т. XVIII.

неутѣшительныя донесенія. Ошибки Бурбонскаго правительства, возростающее недовольство французскаго общества, глухое броженіе въ французской арміи,—не могли, разумѣется, оставаться тайною ни для кого. Работа бонапартистовъ шла такъ явно и безцеремонно, что никоимъ образомъ не могла оставаться незамѣченною. Еще въ августѣ 1814 г. сенатъ города Берна увѣдомлялъ графа Артуа и англійскаго посланника въ Швейцаріи о крайне подозрительныхъ поѣздкахъ и проискахъ Іосифа Бонапарте и объ его тайныхъ сношеніяхъ съ французскими генералами [1]). Въ началѣ зимы явился къ Блака̀, фавориту Людовика XVIII, съ весьма важными сообщеніями извѣстный республиканецъ и бывшій директоръ Барра̀. Онъ доносилъ о заговорѣ противъ короля, интригахъ Бонапарте и его сношеніяхъ съ Мюратомъ, но Блака̀ не обратилъ никакого вниманія на предостереженія и совѣты. Маркизъ д'Осмондъ, французскій посланникъ при Туринскомъ дворѣ, увѣдомлялъ около этого-же времени Талейрана и французскихъ министровъ о дѣятельныхъ сношеніяхъ бонапартистовъ съ островомъ Эльбою, но его неоднократныя донесенія оставлены были безъ всякихъ послѣдствій. Жена маршала Ожеро явилась въ январѣ 1815 г. къ полицейскому префекту въ Парижѣ, Андре, съ весьма важными донесеніями о тайныхъ проискахъ герцога Бассано и его супруги, но префектъ не придалъ ни малѣйшаго значенія ея показаніямъ и объявилъ ихъ простою женскою сплетнею [2]). Съ такимъ же непозволительнымъ легкомысліемъ отнесся Талейранъ ко всѣмъ предостереженіямъ бывшаго министра наполеоновской полиціи, Фуше.

Съ теченіемъ времени количество предостереженій дѣлалось все значительнѣе, а ихъ характеръ все тяжеловѣснѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ возрастало и непонятное ослѣпленіе французскаго правительства и его важнѣйшихъ представителей. Князь Талейранъ, пользовавшійся репутаціею умнѣйшаго человѣка во всей Европѣ, подавалъ въ это время всѣмъ осталь-

[1]) Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 368.

[2]) Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 368.

нымъ примѣръ самаго невѣроятнаго легкомысія. Онъ какъ будто закрывалъ глаза при приближеніи опасности и отрицалъ факты, казавшіеся всѣмъ другимъ несомнѣнными. Поццо ди Борго совѣтывалъ еще въ октябрѣ 1814 г. внести на конгрессъ предложеніе объ арестѣ Наполеона; мѣсяцъ спустя, онъ повторилъ еще съ большею настойчивостью свое предложеніе; Талейранъ оба раза отнесся къ этому предложенію свысока, съ тономъ ироніи. «Оставьте это дѣло», говорилъ онъ, пожимая плечами, «Наполеонъ мертвый человѣкъ». Лица, прибывшія въ Вѣну изъ Франціи въ декабрѣ мѣсяцѣ, передавали Талейрану самыя тревожныя свѣдѣнія о мятежномъ духѣ, распространявшемся среди французской арміи. «Пустяки!» возражалъ имъ князь съ своею обычною саркастическою улыбкою. «Король можетъ выставить 150,000 преданныхъ ему солдатъ, и крамола будетъ подавлена въ самомъ своемъ зародышѣ» [1]). Легкомысліе Талейрана дѣйствовало заражающимъ образомъ и на министровъ другихъ европейскихъ государствъ, находившихся въ Вѣнѣ. Меттернихъ, лордъ Велингтонъ и самъ императоръ Александръ то и дѣло получали изъ Франціи самыя тревожныя извѣстія, но самоувѣренное презрѣніе, съ которымъ относился ко всѣмъ этимъ донесеніямъ Талейранъ, сбивало ихъ съ настоящаго пути и разсѣевало всѣ ихъ опасенія.

Ослѣпленіе Талейрана было такъ велико, что онъ продолжалъ говорить въ прежнемъ высокомѣрномъ тонѣ даже и послѣ полученія первыхъ извѣстій объ исчезновеніи Наполеона съ острова Эльбы. Онъ говорилъ о Наполеонѣ и его предпріятіи въ какомъ то полушутливомъ, полупрезрительномъ тонѣ и не раздѣлялъ опасеній своихъ коллегъ. Онъ допускалъ, что Наполеонъ можетъ произвести большое замѣшательство въ Италіи, такъ какъ здѣсь онъ могъ дѣйствовать сообща съ Мюратомъ и партіею недовольныхъ, но онъ предрекалъ Наполеону вѣрную гибель въ томъ случаѣ, если-бы онъ осмѣлился высадиться на берега Франціи [2]). Да онъ былъ

[1]) Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 369—370.

[2]) Замѣчательно, что въ этомъ отношеніи Поццо-ди-Борго ошибался еще бо-

глубоко убѣжденъ, что императоръ не отважится идти во Францію и высказывалъ это свое мнѣніе не только въ бесѣдахъ съ министрами и дипломатами въ Вѣнѣ, но даже и въ своемъ тайномъ донесеніи королю Людовику.

«Направленіе, взятое Наполеономъ на сѣверъ, указываетъ, повидимому, что онъ намѣренъ высадиться или въ Генуѣ, или въ южной Франціи», писалъ онъ своему королю [1]). «Я не могу повѣрить, чтобы онъ отважился предпринять что-либо противъ нашихъ южныхъ провинцій. Онъ могъ бы высадиться туда лишь въ томъ случаѣ, еслибы онъ располагалъ тамъ какими нибудь важными связями, а этого допустить невозможно. Тѣмъ не менѣе необходимо принять съ этой стороны мѣры предосторожности и послать на югъ отборныя и безусловно вѣрныя войска. Впрочемъ, необходимо имѣть въ виду, что нападеніе Наполеона на Францію было бы дѣломъ настоящаго бандита. Съ нимъ слѣдуетъ поступить какъ съ разбойникомъ и примѣнить къ нему тѣ самыя мѣры, которыя примѣняются къ обыкновеннымъ бригантамъ. Я считаю несравненно болѣе вѣроятнымъ, продолжаетъ Талейранъ въ своемъ донесеніи, «что онъ направится въ сѣверную Италію. Нужно опасаться, что высадившись около Генуи, онъ направится черезъ горы въ Парму и Ломбардію. Здѣсь его появленіе послужитъ сигналомъ къ возстанію, давно уже подготовленному и вызванному дурнымъ образомъ дѣйствій австрійцевъ и фальшивою политикою ихъ кабинета. Поддерживаемый войсками Мюрата, который дѣйствуетъ, безъ сомнѣнія, за одно съ нимъ, Бонапарте можетъ зажечь пожаръ во всей Италіи».

Талейранъ не считаетъ, однакоже, своей гипотезы безусловно вѣрною, и въ концѣ концевъ совѣтуетъ королю сосредоточить достаточныя силы на югѣ и дѣйстовать соображаясь съ обстоятельствами. «Послѣдствій этого событія не-

лѣе Талейрана. Онъ увѣрялъ, что если Наполеонъ пойдетъ во Францію, то его повѣсятъ на первомъ деревѣ. См. De la Garde, Fetes et souvenirs du Congrès de Vienne, т. III, стр. 275.

[1]) Донесеніе Талейрана Людовику XVIII, отъ 7-го марта 1815, Pallain, стр. 282—286.

возможно предвидѣть», замѣчаетъ онъ между прочимъ, «но они могутъ быть счастливыя, если только съумѣютъ извлечь изъ нихъ выгоду. Я употреблю всѣ усилія, чтобы здѣсь не позволили убаюкать себя и чтобы конгрессъ принялъ рѣшеніе, лишающее Бонапарте того сана, который былъ оставленъ ему, по какой-то непонятной слабости и чтобы у него отнята была навсегда возможность повергать Европу въ новое несчастіе». [1]).

Талейранъ не находилъ, впрочемъ, необходимымъ спѣшить даже этимъ рѣшеніемъ и считалъ, что вопросъ о Наполеонѣ далеко не такъ важенъ и безотлагателенъ, какъ вопросъ Саксонскій. Между нимъ и министрами другихъ великихъ державъ возникло по этому поводу даже формальное разногласіе. Извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на всѣ кабинеты. Убѣжденіе, что теперь слѣдуетъ устранить всѣ второстепенные вопросы, уладить всѣ несогласія и споры и соединить вновь силы противъ общаго врага, сдѣлалось вдругъ всеобщимъ. Какъ въ прежніе моменты великой борьбы, точно также и теперь, императоръ Александръ первый подалъ примѣръ союзной вѣрности и непоколебимой твердости; забывая всѣ только что пережитыя имъ испытанія, императоръ дѣйствовалъ такъ, какъ будто между нимъ и его союзниками не существовало ни малѣйшей тѣни разногласія. Тотчасъ же по полученіи извѣстій о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы, онъ заявилъ, что онъ готовъ поддерживать всѣми своими силами постановленія Парижскаго мира. Правда, онъ объявлялъ при этомъ, что онъ намѣренъ поставить напередъ свои условія, чтобы оградить себя и дѣло возста-

[1]) Самонадѣянность короля Людовика оставляла, впрочемъ, далеко за собою самоувѣренность Талейрана. Вотъ что писалъ, между прочимъ, король своему министру, отъ того же 7-го марта. «Безъ сомнѣнія, вы получили уже извѣстіе о дерзкомъ предпріятіи Бонапарте. Я тотчасъ же принялъ мѣры, кажущіяся мнѣ наиболѣе удобными, дабы заставить его жестоко раскаяться, и я вполнѣ разсчитываю на ихъ успѣхъ. Сегодня утромъ я принималъ пословъ и просилъ ихъ увѣдомить свои дворы, что я ни сколько не встревоженъ полученнымъ извѣстіемъ и что я глубоко убѣжденъ, что спокойствіе Европы будетъ столь же мало нарушено этимъ событіемъ, какъ и спокойствіе моей души». Pallain, письмо Людовика отъ 7-го марта, стр. 278—280.

новленія общаго порядка отъ новыхъ затрудненій и интригъ со стороны союзниковъ, но въ этомъ случаѣ онъ исполнялъ лишь свой долгъ по отношенію къ Европѣ. Что императоръ не руководился при этомъ заявленіи никакими властолюбивыми побужденіями, что онъ желалъ лишь оградить интересы общіе, сказалось ясно въ его дальнѣйшихъ заявленіяхъ. «Я не намѣренъ требовать для себя и для Россіи какихъ бы то ни было новыхъ вознагражденій», высказался онъ между прочимъ въ бесѣдѣ съ графомъ Каподистріею. «Но я не въ состояніи вести новой войны безъ субсидій» [1].

Совершенно иначе держали себя представители другихъ великихъ державъ, въ особенности же Франціи и Австріи. Императоръ Францъ и его канцлеръ пользовались случаемъ, чтобы уколоть Александра за его сочувствіе либеральнымъ идеямъ. По ихъ словамъ, выходило такъ, что бѣгство Наполеона съ острова Эльбы было прямымъ послѣдствіемъ великодушія, оказаннаго Александромъ побѣжденному императору и его ухаживанія за французскими якобинцами. Меттернихъ напоминалъ государю, что онъ одинъ противился въ Парижѣ назначенію Эльбы мѣстопребываніемъ Наполеону и предсказывалъ уже тогда всѣ несчастныя послѣдствія такого рѣшенія [2]. «Вотъ послѣдствія покровительства, оказаннаго парижскимъ якобинцамъ», воскликнулъ императоръ Францъ, обращаясь къ Александру. «Совершенно вѣрно», отвѣчалъ Александръ, «и чтобы исправить мою вину, предлагаю себя и мои арміи къ услугамъ Вашего Величества» [3].

Штейнъ подалъ мысль, что всѣ восемь державъ, подписавшія парижскій миръ, должны теперь издать манифестъ, въ которомъ они высказали бы свое твердое намѣреніе охранять, во что бы то ни стало условія этого мира. Всѣ государи и министры, находившіеся въ Вѣнѣ, одобрили эту мысль; одинъ только Талейранъ возсталъ противъ нея, какъ противъ преждевременной, какъ выражался онъ, мѣры и предложилъ ула-

[1]) Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 371—72.
[2]) Васильчиковъ, семейство Разумовскихъ, т. IV, стр. 559.
[3]) Богдановичъ, исторія царствованія Александра I-го, т. V, стр. 50.

дить сперва окончательно Саксонскій вопросъ [1]). Мнѣніе Талейрана было принято, и конференція великихъ державъ постановила отправить въ Пресбургъ, куда перевезенъ былъ въ это время Саксонсонскій король, депутацію отъ конгресса съ категорическимъ предложеніемъ принять постановленія, сдѣланныя въ Вѣнѣ относительно раздѣла Саксоніи. Какое значеніе придавалъ Талейранъ этому, въ сущности, второстепенному вопросу, видно изъ того, что, по его предложенію, въ составъ депутаціи были избраны Меттернихъ, Велингтонъ и онъ самъ. Депутація отправилась въ Пресбургъ, но пока она вела тамъ безполезные переговоры съ упрямымъ Саксонскимъ королемъ [2]) и его министромъ Эйнзиделемъ, получено было извѣстіе о высадкѣ Наполеона въ Каннѣ на югѣ Франціи и его смѣломъ движеніи во внутрь страны. Самоувѣренность Талейрана сразу упала, и онъ началъ торопить своихъ товарищей ѣхать обратно въ Вѣну. Онъ не только не возражалъ теперь противъ предложенія Штейна, но и поспѣшилъ самъ составить проектъ деклараціи союзныхъ державъ противъ Наполеона. Другой проектъ деклараціи составленъ былъ Генцомъ. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія редижирована была окончательная редакція и уже 13-го марта декларація была подписана представителями всѣхъ восьми державъ. Талейранъ былъ въ восторгѣ, онъ восхвалялъ благородство Александра и его союзниковъ и предсказывалъ, что манифестація восьми державъ окажетъ громадное вліяніе на французскій народъ [3]). И дѣйствительно, тонъ деклараціи былъ самый рѣшительный и не оставлялъ, повидимому, никакихъ сомнѣній на счетъ намѣреній державъ. Державы объявляли въ ней торжественно, что Наполеонъ Бонапарте нарушилъ миръ своимъ вторженіемъ во Францію, лишилъ себя этимъ дѣйствіемъ защиты законовъ и показалъ, что съ нимъ немыслимо заклю-

1) Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 272.

2) Упрямство Саксонскаго короля вызвано было, главнымъ образомъ, извѣстіемъ о возвращеніи Наполеона во Францію. См. Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 374.

3) См. Письма Талейрана къ Людовику отъ 12 и 14 марта 1815 г. Pallain, стр. 287—296.

чать какіе бы то ни было договоры. Державы заявляли о своей готовности оказать, по первому требованію, помощь французскому королю и народу, равно какъ и всякому правительству, въ томъ случаѣ, если-бы оно подверглось нападенію. Вслѣдствіе этого державы объявили, что Наполеонъ Бонапарте поставилъ себя внѣ всякихъ гражданскихъ и общественныхъ отношеній и, какъ врагъ и нарушитель общаго покоя, обрекъ себя общественному мщенію. Въ заключеніе державы объявляли, что онѣ твердо намѣрены охранять ненарушимость парижскаго мира, равно какъ и всѣ уже совершенныя ими, или могущія еще совершиться, постановленія въ пользу общаго мира, желаемаго столь пламенно всею Европою [1]).

Державы спѣшили показать всему свѣту, что онѣ не намѣрены ограничиваться одними заявленіями. Уже 25 марта подписанъ былъ въ Вѣнѣ новый союзный трактатъ между Россіею, Пруссіею, Австріею и Великобританіею, возобновлявшій всѣ условія Шомонскаго договора. Четыре державы обязались выставить каждая по 150,000 чел. и не прекращать военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ не лишенъ будетъ возможности возмущать спокойствіе Европы. Всѣ остальныя европейскія государства приглашены были къ участію въ союзѣ противъ общаго врага рода человѣческаго. Спустя нѣсколько дней подписанъ былъ договоръ о субсидіяхъ, въ силу котораго Великобританія обязалась уплатить тремъ великимъ державамъ субсидію въ пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, и тридцати германскимъ государствамъ, выставившимъ контингенты противъ Наполеона, 3,512,000 фунтовъ [2]).

Рѣшительныя мѣры, принятыя державами, произвели самое благопріятное впечатлѣніе во всей Европѣ. Ненависть къ дерзкому нарушителю мира, купленнаго цѣною такихъ страшныхъ усилій и такихъ колоссальныхъ жертвъ, пробудилась повсемѣстно съ новою силою. Общественное мнѣніе вы-

[1]) См. Васильчиковъ, т. IV, стр. 561—562, Богдановичъ, т. V, стр. 51, Перцъ т. IV, стр. 382.

[2]) Богдановичъ, т. V, стр. 51.

сказывалось повсюду энергически за безпощадную войну. Но если Талейранъ разсчитывалъ, что декларація соединенной Европы произведетъ отрезвляющее впечатлѣніе на умы французскаго народа и положитъ предѣлъ дерзкой попыткѣ Наполеона, то онъ жестоко ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Успѣхи Наполеона были такъ быстры, что онъ предупреждалъ повсемѣстно своимъ появленіемъ прибытіе деклараціи. Уже на другой день послѣ подписанія союзнаго договора, въ Вѣнѣ, получено было извѣстіе, что Наполеонъ занялъ Ліонъ, что всѣ французскія войска, собранныя тамъ, перешли на его сторону и что графъ Артуа и маршалъ Макдональдъ вынуждены были спасаться бѣгствомъ отъ разъяренныхъ солдатъ. Спустя нѣсколько дней сдѣлалось извѣстнымъ, что маршалъ Ней, обязавшійся привести Наполеона плѣнникомъ въ Парижъ, перешелъ со всѣмъ своимъ корпусомъ къ императору. Наконецъ, пришла вѣсть о постыдномъ бѣгствѣ Людовика изъ Парижа и о торжественномъ вступленіи «врага человѣческаго рода» въ столицу Франціи [1]). Послѣднія иллюзіи разсѣялись. Эфемерный тронъ Бурбоновъ былъ сметенъ съ лица земли. Соединенной Европѣ приходилось имѣть дѣло не съ опальнымъ изгнанникомъ, а съ силами цѣлой Франціи, собравшейся вновь подъ знаменами своего національнаго вождя.

Такія невѣроятныя событія усилили, разумѣется, всеобщую тревогу и ускорили военныя приготовленія Европейскихъ державъ. На ряду съ конференціями министровъ и дипломатовъ начались совѣщанія стратеговъ и генераловъ. Въ этихъ совѣщаніяхъ принимали участіе: князь Шварценбергъ, князь Волконскій, герцогъ Веллингтонъ и генералъ Кнезебекъ. Союзники предполагали двинуть противъ Франціи всѣ свои арміи и подавить Наполеона однимъ численнымъ превосходствомъ своихъ силъ. Предполагали, что Наполеонъ не въ состояніи будетъ собрать подъ знамена болѣе 400,000 ч., что половину этого числа онъ вынужденъ будетъ употребить на защиту Парижа и пограничныхъ крѣпостей, и что его дѣйствующая армія будетъ

[1]) Подробности всѣхъ этихъ событій въ соч. Вьель-Кастеля, Тьера, Шарраса и другихъ.

состоять лишь изъ 200,000 солдатъ [1]). Противъ такихъ въ сущности незначительныхъ силъ союзники предполагали выставить въ поле около милліона солдатъ, раздѣленныхъ на нѣсколько отдѣльныхъ армій. Первая союзная армія, состоявшая исключительно изъ австрійцевъ, должна была сосредоточиться въ Піемонтѣ и проникнуть отсюда въ юго-восточную Францію. Численность этой арміи должна была доходить до 150,000 ч. На верхнемъ Рейнѣ, въ Швейцаріи и южной Германіи, сосредоточивалась вторая союзная армія, состоявшая частью изъ австрійскихъ войскъ, частью изъ контингентовъ мелкихъ германскихъ государствъ. Численность этой арміи предполагалось довести въ наискорѣйшемъ времени до 200,000 ч. Третья союзная армія сосредоточена была въ Бельгіи, на сѣверовосточной границѣ Франціи и состояла на половину изъ англичанъ, мелкихъ нѣмецкихъ контингентовъ и нидерландскихъ войскъ, и на половину изъ пруссаковъ. Вождями ея были лучшіе союзные полководцы: герцогъ Веллингтонъ и фельдмаршалъ Блюхеръ, а ея численность доходила до 210,000 ч. съ 520 орудіями. Независимо отъ этихъ громадныхъ массъ, расположенныхъ, такъ сказать, въ первой линіи, союзники предполагали еще собрать на нижнемъ Рейнѣ и въ Франконіи двѣ другія колоссальныя арміи. Первая изъ нихъ должна была состоять изъ прусскихъ войскъ и ея численность опредѣлялась въ 150,000 ч.; тогда какъ вторая должна была состоять исключительно изъ русскихъ войскъ, число которыхъ предполагалось довести до 250,000 ч. Наконецъ, помимо всего этого, Франція должна была еще подвергнуться нападенію и со стороны Пиринеевъ, гдѣ должны были дѣйствовать испанскія войска, численность коихъ легко могла быть доведена до 100,000 ч.

Понятно, что располагая такими страшными силами, которыя въ случаѣ надобности легко могли быть увеличены, со-

[1]) Въ дѣйствительности Наполеонъ могъ собрать не болѣе 250 тысячъ человѣкъ. О военныхъ планахъ и приготовленіяхъ союзниковъ см. Бернгарди, Geschichte Russland's und der europaichen Politik—im den Iahren 1815—31, главы 6 и 7.

юзники не могли ни мало сомнѣваться въ исходѣ борьбы, и весь вопросъ сводился у нихъ къ тому, съ кѣмъ придется имъ вести войну и какія конечныя цѣли должна имѣть эта война. Первоначально, пока исходъ Наполеоновой попытки овладѣть съ горстью солдатъ Франціею представлялся еще сомнительнымъ, союзные государи предполагали, что ихъ арміи должны будутъ подать, въ случаѣ надобности, помощь французскому королю. Когда же Бурбонское владычество разрушено было Наполеономъ въ теченіе одной недѣли и Франція превратилась вновь въ военную имперію, союзникамъ предстояло рѣшить предварительно вопросъ, съ какою цѣлью предпринимаютъ они войну: для простой ли реставраціи Бурбоновъ, какъ требовалъ этого Талейранъ, для установленія ли во Франціи какого-нибудь другаго правительства, или же, наконецъ, только для устраненія Наполеона, безъ всякаго намѣренія мѣшаться во внутреннія дѣла Франціи. На счетъ этого важнѣйшаго вопроса существовало, безъ сомнѣнія, значительное разногласіе между великими державами. Великобританское правительство твердо было намѣрено добиваться во что бы то ни стало возстановленія Людовика XVIII на французскомъ престолѣ. Такое возстановленіе вполнѣ согласовалось и съ принципіальными воззрѣніями торійскихъ министровъ и съ такъ называемыми интересами Англіи. По мнѣнію торіевъ, интересы эти заключались, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы Франція оставалась въ положеніи державы, униженной и ослабленной, чтобы французское правительство смотрѣло на Англію, какъ на свою главную опору и чтобы оно отказалось разъ навсегда отъ всякихъ попытокъ возвратить Франціи вполнѣ независимое и первенствующее положеніе въ системѣ европейскихъ государствъ [1]).

Совершенно иначе относились къ реставраціи Людовика Австрія и Пруссія. Какъ для той, такъ и для другой возстановленіе это не представляло ни малѣйшаго интереса. Обѣ

[1]) Политика Англіи въ этомъ вопросѣ можетъ быть уяснена вполнѣ удовлетворительно тѣмъ документальнымъ матеріаломъ, который заключается въ собраніи бумагъ (писемъ, донесеній, депешъ всякаго рода) герцога Велингтона.

германскія державы имѣли въ виду лишь низложеніе Наполеона, далѣе онѣ предполагали воспользоваться вторичнымъ пораженіемъ Франціи для возвращенія тѣхъ областей, которыя отторгнуты были когда-то французами отъ Германіи. Возвращая эти области ихъ законнымъ владѣльцамъ, германскія державы думали тѣмъ самымъ чувствительно наказать Францію и ослабить ее до такой степени, чтобы она не въ состояніи была угрожать впредь своимъ сосѣдямъ [1]).

Легко понять, что императоръ Александръ не могъ раздѣлять никоимъ образомъ ни воззрѣній Великобританскаго правительства, ни своихъ континентальныхъ союзниковъ. Его политическая система покоилась на совершенно иныхъ основаніяхъ; она опредѣлялась прежде всего его возвышенными религіозными воззрѣніями. Государь, призывавшій всѣхъ властелиновъ Европы къ братскому союзу, основанному на заповѣди Христа Спасителя: *возлюби ближняго, какъ самого себя,* не могъ руководиться въ своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ побужденіями корыстными и мелочными, не могъ преслѣдовать ни такъ называемой политики интересовъ, ни политики мести, способной породить лишь новыя безконечныя войны. Стоя на почвѣ высоко гуманной и въ то же время чисто христіанской, Александръ принималъ одинаково въ соображеніе не только интересы своей страны и своего народа, но и всего христіанскаго міра, всего человѣчества, не только права государей, но и права народовъ. Вотъ почему его политика, опредѣляемая столь великими и многообразными мотивами, представляла на первый взглядъ столько противорѣчій и непослѣдовательностей, вотъ почему она подавала поводъ писателямъ пристрастнымъ то обвинять Александра въ легкомысліи и безхарактерности, то въ коварствѣ и двоедушіи.

Ни одна эпоха въ политикѣ Александра не подавала столько поводовъ къ обвиненіямъ подобнаго рода, какъ эпоха Вѣнскаго конгресса и второй Бурбонской реставраціи. Александръ, говорятъ намъ историки извѣстныхъ направленій, выступилъ

[1]) Такой политики держались вообще всѣ германскіе государственные люди, въ томъ числѣ и Штейнъ.

на Вѣнскомъ конгрессѣ рѣшительнымъ врагомъ Бурбоновъ, возстановленныхъ имъ самимъ на французскомъ престолѣ. Онъ относился съ явнымъ пренебреженіемъ, если и не съ враждебностью къ Талейрану, уполномоченному короля Людовика. Въ разговорахъ и вообще въ сношеніяхъ съ нимъ онъ держалъ себя крайне надменно и старался дать почувствовать ему на каждомъ шагу свое превосходство. Что такой образъ дѣйствій Александра относился не лично къ Талейрану, а къ тогдашнему французскому правительству,—видно изъ того, что Александръ пытался устранить Францію отъ всякаго дѣйствительнаго участія въ совѣщаніяхъ великихъ державъ, что онъ шелъ систематически въ разрѣзъ всѣмъ интересамъ Франціи и притомъ не только въ такихъ вопросахъ, гдѣ онъ заинтересованъ былъ самъ лично, какъ, напримѣръ, въ вопросахъ польскомъ и саксонскомъ, но даже и въ такомъ, совершенно далекомъ и чуждомъ для него и для Россіи вопросѣ, какъ вопросъ неаполитанскій. Относясь съ такою враждебностью къ Бурбонской Франціи, Александръ выступалъ въ то же время въ Вѣнѣ въ роли покровителя свергнутаго Наполеона и всей его фамиліи. Онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на интриги Наполеона и на его очевидныя приготовленія къ нападенію на Францію, и напоминалъ въ то же время французскому правительству, что оно нарушаетъ свои обязательства и не уплачиваетъ пенсіи бывшему императору. Онъ взялъ подъ свою защиту и Евгенія Богарне, и Марію Луизу, и сына Наполеона. Онъ дошелъ даже до того, что требовалъ для перваго изъ нихъ самостоятельнаго княжества въ Германіи или Италіи, а Маріи-Луизѣ и ея сыну хотѣлъ предоставить Парму и Лукку, т. е. какъ разъ тѣ италіанскія княжества, которыя, по мнѣнію Бурбоновъ, составляли законное и неотъемлемое достояніе младшей линіи ихъ дома. Наконецъ, Александръ отнесся крайне небрежно, почти оскорбительно, къ сватовству герцога Беррійскаго на великой княжнѣ Аннѣ и приказалъ Поццо-ди-Борго, возвращавшемуся на свой посольскій постъ въ Парижѣ, объявить, между прочимъ, кому надлежитъ, что о бракѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ великая княжна Анна ни въ какомъ случаѣ не можетъ перемѣнить религіи.

Такъ относился Александръ къ Бурбонамъ до того самаго момента, когда пришла въ Вѣну роковая вѣсть о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы и о его высадкѣ на берегахъ Франціи. Подъ вліяніемъ этой вѣсти все измѣнилось мгновенно, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. Опасность, грозившая королевской Франціи, изгладила, повидимому, всѣ враждебныя чувства и замыслы русскаго государя. Онъ первый изъ всѣхъ союзныхъ государей объявилъ о своемъ твердомъ намѣреніи защищать всѣми силами не только парижскій миръ, но и законнаго короля Франціи. Его прежняя холодность и раздражительность по отношенію къ князю Талейрану уступила мѣсто совершенно противоположнымъ чувствамъ. Императоръ хотѣлъ, казалось, показать всему свѣту, что къ представителю Франціи онъ относится лучше и сердечнѣе, нежели къ кому бы то ни было. Онъ осыпалъ Талейрана любезностями при каждомъ удобномъ случаѣ, онъ видимо отличалъ его отъ всѣхъ остальныхъ, а о королѣ Людовикѣ онъ говорилъ не иначе какъ съ живѣйшимъ выраженіемъ своего личнаго, чисто дружескаго интереса. «Теперь не время», высказывался онъ между прочимъ, «повторять старые упреки и заниматься разслѣдованіемъ причинъ теперешняго положенія дѣлъ. Надлежитъ лишь думать о средствахъ, какъ бы выйти скорѣе изъ него. Что касается до меня, то я готовъ пожертвовать моимъ послѣднимъ солдатомъ и моимъ послѣднимъ рублемъ. Я поставлю на карту даже мою жизнь за дѣло, въ которомъ замѣшана моя честь» [1]). Высказываясь съ такою горячностью за дѣло Бурбоновъ, Александръ отрекся, повидимому, отъ своихъ симпатій къ Бонапартамъ. Оказывая по прежнему покровительство Евгенію Богарне, онъ предоставилъ теперь дѣло Маріи-Луизы всецѣло ея отцу, императору австрійскому, а о самомъ Наполеонѣ и его родственникахъ, принимавшихъ участіе въ нападеніи на Францію, онъ говорилъ, какъ о пиратахъ, достойныхъ самой примѣрной и жестокой казни. «Передайте отъ меня королю, сказалъ

[1]) См., между прочимъ, донесеніе Талейрана Людовику XVIII, отъ 26 марта 1815 г. Pallain, стр. 322—324.

онъ тогда Талейрану, что теперь не время миловать; напомните ему, что онъ защищаетъ интересы всей Европы»[1]). Александръ заявлялъ, впрочемъ, свои симпатіи къ Бурбонамъ не одними только словами, но и дѣломъ. Онъ не только послалъ, по желанію Талейрана, приказъ польскимъ уланамъ, сопровождавшимъ Наполеона въ его экспедиціи, возвратиться на родину, не только принималъ самое дѣятельное участіе и въ составленіи деклараціи восьми державъ и въ другихъ мѣрахъ, направленныхъ противъ Наполеона, но и формально потребовалъ отъ Австріи, чтобы Марія-Луиза и ея сынъ отреклись отъ всякихъ притязаній на французскую корону.

Такъ говорилъ и такъ дѣйствовалъ Александръ до того времени, когда пришли вѣсти о постыдномъ бѣгствѣ Бурбоновъ и о завоеваніи всей Франціи Нополеономъ. Вліяніе этихъ событій на русскаго императора было такъ же внезапно и сильно, какъ и бѣгство Наполеона съ Эльбы. Его прежнее презрѣніе къ Бурбонамъ возобновилось съ прежнею и еще большею силою. О священныхъ правахъ старой королевской династіи не было теперь и рѣчи. Съ почвы строгаго легитимизма Александръ съ легкостью, исключительно ему свойственною, перешелъ теперь на почву интересовъ моднаго либерализма, находившаго всегда такой скорый отголосокъ въ его отзывчивомъ сердцѣ. Онъ объявлялъ теперь безъ дальнѣйшихъ околичностей, что Бурбоны внушаютъ ему очень мало уваженія, не смотря на свое происхожденіе отъ Людовика святаго и на всѣ добродѣтели, унаслѣдованныя ими отъ него. Своимъ послѣднимъ поведеніемъ они доказали безповоротно всю свою неспособность. Судьба Франціи, спокойствіе Европы не могутъ быть ввѣрены вновь ихъ извращенности. Союзники должны вести борьбу только противъ Наполеона, но отнюдь не за права Людовика XVIII. Они могутъ потребовать отъ Франціи какихъ угодно гарантій для обезпеченія въ будущемъ, но они не должны мѣшаться во внутреннія дѣла Франціи, навязывать французамъ неспособную и ненавистную имъ династію. Если уже выставлять кого-либо кандидатомъ

[1]) Pallain, стр. 323.

на французскій престолъ, то развѣ только герцога Орлеанскаго, Людовика-Филиппа. Прошлое этого принца не запятнано въ глазахъ французской націи. Въ молодости онъ носилъ съ честью трехцвѣтную кокарду, онъ извѣстенъ своими либеральными убѣжденіими, онъ пользуется симпатіями лучшей части французскаго общества [1]).

Само собою понятно, что и этотъ новый поворотъ политическихъ воззрѣній Александра выразился не одними только словами, но и соотвѣтствующими имъ дѣйствіями. Александръ потребовалъ отъ своихъ союзниковъ, чтобы они высказались формально въ пользу невмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи, чтобы цѣлью войны объявлено было только низложеніе Наполеона, а выборъ новаго правительства предоставленъ самой французской націи. Русскій императоръ пытался повліять въ смыслѣ своего новаго взгляда и на общественное мнѣніе. Въ франкфуртской газетѣ, извѣстномъ русскомъ органѣ, не замедлила появиться статья, вызвавшая всеобщую сенсацію. Въ статьѣ этой возвѣщалось, что союзныя державы твердо рѣшились низложить Наполеона, но что онѣ не имѣютъ никакого намѣренія мѣшаться во внутреннія дѣла Франціи, что онѣ намѣрены предоставить самимъ французамъ избрать себѣ новое правительство.

Такова сущность обвиненій, возводимыхъ на императора Александра большинствомъ западныхъ историковъ. Теперь

[1]) Въ высшей степени интересно, какими причинами и личными мотивами объяснялъ Талейранъ эту новую перемѣну Александра. Русскій императоръ былъ недоволенъ на Людовика и на Бурбоновъ, во первыхъ, за то, что Людовикъ не поднесъ ему голубой ленты ордена св. Духа, данной имъ принцу регенту Англійскому; во вторыхъ, за то, что король не уважилъ его ходатайства за герцога Виченскаго и не внесъ его въ число членовъ палаты перовъ; въ третьихъ, за то, что Людовикъ обнаружилъ такую твердость въ брачномъ вопросѣ и ни за что не согласился уступить Александру въ пунктѣ, касавшемся перемѣны религіи, и въ четвертыхъ, наконецъ, за то, что конституціонная хартія, изданная Людовикомъ, уклонялась во многихъ пунктахъ отъ тѣхъ мнѣній, которыя высказаны были Александромъ еще въ Парижѣ и казались ему вслѣдствіе его склонности къ либеральнымъ идеямъ въ высшей степени важными и чрезвычайно полезными. Понятно, что серьезный изслѣдователь оцѣнитъ, по достоинству, эти измышленія Талейрана и усмотритъ въ нихъ важный матерьялъ не для характеристики Александра, а для характеристики самого Талейрана.

посмотримъ, на чемъ основываются эти обвиненія, посмотримъ, существовали ли въ дѣйствительности такіе рѣзкіе повороты въ политикѣ Александра, и если они существовали, то попытаемся разъяснить, какими причинами вызывались и обусловливались они.

Начнемъ съ того, что Александръ никогда не питалъ никакого особеннаго расположенія къ Бурбонамъ, что онъ всегда считалъ ихъ неспособною и выродившеюся династіею. Припомнимъ далѣе, что Александръ не былъ виновникомъ первой реставраціи Бурбоновъ, что они были призваны на французскій престолъ Талейраномъ и его сообщниками. Уже въ бытность свою въ Парижѣ Александръ имѣлъ неоднократно случай убѣдиться, что Людовикъ XVIII и его приближенные не въ состояніи будутъ создать во Франціи прочный порядокъ вещей. Питая наилучшія намѣренія по отношенію къ Франціи, ограждая ее по мѣрѣ возможности отъ неумѣренныхъ притязаній своихъ союзниковъ, Александръ вскорѣ убѣдился, что возстановленные Бурбоны относятся къ нему и къ интересамъ Россіи съ явнымъ недоброжелательствомъ и враждою. Онъ видѣлъ, какъ Талейранъ, явившись въ Вѣну, занялъ тотчасъ же положеніе явно враждебное Россіи, что онъ перессорилъ ее со всѣми союзниками, что онъ выступилъ противъ всѣхъ требованій Россіи, что онъ составилъ, наконецъ, противъ нея, въ глубокой тайнѣ, коалицію. Александру было хорошо извѣстно, что Талейранъ дѣйствовалъ такимъ образомъ на основаніи точныхъ инструкцій и внушеній своего короля, и что желанія и притязанія Людовика шли даже далѣе того, что было достигнуто его уполномоченнымъ [1]). Интригуя противъ Россіи и пытаясь поднять противъ нея всю Европу, французскій министръ держалъ себя въ то же время въ высшей степени надменно и нагло. Онъ не сдерживалъ своего языка даже въ присутствіи самого императора Александра, даже въ личныхъ разговорахъ съ нимъ [2]). Спра-

[1]) Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ письма и инструкціи Людовика, помѣщенныя въ сборникѣ Палена.

[2]) См., между прочимъ, разговоры Талейрана съ императоромъ Александромъ въ Вѣнѣ, приведенные со словъ самого Талейрана, въ предыдущей главѣ нашего сочиненія.

шивается, какъ же долженъ былъ относиться при такихъ обстоятельствахъ къ Бурбонской Франціи и ея полномочному представителю государь, выказавшій столько великодушія къ побѣжденной Франціи и столько деликатности и уступчивости по отношенію къ надменному Людовику. Понятно, что Александръ долженъ былъ быть на стражѣ противъ Франціи, что онъ долженъ былъ противодѣйствовать враждебнымъ ему и Россіи замысламъ; естественно, что онъ не могъ относиться дружелюбно къ Талейрану, хотя въ личныхъ отношеніяхъ съ нимъ онъ никогда не выходилъ изъ предѣловъ изысканной вѣжливости, никогда не нарушалъ въ немъ достоинства представителя великой европейской державы. Совершенно несправедливо также, что Александръ шелъ повсюду въ разрѣзъ интересамъ Франціи, что онъ противодѣйствовалъ ей даже въ вопросѣ неаполитанскомъ, что на зло Бурбонамъ, онъ покровительствовалъ даже Наполеону и всѣмъ его родственникамъ. Александръ не думалъ противодѣйствовать Франціи въ неаполитанскомъ вопросѣ, хотя и не содѣйствовалъ ей, предоставляя дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ другимъ болѣе заинтересованнымъ державамъ и главнымъ образомъ Австріи. Все покровительство Александра Наполеону ограничивалось тѣмъ, что онъ напоминалъ французскому правительству о принятыхъ имъ на себя по отношенію къ падшему императору формальныхъ денежныхъ обязательствъ, не исполняемыхъ имъ подъ различными предлогами. Если Александръ взялъ подъ свою защиту Евгенія Богарне и даже Марію-Луизу, то онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ въ силу своего благороднаго, рыцарскаго характера, и отчасти подъ вліяніемъ личныхъ симпатій, а вовсе не изъ вражды къ Бурбонамъ. Наконецъ и въ вопросѣ брачномъ Александръ поступилъ такъ, какъ предписывали это ему его совѣсть и охраненіе достоинства Россіи и царствующаго въ ней дома. Во всякомъ случаѣ онъ поступилъ и тутъ болѣе деликатно, нежели Людовикъ и Талейранъ, объявлявшіе во всеуслышаніе, что Бурбонскіе принцы нигдѣ не могутъ найти себѣ достойной ихъ партіи и что въ сущности они оказываютъ лишь снисхожденіе, вступая въ бракъ съ другими европейскими

династіями, не могущими сравниться съ ними ни по древности, ни по знатности рода, ни по чистотѣ крови [1]).

Перемѣна, происшедшая въ Александрѣ вслѣдствіе бѣгства Наполеона съ острова Эльбы, была вполнѣ естественна и отнюдь не противорѣчила его предшествующей политикѣ. Каковы бы ни были чувства и отношенія Александра къ Бурбонамъ, но разбойническій набѣгъ Наполеона на Францію

[1]) Въ письмѣ Талейрана къ Людовику мы находимъ слѣдующія, въ высшей степени характерныя для Бурбоновъ и для ихъ представителя, мѣста: «Такъ какъ бракъ связываетъ не только тѣхъ, которые заключаютъ его, но и ихъ фамиліи, то необходимо даже при бракахъ частныхъ лицъ обращать вниманіе на соотвѣтствіе между родами. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ обращать вниманіе на это обстоятельство при бракосочетаніяхъ королей, или тѣхъ принцевъ, которые могутъ достигнуть королевскаго сана. Что Бурбонскій домъ заключаетъ браки съ династіями, стоящими ниже его,—это происходитъ въ силу необходимости, ибо нѣтъ во всей Европѣ ни одного дома, который могъ бы сравниться съ нимъ. Я не хочу настаивать на томъ, что Голштинскій домъ сравнительно молодъ между царствующими династіями, хотя онъ и занимаетъ три престола на сѣверѣ Европы. Но я долженъ сказать, что если Бурбонскій домъ оказываетъ другому дому подобную честь, то этотъ послѣдній долженъ сознавать эту честь и долженъ смотрѣть на величину своихъ владѣній лишь какъ на условіе, уравновѣшивающее хотя нѣсколько благородство и древность происхожденія. Изъ четырехъ сестеръ великой княжны Анны, одна вышла замужъ за эрцгерцога, а три другія за мелкихъ нѣмецкихъ князей. Неужели-же Россія, не успѣвшая до сей поры посадить своихъ принцессъ ни на одинъ престолъ, возведетъ теперь одну изъ нихъ на тронъ Франціи? Я полагаю, что такой бракъ былъ бы слишкомъ большимъ счастіемъ для Россіи; мнѣ кажется также, что я имѣлъ бы право смотрѣть съ недовольствомъ на то, какъ герцогъ Беррійскій вступитъ въ родственныя связи съ множествомъ такихъ князей, которые принадлежатъ лишь къ низшимъ разрядамъ государей. Выдавая замужъ своихъ принцессъ, Россія искала прежде всего предлоговъ и средствъ для вмѣшательства въ дѣла Европы, которой она была совершенно неизвѣстна сто лѣтъ тому назадъ. Результаты ея вмѣшательства обнаружили достаточно опасный характеръ ея вліянія. До какой же степени возрастетъ это вліяніе, если одна изъ русскихъ принцессъ призвана будетъ вступить на престолъ Франціи. Я хорошо понимаю, что фамильный союзъ не есть еще союзъ политическій, и что одинъ изъ нихъ не влечетъ за собою съ силою необходимости другой. Предполагаемый бракъ, на вѣрное, не побудитъ Францію покровительствовать честолюбивымъ стремленіямъ и революціоннымъ идеямъ, съ которыми носится императоръ Александръ и которыя онъ старается прикрыть фальшивымъ именемъ «либеральныхъ идей»; но кто помѣшаетъ другимъ державамъ посмотрѣть иначе на дѣло, кто можетъ разсѣять ихъ подозрѣнія, а черезъ это самое наши отношенія къ однимъ изъ нихъ поколеблются, съ другими сдѣлаются невозможными и въ результатѣ Россія будетъ поддержана въ осуществленіи своихъ намѣреній». Въ заключеніе Талейранъ совѣтуетъ своему королю искать невѣстъ для своихъ принцевъ въ средѣ своего собственнаго Бурбонскаго родства. Pallain, стр. 217—219.

долженъ былъ возмутить его до глубины души. Къ тому же Александръ могъ думать, да и самъ Талейранъ старался убѣдить его въ томъ, что Франція не хочетъ и слышать о Наполеонѣ, что все мирное большинство французской націи предано законному правительству, и что Наполеонъ предпринимаетъ свою дерзкую попытку единственно въ надеждѣ на помощь тайныхъ обществъ и военныхъ заговорщиковъ. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что именно въ эту эпоху политическія дѣйствія Александра опредѣлялись въ значительной степени тѣми возвышенными христіанскими идеями и чувствами, которыя преисполняли все его существо. Мистическое настроеніе, въ которомъ находился императоръ, заставляло его смотрѣть и на политическія событія дня съ извѣстной точки зрѣнія. Внезапное появленіе Наполеона на исторической сценѣ, новая страшная война казались ему грознымъ напоминаніемъ, послѣднимъ напоминаніемъ Божества, призывавшаго извращенное, глубоко погрязшее въ грѣхахъ человѣчество, къ покаянію, къ познанію самого себя и всей глубины своего нравственнаго паденія. Въ виду такого напоминанія, Александръ спѣшилъ послѣдовать прежде всего заповѣди Спасителя: «воздавайте добромъ за зло, прощайте врагамъ вашимъ». Въ виду страшной кары, обрушившейся вновь на европейское человѣчество, Александръ спѣшилъ приготовить себя къ новой тяжелой борьбѣ прежде всего подвигами христіанскаго самоотреченія и смиренія. Онъ спѣшилъ примириться съ своими врагами и загладить свою вину передъ ними. Когда императоръ Францъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, напомнилъ Александру объ его отношеніяхъ къ Меттерниху и началъ просить его примириться съ нимъ, то Александръ тотчасъ изъявилъ готовность забыть все прошлое ибо, добавилъ онъ, христіанину не подобаетъ быть злопамятнымъ и мстительнымъ [1]). Прощая Меттерниху и вступая съ нимъ вновь въ личныя сношенія, Александръ простилъ точно также и Талейрану, и если прежде онъ относился къ нему только съ холодною вѣжливостью, то теперь онъ старал-

[1]) Бернгарди, т. I, стр. 183.

ся отнестись къ нему съ любезностью, близкою къ сердечности. Съ христіанской точки зрѣнія, на которой стоялъ тогда всецѣло русскій императоръ, подобная перемѣна въ личныхъ отношеніяхъ была вполнѣ естественна, и только люди, не признающіе иной точки зрѣнія, кромѣ такъ называемыхъ интересовъ, могутъ обвинять его въ двоедушіи и въ легкомысленной перемѣнчивости.

Наконецъ, и послѣдній поворотъ, происшедшій въ политикѣ Александра вслѣдъ за постыднымъ паденіемъ Бурбонскаго владычества, былъ во всѣхъ отношеніяхъ явленіемъ вполнѣ естественнымъ и нормальнымъ. Безпримѣрная и безкровная побѣда Наполеона, всеобщая измѣна французовъ правительству, избранному и установленному ими самими, неслыханное вѣроломство такихъ выдающихся лицъ, какъ маршалы Ней и Даву, постыдное преклоненіе цѣлой націи передъ успѣхомъ и еще болѣе постыдная трусость и старческая немощь Бурбонскаго правительства, все это должно было произвести сильнѣйшее впечатлѣніе на императора и вызвать въ душѣ его самыя противоположныя чувства. Съ одной стороны, императоръ не въ состояніи былъ подавить въ себѣ невольнаго удивленія передъ геніемъ Наполеона и чувства глубокаго негодованія противъ французовъ, какъ къ націи, запятнавшей себя въ такое короткое время столькими измѣнами, а съ другой, онъ не могъ не возвратиться къ своему прежнему убѣжденію въ полнѣйшей неспособности старшей линіи Бурбоновъ. Александръ долженъ былъ сознаться, что если онъ и не былъ главнымъ виновникомъ Бурбонской реставраціи, то онъ виноватъ уже былъ тѣмъ, что не оказалъ надлежащаго сопротивленія интригамъ Талейрана и его сообщниковъ и такъ скоро сложилъ передъ ними оружіе. Теперь, когда ужасающая катастрофа раскрыла передъ всѣмъ свѣтомъ позорное ничтожество Бурбоновъ, Александръ опасался повторить уже разъ совершенную имъ ошибку. Голосъ разума и совѣсти громко говорилъ ему, что онъ долженъ противиться всею силою своего авторитета вторичной реставраціи династіи, окончательно отжившей свой вѣкъ и доказавшей такъ очевидно свою полную политическую несостоятель-

ность. Все внутреннее существо императора возмущалось при одной мысли, что соединенная Европа должна будетъ предпринять крестовый походъ для водворенія этой династіи на престолѣ, что ради этой цѣли онъ самъ долженъ будетъ пролить неповинную кровь десятковъ тысячъ своихъ подданныхъ. Но съ другой стороны, императоръ имѣлъ неосторожность взять на себя вновь обязательства по отношенію къ Бурбонамъ, признать себя торжественно ихъ союзникомъ и предложить имъ во всеуслышаніе свою помощь. Всякій другой государь, руководившійся одними интересами, легко бы вышелъ изъ подобнаго затрудненія, и не колеблясь, заявилъ бы, что онъ отказывается отъ обязательствъ въ силу совершенно измѣнившихся обстоятельствъ. Но мы уже знаемъ, что Александръ руководился въ своей политикѣ не одними интересами, а прежде всего принципами, основанными на его религіозно-нравственныхъ убѣжденіяхъ. Съ этой точки зрѣнія мы легко поймемъ тотъ конфликтъ, въ который впалъ теперь Александръ, ту тяжелую внутреннюю борьбу, которая происходила теперь въ немъ. Какъ тяжела была для императора эта борьба и какъ трудно было ему выйти изъ опутавшихъ его противорѣчій,—объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ лице, стоявшее въ это время очень близко къ Александру и имѣвшее болѣе кого-либо другого возможность заглянуть въ его внутренній міръ.

«Я имѣю полное основаніе сомнѣваться», говоритъ графиня Эдлингъ [1]), «чтобы императоръ Россійскій далъ свое согласіе на эту мѣру (декларація противъ Наполеона), если бы она была предложена нѣсколькими недѣлями позже. Невѣроятная легкость, съ которою уничтожилъ Наполеонъ, можно сказать, однимъ своимъ появленіемъ Бурбонское владычество, ясно показала съ какимъ предрасположеніемъ относится къ нему Франція. Общій голосъ націи высказался такъ ясно на счетъ того вопроса, который казался до сихъ поръ императору сомнительнымъ. Этого было достаточно, чтобы породить въ его душѣ жесточайшую внутреннюю борьбу, которую онъ

1) Мемуары графини Эдлингъ, стр. 221—223.

скрывалъ тщательно отъ постороннихъ глазъ. Ла-Гарпъ, находившійся подъ вліяніемъ либеральной партіи, воспользовался тѣмъ вліяніемъ, которое онъ всегда имѣлъ на совѣсть своего ученика, чтобы поколебать еще болѣе его рѣшенія. Онъ доказывалъ императору, что онъ не имѣетъ права силою заставлять націю отказываться отъ избраннаго ею государя и навязывать ей вмѣсто него династію, сдѣлавшуюся для нея совершенно чужою, чтобы не сказать, ненавистною. Онъ предрекалъ ему даже, что успѣхъ никогда не можетъ сопутствовать такому несправедливому предпріятію. Императоръ былъ сильно взволнованъ доводами Ла-Гарпа, но онъ не былъ убѣжденъ ими. Пытаясь исполнять здѣсь на землѣ велѣнія Господа, онъ не въ состояніи былъ убѣдиться, чтобы Наполеонъ могъ быть орудіемъ, избраннымъ самимъ Богомъ для счастія Франціи. Слишкомъ много крови, слишкомъ много слезъ запятнали его путь. Однакоже, и это сознаніе не въ состояніи было усмирить нравственное волненіе, овладѣвшее душою императора. Владѣя вполнѣ собою, онъ не далъ повода никому догадываться о своихъ страданіяхъ, но я наблюдала его слишкомъ съ большимъ интересомъ, чтобы не замѣтить ихъ. Страданія, вытекавшія изъ столь благороднаго, столь чистаго источника, не могли внушать мнѣ безпокойства, и я уважала молчаніе, которое хранилъ самъ императоръ по отношенію къ этому вопросу».

Свидѣтельство графини Эдлингъ да и весь дальнѣйшій образъ дѣйствій Александра ясно показываютъ, что и послѣдняя перемѣна, происшедшая въ императорѣ, вовсе не была результатомъ легкомыслія или преклоненія передъ успѣхомъ. Александръ не думалъ и теперь о возможности примиренія съ человѣкомъ крови и слезъ, но онъ убѣдился окончательно въ политической неспособности Бурбоновъ, и ему казалось, что державы совершатъ большую ошибку и явную несправедливость по отношенію къ французскому народу, если онѣ объявятъ главною цѣлью войны вторичную реставрацію Бурбоновъ. Прійдя къ такому убѣжденію, императоръ естественно старался склонить на свою точку зрѣнія и своихъ союзниковъ, но онъ встрѣтилъ при этомъ рѣшительную оппозицію со

стороны Великобританіи. Герцогъ Дальбергъ, желая угодить видамъ Александра и оградить въ то же время интересы Бурбоновъ, составилъ проектъ новой деклараціи державъ, въ которой не говорилось уже исключительно о Бурбонахъ и о Наполеонѣ, а главнымъ образомъ о Франціи и ея интересахъ. Весь центръ тяжести этой новой деклараціи заключался въ слѣдующей фразѣ: независимость Французской націи не должна потерпѣть ни малѣйшаго ограниченія. Договоръ 30 мая, равно какъ политическія и территоріальныя постановленія конгресса послужатъ нормою всѣхъ дальнѣйшихъ отношеній между Франціею и другими европейскими державами. Александръ изъявилъ свое согласіе на этотъ проектъ, но лордъ Кланкарти, заступившій, послѣ отъѣзда герцога Веллингтона въ Бельгію, мѣсто перваго уполномоченнаго Великобританіи, нашелъ, что декларація не соотвѣтствуетъ совершенно видамъ его кабинета, и передѣлалъ проектъ Дальберга въ Бурбонскомъ и легитимистскомъ смыслѣ. Изъ его редакціи выходило, что державы предпринимаютъ войну не противъ Франціи, а единственно и исключительно противъ Наполеона; что онѣ предпринимаютъ совершенно безкорыстный крестовый походъ въ пользу Бурбоновъ, что онѣ предоставляютъ себя и свои арміи въ полное распоряженіе французскаго короля. Лордъ Кланкарти придалъ своей редакціи напыщенную, реторическую форму и настаивалъ, чтобы представители всѣхъ державъ немедленно скрѣпили ее своими подписями.

Само собою понятно, что предложеніе лорда Кланкарти не нашло одобренія ни съ чьей стороны. Императоръ Александръ имѣлъ по этому поводу даже продолжительное личное объясненіе съ англійскимъ уполномоченнымъ. «Почему вы не довольствуетесь проектомъ Дальберга»? спросилъ онъ между прочимъ упрямаго лорда.

«А потому, что онъ совершенно недостаточенъ», отвѣчалъ Кланкарти. «Не достаточно свергнуть Бонапарте, необходимо закрыть двери якобинцамъ. они опаснѣе самого Наполеона». «Якобинцы безъ Наполеона не опасны», возразилъ Александръ. «Но сознайтесь, что необходимо согласиться на счетъ того, что должно послѣдовать за паденіемъ императора. Слѣдуетъ

позаботиться о спокойствіи Европы, которое зависитъ отъ спокойствія Франціи, а Франція успокоится лишь при такомъ правительствѣ, которое будетъ одинаково пріятно для всѣхъ партій.

«Франція была счастлива еще недавно подъ властью короля, за котораго высказался голосъ націи», отвѣчалъ Кланкарти.

«Да, но это былъ голосъ лишь той части націи, которая держитъ себя пассивно, которая умѣетъ лишь вздыхать по поводу революцій, но не предупредила еще ни одной изъ нихъ», замѣтилъ императоръ. «Но другая часть, часть, которая показывается на сценѣ, которая дѣйствуетъ, которая господствуетъ въ странѣ, развѣ она можетъ подчиниться тому самому правительству, которому только что измѣнила она? Можетъ ли она быть вѣрна такому правительству? Неужели вы хотите навязать ей это правительство силою, посредствомъ, быть можетъ, безконечной истребительной войны? Можете ли вы поручиться въ такомъ случаѣ за успѣхъ?»

«Долгъ утрачиваетъ свою силу тамъ, гдѣ начинается невозможность», возразилъ Кланкарти, «но до этой точки долгъ остается долгомъ. Долгъ Европы защищать право законнаго государя, а не пускаться въ разсужденія объ этомъ правѣ».

«Нашъ первый долгъ», замѣтилъ Александръ, «это наши обязанности по отношенію къ намъ самимъ и къ нашимъ народамъ. Если бы возстановленіе правленія Людовика XVIII было даже легко, то и въ такомъ случаѣ мы подготовимъ лишь новыя катастрофы для Франціи и для Европы. Гдѣ ручательство, что Бурбонское правительство въ состояніи будетъ удержаться? А если наступятъ новые перевороты, развѣ мы будемъ тогда въ сборѣ, какъ теперь? Развѣ въ нашемъ распоряженіи будетъ тогда опять милліонъ солдатъ? Если возстановленіе короля, котораго мы желаемъ всѣ, а я въ особенности, наткнется на непреодолимыя препятствія, развѣ мы не обязаны предусматривать такую случайность и принимать соотвѣтствующія ей мѣры? Въ прошломъ году хотѣли учредить регентство; такая комбинація соотвѣтствовала, такъ казалось и мнѣ, всѣмъ интересамъ, но Марія Луиза, съ которою я говорилъ объ этомъ предметѣ, ни за что не желаетъ возвратиться во Францію; она думаетъ устроить судьбу своего сына

въ Австріи; Австрія съ своей стороны также не желаетъ теперь регентства. Да и вообще положеніе дѣлъ теперь иное. Я не нахожу никого иного, способнаго примирить все, кромѣ герцога Орлеанскаго. Онъ французъ, Бурбонъ, онъ женатъ на Бурбонской принцессѣ, онъ имѣетъ сыновей, онъ служилъ дѣлу конституціи и носилъ трехцвѣтную кокарду, которую не слѣдовало снимать никогда, какъ говорилъ я объ этомъ неоднократно въ Парижѣ. Онъ могъ бы соединить всѣ партіи. Какъ вы это находите? Каково будетъ на этотъ счетъ мнѣніе Англіи?»

Кланкарти отвѣчалъ, что онъ не можетъ предугадать мнѣніе своего двора по поводу предложенія, совершенно новаго, но что касается до него лично, то онъ считаетъ опаснымъ оставлять почву законности, ради какой бы то ни было узурпаціи. Императоръ видилъ безполезность дальнѣйшаго спора, но прощаясь съ Кланкарти, онъ попросилъ его написать о своемъ предложеніи въ Лондонъ [1]). Кланкарти, разумѣется, исполнилъ желаніе государя, но донося своему двору о предложеніи Александра, онъ высказался о немъ крайне неодобрительно и убѣждалъ англійскихъ министровъ отстаивать всѣми силами права старшей Бурбонской линіи [1]). Одновременно съ этимъ, Кланкарти передалъ Талейрану во всѣхъ подробностяхъ свой разговоръ съ русскимъ императоромъ. Онъ думалъ, безъ сомнѣнія, оказать такою откровенностью не малую услугу Талейрану, но онъ нѣсколько ошибся въ своихъ разсчетахъ.

Дѣло въ томъ, что Александръ вовсе не скрывалъ своихъ взглядовъ на Бурбоновъ и на цѣли предстоящей войны ни отъ кого. Если онъ не бесѣдовалъ объ этихъ вопросахъ съ оффиціальнымъ уполномоченнымъ Бурбонскаго правительства, то, единственно, изъ присущаго ему чувства деликатности, но изъ донесеній самого Талейрана Людовику XVIII мы узнаемъ,

[1]) Подробное, можно сказать, дословное изложеніе разговора Александра съ лордомъ Кланкарти, мы находимъ въ донесеніи Талейрана королю Людовику, отъ 23 апрѣля 1815 года. Pallain, стр. 356—361. Талейранъ получилъ свои свѣдѣнія частью отъ самого Кланкарти, частью отъ Стюарта и Меттерниха.

[1]) Pallain, стр. 361.

что императоръ открыто высказывалъ свои убѣжденія въ обществѣ, въ разговорѣ со многими лицами. «Императоръ», пишетъ между прочимъ Талейранъ, «повторялъ уже во многихъ случаяхъ, что все слышанное и видѣнное имъ въ Парижѣ, въ прошломъ году, внушило ему опасеніе, что правительство вашего величества не въ состояніи будетъ удержаться. Онъ замѣтилъ, что крайне трудно примирить чувства и воззрѣнія принцевъ съ воззрѣніями и привычками поколѣнія, выросшаго во времена ихъ отсутствія, не унаслѣдовавшаго во многихъ пунктахъ ни нравовъ, ни идей своихъ отцевъ. А между тѣмъ, замѣтилъ онъ далѣе, развѣ мыслимо управлять въ противорѣчіи съ идеями своего вѣка. Онъ утверждалъ также, что опасенія его возросли еще болѣе, когда онъ увидѣлъ, что ваше величество призвали въ министерство и въ государственный совѣтъ мужей, несомнѣнно, въ высокой степени почтенныхъ, но прожившихъ революціонное время или за предѣлами Франціи, или вдали отъ дѣлъ, лицъ, не знающихъ французовъ и не знаемыхъ ими, лишенныхъ къ тому же опытности въ дѣлахъ, замѣнить которую иногда не въ состояніи самый геній. Онъ считаетъ вредъ, проистекшій отсюда для дѣла короля, крайне великимъ, и хотя онъ думаетъ, что въ будущемъ ваше величество сдѣлаете иной выборъ вашихъ совѣтниковъ, но тѣмъ не менѣе онъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что тотъ изъ министровъ, противъ котораго слышится наиболѣе жалобъ отъ всѣхъ партій, пользуется наибольшимъ довѣріемъ вашего величества [1]). Императоръ заходитъ даже такъ далеко, что утверждаетъ, что величайшее несчастіе проистекаетъ отъ вліянія, которое ваше величество предоставили принцамъ, стоящимъ къ вамъ ближе всего; что предубѣжденія, распространенныя противъ нихъ, кажутся ему зломъ непоправимымъ, что предубѣжденія противъ особы вашего величества не могли бы имѣть такихъ печальныхъ послѣдствій, ибо недовольство противъ государя царствующаго сдерживается и смягчается надеждами на наслѣдника, тогда какъ эта

1) Императоръ имѣлъ, разумѣется, здѣсь въ виду перваго любимца Людовика XVIII, недостойнаго и неспособнаго Блака.

надежда исчезаетъ въ томъ случаѣ, если боятся именно наслѣдниковъ. Императоръ замѣтилъ въ одномъ изъ обычныхъ своихъ разговоровъ, что онъ готовъ охотно вѣрить, что ваше величество нравитесь французамъ, и что вы пріобрѣли бы ихъ любовь и уваженіе въ томъ случаѣ, если бы вы стояли одни; но онъ боится, что вы не въ состояніи будете удержаться во Франціи, такъ какъ невозможно отдѣлить васъ отъ вашихъ окружающихъ» [1]).

Несомнѣнно, что всѣ опасенія, высказываемыя императоромъ Александромъ, раздѣлялись вполнѣ самимъ Талейраномъ, какъ раздѣлялись они и всѣми дѣйствительными французскими политиками той эпохи. Талейранъ не осмѣливался даже объяснять мнѣнія Александра его перемѣнчивостью, или легкомысліемъ, или какими бы то ни было личными симпатіями, онъ утверждалъ только, что императоръ говоритъ такъ подъ вліяніемъ «своего недовольства (?) и господствующихъ въ немъ философскихъ идей и что у него нѣтъ никакого твердо опредѣленнаго плана» [2]). Талейранъ доноситъ также своему королю, что всѣ остальныя державы относятся къ Людовику съ искреннимъ участіемъ, и что онъ былъ бы крайне счастливъ, если бы могъ утверждать, что это участіе распространяется и на Монсье и на герцоговъ Ангулемскаго и Беррійскаго. Упоминая о статьѣ, появившейся въ Франкфуртской газетѣ, Талейранъ замѣчаетъ, что Александръ стоитъ съ своимъ мнѣніемъ совершенно одиноко, и что даже Пруссія, привыкшая слѣдовать во всемъ волѣ императора, питаетъ благосклонныя чувства по отношенію къ Людовику. Говоря объ этихъ чувствахъ и ихъ проявленіяхъ, Талейранъ понималъ въ то же время отлично, что всѣ европейскія державы, безъ исключенія, раздѣляли въ сущности опасенія Александра на счетъ прочности Бурбонскаго режима въ случаѣ его вторичной реставраціи, и что чувства и симпатіи, изъ какого бы источника ни проистекали они, имѣли въ этомъ дѣлѣ значеніе крайне второстепенное.

[1]) Изъ письма Талейрана къ королю отъ 23 апрѣля. Pallain, стр. 363—365.
[2]) Pallain, стр. 365.

Несмотря на всѣ свои усилія, Талейранъ не въ состояніи былъ добиться ни отъ одной изъ великихъ державъ какого-бы то ни было оффиціальнаго акта въ пользу Бурбоновъ. Ни одна держава не соглашалась связывать себя какими бы то ни было формальными обязательствами по отношенію къ Бурбонамъ. Даже Англія не составляла въ этомъ случаѣ исключенія. Правда, не только англійское министерство, но и самъ принцъ-регентъ намѣрены были содѣйствовать всѣми силами возвращенію Людовика XVIII на французскій престолъ, но они надѣялись провести эту вторую реставрацію Бурбоновъ тайнымъ путемъ интриги и вовсе не желали компрометтировать себя прежде времени какимъ бы то ни было рѣшительнымъ, оффиціальнымъ заявленіемъ. Такая тактика британскихъ министровъ объясняется, во первыхъ, ихъ стремленіемъ не ссориться съ союзниками, а во вторыхъ, ихъ боязнью предъ общественнымъ мнѣніемъ страны. Для покрытія громадныхъ издержекъ, сопряженныхъ съ новою войною, торійское правительство вынуждено было продлить еще на годъ подоходный налогъ, заключить два займа на сумму $45^{1}/_{2}$ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ и ассигновать вообще на послѣднюю борьбу съ Наполеономъ около 90 милліоновъ фунтовъ. Необходимо было оправдать эти колоссальныя затраты передъ парламентомъ и общественнымъ мнѣніемъ, а ссылаться въ видахъ этого оправданія на необходимость бурбонской реставраціи было во всѣхъ отношеніяхъ крайне неудобно. Оппозиція начинала шевелиться въ парламентѣ, и одинъ изъ наиболѣе выдающихся ея вождей, сиръ Франсисъ Бурдетъ уже заявилъ въ палатѣ общинъ, что Англія затратила уже слишкомъ много крови и денегъ за совершенно чуждое ей дѣло Бурбоновъ. Кестльри и его товарищи имѣли, правда, въ парламентѣ большинство голосовъ, но они боялись утратить это большинство въ томъ случаѣ, еслибы они вздумали заявить, что война предпринимается для возстановленія Бурбоновъ. Они поняли, что играть въ такую открытую игру было бы рискованно, и лордъ Кестльри поспѣшилъ заявить въ палатѣ общинъ, что война вызвана вѣроломствомъ Наполеона, что она предпринимается съ цѣлью свергнуть съ престола этого нарушителя общественнаго спо-

койствія и поддержать цѣлость существующихъ договоровъ. Что же касается до возстановленія Бурбоновъ, то не смотря на всю его желательность, оно ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть ни цѣлью войны, ни необходимымъ условіемъ мира. Этого мало. Англійское правительство сочло необходимымъ сообщить оффиціально конгрессу европейскихъ державъ заявленіе, сдѣланное имъ въ парламентѣ и главнымъ образомъ для парламента. Согласно полученнымъ имъ инструкціямъ, Кланкарти долженъ былъ сдѣлать при ратификаціи договора 26-го марта формальное заявленіе, что, по мнѣнію Англіи, цѣль войны заключается въ низложеніи Наполеона, что-же касается до того параграфа договора, которымъ король французскій приглашается къ участію въ немъ, то хотя принцъ-регентъ и крайне желаетъ видѣть Людовика XVIII-го возвращеннымъ на престолъ своихъ предковъ, но онъ отнюдь не долженъ быть понимаемъ въ томъ смыслѣ, что Англія обѣщается вести войну съ цѣлью навязать Франціи какое бы то ни было опредѣленное правительство. Всѣ остальныя великія державы тотчасъ-же присоединились къ этому заявленію Англіи, и съ этихъ поръ во всѣхъ договорахъ съ второстепенными державами, присоединявшимися къ коалиціи, не было уже и рѣчи о Бурбонахъ, а говорилось лишь о низложеніи Наполеона, а также о поддержаніи и дополненіи парижскаго трактата.

Талейранъ и остальные представители божественнаго права Бурбоновъ были крайне опечалены такимъ формальнымъ отреченіемъ великихъ державъ отъ праваго дѣла. Правда, они, равно какъ и самъ Людовикъ XVIII, утвердившій свое мѣстопребываніе въ Гентѣ, получили отъ англійскаго министерства секретное сообщеніе, что такая осторожность и сдержанность Англіи вызваны лишь необходимостью обращать вниманіе на парламентскую оппозицію, но что правительство принца-регента твердо намѣрено и впредь употребить всѣ усилія, чтобы возвратить королю тронъ его предковъ, [1] но подобное сообще-

[1]) Лордъ Стюартъ заявилъ Жокуру, помощнику Талейрана, находившемуся при дворѣ въ Гентѣ, слѣдующее: «Мы объявляемъ, что мы ведемъ войну съ Бонапартомъ, мы объявляемъ, что мы не воюемъ съ Франціею; если Ботапарте падетъ, то мы не будемъ имѣть болѣе повода къ войнѣ. Бонапарте противопоставляетъ

ніе, какъ ни важно и успокоительно было оно само по себѣ, все-же не могло быть ими принято ни за полное ручательство въ будущемъ, ни за удовлетвореніе за тяжелое, понесенное ими пораженіе.

У Талейрана и всей Бурбонской компаніи было, впрочемъ, и другое болѣе основательное утѣшеніе. Если представителямъ королевской Франціи не удалось добиться отъ державъ никакихъ оффиціальныхъ обязательствъ въ пользу реставраціи, то и всѣ усилія ихъ страшнаго противника разстроить европейскую коалицію и склонить на свою сторону хотя одну изъ ополчившихся противъ него великихъ державъ, окончились также полнѣйшею неудачею. Извѣстно, что Наполеонъ, по возвращеніи своемъ съ Эльбы, вынужденъ былъ силою обстоятельствъ совершенно измѣнить свою прежнюю систему [1]). Въ душѣ онъ оставался тѣмъ же страшнымъ деспотомъ и тираномъ, какимъ онъ былъ и всегда, но по наружности, онъ надѣлъ столь несвойственную ему маску либерала и человѣка, преисполненнаго самыми миролюбивыми намѣреніями. Онъ не только отрекся отъ прежней неограниченной власти, не только окружилъ свой тронъ конституціонными учрежденіями, но и вступилъ въ союзъ съ старыми якобинцами и съ отъявленными республиканцами. Въ политикѣ внѣшней онъ отрекался торжественно отъ прежней завоевательной системы и заявлялъ о своей готовности свято соблюдать условія парижскаго договора. Декларація союзныхъ державъ, объявлявшая его врагомъ человѣчества и ставившая его внѣ защиты законовъ, произ-

нашему объявленію, что нація хочетъ именно его, что война противъ него и война, имѣющая своею цѣлью вторичное возстановленіе Людовика XVIII-го, есть, въ сущности, война противъ Франціи. Лордъ Кестльри долженъ былъ говорить именно такъ, какъ онъ говорилъ, для того, чтобы не выйти изъ надлежащихъ границъ. Его рѣчь вполнѣ согласовалась съ тѣми принципами, которые можемъ мы заявлять открыто; но, между тѣмъ, всѣ наши усилія, равно какъ и наши желанія направлены въ пользу короля. Мы желаемъ ему успѣха, мы не сомнѣваемся въ томъ, но мы не можемъ выйти изъ предѣловъ, поставленныхъ условіями договора и декларацією державъ». Палленъ, стр. 359, прим. I.

[1]) Подробности о положеніи Франціи въ эпоху ста дней, равно какъ и всѣ акты, относящіеся къ политической и военной дѣятельности Наполеона, см. въ послѣднемъ томѣ сочиненія Тьера, Исторія консульства и имперіи, въ сочиненіяхъ Вьель-Кастеля, Шарраса и мн. другихъ.

вела на Наполеона, очевидно, крайне тяжелое впечатлѣніе [1]). Онъ поспѣшилъ отвѣтить на декларацію особымъ оффиціальнымъ актомъ, чѣмъ то въ родѣ манифеста, опубликованнымъ въ Монитерѣ [2]). Въ началѣ этого акта идетъ попытка оправдать возвращеніе Наполеона во Францію двоякимъ образомъ. Наполеона упрекаютъ въ вѣроломствѣ, говорилось тамъ между прочимъ, но развѣ противная сторона сдержала данное ему слово, развѣ договоръ, заключенный съ нимъ, не былъ нарушенъ во многихъ пунктахъ, развѣ въ силу всего этого императоръ не былъ въ правѣ считать договоръ уничтоженнымъ, а себя освобожденнымъ отъ всѣхъ принятыхъ обязательствъ. Суммы, назначенныя Наполеону статьями договора, никогда не выплачивались ему исправно и сполна; императрицѣ Маріи-Луизѣ и его сыну не дозволено было соединиться съ нимъ; Парма и Піаченца, земли, принадлежащія по праву императрицѣ и ея потомкамъ, не были отданы ей; вице-королю Евгенію обѣщано было владѣніе внѣ Франціи, но и это условіе осталось неисполненнымъ. Этого мало. Наполеонъ имѣетъ неопровержимое доказательство, что Бурбоны злоумышляли даже противъ его жизни. Но какъ ни велики эти нарушенія договора, Наполеонъ продолжалъ бы терпѣть и жертвовать собою, если бы Бурбоны выполнили свои обязательства по отношенію къ Франціи. Императоръ надѣялся, что Французской націи оставлено будетъ право распоряжаться своими судьбами, что ей предоставлено будетъ призвать на престолъ династію своего выбора и установить условія господства этой династіи. Вмѣ-

[1]) Наполеонъ, его министры и агенты распространили сначала слухъ, что декларація подложная, что она составлена не державами, а графомъ Лильскимъ т. е. Людовикомъ XVIII.

[2]) Манифестъ этотъ имѣлъ, впрочемъ, довольно оригинальную форму. Онъ исходилъ не отъ Наполеона, а отъ его министровъ. Онъ былъ составленъ министромъ полиціи, Фуше, внесенъ затѣмъ въ совѣтъ министровъ, переданъ на обсужденіе особой коммиссіи, доложенъ вновь въ совѣтѣ министровъ и опубликованъ въ Монитерѣ, по опредѣленію этого послѣдняго. Любопытно при этомъ, что какъ Фуше, такъ и всѣ министры трактовали декларацію союзниковъ, какъ документъ подложный, утверждая при этомъ, что декларація противорѣчитъ всѣмъ правиламъ религіи и морали и нарушаетъ условія договора, отказывая Наполеону въ императорскомъ титулѣ, признанномъ за нимъ всѣми европейскими державами по Парижскому трактату 1814 года.

сто того устранено было даже всякое воспоминаніе о верховной власти народа; отвергнутъ былъ принципъ, на которомъ покоилось въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ все политическое и гражданское законодательство; съ Франціею начали обращаться какъ съ мятежною, покоренною силою оружія и подчиненною вновь старому феодальному владычеству, страною; даже самая конституція, введенная королемъ не была исполняема честно. Оскорбленія, коимъ подверглась армія, пренебреженіе, съ которымъ начали обращаться съ гражданами, какъ съ старымъ третьимъ сословіемъ, ограбленіе, долженствовавшее постигнуть всѣхъ покупщиковъ національныхъ имѣній—вотъ были причины, побудившія Наполеона возстать для освобожденія Франціи. Желанія и стремленія Наполеона вполнѣ тождественны съ желаніями и потребностями Франціи: независимость Франціи, внутренній миръ, миръ со всѣми народами и исполненіе парижскаго трактата 1814 года. Возвращеніе Наполеона не произведетъ ни малѣйшей перемѣны въ положеніи Европы, въ томъ случаѣ, если державы воздержутся отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи, если онѣ не принудятъ къ борьбѣ страну, занятую теперь составленіемъ новаго общественнаго договора, долженствующаго обезпечить свободу ея гражданъ, страну, пребывающую въ счастливѣйшемъ согласіи съ своимъ правителемъ, преисполненную самыхъ миролюбивыхъ мыслей, желающую заниматься лишь развитіемъ своего внутренняго благосостоянія. Франція обнажитъ мечъ лишь въ томъ случаѣ, если несправедливая коалиція заставитъ ее защищать, какъ и въ 1792 г., свою волю, свои права, свою независимость и государя своего избранія.

Было бы опрометчиво предполать, что Наполеонъ придавалъ самъ какое-либо значеніе этому странному манифесту, составленному его министрами и проникнутому совершенно чуждымъ ему лично революціоннымъ духомъ. Наполеонъ могъ даже опасаться, что подобный манифестъ скорѣе повредитъ ему, нежели принесетъ пользу въ глазахъ европейскихъ государей и ихъ министровъ. Да и какое значеніе могли вообще имѣть въ такой моментъ подобныя громкія, либеральныя фразы? Не пахли ли онѣ тою самою идеологіею, къ ко-

торой относился съ такимъ презрѣніемъ самъ Наполеонъ [1])? Наполеонъ зналъ прекрасно, что ни одинъ человѣкъ въ Европѣ не повѣритъ обѣщаніямъ, заключавшимся въ этомъ манифестѣ, да и онъ самъ вовсе не намѣренъ былъ соблюдать ихъ. Союзъ съ либералами и якобинцами, равно какъ и миръ съ Европою, были для него необходимы лишь до тѣхъ поръ, пока онъ успѣлъ бы стать твердо на ноги и забрать въ руки всю прежнюю сумму власти и подготовить всѣ средства для борьбы. Но какъ достигнуть этого пока столь желаннаго и безусловно необходимаго мира? Разумѣется, не обѣщаніями и не громкими фразами, а путемъ обмана и ловкой интриги. И Наполеонъ, никогда не задумывавшійся въ выборѣ средствъ, не замедлилъ вступить на этотъ путь.

Наполеонъ справедливо не довѣрялъ дружбѣ и согласію, установившимся въ послѣднее время между европейскими державами. Тайная исторія Вѣнскихъ совѣщаній была ему въ точности извѣстна чрезъ его агентовъ и шпіоновъ. Онъ зналъ, какъ скоро успѣлъ поссорить Талейранъ бывшихъ шомонскихъ союзниковъ и какъ легко удалось ему образовать тройственную лигу, направленную противъ Россіи и Пруссіи. Счастливый случай доставилъ ему даже теперь въ руки подлинный документъ этого, глубоко хранимаго въ тайнѣ, союза. Бѣгство храбрыхъ Бурбоновъ и ихъ министровъ изъ Парижа было такъ поспѣшно, что они забыли въ попыхахъ даже самыя важнѣйшія и секретнѣйшія государственныя бумаги. Наполеонъ тотчасъ же, по своемъ водвореніи въ Тюльерійскомъ дворцѣ, тщательно пересмотрѣлъ всѣ эти бумаги и къ великой радости нашелъ между ними оригиналъ тайнаго союза, заключеннаго 3 января, противъ Россіи и Пруссіи между Франціею, Англіею и Австріею. Найдены были кромѣ того и другія бумаги, представлявшія несомнѣнныя доказательства той вражды, съ которою относились къ императору Александру

[1]) Замѣчательно, что дня два спустя по обнародованіи манифеста, Наполеонъ разослалъ собственноручныя письма ко всѣмъ европейскимъ государямъ, въ которыхъ не было и слѣдовъ революціонно-либеральныхъ фразъ, но зато говорилось очень много о миролюбіи Наполеона и о его твердомъ намѣреніи уважать права всѣхъ націй. Бернгарди, т. I, 196.

его такъ называемые союзники. Наполеонъ былъ въ восторгѣ отъ этой находки. Онъ не сомнѣвался ни на минуту, что сама судьба посылаетъ ему двухъ могущественныхъ союзниковъ въ лицѣ русскаго императора и короля прусскаго. Весь вопросъ заключался теперь въ томъ, чтобы поставить императора Александра, какъ можно скорѣе, въ извѣстность о тайныхъ интригахъ его коварныхъ союзниковъ и переслать ему въ подлинникѣ документальное доказательство ихъ неслыханнаго вѣроломства. Повидимому, такая процедура не должна была представлять ни малѣйшаго затрудненія, но Наполеонъ находился уже въ это время въ опалѣ у всей Европы, и у него была отнята всякая возможность какихъ бы то ни было прямыхъ сношеній съ европейскими дворами. Вся Францiя была уже окружена настоящимъ военнымъ кордономъ и ни одинъ изъ курьеровъ, отправленныхъ Наполеономъ въ Вѣну, не могъ добраться до столицы Австрiи [1]). Одни изъ нихъ были задержаны на самой французской границѣ, другiе на дальнѣйшемъ пути. У всѣхъ ихъ отобраны были ихъ бумаги, а сами они препровождены обратно во Францiю. Такая же участь постигла и графа де-Флаò, отправленнаго Наполеономъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла къ австрiйскому императору. Задержанный въ Штутгардтѣ, по распоряженiю Виртембергскаго короля, онъ долженъ былъ выдать всѣ свои депеши, бумаги и письма и возвратиться обратно во-свояси [2]). Наполеонъ былъ впрочемъ на столько остороженъ, что не вручилъ ни одному изъ этихъ посланцевъ бумагъ, имѣвшихъ для него столь важное, по его мнѣнiю, значенiе и съумѣлъ найти другой путь для ихъ пересылки императору Александру. Сама судьба, казалось, способствовала ему въ этомъ дѣлѣ. Всѣ иностранные послы заблаговременно покинули Парижъ, при приближенiи Наполена, но два изъ нихъ, по совершенно случайнымъ обстоятельствамъ, не успѣли во время получить своихъ паспортовъ и остались въ Парижѣ [3]). То были австрiйскiй послан-

[1]) Наполеонъ пытался отправлять своихъ курьеровъ черезъ Англiю, но они были задерживаемы и тамъ. Васильчиковъ, т. IV, стр. 563.

[2]) Васильчиковъ, т. IV, стр. 563.

[3]) Бернгарди, т. I, стр. 194.

никъ, генералъ Винсанъ, и русскій повѣренный въ дѣлахъ, Бутягинъ. Случайнымъ пребываніемъ этихъ дипломатовъ въ Парижѣ и рѣшился воспользоваться Наполеонъ для своихъ цѣлей. Хорошо извѣстный намъ Коленкуръ, назначенный теперь вновь министромъ иностранныхъ дѣлъ, получилъ приказаніе добиться во что бы то ни стало свиданія съ ними. Коленкуръ дѣйствительно видѣлся въ качествѣ частнаго лица и съ Винсаномъ и съ Бутягинымъ [1]), но онъ не успѣлъ добиться никакихъ положительныхъ результатовъ. Коленкуръ старался убѣдить австрійскаго посланника, что Наполеонъ отказался отъ своей завоевательной системы, что онъ желаетъ теперь лишь мира и сохраненія существующаго порядка вещей въ Европѣ. Онъ старался внушить ему въ то же время, что фамильный союзъ между Франціею и Австріею лежитъ въ самой натурѣ вещей и что союзъ этотъ крайне необходимъ въ виду непомѣрнаго могущества Россіи. Винсанъ отнесся, однакоже, крайне сдержанно къ этимъ сообщеніямъ Наполеоновскаго министра. Онъ выразилъ ему свое глубокое убѣжденіе, что союзники ни въ какомъ случаѣ не дозволятъ Наполеону царствовать во Франціи; относительно же сына Наполеона онъ выразился болѣе сдержанно, хотя и не отказался доставить Маріи-Луизѣ довольно безсодержательное письмо ея супруга.

Потерпѣвъ такую неудачу у австрійскаго посланника, Коленкуръ не оказался болѣе счастливымъ и у русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. Бутягинъ отнесся къ нему съ неменьшею сдержанностью, какъ и Винсанъ, а когда Коленкуръ сообщилъ ему о тайномъ договорѣ 3-го января, то русскій дипломатъ только пожалъ плечами и замѣтилъ, что ему ничего неизвѣстно о существованіи подобнаго дипломатическаго акта. Коленкуръ не рѣшился идти пока далѣе въ своихъ сообщеніяхъ и донесъ Наполеону о неудовлетворительномъ результатѣ своей миссіи.

Между тѣмъ императоръ нашелъ уже другой болѣе вѣрный путь къ сердцу Александра. То, чего не могли достигнуть при-

[1]) Оба свиданія происходили въ квартирѣ третьяго лица.

сяжные дипломаты, должно было быть поручено ловкой свѣтской женщинѣ, умѣвшей въ то же время говорить языкомъ сердца и пользовавшейся давнишнимъ расположеніемъ русскаго императора. Эта женщина была нареченная дочь Наполеона, королева Гортензія, носившая теперь титулъ герцогини де-Сенъ-Ле. Мы уже знаемъ, какія услуги оказала Гортензія Наполеону во время его изгнанія и какъ дѣятельно подготовляла она его возвращеніе во Францію. Наполеонъ зналъ отъ самой Гортензіи, какъ благосклонно отнесся къ ней и къ ея матери, покойной императрицѣ Жозефинѣ, императоръ Александръ, и какъ онъ взялъ ихъ подъ свое великодушное покровительство во время пребыванія своего въ Парижѣ. Отъ Гортензіи же могъ узнать Наполеонъ, какъ относился императоръ къ Бурбонамъ, какъ рѣзко порицалъ онъ ихъ образъ дѣйствій и какъ мало хорошаго ожидалъ онъ отъ нихъ для Франціи и для Европы. Не могло остаться также Наполеону неизвѣстнымъ, что Александръ относился въ Вѣнѣ съ большимъ интересомъ и личною симпатіею къ пасынку его, брату Гортензіи, Евгенію Богарне. Изъ всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ данныхъ, Наполеонъ поспѣшилъ сдѣлать заключеніе, далеко не вытекавшее изъ нихъ. Онъ вообразилъ, что Александръ можетъ примириться изъ-за вражды къ Бурбонамъ съ нимъ, что онъ въ состояніи будетъ забыть все прошлое, пренебречь, ради личныхъ симпатій, важнѣйшими, общими интересами, и вступить въ союзъ съ человѣкомъ, только что объявленнымъ имъ самимъ внѣ защиты законовъ и общественнаго права.

Путь къ этому невозможному союзу должна была проложить королева Гортензія. Она была лично знакома съ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ; Бутягинъ бывалъ у нея въ домѣ, уже изъ одной любезности къ ней онъ не могъ отказаться доставить лично Александру письмо королевы, заключавшее въ себѣ между прочимъ политическія сообщенія высокой важности. Длинное письмо Гортензіи отличалось задушевнымъ и искреннимъ тономъ [1]). Падчерица Наполеона подробно описывала въ немъ новыя воззрѣнія своего отчима и на внѣшнюю и на внут-

[1]) Васильчиковъ, т. IV, стр. 563.

реннюю политику Франціи; она старалась выставить Наполеона совершенно новымъ человѣкомъ, поклонникомъ либеральныхъ идей и политическаго равновѣсія Европы. Она увѣряла Александра, что Наполеонъ преисполненъ теперь самыхъ миролюбивыхъ намѣреній и что онъ жаждетъ вступить въ тѣсный союзъ съ Россіею и Пруссіею, союзъ, основанный на взаимности интересовъ и на общихъ врагахъ. За этимъ краснорѣчивымъ введеніемъ слѣдовала самая суть дѣла. Гортензія сообщала Александру, что счастливый случай доставилъ въ руки Наполеона документальное доказательство вѣроломства союзниковъ Россіи, она разсказывала подробно исторію находки, сдѣланной въ кабинетѣ самого Людовика XVIII и повергала на усмотрѣніе императора бумаги, препровождаемыя къ нему одновременно съ ея письмомъ [1]). Бутягинъ, къ которому Гортензія обратилась съ личною просьбою доставить письмо и документы въ Вѣну императору Александру, не могъ отказать, разумѣется, королевѣ, тѣмъ болѣе, что уже при первомъ взглядѣ на бумаги, онъ долженъ былъ убѣдиться въ ихъ особой важности. Самые документы доставлены были ему, впрочемъ, не Гортензіею, а министромъ Наполеона, Маре. Вручая бумаги русскому повѣренному въ дѣлахъ, Маре объяснилъ ему отъ имени Наполеона, что императоръ не позволяетъ себѣ высказывать какія-либо замѣчанія по этому дѣлу, но что онъ счелъ своимъ долгомъ не скрывать отъ императора Всероссійскаго эти документы. Бутягинъ рѣшился доставить бумаги лично государю и немедленно же выѣхалъ въ Вѣну.

Путь русскаго уполномоченнаго шелъ черезъ Мюнхенъ, гдѣ находилась уже въ это время со своимъ дворомъ императрица Елизавета. Бутягинъ остановился на нѣсколько часовъ въ Мюнхенѣ, чтобы представиться государынѣ. «Онъ не скрывалъ», читаемъ мы въ мемуарахъ графини Эдлингъ, «какой оригинальный документъ везъ онъ съ собою. Мы узнали отъ него всѣ подробности; но я не сомнѣвалась ни на одинъ моментъ, какое рѣшеніе приметъ по этому поводу императоръ» [2]).

[1]) Кромѣ Гортензіи Наполеонъ уговорилъ еще написать подобное же письмо къ Александру и племянницу своей первой супруги, гросъ-герцогиню Баденскую, Стефанію. См. свидѣтельство Шлоссера въ его исторіи XVIII столѣтія.

[2]) Мемуары графини Эдлингъ, стр. 228, 229.

Бутягинъ прибылъ въ Вѣну 8-го апрѣля н. с. и тотчасъ же былъ принятъ императоромъ Александромъ въ особой аудіенціи. Получивъ документальныя доказательства возмутительной измѣны своихъ союзниковъ, Александръ былъ въ первый моментъ внѣ себя отъ гнѣва. Неблагодарность, на которую онъ наталкивался столько разъ въ своей жизни, еще разъ предстала предъ нимъ въ самомъ черномъ видѣ. Онъ весь покраснѣлъ отъ гнѣва [1]) и теперь только понялъ, какъ справедливы были предостереженія Штейна и Каподистріи, представленныя ему въ свое время. Императоръ провелъ безпокойную ночь и на другой день рано утромъ потребовалъ къ себѣ барона Штейна. Онъ показалъ ему подлинный актъ тайнаго договора и сказалъ спокойнымъ голосомъ: «Я пригласилъ къ себѣ также князя Меттерниха, и я желаю, чтобы вы были свидѣтелемъ этого свиданія». Не успѣлъ еще государь вымолвить этихъ словъ, какъ ему доложили о пріѣздѣ австрійскаго канцлера. Когда Меттернихъ вошелъ въ кабинетъ и раскланялся, Александръ показалъ ему бумагу и спросилъ его, извѣстенъ ли ему этотъ документъ. Меттернихъ взглянулъ на бумагу, но ни одна жилка въ лицѣ его не дрогнула, хотя въ первый моментъ онъ не находилъ словъ для оправданія. Прошло нѣсколько секундъ въ глубокомъ молчаніи. Наконецъ, Меттернихъ попытался заговорить, но государь прервалъ его такими словами: «Меттернихъ, пока мы оба живы, объ этомъ предметѣ никогда не должно быть разговора между нами. Намъ предстоятъ теперь другія дѣла. Наполеонъ возвратился. Нашъ союзъ долженъ быть теперь крѣпче, нежели когда либо». Съ этими словами государь бросилъ трактатъ въ пылавшій подлѣ него каминъ и отпустилъ обоихъ министровъ [2]).

Всѣ историки, описывающіе эту сцену, единогласно выражаютъ свое удивленіе по поводу истинно рыцарскаго образа дѣйствія императора Александра. Мы съ своей стороны усматриваемъ въ этомъ поступкѣ государя одно изъ многочислен-

[1]) Als Alexander die Urkunde empfing, ward er heftig aufgereizt, читаемъ мы у Перца. Er ward roth und unwillig.

[2]) Вся эта сцена у Перца, Stein's Leben, т. IV, стр. 395.

ныхъ проявленій того духа христіанской любви, которымъ переполнена была въ это время душа Александра. Государь не могъ оставить вѣроломства Меттерниха совершенно безнаказаннымъ, но онъ избралъ для него именно такую кару, которая была чужда всякой личной подкладки, но которая доставляла ему тѣмъ не менѣе полное нравственное удовлетвореніе. Австрійскій канцлеръ долженъ былъ понять, что императору извѣстно то обстоятельство, которое онъ считалъ необходимымъ держать въ глубокой тайнѣ, и онъ долженъ былъ знать, что Александръ оцѣниваетъ по достоинству его образъ дѣйствія. Наказаніе Меттерниха усугублялось присутствіемъ его принципіальнаго врага, барона Штейна, съ однимъ именемъ котораго соединялись представленія неподкупной честности и безусловной вѣрности. Идти дальше этого Александръ считалъ несовмѣстимымъ ни съ своимъ личнымъ достоинствомъ, ни съ своими христіанскими убѣжденіями. Удовлетвореніе, полученное имъ, казалось ему вполнѣ достаточнымъ, и кто отважится утверждать, что императоръ ошибался въ своемъ мнѣніи [1]).

«Весьма замѣчательно», говоритъ одинъ изъ историковъ Александра Благословеннаго, «что государь, не терпѣвшій Меттерниха и явно показывавшій ему свое презрѣніе, съ того времени сдѣлался къ нему ласковымъ и удостоивалъ его благосклонностью до самой своей кончины» [2]). Замѣчаніе это, повторяемое вслѣдъ за Богдановичемъ и другими писателями, нуждается, однакоже, въ нѣкоторой поправкѣ. Мы уже знаемъ, что государь примирился съ Меттернихомъ нѣсколько раньше, тотчасъ же по полученіи извѣстія о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы, мы знаемъ также, чѣмъ мотивировалъ тогда государь свое примиреніе. «Вражда и злопамятность», замѣтилъ онъ тогда, «несовмѣстимы съ обязанностями христі-

[1]) Бернгарди замѣчаетъ: Aber das alles that Alexander nicht unter vier Augen, sondern in Gegenwart eines Zeugen—und zwar eines sehr unabhängigen, des Freiherrn v. Stein, vor dem Metternich wohl die gehörige Scheu empfinden konnte. Der Kaiser behielt also trotz aller Grassmuth die volle moralische Ueberlegenheit, die ihm die blossgelegten Ränke Metternichs gewährten,—ja er steigerte sie sogar durch sein ritterliches Benehmen. T. I, стр. 199.

[2]) Богдановичъ, Исторія царствованія Александра I, т. V, стр. 53.

анскими». Александръ остался вѣренъ этимъ обязанностямъ и послѣ достопамятной сцены 9-го апрѣля.

Понятно, какъ неловко должны были чувствовать себя всѣ участники тайнаго договора 3-го января, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что оригиналъ злополучнаго трактата доставленъ былъ самимъ Наполеономъ въ руки Александра. Король Баварскій, принимавшій такое дѣятельное участіе во всѣхъ интригахъ противъ Россіи, позволявшій себѣ, кромѣ того, злословить Александра и распускать на его счетъ различныя злокачественныя сплетни, счелъ необходимымъ явиться къ императору съ объясненіями и извиненіями. Александръ выслушалъ его самымъ благосклоннымъ образомъ. «Оставимъ этотъ разговоръ», замѣтилъ онъ ему. «Вы были вовлечены другими, я забылъ уже объ этомъ дѣлѣ» [1]). Вслѣдъ за королемъ Баварскимъ явились съ объясненіями, извиненіями и оправданіями и другіе участники постыдной интриги. Фонъ-Гагернъ, уполномоченный короля Нидерландскаго, имѣлъ по этому поводу объясненіе съ барономъ Штейномъ 19 апрѣля и доставилъ ему на другой день документы, изъ которыхъ оказывалось, по его мнѣнію, что король, государь его, вовсе не думалъ принимать участія въ войнѣ противъ Россіи, что онъ намѣревался даже, въ случаѣ крайности, предложить свое посредничество державамъ и прислалъ съ этою цѣлью особаго уполномоченнаго въ Вѣну въ лицѣ господина ф. Капелена. Штейнъ представилъ доставленныя ему бумаги на усмотрѣніе императора, и, по его словамъ, Александръ остался вполнѣ доволенъ умѣренностью и добрыми намѣреніями короля Нидерландскаго [2]).

Само собою понятно, что и уполномоченные Бурбонской Франціи, или, лучше сказать, бѣглаго Людовика XVIII, пытались

[1]) «Баварія не была вовлечена другими, она сама раздувала огонь», замѣчаетъ Перцъ. Тамъ же читаемъ: «При Мюнхенскомъ дворѣ господствовало самое зловредное настроеніе. Монжеласъ распространялъ самые отвратительные слухи: «Короля Баварскаго держутъ въ Вѣнѣ подъ арестомъ, по внушенію Пруссіи». Александра поносили всячески. Сама королева позволяла себѣ такія выраженія на счетъ императора, что г-нъ Стурдза вынужденъ былъ сказать ей однажды: «Александръ могъ принять на себя роль освободителя Европы, но ему не идетъ быть ея тюремщикомъ или палачемъ». Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 396—397.

[2]) Перцъ, т. IV, стр. 396.

также объяснить и извинить свой образъ дѣйствій, но Александръ, хорошо понимавшій и прежнюю роль Талейрана, и его теперешнее жалкое, безпомощное положеніе, не придалъ всѣмъ этимъ маневрамъ ни малѣйшаго значенія. Талейранъ остался, впрочемъ, и въ эту критическую минуту, вѣренъ своей обычной лживой наглости. Спустя нѣсколько дней послѣ знаменитой сцены въ кабинетѣ Александра, онъ имѣлъ дерзость увѣрять Нессельроде, что въ Тюльирійскомъ дворцѣ забыты были при отъѣздѣ короля лишь однѣ неважныя бумаги. Нессельроде посмотрѣлъ на него съ улыбкою недоумѣнія. «Ахъ, я знаю, о чемъ вы хотите сказать», воскликнулъ Талейранъ съ миною невиннѣйшаго человѣка въ мірѣ, «объ этомъ трактатѣ? да, но онъ вѣдь былъ заключенъ безъ всякой злой цѣли. Что касается до меня, то я хотѣлъ только разстроить четверной союзъ». Нессельроде въ тотъ же день передалъ слова Талейрана Штейну. «Негодяй!» замѣтилъ желѣзный баронъ, выслушавъ его разсказъ [1]).

Все Вѣнское общество находилось еще подъ впечатлѣніемъ пикантныхъ разоблаченій, доставленныхъ изъ Парижа Бутягинымъ, когда въ Вѣну успѣлъ, наконецъ, пробраться одинъ изъ многочисленныхъ посланцевъ Наполеона, нѣкто М. де-Монтронъ, французскій дворянинъ стараго пошиба, человѣкъ въ высшей степени ловкій и вполнѣ свѣтскій. Де-Монтронъ никогда не занималъ никакой опредѣленной должности во времена имперіи, онъ принадлежалъ тогда къ числу многочисленныхъ домашнихъ друзей Талейрана; къ нему обращались въ тѣ времена государи и дипломаты, особливо въ такихъ дѣлахъ, гдѣ требовалось подкупить могущественнаго министра. Самъ Талейранъ находилъ для себя неудобнымъ торговаться и поручалъ эти грязныя дѣла ловкому дворянину. Теперь де-Монтронъ пріѣхалъ въ Вѣну въ качествѣ агента Наполеона. Онъ долженъ былъ попытаться примирить Талейрана съ имперіею, побесѣдовать съ Меттернихомъ и поговорить, если только представится къ этому возможность, съ Нессельроде. Главная цѣль его миссіи заключалась въ томъ, чтобы развѣ-

[1]) Перцъ, т. IV, стр. 396.

дать, дѣйствительно ли державы твердо намѣрены не признавать Наполеона и вести противъ него истребительную войну [1]).

Де-Монтронъ посѣтилъ прежде всѣхъ Талейрана и предложилъ ему вопросъ, «неужели онъ рѣшается возжечь войну противъ Франціи»?— «Прочитайте декларацію», отвѣчалъ Талейранъ, «въ ней нѣтъ ни одного слова, съ которымъ бы я не былъ согласенъ. Впрочемъ, дѣло идетъ совсѣмъ не о войнѣ противъ Франціи, а о войнѣ противъ человѣка острова Эльбы». Такой же неутѣшительный отвѣтъ получилъ дворянинъ и отъ князя Меттерниха, къ которому онъ отправился «поболтать о дѣлахъ». «Неужели», спросилъ онъ между прочимъ канцлера, «австрійское правительство совершенно опустило изъ виду тѣ цѣли, которыя оно имѣло въ 1814 г.» — «Регенство? возразилъ Меттернихъ, о немъ мы не хотимъ теперь и слышать». Оставался еще одинъ Нессельроде. И съ нимъ успѣлъ повидаться находчивый «домашній другъ Талейрана», но отвѣтъ, полученный имъ отъ русскаго дипломата, былъ едва ли не самый рѣшительный. «Скажите, графъ, чего же хочетъ въ дѣйствительности императоръ Александръ?» спросилъ Монтронъ Нессельроде. «Истребленія Бонапарте и его сторонниковъ», отвѣчалъ ему графъ съ обязательною улыбкою. Монтронъ понялъ, что ему нечего больше дѣлать въ Вѣнѣ и поспѣшилъ отправиться обратно въ Парижъ.

Извѣстія, доставленныя де-Монтрономъ изъ Вѣны, должны были разсѣять послѣднія иллюзіи Наполеона. Онъ долженъ былъ разстаться съ своими надеждами на распаденіе коалиціи и искать спасенія въ открытой отчаянной борьбѣ съ цѣлою Европою. Свои рѣшенія онъ принялъ, по обыкновенію, быстро. Располагая силами крайне недостаточными, онъ намѣревался предупредить нападенія враговъ и атаковать всѣми своими силами того изъ противниковъ, кто былъ ближе къ нему. Оставивъ для прикрытія восточной и южной границы Франціи лишь небольшіе отряды, Наполеонъ началъ сосредоточивать свою главную армію на сѣверо-востокѣ, дабы обрушиться съ нею на

[1]) Подробности о миссіи Монтрона мы находимъ въ донесеніи Талейрана королю Людовику отъ 13 апрѣля 1815 г. Pallain, стр. 335—336.

войска Веллингтона и Блюхера, сосредоточенныя въ Бельгіи. Это рѣшеніе императора, само по себѣ вполнѣ разумное и естественное, явилось тѣмъ не менѣе главною причиною постигшей его катастрофы.

Уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Европа приняла видъ исполинскаго военнаго лагеря. Громадныя массы войскъ, двинутыхъ союзниками, направлялись со всѣхъ сторонъ къ французскимъ границамъ. Австрійцы, справившіеся на этотъ разъ необыкновенно скоро съ Мюратомъ и изгнавшіе его окончательно изъ Неаполя, начали сосредоточивать весьма значительныя силы въ Піемонтѣ и постепенно придвигать ихъ къ французской границѣ. Главная австрійская армія подъ начальствомъ князя Шварценберга собиралась на верхнемъ Рейнѣ. Въ связи съ нею должны были оперировать баденцы, виртембергцы и баварцы. Русскія войска прибывали постепенно въ южную Германію и сосредоточивались между Вюрцбургомъ и Гейдельбергомъ. Въ Бельгіи войска Веллингтона и Блюхера были придвинуты уже къ самой французской границѣ. Болѣе милліона вооруженныхъ людей были въ движеніи и среди шума военныхъ приготовленій всѣ остальные интересы отступили на второй планъ.

Дипломаты великихъ и малыхъ державъ должны были работать усиленнымъ образомъ, чтобы покончить и оформить безчисленную массу вопросовъ, предложенныхъ на разрѣшеніе конгресса. И надо замѣтить, что работа совершалась самымъ поспѣшнымъ образомъ, и быть можетъ, по этой причинѣ давала нерѣдко результаты не вполнѣ удовлетворительные. То, что казалось прежде крайне труднымъ, почти неразрѣшимымъ дѣломъ, рѣшалось и подписывалось теперь въ невѣроятно короткое время. Австро-Баварскій пограничный споръ былъ улаженъ окончательно. Устроены были безчисленныя сдѣлки съ медіатизированными князьями и графами священной римской имперіи; удовлетворены требованія семейства Турнъ-и Таксисъ, заявлявшаго, на основаніи старыхъ привиллегій, претензіи на содержаніе почтъ въ Германіи; Марія-Луиза, окончательно порвавшая въ это время всѣ свои связи съ Наполеономъ, получила въ пожизненное владѣніе герцог-

ство Пармское, и что самое удивительное, составленъ былъ и подписанъ проектъ германской федераціи. Наконецъ, 9-го іюня 1815 г. подписанъ былъ главный заключительный актъ Вѣнскаго конгресса, состоявшій изъ 121 статьи. Засѣданія европейскаго ареопага прекратились почти незамѣтно. Новыя великія событія, подготовлявшіяся на театрѣ войны, отвлекали всеобщее вниманіе отъ послѣдней заключительной фазы Вѣнскаго конгресса [1]).

Императоръ Александръ не дождался окончанія конгресса. Онъ выѣхалъ изъ Вѣны 25-го мая (н. с.) и направился къ берегамъ Неккара и Рейна, куда должны были прибыть русскія войска. Уже на слѣдующій день, вечеромъ, государь прибылъ въ Нимфенбургъ, загородный дворецъ Баварскаго короля, находившійся въ шести верстахъ отъ Мюнхена. Здѣсь его ожидала торжественная встрѣча со стороны Баварской королевской фамиліи. Если король, его супруга, его первый министръ Монжеласъ и князь Вреде принимали на конгрессѣ участіе во всѣхъ интригахъ противъ Россіи, и до самаго послѣдняго времени не переставали злословить на счетъ Александра, то теперь, когда вся ихъ судьба зависѣла отъ воли русскаго государя, располагавшаго въ ю. Германіи 200,000 арміею, они истощались въ низкопоклонной угодливости и въ выраженіяхъ своей союзнической вѣрности. Императоръ Александръ оцѣнилъ, по достоинству, шумныя манифестаціи, которыми встрѣчали его въ Баваріи. По обыкновенію, онъ былъ вѣжливъ, любезенъ, обходителенъ со всѣми. По приглашенію короля онъ присутствовалъ на балѣ, который давали ему жители города Мюнхена. Онъ смотрѣлъ не безъ удовольствія на устроенную въ честь его русскую пляску, на маски, одѣтыя въ національные костюмы различныхъ народовъ, обитающихъ въ предѣлахъ Россіи, на миніатюрную модель каменнаго острова, его любимаго мѣстопребыванія въ С.-Петербургѣ, но его душа полна была и въ это время чувствами и мыслями, не имѣв-

[1]) Объ этой послѣдней фазѣ Вѣнскихъ совѣщаній см. соотвѣтствующіе отдѣлы въ сочиненіяхъ де Ангеберга. Тьера, Перца, Гагерна и другихъ. См. также Богдановича, т. V, стр. 38—46, Васильчиковъ, т. IV, стр. 560—567.

шими ничего общаго съ шумнымъ весельемъ, кипѣвшимъ вокругъ него. Тяжелыя испытанія, пережитыя имъ въ Вѣнѣ, внутренняя борьба, происходившая въ немъ въ послѣднее время, борьба, закончившаяся въ сущности компромиссомъ, на которомъ не могла успокоиться его совѣсть, наложили печать задумчивой грусти на его высокое, прекрасное чело. Императоръ не находилъ вокругъ себя ни одного существа, передъ которымъ онъ могъ бы открыть всю свою душу, которое могло бы дать отвѣтъ на мучившіе его вопросы. Онъ спѣшилъ теперь стать во главѣ своей арміи, но сомнѣнія, возникшія въ немъ по поводу цѣлей, соединенныхъ съ начинавшеюся войною, были по прежнему далеки отъ разрѣшенія. Александръ сознавалъ, что эти сомнѣнія могутъ быть устранены только одною вѣрою, только полною покорностью волѣ Провидѣнія, но онъ справедливо боялся въ тоже время бездѣйствовать и уступать тѣмъ самымъ мѣсто интригѣ и злымъ замысламъ людей, преслѣдовавшихъ подъ громкимъ именемъ принциповъ и интересовъ, свои корыстныя и темныя цѣли. Изъ этого противорѣчія Александръ не могъ выйти собственными силами, онъ ждалъ помощи свыше и былъ глубоко убѣжденъ, что помощь эта должна явиться въ самую критическую миниту [1]).

Естественно, что при такомъ настроеніи Александръ могъ только тяготиться тѣми шумными и изысканными оваціями, которыми встрѣтили его всѣ въ Баваріи. Онъ спѣшилъ впередъ къ своимъ войскамъ и желалъ оставаться въ тоже время какъ можно болѣе наединѣ съ своими мыслями и съ своею тяжелою внутреннею борьбою. Дождавшись въ Нимфенбургѣ пріѣзда императора австрійскаго съ супругою и принявъ участіе въ цѣломъ рядѣ утомительныхъ представленій и церемоній, императоръ выѣхалъ наконецъ, изъ Баваріи и уже два дня спустя встрѣтился въ Эслингенѣ съ королемъ Виртембергскимъ, Фридрихомъ. Послѣдовали новыя утомительныя встрѣчи, пріемы, представленія, а въ Штутгардтѣ, куда прибыли вслѣдъ за тѣмъ оба монарха, новыя празднества и оффиціальные балы.

[1]) О пребываніи Александра въ Мюнхенѣ и его тогдашнемъ настроеніи, см. мемуары графини Эдлингъ, стр, 229—231.

Изъ Штутгардта Александръ направился въ Людвигсбургъ, лѣтній дворецъ Виртембергскихъ королей, гдѣ онъ пробылъ около сутокъ въ обществѣ императора австрійскаго, спѣшившаго также къ своей арміи. Продолжая далѣе свой путь, Александръ прибылъ 4-го Іюня (н. с.) въ Гейльбронъ, гдѣ ожидала его оригинальная и неожиданная встрѣча.

Въ Гейльбронѣ, тихомъ нѣмецкомъ городкѣ, на живописномъ берегу Неккара, кипѣла въ этотъ день необычайная жизнь. Весь городъ былъ переполненъ русскими войсками всѣхъ родовъ оружія, во всѣхъ домахъ былъ военный постой, на площадяхъ и улицахъ солдаты расположились бивуаками; громкія солдатскія пѣсни, веселые, вызывающіе звуки военной музыки раздавались со всѣхъ сторонъ. Все населеніе города было на ногахъ съ самаго ранняго утра, крестьяне изъ сосѣднихъ деревень, спѣшившіе отовсюду «посмотрѣть на великаго царя», увеличивали и безъ того уже страшную сутолоку. Всѣ дома были украшены разноцвѣтными, по преимуществу русскими флагами, вездѣ виднѣлись приготовленія къ иллюминаціи, по улицамъ трудно было пробраться черезъ сплошныя толпы народа, даже крыши домовъ унизаны были тысячами зрителей. Пріѣздъ государя встрѣченъ былъ всеобщимъ восторгомъ. Привѣтствуемый громовымъ ура русскихъ солдатъ и радостными восклицаніями жителей, императоръ проѣхалъ къ дому Рауха, гдѣ приготовлена была для него квартира и гдѣ ожидалъ его почетный караулъ. Императоръ пріѣхалъ утромъ и весь день прошелъ въ оффиціальныхъ пріемахъ, докладахъ и военныхъ смотрахъ. Наконецъ, наступилъ вечеръ и Александръ, страшно утомленный, удалился въ свой кабинетъ. Князю Волконскому и дежурному адъютанту отданъ былъ строгій приказъ не принимать никого, а толпы народа, собравшіяся было у Рауховскаго дома, услыхавъ, что императоръ отдыхаетъ и проситъ народъ разойтись, удалились въ почтительной тишинѣ.

Наступила уже полная темнота. Въ домѣ и на улицахъ не было никого кромѣ дежурныхъ офицеровъ и караульныхъ солдатъ, какъ вдругъ къ Раухскому отелю явилась какая то дама, одѣтая просто, чуть не по монашески. Она объявила, что она должна видѣть непремѣнно государя и упорно стояла на своемъ

требованіи, не смотря на заявленіе дежурнаго адъютанта, что императоръ не принимаетъ никого и что, вѣроятно, онъ уже почиваетъ. На вопросъ адъютанта, кто она такая? дама отвѣчала, что зовутъ ее баронесса Юлія ф. Кридинеръ, что государь знаетъ ее хорошо, что она имѣетъ къ нему очень важное дѣло, но что объяснить его она можетъ лишь самому императору. Дама говорила такъ настойчиво и внушительно, вся ея внѣшность, не смотря на простой костюмъ, производила такое сильное впечатлѣніе, что дежурный адъютантъ счелъ себя вынужденнымъ доложить о ея желаніи князю Волконскому. Прошло нѣсколько минутъ въ ожиданіи. M-me Кридинеръ стояла среди окружавшихъ ея прислуги и солдатъ совершенно спокойно и повидимому безучастно, какъ бы не замѣчая устремленныхъ на нее отовсюду взглядовъ. Очевидно, мысли ея были далеко и она была поглощена вся ожидавшимъ ее великимъ моментомъ. Наконецъ, князь Волконскій вышелъ и Кридинеръ повторила ему все то, что говорила она адъютанту. Князь окинулъ бѣглымъ взглядомъ незнакомую ему лично баронессу и попросилъ ее подождать нѣсколько минутъ въ пріемной, пока онъ доложитъ объ ея желаніи императору. «Государь еще не почиваетъ, замѣтилъ онъ при этомъ, но онъ очень усталъ, онъ запретилъ строго принимать кого бы то ни было». Прошло еще нѣсколько минутъ. Князь Волконскій вышелъ изъ кабинета, почтительно поклонился баронессѣ, предложилъ ей свою руку и провелъ ее до дверей кабинета. Государь встрѣтилъ баронессу у самыхъ дверей и объявилъ князю, что баронесса Кридинеръ всегда можетъ имѣть къ нему свободный доступъ. Свиданіе Александра съ «пророчицею» продолжалось около трехъ часовъ. Когда m-me Кридинеръ вышла изъ кабинета, то государь провожалъ ее самъ. Онъ былъ, видимо, глубоко растроганъ, слезы блистали на его глазахъ. Съ этого дня баронесса сдѣлалась ежедневною гостьею императорской главной квартиры. Таково свидѣтельство очевидца о первомъ свиданіи Александра съ Юліею Кридинеръ [1]), но спрашивается,

[1]) О свиданіи въ Гейльброннѣ мы располагаемъ цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ. Кромѣ личныхъ разсказовъ самого императора Александра, сохранившихся въ ме-

однако-же откуда явилась такъ внезапно ф. Кридинеръ, и что происходило во время ея первой бесѣды съ Александромъ?

Мы уже знаемъ, что всю зиму и весну 1815 г. m-me Кридинеръ проводила, по обыкновенію, въ кружкѣ своихъ набожныхъ друзей, занятая неустанно то молитвою, то дѣлами благочестія. Изъ ея переписки съ дѣвицею Стурдза и съ другими лицами, мы узнаемъ, что она горѣла все это время страстнымъ желаніемъ увидѣть «бѣлаго ангела» и сообщить ему свои откровенія. 16-го февраля 1815 г. m-me Кридинеръ поѣхала, по словамъ своего біографа [1]), въ Страсбургъ, гдѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней она принимала дѣятельное участіе въ собраніяхъ «святыхъ», происходившихъ у «извѣстнаго Вегелина». Изъ Страсбурга она возвратилась обратно въ Баденъ, но здѣсь уже черезъ нѣсколько дней ее посѣтило откровеніе «свыше» [2]). Ей повелѣно было поселиться на мельницѣ близь деревушки Шлухтернъ въ Гессенѣ и ожидать здѣсь прибытія русскаго императора. Само собою понятно, что пророчица спѣшила повиноваться велѣнію «свыше» и очутилась, такимъ образомъ, по сосѣдству съ Гейльброномъ, черезъ который проходила большая дорога на Гейдельбергъ и далѣе на Рейнъ.

Позднѣйшіе біографы m-me Кридинеръ, «не принадлежавшіе къ числу вѣрующихъ», отнеслись съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ разсказу объ «откровеніи свыше». Изъ ихъ тщательныхъ разысканій оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, что въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о какихъ бы то ни было чудесахъ и откровеніяхъ «свыше» [3]). Дѣло происходило го-

муарахъ графини Эдлингъ и свидѣтельствъ m-me Кридинеръ, внесенныхъ въ извѣстную статью Ампейтаза, сюда относятся еще разсказы такихъ очевидцевъ, какъ Раухъ, которые были свидѣтелями всей внѣшней стороны свиданія. См. между прочимъ: Empeytaz, Notice sur l'empereur Alexandre; M. Bühler, Frau Von Krüdener auf dem Rappenhof, zu Heilbronn und Schluchtern, а равно и другія цитированныя уже ранѣе сочиненія о m-me Кридинеръ.

[1]) Эйнара, Vie de m-me Krüdener, т. I, стр. 319.

[2]) «A son retour, читаемъ мы у Эйнара, «elle reçut *par revelation* l'ordre de se rendre dans un moulin situé près de Schlucktérn, dans la Hesse Electorale, jusqu'au moment de sa rencontre avec l'empereur Alexandre», т. I, стр. 319.

[3]) См. Мюленбекъ, Etude sur les origines de la Sainte-Alliance, стр. 216—221.

раздо проще, и главную роль играло въ немъ не провидѣніе, а подозрительность Баденскихъ властей. Проповѣдническая дѣятельность Фонтеня, «друга» m-me Кридинеръ, вызвала сильное волненіе въ сосѣднихъ деревняхъ. Невѣжественные мужики повѣрили серьезно приближенію тысячелѣтняго царствія на землѣ, перестали работать и собирались переселяться въ ту обѣтованную страну, гдѣ должно было основаться новое Израильское царство. Понятно, что полиція не могла отнестись спокойно къ этому «своеобразному волненію». Постоянныя собранія вѣрующихъ, происходившія въ Карлсруэ, подъ предсѣдательствомъ самой баронессы, собранія, въ которыхъ господствовалъ восторженный тонъ, гдѣ говорилось также «о предстоящемъ выселеніи», начали также возбуждать подозрѣнія. Назначено было разслѣдованіе, обратились съ запросомъ къ Виртембергскимъ властямъ: по какому поводу выслана была изъ предѣловъ королевства въ 1809 г. баронесса ф. Кридинеръ, и отвѣтъ, полученный отъ нихъ, былъ не совсѣмъ благопріятенъ для пророчицы и ея друзей. Оказалось, что баронесса и Фонтень были удалены изъ Виртембергскаго королевства за свои сношенія съ «пресловутою визіонеркою Маріею Куммеръ, а Фонтень сверхъ того и за свои подозрительныя сношенія съ Франціею [1]). Эти свѣдѣнія подали поводъ Баденской полиціи устроить негласный надзоръ надъ m-me Кридинеръ и не давать ей покоя до тѣхъ поръ, пока баронесса не сочла за лучшее, объявить, что въ силу новаго откровенія, она покидаетъ Баденъ и переселяется въ Шлухтернъ, принадлежавшій тогда къ только что возстановленному Гессенскому курфиршеству.

Вслѣдъ за баронессою переѣхали въ Шлухтернъ дочь ея Жюльета, пасторъ Ампейтазъ, Фонтень съ своею семьею и Бернгеймъ, одинъ изъ восторженнѣйшихъ почитателей проро-

[1]) Виртемберское полицейское вѣдомство писало: «Auch geht aus Akten hervor, dass die selbe Frau von Krüdener mit der berüchtigten im Zuchthaus sich befindlichen Geisterseherin Gottliebin Kummerer von Kleebronn abgegeben und sie unter ihre Gesellschaft aufgenommen gehabt habe; auch die correspondenz des Fontaines nach Frankreich sehr aufgefallen seye». Мюленбекъ, стр. 218—219.

чицы [1]). M-me Криденеръ считала почему-то удобнымъ поселиться отдѣльно отъ своихъ друзей. Она наняла для себя и для своей дочери три небольшихъ комнатки у мельника Якова Коха. По сосѣдству находилась прелестная Мыза Раппенгофъ, расположенная въ очаровательной горной мѣстности, близь стариннаго городка Вейнсберга. Баронесса купила эту мызу за 12,050 флориновъ и передала ее въ полное распоряженіе другу своему Фонтеню. Что-же касается до Ампейтаза и Бернгейма, то они наняли себѣ квартиру въ самомъ мѣстечкѣ Шлухтернѣ [2]).

Проживая въ своемъ идиллическомъ уединеніи, m-me Криденеръ, по словамъ Эйнара, занималась евангелизаціею окрестной страны. Среди мѣстнаго, крестьянскаго населенія обнаруживался въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ особый подъемъ религіознаго духа. Проповѣди теософовъ и въ особенности Юнга Штиллинга привели здѣсь народъ въ сильное волненіе. Охваченные фанатическою экзальтаціею, цѣлыя крестьянскія общины продавали все свое имущество и собирались переселиться на Кавказъ, дабы ожидать тамъ возвращенія евреевъ въ Іерусалимъ. Отсюда они могли, по ихъ словамъ, скорѣе достигнуть Палестины и получить участіе въ тѣхъ благахъ, кои были обѣщаны «избранымъ изъ народа Божія». M-me Криденеръ, утверждаетъ ея біографъ, старалась положить предѣлъ этимъ пагубнымъ фантастическимъ увлеченіямъ. Она проповѣдывала покорность и самоотверженіе, покаяніе и возрожденіе въ Духѣ Святомъ. Народъ толпами стекался въ Шлухтернъ, чтобы увидѣть и услышать ее. Въ особенности, по воскресеньямъ, можно было встрѣтить по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ къ Шлухтерну партіи крестьянъ. Они шли громко воспѣвая псалмы и церковные гимны. Въ самомъ Шлухтернѣ собранія вѣрующихъ устраивались подъ открытымъ небомъ, такъ какъ ни одинъ домъ не могъ вмѣстить ихъ громаднаго

[1]) Бернгеймъ былъ въ это время женихомъ m-me Криденеръ, а вскорѣ сдѣлался ея супругомъ.

[2]) Всѣ эти подробности у Мюленбека, стр. 219—220.

числа. Пасторъ Бернгеймъ и другія набожныя лица предсѣдательствовали въ этихъ собраніяхъ [1]).

Таковъ разсказъ Эйнара, но нельзя не отмѣтить въ немъ нѣкоторой неточности. Изъ словъ набожнаго біографа выходитъ, что m-me Кридинеръ успокаивала волненіе, вызванное въ народѣ Юнгомъ Штиллингомъ и другими теософами, въ дѣйствительности же дѣло могло происходить скорѣе наоборотъ [2]). Намъ хорошо извѣстно, что Юнгъ-Штиллингъ никогда не проповѣдывалъ «Исхода», что наоборотъ, онъ убѣждалъ всѣхъ и каждаго, оставаться на мѣстѣ, въ домѣ своемъ, ибо говорилъ онъ и въ домахъ своихъ мы точно также будемъ въ рукахъ Божіихъ, какъ въ Крыму и на Кавказѣ. Совсѣмъ иное дѣло m-me Кридинеръ. Ея религіозность отличалась всегда крайне страстнымъ и фантастическимъ характеромъ. Ложно понятыя Апокалипсическія видѣнія давно взволновали ея вообраafженіе. И если въ 1816 и 1817 г. она проповѣдывала выселеніе въ Палестину и на Кавказъ швейцарцамъ, то трудно допустить, чтобы въ 1815 г. она старалась удержать на родинѣ южно-нѣмецкихъ крестьянъ. Подобныя дѣйствія находились бы въ явномъ противорѣчіи со всѣмъ характеромъ ея дѣятельности; они шли бы въ разрѣзъ основному тезису ея откровеннаго ученія, гласившему, что всѣ вѣрующіе, всѣ дѣти Божіи должны собраться въ одно мѣсто, въ ожиданіи наступленія великаго момента.

Какова бы ни была, впрочемъ, евангелическая дѣятельность m-me Кридинеръ, однакоже, не она стояла для нея въ это время на первомъ планѣ. Ради спасенія и просвѣщенія простаго народа, баронесса никогда бы не обрекла себя на Шлухтернское уединеніе. Ея фантазія занята была въ это время высшими міровыми вопросами. Ея мысли были постоянно въ Вѣнѣ и изъ писемъ ея къ Стурдзѣ видно, что она ожидала изо дня въ день свиданія съ Александромъ, обѣщаннаго и возвѣщеннаго ей *Свыше*. «Милосердіе Господне, писала она между прочимъ Стурдзѣ 10 апрѣля [3]), такъ вѣрно предупреждало насъ обо

[1]) См. Эйнаръ, Vie de Krüdener, т. I, стр. 319.

[2]) См. Мюленбекъ, стр. 221.

[3]) Текстъ письма помѣщенъ у Эйнара, т. I, стр. 320—321.

всемъ, что всѣ замѣчательныя событія, какъ напримѣръ и все то, что произошло въ Парижѣ 20 марта, возвѣщено было уже за три мѣсяца нѣкоторыми изъ членовъ нашей общины. Что же касается до письма моего изъ Страсбурга, объ этихъ лиліяхъ, которыя явятся лишь для того, чтобы исчезнуть, то я написала его подъ вліяніемъ откровенія, осѣнившаго меня свыше во время самого писанія. То же самое должна я сказать и о тѣхъ великихъ движеніхъ, которыя происходятъ въ душѣ императора и приготовляютъ его къ великимъ дѣяніямъ, долженствующимъ изумить всѣ народы. И они не остались безъизвѣстными недостойной рабѣ, долженствующей возвѣстить ему великіе глаголы. Я знаю напередъ, что я встрѣчу не мало затрудненій, я предвижу лживые разсказы на мой счетъ, но я не отваживаюсь оправдываться ни въ чемъ; Господь объяснитъ все. Я должна была предпринять въ послѣднее время нѣсколько путешествій, чтобы найти убѣжище, указанное мнѣ и долженствующее быть свидѣтелемъ великихъ событій. Найдутся люди, которые, узнавъ, что я предвидѣла напередъ столько событій, станутъ утверждать, что я посвящена въ политическія дѣла. Увы! если бы я знала лишь то, что происходитъ въ кабинетахъ, я знала бы мало и обрѣталась бы во тьмѣ».

Волненіе m-me Кридинеръ, вызванное ея нетерпѣливымъ ожиданіемъ, усиливалось съ каждымъ днемъ. «Не могу вамъ выразить, моя дорогая подруга, писала она Стурдзѣ 18 мая 1815 г. [1]), какъ я была тронута, получивъ ваше послѣднее письмо, вашею добротою и вашею снисходительностію по поводу моего столь продолжительнаго молчанія. О! моя дорогая Роксандра, какъ я люблю васъ! Мое сердце не можетъ оторваться отъ васъ и отъ писанія къ вамъ, не смотря на то, что тысячи дѣлъ призываютъ и доводятъ меня до лихорадки, ибо все мое сердце волнуется отъ радости при видѣ столькихъ чудесъ, при полученіи столькихъ писемъ, испрашивающихъ у меня духовныхъ совѣтовъ и увѣдомляющихъ меня о преуспѣяніи церкви Божіей. О, моя подруга! сколько я узнала, сколько подтвержденій знаемаго получила я въ послѣднее время.

[1]) И это письмо напечатано у Эйнара, т. I, стр. 321—322.

Но почему же я не могу говорить съ вами о нашемъ возлюбленномъ императорѣ и о великихъ судьбахъ міра! Не остается для меня сомнѣнія, что Господь не восхотѣлъ внушить свою волю несчастной и недостойной рабынѣ, пишущей вамъ; дорогая подруга, молитесь, молитесь: наступаютъ великіе моменты. Молитесь за избранника Господня! Молитесь и за вашу бѣдную подругу, столь нуждающуюся въ молитвѣ. Она такъ неустанно трепещетъ не исполнить свои великія обязанности и оказаться виновною въ недостаточной любви къ Богу, безконечно милосердному, осыпающему ее своими благодѣяніями, внимающему каждой ея молитвѣ. Мы часто преклоняемъ колѣна, дабы молиться за тѣхъ, кого мы любимъ. О! если бы свѣтъ не сомнѣвался въ томъ, что должно случиться!»

Въ такихъ сомнѣніяхъ и надеждахъ протекли для m-me Кридинеръ послѣдніе майскіе дни 1815 года. Пророчица много молилась и много трудилась для народа, но она зорко слѣдила въ то же время за событіями дня. Наконецъ, она узнала, что императоръ Александръ выѣхалъ изъ Вѣны и что онъ ѣдетъ въ Гейдельбергъ. Великій, рѣшающій моментъ наступилъ! Утромъ 4 іюня Александръ пріѣхалъ въ Гейльбронъ, а вечеромъ того-же дня m-me Кридинеръ успѣла уже добиться столь желаннаго, такъ давно ожидаемаго свиданія съ нимъ. Успѣхъ ея дѣйствительно былъ полный, превосходившій всякія ожиданія. Императоръ не только принялъ ее крайне милостиво, не только бесѣдовалъ съ нею въ продолженіи трехъ часовъ, но изъявилъ желаніе пребывать съ нею и впредь въ духовномъ общеніи. Онъ пригласилъ ее слѣдовать за собою, и m-me Кридинеръ, не колеблясь, послѣдовала его призыву.

О первомъ свиданіи императора Александра съ m-me Кридинеръ мы располагаемъ свидѣтельствомъ, исходящимъ отъ самого государя. «Утомленный заботами дня, разсказываетъ Александръ, я вздохнулъ, наконецъ, свободно вечеромъ. Моимъ первымъ движеніемъ было взять книгу, которую я ношу всегда при себѣ. Я началъ читать, но мое сознаніе, омраченное темными облаками, не въ состояніи было проникнуть въ смыслъ писанія; мои мысли мѣшались, сердце мое удручено было скорбью. Я положилъ книгу и подумалъ, какое утѣшеніе дала

бы мнѣ въ этотъ моментъ бесѣда съ дружескою душею. Эта мысль напомнила мнѣ васъ, я припомнилъ и все то, что говорили вы мнѣ о m-me Кридинеръ, а равно и мое тогдашнее желаніе познакомиться съ нею. Гдѣ бы она могла быть теперь и гдѣ бы могъ я встрѣтиться съ нею? подумалъ я про себя. Никогда! Но едва лишь мелькнула эта мысль въ моей головѣ, какъ послышался стукъ у дверей. То былъ князь Волконскій. Съ тономъ сдержанной досады, онъ объявилъ мнѣ, что онъ безпокоитъ меня противъ своего желанія въ такой поздній часъ, но что онъ вынужденъ былъ сдѣлать это, чтобы отвязаться отъ женщины, которая во что бы то ни стало желаетъ видѣть меня. И онъ назвалъ затѣмъ имя m-me Кридинеръ. Можете себѣ представить мое изумленіе! Мнѣ казалось, что я грежу! Такой внезапный отвѣтъ на мою мысль не могъ показаться мнѣ дѣломъ случая. Я приказалъ тотчасъ-же впустить ее. Какъ бы читая въ моей душѣ, она обратилась ко мнѣ съ словами столь сильными и утѣшительными, что они сразу успокоили волненіе, не дававшее мнѣ столь долгое время покоя. Ея присутствіе было благодѣяніемъ для меня, я далъ себѣ слово поддерживать столь драгоцѣнное для меня знакомство» [1]).

Таково свидѣтельство самого Александра. Оно не передаетъ намъ никакихъ подробностей на счетъ бесѣды императора съ m-me Кридинеръ, но оно уясняетъ намъ то исключительное стеченіе обстоятельствъ, которое должно было придать особое значеніе каждому ея слову. Не явись m-me Кридинеръ такъ внезапно, и именно въ моментъ такого настроенія Александра, и ея пламенныя рѣчи не пали бы на столь хорошо подготовленную почву и никогда бы не произвели такого сильнаго вліянія на Александра [2]). Но о чемъ же говорила Кридинеръ?

[1]) Разсказъ Александра мы находимъ въ мемуарахъ графини Эдлингъ, стр. 231—233. C'est dans ces termes, замѣчаетъ графиня, que L'Empereur me raconta dans la suite sa premiere entrevue avec m-me Krüdener, elle fût suivie des plusiers autres qui le satisfirent également. On rencontrait dans cette femme extraordinaire la grace et l'esprit des gens du monde, reunis a une exaltation religieuse aussi ardente que sincére. Нѣтъ сомнѣнія, что именно это сочетаніе качествъ, повидимому—противоположныхъ, должно было произвести сильное впечатлѣніе на Александра.

[2]) Мюленбекъ, имѣющій тенденцію устранить изъ исторіи Кридинеръ все,

выступила ли она предъ императоромъ въ роли пророчицы, или же ея слова носили на себѣ исключительно поучительный религіозный тонъ? По словамъ Ампейтаза, единственнаго свидѣтеля въ данномъ случаѣ, баронесса начала съ того, что отдернула отъ духовныхъ очей его завѣсу, скрывавшую отъ него самого его грѣховное состояніе. Она порицала въ строгихъ выраженіяхъ безпорядочность его прежней жизни, его преступное легкомысліе, гордость, которая примѣшивалась ко всѣмъ его попыткамъ возрожденія, но она высказывала все это съ такимъ трогательнымъ умиленіемъ, съ такою кротостью и въ то же время съ такою силою, которыя свойственны были лишь ей одной. Замѣчая вниманіе и удивленіе, съ которымъ слушалъ ее императоръ, она одушевлялась все болѣе и болѣе и перешла, наконецъ, въ настоящій паѳосъ. «Нѣтъ, государь, сказала она ему, вы не приблизились еще къ Богочеловѣку, какъ подобаетъ приближаться грѣшнику, умоляющему о прощеніи. Вы не получили еще прощенія отъ Того, Кто Единъ на землѣ обладаетъ властью отпускать грѣхи; вы пребываете еще въ вашихъ грѣхахъ; вы не смирились еще пока передъ Іисусомъ; вы не воскликнули еще изъ глубины вашего сердца, подобно мытарю, Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! И вотъ почему, вы не достигли еще внутренняго мира. Услышьте голосъ женщины, которая была также великою грѣшницею, но которая обрѣла отпущеніе грѣховъ своихъ у подножія креста Спасителя.

При этихъ словахъ m-me Кридинеръ, повѣствуетъ нашъ свидѣтель, Александръ залился слезами и закрылъ лице свое руками. Вдругъ m-me Кридинеръ вспомнила, что она обращалась съ такими словами къ своему государю и къ импе-

имѣющее характеръ чудеснаго и сверхъестественнаго, говоритъ, основываясь на свидѣтельствѣ Ампейтаза: о «une lettre d'introduction, переданномъ m-me Кридинеръ князю Волконскому. «Императоръ, получивъ это письмо, спрашиваетъ отъ кого оно... Отъ m-me Кридинеръ, отвѣчаетъ князь Волконскій. «Отъ m-me Кридинеръ! воскликнулъ императоръ. О, провидѣніе! гдѣ она? Впустите ее сію-же минуту». Eynard, замѣчаетъ Мюленбекъ supprime la lettre, afin de donner a l'histoire un petit air de prodige». Совершенно справедливо, что Эйнаръ умалчиваетъ объ этомъ lettre, но вѣдь чудо въ этой исторіи заключается въ томъ, что Кридинеръ явилась какъ разъ въ тотъ моментъ, когда государь думалъ именно о ней.

ратору Всероссійскому; она остановилась и начала извиняться въ живости и смѣлости своихъ выраженій. Александръ успокоилъ ее. «Нѣтъ, мадамъ, сказалъ онъ, продолжайте, ваши слова музыка для моей души». Три часа прошли въ такой бесѣдѣ. Когда же она замѣтила, что она жалѣетъ, если нѣкоторыя изъ ея словъ оскорбили его, то императоръ прервалъ ее. «Будьте спокойны», сказалъ онъ, «вся ваша рѣчь врѣзалась въ мое сердце, вы открыли во мнѣ то, чего я и не подозрѣвалъ. Я благодарю Бога, но я нуждаюсь и впредь въ такихъ же собесѣдованіяхъ, и я прошу васъ не удаляться отъ меня».

Мы не имѣемъ никакой возможности провѣрить приведеннаго свидѣтельства, но мы полагаемъ, что сущность дѣла передана въ немъ вѣрно [1]). Мы отмѣчаемъ прежде всего тотъ фактъ, что вся бесѣда m-me Кридинеръ съ Александромъ вращалась вокругъ вопроса объ индивидуальномъ спасеніи человѣка, что восторженная баронесса держалась при этомъ на строго евангельской почвѣ, что она не впадала ни въ пророческій, ни въ темно мистическій тонъ, и что она воздерживалась отъ всякихъ экскурсій въ область политики. Безъ сомнѣнія, успѣхъ Кридинеръ у Александра объясняется отчасти именно этою сдержанностью, а затѣмъ уже ея своеобразнымъ паѳосомъ, ея откровенною смѣлостью и сердечностью. Александръ не имѣлъ еще ни разу случая говорить съ человѣкомъ, который бы относился къ нему, какъ къ простому смертному, который при всемъ уваженіи къ его высокому сану, обнажалъ бы съ такою смѣлостью его внутреннія раны и лилъ на нихъ такой цѣлебный бальзамъ утѣшенія. До сихъ поръ онъ не слышалъ ничего кромѣ лести и лжи, теперь онъ впервые услышалъ слово правды. И если эта правда была во многихъ от-

[1]) Ампейтазъ записалъ свое свидѣтельство, со словъ m-me Кридинеръ и обнародовалъ его много лѣтъ спустя въ своемъ Notice sur l'empereur Alexandre. Всѣ позднѣйшіе біографы m-me Кридинеръ повторяютъ лишь разсказъ Ампейтаза, при чемъ нѣкоторые, какъ напримѣръ Эйнаръ, воспроизводятъ его буквально; тогда какъ другіе, напримѣръ Мюленбекъ, заимствуютъ изъ него лишь то, что подходитъ къ ихъ тенденціи. Ср. Эйнаръ, т. I, стр 340—342 и Мюленбекъ, стр. 226—227.

ношеніяхъ печальна для него, то все же эта правда была легче и отраднѣе для его истерзаннаго сердца, нежели та оффиціальная лесть, которая привѣтствовала его именами избавителя, избраннаго и предлагала строить ему еще при жизни великолѣпные памятники. Подъ вліяніемъ всего пережитаго и испытаннаго Александръ разочаровался въ послѣднее время во всемъ: въ любви, дружбѣ, благодарности. Онъ стремился освободить и примирить всѣ народы на основахъ политическаго равенства и христіанскаго братства, а его мнимые союзники ковали противъ него въ это самое время оружіе и заключали тайный союзъ. Онъ обрѣлъ въ себѣ внутреннюю силу простить эту черную неблагодарность, но слѣды нанесенной страшной раны не излечивались въ его сердцѣ. Онъ находился на опасномъ пути. Противъ собственной воли въ немъ рождалось убѣжденіе въ собственной правотѣ и въ неизмѣримомъ превосходствѣ передъ всѣми другими. Но это зарождающееся гордое сознаніе не доставляло ему внутренняго мира и душевнаго покоя; оно не могло заглушить въ немъ того смутнаго, но все-же могучаго чувства, которое напоминало ему о его глубокой грѣховности и о потребности покаянія внутренняго и примиренія съ Богомъ. И вотъ является къ нему женщина и своимъ внезапнымъ и страннымъ появленіемъ, своими пламенными рѣчами, пробуждаетъ въ немъ это смутное, какъ бы дремлющее чувство, срываетъ повязку съ глазъ его, открываетъ передъ нимъ бездну его грѣховности и указываетъ на единственно вѣрный путь спасенія. И эта женщина сразу пріобрѣтаетъ надъ нимъ вліяніе, чуждое всякой личной или политической подкладки, основанное единственно на почвѣ религіозно-нравственнаго возрожденія, на почвѣ его индивидуальнаго душевнаго спасенія. «Вы открыли во мнѣ», говоритъ ей Александръ, «то, чего я и не подозрѣвалъ въ себѣ. Я нуждаюсь и впредь въ вашей бесѣдѣ, не удаляйтесь отъ меня». Въ этихъ словахъ императора заключается вся разгадка вліянія Кридинеръ на него.

Изъ Гейльброна Александръ переѣхалъ 5 іюня въ Гейдельбергъ, гдѣ находилась главная квартира союзной арміи, и гдѣ долженъ былъ быть установленъ окончательный планъ

военныхъ дѣйствій противъ Франціи. Государь поселился не въ самомъ городѣ, переполненномъ до послѣдней возможности, а въ загородномъ домикѣ англичанина Пикфорда, расположенномъ на живописномъ берегу Неккара. Только здѣсь, вдали отъ шума и непрерывающейся суеты, надѣялся найти Александръ мѣсто для отдыха и уединенія. Въ саду англичанина воздвигнутъ былъ крестъ и этотъ символъ страданій Спасителя, отдавшаго себя за грѣхи человѣчества, остановилъ на себѣ прежде всего вниманіе императора. «Я расположился въ маленькомъ домикѣ за городомъ», писалъ онъ m-me Кридинеръ. «Я избралъ его своимъ жилищемъ потому, что нашелъ въ немъ мое знамя, крестъ, въ саду» [1]).

Изъ разсказа Ампейтаза, подтверждаемаго, впрочемъ, другими современными свидѣтельствами, мы узнаемъ, что Александръ тотчасъ же по пріѣздѣ въ Гейдельбергъ пригласилъ переѣхать туда же m-me Кридинеръ [2]). Кридинеръ пріѣхала въ сопровожденіи своей дочери и зятя (Беркгеймъ) и своего главнаго духовнаго совѣтника, женевскаго богослова и мистика Ампейтаза [3]). Всѣ они поселились въ крестьянскомъ домикѣ на берегу Неккара, въ десяти минутахъ разстоянія отъ дома Пикфорда. Сюда, въ эту хижину, приходилъ обыкновенно черезъ день императоръ, здѣсь онъ просиживалъ обыкновенно отъ 10 ч. вечера до 2 часовъ утра. Тутъ онъ молился, читалъ библію и проводилъ время въ благочестивыхъ бесѣдахъ.

«Эти собранія», замѣчаетъ Ампейтазъ, «продолжавшіяся все время пребыванія императора въ Гейдельбергѣ, далеки были

[1]) Эйнаръ, т. II, стр. 9.

[2]) «A peine arrivé, il ecrivit à mad. Krüdener de se rendre après de lui, en lui faisant connaitre qu'il avait un pressant besoin de s'entretenir en détail de ce qui depuis longtemps occupait ses pensées cte».

[3]) Насколько m-me Кридинеръ нуждалась въ помощи опытнаго женевскаго богослова, видно изъ слѣдующаго пригласительнаго письма ея къ Ампейтазу: «cher ami! J'eprouve un besoin pressant que vous veniez avec moi chez Alexandre; car je sens fortement le besoin d'etre avec vous, de prier, de repasser taut de passages des Saintes Ecritures que vous étes habitué á me chercher et à me dire. J'ai ecrit hier à Alexandre et ma lettre aura, s'il plait au Seigneur et par sa grace, des fruits: elle etait forte et douce. Mon âme est dans l'attente de grandes choses. La geurre commence, c'est un moment decisif. Hâtez vous, cher frere et cher ami». Ampeytaz, Notice sur Alexandre.

отъ всякой политической цѣли, хотя нѣкоторые журналы распространяли противоположные слухи. Соединенные волею провидѣнія вокругъ великаго государя, призывавшаго нашу помощь для успокоенія своей совѣсти, мы согрѣшили бы противъ Бога и нарушили бы священныя права довѣрія, которымъ удостоилъ насъ Александръ, если бы мы пытались заводить рѣчь о преходящихъ дѣлахъ міра сего. Люди различныхъ партій, тѣснившіеся вокругъ насъ, никогда не могли воспользоваться нами для своихъ цѣлей. Нѣтъ и нѣтъ, когда существуетъ убѣжденіе, что за смертью слѣдуетъ судъ, а за судомъ вѣчное осужденіе; когда сознаешь, что умирающій внѣ общенія съ Христомъ умираетъ также какъ и родился, т. е. въ осужденіи;—тогда невозможно занимать того, кто ищетъ истинъ евангельскихъ иными предметами, кромѣ сихъ непоколебимыхъ истинъ».

Свидѣтельство Ампейтаза заслуживаетъ полнаго вѣроятія. Трудно, да и не мыслимо допустить, чтобы императоръ Александръ, занятый въ Гейдельбергѣ по цѣлымъ днямъ обсужденіемъ военныхъ и политическихъ вопросовъ, спѣшилъ по вечерамъ въ уединенный домикъ на Неккарѣ для того, чтобы заниматься политическими разговорами съ людьми, которые стояли крайне далеко отъ всякой политики и у которыхъ онъ искалъ душевнаго покоя и религіознаго усовершенствованія. Легко понять также, что m-me Кридинеръ и ея приближенные избѣгали даже всякихъ намековъ на политику, такъ какъ они должны были понимать, что все, не имѣвшее отношенія къ религіи въ ихъ бесѣдѣ, не могло представлять для Александра особаго интереса, а могло въ тоже время совершенно уронить ихъ въ его глазахъ.

По словамъ Ампейтаза, бесѣды у m-me Кридинеръ всегда начинались съ чтенія и толкованія какого либо библейскаго текста. Александръ самъ обыкновенно указывалъ на тотъ или другой текстъ и замѣчанія, дѣлаемыя имъ при этомъ, показывали, что онъ былъ озаренъ свѣтомъ Духа Святаго [1]).

[1]) «Et les reflexions, qu'il faisait montraient qu'il e'tait éclairé des lumières du Saint-Esprit». Notice sur Alexandre.

На первомъ свиданіи съ Ампейтазомъ императоръ говорилъ очень много и притомъ съ глубокою грустью о безпорядочности своей прежней жизни [1]). «Тогда, говоритъ Ампейтазъ, я возъимѣлъ смѣлость обратиться къ нему съ такимъ вопросомъ: «Государь, примирились ли вы теперь съ Богомъ, убѣждены ли вы въ прощеніи вашихъ грѣховъ? Онъ помолчалъ съ минуту; казалось, что онъ спрашивалъ самого себя, что онъ боялся ошибиться; потомъ, какъ будто спала маска съ его лица, онъ устремилъ къ небу ясный и спокойный взоръ и воскликнулъ твердымъ, исполненнымъ умиленія голосомъ: «Я счастливъ, да, я очень счастливъ. Я примирился съ моимъ Господомъ! Я былъ великій грѣшникъ; но съ тѣхъ поръ, какъ Мадамъ (и при этомъ онъ указалъ на Кридинеръ) доказала мнѣ, что Христосъ пришелъ искать и спасти погибшихъ, я знаю... Я вѣрую, что грѣхи мои прощены мнѣ. Слово Божіе гласитъ: тотъ, кто вѣруетъ въ Сына Божія, въ Бога Спасителя, тотъ перешелъ отъ смерти къ жизни и не пойдетъ на судъ. Я вѣрую, да, я обладаю вѣрою. Іоаннъ Богословъ говоритъ: Вѣрующій въ Сына будетъ имѣть жизнь вѣчную... Но я нуждаюсь въ набожныхъ бесѣдахъ, я чувствую потребность передать то, что происходитъ во мнѣ и принимать благіе совѣты. Необходимо, чтобы я былъ окруженъ людьми, которые помогали бы мнѣ идти по пути христіанскому, которые поднимали бы меня выше земнаго и преисполнили бы сердце мое дѣлами небесными» [2]).

«Эти слова императора, замѣчаетъ Ампейтазъ, убѣдили меня, что Александръ обрѣлъ драгоцѣнный даръ вѣры, той простой и твердой вѣры, которая опирается лишь на одно слово Божіе, и въ силу убѣжденія, внушаемаго Самимъ Богомъ, поднимается выше всѣхъ ничтожныхъ человѣческихъ разсужденій».

Слово Божіе являлось для Александра главнымъ источникомъ жизни внутренней. «Въ своихъ собесѣдованіяхъ съ нами», говоритъ Ампейтазъ, «онъ постоянно возвращался къ плодамъ, извлекаемымъ изъ чтенія библіи въ томъ случаѣ, если

[1]) «Des désordres de sa vie passée».

[2]) «Notice sur Alexandre».

читать ее въ духѣ смиренія. Однажды, вечеромъ, онъ сообщилъ намъ, что Господь давно уже внушилъ ему охоту къ чтенію библіи и великое влеченіе къ молитвѣ. Каждый день, каковы бы ни были его занятія, онъ читалъ три главы: одну изъ пророковъ, одну изъ Евангелія и одну изъ посланій апостольскихъ. Даже во время войны, дажс при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ онъ не оставлялъ своего набожнаго чтенія. Онъ добавилъ, что въ тѣ времена, когда онъ стремился къ дѣламъ божественнымъ, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы согласовать свою жизнь съ заповѣдями священнаго писанія и воздерживаться отъ всего, запрещаемаго ими. Однажды я сталъ говорить ему о силѣ молитвы вѣрующаго, приближающагося къ Отцу своему небесному въ полной увѣренности быть услышаннымъ Имъ. Я указалъ на нѣсколько примѣровъ такихъ услышанныхъ молитвъ. «И я могу въ свою очередь увѣрить васъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, что, находясь въ положеніяхъ затруднительныхъ, я всегда выходилъ изъ нихъ при помощи молитвы. Я разскажу вамъ про такое дѣло, которое изумило бы міръ, если бы оно сдѣлалось извѣстнымъ. Въ совѣщаніяхъ съ моими министрами, которые не раздѣляютъ моихъ принциповъ, если они высказываютъ мнѣніе, противное моему, я не спорю съ ними, а молюсь внутренно, и я замѣчаю тотчасъ-же, какъ они склоняются къ принципамъ милосердія и справедливости» [1]).

Въ другой разъ я говорилъ ему о необходимости жить по вѣрѣ, замѣчая при этомъ, что такая вѣра должна опираться единственно на слово Божіе, какъ на свою незыблимую основу, что такова была вѣра Авраама, непоколебавшагося, по слову Божію, принести въ жертву сына своего. «Ахъ! да», отвѣчалъ онъ мнѣ, «необходимо имѣть вѣру простую и живую, которая взираетъ лишь на Господа, которая надѣется вопреки всѣмъ надеждамъ; но необходимо обладать мужествомъ, чтобы пожертвовать Исаакомъ. Вотъ чего не достаетъ мнѣ! Просите у Господа, чтобы Онъ даровалъ мнѣ вѣру пожертвовать всѣмъ, дабы слѣдовать за Іисусомъ Христомъ и

1) «Notice sur Alexandre».

исповѣдывать Его открыто передъ всѣми людьми». По его просьбѣ, мы всѣ вмѣстѣ начали молить Бога ниспослать ему таковую милость. Мы молились на колѣняхъ. Когда молитва окончилась, Александръ поднялся съ очами полными слезъ, и съ тѣмъ сіяющимъ выраженіемъ лица, которое внушается лишь чувствомъ примиренія съ Божествомъ и созерцаніемъ Его любви. Онъ взялъ меня за руку, и пожимая ее, сказалъ мнѣ: «О, сколько чувствую я въ себѣ силы братской любви, соединяющей между собою учениковъ Христа! Да, молитва ваша будетъ услышана, мнѣ дано будетъ свыше исповѣдывать передъ всѣми моего Бога Спасителя» [1]).

Во время пребыванія въ Гейдельбергѣ, Александръ читалъ псалмы. Въ понедѣльникъ, 19 іюня, онъ читалъ 34 псаломъ; вечеромъ, этого дня, онъ сказалъ намъ: «этотъ псаломъ прогналъ изъ души моей всѣ сомнѣнія на счетъ успѣха войны; я убѣжденъ теперь, что мои дѣйствія согласуются съ волею Бога». Онъ передалъ мнѣ свою библію и просилъ меня прочитать этотъ псаломъ. Пока я читалъ, онъ разсказывалъ мнѣ различныя обстоятельства изъ своей жизни, имѣвшія отношенія къ этому псалму. Когда я прочелъ слова: «Воздаютъ мнѣ зломъ за добро, сиротствомъ душѣ моей. Я во время болѣзни ихъ одѣвался во вретище, изнурялъ постомъ душу мою; я поступалъ, какъ бы это былъ другъ мой, братъ мой» (ст. 12—14), онъ сказалъ мнѣ: «я не перестаю молиться за моихъ враговъ, и я чувствую, что я могу любить ихъ, какъ заповѣдуетъ Евангеліе». А когда я дошелъ до словъ: Господи, не умолчи; Господи! не удаляйся отъ меня. Подвигнись, пробудись для суда моего, для тяжбы моей, Боже мой и Господи мой!» (ст. 22, 23), онъ сказалъ. «Да, Господь сдѣлаетъ именно такъ; я глубоко убѣжденъ въ томъ. Это дѣло, — Его дѣло, ибо оно касается счастія народовъ. О, да даруетъ мнѣ Богъ милость, доставить миръ Европѣ! Я готовъ принести въ жертву жизнь мою для достиженія этой цѣли» [2]).

[1]) Это торжественное исповѣданіе Іисуса Христа было совершено Александромъ въ актѣ священнаго союза, и только въ этомъ смыслѣ можетъ быть допускаемо вліяніе Кридинеръ на возникновеніе этого союза».

[2]) «Notice sur Alexandre».

Таковы сообщенія единственнаго нашего свидѣтеля о характерѣ и содержаніи тѣхъ бесѣдъ, которыя происходили въ уединенномъ крестьянскомъ домикѣ на берегу Неккара [1]). Замѣтимъ, что Ампейтазъ писалъ много времени спустя послѣ этихъ событій, и что у него не могло существовать никакихъ побужденій скрывать, или утаивать часть истины. Въ виду этого мы имѣемъ полное право утверждать, что бесѣды императора Александра съ m-me Кридинеръ и ея приближенными въ Гейдельбергѣ носили на себѣ характеръ исключительно религіозный, что онѣ вращались, главнымъ образомъ, вокругъ вопроса «о спасеніи души человѣка вѣрою во Христа Спасителя», и что онѣ не имѣли никакого отношенія къ политическимъ событіямъ тогдашняго времени. Событія эти шли своимъ чередомъ. Александръ отдавалъ имъ большую часть своего времени, и лишь черезъ день, позднимъ вечеромъ искалъ утѣшенія и отдыха въ духовномъ общеніи съ лицами, которыя, казалось ему, указывали на единственно вѣрный путь спасенія грѣховной человѣческой души. Но само собою понятно, что частыя посѣщенія m-me Кридинеръ, посѣщенія, которыя не оставались, разумѣется, тайною ни для кого, должны были вызвать самые разнорѣчивые толки въ томъ разношерстномъ обществѣ, которое сгруппировалось тогда вокругъ главной квартиры въ Гейдельбергѣ. Люди, считавшіе себя тонкими знатоками въ области политической интриги, распускали слухъ, что Александръ избралъ г-жу Кридинеръ орудіемъ своего политическаго вліянія на Германію, тогда какъ другіе нагло утверждали, что пятидесятилѣтняя пророчица успѣла овладѣть сердцемъ русскаго императора [2]). Не-

[1]) Графиня Эдлингъ говоритъ лишь объ общемъ характерѣ этихъ бесѣдъ, и ея слова вполнѣ подтверждаютъ подробный разсказъ Ампейтаза: C'est là (т. е. въ квартирѣ m-me Кридинеръ) que L'empereur venait passer la plus grande partrie de ses soirees. Là il entendait parler de Dieu, que son âme avait appris à aimer, et dans les entretiens où règnait la confiance, il pouvait passer en revue les douleurs et les passions, qui avaient troublè sa belle vie. M-me de Krüdener ne le flattait point; elle possèdait, l'art de dire la vérité sans blesser». Мемуары графини Эдлингъ, стр. 234.

[2]) Quelques grands diplomates se croyaient bien habiles d'avoir découvert en Madame Krüdener un unstrument caché des vues de la Russie sur l'Alle-

чего и говорить, что и то, и другое предположеніе относилось къ области злонамѣренной и къ тому-же безсмысленной сплетни, не способной остановить на себѣ, хотя бы на одинъ моментъ, вниманіе серьезнаго изслѣдователя. Онъ можетъ утверждать лишь тотъ фактъ, что въ Гейдельбергѣ Александръ никогда не говорилъ ни съ m-me Кридинеръ, ни съ ея друзьями о какомъ бы то ни было политическомъ вопросѣ.

Что вліяніе Кридинеръ и ея кружка на Александра было въ это время благодѣтельное, что настроеніе государя сдѣлалось въ это время болѣе спокойнымъ, ровнымъ, что онъ взиралъ съ увѣренностью и твердостью на будущее и ревностно занимался дѣлами, объ этомъ мы узнаемъ изъ источника вполнѣ безпристрастнаго, изъ письма графа Каподистріи къ барону Штейну. Графъ писалъ отъ 11 іюня, н. с.: «Вотъ уже четыре дня, какъ я здѣсь. Новаго ничего, рѣшительно ничего, если не считать прелестей этой прекрасной страны и вашихъ старыхъ свободныхъ городовъ, черезъ которые я проѣзжалъ не безъ внутренней боли и глубокаго сожалѣнія. Почему же и ради чьихъ интересовъ не возвратили имъ той политической самобытности, которой они обязаны и своимъ прежнимъ благосостояніемъ и своимъ теперешнимъ сохраненіемъ?... Императоръ чувствуетъ себя безконечно хорошо на этихъ берегахъ Неккара, онъ квартируетъ въ загородномъ домѣ, пользуется цвѣтущимъ здоровьемъ и охотно ожидаетъ въ этой странѣ прибытія своего войска. Наши депеши и извѣстія за послѣдніе дни не представляютъ ничего интереснаго. Одни утверждаютъ, что намъ стоитъ лишь появиться и тиранъ Франціи будетъ низвергнутъ; другіе стараются насъ увѣрить, что нашъ первый шагъ по французской почвѣ зальетъ Европу потоками крови, не сдѣлавъ ее тѣмъ ни счастливѣе, ни мудрѣе. Я не вѣрю ни тѣмъ, ни другимъ. Паденіе Мюрата доказываетъ, что новые дипломаты не умѣютъ молчать, даже въ томъ случаѣ, если они не имѣютъ понятія о положеніи дѣла и что

magne, tandis que d'autres plus fins encore, temoins de l'immense arcendant des femmes sur Alexandre, laissaient percer, dans leurs réticences, la pensée qu'elle n'avait pris la masque de la religion que pour mieux le faire tomber dans ses filets». Эйнаръ, т. I, стр. 13. См. также мемуары Эдлингъ, стр. 235

они рѣдко даютъ себѣ трудъ тщательно и прямо ознакомиться съ фактами Точно также думаю я и обо всемъ томъ, что мы узнаемъ изъ Франціи и о Франціи. Каждый смотритъ на вещи черезъ свои очки. Мои очки самыя обыкновенныя. Я смотрю на настоящую войну, какъ на необходимое и неизбѣжное послѣдствіе сплетенія событій. А такъ, какъ я убѣжденъ, что это сплетеніе совершается независимо отъ воли людей, или того или другаго человѣка, то я убѣждаю себя легко, что все, что случается, или не случается, столь же необходимо для политическаго міра, какъ необходимъ воздухъ, которымъ мы дышемъ, для нашего существованія. Императоръ настойчиво держится такого же мнѣнія. Благородство и безкорыстіе его принциповъ достигаетъ до высоты, чуждой нашему времени. Да благословитъ его Богъ!» [1])

Высота, на которой стоялъ императоръ Александръ была во всѣхъ отношеніяхъ недостижима для его союзниковъ. Если въ Вѣнѣ государю приходилось имѣть дѣло съ коварствомъ и безчестностью австрійскихъ государственныхъ людей, то въ Гейдельбергѣ ему пришлось бороться съ неспособностью и непобѣдимою трусостью австрійскихъ военноначальниковъ. Шварценбергъ остался такимъ же точно нерѣшительнымъ, несамостоятельнымъ и безтолковымъ теоретикомъ полководцемъ, какимъ онъ показалъ себя и въ предшествующую войну. Самый неисправимый и бездарный изъ австрійскихъ штабныхъ генераловъ, Лангенау, пользовался и теперь выдающимся вліяніемъ на главнокомандующаго. Опуская совершенно изъ виду, что восточная граница Франціи, по теченію средняго Рейна, обнажена была отъ всякой защиты, и что вся французская армія, за исключеніемъ небольшихъ отрядовъ, сосредоточена была на сѣверовостокѣ, на границѣ съ Бельгіею, Лангенау составилъ планъ компаніи, построенный на громадномъ значеніи пресловутаго Лангрскаго плоскогорья и на боязни передъ не существующими силами противника. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить всѣ силы на среднемъ Рейнѣ и идти прямымъ путемъ на Парижъ, планъ Лангенау предполагалъ

1) Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 454—455.

разобщить союзныя силы, передвинуть всю австрійскую армію на верхній Рейнъ къ Базелю и войти оттуда въ связь съ австрійскою арміею въ Италіи; наконецъ, туда-же къ верхнему Рейну предполагалось передвинуть и русскую армію, послѣ ея сосредоточенія на среднемъ Рейнѣ.

Этотъ безсмысленный планъ, предоставлявшій на волю судебъ и Наполеона участь Англо-Прусской арміи въ Бельгіи и откладывавшій на долгое время начало наступательныхъ дѣйствій противъ Франціи, получилъ, разумѣется, полное одобреніе со стороны совершенно несвѣдущаго въ военномъ дѣлѣ императора Франца, но императоръ Александръ, хорошо помнившій печальныя послѣдствія сложныхъ и безполезныхъ маневровъ истекшей войны, рѣшительно возсталъ противъ австрійскаго плана и подвергъ его рѣзкой критикѣ въ собственноручной запискѣ, на имя князя Шварценберга.

«Оставляя», писалъ въ ней государь [1]), «большое пространство между русскою арміею, сосредоточивающеюся у Мангейма и Майнца, и австрійскою, которой назначено переправиться въ Базелѣ, мы добровольно лишаемъ себя величайшей выгоды, соединить обѣ арміи въ такомъ случаѣ, когда непріятель нападетъ на одну изъ нихъ въ значительныхъ силахъ, что легко можно предупредить, переправя австрійскую армію между Гермерсгеймомъ и Мангеймомъ, и двинувъ ее на Люневиль и Нанси къ Шомону и Баръ-сюръ-Объ, между тѣмъ какъ русская армія направится на Сааръ-брюкъ и Сааръгиминъ къ Баръ-ле-Дюкъ и Сенъ-Дизье. Такимъ образомъ до мѣста, предназначеннаго вами для австрійской арміи, можно достигнуть кратчайшимъ путемъ, и притомъ обѣ арміи постоянно будутъ въ состояніи соединиться и противопоставить непріятелю превосходныя силы. Напротивъ, двигаясь на огромномъ пространствѣ между Саарою и дорогою изъ Базеля на Везуль, мы можемъ быть принуждены къ отступленію, ежели не захотимъ сражаться съ непріятелемъ почти въ равныхъ силахъ. Конечно, отступленіе бываетъ необходимо, но оно весьма трудно съ двухъ-сотъ-тысячною арміею и произведетъ

[1]) См. Богдановичъ, Исторія царствованія Александра I, т. V, стр. 56—57.

невыгодное вліяніе на духъ войскъ, тѣмъ болѣе, когда будемъ находиться въ странѣ, гдѣ жители не расположены въ нашу пользу. Ежели наши арміи будутъ двигаться столь близко между собою, что сохранимъ возможность соединить ихъ въ два или три марша, то нѣтъ надобности отступать, и мы примемъ сраженіе, не подвергаясь пораженію. А между тѣмъ англійская и прусская арміи направятся во флангъ и на сообщенія непріятеля. Если же Наполеонъ, не вступая съ нами въ бой, сосредоточитъ силы, мы будемъ имѣть выгоду ввести въ дѣло всѣ наши арміи, подобно тому, какъ было подъ Лейпцигомъ. Замѣчу еще, что при движеніи австрійской арміи на Базель, я обязанъ буду оставаться при русской арміи, потому что нѣтъ никакой причины мнѣ находиться при какихъ-либо иностранныхъ войскахъ, и особенно если они будутъ на оконечности нашего лѣваго крыла; я между тѣмъ считаю весьма выгоднымъ, какъ для общихъ распоряженій, такъ и для выгоднаго вліянія на общественное мнѣніе, чтобы главныя квартиры союзныхъ государей были вмѣстѣ, какъ и прежде».

Князь Шварценбергъ, отличавшійся необыкновеннымъ упорствомъ тамъ, гдѣ шло дѣло о стратегическихъ измышленіяхъ Лангенау, остался при своемъ мнѣніи, не смотря на вполнѣ разумныя и цѣлесообразныя замѣчанія императора Александра. Пришлось собрать военный совѣтъ, въ которомъ участвовали: Шварценбергъ, Вреде, Волконскій, Радецкій, Толль, Кнезебекъ и Лангенау [1]). Послѣ долгихъ споровъ составленъ былъ новый планъ, представлявшій собою плохой компромиссъ между австрійскими и русскими предложеніями. По этому плану, русская армія должна двинуться отъ Мангейма черезъ горы Гундсрюкенъ къ Триру, войти въ сообщенія съ Блюхеромъ и въ случаѣ надобности подать ему помощь. Въ случаѣ, если бы эта помощь оказалась излишнею, русская армія должна была направиться на Сенъ-Дизье, и войти въ связь съ австрійскою арміею, которая, перейдя черезъ Рейнъ у Ба-

[1]) Подробности обо всѣхъ этихъ совѣщаніяхъ и планахъ союзниковъ, см. у Бернгарди, Geschichte Russlands etc. T. I, главы VII и X.

зеля, должна была двинуться на Бельфоръ къ Шомону для сближенія съ русскими. Такимъ образомъ, и этотъ новый планъ страдалъ такою же искусственностью, какъ и первоначальный австрійскій планъ. И онъ начиналъ съ совершенно излишняго разообщенія союзныхъ силъ, предполагалъ массу совершенно ненужныхъ передвиженій и могъ повести при другихъ обстоятельствахъ къ совершенно неожиданнымъ и печальнымъ случайностямъ. Къ счастію для союзниковъ, австрійскимъ стратегамъ не пришлось на этотъ разъ осуществлять свои планы на дѣлѣ. Рѣшеніе воспослѣдовало совершенно помимо ихъ, и притомъ въ невѣроятно короткое время.

19-го іюня въ Гейдельбергѣ получено было извѣстіе, что французы перешли утромъ 15-го числа большими массами черезъ Бельгійскую границу, оттѣснили по всей линіи англопрусскіе форпосты и достигли Флерюса. На другой день прибылъ въ главную квартиру генералъ Толль, посланный съ планомъ войны къ Веллингтону и Блюхеру и привезъ неожиданное извѣстіе о пораженіи Блюхера при Линьи 16-го числа. На австрійцевъ и ихъ стратеговъ извѣстіе это подѣйствовало, какъ неожиданный громовой ударъ. Уныніе и страхъ распространились въ главной квартирѣ. Утверждаютъ, что даже лица, приближенныя къ Александру, упали духомъ и съ трепетомъ ожидали извѣстій о новыхъ успѣхахъ Наполеона. Одинъ только Александръ не поддался всеобщей тревогѣ, охватившей всю союзную главную квартиру. Исполненный вѣры въ божественное покровительство, онъ молился горячо испрашивая себѣ совѣта и силы у Духа Святаго. Послѣ молитвы онъ взялъ, по обыкновенію, библію и прочелъ 37 псаломъ. Подкрѣпленный обѣтованіями божественнаго писанія, онъ явился къ своимъ смущеннымъ союзникамъ, убѣждалъ ихъ ободриться и смѣло выступить противъ непріятеля, обѣщая имъ несомнѣнную побѣду. Вечеромъ онъ посѣтилъ, по обыкновенію, m-me Кридинеръ. Разсказавъ ей и другимъ присутствовавшимъ все, что происходило въ теченіи дня, онъ добавилъ: «Я хотѣлъ бы показать вамъ, какое выраженіе имѣло сегодня мое лице, тогда бы узнали вы, что меня поддерживала сила Свыше, что она даровала мнѣ миръ

и спокойствіе души среди столькихъ взволнованныхъ, перепуганныхъ людей» [1]).

Побѣда, предсказанная государемъ, воспослѣдовала на этотъ разъ въ невѣроятно скорое время. Черезъ два дня, 23 іюня, прискакалъ въ Гейдельбергъ курьеръ съ извѣстіемъ о совершенномъ истребленіи арміи Наполеона при Ватерлоо соединенными силами Веллингтона и Блюхера. Нѣкоторые нѣмецкіе историки утверждаютъ, что эта неожиданная вѣсть была крайне непріятна для Александра. Русскій императоръ, разсказываютъ они, былъ крайне недоволенъ, что дѣло обошлось на этотъ разъ безъ участія русскихъ войскъ, что ему не придется теперь выступать во главѣ европейскаго ополченія и явиться въ Парижѣ рѣшителемъ судебъ Франціи и Европы. Нужно замѣтить, что всѣ эти разсказы нѣмецкихъ историковъ основываются, во-первыхъ, на донесеніяхъ англійскихъ дипломатовъ, находившихся при главной союзной квартирѣ, и не отличавшихся въ данномъ случаѣ особенною наблюдательностью, а во-вторыхъ, на чисто анекдотическихъ сообщеніяхъ, приписываемыхъ извѣстному русскому генералу Толлю [2]). Разсказы эти кажутся намъ несостоятельными уже потому, что побѣда при Ватерлоо, какъ ни блистательна была

[1]) Notice sur Alexandre.

[2]) Александръ самъ по себѣ могъ быть только доволенъ истребленіемъ Наполеоновой арміи при Ватерлоо. Онъ былъ доволенъ этою побѣдою уже потому, что она предупреждала дальнѣйшее кровопролитіе и спасала жизнь десятковъ тысячъ его солдатъ. Иное дѣло политическія послѣдствія битвы при Ватерлоо. Тутъ Александръ, хорошо знакомый съ двуличнымъ и коварнымъ характеромъ англійской политики, имѣлъ полное право опасаться одностороннихъ дѣйствій со стороны лорда Веллингтона, и ближайшее будущее вполнѣ подтвердило его опасенія.

Что касается до сообщеній, приписываемыхъ генералу Толлю, то они имѣли совершенно не тотъ смыслъ, какой приписывается имъ Бернгарди, а вслѣдъ за нимъ и другими историками. И въ самомъ дѣлѣ, если Александръ, утѣшаемый Толлемъ по поводу пораженія пруссаковъ при Линьи и получившій уже въ то время извѣстіе о побѣдѣ при Ватерлоо, останавливаетъ потокъ краснорѣчія своего утѣшителя словами: «Mais qu'est-ce que vous me chantez?» то спрашивается, какимъ образомъ можно выводить изъ подобной фразы какія бы то ни было заключенія на счетъ недовольства Александра побѣдою своихъ союзниковъ. Именно это заключеніе и дѣлаетъ Бернгарди, на томъ единственно основаніи, что по словамъ Толля, государь былъ въ это время не въ наилучшемъ настроеніи духа. По истинѣ, удивительный способъ умозаключенія. См. Бернгарди, т. I, стр. 422.

она сама по себѣ, не могла казаться, по крайней мѣрѣ, въ первые дни, событіемъ, рѣшившимъ безповоротно участь Франціи не только въ военномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Александръ не могъ ни въ какомъ случаѣ считать себя и Россію устраненными, или даже отодвинутыми на второй планъ при рѣшеніи такихъ капитальныхъ вопросовъ, какъ возстановленіе законнаго правительства во Франціи и заключеніе мира между Франціею и Европою. На битву при Ватерлоо онъ смотрѣлъ какъ на событіе чисто военное, какъ на блестящій, рѣшительный успѣхъ своихъ союзниковъ. Такой успѣхъ могъ вызывать въ немъ только чувство радости и благодарности Провидѣнію, а если онъ прибавлялъ при этомъ, что судьба Франціи можетъ быть рѣшена только по прибытіи въ Парижъ союзныхъ монарховъ и что необходимо ускорить какъ можно это прибытіе, то легко понять, что эти послѣднія замѣчанія его не могли прійтись по вкусу англійскимъ дипломатамъ, которымъ было очень хорошо извѣстно, что англійское министерство и самъ лордъ Веллингтонъ намѣревались обдѣлать всѣ дѣла въ Парижѣ именно до прибытія союзныхъ монарховъ, вопреки торжественнымъ заявленіямъ, сдѣланнымъ въ Вѣнѣ.

Что Александръ былъ крайне далекъ отъ какихъ бы то ни было выраженій обидчивости или недовольства, что душа его полна была послѣ полученія извѣстія о кровавомъ рѣшеніи при Ватерлоо совершенно иными чувствами, объ этомъ свидѣтельствуетъ Ампейтазъ, человѣкъ, стоявшій въ сторонѣ отъ всякой политики, но посвященный въ это время лучше кого либо во внутреннюю жизнь русскаго императора. «Въ день, когда онъ узналъ объ успѣхѣ союзныхъ армій, онъ пришелъ по обыкновенію вечеромъ въ наше собраніе», разсказываетъ Ампейтазъ. «Едва я вошелъ въ комнату, императоръ обратился ко мнѣ, и, взявъ меня за руку, сказалъ: «Ахъ! мой дорогой другъ, сегодня должны мы воздать благодарность Господу за Его благодѣянія, за покровительство, оказанное намъ». Онъ первый палъ на колѣни, проливая обильныя слезы радости у ногъ своего Бога освободителя. Возставъ отъ молитвы, онъ воскликнулъ: «О, какъ я счастливъ, Спаситель мой со

мною! Я великій грѣшникъ, но Ему угодно было избрать меня, дабы доставить миръ народамъ. О! если бы народы стремились понять пути Провидѣнія, если бы они хотѣли повиноваться евангелію, какъ бы они были счастливы»[1]).

Императоръ торопилъ всѣми силами своихъ союзниковъ. Онъ доказывалъ имъ, что теперь нѣтъ ни малѣйшей надобности производить сложные маневры, а что необходимо идти на Парижъ, какъ можно скорѣе и притомъ кратчайшимъ путемъ. Извѣстія, приходившія каждый день съ театра войны въ Бельгіи, подтверждали какъ нельзя болѣе мнѣніе Александра. Становилось яснымъ, что битва при Ватерлоо была настоящею катастрофою для Наполеона, что военныя силы Франціи были окончательно уничтожены въ этотъ день, и что путь къ Парижу былъ открытъ для союзниковъ. Даже австрійскіе стратеги поняли, наконецъ, что медлить открытіемъ наступленія при такихъ условіяхъ, было бы безсмысленно, и что всѣ ихъ глубокомысленныя соображенія и искусственные планы подлежали теперь сдачѣ въ архивъ. Движеніе союзныхъ войскъ въ глубину Франціи совершалось на этотъ разъ почти безъ всякаго препятствія. Баварцы подъ предводительствомъ Вреде, составлявшіе авангардъ русской арміи, достигли уже 28 іюня Люневиля и Нанси и получили здѣсь приказаніе идти какъ можно скорѣе къ Парижу и войти въ связь съ арміями Блюхера и Веллингтона. Вслѣдъ за Баварцами переправилась черезъ Рейнъ вся русская армія, и не теряя времени на осаду крѣпостей, поспѣшно двинулась впередъ. Лангрское плато забыто было даже въ австрійской главной квартирѣ. Кронпринцъ Виртембергскій, командовавшій передовымъ отрядомъ арміи Шварценберга, переправился черезъ Рейнъ 24 іюня и послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ отбросилъ генерала Раппа къ Страсбургу. Главная масса австрійскихъ войскъ перешла черезъ Рейнъ у Базеля 26 іюня и двинулась тремя колоннами впередъ по направленію къ Парижу.

[1]) Въ этихъ словахъ Александра сказалась ясно та идея, которая положена была въ основу священнаго союза. Замѣтимъ, что слова эти вытекли всецѣло изъ инціативы самого императора. См. Notice sur Alexandre.

Генералъ Раппъ, прикрывавшій восточную границу Франціи, имѣлъ въ своемъ распоряженіи какихъ нибудь 20,000 человѣкъ. Понятно, что онъ не могъ думать о какомъ бы то ни было серьезномъ сопротивленіи; все, чего онъ добивался было перемиріе. Получивъ изъ Парижа извѣстіе, что Наполеонъ отрекся отъ престола въ пользу своего сына и что составлено временное правительство подъ предсѣдательствомъ Фуше, Раппъ немедленно увѣдомилъ объ этомъ главную квартиру союзниковъ и присовокупилъ, что временное правительство снарядило посольство въ лагерь союзниковъ и что посольство это уже выѣхало изъ Парижа. Сообщенія Раппа не имѣли, однакоже, ни малѣйшаго вліянія на образъ дѣйствія союзныхъ монарховъ. Войска продолжали идти впередъ съ такою же поспѣшностью, а генералъ Раппъ не получилъ даже никакого отвѣта на свои сообщенія и просьбы относительно перемирія. Столь же мало успѣха имѣло у государей посольство временнаго правительства съ генераломъ Лафайетомъ во главѣ [1]). Посольство нашло главную квартиру государей въ Гагенау, въ Эльзасѣ, но всѣ попытки Лафайета вступить въ непосредственныя сношенія съ императоромъ Александромъ остались тщетными. Лафайетъ писалъ императору, но не получилъ отвѣта. Онъ явился къ Александру въ качествѣ частнаго лица, но на всѣ его просьбы быть допущеннымъ къ аудіенціи, князь Волконскій отвѣчалъ, что онъ не можетъ доложить о немъ.

Вѣрный своимъ союзнымъ обязательствамъ, Александръ не желалъ въ то же время оскорблять уважаемаго имъ лично республиканскаго генерала. Онъ передалъ Лафайету черезъ посредство Каподистріи, что его обязательства по отношенію къ союзникамъ не позволяютъ ему принять генерала въ Гагенау, но что онъ будетъ видѣться съ нимъ въ Парижѣ. Тогда посольство сдѣлало попытку переговорить, по крайней мѣрѣ, съ первыми министрами союзныхъ державъ, но Меттернихъ, Нессельроде и Гарденбергъ также отказались принять

[1]) Въ посольствѣ кромѣ Лафайета принимали участіе такіе выдающіеся политическіе дѣятели Франціи, какъ: Бенжаменъ Констанъ, Ла-Форе и д'Аржансонъ.

ихъ. Послѣ долгихъ домогательствъ послы успѣли добиться, наконецъ, свиданія съ особо назначенными для этой цѣли союзными уполномоченными [1]), но имъ поставлено было при этомъ на видъ, что свиданіе это отнюдь не должно носить на себѣ характера дипломатической конференціи и что уполномоченнымъ державъ предоставлено лишь одно право: выслушать и принять къ свѣдѣнію заявленія французовъ.

Свиданіе между французскими послами и союзными уполномоченными имѣло, впрочемъ, лишь одинъ результатъ. Оно дало возможность англійскому уполномоченному, лорду Стюарту, выказать во всемъ блескѣ свою невѣроятно грубую, британскую натуру и обнаружить въ то же время рѣшительное намѣреніе своего правительства возстановить во что бы то ни стало на французскомъ престолѣ Людовика XVIII-го. Лордъ Стюартъ началъ съ того, что намѣренно игнорировалъ присутствіе уполномоченныхъ другихъ союзныхъ державъ. Онъ выдвинулъ впередъ свое кресло, принялъ видъ и осанку настоящаго президента собранія, перебивалъ своихъ товарищей, говорилъ какъ бы отъ имени всѣхъ державъ и велъ себя въ высшей степени безцеремонно. Каподистрія, Вальмоденъ и Кнезебекъ почти что не принимали участія въ разговорѣ. Имъ оставалось только слушать и изумляться наглости своего коллеги. Стюартъ замѣтилъ въ самомъ началѣ конференціи, что онъ рѣшительно отказывается понимать, какое право можетъ имѣть палата депутатовъ, созванная узурпаторомъ, низлагать или избирать королей. «О какой французской арміи говорите вы», воскликнулъ онъ съ негодованіемъ. «Я знаю, что эта армія ни что иное, какъ шайка разбойниковъ и измѣнниковъ». Лафайетъ возразилъ, что онъ въ свою очередь удивляется, какимъ образомъ англійскій государственный человѣкъ не хочетъ понять, что національное собраніе получаетъ свои полномочія отъ избирателей, а не отъ того лица, которое созвало его. «Не забывайте также», замѣтилъ другой французскій посолъ, Бенжаменъ Констанъ, «славной англійской революціи 1688 г., припомните, что парламентъ, созванный

[1]) Уполномоченными были назначены: Каподистрія, со стороны Россіи, лордъ Стюартъ—Англіи, генералъ Вальмоденъ—Австріи и генералъ Кнезебекъ—Пруссіи.

тогда принцемъ Оранскимъ, распорядился англійскою короною, и что англійская армія оставила тогда Іакова II и перешла къ Вильгельму III».— Лордъ Стюартъ нисколько не смутился этими замѣчаніями. Онъ подалъ видъ, что не слышалъ ихъ и съ удвоеннымъ жаромъ продолжалъ выражать свое негодованіе и удивленіе по поводу дѣйствій французскихъ палатъ и французской арміи. «Какъ осмѣливаются онѣ», вскричалъ онъ въ запальчивости, «выражать свое расположеніе или нерасположеніе къ той или другой формѣ правительства, когда Франція имѣетъ уже законнаго короля».— «Однакоже, такое нерасположеніе существуетъ на дѣлѣ», замѣтилъ д'Арженсонъ, одинъ изъ французскихъ пословъ, «и если государи возстановятъ Бурбоновъ, то имъ придется оставаться самимъ во Франціи, чтобы удержать ихъ на тронѣ». Лордъ Стюартъ не обратилъ вниманія и на это мѣткое замѣчаніе. Онъ обратился вдругъ къ Лафайету и сказалъ ему, что о мирѣ съ союзниками не можетъ быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока французы не выдадутъ имъ Наполеона. Лафайетъ отвѣчалъ, что онъ считаетъ для себя оскорбительнымъ выслушивать подобныя предложенія, но разгоряченный лордъ не хотѣлъ его и слушать и перешелъ уже къ другой темѣ. Онъ вытащилъ изъ кармана номеръ Монитера и показывая его французамъ кричалъ: «Вы утверждаете, что ваша палата не рѣшила еще вопроса о династіи, а тутъ уже напечатана прокламація правительственной коммиссіи о провозглашеніи Наполеона II. «Этотъ газетный листокъ не имѣетъ никакого значенія», возразили французы, «въ противномъ случаѣ мы не привезли бы его сюда сами».

Каподистрія, Вальмоденъ, Кнезебекъ присутствовали при всемъ этомъ странномъ разговорѣ, какъ бы въ качествѣ зрителей. Связанные своими инструкціями: «говорить, смотря по обстоятельствамъ», хорошо зная, что кабинеты ихъ не имѣютъ въ сущности никакого опредѣленнаго плана на счетъ будущаго устройства Франціи, они ограничивались—тѣмъ, что предложили французамъ нѣсколько вопросовъ о Бонапартизмѣ и о симпатіяхъ, коими онъ пользуется во Франціи. Французы отвѣчали, что успѣхи Наполеона въ мартѣ мѣсяцѣ объясняются не симпатіями французовъ къ нему, а ошибками Бур-

боновъ. Стюартъ перебивалъ, однакоже, и эти попытки своихъ товарищей вступить въ разговоръ съ послами. Онъ замѣтилъ, что всѣ ихъ вопросы преждевременны и не идутъ къ дѣлу и что если союзныя державы намѣрены вести переговоры съ Францiею, то Англiя не можетъ принять въ нихъ никакого участiя, такъ какъ онъ не имѣетъ на подобный случай никакихъ полномочiй. Это рѣзкое и притомъ неумѣстное заявленiе Британскаго уполномоченнаго положило конецъ совѣщанiю. Уполномоченные трехъ остальныхъ державъ заявили, что союзные кабинеты могутъ вести переговоры лишь сообща,—и собранiе разошлось.

На другой день Каподистрiя, Вальмоденъ и Кнезебекъ навѣстили французскихъ пословъ въ ихъ помѣщенiи и повторили имъ въ устной и письменной формѣ, что, согласно съ заключенными договорами, ни одна изъ союзныхъ державъ не имѣетъ права вести, безъ участiя другихъ, переговоры о мирѣ или перемирiи, что три двора не могутъ въ настоящее время входить въ дальнѣйшiя объясненiя, но что кабинеты соединятся въ скорѣйшемъ времени для постановленiя общихъ рѣшенiй. Они могутъ указать лишь на одно безусловно необходимое обстоятельство, долженствующее предшествовать дѣйствительному прочному миру. Наполеонъ долженъ быть поставленъ въ невозможность нарушать впредь спокойствiе Европы и Францiи: онъ долженъ быть отданъ подъ надзоръ союзныхъ державъ.

Французскимъ уполномоченнымъ пришлось удовлетвориться этими объясненiями. Въ частной бесѣдѣ съ союзными представителями, они попробовали завести рѣчь о возможныхъ кандидатахъ на французскiй престолъ. Они указывали на принца Оранскаго, на короля Саксонскаго, на герцога Орлеанскаго, но не получили опредѣленнаго отвѣта ни на одинъ изъ своихъ вопросовъ. Напрасно добивались они также разрѣшенiя слѣдовать за главною квартирою союзниковъ. Имъ объявили, что они должны возвратиться въ Парижъ, но не иначе, какъ кружнымъ путемъ черезъ Базель. Скрѣпя сердце, французы должны были повиноваться. Одинъ только легкомысленный Лафайетъ воображалъ, что онъ успѣлъ добиться въ главной квартирѣ союзниковъ какихъ-то важныхъ результа-

товъ и что въ Парижѣ все будетъ улажено, согласно желанію большинства французской націи [1]).

Между тѣмъ союзныя арміи продолжали подвигаться къ Парижу. Императоръ Александръ, въ сопровожденіи великихъ князей Николая и Михаила, и императоръ Францъ слѣдовали при русскомъ корпусѣ генерала Раевскаго. 26 іюня (9 іюля н. с.) монархи прибыли въ Сенъ-Дизье, гдѣ къ нимъ присоединился и король прусскій. Государи намѣревались продолжать путь во главѣ своихъ войскъ, когда изъ Парижа прискакали два курьера съ извѣстіемъ о капитуляціи французской столицы и о вступленіи въ нее англо-прусской арміи. Монархи поняли, что военная часть ихъ задачи была покончена. Они порѣшили оставить свои войска и ѣхать въ Парижъ на почтовыхъ лошадяхъ. Такъ какъ Баварцы уже занимали въ это время Мо и Ла-Ферте-су-Жуаръ, а русскій корпусъ Сакена прибылъ уже въ окрестности Шалона, то путешествіе это не сопряжено было ни съ малѣйшею опасностью. Правда, по дорогамъ бродили мѣстами шайки вооруженныхъ поселянъ и случались иногда даже нападенія на одиночныхъ, отсталыхъ солдатъ, но для охраны государей высланы были впередъ отряды Баварской конницы и казаковъ. Поѣздъ государей слѣдовалъ до города Мо, подъ прикрытіемъ 50 казаковъ, которые смѣнялись на каждой станціи. Начиная отъ Мо, страна сдѣлалась вполнѣ безопасна, нигдѣ не было слышно ни о непріятельскихъ отрядахъ, ни о вооруженныхъ крестьянскихъ бандахъ. Государи продолжали отсюда свой путь безъ всякаго конвоя. Уже 28 іюня (н. с.) они прибыли въ Парижъ. Императоръ Александръ остановился въ заранѣе приготовленномъ для его помѣщеніи, Елисейскомъ дворцѣ. Уже четыре дня спустя пріѣхала въ Парижъ и m-me Крвдинеръ. Пророчица слѣдовала зову Александра. Она наняла себѣ помѣщеніе въ улицѣ St-Honore въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Елисейскимъ дворцомъ. 17 іюля она видѣлась въ первый разъ съ императоромъ, и съ этого дня возобновились духовныя бесѣды, прерванныя послѣ отъѣзда государя изъ Гейдельберга.

[1]) Подробности всего этого эпизода см. у Бернгарди, т. I, стр. 424—427.

ГЛАВА IX.

Союзные монархи въ Парижѣ.—Положенiе дѣлъ.—Вторая реставрацiя Людовика XVIII.—Политика Веллингтона и Блюхеровская расправа.—Безпомощное положенiе Людовика; онъ рѣшается искать защиты у русскаго императора.—Александръ беретъ подъ свое покровительство Францiю.—Принципы, которыми руководится онъ въ своей политикѣ.—Первыя мѣропрiятiя союзныхъ государей.—Продовольствiе и содержанiе союзныхъ войскъ.—Возвращенiе награбленныхъ сокровищъ искусства.—Взгляды Александра и Каподистрiи на восточный вопросъ.—Орденъ Св. Духа.—Конференцiя союзныхъ уполномоченныхъ.—Разногласiе между союзниками.—Англiя высказывается въ пользу Францiи.—Австрiя и Пруссiя требуютъ раздѣла Францiи.—Второстепенныя державы противъ Францiи.—Смущенiе Французскихъ министровъ.—Каподистрiя и письмо Людовика XVIII къ Александру.—Записка Каподистрiи.—Нравственныя и матерьяльныя гарантiи. — Александръ передѣлываетъ записку Каподистрiи.—Нота Талейрана.—Записка Меттерниха.—Мнѣнiе В. ф. Гумбольдта.—Прусская декларацiя.—Записка кронъ-принца Виртембергскаго.—Императоръ остается непреклоннымъ.—Александръ вызываетъ въ Парижъ барона Штейна.—Первый разговоръ Александра съ Штейномъ.—Свиданiе Штейна съ Каподистрiею.—Штейнъ представляетъ свою записку государю.—Вторая аудiенцiя Штейна у государя.—Александръ соглашается лишь на второстепенныя уступки.—Великодушiе Александра къ Францiи и его презрѣнiе къ французамъ.—Религiозная идея въ основѣ политики Александра.—Отставка Фуше и Талейрана.—Герцогъ Ришелье во главѣ французскаго министерства.—Торжество русской политики.—Австрiя, а вслѣдъ за нею и Пруссiя склоняются предъ волею Александра.—Ультиматумъ союзниковъ.—Второй Парижскiй миръ.—Религiозныя идеи и ихъ представители.—M-me Кридинеръ и ея влiянiе на императора.—Легенды и басни.—M-me Кридинеръ и Стурдза.—Путешествiе Кридинеръ въ Парижъ.—Hotel Monchenù и Елисейскiй дворецъ.—Шпiоны и шпiонки.—Разочарованiе и негодованiе высшаго свѣтскаго общества.—Вѣнскiя дамы въ Парижѣ.—Александръ избѣгаетъ салоновъ и всякихъ собранiй.—Вечера у m-me Кридинеръ.—Молитва и чтенiе слова Божьяго.—Проповѣди Ампейтаза.—Фантазiи Сенъ-Бева.—Богословская доктрина и евангельская любовь.—Тайна влiянiя Кридинеръ на Александра.—Безкорыстiе m-me Кридинеръ.—Фонтенъ и его ясновидящая.—Странная исторiя.—M-me Кридинеръ и политика.—Милосердiе и великодушiе Александра.—Басни по поводу смотра при Вертю.—Дѣйствительное значенiе этого событiя.—Идея священнаго братскаго союза принадлежитъ всецѣло одному Александру.—Императоръ желаетъ утвердить европейскую политику на евангельскихъ основахъ.—Постепенный генезисъ Священнаго союза въ душѣ Александра.—Наброcокъ Александра и редакцiя А. С. Стурдзы.—Александръ сообщаетъ свой проектъ

Кридинеръ.—Мнимый тріумвиратъ.—Свидѣтельство Ф. Генца о возникновеніи Священнаго союза.—Ошибки Генца.—Профессоръ философіи и его бесѣда съ m-me Кридинеръ.—Актъ Священнаго союза.—Значеніе Священнаго союза.—Отсутствіе реакціонныхъ и завоевательныхъ тенденцій.—Высочайшій манифестъ при обнародованіи Священнаго союза.—Объяснительная нота Русскаго правительства.—Какъ отнеслись къ священному договору ближайшіе союзники Александра.—Отзывъ современницы.—Императоръ Францъ и Священный союзъ.—Меттернихъ въ роли посредника между монархами.—Король прусскій и его отношеніе къ проекту Александра.—Союзники подписываютъ договоръ.—Отказъ Англіи.—Присоединеніе Франціи и остальныхъ европейскихъ державъ къ Священному союзу.—Практическія послѣдствія Священнаго союза.—Заключеніе.

Вступленіе союзныхъ монарховъ въ Парижъ лѣтомъ 1815 г. совершилось при иной обстановкѣ и при совершенно иныхъ политическихъ условіяхъ, нежели весною 1814 г. Тогда государи вошли въ столицу Франціи на другой день послѣ кровопролитнаго боя и во главѣ своихъ побѣдоносныхъ войскъ, привѣтствуемые всѣмъ населеніемъ исполинскаго города, какъ освободители отъ нестерпимой тиранніи. Тогда они застали въ Парижѣ настоящую tabula rasa для своихъ политическихъ комбинацій, тогда пришлось имъ самимъ воздвигать новое политическое зданіе на развалинахъ имперіи, руководясь при этомъ идеями справедливости и желаніями самой французской націи. Теперь они пріѣхали въ столицу Франціи въ качествѣ частныхъ путешественниковъ; населеніе, не предупрежденное объ ихъ прибытіи, не устроило имъ никакой торжественной встрѣчи. Апатія и уныніе видимо тяготѣли надъ массами. Всѣ посты въ городѣ заняты были прусскими и англійскими солдатами; пруссаки стояли бивуакомъ подъ самыми окнами Тюльирійскаго дворца. Фельдмаршалъ Блюхеръ распоряжался въ Парижѣ какъ настоящій завоеватель. Онъ наложилъ на городъ стомилліонную контрибуцію, требовалъ громадныхъ раціоновъ для своихъ солдатъ [1]), собирался взорвать на воздухъ Іенскій мостъ и отдалъ приказъ вывозить изъ

[1]) Генералъ-интендантъ прусской арміи, Рибентропъ, исполняя распоряженія Блюхера, требовалъ, чтобы на каждаго солдата отпускалось отъ жителей Парижа ежедневно: два фунта хлѣба, фунтъ мяса, $^1/_{16}$ фунта соли, $^3/_{16}$ фунта риса или $^3/_8$ фунта овощей, $^3/_{16}$ фунта масла или сала, порція вина или пива и $^1/_{16}$ фунта табаку. Французы называли Рибентропа въ насмѣшку Rizpain—trop, что значитъ «слишкомъ много риса и хлѣба». См. Богдановичъ, Исторія царствованія Александра I, т. V, стр. 82.

Лувра сокровища искусства, награбленныя французами со всѣхъ концевъ Европы. Людовикъ XVIII, слѣдуя тайнымъ внушеніямъ лорда Веллингтона, прибылъ въ Парижъ вслѣдъ за иностранными войсками и поселился въ королевскомъ дворцѣ, какъ будто бы ничего не случилось за эти послѣдніе мѣсяцы, какъ будто онъ не переставалъ царствовать надъ Франціею ни одинъ день. Правда, король принужденъ былъ купить свое вторичное водвореніе въ Тюльирійскомъ дворцѣ постыдною сдѣлкою съ президентомъ временнаго правительства, Фуше, правда, онъ вынужденъ былъ предоставить этому бывшему террористу и цареубійцѣ мѣсто министра полиціи, но зато онъ усѣлся вновь въ своемъ мягкомъ креслѣ въ кабинетѣ Тюльирійскаго дворца и, вопреки всѣмъ совѣтамъ герцога Веллингтона, отмѣнилъ вновь трехцвѣтную кокарду [1]). Какъ человѣкъ несомнѣнно умный, Людовикъ вовсе не скрывалъ ни отъ себя, ни даже отъ другихъ своего крайне жалкаго и безпомощнаго положенія. Онъ видѣлъ, что народъ относится къ нему съ полнымъ равнодушіемъ, онъ замѣчалъ, что при его въѣздѣ въ городъ толпы хранили глубокое молчаніе и что лишь изъ рядовъ національной гвардіи раздавались единич-ные крики: да здравствуетъ король! Отъ его вниманія не мог-ло укрыться, что ни непріятельскіе солдаты, занимавшіе го-родъ, ни ихъ вожди, за исключеніемъ герцога Веллингтона, не обращали на него ни малѣйшаго вниманія. Тщетно про-тестовалъ онъ съ своими министрами противъ суровыхъ рас-поряженій Блюхера, тщетно прибѣгалъ онъ къ просьбамъ и даже посредничеству Гольца, прусскаго посла; фельдмаршалъ стоялъ упорно на своихъ распоряженіяхъ, продолжалъ выво-зить изъ Лувра похищенныя произведенія искусства и на всѣ просьбы пощадить Іенскій мостъ просилъ Гольца сооб-щить Талейрану: «Я рѣшилъ взорвать мостъ и не могу скрыть отъ В. Пр—ва, что для меня было бы очень пріятно, если бы мосье Талейранъ вздумалъ стать на немъ во время взрыва. Прошу васъ поставить его въ извѣстность объ этомъ моемъ

[1]) «Вотъ люди», замѣтилъ по этому поводу Веллингтонъ, «которые готовы скорѣе принять въ министры цареубійцу, нежели согласиться на разумную мѣру».

желанiи» [1]). И дѣйствительно, мины подъ мостъ были подведены, и если мостъ удержался, не смотря на взрывъ, то виновникомъ этому былъ инженеръ, употребившiй для мины слишкомъ незначительное количество пороха. Какъ бы то ни было, но вся эта исторiя воочiю показала, что Людовикъ не могъ разсчитывать ни на малѣйшее уваженiе со стороны союзныхъ военноначальниковъ, и что даже протекцiя герцога Веллингтона не можетъ оградить его отъ оскорбленiй со стороны прусскаго фельдмаршала, или внушить уваженiе къ его особѣ со стороны его собственныхъ подданныхъ. Людовикъ долженъ былъ придти къ убѣжденiю, что вся его судьба находится теперь всецѣло въ рукахъ союзныхъ государей, что одни они могутъ вывести его своимъ формальнымъ признанiемъ и своею поддержкою изъ того жалкаго положенiя, въ какомъ находился онъ теперь. Всѣ надежды Людовика сосредоточивались теперь, главнымъ образомъ, на хорошо извѣстномъ ему великодушiи императора Александра. Король имѣлъ уже неоднократно случай убѣдиться въ этомъ великодушiи и хорошо сознавалъ какою неблагодарностью платилъ онъ до сихъ поръ русскому монарху. И теперь онъ, очевидно, разсчитывалъ обойтись безъ помощи Александра, упрочить свое положенiе при содѣйствiи герцога Веллингтона и встрѣтить союзныхъ государей въ качествѣ независимаго короля Францiи. Образъ дѣйствiй фельдмаршала Блюхера показалъ ему, однакоже, всю ошибочность его предположенiй. Онъ увидѣлъ, что герцогъ Веллингтонъ могъ провести его въ Парижъ, но что онъ не въ силахъ былъ дать ему то, что всецѣло зависѣло отъ воли союзныхъ монарховъ. И вотъ, пришедши къ такому сознанiю, Людовикъ сбрасываетъ съ себя Бурбонскую гордыню и рѣшается искать защиты и спасенiя у императора Александра [2]).

[1]) «Ich habe beschlossen die Brücke zu sprengen, und kann E. Excelenz nicht verhehlen wie viel Vergnügenes mir gewähren wurde, wenn Musje Talleyrand sich vorher auf dieselbe stellen wollte. Jch bitte sie, diesen meinen Wunsch ihm bekannt zu machen».

[2]) О событiяхъ въ Парижѣ послѣ занятiя его англо-прусскими войсками до

Людовикъ не обманулся и на этотъ разъ въ своихъ надеждахъ на великодушіе императора всероссійскаго. Если вѣрить нѣмецкимъ историкамъ, то Александръ прибылъ въ Парижъ въ 1815 г. въ крайне раздраженномъ состояніи духа. Онъ негодовалъ, по ихъ словамъ, не только на Веллингтона, устроившаго, помимо воли союзныхъ государей, вторичную реставрацію Людовика XVIII, но и на Блюхера, опередившаго съ своими пруссаками его прибытіе въ Парижъ и лишившаго его тѣмъ самымъ возможности вторично вступить въ столицу Франціи во главѣ побѣдоносныхъ союзныхъ армій [1]). Въ такихъ разсказахъ нѣмецкихъ историковъ заключается своя доля правды. Императоръ Александръ былъ дѣйствительно недоволенъ на Веллингтона и не безъ основанія усматривалъ въ его дѣйствіяхъ явное пренебреженіе англійскаго кабинета къ своимъ континентальнымъ союзникамъ. Александръ не могъ преодолѣть также своихъ сомнѣній относительно прочности Бурбонскаго правительства, а въ высшей степени спѣшный характеръ вторичной реставраціи Людовика XVIII лишилъ, по его мнѣнію, окончательно и Европу, и Францію всякихъ гарантій въ будущемъ. Недовольство Александра вытекало, такимъ образомъ, изъ самыхъ общихъ и серьезныхъ побужденій и не имѣло ничего общаго съ мелочными чувствами оскорбленнаго самолюбія и пустаго тщеславія. Что же касается до недовольства Александра на Блюхера, то о немъ не могло быть и рѣчи. Мы знаемъ, съ какою радостью отнесся императоръ къ извѣстію о побѣдѣ при Ватерлоо, и мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что Александръ привѣтствовалъ съ такимъ же удовольствіемъ и дальнѣйшія быстрыя и рѣшительныя дѣйствія фельдмаршала, никогда не перестававшаго быть его любимцемъ [2]).

прибытія государей см. соотвѣтствующія мѣста въ сочиненіяхъ Тьера, т. XX, Förster, Befreiunskriege, т. III, Scherr, Blücher und seine Zeit, т. IV, Bernhardi, Geschichte Russland's т. I, Богдановичъ, Исторія Александра, т. V, Перцъ, Stein's Leben, т. IV, и многія другія.

[1]) Такіе мелочные мотивы приписываетъ, между прочимъ, Александру Бернгарди.

[2]) Одобряя военныя дѣйствія Блюхера, Александръ не одобрялъ, однакоже, суровыхъ мѣръ фельдмаршала по отношенію къ побѣжденнымъ.

Но какія бы чувства ни волновали душу Александра въ моментъ его пріѣзда въ Парижъ, не подлежитъ, однакоже, сомнѣнію, что государь прибылъ въ столицу побѣжденной Франціи съ самыми великодушными и въ то же время глубоко обдуманными политическими намѣреніями. Александръ не имѣлъ ни малѣйшаго повода измѣнить въ чемъ бы то ни было своего мнѣнія о Бурбонахъ. Послѣднія печальныя событія окончательно убѣдили его въ полной политической несостоятельности Бурбонской династіи. Онъ опасался теперь еще болѣе, нежели когда-либо, что Бурбоны не въ состояніи будутъ создать сколько-нибудь прочный порядокъ во Франціи, и съ тревогою ожидалъ новыхъ потрясеній и переворотовъ въ будущемъ. Французская нація. съ своей стороны, подорвала своими послѣдними дѣйствіями всѣ тѣ симпатіи, все то уваженіе, съ которыми относился къ ней Александръ въ прежнее время. Его отталкивали и приводили въ негодованіе это отсутствіе всякой послѣдовательности и всякихъ принциповъ, это преобладаніе самыхъ низкихъ и корыстныхъ побужденій, это легкомысліе и вѣроломство, эта неблагодарность и это рабское преклоненіе передъ успѣхомъ. Александръ не могъ сочувствовать ни такому королю, какъ Людовикъ XVIII, ни такому народу, какъ тогдашніе французы [1]), но какъ истинный политикъ и какъ христіанинъ, онъ былъ твердо намѣренъ руководиться въ своихъ отношеніяхъ къ Бурбонамъ и Франціи не чувствами личнаго свойства, а соображеніями общими, вытекавшими изъ правильно понимаемыхъ имъ интересовъ Европы и изъ идеи вѣчной христіанской правды, лежавшей въ основѣ всей его политической системы.

Александръ долженъ былъ считаться въ своей французской политикѣ съ двумя основными, неизмѣнными фактами: съ возстановленною Бурбонскою династіею и съ Франціею, какъ съ даннымъ членомъ европейской, народной семьи. Немыслимо было протестовать противъ Бурбоновъ, послѣ того какъ они вновь были посажены на престолъ; наоборотъ, здравая

[1]) См. Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 478.

политика требовала позаботиться, по мѣрѣ возможности, объ упроченіи и облегченіи ихъ положенія. Невозможно было точно также, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія интересовъ всеобщихъ, пользоваться вторичнымъ пораженіемъ Франціи для того, чтобы наказать и унизить эту страну. Подобныя мѣры могли бы имѣть лишь самыя печальныя послѣдствія для будущности Европы. Ничего не стоило заставить въ 1815 г. побѣжденную Францію испить до дна чашу униженія. Страна находилась въ безусловномъ распоряженіи побѣдоносной коалиціи. Занятая милліономъ союзныхъ войскъ, лишенная всякихъ средствъ и возможности сопротивленія, Франція должна была подчиниться безропотно волѣ побѣдителей. Союзники могли оторвать отъ нея, по своему усмотрѣнію, сколько угодно провинцій и присоединить ихъ къ сосѣднимъ государствамъ, они могли раздѣлить страну на нѣсколько частей и раздать ихъ въ видѣ отдѣльныхъ владѣній различнымъ принцамъ Бурбонскаго дома [1]). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, старая Франція перестала бы существовать и европейская система государствъ лишилась бы одного изъ своихъ важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ членовъ. Не трудно было предвидѣть, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ должна была привести Европу подобная ампутація. До сихъ поръ опасность европейской свободѣ и равновѣсію европейскихъ государствъ грозила постоянно со стороны Франціи; теперь, если бы Франція была обречена на политическое уничтоженіе, опасность эта начала бы грозить, съ другой стороны, отъ тѣхъ государствъ центральной Европы, которыя готовились уже поглотить оторванныя части французской монархіи. Не трудно также было предвидѣть въ какомъ положеніи оказалась бы тогда Россія, принесшая столько жертвъ для возстановленія разру-

[1]) Въ высшей степени интересно, что мысль о раздѣленіи Франціи между нѣсколькими принцами имѣла своихъ сторонниковъ даже среди самихъ французовъ. Сепаратистскія стремленія обнаружились на югѣ и на западѣ страны, и даже при дворѣ самого Людовика XVIII образовалась партія, требовавшая образованія особаго Гасконскаго королевства изъ странъ къ югу отъ Луары для графа Артуа. Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 476.

шеннаго равновѣсія Европы. Александръ рѣшился воспротивиться во что бы то ни стало подобной случайности. Не смотря на всѣ свои антипатіи къ Бурбонамъ и французамъ, императоръ рѣшился спасти Францію отъ униженія и раздробленія и склонить своихъ союзниковъ на ту точку зрѣнія, на которой стоялъ онъ самъ.

Французы не могли, разумѣется, забыть того чарующаго впечатлѣнія, которое произвелъ на нихъ Александръ въ 1814 г. Великодушіе и умѣренность русскаго государя въ отношеніи къ побѣжденному народу, его изысканная, истинно рыцарская любезность, его высокая гуманность и щедрость, оставили по себѣ неизгладимое воспоминаніе во всѣхъ сердцахъ. И теперь парижане разсчитывали встрѣтить въ Александрѣ такого же великодушнаго, рыцарскаго побѣдителя, какъ и въ прошломъ году. Само собою понятно, что они не обманулись въ своихъ надеждахъ. Едва только прибылъ государь въ Парижъ, какъ тотчасъ же послѣдовали мѣры облегченія и кротости, исходившія всецѣло отъ его инициативы. Александръ убѣдилъ прусскаго короля отдать приказъ Блюхеру о сохраненіи Іенскаго моста, подъ условіемъ, чтобы онъ былъ переименованъ въ «Мостъ инвалидовъ». Стомилліонная контрибуція, наложенная на Парижъ Блюхеромъ, уменьшена была до восьми милліоновъ, по настоянію Александра. И въ другихъ отношеніяхъ русскій государь старался облегчить, по мѣрѣ возможности, матерьяльное положеніе побѣжденной страны. По его предложенію, введена была правильная система относительно продовольствія и содержанія громадныхъ союзныхъ массъ, наводнявшихъ большую часть Франціи. Въ этомъ важномъ и тяжеломъ вопросѣ господствовали до пріѣзда государей настоящій хаосъ и полный произволъ. Различные союзные военноначальники дѣйствовали каждый по собственному усмотрѣнію. Не одни только прусскіе генералы, но также австрійскіе и русскіе, распоряжались во Франціи точно такъ же, какъ распоряжались еще недавно французы въ ихъ отечествахъ. Они давали полную волю своимъ солдатамъ и требовали, чтобы французы испытывали теперь на самихъ себѣ

всю прелесть системы реквизиціи [1]). Совершенно иначе держалъ себя герцогъ Веллингтонъ. Онъ строго запрещалъ всякія военныя реквизиціи и денежные поборы, соблюдалъ въ своей арміи неумолимую дисциплину и платилъ деньгами за все, что получали отъ жителей его солдаты. Такимъ образомъ дѣйствій герцогъ не добился, впрочемъ, признательности ни съ чьей стороны. Его собственныя войска страшно роптали противъ него, солдаты его, не смотря на всѣ строгости, занимались грабежомъ въ самомъ Парижѣ [2]), а французы называли его въ насмѣшку: «французъ болѣе нежели сами французы» [3]).

Теперь, по настоянію Александра, назначены были со стороны союзниковъ и французовъ особыя коммиссіи, которыя должны были организовать систему продовольствія и содержанія войскъ. Всѣ департаменты, занятые иностранными войсками, оставлены были подъ управленіемъ французскихъ властей, но власти эти были подчинены союзнымъ военнымъ намѣстникамъ во всѣхъ вопросахъ, имѣвшихъ хотя какое либо отношеніе къ службѣ и содержанію войскъ. Особымъ постановленіемъ союзныхъ кабинетовъ, состоявшимся 6-го августа (н. с.), всѣ расходы по содержанію войскъ, по уплатѣ имъ жалованья, равно какъ по ихъ обмундировкѣ и снабженію всѣми необходимыми предметами, отнесены были на счетъ Франціи. Французское правительство обязалось уплачивать всѣ суммы, необходимыя для покрытія этихъ расходовъ, и его коммиссары заключили объ этомъ предметѣ особые договоры съ каждымъ изъ союзныхъ кабинетовъ [4]).

Понятно, что императоръ Александръ, сдѣлавшій такъ много для матеріальнаго облегченія Франціи, не нашелъ, однакоже, возможнымъ отстаивать интересы Франціи въ во-

[1]) О поведеніи союзныхъ войскъ во Франціи, см. Перцъ, Stein's Leben, T. IV, стр. 470.

[2]) Одинъ изъ такихъ грабителей забрался даже въ садъ Елисейскаго дворца занимаемаго императоромъ. См. Эйнаръ Vie de m-me Krudener, T. II, стр. 24—25.

[3]) См. Галернъ, T. V, стр. 109.

[4]) Объ этихъ учрежденіяхъ, см. Перцъ, T. IV, стр. 470—471.

просѣ о сокровищахъ искусства. Здѣсь, въ этомъ вопросѣ, не могло быть и рѣчи о какомъ бы то ни было правѣ со стороны французовъ. Если за французами были оставлены въ 1814 г. произведенія искусства, стащенныя ими путемъ военнаго грабежа со всѣхъ странъ Европы, то это было сдѣлано въ увѣренности, что Людовикъ XVIII самъ приметъ мѣры къ ихъ добровольному возвращенію законнымъ владѣльцамъ. Есть извѣстіе, что Людовикъ далъ даже въ этомъ смыслѣ обѣщаніе союзнымъ государямъ [1]), но онъ не въ состояніи былъ исполнить его, опасаясь вызвать противъ себя общее недовольство французовъ. Теперь союзные государи, наученные опытомъ, распорядились сами возвращеніемъ сокровищъ, не спрашивая короля. Пруссаки первые забрали изъ Лувра и другихъ музеевъ статуи, картины, книги, рукописи, документы, монеты, медали, увезенные французами изъ различныхъ мѣстностей Германіи. Австрія, Нидерланды, Италія, Испанія послѣдовали ихъ примѣру. Все, что можно было розыскать въ казенныхъ и публичныхъ собраніяхъ, было возвращено законнымъ владѣльцамъ; осталось въ Парижѣ лишь то, что было во время припрятано догадливыми хранителями или что находилось въ частныхъ рукахъ. Аполлонъ возвратился въ Бельведеръ, Венера въ домъ Медичисовъ, Левъ св. Марка въ Венецію; архивы Ватикана, Турина, Испаніи, Голландіи, тысячи драгоцѣнныхъ рукописей германскихъ, итальянскихъ, нидерландскихъ библіотекъ, водворены были на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Одной только Россіи и ея государю не приходилось требовать отъ Франціи возврата награбленной добычи, такъ какъ все, что было захвачено французами во время ихъ вторженія въ Россію, было или брошено ими во время поспѣшнаго бѣгства, или отбито у нихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Какъ ни справедливо было само по себѣ возмездіе, постигшее теперь французовъ, однако же дѣло не обошлось безъ громкихъ жалобъ. Оставленные въ этомъ вопросѣ Александромъ, французы обратились съ

[1]) Перцъ, Stein's Leben, T. IV, стр. 471.

своими представленіями къ лорду Веллингтону, но получили отъ желѣзнаго герцога не совсѣмъ пріятный для себя отвѣтъ. «Союзники», объявилъ онъ въ своемъ обычномъ сухомъ тонѣ, «обязаны возвратить своимъ народамъ эти побѣдные знаки, къ тому-же они не должны упускать случая дать французамъ вполнѣ заслуженный ими великій урокъ нравственности». [1]).

Волею или неволею, а крикунамъ приходилось смириться. Болѣе дальновидные французскіе политики, и въ особенности руководящіе министры Людовика, Талейранъ и Фуше, считали даже крайне неблагоразумнымъ возставать противъ такого въ сущности второстепеннаго требованія союзниковъ, какъ возвращеніе части военной добычи, награбленной Наполеономъ. Они предвидѣли, что главная борьба должна была возгорѣться по поводу тѣхъ гарантій, которыя потребуютъ отъ Франціи союзники въ обезпеченіе прочности будущаго мира, и они были намѣрены сберечь всѣ свои силы для этой борьбы и не раздражать государей своимъ упорствомъ, по поводу требованій второстепеннаго свойства. И король Людовикъ, и его министры отлично сознавали, что ничто не можетъ предохранить Францію отъ самыхъ тяжелыхъ жертвъ и отъ окончательнаго униженія, въ томъ случаѣ, если союзники окажутся вполнѣ единодушными въ своихъ требованіяхъ, если они предъявятъ ей свой ультиматумъ. Всѣ ихъ надежды на спасеніе основывались на хорошо извѣстномъ имъ разногласіи въ средѣ самой коалиціи. Уже въ самомъ началѣ переговоровъ они могли разсчитывать съ полною увѣренностью на Англію, а въ скоромъ времени имъ сдѣлалось извѣстнымъ, что и императоръ Александръ не намѣренъ низводить Францію на степень второстепенной державы, что онъ предполагаетъ потребовать отъ нея лишь самыхъ незначительныхъ уступокъ и удовлетвориться лишь самыми необходимыми гарантіями. Людовикъ и его министры спѣшили воспользоваться такимъ настроеніемъ русскаго императора;

1) Wellington, Dispatches, XII, стр. 643, 644.

они ухватились за него какъ за свой главный якорь спасенія. Талейранъ зналъ, что уступчивость Александра по отношенію къ Франціи поддерживалась и развивалась, главнымъ образомъ, графомъ Каподистріею, и онъ поспѣшилъ вступить въ непосредственныя сношенія съ этимъ министромъ. Изъ личныхъ разговоровъ съ Каподистріею, Талейранъ могъ вынести убѣжденіе, что Александръ, проникнутый въ это время идеями либерализма и высокой христіанской нравственности, не считалъ своего дѣла поконченнымъ уничтоженіемъ Наполеоновской тиранніи, что по умиротвореніи и освобожденіи европейскаго запада, онъ предполагалъ обратить свои силы на освобожденіе Грековъ и другихъ восточныхъ христіанъ изъ-подъ постыднаго и тяжелаго турецкаго ига. Для осуществленія этой послѣдней задачи, Александръ нуждался въ независимой и сильной Франціи. Онъ зналъ, что восточная политика Россіи встрѣтитъ себѣ самое сильное противодѣйствіе со стороны Англіи, и что Австрія будетъ, по всей вѣроятности, также въ числѣ его противниковъ. Противъ Австріи Александръ имѣлъ полное основаніе разсчитывать на содѣйствіе Пруссіи. Что-же касается Англіи, то ее могла удержать въ предѣлахъ нейтралитета только одна Франція. Вотъ почему Александръ считалъ необходимымъ щадить по возможности побѣжденную Францію и не навязывать ей такихъ условій мира, которыя низвели бы ее на степень второстепенной державы [1]). Независимо отъ этихъ

[1]) Таковы были въ сущности взгляды и планы самого Каподистріи, пламеннаго Греческаго патріота. Понятно, что Каподистрія проводилъ свою точку зрѣнія и предъ императоромъ Александромъ, что государь сочувствовалъ ему вообще, быть можетъ, подавалъ даже надежды, но едва ли можно согласиться съ Перцомъ, что Александръ имѣлъ въ 1815 году совершенно опредѣленныя намѣренія на счетъ изгнанія турокъ изъ Европы и что его крайняя уступчивость по отношенію къ Франціи обусловливалась исключительно этимъ моментомъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Перцъ ссылается не на заявленіе самого Александра, а на манифестаціи его приближенныхъ. «Уже въ 1814 г.», говоритъ онъ, «Стурдза подалъ императору записку, въ которой проводилась мысль объ освобожденіи Грековъ Россіею; эта записка сообщена была приближеннымъ къ императору лицамъ, въ томъ числѣ Штейну. А нравственный, религіозный и умнѣйшій изъ министровъ Александра, Каподистрія, пользовавшійся тогда наибольшимъ довѣ-

соображеній Талейранъ могъ вывести изъ бесѣдъ съ Каподистріею и другіе, не менѣе важные и вполнѣ благопріятные для Франціи выводы. Онъ могъ узнать отъ Каподистріи, что Александръ находится теперь подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ христіанской идеи милосердія, что руководимый этою идеею, онъ думаетъ основать дѣло всеобщаго примиренія не на новыхъ захватахъ и мстительныхъ мѣропріятіяхъ, а на смягченіи и улаженіи путемъ полюбовнаго соглашенія всѣхъ несогласій и недоразумѣній между державами.

Убѣдившись въ крайне миролюбивомъ настроеніи Александра къ Франціи, Талейранъ посовѣтовалъ своему королю отбросить въ сторону Бурбонскую надменность и безсмысленныя правила стараго этикета и искать спасенія и защиты у великодушія русскаго императора. Людовикъ спѣшилъ исполнить совѣтъ своего министра. Онъ пріѣхалъ съ визитомъ къ императору Александру въ Елисейскій дворецъ и лично поднесъ Государю знаки ордена Св. Духа, не обращая вниманія на то, что Александръ, какъ православный, не имѣлъ, по уставу ордена, права получить его. Принятый Александромъ съ необыкновенною любезностью, король Людовикъ

ріемъ государя, жилъ этою мыслью и поддерживалъ ее въ монархѣ. Всѣ эти обстоятельства скрывались тогда въ глубокой тайнѣ; но ни отъ кого не могло скрыться, что Александръ, сочувствовавшій до тѣхъ поръ планамъ Австріи и Пруссіи, неожиданно сталъ на точку зрѣнія Англіи». Все это, разумѣется вѣрно, но не слѣдуетъ опускать изъ виду, что Александръ никогда не подчинялся безусловно воззрѣніямъ своихъ приближенныхъ, и что именно въ греческомъ вопросѣ онъ держалъ себя въ высшей степени осторожно, въ чемъ можно убѣдиться, между прочимъ, изъ мемуаровъ гр. Эдлингъ (ср. напр. стр. 169—173). «Все, что относилось къ вопросу объ освобожденіи Грековъ, причиняло ему (т. е. Александру) мучительное безпокойство, какъ будто онъ имѣлъ предчувствіе, что этотъ вопросъ отравитъ конецъ его жизни». Графиня передала императору однажды записку по греческому дѣлу; Александръ, возвращая ей, по прочтеніи, эту записку, замѣтилъ ей: «кто бы не пожелалъ вмѣстѣ съ вами ускорить этотъ моментъ освобожденія, но онъ еще не наступилъ, еще слишкомъ рано». Александръ не могъ бы такъ заботиться о союзѣ съ Австріею, онъ не могъ бы остановиться на идеѣ Священнаго союза, если бы онъ имѣлъ въ виду обратить свое оружіе противъ турокъ. Въ виду всего этого мы полагаемъ, что великодушная политика Александра, по отношенію къ Франціи, не находилась въ связи съ восточными планами императора и обусловливалась иными, чисто общими моментами.

познакомился вслѣдъ затѣмъ лично съ графомъ Каподистріею. Въ откровенной бесѣдѣ съ русскимъ министромъ, король изложилъ ему все свое стѣсненное положеніе и объяснилъ, что онъ возлагаетъ всѣ свои надежды на великодушіе и заступничество русскаго государя. Каподистрія посовѣтовалъ Людовику обратиться къ императору съ собственноручнымъ письмомъ, и король рѣшился воспользоваться этимъ совѣтомъ.

Между тѣмъ составленъ былъ комитетъ изъ уполномоченныхъ четырехъ великихъ державъ для установленія условій Второго Парижскаго мира. Представителями Россіи въ этомъ комитетѣ назначены были: Нессельроде, Каподистрія и Поццо-ди-Борго; отъ Англіи засѣдали Веллингтонъ, Кестльри и Стюартъ; отъ Австріи—Меттернихъ, Шварценбергъ и Вессенбергъ; отъ Пруссіи— Гарденбергъ, В. Гумбольдтъ и Гнейзенау. Уполномоченные союзныхъ державъ должны были выработать общую программу требованій своихъ кабинетовъ и предъявить ее затѣмъ французскимъ министрамъ. Задача эта не принадлежала къ числу особенно легкихъ. Уже послѣ первыхъ объясненій оказалось, что взгляды четырехъ державъ расходятся по самымъ существеннымъ пунктамъ. Англійскіе уполномоченные заявили, что ихъ кабинетъ рѣшительно отказывается отъ предъявленія французскому правительству такихъ требованій, которыя посягали бы на цѣлость французской государственной территоріи, въ томъ видѣ, какъ она была установлена по Первому Парижскому миру, или же были бы несовмѣстимы съ достоинствомъ французской короны. Англійское правительство, замѣтили они, считаетъ цѣль войны вполнѣ достигнутою низложеніемъ Бонапарта и совершеннымъ уничтоженіемъ его мятежной арміи. Державы должны позаботиться теперь о томъ, чтобы окружить престолъ Людовика прочными гарантіями мира и спокойствія и никоимъ образомъ не оттолкнуть отъ него сердца его народа. Не слѣдуетъ требовать поэтому отъ истощенной и разоренной Франціи ни обширныхъ земельныхъ уступокъ, ни слишкомъ большой денежной контрибуціи. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи слѣдуетъ ограничиться самыми умѣренными требованіями и принять, вообще, за норму условія Перваго Парижскаго мира. Въ качествѣ особенной гарантіи

можно потребовать занятія Франціи или извѣстной части ея союзными войсками. Подобное занятіе можетъ продолжаться, однакоже, лишь нѣсколько лѣтъ. Въ теченіи этого времени сосѣднія государства успѣютъ укрѣпить свои границы, а король Франціи возстановить и утвердить свою поколебленную власть. Миръ, подписанный на такихъ условіяхъ, навѣрное, будетъ одобренъ громаднымъ большинствомъ французской націи, тогда какъ всякая попытка оторвать отъ Франціи цѣлый рядъ областей, или раздѣлить ее на нѣсколько независимыхъ государствъ непремѣнно вызоветъ самое ожесточенное противодѣйствіе со стороны всего народа и вызоветъ въ будущемъ и новыя внутреннія потрясенія, и новыя войны» [1]).

Заявленія англійскихъ министровъ вызвали, какъ и слѣдовало ожидать, рѣзкое и принципіальное противорѣчіе со стороны обѣихъ германскихъ державъ. Уполномоченные Пруссіи, а вслѣдъ за ними и представители Австріи объявили, что державы отнюдь не должны теперь повторять ошибки, сдѣланной ими при заключеніи Перваго Парижскаго мира. Тогда, говорили они, союзники пытались расположить къ себѣ французскую націю умѣренностью и великодушіемъ, но французы объяснили это ихъ слабостью и отплатили имъ новою измѣною и новымъ нападеніемъ. И теперь, послѣ своего вторичнаго пораженія, Франція остается все еще слишкомъ могущественною и слишкомъ опасною для своихъ сосѣдей. Единство націи, ея храбрость, ея талантъ къ войнѣ и ко всѣмъ быстрымъ воинственнымъ предпріятіямъ, всегда

[1]) Политика англійскаго правительства по отношенію къ Франціи установилась окончательно еще въ самомъ началѣ войны 1815 г. Если Александръ желалъ видѣть Францію сильною и независимою и съ этою цѣлью отстаивалъ ея интересы и поддерживалъ даже антипатичныхъ ему Бурбоновъ, то англійское министерство защищало Бурбонскую Францію лишь потому, что разсчитывало держать ее въ опекѣ и зависимости отъ себя. Если мы припомнимъ непопулярность Бурбоновъ во Франціи и слабость ихъ правительственной системы, то придется согласиться, что разсчетъ этотъ не лишенъ былъ своего основанія. Что касается до заявленій англійскихъ министровъ конференціи союзныхъ державъ въ Парижѣ, то подробный анализъ ихъ можно найти въ IV т. Перца, а также у Бернгарди, T. I. Подлинные тексты см. у Веллингтона Dispatches T. XII.

будутъ доставлять ей громадныя преимущества передъ всѣми остальными народами Европы. Необходимо, слѣдовательно, принять, во-первыхъ, мѣры къ укрощенію воинственнаго духа французскаго народа, а во-вторыхъ, и къ ослабленію матеріальнаго могущества Франціи. Для достиженія первой цѣли и для должнаго напоминанія французамъ ихъ вѣроломства, слѣдуетъ наложить на Францію военную контрибуцію, по крайней мѣрѣ, въ 1000 милліоновъ франковъ, наказать примѣрно великаго измѣнника (т. е. Наполеона) и держать въ залогѣ крѣпости, а равно и занимать часть Франціи союзнымъ войскомъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ уплачена военная контрибуція. Для ослабленія матеріальнаго могущества Франціи державы должны отторгнуть отъ нея Эльзасъ, все теченіе Саары до Вогезовъ, а если возможно, то и Лотарингію до Мааса. Такъ называемая Французская Фландрія, Артуа и рядъ крѣпостей на Бельгійской границѣ должны отойти къ Нидерландамъ. Савоя должна быть возвращена своему законному владѣтелю. Наконецъ, и герцогство Люксембургское также должно быть отдѣлено отъ Франціи. Выставляя такія непомѣрныя требованія, уполномоченные Пруссіи и Австріи пытались въ то же время доказать, что и послѣ этихъ уступокъ Франція все еще останется сильною и грозною для своихъ сосѣдей державою. Что же касается до возможности новыхъ войнъ въ будущемъ, то уполномоченные обѣихъ державъ полагали, что такія войны, при извѣстномъ національномъ характерѣ французовъ, неизбѣжны, но что при новомъ распредѣленіи границъ и при большемъ уравненіи силъ Франціи и ея сосѣдей, онѣ не будутъ уже угрожать такими опасностями Европѣ, какъ теперь [1]).

Заявленія германскихъ державъ нашли себѣ полное сочувствіе въ средѣ второстепенныхъ государствъ, принимавшихъ участіе въ послѣдней войнѣ и имѣвшихъ въ настоящій моментъ своихъ представителей въ Парижѣ. Представитель Ни-

[1]) См. между прочимъ мемуаръ генерала ф. Карловица, гдѣ формулированы первоначальныя требованія германскихъ державъ. Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 484—88.

дерландскаго короля, Гагернъ, игравшій еще недавно въ Вѣнѣ такую двусмысленную роль, выступилъ теперь въ качествѣ отчаяннаго французоѣда и всѣми силами подстрекалъ уполномоченныхъ Пруссіи и Австріи не отступать ни на шагъ отъ своихъ справедливыхъ и спасительныхъ для Европы требованій. Король Баварскій и другіе мелкіе владѣтели западной Германіи, еще такъ недавно заискивавшіе Бурбонскую Францію и ползавшіе въ Вѣнѣ передъ Талейраномъ, присоединились теперь также къ требованіямъ Австріи и Пруссіи, разсчитывая, разумѣется, получить свою долю при дѣлежѣ Франціи. Между дипломатами большихъ и малыхъ членовъ коалиціи поднялась настоящая буря противъ Франціи, а молчаніе русскихъ уполномоченныхъ, ограничившихся на первый разъ принятіемъ къ свѣдѣнію заявленій союзныхъ державъ, невольно могли навести на мысль, что Россія не намѣрена противиться на этотъ разъ мстительнымъ намѣреніямъ своихъ союзниковъ и что она готова отдать Францію на произволъ судьбы и ея непримиримыхъ враговъ.

Смущеніе и страхъ напали при такихъ обстоятельствахъ на короля Людовика и его министровъ. Самъ Талейранъ окончательно потерялъ голову и совѣтовалъ королю прибѣгнуть къ посредничеству герцога де-Ришелье, проведшаго столько лѣтъ въ Россіи и пользовавшагося особымъ довѣріемъ и расположеніемъ Александра. Людовикъ послѣдовалъ совѣту Талейрана, но и Ришелье, послѣ первыхъ разговоровъ съ союзными министрами, пришелъ къ убѣжденію въ невозможности спасти Францію отъ раздѣла и униженія. Горячій французскій патріотъ не потерялъ, однакоже, послѣдней надежды. Онъ обратился къ Каподистріи и, съ свойственнымъ ему чистосердечнымъ краснорѣчіемъ, умолялъ графа спасти Францію и употребить съ этою цѣлію все свое вліяніе на императора Александра. Каподистрія выслушалъ спокойно герцога и замѣтилъ ему: «Я знаю еще одно средство, и сколько мнѣ кажется, вѣрное. Хотите убѣдить короля рѣшиться на него?»

«Но, Боже мой, безъ всякаго сомнѣнія. Объяснитесь! Намъ остается лишь нѣсколько моментовъ, завтра несчастіе и разрушеніе Франціи будетъ свершившимся фактомъ».

«Для меня нужно только четверть часа. Прошу васъ обождать меня здѣсь».

Съ этими словами Каподистрія вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ ожидалъ его А. С. Стурдза. Графъ сообщилъ ему свой планъ и попросилъ его набросать проектъ письма Людовика XVIII императору Александру. Въ этомъ письмѣ Людовикъ заявлялъ императору, въ какую глубокую скорбь повергло его рѣшеніе союзниковъ; онъ объявлялъ съ благороднымъ достоинствомъ, что онъ не можетъ оставаться покорнымъ зрителемъ такого униженія своей короны. Ему не остается теперь иного исхода, какъ отречься отъ престола и предоставить Францію внушеніямъ ея отчаянія и ярости партій. Герцогъ Ришелье вполнѣ одобрилъ проектъ письма и немедленно представилъ его на усмотрѣніе короля. Людовикъ не противорѣчилъ, его прежняя гордость исчезла безслѣдно. Онъ переписалъ дословно письмо и отправилъ его по адресу [1]).

Сохранилось извѣстіе, что письмо это произвело сильное впечатлѣніе на императора, что оно разсѣяло его послѣднія сомнѣнія и окончательно побудило его взять подъ свое покровительство Францію. Мы сомнѣваемся въ точности этого сообщенія. Намъ положительно извѣстно, что спасительныя намѣренія Александра по отношенію къ Франціи возникли гораздо ранѣе, что они вытекали изъ соображеній чисто общихъ и отнюдь не носили на себѣ характера моментальнаго порыва благородныхъ чувствъ, навѣянныхъ такимъ случай-

[1]) Весь этотъ эпизодъ основывается на свидѣтельствѣ гр. Эдлингъ, но возникаетъ вопросъ, къ какому времени слѣдуетъ отнести его. Гр. Эдлингъ говоритъ, что герцогъ Ришелье былъ въ то время уже первымъ министромъ Франціи, но тутъ, очевидно, неточность. Въ ту пору, когда Ришелье назначенъ былъ министромъ, отношенія Александра къ Франціи уже опредѣлились вполнѣ, императоръ взялъ уже тогда Людовика подъ свое покровительство, Франція уже была спасена отъ униженія и раздѣла, споръ шелъ тогда лишь о вопросахъ второстепенныхъ. При такомъ положеніи дѣлъ Людовику не было никакой надобности прибѣгать къ защитѣ Александра и посылать ему трогательное письмо. Все это могло случиться только гораздо раньше, въ ту пору, когда переговоры только что начинались, когда Франціи грозила дѣйствительно участь Польши, и когда положеніе, занимаемое Александромъ, по отношенію къ ней, еще не было выяснено. Вотъ почему мы пріурочиваемъ весь этотъ эпизодъ именно къ этой эпохѣ.

нымъ инцидентомъ, какъ письмо Людовика XVIII. Мы даже не думаемъ, что письмо это могло утвердить императора въ его намѣреніяхъ и полагаемъ, что вся эта немного сентиментальная исторія не оказала никакого существеннаго вліянія на ходъ переговоровъ [1]).

Какъ бы то ни было, но ознакомившись съ заявленіями сво-

[1]) Изъ разсказа гр. Эдлингъ выходитъ, что Александръ воспользовался этимъ письмомъ для того, чтобы произвести давленіе на своихъ союзниковъ. Александру подаютъ письмо короля какъ разъ въ то время, когда онъ совѣщается съ своими союзниками. Императоръ дѣлаетъ видъ, что онъ удивленъ этою неожиданною вѣстью со стороны короля. Онъ открываетъ письмо и, прочитавъ его, передаетъ его на усмотрѣніе своихъ союзниковъ. «Я предвидѣлъ это, говоритъ онъ имъ, мы попали теперь въ еще худшія затрудненія, нежели когда-либо. Людовикъ XVIII отказывается отъ престола и поступаетъ совершенно правильно. У Франціи нѣтъ болѣе короля; найдите ей другаго, если можете. Что касается до меня, то я не намѣренъ вмѣшиваться въ такое дѣло, котораго легко можно бы было избѣгнуть. Наступаетъ къ тому же время, когда мнѣ пора все кончить и возвратиться домой». Испуганные этими вновь представляющимися затрудненіями, а также недовольствомъ императора, который предавалъ ихъ суду потомства и ненависти французовъ, король Прусскій и императоръ австрійскій уступили. Англія была вынуждена послѣдовать ихъ примѣру, и Франція была спасена. Хотя гр. Эдлингъ ручается за достовѣрность этого анекдота, однакоже, мы рѣшительно отказываемся придавать ему какое-бы то ни было историческое значеніе. Изъ анекдота этого выходитъ, что Александръ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ и по внушенію другихъ лицъ, что онъ прибѣгалъ къ уловкамъ, недостойнымъ его положенія и характера, что онъ вынудилъ у своихъ союзниковъ уступки угрозами оставить ихъ на произволъ судьбы. Въ дѣйствительности Александръ дѣйствовалъ самостоятельно и послѣдовательно. Онъ заставлялъ своихъ союзниковъ уступать шагъ за шагомъ, онъ опровергалъ ихъ мнѣнія доводами, а не угрозами. Англія была съ самаго начала въ пользу Людовика, а изъ анекдота, передаваемаго гр. Эдлингъ, выходитъ что она упорствовала долѣе всѣхъ въ непомѣрныхъ требованіяхъ отъ Франціи. Очевидно, что лицо, сообщившее гр. Эдлингъ весь этотъ анекдотъ, было совершенно незнакомо ни съ общимъ ходомъ переговоровъ, ни съ положеніемъ и цѣлями великихъ державъ, иначе оно не могло бы впасть въ такія грубыя ошибки. Если письмо Людовика XVIII и существовало въ дѣйствительности, то императоръ никогда не воспользовался, да и не могъ воспользоваться имъ такъ, какъ разсказывается это въ мемуарахъ гр. Эдлингъ.

Замѣтимъ по этому поводу, что мемуары гр. Эдлингъ имѣютъ огромное значеніе для характеристики личности Александра и его отношеній къ автору и другимъ лицамъ, хорошо знакомымъ съ графинею, но что они не могутъ служить источникомъ для дипломатической исторіи эпохи. Мемуары заслуживаютъ безусловнаго довѣрія тамъ, гдѣ авторъ говоритъ какъ очевидецъ, но они теряютъ свой авторитетъ тамъ, гдѣ онъ разсказываетъ съ чужихъ словъ и при томъ о такихъ предметахъ, которые были очень мало извѣстны ему.

ихъ союзниковъ, Александръ поручилъ графу Каподистріи составить на нихъ письменный отвѣтъ. Графъ, имѣвшій довольно точное представленіе объ основныхъ воззрѣніяхъ Александра на подлежащіе вопросы, исполнилъ волю своего монарха и уже черезъ нѣсколько дней повергъ на его усмотрѣніе составленную имъ записку. Каподистрія началъ свое изложеніе съ того основнаго момента, что европейскій союзъ и счастливо оконченная война имѣли своею главною цѣлью освобожденіе Франціи отъ Бонапарте и отъ революціи, которой онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, возвратить Францію въ то внѣшнее и внутреннее положеніе, которое опредѣлено было для нея Первымъ Парижскимъ миромъ и гарантировать какъ Европѣ, такъ и Франціи ненарушимое сохраненіе постановленій, основанныхъ Парижскимъ миромъ и утвержденныхъ окончательно Вѣнскимъ конгрессомъ. Первая цѣль теперь достигнута; Бонапарте въ плѣну, войско его разбито и раскассировано, Людовикъ XVIII возвращенъ въ Парижъ и признанъ своимъ народомъ въ качествѣ посредника мира между нимъ и Европою, союзныя арміи занимаютъ Францію и содержатся на ея счетъ. Теперь идетъ вопросъ о томъ, чтобы обезпечить великими и дѣйствительными мѣропріятіями и гарантіями спокойствіе Франціи и Европы.

Таковыя гарантіи могутъ быть или нравственныя или матерьяльныя.

Матерьяльными гарантіями могутъ служить: 1) земельныя уступки; 2) отнятіе или срытіе крѣпостей; 3) конфискація всего военнаго матерьяла; 4) большая военная контрибуція. Такъ какъ союзники въ началѣ войны противъ Бонапарте не объявляли ни въ одной изъ своихъ декларацій Францію непріятельскою страною, то и теперь послѣ занятія ея своими арміями, они не могутъ примѣнять къ ней права завоеванія. Побужденіемъ къ войнѣ было сохраненіе Парижскаго мира, нарушеніе этого мира не можетъ быть слѣдовательно результатомъ войны. Если имѣется въ виду таковое нарушеніе, тогда является необходимость въ новомъ договорѣ, который установилъ бы причины и принципы такого измѣненія; но они противорѣчили бы основаніямъ и принципамъ, какъ Па-

рижскаго, такъ и Вѣнскаго договоровъ. Въ силу этихъ послѣднихъ договоровъ различныя государства Европы возстановлены были въ такой мѣрѣ, чтобы основать въ Европѣ справедливое равновѣсіе силъ; это равновѣсіе будетъ поколеблено въ случаѣ нарушенія цѣлости Франціи, и тогда придется ниспровергнуть всѣ Вѣнскія постановленія, произвести новое распредѣленіе территорій, придумать новую систему равновѣсія. Такое трудное, и столь несогласное съ либеральными принципами великихъ державъ, дѣйствіе заключало бы въ себѣ отступленіе отъ того ихъ теперешняго образа дѣйствія, отъ коего ожидаютъ народы своего спокойствія. Союзники признавали Людовика XVIII во время насильственно владычества Бонапарте; силою своего оружія возстановили они его на престолѣ; было бы слѣдовательно столь же справедливо, какъ и выгодно укрѣпить его авторитетъ и поддержать его всею своею силою, дабы онъ могъ основать нравственное могущество своего правительства на выгодѣ общей и національной. Вынуждать короля къ уступкамъ, изъ которыхъ французскій народъ можетъ заключить, съ какимъ недовѣріемъ смотрятъ европейскія державы на прочность своего собственнаго дѣла, значитъ разрушать въ самомъ принципѣ возстановленіе его владычества. Ослаблять силы французовъ съ цѣлью заставить ихъ уважать власть, признанную Европою законною, значитъ сказать французамъ, что законное правительство есть для нихъ несчастіе, значитъ оправдать въ глазахъ потомства всѣ ужасы революціи, значитъ убѣдить Францію, что война еще не окончена, значитъ заставить державы держаться на-готовѣ, чтобы имѣть возможность вести ее съ успѣхомъ.

Нравственныя гарантіи. Ни одна правительственная система не заключаетъ въ самой себѣ безусловной гарантіи своей продолжительности. Не касаясь вопроса о цѣлесообразности французской конституціи, можно, однакоже, утверждать, что съ удаленіемъ навсегда дома Бонапарте и его гибельнаго вліянія король можетъ и долженъ возстановить на столько свой авторитетъ, чтобы привязать къ своему трону здоровую и большую часть народа.

Союзники не могутъ, однакоже, искать гарантіи исключи-

тельно въ одномъ предполагаемомъ порядкѣ вещей, они не могутъ ограничиться вообще одними нравственными ручательствами; они должны, въ силу необходимости, искать обезпеченія въ совокупности гарантій матерьяльныхъ и нравственныхъ исходя, однакоже, при этомъ изъ принципа, что гарантіи матерьяльныя не должны быть основаны на правѣ завоеванія.

Нравственныя и матерьяльныя гарантіи.

Эту важную задачу союзники могутъ разрѣшить двоякимъ способомъ: 1) заключеніемъ новаго союза на опредѣленный срокъ, съ условіемъ взяться за оружіе и вступить во Францію въ томъ случаѣ, если революція вновь будетъ угрожать существующему порядку вещей во Франціи; 2) военнымъ занятіемъ Франціи, съ согласія ея правительства продолжающимся до тѣхъ поръ, пока не убѣдятся въ прочности французскихъ порядковъ.

При примѣненіи перваго средства союзники сохранятъ полное равенство въ своемъ отношеніи къ Франціи, и будутъ имѣть полное право потребовать отъ нея денежной контрибуціи, дабы покрыть ею издержки настоящей войны. Когда порядокъ во Франціи утвердится окончательно, тогда державы могутъ согласиться между собою на счетъ облегченія Франціи при уплатѣ контрибуціи, или же употребить остающіяся неуплаченными суммы на какія-нибудь общеполезныя предпріятія.

До уплаты всѣхъ суммъ союзники должны имѣть право занимать своими войсками опредѣленную часть Франціи; такъ какъ такая оккупація должна быть произведена съ согласія самого французскаго правительства, то справедливость требуетъ, чтобы двѣ изъ союзныхъ державъ не принимали въ ней непосредственнаго участія и тѣмъ самымъ приняли на себя нравственное ручательство въ точномъ исполненіи договора со стороны Европы [1]).

Записка Каподистріи не могла быть безусловно одобрена императоромъ. Соглашаясь съ общею мыслью графа, Александръ находилъ, однакоже, что Каподистрія зашелъ въ ней

[1]) Записка помѣщена у Перца, Stein's Leben, T. IV, стр. 488—495.

слишкомъ далеко, что онъ сдѣлалъ слишкомъ много уступокъ тщеславію французовъ и опустилъ изъ виду нѣкоторые изъ весьма существенныхъ интересовъ союзниковъ. Исходя изъ такой точки зрѣнія, императоръ подвергъ записку Каподистріи довольно существеннымъ измѣненіямъ. Онъ не только выбросилъ многія выраженія, смягчилъ и передѣлалъ другія, но и передѣлалъ совершенно отдѣлъ о матерьяльныхъ и нравственныхъ гарантіяхъ. Императоръ отвергъ проектъ новаго союза и замѣтилъ вполнѣ основательно, что достаточно возобновить постановленія договора 25-го Марта о вѣчномъ исключеніи фамиліи Бонапарте изъ числа царствующихъ домовъ, а равно и Шомонскій договоръ, имѣющій въ виду защиту отъ Франціи. Императоръ мотивировалъ также иначе необходимость военнаго занятія Франціи. Занятіе это было, по его мнѣнію, необходимо для того, чтобы дать сосѣднимъ государствамъ время и средства усилить свою оборонительную линію, что́, въ виду громаднаго и угрожающаго пояса французскихъ крѣпостей на границѣ съ Германіею, въ высшей степени важно для спокойствія Европы. По вопросу о военной контрибуціи императоръ отвергъ мысль Каподистріи объ облегченіи Франціи и объявилъ, что Франція обязана уплатить контрибуцію, какъ премію за сохраненіе цѣлости своей территоріи, что она не имѣетъ права уклоняться отъ этой обязанности въ отношеніи къ общему спокойствію, которое она приносила столько разъ въ жертву своимъ властолюбимымъ посягательствамъ. Что-же касается до мысли Каподистріи, что двѣ изъ державъ не должны, какъ ручательницы договора, принимать участіе въ военномъ занятіи Франціи, то Александръ опустилъ сначала все это мѣсто, а потомъ измѣнилъ его въ томъ смыслѣ, что ручательницами договора будутъ тѣ изъ державъ, войска которыхъ тотчасъ же оставятъ Францію, по подписаніи мира. [1]).

Передѣланная такимъ образомъ записка Каподистріи внесена была въ комитетъ державъ какъ формальное заявленіе

[1]) Оригиналъ записки Каподистріи находился въ рукахъ у Перца. Поправки Александра сдѣланы были въ немъ собственноручно, карандашомъ, а затѣмъ переписаны черниломъ рукою Каподистріи. См. Перцъ, Stein's Leben, T. IV стр. 495.

Россіи, какъ ея отвѣтъ на непомѣрныя требованія германскихъ державъ. Талейранъ былъ въ восторгѣ. Желая усилить впечатлѣніе, произведенное на союзниковъ отзывомъ Россіи, онъ обратился съ своей стороны съ оффиціальною нотою къ союзнымъ кабинетамъ. Онъ объявилъ въ ней цѣль войны достигнутою плѣненіемъ Бонапарте и судебнымъ преслѣдованіемъ его приверженцевъ, раскассированіемъ старой арміи и намѣреніемъ ограничивать новую, равно какъ и введеніемъ въ конституціи такихъ учрежденій, которыя должны обезпечить Францію отъ новой революціи, а Европу отъ новыхъ проявленій завоевательнаго духа, и требовалъ, въ заключеніе, отъ державъ формальнаго объясненія, что находятъ они необходимымъ съ своей стороны прибавить къ этимъ мѣрамъ и учрежденіямъ. [1]).

Талейранъ ошибался, однакоже, воображая, что его нота можетъ усилить впечатлѣніе, вызванное русскою запиской. Изъ всѣхъ союзныхъ державъ только одна Англія объявила себя вполнѣ солидарною съ русскими предложеніями; что же касается до Австріи и Пруссіи, то онѣ заявили, что отъ Франціи должны быть потребованы болѣе существенныя гарантіи, нежели какія бы то ни было нравственныя ручательства. Австрійскій канцлеръ, князь Меттернихъ, представилъ обширную записку, въ которой доказывалъ, что союзныя державы имѣютъ полное право требовать отъ Франціи вознагражденія за военныя издержки, которое можетъ быть дано лишь въ видѣ опредѣленной военной контрибуціи. Но контрибуція не можетъ предохранить Европу отъ новыхъ революцій и новыхъ нападеній со стороны Франціи. Чтобы гарантировать себя въ будущемъ отъ этихъ новыхъ покушеній, союзники имѣютъ право требовать, чтобы Франція измѣнила свое наступательное положеніе на границѣ въ положеніе оборонительное, что-

[1]) Въ числѣ учрежденій, обезпечивающихъ Францію отъ новой революціи, Талейранъ указывалъ: исключеніе мало состоятельныхъ лицъ отъ участія въ правленіи, наслѣдственная перія, новая организація палаты депутатовъ, распространеніе права предлагать законы на обѣ палаты, совѣтъ министровъ, какъ руководящее учрежденіе, несмѣняемость судей, судъ присяжныхъ, отмѣна конфискаціи имуществъ, свобода печати.

бы она или уступила сосѣдямъ на вѣчныя времена всю первую линію своихъ крѣпостей, или же чтобы эти крѣпости, равно какъ и нѣкоторыя изъ крѣпостей второй линіи, были совершенно разрушены и срыты. Наконецъ, Меттернихъ полагалъ, что союзники имѣютъ право оставить свои арміи во Франціи до тѣхъ поръ, пока положеніе дѣлъ въ странѣ не будетъ признано ими вполнѣ прочнымъ [1]).

Еще съ большею рѣшительностью и рѣзкостью, нежели Меттернихъ, высказались противъ предложеній Россіи уполномоченные Пруссіи. В. ф. Гумбольдтъ представилъ обширный мемуаръ, въ которомъ опровергалъ шагъ за шагомъ всѣ доводы, приведенные въ запискѣ Каподистріи. Онъ опровергалъ мнѣніе, что союзники вели войну, имѣя единственною своею цѣлью сверженіе Наполеона, между прочимъ, ссылкою на заявленіе, сдѣланное Англіею, что держава эта не принимаетъ на себя обязательства навязывать Франціи какое бы то ни было правительство. Всѣ державы, говорилъ Гумбольдтъ, присоединились тогда къ этому заявленію. Онѣ всѣ согласились въ томъ, что онѣ предпринимаютъ войну противъ Франціи ради своего собственнаго обезпеченія. Война окончена теперь побѣдоносно, и союзники имѣютъ теперь право требовать на основаніи такого исхода вознагражденія за свои убытки и ручательства за будущее.

Союзники вели войну ради безопасности Европы и они пріобрѣли своею побѣдою безспорное право требовать отъ Франціи и отъ ея правительства всего того, что можетъ служить обезпеченіемъ этой безопасности. Союзныя державы далеки отъ мысли воспользоваться несчастіемъ Франціи для собственнаго увеличенія, но на дѣлѣ онѣ завоевали Францію и имѣютъ теперь право отторгнуть отъ нея, если они найдутъ это цѣлесообразнымъ, часть ея территоріи.

Обращаясь къ вопросу о внутреннемъ умиротвореніи Франціи, Гумбольдтъ полагаетъ, что всякое вмѣшательство союзниковъ во внутреннія дѣла Франціи должно быть, по возможности, избѣгаемо. Союзники оказали уже французскому пра-

[1]) Записка Меттерниха, Перцъ, Stein's Leben, T. IV, стр. 500—505.

вительству ту помощь, которая была въ ихъ силахъ, они истребили его злѣйшаго врага и дали ему возможность стать опять на ноги. Всякая дальнѣйшая опека со стороны европейскихъ державъ свидѣтельствовала бы лишь о слабости французскаго правительства и окончательно подорвала бы его авторитетъ въ глазахъ народа. Остается слѣдовательно лишь одно средство обезпечить Европу въ будущемъ: это измѣненіе отношенія силъ между Франціею и ея сосѣдями. Средствомъ къ такому измѣненію можетъ служить предоставленіе болѣе сильной границы сосѣднимъ съ Франціею государствамъ. Крѣпости, служившія до сихъ поръ французамъ какъ орудіе нападенія, должны быть отданы ихъ сосѣдямъ какъ средства обороны [1]).

Князь Гарденбергъ, основываясь на мемуарѣ ф. Гумбольдта, формулировалъ окончательно требованіе Пруссіи въ офиціальномъ заявленіи отъ 4-го августа и представилъ его на усмотрѣніе конференціи уполномоченныхъ союзныхъ державъ. Къ прусскому заявленію приложена была карта Франціи; голубая черта отдѣляла на этой картѣ отъ Франціи слѣдующіе города и крѣпости съ ихъ округами: Дюнкирхенъ, Гравелинъ, Кассель, Лилль, Конде, Дуэ, Валансьенъ, Ле Кеснуа, Ландреси, Авенъ, Мобежъ, Филипвиль, Маріенбургъ, Шарлемонъ, Живе, Рокруа, Мезперъ, Монмеди, Лонгви, Тіонвиль, Мецъ, Саорлуи, Саргелинъ, Битчъ, Ландау, весь Эльзасъ, Бельфоръ, Мюмпельгардъ, Фортъ Журъ, Фортъ Лаклюза, всю Савою, фортъ Барро и Бріансонъ [2]).

Таковы были тѣ «незначительныя» уступки, которыя требовала Пруссія отъ Франціи въ 1815 г., требовала, правда, не для себя, а для своихъ германскихъ союзниковъ. Достаточно уже одного бѣглаго взгляда на карту, чтобы убѣдиться, что эти требованія далеко превосходили своими размѣрами все то, что отторгнуто было отъ Франціи вслѣдствіе столь несчастной для нея войны 1870—71 г. Пруссаки не довольствовались тогда однимъ Эльзасомъ и частью Лотарингіи съ Ме-

[1]) Записка В. Ф. Гумбольдта помѣщена цѣликомъ у Перца, Stein's Leben, T. IV, стр. 505—520.

[2]) Заявленіе Гарденберга помѣщено у Перца, Stein's Leben, T. VI, стр. 520—524.

цомъ; они собирались отторгнуть тогда отъ Франціи не только всѣ зовоеванія Людовика XIV-го, но и многія старо-французскія области, какъ напримѣръ: Артуа, Фландрію и часть Бургундіи. Выставляя такія требованія, государственные люди Пруссіи имѣли за собою не только общественное мнѣніе всей Германіи, не только настоятельныя желанія большинства нѣмецкихъ владѣній, но также и желаніе всѣхъ второстепенныхъ государствъ Европы, начиная отъ Нидерландовъ и оканчивая Сардиніею. Употреблены были со многихъ сторонъ величайшія усилія, чтобы склонить на эту точку зрѣнія и императора Александра, чтобы убѣдить его дать свое согласіе на отторженіе восточно-французскихъ областей. Прусскіе министры хорошо знали, какъ живо заинтересованъ былъ русскій государь въ обезпеченіи центральной Европы отъ новыхъ нападеній со стороны Франціи и какое значеніе придавалъ онъ въ вопросѣ о границахъ соображеніямъ чисто военнаго свойства, и рѣшили поэтому обратить вниманіе императора именно на эту сторону дѣла. Они представили на его усмотрѣніе обширную записку, составленную извѣстнымъ генераломъ ф. Кнезебекомъ, къ мнѣніямъ котораго Александръ относился всегда съ особымъ уваженіемъ. Ф. Кнезебекъ доказывалъ, что земельныя уступки со стороны Франціи необходимы, во-первыхъ, для удовлетворенія народнаго требованія и для возмѣщенія тѣхъ колоссальныхъ убытковъ, которые понесла Пруссія въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Опредѣливъ общую сумму этихъ убытковъ въ 1.181,228,571 франковъ, Кнезебекъ говорилъ вслѣдъ затѣмъ о необходимости дать храбрымъ войскамъ и вѣрнымъ подданнымъ, если и не матерьяльное, то по крайней мѣрѣ нравственное вознагражденіе. Обращаясь затѣмъ къ Франціи, ф. Кнезебекъ доказывалъ, что уступая Лилль, Мецъ и Страсбургъ, равно какъ и лежащую между ними страну, она утратитъ лишь тѣ свои позиціи, которыя имѣютъ для нея громадное значеніе въ войнѣ наступательной, но удержитъ за собою все то, что имѣетъ значеніе въ войнѣ оборонительной. Кнезебекъ смотрѣлъ вообще очень мрачно на положеніе дѣлъ во Франціи. Онъ не сомнѣвался въ неизбѣжности новыхъ революціон-

ныхъ потрясеній и новыхъ нападеній со стороны Франціи, но онъ полагалъ, что лучше вести эту войну теперь же, нежели по прошествіи многихъ лѣтъ. Всякія полумѣры должны были, по его мнѣнію, только раздражать французовъ, но онѣ не могли дать никакихъ гарантій въ будущемъ. Бурбоны не удержатся и въ томъ случаѣ, если союзники не будутъ требовать отъ Франціи ничего; для обезпеченія Бурбоновъ нѣтъ поэтому надобности настаивать на какихъ бы то ни было политическихъ гарантіяхъ. Европа можетъ требовать такихъ гарантій лишь въ виду своихъ собственныхъ интересовъ. Она можетъ исполнить желаніе французскаго народа, поручившись за неприкосновенное соблюденіе конституціи, она можетъ поддерживать короля до конца его жизни, но предоставить затѣмъ престолъ герцогу Орлеанскому, болѣе доступному современнымъ идеямъ, свободному отъ предразсудковъ, не связанному никакими обѣщаніями и обязательствами и болѣе способному къ управленію Франціею, нежели всѣ остальные бурбонскіе принцы. Въ заключеніе ф. Кнезебекъ доказывалъ, что Франція не успокоится до тѣхъ поръ, пока не вымретъ поколѣніе, выросшее среди бури революціи, поколѣніе, лишенное характера и истинной энергіи, чуждое всякаго понятія о чести, готовое играть клятвами, способное вызывать лишь одно недовѣріе у другихъ народовъ; къ такому народу не примѣнимы никакія нравственныя гарантіи; необходимо прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ, чтобы заставить его пребывать въ спокойствіи. [1]).

Оригинальныя доказательства ф. Кнезебека не произвели, однакоже, желаннаго впечатлѣнія на Александра. Императоръ оставался при своемъ убѣжденіи, что общіе интересы Европы отнюдь не совпадаютъ въ вопросѣ о гарантіяхъ съ требованіями германскихъ патріотовъ, что они требуютъ сохраненія цѣлости французской территоріи, хотя и не исключаютъ возможности частныхъ уступокъ. Между тѣмъ на сцену выступилъ новый боецъ, кронъ-принцъ Вильгельмъ Виртембергскій. Онъ также высказывался за прусскія требованія и можно бы-

[1]) Анализъ записки ф. Кнезебека у Перца, T. IV, стр. 525—528.

ло, повидимому, разсчитывать, что его краснорѣчивые доводы не останутся безъ всякаго впечатлѣнія, уже вслѣдствіе его личнаго отношенія къ Александру.

Вмѣшательство кронъ-принца Виртембергскаго вызвало у прусскихъ политиковъ мысль образовать изъ Эльзаса и Лотарингіи особое владѣніе для него лично. Этимъ способомъ они думали склонить на свою сторону Александра, такъ какъ кронъ-принцъ долженъ былъ жениться въ скоромъ времени на любимой сестрѣ императора, великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Но пруссаки, очевидно, мало знали императора Александра, разсчитывая, что чисто личныя или династическія соображенія могутъ повліять на его политическія убѣжденія и планы. Государь былъ крайне недоволенъ на кронъ-принца за его непрошенное вмѣшательство. Вильгельмъ неоднократно пытался переубѣдить его и имѣлъ для этой цѣли нѣсколько продолжительныхъ совѣщаній съ нимъ, но Александръ отвергъ всѣ его предложенія на счетъ земельныхъ уступокъ со стороны Франціи и повторилъ, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ удовлетвориться однимъ срытіемъ крѣпостей. [1]).

Въ половинѣ Августа 1815 года переговоры между великими державами повели къ окончательному раздѣленію ихъ на два лагеря. На одной ссоронѣ стояли Россія и Англія, на другой-- Австрія, Пруссія и почти всѣ второстепенныя державы. Императоръ Александръ былъ твердо намѣренъ спасти Францію отъ раздробленія и униженія, но онъ стремился къ этой разумной цѣли, избѣгая всякаго насилія и всякаго давленія на своихъ союзниковъ. Прибѣгая ко всѣмъ средствамъ убѣжденія, дабы сломить упорство нѣмецкихъ дипломатовъ, государь рѣшился обратиться, наконецъ, къ посредничеству барона Штейна, на котораго онъ привыкъ смотрѣть, какъ на

[1]) Кронъ-принцъ Баварскій представилъ также записку, въ которой настаивалъ въ пользахъ Ю. Германіи на земельныхъ уступкахъ со стороны Франціи. Его записка подана была императору Францу, но Меттернихъ поспѣшилъ сообщить ее французскимъ министрамъ. Онъ сдѣлалъ это, какъ увѣряетъ Гагернъ, изъ зависти къ южно-нѣмецкимъ князьямъ и изъ желанія повредить имъ въ глазахъ французовъ. Политика вполнѣ достойная австрійскаго канцлера! Гагернъ Т. V, стр. 150.

олицетворенное безпристрастіе. По его личному приглашенію Штейнъ пріѣхалъ вь Парижъ 14-го Августа и уже на слѣдующій день имѣлъ продолжительную аудіенцію у государя.[1]).

Александръ принялъ Штейна, какъ стараго. испытаннаго друга. Онъ обнялъ барона, упрекалъ его за скорый отъѣздъ изъ Гейдельберга и сказалъ, что онъ рѣшился вызвать его въ Парижъ, въ виду настоятельной необходимости поговорить съ нимъ объ общемъ положеніи дѣлъ. Александръ началъ жаловаться затѣмъ на поведеніе прусской арміи. Это войско, замѣтилъ онъ, къ которому я питаю такое высокое уваженіе, запятнало и оскорбило великое дѣло союзниковъ мстительностью и насиліями всякаго рода. Особенно много позволяетъ себѣ генералъ Грольманъ, котораго я уважаю лично. Подобныя нарушенія дисциплины вызываютъ громкія жалобы и могутъ привести, наконецъ, къ возстанію населенія. Подобный же образъ дѣйствій дозволяютъ себѣ Баварцы и Виртембергцы и подаютъ тѣмъ поводъ французамъ къ справедливымъ жалобамъ. Особенно снисходительно относится къ своимъ войскамъ кронъ-принцъ Виртембергскій. Онъ идетъ дальше всѣхъ другихъ въ своихъ притязаніяхъ на цѣлость французской территоріи. Кромѣ Эльзаса онъ требуетъ еще часть Фландріи. Это противорѣчитъ обѣщанію, данному Франціи въ Вѣнѣ передъ началомъ похода. Такими дѣйствіями можно раздражить до крайней степени французскій народъ, подать поводъ къ новымъ войнамъ, уничтожить окончательно слабый авторитетъ Бурбоновъ. Необходимо, чтобы между союзниками господствовало полное единодушіе; вмѣсто того между ними теперь полный разладъ. Россія и Англія вполнѣ согласны между собою на счетъ общей основы мира, но Пруссія настаиваетъ на образованіи сильной военной границы противъ Франціи, а Австрія раздѣляетъ ея мнѣніе, хотя и обнаруживаетъ большую уступчивость.

Штейнъ отвѣчалъ государю: «Ослабленіе дисциплины изъ

[1]) Каподистрія передалъ Штейну, что Государь освѣдомился о немъ, что онъ желаетъ видѣть его. Письмо Каподистріи къ Штейну отличается дружескимъ, почти задушевнымъ характеромъ. См. Перцъ, Т. IV, стр. 482—83.

побужденій мести заслуживаетъ строгаго порицанія. Я буду говорить объ этомъ съ моими знакомыми и не скрою отъ нихъ моего порицанія. Столь же мало одобряю я намѣреніе придать требуемой военной границѣ противъ Франціи наступательный характеръ; но оборонительная граница необходима и таковою кажется мнѣ линія, проведенная отъ верхняго Мааса по Саарѣ и по Вогезамъ. Эта линія необходима для безопасности Бельгіи и нижняго Рейна; долгъ союзниковъ по отношенію къ Нидерландамъ и Германіи обезпечить эти страны отъ нападеній. Бурбоны не даютъ никакого ручательства въ этомъ отношеніи, такъ какъ, по мнѣнію всѣхъ свѣдущихъ людей, во Франціи вспыхнетъ междуусобная война тотчасъ же по удаленіи союзныхъ армій. Однѣ только оборонительныя мѣры могутъ служить ручательствомъ при настоящемъ положеніи дѣлъ».

«Эльзасцы», возразилъ Александръ, «не имѣютъ никакого желанія соединиться съ Германіею; ихъ торговые интересы требуютъ соединенія съ Франціею. Мнѣ кажется, что соблюденіе строгаго права можетъ считаться лучшимъ ручательствомъ въ вопросѣ о сохраненіи государствъ, нежели крѣпости. Я прошу васъ прочесть записку Каподистріи и высказать мнѣ о ней ваше мнѣніе». [1]).

Въ тотъ же самый день Штейнъ имѣлъ обстоятельное объясненіе съ Каподистріею. Каподистрія передалъ Штейну свою собственную записку и вызванныя ею возраженія Гумбольдта, Гарденберга, Меттерника, Кнезебека и проч. Ознакомившись со всѣмъ этимъ матеріаломъ, Штейнъ составилъ свое мнѣніе и уже 18 Августа представилъ его на усмотрѣніе государя.

Охарактеризовавъ точку зрѣнія Россіи и Англіи, Штейнъ замѣчаетъ, что, строго говоря, союзники никогда не давали никакихъ обѣщаній относительно цѣлости Франціи. «Возстановленіе Бурбоновъ, продолжаетъ затѣмъ Штейнъ, не можетъ считаться окончаніемъ революціоннаго состоянія; продолжительность ихъ существованія зависитъ отъ пребыванія союз-

[1]) Перцъ, Т. IV, стр. 547—549.

ныхъ войскъ. Военное положеніе остается, такимъ образомъ, въ полной силѣ. Если-бы союзники считали себя въ состояніи мира съ Франціею, то на какомъ основаніи занимали бы они ее своими войсками, налагали на нее реквизиціи и контрибуціи?»

Оба плана, какъ временнаго занятія, такъ и постояннаго отторженія крѣпостей, соединены, по мнѣнію Штейна, съ большими неудобствами. Штейнъ думаетъ, что слѣдуетъ остановиться на среднемъ пути, соединить обѣ системы въ ихъ существенныхъ пунктахъ. Необходимо согласиться на счетъ временнаго занятія достаточно обширной укрѣпленной линіи, дабы имѣть возможность поддерживать царствующую династію и подавлять всѣ мятежныя и революціонныя движенія. По окончаніи занятія, необходимо измѣнить французскую границу такимъ образомъ, чтобы отъ Франціи отобраны были всѣ тѣ пункты, которые должны считаться наступательными и отданы ея сосѣдямъ для усиленія ихъ оборонительной линіи. Основываясь на опытахъ предъидущихъ войнъ, Штейнъ замѣтилъ, что верхній Маасъ между Динаномъ и Намюромъ и верхній Рейнъ должны считаться самыми слабыми мѣстами границы. Защита верхняго Мааса требовала, по его мнѣнію, уступки крѣпостей: Мобежа, Живе, Филипвиля—Бельгіи, тогда какъ уступка линіи отъ Тіонвиля на Сарлуи и Страсбургъ обезпечила бы защиту верхняго Рейна [1]).

Штейнъ имѣлъ 22-го Августа вторую аудіенцію у императора. Александръ объявилъ ему, что онъ прочелъ съ большимъ вниманіемъ его записку, но что онъ не можетъ измѣнить совершенно своего основнаго взгляда на спорный вопросъ. «Невозможно», замѣтилъ онъ, «предписывать Франціи такія условія, которыя сдѣлаютъ ея правительство презрѣннымъ и повлекутъ за собою его паденіе. Это случится, навѣрное, при требованіи земельныхъ уступокъ; но не случится, если мы ограничимся временнымъ занятіемъ».

— «Я думаю наоборотъ», возразилъ Штейнъ. «Умѣренная земельная уступка успокоитъ большую часть народа и оставитъ у него надежду на возвращеніе потеряннаго. Когда

[1]) Записка Штейна у Перца, Т. IV, стр. 552—557.

настанетъ время возвращенія занятыхъ крѣпостей, тогда Германія получитъ опять свою старую, неудобную границу, открытую для всѣхъ нападеній».

«Когда настанетъ это время», отвѣчалъ Алексндръ, «тогда готовы уже будутъ новыя крѣпости, сооруженныя на французскія деньги».

«Но Австрія и Пруссія, замѣтилъ Штейнъ, вынуждены будутъ употребить эти деньги не на постройку крѣпостей, а на удовлетвореніе своихъ подданныхъ, которые своими непомѣрными усиліями дали имъ возможность вести эту войну».

«Каподистрія сообщитъ вамъ минимумъ моихъ требованій», замѣтилъ Александръ, очевидно, желая прекратить этотъ непріятный для него разговоръ.

Покончивъ съ этою бесѣдою, императоръ заговорилъ съ Штейномъ о другихъ вопросахъ. Онъ касался такихъ интимныхъ, чисто личныхъ отношеній, относился къ Штейну съ такимъ, чисто дружескимъ довѣріемъ, что баронъ тотчасъ же понялъ, что Александръ относится къ нему лично съ неизмѣннымъ благоволеніемъ, но что онъ твердо намѣренъ не допускать какого бы то ни было существеннаго ограниченія цѣлости французской государственной территоріи [1]).

Что Александръ былъ, впрочемъ, не прочь отъ уступокъ второстепенныхъ, въ этомъ Штейнъ могъ убѣдиться при своемъ слѣдующемъ совѣщаніи съ Каподистріею. Графъ не скрылъ отъ Штейна, что Россія не имѣетъ никакого интереса уничтожать Францію и давать тѣмъ другимъ державамъ возможность обращать все свое вниманіе и всѣ свои силы противъ Россіи. Къ тому же императоръ долженъ покончить это дѣло, чтобы заняться дѣлами внутренняго управленія. Штейнъ возразилъ, что императоръ имѣетъ обязательства по отношенію къ своимъ союзникамъ, что никто не думаетъ уничтожать Францію, а хотятъ только ослабить ее. Если присутствіе Александра въ Россіи необходимо, то онъ можетъ оставить въ Парижѣ своего уполномоченнаго и часть арміи. Каподистрія оставилъ безъ отвѣта это замѣчаніе Штейна, но онъ сказалъ ему при прощаніи, что государь согласенъ на уступ-

[1]) Перцъ, Stein's Leben, T. IV, стр. 557—559.

ку Ландау, Гюнингена и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ' оставленныхъ за Франціею по миру 1814 года [1]).

Попытка Штейна переубѣдить императора Александра оказалась, такимъ образомъ, въ концѣ концевъ неудачною. Попытка эта показала до очевидности, что непоколебимость и стойкость Александра проистекали не изъ какихъ-либо увлеченій или случайныхъ настроеній, а изъ ясно и отчетливо сознаваемыхъ имъ интересовъ Россіи. Александръ готовъ былъ на все, чтобы удовлетворить справедливымъ требованіямъ своихъ союзниковъ, но онъ былъ твердо намѣренъ не уничтожать въ угоду ихъ мстительности и ихъ властолюбію Францію, какъ великую державу. Франція справедливо казалась Александру необходимымъ звеномъ въ системѣ европейскихъ государствъ, и онъ твердо рѣшился сохранить это звено въ интересахъ Россіи и Европы. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что образъ дѣйствій Александра не опредѣлялся въ этотъ моментъ какими бы то ни было симпатіями, а тѣмъ менѣе пристрастіемъ къ Франціи или ея правительству. Наоборотъ, именно въ это время государь относился къ французамъ скорѣе съ презрѣніемъ, нежели съ сочувствіемъ. Всѣ въ Парижѣ замѣчали, что Александръ велъ себя на этотъ разъ совершенно иначе, нежели въ первое свое пребываніе въ 1814 г. Онъ держалъ себя теперь въ высшей степени сдержанно, воздерживался отъ посѣщенія всякихъ многолюдныхъ собраній и театровъ. Вся его личность и манера носили теперь на себѣ отпечатокъ глубокой задумчивости. Онъ былъ попрежнему чрезвычайно ласковъ и обходителенъ со всѣми, но всякое восхваленіе его достоинствъ казалось ему теперь не искреннею и неумѣстною лестью и могло привести его лишь въ дурное состояніе духа. «Всѣ замѣчаютъ», сказала ему однажды m-me Кридинеръ, «что вы болѣе велики въ этомъ году, нежели въ ваше первое пребываніе въ Парижѣ.»

«А почему»? спросилъ Александръ.

«Говорятъ, что вы становитесь серьезнымъ, когда васъ хвалятъ».

[1]) Перцъ, Т. IV, стр. 559—560.

«Это правда. Я отношу теперь къ Богу то, что приписываютъ мнѣ люди» [1]).

Если Александръ относился такъ отрицательно къ французской любезности и французской лести, производившихъ на него еще годъ тому назадъ такое сильное впечатлѣніе, то спрашивается, какое вліяніе могли оказать на его образъ дѣйствій льстивыя ухаживанія Людовика XVIII и его министровъ? А между тѣмъ многіе изъ историковъ этой эпохи придаютъ большое значеніе ловкимъ и тактическимъ дѣйствіямъ короля и его совѣтниковъ. Съ французской стороны употреблены были, дѣйствительно, всѣ средства, чтобы поддержать доброе расположеніе Александра по отношенію къ Бурбонамъ и Франціи, но всѣ эти средства носили на себѣ явный отпечатокъ лжи и интриги и уже по одному этому не могли произвести на Александра желаннаго дѣйствія.

Если Людовикъ XVIII, державшій себя по отношенію къ русскому государю еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ съ такою надменностью, истощался теперь въ любезностяхъ и въ заявленіяхъ своей преданности и благодарности, то Александръ, хорошо наученный опытомъ, могъ оцѣнить теперь эти заявленія по ихъ настоящему достоинству. Онъ поддерживалъ авторитетъ Людовика, отклонилъ, не смотря на свое врожденное великодушіе, всѣ просьбы взять на себя ходатайство за приговоренныхъ къ смертной казни Нея и Лабедоера [1]) и употреблялъ всѣ усилія для образованія болѣе прочнаго правительства во Франціи не потому, чтобы онъ сочувствовалъ лично Людовику, а лишь потому, что Людовикъ являлся въ его глазахъ верховнымъ представителемъ той

[1]) См. Эйнаръ, Vie de m-me Krüdener, т. II, стр. 26.

[1]) Александръ не принялъ на себя формальнаго ходатайства за осужденныхъ, но онъ высказывался за ихъ помилованіе въ частныхъ разговорахъ съ фрацузскими принцами и принцессами. «Не понимаю, сказалъ онъ герцогинѣ Ангулемской, къ чему эти жестокости, чего хотятъ достигнуть ими?»—«Государь», возразила герцогиня, «правосудіе требуетъ мѣръ строгихъ, внушающихъ страхъ». «Мадамъ», отвѣчалъ Александръ, «если правосудіе требуетъ своихъ правъ, то и милосердіе требуетъ своихъ».—«Милосердіе», воскликнула герцогиня, «его не отличаютъ отъ слабости». «Ошибаетесь, мадамъ», возразилъ съ твердостью Александръ. «Милосердіе привлекаетъ сердца, оно покоряетъ ихъ». См. Эйнаръ, Vie de m-me Krudener, т. II, стр. 61.

Франціи, сохранить которую въ ея цѣлости и политическомъ значеніи, казалось ему безусловно необходимымъ.

Александръ былъ глубоко убѣжденъ, что его образъ дѣйствій не только вполнѣ соотвѣтствуетъ здраво понимаемымъ интересамъ Россіи и Европы, но и освящается тѣми высокими принципами христіанской морали, которые положены были имъ въ основу всей его политической системы. «Я не знаю другой политики», сказалъ онъ однажды m-me Кридинеръ, «кромѣ моей совѣсти и обязанности идти прямымъ путемъ».

«И вы вполнѣ правы, отвѣчала ему m-me Кридинеръ. Чѣмъ великодушнѣе будете вы по отношенію къ другимъ, тѣмъ милостивѣе будетъ къ Вамъ самимъ Господь. Я писала одному изъ моихъ знакомыхъ, что съ небесъ нисходитъ политика священная и что Вы, подобно орлу, разрываете паутинную ткань политики, дѣйствовавшей доселѣ. Тѣмъ выше ваши добрыя намѣренія и совѣты по отношенію къ королю, чѣмъ болѣе имѣете вы въ сущности права быть недовольнымъ на него».

«Ахъ!» возразилъ Александръ. «Я помню только слова Евангелія. Если тебя просятъ пройти одну милю, пройди двѣ, и если отъ тебя просятъ твою одежду, отдай и твой плащъ» [1]).

Если льстивыя заявленія Людовика XVIII не могли имѣть на Александра никакого вліянія, то можно сказать положительно, что интриги королевскихъ министровъ могли быть также оцѣнены имъ только по ихъ настоящему достоинству. Если Талейранъ и Фуше принимали мѣры, чтобы до свѣдѣнія государя не доходило ни малѣйшихъ жалобъ на поведеніе русскихъ войскъ и, наоборотъ, заваливали его заявленіями по поводу безпорядковъ и насилій, производимыхъ пруссаками и нѣмцами, то Александръ понималъ всю тенденціозность подобнаго образа дѣйствій и вовсе не думалъ ссориться изъза этого съ своими союзниками. Если Фуше публиковалъ въ англійскихъ газетахъ свои донесенія Людовику XVIII, въ которыхъ изображались самыми мрачными красками страданія, причиняемыя французскому населенію военнымъ постоемъ; если французскіе министры дошли, наконецъ, до того, что начали грозить союзникамъ всеобщимъ возстаніемъ народа

[1]) Эйнаръ, т. II, стр. 38.

и распространять слухи, что Людовикъ намѣренъ отправиться за Луару, стать во главѣ арміи, соединить вокругъ себя всѣ партіи и возобновить войну, то Александръ имѣлъ полную возможность провѣрить всѣ эти инсинуаціи и понять тайныя цѣли, которыя преслѣдовались ихъ виновниками. Государю было хорошо извѣстно, что донесенія Фуше были до крайности преувеличены и лживы. Онъ зналъ, что министерство, навязанное Людовику англичанами, ведетъ ожесточенную борьбу съ королевскими принцами и со всею партіею роялистовъ, что на всемъ югѣ Франціи господствуетъ сильнѣйшее возбужденіе противъ правительства, что тамъ повсемѣстно работаютъ тайныя общества, руководимыя графомъ Артуа и членами монашескихъ конгрегацій, что фанатическое католическое населеніе свирѣпствуетъ противъ протестантовъ, республиканцевъ и бонапартистовъ. Государь зналъ все это и не придавалъ поэтому ни малѣйшаго значенія слухамъ о героическихъ намѣреніяхъ Людовика XVIII. Безцеремонныя интриги Фуше и Талейрана могли только убѣдить Александра, что оба эти министра отнюдь не соотвѣтствуютъ ни положенію дѣлъ, ни настроенію монархической части французскаго населенія, и онъ не скрылъ этого своего убѣжденія отъ самого Людовика. Императоръ совѣтовалъ королю удалить изъ своего правительства прежде всего Фуше, этого цареубійцу и бывшаго террориста. Людовикъ колебался, но когда графъ д'Артуа, а вслѣдъ за нимъ всѣ принцы и принцессы королевскаго дома обратились къ королю съ настоятельными представленіями и просьбами удалить ненавистнаго для всѣхъ роялистовъ министра, когда выборы въ палату дали повсюду громадное большинство крайнихъ роялистовъ, то онъ не счелъ возможнымъ противиться далѣе въ угоду англичанамъ, и Фуше получилъ свою отставку. Оставался еще Талейранъ, едва ли не самый ненавистный изъ всѣхъ французскихъ министровъ для Александра, но и его дни были уже сочтены. Людовикъ все еще продолжалъ вѣрить въ геніальныя способности князя и въ его незамѣнимость, хотя Талейранъ обратился уже въ это время, по наблюденію Штейна, въ отживщаго свѣтскаго вивера, проводившаго наибольшую часть сво-

его времени въ салонахъ, въ неумолкаемой безцѣльной болтовнѣ съ старыми и молодыми женщинами и въ особенности съ какою-то m-me Лаваль [1]). Талейранъ не пользовался, впрочемъ, личными симпатіями короля, и когда Людовикъ пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію, что участь Франціи всецѣло зависитъ отъ великодушія Александра и что Талейранъ, уже въ силу своего прошлаго и всего своего характера, не можетъ вызывать никакого довѣрія со стороны Александра, то онъ рѣшился дать отставку и ему и измѣнить совершенно весь составъ своего министерства. Пришедши къ такому рѣшенію, Людовикъ пригласилъ къ себѣ Талейрана, барона Луи и Дальберга и завелъ съ ними разговоръ объ ультиматумѣ, представленномъ союзниками. «Условія ультиматума тяжелы», замѣтилъ онъ, «а связь между четырьмя державами теперь прочнѣе, нежели когда-либо. Остается одно средство: прибѣгнуть къ благосклонному посредничеству Александра. Возможно ли вамъ, господа, дать такое направленіе моей политикѣ?» Талейранъ понялъ смыслъ королевскаго вопроса. «Къ сожалѣнію, В. В—во», отвѣчалъ онъ, не колеблясь ни минуту, «я долженъ сознаться, что ни я, ни товарищи мои не пользуются благоволеніемъ Россійскаго императора». «Да это вѣрно», замѣтилъ Людовикъ. «Мнѣ также извѣстно, что императоръ Александръ готовъ отстаивать выгоды Франціи, но лишь въ томъ случаѣ, если управленіе ея внѣшними дѣлами перейдетъ въ другія руки». Уже въ тотъ же день Талейранъ и всѣ его товарищи подали въ отставку [2]). Людовикъ не колебался ни минуты на счетъ выбора преемника Талейрану. Онъ имѣлъ достаточно времени убѣдиться, что ни одинъ человѣкъ во Франціи не возбуждалъ къ себѣ такого довѣрія и расположенія Александра, какъ герцогъ Ришелье, проведшій столько лѣтъ въ Россіи и занимавшій съ такимъ блестящимъ успѣхомъ важный постъ Одесскаго генералъ-губернатора и намѣстника новороссійскаго края. Ришелье былъ, правда, эмигрантъ, но къ нему отнюдь не примѣнима была пословица: онъ ничего не забылъ и ни-

[1]) Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 566. Замѣчательно, что Гагернъ защищалъ Талейрана и посвятилъ цѣлую главу его хвалебной характеристикѣ.

[2]) Подробности о перемѣнѣ французскаго министерства см. у Бернгарди, т. I 470—474, Капефига, Богдановича, Перца.

чему не выучился. Пламенный патріотъ, онъ въ изгнаніи тщательно слѣдилъ за развитіемъ своего стараго отечества и принималъ къ сердцу его интересы. Превосходный администраторъ, тонкій дипломатъ, прямой и честный человѣкъ, онъ одинъ могъ принять на себя посредничество между Франціею и Европою. Ришелье, никогда не добивавшійся мѣста министра-президента и рѣшившійся занять этотъ въ высшей степени тяжелый и отвѣтственный постъ лишь вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ короля и желанія императора, съумѣлъ подобрать себѣ и вполнѣ подходящихъ товарищей.

Паденіе Талейрана и его друзей обозначало собою полное пораженіе Англійскаго вліянія и рѣшительную побѣду Россіи. Управленіе Франціи находилось, наконецъ, въ честныхъ и чистыхъ рукахъ, и императоръ Александръ могъ теперь съ спокойною совѣстью отстаивать тѣ требованія и желанія французскаго правительства, которыя казались ему законными и естественными. Къ этому же времени установилось, наконецъ, и соглашеніе между союзными кабинетами относительно требованій, которыя намѣревались представить они французскому правительству. Соглашенію этому предшествовала, впрочемъ, ожесточенная бумажная война. Прусскіе дипломаты и стратеги, а вслѣдъ за ними и уполномоченные второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ, представили вновь конференціи цѣлыя кипы мемуаровъ, отзывовъ и соображеній политическаго и военнаго характера. Предпринятъ былъ также цѣлый рядъ попытокъ поколебать рѣшимость императора Александра. Гагернъ представилъ государю собственноручное письмо короля Нидерландскаго, доказывавшаго, что его королевство не въ состояніи будетъ обойтись безъ пограничныхъ французскихъ крѣпостей. Король Прусскій, державшій себя долгое время въ сторонѣ, попытался переубѣдить Александра и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ въ присутствіи Гарденберга, но всѣ его краснорѣчивые доводы и доказательства оказались тщетными. 4-го сентября имѣлъ аудіенцію у императора Штейнъ. Послѣ продолжительнаго разговора, баронъ вынесъ убѣжденіе, что Александръ ни въ какомъ случаѣ не измѣнитъ свой взглядъ. «Императоръ выразилъ мнѣ вновь свое недовольство по поводу прусскихъ требованій», передалъ

Штейнъ прусскимъ министрамъ. «Онъ остается при своемъ прежнемъ мнѣніи, что всякая значительная земельная уступка можетъ только повредить авторитету короля и сохраненію его престола. Онъ глубоко убѣжденъ въ вѣрности этого своего взгляда, онъ дѣйствуетъ по внушенію своей совѣсти. Ничто не можетъ поколебать его въ его рѣшимости. Вамъ не остается другаго исхода, какъ уступить» [1]).

Рѣшительное слово было произнесено. Пруссія чувствовала уже свою полную изолированность. Австрія отказалась поддерживать ея требованія, и Меттернихъ, никогда не принадлежавшій къ числу германскихъ патріотовъ, заявилъ, что императоръ его, не желая расходиться съ своими союзниками, готовъ ограничить свои требованія уступкою Ландау и срытіемъ нѣкоторыхъ крѣпостей. На Нидерланды и на второстепенныхъ нѣмецкихъ государей никто не обращалъ вниманія. Гарденбергъ понялъ, что упорство Пруссіи при такихъ обстоятельствахъ не можетъ привести ни къ чему и, скрѣпя сердце, далъ, наконецъ, свое согласіе на предложенія Россіи. 19-го сентября уполномоченные всѣхъ четырехъ великихъ державъ формулировали требованія своихъ кабинетовъ въ слѣдующихъ шести пунктахъ: 1) подтвержденіе Парижскаго мира. 2) Исправленіе французской границы, вслѣдствіе котораго Конде, Филипвиль, Маріенбургъ, Живе, Ландау и полоса земли до Лаутера, фортъ Журъ, Лезклюзъ, Савоя и Монако должны отойти отъ Франціи. Нейтралитетъ Швейцаріи распространяется на часть Савои. 3) Срытіе укрѣпленія Гюнингена съ обязательствомъ не возводить ихъ вновь и не сооружать никакой новой крѣпости, на разстояніи трехъ лье отъ Базеля. 4) Уплата 600 милліоновъ франковъ военной контрибуціи. 5) Уплата 200 милліоновъ франковъ, предназначенныхъ для постройки крѣпостей противъ Франціи. 6) Занятіе Франціи 150,000 союзныхъ войскъ, коимъ переданы будутъ крѣпости, начиная отъ Валансьена до форта Луи. Оккупація продолжается не болѣе семи и не менѣе трехъ лѣтъ. Страсбургъ долженъ быть очищенъ. Городъ будетъ находиться подъ охраною городской стражи; цитадель его будетъ занята со-

[1]) См. Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 573 и слѣд.

юзниками. По истеченіи срока оккупаціи, занятыя крѣпости будутъ сданы Людовику XVIII или его преемникамъ [1]).

Какъ ни умѣренны были во всѣхъ отношеніяхъ эти окончательныя требованія союзниковъ, однакоже, и они казались французскому правительству слишкомъ тяжелыми и унизительными для національнаго достоинства французской націи. Герцогъ Ришелье прибѣгъ еще разъ къ великодушному посредничеству императора Александра и ему удалось смягчить еще болѣе условія, наложенныя на Францію. Благодаря новому заступничеству Александра, всѣ земельныя уступки Франціи ограничены были незначительными крѣпостями Филипвилемъ и Маріенбургомъ на нидерландской границѣ, Саарлуи и Ландау на границѣ германской, частью женевскаго округа, уступленнаго женевскому кантону и, наконецъ, Савойею и Монако, отданными королю Сардинскому. Военная контрибуція, вмѣстѣ съ суммою, назначенною для постройки крѣпостей противъ Франціи, уменьшена была до 700 милліоновъ франковъ. Военное занятіе страны ограничено было пятилѣтнимъ срокомъ, при чемъ было постановлено, что срокъ этотъ можетъ быть уменьшенъ до трехъ лѣтъ, въ томъ случаѣ, если союзные государи найдутъ возможнымъ предоставить по прошествіи этого времени охрану спокойствія въ странѣ собственнымъ силамъ французскаго правительства.

На такихъ-то неслыханно благопріятныхъ для побѣжденной страны условіяхъ подписанъ былъ, наконецъ, 2-го октября н. с. Второй Парижскій миръ. Цѣлость французской территоріи, значеніе и будущность Франціи, какъ великой европейской державы, были спасены, и этимъ спасеніемъ Франція была всецѣло обязана предстательству Россіи и ея великодушнаго императора. Что именно одинъ Александръ, а не кто-либо другой отстоялъ національное существованіе Франціи въ моментъ величайшаго кризиса, постигшаго ее по собственной винѣ,—въ этомъ согласны всѣ историки, безъ различія національности и точки зрѣнія. Но воздавая въ этомъ отношеніи должную дань Александру, большинство писателей,

[1]) Перцъ, Stein's Leben, т. IV, стр. 578.

слѣдуя разъ установившейся традиціи и глубоко вкорененнымъ фальшивымъ возрѣніямъ на личный характеръ русскаго императора, спѣшатъ оговориться, что и въ данномъ случаѣ Александръ дѣйствовалъ не вслѣдствіе глубокообдуманныхъ и зрѣлыхъ политическихъ соображеній, а подъ вліяніемъ чувства и увлеченія. Покровительствуя Франціи въ 1815 г., онъ дѣйствовалъ такъ будто бы не въ силу собственныхъ убѣжденій, а по внушенію тѣхъ лицъ, которыя пользовались въ это время наибольшимъ вліяніемъ на него. На вопросъ, какими чувствами увлекся въ это время Александръ и внушеніямъ какихъ лицъ подчинялся онъ, историки самыхъ различныхъ партій и лагерей даютъ въ сущности одинъ и тотъ-же отвѣтъ. Александръ, говорятъ намъ, увлекался въ 1815 г. религіозно-мистическими идеями, подобно тому, какъ увлекался онъ годъ тому назадъ идеями моднаго либерализма. Онъ воображалъ себя въ роли возстановителя христіанства во Франціи. Онъ мечталъ о созданіи великой мистической церкви, въ которой должны были слиться во-едино всѣ разрозненныя и враждующія вѣтви церкви... Эта церковь должна была имѣть двѣ главы: одну духовную, другую свѣтскую. Духовный глава долженъ былъ имѣть свое мѣстопребываніе въ Римѣ, свѣтскій въ Константинополѣ. Александръ предполагалъ изгнать Турокъ изъ Европы, освободить изъ-подъ ихъ ига восточныхъ христіанъ и поставить свой императорскій тронъ въ Цареградѣ [1]). Спасенная и освобожденная имъ Франція должна была содѣйствовать ему, на-ряду съ Пруссіею, обязанною ему своимъ возстановленіемъ, въ достиженіи этой послѣдней величайшей цѣли его жизни.

Внушителями этихъ мистическихъ идей, этихъ фантастическихъ цѣлей считали, съ одной стороны, графа Каподистрію, съ другой—m-me Кридинеръ и окружавшихъ ее мистиковъ. Каподистрія не раздѣлялъ религіозныхъ увлеченій, но онъ ловко пользовался ими для достиженія своихъ національныхъ

[1]) Всѣ эти нелѣпости можно найти, между прочимъ у библіофила Жакоба, въ его книгѣ о Кридинеръ, но подобныя же мнѣнія встрѣчаются и у писателей, считающихся серьезными историками, напр. у Бернгарди, Гервинуса и мног. друг.

цѣлей, освобожденія греческаго народа [1]). M-me Кридинеръ дѣйствовала вполнѣ искренно и съ увлеченіемъ, какъ настоящая фанатичка. Въ ея глазахъ Александръ былъ настоящимъ избранникомъ Провидѣнія, бѣлымъ ангеломъ, главою и покровителемъ будущей церкви. Фанатическая пророчица успѣла будто бы подчинить себѣ совершенно императора. Онъ вѣрилъ слѣпо ея внушеніямъ и пророчествамъ, онъ проводилъ съ нею все свободное время, онъ молился съ нею, приходилъ въ экстазъ и забывалъ въ ея обществѣ весь остальной міръ. Александръ еще въ Гейдельбергѣ пригласилъ Кридинеръ слѣдовать за нимъ въ Парижъ. Громадное вліяніе баронессы на русскаго самодержца уже тогда сдѣлалось достояніемъ общественной молвы. Путешествіе m-me Кридинеръ въ Парижъ было своего рода тріумфальнымъ шествіемъ. Несчастное населеніе, ограбленное и разогнанное казаками и пруссаками, встрѣчало ее какъ ангела освободителя. Префекты и меры привѣтствовали ее рѣчами и просили ея заступничества передъ русскимъ царемъ. M-me Кридинеръ прибыла въ Парижъ и заняла роскошное помѣщеніе по сосѣдству съ Елисейскимъ дворцомъ, гдѣ находилась резиденція Александра. Это помѣщеніе находилось въ непосредственномъ сообщеніи съ Елисейскимъ дворцемъ. Небольшая калитка вела изъ дворца прямо въ садъ, принадлежавшій къ отелю m-me Кридинеръ. Ключъ отъ этой калитки находился у самого императора, и онъ пользовался имъ при своихъ ежедневныхъ визитахъ къ m-me Кридинеръ.

Пророчица вовсе не думала, однакоже, таиться въ Парижѣ, она не думала скрывать отъ кого бы то ни было своего безграничнаго вліянія на Александра. Всѣ знали, что она держала въ своихъ рукахъ ключъ отъ его сердца, всѣ прибѣгали къ ея заступничеству и ходатайству. Ея могучее слово спасло отъ разрушенія Іенскій мостъ, ея предстательство освободило парижанъ отъ военнаго постоя и уплаты громад-

[1]) Особенно нѣмецкіе историки любятъ толковать о ловкости и хитрости Каподистріи, а между тѣмъ этотъ грекъ пользовался уваженіемъ и дружбою величайшаго германскаго патріота, Штейна.

ной военной контрибуціи. Она внушила императору его великодушныя идеи по отношенію къ побѣжденной Франціи и поддержала его въ тяжелой борьбѣ съ союзниками. Безъ нравственной поддержки m-me Кридинеръ, Александръ никогда бы не устоялъ противъ аттаки, поведенной на него со стороны европейской дипломатіи, противъ интригъ Меттерниха и доводовъ Гарденберга, противъ дружескихъ увѣщаній и просьбъ короля прусскаго, противъ могущественнаго вліянія такой личности, какъ баронъ Штейнъ. Не будь m-me Кридинеръ и ея всесильнаго вліянія, и въ Парижѣ съ Александромъ повторилось бы то же самое, что случилось съ нимъ въ Вѣнѣ. И теперь онъ былъ бы обойденъ, обманутъ и побѣжденъ интриганами. Самая мысль о Священномъ союзѣ была внушена Александру никѣмъ инымъ, какъ m-me Кридинеръ. Да и не одна идея, а и самое осуществленіе этой идеи принадлежитъ всецѣло той же Кридинеръ. Никто другой, какъ она начертала актъ мистическаго союза и побудила Александра предложить его своимъ союзникамъ, монархамъ Европы [1]).

Современники, говорятъ намъ далѣе, хорошо знали роль и значеніе m-me Кридинеръ. Весь Парижъ заискивалъ тогда передъ нею. У нея можно было встрѣтить министровъ и дипломатовъ всѣхъ европейскихъ націй. Великосвѣтскія дамы, литературныя и художественныя знаменитости, представители всѣхъ политическихъ партій во Франціи, старались увидѣть ее, и побесѣдовать съ нею. У нея искали протекціи защитники независимости французской націи, и у нея же просили ходатайства за своихъ осужденныхъ мужей и братьевъ жены и родственницы мучениковъ Бонапартизма. M-me Кридинеръ не держала въ Парижѣ, подобно другимъ свѣтскимъ дамамъ высшаго полета, своего салона, но она превратила свой домъ въ настоящій храмъ, куда приходили всѣ на поклоненіе и

[1]) Всѣ эти крайне преувеличенные разсказы о m-me Кридинеръ и о ея вліяніи повторяются съ различными варіантами не только у такихъ писателей, какъ Сенъ Бевъ, Капефигъ, Жакобъ, но и почти во всѣхъ общихъ и спеціальныхъ сочиненіяхъ, трактующихъ объ этой эпохѣ.

на молитву. Въ этомъ храмѣ происходили ежедневно религіозныя собранія. M-me Кридинеръ то читала молитву, то произносила проповѣдь [1]). Толпа молящихся и присутствовавшихъ всегда могла видѣть ее въ величественномъ костюмѣ, среди таинственнаго полумрака, гармонировавшаго, какъ нельзя болѣе, съ ея чертами, придававшаго привлекательный колоритъ остаткамъ ея прежней красоты. «Эта женщина всегда любила сидѣть на тронѣ», замѣчаетъ одинъ изъ ея біографовъ, «и за недостаткомъ трона бронзоваго, она довольствовалась трономъ картоннымъ. Она любила этотъ маскарадъ. Одинъ изъ очевидцевъ разсказываетъ, что ее можно было видѣть часто въ глубинѣ цѣлой анфилады полуосвѣщенныхъ комнатъ въ какомъ-то странномъ, фантастическомъ костюмѣ, напоминавшемъ одѣяніе жрицы» [2]). Въ такомъ видѣ рисуетъ намъ m-me Кридинеръ легенда, выдающая себя за исторію. Но обратимся къ дѣйствительности, посмотримъ, какую роль играла m-me Кридинеръ въ Парижѣ и въ чемъ выразилось ея вліяніе на Александра какъ при переговорахъ о Второмъ Парижскомъ мирѣ, такъ и при заключеніи Священнаго союза.

Не подлежитъ сомнѣнію, что императоръ Александръ самъ предложилъ m-me Кридинеръ пріѣхать къ нему въ Парижъ и снабдилъ ее даже для этого путешествія паспортомъ съ собственноручною подписью. Незадолго передъ своимъ отъѣздомъ m-me Кридинеръ видѣлась въ Карлсруэ съ дѣвицею Стурдза. Съ нею вмѣстѣ пришли навѣстить m-me Кридинеръ графъ Каподистрія и баронъ Штейнъ. «Мы бесѣдовали долго», разсказываетъ Стурдза, «о событіи дня (битвѣ при Ватерлоо), никто не рѣшался предполагать, что война уже окончилась, всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ новостей о Наполеонѣ и изъ Парижа. Когда мы остались однѣ, m-me Кридинеръ сообщила мнѣ о своемъ намѣреніи слѣдовать за императоромъ во Францію. Она вѣрила, что Провидѣніе призываетъ ее къ великой миссіи: поддерживать утѣшеніями религіи и дружбы вождя коалиціи. Я замѣтила тогда, что m-me Кридинеръ находится подъ влія-

[1]) M-me Кридинеръ никогда не произносила проповѣдей въ Парижѣ.

[2]) См. статью Паризо о m-me Кридинеръ въ Biographie universelle.

ніемъ протестантскаго пастора, нѣкоего Фонтеня, человѣка безъ талантовъ и безъ добродѣтелей. Глупая притязательность этого человѣка увлекала его къ тысячѣ химерическихъ бредней. Посредствомъ нѣсколькихъ мистическихъ фразъ, онъ надѣялся имѣть успѣхъ у самого императора Александра. Человѣкъ этотъ внушалъ мнѣ непобѣдимое отвращеніе. Я считала своимъ долгомъ предупредить на счетъ его m-me Кридинеръ, но она осталась непоколебимою, хотя и отнеслась ко мнѣ съ признательностью за мою откровенность. Мой братъ былъ не совсѣмъ здоровъ; эта превосходная женщина обѣщала мнѣ заботиться о немъ, какъ мать. Мы разстались со слезами и обѣщали аккуратно писать другъ другу» [1]).

M-me Кридинеръ горѣла желаніемъ ѣхать въ Парижъ, но долгъ христіанскаго милосердія задержалъ ее на нѣсколько дней въ Карлсруэ. Она узнала, что какая-то пріѣзжая шведская дама опасно заболѣла и принуждена была остановиться въ чужомъ городѣ безъ всякихъ средствъ. M-me Кридинеръ поспѣшила на помощь къ несчастной и въ теченіи нѣсколькихъ дней самоотверженно ухаживала за больною. Снабдивъ ее средствами и оставивъ ее на своей квартирѣ, она выѣхала, наконецъ, въ Парижъ [2]).

Путешествіе m-me Кридинеръ черезъ страну, занятую и отчасти опустошенную союзными войсками, обошлось безъ всякихъ особенныхъ приключеній и непріятностей. Паспортъ за собственноручною подписью русскаго императора служилъ ей лучшею рекомендаціею и вѣрною защитою. Какой-то Ганноверскій офицеръ, незнавшій ея лично, предложилъ ей свои услуги именно на основаніи этого паспорта и сопровождалъ ее почти до самаго Парижа. Въ Бомонѣ меръ, узнавшій отъ кого-то о ея значеніи и вліяніи на Александра, привѣтствовалъ ее рѣчью, въ которой просилъ ее ходатайствовать за своихъ разоренныхъ согражданъ. На дальнѣйшемъ пути попадались слѣды опустошеній и пожаровъ; по дорогамъ палыя лошади заражали своимъ гніеніемъ воздухъ. Въ Парижѣ, куда m-me Кридинеръ пріѣхала поздно вечеромъ 14 іюля, она

[1]) Мемуары графини Эдлингъ, стр. 238.
[2]) Эйнаръ, т. II, стр. 22.

остановилась въ Hotel de Mayence, въ предмѣстіи St.-Honoré, но уже на другой день переселилась въ Hotel Monchenue, лежавшій въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Елисейскимъ дворцемъ [1]). M-me Кридинеръ пріѣхала въ Парижъ, разумѣется не одна, а въ сопровожденіи своего неизмѣннаго спутника, Ампейтаза. Ее сопровождали кромѣ того зять ея Беркгеймъ и дочь. Помѣщеніе, занятое m-me Кридинеръ въ Hotel Monchenü, было очень просторно и удобно, но оно не отличалось ни роскошною обстановкою, ни даже комфортомъ. Лица, знавшія m-me Кридинеръ во время ея прежняго пребыванія въ Парижѣ и хорошо помнившія ту роскошную, изящную обстановку, которая казалась ей тогда необходимѣйшею принадлежностью жизни, были внѣ себя отъ удивленія, замѣчая, что эта избалованная женщина не обращала теперь ни малѣйшаго вниманія на внѣшность, умѣла обходиться даже безъ того, что казалось имъ первѣйшею потребностью [2]).

Императоръ Александръ приходилъ каждый вечеръ къ m-me Кридинеръ и оставался у нея не рѣдко далеко за полночь. Естественно, что эти частые визиты вызывали во всемъ парижскомъ обществѣ самые оживленные толки и подавали поводъ къ безчисленнымъ догадкамъ. Дипломаты большихъ и малыхъ государствъ ломали себѣ голову надъ разрѣшеніемъ таинственнаго вопроса, что происходитъ въ салонѣ m-me Кридинеръ и на чемъ основывается безграничное, повидимому, вліяніе Ливонской баронессы на императора. Пущены были въ ходъ шпіоны и шпіонки, устроена настоящая обсервація надъ отелемъ Моншеню, но всѣ наблюденія и развѣдки привели лишь къ одному открытію: императоръ и m-me Кридинеръ проводили время или въ молитвѣ, или въ чтеніи и толкованіи Священнаго Писанія. Велико было негодованіе и презрительныя насмѣшки, распространившіяся вслѣдъ за этимъ открытіемъ въ дипломатическихъ кружкахъ и великосвѣтскихъ салонахъ Парижа. Особенно сильно было негодованіе тѣхъ либераловъ, для которыхъ свобода и невѣріе являлись основны-

[1]) Подробности о путешествіи m-me Кридинеръ см. у Эйнара, т. II, стр. 22—23

[2]) Эйнаръ, т. II, стр. 33.

ми, тѣсно связанными другъ съ другомъ принципами житейской философіи. Господа эти не могли простить Александру его возвращенія къ Богу. Они заподозривали искренность религіознаго увлеченія императора и распространяли на счетъ его отношеній къ m-me Кридинеръ самые лживые и возмутительные разсказы.

Во главѣ хора насмѣшниковъ и злостныхъ инсинуаторовъ стоялъ никто иной какъ царь дипломатовъ, Талейранъ [1]). Вліяніе m-me Кридинеръ, утверждалъ онъ, основывается не столько на ея религіозномъ одушевленіи, сколько на остаткахъ ея прежней красоты, поддерживаемыхъ и подкрашиваемыхъ ловкимъ кокетствомъ. Ея вліяніе можетъ быть парализовано только вліяніемъ другихъ женщинъ. Необходимо завлечь императора въ такіе салоны, гдѣ царствуетъ настоящая, а не поддѣльная и устарѣлая женская красота и грація, и господству m-me Кридинеръ положенъ будетъ конецъ. Совѣтъ Талейрана пришелся, какъ нельзя болѣе, по сердцу князю Меттерниху. Австрійскій канцлеръ выписалъ даже изъ Вѣны двухъ знакомыхъ своихъ дамъ, не имѣвшихъ, по его компетентному мнѣнію, себѣ соперницъ ни въ красотѣ, ни въ граціи. Дамы дѣйствительно пріѣхали и открыли свои салоны, но всѣ попытки завлечь въ нихъ Александра оказались тщетными [2]). Императоръ попрежнему избѣгалъ всякихъ собраній, по прежнему дѣлилъ онъ все свое время между дѣлами и m-me Кридинеръ, попрежнему оставался недоступнымъ какимъ бы то ни было постороннимъ, въ особенности же женскимъ вліяніямъ.

Ни Александръ, ни m-me Кридинеръ не скрывали, впрочемъ, своихъ отношеній отъ глазъ свѣта. Всѣ желающіе могли видѣть m-me Кридинеръ каждое воскресенье на литургіи, совершаемой православнымъ священникомъ въ придворной церкви, въ Елисейскомъ дворцѣ. Закрытая бѣлою вуалью, она набожно молилась на особомъ, предназначенномъ для нея мѣстѣ. „Императоръ, осужденный своимъ высокимъ саномъ на религіозную изолированность, любилъ, однакоже, сознавать себя

[1]) Эйнаръ называетъ его: un diplomate français, trop connu, pour qu'il soit besoin de le nommer», т. II, стр. 28.

[2]) Объ этихъ дамахъ, выписанныхъ Меттернихомъ, см. Мемуары Эдлингъ, стр 241, а также Эйнаръ, т. II, стр. 73—74.

соединеннымъ молитвою съ душою той, которая понимала, подобно ему, милосердіе Господне" [1]). Другаго рода богослуженіе совершалось ежедневно, въ семь часовъ, въ большомъ залѣ помѣщенія, занимаемаго m-me Кридинеръ. Богослуженіе это, происходившее по реформатскому обряду, было въ высшей степени просто; оно состояло изъ импровизированной молитвы и изъ объясненія небольшаго мѣста Слова Божьяго. Богослуженіе совершалъ одинъ Ампейтазъ. M-me Кридинеръ присутствовала въ толпѣ другихъ молящихся. Одѣтая въ простое платье чернаго или коричневаго цвѣта, она ничѣмъ не обращала на себя особаго вниманія. Никто никогда не видѣлъ ее, облеченную въ фантастическій костюмъ жрицы. Не было также помину ни о таинственномъ полусвѣтѣ, скрывавшемъ ея поблекшую красоту, ни объ анфиладѣ комнатъ, въ таинственной глубинѣ которыхъ виднѣлась фантастическая фигура m-me Кридинеръ. Ампейтазъ, въ обычномъ пасторскомъ облаченіи, не прибѣгалъ ни къ какимъ особымъ средствамъ возбужденія религіознаго экстаза. Онъ говорилъ языкомъ легкимъ и изящнымъ, но въ то же время простымъ. Говорили, что его слова проникали въ сердца слушателей съ непреодолимою силою лишь потому, что они основывались на знаніи Священнаго Писанія и были проникнуты искреннею и глубокою вѣрою [2]).

Сенъ-Бевъ, извѣстный французскій критикъ, свидѣтельствуетъ, что m-me Кридинеръ находилась въ полной зависимости отъ Ампейтаза во всемъ, что имѣло отношеніе къ богословской доктринѣ. „Женщина слабая, не смотря на всѣ свои возвышенные порывы, сосудъ, преисполненный до краевъ любовью, откуда почерпала она свое ученіе? Тростникъ говорящій, волнуемый со всѣхъ сторонъ вѣтрами, отъ кого получаетъ онъ дыханіе, внушающее ему его слова? Я ищу и не нахожу возлѣ нея даже тѣни Фенелона; вокругъ нея только апостолы авантюры. Когда ее тѣснятъ вопросами, когда спрашиваютъ ее о средствахъ, о цѣли, о законной традиціи, о символѣ, тутъ она останавливается въ недоумѣніи, избытокъ сердца

[1]) Эйнаръ, Vie de m-me Krudener, т. II, стр. 32—34.

[2]) Слова Эйнара въ его Vie de m-me Krudener т. II, стр. 25.

не помогаетъ ей; она оборачивается съ вопросительнымъ взглядомъ къ Ампейтазу". „Сколько разъ, когда ее преслѣдовали вопросами объ ея ученіи, когда ее спрашивали объ источникахъ и свидѣтельствахъ, когда говорили объ ея мистическихъ идеяхъ: что они? откуда они явились? она тотчасъ же обращалась къ Ампейтазу, и тотъ бралъ на себя объясненіе ея ученія" [1]).

Въ богословской доктринѣ не была дѣйствительно сильна m-me Кридинеръ. Неудивительно, что она искала помощи у ученаго Женевскаго пастора, когда ее намѣренно закидывали отвлеченными вопросами богословскаго свойства. „Умы, гордые своимъ знаніемъ, замѣчаетъ ея біографъ, требовали у нея отчета въ ея вѣрѣ. Но она не могла объяснить имъ необъяснимаго и отсылала ихъ къ болѣе компетентному лицу. Но если она говоритъ вамъ: „я люблю", то неужели вамъ не достаточно этого отвѣта? Она говорила часто: „я не принадлежу болѣе ни самой себѣ, ни чести, ни свѣту. Мое питаніе—это стремленіе творить волю Отца моего небеснаго. Я стремлюсь только къ благамъ вѣчнымъ; я люблю въ Богѣ всѣхъ моихъ братьевъ любовью сердечною, я довольна жизнью, я буду счастлива—умереть. Все пребываетъ во мнѣ въ состояніи полной гармоніи: мои силы и моя дѣятельность, мое назначеніе и мои желанія, мои чувства и мои мысли. Свѣтъ, жизнь, дѣла человѣческія не заключаютъ въ себѣ ничего таинственнаго, что могло бы мучить меня, никакого противорѣчія, которое могло бы привести меня въ отчаяніе, однимъ словомъ, я воскресла къ новой жизни". Если она говоритъ вамъ такъ, если она можетъ говорить такъ, и если вся жизнь ея соотвѣтствуетъ этимъ ея словамъ, то не тратьте понапрасну вашихъ разсужденій, не пытайтесь опровергнуть ее: она обладаетъ истиною, ибо она живетъ. Она осязаетъ своими руками, она видитъ своими глазами, она чувствуетъ всѣми своими чувствами истину, которую не въ состояніи утвердить съ такою достовѣрностью всѣ доказательства міра, которую не въ состояніи поколебать всѣ доводы разума. Тотъ, кто пользуется сіяніемъ дня, не нуждается въ искусственномъ свѣтѣ. Тотъ, кто хорошо чувствуетъ себя,

[1]) Всю эту тираду изъ Сенъ-Бева мы находимъ у Эйнара, т. II, стр. 35.

не позволитъ убѣдить себя, что онъ страдаетъ. Истины, доказательства коихъ заключаются въ немъ самомъ, останутся для него непоколебимыми; что говорю я! онъ самъ будетъ служить живымъ доказательствомъ ихъ" [1]).

Вся тайна вліянія m-me Кридинеръ на императора заключалась именно въ той силѣ любви и въ той безграничной вѣрѣ, которая проникала все ея существо. „Молитесь за меня", говорилъ Александръ m-me Кридинеръ, „но не просите, чтобы Господь избавилъ меня отъ зла, которое могутъ причинить мнѣ люди. Я не боюсь этого, ибо я въ рукахъ Господнихъ [2]), но просите Всемогущаго, чтобы Онъ укрѣпилъ меня противъ злыхъ соблазновъ сего мѣстопребыванія. До сихъ поръ я противостоялъ искушеніямъ, но человѣкъ слабъ, и если благодать не поддерживаетъ его, онъ подпадаетъ соблазнамъ, окружающимъ его со всѣхъ сторонъ. Я чувствую необходимость бѣжать отъ міра; вотъ почему я ищу уединеннаго мѣстопребыванія. Въ помѣщеніи, занимаемомъ мною, я пользуюсь большимъ спокойствіемъ, я не вижу и не слышу ничего, что могло бы уклонить меня отъ исполненія моихъ обязанностей. Я работаю, я читаю Слово Божіе, въ молитвѣ я бесѣдую съ моимъ Богомъ, и я ощущаю Его милосердое и нѣжное покровительство во всемъ томъ, чего слѣдуетъ избѣгать мнѣ" [3]).

Въ Парижѣ, какъ и въ Гейдельбергѣ, вліяніе m-me Кридинеръ сказывалось исключительно въ той внутренней душевной области, которая не имѣла ничего общаго съ вопросами чисто политическаго свойства [4]). Императоръ молился съ m-me Кри-

[1]) Nous repoussons, говоритъ Эйнаръ, tout ce qui aurait l'air d'une connivence avec M. Empaytaz pour donner le change à la curiosité des questionneurs. M-me Krudener et Empaytaz communiquaient tout ce qu'ils avaient reçu de Dieu. Ils etaient toujours prêts a rendre temoignage avec douceur et respect de l'esperance qui etait en eux, ainsi que le commande Saint Paul. Leur rèserve sur les choses dont ils n'avaient pas le secret, ne laissait aucune prise à cette sorte d'escamotage dont l'insinuation perce au fond de la pensée de Sainte-Beuve». Эйнаръ, Т. II, стр. 36—37.

[2]) Жизнь императора въ Парижѣ подвергалась неоднократно опасностямъ. Александръ не только получалъ угрожающія письма отъ бонапартистовъ, но на него предпринято было даже покушеніе: его пытались погубить ядомъ». См. Эйнаръ, т. II, стр. 42, 43.

[3]) Эйнаръ, т. II, стр. 37—38.

[4]) Даже Мюленбекъ принужденъ былъ сознаться: En réalité, je crois qu'elle

динеръ, ибо сила ея религіознаго одушевленія вліяла и на него; онъ читалъ съ нею Священное Писаніе и охотно выслушивалъ при этомъ замѣчанія и толкованія ея ученаго спутника, хотя одно восторженное слово этой женщины, исполненной Божественною любовью, производило на него болѣе сильное впечатлѣніе [1]), нежели всѣ глубокомысленные комментаріи ученѣйшихъ богослововъ. Не смотря на свою глубокую вѣру, на свое смиреніе, на свою любовь къ Божественному Искупителю, Александръ переживалъ иногда тяжелыя минуты сомнѣнія, когда сознаніе своей грѣховности проникало его душу, когда онъ начиналъ сомнѣваться въ возможности спасенія, когда онъ былъ близокъ къ отчаянію. М-me Кридинеръ силою своей безотчетной и безграничной вѣры и своей всепобѣждающей любви спасла его теперь отъ повторенія этихъ кризисовъ, она укрѣпила въ немъ убѣжденіе, что душа его избрана и спасена, что онъ можетъ всецѣло отдаться своему Богу, и онъ былъ безконечно благодаренъ ей за это.

Безкорыстная и безусловно честная натура m-me Кридинеръ должна была возбудить въ Александрѣ еще большее уваженіе къ ней. М-me Кридинеръ была очень не богата, она часто нуждалась въ деньгахъ и вынуждена была даже прибѣгать къ займамъ; и однакоже, она никогда не обмолвилась ни единымъ словомъ предъ императоромъ о своихъ финансовыхъ затрудненіяхъ, никогда не предприняла даже попытки прибѣгнуть къ его, столь хорошо извѣстной ей, щедрости. Этого мало. Главнѣйшимъ источникомъ жизни для m-me Кридинеръ служила аренда, пожалованная еще ея покойному мужу. Срокъ этой аренды истекъ какъ разъ въ то самое время, когда m-me Кридинеръ находилась въ Парижѣ, когда ея вліяніе на Александ-

ne se méla jamais de la politique pure. Alexandre causait avec elle de religion, et priait sous sa dictèe (?), mais c'etait tout». стр. 243.

[1]) О силѣ впечатлѣнія, производимаго m-me Кридинеръ на людей совершенно спокойныхъ, можно судить изъ свидѣтельства профессора Круга, видѣвшаго Кридинеръ и слышавшаго ея восторженныя рѣчи три года спустя въ Лейпцигѣ, въ 1818 г.: «Она произносила эти слова съ такимъ огнемъ, съ такимъ одушевленіемъ, съ такою увѣренностью, всѣ черты ея лица, устремленнаго къ небу, получали такой просвѣтленный видъ, что съ характеромъ болѣе восторженнымъ можно было пасть ницъ предъ нею и обожать ее какъ святую».

ра достигло своего апогея. М-me Кридинеръ стоило сказать лишь слово императору и аренда была бы продолжена на новый срокъ, но она не сказала этого слова. Она предпочла лучше лишиться послѣдняго дохода, нежели воспользоваться своимъ положеніемъ при императорѣ—для цѣлей, не имѣвшихъ ничего общаго съ религіею и съ внутреннею духовною жизнью [1]).

Совершенно иначе смотрѣли на этотъ вопросъ нѣкоторые изъ приближенныхъ баронессы. Злой геній m-me Кридинеръ, пасторъ Фонтень, явился въ Парижъ и привезъ съ собою знаменитую ясновидящую, Марію Куммеръ. Наглый ханжа объявилъ m-me Кридинеръ, что ясновидящая должна сдѣлать важное откровеніе императору; онъ требовалъ, чтобы m-me Кридинеръ предупредила Александра о предстоящемъ чудесномъ событіи и подготовила его къ нему всею силою своего вліянія. М-me Кридинеръ обрѣла въ себѣ на столько внутренней силы, что наотрѣзъ отказала Фонтеню въ его просьбѣ. Тогда ловкій ханжа измѣнилъ свою тактику и упросилъ баронессу, чтобы она дозволила оставаться Маріи Куммеръ въ своей передней комнатѣ, въ тотъ моментъ, когда черезъ нее будетъ проходить императоръ. М-me Кридинеръ согласилась. Ея душа боролась съ самыми противоположными чувствами. Ея врожденный тактъ предостерегалъ ее отъ могущихъ произойти послѣдствій, но ея суевѣріе подсказывало ей, что Марія Куммеръ имѣетъ дѣйствительно сообщить Александру нѣчто чрезвычайное. По своему обыкновенію, она искала облегченія и просвѣтленія въ молитвѣ. Она молилась въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, дабы Господь объявилъ свою волю. Между тѣмъ наступилъ моментъ прибытія государя. Александръ вошелъ въ переднюю и увидѣлъ распростертую на диванѣ, повидимому, спящую женщину. Съ изумленіемъ спросилъ государь, что это значитъ. М-me Кридинеръ молчала, но Фонтень, стоявшій тутъ же, объявилъ, что императоръ видитъ предъ собою пророчицу Предвѣчнаго, и что она будетъ говорить ему отъ имени Бога.

[1]) Эйнаръ, т. II, стр. 105. Впрочемъ всѣ свидѣтели единодушно говорятъ о безкорыстіи m-me Кридинеръ, не исключая самого Мюленбека, пользующагося каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы очернить пророчицу. См. Étude sur les origines de la Sainte-Alliance, стр. 240, примѣчаніе.

Александръ, пораженный неожиданностью этой сцены, сѣлъ и приготовился слушать. Марія Куммеръ заговорила темными, отрывочными фразами, но въ концѣ концевъ она заявила совершенно явственно, что Господь повелѣваетъ Александру пріобрѣсти земли въ окрестностяхъ Вейнсберга для вновь возникающей общины истинно вѣрующихъ. При этихъ словахъ ясновидящей m-me Кридинеръ поднялась съ своего мѣста и вышла изъ комнаты. Спустя нѣсколько минутъ, она возвратилась и попросила императора въ гостинную. Александръ послѣдовалъ за нею; онъ прервалъ m-me Кридинеръ въ ея извиненіяхъ, сказалъ, что онъ хорошо знаетъ по опыту людей, для того, что-бы повѣрить благочестію лицъ столь скорыхъ на выпрашиваніе денегъ, и посовѣтовалъ ей въ заключеніе отдѣлаться, какъ можно скорѣе, отъ этихъ господъ. M-me Кридинеръ послѣдовала, разумѣется, совѣту императора, и уже черезъ два дня Фонтень долженъ былъ покинуть Парижъ вмѣстѣ съ своею ясновидящею [1]).

Этотъ случай, не повліявшій, впрочемъ, нисколько на отношенія между Александромъ и Кридинеръ, показываетъ намъ, между прочимъ, что баронесса отнюдь не пользовалась тѣмъ безграничнымъ вліяніемъ на государя, которое приписывалось ей многими историками. Несомнѣнно, что вліяніе это было чрезвычайно сильно въ извѣстной сферѣ, но что даже тутъ оно имѣло свои извѣстные предѣлы. Что же сказать послѣ этого объ ея вліяніи въ сферѣ вопросовъ чисто политическихъ? Здѣсь оно было совершенно ничтожно, если не принимать во вниманіе общей религіозно-нравственной основы политической си-

[1]) Подробности этой странной исторіи см. у Эйнара, т. II, стр. 41—42 «Ходитъ, впрочемъ», замѣчаетъ онъ, «и другой разсказъ объ этомъ эпизодѣ. По этому разсказу, Марія Куммеръ предсказала въ своемъ экстазѣ многое и притомъ въ высочайшей степени важное, какъ относительно будущности самого Александра, такъ и всей Европы. Впечатлѣніе, произведенное ея пророчествомъ, было такъ сильно, что m-me Кридинеръ, страшно потрясенная ими, удалилась въ сосѣднюю комнату, чтобы скрыть свое смущеніе. Два другіе свидѣтеля этой сцены сохранили въ глубочайшей тайнѣ всѣ подробности до настоящаго дня». Въ заключеніе Эйнаръ замѣчаетъ, что хотя лица, передавшія ему этотъ разсказъ, люди серьезные и занимающіе высокое положеніе, однакоже, онъ не можетъ поручиться за его достовѣрность, такъ какъ ихъ свѣдѣнія опираются на d'informations indirectes et necessairement douteuses.

стемы Александра, находившей себѣ, разумѣется, поддержку въ вліяніи m-me Криденеръ.

Пересматривая всѣ современныя свидѣтельства, мы приходимъ къ убѣжденію, что между выдающимися актами политической дѣятельности Александра въ эпоху его вторичнаго пребыванія въ Парижѣ и вліяніемъ m-me Криденеръ не существуетъ никакой внутренней связи. Странно приписывать такія дѣйствія государя, какъ сохраненіе Іенскаго моста, или уменьшеніе контрибуціи, наложенной на Парижъ Блюхеромъ, внушеніямъ Криденеръ. Подобныя дѣйствія соотвѣтствовали, какъ нельзя болѣе, великодушному, рыцарскому характеру Александра, они истекали изъ его собственной иниціативы, и сама m-me Криденеръ далека была, какъ видно это изъ ея собственныхъ писемъ, отъ всякой мысли приписывать ихъ своимъ внушеніямъ. Еще болѣе странно было бы видѣть руку m-me Криденеръ въ общемъ направленіи политики Александра въ эпоху Втораго Парижскаго мира. Если Александръ отнесся къ Франціи съ неслыханнымъ великодушіемъ въ 1815 г., то развѣ съ меньшимъ великодушіемъ отнесся онъ къ ней въ 1814 г.? Какъ тогда, такъ и теперь, императоръ спасъ побѣжденную страну не въ силу чьихъ либо просьбъ или внушеній, а въ силу тѣхъ политическихъ соображеній, которыя заставляли его смотрѣть на Францію, какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ членовъ европейской системы государствъ. Государь руководился въ своихъ великодушныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ Франціи и тою религіозною идеею, которая внушала ему состраданіе къ своимъ врагамъ, которая побуждала его прощать и платить добромъ за зло. Но эта религіозно-нравственная идея родилась, развилась и окрѣпла въ душѣ императора гораздо ранѣе его личнаго знакомства съ Криденеръ. Вліяніе этой идеи сказывалось въ немъ одинаково сильно и въ 1812 г., когда онъ посѣщалъ, презирая страшныя опасности заразы, Виленскіе госпитали, переполненные ранеными, умирающими французами, и въ 1813 г., когда онъ ополчился такъ безкорыстно, такъ самоотверженно за свободу народа Европы, и въ 1814 г., когда онъ спасъ Парижъ отъ разрушенія, когда онъ показалъ свое великодушіе и въ отношеніи къ Наполеону и къ

побѣжденной Франціи, и наконецъ, въ 1815 г., когда онъ оградилъ Францію отъ грозившаго ей раздробленія и утвердилъ неблагодарнаго Бурбона на его шаткомъ тронѣ. Само собою понятно, что такая истинно христіанская политика, не имѣвшая себѣ равной во всей исторіи, приводила въ восторгъ и умиленіе m-me Кридинеръ, что она одобряла ее съ своей исключительно религіозной точки зрѣнія, что она выражала свое удивленіе и благодарность Александру, но этимъ и ограничивалось все ея участіе въ политикѣ русскаго императора.

Писатели, желающіе утвердить во что бы то ни стало въ исторіи басню о всесильномъ вліяніи Кридинеръ на Александра, пользуются для своихъ цѣлей и тою ролью, которую разыграла баронесса при знаменитомъ смотрѣ въ равнинахъ Шампаніи, при Вертю. Здѣсь, при этомъ религіозно-военномъ торжествѣ, говорятъ намъ, сказалось до очевидности владычество m-me Кридинеръ надъ умомъ и сердцемъ Александра [1]). Она ѣдетъ на торжество въ императорскихъ экипажахъ, присланныхъ за нею Александромъ. Благоволеніе, оказанное ей побѣдителемъ, можетъ быть сравниваемо лишь съ тѣми почестями, которыя оказаны были Людовикомъ XIV m-me Ментенонъ, въ лагерѣ при Компьенни. То была не внучка фельдмаршала Миниха, не его любимая подданная, а посланница небесъ, кото-

[1]) У Жакоба мы чиеаемъ: «Elle etait dans tout l'eclat de son role de prophetesse, lorsqu'elle fut présentée, en quelque sorte, par l'empereur, lui-même à l'ármée russe, que ce prince passa en revue dans les plaines de Vertus, en Champagne, au commencement du mois de septembre».

«Elle a recueilli, avec enthousiasme, dans une espéce de dithyrambe en prose, intitulé: le Camp de Vertus, toutes les penseés, tou tes les impressions, toutes les joies, qui s'éveillèrent au fond de son âme, durant cette grande journée, où elle put se croire plus qu'une imperatrice, puisqú'une armée entiere lui rendait un culte». Стр. 138—139.

Дифирамбъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, былъ изданъ m-me Кридинеръ въ формѣ небольшой брошюры, сдѣлавшейся въ настоящее время большою рѣдкостію. Впрочемъ, m-me Кридинеръ нигдѣ не говоритъ въ этой брощюрѣ о самой себѣ, а трактуетъ въ своемъ обычномъ пророческомъ восторженномъ тонѣ объ императорѣ Александрѣ, объ избранномъ народѣ (въ данномъ случаѣ русскомъ) и о Франціи. — Такъ какъ все это странное изліяніе имѣетъ значеніе лишь для характеристи самой m-me Кридинеръ, то мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на немъ, или приводить изъ него отрывки. Брошюра воспроизведена цѣликомъ у Жакоба, стр. 139—148.

рую онъ встрѣчалъ во главѣ своихъ армій. И m-me Кридинеръ, разсказываютъ тѣ-же писатели, съумѣла превосходно провести возложенную на нее роль. Небольшая соломенная шляпа покрывала ея голову. Ея пепельные волосы, распущенные какъ всегда, съ завитыми впереди локонами, ея черный костюмъ, ея высокая фигура, все еще изящная, производила сильное впечатлѣніе. Такою видѣли ее въ эту эпоху, на этой равнинѣ, когда въ моментъ молитвы она появилась съ востока, подобно Петру Пустыннику передъ фронтомъ молящихся на колѣняхъ войскъ. Въ такихъ чертахъ рисуетъ m-me Кридинеръ Сенъ-Бевъ, очевидецъ и современникъ событія. Посмотримъ же какъ происходило дѣло въ дѣйствительности. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что ни объ одномъ событіи этого времени не ходило въ средѣ современниковъ столько странныхъ и ложныхъ слуховъ, какъ объ этомъ смотрѣ при Вертю. Разсказывали, между прочимъ, что Александръ хотѣлъ показать воочію своимъ союзникамъ, какими громадными силами располагаетъ онъ во Франціи, и какъ легко можетъ онъ, опираясь на нихъ, дать своей политикѣ совершенно новый, неожиданный оборотъ. Извѣстный дипломатъ, графъ Мюнстеръ, утверждалъ, что Александръ думалъ совершенно отдѣлиться отъ своихъ союзниковъ, отвести свою армію въ Германію и выжидать тамъ наступленія новыхъ осложненій во Франціи. Еще далѣе шелъ въ своихъ догадкахъ князь Гарденбергъ. Онъ увѣрялъ, что Александръ думаетъ вступить въ союзъ съ Франціею и направить свое оружіе противъ союзниковъ. Штейнъ, знавшій императора лучше кого-либо, былъ возмущенъ этими слухами. „Императоръ", писалъ онъ по этому поводу, „преисполненъ самыми живыми религіозными чувствами. Не менѣе глубоко вкоренено въ немъ чувство чести. Что великая драма, въ которой онъ принималъ такое славное участіе, можетъ окончиться такимъ постыднымъ и преступнымъ образомъ, это предположеніе не имѣетъ ни малѣйшаго вѣроятія. Къ тому же необходимо имѣть въ виду, что императоръ только-что заключилъ бракъ между великою княжною Анною и принцемъ Оранскимъ, что онъ желаетъ соединить узами брака брата своего Николая съ прин-

цессою Шарлотою Прусскою, наконецъ, что онъ находится въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ королемъ Прусскимъ" [1]).

Свидѣтельство Штейна ставитъ разбираемый нами вопросъ на настоящую почву. Императоръ, устраивая грандіозное военное зрѣлище въ Вертю, далекъ былъ отъ всякихъ мыслей запугивать своихъ союзниковъ или подготовлять внезапный поворотъ въ своей политикѣ. Онъ хотѣлъ лишь вознести торжественно благодарность Всевышнему за всѣ его милости и помолиться вмѣстѣ съ своимъ храбрымъ воинствомъ. Этимъ всенароднымъ актомъ онъ желалъ показать, что онъ самъ, его побѣдоносная армія и его вѣрный народъ обрекаютъ себя на служеніе Господу Богу и на осуществленіе тѣхъ идей братскаго единенія всѣхъ народовъ въ духѣ Евангелія, которыми былъ онъ преисполненъ въ это время. Смотръ въ Вертю былъ, можно сказать, прологомъ къ обнародованію акта Священнаго союза, и разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, онъ имѣетъ, разумѣется, свое всемірно-историческое значеніе. Участіе m-me Кридинеръ въ этомъ подготовительномъ актѣ является во всякомъ случаѣ моментомъ второстепеннымъ [2]). M-me Кридинеръ дѣйствительно прибыла на смотръ по желанію самого государя, ей отведено было мѣсто близъ палатки Александра, она молилась вмѣстѣ съ другими зрителями въ то время, когда православные священники совершали торжественное молебствіе въ семи походныхъ церквахъ, и когда вся 150,000 русская армія съ императоромъ во главѣ, равно какъ и всѣ союзные монархи, полководцы и генералы преклонялись передъ Тѣмъ, въ десницѣ Коего хранится и побѣда и пораженіе, отъ Кого единственно зависитъ судьба царствъ и народовъ. Принимая участіе въ общей молитвѣ, m-me Кридинеръ вовсе не думала, однакоже, наряжаться въ особенный костюмъ, выдвигаться впередъ, обращать на себя всеобщее вниманіе, а тѣмъ менѣе появляться передъ фронтомъ молящихся войскъ. Она не была способна сама по себѣ къ подобнымъ проявленіямъ суетнаго тщеславія, да Але-

[1]) Перцъ, Stein's Leben, T. IV, стр. 562.

[2]) Подробности о смотрѣ при Вертю см. у Багдановича, T. V, 88—93; объ участіи m-me Кридинеръ см. Эйнаръ, T. II, стр. 88—92.

ксандръ никогда бы не позволилъ ей играть подобной роли. Предполагать противное можетъ лишь тотъ, кто не имѣетъ никакого представленія ни о врожденномъ тактѣ Александра, ни объ его, по истинѣ, христіанской скромности. Въ чисто военной части, въ маневрахъ и эволюціяхъ русской арміи, m-me Кридинеръ принимала столь же мало участія, какъ и всѣ остальные зрители и зрительницы. Никто не думалъ о возданіи ей какихъ-либо особыхъ почестей, никто во всей русской арміи не зналъ даже объ ея присутствіи. Такія почести отдавались лишь присутствующимъ союзнымъ государямъ, въ особенности королю прусскому и императору австрійскому. Спрашивается, при чемъ же тутъ параллель между смотромъ при Вертю и военною комедіею, устроенною Людовикомъ XIV въ лагерѣ при Компьени? Тамъ деспотъ, забывавшій всѣ приличія, устраивалъ военный парадъ въ честь своей фаворитки; здѣсь освободитель Европы молился во главѣ своей арміи и въ присутствіи своихъ союзниковъ, тогда какъ женщина, съ которою соединяло его единство религіозныхъ воззрѣній и чувствъ, оставалась при этомъ торжествѣ такою же зрительницею, какъ и многія другія дамы, прибывшія на смотръ изъ Парижа.

Александръ возвратился изъ Вертю въ Парижъ [1]), преисполненный самыми искренними и теплыми религіозными чувствами. „Это былъ самый прекрасный день въ моей жизни", сказалъ онъ m-me Кридинеръ, „я никогда не забуду его. Сердце мое было полно любовью къ моимъ врагамъ. Я могъ молиться съ жаромъ за нихъ: обливаясь слезами у подножія Креста Спасителя, испрашивалъ я у Всевышняго спасенія Франціи" [2]). Но за этимъ прекраснѣйшимъ днемъ жизни долженъ былъ послѣдовать тотъ величайшій и торжественнѣйшій, когда императоръ порѣшилъ возвѣстить всему свѣту, что онъ и его союзники

1) «Elle (т. е. m-me Кридинеръ) y avait été précédée par Alexandre impatient de se retrouver dans le cercle intime où il pouvait librement épancher les sentimens qui remplissaient son coeur. Déjà à plusieurs reprises, il avait envoyé à l'hotel Montchenu s'informer si m-me Krudener était de retour; il avait même expedié un courrier à sa rencontre, dans la crainte d'un accident, lorsqu'elle arriva. Il vint aussitôt, apportant sa bible pour relire le psaume chanté par l'armée russe» Эйнаръ Т. II, стр. 91—92.

2) Эйнаръ, Т. II стр. 92.

намѣрены посвятить всю свою дальнѣйшую дѣятельность служенію Бога истиннаго, что отнынѣ они будутъ слѣдовать, какъ въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніяхъ къ управляемымъ ими народамъ, заповѣдямъ Евангелія. Все наше изслѣдованіе утверждаетъ незыблемо тотъ фактъ, что мысль союза, основаннаго на правилахъ Евангелія, родилась въ Александрѣ гораздо ранѣе 1815 г., что мысль эта была прямымъ послѣдствіемъ того впечатлѣнія, которое произвели на него великія событія, въ которыхъ Божественному Провидѣнію угодно было избрать его своимъ главнымъ орудіемъ. Мысль эта созрѣла окончательно еще въ концѣ 1812 г., она окрѣпла среди новой борьбы и новыхъ великихъ испытаній 1813 и 1814 г., она высказана была впервые въ оффиціальной формѣ въ эпоху Вѣнскаго конгресса, накапунѣ наступающаго 1815 г. Новое появленіе Наполеона на престолѣ Франціи и его новое страшное и невѣроятно быстрое паденіе могли только усилить въ Александрѣ господствующее религіозное настроеніе. Императоръ пришелъ окончательно къ убѣжденію, что теперь наступилъ моментъ, когда онъ обязанъ выступить всенародно съ торжественнымъ исповѣданіемъ своей вѣры, своей любви и своей благодарности Богу. Александръ полагалъ въ то же время, что единственнымъ средствомъ для водворенія мира и спокойствія въ Европѣ можетъ служить заключеніе братскаго союза, основаннаго на заповѣдяхъ Евангелія, между всѣми монархами и правительствами Европы. „Предписанія христіанской религіи должны были опредѣлять права и взаимныя отношенія монарховъ, и всѣ народы должны были разсматриваться какъ члены одной и той же великой христіанской семьи". Побуждаемый своею совѣстью, Александръ считалъ себя не въ правѣ ограничиваться заявленіями своихъ христіанскихъ убѣжденій лишь въ частныхъ бесѣдахъ съ близкими къ нему лицами. Убѣжденія, созрѣвшія въ немъ, правда, представшая предъ его духовными очами, стремились выйти наружу, проявиться въ формѣ торжественнаго заявленія. Истины, выяснившіяся для него, не должны были оставаться сокровеннымъ достояніемъ его души, онѣ должны были сдѣлаться достояніемъ всеобщимъ, превратиться въ норму, опредѣляющую собою дальнѣйшее раз-

витіе политической и общественной жизни. Удерживать эту истину въ предѣлахъ тѣснаго, замкнутаго кружка, значило, по его мнѣнію, держать въ плѣну слово самого Бога, препятствовать распространенію его въ средѣ всего человѣчества. Что всѣ цари и народы должны были познать Бога живаго и законъ Его любви, въ этомъ Александръ усматривалъ свою важнѣйшую обязанность. Онъ былъ убѣжденъ, что миръ и общественная безопасность, порядокъ, счастіе и изобиліе находятся въ тѣсной зависимости отъ распространенія этого познанія, и ему казалось, что его ближайшіе союзники, его первые братья по оружію, должны стать на его точку зрѣнія.

Опыты самаго близкаго прошлаго ясно показывали Александру, что ложь и обманъ господствовали доселѣ въ сферѣ международныхъ европейскихъ отношеній. Это царство зла должно было прекратиться отнынѣ. Правила, обязательныя для частной морали, должны были быть примѣнены и къ отношеніямъ международнымъ и къ внутреннему управленію государствами. Александръ давно уже лелѣялъ въ себѣ эту мысль, и не подлежитъ сомнѣнію, что онъ бесѣдовалъ по поводу ея неоднократно въ кругу своихъ приближенныхъ, что онъ говорилъ о ней и съ m-me Кридинеръ. Изъ свидѣтельствъ, наиболѣе достовѣрныхъ, оказывается, однакоже, что императоръ приступилъ къ осуществленію своей мысли вполнѣ самостоятельно. Вопреки баснословнымъ разсказамъ легковѣрныхъ писателей, мы имѣемъ право сказать положительно, что Александръ не имѣлъ никакихъ предварительныхъ совѣщаній по поводу составленія акта Священнаго союза ни съ m-me Кридинеръ, ни съ кѣмъ-либо другимъ изъ ея набожнаго кружка. Александръ самъ начерталъ проектъ договора и отдалъ его переписать одному изъ своихъ личныхъ секретарей, А. С. Стурдзѣ [1]). Само собою понятно, что Стурдза не могъ внести въ проектъ какихъ-либо новыхъ мыслей, что онъ ограничился лишь поправкою нѣкоторыхъ выраженій и редактированіемъ проекта. M-me

[1]) Этотъ важный фактъ мы узнаемъ изъ источника, въ данномъ случаѣ безусловно достовѣрнаго, изъ мемуаровъ гр. Эдлингъ, родной сестры А. С. Стурдзы. См. Мемуары Эдлингъ, стр. 242.

Кридинеръ, повидимому [1]), даже ничего не знала о подготовляющемся „великомъ актѣ“. Изъ разсказа ея достовѣрнѣйшаго біографа, Эйнара, мы узнаемъ, по крайней мѣрѣ, слѣдующее:

„Спустя нѣсколько дней послѣ возвращенія своего изъ Вертю въ Парижъ, Александръ сказалъ m-me Кридинеръ: „Я намѣреваюсь оставить Францію чрезъ нѣсколько дней, но передъ моимъ отъѣздомъ я желаю воздать въ публичномъ актѣ то благоговѣйное почитаніе Богу Отцу, Сыну и Духу Святому, коимъ преисполнено мое сердце. Я хочу свидѣтельствовать о томъ покровительствѣ, которое оказано было намъ Всемогущимъ и пригласить всѣ народы соединиться въ повиновеніи Евангелію. Я принесъ съ собою проектъ этого акта, прошу васъ прочесть его внимательно и указать мнѣ на тѣ выраженія, которыя покажутся вамъ не подходящими. Я желаю, чтобы императоръ Австрійскій и король Прусскій соединились со мною въ этомъ актѣ поклоненія, дабы на насъ смотрѣли какъ на трехъ волхвовъ, пришедшихъ съ востока провозгласить высшее господство Бога-Спасителя“. „Прошу васъ также помолиться вмѣстѣ со мною, дабы Господь склонилъ сердце моихъ союзниковъ къ подписанію договора“.

„На другой день императоръ пришелъ вновь къ m-me Кридинеръ“, продолжаетъ Эйнаръ, „онъ принялъ къ свѣдѣнію тѣ, впрочемъ мало значущія, замѣчанія, которыя были сдѣланы ему и взялъ съ собою актъ договора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ обнародованъ впослѣдствіи“ [2]).

[1]) Мы говоримъ «повидимому», такъ какъ вопросъ этотъ, относящійся къ области чисто личныхъ, интимныхъ отношеній, никогда, или по крайней мѣрѣ, впредь до обнародованія новаго матерьяла, не можетъ быть рѣшенъ вполнѣ точно. Не подлежитъ, впрочемъ, сомнѣнію, что Александръ говорилъ неоднократно съ m-me Кридинеръ объ идеѣ Священнаго союза. Изъ мемуаровъ графини Эдлингъ мы узнаемъ, что Кридинеръ писала изъ Парижа письма, въ которыхъ заключалась уже первая идея Священнаго союза. Всякій объективный читатель пойметъ, однакоже, что между разговорами на «извѣстную тему» и составленіемъ проекта международнаго договора существуетъ значительная разница. Въ разговорахъ о Священномъ союзѣ m-me Кридинеръ участвовала, безъ сомнѣнія, равно какъ и другія лица, но проектъ составленъ былъ самимъ императоромъ, быть можетъ, даже безъ ея вѣдома.

[2]) Всѣ эти подробности см. у Эйнара, т. II, стр. 96. Но возникаетъ вопросъ, въ чемъ заключались, однакоже, тѣ малозначущія замѣчанія (observations peu

Итакъ, вотъ къ чему сводится непосредственное участіе m-me Кридинеръ въ составленіи акта Священнаго союза. Императоръ касался неоднократно мысли о союзѣ въ своихъ разговорахъ съ m-me Кридинеръ, онъ сообщилъ ей вслѣдъ затѣмъ проектъ договора, составленный имъ самимъ и проредактированный А. С. Стурдзою. M-me Кридинеръ указала въ этомъ проектѣ нѣсколько, впрочемъ, малозначущихъ выраженій, требовавшихъ, по ея мнѣнію, исправленія, и Александръ принялъ къ свѣдѣнію ея указанія. Вотъ и все!

Толки, вызванные обнародованіемъ Священнаго союза въ тогдашнемъ европейскомъ обществѣ, выставляли уже съ самаго начала все это дѣло въ совершенно иномъ свѣтѣ. Возникло сказаніе чисто легендарнаго свойства, что Александръ составлялъ проектъ священнаго договора вмѣстѣ съ m-me Кридинеръ, что онъ писалъ его чуть не подъ ея диктовку и что, слѣдовательно, самая идея Священнаго союза принадлежала восторженной Ливонской баронессѣ, а вовсе не императору. Фантазія такъ называемыхъ историковъ не остановилась, однакоже, на этомъ искаженіи истины. Возникла легенда о тріумвиратѣ, составлявшемъ Священный союзъ. Выведенъ былъ на сцену вмѣстѣ съ m-me Кридинеръ извѣстный въ то время въ Парижѣ адвокатъ Бергассъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ ничтожный, оригиналъ и ханжа, месмеристъ и мистикъ. Бергассъ дѣйствительно былъ вхожъ къ m-me Кридинеръ, онъ бесѣдовалъ неоднократно съ императоромъ Александромъ и занималъ его своими странными разсказами о великомъ Месмерѣ, о животномъ магнетизмѣ и ясновидѣніи. Бергассъ принималъ самое живое участіе въ „пророчицѣ" Маріи Куммеръ, онъ поддавался на удочку ловкому Фонтеню, и уже одного этого факта вполнѣ достаточно, чтобы оцѣнить по достоинству его значеніе и его роль въ возникновеніи акта Священнаго союза [1]).

importantes), которыя сдѣланы были m-me Кридинеръ на проектъ Александра? На этотъ вопросъ мы не находимъ отвѣта ни у Эйнара, ни у кого либо другаго изъ современныхъ, или позднѣйшихъ писателей, за исключеніемъ развѣ Капефига, утверждающаго, что слово «Священный» вставлено было въ проектъ m-me Кридинеръ.

[1]) Подробности о Бергассѣ см. между прочимъ у Мюленбека, стр. 236 и слѣд. Любопытно, что этотъ новѣйшій изслѣдователь исторіи возникновенія Священнаго

Быть можетъ, и до него доходили слухи о подготовленіи этого акта, быть можетъ и онъ принималъ участіе въ благочестивыхъ бесѣдахъ, происходившихъ на эту тему у m-me Кридинеръ, но ближайшіе и несомнѣнные источники не упоминаютъ ни единымъ словомъ его имени, говоря о происхожденіи Священнаго союза, а потому и мы считаемъ себя вправѣ совершенно игнорировать его.

Замѣчательно, впрочемъ, что уже современники, стоявшіе очень близко къ событіямъ и хорошо посвященные, вслѣдствіе своихъ личныхъ отношеній, въ закулисную сторону жизни и дѣяній великихъ міра сего, распространяли во многихъ отношеніяхъ неправильные и односторонніе разсказы о возникновеніи Священнаго союза. Кому бы, повидимому, какъ не Ген-

союза выставляетъ Бергасса шутомъ, маніакомъ, почти сумасшедшимъ и приписываетъ ему вслѣдъ затѣмъ первенствующую роль въ составленіи акта Священнаго союза. На чемъ основана, однакоже, традиція о таковой роли Бергасса? Очевидно, прежде всего на салонной сплетнѣ, которая нашла себѣ отголосокъ и въ воспоминаніяхъ князя Меттерниха, и въ мемуарахъ другихъ современниковъ. Эйнаръ, отзывающійся о Бергассѣ какъ о человѣкѣ замѣчательномъ и вліятельномъ, не упоминаетъ, однакоже, ни единымъ словомъ объ его участіи въ составленіи акта Священнаго союза (см. Эйнаръ т. II, стр. 84—85). Въ мемуарахъ Кондорсе сказаніе о Бергассѣ отличается уже чисто легендарнымъ характеромъ. «Императоръ Александръ», читаемъ мы тамъ, «очень любилъ говорить съ m-me Кридинеръ, которая была уже въ то время мистичкою, но не проповѣдывала еще публично. Бергассъ и императоръ Александръ явились самыми горячими ея послѣдователями, и именно она придумала Священный союзъ. Бергассъ редактировалъ проектъ въ кабинетѣ m-me Кридинеръ, а Александръ понесъ его къ Нессельроде. Но надо отдать въ свою очередь справедливость и этому министру. М-me Кридинеръ составляла этотъ Священный союзъ, имѣя въ виду религію; М. де Нессельроде понялъ, что, составивъ этотъ трактатъ въ выраженіяхъ туманныхъ, можно придать ему значеніе и политическое». По поводу этой невѣроятной нелѣпости, Мюленбекъ замѣчаетъ: «Я склоненъ, признаюсь, думать, что авторы (?) видѣли и говорили въ данномъ случаѣ вѣрно. Я подозрѣваю, что первоначальный проектъ былъ составленъ дѣйствительно Бергассомъ 4 Августа 1815 г. и что набросокъ, о которомъ говоритъ Ампейтазъ, былъ уже вторичная, исправленная редакція». Для подтвержденія своей нелѣпой догадки, Мюленбекъ ссылается на Memoires tirés de papiers d'un homme d'Etas, гдѣ проектъ Священнаго союза чазванъ une niaiserie romanesque и гдѣ сказано: «этотъ мистическій актъ былъ подписанъ 26 сентября 1815 г., въ тотъ самый день, когда произведена была перемѣна въ французскомъ министерствѣ, à la suite d'un conciliabule entre l'empereur Alexandre, Bergasse et M. Krudener». Полагаемъ, что такой способъ ученыхъ доказательствъ вполнѣ характеризуетъ автора «Исторіи происхожденія Священнаго союза.»

цу, ближайшему повѣренному и другу австрійскаго канцлера, можно было знать въ точности тайную исторію этого дѣла, и однакоже Генцъ имѣлъ о немъ довольно смутное представленіе, какъ видно это изъ письма его къ Молдавскому господарю отъ 2-го января 1816 г. „Люди, знавшіе хорошо императора Александра“, читаемъ мы въ этомъ письмѣ, „давно уже замѣчали въ немъ склонность къ религіознымъ мыслямъ и даже къ мистицизму. Прошлою зимою, среди бурь и разсѣянности конгресса, эта наклонность проявилась еще замѣтнѣе въ частныхъ его разговорахъ и даже въ нѣкоторыхъ изъ его записокъ. На это не обратили, однако, тогда особаго вниманія. При началѣ послѣдней войны, онъ встрѣтился въ Гейдельбергѣ съ лифляндскою баронессою ф. Кридинеръ, вдовою русскаго дипломата, умершаго въ Берлинѣ въ 1802 г. въ званіи русскаго министра. Госпожа Кридинеръ (стара и очень дурна собою), женщина замѣчательно умная, имѣетъ много свѣдѣній и обладаетъ довольно замѣчательнымъ талантомъ, какъ писательница, талантомъ, имѣющимъ, однако, странный и романтическій характеръ; при этомъ она восторжена до фанатизма, а часто и до сумасшествія. Императоръ познакомился съ нею въ 1814 г., въ Швейцаріи на возвратномъ своемъ пути изъ Парижа въ Россію. Встрѣтивъ баронессу въ Гейдельбергѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1815 г., онъ пригласилъ ее ѣхать въ Парижъ. Во время своего послѣдняго тамъ пребыванія, онъ, какъ оказалось, весь отдался, съ одной стороны дѣламъ, а съ другой—госпожѣ Кридинеръ. Его не встрѣчали уже нигдѣ; его обычная любезность совсѣмъ исчезла; самыя красивыя и обольстительныя женщины не производили на него никакого впечатлѣнія: онъ оставался къ нимъ холоднымъ и даже избѣгалъ ихъ. Все время, не посвященное серьезнымъ политическимъ вопросамъ, было отдано г-жѣ Кридинеръ, и императоръ проводилъ съ нею время въ тайныхъ бесѣдахъ, въ богословскихъ преніяхъ, а часто, какъ она разсказывала сама, въ разныхъ духовныхъ занятіяхъ и молитвахъ. Съ нею онъ придумалъ тотъ актъ, который онъ назвалъ „Святымъ союзомъ“ и который, въ сущности, есть основанный на вѣрѣ договоръ о соблюденіи вѣчнаго мира и вѣчнаго братства между союзными государями. Секрет-

нѣйшій договоръ этотъ императоръ сочинилъ и написалъ 15-го сентября 1815 г. Онъ не подписанъ никакимъ министромъ" [1]).

Свидѣтельство Генца представляетъ изъ себя страшную смѣсь лжи и правды. Стоитъ обратить лишь вниманіе на его характеристику г-жи Кридинеръ, чтобы убѣдиться, что Генцъ писалъ если и не намѣренно ложно, то во всякомъ случаѣ крайне легкомыслено. Что m-me Кридинеръ обладала замѣчательнымъ авторскимъ талантомъ, что она была женщина восторженная до фанатизма, до безумія, совершенно вѣрно, но что она была стара и дурна собою,—во всякомъ случаѣ крайне преувеличенно. Несправедливо также, что Александръ познакомился съ Кридинеръ въ 1814 г. на пути черезъ Швейцарію, и Генцу во всякомъ случаѣ слѣдовало бы помнить, что Александръ въ 1814 г. вовсе не былъ въ Швейцаріи. Что-же касается, наконецъ, до утвержденія Генца, что императоръ выдумалъ „Святой союзъ" вмѣстѣ съ m-me Кридинеръ, то въ этомъ случаѣ Генцъ повторялъ лишь парижскую сплетню, различные варіанты которой мы находимъ во многихъ современныхъ мемуарахъ.

Сохранилось свидѣтельство, что m-me Кридинеръ сама приписывала себѣ впослѣдствіи „изобрѣтеніе Священнаго союза". Свидѣтельство это принадлежитъ извѣстному нѣмецкому профессору Кругу, лично знавшему Кридинеръ и бесѣдовавшему съ нею въ 1818 г. [2]). На вопросъ Круга, кому принадлежитъ первона-

[1]) См. Prokesch-Osten, Depeches inédites de Gentz, т. I, стр. 215—217. Не подлежитъ сомнѣнію, что Генцъ писалъ многое въ этомъ письмѣ со словъ Меттерниха.

[2]) Кругъ былъ профессоромъ философіи сначала въ Виттенбергѣ, затѣмъ во Франкфуртѣ на Одерѣ, а потомъ въ Кенигсбергѣ. Кругъ былъ германскій патріотъ, въ 1813 г. онъ прекратилъ свои чтенія, поступилъ волонтеромъ въ Прусскія войска и участвовалъ въ кампаніяхъ 1813 и 1814 г. По окончаніи войны онъ возвратился вновь къ профессорской дѣятельности. Съ m-me Кридинеръ Кругъ видѣлся въ 1818 г. въ Кенигсбергѣ. Между прочимъ, баронесса сказала ему: Миссія Священнаго союза относится ко всѣмъ людямъ, ко всѣмъ народамъ. Она должна наставить всѣхъ, что Іисусъ Христосъ есть владыка, которому дарована всякая власть на небѣ и на землѣ. Она должна извлечь ихъ изъ бездны извращенія, въ которую повергнуты они, дабы месть Бога, предвѣстники коей уже очевидны, не покарала ихъ. На это Кругъ замѣтилъ, что свѣтъ не извращенъ въ настоящее время болѣе, нежели въ прежнія времена. Баронесса возразила съ живостью: «безпорочный человѣкъ не такъ далекъ отъ Бога, какъ вамъ кажется. Повсюду много пороковъ, но много и энергіи, и человѣкъ порочный можетъ каж-

чальная мысль Священнаго союза, m-me Кридинеръ отвѣчала ему: „Богъ одинъ руководилъ всѣмъ! Я была лишь его орудіемъ"! Помолчавъ немного, она добавила: „Богу было угодно, чтобы я внушила великому и благочестивому императору Александру первую идею Священнаго союза. Императоръ одобрилъ мою мысль. Онъ набросалъ проектъ договора и отдалъ его просмотрѣть мнѣ". Кругъ обнародовалъ свой разговоръ съ баронессою въ особой брошюрѣ, дошедшей, разумѣется, и до свѣдѣнія Александра. Императоръ былъ крайне недоволенъ этою публикаціею. Онъ приказалъ собрать свѣдѣнія о профессорѣ Кругѣ, и когда ему донесли, что Кругъ былъ человѣкъ честный, неспособный къ лжи, то недовольство государя обратилось на m-me Кридинеръ. Баронессѣ было внушено, чтобы впредь она была сдержаннѣе въ своихъ сообщеніяхъ. И дѣйствительно, когда вскорѣ послѣ инцидента съ Кругомъ, ей предложили вновь вопросъ объ ея участіи въ Священномъ союзѣ, то она отвѣчала: „Богъ и императоръ сдѣлали все. Спрошенная моимъ государемъ, я одобрила его проекты и посвятила себя служенію тому великому дѣлу, которое было предпринято имъ".

Свидѣтельство Круга имѣетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, большое значеніе. Сама Кридинеръ, говорятъ они, заявляетъ, какъ видно это изъ брошюры, написанной человѣкомъ безпристрастнымъ и вполнѣ честнымъ, что первоначаль-

дую минуту обратиться къ Спасителю. Но теперешній свѣтъ, въ особенности свѣтъ просвѣщенный, цивилизованный хуже, нежели порочный: онъ такъ лѣнивъ ко всему доброму. такъ слабъ и безпеченъ, онъ ни холодный, ни теплый; у него нѣтъ ни вѣры, ни любви, онъ возгордился своимъ разумомъ и своею, такъ называемою, добродѣтелью. Раціонализмъ и философія, проповѣдуемые во всѣхъ церквахъ и со всѣхъ каѳедръ, погубятъ теперешній міръ». На вопросъ Круга, какимъ образомъ и откуда явилась у нея идея Священнаго союза, Кридинеръ отвѣчала: «Богъ руководилъ всею моею жизнію; Онъ, Богъ любви, заставилъ меня отречься отъ міра, дабы превратить меня, слабое существо, въ могущественное орудіе своей благодати». Разсказавъ затѣмъ въ краткихъ чертахъ исторію своей жизни и своего обращенія, m-me Кридинеръ воскликнула: «Я не нуждаюсь ни въ чемъ, я не требую ничего отъ міра. О! я испытываю уже такое блаженство, такое счастье, выше котораго едва ли можно достигнуть на небесахъ. Я желала бы, чтобы всѣ люди участвовали, на сколько это возможно, въ моемъ блаженствѣ». Всѣ эти и другія характерныя подробности см. въ брошюрѣ Круга, Geschpräch unter vier Augen mit Frau v. Krudener, Лейпцигъ 1818.

ная идея Священнаго союза принадлежитъ ей и что она внушила ее императору Александру. Мы не отрицаемъ, что m-me Кридинеръ могла приписывать себѣ эту идею, но она могла это сдѣлать лишь въ порывѣ увлеченія, такъ какъ ей было хорошо извѣстно, что императоръ лелѣялъ эту мысль еще за долго до встрѣчи съ нею, что онъ высказывалъ ее не только въ частныхъ разговорахъ, но даже и въ публичныхъ письменныхъ заявленіяхъ, исходившихъ отъ его имени.

M-me Кридинерь была женщина, проникнутая идеями извѣстнаго мистическаго характера, она мечтала о водвореніи на землѣ царства Божія, о переселеніи истинно вѣрующихъ въ Палестину. Если бы идея и первоначальный проектъ Священнаго союза принадлежали дѣйствительно ей, то ея господствующія мысли, ея оригинальное религіозное воззрѣніе должны бы были найти себѣ хотя нѣкоторое выраженіе въ самомъ текстѣ союза, но ничего подобнаго, ничего напоминающаго собою Кридинеровскій мистицизмъ, мы не находимъ въ актѣ Священнаго союза. Приведемъ въ доказательство нашихъ словъ текстъ Священнаго союза [1]).

[1]) Приводимъ французскій текстъ акта Священнаго союза: Au nom de la Très-Sainte et indivisible Trinité. Leurs Majestés L'empereur d'Autriche, le Roi de Prusse et L'Empereur de Russie, par suite des grands événements qui ont signalé en Europe le cours des trois dernières années, et principalement des bienfaits qu'il a plu à la Divine Providence, de répandre sur les Etats dont les Gouvernements ont placé leur confiance et leur espoir en Elle seule ayant acquis la conviction intime, qu'il est nécessaire d'asseoir la marche à adopter par les Puissances dans leurs rapports mutuels sur les vérités sublimes, que nous enseigne l'éternelle Religion du Dieu Sauveur,

Déclarent solennellement que le présent acte n'a pour objet, que de manifester à la face de L'Univers Leur détermination inébranlable de ne prendre pour régle de Leur conduite, soit dans l'administration de Leurs Etats respectifs, soit dans Leurs relations politiques avec tout autre gouvernement, que les préceptes de cette Religion sainte, préceptes de justice, de charité et de paix, qui loin d'être uniquement applicables à la vie privée doivent au contraire influer directement sur les résolutions des Princes et guider toutes leurs démarches, comme étant le seul moyen de consolider les institutions humaines et de remedier à leurs imperfictions. En consequences Leurs Majestés sont convenues des Articles suivants:

Article I.

Conformément aux paroles des Saintes Ecritures qui ordonnent à tous les hommes de se regarder comme fréres, les trois Monarques contractants demeure-

„Во Имя Пресвятой и нераздѣльной Троицы.

Ихъ Величества, Императоръ Австрійскій, король Прусскій и Императоръ Всероссійскій, вслѣдствіе великихъ происшествій, ознаменовавшихъ въ Европѣ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, наипаче же вслѣдствіе благодѣяній, которыя Божію Провидѣнію было угодно изліять на государства, коихъ правительство возложило свою надежду и упованіе на Единаго Бога, возчувствовавъ внутреннее убѣжденіе въ томъ, сколь необходимо предлежащій Державъ образъ взаимныхъ отношеній подчинить высокимъ истинамъ, внушаемымъ вѣчнымъ закономъ Бога Спасителя,

ront unis par les liens d'une fraternité véritable et indissoluble et Se considérant comme compatriotes, ils se préteront en toute occasion et en tout lieu assistance, aide et secours; Se regardant envers Leurs sujets et armées comme Pères de famille, Ils les dirigeront dans le même esprit de fraternité, dont Ils sont animés pour protéger la Religion, la paix et la justice.

Article II.

En conséquence le seul principe en vigueur, soit entre les dits gouvernemens, soit entre Leurs sujets, sera celui de se rendre réciproquement service, de Se témoigner par une bienveillance inaltérable l'affection mutuelle dont ils doivent être animés, de ne se considérer tous que comme membres d'une même nation Chrétienne, les trois Princes Allies ne S'envisageant eux-mêmes que comme délégués par la Providence pour gouverner trois branches d'une même famille, savoir: L'Autriche, la Prusse et la Russie, confessant ainsi, que la nation Chrétienne dont Eux et Leurs peuples font partie n'a réellement d'autre Souverain que Celui à Qui seul appartient en propriété la puissance, parcequ'en Lui seul se trouvent tous les trésors de l'amour de la science et de la sagesse infinie, c'est à dire Dieu notre Divin Sauveur Jesus Christ, le Verbe du Trés-Haut, la Parole de vie. Leurs Majestés recommandent en conséquence avec la pluts tendre sollicitude à Leurs peuples, comme unique moyen de jouir de cette paix qui naît de la bonne conscience et qui seule est durable, de se fortifier chaque jour davantage dans les principes et l'exercice des devoirs que le Divin Sauveur a enseigné aux hommes.

Article III.

Toutes les Puissances qui voudront solennellement avouer les principes sacrés qui ont dicté le présent Acte, et reconnoîtront combien il est important au bonheur des Nations trop longtems agitées, que ces vérités exercent désormais sur les destinées humaines toute l'influence qui leur appartient, seront reçues avec autant d'empressement que d'affection dans cette Sainte Alliance. См. Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ западными европейскими державами отъ заключенія всеобщаго мира въ 1814 г. до конгресса въ Веронѣ въ 1822 г., изданные министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Часть I, Акты публичные, Т. II, стр. 3—5.

Объявляютъ торжественно, что предметъ настоящаго акта есть открыть предъ лицемъ Вселенныя Ихъ непоколебимую рѣшимость, какъ въ управленіи ввѣренными Имъ государствами, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ правительствамъ, руководствоваться не иными какими-либо правилами, какъ Заповѣдями Сея Святыя Вѣры, Заповѣдями любви, правды и мира, которыя, отнюдь не ограничиваясь приложеніемъ ихъ единственно къ частной жизни, долженствуютъ, напротивъ того, непосредственно управлять волею Царей, и водительствовать всѣми ихъ дѣяніями, яко единое средство утверждающее человѣческія постановленія и вознаграждающее ихъ несовершенство.

На семъ основаніи Ихъ Величества согласились въ слѣдующихъ статьяхъ.

Ст. I. Соотвѣтственно словамъ священныхъ писаній, повелѣвающихъ всѣмъ людямъ быть братіями, три договаривающіеся Монарха пребудутъ соединены узами дѣйствительнаго и неразрывнаго братства, и почитая Себя какъ бы единоземцами, Они во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ станутъ подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь; въ отношеніи же къ подданнымъ и войскамъ своимъ, Они, какъ отцы семействъ, будутъ управлять ими въ томъ же духѣ братства, которымъ Они одушевлены, для охраненія вѣры, мира и правды.

Ст. II. По сему единое преобладающее правило да будетъ какъ между помянутыми властями, такъ и подданными ихъ: приносить другъ другу услуги, оказывать взаимное доброжелательство и любовь, почитать всѣмъ себя какъ бы членами единаго народа христіанскаго, поелику три союзные государя почитаютъ себя яко постановленными отъ Провидѣнія для укрѣпленія тремя единаго семейства отраслями, а именно, Австріею, Пруссіею и Россіею, исповѣдая такимъ образомъ, что Самодержецъ Народа Христіанскаго, коего они и ихъ подданные составляютъ часть, не иной подлинно есть, какъ Тотъ, Кому собственно принадлежитъ Держава, поелику въ Немъ единомъ обрѣтаются сокровища любви, вѣдѣнія и премудрости безконечныя, то есть, Богъ, нашъ Божественный Спаситель, Іисусъ Христосъ, Глаголъ Всевышняго, Слово жизни. Соотвѣтственно

симъ, Ихъ Величества съ нѣжнѣйшимъ попеченіемъ убѣждаютъ своихъ подданныхъ со дня на день утверждаться въ правилахъ и дѣятельномъ исполненіи обязанностей, въ которыхъ наставилъ человѣковъ Божественный Спаситель, яко единственное средство наслаждаться миромъ, который истекаетъ отъ доброй совѣсти, и который единъ проченъ.

Ст. III. Всѣ державы, желающія торжественно принять изложенныя въ семъ Актѣ священныя правила, и кои почувствуютъ, сколь нужно для счастія колеблемыхъ долгое время царствъ, дабы истины сіи впредь содѣйствовали благу судебъ человѣческихъ, могутъ всеохотно и съ любовью быть приняты въ сей Священный союзъ".

Вдумываясь въ общій смыслъ приведеннаго документа, равно какъ и въ его отдѣльныя выраженія, мы приходимъ къ заключенію, что актъ Священнаго союза могъ выйти только изъ-подъ пера Александра, что въ немъ выразились именно тѣ мысли и убѣжденія, которыя зародились и созрѣли въ душѣ императора, подъ вліяніемъ великихъ міровыхъ событій послѣдняго трехлѣтія. Идея Священнаго союза заключалась въ примѣненіи принциповъ христіанской этики въ области международныхъ и государственныхъ отношеній. Александръ полагалъ, что только внесеніе этихъ началъ въ сферу политической жизни можетъ положить предѣлъ господству традиціонной лжи, систематическаго обмана и эксплоатаціи интересовъ ближнихъ путемъ всевозможныхъ безнравственныхъ средствъ, не исключая и самаго послѣдняго изъ нихъ, грубаго насилія. Императору казалось, что потрясающія событія послѣдняго времени должны были убѣдить европейское человѣчество, въ лицѣ его верховныхъ руководителей, въ полной несостоятельности старой политической системы и подготовить умы къ воспринятію и проведенію новой системы, основанной на возвышенныхъ, но въ то же время простыхъ и общепонятныхъ правилахъ евангельской нравственности. Императоръ полагалъ далѣе, что уже одно торжественное превозглашеніе съ высоты престоловъ заповѣдей любви, правды и мира, что одно обѣщаніе трехъ союзныхъ монарховъ руководиться отнынѣ во всѣхъ своихъ правительственныхъ и политическихъ дѣяніяхъ сими заповѣдями,

установленными истиннымъ и настоящимъ владыкою и правителемъ всѣхъ христіанскихъ народовъ, Христомъ Спасителемъ, должно произвести великій переворотъ въ политическомъ мірѣ и направить общественную жизнь Европы на новый путь.

Александръ не соединялъ съ актомъ Священнаго союза никакихъ затаенныхъ мыслей и плановъ. Онъ не думалъ воспользоваться имъ ни для честолюбивыхъ завоевательныхъ плановъ, ни для подавленія законнаго стремленія народовъ къ развитію свободныхъ учрежденій. Если Александръ лелѣялъ въ себѣ мысль объ освобожденіи восточныхъ христіанъ изъ-подъ турецкаго ига, если онъ подавалъ Каподистріи надежды на освобожденіе грековъ, то во всякомъ случаѣ, онъ думалъ достигнуть этой высокой цѣли иными путями и средствами, нежели Священнымъ союзомъ, въ составъ котораго входила Австрія, заинтересованная въ сохраненіи statu quo на востокѣ [1]). Александръ былъ проникнутъ и въ эпоху Второго Парижскаго мира идеями умѣреннаго либерализма, а слѣдовательно онъ не могъ смотрѣть на Священный союзъ, какъ на орудіе политической реакціи. Если первая статья Священнаго союза постановляла, что союзные монархи обязываются во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь, то само собою понятно, что статья эта должна быть понимаема въ смыслѣ подачи помощи противъ всякаго нарушенія европейскаго мира, а не въ томъ смыслѣ, который придавался этой статьѣ впослѣдствіи, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ. Если въ той же статьѣ союзные монархи обязываются управлять своими народами и войсками, какъ отцы семействами, то это обстоятельство отнюдь не слѣдуетъ истолковывать въ смыслѣ установленія системы абсолютизма, ибо христіанское понятіе объ отцовской власти, основанное всецѣло на идеѣ любви, не имѣетъ ничего общаго съ безграничною, деспотическою властью отца семейства въ древ-

[1]) Во всякомъ случаѣ восточные планы Александра отличались крайнею неопредѣленностью и никогда не выходили изъ области предположеній. Не подлежитъ сомнѣнію, что Александръ никогда не думалъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы силою и что онъ не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ плановъ на счетъ освобожденія грековъ.

немъ языческомъ мірѣ. Наконецъ, уже одинъ тотъ фактъ, что союзные государи превозглашаютъ своимъ Главою и истиннымъ правителемъ христіанской державы Іисуса Христа, Глаголъ Всевышняго, Слово жизни, исключаетъ всякую возможность приписывать имъ, а тѣмъ болѣе иниціатору Священнаго союза, императору Александру, какія бы то ни было, противныя истинному духу христіанства, цѣли.

Какъ понималъ самъ императоръ Александръ значеніе и цѣли основаннаго ими союза, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ Высочайшій манифестъ, изданный 25 декабря 1815 г. „Объявляемъ всенародно", говорится въ этомъ замѣчательномъ актѣ [1]). „Познавъ изъ опыта о бѣдственныхъ для всего свѣта послѣдствіяхъ, что ходъ прежнихъ политическихъ въ Европѣ между державами соотношеній, не имѣлъ основаніемъ тѣхъ истинныхъ началъ, на коихъ Премудрость Божія въ откровеніи Своемъ утвердила покой и благоденствіе народовъ, приступили Мы, совокупно съ ихъ Величествами Австрійскимъ императоромъ, Францомъ Первымъ, и королемъ Прусскимъ Фридерикомъ-Вильгельмомъ, къ постановленію между нами союза, (приглашая къ тому и прочія христіанскія державы), въ которомъ обязуемся Мы взаимно, какъ между собою, такъ и въ отношеніи къ подданнымъ нашимъ, принять единственнымъ ведущимъ къ оному средствомъ правило, почерпнутое изъ словесъ и ученія Спасителя Нашего Іисуса Христа, благовѣствующаго людямъ жить, аки братіямъ, не во враждѣ и злобѣ, но въ мирѣ и любви. Мы желаемъ и молимъ Всевышняго о ниспосланіи благодати своей, да утвердится Священный союзъ сей между всѣми державами, къ общему ихъ благу и да не дерзаетъ никто, единодушіемъ всѣхъ прочихъ воспящаемый, отпасть отъ него. Сего ради, прилагая при семъ списокъ съ сего союза, повелѣваемъ обнародовать оный и прочитать въ церквахъ".

Впослѣдствіи, когда Священный союзъ подалъ поводъ къ всевозможнымъ нареканіямъ и обвиненіямъ, императоръ Александръ нашелъ необходимымъ объяснить еще разъ въ чисто оффиціальной формѣ идею и назначеніе Священнаго союза, рав-

1) См. Полное Собраніе Законовъ Россійской имперіи, т. XXXIII, ст. 26,045.

но, какъ и тѣ цѣли, которыя имѣли въ виду при его заключеніи онъ самъ и его союзники. Объясненіе это было дано въ циркулярной нотѣ отъ 25 марта 1816 г. [1]). Въ нотѣ проводится мысль, что только коварство и вражда къ Россіи и ея союзникамъ могли усматривать въ актѣ Священнаго союза какіе либо честолюбивые и завоевательные помыслы. „Мои союзники и я“, говоритъ императоръ, „будучи проникнуты тою великою идеею, которая легла въ основаніе событій во время послѣдней европейской войны, имѣли въ виду приложить болѣе дѣйствительнымъ образомъ къ гражданскимъ и политическимъ отношеніямъ государствъ начала мира, согласія и любви, вытекающія изъ христіанской религіи и морали“. Поэтому, „единственная и исключительная цѣль союза можетъ состоять только въ поддержаніи мира и въ соглашеніи всѣхъ нравственныхъ интересовъ народовъ, поставленныхъ волею Божескаго Провидѣнія подъ сѣнію креста“. На этомъ основаніи Священный союзъ можетъ имѣть только въ виду: содѣйствовать внутреннему благосостоянію каждаго государства и общему благу всѣхъ, долженствующему вытекать изъ дружбы между ихъ государями, которая тѣмъ болѣе ненарушима, чѣмъ болѣе она не зависитъ отъ случайностей. „Если искать въ этомъ актѣ только то, что онъ содержитъ“, говорится въ заключеніи циркулярной ноты, „а именно простое выраженіе чувствъ, которыми воодушевлены императоръ Александръ и его союзники, то приписываемые союзу завоевательные помыслы окажутся просто химерами. Союзъ никому не угрожаетъ и никто не вынужденъ приступить къ нему. На немъ только должны покоиться незыблемыя основы европейскаго мира и общаго благополучія.

Приведенные документы показываютъ ясно, какія мысли и намѣренія руководили императоромъ Александромъ при составленіи акта Священнаго союза. Теперь спрашивается, какъ отнеслись къ его предложенію его ближайшіе друзья и союзники, а вслѣдъ за ними и остальныя христіанскія державы. „Этотъ знаменитый актъ“, читаемъ мы въ современныхъ мему-

[1]) Анализъ ноты см. Мартенсъ, Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами, т. IV, часть I, стр. 4.

арахъ [1]), „подписанъ былъ, съ немногими исключеніями, всѣми державами, но онѣ подписывали его, не понимая его смысла и не давая себѣ труда уяснить его значеніе. Пріобрѣтеніе или уступка какой-нибудь деревни вызвали бы навѣрное безконечные переговоры, а здѣсь дѣло шло только объ идеѣ. Никто не хлопоталъ о ней, какъ будто бы идеи никогда не производили переворота въ мірѣ. Что касается до меня, то я не могу видѣть въ этомъ договорѣ, подобно m-me Кридинеръ, залогъ мира и счастія для христіанской Европы, ибо не буква, а духъ даетъ жизнь спасительной мысли. Императоръ зналъ слишкомъ хорошо людей, для того, чтобы ошибаться въ нихъ; но онъ думалъ, что почитаніе, возданное такъ торжественно всею Европою, въ лицѣ ея монарховъ, религіи Христа, явится очистительнымъ признаніемъ и справедливымъ удовлетвореніемъ за нечестивыя дѣянія предшествующаго времени. Проникнутый сознаніемъ благодати, осѣнившей Россію, Александръ не колебался заявить этимъ актомъ вѣры духъ, въ которомъ должны бы были управлять христіанскіе государи христіанскими народами. Его идея, быть можетъ, слишкомъ возвышенная для большинства государей, не была понята и превратила императора въ глазахъ однихъ въ фанатика и слабоумнаго, а въ глазахъ другихъ въ ловкаго и хитраго макіавеллиста. Я видѣла, какъ нѣкоторые нѣмецкіе князья, пропитанные теоріями XVIII вѣка, подписывали этотъ христіанскій актъ съ негодованіемъ, которое они вынуждены были вслѣдствіе своей слабости скрывать въ присутствіи императора“ [2]).

Этотъ голосъ современницы, стоявшей, впрочемъ, очень близко къ государю, потверждается, какъ нельзя болѣе, дошедшими до насъ подробностями о тайныхъ совѣщаніяхъ между Але-

[1]) Мемуары графини Эдлингъ, стр. 242—243.

[2]) Сама графиня Эдлингъ замѣчаетъ о Священномъ союзѣ: Traité de la Sainte Alliance, appelé si plaisamment par m-r de Pradt l'Apocalypse de la diplomatie, et qui n'était cependant, sous une forme plus religieuse et par conséquent moins positive, que le magnifique rêve de Henri IV et de l'abbé de St. Pierre· Сравненіе во всякомъ случаѣ не вполнѣ удачное. Оставляя въ сторонѣ аббата С. Пьера, можно лишь замѣтить, что фантазія Генриха IV основывалась на гегемоніи Франціи, тогда какъ Священный союзъ вовсе не имѣлъ въ виду преобладанія Россіи надъ другими государствами.

ксандромъ и его ближайшими союзниками по поводу подписанія акта Священнаго союза. Меттернихъ сообщаетъ [1]), что во время переговоровъ о Второмъ Парижскомъ мирѣ, императоръ Александръ пригласилъ его однажды къ себѣ и сообщилъ ему, что онъ занятъ великимъ предпріятіемъ, о которомъ онъ намѣренъ поговорить прежде всего съ императоромъ Францомъ. „Есть вещи", замѣтилъ при этомъ императоръ, „которыя могутъ быть рѣшены только чувствомъ, а чувства находятся подъ вліяніемъ личныхъ положеній и обстоятельствъ. Эти послѣднія дѣйствуютъ несомнѣнно на индивидуумовъ. Если бы вопросъ шелъ о дѣлѣ, то я непремѣнно посовѣтовался бы съ вами; но вопросъ, о которомъ я говорю, относится къ такой области, въ которой могутъ произнести приговоръ не министры, а только монархи. Передайте императору Францу, что я имѣю переговорить съ нимъ о такомъ предметѣ, который я могу объяснить лишь ему одному. Отъ него будетъ зависѣть тогда обратиться за совѣтомъ къ вамъ".

Спустя нѣсколько дней императоръ Францъ потребовалъ къ себѣ Меттерниха и сообщилъ ему, что онъ имѣлъ разговоръ съ императоромъ Александромъ объ очень важномъ предметѣ. „Вы познакомитесь съ этимъ предметомъ", добавилъ Францъ, „изъ записки, переданной на мое внимательнѣйшее разсмотрѣніе императоромъ Александромъ. Вы знаете, что я не люблю выражать моего мнѣнія о какомъ бы то ни было дѣлѣ, не изслѣдовавъ предварительно его достоинства. Вотъ почему я взялъ отъ императора Александра собственноручно составленную имъ записку, но замѣтилъ ему при этомъ, что я оставляю за собою право высказать о ней мое мнѣніе. Прочтите внимательно эту записку и выскажите мнѣ затѣмъ ваше мнѣніе объ актѣ, содержаніе котораго вызываетъ во мнѣ довольно серьезныя сомнѣнія" [2]).

Меттернихъ прочелъ записку и, какъ слѣдовало ожидать, составилъ о ней самое невыгодное мнѣніе. „Мнѣ не было надобности",разсказываетъ онъ съ своимъ обычнымъ хвастовствомъ,

[1]) См. Metternich, Nachgelassene Papiere, т. I, стр. 214 и слѣд.

[2]) «Lesen sie und prüfen sie denselben, und sagen sie mir dann Ihre Meinung über das Actenstück, das mich keineswegs anspricht, dessen Inhalt vielmehr in mir recht ernste Bedenken erweckt».

„въ строгомъ разборѣ, чтобы опредѣлить смыслъ и значеніе этого акта. То была филантропическая фантазія, облеченная въ религіозную форму. Она не могла служить матерьяломъ для договора, заключаемаго монархами, къ тому же она заключала въ себѣ нѣкоторыя положенія, могущія подать поводъ къ религіознымъ недоразумѣніямъ“. Меттернихъ сообщилъ, разумѣется, свое воззрѣніе императору Францу, который, по обыкновенію, согласился вполнѣ съ своимъ канцлеромъ. Такъ какъ императоръ Александръ сообщилъ свой проектъ и королю прусскому, то Францъ поручилъ Меттерниху отправиться къ Фридриху-Вильгельму и узнать его мнѣніе объ этомъ дѣлѣ. Меттернихъ утверждаетъ, что и мнѣніе короля прусскаго было согласно съ взглядомъ Франца, но, замѣчаетъ онъ при этомъ, король выразилъ мнѣ въ то же время самыя серьёзныя опасенія въ случаѣ совершеннаго отверженія идей русскаго монарха [1]). Подъ конецъ мы пришли къ убѣжденію въ необходимости подписать актъ, но не иначе какъ послѣ нѣкоторыхъ измѣненій въ его текстѣ. Императоръ Францъ былъ не вполнѣ доволенъ этимъ компромиссомъ.

Меттернихъ разсказываетъ вслѣдъ затѣмъ, что онъ отправился по порученію обоихъ монарховъ къ императору Александру и имѣлъ съ нимъ разговоръ, продолжавшійся нѣсколько часовъ. Онъ увѣряетъ, что онъ пытался отклонить Александра отъ предпріятія, по меньшей мѣрѣ безполезнаго, и предсказывалъ тѣ насмѣшливыя истолкованія, которымъ подвергнется актъ братскаго договора, но что императоръ остался при своемъ мнѣніи и рѣшительно отклонилъ всѣ его доводы. Тогда Меттернихъ началъ доказывать, что во всякомъ случаѣ необходимо измѣнить нѣкоторыя выраженія въ текстѣ проекта и послѣ долгихъ преній ему удалось, наконецъ, склонить Александра къ этой уступкѣ. Измѣненія и поправки въ текстѣ были произведены [2]), но и эта новая редакція все еще не удовлетворяла

[1]) «Ich fand auch den König im Einklang mit der Ansicht des Kaisers Franz, nur äusserte jener ernste Bedenken rücksichtlich der gänzlichen Verwerfung der Ideen des russischen Monarchen».

[2]) Къ сожалѣнію, Меттернихъ не счелъ удобнымъ упомянуть, въ чемъ именно заключались перемѣны, произведенныя имъ въ первоначальномъ текстѣ Священнаго союза.

императора Франца. Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній онъ рѣшился подписать договоръ „по причинамъ, возражать на которыя я считалъ невозможнымъ", говоритъ Меттернихъ.

„Такова была, говоритъ въ заключеніе Меттернихъ, исторія возникновенія Священнаго союза. Даже самъ иниціаторъ этого дѣла, не смотря на все свое увлеченіе [1]), не соединялъ съ этимъ актомъ никакой другой цѣли, кромѣ нравственной манифестаціи, тогда какъ въ глазахъ другихъ контрагентовъ этого документа онъ не имѣлъ даже и этого значенія, а слѣдовательно и не заслуживалъ тѣхъ комментаріевъ, которыми снабдилъ его впослѣдствіи духъ партіи. Неопровержимѣйшимъ доказательствомъ истины моихъ утвержденій можетъ считаться то обстоятельство, что въ послѣдующія времена не было ни одного случая, когда бы въ переговорахъ между кабинетами упоминалось о Священномъ союзѣ, или могло бы быть упомянуто о немъ. Только однѣ партіи, враждебныя монархамъ, пользовались этимъ актомъ, какъ орудіемъ клеветы на чистѣйшія намѣренія своихъ противниковъ. Священный союзъ не былъ учрежденіемъ, основаннымъ для подавленія народныхъ правъ, для утвержденія абсолютизма или какой-либо тиранніи [2]). Онъ былъ только изліяніемъ набожнаго настроенія императора Александра и примѣненіемъ основныхъ принциповъ христіанства къ политикѣ. Изъ соединенія религіозныхъ и либерально-политическихъ элементовъ сложилась подъ вліяніемъ госпожи ф. Кридинеръ и г. Бергасса идея священнаго союза. Никому, какъ мнѣ, не извѣстны всѣ обстоятельства, имѣющія отношеніе къ этому громозвучному „ничто".

Свидѣтельство Меттерниха вызываетъ невольно цѣлый рядъ сомнѣній. Что Меттернихъ не могъ отнестись съ сочувствіемъ

[1]) Меттернихъ выражается съ извѣстною своею наглостью: Dies ist die Geschichte der Heiligen Allianz, welche selbst in dem befangenem Sinne ihres Urhebers» и т. д. Впрочемъ Меттернихъ имѣлъ право выражаться такъ, ибо самъ онъ былъ свободенъ не только отъ всякихъ увлеченій, но даже и отъ всякихъ убѣжденій. Само собою понятно, что дѣло идетъ въ настоящемъ случаѣ объ увлеченіяхъ идеалами, которыхъ у Меттерниха не было и не могло быть, какъ у матеріалиста и вивера.

[2]) Однакоже, Меттернихъ пытался впослѣдствіи превратить его именно въ такое учрежденіе.

къ идеѣ Священнаго союза, что онъ глумился надъ нею, вполнѣ понятно и естественно. Какъ человѣкъ невѣрующій, пустой, легкомысленный, онъ не признавалъ никакихъ идей и, подобно Наполеону, относился съ глубочайшимъ презрѣніемъ къ идеологіи всякаго рода. Какъ фанфаронъ и хвастунъ, онъ выдвигаетъ въ своихъ мемуарахъ на первый планъ свое собственное *я* и приписываетъ себѣ такое значеніе и вліяніе, которымъ въ дѣйствительности онъ не пользовался и не могъ пользоваться. Меттернихъ отрицаетъ у Священнаго союза всякое практическое значеніе, но онъ скрываетъ при этомъ, что никто другой, какъ именно онъ, пытался пользоваться имъ, какъ орудіемъ реакціи. Если Меттернихъ замѣчаетъ, что Священный союзъ былъ результатомъ слiянія религiозныхъ и политическихъ идей, то въ этомъ случаѣ онъ приближается къ истинѣ, но если онъ говоритъ вслѣдъ затѣмъ о вліяніи Кридинеръ и Бергасса, то онъ повторяетъ лишь ходячую салонную сплетню и прикрываетъ ее авторитетомъ своего мнимаго всезнанія. Но оставляя въ сторонѣ личныя мнѣнія и отзывы самого Меттерниха, мы не можемъ не согласиться, что его свидѣтельство утверждаетъ несомнѣнно тотъ фактъ, что ближайшіе союзники Александра не въ состояніи были подняться до той нравственной высоты, на которой стоялъ русскій императоръ, что они отнеслись съ недовѣріемъ и холодностью къ его предложенію, что они колебались и медлили своимъ согласіемъ и дали его лишь послѣ оговорокъ и измѣненій, такъ сказать, нехотя и скрѣпя сердце. Въ особенности это вѣрно по отношенію къ императору Францу. Человѣкъ ограниченный, погрязшій въ рутинѣ, чуждый всякихъ идеаловъ, мелочный и подозрительный, императоръ Францъ не въ состояніи былъ ни понять, ни оцѣнить возвышенныхъ и безкорыстныхъ идей своего союзника. Сбиваемый съ толку коварными инсинуаціями своего канцлера, опасаясь нарушить свою католическую правовѣрность, Францъ пытался отстранить себя отъ всякаго участія въ братскомъ союзѣ, и если онъ наконецъ и подписалъ его, то единственно въ силу соображеній чисто политическихъ, не имѣвшихъ ничего общаго ни съ религіею, ни съ нравственностью. Нѣсколько иначе отнесся къ идеѣ Александра его ближайшій другъ и союзникъ, король Фридрихъ-

Вильгельмъ. Онъ прямо замѣтилъ Меттерниху, что объ отклоненіи предложенія Александра не можетъ быть и рѣчи, онъ одобрялъ слѣдовательно идею русскаго монарха въ общемъ ея смыслѣ, но и онъ поддался до извѣстной степени внушеніямъ австрійскаго канцлера и отнесся съ недовѣріемъ къ нѣкоторымъ выраженіемъ проекта [1]).

Если такъ отнеслись къ предложенію Александра его ближайшіе союзники, то чего-же можно было ожидать отъ другихъ европейскихъ державъ? Всѣ онѣ и большія, и малыя отнеслись съ недоумѣніемъ и отчасти съ недовѣріемъ къ идеѣ Священнаго союза. Прямѣе и честнѣе всѣхъ поступила въ данномъ случаѣ Англія. Принцъ-регентъ, руководимый своими торійскими министрами, объявилъ, что онъ одобряетъ вполнѣ условія священнаго договора, но что онъ не можетъ подписать актъ чисто личный, не контрасигнированный ни однимъ министромъ. Людовикъ XVIII подписалъ актъ братскаго договора единственно изъ желанія угодить Россіи, въ которой онъ усматривалъ тогда свою единственную опору. Примѣру Франціи послѣдовали и всѣ остальные европейскіе государи, за единственнымъ исключеніемъ папы [2]), но они подписывали актъ священнаго договора одни, не понимая его значенія, другіе прямо противъ воли и собственныхъ убѣжденій, единственно изъ страха передъ могущественною Россіею и ея союзниками. Въ этомъ знаменательномъ явленіи выразилась та несомнѣнная истина, что политическая Европа не созрѣла еще для воспринятія идеи императора Александра.

Было бы опрометчиво утверждать, что Священный союзъ не имѣлъ никакого практическаго значенія, что онъ остался мертвою буквою. Мы полагаемъ, наоборотъ, что именно онъ послужилъ нравственною основою той крѣпкой политической связи, на которой покоились въ теченіи цѣлыхъ трехъ десятилѣ-

[1]) Къ свидѣтельству Меттерниха о королѣ прусскомъ слѣдуетъ относиться, впрочемъ, съ крайнею осторожностью. Меттернихъ одинаково ненавидѣлъ и Александра, и Фридриха-Вильгельма и клеветалъ на нихъ обоихъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

[2]) Само собою понятно, что султану, какъ государю не христіанскому, договоръ не былъ предложенъ для подписи.

тій миръ и согласіе въ средѣ европейскихъ государствъ. И если элементы вражды, несогласія и смуты взяли, наконецъ, верхъ надъ элементами порядка и мира, то этотъ печальный фактъ указываетъ лишь на ту страшную силу, которую имѣетъ въ жизни Европы духъ, искони враждебный высокимъ и чистымъ принципамъ христіанства.

Императоръ Александръ и его современники, сочувствовавшіе идеѣ Священнаго союза, сошли въ могилу; политика интересовъ и взаимной вражды возобновилась въ жизни Европы; но христіанскій идеалъ братскаго Священнаго союза, провозглашенный императоромъ Александромъ Благословеннымъ, не утратилъ и не утратитъ никогда своего высоко-нравственнаго значенія. Къ этому идеалу направлены и нынѣ всѣ стремленія и помыслы лучшихъ умовъ въ христіанской Европѣ. Идея вѣчнаго мира остается пока благочестивымъ желаніемъ, но несомнѣнно, что эта идея завоюетъ міръ, что ей принадлежитъ будущее.

Bayerische Staatsbibliothek München

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Nadler, Vasilij K.

Imperator Aleksandr I i ideja Svjaščennago sojuza V. K. Nadler. [Kaiser Alexander I. und die Idee der Heiligen Allianz.]

Bd.: 5

v Rigě 1892

39.3587-5
urn:nbn:de:bvb:12-bsb00077856-3